

11.

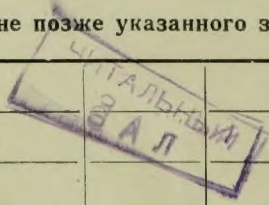

2890

Индекс	M.21		Шифр хранения
Авторский знак	3-K.82-E		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

				V

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ
9 А 11

1911

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверена-56 г.

ПРОВЕРЕНА-58

Проверено-85

II 44572
14883

ЕНИСЕЙСКІЙ ОКРУГЪ

И

ЕГО ЖИЗНЬ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Ѳ. КРИВОШАПКИНА.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

НА ИЗДАНІИ

В. А. КОКОРЕВА.

СЪ ДВУМЯ ТАБЛИЦАМИ И КАРТОЮ ЗОЛОТОПОСНОЙ ОБЛАСТИ ЕНИСЕЙСКАГО ОКРУГА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
1865.

63266

ЕННЕСЕЙСКІЙ ОРЪАЛЪ

и

ЕЛО ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

М. О. КРЯВЧЕНКОВА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 26 Февраля 1865 г.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА

ВЪ ПЕЧАТНІИ

В. А. КОРОБЕВЪ

0
0
0
0
0

ВЪ ДРУГІЕ ТАВЛЕНІЯ И ВЪСЛѢДІЯ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТИ ИЛИ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЛЕВОНОВИЧА И КОМПАНИИ

1865

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

МУРАВЬЕВУ-АМУРСКОМУ.

**ВЪ ПАМЯТЬ ЕГО ЗАБОТЪ ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ВОСТОЧНОЙ
СИБИРИ И ВЪ ЗНАКЪ ГЛУБОКАГО УВАЖЕНІЯ**

ИМѢЕТЪ ЧЕСТЬ ПОСВЯТИТЬ

МИХАИЛЪ БРИВОШАПЕИНЪ.

ЕГО СИРТЕПСТВА

ТРАФЪ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВНА

ВЪ НАКАЗЪ ЕГО СЪВѢТЪ ОБЪ ИЗЪВѢЩЕНІИ ВОСТОЧНОЙ

СИМВЪ И ВЪ СЪВѢТЪ ИЗЪВѢЩЕНІИ ЗАКОНЪ

НАКАЗЪ ЕГО СЪВѢТЪ

НИКАЗЪ ЕГО СЪВѢТЪ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Томъ I-й.

	Стран.
Глава 1. Общій очеркъ Енисейскаго округа. Пространство. Границы.	1
Управленіе какъ Енисейскаго округа, такъ и особыхъ отдѣленій его Туруханскаго и Богучанскаго	2
О прежнемъ значеніи города Енисейска съ его округомъ	3
О водвореніи золотопромышленности	6
Проектъ купца Кобачева, о томъ, чтобы отдать ему весь Туруханскій край въ аренду	14
Взглядъ на причины обѣдненія края и мѣры, которыми можно устранить бѣдность и поддержать благосостояніе безъ отдачи въ аренду	19
Глава 2. Общій взглядъ на поверхность, горы, воды, почву, грунтъ и климатъ Енисейскаго округа	25
Глава 3. Описаніе р. Енисея	30
Хребты, ея провожающіе и дающіе основаніе золотоприсковымъ системамъ Енисейской губерніи	32
Вступленіе р. Енисея въ южную волость Енисейскаго округа — Казачинскую	34
Общій очеркъ этой волости; переходъ Енисея въ Маклаковскую волость	35
Бытовая сторона этихъ волостей: суевѣрья, примѣты, заговоры, приговоры, отговоры, святки, съ ихъ принадлежностями	36
Глава 4. Описаніе свадьбы въ Казачинской и Маклаковской волостяхъ.	48
Глава 5. Впаденіе въ Енисей Верхней Тунгуски (Ангары)	128
Разборъ вопроса: которая изъ рѣкъ главная — Енисей или Ангара?	130
Общій очеркъ Кежемской волости.	131
О лиственничной бумагѣ	135
Алиинскій порогъ	—
Преданіе о монастырѣ у села Кашиношиверскаго	136
Общій очеркъ Пячукской волости, по р. Верхней Тунгускѣ	—
Притокъ Верхней Тунгуски — Чадобецъ; обиліе въ немъ рыбы и соляной около него источникъ	142
Другой важный притокъ — р. Мура; порогъ Мурскій	143

	Стран.
Описаніе солянаго озера и ключей по рѣкѣ Манзѣ	144
Рѣка Чуна	145
Каменная плита и Точильная гора на рѣкѣхъ Ослянкѣ	146
Глава 6. Притокъ Верхней Тунгуски — Каменка, пріемлющая Удерей, весьма золотonosный въ своихъ притокахъ, и именемъ котораго обозначена вся южная пріисковая система Енисейскаго округа	147
Подробное описаніе всѣхъ рѣкъ, рѣчекъ и ключиковъ, составляющихъ Удерейскую систему	149
Общій очеркъ самой сѣверной волости — Анцыферовской	154
Теченіе, знаменитаго въ исторіи золотаго дѣла, Пита; его значеніе для сообщеній; его притоки, бывшіе столь важными для золотопромышленности	155
Всѣ до сихъ поръ извѣстные притоки р. Пита	—
Ермакъ, старинная резиденція золотопромышленниковъ, теперь важный центръ складокъ и сообщеній	159
Рѣка Гаревка, съ открытыми недавно по системѣ ея пріисками	161
Число плавающихъ въ Анцыферовской волости судовъ, барокъ и палубныхъ лодокъ	162
Глава 7. Бытовая жизнь пріисковъ съ момента наемки рабочаго, до выхода его съ пріисковъ	163
Глава 8. Общій очеркъ волостей Бѣльской и Яланской	204
Рѣка Кемь; значеніе ея для сообщеній и нынѣ и въ старину	205
Городъ Енисейскъ	206
Наводненія въ г. Енисейскѣ съ 1800 г.	207
Таблица о вскрытіи р. Енисея въ 31-лѣт. періодъ	208
Таблица о вскрытіи р. Енисея и покрытіи ея льдомъ съ 1821—1860 года у гор. Енисейска	209
Бытовая сторона Енисейска и все то, что обусловливаетъ благосостояніе его: Желѣзные горы; важность въ старину дѣйствнаго желѣзнаго производства; причины пріостановки этого занятія	210
Плодбищенское озеро, съ его цѣлебными свойствами	219
Глава 9. Еще о городѣ Енисейскѣ. Положеніе уѣзднаго врача и отношеніе его къ полиціи	221
Глава 10. Вступленіе р. Енисея въ Туруханскій край	244
Притокъ Енисея р. Глотиха	246
Рѣка Средняя (Подкаменная) Тунгуска	—
Рѣка Тея и ея притоки	248
Геогностическій очеркъ сѣверной системы	250
Глава 11. Остроги и каторжные	252
Глава 12. Рѣки Ибакъ, Елогуи и Пакулиха	301
Таблица станковъ Туруханскихъ	303
Рѣка Нижняя Тунгуска	304
Огромныя богатства графита по р. Нижней Тунгускѣ	306
Открытіе по р. Сѣверной соляныхъ ключей	307
Городъ Туруханскъ	—

Глава 13. О шаманствѣ вообще. Шаманъ — какъ кудесникъ, жрецъ, врачъ. Взглядъ на шаманство со стороны медицинской . . .	310
Глава 14. О Туруханскихъ скопцахъ	328
Глава 15. Рѣка Енисей за г. Туруханскомъ.	348
Рѣки Курейка и Хантайки	—
Станки отъ г. Туруханска до моря, и въ стороны, по тундрамъ. . .	349
Таблица баркамъ, приготовленнымъ подъ сплавъ хлѣба изъ Минусинскаго округа въ г. Енисейскъ	356
Глава 16. Описаніе восточной и западной тундръ	368
Болезни глазъ и слѣпая слѣпота	373
Очеркъ характера и склада кореннаго русскаго туруханца . . .	376

Томъ II-й.

Глава 1. Посѣщеніе дома Форафоновича; бесѣды съ женою его о деревенскомъ акушерствованіи со встряхиваньями и всѣми другими обычаями, равно и о дѣтской гигиенѣ, діететикѣ и терапіи; варварство ихъ обычаевъ и возможность дѣтоубійства. . .	1
Глава 2. Пресмыкающіяся, насѣкомыя и птицы	16
Глава 3. О звѣроловствѣ	22
Три мѣста улова: Богучаны, Яланъ и Туруханскій край. . .	24
Скупщики мягкой рухляди	25
Глава 4. Одежда и приборъ звѣровщика.	26
Тунгузъ; бытовая сторона ихъ жизни отъ рожденія до смерти и съ послѣдсмертными обычаями и суевѣрьями	30
Лѣтосчисленіе, божества, вѣра	41
Глава 5. Бѣлка (<i>Sciurus vulgaris</i>)	42
Ловля бѣлокъ: плашка	49
Оснѣлка	51
Распорка	52
Черканъ	52
Летяга (<i>Pteromys volans</i> .) и бурундукъ (<i>Tamias striatus</i>). . .	53
Таблица цѣнности бѣлокъ по сортамъ	54
Глава 6. Ушканъ (<i>Lepus timidus</i>)	56
Описаніе способовъ ловли: 1) петля	58
2) Капканъ	60
3) Кляпець	61
4) Пастъ	63
5) Слопець	64
Глава 7. Песецъ (<i>Canis lagopus</i>).	64
Способы ловли песцовъ отъ г. Туруханска къ морю.	65
Сорты песцовъ	66
Лисица (<i>Canis vulpes</i>)	67
Способы ловли лисицъ: пометомъ	68

	Стран.
Пастью	70
Капканомъ	71
Кляпцой	72
Кулемкой съ окошкомъ и ставешкомъ	73
Пестомъ	74
Ямой	75
Волкъ (<i>Canis lupus</i>). Способы ловли: столбъ	78
Загородка съ воротцами	—
Ямы	79
Глава 8. Медвѣдь (<i>Ursus arctos</i>). Ловля медвѣдя въ берлогѣ	81
Охота стрѣльбой при скрадываньи	84
Ловля съ лабаза	88
Ловля кулемкой	89
Ловля доской съ копиями	91
Ловъ самострѣлами	92
Ловъ петлей съ кряжомъ	95
Ловъ деревомъ съ ножами	96
Глава 9. Барсукъ (<i>Meles taxus</i>)	—
Росомаха (<i>Gulo borealis</i>)	97
Выдра (<i>Lutra vulgaris</i>)	98
Глава 10. Олень (<i>Cervus tarandus</i>). Ловъ дикихъ оленей гонкомъ и скрадываньемъ	99
Ловъ петлями	103
Ловъ ямами съ огородамъ	104
Ловъ особоустроеннымъ самострѣломъ съ лукомъ	—
Ловля дикихъ оленей инородцами Туруханскаго края	105
Сохатый (<i>Cervus alces</i>)	106
Ловля сохатыхъ гонбой и скрадываньемъ	107
Ловля ямами съ огородамъ	108
Ловля сжимомъ	—
Глава 11. Соболь (<i>Mustela zibellina</i>). Ловы: кулемкой	110
Пастушкой	111
Обметомъ	112
Стрѣльбой съ собаками	113
Горностаи (<i>Mustela erminea</i>)	114
Ласточка (<i>Mustela vulgaris</i>)	116
Колонокъ (<i>Mustela sibirica</i>)	—
Глава 12. Рыболовы русскіе, съ раздѣленіемъ ихъ на приплывающихъ въ Туруханскій край и на туземцевъ; отношенія ихъ между собою	117
Остяки; племя, занимающееся по преимуществу рыболовствомъ	118
Рыболовы, обитающіе къ сѣверу отъ Туруханска до моря; юраки и самояды	145
Глава 13. Общій взглядъ на состояніе рыболовства въ Енисейскомъ округѣ вообще и въ Туруханскомъ край въ особенности	155

	Стран.
Глава 14. Рыбы, водящіяся въ Енисейскомъ округѣ: осетръ . . .	161
Стерлядь	162
Налимъ	163
Щука	164
Окунь	165
Сельдь	166
Тугунокъ	167
Карась, ершъ, елецъ, пескарь, язь	168
Куньжа	—
Глава 15. Описаніе рыбъ изъ рода лососей: таймень	169
Ленокъ	170
Нельма	—
Моксунъ	173
Сигъ	174
Чиръ	175
Хариусъ	176
Омуль	—
Мочкогоръ	—
Целеть	177
Глава 16. Описаніе способовъ рыбной ловли, употребляемыхъ въ Енисейскомъ округѣ	—
Глава 17. О привозимой изъ Туруханскаго края соленой рыбѣ . . .	183

Приложенія.

Приложеніе I. О количествѣ звѣриныхъ шкуръ и мамонтовой кости, поступившей въ ясакъ казнѣ и продажу лицамъ Енисейскаго округа	2
Приложеніе II. Метеорологическія наблюденія, произведенныя въ г. Енисейскѣ съ 1-го декабря 1852 г. до 1-го июня 1854 г.	19
Приложеніе III. Метеорологическія наблюденія, произведенныя въ г. Енисейскѣ съ 11-го января по 1-е мая 1860 г.	37
Приложеніе IV. Мѣстные слова употребляемыя въ Енисейскомъ округѣ	41
Объясненіе рисунковъ	65

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ.

ТОМЪ I-й.

Стр. Строка.		Напечатано:	Должно быть:
26	21	по тундрамъ такъ холодно	по тундрамъ зимою такъ холодно
27	28	Удерсь	Удерей
28	33	на горахъ	на гáряхъ
130	19	шиверовъ Енисейцевъ	шиверовъ у Енисейцевъ
136	17	возвышается	возвышаются
152	10	Рыбниковымъ	Рыбнымъ
164	36	На горной	На южной
166	14	могутъ прочесть двѣ	могутъ прочесть въ журналѣ „Промышлен-
184	3	рабы	работы
203	8	Енашимъ	Енашино
216	12	шинковъ	семиковъ
217	39	сараны	сараны
226	34	управы получили бы	управы не получили бы
230	31	окладъ.	окладъ поселенцевъ.
240	36	оскорблять	оскорбляются
301	3	возвышенности	возвышенность
305	8	пучинину	пушнину
305	17	пучинины	пушинны
307	3	прибавлено	прибавлю
320	8	чувство отъ	чувство какъ бы отъ
324	11	разрушающія	разрѣшающія
352	41	Суглинное мѣсто	Сугланное мѣсто
377	33	Дуринскомъ	Дудинскомъ
378	2	Юроковъ	Юраковъ

ТОМЪ II-й.

Стр. Строка.		Напечатано:	Должно быть:
17	31	uregallus	urogallus
17	35	astralegus	ostralegus
24	18	Киронскомъ	Киренскомъ
25	8	оппадающимъ	впадающимъ
34	27	«улитка»	«улитка»
34	28	безъ соли;	безъ соли, порсо, порошокъ изъ сушеной рыбы;
36	36	тринину	пушнину
38	7	догнала	догнала перекочевывающій родъ.
47	18	стесинное	стесанное
57	20	такихъ	гибкихъ
58	13	черноконцы	черноконцы
73	28	залубки	зарубки

Стр. Строка.		Напечатано:	Должно быть:
79	5	кругломъ	кругомъ
88	28	смѣть	смѣемъ
97	13	жестоковолосый	жестковолосый
98	20	рѣзко	рѣдко
99	27	покоренило	покормило
123	20	вскорѣ	воскресъ
139	15	много	мною
140	13	Канса	Комса
143	3	жердочку стрѣлять и	жердочку и
145	35	сабле	сабле
159	32	въ городѣ	въ городѣ Енисейскѣ
161	2	sturio	sturio
166	11	его	ихъ
167	14	есть	есть
—	27	тубунками	тугунками
168	33	полостяхъ	челюстяхъ
171	28	ниже	выше
175	23	моксунъ	моксуновъ
178	21	Выгоновъ	Вьюновъ
184	7	полуваренной	поваренной

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Енисейскій округъ, составляющій сѣверную и бѣольшую половину Енисейской губерніи, опирающійся на Иркутскую и Томскую губернію огромными вѣковыми лѣсами, простирается къ Ледовитому морю, до крайнихъ предѣловъ растительнаго царства, и лежитъ приблизительно между $58^{\circ}27'$ и $65^{\circ}55'$ сѣверной широты и между $109^{\circ}45'$ и $105^{\circ}18'$ восточной долготы.

Это обширнѣйшій изъ округовъ во всей Россійской имперіи. Площадь его до сихъ поръ точно не измѣрена ⁽¹⁾; но во всякомъ случаѣ она можетъ помѣстить въ себѣ любое изъ Европейскихъ государствъ. Число жителей ограничено и по послѣдней народной переписи, за исключеніемъ Туруханскаго края и кочующихъ инородцевъ, простирается до 34,138 душъ обоого пола. Чтобы судить, хотя приблизительно, о громадности всего округа, приведу цифры по свѣдѣніямъ Туруханскаго Отдѣльнаго Управленія о пространствѣ, занимаемомъ однимъ краемъ Туруханскимъ. Въ немъ земли до 1,932,200 квадратныхъ верстъ. Въ томъ числѣ: полей и луговъ до 250 десят., выгона до 25 десят., лѣса до 850,000 и тундръ до 900,000 квадратныхъ десятинъ; остальное пространство занимаетъ водою. Пространства же остальныхъ частей округа означены при описаніи волостей, — и все это, конечно, не точно, а приблизительно.

Г р а н и ц ы.

Енисейскій округъ омывается съ сѣвера Ледовитымъ моремъ; граничитъ на сѣверо-западѣ съ Березовскимъ округомъ Тобольской губерніи; за тѣмъ западной стороною прилегаетъ къ Нарымскому округу Томской губерніи и къ Ачинскому—Енисейской; южной—къ Красноярскому округу,

---

(1) По картѣ Восточной Сибири и измѣренію Швейцера пространство Енисейскаго округа съ Туруханскимъ краемъ составляетъ 40,568 кв. г. м. или 1,962,887 кв. верстъ.

Примѣч. изд.

а юго-восточной, восточной и сѣверо-восточной граничить съ округами Канскимъ, Енисейской губерніи, потомъ Нижнеудинскимъ и Киренскимъ, Иркутской губерніи, и областью Якутскою.

Управленіе.

Енисейскій округъ, по своей обширности, сохранилъ еще одну общую по всѣмъ частямъ главу: „окружнаго начальника“. Округъ раздѣляется на собственно Енисейскій округъ, Туруханскій край, Богучанское отдѣленіе и золотые промыслы.

Енисейскій округъ (въ тѣсномъ смыслѣ) раздѣляется на 3 участка: 1-й участокъ вмѣщаетъ въ себѣ волости Маклаковскую и Казачинскую, 2-й — Яланскую и Бѣльскую, 3-й — Анциферовскую.

Туруханскій край управляется особымъ отдѣльнымъ засѣдателемъ съ помощникомъ (на случай дальнихъ разъѣздовъ перваго).

Богучаны тоже управлялись „отдѣльнымъ засѣдателемъ“, но теперь, хотя состоятъ и изъ двухъ волостей — Кежемской и Пинчукской, лишены отдѣльности и правитель этого участка состоитъ на ряду съ прочими засѣдателями, безъ помощника и канцеляріи, которая бы именовалась, какъ въ Туруханскѣ, „отдѣльнымъ управленіемъ“.

Пріиски имѣютъ еще особое управленіе и, раздѣляясь на двѣ системы — сѣверную и южную, имѣютъ и двухъ горныхъ исправниковъ. Эти лица носили прежде горную форму, а въ послѣдніе 3 года сравнены съ обыкновенными засѣдателями, по крайней мѣрѣ въ формѣ. Каждый изъ исправниковъ имѣетъ еще своего помощника.

Всѣ засѣдатели, равно и горные исправники, состоятъ въ 10 классѣ, а помощники послѣднихъ въ 12-мъ.

Особенностию управленія отличается край Туруханскій. Край этотъ, входя въ общій составъ Енисейскаго округа, по отдѣльности, дальности и трудности сообщеній, имѣетъ особое „отдѣльное управленіе“, которое состоитъ изъ отдѣльнаго засѣдателя, его помощника и бухгалтера.

Кромѣ отдѣльнаго управленія, сосредоточеннаго въ гор. Туруханскѣ, самый край раздѣляется на три участка. Первый, подъ названіемъ „Туруханскаго“ (или Тазовскаго), находится отъ г. Туруханска на западъ до р. Таза и на востокъ по р. Нижней Тунгускѣ. Второй, подъ названіемъ „Верхненибатскаго“, — отъ границы Енисейскаго округа до с. Монастырскаго. Третій, подъ названіемъ „Дудинскаго“, отъ — Туруханска до Толстаго Носа и на востокъ до р. Анабары.

Первый участок, по наблюдению за казенными запасными магазинами, подчиняется помощнику отдельного заседателя, а остальные два — особымъ смотрителямъ.

На отдельномъ заседателѣ лежитъ вся хозяйственная и полицейская обязанность, сборъ ясака, и проч.

Въ вѣдѣніи отдельнаго управленія состоятъ большею частію бродячіе инородцы. По этому инородной управы не существуетъ. Завѣдуютъ же родовыми управленіями старосты, выбранные родовичами и утвержденные начальникомъ губерніи. Они имѣютъ всѣ права и власть родоваго управленія и инородной управы. Такъ какъ письменныхъ дѣлъ старосты не производятъ, то нужныя свѣдѣнія, о ввѣренныхъ имъ родахъ, мѣстная полиція заимствуетъ изъ ихъ словесныхъ показаній.

Состояніе инородцевъ кочующихъ и бродячихъ отличается: а) непостоянствомъ ихъ жительства; б) степенью гражданского образованія; в) простотою нравовъ; г) особыми обычаями; д) способами пропитанія; е) трудностию взаимныхъ сообщеній; ж) недостаткомъ монеты; з) недостаткомъ способовъ къ сбыванію, на мѣстѣ ловли, и звѣрей и рыбы.

Отсюда происходятъ слѣдующія главные правила въ обрядѣ ихъ управленія:

1. Кочевымъ инородцамъ предоставлена въ частныхъ дѣлахъ словесная расправа по собственнымъ ихъ обычаямъ и законамъ. Это имѣетъ послѣдствіемъ во 1-хъ, уменьшеніе числа предметовъ, принадлежащихъ судебному разбирательству; во 2-хъ, ограниченіе дѣлъ уголовныхъ; въ 3-хъ, особенный порядокъ слѣдствій и розысканій и особенныя обязанности мѣстной полиціи въ качествѣ словесной расправы.

2. Устранены всякія препятствія къ торговлѣ и промышленности инородцевъ и доставлены имъ удобства къ исполненію различныхъ обязанностей ихъ. Отсюда проистекаютъ: а) точное опредѣленіе налоговъ, б) особенныя правила ко взысканію ихъ и в) простота сдѣлокъ, уменьшеніе промедленій и убытковъ, невольно сопряженныхъ съ безконечными формальностями.

Государственные крестьяне имѣютъ въ двухъ участкахъ своихъ старостъ на общемъ основаніи.

Мѣщане г. Туруханска имѣютъ также особаго старшину.

Общій взглядъ на состояніе Енисейскаго округа въ сравненіи съ его прошедшимъ.

Состояніе Енисейскаго округа представляетъ картину грустную: ремесла исчезли, промыслы ослабѣли, скотоводства и торговли скотомъ

нестало, земледѣліе прекратилось, денегъ нѣтъ, а долговъ за то много и вообще есть что-то похожее на кабалу.

Изложимъ далѣе, какъ это произошло и чѣмъ обусловливается, а теперь бросимъ общій взглядъ.

Неоспоримо, что благосостояніе каждаго государства зависитъ отъ развитія промышленныхъ его силъ; а для этого необходимо (сказалъ я въ другомъ мѣстѣ) познать самихъ себя со всеми нашими нуждами и со всеми особенностями территоріи, на которой мы живемъ и которая должна направлять развитіе у насъ того или другаго. Словомъ, только тогда мы съумѣемъ воспользоваться дарами природы, только тогда равномерный (болѣе или менѣе) и честный трудъ уничтожитъ нужду и побратаетъ насъ съ довольствомъ.

А до сихъ поръ — съ какой стороны не взглянешь — все были мы ослѣплены: то громъ побѣдъ ослѣплялъ насъ и мы вѣровали въ безусловную несокрушимость физическихъ силъ нашихъ; то многоцвѣтность блесковъ цивилизаціи ослѣпляла насъ и мы въ простотѣ души принимали плодъ за корень и, не думая о развитіи себя истинными познаніями и глубокимъ изученіемъ основъ, считали внѣшность цивилизаціи за образованность и силлились, безъ разсужденій, схватывать внѣшность, и не зная, что значитъ трудъ, разсыпали хвастливо по Европѣ все, что добывалось кровавымъ потомъ крѣпостныхъ. Западная наука ослѣпляла насъ своими результатами и мы, съ рабской покорностію, считали каждый выводъ ея за несомнѣнное послѣднее слово и повторяя, какъ дитя, все, сказанное на западѣ, забывали думать сами, — забывали, что каждый народъ долженъ класть свою лепту въ сокровищницу общаго хода впередъ, — забывали, что не перенимать только, а примѣнять у себя нужно плоды западныхъ изслѣдованій и что для того нужно глубже изучать со всѣхъ сторонъ свое отечество, о которомъ мы почти столько же знали, какъ о Китаѣ. Потому-то, при нашемъ ослѣпленіи, мы незамѣтили какъ передъ нашими глазами бѣжали необычайно быстро впередъ ремесла и всякая промышленность на западѣ, и какъ, преисполненные инерціей, оставались мы назади.

Чтобъ лучше видѣть нашу неосновательность, взгляните напримѣръ, — есть ли въ Россіи какая нибудь связь между заведеніемъ фабрикъ и заводовъ съ одной стороны, а съ другой — между дѣйствительными мѣстными нуждами, обиліемъ въ разныхъ мѣстностяхъ тѣхъ или другихъ сырыхъ продуктовъ, равно какъ и обиліемъ или недостаткомъ рукъ. Нѣтъ! Намъ хорошо и безсознательно, по примѣру сосѣдушки, заводить въ бѣлокаменной безконечное количество фабрикъ и заводовъ. Ивану славно и Лукѣ будетъ хорошо. Мы и не смотримъ, что совсѣмъ

въ другомъ мѣстѣ обиліе того сыраго продукта, который нуженъ для нашей фабрики, — мы и не смотримъ, что работниковъ будемъ тащить изъ за нѣсколькихъ тысячъ верстъ, отрывая земледѣльца отъ кореннаго его труда, приучая къ бражничеству и бездомовости, уничтожая въ крестьянствѣ ремесленность. Да вѣдь отъ этого долженъ вздорожать самый продуктъ фабрики или завода? А намъ какое дѣло: мы въ убыткѣ не будемъ; станемъ продавать товаръ лицомъ, т. е. похлопочемъ о видѣ, а доброту въ сторону. Если такъ на Руси, то неужели лучше и у насъ, по крайней мѣрѣ въ Енисейскомъ округѣ, теперь?

Было когда-то хорошее время, да оно давно прошло. Вотъ что писать, между прочимъ, въ своихъ отвѣтахъ Екатерининскому собору представителей всѣхъ общинъ и сословій въ 1768 году, выборный Енисейска г. Самойловъ ⁽¹⁾.

„Въ городѣ Енисейскѣ ежегодно съ конца іюля до 20 августа была ярмарка, на которую съѣзжались сибирскіе и русскіе купцы, привозились русскіе, нѣмецкіе и китайскіе товары... Въ Енисейскѣ было складочное мѣсто всѣхъ пушныхъ товаровъ, звѣроловство около него было чрезвычайно развито... Купцы изъ Енисейска не только плавали вверхъ и внизъ по Енисею, но плавали по Ангарту въ Иркутскъ, переплывали Байкалъ и входили въ рѣку Селенгу до Стрѣлки; либо, пропуская отъ Енисея волокъ въ 76 верстъ (до Маковского остр.), ходили въ р. Кеть, въ р. Иртышъ, либо другимъ путемъ по р. Чулыму... Изъ занимавшихся разнаго рода промыслами было въ Енисейскѣ: купцовъ 1425, цѣховыхъ 294 и разночинцевъ 548... Ремесла были развиты многостороннія: такъ, было иконописцевъ 7, портныхъ 15, сапожниковъ 11, чарочниковъ 54, серебряниковъ 2, руковишниковъ 8, кожевенниковъ 9, ваяльщиковъ 2, шапошниковъ 6, плотниковъ 16, мыловаровъ 5, бочкарей 5, столяровъ 3, прядильщиковъ 2, свѣчниковъ 7, скорнякъ 1, прянишникъ 1, красильщиковъ 4, да въ деревняхъ разныхъ ремесленниковъ 74. Кромѣ вышеисчисленныхъ особенно было много кузнецовъ... Довольно сказать, что желѣзными изделиями снабжался весь Иркутскій край, также возили въ Томскъ, Кузнецкъ, въ Колывановоскресенскій заводъ и по линіи въ крѣпость Семипалатинскую“.

Кромѣ того, изъ другихъ свѣдѣній, мы можемъ сказать, что въ 1820 году въ одинъ Иркутскій край въ разныхъ подѣлкахъ вывозилось желѣза до 6000 пуд.; а въ 1833 году вывозилось за Енисейскій округъ

---

(1) Нѣкоторыя изъ черновыхъ бумагъ г. Самойлова сообщены мнѣ внукомъ его, почтеннымъ енисейскимъ купцомъ С. Ф. Калашниковымъ.

жельза до 30,000 пудовъ. Съ 40-хъ же годовъ, съ появленіемъ золотопромышленности занятіе этимъ предметомъ стало упадать такъ быстро, что съ 50-хъ годовъ *никуда почти уже неотправляется здѣшнихъ жельзныхъ издѣлій* и только массивный жельзный иконостасъ, поставленный Никитою Кореневымъ въ Рождественской церкви, служить памятникомъ изсякшей промышленности! Слесарей, каменщиковъ, сапожниковъ и другихъ изъ енисейцевъ почти теперь и не слышно, — все захвачено прїѣзжими, которые дѣлають и дорого, и не прочно. Рѣзчиковъ, теперь не существующихъ, было весьма много, что ясно доказывается множествомъ разнообразной рѣзбы въ церквахъ. Рыболовство крайне уменьшилось; а звѣроловствомъ, главнѣйшимъ продуктомъ для торговли здѣшняго края, въ самомъ Енисейскомъ округѣ почти уже и не занимаются; привозять же звѣрей изъ Богучанскаго отдѣленія и Туруханскаго края. А между тѣмъ, сколько поколѣній трудилось надъ изобрѣтеніемъ примѣненныхъ къ мѣстности способовъ ловли звѣрей. И за что бы все это исчезло, такъ какъ молодежь многого уже не знаетъ? Не вѣчно же округъ Енисейскій погруженъ будетъ въ обаянье золотопромышленности: придется, быть можетъ, снова взяться за звѣроловство и тогда пожалѣють о забытыхъ изобрѣтеніяхъ отцовъ. Вотъ цѣль, съ которою я взялся за собраніе всѣхъ способовъ, употребляемыхъ для ловли звѣрей, прибралъ крупинку къ крупинкѣ, заказывалъ модели и снималъ рисунки.

Перейду теперь къ изложенію причинъ настоящаго жалкаго состоянія округа.

Съ 40-го года пошло развитіе золотопромышленности. Тяжель грѣхъ на начальникахъ, бывшихъ въ первые годы водворенія ея, видѣвшихъ зло и не остановившихъ. Почему напр. не позаботиться бы тогда о сборѣ слѣдовавшихъ за работы денегъ для уплаты податей, для составленія мірскихъ капиталовъ, и проч., и проч. Рабочіе выносили тогда съ прїисковъ не по сотнямъ, а по тысячѣ, и куда же шли эти деньги? На развращеніе другихъ, на раззореніе себя, на насыщеніе ненасытнаго кровожаднаго откупа и разныхъ мелкихъ плутишекъ, гарцовавшихъ, очевидно, по недолгу, а до тѣхъ только поръ, пока не попадались въ руки кого слѣдуетъ. Тогда мужики окутывались шолковыми шарфами, выставляли толпѣ цѣлыя бочки зелена-вина, сами пили шампанское и ромъ, и опьянѣлые ходили по улицамъ, въ грязь разбрасывая впередъ себя ассигнаціи, на которыя и ступали, для того, видите ли, чтобъ не марать ногъ. Очевидно всѣ эти сцены были обаятельны и для туземцевъ работающихъ: каждый бросилъ ремесло и спѣшилъ сдѣлаться пріи-

скателемъ (какъ всѣхъ тогда называли); но никто не замѣчалъ, что все золото или прокучивалось, или у пьяныхъ обиралось кѣмъ слѣдуетъ.

Такимъ образомъ, мало по малу, бросались ремесла туземцами, ограничивалось земледѣліе и привыкали они болѣе и болѣе къ разгулу. За тѣмъ отъ пригоннаго изъ Киргизской степи скота появилась эпизодія—и скотъ вымеръ. Средства къ существованію еще были, пока въ рукахъ золотопромышленниковъ, не исчезали деньги и сами они занимались перевозкою тяжестей на пріиски. Для этой перевозки крестьянъ нанимають артелями, либо цѣлыми деревнями. Но вотъ наступилъ несчастный 1847 годъ; онъ необычайной дороговизной поразорилъ крестьянъ и не могъ не подѣйствовать на золотопромышленниковъ, которыхъ истинныя силы начинали уже тогда обнаруживаться: безумное расходваніе денегъ довело кого до опеки, кого до конкурса, кого до бѣдности, кого до безконечныхъ процессовъ, и проч. Теперь группы на сценѣ мѣшаются и выдвигается впередъ новая каста скупщиковъ хлѣба и доставщиковъ на пріиски,—это посредники между производителями и потребителями. Она явилась весьма естественно съ 1850 года, когда золотопромышленники не имѣли возможности своевременно закупить хлѣба. И такъ, какъ ихъ не 1, не 2 и не 3, а можетъ быть до 50, то бѣды отъ нихъ енисейскому крестьянству не предвидѣлось, особенно если закупъ произведенъ по зимѣ въ Минусинскомъ округѣ, а не подъ берегомъ у Енисейска, да когда дума, съ одной стороны, и земская полиція, съ другой, — принимали внимательно свои должныя мѣры, чтобъ быть готовыми на черный день. А дѣло въ томъ, что нѣкоторыми, болѣе богатыми изъ этихъ скупщиковъ, началъ продаваться хлѣбъ въ золотопромышленныя компаніи не иначе какъ съ доставкой на самые пріиски; въ чемъ же тутъ вредъ — будетъ изложено ниже. вмѣстѣ съ перевозкой хлѣба перешла въ ихъ же руки и перевозка всѣхъ другихъ тяжестей; а всего то перевозится на пріиски не менѣе милліона пудовъ. Такимъ образомъ эта, новообразовавшаяся каста, перервала прямыя отношенія между крестьянами енисейскаго округа и золотопромышленниками, вступивъ въ роль посредника.

Наемка капиталистами крестьянъ, для перевозки тяжестей, поставила послѣднихъ въ родъ кабальныхъ отношеній къ первымъ. Выше мною сказано, что ремесла вообще туземцами оставлены, что крестьяне ограничили земледѣльческій трудъ и съ хлопотами о легкомъ пріобрѣтеніи денегъ приучили себя къ разгулу. Такое состояніе ихъ, а также и необходимость сдать подати непременно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда у нихъ не могутъ быть еще выручены деньги съ продажи, снятыхъ въ лѣто хлѣбовъ и сѣна, заставили крестьянъ съ радостію принять заимо-

давческія услуги капиталистовъ. А лиха бѣда, какъ говоритъ народъ, начать только, а тамъ уже и спохватиться, да не скоро выкрутишься. Вотъ и пошло: за нихъ платились подати, имъ доставлялась въ число платежа одежда, обувь, при недостаткѣ и самый хлѣбъ, мясо, рыба, чай, сахаръ, масло, жиръ, кожа и проч. При этомъ товаръ отпускался какой ни попало (говорятъ, будто въ Ирбити они не смотрятъ на достоинство закупаемаго товара, а только бы подешевле); цѣны выставляютъ, очевидно, какія вздумаютъ; а крестьянъ заусловливаютъ при этомъ для перевозокъ впередъ съ большимъ пониженіемъ цѣнъ, которыя черезъ полгода (когда придется везти), могутъ разыгаться вдвое; да кромѣ того — такъ какъ крестьянамъ при перевозкѣ нуженъ, по дорогѣ для корма лошадей, овесъ, то богачи-перевозчики снабжаютъ ихъ натурою и уже, конечно, къ большому разоренію крестьянъ по современной цѣнѣ (обыкновенно къ зимѣ возвышающейся), а не по той какъ сами покупали весной изъ барокъ или на мѣстахъ. Тутъ же на мужиковъ и другая бѣда: какъ нарочно въ эти года выпадали въ тайгѣ огромные снѣга, почему дорога сдѣлалась плохопроѣзжею; отъ чего во-1-хъ, должно было весьма мало класть на возъ, а во-2-хъ, терялось вдвое времени и слѣдовательно крестьянинъ могъ дѣлать гораздо менѣе оборотовъ. Такимъ образомъ, забравши разъ впередъ деньги, или — какъ чаще — товаръ, крестьянинъ не можетъ выбраться изъ долгу; работа его становится не свободнымъ трудомъ, а обязаннымъ; только тяжести-то какъ будто онъ не замѣчаетъ, потому что болѣе и болѣе забираетъ, когда вздумается, товаромъ изъ кладовой богача, какъ изъ своего чулана. Такимъ образомъ легко добывая себѣ не только насущный кусокъ, но и всякіе предметы роскоши, крестьянинъ съ каждымъ годомъ все болѣе отвыкаетъ отъ трудовъ, пріучается къ безпечности и лѣности, за тѣмъ являются, какъ вѣчный спутникъ лѣности, и всѣ пороки. Этотъ образъ жизни и дѣятельности такъ уже привычнымъ сдѣлался крестьянамъ, что они боятся оказать, по дѣлу перевозокъ, и малѣйшее противорѣчіе, опасаясь лишиться кредита у „кормильцевъ!“

Такое состояніе дѣла вызвало было предположеніе о необходимости и возможности основать товарищество на акціяхъ, которымъ бы убита могла быть монополія нѣсколькихъ богачей въ дѣлѣ перевозки тяжестей на пріиски. Въ основаніе этого, предполагавшагося товарищества на акціяхъ, думали положить слѣдующее: „1) получить право десяти-„лѣтней привилегіи; 2) основнымъ капиталомъ положить 10,000, раз-„дѣленныхъ на одну тысячу акцій; 3) выдавать акціонерамъ по исте-„ченіи года за исключеніемъ 20⁰/₁₀₀ на ликвидацію; 4) золотопромы-„шленникъ, отдавшій кладъ помимо конторы акціонеровъ, долженъ пла-

„тять за каждый пудъ вдвое главной конторѣ, а такъ какъ изъ вощи-
„ковъ могутъ остаться старые должники, то контора за нихъ, кому
„слѣдуетъ, платить, а ихъ беретъ въ заработку; 5) за фуражъ, при-
„пасы, товарныя и матеріальныя вещи, отпускаемыя вощикамъ изъ
„своихъ запасовъ, взимаетъ контора, сверхъ таксы, утвержденной мѣст-
„нымъ начальствомъ, еще 10⁰/₀ съ рубля“.

Но какой бы ни былъ проектъ, — по нашему мнѣнію, самое глав-
ное въ томъ, чтобъ освободить крестьянъ изъ кабалы совершенно и
дать имъ новую свободу труда. Безъ достиженія этого никакой проектъ
не можетъ имѣть значенія, не можетъ принести и пользы. Не видно
ясно: какимъ образомъ предполагаемое товарищество достигнетъ этой
кровной нужды. Не будетъ ли тутъ одной смѣны декораций? Не смѣ-
нится ли кукушка на ястреба?!

Остается изложить, по нашимъ понятіямъ, *причины* обѣднѣнія
крестьянъ и средства, могущія поправить дѣло.

Выше показано вліяніе золотопромышленности на Енисейскій (соб-
ственно) округъ: ремесла чуть не исчезли, земледѣліе и скотоводство
уменьшилось, народъ развратился и за тѣмъ попалъ почти въ кабалу.
Прибавимъ еще слѣдующее. Принятіе cadaго промысла нѣсколькими
лицами и въ большихъ размѣрахъ, бываетъ, очевидно, на какихъ ни-
будь условіяхъ. Теперь вопросъ: на какомъ основаніи гг. золотопро-
мышленники исчертили дорогами мѣстность, можетъ быть и нужную для
крестьянъ, безъ всякаго соглашенія и вознагражденія, по одному про-
изволу? Положимъ скажутъ: дороги возникали постепенно... дороги по-
лезны и для крестьянъ, потому что по нимъ возятъ кладь. Да вѣдь
и всякое дѣло, предпринимаемое сперва на обоюдныхъ соглашеніяхъ,
бываетъ въ послѣдствіи общепользынымъ; слѣдовательно это не отговорка.

Далѣе спросимъ: на какомъ основаніи гг. золотопромышленники
вторглись въ тайгу, въ мѣстность звѣропромышленниковъ (крестьянъ и
инородцевъ)? — на какомъ основаніи разогнали звѣрей и почти убили
звѣроловство? Почему одинъ промыселъ получилъ удивительное право
на уничтоженіе другаго, безъ обязательства вознаграждать за то? Гово-
рятъ: да что мы за плательщики инородческихъ недоимокъ, — пусть
инородцы представляютъ грамоты на право пользованія этими мѣстами.
Да развѣ, спросимъ мы, право обычнаго пользованія не имѣетъ значенія
и развѣ самые законы не служатъ часто письменнымъ утвержденіемъ
тѣхъ же обычаевъ? да и была ли инородцамъ нужда запасаться не-
премѣнно грамотами, когда не было причинъ къ тому? да наконецъ и
находили мы въ архивныхъ старыхъ дѣлахъ указы, прямо говорящіе:
„заниматься такому-то роду тунгусовъ звѣроловствомъ по такимъ то

„мѣстамъ и никто бы имъ въ томъ не претилъ“. Мы сознаемъ большую важность золотого промысла противу звѣроловства; допускаемъ, что звѣри исподоволь установятся на другихъ мѣстахъ и Тунгусы найдутъ эти мѣста; понимаемъ, что золотопромышленники не могутъ быть постоянными плательщиками за тѣ роды тунгусовъ, которые сбиты съ мѣста, — но чѣмъ же правительство пополнить недоимки, вдругъ накопившіяся съ появленіемъ золотопромышленности?

Вотъ только о чемъ говоримъ мы.

За тѣмъ, откуда право разбросанныхъ по разнымъ частямъ округа и отдѣльныхъ отъ пріисковъ конторъ и резиденцій, не подчиняться мѣстному сельскому, а за тѣмъ и земскому управленіямъ? Пользуясь-же этимъ, какъ часто обижаютъ, обвѣшиваютъ и обсчитываютъ безграмотныхъ крестьянъ, доставляющихъ на эти пункты припасы!

Вотъ сколько выдвигается новыхъ административныхъ вопросовъ, а разрѣшеніе cadaго изъ нихъ будетъ вліять на благосостояніе Енисейскаго населенія.

Полагаемъ, для улучшенія быта крестьянства, слѣдующія мѣры.

Во 1-хъ: дать крестьянамъ свободный трудъ, т. е. освободить ихъ изъ подъ кабалы выкупомъ (хоть съ помощью половиннаго платежа). Говорю это, видя какъ крестьяне (если они не пьяницы), расквитавшіеся съ богатыми перевозчиками, усиливаютъ земледѣліе, торгуютъ плодами его, и, какъ чертъ ладону, боятся начинать занятія перевозкой на пріиски. По ихъ расчетамъ сумма, долженствующая употребиться правительствомъ на выкупъ, внесена бы была крестьянами въ два года ⁽¹⁾.

Во 2-хъ: распространить грамоту и ремесла основаніемъ такихъ сельскихъ школъ, гдѣ бы дѣти, кромѣ грамоты, учились и разнороднымъ ремесламъ. Конечно изъ ремеслъ можно избрать такіа, которыя нужнѣе по мѣстнымъ обстоятельствамъ и условіямъ, особенно для пріисковъ. А совсѣмъ другое дѣло и другая выгода — идетъ ли кто на пріиски простымъ рабочимъ или ремесленникомъ: ремесленнику другой почетъ, другая плата. Только дозволеніе наниматься на пріиски нужно предоставить міру, который лучше всѣхъ знаетъ степень возможности семейству обойтись безъ увольняемаго члена.

Въ 3-хъ: уничтожить могущество писарей, предоставивъ назначеніе ихъ выбору не гг. исправниковъ (при чемъ вѣдь можетъ случиться и торговля мѣстами), а міру. Тогда уже писарь не будетъ получать и

⁽¹⁾ Это составлялось мною въ 1860 году, а въ послѣдующее время все можетъ быть и измѣнилось. Давай Богъ!

такого крайне обременительного для крестьянъ баснословнаго жалованья, какъ три тысячи цѣлковыхъ. Съ общимъ-же развитіемъ грамоты, найдутся и свои писаря.

Въ 4-хъ: принять самыя дѣятельныя мѣры къ распространенію хлѣбопашества въ Енисейскомъ округѣ, конечно, исключая тѣхъ мѣстъ (какъ сѣверъ волости Анциферовской), гдѣ не вознаграждается трудъ земледѣльца. Тогда для крестьянъ вовсе нестрашно будетъ и возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ потому, что и они сами явятся продавцами, а не покупателями. Впрочемъ, если хлопотать объ общемъ благосостояніи всего небогатаго класса, то надобно какъ можно болѣе усилить засѣвъ и въ благодатномъ Минусинскомъ округѣ, гдѣ (вслѣдъ за уничтоженіемъ заводовъ, потреблявшихъ до 1 милліона пудовъ, съ появленіемъ безденежности у золотопромышленниковъ и съ выступленіемъ на сцену особаго класса скупщиковъ и перевозчиковъ на пріиски) продажа хлѣба не вознаградила труда, и потому ограничились засѣвы. Вообще спаденіе цѣнъ до не вознагражденія труда крайне губительно для самаго промысла; я отъ многихъ слышалъ, какъ бывшій Иркутскій губернаторъ Трескинъ, поддержалъ хлѣбопашество, запретивъ чрезмѣрно дешево скупать въ казну хлѣбъ.

Въ 5-хъ: положить время и границы къ выгону крестьянъ для исправленія трактовыхъ дорогъ. Не только ужъ неблагонамѣренности, могущей вѣдь все превратить въ оброчную статью, даже при неосторожности гг. исправниковъ, этотъ выгонъ, для исправки дорогъ, можетъ повести къ разоренію, отнимая у крестьянъ нужнѣйшее для хлѣбопашества и луговодства время и продерживая иногда на мѣстѣ по нѣскольку недѣль. Самое же тяжелое при этомъ — изнуреніе лошадей привозомъ гальки, или щебня.

Въ 6-хъ: назначеніе ближайшихъ къ крестьянству чиновниковъ изъ камералистовъ (спеціально изучающихъ сельско-хозяйственныя и ремесленныя науки), обстановка засѣдателей хорошими письмоводителями отъ казны, возможное дробленіе округовъ и предоставленіе какъ можно болѣе значенія общественному мнѣнію (т. е. міру), позволяемъ себѣ считать мѣрами, которыя повели бы къ благосостоянію, а гг. камералисты могли бы способствовать развитію и самихъ сельскихъ грамотеремесленныхъ школъ.

Въ 7-хъ: производить сборъ податей не въ сентябрѣ, а уже тогда, какъ крестьянинъ въ состояніи будетъ получить что нибудь за плоды лѣтнихъ трудовъ своихъ.

Въ 8-хъ: не дозволять золотопромышленнымъ конторамъ рассчитывать съ пріисковъ всякаго, заболѣвшаго хроническою болѣзнію, и пускать

на произволъ судьбы, увеличивая болѣе и болѣе цифру міроѣдовъ, или наполняя вдругъ безъ всякаго толку и разбору нашу Енисейскую больницу калѣками и неизлечимыми и утравляя число противу комплекта.

Въ 9-хъ: прекратить вообще преждевременную (весной вмѣсто зимы) наемку крестьянъ для перевозки тяжестей, преждевременное заусловливаніе и задаваніе впередъ разными вещами и даже предметами роскоши; да и наёмку производить съ дозволенія міра, который можетъ и не дозволить, если въ семьѣ нѣтъ работниковъ и отъ того пострадаетъ главное занятіе.

Вотъ то, что мы считали, по крайнему нашему разумѣнію, нужнымъ сказать вообще.

Примѣчаніе. Заговоривъ выше объ Енисейскомъ выборномъ на Екатерининскій соборъ г. Самойловъ, считаемъ не безынтереснымъ, для нынѣшняго времени преобразованій, привести голосъ его о состояніи нашего духовенства и мѣрахъ обстановить его. Вѣдь скоро будетъ уже столѣтіе, какъ это было сказано.

20-го февраля, въ голосъ, читанномъ г. депутатомъ Олениковымъ, объяснено, что „священники на позывъ для требъ къ больнымъ не скоро приходятъ, а также берутъ за вѣнчанье по рублю и болѣе“.

На это нашъ енисейскій выборный, въ слѣдующее засѣданіе, возразилъ слѣдующее: касательно 1-го, сколько ему извѣстно, „отлагательства дѣлаются болѣе потому, что священникъ отозванъ былъ къ кому нибудь другому, да и какъ человѣкъ—самъ могъ прихворнуть“. Касательно же 2-го, мнѣніе его такъ важно (оно оправдывалось послѣдующими распоряженіями правительства), что постараюсь привести его ближе къ подлиннику: „за вѣнчанье беромое ими, таковое можетъ быть „и правда, да только почтенное собраніе не соизволить ли объ оныхъ „представить, что тѣ священники, *а особливо въ улѣдахъ*, своими прихожанами со всѣмъ ли такъ, *какъ принадлежитъ, содержатся...* „Хотя отъ тѣхъ прихожанъ при выборѣ еще до священства облачаются ругою (въ чемъ и обязуются), но когда по посвященіи, живучи „въ епархіи, не точію, чтобъ всю сполна получаютъ, но еще тѣмъ мѣнѣе, почти принуждены (по введенному обычаю), *сами по дворамъ „странинческимъ порядкомъ и съ не малымъ оскорбленіемъ оную со- „бирать*, а чтобъ житель самъ къ нему на дворъ привезъ, таковыхъ „очень не много бываетъ; и потому объ стороны входятъ въ огорченіе „и наконецъ подвергаются въ крайне предосудительныя ссоры“.

„Къ пресѣченію жъ такого, къ сожалѣнію, обстоятельства и для „чести священнической, дабы оныя свою обязанность безъ поношенія и „со спокойствіемъ несли, да и прихожане не приводили бы себя въ

„предосужденіе, то высокопочтенное собраніе не соизволить ли слѣдующее слабое мое принять разсужденіе:

1. „Если священникъ поставленъ отъ прихожанъ на ругѣ, оную „самъ не собиралъ бы, а могли бы тоѣ непремѣнно старосты церковныя „со всѣхъ прихожанъ каждагодно собрать и отвезть, кончая при окончаніи „года или дважды (въ разсужденіи мѣстѣ) въ году, или какъ по- „ложатся сроки.

2. „Прихожане же, дабы каждый могъ, что ему надлежитъ со своего „дому, отдать, привозили бы тому старостѣ непремѣнно въ урѣченный „срокъ, о чемъ наискрѣпчайше надлежитъ подтвердить, и съ тѣмъ, что „если не привезетъ, то взыскивать по объявленію старосты сотскимъ и „десятскимъ для отдачи втрое.

3. „Если гдѣ земель для хлѣбопашества скудно или оныхъ нѣтъ, „то тогда неточію всѣмъ уѣзднымъ, но и городовымъ священни- „камъ—дабы постановилася денежная и такая сумма, которая бы и съ „содержаніемъ его семейства во всей годовой пропорціи безъ недо- „статка сходствовала.

4. „Если земля священнику дается, то оной достаточно, уповаю, „какъ на рожь 10, на яровое 5, а для сѣнныхъ покосовъ 5 же деся- „тинъ, а буде же гдѣ той земли, а особливо по сибирскимъ губер- „ніямъ, гораздо состоитъ со удовольствіемъ, то и съ прибавкою и при „томъ непремѣнно съ тѣмъ, чтобъ прихожане какъ въ ораніи, въ по- „сѣвѣ, въ снятіи и въ молоченіи, такъ и въ сѣнокосѣ чинили безъ „всякой платы вспоможеніе.

5. „При тѣхъ же святыхъ церквахъ, хотя и не при всякой, бы- „ваютъ дьяконы съ непремѣнными служителями (какъ дьячки и поно- „мари), то и оные бы получали ругою или землями по дому безъ не- „достатка и при таковомъ же отъ прихожанъ вспоможеніи, какъ выше „сказано.

6. „За всѣмъ симъ заключаю: не безъизвѣстно высокопочтенному „собранію, что пасторы лютерскаго, кальвинскаго и нѣкоторыхъ дру- „гихъ исповѣданій въ какомъ находятся отъ прихожанъ и приличномъ „содержаніи и за тѣмъ почтеніи я изъяснять не буду, но только даруй „Боже, чтобъ и мы, о должномъ содержаніи и почитаніи служителей „церкви взявъ начало, согласно мною вышензложенному, довольно и по- „правно положимъ получать священникамъ, то надѣясь на милость „Божію—они конечно не будутъ подпадать въ соблазнъ и какъ міряне, „такъ паче противники святой церкви—раскольники, не будутъ поно- „сить ихъ“.

Выше говорили мы о состояніи Енисейскаго округа вообще. Остается бросить взглядъ на край Туруханскій и на отношенія къ нему сосѣдней, самой сѣверной, волости Анциферовской, собственно округа Енисейскаго.

Начну съ воспоминанья о другомъ замѣчательномъ енисейцѣ, теперь тоже умершемъ (въ 1855 году), А. А. Кобачевѣ. Этотъ умный купецъ, слыша общій и постоянный ропотъ, что Туруханскій край совершенно бесполезенъ и служить только къ обремененію, составилъ пренеприятельный проектъ. Въ заглавіи этого проекта было сказано: „о содѣйствіи къ благосостоянію жителей Туруханскаго края.“ Это сочиненіе Кобачева приняло офиціальный ходъ и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ странствованія (какъ обыкновенно бываетъ), принесло за собою почти и согласіе начальства, но, къ огорченію многихъ, г. Кобачевъ умеръ. Мысль, имъ пущенная, отозвалась въ другихъ. Такъ, купецъ Даниловъ подавалъ прошеніе о выдачѣ ему привиллегіи на пароходство по Енисею; но давать на это привиллегію наши уже несвоевременнымъ. Такъ г. Лавровскій подавалъ проектъ о взятіи Туруханскаго края въ аренду; но время царствованія монополій, откуповъ, арендъ и т. п. миновалось, и проектъ не пошелъ въ ходъ. Благодарный, что семья Кобачева, выдала мнѣ замѣчательный проектъ, я приведу его здѣсь. Изъ него читатель увидитъ многое изъ состоянія Туруханскаго края.

„Туруханскій край, говорятъ г. Кобачевъ, по суровости климата и „тундроватому мѣстоположенію, неспособенъ къ хлѣбопашеству и скотоводству. По этому весьма мало населенъ. За 30 лѣтъ предъ симъ, „край этотъ, будучи многолюднѣе, представлялъ и промышленность „обильнѣе, но въ продолженіи времени, уменьшаясь въ числѣ жителей, „дошелъ наконецъ до того затруднительнаго состоянія, въ какомъ „ходится нынѣ. Чтобы поддержать въ способахъ продовольствія обитателей Туруханскаго края, правительство давно уже учредило въ разныхъ мѣстахъ онаго хлѣбные магазны и опредѣлило при нихъ вахтеровъ, которые, отпуская жителямъ хлѣбъ, получаютъ за него уплату „тогда уже, какъ звѣрныя ихъ промыслы доставятъ къ тому возможность. Но какъ одно снабженіе хлѣбомъ далеко не удовлетворяетъ „всѣхъ нуждъ туземца, то онъ ищетъ пособія отъ приплывающихъ „туда, въ лѣтнее время, енисейскихъ торговцевъ, становясь въ одно и „тоже время должникомъ и казнѣ, и частнымъ лицамъ.

„По этому казенное одолженіе, не говоря уже о частномъ, неуплачиваясь исполнѣе, возрастало болѣе и болѣе, особенно при не успѣхѣ „въ звѣроловствѣ, такъ что въ настоящее время недонимка эта, составляя значительную сумму, не представляетъ къ уплатѣ въ будущемъ

„никакой благонадежности. Она должна даже еще возвышаться ежегодно, потому что многіе изъ должниковъ находятся въ такой крайности, что не только не въ силахъ заплатить долговъ своихъ, но удручаемые бѣдностью, должны еще увеличивать ихъ необходимымъ займомъ хлѣба для пропитанія семействъ. Къ тому же многіе изъ должниковъ не находятся уже въ живыхъ; имущества отъ нихъ никого не осталось, а семейства не только платятъ долговъ не въ состояніи, но сами еще нуждаются въ благотворительности. Столь велика крайность въ настоящее время большей части жителей Туруханскаго края, такъ что, если бѣ даже сложили съ нихъ и всю недоимку, они все-таки не могли бы, безъ посторонняго пособія, сами собою, поддерживать быть свой. А потому, чтобы наконецъ доставить имъ способы къ достиженію благосостоянія, необходимо слѣдуетъ принять такіа мѣры, которыя бы, снабжая нуждающихся потребнымъ продовольствіемъ и не стѣсняя ихъ въ срокахъ платежа за оное,—предоставляли имъ свободу уплачивать тогда, какъ уловъ звѣря или рыбы доставить къ тому средства. Но таковыя мѣры возможны лишь тогда, когда бы весь тамошній край отданъ былъ въ хозяйственное распоряженіе частному лицу, которое бы дѣйствовало въ этомъ случаѣ по ближайшему усмотрѣнію. Эта мѣра избавила бы мѣстное начальство отъ тѣхъ затрудненій и попеченій о краѣ, какія по означеннымъ обстоятельствамъ необходимы, а казна сберегла бы тѣ суммы, какія по этому случаю употребляются. Движимый таковыми мыслями, я желалъ бы съ своей стороны осуществить такое предпріятіе на условіяхъ, которыя состоятъ въ слѣдующемъ:

1. „Народонаселеніе, по 9-й народной переписи, Туруханскаго края состоитъ изъ 2,669 душъ, платящихъ подати и ясаки до 7,200 р. сер. Желая, чтобъ отдалъ мнѣ край въ арендное хозяйственное полное распоряженіе, срокомъ на 25 лѣтъ. Чтобы, я платилъ за то, по числу душъ, уже по послѣдней 10 народной переписи, всѣ должныя получаться казною выгоды.

2. „Отъ всякихъ рыбныхъ и звѣрныхъ промысловъ, коими мѣстные жители пользуются, предоставить пользованіе мнѣ одному преимущественно предъ всѣми другими, посторонними лицами, которые теперь по сему собственно занимаются въ Туруханскомъ краѣ. А съ отдачи мнѣ края они должны прекратить и всякое обращеніе, и торговлю съ жителями оного.

3. „Всѣ произведенія рыбныхъ и звѣрныхъ промысловъ, чрезъ посредство жителей Туруханскаго края пріобрѣтаемыя, должны поступать прямо лишь въ мои руки, а потому заниматься покупкою у нихъ

„всего этого вправѣ только я одинъ; всѣ же посторонніе лица тако-
„ваго права имѣть не могутъ. А равно и всѣ мѣста, могущіе имѣть
„въ себѣ золотосодержащія россыпи, или другіе какіе металлы, руды
„и минералы, — все это должно принадлежать собственно мнѣ, въ про-
„долженіи означенныхъ 25 лѣтъ, и разработка оныхъ ни кому болѣе
„принадлежать не можетъ, иначе какъ съ согласія моего и съ тѣмъ,
„чтобы дѣйствія ихъ не нарушали правъ, которыя мнѣ, настоящими
„условіями, будутъ предоставлены. Впрочемъ, само собою разумѣется,
„что это производство должно подчиняться общимъ дѣйствующимъ за-
„конамъ.

4. „Имѣя таковыя права, и съ моей стороны обязываюсь: а) обез-
„печить продовольствіе всѣхъ жителей Туруханскаго края доставленіемъ
„туда хлѣба и прочихъ для существованія ихъ потребностей, въ та-
„комъ количествѣ, какое для нихъ нужно. Цѣна всего, отпускаемаго имъ
„въ продажу—отъ меня, равно какъ и принимаемаго за то вознаграж-
„денія, будетъ устанавливаться по моему усмотрѣнію; б) вносить въ
„казну, въ положенный срокъ, всѣ подлежащія съ нихъ подати сполна
„и наличными деньгами, какъ за крестьянъ и мѣщанъ, такъ и за ино-
„родцевъ, производя расчетъ въ этомъ съ ними уже лично; в) для
„помѣщенія запасовъ хлѣбнаго продовольствія, я долженъ принять тѣ же
„самые магазины, какіе существуютъ въ разныхъ мѣстахъ края, не
„платя за оныя казни, равно и всѣ казенныя постройки, сколько оныхъ
„окажется въ наличности.

5. „Для содѣйствія мнѣ въ подлежащихъ распоряженіяхъ, находя-
„щаяся нынѣ въ Туруханскѣ казачья команда во всемъ ея составѣ, мо-
„жетъ остаться тутъ же въ существующемъ порядкѣ и если потре-
„буется оной содержаніе собственно отъ меня, то я готовъ доставлять тако-
„вое въ установленномъ размѣрѣ. А какъ и для исполненія врачебныхъ
„обязанностей долженъ находиться тамъ медикъ, то обязуюсь обезпе-
„чить и его жалованіемъ, каковое онъ нынѣ получаетъ.

6. „Такъ какъ со введеніемъ означаемаго распорядка, званіе Туру-
„ханскаго отдѣльнаго засѣдателя должно уже упраздниться, то всѣ жи-
„тели Туруханскаго края должны считаться по состояніямъ ихъ въ вѣ-
„домствѣ тѣхъ обществъ и начальствъ, къ коимъ по закону принаде-
„жать. А потому въ случаяхъ, подвергающихъ ихъ личной отвѣтствен-
„ности, они будучи преданными оной по донесенію старшихъ своихъ,
„если потребованы будутъ начальствомъ, должны быть мною же достав-
„лены до границы Енисейскаго округа и сданы по принадлежности. А
„какъ при предполагаемомъ распорядкѣ никакихъ ни казенныхъ, ни
„частныхъ исковъ съ жителями быть уже не можетъ, то въ случаѣ

„возникновенія — считать ихъ недѣйствительными. Равнымъ образомъ, „если, по распоряженію начальства, отряженъ будетъ въ Туруханскій „край, для казенной надобности, чиновникъ, то проѣздъ его туда и „обратно производиться долженъ на счетъ казны, независимо отъ меня.

7. „Еслибъ, со временемъ, число жителей Туруханскаго края, по „разнымъ физическимъ причинамъ, уменьшилось въ значительной сте- „пени, то о населеніи сего края, соотвѣтственно потребности, прави- „тельство должно, по просьбѣ моей, сдѣлать распоряженіе и такого „рода просьбы не должны оставаться безъ уваженія. А также отпу- „скать мнѣ, по требованію моему, нужное для того края количество по- „роха и свинца, буде послѣднее потребуется съ платежемъ по стоящей „казнѣ цѣнѣ, также и соли.

8. „При такомъ порядкѣ и устройствѣ, вся добываемая въ „Туруханскомъ краѣ рыба, будучи подъ однимъ хозяйственнымъ наблю- „деніемъ, какъ въ способахъ храненія и соленія оной на мѣстахъ, такъ „равно въ укупоркѣ посуды и доставкѣ оной въ Енисейскъ, можетъ, „безъ сомнѣнія, имѣть и лучшее качество и какъ правильно и своевре- „менно распредѣляемая для продажи, не будетъ возвышаться необычно- „венно въ цѣнѣ (какъ это при нынѣшнемъ образѣ торговли нерѣдко „бываетъ); также нѣтъ никакого сомнѣнія, что и звѣриный промыселъ „долженъ далеко увеличиться при тѣхъ способахъ и средствахъ, какіе „будутъ жителямъ даны“.

„Енисейскъ. Сентябрь, 1853 года“.

Вѣроятно читатель обратилъ вниманіе на содержаніе Кобачевского проекта. Каково же должно быть, на дѣлѣ, состояніе края, о которомъ можно такъ писать официально. Да, сознаемся, что положеніе края грустное: я былъ тамъ, я видѣлъ самъ. И въ тоже время никто не убѣдитъ меня, будто край не производителенъ до того, что нужно или бросить его и выселить всѣхъ оттуда, или отдать частному лицу въ арендное содержаніе. Да, никто не убѣдитъ меня; потому что въ нашъ вѣкъ уни- чтоженія всякой крѣпостной зависимости, отдавать въ арендное со- держаніе частному лицу цѣлый край, раскинутый на тысячи верстъ, вмѣстѣ со всѣмъ народонаселеніемъ и плодами трудовъ его — это... это просто возмутительно. Что же касается до того, чтобъ бросить край и выселить всѣхъ оттуда — это, по нашему мнѣнію, такая мѣра, которая похожа на «salto mortale». Развѣ можно официально и на- сильственно мертвить ту сторону, которую когда-то граждане Россіи покоряли, заселяли, и которою такъ дорожили?! (1).

(1) Объ этомъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Мы думаемъ, что скопленіе недопмкъ края и затруднительное положеніе его есть явленіе, не необходимо и неотразимо пстекшее изъ самаго края, а только случайное и потому временное. Мертвя край и выселивъ всѣхъ изъ него, мы удовлетворимъ только лѣни и невѣжеству. Напротивъ: нужно принять мѣры къ развѣдкѣ, самой основательной развѣдкѣ, причинъ, отъ которыхъ пало благосостояніе этого края; въ тоже время взглядѣться пристальнѣе въ самую природу его и выискать всѣ средства и источники, которые дастъ онъ, и развитіе которыхъ можетъ повести къ общему довольству.

Переберемъ всѣ предметы, на сколько они извѣстны намъ.

Говорятъ: „уменьшилось количество рыбы“, что и повело къ уменьшенію рыбнаго промысла. Отвѣчаю: количество рыбы ни сколько не уменьшилось; а измѣнились только условія торговли ею. Съ открытіемъ въ Енисейскѣ многихъ новыхъ потребностей, и новыхъ, выгоднѣйшихъ, оборотовъ капитала, особенно въ отношеніи къ гг. золотопромышленникамъ, енисейскіе купцы стали употреблять свои капиталы на другое. А само собою разумѣется, когда меньшее число судовъ отправляется за рыбою и съ меньшимъ количествомъ народа, менѣе и уловъ рыбы. Даже измѣненіе вкуса потребителей рыбы, требующихъ отъ нея болѣе свѣжести, а съ другой стороны пониженіе цѣнъ, приплывающими туда енисейцами, на рыбу, заготовленную туземцами заранѣе, ставятъ ихъ въ необходимость пропускать лучшее время хода то того, то другаго сорта рыбы. Да, въ 1857 году, во время своей поѣздки по Турханскому краю, я видѣлъ своими глазами рыбу, наложенную на берегу въ цѣлыя полѣнницы и безъ всякаго за нею присмотра. Слѣдовательно количество рыбы не уменьшилось.

Говорятъ: „уменьшилось количество звѣря“. Вотъ это совершенно вѣрно, хотя и тутъ играетъ большую роль лѣность, развѣшавшаяся съ учрежденіемъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Что послѣднее справедливо, доказываетъ одинъ, очень интересный случай: былъ годъ, когда отдѣльный засѣдатель рискнулъ выпускать менѣе хлѣба, такъ что, гдѣ выходило 300 пудъ, онъ выпустилъ только 75 и получилъ блестящіе результаты: трудолюбивѣе былъ уловъ рыбы, болѣе засушили ея на зиму, просуществовали благополучно, а промысла вели на столько удачнѣе, что внесли до 4000 руб. сер. недопмки, да представили 400 горностаевъ, не бывавшихъ вовсе въ теченіе предъидущихъ пяти лѣтъ.

Обѣдненіе края звѣремъ, на сколько оно дѣйствительно произошло, зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) достовѣрно извѣстно, что бѣлка, переплываясь, по какой-то причинѣ, съ одной стороны Енисея на другую, потонула во множествѣ; 2) въ 1855 году завязалось даже дѣло

о выжиганіи звѣроловныхъ лѣсныхъ мѣстъ Туруханскаго края тунгусами Богучанскаго отдѣленія; 3) такъ какъ пожары, истребляющіе лѣса, не только лишаютъ звѣря мѣстопробыванія, но и отгоняютъ дальше и дальше, то навѣрно неостались безъ послѣдствій и огромные лѣсные пожары 1859 года, занимавшіе въ енисейскомъ округѣ тысячеверстныя пространства, такъ что отъ сухости и дымности въ воздухѣ и тѣвы мало поднимались, и человѣку трудно дышалось, и осенью всѣ болѣзни принимали нервный характеръ; 4) опустошеніе численности инородцевъ сперва гнилою горячкою, а въ 1850 и 1851 годахъ оспою, при чемъ валялось всюду по лѣсамъ много труповъ и приманивало много хищныхъ звѣрей, въ родѣ медвѣдей, росомахъ и волковъ, отъ алчности которыхъ бѣжали дальше другіе лучшіе звѣри, болѣе нужные для торговли.

А чтобы видно было до какой степени уменьшилось, если не количество звѣря, то по крайней мѣрѣ количество улова его въ краю Туруханскомъ въ послѣднее время, приведу статистическія свѣденія за 1825 и 1826 года. Для сравненія надобно сопоставить ихъ съ числами, за послѣдніе 15 лѣтъ, заключающимися въ особой большой таблицѣ. Числа же за 1825 годъ извлечены мною изъ оффиціального отчета лекаря Яроцкаго въ 1827 году, помѣщеннаго въ Казанскомъ Вѣстникѣ.

Вывезено изъ Туруханскаго края:

1. Соболей	28,000 шт.	8. Лисицъ черныхъ	200 шт.
2. Песцовъ простыхъ	140,000 „	9. Бѣлыхъ волковъ	5,000 „
3. Песцовъ голубыхъ	6,000 „	10. Медвѣдей	6,000 „
4. Бѣлокъ	до 300,000 „	11. Горностаевъ	12,000 „
5. Лисицъ бѣлодушекъ	15,000 „	12. Колонковъ	7,000 „
6. Лисицъ сиводушекъ	6,000 „	13. Кротовъ	500,000 „
7. Огнёвокъ	3,000 „	14. Мамонтовой кости	250 пуд.

Говорятъ: „край бѣднѣетъ отъ уменьшенія народонаселенія“. Не отвергаю, что гнилая горячка и оспа не только повалили множество людей, но въ свое время парализовали и промышленную дѣятельность; до ловли ли звѣрей, когда инородческіе роды, съ чѣдомъ въ умѣ и страхомъ въ душѣ, бѣгали по лѣсамъ, какъ одичалые, бросая гибнущихъ собратовъ и все имущество свое.

Но не вѣчны же пожары, не всегда же будутъ тонуть бѣлки и свирѣпствовать повальные болѣзни. Это — явленія случайныя, временныя. А мы покажемъ сейчасъ сколько есть залоговъ къ улучшенію благосостоянія края.

1. Улучшить засолъ рыбы, что уже и началось съ выписки въ Туруханскъ астраханскаго засольщика. Это сдѣлано начальникомъ губерніи В. К. Падалка. Зимой на 1860 годъ мы лакомились уже въ Енисейскѣ прекрасными образцами новаго засола. Изъ рукъ этого засольщика пойдутъ, навѣрное, и балыки, и паюсная икра, и, думаемъ, вытѣснятъ привозные дорогіе матеріалы.

2. Улучшить выварку соли въ Троицкомъ солеваренномъ заводѣ, откуда соль привозится до того плохая, что, по совѣсти, не должна бы въ такомъ видѣ и въ пищу употребляться. А при засолѣ рыбы — какъ много значить достоинство соли!

3. Обратитъ особенное вниманіе на открытые въ 1859 году соляные источники по р. Сѣверной, притокъ Нижней Тунгуски. Соль эта оказалась прекрасною по своимъ разложеніямъ, сдѣланнымъ въ 1860 году. И замѣчательно, что эти ключи находятся недалеко отъ Норильскихъ озеръ, въ которыхъ до баснословности много рыбы, самой разнообразной и даже морской; есть виды и форели и семги.

4. Обратитъ вниманіе на очень крупныя селѣди, водящіяся въ озерахъ восточной тундры, что особенно важно при открытыхъ теперь соляныхъ ключахъ по р. Сѣверной, — этотъ предметъ могъ бы составить дорогую статью промышленности и торговли.

5. Заслуживаетъ упомянуть, что въ послѣднее время, изъ подъ рукъ кропотливыхъ и расчетливыхъ скопцовъ, выходили, за Туруханскомъ, даже хорошія огородныя овощи и, къ удивленію, „ячмень“.

6. Обратитъ вниманіе народонаселенія на очень хорошую муку, получаемую изъ корневыхъ луковицъ „сараны“ (*Lilium Martagon*); также и на то, что за Туруханскомъ есть жители, давно употребляющіе оленій мохъ, какъ подспорье муки, при печеніи хлѣбовъ.

7. Внушать и наблюдать за жителями, чтобы они, вмѣсто того, чтобы бросать рыбу отъ лѣтняго и осенняго избытка, сушили бы её для зимы въ порошокъ.

8. Завести по станкамъ, лежащимъ къ сѣверу отъ Туруханска, на 600 верстъ, до Дудинки, вмѣсто собакъ, по 2 лошади на каждый станокъ. Дѣло въ томъ, что собаки съѣдаютъ хлѣба вдвое противу хозяевъ, а хлѣбъ такъ дорогъ, и изъ-за него жители или берутъ запомообразно въ казенныхъ магазинахъ съ вѣчною за то недопкою, или платятъ очень дорого енисейскимъ торговцамъ. Между тѣмъ можно тамъ ставить по 70 копенъ сѣна. А за снабженіе лошадьми, полагая каждую не дороже 15 руб., можно въ теченіе трехъ лѣтъ получить обратно деньги, вычитая при выдачѣ прогонвоъ.

9. На основаніи же вышеизложеннаго, и особенно пунктовъ 5, 6,

7 и 8, можно просить объ уничтоженіи, или по крайней мѣрѣ объ ограниченіи хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Вѣдь они обременяютъ только казну расходами, даютъ возможность вахтерамъ воровать, и развиваютъ тушенство въ неразвитыхъ обитателяхъ.

10. Обратитъ вниманіе на китоловство.

11. Отмѣнить безусловное приказаніе продавать съ торговъ въ г. Енисейскѣ (въ присутствіи окружнаго управленія): одындры (шкуры среднихъ оленей), пыжи (шкурки малыхъ оленей), ровдуги (родъ замши), комысы (шкура съ ногъ) и проч., полученные въ ясачную плату. Само собою разумѣется, что, отбросивъ мысль о злоупотребленіи, вещь дороже тамъ, гдѣ въ ней нуждаются; такъ безъ этихъ вещей нельзя жить въ Туруханскомъ краю, а въ Енисейскѣ въ нихъ нѣтъ никакой нужды. Между тѣмъ предписано отвозить въ Енисейскъ и продавать въ немъ, хотя бы то было и за безцѣнокъ.

12. Предотвратить возможность повторенія такихъ случаевъ, какъ было, говорятъ, когда-то, что медвѣди, принятые въ ясакъ, въ цѣнѣ отъ 1½ до 3 рублей, продавались въ Енисейскѣ съ торговъ за полцѣны, тогда какъ въ Туруханскѣ давали купцы отъ 3 до 5 руб.; или какъ было, говорятъ, что мамонты, принятые въ недоимку за 7 р 50 к., проданы въ Енисейскѣ за 2 р. с., тогда какъ отдѣльный засѣдатель самъ лично хотѣлъ внести по 9 р. 50 к. за пудъ. Продавая такъ нерасчетливо, предписываютъ еще недополученное, противу номинальной ясачной стоимости, вписывать вновь въ недоимку.

13. Уничтожить тѣ три подвижные хлѣбные магазина, которые пребывали на Нижней Тунгускѣ по девяти мѣсяцевъ, имѣя при каждомъ по 2 вахтера и 10 рабочихъ. Вѣдь каждому изъ рабочихъ платилось по 72 р., тогда какъ одинъ засѣдатель, сказывали мнѣ, закупилъ все самъ и выдалъ, такъ что, вмѣсто 72 р., обошлось только по 32 р.

14. Уничтожить распоряженіе о непремѣнномъ взиманіи деньгами съ жителей станковъ за хлѣбъ, который могъ бытъ вѣдь купленъ и въ очень дорогое время; а почему же бы не дозволить взноса натурою, т. е. хлѣбомъ же, закупленнымъ жителями въ болѣе дешевое время? Вѣдь въ этомъ не было бы ущерба, а напротивъ польза: перемѣна хлѣба легалаго на свѣжій.

15. Дозволять выборнымъ отъ каждого станка, или лучше отъ нѣсколькихъ вмѣстѣ, плавать весною въ г. Енисейскъ для закупки хлѣба подъ берегомъ, во время сплава изъ Минусинска и Иркутска, въ это, самое дешевое время.

16. Вмѣсто обременительнаго разъѣзда г. отдѣльнаго засѣдателя по станкамъ своего Туруханскаго края, для раздачи прогоновъ, не лучше

ли разослать на станки съ почтою, гдѣ при полученіи выдавались бы и квитанціи отъ общественниковъ.

17. Внушить по станкамъ, чтобы жители ихъ не возили безъ платы прогонныхъ денегъ, не только частныхъ лицъ и скопцовъ, развѣзжающихъ взадъ и впередъ, но и самыхъ чиновниковъ.

18. Чтобы не росли недоимки отъ произвола вахтеровъ и не взыскивалось дважды и трижды одно и тоже, должно выдать на руки каждому жителю особый билетъ, въ который былъ бы заносимъ каждый дѣлаемый имъ платежъ.

Конечно, въ то время какъ пишемъ мы эти строки, такіе факты можетъ быть неповторяются, можетъ быть указанные нами мѣры, или что нибудь еще лучше ихъ, уже приняты; но мы сказали или о томъ, что бывало когда то, или могло быть, — и вѣрно никто на насъ за то не посягуетъ. Выскажемъ и еще нѣсколько мыслей.

19. Какъ можно соразмѣриѣ раздѣлить почтовую гоньбу, какъ между крестьянами, такъ и между поселенцами. А то иногда одинъ крестьянинъ, побогаче, имѣетъ по три подводы и слѣдовательно втрое противу другихъ получаетъ прогоновъ. Поселенцу же иногда и вовсе не дозволяютъ держать подводу, на томъ основаніи, что онъ не платитъ подати. Мы же думаемъ, что лучше обязать и ихъ этою пустою (въ 3 р. 50 к.) податю (чего и поселенцы желаютъ), да позволить имъ держать подводы и даже открыть имъ для этой дѣли небольшой кредитъ сначала, а тамъ и вычестъ ихъ долгъ при платежѣ прогоновъ.

20. Также устранить возможность неправильнаго дѣленія и въ отношеніи рыболовства. Приведемъ примѣръ. Осенью для ловли нельмы, на верховыхъ станкахъ, т. е. отъ Камня до Верхнеинбацка (1), нуженъ большой неводъ, сажень въ 150 и въ 200, и такихъ неводовъ даже до 10; для каждаго невода требуется по 7 человѣкъ; каждый обязанъ дать свою часть сѣти и веревокъ; нельма добывается не всюду, а только на извѣстныхъ мѣстахъ, которыя она и неперемѣняетъ; при каждомъ станкѣ есть такія мѣста и вверхъ и внизъ по теченію Енисея; для ловли жители дѣлятся на артели и идутъ артель № 1 на первое мѣсто, № 2 — на второе; а на завтра мѣняются мѣстами. Казалось бы вѣдетъ дѣло справедливо; но трудность получать коноплю и не точно опредѣленные права поселенцовъ измѣняютъ все и люди богатые забираютъ болѣе въ свои руки. Это дѣлается такъ: поселенцовъ отстраняютъ отъ

---

(1) Ниже изложены всѣ эти мѣста и разстоянія ихъ другъ отъ друга.

участія въ ловлѣ на томъ основаніи, что не платятъ подать, хотя бы они и изъявляли желаніе на то; за немѣнѣемъ у кого либо конопля для приготовленія, либо поправки невода, участіе его переходитъ, на условіяхъ между ними, къ крестьянину, болѣе зажиточному, а неводовъ бываетъ на станокъ примѣрно по 3, а въ каждомъ изъ нихъ по 6 паевъ.

21. Мы выше подали мысль объ уничтоженіи хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ, которые такъ затрудняютъ правительство, такъ дорого стоятъ ему и съ учрежденіемъ которыхъ такъ увеличилась недоимка. Эта же мысль, кажется, заявлена и официально и литературно бывшимъ окружнымъ Енисейскимъ начальникомъ г. Мордвиновымъ. А теперь мы прибавимъ, что напротивъ не достаетъ на станкахъ продуктовъ, гораздо болѣе важныхъ для обитателей Туруханскаго края, это — соли и конопля. Вѣдь выше мы подали мысль о командировкѣ, складочную нѣсколькихъ станковъ, выборнаго въ г. Енисейскъ для покупки хлѣба весною, когда онъ дешевъ; почему же вмѣстѣ съ хлѣбомъ не дозволить закупъ годовой пропорціи соли и конопля?

22. А чтобы покупка конопля была въ половину дешевле, ничего не стоитъ минусинскому исправнику закупить ее тамъ и спустить по весеннему полноводью въ Енисейскъ, при чьей нибудь хлѣбной баркѣ. Вѣдь этого продукта требуется на Туруханскій край почти 1,000 пудъ. Прибывшіе въ Енисейскъ выборные развезли бы и коноплю.

23. Еще было бы чрезвычайно важно дозволеніе учредить на станкахъ не казенные, а общественные складочные магазины. Вотъ что я думаю. Достоверно уже извѣстно, что въ верховыхъ станкахъ до Верхнеинбацка хорошо родиться могутъ, при уходѣ, картофель, морковь, рѣдька, рѣпа чрезвычайно большая, свекла. Надобно снабдить жителей хорошими сѣменами и обязать ихъ, по уборкѣ полученныхъ овощей, сдать ихъ въ предполагаемый общественный магазинъ станка. Такіе магазины, замѣтимъ мимоходомъ, должны стронься собственными руками жителей. Также каждое семейство обязано заготовить для зимы приблизительное количество засоленной рыбы и, укрупнивъ въ свою посуду, сдать въ магазинъ. Пріемъ въ магазинъ и рыбы и овощей, могутъ производиться выборными общественниками, которые должны сберегать ихъ отъ порчи, а въ полученіи выдавать расписки. Все принимаемое должно складывать въ особыя кучи для каждой семьи. Изъ того выдавать каждый мѣсяцъ по расчету, чтобы хватило на зиму, а изъ овощей осталось должное количество для посѣва. Лучше, еслибъ и огородъ былъ общій и обрабатывался всѣмъ станкомъ. По общему приговору долженъ

быть выборъ: кому идти на рыбную ловлю, кого оставлять тутъ, и конечно, оставлять для огорода надобно дѣтныхъ матерей, хворыхъ, старыхъ и ребятъ подрастающихъ. Для постоянного надзора и сбереженія огорода могутъ быть выбраны, смотря по надобности, одна или двѣ женщины.

Это сказано о жителяхъ собственно станковъ. А есть вѣдь еще инородцы. Это — Остяки, бродящіе обыкновенно около станковъ и занимающіеся по преимуществу рыболовствомъ. Для нихъ, въ теченіи зимне-осеннихъ 7^{1/2} мѣсяцевъ, тоже нуженъ хлѣбъ; а потому обязать и ихъ, по отплытіи енисейскихъ торговцевъ, для которыхъ ловятъ они рыбу, заготовить этотъ продуктъ и для себя, подобно русскимъ общественикамъ, и сдать въ тѣ же магазины. Подобная мѣра была бы важна въ другомъ отношеніи: она сдѣлала бы инородцевъ (Остяковъ) болѣе съ русскими, сдѣлала бы ихъ какъ бы общественниками и приучила бы къ осѣлости, тѣмъ болѣе, что Остяки считаются всѣ давно христианами.

24. Еще, думаемъ, нужно постановить, чтобы подъ именемъ жителей, душъ, разумѣлись и женщины, потому что въ этомъ краю онѣ вьзять подводы, неводятъ и отправляютъ все, что въ другихъ мѣстахъ составляетъ принадлежность только мужчинъ. Есть такіа семейства, въ которыхъ отъ 4 до 6 взрослыхъ мужчинъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ во всемъ свой пай и за тѣмъ достаточныя средства къ пропитанію. Между тѣмъ какъ есть семьи, въ которыхъ одинъ только мужчина, а остальные все женщины; слѣдовательно, какъ же взрослымъ женщинамъ не быть пайщицами во всемъ, и главное въ рыбной ловлѣ, которою онѣ занимаются отнюдь не хуже мужчинъ. Должно также надѣлать паями вновь причисляемыхъ къ станку поселенцовъ; а равно и остающихся послѣ нихъ малолѣтнихъ сыновей, которые хотя не платятъ податей, но вѣдь отъ этого зависитъ пропитаніе матери и сестеръ (особенно пока взрослые женщины не будутъ пайщицами). Каждому вновь поселяемому поль-пая надобно давать тотчасъ, а полный пай по заведеніи уже снастей. Старики, неспособные къ рыболовству, могутъ сохранять свой пай, пока будутъ присылать за себя работниковъ. Такъ какъ каждый взрослый долженъ имѣть свой пай, то надобно сдѣлать ограниченіе въ паяхъ для семействъ слишкомъ многочисленныхъ. Полнымъ работникомъ надобно считать съ 18-ти лѣтнаго возраста, а съ 14-ти лѣтнаго только полуработникомъ.

Полагаемъ, что всѣхъ вычисленныхъ нами мѣръ было бы весьма достаточно для упроченія благосостоянія жителей Туруханскаго края, тѣмъ болѣе, что платятъ они податей только 3 р. 50 к., не несутъ

рекрутскихъ повинностей, не содержать волостныхъ правленій и дорого стоящихъ писарей, и проч., такъ что сѣверные станки, примыкающей къ Туруханскому краю волости Анцыферовской, особенно отъ Ярцовой до Вороговой, находятся въ несравненно худшихъ условіяхъ. Положимъ, что обѣднѣніе Анцыферовской волости, съ водвореніемъ золотопромышленности, произошло отъ общихъ причинъ, уже сказанныхъ выше; вѣдь родился прежде въ этой волости и хлѣбъ, и ленъ, и конопля, тогда какъ теперь все это брошено. Но сѣверные-то станки, съ одной стороны, не принимаютъ участія въ перевозкѣ тяжестей на промысла, а съ другой — отбываютъ всѣ повинности на общемъ основаніи; между тѣмъ какъ природа ихъ почти та же, что въ верховыхъ станкахъ Туруханскаго края. Надобно бы, полагаемъ, подумать объ ихъ облегченіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Поверхность, горы, воды, почва, грунтъ и климатъ.

Енисейскій округъ лежитъ въ бассейнѣ рѣки Енисея. Бассейнъ заключенъ (какъ сказано въ ст. Об. Спб. Гагемейстера): „между горъ, на „почвѣ болѣе каменистой, чѣмъ ровной, болотистой, озерной и солончаковой; при воздухѣ сухомъ и прозрачномъ, при малости снѣга и „дождя, но при большихъ и раннихъ изморозяхъ.“ Таковъ этотъ бассейнъ въ южныхъ округахъ губерніи; но въ Енисейскомъ, если съ восточной стороны и тянутся еще горы рядами, берегъ такъ же высокъ, такое же множество рѣкъ быстро катится съ горъ въ Енисей, то на западной—горы, провожавшія эту рѣку въ южныхъ округахъ и откидывавшія на западъ рѣки, направлявшіяся было къ Енисею, исчезаютъ, или, вѣрнѣе, теряются въ плоскихъ, сырыхъ возвышенностяхъ, между которыми стоятъ непросыхающія болота, и такъ до самого моря; слѣдовательно и климатъ, особенно въ мѣстахъ, гдѣ ни мало не тронута дремучая тайга, напротивъ, сыръ, дождей довольно, снѣговъ очень много. Да не подумаютъ, что я совершенно отвергаю мнѣніе достопочтеннаго автора. Ни мало; я указываю только на то, что видоизмѣненіе мѣстности лѣваго берега и дремучая тайга по низменностямъ въ Енисейскомъ округѣ влияют на видоизмѣненіе и климата, — хотя, съ другой

стороны, это же измѣненіе было несравненно бы рѣзче, если бъ не вліяла на то общая картина бассейна. И въ самомъ дѣлѣ: бассейнъ этотъ, заключенный между горъ и въ центрѣ Сибири, не можетъ получать вѣтровъ теплыхъ и влажныхъ, во 1-хъ потому, что отъ Атлантическаго океана очень далека и засторонена, кромѣ своихъ горъ, (исключая Туруханскаго края), еще уральскимъ хребтомъ; во 2-хъ — отъ сырыхъ вѣтровъ Тихаго океана, кромѣ нѣсколькихъ грядъ своихъ горъ, огражденъ отчасти Камчатскимъ полуостровомъ и грядою Курильскихъ острововъ; между тѣмъ какъ въ Охотскомъ морѣ ледъ держится (и слѣдовательно мало даетъ испареній) иногда до августа; въ 3-хъ — съ юга прикрытъ хребтомъ горъ; въ 4-хъ — на сѣверъ хотя бассейнъ и открытъ и даже пока къ морю, но ледовитое море мало испаряетъ и пропизываетъ чуть ли не всю ложбину бассейна до прелестныхъ минусинскихъ пастбищъ своими рѣзкими, холодными, сухими вѣтрами. Къ этому же надобно прибавить: 1) что влага при холодѣ мало держится въ воздухѣ и скоро падаетъ на землю снѣгомъ или дождемъ; 2) что, при крайне быстромъ таяніи весной, не успѣваетъ довольно образоваться испареній и все стекаетъ въ ручьи и рѣчки; 3) что изъ сихъ послѣднихъ несется въ Енисей, а онъ вливается безостановочно въ Ледовитое море, откуда уже въ испареніяхъ почти не возвращается и, вблизи его по тундрамъ такъ холодно, что влага происходящая отъ дыханія мгновенно летитъ порошечками на укатанную плотно, какъ кость, поверхность снѣга, да въ прозрачной суши воздуха величаво играетъ природа сѣверными сіяніями. Такова общая картина, но далѣе мы увидимъ ея видоизмѣненія отъ мѣстныхъ, частныхъ и даже случайныхъ условій; даже тѣ же тундры, — лѣтомъ влажно зыбучія, вліяютъ на воздухъ иначе, особенно на лѣвой сторонѣ, далеко уже къ югу потерявшей гряду горъ, смѣнившихся валунами, и слѣдовательно открытой западнымъ вѣтрамъ. Только почти 100 верстъ лѣвый берегъ Енисейскаго округа сходенъ съ Красноярскимъ, а тутъ уже горы начинаютъ исчезать. Вообще округъ болѣе гористъ чѣмъ отлогъ. Отлогости его составляютъ плоскія, сырыя возвышенности, покрытыя мѣстами непрорыхляющими болотами и дремучею тайгою. Юго-западная площадь, перерѣзываемая рѣкою Кемью, со впадающими многими рѣчками, вмѣщаетъ четыре волости: Казачинскую, Маклаковскую, Бѣльскую и нѣкоторую часть Анциферовской. Самые высокія горы, состоящія изъ кристаллическихъ породъ, идутъ съ восточной стороны, сопровождая обширную рѣку Верхнюю Тунгуску, называемую въ Иркутской губерніи Ангарою, берега которой мѣстами образуютъ незначительныя, низменныя долины, и на нихъ кое-гдѣ устроены селенія. Отъ хребтовъ этихъ горъ идутъ къ сѣверо-западу гряды

флецовыхъ горъ, образуя, между болѣе или менѣе обширными ущельями ихъ, незначительныя долины. Долины эти раздѣляются горными малыми рѣками, вытекающими изъ ключей и болотъ (никогда непроходимыхъ въ тундристой почвѣ), и обѣятыхъ густымъ, почти непроходимымъ лѣсомъ, именуемымъ „тайгою“, чрезъ которую рѣдко когда проникаютъ солнечныя лучи. Тунгузскіе хребты горъ, имѣющіе у подошвы своихъ селенія, горделиво всходятъ на пѣвѣстныхъ пространствахъ въ видѣ сопокъ, значительно возвышенныхъ надъ уровнемъ рѣки. Сопки эти формируютъ при подошвѣ каменистую равнину, а на самой верхушкѣ иногда имѣютъ провалъ, выполненный водою на неизмѣримую глубину, въ видѣ пзвращеннаго конуса. Такая сопка есть при деревнѣ *Ковъ*, Кежемской волости. Идущія рядами къ сѣверо-западу, сплошныя массы горъ, поросшія дремучимъ лѣсомъ, богаты естественными произведеніями, заключающимися въ обиліи драгоценныхъ металловъ: серебра и преимущественно золота, не говоря уже о желѣзной рудѣ, повсюду разсыпанной въ земной ихъ почвѣ; равно видны слѣды и мѣди. Золотоносныя россыпи, гнѣздящіяся большею частію, при подошвѣ въ особенности сланцевыхъ горъ, мѣстами съ гранитомъ и кварцомъ въ валунахъ, мѣстами же въ отлогостяхъ ихъ, заставили промышленниковъ разрабатывать эти горы. Съ 1840 года тамъ, гдѣ открыто мѣсторожденіе этого металла, стали устраиваться въ тайгѣ заводы, для разработки и промывки его. При постепенныхъ открытіяхъ золота въ отлогостяхъ горъ, начиная отъ рѣки Каменки, прилегающей устьемъ къ правому берегу рѣки Тунгуски, внизъ до устья послѣдней, и уклоняясь постепенно къ сѣверо-западу до устья рѣкъ, выпавшихъ въ Енисей: Тиса и Пита, золотыя пріиски раздѣлились на двѣ части или системы: А) южную, по теченію рѣки Удерсъ, впаваго въ упомянутую рѣку Каменку, и Б) сѣверную — по направленію сказанныхъ рѣкъ Тиса и Пита. Кромѣ металловъ, въ нѣкоторыхъ горахъ по Тунгускѣ находятъ породы минераловъ и ископаемыхъ: аква-марины, сердопки, желтый топазъ, и есть даже цѣлая гора отѣнной слюды, на правомъ берегу рѣки Тасѣвой, устьемъ своимъ павшей въ рѣку Тунгуску, близъ селенія Кандаки.

За этимъ очеркомъ перейдемъ къ почвѣ.

Грунтъ земли этого округа чрезвычайно разнообразенъ: подъ городомъ соединеніе песка съ иловатою землею, усыянную мѣстами булыжникомъ и глиною, а черноземъ только въ огородахъ.

Въ волостяхъ, по направленію лѣваго берега рѣки Енисея, начиная отъ Красноярскаго округа внизъ до Енисейска, грунтъ земли въ низменныхъ мѣстахъ песчано-глинистый, а на возвышенностяхъ сплошной

черноземъ, какъ въ Казачинской, Маклаковской и Бѣльской волостяхъ. Потому въ этихъ мѣстностяхъ удовлетворительное хлѣбородіе, особенно въ первой изъ сказанныхъ волостей, какъ болѣе южной части округа, гдѣ постоянный черноземъ не выпаживается, и жители здѣсь довольствуются почти постояннымъ урожаемъ; но въ остальныхъ двухъ волостяхъ, гдѣ тонкое наслоеніе чернозема съ глиноземомъ, менѣе прочно хлѣбопашество и земледѣльцы должны мѣнять свои пашни на новыя, чрезъ каждое трехъ-лѣтіе.

Въ Яланской же и Анцыферовской волостяхъ, гдѣ грунтъ земли—глина съ супескомъ и иломъ, гдѣ скопище болотъ, озеръ и вѣковыхъ лѣсовъ, хлѣбородіе гораздо меньшее и оно поддерживается чрезъ удобреніе полей навозомъ. Онъ привозится изъ селеній на пашни, отдаленныя отъ нихъ на 15, 20 и даже 40 верстъ. Пашни эти называются „гары“, потому что для нихъ выбираются мѣста, гдѣ до того лѣсъ выгорѣлъ, или разрушенъ бурями. Удобрение тутъ повторяется и пашни переменяются почти каждое двухъ-лѣтіе. Здѣсь хлѣбопашество слишкомъ ограничено, какъ отъ неблагодарной почвы, недостатка рукъ большею частію малосемейныхъ крестьянъ, такъ и отъ суроваго климата, при раннихъ инеяхъ, замораживающихъ хлѣбныя посѣвы еще въ началѣ ихъ созрѣванія. Потому яровые хлѣба на этой почвѣ не всегда доходятъ, и слѣдовательно сборъ ихъ очень скуденъ. Вслѣдствіе того жители засѣваютъ только озимую рожь, и ранніе всходы ея вознаграждаютъ трудъ земледѣльца, тогда какъ пшеницу не сѣютъ по всей Анцыферовской волости, потому что ни грунтъ земли, ни климатъ не благоприятствуютъ ея растительности.

Въ волостяхъ же Бугучанскаго отдѣленія — Кежемской и Пинчукской, вблизи береговъ рѣки Тунгуски, хлѣбъ не родится вовсе, потому что тамъ глинисто-каменистый грунтъ съ песчанымъ, рѣдко глина съ булыжникомъ, разныя породы глины красной, яблочно-зеленой, вохры, зеленовато-сѣраго песка, зеленовато-синяго лигнита, кремнезема, сплошнаго и охристаго песчаника съ глиною. Поэтому посѣвы дѣлаются по бережьямъ рѣчекъ, впадающихъ въ Ангару съ южной стороны, или также на горахъ, гдѣ глина удобряется навозомъ, свозимымъ изъ дворовъ. На островахъ же Ангары пользы запашки мѣшаютъ весеннія наводненія.

Климатъ округа, покрытаго вообще густыми лѣсами, рѣками и болотами, чрезвычайно суровъ. Здѣсь господствующее время года есть зима, продолжающаяся отъ октября до апрѣля мѣсяца. Стужа превышаетъ часто 35° по Реомюру. Средняя глубина снѣга въ лѣсахъ 2½ аршина. Преимущественно въ февралѣ мѣсяцѣ выпадаютъ почти еже-

дневно снѣга. Глубина промерзанія простирается до 2-хъ, а на болѣе открытыхъ мѣстахъ около 3-хъ аршинъ. Въ апрѣлѣ чаще всего начинаются проталыны и проявляются иногда ясные весенніе дни, въ теченіи которыхъ снѣгъ, неосаживаемый никогда оттепелями, исчезаетъ съ необыкновенною быстротою; но очень рѣдко этотъ снѣгъ сохраняетъ постепенность въ таяніи, производимомъ оттепелями и дождями, въ это время начинающими выпадать. Въ маѣ иногда снова наступаютъ холода, когда снѣгъ и градъ спорятъ съ дождями; за то въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ большею частію выстаетъ ясная погода, и въ это самое короткое лѣто наступаютъ жары. Они восходятъ до 30° по Реомюру, продолжаясь не далѣе августа мѣсяца, когда наступаютъ уже холодные, съ инеями, утренники, а въ сентябрѣ проявляется ненастная погода, которая и продолжается до заморозковъ или начала зимы въ октябрѣ мѣсяцѣ. Вообще температура въ Енисейскомъ округѣ чрезвычайно непостоянна; однакожь въ 1842 году сентябрь и почти весь октябрь мѣсяцы были безснѣжны, и дни такъ ясны, что никто изъ старожиловъ такихъ и не упомнить. Но это явленія, въ здѣшнемъ климатѣ, рѣдкость. Часто въ іюнѣ мѣсяцѣ бываютъ холода, какъ 1858 года, кон мѣшаютъ произрастенію травъ, хлѣбовъ и даже огородныхъ овощей; за то когда наступятъ короткія ночи и установится теплая погода, тогда растительность быстро развивается. Заморозки осенніе, начинающіеся иногда съ 1 сентября, менѣе вредны весеннихъ, ибо растенія ихъ переносятъ — какъ бы привыкнувъ уже къ постепенности холода; только въ окрестности болотъ они иногда портятъ посѣвы овса, пшеницы и гороха, если таковые не убраны были по причинѣ лѣтнихъ, съ короткими перемерзками, дождей. Огородныя сѣмена не вездѣ дозрѣваютъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, кон здѣсь считаются господствующими въ осеннее время. Обыкновенные въ этомъ округѣ вѣтры: сѣверный и восточный; при этихъ вѣтрахъ чаще стоитъ ясная погода; при южныхъ, напротивъ, и юго-западныхъ — идутъ дожди. Переменная вѣтра съ сѣвера на югъ, и на оборотъ, бываетъ нерѣдко и безъ всякой постепенности. Всегда послѣ дождя слѣдуетъ холодъ, потому что южный вѣтеръ смѣняется сѣвернымъ. Весною бываютъ только мѣстами, и очень рѣдко, бури, сокрушающія лѣса на значительныя пространства, какъ и было нѣкогда въ Бѣльской волости. Вообще говоря, число пасмурныхъ дней превосходитъ число ясныхъ.

Подробности же, относящіяся къ сему предмету, равно и поверхность края Түрүханскаго, будутъ при изложеніи водной системы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Главная рѣка — Енисей прорѣзываетъ зигзагомъ средину населенной части Енисейскаго округа. Она идетъ отъ юго-востока на сѣверо-западъ по каменисто-песчаному грунту, съ большою быстротою. Логовина Енисея покатъ къ сѣверу. Правый берегъ Енисея болѣе утесистъ и на немъ немного низменныхъ отлогостей и лѣсистыхъ долинъ, съ избыточною тундрою и никогда не просыхающими болотами. Лѣвый же берегъ болѣею частию не высокъ и весь теряется въ плоскихъ, сырыхъ возвышенностяхъ, на которыхъ много болотъ, обросшихъ лѣсомъ на большое разстояніе къ сѣверо-западу. Рѣка Енисей ⁽¹⁾, (разумѣя подъ этимъ наименованіемъ все теченіе до моря), такъ важна, что о ней и ея многочисленныхъ притокахъ надобно сказать подробно.

По изслѣдованіямъ послѣдней экспедиціи, въ которой принималъ участіе астрономъ Шварцъ, оказалось, что на территоріи китайской еще изъ озера Коссогола начинается рѣка, имѣющая сперва направленіе западное.

За тѣмъ подъ $51^{\circ}44'$ и $3''$ сѣверной широты и 69° и $32'$ восточной долготы, въ 450 верстахъ южнѣ города Минусинска, есть мѣсто пограничнаго знака, состоящаго изъ большаго деревяннаго креста съ нашей стороны и изъ наложенной въ формѣ утки кучи камней — со стороны китайской. Тутъ Енисей имѣетъ уже въ ширину до 250 сажень и называется Кемью, что соеты и минусинскіе племени называютъ словомъ „большая лодка“.

За тѣмъ до самаго Минусинска, рѣка протекаетъ съ юго запада на сѣверо-востокъ и названіе „Енисей“ кн. Костровъ производитъ отъ испорченнаго русскимъ тунгузскаго слова, „Иханесъ“, т. е. большая вода.

Въ русскихъ владѣніяхъ впадаютъ въ Енисей слѣдующія рѣки: 1) рѣчка Пограничная (съ правой стороны); 2) рѣчка Сосновая (съ лѣвой); 3, 4 и 5) рѣчки Теплая, Листвянная и Солонечная (тоже), 6) Усь (съ правой) — первая значительная рѣка, берущая начало въ кп-

---

(1) Мы все таки подъ Енисеемъ разумѣемъ всю ту рѣку, которая съ китайской границы до Ледовитаго моря протекаетъ по всему пространству Енисейской губерніи; перемѣнимъ это общепринятое названіе тогда только, когда мнѣніе, давно еще г. Черепановымъ пущенное въ литературный оборотъ, о значеніи Ангара какъ главной рѣки, — будетъ доказано научно и обстоятельно.

тайскихъ границахъ, гдѣ и кочуютъ тысячи саетовъ, находится подѣ 52° 7' и 17'' сѣверной широты, и хоть мелководна, а все таки плоты по ней плаваютъ; золота же во всей системѣ этой рѣки такъ мало, что нѣтъ и разработокъ; въ вершинахъ предполагается мѣсторожденіе каменной соли; противу устья Уса, по словамъ кн. Кострова, Енисей „шириною верста и безъ острововъ“.

Далѣе, т. е. со впаденія уже въ Енисей этой значительной рѣки, мы не будемъ упоминать мелкія рѣчущи; потому скажемъ, что съ правой же стороны одна за другой впадаютъ—Погорѣлка, Малый Тепсель, Большой Тепсель и Кызыр-сунъ (5, 6, 7 и 8); всѣ онѣ изобилуютъ мелкою рыбой.

За тѣмъ подѣ 52°35' сѣверной широты находится „Большой“ порогъ. Онъ весьма опасенъ, волны заливаются на плотъ и потому людей непривычныхъ или трусливыхъ тутъ привязываютъ къ плоту; Енисей здѣсь слабо замерзаетъ зимою.

За тѣмъ за рѣчкой (9) Березовой (обильной мелкою рыбою), находится (на 95 верстѣ ниже „Большаго“) другой порогъ, поменьше, Березовый.

За тѣмъ на 40 верстѣ еще ниже впадаетъ съ лѣвой стороны значительная и рыбная рѣка; она названа на картѣ г. Щеплнна, 1855 года, „Большой Кинтагиръ“, а въ ст. кн. Кострова „Кадыгиръ“ (10).

За тѣмъ оставивъ безъ особеннаго вниманія рѣчку Дажей (11) съ лѣвой стороны, а Глубокую и Сизую (12 и 13) съ правой, необходимо сказать, что верстѣ около 25 выше еще, находится по обоимъ берегамъ Енисея мѣсторожденіе прекраснаго (какъ отзывается кн. Костровъ) бѣлаго мрамора, а также и то, что есть интересный утесъ, гдѣ находятъ такъ называемое каменное масло желтаго, бѣлаго, и снѣга цвѣта.

Потомъ еще 15 верстѣ Енисей идетъ тѣснѣя между горъ, и за тѣмъ подѣ 53° 52' сѣверной широты и 109° восточной долготы вливается въ равнину, перекачаться черезъ одинъ изъ валуновъ, въ которые теперь начинаютъ уже разбрасываться хребты, доселѣ державшіеся опредѣленнаго направленія.

Верстѣ 50 сѣвернѣе впадаетъ довольно большая рѣка (14) Оя, замѣчательная и обиліемъ рыбы, и отсутствіемъ пороговъ, и прекрасными сѣнокосными и хлѣбопахатными мѣстами по берегамъ. Еще на 50 верстѣ сѣвернѣе стоитъ, при рукавѣ Енисея, городъ Минусинскъ.

Отъ Минусинска Енисей начинаетъ склоняться немного на западъ и такъ на протяженіи до 100 верстѣ. На семъ пространствѣ впадаетъ въ 12 верстахъ съ лѣвой стороны большая рѣка Абаканъ (15), но она

омывает пространства степныя и неспособна къ судоходству, а плоты спускаются только въ большую воду.

Версть 37 ниже Минусинска впадаетъ въ Ен. съ прав. стор. (16) рѣка Туба, замѣчательная, во-1-хъ, обиліемъ рыбы и даже очень вкусныхъ небольшихъ сиговъ и омулей; во-2-хъ, возможностью сплавлять плоты, а барки съ трудомъ; въ-3-хъ, въ особенности золотоносностью системы ея (т. е. и по притокамъ самой Тубы и по притокамъ притоковъ ея). Туба какъ будто составляется изъ трехъ рѣкъ: съ юга Амыла, съвернѣе — Казыра и еще ниже — Кизыра. Изъ рѣчекъ и ключковъ, впадающихъ въ каждый изъ этихъ 3-хъ притоковъ Тубы, отличаются золотоносностью системы рѣкъ Амыла и Казыра, но и это болѣе содержаніе золота не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ притоками Енисейскаго округа, хотя за то тайга эта отличается прекраснымъ здоровымъ климатомъ, обиліемъ травъ и хлѣба.

Здѣсь я приостанавливаюсь, чтобы сказать нѣсколько словъ о той горной цѣпи, которая, давши золотоносныя росыпи въ Минусинскомъ округѣ, поднимается къ лѣвымъ притокамъ Ангара. Отъ точки соединенія Абаканскихъ горъ съ Саянскими, эти послѣднія продолжаются на востокъ и пересекаютъ долину р. Енисея. На правой сторонѣ этой рѣки отъ нихъ отдѣляется къ с.-в. невысокая отрасль, омываемая съ ю.-в. притоками р. Усь, впадающей въ Енисей между отрогами Саянскаго хребта. Отрасль эта становится выше въ вершинахъ Уса и тянется вдоль правой стороны Енисея, составляя золотоносный кряжъ округовъ Минусинскаго и Красноярскаго. Западный склонъ этого кряжа даетъ начало многимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Енисей. Главнѣйшія изъ нихъ: Амылъ, Казыръ и Кизыръ, образующія по соединеніи всѣхъ трехъ рѣку Тубу, за тѣмъ Сыда и Сисимъ въ Минусинскомъ округѣ, Мана — въ Красноярскомъ. Къ сѣверу отъ Амыла, и въ особенности по Казыру и Кизыру, хребетъ значительно расширяется на востокъ и идетъ къ вершинамъ лѣвыхъ притоковъ Ангара (Верхней Тунгузки). Горныя породы этой мѣстности состоятъ изъ двухъ напластованій. Одно изъ нихъ отличается краснымъ цвѣтомъ породъ, зависящимъ отъ желѣзной охры, и состоитъ изъ глинистаго сланца и песчаника, съ пропластками конгломерата, розоваго или бѣлаго известняка. Другое напластованіе состоитъ изъ известковатаго сѣраго глинистаго сланца, переходящаго въ известнякъ, и изъ сѣраго песчаника. По правую сторону Енисея, по Амылу, красный глинистый сланецъ составляетъ возвышенія, сосѣднія съ гранитными, а по Кизыру и Сыдѣ встрѣчаются и красный глинистый сланецъ, поднятый гранитомъ, и известковатый глинистый сланецъ, поднятый зеленымъ камнемъ. Южнѣе Минусинска, на правомъ берегу Ени-

сел, а также по рѣкѣ Бѣлому Юсу (¹), въ красномъ глинистомъ сланцѣ и песчаникѣ находятся соляные источники. На всемъ пространствѣ по рѣкѣ Амылу, отличающейся золотоносностью, господствуютъ метаморфическіе сланцы, образующіе по берегамъ Амыла крутые и вертикальные утесы, и представляющіе переходы отъ тонкослоистаго глинистаго сланца въ слюдяной и хлоритовый. Въ золотоносныхъ розсыпяхъ встрѣчается въ маломъ количествѣ зеленый камень. Почва ихъ и галька состоятъ изъ сланца и большаго количества кварца; изрѣдка встрѣчается между гальками красная и черная яшмы. Въ вершинахъ рѣкѣ Амыла и Уса проходитъ хребетъ, состоящій изъ одного гранита, и отличающійся необыкновенно угловатыми очертаніями.

Будемъ продолжать теперь путь далѣе по Енисею.

Протекши эти 100 верстъ, Енисей огибаетъ село Абаканское, дѣлая поворотъ съ запада на сѣверо-востокъ и въ этомъ мѣстѣ раздѣлившись островами на части и расширяясь въ большую воду верстъ на 12, дѣлаетъ перевозъ несказанно труднымъ. Склонъ этотъ простирается до конца Минусинскаго округа и Енисей то разливается, образуя острова, по мѣстамъ ровнымъ, то сдавливается горными хребтами, опуская мелкія рѣчки, въ него текуція. Упомянемъ впадающую не далеко отъ этого поворота, справа стороны, рѣку (17) Сыду; потомъ верстъ за 50 до границы (18) рѣку Убей и верстъ за 25 рѣку (19) Сиссимъ, сдѣлавшуюся въ послѣднее время весьма интересною, потому что на ней заявлено нѣсколько приисковъ, по слухамъ съ богатымъ содержаніемъ.

За тѣмъ Енисей вступаетъ въ округъ Ачинскій, продолжается въ немъ верстъ 100 въ томъ же направленіи и не принимаетъ въ себя ни одной рѣки, замѣчательной либо величиною, либо золотыми промыслами, потому что всѣ рѣчки съ золотосодержащими розсыпями Ачинскаго округа, лежатъ по Бѣлому, Черному и Сарала-Юсамъ, сливающимся вмѣстѣ для составленія Чулыма, какъ одного изъ большихъ притоковъ съ правой стороны рѣки Оби.

За тѣмъ, вступивъ въ Красноярскій округъ, Енисей дѣлаетъ вдругъ поворотъ на западъ, потомъ поднимается на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ прямо на востокъ; но принявъ съ правой стороны рѣку Ману, начинаетъ слегка едва замѣтно отводить свое восточное теченіе нѣсколько къ сѣверу до самаго города Красноярска, откуда уже идетъ на сѣверо-востокъ. Впавшая тутъ рѣка Мана идетъ изъ Канскаго округа

(¹) Рѣка Бѣлый Юсъ упоминается здѣсь собственно потому, что по ней находятся соляные источники.

и имѣетъ теченія верстъ 260; по ней есть золотыя россыпи, но съ весьма слабымъ содержаніемъ.

Противъ самаго же Красноярска впадаетъ рѣчка Кача, по которой также найдены золотыя россыпи, но съ слабымъ содержаніемъ.

За тѣмъ до границы съ Енисейскимъ округомъ — рѣка Енисей первую половину идетъ на сѣверо-востокъ, а вторую слегка поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Въ точкѣ изгиба, съ которой онъ начинаетъ уже составлять границу между Красноярскимъ и Канскимъ округами, до самаго Енисейскаго округа, впадаетъ съ правой стороны большая рѣка Канъ; она, разнообразно изгибаясь, обтекаетъ южную половину Канскаго округа; теченіе ея считаютъ болѣе 500 верстъ; Канъ замѣчательнъ золотоносными россыпями (хоть и съ малымъ содержаніемъ), по нѣкоторымъ изъ своихъ притоковъ.

Вступивъ въ Енисейскій округъ, рѣка эта протекаетъ сперва по волости Казачинской, имѣя направленіе почти на сѣверъ; обыкновенная ширина ея отъ 1 до 2-хъ верстъ и глубина сажень 6, а при весеннемъ разливѣ ширина до 6 верстъ и глубина сажень 12; о быстротѣ можно судить изъ того, что при весеннемъ разливѣ судно проплываетъ отъ 10 до 15 верстъ въ часъ, а безъ разлива около 9-ти; на всемъ протяженіи Енисея по этой волости (а именно 125 верстъ) уклонъ до 289 сажень. Правый берегъ вообще каменистый, очень высокій, образуемый горами скалистыми; лѣвый же напротивъ песчаный и низкій, отлогій и отменный. Значительныхъ, впадающихъ здѣсь въ Енисей рѣкъ, нѣтъ. Острововъ по Енисею 9 — Ушканій, Латынцовъ, Еловой, Галановскій, Барчанской и Ханжинъ. На 30 верстъ выше села Казачинскаго, противъ деревни Порожинской, есть порогъ во всю ширину Енисея, который имѣетъ, впрочемъ, для сплава судовъ, плотовъ и барокъ два прохода, большой и малый ⁽¹⁾. Сѣверо-восточный уголъ Казачинской волости

⁽¹⁾ Порогъ этотъ называемый Енисейскимъ, находится отъ Красноярска въ 185 верст., а отъ Енисейска въ 133 верстахъ. У сказанной деревни на лѣвомъ берегу — его начало: въ другой дер. „Залевъ“ — живутъ вожи (лоцмана). Начинается порогъ воротами: съ правой стороны камень „гуменикъ“, а съ лѣвой опаснѣе — тамъ плита, влекущая на себя быстрымъ теченіемъ воды и тутъ безъ вожаковъ гибнуть. Порогъ тянется верстъ на 10 и имѣетъ послѣ начала: первую на версту; за тѣмъ оран; за тѣмъ черезъ версту „майдашнй“ камень, тянущійся на полверсты и за тѣмъ частички. Ворота шириною сажень въ 30. Въ $\frac{1}{2}$ часа плоты пробѣгаютъ весь порогъ: такъ быстро! Шумъ такъ великъ, что крикъ вожаковъ заглушается. Потомъ ниже этого порога есть еще небольшой порогъ, называемой „Быкъ камень“.

захватываетъ своимъ теченіемъ Верхняя Тунгуска, но ея теченіе будетъ изложено ниже. Изъ большихъ рыбъ водятся здѣсь осетры, таймени, нельма, щука, мokusunъ, стерлядь, налимъ, язь и мелкая рыба, болѣе и ловящаяся въ мелкихъ рѣчкахъ, а именно: снгги, хайрюзы, окуни, ерши, пискари, тугуны. Озеръ большихъ нѣтъ, да и небольшихъ то болѣею частію болотистыя, частію вовсе безрыбныя, частію дающія немного мелкихъ карасей и ленковъ. Болотъ въ лѣсныхъ и таежныхъ мѣстахъ много; поддерживается болотистость иногда разливами Енисея и свойствомъ грунта. Мельницъ по рѣчкамъ разбросано 63. Въ этомъ южномъ углу округа (гдѣ на протяженіи около 200 верстъ, лежатъ волости Казачинская и Маклаковская) сосредоточены и населеніе и дѣятельность округа: черезъ нихъ идетъ и почтовый трактъ до шумнаго и вѣчнодвижущагося центра золотопромышленниковъ, Енисейска. Прибавлю, что въ Казачинской волости селъ 4, деревень 37; расположеніе ихъ совпадаетъ преимущественно съ почтовымъ трактомъ; по Енисею только слѣдующія: Заливская, Порожнинская, Галанина, Падерина, Курбатова, Мамотова, Сполошная, Борчанская, Клоповская. Число всѣхъ домовъ (въ 1859 г.) 1283; населеніе — мужчинъ 3706 и женщинъ 3635: цифры весьма большія въ отношеніи къ пространству. Хотя Енисей идетъ въ этой волости вообще на сѣверъ, но склонъ все таки имѣетъ на востокъ и за тѣмъ дѣлаетъ вдругъ поворотъ на западъ, какъ будто для соединенія съ Верхней Тунгузкой. Въ этомъ мѣстѣ хребетъ горъ съ правой стороны удаляется отъ русла, дробится валунами и образуетъ между ними долины съ густымъ лѣсомъ, болотами и впадающими въ нихъ ручьями и рѣчками; потому въ деревняхъ — Мамотовой, Сполошой, Клоповской, Борчанской и Падеринной — сильно распространены зобы. Кромѣ Верхней Тунгузки на сѣверо-востокѣ, имѣющей быть описанною далѣе, играетъ на юго-западѣ этой волости нѣкоторую роль рѣка Кемь, и на ней стоитъ 6 деревень; описана она будетъ ниже. Въ этой волости есть одна переправа карбазомъ на рѣкѣ Тасѣевой, большомъ притоцѣ Ангары; тутъ путь на южную систему золотыхъ приисковъ. Рѣчныя долины въ этой волости болѣе каменисты, песчаны и иловаты.

За тѣмъ Енисей вступаетъ въ волость Маклаковскую и идетъ къ сѣверу, сильно склоняясь на западъ; тутъ протяженіе его верстъ на 80; уклонъ его, по испытаніи 25-го апрѣля 1855 года ватерпасомъ, въ 2-хъ аршинахъ — $\frac{1}{4}$ вершка; 15 мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ въ этой волости въ Енисей, не стоитъ описывать; но значеніе ихъ очевидно, потому что ими въ разныхъ направленіяхъ пересѣкается пространство не большой Маклаковской волости, вмѣщающей однако 4

села, 21 деревню, много мельницъ, 815 домовъ и народонаселенія, по 10-й народной переписи, мужскаго пола 2,218 душъ, а женскаго 2,261 душу. Острововъ, на протяженіи этихъ 80 верстъ, по Енисею находится 8, изъ которыхъ 3 въ длину отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ верстъ и отъ 80 до 300 сажень въ ширину, прочіе же малы; на островахъ никакого жилья нѣтъ, отчасти покрыты они кустарникомъ, болѣе же годны для сѣнокосовъ. Переправа есть черезъ Енисей изъ деревни Каргиной (съ почтоваго тракта) въ деревню Савину для перехода на трактъ въ отдѣленіе Бугучанское; — она производится на широкихъ карбазахъ, особаго устройства, управляемыхъ обыкновенно веслами, а на мѣстахъ мелкихъ—шестами; время, употребляемое на нее различно—весной отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 часовъ, а лѣтомъ—съ $\frac{1}{2}$ до 1 часа. Есть еще въ этой волости и другая переправа на поромѣ по канату, черезъ рѣчку Галкину, лежащую на почтовомъ трактѣ и имѣющую обыкновенно сажень 15 ширины, а весною до 25. Описанная выше причина зобовъ продолжала дѣйствовать и въ Маклаковской волости, гдѣ жители деревень Савиной, Кононовой и отчасти Южаковой подвержены зобатости и не занимаются почти никакою промышленностію, кромѣ хлѣбопашества.

Перейдемъ къ бытовой сторонѣ этихъ волостей.

И въ Сибири, подобно Россіи, нѣтъ жизни въ народѣ безъ общиннаго элемента. Но общиннаго владѣнія землею почти нѣтъ. Свободныя одиночныя поселенія въ новой странѣ—не то, что древняя осѣдлая жизнь европейской Россіи. Да и множество земель никѣмъ не занятыхъ, не тронутыхъ, даютъ каждому отдѣльному лицу возможность дѣлать что ему угодно, на просторѣ. Урожай, доходящій до самъ 15-ти, можетъ вознаграждать свободно трудъ земледѣльца, а не ставить его въ необходимость сливать свои силы съ силами другихъ; къ тому же земля, не требующая удобренія и дающая земледѣльцу плодъ, безъ отдыха, въ Минусинскомъ округѣ даже по 20 лѣтъ, породила обычай—основывать на произвольно взятой землѣ, особые хуторочки, (независимо отъ дома въ деревнѣ). Эти хутора называются займками. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Минусинскаго округа, гдѣ посгустплось населеніе, начинаетъ прививаться сама собою, безъ всякаго начальственнаго принужденія, мысль объ общинномъ владѣніи землею съ слѣдующими затѣми передѣлами.

Нашъ Енисейскій округъ считается мало плодороднымъ, да и тутъ поля служатъ безсѣнно по 3 и по 4 года.

Каждому человѣку интересно знать свое будущее. Только просвѣщенный положительными знаніями дѣлаетъ выводы на основаніи наукъ;

а человекъ „темный“ гадаеть на основаніи суевѣрныхъ преданій. Посѣвъ великое дѣло. Скоро ли онъ будетъ?

— А что, Алѣнча, прибирала ли нынѣ отъ курицы первыя-то яйца? Которое изъ нихъ тяжелѣе? давай-ка свѣсимъ.

— Вѣстимо, другъ, прибирала! отвѣчаетъ жена и торопливо тащить 3 яичка. Каждое изъ нихъ завернуто въ особую тряпочку, а на тряпочкахъ проведены углемъ одна, двѣ и три черточки. Приносятъ вѣски. Весь домъ сбѣгается въ одну кучу. Старшій вѣшаетъ яйца; всѣ озабоченно смотреть.

— Э—э! Третье-то яичко тяжелѣе всѣхъ! восклицаетъ старшій. „Быть позднему посѣву и хорошему урожаю. А впрочемъ на все вѣдь есть и воля Господня“, добавляетъ онъ нравоучительно, равно какъ и на тотъ случай, если примѣта неоправдается.

Когда же тяжелѣе всѣхъ окажется первое яичко, то посѣвъ долженъ быть ранній. И отправляется крестьянинъ осматривать всѣ свои хлѣбопахатныя орудія, и даетъ побольше корма своимъ лошадушкамъ.

Приходитъ давно жданная „Пасха“. Нѣтъ праздника, который бы встрѣчалъ крестьянинъ съ болѣе торжественно ясной, радостной фізіономіей. Знаемъ мы, что есть „Рождество“ съ шумными веселыми „Святками“; но не та ему встрѣча, не тотъ полный искренній душевно-радостный привѣтъ. Вѣдь съ Пасхою подходит весна, приближается время посѣвовъ, а въ этомъ-то и вся жизнь поселянина. Первые 3 дни этого праздника посвящаются молитвѣ; тутъ пьянства еще нѣтъ; одинъ за другимъ поджидаютъ священника съ Богоматерью; въ каждомъ домѣ, на столѣ подъ образомъ, лежитъ коврига хлѣба и солонка съ солью; когда священникъ окончитъ служеніе, хлѣбъ и соль хранятся, какъ драгоценность, а до какого времени, сейчасъ увидимъ.

Вотъ прошла Пасха; ставается снѣгъ; крестьянинъ ѣздитъ въ поле навѣдываться—на сколько оттаяла земля и не отошелъ ли уже корешокъ травки? И, если отошелъ корешокъ, срягаются въ поле на пашни...

Положимъ, что пашню заводятъ новую. Для того не нужно много разсуждать и просить отводовъ. Знай — выѣзжай только на широкій просторъ сибирскихъ полей и отмѣривай себѣ изъ земли, ни кѣмъ не занятой, столько какъ глазъ окинетъ, да волѣ угодно. Нужно только очертить деревья, чтобы показать другимъ, что это, дескать, моя уже собственность. Потомъ поднимаютъ „залогъ“, т. е. снимаютъ верхній слой земли. Этотъ поднятый залогъ такъ и оставляютъ до будущей весны на тотъ случай, какъ говорятъ крестьяне, чтобы онъ „изгнилъ“. Да и на будущую-то весну боронятъ и сѣютъ только люди съ достат-

комъ; потому что на этомъ „кисломъ залогѣ“ или „кисломъ парѣ“, можетъ быть хороша только солома хлѣба, а отнюдь не зерно. Для богатыхъ это ничего, а бѣдному, либо начинающему, другое дѣло: они приступаютъ къ засѣву уже на третье лѣто, да и то только овса и пшеницы; тогда какъ считаютъ не возможнымъ сѣять рожь на этой еще мягкой и рыхлой землѣ, потому, дескать, что зерно выгоритъ отъ солнца, да и не укоренится, — вѣдь корень ржи любить твердую землю, почему сѣять ее можно уже на слѣдующій годъ.

Пришло время сѣять. Задумали завтра отправиться въ поле. Начинаятся приготовленія. Прежде всего идутъ непременно въ баню и надѣваютъ чистое бѣлье; да мало того что чистое, — болѣе нравственные мужчины надѣваютъ бѣлье даже совершенно новое, съ иголки, потому что „сѣвъ хлѣба не простое дѣло, а объ немъ вся и молитва Богу“! Съ утра приглашается священникъ и служится молебствіе. Потомъ разстилаютъ на столѣ бѣлую скатерть и кладутъ ковригу съ солонкою, что припрятаны съ Пасхи; затепливаютъ передъ образомъ свѣчи, молятся Богу; прощаются съ домашними; а если отецъ не самъ ѣдетъ, то благословляетъ дѣтей, поклонившихся ему въ ноги.

По приѣздѣ въ поле закладываютъ лошадей; а старшій хозяинъ насыпаетъ зерно въ торбу (т. е. плетушку изъ бересты или какихъ нибудь прутиковъ), и оставляетъ ее у крыльца зимовья. Потомъ, какъ обыкновенно, всѣ присѣдаютъ рядомъ; встаютъ; молятся на всѣ 4 стороны; старшій отправляется разбрасывать жито, а другіе вспахиваютъ. Сдѣлавъ этотъ, по ихъ выраженію, начинъ (начало), возвращаются всѣ домой, гдѣ приготовленъ уже обѣдъ и собраны всѣ родные. Остается, если близко, послать за священникомъ, который долженъ благословить и хлѣбъ, и вино, и выпить съ хозяиномъ по первой рюмкѣ. Обѣдъ конченъ. Младшіе члены семьи или работники отправляются пахать какъ слѣдуетъ; а старѣйшій провожаетъ гостей, насыпаетъ въ мѣшки зерно и выѣзжаетъ сѣять. Сѣютъ различно; въ пняхъ мѣстахъ сѣютъ подъ соху; а въ другихъ на пласты, и даже потомъ пашутъ.

Посѣяли. Душа въ тревогѣ за будущее. Хозяинъ ѣздитъ часто въ поле и слѣдитъ, между прочимъ; „какъ-то почка распускается на тальникѣ? — Если красноватая — значитъ уродится пшеница; если зеленая — то лучше будетъ хлѣбъ озимый. Вотъ начинается подходить время громовыхъ ударовъ: тревожно ждуть — скоро ли? Ранній громъ считается залогомъ удачъ всѣхъ произрастеній.

Потомъ хлопочутъ объ огородахъ, а около „матери Елены и царя Константина“ сѣютъ куделю. Потомъ сѣнокосъ. Но женщины въ промежутокъ между засадкой въ огородахъ и сѣнокосомъ ткуть холсты

бѣлять пхъ, шьютъ бѣлье, и пр. А вотъ слѣдять — не играютъ ли на небѣ зорники, а какъ заиграютъ—значить хлѣбъ зацвѣтетъ; скоро и скоро наступитъ жатва, и заготовка пашень къ будущему году. Запоздалые сзываютъ „помочи“; при этомъ оставляютъ не сжатый уголокъ, пазываемый Николиной бороздкой; а передъ тѣмъ какъ уходитъ окончательно съ поля, хозяинъ собираетъ у всѣхъ серпы и бросаетъ на воздухъ: чьи серпы упадутъ на этотъ остатокъ, тотъ долженъ жать и на будущій годъ. За тѣмъ убираютъ поля, засѣянные картофелемъ. Кончили и это: мужчины занимаются подготовкой мельницъ, а женщины уборкой огородовъ, и наконецъ доходитъ дѣло до кудели, которую снимаютъ съ поля, сушатъ въ баняхъ, мнутъ въ мялкахъ, треплютъ трепаломъ, чешутъ щетками и молотятъ валькомъ. Мужики между тѣмъ продолжаютъ заботы о хлѣбѣ: молотятъ, вѣютъ и свозятъ на мельницы.

Наконецъ полная осень и зима. Есть мѣстности, гдѣ въ этотъ мясодѣ (до половины ноября) бываетъ много свадебъ; но въ Енисейскомъ округѣ свадьбы бываютъ уже послѣ святокъ, потому что съ осени кто оканчиваетъ занятія по хлѣбу, кто собирается въ лѣса за звѣремъ, кто управляется по дому, напр. у насъ все лѣто снимаютъ съ домовъ солому, а зимою люди бѣдные хлопочутъ вмѣсто желобника (т. е. пихтоваго лѣсу, расколотаго на двое), накрыть скотскіе дворы соломою; — кто готовится, и потому начинаетъ перевозить тяжести на прѣска, — кто приступаетъ къ рубкѣ дровъ и себѣ и на продажу, либо перевозятъ ихъ, если есть готовые. Словомъ, у всѣхъ работа,—отдыхать и играть свадьбы нѣкогда.

Къ Рождеству всѣ собираются къ своимъ домамъ, встрѣчаютъ праздникъ и поднимаютъ во время святокъ пиръ горой, веселье за цѣлый годъ. Веселое движеніе и въ домахъ, и на улицахъ. Даже старухи слѣзаютъ съ печей и полатей, и около тѣхъ составляются кружки, которые тѣшатся старушьями разсказами. Смотрите же.

Вотъ въ одномъ домѣ играетъ молодежь въ „имальцы“, „жмурки.“ Эта игра, какъ видно изъ наименованій, состоитъ въ томъ, чтобы съ зажмуренными, или вѣрнѣе съ завязанными глазами, заставлять кого либо (по жребію) ловить (по здѣшнему пскать) изъ массы бѣгающихъ кругомъ товарищей, которые,—кромѣ шороху,—даютъ знать о себѣ „жгутованьемъ“, т. е. бьютъ жгутами, свитыми изъ платковъ. Наконецъ всѣ утомились, со всѣхъ градомъ льетъ потъ.

—Будемъ-те пѣть подблюдныя пѣсти! вызываетъ одна дѣвица.

—Нѣтъ—погоди! Пока бабушка не спитъ, пойдемъ-те, дружки, выпрашивать у ней разныя мудрости.

—И взаболъ ⁽¹⁾! Подхватываютъ всѣ. Пойдемъ-те къ бабушкѣ.

Обступили старушку. Скажи, да скажи бабушка всѣ мудрости, какія знаешь.

—Что вамъ за мудрости, бѣсенята! Пошли бы лучше поворожили каждая о себѣ. Одна бы сходила слушать подъ замокъ и зачуралась бы такъ: если замужемъ этотъ годъ буду—звоните колокола, пойте пѣсни, свистите и бейте бичами; а коли умру—тешите и рубите доски. Другая посмѣлѣ сбѣгала бы на паперть и тоже загадала бы: тутъ либо услышится вѣнчальное пѣніе, либо понесутъ покойника. Ну, и подъ окнами слушать тоже хорошо: не забыть мнѣ, заявила со вздохомъ старуха, какъ одна товарка ⁽²⁾ моя услышала подъ окномъ, что говорить о покойницѣ, прибѣжала въ избу такая испуганная, да черезъ недѣлю и была на столѣ; право слово, вѣдь вотъ какъ сбылось.

Лица молодыхъ слушателей подернулись блѣдностью. Ну, долго ли не на шутку робкой молоденькой дѣвушкѣ съ игривымъ воображеніемъ захворать отъ испугу, и пожалуй, умереть при деревенской безпомощности?!

А вотъ тоже, родимые мои, хорошо и въ зеркало смотрѣть,—какъ потускнѣетъ оно, да отходить станеть, тоже впадаютъ своихъ суженыхъ. Кто же боится слушать на паперти, пусть сбѣгаетъ на то мѣсто, гдѣ будетъ Иорданъ, также слышно бываетъ. Трусиха же пусть далеко не ходить, столбъ есть и недалеко: надобно къ столбу сходить взадъ пятки, и на отмахъ поплескивать воду, потомъ повернуться и возвращаться домой, тоже взадъ пятки, до самой постели, и ложиться спать, не молясь Богу, тогда непременно жизнь приснится.

—Да что, бабушка, ты рассказываешь? Мы это и безъ тебя знаемъ. А ты мудростями подѣлись: какія примѣты бываютъ? какъ присушивать, отсушивать, болѣзнь отговаривать? Вотъ что повѣдай намъ.

—„Ну, васъ тутъ, прилипчивыя и неумныя ⁽³⁾. Слушайте ужъ!“ И старушка начала. „Сорока сядетъ на домъ и кричитъ—быть несчастью; а если дергаетъ мохъ изъ щелей въ зимнее время—быть снѣгу безпремѣнно. Вотъ и знайте! А вотъ если вороны летать стаями и каркаютъ, то быть лѣтомъ дождю, а зимой снѣгу. Коли песъ проклятый воетъ и роетъ яму подъ домъ, не миновать покойника. Если съумѣете, родимые, примѣчать въ какую сторону сидятъ головами вороны, съ той стороны будетъ и вѣтеръ. На кого потянется собака, тому будетъ ко-

---

⁽¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ.

⁽²⁾ Подруга.

⁽³⁾ Прилагательное неумный—отъ гл. унимать, не унимается, (не перестава ть).

рысть. Если курицы носамп поколачиваютъ, будетъ навѣрное и ясно, и морозно. Самоваръ пищитъ—гостей пророчить. Кошка царапается—быть пургѣ. Когда начнетъ кататься сабака, то и знай, что прекратится ясная погода. Вотъ ужъ это вѣрнехонько будетъ наводненіе, когда либо муравьи поползутъ вверхъ шестиковъ, либо утки станутъ садиться на сухой высокій берегъ. Быть болѣзнямъ на людяхъ, либо на скотѣ, если съ березъ падаетъ листь еще зеленый, а также если осенью глухаря станутъ жаться къ жилымъ мѣстамъ. Если медвѣдь долго не ложится, будетъ суровая зима. Если кукушка сядетъ на домъ, покुकуетъ и улетитъ, то быть пожару; а вотъ какъ ноншъ у Чернова согнали ее, такъ и пожару не было: вишь, стонать надобно ее злодѣйку! Но худо же, если и тетеря сядетъ на домъ. Я была ребенкомъ; насъ трое было на крышѣ; вдругъ изъ бору вылетѣла тетеря, да и сѣла на крышу; ну, быть бѣдѣ, сказала matka, станемъ дожидать что-то будетъ: вѣдь тетеря сѣла не на живое, не на стоячее дерево, домъ то не изъ живаго дерева, быть бѣдѣ. Говорила matka, часто задумывалась, до къ году и умерла, такъ вотъ она тетеря-то!

А вотъ еще что было на моей памяти: нашли на деревню бѣлки, видимо не видимо, да все красныя; парнямъ да дѣвчатамъ что потѣхн-то было: бѣлки шмыгаютъ по улицамъ со стороны на сторону и ребята за ними; бѣлки по заборамъ, да по угламъ домовъ, а мы, бывало, туда же цѣпимся, падаемъ, плачемъ, а все лѣземъ съ хохотомъ. Бабы ловили по вышкамъ, а мы на крышахъ; бѣлки, бывало, и въ комнаты забѣгали, какъ отворишь двери, а она и шмыгъ; веселье было; только старики сердито посматривали на насъ и все ворчали: — чему обрадовались? Это диво не передъ добромъ, будетъ тяжесть на людей, либо на скотину; такъ оно и вышло—къ петровкамъ пришелъ падежъ скота; страшное было время, все повыпадало, одни собаки всю душу вытянули — воютъ, бывало, и день, и ночь, пнда сердце измираетъ. Такъ вотъ что бывало. А то и еще хуже, родимые, если....

— Постой, бабушка! не до тебя теперь! погоди! раздалось въ толпѣ. Слышишь какъ поютъ? это идуть со звѣздой. Пойдемъ же на встрѣчу! И вся масса, какъ одинъ человекъ, повернулась и быстро выбѣжала изъ избы, черезъ дворъ за ворота, только веселый звонкій хохотъ долеталъ до опустѣлой избы.

Звѣзда, которую носятъ по улицамъ веселая толпа пѣвцовъ и пѣвицъ, бываетъ аршина полтора въ поперечникѣ. Вотъ ея устройство. Первая личинка, изъ тонкой бумаги, пропитанной постнымъ масломъ, бываетъ въ полъ-аршина въ поперечникѣ. Она укрѣплена къ рогамъ, склееннымъ изъ бумаги съ двумя стѣнками, между которыхъ положены

поперечныя палочки съ двумя свѣчами. Кругомъ ободки изъ осины. Рога укрѣплены къ личинкамъ и бахромамъ, сдѣланнымъ изъ розовой сахарной бумаги. На внутренней бахромѣ, около каждаго рога, есть изъ красной бумаги родъ звѣздочекъ. Наружная личинка обведена бахромой. На этой личинкѣ изображено: корабль, носъ котораго въ родѣ змѣя, на кормѣ Полканъ богатырь, на палубѣ Добрыня, Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ; потомъ 3 церкви, солнце, мѣсяцъ и звѣзда; турецкій городъ; море, гдѣ турки въ катерахъ; на кормѣ флаги. Такая звѣзда укрѣплена на длинномъ шестѣ, съ помощью котораго звѣзду поднимаютъ высоко. Толпа пѣвцовъ и пѣвицъ поетъ:

Ахъ, какъ по морю, по морю,
Синю морю по хвалынскому ⁽¹⁾
Ходилъ, гулялъ соколъ корабль
Не много, не мало—12 лѣтъ.
Онъ на моряхъ не ставалъ,
Желтыхъ песковъ не захватывалъ,
Къ кругу берегу не присовывался.
Хорошо-добро изукрашенъ былъ,
Золотыми гвоздьми уколоченъ былъ.
Еще что было на томъ на кораблѣ?
Мачты три были дубовыя,
Раенки были кленовыя,
Паруса были полотняны,
А веревочки—шелковыя,
Всѣ бесѣдки съ алымъ бархатцомъ.
Еще что было на томъ на кораблѣ?
Гдѣ глазамъ быть было вставлено
По дорогу по камушку—по яхонту;
А для хвоста была повѣшена
Дорогая лисица бурная;
На немъ три церкви соборныя,
На нихъ три креста серебряныя.
Носомъ владѣетъ — Алеша Поповъ,
Кормой владѣетъ — Полканъ богатырь,
Палубищемъ самъ Добрынюшка,
А всѣмъ кораблемъ — Илья Муромецъ;
Подбѣгаетъ, подлетаетъ соколъ корабль
Подъ турецкій градъ.

---

(1) Географическая ошибка: Черное море пѣсня назвала хвалынскимъ.

Завидѣлъ, слышалъ турецкій ханъ,
Большой Салтанъ Салтановичъ.
Взговорилъ своимъ турчанамъ:
Бѣгите-ко ребята ко синю морю;
Падайте, ребята, въ легки стружечки;
Гребите, погребайте на соколъ корабль;
Разбейте, размечите тотъ соколъ корабль;
Алешу Попова подъ мечъ положите;
Полканушку въ сине море бросьте;
Добрыню подъ товаромъ задушите;
Илью Муромца только свяжите
И живаго ко мнѣ приведите.
— Слышалъ, завидѣлъ Илья Муромецъ
И взговорилъ онъ Добрынюшкѣ:
Ужъ ты воя мой Добрынюшка!
Ты бѣги-ка ногою скорой,
Принеси тугой лукъ со стрѣлой,
Не простою стрѣлой, а каленою!
Втупорѣ ⁽¹⁾ Добрыня неослушался
Принесъ лукъ тугой съ каленой стрѣлой.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Свой тугой лукъ принагиваетъ,
Калену стрѣлу принакладываетъ,
Да и самъ стрѣлѣ приговариваетъ:
Полети-ка — моя
Калена стрѣла
Высоко, далеко по поднебесью,
Бѣлой лебедью!
Не пади ты ни на воду, ни на землю, —
Попади ты, калена стрѣла,
Подъ турецкій градъ, во зеленый садъ,
На бѣлъ шатеръ, на дубовый столъ,
Со дубоваго стола къ самому хану
На его на груди бѣлыя!
Ты пори у него груди бѣлыя,
Вынимай у него ретиво сердце,
Ретиво сердце и со печенью!

---

(1) Нарѣчіе.

Тутъ и турки въ стружкахъ ¹⁾ испугалися
Морскими струями заметалися,
И своимъ всѣмъ богамъ заклиналися,
Что закажемъ ⁽²⁾ на снѣмъ морѣ бывать,
Илья Муромца видать,
Ни намъ, ни дѣтямъ, ни внучатамъ,
Ни праправнучатамъ!.....

„Здравствуй хозяйнѣ со хозяйшкою, и со всѣми гостями съ приходящими, со всѣми щеголями со прикащиками ⁽³⁾! Хозяинъ во дому, какъ Адамъ во раю; хозяйшка во дому, что малинка во саду; малы дѣти во дому, ровно пчелки во меду! Здравствовать хозяевамъ!...“

Пѣсня звѣзды, едва слышавшись, становилась громче и громче, толпа подходила; вотъ она и противу оконъ, старушка не выдержала не посмотрѣть въ окно, не полюбоваться веселостью молодежи. Она думала было принимать дорогихъ гостей, но не пришлось такъ, потому что звѣзда пробиралась къ дому довѣреннаго отъ откупа. Вотъ и звуки пѣсни слабѣютъ; вотъ и замираютъ они; за то бѣжитъ съ звонкимъ смѣхомъ, обратно, своя молодежь. Вбѣжали, — что разговоровъ, шутокъ, рассказовъ! Живи молодость, пока игриво такъ живется, — пой пока поется!

Пора незамѣтно другая придетъ —
И будутъ все тѣже и люди, и дни,
Да радости рѣже, все рѣже они
Мелькаютъ картиной не ясной во мглѣ —
Ужъ думка съ кручиной легла на челѣ!

Усталые, запыхавшіеся (вѣдь въ запуски бѣжали) хотять отдохнуть и пристають опять къ старушкѣ съ просьбой — подѣлиться съ ними „мудростями“. Вотъ что значить — отсутствіе положительныхъ знаній: и бредни считаются за мудрость!

Я, дитятки, больше сама ни чего не испытывала; а слыхала на своемъ вѣку отъ другихъ людей о приговорахъ и заговорахъ. Что знаю, то скажу, но за вѣрность не заручаюсь. Вотъ, чтобъ рѣпа не уродилась, злой челоувѣкъ будто приговариваетъ: „рѣпа мѣдна, земля желѣзна, родится мышій хвостикъ“. Горло заболитъ, такъ тоже заго-

---

(¹) Стружокъ — челпокъ.

(²) Заказать — запретить.

(³) Въ это время сѣзжаются закупать хлѣбъ и бутать.

вариваютъ и болѣзнь перестаетъ: „свѣтлыя зорн, высокія горы, темныя лѣса, я васъ съѣмъ и съ вѣтками, со всѣмъ — хамъ, хамъ, хамъ, хамъ! и прожужу“. Да мало ли ихъ есть, наговоровъ-то: и отъ бессонницы ребятамъ, и чтобъ день былъ счастливъ, и два наговора отъ зубной боли знаю, и кровь заговариваютъ, и рыбку наговоромъ заманиваютъ, много ихъ!

И старушка пересказала всѣ. Но мы, чтобъ не утомить читателей, излагаемъ въ выноскѣ ⁽¹⁾. Здѣсь же скажемъ только: что это за удив-

(1) а) Наговоръ отъ бессонницы.

Встану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ избу, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ востокъ подъ восточную сторону; подъ восточной стороной ходитъ матушка утренняя заря Марія, вечерняя заря Маремьяна, мать сыра земля Целагея и сине море Елена. Я къ нимъ приду поближе, поклонюсь имъ пониже, вояси ты матушка заря утренняя Марія и вечерняя Маремьяна, приди къ нему къ рабу Божию ко младенцу, возьми ты у него полунощника и щекопута изъ бѣлаго тѣла, изъ горячей крови, изъ ретиваго сердца, изъ всей плоти, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ всего человѣческаго состава, изъ каждой жлочки, изъ каждой косточки, изъ 77-ми жлочецъ, изъ 77-ми суставчиковъ! понеси ихъ за горы высокія, за лѣса дремучи, за моря широки, за рѣки глубоки, за болота зыбучи, за грязи топучи, къ щукѣ, бѣлугѣ въ зубы; понеси ее въ сине море! щука въ морѣ, языкъ въ ротѣ, замокъ въ небѣ, а ключъ въ морѣ; заткнулъ и ключъ въ воду бросилъ!

(до 3-хъ разъ повторять)

б) Утренній наговоръ въ постели еще.

Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ востокъ подъ восточную сторону: закрой меня матушка владычица пресвятая Богородица свѣтленною своею ризою отъ колдуна, отъ колдунницы, всякаго сквернаго злодѣя, супостателя и злаго татарина.

в) Заговоръ зубной боли.

Дубъ въ лѣсу, луна на небѣ, камень въ морѣ; какъ эти три брата соберутся медъ и вино пить, тогда будутъ зубы болѣть.

г) Еще заговоръ отъ зубной боли.

Молодая молодая, ротъ золотой, былъ на томъ свѣтѣ, видѣлъ мертвыхъ въ гробѣ, не болятъ ли у мертвыхъ зубы? не болятъ! такъ бы у раба Божія N. не болѣли. Ротъ, зубы, замокъ и ключи въ воду брошены!

е) Заговоръ текушей крови напр. изъ носу.

Шла баба около моря, вела корову на нитѣхъ; нитка порвалась и кровь унялась.

ф) Чтобы былъ уловъ рыбы.

Взять свѣчу, горѣвшую на страстной недѣлѣ, во время стоянія у Христовской заутрени и окуригъ ею ловушку рыбную, приговаривая: сколько было въ церкви народу, столько бы въ моей ловушкѣ рыбы. Всѣ мои слова лѣпки и крѣпки! тѣмъ моимъ словамъ ротъ, зубы, замокъ, языкъ, ключъ въ море брошены.

вительно бессмысленное, содрагающее нравственное чувство христианина, слияніе убѣжденій и языческихъ и христіанскихъ! Рядомъ вы видите, что одинаково важныя роли играютъ и шука и Пресвятая Богородица! Тутъ выводится на сцену и какой-то божокъ щекотунъ, и окуриваніе рыбной ловушки свѣчею, горѣвшею на страстной недѣлѣ и во время Христовой пасхальной заутрени! Люди добрые, но темные! Опомнитесь: вспомните, что вы христіане! Отдайте же все сердце ваше вѣрѣ въ Бога, а не въ языческихъ божковъ щекотуновъ и т. п.

Отправимтесь и къ довѣренному откупа. Чтò-то тамъ дѣлають? Тамъ вѣдь цивилизація! Можно надѣяться, что глубже и понятіе о вѣрѣ, и менѣе остатковъ язычества? Посмотримъ.

На первый разъ — играютъ въ фанты. Всѣ успѣлись въ кружокъ, обожгли кусокъ лучины и, передавая отъ одного къ другому, ждутъ, въ чьихъ рукахъ потухнетъ обугленная часть, съ того фантъ. Передача дѣлается подъ пѣніе:

Жилъ, былъ Курилка (¹):

Ножки тоненьки,
Душа коротенька!
Не умри Курилка,
Не заставь скакати,
Не заставь плясати!

Отъ курилки перешли къ игрѣ „рублемъ“. Тоже всѣ сидятъ въ кругу и передають какую-нибудь монету одинъ другому; во время ударовъ руками въ тактъ пѣсни, одинъ, отыскивающий, ходитъ по срединѣ; всѣ подпѣвають: Пошелъ рубль, пошли два,

Пошелъ рубликъ по рукамъ!
Здѣсь рубль, тамъ два!

А вотъ и игра „войной“. Стулья ставятся по среди комнаты; одинъ остается безъ стула и бѣгаетъ вокругъ сидящихъ съ крикомъ „война, война!“ Потомъ всѣ встають и тоже бѣгаютъ съ крикомъ „война“, подъ извѣстный тактъ. Затѣмъ вдругъ крикъ перемѣняется. „Миръ, миръ!“ раздается разомъ, и всѣ должны садиться на мѣста, а кто не успѣлъ, съ того фантъ.

Игра „кольцомъ“ основана на томъ же, какъ и „рублемъ“; только кольцо вдѣвають на шнурокъ (и со шнуркомъ составляютъ кругъ,

---

(¹) Опять не языческое ли божество?

держа его руками и перебрасывая по шнурку кольцо незамѣтно для того, кто ходитъ въ кругу и отгадываетъ.

Вонъ смотрите — повскакали всѣ съ своихъ мѣстъ и тотчасъ же сѣли на другія мѣста, точно группа голубей. Что это такое? — Игра сосѣдями! Всѣ садятся по мѣстамъ; одинъ ходитъ съ вопросомъ — „довольны ли сосѣдомъ?“ За отвѣтомъ „недоволенъ“ называютъ имя того, кого хотятъ имѣть сосѣдомъ. Такимъ образомъ двое вскакиваютъ и мѣняются мѣстами; но и спрашивающій не дремлетъ, онъ торопится занять чье нибудь мѣсто и тогда спрашивать продолжаетъ тотъ, кто останется. Общая же кутерьма бываетъ тогда, какъ иной шутникъ объявитъ недовольство всѣмъ.

Наскучила и „игра въ сосѣди“. Раздаются всѣмъ названія цвѣтовъ; кому—роза, кому—жасминъ. И кто-нибудь начинаетъ „охъ болить!“ — Его спрашиваютъ — „что болить?“ —Сердце! —По комъ? —По розѣ! — И роза въ свою очередь подхватываетъ — „охъ, болить!“ А если забылась и замедлила — объявляютъ плату фанга. Это называется „игра въ цвѣты“.

Еще бы хотѣлось продолжать игры; но вваливаютъ съ шумомъ до десятка масокъ. Полюбуйтесь: вотъ „бука“; у него лицо обмазано сажею, на головѣ рога, на ушахъ лохмотья, во рту папироса огнемъ внутри рта; вотъ и настоящій чертъ — съ рогами, съ хвостомъ, весь обтянутый чернымъ коленкоромъ; вотъ — шаманъ въ тунгусскомъ платьѣ, съ бубномъ въ рукахъ, весь обвѣшанный колокольцами, ширкупцами, формами гагары и другихъ птицъ и рыбъ; вотъ и смерть, высокая, вся въ бѣломъ, съ кускомъ свеклы вмѣсто носу, съ клыками, вырѣзанными изъ рѣпы и рѣдки; вотъ — кто-то обшилъ себя медвѣжиной и ходитъ себѣ на четверенькахъ, присѣдая для отдыха на заднія лапы; вотъ арлекинъ, но съ маскою до того отвратительною и страшною, что смотрѣть невозможно. И остальные также наряжены. Ихъ плясъ идетъ подъ удары бубна и своеобразные свистки, пiski, трески и т. под. Словомъ, какъ представляютъ дѣтскому воображенію шабашъ вѣдьмъ.

Что это такое? Отвѣчаемъ: не простыя игры, не безсмысленныя шутки; это — осколки обрядностей языческаго поклоненія враждебнымъ силамъ и мрачнымъ духамъ. Изчезли вѣрованія — остались формы. Иначе — за чѣмъ бы всѣмъ подобнымъ обрядностямъ совпадать съ болѣе почитаемыми христіанскими праздниками. Нельзя было вдругъ отстать отъ привычныхъ вѣрованій: и соединили изъ формы и обрядности съ праздниками христіанскими. Въ годы слабой работы мысли, народъ довольствовался отпращиваніемъ виѣшности привычныхъ вѣрованій;

потомъ возобладали идеи христіанской вѣры, особенно подъ вліяніемъ множества наставительныхъ книгъ разсѣянныхъ по домамъ; обычныя формы спустились до безсмыслицы. Но за чѣмъ и теперь толпа пугливо смотритъ на наряжающихся? За чѣмъ пугаются ихъ и дѣти, и взрослые? За чѣмъ смываютъ во Іордани, въ день крещенія, съ себя чортовскую харю? За чѣмъ до сихъ поръ видятъ въ этомъ волшебство и наряжающихся называютъ „кудесниками“, т. е. чародѣями? За чѣмъ?— Да, видно мало внѣшней цивилизаціи, нужны, видно, знанія положительныя. Торопитесь распространять грамотность, и вмѣсто долбицъ сухихъ нравоученій передавайте народу знанія положительныя, съ разъясненіемъ всѣхъ его ошибокъ.

Можно бы прослѣдить здѣсь всѣ хоровыя и подблюдныя пѣсни, но онѣ уже изложены Сахаровымъ, Гуляевымъ и другими; потому намъ пришлось бы повторять уже сказанное. Мы считаемъ болѣе добросовѣстнымъ не дѣлать напрасныхъ повтореній, и перейдемъ къ изложенію свадьбы со всѣми пѣснями и обрядами, изъ которыхъ у меня составила цѣлая полная картина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Была глубокая осень. Я ѣхалъ по тряской дорогѣ. Комья грязи, схваченной холодомъ, давали отпоръ колесамъ экипажа, и онъ то качался со стороны на сторону, то подпрыгивалъ вверхъ, или затѣвалъ безостановочную мелкую тряску. Такая дорога тяжела всякому, а особенно путнику, обязанному по службѣ спѣшить на перекладныхъ: онъ то колотится головой направо и налево, то съ прыжкомъ экипажа стучается теменемъ, такъ-что искры сыплются изъ глазъ, то при дробной тряскѣ едва переводитъ духъ отъ боли.

По такой-то дорогѣ я ѣхалъ изъ Енисейска. Погода стояла пасмурная. Пожелтѣлая и увядшая зелень, оголившіеся остовы березъ, между которыми кое-гдѣ подымалось дерево мрачнаго чернолѣся, производили самое тяжелое впечатлѣніе. Утомительная ѣзда дѣлалась еще тяжелѣе отъ взгляда на окружающую природу, на которой лежала какая-то томительная мертвенность.

Прошло нѣсколько дней и ночей: все одно и то-же. Наконецъ наступило послѣднее утро моей поѣздки. Я нѣсколько оживъ — и въ

то-же время, утомленный долгой бессонницей, вздремнулъ. Когда я черезъ нѣсколько времени открылъ глаза, природа оживилась: небо было совершенно чисто; солнце взошло и свѣтило немного искрасна; густой иней, покрывавшій всю окрестность, растаялъ, собрался въ капельки, и всѣ онѣ горѣли въ разноцвѣтныхъ огняхъ. Самый лѣсъ даже сдѣлался не такъ однообразенъ, — обозначились густые фоны хвойной зелени, и кой-гдѣ листья, уцѣлѣвшіе на березахъ, сверкали всеми оттѣнками желтаго и краснаго цвѣта. Мнѣ стало веселѣе и самыя толчки были уже не такъ чувствительны.

Скоро путь мой кончился, и я остановился въ отводной квартирѣ, въ крестьянскомъ домѣ. Не смотря на усталость, я не могъ не замѣтить какой-то особенной суетливости въ домѣ и какой-то на всемъ праздничной чистоты. Болѣе другихъ показались мнѣ озабоченными лица высокой сухощавой старушки, дорожной уже зрѣлой дѣвушки и невзрачнаго парня лѣтъ двадцати-пяти. Улучивъ удобную минуту, я спросилъ у старухи: что это у васъ, бабушка, за суета такая?

— Да какъ не быть суетѣ, родимый? злодѣй, видѣлъ чай, скралъ вѣдь дѣвку-то, скралъ, батюшка!

— Какъ это, бабушка, скралъ? что это такое?

— И — и, да ты ничего видно не знаешь. Развѣ у насъ во Тобольскѣ-то не бывалъ?

— Не бывалъ. Растолкуй пожалуйста.

— Да, видишь-ли что: здѣсь у васъ енисейскій-то народъ какой-то безстыжій: лѣзутъ — бывало — все со сватаньемъ сперва — отдай вишь имъ дѣвку-то сама я, да не своими-ли-то рученьками. Стыдъ-то ли не стыдъ былъ мнѣ, обругаю бывало сватовъ, да и выгоню; а дѣвка, бѣдная, все сидѣла да сидѣла — вѣдь вотъ уже тридцатый годокъ. Слава-те Господи, принесъ Отецъ небесный изъ Тобольской-то нашей губерніи, съ линіи-то, молодца; вотъ дѣвка видно приглянулась, онъ и скралъ ее, — ну, вотъ и свадьба заводится. Видѣлъ ты, чай, его: вотъ тутъ онъ былъ. Сейчасъ и сватовъ пришлетъ.

Такой рассказъ плохо варился у меня въ головѣ. Какъ это, думаю: многіе сватались, а старуха сердилась на то? Скралъ — отдаетъ, да еще Бога благодарить. Женить ужъ и укралъ невѣсту, ужъ и въ домѣ у нихъ находится, а сваты теперь только будутъ? — Я передалъ свои сомнѣнія старушкѣ. Она отвѣчала замѣтно обиженнымъ тономъ.

— Да какъ это можно, батюшка, по вашему, по-енисейскому, выдавать дѣвку, лишь бы сватья или свать пришелъ? Да вѣдь дѣвка-то наша родимая: что-же мы себя срамить станемъ, али дѣвку срамить? Что мы голодомъ, что-ли, ужъ сидимъ, когда дѣвку добромъ, своими

руками въ чужіи люди отдадимъ; али дѣвку осрамить захочемъ, — ступай молъ вонъ, ты намъ негодна? Нѣтъ, ужъ такъ у насъ, батюшка, не водится; а пріѣхамши сюда изъ нашей стороны, тоже не хотѣла хуже-то каждаго худаго быть. А дѣвка-то жила да жила, чуть было не состарѣлась; да хорошо, что свой молодецъ подошелъ, да и скралъ дѣвку.

Послѣ такой убѣдительной рѣчи, сказанной еще обиженнымъ тономъ, я замолчалъ и думалъ только: этакая вѣдь страсть у людей къ заведеннымъ формамъ; да и какъ они крѣпко держатся ихъ! Пусть-ка попробуетъ кто-нибудь скоро отучить ихъ хоть отъ обычая *скрады-вать*, когда и самый обычай, какъ видно изъ объясненій старухи, не смотря на его нелѣпость, основанъ на нравственномъ началѣ, только понимаемомъ по своему. А формалистика-то, формалистика? Невѣста уже скрадена, слѣдовательно не только родители и дѣвушка согласны, но и женихъ проживаетъ въ домѣ; а нѣтъ — начинай по формѣ, посылай свата! Пораженный такимъ страннымъ началомъ свадебнаго дѣла, я вздумалъ прослѣдить весь ходъ и всѣ формальности нашей простонародной свадьбы. Я сообщилъ свое желаніе старухѣ и просилъ ея покровительства, то есть позволенія присутствовать при всѣхъ свадебныхъ обрядахъ и получить ихъ объясненіе. Сначала она посмотрѣла на меня съ сомнѣніемъ, но какъ я говорилъ съ полной искренностью, и притомъ раза два-три повторилъ, что „мы ужъ выжили изъ своего добра, и живемъ по-нѣмецки, — а мнѣ-бы дескать и русское узнать хотѣлось, — то старушка обѣщалась посвятить меня во всѣ свадебныя тайны и посадила за занавѣску, гдѣ хранилось и секретное сокровище — невѣста.

Въ самомъ дѣлѣ мнѣ удалось прослѣдить всю эту долгую и поэтическую драму семейной жизни, обставленную символами, таинственными обрядами и пѣснями. Приводилось мнѣ видать это и въ другихъ мѣстахъ, съ отличіями болѣе или менѣе значительными. У насъ много пздано свадебныхъ пѣсенъ, но, кажется, никто еще не представилъ ихъ въ полной связи, не представилъ цѣлой картины русской народной свадьбы, съ проясненіемъ смысла всѣхъ ея эпизодовъ, знаменательныхъ и трогательныхъ, полныхъ смысла и народнаго значенія. Нигдѣ старые свадебные обычаи не сохранились въ такой полнотѣ, какъ въ Сибири, а потому, знакомый хорошо съ здѣшними правами, я рѣшаюсь сдѣлать опытъ — представить смыслъ нашей народной свадьбы въ ея обрядахъ и пѣсняхъ. Прежде всего замѣчу, что я намѣренъ прослѣдить смыслъ всѣхъ этихъ обрядовъ въ ихъ общихъ чертахъ, по тѣмъ проявленіямъ, какія замѣчаются въ семействахъ сколько нибудь порядочныхъ, безъ

тѣхъ особенностей, которыя вкрались или вслѣдствіе укоренившася пьянства, или отъ упадка народной нравственности. Да не подумаетъ читатели, что я безусловно преклоняюсь передъ всѣми народными обычаями и въ каждомъ изъ нихъ вижу предметъ глубокаго уваженія. Не принадлежа къ числу слѣпыхъ поклонниковъ и легкомысленныхъ порицателей нашего стараго быта, я намѣренъ только раскрыть смыслъ одной изъ важныхъ сторонъ его, которая поясняетъ и характеръ нашего народа.

Кто мало-мальски всматривался въ наши народные обычаи и обряды, тотъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, что въ нихъ господствуетъ смѣшеніе христіанства съ язычествомъ. Конечно, послѣднее давно уже отжило свой вѣкъ, утратило свою жизненность, и оставленные имъ слова проносятся уже какъ пустые звуки, безъ сознанія выражаемой ими мысли. Но не смотря на то, присутствіе его сильно еще отзывается и въ жизни, и въ обрядахъ, и въ повѣрьяхъ, и вѣрованіяхъ нашего простаго народа. Все это обусловлено, съ одной стороны, нашей исторіей, а съ другой — характеромъ славянскаго племени.

Народность славянская отличается пытливостью и наклонностью къ отысканію общихъ идей и невидимыхъ силъ. Она, въ свою очередь, прошла всѣ фазы язычества, какія проходилъ и весь древній міръ. Первоначально у насъ, какъ у индѣйцевъ, пока не ясно разсматривались явленія окружающей природы и едва понималось различіе между ними, была смутная идея о божествѣ; какъ о чемъ-то выражавшемъ внѣшнюю силу природы. За тѣмъ, по общимъ законамъ, и въ человѣкѣ, и въ народѣ вообще рѣзче начинаютъ отдѣляться предметы, — появляются понятія о пользѣ и вредѣ, о благодѣтельныхъ и пагубныхъ явленіяхъ и предметахъ, — и вотъ казавшееся однобожіе переходитъ, какъ у египтянъ, въ многобожіе, которое тѣмъ болѣе разрасталось, чѣмъ съ большимъ числомъ явленій и свойствъ окружающей природы человѣкъ приходилъ въ соотношеніе, — и тогда все, чѣмъ обуславливался его бытъ и отношенія къ другимъ людямъ, составляло уже предметъ его поклоненія. Это многобожіе было, въ свою очередь, тоже чисто внѣшнее, уважавшее всякое явленіе, какъ оно представлялось, безъ пониманія таящагося въ немъ закона природы, безъ явственнаго обозначенія идеи каждаго божества. Потомъ является третій, весьма важный періодъ язычества. Это періодъ, съ котораго человѣкъ становится болѣе человѣкомъ, чѣмъ животнымъ, когда начинаетъ обозначаться мысль, и ея силою проникается внѣшность явленій, въ которыхъ видится уже проблескъ свѣта внутренняго, жизненнаго начала. Но этотъ проблескъ нѣкоторое время остается только проблескомъ безъ опредѣленнаго выраженія по-

тому, что форма не может явиться пока не обозначится мысль. Наконец, настаетъ четвертый, послѣдній періодъ язычества: изъ всего существующаго на землѣ человѣкъ начинаетъ сознать себя существомъ высшимъ, и у него изъ неопредѣленныхъ проблесковъ внутренняго міра—возникаютъ понятія. И для этихъ-то опредѣлившихся понятій славянинъ, подобно греку, начинаетъ создавать божества и облачаетъ ихъ высшей, благороднѣйшей формой человѣка, придавая только ей, какъ оболочкѣ божества, громадныя размѣры.

Но это и конецъ развитія язычества. Сознаніе проснулось, понятія стали создаваться, и молодая мысль пошла работать, искать во всемъ внутренняго смысла, пошла все одухотворять и во всемъ видѣть силы невидимыя и таинственныя. Тутъ въ умахъ высшихъ могла уже явиться и идея единобожія христіанскаго. Этимъ-то состояніемъ язычества у славянъ можно, кромѣ ихъ мягкаго характера, объяснить отчасти и мирное водвореніе христіанства на сѣверѣ.

Но не всякій можетъ быть одаренъ полною высшаго развитія духовныхъ силъ. Масса не могла для идеи христіанскаго божества отрѣшиться отъ своихъ языческихъ, если не вѣрованій, то по крайней мѣрѣ формъ, проявлявшихъ эти вѣрованія, и внесенныхъ народомъ въ каждый шагъ свой, въ каждое проявленіе жизни, въ каждый составъ своего быта. Подъ этимъ-то вліяніемъ у него были уже созданы: праздники, пѣснѣ, пляски, игры, хороводы, всѣ обычаи домашней и общественной жизни. Нужна была сильная, самобытно-свободная, ничѣмъ не стѣсняемая работа ума для того, чтобы подкопать окончательно эти формы и создать другія, болѣе жизненныя.

Нельзя отвергать, что такая работа у насъ и дѣйствительно началась. Умъ подъ вліяніемъ новаго начала повелъ свою работу: основаніе школъ, составленіе Русской Правды, появленіе литературы и т. п. ясно доказываютъ, что не покоренное, а самостроившееся отечество полнаго развитія душевныхъ силъ народа, могло двинуться наряду съ западною Европой. Но не такъ судьба расположила нашу исторію: славянскія и христіанскія начала мало по малу слабѣютъ и забываются; во-первыхъ отъ вліянія принесеннаго норманами родового быта съ удѣльной рѣзней, ослабленіемъ силъ до неспособности противиться монголамъ и съ развившимся изъ того же родового начала — мѣстничествомъ; во-вторыхъ, отъ татарскаго ига, убившаго всякое умственное движеніе и внесшаго въ характеръ нашъ скрытность, хитрость и низкопоклонство. Потомъ, когда Русь освободилась отъ татарщины — духовное стремленіе ея оказалось еще не совсѣмъ убитымъ, и возрожденіе было еще возможно путемъ общенія съ другими народами; но, къ

несчастью, завистливые сосѣди загородили отъ насъ западъ и русскимъ по неволѣ вспомнилось о дорогой имъ Византіи. Но Византія была уже не та: жизнь давно замерла у нея въ однѣхъ мертвыхъ формахъ, а скоро и вовсе погасла, оставя одинъ пепель мертвой схоластики. И эта-то сухая и гнилая схоластика понеслась на Россію, наводнила ее, проникла во всю бытовую жизнь народа, переполнила ее отжившими формами, но не могла вырвать съ корнемъ формъ языческихъ; для этого нужна была свѣжая сила, положительныя знанія, нравственная жизненность идеи. Если нельзя выскоблить пятна чернилъ, пропитавшихъ бумагу, то какъ же было пскоренить проникшее всю бытовую жизнь язычество, прежде чѣмъ умъ народа не созрѣлъ въ положительныхъ знаніяхъ! Вотъ почему у насъ не уничтожили окончательно язычества ни византійство съ его мертвымъ формализмомъ, ни нѣмецество съ его государственнымъ схоластичизмомъ табелли о рангахъ, ни французество съ его презрѣніемъ къ русскому имени и модамъ, этимъ послѣднимъ нашествіемъ чужой схоластики. Для пстребленія его, сколько показаль вѣковой опытъ, остается одно орудіе—грамота, развитіе ума и сообщеніе положительныхъ знаній.

Ни въ чемъ не сохранилось у насъ столько остатковъ язычества, какъ въ народныхъ свадьбахъ. До сихъ поръ у простаго народа свадьба опутана безчпсленной сѣтью обрядности, сохранившеюся со временъ отдаленной древности. Это цѣлая языческая поэма, перешедшая въ жизнь народную съ множествомъ символовъ и поэтическихъ эпизодовъ. Она-то и будетъ предметомъ нашего разбора.

Съ перваго шага сватуньи ⁽¹⁾ или сватовщика въ домъ невѣсты, вы уже видите языческій обычай, жалкое суевѣріе, котораго вовсе не понимаютъ и боятся нарушить, чтобъ не накликать несчастья будущей четѣ. Правду сказалъ г. Аксаковъ: привычка — зло.

И вотъ сватунья, ступая на первую ступень крыльца у дома невѣсты, уже произноситъ слѣдующее заклинанье: „Какъ твердо и крѣпко стоитъ нога моя, такъ да будетъ твердо и крѣпко слово мое; пусть будетъ оно тверже камня, лѣпче клея, острѣе ножа булатнаго; чтобъ, чтѣ я думаю, то и исполнилось“. Предпославъ такое языческое заклинаніе, она крестится и входитъ въ домъ.

Таково на половину языческое, на половину христіанское начало перваго момента свадебныхъ обрядовъ: *сватовства*.

⁽¹⁾ *Сватуней* называется въ Сибири женщина, высватывающая невѣсту; *свахой* — участница свадебнаго поѣзда; *сватей* — родственница невѣсты въ отношеніи къ семьѣ жениха, и на оборотъ.

Впрочемъ, въ Бѣльской волости есть еще и предварительныя формальности въ домѣ жениха, носящія на себѣ тоже характеръ язычества. Но онѣ употребляются только тогда, когда сватать отправляется женщина. Она наряжается какъ можетъ, и приготовившись, присѣдаетъ на минуту къ лавкѣ, потомъ встаетъ и молится образамъ. При молитвѣ сватуны беретъ за уголь стола и, сдвигая его съ мѣста, приговариваетъ: „сдвину козь столечницу, сдвину и сердечную“. Потомъ, проходя черезъ сѣни, она беретъ заранѣе подготовленную веревку, которою опутываютъ ноги лошадей, при выпускѣ ихъ въ поле, и подпоясывается ею съ приговоромъ: „какъ конь скороходъ въ этой веревкѣ заплетается, такъ и сердце Маши (т. е. дѣвицы, которую сватать хочетъ) заплетись“. Послѣ этого она отправляется на сватанье.

Придя въ домъ невѣсты, сватуны стараются переступить непременно правой ногой, съ чѣмъ соединяется идея большей силы и увѣренности, потому что и правой рукѣ, и правой ногѣ, и вообще всей правой сторонѣ отдается обыкновенно предпочтеніе.

За тѣмъ перекрестясь и поздоровавшись, сватуны садятся непременно подъ *матицей*, какъ обыкновенно въ крестьянскихъ избахъ называются балки.

„Какъ-же родимый не подъ матицу сѣсть, толковали мнѣ на разспросы, вѣдь матица-то домъ связываетъ, — вѣдь подъ матицу не сядешь, такъ и въ семьѣ связи и ладу не будетъ. Да вотъ что еще, батюшка, — жениться станешь, такъ крѣпко сватуныѣ своей накажи, чтобъ и на лавочку-то садилась-бы продольную. А на поперечной сидѣть не ладно; Богъ съ ней съ поперечной-то: въ дому и жизнь будетъ поперечная, упрямая, несогласная.“

Вотъ и усѣлась сватуны и начинаетъ разговоры стороной о томъ, о семь, а больше ни о чемъ: потомъ, улучивъ минуту, прямо говоритъ: „Я къ вамъ пришла не пировать, не столовать, а съ добрымъ дѣломъ, со сватаньемъ; — у васъ есть невѣста, а у меня женихъ, — станемте-ка родство заводить.“

Отецъ, выслушавъ это, въ случаѣ согласія, предлагаетъ матери идти къ невѣстѣ и объясниться съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей, чтобъ не стыдить ее. Вѣдь дѣло дѣвичье! При этомъ, если и невѣста согласна, даютъ отвѣтъ сватуныѣ рѣшительно утвердительный. Если же невѣста не согласна, и родители не имѣютъ особенной причины настаивать, то обыкновенно отказываютъ обинякомъ, въ родѣ того: «Молода вѣдь, хочетъ еще побыть въ дѣвкахъ, отцу матери поработать, ума-

разума принакопить.» Это хоть и понимается за отказъ; но пная бойкая сватунья настаиваетъ:

То вѣдь не бѣда,
Что невѣста молода;
Вѣдь со добрымъ молодцомъ
Возмужаетъ подъ вѣнцомъ.

Если же и родители и невѣста согласны, но есть препятствія, то есть тяжелыя обстоятельства, напримѣръ: бѣдность, сыновья еще подростаютъ и дѣвица главная работница, тогда отвѣчаютъ прямо: „Еще вамъ угодно—ждите до проку ⁽¹⁾, а тамъ, Богъ дастъ здоровья, пріѣзжайте, милости просимъ!“—Если же женихъ старикамъ очень по сердцу, а невѣста не согласна, тогда допрашиваютъ ее о причинѣ. Конечно, это бываетъ оттого, что дѣвушка выбрала другаго; тогда смыслъ ея упорнаго молчанія выражается слезамъ, — и слезы эти образумливаютъ наконецъ родителей. При изъявленіи же невѣстою согласія, отецъ говоритъ дочери:

Волей выбрала молодца,
Не пѣнай же послѣ на отца.

И все заканчивается тѣмъ, что сватуньѣ, въ удостовѣреніе успѣха, выдаютъ платочекъ невѣсты, съ которымъ она радостно и отправляется во свояси.

Этимъ оканчивается первое дѣйствіе семейной комедіи, называемое „сватовствомъ“.

Для втораго дѣйствія „рукобитья“ назначается особый день.

Это дѣйствіе то же не публичное: отецъ и мать жениха пріѣзжаютъ со сватуньей въ домъ невѣсты для рѣшительнаго удостовѣренія и личнаго удара по рукамъ, какъ обычной народной скрѣпы каждаго дѣла, потому что нарушающій послѣ этого, безъ достаточныхъ причинъ, слово, находитъ уже порицаніе во мнѣніи міра. Здѣсь женихъ еще не имѣетъ права участвовать; онъ является дѣйствующимъ лицомъ, и конечно главнымъ, въ третьемъ уже дѣйствіи, называемомъ *смотрѣньемъ*, которое заканчивается *обрученіемъ*. Со стороны жениха здѣсь никого болѣе не бываетъ. Но пустота эта восполняется самымъ ближайшими родными невѣсты; напримѣръ, крестными отцомъ и матерью, да подружками, которыя пока скрыты въ другой комнатѣ и не могутъ присутствовать при совершеніи рукобитья.

---

(1) То есть до того же времени будущаго года. Есть выраженіе: «на прокъ объ эту пору».

Но вотъ пріѣхали отецъ и мать жениха и сватунья; поздоровались и сѣли. Въ домѣ господствуетъ благоговѣйная тишина: на всѣхъ лицахъ видно пріятное безпокойство и отражается трепеть сердца. Невѣста въ другой комнатѣ, среди подругъ, сидитъ задумчивая и грустная, иногда печальная, со слезами въ глазахъ. Подруги вьются около нея и утѣшаютъ.

Затепливаются свѣчи у образовъ. Всѣ присѣдаютъ на мгновение, встаютъ и молятся. Послѣ того оба отца ударяютъ по рукамъ, и присутствующіе приговариваютъ: „Господи благослови! въ добрый часъ!“ А сватунья или одинъ изъ самыхъ почетныхъ присутствующихъ, напримеръ крестная мать или крестный отецъ невесты, разнимаютъ у нихъ руки. Это рукобитье совершается между отцами жениха и невесты, хотя бы свадьба и сладплась женской половиной, даже противъ воли ихъ. Затѣмъ выступаетъ изъ другой комнаты невеста и бросается со слезами и рыданьями въ ноги своему отцу, какъ бы умоляя о пощадѣ; но онъ благословляетъ ее, цѣлуетъ въ лобъ и приговариваетъ: „ну, Богъ съ тобой! о чемъ-же ты плачешь, мое дитятко? вѣдь съ Божьяго благословенья!“ При этомъ онъ подводитъ ее къ отцу жениха, который беретъ ее за руку, потомъ руки ихъ разнимаютъ, и невеста удаляется изъ комнаты къ подругамъ. Тамъ начинаются тяжкія рыданья, а часто одни непріятныя, отвратительныя причитанья.

Послѣ рукобитья сидятъ обыкновенно не много — выпьютъ либо по чашкѣ чаю, либо по рюмкѣ водки, и утѣжаютъ. И такъ, это главное, основное начало свадьбы, ударъ по рукамъ, совершается тихо, чинно, при горящихъ передъ образами свѣчахъ. Нѣтъ ни шума, ни звонкой пѣсни рѣзвыхъ подругъ, за то явственнѣе отдаются изъ другихъ комнатъ или искреннія, тихія рыданія неопытной дѣвушки-невесты, или грубыя крикливыя причитанія опытной дѣвы.

Проводивъ гостей, гасятъ свѣчи у образовъ: религіозная часть окончена, безмолвіе и тишина исчезаютъ, начинается говоръ и пѣсни. Эти пѣсни обыкновенно грустны и слезливы: онѣ выражаютъ и тѣ дѣйствительныя ощущенія, которыми переполнена душа невесты, и многія изъ типическихъ сторонъ нашей семейной жизни, сложившейся подъ разными вліяніями и историческими обстоятельствами.

Приведу нѣкоторые изъ этихъ пѣсенъ. Сколько мнѣ извѣстно, если у насъ и описывались народныя свадьбы, то безъ опредѣленной идеи, по одному частному примѣру, безъ знанія обрядности и безъ сознанія ея смысла, — и мы видѣли только отдѣльныя дѣйствія народной свадьбы, которыя не составляли цѣльной, полной картины. Поэтому и свадебныя пѣсни не получили еще у насъ ни должнаго распредѣленія, ни должнаго смысла.

Между тѣмъ, бывши часто на свадьбахъ и потолковавъ подробности съ ихъ участниками о значеніи каждой пѣсни и каждого обряда, легко составить полное и осмысленное понятіе обо всей этой драмѣ семейнаго быта.

Пѣніе вступившихъ въ свѣтлицу дѣвушекъ, усѣвшихся по мѣстамъ, подъ руководствомъ какой нибудь знающей распорядительницы-женщины, начинается интересно и граціозною пѣсней, гдѣ дѣвчья стыдливость не позволяетъ начать дѣла иначе, какъ рассказомъ о видѣнномъ снѣ, въ которомъ, по объясненію матери, выражается воля судьбы выходить ей замужъ. Вотъ эта пѣсня:

Сонъ дѣвицы и объясненіе его.

Какъ ночёсъ-та мнѣ, матушка,
Мнѣ малымъ-мало спалося;
Не спалося много видѣлося.
И привидѣлся мнѣ чуждый сонъ:
Какъ построена горенка,
Что во горенкѣ кровать,
На кровати чорный соболь,
На полу-же сѣра уточка,
По полочкамъ голуби,
По лавочкамъ ласточки,
На окошечкѣ ясень соколъ.
Ты дитя-ль мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Я сонъ этотъ разсужу тебѣ
Какъ построена горенка:
— То чужа тебѣ сторонущка;
На кровати чорный соболь
— Это твой свекоръ батюшка;
На полу сѣра уточка
— То свекровушка матушка;
А по полочкамъ голуби
— Это братья твои — дѣверья;
А на лавочкахъ ласточки
— То сестрицы все золовушки;
На окошкѣ ясень соколъ
— То твое, дитя, суженое,
Твое суженое, твое ряженое!

За тѣмъ, появивъ дочерѣ, что судьба назначаетъ уже конецъ ея свободной, привольной дѣвчьеѣ жизни, и что сонъ сулитъ ей замужество

ство, — мать въ другой пѣснѣ заставляетъ ее (но непременно заставляетъ; иного выраженія не допускаетъ дѣвичья стыдливость), по собственному сознанию, выбрать себѣ жениха изъ той толпы, въ которую пѣсня вводитъ дѣвицу. Окинувъ глазами всѣхъ, она останавливаетъ взглядъ на одномъ; сердце ударяетъ тревогу — и дѣвушка, съ нервнымъ трепетомъ и робостью, называетъ матери избраннаго. Вотъ эта пѣсня:

На выборѣ дѣвицею жениха.

Какъ у Машеньки матушка
Не добра была, не ласкова;
У Сергѣевны рѣдная —
Непривѣтливая.
Посылала ее матушка
Во сырой-ли боръ по ягодки:
Выбирай-ка себѣ, дитятко,
Изъ всѣхъ ягодокъ ты ягодку,
Изъ калины — калинушку,
Изъ малины — малинушку,
Изъ смородины — смородинку!
    Какъ у Машеньки матушка
    Не добра была, не ласкова;
    У Сергѣевны родимушка
    Непривѣтливая.
    Посылала ее матушка
    Во высокъ теремъ бояръ смотрѣть:
    Выбирай-ка себѣ, дитятко,
    Изъ князей себѣ — ты княжича,
    Изъ бояръ себѣ боярина;
    Выбирай-ка себѣ сужено,
    Удалова добра молодца.
Красна дѣвица назадъ идетъ:
Подъ ней ноги подгибаются,
Бѣлы руки опускаются,
Ясны очи закрываются,
Горьки слезы проливаются.
Вѣдь ужъ выбрала я, матушка,
Себѣ сужено и ряжено —
Свѣтъ Степана Ивановича!

Такъ какъ не только сватовство, но и рукобитье совершались, дѣвушка получила названіе невѣсты; то въ третьей пѣснѣ она и объявляетъ объ этомъ своимъ подругамъ.

Объявленіе отъ невѣсты подругамъ.

— Ахъ ты воля, ты воля батюшкина,
Ахъ ты нѣга, ты нѣга матушкина!
Я у батюшки жила — красовалася,
Я у матушки жила во всей волѣ:
По утру ранымъ-раненько не встѣвывала,
И я раннихъ пѣтуховъ млада не слушивала;
А умывъ руки, садилась за дубовый столъ,
Съ отцемъ, съ матушкой хлѣбъ-соль кушати,
Съ подругами думу-думати.
— А теперъ, мои подруженьки,
Научите вы уму-разуму:
Оставлятъ-ли мнѣ свой родимый кровь?
Отказаться-ль мнѣ отъ родителей?
Называться-ль мнѣ по чужой семьѣ?
Вы не знаете моей горести:
Ужъ какъ я млада запросватана
За незнамаго дѣбра мѡлодца!

За этимъ объявленіемъ слѣдуетъ естественно упрекъ подругъ, изъ вольнаго круга которыхъ она скоро должна выйти. Невѣста, съ своей стороны, конечно оправдывается. Все это выражается въ такой пѣснѣ:

Упрекъ подругъ и отвѣтъ невѣсты.

— Перелетная ты ласточка,
Сизокрылая касаточка!
Ты къ чему рано вылетаешь
Изъ своего тепла гнѣздышка,
Отъ своихъ-ли малыхъ дѣтушекъ!
Ахъ, не своей-то волею-охотою:
Со восточной со сторонюшки
Потянули вѣтры буйные,
Всколебалось море синее,
Поглушило малыхъ дѣточекъ!

— Ты душа-ли, красна дѣвица,
Свѣтъ ты, Марья Ивановна,
Ты къ чему рано замужъ идешь?
— Вы голубушки, подруженьки!
Не своей волей-охотою:
Роднымъ батюшкой запросвана,
Родной матушкой поручена!

Замѣчательно, что эта пѣсня допускаетъ ударить по рукамъ и матери, слѣдовательно, какъ бы представляетъ ей на этотъ разъ домашнее первенство.

Этотъ упрекъ подругъ, вѣроятно, возвращаетъ невѣсту къ болѣе сильному сожалѣнію о дѣвичьей жизни, — и вотъ начинаются слезы, сыплются грустные упреки на родителей.

Родителямъ невѣсты.

Ты ясно-ли красно солнышко,
Государь мой, родной батюшка!
Ты заря-ли подвосточная,
Государыня, родна матушка!
Не вставай-ка, родна матушка,
На рѣзвыя свои ноженьки;
Не вздувай-ка ты, родимая,
Изъ углей-ли огня яснаго;
Не затепливай, родимая,
Ты свѣчи-ли воску яраго
Передъ образами чудными;
Не запоручивай ты голову,
Вольну голову, дѣвью красоту!
Али я ужъ вамъ наскучила,
Ужъ гораздо напрокучила?
Много хлѣба, соли скушала,
Много квасу, пива выпила,
Износила платья цвѣтнаго,
Истоптала много чоботовъ?
Богоданный сударь — батюшка!
Ты могли-ко встать, подняться
На рѣзвыя свои ноженьки,
Ты могли-ко дойти, достигнуть
До парчевой, до занавѣсы,
До кручинной красной дѣвицы!

Видно, что запоручиванье матерью выражается и въ этой пѣснѣ.

Родители не отвѣчаютъ. Тогда, вѣроятно, по сознанію, что отецъ старшій, что дѣло зависить болѣе отъ него, а мать можетъ быть и согласилась бы, но ждетъ рѣшенія мужа,—пѣсня неvěсты обращается исключительно къ отцу, и когда онъ остается непреклоннымъ—другая пѣсня посылаетъ ему дѣвическія укоризны. Этотъ мѣткій укоръ трогаетъ до глубины сердца. Вотъ обѣ пѣсни:

А. Отъ неvěсты къ отцу.

Перекатное, красно солнышко,
Ты звѣзда-ли перекатная!
Закатилась ты за облаки
Прочь отъ свѣтла, ясна мѣсяца!
Перешла ты, наша дѣвица,
Что изъ горницы во горницу,
Изъ хорошей-ли во свѣтлую!
Перешла ты—и задумалась!
Какъ задумалась, заплакала
И въ слезахъ-то слово молвила:
Государь ты мой, родной батюшка,
Невозможно-ль того сдѣлать,
Чтобъ меня замужъ не выдать?!

В. Отъ неvěсты къ отцу.

Въ полѣ лебедушка кликала,
Въ теремѣ Машенька плакала;
Тебѣ Богъ судья, родной батюшка,
Молоду отдаешь въ чужіи люди.
Остается отъ меня зеленъ садъ,—
Свянуть цвѣтики лазоревые!
Накажу-жъ я родну батюшкѣ:
Утромъ ты вставай ранешенько,
Поливай цвѣты частешенько,
При вечерней зарѣ, утренней,
Что горячей-ли своей слезой.

Отъ родителей, которые остаются непреклонными, неvěста обращается къ подругамъ, и въ предестной поэтической пѣснѣ выражаетъ

всю силу своего отчаянія, всю свою безнадежность, — послѣ чего сердце ея какъ бы замираетъ. По крайней мѣрѣ, послѣ этого борьба прекращается, и въ остальныхъ двухъ пѣсняхъ подруги почти покойно совѣтуютъ непреклонному отцу готовить приданое, а невѣста убѣждаетъ его разузнать точнѣе все житье-бытье своего суженаго. Приводимъ всѣ эти пѣсни :

А. Отъ невѣсты къ подругамъ.

Вы, голубушки мои сизыя,
Приближенные сосѣдочки,
Мои милыя подруженьки !
Какъ пройдетъ зима студеная,
Подойдетъ-ли весна красная,
Сокатятся съ горъ бѣлы снѣги,
Нарастетъ-ли мурава трава,
Разцвѣтутъ цвѣты лазоревы,
На кустѣ созрѣетъ ягодка,
Чорна ягодка—смородинка ;
Какъ пойдете вы въ чисто поле
По ту ягоду—смородину,
Принесите-ка, голубушки,
Что мою-ль-то дѣвью красоту !
А моя-то дѣвья крѣсота,
Тамъ на кустицѣ, ракистовомъ,
Привилась-ли дѣвья красота
Ко кусточку алой ленточкой.
Вы снимите дѣвью красоту
Со ракитова со кустика,
Положите во коробочку,
Принесите къ родну батюшкѣ,
Ко родимой моей матушкѣ,
Что во свѣтлую во свѣтлицу,
Во свѣтлицу—въ нову горенку,
И поставьте вы коробочку
Во свѣтлицѣ, на дубовый столъ.

В. Ходатайство подругъ и отвѣтъ отца.

— Не лежи ты, боберъ, у крутыхъ береговъ,
Чорная куна возлѣ быстрой рѣки !

Не спи, свѣтъ Иванъ, во чужомъ во пиру,
Свѣтъ Иванъ, господинъ, Андреяновичъ !
Снаряжай-ка свадьбу Машиньки,
Твоей Машиньки — Ивановны !
— У меня свадьба снаряжена :
Девять печей хлѣба спечено,
Десятая печь большихъ калачей,
Девять четвертей вина насижено ;
Все приданое заготовлено :
Десять городовъ съ пригородками,
Десять теремовъ съ прптеремками.

С. Отцу отъ дочери невесты.

На зорѣ-то, зарѣ утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Пѣтухи поютъ ранни утренни,
Разбужаютъ они родна батюшка.
Ты ужъ встань, родимый батюшка !
Ты умойся ключевой водой,
Ключевой водой, студеною !
Ты утрись, родимый батюшка,
Тонкимъ бѣлымъ полотенчикомъ !
Помолись-ка, родный батюшка,
Богу, нашему Спасителю,
И сходи, родной ты мой,
Къ моему другу названному.
Разузнай-ка все, какъ есть оно,
Про житье-бытье, домашество.
Онъ не пьетъ-ли зелена вина ?
Не играетъ-ли въ кости, въ карточки ?
Не пропьетъ-ли платьѣ цвѣтное
И мою-то дѣвью красоту ?
А оттоль, родимый батюшка,
Ты зайди-ка въ церковь Божию
И узнай-ка все доподлинно :
Мнѣ какимъ вѣнцомъ вѣнчаться
И какимъ кольцомъ обручатся ?

Этимъ оканчивается вечеръ. За тѣмъ наступаетъ ужинъ и сонъ; но ни одна изъ подругъ не отпускается, и всѣ ночуютъ вмѣстѣ. Что чув-

ствуешь въ эту ночь невѣста? Сколько у нихъ будетъ еще толковъ, и долго ли продолжаться будутъ эти толки, пока утомленіе не сомкнетъ насильно ихъ вѣки? Судите сами читатели...

Третье дѣйствіе свадьбы *смотрѣнье* и за нимъ *обрученье*.

Оно бываетъ черезъ сутки и долѣе, смотря по обстоятельствамъ и произволу при каждомъ случаѣ. Изъ самыхъ названій понятно, что основаніемъ этого дѣйствія служатъ два главныхъ момента: представленіе невѣсты жениху и всей его роднѣ, а за тѣмъ мѣна колецъ. Это, по смыслу свадьбы, первое свиданіе жениха съ невѣстою. Оно, какъ и первыя два дѣйствія, происходитъ въ домѣ невѣсты. На этотъ разъ стеченіе народа бываетъ очень большое: безъ дѣвицъ, подругъ и пѣвицъ дѣлу, конечно, обойтись нельзя. Тутъ бываетъ множество родныхъ невѣсты, вся родня жениха, нѣкоторые особо званые, почетные гости, много и незваныхъ, особенно изъ молодежи, узнавшей заранѣе, что будетъ и веселье, будетъ и плясъ.

Вотъ въ дому все готово: собрались гости, столъ накрытъ бѣлой скатертью, поставлены на него пустыя тарелки и затеплены предъ иконами свѣчи. Все наготовѣ, все въ ожиданіи. Приѣзжаютъ разомъ женихъ, его родители, его крестные отецъ и мать, и тотъ, кто сваталъ. Входятъ, молятся Богу, и послѣ привѣтствія „бесѣдовать просимъ“, садятся. А между тѣмъ, кто нибудь вноситъ со стороны жениха и на счетъ его ящикъ съ лакомствами, вино, и ставятъ все за столъ, подъ образа. Потомъ, посидѣвъ немного, всѣ по знаку сватовщика встаютъ и онъ—возглашаетъ: „вотъ смотрите вы нашего жениха, Степана Ивановича, а намъкажите-ка невѣсту свою“. Выводятъ невѣсту. Но кто выводитъ? Во многихъ мѣстахъ Енисейскаго округа есть обычай, чтобы невѣсту выводила непременно крестная мать, если только она жива. Здѣсь очевидно къ языческимъ обрядамъ примѣшался обычай христіанскій; въ то время, когда онъ еще имѣлъ глубокій смыслъ.

Выйдя въ горницу, невѣста раскланивается со всѣми, потомъ къ ней подходитъ женихъ, беретъ ее за руку и они оба встаютъ на одну половицу, но такъ, что къ образамъ всегда становится женщхъ, а къ дверямъ невѣста. Это стоянье на одной половицѣ можно бы, пожалуй, тоже отнести къ язычеству; но по-моему въ немъ заключается важный и интересный смыслъ: стоять на одной половицѣ здѣсь тоже, что стоять въ одной линіи, въ одномъ чинѣ по табелю о рангахъ, имѣть равное значеніе; и какъ мужчина обращенъ все-таки къ образамъ, а туда садятъ обыкновенно лицо первенствующее среди гостей, поэтому ясно, что дѣйствіе это совпадаетъ съ юридическимъ выраженіемъ о предѣдателѣ между равными членами—*primus inter pares*. И признаніе этого—

то относительно равноправнаго союза, подъ предсѣдательствомъ одинакоже мужа, скрѣпляется клятвенною цѣпью, т. е. обрученъемъ, состоящимъ въ мѣнѣ колецъ, — этомъ внѣшнемъ зарокѣ, съ раздающимся за тѣмъ звонкимъ поцѣлуемъ, какъ зарокѣмъ сердечнымъ. Клятва заключена внѣшнимъ образомъ, а черезъ поцѣлуй перенесена, согрѣтая горячностью чувства, и въ сознаніе; половица становится излишнею; съ нея сходятъ, садятся на мѣста и начинается угощеніе.

Есть, впрочемъ, и другой обычай, болѣе склоняющійся къ язычеству. Поздоровавшись — женихъ беретъ невѣсту за руку, заходитъ и садится за столъ, такъ что она у него справа; за столъ же съ другой стороны заходятъ отецъ и мать жениха. Въ этотъ моментъ садятся всѣ, кто-бы ни былъ въ комнатѣ, а отецъ невѣсты зажигаетъ приготовленныя у образовъ свѣчи; за тѣмъ отодвигаютъ столъ, всѣ встаютъ съ мѣстъ и молятся образамъ. Моленіе продолжается не долго, а послѣ того подается платокъ, и за четыре угла его берутся правыми руками отецъ жениха, отецъ невѣсты, самъ женихъ и сама невѣста; двое послѣднихъ сводятъ свои концы платка рука къ рукѣ и перемѣняются ими. Этимъ оканчивается обрядъ обрученія, скрѣпляемый поцѣлуемъ. Потомъ садятся на мѣста: первые заходятъ справа влѣво — отецъ и мать невѣсты въ уголъ, и за ними съ той-же руки пара сговоренныхъ; а отецъ и мать жениха съ противоположной стороны. Такъ сидятъ очень недолго, потому что родители невѣсты, занимавшіе первые мѣста, встаютъ, прощаются съ молодой четой и выходятъ въ противную сторону противъ той откуда входили, т. е. мимо родителей жениха, которые за тѣмъ гасятъ свѣчи и начинаютъ угощеніе. Откуда этотъ обычай клятвы черезъ углы платка — я опредѣлить не умѣю.

Такъ или иначе обрученіе совершилось. Средства къ угощенію всегда доставляются со стороны жениха и распоряжаются при этомъ его родители, а самое угощеніе начинается тѣмъ, что женихъ разсыпаетъ на поставленные заранѣе на столъ орѣхи и другія лакомства, а отецъ его разливаетъ вино. Прежде всѣхъ приглашаются отецъ и мать невѣсты: наливаются четыре рюмки вина, и двѣ пары; родители со взаимными поздравленіями и чоканьями выпиваютъ ихъ; за тѣмъ приглашаются къ такому же угощенію и прочіе члены невѣстиной стороны въ такомъ порядкѣ — сперва крестные, потомъ дядя съ теткой, потомъ братья, и наконецъ сестры. Кончивъ угощеніе невѣстиной стороны, просятъ сватунью, которая сидитъ между тѣмъ возлѣ матери жениха.

Въ то время какъ отецъ угощаетъ всѣхъ виномъ, женихъ предлагаетъ невѣстѣ тарелки съ лакомствами, и она разноситъ ихъ своимъ по-

другамъ. Сестра же ея, и непременно старшая (вѣроятно, чтобъ привыкала ко всему), разноситъ чай гостямъ жениховой стороны и прочимъ званымъ. Замѣчательно, что въ комнатѣ можетъ быть много и незваныхъ, но они только сидятъ и смотрятъ, пока не участвуя нисколько въ угощеніи. Гости званые, и особенно со стороны жениха, не могутъ обойтись безъ расходовъ, потому что обязаны по мѣрѣ возможности класть деньги въ то время, какъ получаютъ угощеніе.

По окончаніи этого угощенія, опять выступаетъ на сцену, какъ и при рукобитыи, крестная мать невѣсты, беретъ ее за руку, выводитъ изъ-за стола и уводитъ въ другую комнату, а если изба ѡбдная, то въ „кутъ“ (гдѣ стоитъ печь). Женихъ въ это время беретъ тарелку, кладетъ на нее приготовленные имъ невѣстѣ подарки и относитъ въ сопровожденіи своей матери эти подарки къ невѣстѣ, которая принимаетъ ихъ при поцѣлуѣ.

Когда всѣ потчиванія и отдариванія кончатся, родители невѣсты, женихъ и сватуны прощаются и уѣзжаютъ, при чемъ женихъ конечно поцѣлуется съ невѣстой, которая провожаетъ его на крыльцо. Потомъ убираютъ все со стола; старшіе расходятся спать; остается одна молодежь обоего пола. Начинаются пѣсни, игры и пляски; сюда же возвращается и женихъ, даже безъ сватуны. Въ нѣкоторыхъ селахъ отецъ и мать невѣсты, равно и ближайшіе родственники, увозятся послѣ этого къ жениху и тамъ ужинаютъ.

Такъ кончается смотрѣнье и обрученіе. Если послѣ него женихъ вздумаетъ отказаться, то никакимъ судомъ и закономъ онъ уже не можетъ получить ни затраченнаго на угощенія, ни сдѣланныхъ подарковъ. Невѣста же можетъ отказаться не иначе, какъ возвративъ подарки и заплативъ за хлопоты и траты; а если не отдастъ, то осуждается мірскимъ мнѣніемъ.

Это третье дѣйствіе свадьбы, подобно предыдущему, сопровождается непрерывнымъ пѣніемъ пѣсень. Только пѣсни эти носятъ со-всѣмъ другой характеръ. Тутъ уже нѣтъ невиннаго отпора дѣвушки, горькихъ слезъ и тяжелой мысли, что скоро придется оставить родительскій домъ и жизнь дѣвчью, веселую и беззаботную, нѣтъ и страха неизвѣстнаго будущаго. Тутъ, напротивъ, вы видите, что спокойное примиреніе съ этой мыслью въ самомъ началѣ вечера смѣняетъ отчаяніе, которымъ дышали нѣкоторые изъ пѣсень рукобитыя.

Пѣсня дѣйствуетъ здѣсь весьма ловко и постепенно. Съ самаго начала она подготавливаетъ невѣсту къ мысли о пріѣздѣ жениха, рисуя сцены встрѣчъ между дѣвицей и молодымъ, которыя устраивались будто сами собою, по велѣнію судьбы. Вотъ двѣ первыя пѣсни:

1.

Заблудяща пава-павушка!
Заблудилась во темныхъ ты лѣсахъ,
Приблудила ко павлиному гнѣзду.
„Тебѣ Богъ въ помочь,
Павлинъ-сударь въ гнѣздѣ!
Выведи-ка изъ лѣсовъ
Ты—павлинъ-сударь меня!“
Взговорилъ павлинъ-сударь въ гнѣздѣ:
Тебѣ сколь, пава, не блуживать,
Сколько павушкѣ не хаживать,
А придется жить въ моемъ тебѣ гнѣздѣ,
Будешь слыть моей ты павушкою!
Заблудящая подруженка,
Заблудилась въ чужихъ ты во людяхъ,
Приблудила-ли ко бѣлу ко шатру,—
Ко удалу добру молодцу.
„Въ помочь Богъ тѣ, добрый молодецъ,
Во бѣломъ шатрѣ украшенномъ!
Удалый ты добрый молодецъ
Меня выведь изъ чужихъ, ты, изъ людей!“
Отвѣчаетъ добрый молодецъ:
Сколько дѣвицѣ не хаживать,
Молодой сколько не блуживать,
А ужъ будешь во моемъ бѣломъ шатрѣ,
Будешь слыть моей боярынею!

2.

—Сободемъ наша Маша—лѣса прошла, лѣса прошла,
Лѣса крыла—алымъ бархатомъ, алымъ бархатомъ,
По пути катила—крупнымъ жемчугомъ ⁽¹⁾;
Прикатила на крутой бережокъ,
Стала — на бѣлѣ горючъ-камешокъ,
Вскрикнула она — зычнымъ голосомъ:
„Кто-бы меня иладу за рѣку перевезъ?

⁽¹⁾ Каждую последнюю половину стиха повторять дважды, какъ показано въ двухъ первыхъ строкахъ.

Много-бы дала тому — золота,
 Больше-бы того — скатна жемчугу.
 Не отколи взялся — Степанъ господинъ,
 Какъ Степанъ господинъ — свѣтъ Ивановичъ;
 Онъ и лодочку спускаетъ во быстру рѣку;
 Онъ скоро поспѣшаетъ къ нашей Машенькѣ,
 Къ нашей Машенькѣ — свѣтъ Ивановичъ.
 Ужъ и чѣмъ тебя дарить, добрый молодецъ?
 У меня есть — золота казна;
 Добрый жемчугъ, платье цвѣтное.
 — Подари лучше собой — мое сужено!
 Мое сужено, мое ржено!

Во второй пѣснѣ этихъ пѣсень упоминается „бѣль-горючь-камень“. Это средство, вѣроятно, досталось нашему времени еще отъ временъ язычества, потому что оно, по смыслу народныхъ сказаній, входитъ въ число знахарскихъ снадобьевъ и употребляется во всѣхъ суевѣрно-демоническихъ заклинаніяхъ и приговорахъ. Эготъ „бѣль-горючь-камень Латырь“ помогаетъ географическому опредѣленію упоминаемаго въ народныхъ сказаніяхъ, и особенно въ „Голубиной Книгѣ“, моря-Латырь. — Это море оказывается Балтійскимъ моремъ, потому что камень Латырь есть ничто иное, какъ бѣложелтый янтарь, горючее вещество, употреблявшееся еще у римлянъ въ качествѣ цѣлебныхъ средствъ и амулетовъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что янтарь добывается только на Балтійскомъ поморьѣ, отъ Копенгагена до Курляндіи, и на прилежащихъ островахъ; сказаніе же говоритъ, что этотъ камень Латырь лежитъ „на море на океанѣ, на островѣ на Буянѣ“. — Мы представили объясненіе строфы пѣсни, на основаніи ученыхъ изысканій. Что-же понимаетъ въ этой фразѣ народъ и не твердитъ-ли онъ въ ней одни пустые звуки? Въ заклинаніяхъ онъ, конечно, придаетъ имъ смыслъ, но смыслъ демоническій, и они произносятся губами, дрожащими отъ страха! Вотъ, что должно искоренить образованіемъ.

Но возвратимся къ нашему разсказу.

Какъ бы въ отвѣтъ на успокоительныя слова приведенныхъ пѣсень — дѣвушка, безъ малѣйшаго отчаянія, а можетъ быть и въ видахъ удовлетворенія чувства стыдливости, дѣлаетъ слабыя попытки къ освобожденію отъ предстоящей передачи въ чужую семью, что и выражается опять въ слѣдующихъ двухъ пѣсняхъ:

3.

Государь ты мой, родной батюшка!
Подступи къ столу бѣлодубову,
Засвѣти ты, родной батюшка,
Свѣчу ярку, бѣломѣкану;
Посмотри-же ты, мой батюшка,
То-ли ровня, что со мной сидитъ?
— Ты дитя-ли мое дитятко,
Ты душа-ли красна дѣвица:
Это ровня, что съ тобой сидитъ!
— Государь ты, мой родной батюшка,
Я сама знаю и вѣдаю,
Сама молода сдогадалася:
Говоришь ты — все обманываешь!
Моя ровня подходящая —
Вонъ въ кути, тамъ за занавѣсой,
Все души-ли красны дѣвицы,
Мои милыя подруженки.

4.

По горамъ я ходила,
Полынь-траву сѣяла,
Васильки садила.
Не отколь взялся молодецъ
На своемъ добромъ конѣ.
Онъ полынь-траву вытопталъ,
Васильки всё выщипалъ,
И меня младу высмотрѣлъ.
Сестра брату жаловалась:
Ахъ ты братъ, ты мой милый братъ!
Я по горкамъ ходила,
По высокимъ гуляла,
Полынь-траву сѣяла,
Васильки садила.
Не отколь взялся молодецъ
На своемъ добромъ конѣ;
Онъ полынь-траву вытопталъ,
Васильки выщипалъ,
И меня младу высмотрѣлъ.

— Ты, сестра моя милая,
Сестра, сизая голубушка,
Свѣтъ Марья Ивановна!
Я и самъ холостъ, холостъ хожу,
Самъ чужихъ сестеръ смотрю!

Но вотъ подходитъ роковой моментъ обрученья, все пришло въ движеніе и готовится къ нему. Дѣвушка по естественному чувству содрогается передъ нимъ, а пѣсня—этотъ отголосокъ всѣхъ затаенныхъ ощущеній, передаетъ душевное состояніе невѣсты въ слѣдующихъ словахъ:

5.

Въ ~~Г~~городѣ перстень ковали,
Во Новѣ золотили,
У царя въ Москвѣ оцѣнили.
Кому тѣмъ перстнемъ обручаться:
Отроку съ отроцидей,
Добру молодцу со дѣвицей.
Не вставай, мой сударь батюшка,
Со дубовой съ новой лавочки, —
Не снимай, мой сударь батюшка,
Со стѣны чуждаго образа
Святу Дѣву, Матерь Божию,
Ты не дѣлай, сударь батюшка,
Обручаньца великаго!
Вѣдь ничѣмъ тебѣ его не выкупить —
Ни рублями ста и не тысячью!
Только выкупишь ты, батюшка,
Моей дѣвицей головошкой
Со русой косой, со трубчатой,
Со хорошей дѣвѣй красотой!

Но вотъ приступаютъ къ совершенію обряда обрученья, и новая пѣсня, проникнутая иѣжнымъ чувствомъ, опредѣляетъ его значеніе.

6.

Какъ на улицѣ, улицѣ,
На широкой на площади,
Тутъ ~~т~~играли, поигрывали,

Что милы дружки Машеньки.

Они мало выиграли,

Они много проигрывали;

Проигрывали сестру свою,

Что ни Марью-ли Ивановну.

На лугу, лугу зеленомъ,

На коврѣ, коврѣ шелковомъ,

На кругу, кругу золотенькомъ:

Тутъ играли, проигрывали

Что милы братцы Машеньки.

Они мало проигрывали

Они много выигрывали:

Выиграли они милую сноху,

Что ни Марью-ли Ивановну,

Родну бабушкѣ — невѣстуху,

Родной матушкѣ — замѣнушку,

Какъ милу дружку обручницу —

Обручницу, подвѣнчницу,

Подвѣнчницу, вѣковѣчницу.

Совершилось обрученье. Пѣсня на нѣкоторое время умолкаетъ и даетъ успокоиться взволнованному чувству. Потомъ, для утѣшенія дѣвицы, которой все-таки можетъ-быть грустно, она призываетъ соловушка:

7.

По саду, садочку виноградному,

По мосточку, мостикку калиновому,

По лугу, зеленому коврау,

Ходили красны дѣвушки,

Поймали соловушка,

Носили на высокъ теремъ,

Сажали за дубовый столъ,

Заставили пѣсни пѣть.

Ты попой, попой соловушка,

Ты потѣшь-ка красну дѣвицу,

Которая запросватана

За удала добра молодца,

За Степана за Ивановича!

А сама пѣсня идетъ далѣе, и приучаетъ дѣвицу называть „обручника“ уже „своимъ“ суженымъ, „своимъ“ ряженымъ. Дѣвичья стыдливость сходить мало-по-малу съ перваго плана; она замѣняется по-немногу естественно рождающимся чувствомъ влеченья дѣвушки къ добру молодцу, и личность жениха мало-по-малу заступаетъ мѣсто даже отца и матери. Все это развивается въ слѣдующихъ четырехъ пѣсняхъ:

8.

Какъ Степанъ господинъ ходить по двору,
Свѣтъ Ивановичъ по широкому.
Кунья шуба на немъ до полу,
Соболина шапка до верху,
Божья милость на немъ до неба,
Какъ богатство, счастье до вѣку.
Суженый сморгить изъ полога,
А бояре смотреть изъ города,
А боярыни изъ терема.
Бояре молвятъ: „чей-же такой?“
Боярыни — „чей господинъ?“
А Маша отвѣтствуетъ: — „мой дорогой“.

9.

Ты рѣка-ли, моя рѣченька,
Ты рѣка-ли, моя быстрая!
Ты рѣка-ли по лугамъ течешь,
По раздольямъ разливаешься.
У тебя-ль, у быстрой рѣченьки,
Берега были хрустальные,
А пески на нихъ жемчужные.
Тутъ стоялъ тонкій бѣлъ шатеръ;
Ужъ какъ дѣвица изъ терема
Приходила ко бѣлу шатру,
Разбужала добра молодца:
Пробудись удалой молодецъ,
Пробудись мое сужено,
Пробудись мое ряжено!
Вотъ пришла къ тебѣ я дѣвица,
Что пришла я позабавиться,

Поиграть во гусли звончаты.

Проиграла красна дѣвица

Со правой руки золотой перстень.

Не въ досаду-ль тебѣ дѣвица?

— Не въ досаду добрый молодецъ!

Проигралъ ей добрый молодецъ

Свои гусельцы звончатые.

Не въ досаду-ль тебѣ, молодецъ?

— Не въ досаду красна дѣвица!

Проиграла красна дѣвица

Что свою косу зубчатую.

Не въ досаду-ль, красна дѣвица?

— Не въ досаду, добрый молодецъ!

10.

Взвѣяли вѣтры по полю,

Грянули веслы по морю,

Съ кѣмъ-то мнѣ думушку думати?

Думу думать съ роднымъ батюшкой—

Та мнѣ дума не крѣпка, не вѣрна,

Словеса тѣ не понравились.

Взвѣяли вѣтры по полю,

Грянули веслы по морю.

Съ кѣмъ то мнѣ думушку думати?

Думу думать съ родной матушкой—

Та мнѣ дума не крѣпка и не вѣрна,

Словеса тѣ не понравились.

Взвѣяли вѣтры по полю,

Грянули веслы по морю.

Съ кѣмъ-то мнѣ думушку думати?

Думу думать мнѣ съ Машенькой—

Та мнѣ дума и крѣпка и вѣрна,

Словеса тѣ мнѣ понравились!

11.

Подъ горой, горой высокою,

Что кипитъ комодецъ съ золотомъ.

Красны дѣвицы расчерпываютъ:

Коя чарой, коя ковшичкомъ,
Одна Машенька цѣлымъ кубцомъ.
Кому кубецъ отдать съ золотомъ?
Отдать батюшкѣ—назадъ не взять,
Отдать матушкѣ — подавно не видать;
Какъ отдамъ кубецъ Степанушкѣ,
Какъ Степану да Ивановичу:
Тѣмъ кубцомъ съ нимъ мы село заведемъ.

По законамъ природы, человѣкъ, увлекаясь настоящимъ, невольно обращается къ своему ясному прошедшему и исполняется невольнымъ сожалѣніемъ о немъ. Такъ и невѣста, подъ конецъ вечера, какъ-бы опомнившись отъ увлеченія, видитъ, что еще вечеръ, два, и она въ чужой семьѣ, — вспоминаетъ приволье въ родномъ дому и обращается къ своимъ родителямъ съ тихослезной пѣснію. Но о чемъ-же? Пѣсня уже не проситъ освобожденія отъ замужества, не видитъ уже въ женихѣ „ворога, похитителя“, — нѣтъ! она проситъ только отъ лица невѣсты, чтобъ послѣдніе дни-то родители запечатлѣли усиленной ласкою, чтобы помнился крѣпче родительскій домъ. Вотъ эта пѣсня:

12.

Полелѣй, полелѣй, мати Волга рѣка—
Полелѣй ты круты берега!
Что не долго лелѣяти;
Со весны да до осени,
До студенаго до замороза.
Полелѣй отецъ, ты, доченьку свою!
Что не долго вѣдь лелѣяти,
Со четверга да до пятницы,
А въ субботу вѣдь дѣвдичъ-вечеръ,
Въ воскресеньице—разлучный день:
Разлучать пташку съ гнѣздышкомъ,
Нашу Машу съ добрымъ батюшкой!

Когда все уже кончено и не только беретъ женихъ, не только отдаютъ родители, но и сердце невѣсты потянулось къ чужому дѣлу,— пѣсни ходатайствуютъ за родныхъ невѣсты и просятъ не пренебречь ими. Она говоритъ:

13.

Соколь летѣль изъ улицы,
Соколянка изъ другой,
Они вмѣстѣ солеталися,
Перьемъ сизымъ помѣнялися.

Молодецъ ѣдетъ изъ города,
А дѣвица-то изъ терема.
Они межъ собой сходилися,
Ручками бѣлыми схватилися,
Златымъ перстнемъ помѣнялися,
И въ уста поцѣловалися!

(Поющіе обращаются къ невестѣ).

Ты душа-ль наша соколянка,
Ты душа ли красна дѣвица!
Укажи намъ двѣ дороженьки:
Къ отцу-тестю на широкій дворъ,
Къ маткѣ-тещѣ во новы сѣни,
Къ твоему сужену въ высокъ теремъ.

(Потомъ обращаются къ жениху).

Ты соколь, сударь, соколовичъ,
Удалой нашъ доброй молодецъ!
Ты поди-ка на конюшенъ дворъ,
Тамъ отдай коня ты конюху,
Своему родиму брателку,
Молись Богу по писаному,
А поклонъ веи по учоному,
Поклонись всѣмъ на всѣ стороны,
Тестю-жъ, тещѣ наособицу,
Да примѣть свою ты суженую!

А передъ отбѣздомъ жениха пѣсня знакомитъ дѣвушку со слѣдующимъ дѣйствіемъ комедіи, съ „дѣвичникомъ“, и подготавливаетъ ее къ тому времени, когда женихъ нагрянетъ уже со всей свитой, со всей дружиной своей.

14.

Какъ сидѣла я во теремѣ,
И низала я жемчужины
Что на длинную на ниточку.

Неотколь взялся ясенъ соколъ;
Онъ взмахнулъ правымъ крылышкомъ,
Онъ задѣлъ имъ за тарелочку,
За тарелочку за серебряну;
Онъ просыпалъ всѣ жемчужины,
До одинаго до зернышка.
Какъ расплакалася дѣвица,
Стоючи предъ роднымъ батюшкой.
Ты не плачь-ка мое дитятко:
Сзову скоро я князей-бояръ;
Подберутъ твои жемчужины
До одинаго до зернышка.

Эта подготовка выражается еще болѣе въ той пѣснѣ, при которой женихъ уже прощается, чтобы со слѣдующаго дня, какъ говорится, вырости на вершокъ: до этого времени онъ искалъ самъ, онъ еще робѣлъ, былъ въ неизвѣстности; а теперь уѣзжаетъ съ убѣжденіемъ, что дѣло скрѣплено и крѣпкими обрядами, и разгарающимся въ дѣвушкѣ чувствомъ. Справедливость этой мысли видна изъ слѣдующей прощальной пѣсни:

15.

Въ горнищѣ гусли лежали,
А некому въ гусли играти.
Какъ Степана-то не случилось,
Не прилучилось Ивановича.
Онъ у ласкова тестя пируетъ,
Онъ у ласковой тещи столуетъ.
Теща-то зятя провожала,
А сама зятю наказала:
Пей, мой зять не упивайся
Пріѣдешь домой—не ломайся,
Вѣдь дитя-то мое младое,
Твоего обычая не знаетъ,
Твоего порову не вѣдаетъ.

Когда женихъ уже выйдетъ за дверь, пѣсня вызываетъ его обратно въ свѣтлицу, ко дѣвицѣ, такими восклицаніями:

16.

Эй, Степанъ, господинъ, *воротися!*
Свѣтъ Ивановичъ *воротися!*
Твоя Машенька стосковалася,
Изъ окна въ окно бросалася, —
Инда стекла приломались!

И для большей силы послѣднее слово каждой строчки повторяется еще по три раза. Если собесѣдники развеселились, то жениха въ самомъ дѣлѣ возвращаютъ, три раза приговаривая: „трижды припѣвъ ради трехъ поцѣлуевъ“.

Если *дѣвичникъ*, какъ четвертое дѣйствіе цѣльной картины свадьбы, откладывается на неопредѣленное время, то въ промежутокъ бываютъ вечеринки, на которыхъ, кромѣ плясу, поютъ и разныя пѣсип, только для того, чтобы пѣть, безъ отношенія къ дѣйствию, изъ котораго онѣ берутся.

А между тѣмъ запасаются должностными лицами свадьбы. Если отецъ и мать живы съ обѣихъ сторонъ, то нѣтъ и хлопотъ о приисканіи особыхъ, такъ называемыхъ благословленныхъ отцовъ и матерей, т. е. замѣну изъ старшихъ родственниковъ, или изъ постороннихъ почетныхъ лицъ. Со стороны невесты приискиваютъ двухъ свахъ, одну постельницу, одного продавца косы, одного заобразника и двухъ бояръ. Со стороны жениха нужны:

1. Тысяцкій — старшее почетное лицо свиты, изъ болѣе богатыхъ лицъ, могущихъ расхаживать деньги на наемъ священника, на свѣчи въ церкви и на другія издержки, даже до причудливыхъ требованій подкутившихъ поѣзжанъ.

2. Дружка — особенный знатокъ всѣхъ обрядностей въ ихъ принятой послѣдовательности. На немъ лежитъ обязанность управлять всѣмъ ходомъ свадьбы; онъ долженъ быть чѣмъ-то въ родѣ знахаря, только съ благодѣтельной стороны этого званія, то есть отвращать всякіе привороты и отговаривать приговоры злыхъ людей. Это личность чрезвычайно бойкая, а его разнообразныя неожиданныя дѣйствія и шутки должны внушать къ нему страхъ и почтеніе. Онъ считаетъ все для себя возможнымъ. Одѣтъ онъ со всѣми принадлежностями таинственнаго вѣтязя: черезъ плечо у него берчатое полотенцо, подпоясанъ онъ бранымъ кушакомъ, на кушакѣ висятъ справа — плеть, спереди — пистолетъ, слѣва — складной ножъ.

3. Полудружье или поддружка, т. е. помощникъ дружки и ближайшій исполнитель его приказаній.

4. Сваха. Чаще у жениха и у невесты бываетъ по одной свахѣ, но иногда и по двѣ. Это — отчасти свидѣтельницы вѣнчанья; но болѣе нужны онѣ для ухаживанья за невестой, которую нельзя же одну толкнуть въ кругъ мужчинъ.

5. Четыре боярина. Они нужны въ свидѣтели вѣнчанья, и для разныхъ посылокъ, и для ѣзды съ образомъ жениха въ церковь и для другихъ порученій. Ихъ роль вообще исполнительная; но они обязаны съ одной стороны всѣмъ угождать, а съ другой — всѣхъ слушаться. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ называется старшимъ.

Наконецъ вся свита избрана; пиво наварено, вино и угощенія припасены, и медлить не зачѣмъ. Назначается день дѣвичника.

Въ обѣихъ домахъ съ утра начинается суета. У жениха рано готовы лошади. А если невеста сирота по которомъ либо изъ родителей, то она ѣздитъ по утру на могилы и плачетъ тамъ съ сожалѣніемъ, что не можетъ получить родительскаго благословенія.

Такъ какъ большая часть свадебъ бываетъ послѣ вечерни, то и многіе изъ обрядовъ, совершающихся иногда въ теченіе утра дня дѣвичника, откладываются до утра свадьбы, какъ напримѣръ привозъ подарковъ отъ жениха и доставленіе ему приданого.

Но баня и у жениха, а тѣмъ болѣе у невесты, составляетъ рѣшительную принадлежность этого дня.

Подруги не оставляютъ въ этотъ день невесту ни на минуту и такъ какъ имъ послѣ бани времени свободнаго не останется, то онѣ садятся за столъ до поѣздки въ баню, и поютъ слѣдующую пѣсню:

Во время обѣда подругъ.

1.

Сборы вы, сборы Машеньки,
Великіе сборы Ивановны!
Собираетъ подругъ она за дубовый столъ,
Садитъ подружекъ вокругъ стола,
А сама садится выше всѣхъ,
Головку-же клонитъ ниже всѣхъ,
И думушку думаетъ крѣпче всѣхъ.
Вы голубушки, мои подруженьки!
Придумайте вы, присовѣтуйте,
Какъ мнѣ жить во чужихъ людяхъ?
Какъ мнѣ звать свекра со свекровью?

Называть свекромъ — онъ разсердится ,
Называть батюшкой — миѣ не хочется ,
Называть свекровью — разсердится ,
Называть матушкой — не хочется .
Я неволей должна покориться !
Назову-же свекра — батюшкой ,
Назову свекровь я — матушкой .

Обѣдъ кончается . Невѣсту надобно готовить въ баню . Коса , до сихъ поръ составляющая постоянную принадлежность сельской дѣвушки до замужества , есть символъ дѣвчества , и разставанье съ нею , очевидно , должно предшествовать дню первой женской ночи . Потому особенно много пѣсень теплыхъ , искреннихъ , прелестныхъ , сохранилось и поется и до нашихъ дней съ обращеніемъ къ косѣ дѣвичьей .

Для бани косу надобно расплести , и вотъ , пока идутъ приготовленья къ этому , поютъ :

2.

Ты коса-ль , моя косанька ,
Ты коса-ли , моя русая !
Тебя матушка почесывала ,
Заплетала рѣдна сестрица !
Ужъ какъ миѣ-ли тебя косанька ,
Знать-то , болѣе не сплетывать ,
Алой ленточки не нашивать !
Разстаюсь съ тобою косанька !
Разстаюсь со дѣвьею красотой !
Расплетутъ тебя вѣдь , косанька ,
Какъ на мелкія на прядочки ;
Поведутъ-ли меня , дѣвицу ,
Въ баньку новую помыться .
Тамъ я смою дѣвью красоту
Ключевой водой студеною !

Каждый знаетъ , что какъ ни привыкай къ мысли о смерти кого-нибудь изъ близкихъ сердцу , или о разлукѣ съ ними , какъ ни знай навѣрное впередъ день и часъ этого событія ; но настаетъ моментъ , событіе свершается — и вы заливаетесь слезами , въ васъ , какъ по пскрѣ электрической , просыпаются всѣ воспоминанія , всѣ желанія , всѣ грезы и опасенія .

Спокойно начала было смотрѣть невѣста на замужество въ концѣ вечера рукоблѣть. И это болѣе или менѣе спокойное и беззаботное дѣвичье настроеніе продолжается до дѣвичника. Но наступаетъ рѣшительный день „дѣвичникъ“, подходятъ часы разлуки съ отцомъ и матерью, что росли, лепѣли, съ привольной жизнью дѣвичьей, — съ своими привычками и беззаботностію, съ домомъ, въ которомъ сроднилась она съ каждымъ мѣстомъ, съ каждой вещью — и возобновляются слезы, слезы непритворныя и безутѣшныя!

Къ расплетанію косы приглашаются по порядку отецъ, мать, братья, сестры. Для того въ одну и ту же форму пѣсни вставляются другія воззванія.

3.

Приступи, родимый батюшка,
Ко моей-то дѣвѣй красотѣ!
Расплети, родимый батюшка,
Что мою-то, мою трубчатую косу,
Видно, я у васъ отнѣжилась!
Видно, я открасовалась,
Видно, я ужъ вамъ наскучила,
Видно, я вамъ напрокучила!
Награди, родимый батюшка,
Ты меня благословеньцемъ!

Невѣста сидитъ. Родственницы, одна за другой подходятъ и расплетаютъ ей косу. Но большая часть нерасплетенной косы остается подругамъ, и вотъ затягивается новая пѣсня:

4.

Приступите-ка подруженьки,
Что ко дѣвѣй моей красотѣ:
Расплетите-ка, голубушки,
Что мою косу трубчатую!
Разчешите-ка, подруженьки,
Что мою-то русы волосы.
Поведите-ка голубушки,
Вы меня во свѣтлу парюшу (*);
Вы тамъ смойте-ка, подруженьки,
Что мою-ли дѣвью красоту!

(*) Отъ слова паръ, какъ основной принадлежности бани.

Коса расплетена; невѣста готова для бани; ее накрываютъ платкомъ, берутъ подъ руки и отправляются. На пути-ли впередъ, въ банѣ-ли, при возвратѣ-ли, — смотря по обстоятельствамъ, напримѣръ по погодѣ и времени года, поютъ между-прочимъ:

5.

Ужъ вы смойте-ка, подруженьки,
Ужъ мою-ли дѣвью красоту,
Со моего тѣла бѣлаго.
Какъ моя-то дѣвья красота
Въ чисто поле улетитъ она, —
Тамъ привѣтся, дѣвья красота,
На кусточикъ на малиновый.
Вы пойдите во чисто поле,
Принесите мою красоту
Ко родимому ко батюшкѣ!

6.

Я когда была малымъ мала,
Я когда была глупымъ глупа,
Возлѣ лавочки ходила
Въ миткалиновой рубашечкѣ,
Въ полшелковой опоясочкѣ.
Приходилъ тутъ сударь батюшка
Со работушки великой,
Со устатку со тяжелаго;
Бралъ меня родимый батюшка
На свои на руки крѣпкія.
Говорилъ тутъ сударь-батюшка:
Не отдамъ тебя я, дитятко,
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за гостя за богатаго!
Посажу тебя я, дитятко,
За парчеву, въ куть, занавѣску;
Я обвѣшу тебя дитятко,
Соболями да кунницами,
Все бобрами, да лисицами.
Говорилъ родимый батюшка,

Говорилъ — и все обманывалъ.
Посадилъ меня мой батюшка
За столы-ли, за дубовые,
За скатертки шиты браня, —
За яства-ли сладки сахарныя,
За питья-ли за медяныя;
Обсадилъ родимый батюшка
Все князьями, да боярами,
Княженецкими-ли свахами.
Ахъ, обвѣсилъ сударь батюшка,
Что печалію великою —
Все слезами да горючими!

Послѣдняя пѣсня поется, по преимуществу, для невѣсты-сироты, не имѣющей ни отца, ни матери.

Послѣ бани начинается одѣванье, наряжанье невѣсты къ приему жениха.

И женихъ пріѣзжаетъ на дѣвичникъ уже не тѣмъ тихимъ, робкимъ человѣкомъ, который, подобно несовершеннолѣтнему или неувѣренному въ себѣ юношѣ, выглядываетъ и говоритъ изъ-за спины родителей своихъ или сватовщика, и думаетъ ихъ головою. Здѣсь, напротивъ, родители его и не бываетъ, а ѣдетъ онъ, какъ побѣдитель, съ торжествомъ, впереди: бодрый, веселый, а за нимъ большая свита¹ разныхъ официальныхъ членовъ свадьбы, родныхъ и знакомыхъ.

Такъ какъ къ пріѣзду жениха — невѣста должна быть уже готова, то и командирѣется сначала дружка развѣдать. Пріѣзжаетъ дружка въ полномъ блескѣ, при всѣхъ своихъ регаліяхъ въ домъ невѣсты, входитъ и, помолясь Богу, спрашиваетъ: — „какъ ваше здоровье?“ ему отвѣчаютъ: — „слава Богу!“ Послѣ чего онъ откланивается и уѣзжаетъ.

Вслѣдъ за нимъ отправляется въ домъ жениха съ невѣстниной стороны младшій бояринъ. Называется онъ на этотъ разъ „звѣтай“. Входитъ, отдаетъ поклоны и объявляетъ: „милости присимъ со всеми вашими гостями къ невѣстѣ на вечернику“. Въ отвѣтъ получаетъ онъ: — „покорно благодаримъ“, — и возвращается.

Едва онъ выѣхалъ изъ воротъ, въ домѣ жениха начинается новая сцена. Такъ какъ родители жениха остаются дома, то они считаются обязанными отпустить сына не иначе, какъ послѣ молитвы и за своимъ благословеніемъ. Для этого всѣ садятся на минутку за столъ, затепливаютъ свѣчи предъ образами, выходятъ на средину комнаты и молятся. По совершеніи нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ, иногда съ

полной искренностью и теплыми слезами, — дружка возглашает: „Господи, Иисусе Христе, помилуй нас! Какъ у Бога — есть-ли у насъ, въ честномъ пиру и благодатномъ дому, у нашего князя молодого обручника отецъ родимый и мать родимая?“. Получа въ отвѣтъ — „есть“! — онъ опять начинаетъ: „отецъ родимый и мать родимая! благословите-ка божескимъ мпосердіемъ и своимъ благословіемъ нашего князя, молодого обручника, въ путь-дорогу ѣхать къ суженой, чтобъ потомъ завтра и сужену понять, подъ златъ вѣнецъ встать и Божій законъ въ душу принять. Благословите-же съ радостью“! — Ему отвѣчаютъ: — „Богъ благословитъ“. При этомъ родители жениха, начиная съ отца, матери и кончая крестными отцомъ и матерью, встаютъ попеременно въ передній уголъ съ образомъ въ рукахъ, женихъ дѣлаетъ на этотъ разъ три поклона до сырой земли и прикладывается къ образу, которымъ ему надъ головою дѣлаютъ крестное знаменіе. За тѣмъ всѣ присутствующіе молятся, а дружка вызываетъ: „благословляй-же вся честная братія“! на что раздается общій отвѣтъ — Богъ благословитъ“. — Поѣздъ двгается.

Оставимъ-же стариковъ жениха спокойно разсуждать о значеніи вѣсовъ судьбы въ дѣлѣ счастья человѣческаго и особенно семейнаго, да скрѣплять свои сужденья подниманьемъ глазъ на иконы, у которыхъ теплятся свѣчи, такъ-какъ и въ глазахъ стариковъ видится блескъ накаплиющихся понемногу слезъ, -- обратимся въ домъ невѣсты.

Какъ только женихъ показывается на дворѣ, хоръ дѣвицъ затягиваетъ уже ему привѣтную пѣсню. А пѣсня служить на этотъ разъ и вѣстовщицей невѣстѣ, которая, въ другой комнатѣ, въ кутѣ, или у бѣдныхъ — просто за занавѣсой, сидитъ себѣ тревожная и плачущая.

И такъ первая пѣсня извѣщаетъ о пріѣздѣ жениха.

7.

У воротъ было, у воротчекъ,
У воротъ было, у стекольчатыхъ,
У вѣта кольца, серебряна —
Тутъ стучить-брянчить, нашъ Степанъ сударь,
Что стучить-брянчить свѣтъ Ивановичъ.
Онъ стучить-брянчить со боярами,
Со боярами, что со княжими.
— Отпирай-ка ты, тестъ, воротники!
Ты встрѣчай-ка, теща ласково!
Ты, своячина, встрѣть привѣтливо!

Вотъ онъ ко двору идетъ — поклоняется,
На крыльцо всходитъ — усмѣхается,
А во теремъ идетъ — похваляется:
Я пріѣхалъ къ вамъ не молебны пѣть,
Я прищоль-то къ вамъ не воды святить,
Я пріѣхалъ къ вамъ по сужено,
Что по сужено, мое ряжено,
По душѣ-ль по краснѣ дѣвицѣ,
Какъ по Марью-то Ивановну!

Отъ привѣта жениху и извѣщенья о немъ — пѣсня обращается на прибывшій за нимъ поѣздъ:

8.

На горѣ-то, на высокія
Какъ у церкви, у соборныя
Высоко поднять колоколъ.
Далеко-ль тотъ звонъ услышали:
Слышно съ городу на городъ,
Слышно съ терема на теремъ.
Въ терему-ли красна дѣвица,
Свѣтъ ли Машенька Ивановна,
Запросватана, запоручена
За удала добра молодца,
За Степана за Ивановича.
Вы голубушки мои, сизыя,
Вы любезныя, вы подруженьки!
Пойте, пойте мнѣ, голубушки,
Въ дѣвѣй красотѣ во послѣднее:
Скоро съ вами мнѣ, подруженьки,
Въ зеленомъ саду не гулявати,
Алы ягодки не щипывати!
Со восточной, со сторонюшки
Потянули вѣтры буйныя,
Накатились тучи грозныя,
Налетѣли черны вороны! —

Когда вошелъ весь поѣздъ, дружка, перекрестясь, взываетъ: „господинъ хозяинъ, прикажи бесѣдовать!“ и получаетъ въ отвѣтъ: „покорно просимъ по своимъ мѣстамъ и бесѣдовать съ гостями“.

Въ то время какъ весь поѣздъ заходитъ за столъ въ такомъ порядкѣ, что сперва идутъ дружка, полудружье, потомъ бояре малые — первый и второй, бояринъ большой, тысяцкій, женихъ и сваха, и все усаживаются такъ, чтобъ тысяцкій пришолся въ самомъ переднемъ углу, — дѣвушки поютъ:

9.

Не стой ты, рябина, по край берегу;
Не мочи ты вѣтви во быстру рѣку;
Не летай соловьюшка одинъ во саду!
Много и много гусей, лебедей,
Больше-жъ того сѣрыхъ утокъ;
Нѣтъ лишь со мной — перепелки одной.
Не сиди, нашъ Степанъ ты одинъ за столомъ,
За столомъ-ли своимъ бѣлодубовымъ!
Много со мною князей и бояръ,
Больше-жъ того княженецкихъ дѣтей;
Нѣту со мной только Маши одной,
Моей Машеньки, свѣтъ Ивановы!

Такъ предувѣдомила пѣсня невѣсту, что за нею сейчасъ войдутъ: и вотъ трепещущая, съ замирающимъ сердцемъ, съ затаеннымъ дыханіемъ, съ разгорѣвшимися щеками — невѣста охорашивается. А дружка между тѣмъ встаетъ и восклицаетъ: „Господинъ хозяинъ! нашъ князь, молодой обручникъ, стосковался, сторевался, что со своей княжной, молодой обручницей долго не видался! теперь желаетъ съ нею повидаться, въ сахарны уста поцѣловаться, вывести за собой, посадить съ собой за дубовый столъ, побесѣдовать“. И за тѣмъ прибавляетъ: „пу-те-ка, свашенька, ступайте съ Богомъ“!

Сваха жениха встаетъ и идетъ съ нимъ къ невѣстѣ, гдѣ онъ цѣлуетъ ее, беретъ за правую руку, ведетъ къ гостямъ и садитъ съ собою за столъ; а дѣвушки поютъ:

10.

Ахъ ты, рѣченька,
Ахъ ты, быстрая!
Ахъ, почто-же, рѣченька,
Ты не быстро бѣжишь,
Никуда ни колыхнешься,

Ни къ которому бережку,
Ни къ которой сторонѣ?
— Ахъ ты дѣвица, дѣвица!
Ахъ ты, дѣвица красная!
Ахъ почто-же ты, дѣвица,
Ты тихо сидишь,
Не примолвишь словечушка,
Ни съ отцомъ, ты, ни съ матерью,
Ни съ сестрами, ни съ братьями,
Ни съ своимъ милымъ суженымъ,
Ни съ своимъ милымъ ряженымъ?
Развѣ всѣ напрокучили?
Развѣ всѣ опротивѣли?

Не даромъ пѣсню называютъ сокровищницей всѣхъ заветныхъ ощущений. Чѣмъ не управляетъ, не руководить она? И въ настоящемъ случаѣ пѣсня проникаетъ до глубины души невесты и пробуждаетъ въ ней дѣвичье чувство влеченія къ жениху, которое прикрито было сожалѣньемъ о родимомъ кровѣ и робостью передъ новою незнакомою дорогою женской жизни. Послѣднія слова пѣсни „развѣ опротивѣли?“ вызываютъ невесту на отвѣтъ: по губамъ пробѣжить легкая улыбка, глаза видимо засвѣтятся, — и со вспыхнувшимъ на щекахъ румянцемъ стыдливости, она оборачиваетъ голову къ жениху. Тотъ цѣлуетъ ее, а пѣсня подхватываетъ:

11.

Какъ во каменной во палатѣ,
На тесовой да на кровати,
Что не голубь со голубушкой воркуетъ:
Степанъ тутъ нашу Машеньку цѣлуетъ,
Какъ Ивановичъ Ивановну милуетъ.
— Принеситка, мила Машенька, сына
Для потѣхи въ глупой младости,
Для замѣны намъ при старости,
Чтобъ царю онъ былъ слуга вѣрный,
А боярамъ крѣпкой думою.

Начинается угощенье, и въ этотъ вечеръ уже со стороны невестичьихъ родителей. А пѣсня, сдѣлавъ свое дѣло, т. е. подстрекнувъ невесту на сближеніе съ женихомъ и освободивъ ее отъ тяжелыхъ думъ

воспоминанья о прошедшем и боязни будущаго, — входитъ въ раз-
боръ отношеній между невѣстой и подругами, ощущеній жениха, соотно-
шеня между женихомъ и невѣстой въ смыслъ будущей семьи, прощаль-
ныхъ обращеній дѣвицы къ отцу и матери.

Такъ всякій пойметъ, что слѣдующая пѣсня выражаетъ взаимное
отношеніе въ этомъ моментѣ, между невѣстой и подругами.

12.

Зла измѣнница, красна дѣвица !
Ты сказала намъ, что замужъ не пойдешь
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за гостя, ни за торговаго (*);
А теперь, наша подруженька,
Ты пошла замужъ задумала
За удала, добра молодца,
За Степана, свѣтъ Ивановича!
— Не сама собой я замужъ пошла :
Отдаетъ меня сударь батюшка,
Приневоливаетъ родна матушка,
Потакають люди добрые.
— Вы красуйтесь, красны дѣвицы,
Во своей-то дѣвѣй красотѣ !
Ужъ какъ я открасовалася:
Не плести ужъ мнѣ русой косы,
Не носить мнѣ алой ленточки!

Но нельзя вѣдь сожалѣть объ одной невѣстѣ и одну ее оплаки-
вать. Вѣдь и добрый молодецъ отказывается отъ своей безусловно-
вольной волюшки; вѣдь и его сердце заполонено, вѣдь и онъ связы-
вается узами семейнаго союза! И вотъ пѣсня чувствуетъ за него:

13.

Ахъ, ты, царь-ли нашъ царевичъ!
Ты король нашъ, королевичъ!
Разудалый, добрый молодецъ,
Нашъ Степанъ-ли свѣтъ Ивановичъ!

(*) Это не простой наборъ словъ, а бывшее распредѣленіе сословій.

Ты умѣлъ хорошъ родитися
И богато снарядитися!
Поносила тебя матушка
Во утробѣ девять мѣсяцевъ
Тяжелымъ-то тяжелехонько;
Во десятый породила
Во христовскую заутреню,
Какъ во первый большой благовѣсть (*).
Обмывала тебя бабушка
Ключевой водой студеною;
Пеленала тебя бабушка
Во пеленочки полотняны,
Во свивальнички шелковые.
Сберегала тебя матушка
И отъ вѣтра, и отъ вихоря,
И отъ божіей немилости.
Не смогла только сберечь тебя
Какъ отъ ясныхъ, отъ дѣвичьихъ глазъ!

За тѣмъ пѣсня выражаетъ русскій народный взглядъ на семейное товарищество, гдѣ, не смотря на всѣ права жены-гражданки и на все полноправье жены-хозяйки, царитъ все-таки надъ домомъ первенствующая личность мужа, какъ гражданскаго дѣятеля, дающаго дому общее и основное направленіе.

14.

Во саду было, во садочкѣ,
Во зеленомъ виноградничкѣ:
Тутъ ходилъ, гулялъ молодецъ,
Нашъ Степанъ, сударь, Ивановичъ.
Онъ чесалъ-ли буйну голову,
Чеша кудри, приговаривалъ:
Ахъ, вы кудри, мои кудерцы,
Ахъ, вы кудри, мои черныя,
Прилегайте ко могучимъ плечамъ,
Ко моему лицу бѣлому,
Ко моему ко румяному.

(*) Народное повѣрье считаетъ роды въ такое время особеннымъ благословеньемъ и сулитъ новорожденному счастье.

Привыкай-ка, красна дѣвица,
Свѣтъ Марія-ли Ивановна,
Ко моему уму разуму.
Къ обычаю молодецкому
И ко нраву княженецкому.
— Ужъ какъ мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
За досаду показалось!
Привыкать мнѣ не хотѣлось!
А ужъ, знать-го, привыкать будетъ:
Спѣси, гордости убавить,
Ума, разума прибавить;
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное!

Съ своей стороны мужъ обязанъ нести за это всѣ тяжести про-
кормленья дома и защиты его, что выражается въ слѣдующей пѣснѣ:

15.

Ахъ ты дымка, дымка быстрая рѣка!
Протекаешь ты промежду горъ.
Черезъ ту-ли дымку быструю рѣку,
Мосты мощены калиновые,
Перекладники-го валежныя;
И никто-то по мостамъ по тѣмъ нейдетъ,
По калиновымъ не перейдетъ.
Какъ Степанъ по мостамъ пройдетъ,
Свѣтъ Ивановчъ-ли перейдетъ;
За собою нашу Машу поведетъ,
Свѣтъ Ивановну переведетъ.
Самъ онъ дѣвушкѣ наказываетъ:
— Ахъ, ты, Машенька, не упади,
Ты, Ивановна, не упади!
— Я хоша, сударь, и упаду,
Хоша упаду, не утону:
Не схвачусь вѣдь я за батюшку,
Иль родиму свою матушку, —
За тебя, сударь, хватаюся,
За твою-то руки бѣлыя,
За твои перстни злаченые!

Такимъ образомъ пѣсня растолковала невѣстѣ и значеніе русскаго семейнаго союза, и необходимость затихнуть ея вольной волюшкѣ, ея личному произволу въ общемъ составѣ семейства, въ которое войдетъ она, и гдѣ наложить на нее разныя обязанности; мало того, гдѣ надъ нею, какъ и всѣмъ домою, будетъ первенствующее лицо мужа, который обязанъ дать общее направленіе дому. Такимъ образомъ то, чего прежде она смутно боялась, теперь передалось ея сознанию, и съ внутренней въ себѣ борьбой она обращается къ родителямъ. Слѣдуютъ три пѣсни:

16.

Къ отцу и матери.

Тебѣ Богъ судья, родной батюшка

Тебѣ Богъ судья, родна матушка!

Поневолили замужъ идти,

За удала, добра молодца.

Много хлѣба видно съѣла я?

Износила платья цвѣтнаго?

Мнѣ не годъ ужъ годовать у васъ,

Мнѣ не зиму зимовать у васъ,

Не весну мнѣ весновать у васъ;

Почевать мнѣ одну ноченьку!

Незнать — ночьку пролежати,

Незнать — ночьку просидѣти,

Незнать — ночьку проходить,

Незнать — ночьку простояти,

Незнать — съ батькой думу думать,

Незнать — съ маткой мысли мыслить,

Незнать — съ братомъ прогуляти!

17.

Имъ же.

Кругомъ солнице обошло.

Бояре рядомъ ѣхали;

Сломили вершину рябины,

Подъ ноги конямъ бросили.

Топчите же кони вершинку!

Стой ты, рябина, безъ верху!
Батюшка, живи безъ дочери,
Безъ любимой своей Машеньки!
Кругомъ солнце обошло,
Бояре рядомъ ѣхали;
Сломали вершинну рябины,
Подъ ноги конямъ бросили.
Топчите-же, кони, вершинку!
Стой ты, рябина, безъ верху!
Матушка, живи безъ дочери,
Безъ любимой своей Машеньки!

18.

Къ отцу.

Не прошу у тебя, батюшка,
Я ни злата, я ни серебра,
Ни скатна крупна жемчуга.
А ты дай мнѣ родной батюшка
Благословеніе великое,
А и съ нимъ-то ты пожалуй
Провожату вѣрну —
Родну сестрицу!

Послѣ этой выступаетъ сваха невѣсты, молится на образа, беретъ невѣсту за руку и уводитъ изъ комнаты. А въ это время пѣсня начинается, по туземному выраженію, „припѣвать къ невѣстѣ“ сперва „поѣзжанъ“, начиная съ тысяцкаго, а послѣ нихъ и всѣхъ гостей разомъ. Раздается припѣвъ:

19.

Припахнись-ка, званый гость,
Федоръ, свѣтъ Игнатьевичъ,
Ко мнѣ молодешенькой
Въ куть за занавѣску,
За бѣлу браную,
Тонку полотняную.

А припѣваемое лицо наливаетъ между тѣмъ въ стаканъ пиво, кладетъ въ него деньги, приходитъ къ невѣстѣ и подаетъ ей; а та, при-

нявъ, передаетъ пиво одной изъ подругъ, а деньги принимаетъ сама и пустую чашку возвращаетъ тому, кто ее принесъ.

Но пѣсня не останавливается ни на минуту и, едва припѣвъ оконченъ, а припѣтый собирается домой, какъ пѣсня уже и за него отвѣчаетъ. Она говоритъ:

20.

По городу, по городу звоны прошли:
По терему, по терему дары понесли!
Дарили дары, дарили дары душѣ дѣвицѣ.
Прими ты дары, прими ты дары, душа дѣвица;
На наши дары, на наши дары не прогибайся:
Вѣдь наши дары, вѣдь наши дары непасеные,
А свадебка-то, а свадебка-то не гадаемая.

Послѣ всѣхъ припѣвается и сваха жениха, вмѣстѣ съ нимъ. И въ этомъ случаѣ, какъ въ общемъ назначеніи своемъ, сваха является посредствующимъ лицомъ между мужчинами и невѣстой, чтобы не смущалась дѣвичья стыдливость. На основаніи припѣва, сваха съ женихомъ и дары несутъ вмѣстѣ; только сваха, подобно другимъ, подносятъ ихъ въ пивѣ, а женихъ на тарелочкѣ. Сваха подаетъ первая, такъ какъ и другія подавали; а получая подарки отъ жениха, невѣста цѣлуетъ его, — женихъ на мгновеніе присѣдаетъ къ ней на колѣни, цѣлуетъ вторично и уходитъ.

Въ большей части случаевъ на этомъ и кончается участіе жениха и невѣсты: они утомлены достаточно и отъ однихъ уже сильныхъ ощущений; между тѣмъ какъ завтра должны, по обычаю, проводить весь день въ постѣ и томиться ощущениями еще болѣе сильными, въ ожиданіи вѣнчанія и заѣтной ночи. Бани, въ которую сводили жениха и невѣсту, и вольный паръ, который способенъ такъ благотворно успокоивать первую раздражительность, дѣйствуетъ только временно, но не имѣетъ чарующей силы совсѣмъ остановить способность нервовъ и раздражаться и утомляться. Потому-то женихъ уѣзжаетъ домой, а невѣсту укладываютъ спать. Когда женихъ начинаетъ собираться — дѣвицы-пѣвицы спѣшатъ получить съ него за пѣсни, а потому тотчасъ же затягиваютъ, между тѣмъ какъ одна изъ болѣе бойкихъ или красивыхъ дѣвицъ ладиваетъ рюмку вина и сама подноситъ жениху. Вотъ слова поющей на этотъ случай пѣсни:

21.

Удивися ты, Степанъ нашъ, удивися,
Удивися ты, Иванычъ, удивися:
Подъ тобою ларцы вѣдь все кованые,
А ковры на ларцахъ тонкошелковые.
Въ ларцахъ много, много золотой казны лежитъ;
А казна золотая все на свадьбу тебѣ,
Серебро же деньги, пѣвчимъ-дѣвицамъ,
Мѣды же копѣйки въ богадѣленку.

Женща провожаютъ съ тѣми же пѣснями и обрядами, какъ послѣ обрученія, а пѣвѣсту убаюкиваютъ слѣдующею пѣсней:

22.

Не бушуйте вѣтры буйные,
Не раскачивайте звонкій колоколь!
Не будите красну дѣвицу,
А что Марью-ли Ивановну!
Какъ вечеръ-то она долго не спала —
Ширинку шила краснымъ золотомъ,
Подарить чтобъ свекра-батюшка.
    Не бушуйте вѣтры буйные,
    Не раскачивайте звонкій колоколь!
    Не будите красну дѣвицу,
    А что Марью ли Ивановну!
    Какъ вечеръ-то она долго не спала —
    Шила рубашечку полотняну
    Подарить свекрови-матушкѣ.

Но нельзя же оставить пѣвицъ безъ вознагражденія. И вотъ начинается снова угощеніе гостей, — и снова пѣсни, припѣвающія гостей однихъ за другими къ хорѣ.

23.

Пѣсня тысяцкому.

Ахъ, ты, тысяцкій воевода!
Ты поѣхалъ, сударь, воевати,

Невѣрную силу побѣждати
Не въ чужую, дальну сторону,
Но съ пушнымъ, сударь, со товаромъ,
Что со черными соболями.
Ты за то, сударь, бралъ головами,
Что со дѣвками красотами.
Что со русыми со косами.
А, ты, слышишь ли, слышишь ли,
Сударь, тысяцкій воевода?
Тебѣ пѣсни поемъ, тебѣ честь воздаемъ!
Что именемъ тебя называемъ,
По изочеству величаемъ!

И пока тысяцкій собирается, ему прибавляютъ:

Федоръ-свѣтъ, господинъ, не скупися,
Съ золотой казной разступися!
Тебѣ тѣмъ казны не скопити,
Башмачковъ невѣстѣ не купити;
Къ обѣднѣ пойдетъ замараешь,
Отъ обѣдни пойдетъ — потеряешь.

24.

Къ дружкѣ.

Ты удалый, добрый молодецъ,
Тимофей, сударь, Кондратьевичъ!
Ты охочь былъ по пирамъ ходить,
По сговорамъ, по дѣвничикамъ,
По дѣвничикамъ — вечериночкамъ!
Ты охочь былъ пѣсни слушати
Ты охочь былъ дѣвицъ дарить
Не рублями, не полтинами,
Золотыми все-бы гривнами!

За тѣмъ боярамъ поется двѣ пѣсни. Зная ихъ молодость, дѣвницы-пѣвицы въ первой пѣснѣ только подстрекаютъ ихъ самолюбіе, а во второй уже хвалятъ, за что и ожидаютъ лучшей награды.

25.

Издамече, издамече
Течетъ винной ручеечекъ,

А по винну ручеечку
Плаваеъ дивный гоголечикъ.
Но случись тутъ мимо ѣхать
Молодымъ князьямъ боярамъ;
Ручеечку они дивовались,
Гоголечку они дивовались.
А изъ терема высока
Изъ косящета окна
Засмотрѣла, закраснѣлась
Красна дѣвица душа.
Глупые бояре,
Неразумны, молодые,
И чему вы дивовались
Въ дивномъ ручеечкѣ?
Вотъ кому бѣ вы дивовались —
Разудалу молодцу!
Какъ пригожъ, хорошъ онъ уродился,
Въ платьѣ цвѣтно нарядился,
По нее младу пріѣхалъ,
Что младу красну дѣвицу!

26.

Ахъ вы соколы, соколики!
Гдѣ вы, соколы, летали?
— Мы летали на синемъ море.
И въ водахъ его тихихъ,
Что вы соколы видали?
— Лебедь бѣлую мы видѣли.
Что не поймали вы, соколы, ее?
— Хотя мы ее не поймали,
Сизы перья пообдергали.
Ахъ, какъ вы князья-бояре,
Молоды все удалые!
Ахъ гдѣ-то вы, бояре наши, ѣздили?
— А мы ѣздили со городу во городъ.
А тамъ — что же вы бояре наши видѣли?
— Красну видѣли дѣвицу
Во высокомъ терему,
Что разкрасную дѣвицу,

Свѣтъ ли Машеньку душу !
А почто жъ ее, бояре, вы не привезли?
— А хоть мы ее не привезли,
Косу русую ужъ расплели
И горячи слезы пролили.
— Ай-да умные бояре,
Преразумны молодые!
Размахнитесь-ка вы деньгой,
Что не мѣдной, золотой!

27.

Свахъ жениха.

Что княжая-то наша свашенька богата,
Какъ по имени Анфиса Тимоѣевна !
Она съ гривенки на гривенку ступаетъ,
Что рублемъ она ворота отворяетъ,
А полутормя широки запраетъ,
По полтвиѣ во всѣ стороны бросаетъ,
Изъ тюремъ она тюремныхъ выкупаетъ,
Изъ неволи-то невольныхъ выручаетъ,
Сиротамъ казны много даетъ,
За нее сироты Богу молятся!
Ахъ, ты, слышишь ли, княжа свашенька,
Свѣтъ Анфиса душа Тимоѣевна ?
Про тя дѣвицы пѣсню пѣли,
Тя по имени называли,
По пзотчеству величали.
Ты дарь-ка дѣвицъ, не скупися.
Не рублемъ и не полтиной, а златой гривной!

28.

Свахъ невесты.

А княжны-то нашей свашенька бѣляна,
Какъ по имени Наталья Николавна.
Что по три годы полотно бѣлала,
На синемъ морѣ полотна полоскала,

Что на камушкѣ, на сѣромъ колотила, —
Какъ ко Машенькѣ на свадьбу поспѣшала,
Ко Ивановѣ на честну торопилась.

Ахъ ты слышишь ли, княжны сваха,
Что тебѣ мы въ честь поемъ?
Будто сыръ молодой на блюдѣ,
Скатень жемчугъ въ ожерельѣ.
Ты дари-ка, не скупися,
Златой гривной, а не мѣдью.

Съ лицами оффиціального поѣзда дѣло покончено. Теперь пѣсня обращается ко всѣмъ присутствующимъ, раздѣляя ихъ только на женатыхъ и холостыхъ. Вотъ, напримѣръ, три различныя пѣсни для женатыхъ:

29.

Какъ во полѣ деревцо,
Во чистомъ кипарисъ ростеть!
Какъ на томъ ли на деревцѣ
Выросли двѣ вѣточки;
Какъ на тѣхъ ли вѣточкахъ
Выросли двѣ ягодки.
Ужъ какъ первая-то ягодка — Иванъ Кузьмичъ,
А втора — Анна Ивановна!

30.

То Ѳедоту, пѣсенка,
То ясному соколу,
Со бѣлой лебедкой
Анной Ѳедоровной.
Слышь-ка Ѳедотъ, нашъ сударь,
Слышь — Андреяновичъ!
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ.
Какъ бы бѣлый сыръ на блюдѣ,
Какъ бы сладкій медъ въ сосудѣ,
Въ саду вишенъ садово,
Сладко яблоко готово.
Мы просимъ тебя не скупися,
Со златой гривной разступися!

31.

На лугу, лугу,
Уряди, дидъ, ладо, уряди!
Стояли три роты,
Уряди, дидъ, ладо, уряди!
Три роты военны,
Уряди, дидъ, ладо, уряди!

И такъ далѣе за каждой строчкою повторяють этотъ припѣвъ:
„Уряди, дидъ, ладо, уряди!“

Посредь роты ходить
Господинъ нашъ полковникъ,
Свѣтъ Иванъ Алексѣичъ;
На немъ шуба соболья,
Она крыта парчой,
Что парчой голубой.
Какъ бояре-то спросятъ —
Кто ты шубой дарилъ?
Али тестъ, али теща?
Отвѣчаешь ты имъ:
Мнѣ не тестъ дарилъ, не теща,
Мнѣ дарилъ самъ государь
За мою службу вѣрную,
За мою неизмѣнную!

Теперь къ слову: что это за припѣвъ, „уряди, дидъ, ладо, уряди“? Иные считаютъ всѣ подобныя припѣвы за пустые мертвые звуки, за безсмысленныя прибавочныя частицы. Но такъ ли это? Не вѣрнѣ ли можно видѣть въ нихъ остатокъ язычества, языческихъ божествъ, языческихъ празднествъ? Вѣдь есть же славянская языческая мифологія, есть въ ней и божества Дидъ и Ладо!

Потомъ пѣсня припѣваетъ холостыхъ. Приведемъ двѣ такихъ пѣсни:

32.

У воротъ вились верюшки,
У широкихъ завивалися.
Какъ не сами онѣ вилися:
Завивали-то ихъ плотнички,
Топорами ли булатными.

Ужъ какъ у свѣта Иванушка
Не сами-то кудри вилися,
Не сами-то завивалися;
Завивала ихъ мила сестра,
Свѣтъ Лукерья Агафоновна:
Что на всякую кудриночку
По бурмицкой по жемчужинѣ,
Самоцвѣтному по камышку!

33.

Исполать тебѣ, удалъ молодецъ,
Какъ и Петръ, сударь, Николаевичъ!
Ты умѣлъ хорошъ родитися,
Хорошо снарядитися —
Со тонка высокошенекъ,
Со бѣла кудреватенекъ.
Вѣдь пора тебѣ споженитися,
Вѣдь невѣста твоя выросла,
Дороги дары ужъ вышила.
Ахъ, ты слышишь-ли?
Мы тѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ,
По имени называемъ,
Изотчествомъ величаемъ.
Ты дари-ка дѣвицъ, не скупися,
Не полтиной, рублемъ, — златой гривною.
Коль ты станешь дарить,
Мы тя станемъ хвалить;
А не станешь дарить,
Мы тя станемъ корить.

Конечно, дѣвицы-пѣвицы большею частію остаются довольны подаркомъ; если же онъ не удовлетворителенъ, то и на тотъ случай есть у нихъ разные припѣвы. Такъ наприимѣръ и за приведенной только что пѣсней можетъ послѣдовать прибавка:

Ахъ ты! самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Уши ножницами;
У тя шея бѣла —

Будго въ петлѣ была;
У тя рожа пестра —
Видно оспа трясла!

Или вотъ еще припѣвъ недовольства:

У Павлуши въ гостяхъ не бывали, не бывали,
Его меду не пивали, не пивали. —
Ужъ какъ медъ-то, что водица, что водица,
А дары-то его, что тряпица, что тряпица.

Подобныхъ припѣвовъ, особенно если изрядно подвыпьютъ, найдется довольно; но въ благонаправныхъ семьяхъ стараются не затягивать дѣвичникъ и разѣзжаются.

Наступило, наконецъ, и пятое, послѣднее дѣйствіе комедіи, или, вѣрнѣе, эпилогъ ея — наступилъ день свадьбы. Въ этотъ день все суетится, тревожится, трепещетъ. Дружка съ своими возгласами и обрядностями, дѣвицы съ своими звонкими пѣснями, выступаютъ на сцену съ восходомъ солнца и не сходятъ съ нея во весь день, даже за полночь.

Едва просыпаются въ домѣ невѣсты, какъ уже раздается пѣсня:

Вы вставайте, подруженьки,
Вы проснитесь, милыя,
И умойтесь не водою,
Не водою ключевою,
Ранней утренней росю!
Вы утретесь, подруженьки,
Шитымъ бранымъ полотеничкомъ
Помолитесь, подруженьки,
На три образа великіе:
Какъ первой-то образъ
Христу Спасителю,
Какъ второй — святой
Богородицѣ,
Третій — ангелу,
Своему хранителю.

Пока пѣсня поднимаетъ съ постелей беззаботно заспавшихся дѣвицъ-пѣвицъ, невѣста, вѣрно, давно уже бодрствуетъ, а можетъ — и всю ночь провела безъ сна. Въ домѣ жениха тоже все движется, и дружка

съ полудружьемъ одѣты еще интереснѣе и таинственнѣе: на этотъ день припасають они себѣ по лошади, сколько возможно бойкой и дикой, чтобъ хорошенько покрасоваться; черезъ плечо перекидываютъ плеть и непременно, для большаго эффекта, съ рукоятью, окованной мѣдью съ разноцвѣтными узорами. Ремень на дружкѣ, пальца въ два шириною, долженъ отлпчаться разноцвѣтными бляхами, а для большаго разнообразія нашиваютъ еще разноцвѣтные лоскутья. Кромѣ того, по таинственнымъ ли правиламъ колдовства, для большаго ли чудачества, онъ еще нацѣпляетъ нѣсколько опоясокъ изъ бѣлыхъ платковъ и полотенцевъ.

Принарядившись такимъ образомъ, дружка отправляется къ невѣстѣ узнать: каково спала, ночевала? Приѣзжаетъ, и, входя черезъ порогъ, произноситъ: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божій! помилуй мя!“ и каждый, кто бы ни былъ въ комнатѣ, обязанъ отвѣтить: „аминь святой молитвѣ!“ — „Спасибо на добромъ словѣ, на аминѣ!“ отзывается дружка, проходитъ далѣе, молится и говоритъ: „Миръ въ домѣ живущимъ! здравствуй, господинъ хозяинъ, и со своей честной компаніей, и съ гостями приходящими!“ На это онъ получаетъ въ отвѣтъ: „милости просимъ! просимъ покорно бесѣдовать!“ присѣдаетъ на нѣсколько времени, потомъ встаетъ и приговариваетъ: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божій! помилуй мя! Какъ у Бога и у васъ, во свѣтлой свѣтилицѣ, во теплой гридницѣ, въ честномъ пирѣ, въ богатномъ дому, есть ли у вашей княгини, молодой обручницы, отецъ родимый и мать родимая?“ Ему отвѣчаютъ: — „есть!“ И дружка продолжаетъ: „какъ послалъ нашъ князь, молодой обручникъ, насъ, переѣзжихъ дружекъ, къ вамъ, къ вашему здоровью, и велѣлъ онъ челомъ ударить и поклонъ воздать бѣлымъ лицомъ до сырой земли, и велѣлъ нашъ князь, молодой обручникъ, у вашей княгини, молодой обручницы, про здоровье спросить, про свое доложить: а нашъ князь, молодой обручникъ, здоровъ и благополученъ; каково же и васъ Господь Богъ милуетъ?“ — Ему отвѣчаютъ: „слава тебѣ Господи!“ А дружка быстро подхватываетъ: „и мы о томъ же Господа просимъ!“ Тутъ его привѣтствуютъ словами: „просимъ бесѣдовать!“ подають пивца или водочки; онъ, присѣвъ не на долго, выпиваетъ по охотѣ; потомъ встаетъ, молится, благодаритъ за угощенье, при чемъ получаетъ въ отвѣтъ: „просимъ не взыскать, почтите мало за велико!“ и уѣзжаетъ.

А пѣсня все-таки не умолкаетъ. Правда, ее перебиваетъ, ей мѣшаетъ сегодня дружка, играющій въ этотъ день роль руководителя. Но вѣдь значеніе „дружки“ вовсе не такое чистое высокое явленіе, какъ пѣсня. Пѣсня свадебная — созданіе народной фантазіи; это, если хотите, — ваша

брачная эпопея, наша свадебная Гомериада. Пѣсни, по видимому, разбросаны и раздѣльны, но на самомъ дѣлѣ онѣ, какъ видятъ читатели, связываются въ одно стройное цѣлое, выражающее всю внутреннюю жизнь этой внѣшней свадебной обрядности, всѣ присущія этому ощущенія, мысли, чувства и понятія.

Какъ создалась эта лирическая цѣль свадебныхъ пѣсенъ? Столько ли было слагателей этой пѣсни, сколько осталось самыхъ пѣсенъ, или однимъ гениемъ создана была цѣлая свадебная поэма, которая потомъ, подъ вліяніемъ постороннихъ историческихъ обстоятельствъ, потеряла свою цѣльность и, распавшись на отдѣльныя части, представила какъ будто несвязный хаосъ отдѣльныхъ припѣвовъ? Во всякомъ случаѣ, свадебныя пѣсни составляютъ одно изъ важныхъ достояній древней жизни русскаго народа. Что касается дружки, то, по моему мнѣнію, эта фигура довольно сложная. Онъ въ одно и тоже время будто и христіанинъ, и язычникъ, и вѣрующій, и суевѣръ, и добрякъ, и буйный шалунъ, и постный монахъ, и безнравственный паяцъ. Чтò же это такое? Это личность, созданная наплывомъ обстоятельствъ, остановившихъ развитіе нашего народа. Когда христіанство еще не вошло въ сознаніе его и мысль о язычествѣ не вполне исчезла, тяжелыя историческія обстоятельства неумолимо налегали одно за другими — и останавливали всякое прямое движеніе, даже прямой ходъ мыслей; знаній вновь не приобрѣталось, старое или забывалось, или искажалось и извращалось подъ вліяніемъ болѣзненно-потрясенной мысли. Отсюду ползли несчастья; народъ усилилъ молитву — ничто не помогаетъ. И вотъ, насталъ моментъ, когда встаютъ изъ забытья языческіе образы, и раздраженная мысль начинаетъ искать злое начало, вытѣсняющее молитву; являются тѣни демоновъ, злыхъ духовъ, колдуновъ, колдуній, вѣдьмъ со всѣми ихъ чарами, приговорами, приворотами и противоядіями ихъ — отговорами, отворотами. Тутъ же создается полу-христіанскій, полу-языческій типъ дружки, какъ главнаго участника свадьбы и выступаетъ впередъ въ своей сложной личности, въ томъ видѣ, какъ онъ теперь сохранился. Онъ, по видимому, съ вѣрою молится Богу и въ то же время оглядывается, не совершаются ли злыя чары, и крѣпче сжимаетъ рукоять своей разукрашенной плети; кончивъ молитву, онъ тотчасъ же произноситъ демоническія заклинанія. Вообще пѣсня — это кивотъ народного духа, какъ бы ни искажалась она невѣжествомъ и лакейско-трактирной цивилизаціей; а дружка — типъ, созданный въ эпоху болѣзненного разстройства нашей мысли. Лекарство здѣсь, какъ мы уже сказали, одна только грамотность и положительные знанія, безъ паркетной и трактирной образованности.

И такъ, въ самый день свадьбы пѣсня не перестаетъ бодрствовать: она старается теперь приучать невѣсту къ мысли о новомъ характерѣ предстоящей ей жизни,—хлопочетъ ознакомить ее съ этой новой жизнью и со всѣми*случающимися иногда въ семьѣ невзгодами. Она говоритъ такъ:

Санки, хоть скачки, скачки,
И привезены изъ Москвы,—
Вотъ во саночкахъ дѣвонюшка сидитъ,
На запяткахъ добрый молодецъ стоитъ.
Вотъ заѣхали въ оградушку:
Окликать онъ свою матушку:
— Выйди, матушка,
На красное крыльцо,—
Вѣрну я привезъ хозяйку,
А тебѣ служанку.

Красна дѣвица,
Разуй, разуй меня!
— Миѣ разуть тебя не хочется,
Мое сердце не воротится,
Сердце кровью обливается!
Отвези меня ко батюшкѣ,
Ко родимой моей матушкѣ.
— Что же дѣлать у тятиньки,
У родимой твоей маменьки?
Поживи-ка, поживи-ка у меня,
Погляди-ка, погляди-ка на меня—
На мою рѣчь поговорочку;
А походка скоро частенькая,
Поговорка—рѣчь привѣтливая!

Какъ въ концѣ ни позолотила пѣсня предстоящую невѣстѣ горькую перемѣну жизни, все же сердце дѣвушки содрогается, особенно если она сирота, и ея ощущение сейчасъ же схватывается пѣснью:

Ты рѣка ли, моя рѣченька,
Ты рѣка ли, моя быстрая!
Ты течешь ли, не колыхнешься,
Со песками не возмутишься.
Ты душа ли, красна дѣвица,
Ахъ, ты что сидишь, задумалась?
Для чего тебѣ печалиться?
У васъ горница полна гостей.

— Вы подруженьки, голубушки!

Еще какъ-то мнѣ не думати,

Еще какъ мнѣ не печалиться?

Вижу, горенка полна гостей,

И ужъ всѣ-то гости есть, какъ есть,

Гостя самага-то ⁽¹⁾ нѣтъ какъ нѣтъ!

Нѣту гостенька любимаго—

Моего отца, родимаго!

Мнѣ теперь его бы надобно!

— Государь ты, родной брателко!

Ты поди-ка къ церкви Божіей,

Ты взойди на колоколенку,

И ударь тамъ въ большой колоколь,

Рузбуди моего батюшку!

Ты скажи, что его надобно

Къ сему часу, ко послѣднему,

Къ благословеньцу великому:

Благословить меня вѣдь некому!

Его нѣту-ти! не слышитъ онъ!

На кликъ брата—не откликнется!

Благослови жъ спротку, брателко,

Со родимой нашей матушкой!

Мы уже показали цѣль и обряды перваго пріѣзда дружки въ домъ невѣсты. Опишемъ теперь *второй пріѣздъ*, еще болѣе обрядный, потому что при немъ привозятся подарки.

Мы видѣли, что отъѣздъ дружки не сопровождается никакою обрядностью въ домъ жениха, потому что цѣль его не имѣла особой важности. Но второй поѣздъ — дѣло другое: на этотъ разъ, какъ сказано уже, дружка отвозитъ подарки. Тутъ важное значеніе въ томъ, что если примутъ подарки, останутся довольны и пришлютъ, въ замѣнъ, постель со всѣмъ *приданымъ*, совершеніе брака несомнѣнно и остается одинъ послѣдній моментъ: „освѣщеніе его церковью“.

И вотъ, въ домъ жениха идетъ предварительная сцена—оффиціальное распредѣленіе чиновъ поѣзда дружкой, и женихъ при этомъ обязанъ угощать, чѣмъ онъ скрѣпляетъ признаніе ихъ въ этихъ должностяхъ и вмѣстѣ задобриваетъ и поощряетъ, чтобы молодецки и съ усердіемъ отправляли свои обязанности.

---

(1) Въ смыслѣ «главнаго», т. е. котораго бы только и нужно.

По знаку дружки всѣ садятся на минуту по мѣстамъ. Дружка встаетъ первый и возглашаетъ: „Батюшка родимый, матушка родима! Умѣли вы свое чадо милое снарядить, вздумали и оженить: благословляйте же буйну голову чесать, кудри русы завивать, цвѣтно платье надѣвать. Станемъ-те княженецкій полкъ подбирать: кому быть тысяцкимъ бояринѣмъ большимъ, среднимъ и меньшимъ, вѣжливымъ человѣкомъ, дружкѣ съ полудружьемъ и княжими свашеньками? „На это отецъ и мать отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ!“

Получивъ благословіе, женихъ выходитъ изъ-за стола, наливаетъ чарки зелена вина и подаетъ по чинамъ одному за другимъ. Эта-то послѣдовательная подача вина служить вмѣстѣ съ тѣмъ и выраженіемъ желанія жениха въ распредѣленіи званій, потому что онъ подачу начинаетъ, конечно, со старшаго чина, „тысяцкаго“.

При этой подачѣ дружка начинаетъ ораторствовать: „Бьетъ челомъ нашъ князь молодой, со княжова стола, княжимъ пивомъ (или медомъ)! Тысяцки надпиваютъ, большіи бояре на ногахъ стоятъ, а вотъ мы-то, рѣзвы дружки, такъ по свѣтлицѣ похаживаемъ и ножки съ подходомъ, ручки съ подносомъ, языкъ съ приговоромъ, но сердце ему покорно и голова поклонна. Извольте-ка чару принять, выпить до дна и молить добра; а тѣмъ и буйну голову взвеселите, ретиво сердце обкатите, не будете кручинны; будьте-жь радостны, и отъ князя словомъ ласковымъ потѣшены!“

Во время этого приговора чарка обходитъ всѣхъ. Дружкѣ остается выѣзжать съ подарками. Но важность случая заставляетъ его придать и себѣ болѣе вѣсу. Поэтому онъ отправляется не одинъ, какъ въ первый поѣздъ, а спрашиваетъ себѣ адъютанта въ лицѣ полудружья. Это дѣлается при такомъ возгласѣ: „Родимый батюшка, родима матушка! Всѣ у нашего князя молодого — князя и бояре, веселы и радостны по мѣстамъ сидятъ, только не веселъ, не радостенъ храбрый друженька: нѣтъ при немъ полудружья! Дайте-жь мнѣ храбрѣйшаго изъ княженецкаго поѣзду!“ При этомъ онъ вызываетъ себѣ помощника по имени и изотчеству (*); тотъ выступаетъ, и они выходятъ вмѣстѣ.

Отправились. Лошадей гонять, а сами сидятъ какъ можно бодрѣе, да плетками помахиваютъ. Приѣхали, сошли и привязали лошадей. Переступая черезъ порогъ, дружка приговариваетъ: „Скокъ черезъ порогъ, едва ноги переволокъ, мохнатый звѣрь на богатый дворъ! Вы — середина и запечина! разступитесь, разшатитесь на всѣ четыре стороны! Дайте намъ, княженецкимъ дружкамъ, легкимъ скорымъ бѣгомъ войти,

---

(*) Отчество.

Богу помолиться, на всѣ четыре стороны поклониться, челомъ ударить и челобитье справить бѣлымъ лицомъ до сырой земли, къ вашимъ хоз-
яевамъ и вашей княгинѣ, молодой обручницѣ!“

Войдя, помолившись и оправившись, дружка начинаетъ: „Какъ у Бога — и у васъ во свѣтлой свѣтлицѣ, во честномъ пиру, въ благо-
датномъ дому, есть-ли отецъ родимый и мать родимая?“

Ему отвѣчаютъ: „есть“ и выходятъ къ нему.

Онъ продолжаетъ: „Послалъ нашъ князь, молодой обручникъ, пере-
ѣзжихъ дружекъ къ невѣстѣ и велѣлъ онъ, князь молодой, передать ей, княгинѣ своей, платье цвѣтное, соболью шубу, бѣлые чулки, сафьянны башмаки, бѣлый рыбій гребешокъ, мыльца фунтовичокъ, бѣ-
лыя бѣлила, листовы красны румяна, чисто подставно зеркальцо и весь нарядъ подвѣчный. Благословляй, господинъ хозяинъ, сдать платье цвѣтное подвѣчное!“

На это дружка получаетъ въ отвѣтъ: „Богъ благословляетъ!“

— Одолжите стаканъ съ пивцомъ!

— Извольте — наливайте! отвѣчаютъ ему.

Дружка съ подружьемъ наливаютъ и первый начинаетъ новую рѣчь: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божій нашъ, помилуй насъ! Дѣвицы-пѣ-
вицы, молодая молодица, дочери отецкія, жены молодецкія! разступи-
тесь, разшатитесь на всѣ четыре стороны! меня, княжева дружку, про-
пустите въ куть за занавѣсу, за шпту тонку полотняну. Ножки съ под-
ходомъ, руки съ подносомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ пригово-
ромъ, чара съ питьемъ, языкъ съ челобитьемъ! Чара человѣчка, при-
нять извольте, да выкушать за здравье молодецко! Да извольте-ка при-
нять платье цвѣтно и подвѣчно, на себя надѣть, подъ златъ вѣнецъ
стать, и законъ Божій на голову понять!“

Тутъ онъ сдаетъ подарки, за тѣмъ выходитъ во свѣтлицу, присѣдаетъ на минуту, встаетъ снова и возглашаетъ: „Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нашъ, помилуй насъ! Какъ у Бога и у васъ во честномъ пиру, въ благодатномъ дому, есть-ли у вашей княгини, молодой обручницы, отецъ родимый и мать родимая?“

Ему отвѣчаютъ: „есть!“

— Куда прикажете нашему князю, молодому обручнику, въ широ-
кій дворъ, или ко красну крыльцу?

— Ко крыльцу! отвѣчаетъ отецъ невѣсты.

— Какъ будетъ нашъ князь къ вашему широкому двору подъѣз-
жать и у вашего широкаго крыльца колотиться, были бы у молодой обручницы и у вашего широкаго двора у воротъ — приворотники, у дверей — придверники, у сѣней присѣнники, — были бы у воротъ крѣп-

кіе сторожи, отворяли бы широкія ворота на пята (1), пропускали бы нашего князя, у бѣла шатра не задерживали и со всѣмъ его княженицкимъ храбрымъ поѣздомъ. Какъ нашъ князь, молодой обручникъ, будетъ во дворъ въѣзжать, среди двора вставать, изъ дубовыхъ саней вылѣзать, добрыхъ коней взвизывать, будетъ онъ ко красну крыльцу подходить и въ кружокъ тотъ становиться, гдѣ княжимъ свахамъ сходиться, чашечками мѣняться, во уста цѣловаться; будетъ онъ всходить на крутое красное крыльцо и во новы сѣни входить, до высока терема доходить; будетъ брать за скобы булатныя, отворять широкія двери на пята, творить молитву Іисусову; будетъ входить во высокъ теремъ, класть крестъ по писанному, кланяться по ученому на всѣ четыре стороны; будетъ заходить за столы дубовы, подъ святы иконы, гдѣ Господь Богъ повелѣвалъ, за скатерти бранныя, за яства сахарныя, за питія медяныя: между тѣмъ были бы нашему князю вилки и ножечки, тарелки и ложечки, вилочки—витые черенки, шаечки—частые обручки, подносики кладкіе, блюдечки китайскія; наливальщики были бы, подавальщики и ласковые и привѣтливые; подавали бы нашему князю, молодому обручнику, со всѣмъ его дорогимъ княженицкимъ храбрымъ поѣздомъ, съ тысяцкимъ, съ большимъ бояриномъ и меньшимъ, съ дружкой, полудружьемъ, съ князевой свахой и съ повозникомъ“.

Предваривъ такимъ образомъ обо всемъ, что будетъ и давъ почти полную программу, дружка откланивается и возвращается въ домъ жениха.

Туда же вслѣдъ за нимъ отсылаютъ сундукъ съ приданымъ, перину, подушки, одѣяло, пологъ. Везетъ все это или младшій братишка, и тогда онъ называется „приданникомъ“, или какая нибудь старушка, особенно бывшая повитуха ихъ дома, и называется „приданкой“ или „постельницей“. Пѣсня напутствуетъ ее такъ:

Ты труба-ли, моя трубочка!
Воструби труба, по раннему,
Что по раннему, по утреннему!
На зарѣ-ли ранней утренней,
На разсвѣтѣ свѣта бѣлаго,

---

(1) Это особое устройство воротъ, одна дверца которыхъ, составленная изъ поперечныхъ досокъ, укрѣплена на тонкомъ бревешкѣ; нижній конецъ этого бревешка вставляется въ пустоту вкопанной въ землю трубицы; эта-то трубица, на которой все движется, и называется *пятою*. Оттуда выраженіе, если кто-нибудь сильно колотился въ ворота: „экъ его! чуть ворота съ паты не сорвалъ“.

На восходѣ солнца краснаго,—
Чтобы слышалъ свекоръ-батюшка,
Чтобы знала свекровь-матушка,
Что сноху вѣдь къ нимъ на дворъ везутъ.
Сундуки, постель въ теремъ несутъ.

А за этой пѣснью поютъ и другую:

Разливалась вода вешняя
На луга-ли на зеленые.
У Степана свѣтъ Ивановича
Ворота приотворилися,
Что безъ вѣтру, что безъ вихоря.
Уплыли вѣдь три кораблика:
Что первый-то корабль съ краснымъ золотомъ,
А второй-то корабль съ чистымъ серебромъ,
А какъ третій корабль — съ красной дѣвицей.
Какъ не жаль намъ золотой казны,
Какъ не жаль намъ чиста серебра.
Пуще жаль намъ краснѣ дѣвицу,
Нашу друженьку любезную,
Милу Машеньку Ивановну!
У Степана свѣтъ Ивановича
Ворота приотворилися;
Три кораблика вотъ приплыли:
Ужъ какъ первый-то корабль съ краснымъ золотомъ,
А второй-то-ли корабль съ чистымъ серебромъ,
Что третій-то корабль съ красной дѣвицей.
Миѣ не дорого красно золото,
Миѣ не дорого чисто серебро:
Дорога миѣ красна дѣвица,
Свѣтъ-ли Машенька Ивановна,
Моя суженая, моя ряженая!

Подъ напутствіемъ этихъ пѣсенъ, съ образомъ и свѣчею въ рукахъ, приѣзжаютъ съ приданнымъ къ жениху. Тамъ встрѣчаютъ гостей, дарятъ ихъ, угощаютъ работниковъ виномъ и даютъ по платку. При этомъ, если съ вещами приѣхала женщина или старушка, то ее проводятъ, вмѣстѣ со всѣмъ приданнымъ, прямо въ спальню, гдѣ она занимается приготовленіемъ брачной постели.

Когда постель приготовлена, приданка возвращается домой, а ты-

сякій запираетъ тотчасъ же спальню на замокъ и ключъ беретъ къ себѣ. Это брачное ложе называется *поткльтомъ*. Такое названіе дано вѣроятно потому, что эти спальни устроиваются чаще въ сокровенныхъ мѣстахъ дома, особенно въ нижнемъ этажѣ и даже подземномъ, а нижніе этажи въ Сибири всегда называютъ „*подкльтомъ*“.

А между тѣмъ въ домѣ невѣсты пѣсня не умолкаетъ. Невѣсту одѣваютъ къ вѣнцу, и пѣсня поетъ:

Что не вьюнъ на водѣ увивается.
Какъ женихъ у воротъ убивается ⁽¹⁾,
Ахъ ты, батюшка, тестъ ты мой ласковый,
Ты отдай мое суженое!
    Высылаютъ-ли ему копье острое.
    Нѣтъ! не это мое суженое,
    Нѣтъ! не это мое ряженое.
Что не вьюнъ на водѣ увивается,
То женихъ у воротъ убивается.
Ахъ ты матушка, теща ты ласковая.
Теща ласкова, пріѣтливая!
Ты отдай мое суженое.
    Высылаютъ ему ларецъ кованый.
    Нѣтъ! не это мое суженое,
    Нѣтъ! не это мое ряженое.
Что не вьюнъ на водѣ увивается,
То женихъ у воротъ убивается.
Ахъ ты, шуринъ ты мой, шуринъ ласковый!
Ты отдай мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое.
    Высылаютъ ему дѣвицу,
    Свѣтъ-ли Марью Ивановну:
    Ахъ вотъ это мое суженое!
    Ахъ вотъ это мое ряженое!

Какъ только одѣли невѣсту, какъ взглянула она въ зеркало и увидѣла себя готовою, взрывъ горькихъ рыданій оглашаетъ комнату. Въ немъ все: и сожалѣніе прошедшаго, и опасеніе неизвѣстнаго будущаго, и упрекъ съ послѣднею мольбой,

„И безнадежное прощанье,
Прощанье съ жизнью молодой“!

---

(1) Въ смыслѣ нетерпѣнія и душевной тревоги.

Это искренній и полный взрывъ мгновенно, какъ электрическая искра, передается всѣмъ присутствующимъ: течетъ тихая слеза по щекамъ отца, раздаются слезныя причитанія матери, плачутъ и всѣ подруги, сжимается сердце даже у постороннихъ присутствующихъ. А пѣсня продолжаетъ свое дѣло. Въ то время, какъ невѣста кланяется въ ноги отцу и матери, и тѣ благословляютъ ее и даютъ наставленія, пѣсня припѣваетъ:

Благослови-ка родный батюшка!
Награди меня благословеньцемъ
Отъ желаннаго сердечушка
Въ церковь Божію подъ златъ вѣнецъ!
Видно — я открасовалася!
Распрощаюсь съ дѣвѣй красотой,
Съ отцомъ роднымъ, съ моей матерью!
Научика-ка, родный батюшка,
Какъ мнѣ жить въ чужихъ людяхъ?
Называть-ли свекра — батюшкой?
Почитать-ли свекровь — матушкой?
Называть-ли деверьевъ — братьями?
Почитать золовокъ — сестрами?

Получивъ по благословенію, наставленію, крестному знаменію и поцѣлюю отъ родителей, невѣста переходитъ съ прощаніемъ къ подругамъ, а пѣсня опять тутъ. Она припѣваетъ:

Вы простите меня — подруженьки,
Вы простите меня — голубушки!
Видно я открасовалася!
Поручаю вамъ дѣвѣю красоту:
Принуждаютъ меня съ ней разстатися,
Заставляютъ отказатися!
Ужъ мнѣ чѣмъ платить голубушки,
За труды ваши, усердіе?
Не въ моей волѣ — золота казна,
Не въ моей волѣ — дороги дары!

Прощаніе окончилось. Невѣсту садятъ за столъ; а возлѣ нея младшаго брата, либо мальчика изъ родственниковъ, продавать косу. Онъ называется „косникомъ“. Въ большей части случаевъ косникъ имѣетъ при себѣ плетъ, которую держитъ обыкновенно подъ столомъ.

Младшіе бояре снуютъ взадъ и впередъ отъ жениха къ невѣстѣ

разузнавать, что дѣлается. И едва невѣста одѣнется, какъ женихъ уже увѣдомленъ о томъ, и въ его домѣ начинаются тѣже сцены прощаній и благословеній.

Тамъ присѣдаютъ на минутку за столъ и по лавкамъ, потомъ встаютъ и молятся. За тѣмъ дружка возглашаетъ: „Господи Исусе Христе, Сыне Божій нашъ, помилуй насъ! Батюшка родимый и матушка родимая! благословляйте нашего князя молодого по сужену ѣхать, сужену понять, подъ златъ вѣнецъ встать, законъ Божій принять, златымъ перстнемъ помѣняться, въ уста сахарны поцѣловаться! Братья, сестры, дядя, тетки, кумъ, кума, весь родъ—племя, гости званы и незваны, почтены и Богомъ спасомобовны! Благословляйте нашего князя, молодого обручника! Въ куть по лавицѣ, впередъ по скамеицѣ, за шитой занавѣсой сидятъ пѣвцы, пѣвицы, молодыя молодицы, лебеди бѣлы, малины зрѣлы, изюмныя ягодки, наливныя яблочки! Въ кути, на палатахъ сидятъ стары, старики сопаты, горбаты, косыя заплааты, старыя старухи киловаты, маленьки ребята—пирожные осадники, материны опачки, урви — ковругу! сами сдогадайтесь!“

Приговоръ дружки кончается. Родители благословляютъ жениха ѣхать со всемъ поѣздомъ по невѣсту. Въ чемъ состоитъ самый актъ благословенія — извѣстно всякому. Отправляется третій и послѣдній поѣздъ въ домъ невѣсты.

Здѣсь я хочу сдѣлать одно замѣчаніе. На одной сельской свадьбѣ мнѣ случилось видѣть одну дикую выходку со стороны дружки. Тотчасъ послѣ начального священнаго возгласа—„Господи Исусе Христе, Сыне Божій! помилуй насъ!“ — дружка оборотился и плюнулъ назадъ, прошептавъ: „Тѣфу пропасть! чуръ его! экъ его нелегкая вынесла не ко времени!“ — Оказалось, что поѣздъ, направляясь къ невѣстину дому, долженъ былъ поворачивать изъ воротъ влѣво; а вправо въ ту минуту проѣхалъ священникъ въ церковь, готовиться къ службѣ вечеренъ и къ вѣнчанію. Передъ нимъ-то дружка счесть нужнымъ очураться, хотя черезъ нѣсколько времени молодые должны явиться къ тому же священнику на благословеніе и скрѣпленіе брачнаго союза. Вотъ остатокъ язычества! Впрочемъ, это суевѣріе остается и у людей цивилизованныхъ. Кто не знаетъ обычая кидать вслѣдъ за священникомъ желтыя мѣдныя булавки. Понятно, что его пугались въ то время, когда мысль колебалась между христіанскою молитвою и обращеніемъ къ языческимъ идоламъ и когда на священника смотрѣли какъ на преслѣдователя. Но это осталось и до сихъ поръ, точно также, какъ и боязнь къ понедѣльнику, называемому „чернымъ днемъ“. Первое суевѣріе осталось отъ свирѣпствовавшей у насъ во времена язычества желчной болѣзни, которая,

оставляя послѣ себя желтуху, особенно пугала нашихъ предковъ, такъ что Святославъ, въ договорѣ съ Цимисхіемъ, клялся соблюдать миръ подѣ опасеніемъ пожелтѣть подобно золоту. Самое названіе золота происходитъ отъ слова желчь, по сходству въ цвѣтѣ, что можно видѣть по сравненію его съ другими славянскими нарѣчіями: такъ по-чешски желчь „zlatenice“, по-иллирійски „zlatenica“ и даже въ нашемъ священномъ писаніи (Амос. 4, 9) желчная болѣзнь названа „златеницей“. Отсюда-то пошелъ обычай кидать при встрѣчѣ съ священникомъ „желтомѣдныя“ булавки, которыя, въ чародѣйскомъ смыслѣ, предвѣщаютъ дурное своимъ остріемъ, отчего многія изъ женщинъ ни за что не подарятъ любимому мужчинѣ булавку, считая такой подарокъ знакомъ будущей ссоры. Понедѣльникъ же почитается несчастнымъ, чернымъ днемъ, кажется, потому, что въ этотъ день въ древности приносились жертвы злему языческому божеству „Чернобогу“. И такъ, дайте намъ скорѣе больше свѣта образованія, больше положительныхъ знаній!

Обращаюсь къ своему предмету. Поѣздъ подѣзжаетъ къ воротамъ. Дружка подбѣгаетъ къ окну, постукиваетъ рукоятію плети въ стекло и вызываетъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“

— Аминь! отвѣчаютъ ему.

— Спасибо на добромъ словѣ, на аминѣ! — А тотъ ли это домъ, тѣ ли хоромы нашей княгини, молодой обручницы?

Отвѣчаютъ: „тотъ!“

— Мы ѣдимъ вѣдь не оханьщики, не обманщики, не московски разсказчики, не морскіе рыболовники, не грозны гонцы, а ѣдимъ скорые послы, съ добрыми вѣстями, съ хорошими рѣчами, отъ нашего князя молодого. Дайте же нашему князю молодому: дворъ широкій — на проѣздъ; новы сѣны — на проходъ! Есть ли у вашихъ воротъ приворотники, у замковъ — ключари и крѣпки сторожи?“

Отвѣчаютъ: „есть!“

Тутъ дружка подбѣгаетъ къ воротамъ и кричитъ: „Ключарь — отмыкайте, приворотники — отпирайте, крѣпки сторожи — пропускайте! Коли скоро не отворите, то я скокну, ворота ваши за скобы возьму и ихъ съ крючьевъ сорву!“ Ворота отворяютъ, но, пріостанавливая ихъ будто за дѣломъ, говорятъ: „Послушай, дружка храбрый! наша княгиня молодая обручница, сегодня по утру рано встала, утренней росой умывалась и ко быстрой водѣ ходила, — тамъ она свои золоты ключи дорѣгой обронила, то ли въ воду утопила; такъ теперь нашей княгинѣ нельзя платья подвѣчнаго достать и намъ не прикажете сундуки ломать, вѣдь наша княгиня не наряжена.“

Въ отвѣтъ на это женихъ даритъ приворотнику платокъ, а дружка

прибавляетъ: „Послушайте братцы-приворотники! нашъ князь молодой сегодня утромъ рано вставалъ, утренней зарей въ поле на охоту выѣзжалъ, въ синей рѣкѣ искупался и на золотые ключи онъ наткнулся; вотъ взойдетъ какъ къ вашей княгинѣ, золотые ключи передастъ, въ цвѣтно платьѣ нарядить и возлѣ себя посадить.“

Приворотникъ впускаетъ; поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ; а суетливаго распорядителя-дружку привѣтствуетъ уже веселая пѣсня:

Воротики скрипъ, скрипъ,
Морозъ на дворъ,
Ай! друженька скачетъ
Совсѣмъ безъ коня.
Ахъ, здоровъ-бы былъ у дружки
Князь молодой —
Будетъ вѣдь у дружки
И конь вороной!
Воротики скрипъ, скрипъ,
Морозъ на дворъ.
Ай! друженька скачетъ —
Безъ сѣдла.
Ахъ, здоровъ-бы былъ у дружки
Князь молодой,
Будетъ вѣдь у друженьки
Черкасско сѣдло!
Воротики скрипъ, скрипъ,
Морозъ на дворъ.
Ай! друженька скачетъ —
Безъ узды!
Здоровъ-бы былъ у друженьки
Князь молодой —
Будетъ вѣдь у друженьки
Тесьмяна узда.
Воротики скрипъ, скрипъ,
Морозъ на дворъ.
Ай! друженька скачетъ
Безъ плети!
Здоровъ-бы былъ у друженьки
Князь молодой, —
Будетъ вѣдь у друженьки
Шолкова плетъ!

На встрѣчу поѣзду выбѣгаетъ на крыльцо невѣстина сваха. А дружка устанавливаетъ между тѣмъ полукругомъ вблизи крыльца поѣзжанъ, ставитъ сваху невѣсты противъ свахи жениха и раздѣляетъ плетью такую между ними дорогу, чтобъ онѣ равнымъ числомъ шаговъ могли выступить одна противъ другой, для обмѣна чашечками, въ которыя дружка уже успѣваетъ подлить пивца. Помѣнявшись и выпивъ пиво, свахи цѣлуются между собою, и невѣстина проситъ поѣздъ въ домъ, вводя прежде всѣхъ сваху жениха. А пѣсня уже подхватываетъ:

Я не знала, не вѣдала —
Ко мнѣ сваха пріѣхала,
Молода и ломливая,
И горда и спѣсивая.
Вотъ и ступила она — не ступя.
Слово молвила — не вымолвя!
Снаряжайся-ка ты умница,
Снаряжайся-ка разумница!

А куда мнѣ снаряжаться,
А куда мнѣ собираться,
Отъ родимаго-ли батюшки,
Отъ родимой моей матушки,
Отъ родныхъ братьевъ, сестрицъ,
Отъ всего-ли роду-племени?
Ко другому отцу-матери,
Ко другимъ-то братьямъ сестрицамъ,
Во чужомъ-ли родѣ-племени!

Пѣсня умолкаетъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ невѣстою сидитъ косникъ, или продавецъ косы, то очевидно жениху и нельзя сѣсть къ невѣстѣ, пока ея коса, этотъ символъ дѣвчества, еще не выкуплена.

И вотъ дружка обращается съ ходатайственнымъ возгласомъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій нашъ, помилуй насъ! Богоданный батюшка, богоданная матушка! Вѣдь ужъ дали вы нашему князю молодому дворъ широкій — на пріѣздъ, новы сѣни — на приходъ, свѣтлу гридню — на обогрѣвъ; дайте же и княжое мѣсто нашему молодому князю, а мѣсто-то ведется—во переднемъ углу подъ иконами святыми. Да нѣтъ-ли, можетъ, въ княжемъ мѣстѣ и помѣстниковъ?“

— Есть видно! шутивымъ тономъ отвѣчаетъ отецъ невѣсты.

— Такъ благословите, продолжаетъ дружка, насъ, княжихъ дружекъ, бѣглыхъ, легкихъ, переѣзжихъ, золотую гривну выложить, русу косу выкупить!

— Богъ тебя благословляетъ и мы съ матерью тебя благословляемъ! отзывается отецъ невѣсты.

Косникъ держитъ плетъ въ рукахъ, вѣроятно какъ знакъ силы, чтобы не заняли мѣста прежде исполненія обычнаго долга. И вотъ дружка подступаетъ къ нему, вооружившись стаканомъ пива, который подаетъ коснику, и въ тоже время сыплетъ на поднось деньги. Косникъ встаетъ, передаетъ деньги невѣстѣ и удаляется. Но при веселой свадьбѣ шутки бываютъ неистощимы. Такъ и въ этомъ случаѣ дружка не за разъ высыпаетъ всѣ деньги, а по немногу, съ остановками, между тѣмъ какъ косникъ приподнимаетъ надъ нимъ съ угрозою плетку. Но въ благонравныхъ домахъ свадебные обряды переходятъ изъ серьезнаго въ шутиливый тонъ не раньше, какъ послѣ вѣнца, а до тѣхъ поръ все идетъ грустно, робко и озабоченно.

Но коса— принадлежность дѣвства, такъ можно ли, чтобы продажа ея совершилась безъ участія пѣсни, этой сокровищницы всѣхъ искреннихъ ощущеній. И раздаются звуки:

Ты коса-ли, моя косынка!
Ты коса-ли, моя русая!
Что чесала тебя матушка.
Заплетала родна сестрица.
Ужъ какъ нынѣ тебя, косынка,
Знать-то больше ужъ не плетывать,
Съ алой ленточкой не нашивать!
Разстаюсь съ тобою, косынка,
И со дѣвьею твоею красотой!
Расплетутъ тебя, руса коса,
Что на мелкія на прядочки!

Главное дѣло сдѣлано: коса выкуплена. Дружка дѣлается смѣлѣе, приподнимаетъ плетъ, помахиваетъ, брякаетъ обвѣшивающими ее погремущками и приговариваетъ: „Выходите-ка, красныя дѣвицы, полно вамъ сидѣть тутъ за столомъ, рядомъ съ невѣстой — чужое мѣсто занимать! Пора намъ заходить за дубовые столы и за бранныя скатерти.“

Дѣвушки безмолвно встаютъ; невѣста со вздохомъ говоритъ: „прощайте, подруженьки!“ А пѣсня выражаетъ ощущенія невѣсты въ эту минуту:

Не вручай ты, родный батюшка,
Мою правую рученьку!
Не пиши-ка, добрый батюшка,

Записи ты крѣпкія!

Вѣдь не выкупить ужъ рученьку

Ни ста рублями, ни тысячью!

Выкупать должна я рученьку

Своей буйною головушкой!

Невѣста, какъ давно уже получившая благословеніе, сидитъ за столомъ. По выходѣ дѣвицъ она остается одна. Къ ней тотчасъ же заходитъ женихъ и беретъ за правую руку, за нимъ входитъ тысяцкій воевода, бояринъ старшій и младшій; а съ другой стороны входитъ женихова сваха, расплетаетъ косу и садится возлѣ невѣсты, и за нею уже невѣстина сваха. Дружка съ полудружьемъ остаются на ногахъ. Это распредѣленіе по мѣстамъ дѣлается подъ звуки и указанія слѣдующей пѣсни:

Ахъ вы всѣ-ли, бояре?

Ахъ вы всѣ-ли, княжіе?

Вы, садитесь-ка бояре по мѣстамъ:

Какъ большой-то бояринъ — повыше,

Какъ меньшей-то бояринъ — пониже,

Княжая свашенька въ свое мѣсто,

Самъ-то нашъ друженька — стой на ногахъ,

Полудружье неразлучно съ нимъ,

Воевода-же тысяцкій съ самимъ женихомъ.

Усѣлись по мѣстамъ. Дружка восклицаетъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Богоданные батюшка и матушка! благословляйте скатерти раскинуть, ложки приразкласть предъ князя и княгиню молодыхъ, передъ тысяцкаго, бояръ, дружку съ полудружьемъ, передъ княжюю и княгинину свашенскъ.“

Указаніе дружки исполняется. Подаютъ кушанья. Всѣ ѣдятъ и пьютъ, а женихъ и невѣста прикасаются къ кушаньямъ только для формы или, какъ здѣсь говорятъ, пригубливаютъ.

Приступая къ первому блюду съ ножомъ въ рукѣ, дружка говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Богоданные батюшка и матушка! благословляйте рушить, укроша-же — кушать!“ Отецъ и мать невѣсты разносятъ вино и угощаютъ, а дружка ускоряетъ перемѣну блюдъ воззваньями: „благословляйте рушану-кушану хлѣбъ соль со стола унести, а нерушану-некушану на столъ принести“. Блюды подается обыкновенно три перемѣны; закусываютъ же только изъ двухъ блюдъ, а изъ-за третьяго, только что поставятъ его, начинаютъ заключительныя приготовленія къ отъѣзду. Непремѣнной принадлежностью закуски бываетъ пирожекъ, а третьимъ блюдомъ, по боль-

шей части, жареный гусь. И это, кажется, дѣлается не безъ умысла. Извѣстно, что въ народныхъ поговоркахъ, гусь выражаетъ идею обмана и нечистой нравственности, почему говорятъ: — „ему стыдъ ничего — какъ съ гуся вода стечетъ!“ или: „у-у! каковъ гусь лапчатый! — плутъ да и только“. Поэтому-то, кажется, блюдо это дружка только надрѣзываетъ, и призывая къ нему однихъ родителей невѣсты, „проситъ ихъ покорно — откушать при всей честной компаніи“. Понятно, что за таинственный смыслъ заключенъ въ послѣднемъ блюдѣ, и почему одни родители невѣсты должны ѣсть гуся! Въ Кежемской же волости главное блюдо составляетъ верхняя челюсть свиной головы, убранная луковичами.

Пока идетъ это угощеніе, въ комнатѣ все движется. Невѣста даритъ поѣзжанъ, а пѣсня припѣваетъ каждому по имени; затѣмъ поѣзжане требуютъ тарелочку и отдариваютъ сестру невѣсты или ближайшую подругу, словомъ, то лицо, которое подносило дары. Затѣмъ дарятъ пѣсенницъ.

Одновременно оканчиваются и ѣда послѣдняго блюда — гуся родителями невѣсты, и отдариванья. Всѣ садятся не надолго за столъ на свои мѣста. Наконецъ, встаетъ дружка, а за нимъ поднимаются всѣ. Дружка возглашаетъ: „Богоданные отецъ и мать! благословляйте нашего князя и съ княгиней молодой, со всѣмъ дорогимъ честнымъ поѣздомъ изъ-за дубова стола переступить, на кирпичать полъ ступити, къ образамъ лицомъ оборотитися, Богу Господу помолитися, а за хлѣбъ за соль челомъ ударитъ.“

Во время этого возгласа отецъ невѣсты зажигаетъ свѣчи у образа. Гости молятся и благодарятъ за угощеніе; а дружка начинаетъ: „Отецъ родимый и мать родимая! какъ умѣли вы чадо свое милое кормить и поить, обувать и одѣвать, на работу посылать, — такъ можете и нашему князю, молодому обручнику, на руки сдать, чтобъ ему ее своей назвать!“

Начинаются сборы къ благословію. Женихъ держитъ невѣсту за правую руку. А пѣсня поетъ:

Шла наша Машенька изъ-за дубова стола,
Бросила ключи на дубовый столъ:
Я тебѣ, батюшка, не ключница,
Я тебѣ, матушка, не ларечница!
Ключница я буду чужу батюшкѣ,
Ларечница буду чужой мамушкѣ!

Затѣмъ всѣ молятся, полагая не менѣе трехъ земныхъ поклоновъ. Благословеніе жениха и невѣсты родителями послѣдней совершается на общемъ основаніи, т. е. родители невѣсты, хотя благословляютъ и своимъ образомъ, но первый подходитъ все-таки женихъ, а за нимъ невѣста, и сперва къ отцу, а потомъ къ матери. Въ каждомъ случаѣ кладется по три земныхъ поклона на икону, потомъ прикладываются къ ней и цѣлуютъ руку благословлявшаго лица, который, уже передавая икону, и самъ три раза цѣлуетъ получившаго благословеніе. Все это сопровождается либо возгласами дружки, либо слѣдующими пѣснями:

Что не стукъ-то стучить во теремъ,
Что не громъ-то гремитъ въ высокомъ:
Молится Богу красна дѣвица!
Благословляетъ ее сударь батюшка,
Въ церковь Божію подъ златъ вѣнецъ,
Благословляетъ и наказываетъ:
„Ты живи-ка, мое дитятко,
Во чужихъ людяхъ смиреншенько,
Держи голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Повинуйся свекру батюшкѣ,
Почитай ты свекровь матушку.“

Женихъ и весь побѣздъ просятъ: „не оставитъ просьбы, — пожаловать на пиръ къ князю молодому обручнику, и кто вамъ милъ и любъ — и съ тѣмъ просимъ покорно!“

Благословеніе кончилось. Начинаются сборы; а пѣсня поетъ:

Ахъ вы кони мои, кони,
Кони добрые мои!
Знать, слышали вы кони,
Что великую невзгоду:
Изъ Дуная воды не пили,
Изъ тихова не покушали.
По Дунаю-ли насадъ плыветъ,
По тихому-ли вѣтлявенькій;
Подлѣ берега колымагу несетъ,
Подлѣ крута багрецовую.
Во насадѣ нашъ Степанъ сидитъ,

Въ колымагѣ Маша-дѣвица.
Какъ Степанъ-то Богу молится,
Свѣтъ Ивановичъ покланяется:
„Ахъ, создай-ка, Боже Господи,
Въ небесахъ ты гучу грозную,
Со громами-ли со страшными
И со молоньями яркими!
Снеси ты, Боже Господи,
Что насадъ со колымагою!
Сочетай, добрый Создатель мой,
Какъ Степана млада съ Машею!

Самый же выходъ изъ комнаты, черезъ сѣни, крыльцо и дворъ до экипажа и усаживанье тамъ совершаются подъ напутствіемъ слѣдующей пѣсни:

— Вотъ отстала лебедь бѣлая
Ото стада лебединого
И пристала та лебедушка,
Что ко стаду-ли сѣрыхъ гусей.
— Ужъ какъ стали гуси сѣрые
Что лебедушку щипати,
А лебедка какъ закикаетъ:
Ахъ вы гуси, гуси сѣрые!
Не щиплите мои перышки, —
Не сама я залетѣла къ вамъ,
Не своей волей-охотою:
Занесли вѣдь вѣтры буйные,
Забросили вихри бурные.

— Вотъ отстала красна дѣвица
Прочь отъ батюшки, отъ матушки,
Отъ своихъ сестеръ, братьевъ-вѣвъ.
И пристала красна дѣвица
Какъ Марья свѣтъ Ивановна,
Въ другой домъ, ко чужой семьѣ,
Ко чужой семьѣ, незнаемой.
Ее стануть тамъ журить и бранить,
Что журить, бранить, уму учить!
— Не журите меня дѣвицу,
Не браните меня красную:
Не сама собой я къ вамъ зашла,

Не своей волей-охотою;
Занесли меня добры кони,
Что добры кони Ивановы.

Поѣздъ усаживается разнообразно, смотря по количеству экипажей и по величинѣ ихъ. У иныхъ, хоть и рѣдко, есть обычай покрывать невѣсту фатою, либо платкомъ. Впереди всегда везутъ образъ, которымъ только что благословляли. У крыльца поѣздъ долгое время стоитъ, пока дружка не приметъ всѣхъ мѣръ, предохраняющихъ отъ колдуновъ, отъ напускаемой порчи и отъ всякихъ вообще злыхъ людскихъ пожеланій. Онъ много дѣлаетъ манипуляцій, обличающихъ въ немъ и христіанна и язычника, и молится и колдуетъ, читаетъ молитвы Христу и языческія заклинанія. И читаетъ онъ это уже не гласомъ „веііимъ“, а про себя, почти шопотомъ, чтобъ злые недруги не услышали и не пересчитали его моленій и заклинаній своими чародѣйскими заклѣтьями, — и все это съ озабоченнымъ, робкимъ лицомъ, по временамъ оглядываясь на стороны. Жалкое младенчество ума! Воображеніе, работая въ широкомъ размахѣ, безъ познанія естественнаго порядка вещей, создаетъ громадныя и дикіе образы, пугается, робѣетъ, трепещетъ, заклѣпывается, чурается, молится! Вотъ дружка идетъ съ образомъ вокругъ всего поѣзда и читаетъ молитву: „да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его!“, потомъ второй и третій разъ съ тою же молитвою. Но вслѣдъ за тѣмъ образъ отдается, дружка очерчиваетъ около себя кругъ, дуется, плюетъ въ сторону и начинаетъ, — „Встану я, рабъ Божій Захаръ, благословясь, пойду перекрестясь, умоюсь студеной ключевой водою, утрюсь браннымъ полотенчикомъ“. Это еще ничего; но вотъ онъ входитъ въ полный экстазъ, и вы слышите то, что ему сказать хотѣлось; онъ продолжаетъ тотъ же наговоръ: „Оболокусь я оболочками ⁽¹⁾, подпояшусь красною зарею, огорожусь свѣтлымъ мѣсяцомъ, обычусь частыми звѣздами и освѣчусь краснымъ солнышкомъ. Огражду вокругъ меня, Ивана, и дружины моей съ осматами, тытъ желѣзный, почву стальну укладну, небо булатно, чтобъ никто не могъ прострѣлить его, отъ востока до запада, отъ сѣвера къ югу, — ни еретикъ, ни еретица, ни колдунъ, ни колдунница, ни годный, ни негодный, кто на свѣтѣ бѣломъ есть. Голова моя — коробя, а языкъ мой — замокъ.“

Во время этого безмолвнаго сидѣнія въ экипажѣ, невѣста очевидно должна погрузиться въ себя, въ размышленіе о своемъ будущемъ; и

⁽¹⁾ Оболокусь — одѣнусь, а въ переносномъ смыслѣ и обовьюсь; оболочи — облака.

душевное беспокойство ея конечно усиливается. Слышитъ она и молитвы дружки, и заклинанія — и съ дѣтскихъ лѣтъ знакомые воображенію ея образы колдуновъ, злыхъ людей, людей испорченныхъ ими, несчастныхъ семействъ, встаютъ передъ нею въ грозныхъ образахъ. Ею вновь овладѣваетъ отчаяніе, является чувство укоризны родителямъ за выдачу за мужъ; а пѣсня уже подхватываетъ это и передаетъ :

Ты постой-ка, постой, добрый конь ,
Ты у батюшкина широка двора ,
Ты у матушкина высока терема ,
Какъ у братцевъ у красна крыльца ,
У сестрицына у кутна окна.
Ахъ ты дай-ка ужъ наглядѣться
Мнѣ на батюшкинъ на широкій дворъ ,
Мнѣ на матушкинъ на высокъ теремъ ,
Мнѣ на братцево на красно крыльцо ,
На сестрицыно на кутно окно.
Увезутъ меня горьку, бѣдную,
Далекимъ-то далекоишько ,
На чужу дальну сторонущку !
Ахъ ты, красное-ли мое солнышко,
Ты родимый мой сударь-батюшка !
Незакатная, непомерклая,
Ты-ли свѣтлая моя звѣздочка,
Государыня моя матушка!
Какъ знялись твои ручки бѣлыя
Расплести мою косу трубчату,
Потерять мою алу ленточку!

Наконецъ, у крыльца кончены и молитвы и заклинанія. Поѣздъ выезжаетъ со двора. Пѣсня провожаетъ невѣсту:

Вы метитесь-ка улицы ,
Станавитесь главны города ,
Города съ пригородками ,
Терема съ притеремками !
Вы несите, кони добрые ,
Въ Божью церковь красну дѣвицу,
Въ церковь Божию, подъ златъ вѣнецъ !

Дружка съ полудружьемъ провожаютъ поѣздъ выстрѣлами изъ ружей. Затѣмъ они возвращаются въ комнату, поздравляютъ съ „отваломъ“, выпиваютъ вина или пива и скачутъ въ догонку поѣзда.

Поѣздъ ѣдетъ быстро и чинно: образъ держится впереди на виду; головы ничѣмъ не покрыты. Догнавъ поѣздъ, дружка съ полудружьемъ, верхами, увиваются около него, хлещутъ плетками, стрѣляютъ изъ пистолетовъ. Эти выстрѣлы и хлестанья, при звонѣ колокольчиковъ на дугахъ и ширкунцовъ подъ шеей лошадей, сливаясь вмѣстѣ, представляютъ что-то вакханически-шумное и вызываютъ на улицы толпы ротозѣевъ.

Пріѣзжаютъ въ церковь. Начинается таинство „освященія брака и молитвъ за благополучіе его“. Казалось бы сердце не только жениха и невѣсты, но и всѣхъ присутствующихъ, должно исполниться благоговѣйной молитвы за своихъ людей-братьевъ. Не тутъ-то было. Въ церкви шумъ, давка, пискъ, пересуды и проч. Невѣста думаетъ только, какъ бы ступить на подстилаемый обыкновенно платокъ правою ногою, чтобъ быть старше въ домѣ, и въ то же время хлопочетъ, чтобы не выронить изъ кармана кусочекъ корки хлѣба, который она скрыла, отправляясь подъ вѣнецъ, съ убѣжденіемъ, что если съ этимъ кусочкомъ она простонѣтъ подъ вѣнцомъ, то будетъ и жить въ довольствѣ. И женихъ ведетъ себя не лучше. Случается, что онъ останавливаетъ священника передъ чтеніемъ болѣе важныхъ молитвъ, или передъ мѣной кольцами, и проситъ предварительно „отчитать“. Священникъ не понимаетъ и вотъ начинаются толки о томъ, что прежніе батюшки исполняли народную волю и читали сперва какія-то заклинанія отъ злыхъ людей и разныхъ, на женщинахъ бывающихъ болѣзней, подъ названіемъ родимцевъ и порчей. Такимъ образомъ воображеніе въ полной работѣ, — мысль, постигающая природу вещей, спитъ; и священныя книги не въ силахъ искоренить суевѣрныхъ убѣжденій изъ запуганныхъ натуръ. Повторяемъ, что на искорененіе этихъ суевѣрій можетъ подѣйствовать одинъ свѣтъ науки.

Вѣчаніе кончилось. Изъ церкви отправляются въ домъ жениха. Дружка скачетъ впередъ для пзвѣщенія, и постукивая въ окно рукоятію плети, говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Баюшка родимый, матушка родимая! Прибыль нашъ князь „новобрачный“, съ молодой княгиней и со всѣмъ полкомъ, честнымъ поѣздомъ, къ вамъ на широкій дворъ и приказалъ объявить вамъ нижайшій поклонъ и бить челомъ что онъ по сужену съѣздилъ, сужену понялъ, подъ златъ вѣнецъ сталъ и законъ Божій на голову получилъ! Извольте же встрѣчать съ радостью!“

Пока дружка вычитываетъ подъ окномъ свое объявленіе, родители собираются съ образомъ, хлѣбомъ и солью встрѣчать молодыхъ, а молодые въѣзжаютъ. Дружка соскакиваетъ съ лошади, высаживаетъ мо-

лодыхъ и ведетъ ко крыльцу, на которое вышли уже родители. Тутъ совершаются благословенія, поздравленія и взаимные поцѣлуи.

Послѣ благословенія — входятъ въ домъ, молятся Богу и заходятъ за столъ, при чемъ распредѣляются такъ, какъ и прежде. Отецъ жениха проситъ бесѣдовать. Всѣ садятся. Начинается пиръ. Сперва подаютъ чару жениху, который можетъ и не пить, но съ этого момента ему по крайней мѣрѣ разрѣшается. Впрочемъ, изъ вѣжливости женихъ отвѣчаетъ: „не угодно-ли вамъ, батюшка!“ и получаетъ въ отвѣтъ: — „прими, дитятко! а наше останется намъ“. При этомъ отецъ беретъ другую рюмку и поздравляетъ словами: „ну, сынокъ, съ законнымъ бракомъ!“ Угощеніе мало по малу обходитъ всѣхъ по чинамъ поѣзда. Потомъ подаютъ чай, а за тѣмъ кушанья, при чемъ ставятъ одну тарелку и для жениха и для неvěсты. Кушаютъ только члены поѣзда; а посторонніи лица, првходящіи, какъ говорятъ, „для чести новобрачныхъ“, кромѣ пива не пользуются ничѣмъ, потому что имъ будетъ угощеніе въ другой день, когда пріѣдутъ и неvěстины родные, до которыхъ изъ вѣжливости къ нимъ не дѣлаютъ никакого общаго пира.

Сидятъ за столомъ не долго. Изъ-за третьей „ѣствы“, новобрачныхъ выводятъ на „подклѣтъ“, — подобно тому, какъ изъ-за третьяго блюда, въ домѣ неvěсты, выводили подъ вѣнецъ. При подачѣ третьяго блюда дружка начинаетъ: „Родимые батюшка и матушка! Благословите божескимъ милосердіемъ, своимъ неоставленіемъ въ благословеніи, нашего князя у своей новобрачной русу косу расплести, на двое заплести, вокругъ головушки обвести и золотъ повойничекъ ⁽¹⁾ надѣть. Благословляй-же на радости!“

Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ!“

Потомъ обѣ свахи встаютъ по обѣ стороны сидящей неvěсты, на-кидываютъ чѣмъ нибудь такъ, чтобы ихъ, а главное — неvěсты, не было видно. На столѣ горитъ свѣча. Сначала косу расплетаютъ, а потомъ заплетаютъ снова, но уже въ двѣ косы, такъ что женихова сваха заплетаетъ правую косу, а неvěстина — лѣвую, за тѣмъ косами окружаютъ голову и связываютъ, надѣваютъ повойникъ и повязываютъ платкомъ. Потомъ платокъ откидываютъ, и въ новомъ видѣ неvěста раскланивается во всѣ стороны. Во время этой обрядности поются пѣсни и съ сожалѣніемъ дѣвушки о косѣ ея, и съ ненавистью къ новому для нея наряду женскому; а между тѣмъ излагается и программа самаго дѣйствія свaxe, особенно во второй пѣснѣ. Вотъ они обѣ:

⁽¹⁾ Кокешникъ.

1.

Ты коса-ли, моя косынька!
Ты коса-ли, дѣвья красота!
Меня красила ты косынька
Въ ясный день передъ солнышкомъ,
Въ темну ночь предъ мѣсяцемъ!
Меня грѣла дѣвья красота
Среди зимы студеныя,
Во морозы во крещенскіе!
А теперь-ли мою косу расплетутъ,
Шелковую ленту выплетутъ,
На двѣ косыньки все разложатъ,
Повойникъ платокъ мнѣ наложатъ!
А и кто-же то?—повѣнчанный,
Со своей свахой и боярами.

2.

Сѣмена-ли мои, сѣмечки,
Сѣмена-ли мои сахарны!
Васъ немного было сѣяно —
Ужъ какъ много уродилося,
Три раздоля, три широкія!
Ты коса-ли, моя косынька!
Какъ доселева-то косыньку
Заплетала родна матушка,
Что мелкимъ она, мелкошенько;
А теперь мою косу русую
Расплетаютъ ее на-двое,
Завиваютъ округъ буйной головы,
Надѣваютъ схиму черную!
Мнѣ не снять ее, не сбросити,
Отъ вѣнца, да и до старости,
До сѣдова, бѣла волоса!
Какъ доселѣ схима черная
По дворамъ она валялася,
По подлавочью таскалася;
А теперь-то схима черная
Она мнѣ-то пригодилася,
На мою буйную головушку!

Наряжаніе окончилось. Дружка наливаетъ два стакана пива и по-
даетъ новобрачному, а онъ передаетъ съ поклономъ отцу и матери,
которые подходятъ, берутъ стаканы и говорятъ: „Поздравляемъ, дит-
ятко, съ законнымъ бракомъ! Дай Боже здорово жить, другъ дружку
любить, насъ, стариковъ, не забывать и почитать!“ — Потомъ подаются
также двѣ чарки крестнымъ отцу и матери, а затѣмъ и другимъ поѣз-
жанамъ.

По обнесеніи виномъ всѣхъ, дружка, извѣстными уже намъ возгла-
сами, вызываетъ благословеніе родителей вести молодыхъ на подклѣтъ.
Всѣ встаютъ и молятся. Тысяцкій идетъ отомкнуть ⁽¹⁾ комнату съ
брачною постелью. За нимъ дружка ведетъ двухъ малыхъ бояръ, быв-
шихъ „заобразниками“ ⁽²⁾, а они несутъ каждый по благословленному
образу въ брачную же комнату, гдѣ и ставятъ на божницу ⁽³⁾. За
тѣмъ являются свахи и выпиваютъ всѣ по чаркѣ, желая благополучія.
Дружка удаляетъ всѣхъ изъ комнаты, кромѣ свахъ, которыя и помо-
гаютъ снимать верхнюю одежду; потомъ и свахи удаляются, а дружка,
послѣ словъ—„ложитесь съ Богомъ!“ уходитъ и уноситъ съ собою
свѣчи.

Привычка къ неискренности выраженія чувствъ, заглушаемыхъ пу-
стыми формами, простираетъ обрядность и далѣе: такъ въ болѣе глу-
хихъ мѣстахъ Кежемской и Бѣльской волостей раздѣтая суженая должна
встать на одно колѣно и три раза сказать: „пусти ночевать“; а же-
нихъ, убѣждаемый этой просьбой, а можетъ быть и страстью, отвѣ-
чаетъ: „ну, ужъ ночевать, такъ и вѣкъ коротать!“ Послѣ этого онъ
схватываетъ ее въ „охапку“ и бросаетъ въ постель.

А между тѣмъ въ свѣтлицѣ идетъ пиръ горой съ разными уже шут-
ками и прибаутками, которыя опредѣляются личнымъ характеромъ и
нравственными достоинствами поѣзжанъ. Этимъ же обуславливается и
оставленіе молодыхъ въ покоѣ до утра или подниманіе ихъ среди ночи,
для чего дружка постучиваетъ въ двери и спрашиваетъ: „посылать-ли
свахъ?“ Если онъ получить въ отвѣтъ „можно“, то возвращается въ
свѣтлицу съ восклицаніемъ: „все въ добромъ здоровьи! Подите, какъ
угодно, свашеньки, теперь ужъ ваше дѣло“. Онѣ идутъ, а дружка про-
вожаетъ ихъ словами: „вы свашеньки какъ сходите, да выйдите съ
радостнаго подклѣта, да на два круга и попляшите и нашу общину
повеселите!“ Потомъ, обращаясь къ хозяину, онъ продолжаетъ: „а ты,

---

⁽¹⁾ То есть снять замокъ.

⁽²⁾ То есть которые ѣздили съ образами въ рукахъ.

⁽³⁾ Полка въ переднемъ углу, на которую ставятъ образа.

господинъ хозяинъ, пожалуй мнѣ пива шайку, да хлѣба шаньгу, да флягу вина, да стакань съ подносомъ, да краснаго маку на закуску. Я съ радости, съ благополучья, возлѣ этой фляги—такъ и лягу! А ты, господинъ хозяинъ, берись и самъ за подносы гладкіе, ставь стаканы хрустальные и не зѣвай, а подавай всѣмъ гостямъ приходящимъ, и званнымъ и незваннымъ, за все у насъ доброе здоровье!“ И начинается попойка безъ всякой закуски.

На завтра рано утромъ опять собирается весь поѣздъ. Молодыхъ отправляютъ въ баню, а провожаютъ ихъ туда дружка съ свахами. Помывшись, молодые „ображаются“ и представляются родителямъ. А молодая подносить свекру и свекрови подарки своего шитья.

Если все дѣло было „въ благополучіи“, то поѣзжане отправляются, и не рѣдко даже съ доказательствами радости, къ тестю и тещѣ. Входя въ комнаты, дружка возглашаетъ: „благодаримъ, что умѣли дѣтище поить, кормить и нашего князя молодого надѣлать: какъ изъ купѣли, такъ и подъ златъ вѣнецъ!“ Тутъ выпиваютъ по чаркѣ и приглашаютъ въ домъ къ молодому на пиръ.

Пріѣзжаютъ сваты. Ихъ встрѣчаютъ у крыльца, гдѣ молодые кланяются имъ въ ноги; а если съ ними прибыли крестные отецъ и мать молодой, то и имъ также, только начиная съ крестной матери. Тутъ же подносятъ и по первой „привѣтственной“ чаркѣ.

На этотъ разъ уже собирается къ обѣду много гостей. Родители молодой, крестный, крестная и ближайшіе родственники ея занимаютъ передовыя мѣста, на томъ основаніи, что они гости. Накрываетъ столъ скатертью сама уже молодая и употребляетъ усилія отличиться всею ласковостью и добротостью хозяйки.

И такъ, бракъ свершился. Дальнѣйшія увеселенія не имѣютъ уже правильныхъ обрядностей и прямаго смысла. Это не что иное, какъ кутежъ, иногда съ сохраненіемъ благопристойности и здраваго смысла, иногда съ совершеннымъ отсутствіемъ того и другаго.

Представивъ такимъ образомъ полную картину русской свадьбы, со всею ея поэтически-символической обстановкой, выскажемъ теперь общія замѣчанія о ея значеніи.

Во-первыхъ, здѣсь очевидно, что язычество имѣло у насъ свою миѳологию. Оно было развито на столько, что проникло по всѣмъ составамъ быта русскаго народа.

Во-вторыхъ, христіанству пришлось бороться не съ смутнымъ, поверхностнымъ понятіемъ о какой-то высшей силѣ, а съ язычествомъ, развитымъ вполне и проникшимъ уже во всю бытовую жизнь.

Далѣе, борьба христіанства съ язычествомъ была сначала весьма удачна и дѣйствовала благотворно на нравы; но историческія невзгоды, о которыхъ мы упоминали, остановили умственное развитіе молодаго народа, запугали его и заставили заключиться въ себя, и съ свободно-пытливою мыслью, и съ открытымъ проявленіемъ семейно-общественнаго быта, а оттого возникла апатія, а въ жизни умственной скрытность, подобострастіе, затворничество и прочее.

Язычество не только осталось до послѣдняго времени, на сколько не успѣло искорениться въ періодъ свободнаго развитія народа; но запуганная мысль, не находя спасенія отъ татарскаго ига даже въ молитвѣ, поддалась вліянію воображенія, и злые духи, злые люди, колдуны, вѣдьмы и т. п. недобрыя силы, группа за группою вставали изъ забытья и создавались вновь, съ безчисленными противъ нихъ, заклинаніями. И эти-то суевѣрія, эти-то языческія формы и божества наполняютъ и теперь обрядную часть не только нашихъ заговоровъ, приговоровъ, примѣтъ, гаданій, хороводовъ, но даже обрядности свадебныя, куда входитъ и таинство брака. Освободясь потомъ отъ виѣшнихъ путъ, народъ почувствовалъ, что мысль его спитъ, что ей нуженъ толчокъ и попробовалъ ознакомиться съ западомъ: но завистливые сосѣди не пустили, а призванное по старой памяти византийство не могло оказать должной помощи и принесло однѣ только безжизненныя формы, которыя прилаживались туда и сюда, но не могли зажечь свѣточа мысли, а потому и не въ состояніи были уничтожить суевѣрій. Потомъ настало и общеніе съ западомъ, но оно до сихъ поръ не проникло въ народъ, отчасти потому, что вводилось неразборчивой насильственной ломкой всѣхъ старыхъ началъ, отчасти оттого, что скользяло только по поверхности и порождало въ народѣ лакейско-трактирную цивилизацію.

Наконецъ, ясно, что намъ больше всего и скорѣе всего нужны положительныя знанія, пониманіе причины вещей, свѣтъ оживляющей науки! А для того, чтобъ все это не осталось у насъ только въ кабинетѣ, будемъ изучать глубже самую природу нашей страны, духъ нашего народа, и тѣ древнеисторическія основы, которыя таятся въ глубинѣ его, какъ здоровыя сѣмена для будущаго развитія, и не станемъ пренебрегать самой пѣсней, этой сокровищницей, въ которую народъ вложилъ свои завѣтныя мысли, свои сладкія и горькія, радостныя и слезныя чувства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Приступлю теперь къ описанію единственной большой рѣки, впадающей въ Маклаковской волости въ Енисей и называемой Верхнею Тунгузкой.

Такъ какъ нѣкоторые считаютъ главною рѣкою не Енисей, то отвергаютъ и названіе Верхней Тунгузки, именуемой такъ у Енисейцевъ, отъ соединенія рѣки Ангара съ рѣкою Илимомъ. Эти „нѣкоторые“ ведутъ названіе Ангара до самаго Ледовитаго моря, и Енисей считаютъ притокомъ. Не дѣлая особыхъ спеціальныхъ изысканій для рѣшенія этого вопроса, я готовъ бы назвать впаденіе одной рѣки въ другую просто соединеніемъ. Но не могу не прибавить только, чтобы спорящія стороны обратили особенное вниманіе на значеніе природою образованной для помѣщенія Енисея логовины черезъ все протяженіе Енисейской губерніи, отъ Китая до Ледовитаго моря, — вѣдь это что нибудь да значить?! Надобно также обратить вниманіе на то, что русло Енисея понижается постепенно на всемъ протяженіи до моря и такимъ образомъ дѣлается постепенная покатость къ морю; также и на то, что въ Минусинскомъ округѣ до 109° восточной долготы и $53^{\circ}52'$ сѣверной широты Енисей прокладываетъ прямую дорогу по ложбинѣ, препятствуемой горами; такъ на границѣ Түрүханскаго края подмылъ шедшій черезъ логовину хребетъ и образовалъ гряду подводныхъ скалъ. Между тѣмъ какъ Ангара очевидно на всемъ ходу своемъ бьется, извивается, ищетъ хода себѣ, бросается въ разныя стороны, принимаетъ въ себя другія большія рѣки, скопляетъ огромнѣйшую массу водъ и, наконецъ, входитъ въ Енисейную логовину и соединяется съ Енисеемъ подъ $58^{\circ}27'$ широты, въ 65 верстахъ выше города Енисейска. Что съ перваго раза поразить путешественника въ пользу Верхней Тунгузки, это обиліе воды ея: соединяется она подъ такимъ угломъ къ Енисею и съ такимъ обиліемъ воды, что верстъ на пять по крайней мѣрѣ, Енисею приходится течь прижатымъ къ западному берегу; тутъ рѣка версты на 4 ширины. Надобно однакожь обратить вниманіе на то, что вода Верхней Тунгузки болѣе темная, какъ бы синяя, исчезаетъ чрезъ нѣсколько десятковъ верстъ и за тѣмъ въ Енисей видимъ ту же воду, какая была выше впаденія Тунгузки; да и это пространство цвѣтъ

воды держится только у праваго берега. Замѣчательно и то, что жалящiе съ Усть-Стрѣлки плыть на низъ, съ трудомъ выбиваются отъ относа преобладающимъ токомъ Енисея. Еще за Енисей: почему рыба въ Тунгузкѣ отличается отъ той, которая водится въ Енисей выше и ниже впаденiя въ него Тунгузки, — такъ напр., осетры и стерляди Тунгузки имѣютъ черную почти спину, а въ Енисей, на всемъ протяженiи его, нѣтъ этого. Еще за Енисей: почему постоянно, десятки лѣтъ, Енисей, какъ главная рѣка, текущая по образованной природою логовищъ, вскрывается двѣнадцатью днями ранѣе притока своего Верхней Тунгузки, и шестью днями ранѣе Тасѣевой. Теперь, на чемъ же основана мечта о значенiи Ангары?! Мы уступимъ первенство Енисея только тогда, какъ противники вырвутъ съ корнемъ каждое изъ десяти приведенныхъ нами доказательствъ. Вотъ какъ во времена моей гимназической жизни описывалось происхожденiе Ангары, — писателя можетъ быть уже не существуетъ и на свѣтѣ, но нѣсколько строкъ до сихъ поръ у меня въ памяти:

Когда силой чудотворною
Огнь подземный разорвалъ
Межъ горами степь просторную —
Хлынулъ волнами Байкалъ.

Тутъ многого не помню, а далѣе объ Ангарѣ:

Вдоль смотрѣлъ онъ (*) изъ за горъ
И хотѣлъ залпъ ужъ волнами
Необъемлемый просторъ....
Но одумался, отдвинулся,
Не хотѣлъ грозой дохнуть
И на сѣверъ мощно двинулся
Отыскать къ собрату путь:
Въ море дальнее, сердитое,
Захотѣлъ онъ побывать,
.....
.....
Вдругъ утесъ — гора упорная
Преградила путь ему
И какъ крѣпость непокорная
Не пускала вдалъ волну...

(*) Байкалъ.

Но напрягъ онъ грудь свободную,—
 Съ трескомъ рушилась гора—
 И по ней волной холодною
 Зашумѣла Ангара!..

Въ книгахъ же — верховья Ангары описываются такъ: означается обыкновенно на картахъ съ востока Байкала рѣка, подъ именемъ верхней Ангары, считается за верховье; длина этой рѣки на 330 верстъ; потомъ она, будто, протекаетъ черезъ Байкаль; потомъ выходитъ съ западной стороны подъ именемъ просто Ангары; на 60 верстъ ея стоитъ городъ Иркутскъ, а отъ Иркутска до соединенія съ Енисеемъ имѣетъ еще 1,720 верстъ теченія. Ангара не имѣетъ опредѣленной луговой и нагорной стороны,—она изгибается сама и мѣняются постоянно свойства береговъ. По Ангарѣ ходятъ суда, но плаваніе соединено съ чрезвычайными затрудненіями, отъ того на всемъ протяженіи считается 64 порога (по енисейски шивера). Эти шивера начинаются отъ Братскаго острога, гдѣ Ангара имѣетъ 35 футовъ паденія на пространствѣ одной версты; да за тѣмъ на пространствѣ еще 67 верстъ пересѣкается каменными краями и имѣетъ на этомъ пространствѣ 21 сажень паденія. Впрочемъ, подъ именемъ шиверовъ Енисейцовъ слывуть пороги небольшие; три же главныхъ въ Енисейскомъ округѣ такъ и называются порогами и будутъ описаны въ своихъ мѣстахъ. Есть, кромѣ того, опасныя мѣста, называющіяся — на языкѣ туземцевъ — быками и кармакулами. Подъ первымъ словомъ разумѣются скалы, выдающіяся къ рѣчному руслу изъ материка и на нихъ, на общее горе, иногда рѣка имѣетъ направленіе въ теченіи; подъ вторымъ же — камни, лежащіе въ руслѣ рѣки и высовывающіеся къ поверхности воды. Отъ самаго Байкала до Братскаго острога плаваніе по Ангарѣ безпрепятственно. Хотя вообще правая сторона Ангары каменистѣе, но все-таки положительнаго распредѣленія, подобно Енисею, береговъ на каменный и луговой (по названію туземцевъ). у Ангары — нѣтъ. Острововъ считается на Ангарѣ 468, изъ которыхъ на Енисейскій округъ приходится только 150, а остальные въ Иркутской губерніи. Ширина рѣки чрезвычайно разнообразится отъ выхода изъ Байкала до впаденія въ Енисей, то расширяясь, то суживаясь, такъ наприм. противъ Иркутска 250 сажень и спустившись ниже у Братскаго острога только 65, далѣе по Енисейскому округу то имѣетъ ширину въ версту, то разбрасывается на протоки и вмѣщаетъ острова верстъ до 4 ширины. Теперь мы приступимъ къ послѣдовательному описанію Ангары, какъ описывали и Енисей, но опустимъ небольшую рѣку, впадающую въ Байкаль, считающуюся за вер-

ховье Ангарты и называющуюся Верхней Ангариою, тѣмъ болѣе, что она пустыня и не имѣетъ никакого особеннаго значенія, кромѣ ловли омулей, которая въ 1836 году была особенно удачна (достигла до 10 миллионѣвъ штукъ и привлекла съ рѣки Селенги многихъ промышленниковъ сюда), но дѣйствительно ли это еще верховье Ангарты — нужно вѣдь побольше основательныхъ научныхъ доказательствъ?! Потому и начнемъ съ выхода изъ Байкала, и въ Енисейскомъ округѣ вычислимъ и всѣ деревни, потому что онѣ стоятъ болѣею частью на самой рѣкѣ, да и число ихъ съ разстоянiемъ покажетъ размѣръ и населенiе этихъ огромнѣйшихъ и пустыньнѣйшихъ волостей — Пинчугской и Кежемской.

Выступивъ изъ Байкала, Ангара принимаетъ:

Въ-1-хъ, Иркутъ; онъ впадаетъ съ лѣвой стороны у Иркутска, гдѣ и имѣетъ ширину на 80 сажень; на 73 версты поднимаясь выше отъ Иркутска имѣетъ пороги, потому не можетъ считаться удобнымъ для прохода мелкихъ судовъ, которыя, какъ и плоты, по немъ немного ходятъ; длина Иркуты на 346 верстъ.

Въ-2-хъ, Китой; онъ впадаетъ съ лѣвой же стороны; гораздо менѣе Иркуты и все теченiе считаютъ до 260 верстъ; за то мѣстами широкъ и достигаетъ 70 сажень; послѣ впаденiя въ него рѣкѣ Халмагана и Алангара дѣлается судоходнымъ.

Въ-3-хъ, Бѣлую, впадающую съ лѣвой же стороны и имѣющую теченiе на 250 верстъ.

Въ-4-хъ, Оку, впадающую съ лѣвой же стороны; она получаетъ большой притокъ Іею и имѣетъ теченiе верстъ на 700.

Въ-5-хъ, Илимъ. Эта рѣка впадаетъ уже съ правой стороны; имѣетъ теченiе верстъ на 500; по ней ходятъ свободно плоты и малыя лодки; соединившись съ этою рѣкою, Ангара вступаетъ въ Енисейскій округъ и получаетъ уже названiе „Верхней Тунгузки“.

Начиная съ верхнихъ частей Верхней Тунгузки сперва лежитъ волость Кежемская, прилегающая къ границѣ Киренскаго округа Иркутской губернии; въ ней деревни:

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число до- моръ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
1	Деревня <i>Савинская</i> , стоя- щая на верхней оконеч- ности небольшого острова, лежащаго среди Верхней Тунгузки	17	50	66	
2	Деревня <i>Привалихинская</i> (или Фанова), стоящая та- же на верхней оконечно- сти другаго острова, лежа- щаго среди Тунгузки, въ 16-ти верстахъ ниже Са- виной	14	33	34	
3	Деревня <i>Фролова</i> , стоящая на верхней оконечности острова Барнаулева, ле- жащаго среди Верхней Тунгузки, въ 20 верстахъ ниже Привалихинской . .	19	49	52	Островъ Барнаулевъ имѣтъ до 10 верстъ длины и около вер- сты ширины, покрытъ хвой- нымъ лѣсомъ; нижняя оконеч- ность его въ весеннее полно- водіе затопляется.
4	Деревня <i>Соколова</i> , стоящая на верхней оконечности острова Лиственничнаго, лежащаго среди Верхней Тунгузки, въ 16-ти вер- стахъ ниже острова Бар- наулева	16	37	34	Островъ Лиственничный имѣтъ 6 верстъ длины и до 300 саженъ ширины, покрытъ хвой- нымъ лѣсомъ и не затопляется.
5	Деревня <i>Усольцова</i> , стоящая на нижней оконечности острова, также называе- маго Лиственничнымъ, ле- жащаго въ 12 верстахъ ниже перваго	32	89	98	
6	Деревня <i>Селенкина</i> , стоящая на верхней оконечности острова Аничкина, лежа- щаго въ 20 верстахъ ниже Лиственничнаго	41	141	137	Островъ Аничкинъ имѣтъ до 12 верстъ длины и 1 вер- сту ширины и въ большія пол- новодія также затопляется.
7	Село <i>Пановское</i> (или Пан- чино) стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки при впаденіи рѣчки Еган- бы, въ 12 верстахъ ниже острова Аничкина	80	261	269	
8	Деревня <i>Аксенова</i> стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки при рѣчкѣ Исто- чной, въ 18 верстахъ отъ села Пановскаго	20	38	44	Близъ деревни Аксеновой добывается жителями Листвен- ничная бумага. <i>Смотри опи- саніе Лиственничной бумаги</i> (ниже таблицы).
9	Деревня <i>Верпележемская</i> (или Мозговая) стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Верх- некежемской, въ 16 вер-				

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число до- мовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
10	стахъ ниже деревни Ак- сеновой. . . . . Село <i>Кежемское</i> стоитъ на правомъ берегу рѣки Верх- ней Тунгузки, при впаде- ніи рѣчки Кежмы, въ 12-ти верстахъ ниже деревни Верхнекежемской	39	86	89	
11	Деревня <i>Займская</i> стоитъ на верхней оконечности острова Тургенева, лежа- щаго среди Верхней Тун- гузки, въ 44-хъ верстахъ ниже села Кежемскаго . .	173	453	444	Островъ Тургеневъ имѣетъ 24 версты въ длину и 4 въ ширину, изобилуетъ хорошими сѣнокосами.
12	Деревня <i>Недокурская</i> сто- итъ на лѣвой сторонѣ Верх- ней Тунгузки на рѣчкѣ Недокурѣ, въ 20 верст. отъ деревни Займской. . .	67	190	190	
13	Деревня <i>Алешкина</i> стоитъ на нижней оконечности то- го же Тургенева острова, въ 8-ми верстахъ отъ де- ревни Недокурской.	8	21	33	
14	Деревня <i>Ковенская</i> стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки при впаденіи рѣчки Ковы, въ 36 верст. отъ дер. Алешкиной	38	79	79	Близъ деревни Ковенской находится одинъ изъ трехъ главнѣйшихъ пороговъ Анга- ры, называемый Аплинскій. <i>Смотри описаніе Аплинскаго порога рѣчки Ковы.</i>
15	Село <i>Кашиношиверское</i> сто- итъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 4-хъ верстахъ отъ дер. Дворецъ.	22	67	75	Близъ села Кашиношивер- скаго находился монастырь. <i>Смотри преданіе о монастырѣ.</i>
16	Деревня <i>Рожковская</i> сто- итъ на лѣвой сторонѣ Верх- ней Тунгузки при рѣчкѣ Верхнекаменной, въ 20-ти верстахъ отъ села Каши- ношиверскаго	23	64	68	
17	Деревня <i>Сосновская</i> , стоитъ на нижней оконечности острова Сосноваго, лежа- щаго на Верхней Тунгузкѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ де- ревни Рожковской	8	27	27	Островъ Сосновый имѣетъ въ длину до 10 версты, въ ширину отъ 1/2 до 1 версты.
18	Деревня <i>Пашенная</i> (или Островная) стоитъ на лѣ- вой сторонѣ Верхней Тун- гузки, противъ рукава рѣч- ки Кежмы, впадающаго съ правой стороны въ Верх-	16	76	66	

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число до- мовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
19	Деревня <i>Простихинская</i> (или <i>Кодѣ</i>), стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки, при впаденіи рѣчки Сухой, въ 8-ми верстахъ отъ деревни Пашенной.	25	92	106	
20	Деревня <i>Кодинская</i> (или <i>Кодѣ</i>), стоитъ на правой сторонѣ Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Кодѣ, въ 20-ти верстахъ отъ деревни Простихинской	19	37	57	
21	Деревня <i>Сыромошова</i> (или <i>Зарѣчная</i>) стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки, въ 10-ти верстахъ отъ деревни Кодинской. .	8	17	20	
		694	1,932	2,008	

Итого на всемъ громаднѣйшемъ протяженіи Кежемской волости, по теченію Ангары, съ неизмѣримыми по сторонамъ пустынями, заросшими вѣковыми лѣсами и перерѣзанными въ разныхъ направленіяхъ отрогами горъ, находится только 3 села и 18 деревень, а въ нихъ 694 дома съ 1,932 человѣками мужчинъ и 2,008 женщинъ. О деревняхъ, находящихся на островахъ и въ весеннее половодіе затопляемыхъ, слѣдовало бы позаботиться мѣстному начальству, потому что жители подвергаются отъ частыхъ наводненій раззоренію. Верхняя Тунгузка въ обыкновенное время бываетъ шириною отъ 1 до 4 верстъ, а весною до 5 верстъ. Шиверовъ въ Кежемской волости 13, изъ нихъ главныхъ 4: Медвѣжье, Горохово, Кашино и Игреньково. Переправъ черезъ Верхнюю Тунгузку 9; переправляются на большихъ лодкахъ и употребляютъ времени на переправу въ тихую погоду не менѣе одного часа. Половодіе весеннее стоитъ дней до 20 и болѣе; вода поднимается сажень до 4, но заливаешь мало, потому что берега крутые и высокіе. По рѣчкѣ въ этой волости ходятъ барки и особый родъ мелкихъ судовъ изъ Иркутска, называемыхъ павозками. Суда эти поднимаютъ отъ 2 до 6 тысячъ пудовъ, погружаются въ воду на 5 и на 6 четвертей. Число рабочихъ на каждомъ суднѣ при сплавѣ внизъ по те-

ченію человѣкъ до 12; вверхъ же по теченію никакихъ судовъ не плаваютъ. Число проходящихъ судовъ, въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ, простирается до 400. Мельницъ на Верхней Тунгузкѣ нѣтъ, а каждый изъ жителей для перемола имѣетъ у себя дома ручныя мельницы. Рыбы въ Верхней Тунгузкѣ много: изъ большихъ — стерляди, осетры, таймени, щуки и налимы; а также много разныхъ породъ мелкихъ рыбъ. Озера въ Кежемской волости хотя и есть, но небольшія и не приносящія жителямъ никакой пользы. Болотъ въ мѣстахъ таежныхъ (лѣсныхъ) много.

Примѣчаніе 1. Описаніе листовничной бумаги.

Близъ деревни Аксеновой, стоящей одиноко, на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Источной имѣется въ лѣсу (пѣронтно отъ прежнихъ разливовъ и застоевъ воды) много разной гнили и между нею умершія листовницы, какъ свалившіяся уже, такъ и стоящія еще, имѣютъ на мѣстѣ сердцевины особыя пластинчатая извилины, на ощупь и по цвѣту въ родѣ замши; называются онѣ листовничною бумагою; извивы эти соотвѣтствуютъ извивамъ бывшей сердцевины; пластъ лежитъ на пластѣ и нерѣдко извивины бывають до поларшина ширины; жители употребляютъ эту бумагу съ особенною пользою въ порѣзахъ и даже гнилыхъ ранахъ.

Примѣчаніе 2. Описаніе Аплинскаго порога, рѣчки Ковы и Сопки.

Въ 100 верстахъ внизъ отъ села Кежемскаго и въ 8 верстахъ выше деревни Ковенской находится одинъ изъ трехъ главнѣйшихъ пороговъ Ангарты, называемый „Аплинскимъ“; порогъ этотъ лежитъ чрезъ всю рѣку на версту длиною и состоитъ изъ двухъ скатовъ, или по туземному двухъ „залавковъ“, такъ что вода съ шумомъ и брызгами, срываясь съ одного ската, бьется о другой.

Въ 8 верстахъ ниже порога, при деревнѣ Ковинской, лежащей на лѣвомъ берегу, впадаетъ въ Верхнюю Тунгузку рѣчка Кова, замѣчательная по богатству природы; по ней находятся отличныя сѣнокосныя и хлѣбопахатныя мѣста; верстъ на 200 отъ устья къ верховьямъ ея, купецъ Морозовъ нашелъ сплошно лежащій каменный уголь; тамъ же найденъ и малахитъ, но не лучшаго сорта и могущій быть годнымъ только для краски. Не смотря на хорошее мѣстоположеніе по Ковѣ, она остается незаселенною. Мѣста такъ хороши, что жители селеній,

по Тунгузкѣ расположенныхъ, устроили по Ковѣ, на разстояніи 50—60 верстъ отъ жилья, маленькіе домики, называемые зимовьями. На это вызваны они, какъ нуждающіеся въ плодородныхъ земляхъ для сѣнокоса и преимущественно для хлѣбопашества; почему эти поселяне и проживаютъ тамъ, для работъ, сѣнокосное и жатвенное время, заготовляя все необходимое для себя и для скота. Южная мѣстность по рѣкѣ Ковѣ столь привлекательна для жителей околныхъ по Тунгузкѣ деревень, что если бы имъ дозволило начальство туда переселиться, то въ нѣсколько дней перебрались бы съ радостію, оставивъ свои дома. Мы думаемъ, что этого нельзя допустить вдругъ, потому что запустѣютъ станціи, но все таки желаемъ, чтобы правительство воспользовалось этимъ свѣдѣніемъ нашимъ и заселило прекрасныя мѣста, если не для блага самихъ заселяемыхъ, то въ видахъ пользы всего края, потому что плодородныя мѣста по Ковѣ, могли бы снабжать хлѣбомъ небогатый Богучанскій край.

Хребты, между которыми бьется и изливается Верхняя Тунгузка, нерѣдко возвышаются отдѣльными сопками, гдѣ нѣтъ уже лѣсовъ и голыя горы завершаются чернымъ камнемъ; одна изъ таковыхъ сопокъ, вздымающаяся при устьѣ Ковы, называется Ковенскою и имѣетъ на самой вершинѣ своей провалъ, въ видѣ конуса, наполненный водою. Глубина этого провала съ водою считается неизмѣримою и стоящая въ немъ неподвижно какъ въ чашѣ, вода имѣетъ солоноватый вкусъ и сѣрнистый запахъ, чѣмъ особенно доказывается происхожденіе изъ погасшаго вулкана.

Примѣчаніе 3. Преданіе о монастырѣ.

Село Кашпиношиверское стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, хотя мѣстность и не представляетъ никакихъ выгодъ. Причина его существованія открывается изъ преданій народа и свѣдѣтельствъ живыхъ стариковъ: прежде на этомъ мѣстѣ былъ монастырь; но онъ лѣтъ болѣе 80 назадъ сожженъ разбойниками и монахи убиты, кромѣ одного; за тѣмъ было еще небольшое братство и въ уцѣлѣвшей настоятельской кельи разрѣшено было архіепископомъ иркутскимъ Иннокентіемъ служить; потомъ и эта келья сгорѣла; братство исчезло, но Енисейскій купецъ Захаръ Толстыхъ, побуждаемый религіознымъ чувствомъ, построилъ тутъ каменную церковь, которая, кромѣ прихожанъ, поддерживается и до сихъ поръ бывшею женою Толстыхъ Аграфеною Григорьевною Басниной.

Волость Пинчугская прилегаетъ къ волости Кежемской, въ ней деревни:

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число до- мовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
1	Село <i>Чадобское</i> стоитъ на правой сторонѣ Верхней Тунгузки при впаденіи рѣчки Чадобецъ, въ 10-ти верстахъ отъ деревни Сыромологовой, Кежемской волости	26	83	84	Близъ села Чадобскаго находится соляной источникъ. <i>Смотри описаніе солянаго источника.</i>
2	Деревня <i>Яркинская</i> стоитъ на рѣчкѣ Чадобецъ, на 82 верстѣ вверхъ отъ ея впаденія въ Верхнюю Тунгузку	32	116	120	
3	Деревня <i>Заледѣвская</i> стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 4-хъ верстахъ отъ села Чадобскаго	32	114	116	
4	Деревня <i>Клименская</i> стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 4-хъ верстахъ отъ деревни Заледѣвской	21	83	84	Близъ деревни Заледѣвской кокуетъ Ятоульскій родъ Тунгузовъ.
5	Деревня <i>Пашутинская</i> стоитъ на правомъ берегу верхней Тунгузки, въ 26-ти верстахъ отъ деревни Клименской	10	31	30	
6	Деревня <i>Голтявинская</i> стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Голтявиной, въ 12-ти верстахъ отъ деревни Пашутинской	18	51	50	
7	Деревня <i>Бузыканова</i> стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Муры, на 42-й верстѣ вверхъ отъ впаденія ея въ Верхнюю Тунгузку	16	48	49	
8	Деревня <i>Ирбейская</i> (или Ирба) стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Муры, въ 15-ти верстахъ отъ деревни Бузыкановой	20	66	68	Близъ деревни Голтявиной находится Мурскій порогъ. <i>См. описаніе Мурскаго порога.</i> Здѣсь мы приостановимъ описаніе деревень, лежащихъ по берегамъ Верхней Тунгузки для того, чтобы подняться вверхъ по р. Мурѣ.
9	Деревня <i>Бидейская</i> стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Муры, въ 30-ти верстахъ отъ дер. Ирбейской . . .	27	89	90	
10	Деревня <i>Червянская</i> стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки				

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число до- мовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
11	Муры, въ 40 верстахъ отъ деревни Бидейской	51	180	181	
12	Деревня <i>Надуйская</i> стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Муры, въ 30 верстахъ отъ деревни Червянской . . .	14	55	56	
13	Деревня <i>Коноваловская</i> стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Муры, въ 23 верстахъ отъ деревни Надуйской	16	49	48	Близъ деревни Коноваловской козуетъ при рѣкѣ Кошухъ Нонудальскій родъ Тунгузовъ.
14	Деревня <i>Займская</i> стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 24-хъ верст. отъ деревни Голтявинской	23	79	78	
15	Село <i>Богучанское</i> стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки, въ 36-ти верст. отъ деревни Займской . .	29	95	98	
16	Деревня <i>Ярковая</i> (или Яркина) стоитъ на лѣвой сторонѣ рѣки Верхней Тунгузки, въ 24-хъ верстахъ отъ села Богучанскаго . .	21	94	96	Близъ деревни Ярковой козуетъ 2-й Кургуچارскій родъ Тунгузовъ.
17	Деревня <i>Пинчурская</i> стоитъ на лѣвой сторонѣ рѣки Верхней Тунгузки, въ 12-ти верстахъ отъ деревни Ярковой	38	123	126	
18	Деревня <i>Карабульская</i> стоитъ на рѣкѣ Карабулѣ, въ 70-ти верстахъ отъ впаденія ея въ Верхнюю Тунгузку	18	64	68	Въ вершинахъ р. Карабула приходилось видѣть крестьянамъ слѣды золота. Рѣка Карабулѣ беретъ свое начало съ хребта, отдѣляющаго р. Чуну, имѣющую далѣе назваться Тасѣвою, отъ В. Тунгузки до соединенія ея съ Тасѣвою. Если застѣдателью или лекарю, находящимся въ верхнихъ деревняхъ по В. Тунгузкѣ или на Карабулѣ, надобно попасть на Чуну, то изъ деревни Гавриловской есть дорога съ переваломъ чрезъ упомянутый сейчасъ хребетъ и волокъ этотъ считается въ 75 верстъ и кончается прѣздомъ въ деревню Малѣевскую на р. Чуиѣ. Безъ этого же, хотъ и неудобнаго перѣѣзда, нужно было бы употребить цѣлое лѣто на проѣздъ въ селенія по верховьямъ Чуны, сперва внизъ по Тунгузкѣ, а потомъ вверхъ по Чуиѣ.
18	Деревня <i>Гавриловская</i> стоитъ на рѣкѣ Карабулѣ, въ 25 верстахъ отъ деревни Карабульской. Тоже въ сторону отъ Верхней Тунгузки, на р. Карабулѣ . .	7	12	11	

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число до- мовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
19	Деревня <i>Иркинѣвская</i> сто- итъ на правой сторонѣ Верхн. Тунгузки, при впа- денія рѣчки Иркинѣвой, въ 14-ти верстахъ отъ дер. Пинчугской	48	164	167	
20	Деревня <i>Бѣдобинская</i> сто- итъ на рѣчкѣ Иркинѣвой, въ 55 верстахъ отъ впа- денія ея въ Верхнюю Тун- гузку	23	94	98	Близъ деревни Бѣдобинской кочуетъ 3-й Куркугирскій родъ Тунгузовъ.
21	Деревня <i>Манзинская</i> сто- итъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки при рѣч- кѣ Манзѣ, въ 33 верстахъ отъ дер. Иркинѣвой. . .	12	57	60	Близъ деревни Манзинской находится соляное озеро. <i>См. описаніе солянаго озера и ключей.</i>
22	Деревня <i>Каменская</i> стоитъ на правомъ берегу Верх- ней Тунгузки при впаденіи рѣчки Каменки, въ 24 верст. отъ деревни Манзинской.	53	176	180	Близъ деревни Каменки ко- чуетъ, при рѣчкѣ Ендѣ, Чер- ноусольскій родъ Тунгузовъ.
23	Деревня <i>Потоскуйская</i> сто- итъ на правой сторонѣ Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Нижней Ослянкѣ, въ 33½ верстахъ отъ дер. Каменской	8	28	29	Близъ деревни Потоскуйской можно добываться въ боль- шомъ количествѣ черная ка- менная плита.
24	Деревня <i>Быковская</i> стоитъ на правомъ берегу Верх- ней Тунгузки, въ 22 верст. отъ дер. Потоскуйской. .	3	10	11	
25	Деревня <i>Кокуйская</i> стоитъ на лѣвой сторонѣ Верхней Тунгузки при рѣчкѣ Ко- куѣ, въ 22 верстахъ отъ деревни Быковской. . . .	11	40	41	
26	Деревня <i>Мотыинская</i> сто- итъ на правой сторонѣ Верхней Тунгузки, при рѣчкѣ Рыбной, въ 30 вер- стахъ отъ дер. Кокуйской.	38	114	117	Въ этой деревнѣ есть кабакъ, лавочная торговля и нѣчто въ родѣ резиденцій золотопромы- шленниковъ, а также и хлѣбо- торговцевъ, особенно съ 1857 г., когда, по случаю страшной до- роговизны въ Енисейскѣ, стали скупать въ южную тайгу хлѣбъ, приплавляемый по Ангартѣ изъ Иркутска. Лѣтомъ 1859 г., при путешествіи моемъ на пріиски, я видѣлъ, въ августѣ, какъ пе- ревозили хлѣбъ на лошадяхъ, а дорога была покрыта ныр- ками и воза или тащились кое-какъ измученными лошада-

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число до- мовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жеп.	
27	Деревня <i>Зайцева</i> (или Коршунова и Шилгушкина) стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 7-ми верстахъ отъ деревни Матигинской.	12	56	60	ми, или разставлены были по сторонамъ, лошади поскакивали съ стреноженными ногами, а рабочіе лежали на землѣ у разведенныхъ огней.
28	Деревня <i>Пашенная</i> стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 6 верстахъ отъ дер. Зайцевой.	20	55	58	
29	Деревня <i>Бѣльская</i> стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 8-ми верстахъ отъ дер. Пашенной.	11	43	42	
30	Село <i>Рыбинское</i> стоитъ на правомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 4 верстахъ отъ деревни Бѣльской.	51	129	132	Между селомъ Рыбинскимъ и впадающей справа рѣкой Чорной, есть утесъ, голая стѣна котораго пачкается зеленымъ купоросомъ, выступающимъ изъ щелей. По увѣренію крестьянъ, тутъ есть мѣдная руда, что и интересно бы опредѣлить шурфовкою.
31	Деревня <i>Денисова</i> стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки, въ 2-хъ верстахъ отъ села Рыбинскаго.	15	56	57	Деревня Смѣтанна, послѣдняя въ Пинчутской волости, лежащая по теченію Верхней Тунгузки, за тѣмъ перейдемъ на рѣку Чуну. <i>Смотри описаніе рѣки Чуны.</i>
32	Деревня <i>Смѣтанна</i> стоитъ на лѣвомъ берегу Верхней Тунгузки, при рѣкѣ Смѣтанкѣ, въ 8-ми верст. отъ деревни Денисовой.	14	44	46	
33	Деревня <i>Болтурина</i> (или Ондрина) стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 31-й верстѣ отъ деревни Мирновой, стоящей при впаденіи р. Чукши въ Чуну.	19	84	89	
34	Деревня <i>Титамайская</i> (или Филькина) стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Чуны, въ 10-ти верстахъ отъ дер. Болтуриной.	15	70	72	
35	Деревня <i>Бунбуйская</i> стоитъ на лѣвой сторонѣ рѣки Чуны, при впаденіи въ нея				

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число до- мовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
36	рѣчки Бунбуй, въ 27-ми верстахъ отъ деревни Тахтамайской	17	56	60	
37	Деревня <i>Бѣдокская</i> стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Чуны, между деревнями Бунбуйской и Чунской	12	26	27	
38	Деревня <i>Чунская</i> (или Каменская) стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Чуны, между деревнями Тихтамайской и Бунбуйской	16	68	70	
39	Деревня <i>Неванская</i> (или Махначева) стоитъ при устьѣ рѣчки Неванки, впадающей съ лѣвой стороны въ рѣку Чуну, въ 20-ти верстахъ отъ дер. Чунской	18	86	90	
40	Деревня <i>Казинномысская</i> стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Чуны, въ 12-ти верстахъ отъ дер. Неванской.	11	65	61	
41	Деревня <i>Выдрина</i> (или Савина) стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Чуны, въ 54-хъ верстахъ отъ деревни Казинномысской	22	103	105	
42	Село <i>Петропавловское</i> стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 60 верстахъ отъ дер. Выдриной	14	60	70	60 верстъ разстоянія между ею и предъидущею деревней, замѣчательно огромными порогами, изъ которыхъ три на протяженіи 60 верстъ заставляютъ пробираться уже по берегу верхомъ на лошади, хотя смѣльчаки и проплываютъ въ маленькихъ челночкахъ.
43	Деревня <i>Березовская</i> стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 60-ти верстахъ отъ села Петропавловскаго, вверхъ по рѣкѣ Чуны.	14	56	58	
44	Деревня <i>Кондратьевская</i> стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 37-ми верстахъ отъ села Петропавловскаго, внизъ по теченію р. Чуны	18	68	66	
	Деревня <i>Ганькинская</i> стоитъ на правомъ берегу р. Чуны, между селомъ Петропавловскимъ и деревн. Березовской	11	54	56	

По порядку.	Названіе селъ и деревень.	Число до- мовъ.	Жителей.		Примѣчанія.
			Муж.	Жен.	
45	Деревня <i>Кадарейская</i> сто- итъ на правомъ берегу р. Чуны, въ 6-ти верстахъ внизъ отъ дер Кондратьев- ской	17	22	23	
46	Деревня <i>Хайская</i> стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 17-ти верстахъ отъ дер. Кадарейской . .	11	31	32	
47	Деревня <i>Малѣевская</i> сто- итъ на правомъ берегу р. Чуны, въ 17-ти верстахъ отъ деревни Хайской. . .	14	64	66	
48	Деревня <i>Гавриловская</i> сто- итъ на рѣкѣ Карабулѣ, въ 75-ти верстахъ отъ дер. Малѣевской	7	12	11	
49	Деревня <i>Ярковская</i> (или Яръ) стоитъ на правомъ берегу рѣки Чуны, въ 17 верстахъ отъ деревни Ма- лѣевской, внизъ по тече- нію р. Чуны	16	55	56	Яръ считается послѣднею де- ревнею по Чунѣ; но въ сто- рону отъ нея есть еще деревня Бедяпа, въ 40 верстахъ и такъ близко къ р. Онѣ, что нѣко- торыми считается стоящею при этой рѣкѣ.
	Итого въ Пинчугской волости	989	3,473	3,563	
	Всего въ Кежемской и Пин- чугской волостяхъ . . .	1,683	5,405	5,571	

*Примѣчаніе 1. Описаніе солянаго источника на рѣкѣ
Чадобецъ.*

Около 2-хъ верстъ выше устья рѣчки Чадобецъ, вблизи села Ча-
добскаго, на правомъ берегу рѣки Тунгузки, у подошвы высокой уте-
систой горы есть соляной источникъ: вода его выбивается изъ подъ
каменей фонтанами, чрезвычайно холодна и такъ на вкусъ солона, что
мѣстные жители варятъ въ ней рыбу, не употребляя уже соли; вода
этого источника не только не замерзаетъ, но даже, говорятъ, разрушаетъ
прибрежный ледъ, на который попадаетъ. Въ іюнѣ 1859 года вывезена
была для меня въ ведерной бутылѣ вода этого источника имѣвшимъ
командировку въ тотъ край собратомъ моимъ по службѣ почтеннымъ
г. Б. Стояла она болѣе полгода, не подвергшись никакому даже ма-

лѣйшему измѣненію. Изъ 25 фунтовъ этой воды, по фильтрованіи, оказалось около полуунціи глинистаго вещества, которое при взбалтываніи съ дистиллированной водой дало осадокъ известковый, отъ двууглекислой извести, находящейся въ растворѣ, изъ котораго отъ времени и отъ прикосновенія воздуха она осаждается. Глинистое вещество есть механическая случайная примѣсь, а известковое схвачено, вѣроятно, водою съ ложа сколько нибудь известковаго. Реагенты же показали, что составныя части воды только и есть солянокислыя и сѣрнокислыя соли. Изъ 12 фунтовъ выпаривавшейся жидкости получилось 56 гранъ хлористаго натра (т. е. соли поваренной) и 38 гранъ сѣрнокислой соды (т. е. соли глауберовой). Это отдѣленіе окончательно показала кристаллизациа. Собственно же реагенты показывали слѣдующее: 1) *Lapis infernalis* далъ бѣлый, перешедшій въ фіолетовый, осадокъ, — это означаетъ присутствіе хлористой соли. 2) Хлористый барій далъ бѣлый осадокъ сѣрнокислаго барита, — это означаетъ присутствіе сѣрнокислой соли. 3) Сѣрнистый водородъ не сдѣлалъ никакого измѣненія ни въ самой разлагавшейся водѣ, ни даже въ водѣ по прибавленіи къ ней соляной кислоты, до реакціи кислой. Такая соль защищаетъ жителей отъ зобатости, лечитъ золотуху и ревматизмы; а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ и средство солить рыбу, образовавъ предварительно, выпариваніемъ, крѣпкій рассолъ. Присовокупляю, что вышеупомянутое разрушеніе льда, вѣроятно, происходитъ отъ известковой примѣси отъ грунта.

Примѣчаніе 2. Описаніе Мурскаго порога.

Выше деревни Голтявиной 8 верстъ, впадаетъ въ Верхнюю Тунгузку, съ лѣвой стороны ея, рѣка Мура. Эта горная рѣка для впаденія въ Тунгузку, вѣроятно, пробилла утесы, потому что противъ ея устья, чрезъ все теченіе Тунгузки, лежитъ самый страшный изъ всѣхъ пороговъ, называемый Мурскимъ. Онъ особенно страшенъ при маловодьи, когда вода бьется объ утесистые, каменистые берега и далеко, далеко, по крайней мѣрѣ за 10 верстъ по теченію, несется шумъ этого порога.

*Примѣчаніе 3. Описаніе солянаго озера и ключей по рѣкѣ
Манзѣ.*

Въ 50 верстахъ вверхъ по теченію рѣчки Манзы, впадающей съ лѣвой стороны въ Верхнюю Тунгузку, находится соляной ключъ, изъ котораго въ 10 саженьхъ образовалось озеро въ $4\frac{1}{2}$ сажени длиною, 2 сажени шириною и 1 аршинъ глубиною. Въ іюль мѣсяцъ прошлаго 1860 года дошло до меня свѣдѣніе о вышеупомянутыхъ соляныхъ водахъ и приняты мѣры къ полученію воды для разложеній. Вода привезена была въ 2-хъ берестенникахъ: въ одномъ вода заключалась изъ озера, въ другомъ же изъ двухъ ключиковъ, вытекающихъ изъ болѣе высокой горы на лѣвой сторонѣ противу озера и отстоящихъ между собою на 50-ть сажень. Сожалѣю, что эта доставка воды сдѣлана не совсѣмъ такъ, какъ слѣдовало. А именно: во-1-хъ, ключъ, изъ котораго образовалось озеро, гораздо менѣе самаго озера, потому и надобно было взять изъ ключа, какъ заключающаго растворъ болѣе концентрированный и осаливающаго только воду озера; между тѣмъ какъ вода взята изъ озера. Во-2-хъ, что другая вода изъ двухъ ключиковъ собрана въ одинъ берестенникъ изъ обоихъ, а вѣдь можетъ быть, что одинъ изъ нихъ заключаетъ болѣе соли, чѣмъ другой, хотя гора-то одна, слѣдовательно и составъ долженъ бы былъ быть одинаковъ. По этому надобно будетъ сдѣлать командировку для болѣе точныхъ изслѣдованій, а пока сдѣланы разложенія и того, что получено. Оказались слѣдующіе результаты, добытые тѣми же реагентами, которые употреблялись при разложеніи предъидущихъ соляныхъ водъ. А именно: вода изъ озера на вкусъ слабо солона, реагенты показали присутствіе поваренной соли и какой-то сѣрнокислой соли, а выпариваніе 1 ф. разсола дало только 45 гранъ поваренной соли и 13 гранъ сѣрнокислой (по кристалламъ) магнезін (горькой соли). Вода же изъ ключей такъ солона, что непріятно брать въ ротъ, реагенты показали тоже поваренную соль и какую-то сѣрнокислую, а выпариваніе дало изъ одного же фунта 4 драхмы и 50 гранъ поваренной соли и 1 драхму и 25 гранъ сѣрнокислой (по кристаллизациѣ) магнезін. Можно предположить, что и въ ключѣ, осаливающимъ озеро, изъ котораго доставлена (ошибкою вмѣсто ключа) вода, такое же должно быть обиліе солей, какъ и въ этихъ двухъ ключахъ. Замѣчу еще, что и относительное содержаніе соли поваренной къ прочимъ солямъ въ этихъ ключахъ, равно какъ и въ Чадобскомъ, благоприятѣе, чѣмъ въ употребляемой въ Енисейскѣ соли, потому что въ

нашей соли примѣсей почти на половину противу поваренной собственно, а въ этихъ ключахъ только четвертая часть.

Примѣчаніе 4. Описаніе рѣки Чуны.

Рѣка Чуна, большая и весьма быстрая, течетъ она почти по одному направленію съ Верхней Тунгуской, отдѣляясь отъ послѣдней только хребтомъ горъ; пространство, ихъ раздѣляющее, до 250 верстъ. Чуна беретъ начало свое въ Нижнеудинскомъ округѣ изъ подземныхъ ключей, тундристыхъ болотъ и рѣчки Чукшп. За тѣмъ получаетъ названіе рѣки Уды, съ которымъ и подходитъ къ Енисейскому округу, гдѣ въ Пичугской волости получаетъ названіе Чуны. Тутъ течетъ она между невысокихъ, валунами идущихъ горъ, по почвѣ мѣстами песчаной, но болѣе каменистой и принимаетъ между другими рѣчками Бунбуй и Невянку. Она глубока и имѣетъ одиннадцать, неподалеку одинъ отъ другаго стоящихъ, такихъ пороговъ, что опасно плаваніе чрезъ нихъ не только въ лодкѣ, но даже на плотѣ, который можетъ разорваться ребрами выставившихся сѣровидныхъ камней. Пороги эти нѣкъмъ не были описаны и носятъ болѣе названія тунгусскія. Вотъ они по порядку: 1) Ашимеръ, 2) Араканъ, 3) Тюменецъ, 4) Хояняинъ, 5) Эчекутанъ, 6) Оранъ, 7) Араканъ малый, 8) Косой, 9) Соколъ, 10) Волгинъ и 11) Дуракъ. Острововъ на рѣкѣ почти нѣтъ и всѣ деревни расположены на берегахъ. Далѣе Чуна, которая шла, съ изворотами только, почти въ одномъ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ, на 800 верстъ, соединяется съ рѣкою Оной и составляетъ уже рѣку Тасѣву. Послѣдняя скоро поворачивается на юго-западъ для сдѣланія большаго изгиба, излучиной къ югу по сѣверо-западному углу Канскаго округа и за тѣмъ, поднявшись на сѣверо-западъ, впадаетъ, минуя стоящую на лѣвомъ ея берегу деревню Кандаки, въ Верхнюю Тунгуску. На 12-й верстѣ отъ устья ея устроены черезъ Тасѣву перевозъ на пріиски южной системы.

На Чуну никто, конечно, не ѣздитъ, кромѣ чпновниковъ. Они могутъ попасть въ селенія, на ней расположенныя, тремя путями, смотря потому, откуда отправляются. Если изъ Енисейска, то надобно, поднявшись по Ангарѣ, войти въ Тасѣву и, поднимаясь по ней, войти въ Чуну. Но этотъ, казалось бы самый естественный, путь неудобенъ для проѣзда, ни лѣтомъ, ни зимою, потому что на 300 верстъ отъ послѣдняго селенія по Тасѣвой до первой деревни по Чунѣ мѣста незаселенныя, пустынные, гдѣ зимою не бываетъ и слѣда дороги, а лѣтомъ не всякому захочется противъ воды тащиться 300 верстъ, не встрѣчая человѣка.

Если же чиновник находится въ верхнихъ селеніяхъ Пинчугской, или въ волости Кежемской, то можетъ попасть съ рѣки Муры, для чего надобно изъ послѣдней въ верховья р. Муры деревни Коноваловской пуститься тайгой въ лѣтнее время верхомъ, а въ зимнее на саняхъ; путь волокомъ длится 100 верстъ и кончается въ дер. Березовской, для того, вѣроятно, и стоящей на правомъ берегу Чуны, потому что нѣтъ другихъ причинъ, тогда какъ напротивъ ея порогъ на р. Чунѣ и нельзя перебраться на лѣвую сторону.

Примѣчаніе 5. О каменной плитѣ.

Мы видѣли, что въ двухъ верстахъ отъ дер. Потоскуйной, по теченію рѣчки Ослянки, можетъ добываться въ большомъ количествѣ черная каменная плита, весьма годная для настилки половъ. Плиту эту не надобно смѣшивать съ другою плитою по Ослянкѣ же, но гораздо выше по теченію, которая тверда только въ водѣ, а отъ вліянія воздуха распадается и слѣд. для настилки половъ не годна. Въ 1857 году р. Ослянка вошла въ оброчную статью казенной палаты, а съ нею и эта каменоломня, и находящаяся неподалеку отъ Ослянки Точильная гора, на которой можно доставать отличный матеріалъ для точилъ. Не знаю, будетъ ли выгодно приобрѣтать плиту въ Енисейскѣ, съ поступленіемъ каменоломни въ оброчную статью. Но вотъ расчетъ, по которому было бы приобрѣтеніе ея очень выгодно для Енисейцевъ, гдѣ такъ дорогъ даже кирпичъ: доставку плиты можно произвести лѣтомъ на плотахъ по Верхней Тунгузкѣ; для этого нужно никакъ не болѣе двухъ плотовъ. Каждый плотъ изъ 40 лѣсина, поднимающій тяжести до 400 пуд., будетъ стоить на мѣстѣ по 20 р. с.; рабочими могутъ быть крестьяне деревни Потоскуйной человѣкъ по 4 и по 5 на плотъ, плата которымъ не болѣе 15 р. на человѣка; расходы же на добычу плиты и свозку ея къ берегу должны быть особо. Если же подрядить крестьянъ деревни Потоскуйной для добычи и доставки плиты въ Енисейскъ, то обойдется аршинъ ея не иначе, какъ по 75 к. сер. Впрочемъ, лѣтомъ 1859 года, когда мѣсто это было уже взято въ оброчную статью, за одну ломку крестьяне брали по 25 коп. сер. съ аршина.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что при деревнѣ Каменкѣ впадала р. Каменка. На систему этой рѣки, лѣтъ 15 тому назадъ, смотрѣли и частныя лица и правительство очами, полнымъ ожиданія. Ея система золотоносна.

Впадая въ Тунгузку съ правой стороны, Каменка на большомъ пространствѣ опускается съ сѣвера и принимаетъ на срединѣ этого теченія справа рѣчку Удоронгу. Верхняя половинна ея течетъ въ направленіи съ сѣверо-востока и на мѣстѣ измѣненія направленія принимаетъ съ запада (т. е. справа же) рѣчку Удерей. По имени этой рѣки и южная система золотыхъ рѣкъ называется удерейскою, хотя сюда же приходятъ вершины Татарки, впадающей прямо въ Тунгузку и вершины Пенченги, одного изъ большихъ притоковъ Пита, впадающаго въ Енисей и составляющаго главную систему сѣверной золотопромышленной тайги. Но такъ какъ мы будемъ описывать золотопромышленныя системы ниже, то здѣсь и будемъ излагать рѣчки не по раздѣленію системъ на сѣверную и южную, а по системамъ рѣкъ.

Рѣка *Удерей*. Мѣсто, гдѣ онъ беретъ свое начало (вмѣстѣ съ вершинами Пенченги и Татарской), можно назвать возвышенною (примѣрно до 1,000 футовъ надъ Тунгузкою) мѣстностью, испещренною мелкими горами въ столь различныхъ направленіяхъ, что составляетъ настоящій лабиринтъ: это—горное сплетеніе, въ коемъ не замѣтно никакого общаго направленія кряжей. Можно, только по направленію рѣчекъ и сухихъ логовъ, отдѣлять мелкіе хребтики, пересѣкающіеся подъ различными углами, черезъ что между ними и образуются долины, по большей части съ ключиками. Форма этихъ горокъ свойственна только наноснымъ породамъ, и особенно сланцевымъ, потому что онѣ большую частію продолговатыя съ полукруглыми скатами, тогда какъ при гранитѣ бываетъ болѣе выступовъ въ родѣ башенъ, а при вулканическихъ преобладаетъ форма сопокъ. Склоны горокъ имѣютъ паденіе то одинаковое съ обѣихъ сторонъ, что чаще при малыхъ рѣчкахъ, то одинъ скатъ съ обнаженіемъ и утесами, другой пологій, какъ по рѣчкамъ большимъ, наприм. по Удерею и по Мурожной. Всѣ горки южной системы состоятъ по преимуществу изъ глинистыхъ сланцевъ, лежа-

щихъ слоями разнообразной толщины, отъ мелкихъ тонкихъ плитокъ до весьма толстыхъ пластовъ; горы покрыты у подошвы своей наносами, происшедшими отъ разрушенія составляющихъ оныя породъ—это нижній слой, а на верху — растительнымъ слоемъ, мѣстами образовавшимся отъ разрушенія тѣхъ же породъ.

Между горками образуются мелкія долины, замѣчательныя тѣмъ, что въ нихъ залегаютъ золотыя россыпи и протекають ключи и рѣчки. Величина долинъ отъ самыхъ малыхъ, именуемыхъ „ложками“, достигаетъ отъ 5 верстъ даже до 100 длиною, а шириною отъ 4 сажень развѣ только до 300. Но можно, пожалуй, отрицать высказанную нами и длину и ширину долинъ, потому что съ боковъ безпрестанно подходятъ горки и хребты, которыми перерывается протяженіе долинъ и онѣ суживаются. Направленіе этихъ долинъ также бесконечно различно, какъ и направленіе составляющихъ ихъ хребтиковъ и горокъ. Покрыты онѣ наносами, состоящими изъ разрушенія тѣхъ же горныхъ породъ, которыя находятся въ верховьяхъ рѣчекъ, ихъ орошающихъ, и въ скатахъ горъ, которыми онѣ составляются.

Таковъ характеръ мѣстности, дающій начало тѣмъ ключикамъ, ручьямъ и рѣчкамъ, по которымъ ищетъ человѣкъ золото. Но въ этомъ лабиринтѣ сходящихся, подъ разными углами, хребтиковъ и горокъ можно различить нѣсколько главныхъ хребтовъ, съ которыхъ берутъ начало главные рѣчки. Самую главную возвышенность, лежащую въ вершинахъ *Удерей*, *Пенчени* и *Татарки* и служащую линією водораздѣла, нельзя назвать горою, а это только самая высокая площадь въ этой мѣстности. Съ нея и беретъ свое начало рѣка Удерей. Четвертая же рѣка южной системы — Мурожная, отдѣляется особымъ хребтикомъ и небольшою Шаулоконскою хребетъ отдѣляетъ ея вершины отъ золотоносныхъ вершинъ рѣчки Шаулокона (притока вершины Удерей).

Къ общему характеру рѣчекъ и рѣкъ этой (южной) золотоносной системы надобно прибавить: во-1-хъ, что большія рѣки и въ нижнихъ теченіяхъ своихъ имѣютъ берега утесистые, а въ верховьяхъ, равно какъ и большая часть малыхъ рѣчекъ имѣютъ одинъ берегъ съ крутымъ паденіемъ, а другой — пологій, что, впрочемъ, очень часто смѣняется между собою. Во-2-хъ, количество воды въ большихъ рѣкахъ (въ среднемъ теченіи ихъ и въ лѣтнее время) незначительно, такъ напр. ширина бываетъ отъ 10 до 40 сажень, при глубинѣ отъ $\frac{1}{4}$ аршина до двухъ и болѣе; малыя же рѣчушки, на которыхъ работаютъ промыслы, бѣдны водою и большая часть ихъ бываетъ шириною отъ 2 до 3 сажень, при такой глубинѣ, что въ засуху лѣтнюю не достаетъ у нѣкоторыхъ всей массы воды на обращеніе колеса, котораго дѣйствіе

равнялось бы шести паровымъ лошадямъ. Въ-3-хъ, паденіе рѣчекъ бываетъ довольно большое, отъ чего и теченіе ихъ очень быстро.

Приступимъ теперь къ вычисленію притоковъ Удерея, начиная съ верховьевъ: 1) 2) и 3) послѣ разныхъ, мелкихъ, безымянныхъ ключковъ слѣдуетъ — *Туктулаевка*, *Гурѣхта* (обѣ слѣва), и *Тактианка* (справа). 4) За тѣмъ, съ пріисками теперь работающими — *Большой* и *Малый Шаулкѣны* (справа); 5) за тѣмъ, какъ центръ пріисковъ, теперь работающих, *Большой*, *Малый* и *Средній Шааряны* (справа). 6) За тѣмъ Шалокитъ (слѣва) и отсюда внизъ золотоносныя росыпи лежатъ уже по рѣчкамъ, впадающимъ въ Удерея слѣва. А именно: 7) *Малая Пескина*, замѣчательная тѣмъ, во-1-хъ, что по ней на Спасскомъ пріискѣ глинистый сланецъ начинаетъ мѣшаться съ тальковымъ и хлоритовымъ; во-2-хъ, замѣчательна по ней въ геогностическомъ отношеніи Якимовскій пріискъ Рязанова. Лежитъ онъ при подошвѣ горы съ огромной и далеко простирающейся кварцовой жилой. Жила эта первобытная. Видно какъ глинистый сланецъ снесло съ нее по скату и остались выдавшіяся массы кварца. Въ этомъ мѣстѣ массы сглажены вѣтрами и имѣютъ расщелины, потому что въ оставшихся голыми массахъ кварца вода находитъ крошечныя углубленія, застываетъ въ нихъ, а отъ перемѣнъ температуръ съ теплой на холодную и на оборотъ производитъ болѣе и болѣе трещины на общемъ законѣ поперемяннаго сжиманія холодомъ и сушью, а растяженія — тепломъ и сыростью. Далѣе же отъ ската къ самой вершинѣ идетъ жила кварца уже прикрытою породами и растительностію. У самой подошвы этой жилы, на пріискѣ прежде уже брошенномъ, добыли въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ 8 пуд. золота на самомъ маломъ пространствѣ, слѣдовательно это уже очевидный сносъ металла. Вообще, въ этомъ мѣстѣ глинистый сланецъ пропитанъ кварцомъ, даже въ малѣйшихъ промежуткахъ, такъ что мы находили тутъ пріинтересные экземпляры. Принимая же въ соображеніе этотъ фактъ и находеніе въ другихъ мѣстахъ, какъ глинистыхъ сланцевъ, такъ и известняка съ прожилками кварцевыми, можно допустить, что, для такого пропитанія кварцомъ вышеприведенныхъ породъ, онъ долженъ былъ непремѣнно находиться въ жидкомъ состояніи, чтобъ такъ вдвинуться въ нихъ. Интересно бы въ вышинѣ этой горы очистить кварцъ, разсѣчь гору крестообразно и на узлѣ сдѣлать шурфъ. Замѣчу еще, что сопутствующая золоту и на сѣверной и на южной системахъ венисса находится въ этой системѣ едва замѣтною и подчпненною магнитному желѣзняку и сопровождается чернымъ шплатъ, тогда какъ на сѣверной она бываетъ большими кристаллами. Интересно бы также повторить, какъ можно основательнѣе, опыты Гофмана съ толченіемъ

кварца и глинистаго сланца, при чемъ онъ изъ послѣдняго получалъ золота гораздо болѣе; да, по моему мнѣнiю, такъ и должно быть уже по одному обилiю въ сландѣ глиняныхъ примазокъ, всегда обилующихъ золотомъ, по удобопроницаемости этого вещества. 8) *Большая Пескина*. 9) *Мамонъ*, побольше предъидущихъ притоковъ Удерей и замѣчательнѣе, между прочимъ, тѣмъ, что на Спасскомъ прискѣ есть свинцовая руда, идущая далеко въ гору; изъ пуда свинцоваго блеска, тутъ полученнаго, извлекается $\frac{1}{4}$ золотника серебра. Тунгузы давно знаютъ это мѣсто и по случаю большаго затрудненiя получать свинецъ, даже отъ недостатка его иногда въ казѣ, приготавливаютъ для своихъ винтовокъ пульки изъ этой руды. По Мамону же пришлось прослѣдить и присутствiе сѣрнаго колчедана. Его особенно много въ сланцахъ перегорѣвшихъ: въ однихъ кускахъ видны правильныя кубическiя пустоты; въ другихъ—правильные кубики сѣрнаго колчедана; въ третьихъ—разложенiе его частичками съ переходомъ въ бурый желѣзнякъ; въ четвертыхъ—остался только непельночерный налетъ, въ пятыхъ, что всего интереснѣе, оказались въ самой толщѣ кусковъ, при расколахъ ихъ, правильныя пустоты отъ бывшихъ кубиковъ сѣрнаго колчедана, тогда какъ и признаковъ бывшаго присутствiя его не осталось; въ шестыхъ, наконецъ, съ подобными пустотами попались куски сланцевъ, менѣе плотные и болѣе слоистые, въ которыхъ отчетливо былъ видѣнъ налетъ, на обѣихъ сторонахъ междуслойной спайки, отъ выпаривавшагося чрезъ эти поры сѣрнаго колчедана.

10 и 11) Съ той же, лѣвой стороны, впадаютъ въ Удерей: *Ючдадка* и *Шалокитъ*. А затѣмъ 12-я большая рѣка — *Ишимба*; ея вершины подходятъ къ вершинамъ самаго Удерей, помѣщаясь между ними и вершиной Малой Пенченги, идущей на сѣверъ для впаденiя въ рѣку Питъ; въ Ишимбу съ лѣвой стороны, идя съ верховьевъ, впадаютъ сперва *Тыинъ*, потомъ *Итыкитъ* и, наконецъ, *Чилипчанда*.

13-я изъ всѣхъ же дальнѣйшихъ притоковъ Удерей до самаго впаденiя его въ Каменку стоитъ упомянуть только *Арламкулъ*, впадающiй слѣва.

Этимъ мы окончили не описанiе Удерейской системы присковъ, а только описанiе системы водъ Удерей, какъ притока рѣки Каменки.

Продолжая же далѣе путь по Верхней Тунгузкѣ мы встрѣчаемъ на правой сторонѣ впаденiе рѣки „Рыбной“.

Эта рѣка Рыбная сблнжается вершинами своими съ верховьямъ Шааргановъ (притоковъ Удерей), слѣдовательно беретъ начало съ золотосодержащихъ мѣстъ. Въ вершинахъ ея — 1) и 2) *большая и малая Тамыя*. За тѣмъ — 3) и 4) слѣва *Афонькина*, а справа

Кривляжная. Первая рѣчка, поражающая глаза ѣдущаго въ первый разъ на пріиски, есть малая Талая: въ ней вы съ удивленіемъ увидите будто вмѣсто воды течетъ жидкое сусло, до такой степени мутною уже дѣлается вода ея отъ работающихъ въ верховьяхъ пріисковъ. На ней, первый по пути, находится Рождественскій пріискъ компаній Рязановыхъ, удивляющій путника оригинальностью и новизною пріисковой жизни и дѣятельности. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что, подъѣзжая, вы видите бѣлую гору, — это отличнѣйшій известнякъ, разрушающагося свойства, изъ котораго получается лучшая известь.

Послѣ Рыбной впадаетъ Тасѣва, составившаяся изъ Чуны и Оны. А именно: Чуна, которая шла, изворотами только, почти въ одномъ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ, на 800 верстъ, соединяется съ рѣкою Оной и составляетъ уже рѣку Тасѣву, скоро поворачивающуюся на юго-западъ для сдѣланія большаго изгиба, излучиной къ югу, по сѣверо-западному углу Канскаго округа и за тѣмъ, приподнявшись на сѣверо-западъ, впадаетъ, минуя стоящую на лѣвомъ ея берегу деревню Кандаки, въ Верхнюю Тунгузку, гдѣ на 12-й верстѣ отъ устья Тасѣвой устроенъ чрезъ нее перевозъ для проѣзда на пріиски южной системы. Но Тасѣва, прежде впаденія своего, принимаетъ съ лѣвой стороны еще въ Канскомъ округѣ чрезвычайно быструю рѣку Усолку, на которой Енисейцы еще въ 1641 году открыли соляные ключи. Тотчасъ за впаденіемъ Усолки (прежде называвшейся „Манза“) съ правой стороны Тасѣвой очевидна переходная формація: толстые пласты крупно-зернистаго сѣраго песчаника переслаиваются съ тонко-зернистыми сланцами. Скоро пласты сланцевъ дѣлаются совершенно вертикальными, получаютъ болѣе глины и измѣняютъ цвѣтъ изъ сѣроваатаго въ красный. Здѣсь, очевидно, начинается область золотоносности. Что же касается до гранита, являющагося вполне между рѣками Мурожной и Татарской, то надобно полагать, что и здѣсь онъ есть, но скрытъ. Потомъ еще, слѣдуя по Тасѣвой, можно видѣть, что обнаженія скрываются и выступаетъ сѣрый песчаникъ, ломаемый на точила. За нимъ является известнякъ сѣрый безъ окаменѣлостей (что тутъ рѣдкость). За тѣмъ въ Казачинской уже волости, противу деревни Кандаковой, возвышается на правомъ берегу скала изъ прекраснаго глинистаго сланца. Потомъ обнаженій не видно вовсе, и за 60 верстъ отъ устья Верхней Тунгузки, какъ и выше упомянуто, р. Тасѣва впадаетъ въ нее. Тутъ Тунгузка разлита на 6 верстъ. Устье Тасѣвой, по измѣренію г. Гофмана, находится на 106,2 парижскихъ футовъ ниже г. Красноярска.

Она (или Иона) въ верховьяхъ называется Бирюсой, а Бирюса,

какъ извѣстно, составляетъ особую золотопромышленную систему Канскаго округа, называемую Бирюсинскою, не смотря на то, что тутъ приходится своимъ верховьемъ и съ притоками р. Канъ. Изъ рѣкъ въ нее впадающихъ больше другихъ Хорма (самая золотоносная), Тагуль и Пойма. Сказаннаго объ этой рѣкѣ считаемъ достаточнымъ, потому что она не принадлежитъ къ Енисейскому округу и входитъ въ Пичугскую волость только за тѣмъ, чтобы ниже Оединой деревни соединиться съ Чуной для составленія Тасѣвой.

Будемъ слѣдовать далѣе по Ангартъ.

Между селомъ Рыбниковымъ и впадающей справа рѣкой *Чорной*, съ притокомъ Расохой, есть утесъ, голая стѣна котораго пачкается зеленымъ купоросомъ, выступающимъ изъ щелей. Мнѣ не удалось при путешествіи въ южную систему осмотрѣть это мѣсто: но, по увѣренію крестьянъ, тутъ есть мѣдная руда, что и интересно бы опредѣлить разшурфовкой.

За тѣмъ съ той же стороны впадаетъ сперва *Малая Мурожная*, а потомъ *Большая Мурожная*, имѣющая большое значеніе въ южной системѣ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа, потому что вершины отъ вершинъ Удерейскихъ отдѣляются только небольшимъ хребтикомъ. У Большой Мурожной различаютъ 2 вершины — правую и лѣвую (1). *Правая* отличается въ настоящее время, какъ подходящая къ вершинѣ Шаулюкона (притока Удеря), золотоносностью: въ нее впадаетъ слѣва *Боровая* (2), а справа *Талая* (3), *Верхняя Подюлечная* (4) и *Нижняя Подюлечная* (5). За тѣмъ въ Мурожную впадаютъ: справа *Чамбукли* (6); потомъ слѣва — *Тюрспина* (7) и справа — *Безимьянка* (8). Но Большой Мурожной стоитъ обратить вниманіе на слѣдующее: во-1-хъ, по Талой, въ дополнительномъ приискѣ къ Прокопьевскому Астахова, есть самый большой на южной системѣ пластъ въ 15 аршинъ; разрѣзъ этого пласта съ самыми разноцвѣтными глинами, полосы которыхъ идутъ сверху внизъ и пересѣкаются мягкими, какъ бы мыльными на ощупь бѣлками, гдѣ и золота вовсе нѣтъ. Во-2-хъ, есть въ вершинахъ Мурожной особая цѣпь горъ, называемая „гольцомъ“, или голешною сѣзрѣдка только поросшими лѣсомъ вершинами, отъ чего и самое названіе. Гора эта то поднимается, то падаетъ. Паденія ея и у Талой и у Верхней Подюлечной. А возвышенія всѣ состоятъ изъ мелкозернистаго зеленого камня и возвышены, по вычисленію г. Гофмана, на 1,878 футовъ надъ Красноярскомъ. Въ-3-хъ, на Мурожной на Второпавловскомъ приискѣ комп. Бенаардики есть самородочная мѣдь, лежащая на глинѣ и сланцахъ, особенно горѣлыхъ. Въ-4-хъ, стоитъ замѣтить, что глинистый сланецъ, какъ господствующая порода, пересѣ-

кается вблизи золотоносныхъ мѣстъ зеленымъ камнемъ, который мѣстами образуетъ самостоятельные холмы, а мѣстами измѣняетъ сланецъ, образуя особый минералъ, названный „хлостолитомъ“. Въ-5-хъ, на Мурожной у дороги съ южной системы на сѣверную, на приискъ г. Латкина, выступастъ явственно гранитъ, тогда какъ его до сего мѣста съ юга видно не было.

За тѣмъ, послѣ впаденія съ лѣвой стороны Тасѣвой ⁽¹⁾, впадаютъ справа одна за другой рѣчки: *Петричева*, *Шелеметева* и *Рудакова*; а послѣ нихъ большая рѣка *Татарская*. На всемъ этомъ протяженіи Верхняя Тунгузка продолжаетъ исподоволь подниматься на сѣверъ со склономъ на западъ; потомъ, принявъ Татарскую, дѣлаетъ на этомъ самомъ мѣстѣ крутой склонъ на сѣверо-западъ и подъ 58°27' широты соединяется съ Енисеемъ.

Вершины *Татарской* сходятся къ одиѣмъ высотамъ съ Пенченгою и Удереемъ. Съ вершиною Татарской сходится впадающая въ нее рѣчка *Индылы* и, соединясь, текутъ далѣе. За тѣмъ изъ притоковъ. Татарки на нижнемъ теченіи впадаютъ слѣва рѣчка *Сухая*, а справа *Никулина* и *Расоха*, черезъ которую дорога въ Климовское ⁽²⁾.

Выйдя изъ Пичугской волости и принимая слѣва рѣку Тасѣву, а справа за нею *Петричеву*, *Шелеметеву*, *Рудакову* и *Татарскую*, Верхняя Тунгузка имѣетъ длинный утесъ черносѣраго и мелкозернистаго, въ тонкихъ пластахъ, известняка, содержащаго сѣрный колчеданъ, слоистый по слоямъ; въ немъ есть также и жилы кварцовыя и лѣтъ вовсе окаменѣлостей. Такой известнякъ, составляющій оба берега Тунгузки, прекращается за 5 верстъ до соединенія ея съ Енисеемъ. А при впаденіи около порога выказывается свѣтлый и крупнозернистый гранитъ; изъ этого гранита составляются острова; да и самый порогъ, именуемый *Стрѣльскимъ*, составляется изъ того же гранита, пересѣкающаго рѣку поперекъ; тутъ русло Верхней Тунгузки изъ 4-хъ верстъ суживается въ 1 версту, а гранитныя скалы, частію выступающія изъ воды, частію прикрытыя ею, дѣлаютъ это мѣсто столь мелкимъ и для плаванія такъ опаснымъ, что безъ опытнаго вожака и проплыть невозможно. Порогъ Стрѣльскій ⁽³⁾ производитъ скорѣе пере-

(1) Это названіе дано рѣкѣ отъ кочевавшаго тутъ съ своимъ родомъ тунгускаго князя Тассея, покорившаго послѣ 1621 года и увлекшаго примѣромъ своимъ большія массы Тунгузовъ.

(2) Резиденція золотопромышленниковъ южной системы и съ нее идетъ зимняя дорога въ тайгу, лѣтняя же еще прокладывается.

(3) Отъ чего называется и деревня Усть-Стрѣлка, служащая складомъ хлѣбныхъ запасовъ для золотопромышленниковъ южной системы.

боръ, чѣмъ водопадъ. Такъ какъ для взаимосоединенія обѣ рѣки имѣютъ выгибы на западъ, то и образовался мысъ, на которомъ стоитъ деревня Усть-Стрѣлка, служащая для хлѣботорговцевъ однимъ изъ складочныхъ пунктовъ и лежащая на 174,2 фута ниже Красноярска. На правомъ же берегу Ангарты, слѣдовательно противъ Стрѣлки, является снова тотъ же известнякъ, въ который мѣстами вторгается гранитъ, а въ одномъ мѣстѣ между гранитомъ и известнякомъ есть трещина, въ которой, какъ плодъ растиранія, лежитъ землистая масса съ гальками. По соединеніи обѣихъ рѣкъ въ одну, каменистость праваго берега приостанавливается.

Предполагая возможность золотоносности на всей правой сторонѣ Енисея, между Татаркой и Питомъ, мы будемъ упоминать и небольшія рѣчки.

Версть болѣе 15 отступя, около деревни Абалаковой, является гранитъ мясно-краснаго цвѣта со вкрапленіемъ роговой обманки. Далѣе черезъ 3 версты справа впадаетъ рѣчка Костылевка. Далѣе черезъ столько же верстъ слѣва рѣчка *Бурмакина*, противу которой есть не совсѣмъ безопасный для плаванія *Бурмакинъ камень*. За тѣмъ впадаютъ съ правой стороны рѣка Рудакова съ притоками Дворцовой, Черной и Бобровой. За тѣмъ рѣчка Колесникова, потомъ Каменка, потомъ Зырянка.

Къ сѣверу отъ города Енисейска вступаетъ Енисей въ волость Анциферовскую и общее направленіе имѣетъ на сѣверъ. Теченіе его по этой волости считается на 430 верстъ. Всѣ селенія стоятъ по лѣвой сторонѣ Енисея, за исключеніемъ подгородныхъ, да основанныхъ для себя золотопромышленниками; тѣ уже на правомъ берегу. Къ подгороднымъ я отношу: *Нифантьеву* (противъ Енисейска) съ заведеніемъ компаніи Красильникова для складки припасовъ и отправки на ріпски по дорогѣ, тутъ и начинающейся, *Яркову*, *Ерыкалову*, *Ожигову*, *Чупрову*, *Ханжину*, *Самойлову*, *Подтесову* и *Черменину*, недалеко отъ впадающей рѣчки Черменки. Станки же идутъ по лѣвой сторонѣ. 1-й черезъ 12 верстъ отъ города—деревня *Усть-Кемская*, оставивъ на ближней къ городу половинѣ деревню *Телкину*. 2-й станокъ—деревня *Пагадаева* черезъ 27 верстъ, а въ промежуткѣ деревни: *Шадрина*, *Комаръ* и *Паршина*. Надобно также упомянуть стоящее противу Пагадаевой *Зотовское заведеніе*, могущее быть прекраснымъ мѣстомъ складки припасовъ, съ лѣта доставленныхъ туда на плотахъ; а перевозка зимою на ріпски отсюда удобна, потому что обѣ дороги, старая и новая, проходятъ на ріпски неподалеку. 3-й станокъ черезъ 12½ верстъ—деревня *Баженова*, подходя къ которой Енисей отворачивается на востокъ и, принявъ съ

правой стороны, следовательно почти противъ Баженовой, рѣку *Черную*, круто поворачиваетъ на западъ ⁽¹⁾. Правый берегъ р. Черной составляетъ горная (фүтовъ въ 200) возвышенность, которая провожаетъ и правый берегъ Енисея по теченію. Горы эти состоятъ изъ сіенита, цвѣтъ которому сообщается большими полевошпатовыми кристаллами мяснокраснаго цвѣта. Черезъ Черную идутъ обѣ старо и новонифантьевскія дороги. 4-хъ станокъ черезъ 25 верстъ (по счету жителей)—*Анцыферовская волость* (д. Анцыферова). Почти противъ нея впадаютъ справа рѣки Кытыпча и Маркова. 5 и 6 станки—деревня *Михалева* и и село *Пятницкое*, на пространствѣ до 38 верстъ. Тутъ недалеко деревня *Нижне-Усть-Питская*. А потомъ справа впадаетъ рѣка Питъ, у устья которой стоитъ также деревня, служащая и мѣстомъ складки товаровъ, особенно хлѣба, на случай надобности въ лѣтней отправкѣ на пріиски. Тутъ мы остановимъ свое путешествіе по Енисею для того, чтобы прослѣдить, какъ должно, всю водную систему, знаменитаго золотonosными россыпями, Пита. По имени этой рѣки и сѣверная система золотыхъ пріисковъ названа „Питскою“, хотя вѣриѣ бы назвать „Тейскою“, потому что болѣе пріисковъ по системѣ р. Теи съ ея притоками, впадающей въ Вельму, которая вливается въ Подкаменную Тунгузку. Нѣкоторые изъ притовъ Пита, къ югу лежащихъ, наприм. Пенчиги Большая и Малая, принадлежатъ къ южной системѣ, такъ что будто Питъ составляетъ границу между обѣими системами. Словомъ, хоть и можно южную систему отдѣлить отъ сѣверной слѣдующими границами: съ запада и сѣверо-запада Енисеемъ, съ юга, юго-востока и востока Средней Тунгузкой, съ сѣвера Питомъ; но такъ какъ къ югу отъ Пита много остается мѣстностей неизвѣданныхъ, то и съ южной системы идутъ съ каждымъ годомъ на сѣверъ новыя заявки пріисковъ, такъ что, можетъ быть, скоро и обѣ системы сольются, при чемъ уже раздѣленіе на системы для управленія, навѣрно, измѣнится и будетъ соответствовать системамъ рѣкъ. Сѣверной же, или Питской, системой называется теперь не водная система рѣки Пита, а все пространство, на сѣверъ отъ него лежащее, до Подкаменной Тунгузки и съ запада обрамленное Енисеемъ.

Горы Каламинскія и особо стоящая гора Чирада составляютъ центръ высотъ, дающихъ начало ручьямъ и рѣчкамъ, которые, мало по малу сливаясь между собою, составляютъ тѣ рѣки, изъ которыхъ: направившихся съ южныхъ скатовъ на югъ, составляется Питъ, впадающій въ Енисей, а изъ стекшихъ сѣверныхъ скатовъ и направившихся на сѣ-

---

⁽¹⁾ Здѣсь спирается ледъ, что можетъ помогать появленію наводненій.

веръ — рѣка Вельма, впадающая въ Подкаменную Тунгузку. И такъ, Питъ беретъ начало свое съ южныхъ склоновъ этихъ горъ. Его составляютъ въ началѣ два главныхъ притока: болѣе съ сѣверо-запада идущая рѣка *Чиримба* и болѣе съ сѣверо-востока идущая рѣка *Вангаши*. Въ мѣсто расхожденія ихъ приходитъ съ сѣвера Енашимо (главный притокъ Теи) съ своими притоками и по преимуществу съ верховьями Калами. Чиримба считается главною противу Вангаши и, соединясь съ послѣднею, рѣка продолжаетъ среднее между ними направление на юго-востокъ, но сохраняетъ названіе Чиримбы до самаго впаденія въ Питъ, продолжающійся далеко на востокъ. Замѣчательно, что часть Пита, которая идетъ отъ соединенія съ Чиримбой, не входитъ въ составъ золотопромышленной системы, отчасти можетъ быть и потому, что еще не изслѣдована. По крайней мѣрѣ для гг. золотопромышленниковъ, въ настоящее время, со впаденіемъ Чиримбы кончается и пріисковая Питская система, какъ будто далѣе нѣтъ уже Пита.

Опишемъ Вангашу и Чиримбу особо. Нѣсколько отступя отъ отклонившейся на востокъ вершины Вангаши, впадаетъ въ нее съ правой стороны *Актоликъ*, берущій начало тремя вершинками съ горы дѣленія водъ, какъ разъ въ срединѣ между вершинами съ сѣвера Севагликона и съ юга Калами, богатѣйшими притоками Енашимо. Потому и россыпи по Актолику отличаются золотоносностью. По лѣвому истоку Актолика глинистый сланецъ со слюдою и толстыя жилы кварца со стекляннмъ блескомъ; по среднему — сланецъ слюдяной, а по правому и глинистый, и слюдяной; средній истокъ замѣчательнъ еще тѣмъ, что у пріиска Екатерининскаго въ сланцѣ есть жила кварца, занозистаго излома, отдѣляющаяся вывѣтренымъ сланцемъ отъ другой жилы, похожей на песчаникъ, и состоящей изъ измелъчевнаго воздухомъ, выступа гранита. За тѣмъ слѣва противъ Актолика впадаетъ *Олондыкѡнъ*. Потомъ справа *Кококо* и *Шевандѡкъ*; слѣва *Кѡня*, *Когай*, *Мыданъ*, *Большой Количикѡнъ* и *Малый Количикѡнъ*.

Чиримба въ верховьяхъ своихъ, болѣе на западъ отклоненныхъ, не представляетъ ничего особеннаго. Важнѣе впадающая въ нее рѣка *Еруда*, какъ приближающаяся въ золотосодержащимъ вершинамъ Гуракты и Калами, въ нее впадаетъ съ востока рѣка *Талалъ*; за тѣмъ по соединеніи Еруды съ Талою впадаетъ справа (т. е. съ запада) рѣчка *Маякѡнъ*.

Чиримба какъ рѣка, составившаяся уже изъ верховьевъ Чиримбы и изъ Вангаши принимаетъ въ себя: слѣва Когай, Таврикъ, Педуль и Морокъ: Сама Чиримба и притоки собственно ея, а не Вангаши и не Еруды, золотыми россыпями не обильна и долина ея отличается чер-

нымъ сланцемъ, переходящимъ въ свѣтлый и ноздреватый; гранита же не видно.

За тѣмъ Пять дѣлаетъ небольшую излучину къ югу и принимаетъ въ ней, съ лѣвой стороны, р. *Горбилокъ*, текущую къ Питу съ юго-востока и принимающую: сперва *Коченду* справа; потомъ слѣва *Тужимъ*, съ притоками лѣвыми *Мойдохъ*, *Ольмонахъ* и *Невѣкта*; за тѣмъ слѣва же *Ломанчиканъ*, а справа еще *Коченду* и *Притыну*.

За тѣмъ будетъ переборъ лѣсами, да горами, да рѣчками съ сѣверной системы, съ Пята, на южную. Тутъ по лѣвому берегу Пята есть бѣлый плотный известнякъ, лежащій толстымъ слоемъ въ глинистомъ сланцѣ. Далѣе топкое болото, которымъ какъ будто отдѣляются сланцевыя горы отъ горы появившагося гранита, что, по вычисленію г. Гофмана, на 1033,5 фут. выше Красноярска. Гранитъ этотъ состоитъ изъ полеваго шпата свѣтложелтаго цвѣта, роговой обманки, черной слюды и бѣлаго кварца. Потомъ, приближаясь къ рѣкѣ Пенченгѣ, гранитъ исчезаетъ и по долинѣ Пенченги черный сланецъ переходитъ только въ свѣтлый, а за тѣмъ у Момона является глинистый сланецъ съ кварцевыми жилами.

Со впаденія Горбилока Пять поворачиваетъ на западъ и, дѣлая множество разнообразныхъ извилинъ, сохраняетъ общее направленіе свое на западъ до самаго впаденія въ Енисей. Тутъ, неподалеку отъ Горбилока, съ лѣвой же стороны впадаетъ рѣка *Пенченга*. Гдѣ, на какихъ высотахъ и съ какого склона беретъ она свое начало—мы уже знаемъ изъ описанія южной системы пріисковъ (т. е. Удереиской). Составляется она изъ двухъ главныхъ вѣтвей, изъ которыхъ западная, сходящаяся съ вершинами Татарской, называется „Большой Пенченгой“, а восточная, сходящаяся съ притокомъ Удерея-Ишимбой, называется „Малою Пенченгой“. Провожается Пенченга, верстъ на 40, особымъ хребтомъ горъ, называемымъ „Пенченскимъ“. Есть по Пенченгѣ известняки, только не разрушныя, плотные, цвѣта сѣроваго, въ известъ негодные. И Большая, и Малая Пенченги отличаются особенною шпирною долинь. Притоки: сперва Большая Пенченга принимаетъ Кочию и Бельтоганъ; потомъ, соединясь съ Малою Пенченгой, принимаетъ *Чилько* справа, *Томпо* и *Оллонокъ* (слѣва), *Эно*, *Хюна* и *Рюна* (справа). Зимой 1859 г. получено мною интересное свѣдѣніе о томъ, что въ окрестностяхъ Ивановскаго пріиска компаніи Рязановыхъ по ключику, впадающему въ Пенченгу, Тунгузы открыли гору свинцовой руды.

По впаденіи Пенченги Пять принимаетъ справа *Таврикъ*; слѣва *Аяхту*, справа *Понимбу*, которая вершинами сходится съ вершинами Чиримбы, слѣдовательно спускается съ сѣвера на югъ, склоняясь нѣ-

сколько на востокъ и принимаетъ въ себя слѣва *Шалокитъ* и *Кадру*, а пониже Шалокита пересѣкаетъ Понимбу старонифантьевская дорога, переходящая черезъ Чиримбу, Еруду, Талую и вершину Калами. Потомъ тутъ принимаетъ слѣва *Кадру* съ притоками: *Нижнимъ* и *Верхнимъ Севаликономъ*, а также *Кандышимо*, противу которой справа *Вегуду*, а за него рѣчушку *Уруми* и рѣку *Брянку*. Черезъ Вегуду и Брянку идетъ старонифантьевская дорога. Зимовье на устьѣ Брянки всегда играло роль, потому что съ него дорога поворачивала въ тайгу, тогда какъ до того шла Питомъ и правымъ его берегомъ. За тѣмъ: слѣва *Мужекъ*; справа *Алендаха*, рѣка болѣе даже Вегуды и не менѣе Понимбы; слѣва *Аланъ*; справа *Аку*; слѣва *Топканъ* и *Немчаны*; справа *Тилиптунъ*; слѣва *Малашинокъ*; справа *Малая* и *Большая Каимбы*; слѣва *Юаръ* и *Хомолъ*; справа *Хомокъ*; наконецъ слѣва весьма большая рѣка „*Сухой Питъ*“, вершины котораго находятся далеко на востокѣ, съ сѣвера противу вершинъ Большой Пенченги течение направляется съ востока на западъ и на мѣстѣ изгиба на сѣверъ, для впаденія въ сдѣланную Питомъ большую излучину на югъ, принимаетъ слѣва „*Большую Огнѣ*“, а за тѣмъ „*Малую Огнѣ*“. Послѣ Сухаго Пита впадаетъ въ Питъ справа: *Юлаи*, *Тынтынды*, *Кураи*, *Каникичъ*, *Таверикъ* и *Ключикъ Точильный*.

Всѣ эти притоки Пита, послѣ Пенченги, до сихъ поръ не получили значенія по золотоноснымъ розсыпямъ, но въ настоящее время имѣютъ значеніе, потому что лежатъ по дорогѣ на пріиски, и безъ знанія ихъ будетъ потомъ непонятно описаніе дорогъ пріисковыхъ. А это имѣетъ теперь въ Енисейскѣ современный интересъ. Питъ же, кромѣ того, годенъ болѣе или менѣе и для лѣтней доставки припасовъ; она производится на палубныхъ лодкахъ, которыхъ съ 1854 до 1859 года ушло къ пріискамъ съ устья 500.

Будемъ опять продолжать путь по Енисею. . . . *

7-й станокъ—деревня *Гурина*, черезъ 25 верстѣ, но, не доплывая его и нѣсколько ниже устья Пита, только съ лѣвой стороны, какъ и всѣ станки, стоитъ *Голубковское заведеніе*, также съ цѣлью складовъ. 8-й станокъ—деревня *Савина*—по почтовому расчету черезъ 25^{1/2} верстѣ, по счету туземцевъ черезъ 40 верстѣ (1). На срединѣ этого станка съ лѣвой же стороны впадаетъ рѣчка Половинная, а у деревни—рѣчка Савина. Съ правой же стороны, почти противъ Половинной, впадаетъ рѣчка *Кій*, имѣющая теченія верстѣ на 150; на нее обращаютъ уже вни-

(1) Такое большое различіе зависитъ отъ того, что крестьяне считаютъ версты на береговомъ протяженіи, а не съ мыса на мысъ прямо, какъ почтовые тракты считаются, а также и не по зимней дорогѣ.

маніе нѣкоторые золотопромышленники. По правому берегу Енисея, бывшаго нѣкоторое пространство передъ тѣмъ пологимъ, является отдѣльными обломками красный и бѣлый песчаникъ. Далѣе, вверхъ по теченію, возвышаются по правому берегу мѣстами скалы, мѣстами каменные острова, называемые „кармакулами“. Составомъ тѣхъ и другихъ служить гранитъ крупнозернистый, свѣтлосѣраго цвѣта.

9-й станокъ—деревня *Остяцкая* (черезъ 32 версты). Жители деревни Савиной и Остяцкой попеременно отправляютъ гоньбу. 10-й—деревня *Холмогорова* (черезъ 10 верстъ). 11-й — деревня *Пономарева* (черезъ 10 верстъ). 12-й — село *Назимовское* (черезъ 21¹/₂ версту по почтовому и 25 по счету жителей). На всемъ этомъ протяженіи впадаютъ справа рѣчки: *Холмогоровка*, *Тырынина*, *Вятка* у которой заведеніе компаніи Лопатина и съ него идетъ особая дорога на Калами) и рѣчка *Немтиха*; а слѣва: рѣчка *Чиктоклетка*, ключъ *Пропускной* и рѣчка *Варушина*.

Здѣсь мы опять пріостановимъ путь по Енисею. Противъ села Назимовскаго впадаетъ съ правой стороны большая рѣка *Тисса*. Слѣва Тисса, при устьѣ его, расположенъ важный въ дѣлѣ золотопромышленномъ и торговомъ „*Ермакъ*“. Подплывая къ станку Назимовскому, съ удивленіемъ видить путешественникъ, будто на правомъ берегу набросано нѣсколько дачъ. Это отъ того, что тутъ нѣтъ улицъ, а остаются пустыя мѣста, какъ бы площади, между строеніями самыми разнообразными, отъ небольшихъ кухонныхъ домиковъ до трехэтажныхъ господскихъ палатъ, отъ различныхъ навѣсовъ до огромнѣйшихъ зданій съ амбарами и сараями. Эта странная и разнообразная, невиданная нигдѣ, пестрота образовалась слѣдующимъ образомъ: мѣсто это избрано было въ самомъ началѣ, въ разгаръ золотопромышленности, центромъ, въ который сплавлялись лѣтомъ годовые запасы муки, овса и прочихъ пріисковыхъ потребностей, потомъ тутъ же скопилось сѣно. Ермакъ сдѣлался мѣстомъ зимовки пріисковыхъ лошадей; за тѣмъ отыскились по Тиссу сѣнокосы, разобранные немедленно въ оброчныя статьи, а потомъ естественно понадобилось сосредоточить тамъ главные конторы, что нѣкоторыми (компаніей Голубкова и Кузнецова, компаніей Пермикина) и было выполнено. Такимъ образомъ Ермакъ сдѣлался свидѣтелемъ и труда для пріобрѣтенія денегъ и разгула для разбрасыванія ихъ. Вмѣстѣ съ началомъ устройства Ермака, приступлено и къ проведенію дороги для возки кладей зимою и для ѣзды верхомъ лѣтомъ; пошла она сперва правымъ берегомъ Тисса прямо на востокъ, потомъ отъ угла, дѣлаемаго Тиссомъ (потому что вершина его, начавшись съ-вергѣе, подходитъ къ главному руслу съ сѣверо-запада), дорога идетъ

волокомъ до Наготы, притока Теи, потомъ по Наготѣ, и переправясь черезъ Тею, опять волокомъ на Енашмо. Здѣсь кстати прибавить, что изъ притоковъ Тисса замѣчательна Тайменка, довольно большая рѣка, впадающая слѣва на ближайшей къ устью 6-й части Тисса. Вышеописанная дорога называется и Ермаковскою и Голубковскою. Последнее названіе весьма справедливо, потому что: во-1-хъ, земля взята въ оброкъ у Назимовцовъ и положено первое основаніе Ермака въ 1840 году компаніи Голубкова и Кузнецова; во-2-хъ, на первое проведеніе этой дороги въ 1840 году ассигновано изъ компаніи Голубкова 2,000 руб. сер., да въ 1841 году еще 2,000 руб., кромѣ постройки зимовьевъ. Примкнувшіе сюда же послѣ 1841 года другія компаніи могли участвовать только въ поддержаніи дороги, а не въ трудахъ и тратахъ первоначальнаго проведенія, для чего требовалось: вырубать вѣковые лѣса и строить по непроходимымъ болотамъ гати и мосты. Съ паденіемъ нѣкоторыхъ золото-промышленныхъ компаній упразднились и резиденціи ихъ, пріутихъ и шумъ жизни, — и въ послѣдніе годы Ермакъ начинаетъ переходить въ руки торговцевъ, занимающихся доставкѣй на пріиска. Теперь тамъ слѣдующія резиденціи: 1) Главная контора только одна — наслѣдницъ Голубкова и Кузнецова. 2) Резиденціи Малявинскаго и Базилевскаго. 3) Компаніи Пашкова. 4) Компаніи Горчаковой. 5) Компаніи Паткуль. 6) Компаніи Красильникова. 7) Коновалова. 8) Резиденція компаніи Горохова, теперь въ рукахъ купца Баландина. 9) Резиденція компаніи Соловьева — въ рукахъ купца Камшера. 10) Самаго купца Камшера. Потому купцы теперь, закупивши хлѣбъ въ Минусинскѣ, сплавляютъ мимо Енисейска прямо на Ермакъ и складываютъ тамъ до зимы; а зимою отсюда ближайшая и прямая дорога на золотоносные притоки водной системы Подкаменной Тунгузки. Присутствіе тутъ болѣе образованнаго люда оставило и слѣды свои, а именно, въ то время, какъ посѣвы ржи кончаются уже селомъ Назимовскимъ, а ярицы и ячменя нѣсколько ниже деревни Вороговской, — на Ермакъ было въ 1857 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, распахано 7 десятинъ и посеяно овса 120 пуд., а въ августѣ сжато 6,000 сноповъ, изъ которыхъ за исключеніемъ потери при сжатіи, при молотѣбѣ и вѣяніи, получено чистаго овса 900 пуд.; слѣдовательно, есть непремѣнная возможность къ разведенію тутъ овса, только крестьяне (жизнь которыхъ извратилась отъ особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ скажу въ слѣдующихъ частяхъ труда моего), врядъ ли займутся этимъ. Прибавлю еще, какъ новѣйшую вѣсть, что около устья Тисса сдѣлана заявка пріиска Асташовымъ, а по теченію Тисса и по р. Волоковой, впадающей въ него слѣва, во 100 верстахъ отъ устья Тисса будутъ отводиться 6 пріисковъ купцу Тарасову.

13-й станокъ—деревня *Сертьева* (черезъ 20 верстъ). Здѣсь однимъ россійскимъ богатымъ крестьяниномъ, занимающимся тутъ перевозками тяжестей, сдѣланы удачныя попытки засѣвовъ овса и пшеницы. Къ сѣверу отъ этой деревни впадаетъ справа р. Гаревка, замѣчательная тѣмъ, что по ней, верстахъ въ 70 (примѣрно) отъ устья, есть пріиски съ достаточной золотоносностью г. Чечурова, да въ 1859 г. отведены два пріиска компаніи Бевардаки и одинъ—г. Абазѣ, въ 1860 же году будетъ сдѣланъ отводъ г. Богомолу. Гаревка и Тиссъ берутъ начало съ одного хребта, называемаго Гаревскимъ; по перевалѣ же черезъ хребетъ встрѣчается р. Чапа, идущая въ этомъ мѣстѣ параллельно съ хребтомъ. Жаль, что дорога къ пріискамъ проложена черезъ гористую мѣстность съ Тисса, тогда какъ необслѣдованы хорошо низовья Гаревки и еслибъ они оказались годными къ сплаву хлѣба на плоткахъ или въ мелкихъ лодкахъ, это было бы прекрасно, потому что избѣжали бы страшной дороговизны зимнихъ доставокъ.

14-й станокъ черезъ 30 верстъ—деревня *Шадрина*, а въ 5 верстахъ противъ нея впаде въ Енисей справа рѣка *Касъ*. 15-й черезъ 14 верстъ (по счету жителей)—деревня *Серебrenникова*. 16-й черезъ 30 верстъ—село *Ярцовское* (Ярцово). Въ этомъ селѣ есть оцѣнка того, до какой степени низокъ тутъ лѣвый берегъ Енисея, особенно въ отношеніи весеннихъ подъемовъ водъ этой рѣки: въ 1800 году напоромъ льда, при большомъ весеннемъ наводненіи, снесло деревянную церковь вмѣстѣ съ колокольною. Въ 8 верстахъ отъ этого села впадаетъ въ Енисей, съ лѣвой стороны, довольно большая рѣка *Сымъ*, по которой выходятъ только Тунгузы, Милницкаго рода и Сымскокасавской управы, на свои сугланы.

17-й черезъ 40 верстъ по счету жителей и 28 только по почтовому распisanію—деревня *Никулина*, недалеко отъ которой впадаетъ справа рѣчка *Суртиха*. Тутъ правый берегъ, бывшій передъ тѣмъ нѣкоторое пространство отложе и менѣе каменистымъ, теперь начинаетъ снова возвышаться и чѣмъ далѣе къ такъ называемому „камню“, тѣмъ болѣе спускается къ Енисею отвѣсными массами, которыя большею частію голы, мѣстами покрыты мхомъ, мѣстами изъ трещинъ ихъ выступаютъ тощія березы. 18-й, при такомъ видѣ береговъ, черезъ 30 верстъ, встрѣчаемъ зимовье „*Тонкое*“. 19-й черезъ 25 верстъ—деревня *Зотина*. Съ этого мѣста, Енисей начинаетъ расширяться. Противу деревни имѣются, къ правой сторонѣ, острова Еловець и Парусокъ съ каменистымъ грунтомъ. Въ двухъ верстахъ ниже деревни впадаетъ слѣва рѣка *Дубчесъ*; тутъ по обоимъ берегамъ есть уже камни, но плаванію они не мѣшаютъ. За впаденіемъ Дубчесы Енисей имѣетъ ши-

рину до 3-хъ и до 4-хъ верстъ. На 10-й верстѣ впадаетъ въ Енисей слѣва рѣчка *Таулка*, замѣчательная тѣмъ, что въ ней вода течетъ краснобураго цвѣта и не смотря на незначительность ея русла, а слѣдовательно и количества вливающейся воды, цвѣтъ ея держится у берега Енисея и исчезаетъ развѣ верстъ на 50 ниже устья; очень сожалѣю, что обстоятельства не дали мнѣ возможности осмотрѣть верховья этой рѣчушки. 20-й — за тѣмъ на 14-й верстѣ — село Дубческое (по просту Ворогово).

Здѣсь кончается волость Анцыферовская, только и имѣющая селенія по теченію рѣки Енисея. Пороговъ на немъ въ этой волости нѣтъ, кромѣ отдѣльных кармакуловъ. Переправъ нѣтъ, кромѣ Кемьской. Острововъ до 15, затопляемыхъ весною. На этомъ пространствѣ Енисей, для сплава судовъ и барокъ, очень удобенъ. Идутъ они съ грузомъ большею частію на Ермакъ или изъ Минусинска прямо на проходъ, или уже перехваченныя около Енисейска, къ которому скупщики не даютъ приставать, потому что въ городѣ скупъ уже не дозволяютъ, пока неуннчтожится потребность мелочныхъ закупокъ для текущихъ домашнихъ потребностей. Съ 1854 до 1859 года проплыло внизъ судовъ 60, барокъ 850 и лѣсныхъ плотовъ съ грузомъ 690. Есть 2 колесчатыхъ мельницы по рѣчкѣ Анцыферовкѣ. Изъ селеній только 10 стоятъ на правомъ берегу, да и то 9 ближайшихъ къ городу, а 10-е на устьѣ Питта. Остальныя 24, изъ коихъ 5 селъ, стоятъ на лѣвомъ берегу. Въ нихъ жителей считается по послѣдней ревизіи 1,576 мужчинъ и 1,660 женщинъ, не считая разночинцевъ 50 мужчинъ и 60 женщинъ, бродячихъ Тунгузовъ 148 мужчинъ и 83 женщины, осѣдлыхъ Остяковъ 9 мужчинъ и 13 женщинъ, да поселенцевъ 227 мужчинъ и 194 женщины. Всѣхъ домовъ 786. Все же остальное пространство волости, могущее вмѣстить до 5,319,750 квадратныхъ десятинъ, или 63,830 квадратныхъ верстъ, остается или съ болотами между горныхъ валуновъ (какъ по большей части пространство къ западу отъ Енисея), или на правой съ каменистыми горами и дремучими лѣсами, обитаемыми звѣрями; да тамъ и сямъ кое-гдѣ пройдетъ дикій Тунгузъ, или протащится по-исковая за золотомъ партія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бытовая сторона золотыхъ приисковъ.

Все пространство между Верхней и Средней Тунгузками составляетъ мѣсто енисейской золотопромышленности. Все это пространство покрыто дремучими лѣсами—тайгой. Природа приисковыхъ мѣстъ представляетъ сѣть горокъ и холмиковъ, взаимно пересѣкающихся подъ самыми разнообразными углами. Между ними, кромѣ главныхъ хребтиковъ, вы не найдете никакого общаго направленія — это настоящій лабиринтъ. Съ этихъ-то горокъ и возвышеній и беретъ начало то безчисленное множество рѣчекъ и ручейковъ, которые бѣгутъ и изви-ваются по впадинамъ и долинамъ.

Ручейки эти часто бываютъ такъ малы, что не видно ихъ теченія. Они пробираются подъ зыбучими мхами и валежникомъ, покрывающими все пространство и задерживающими всюду подъ собою никогда не просыхающую воду.

Земля промерзаетъ отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ, а мѣстами только до $\frac{1}{4}$ аршина.

Температура мѣняется своенравно: съ апрѣля по октябрь то опускается до 8° Р., то поднимается до $+ 38^{\circ}$ Р., среди іюня, какъ лучшаго мѣсяца, бывали, въ 2 часа по полуночи, холода, которые достигали до -10° Р. и губили молодые деревья. Зимняя температура постояннѣе; сильные холода, т. е. 40° , случаются, но непродолжительны.

Снѣга бываютъ чрезвычайно глубоки. Нерѣдко бываютъ выюги и мятелн дня по три и вообразите, какую кашу должно произвести таяніе снѣга, когда и почва-то сама тундриста.

Правда, что солнышко грѣетъ сильно и горячо; земля растаяваетъ аршина на два, но все таки остается мерзлый слой. Такъ съ весны; а осенью, напротивъ, быстро бѣгущіе ручьи не допускаютъ скорого замерзанія.

Потому во всякое время такъ много сырости въ воздухѣ отъ испареній, что, спустясь съ горы въ ложбину, вы можете возвратиться съ такимъ мокрымъ платьемъ, что его хоть выжимай.

Болотистость мѣстности такъ велика, что, свирѣпствовавшіе лѣтомъ 1859 года, пожары, распространяясь на тысячеверстныя пространства къ востоку отъ Енисея, занимали болѣе края, чѣмъ логовины; мѣста болотистыя оставались нетронутыми даже и на горахъ и пожаръ, обходя болота, лежащія по сторонамъ пріисковъ, жался къ самымъ пріискамъ и угрожалъ даже имъ опасностію.

Но не вездѣ такъ глубока тайга, какъ на сѣверной системѣ. На южной она гораздо суше; въ ней пожаръ ходилъ и по долинамъ не только въ 1859 году, но и въ предъидущіе годы, такъ что во время моего путешествія, въ августѣ 1859 года, я видѣлъ, что долины начали покрываться молоденькими гибкими березками, на мѣстахъ прежде бывшаго мрачнаго и стараго и чернолѣся (¹).

Эти-то пожары и ознакомленіе съ тайгой человека-искусника много устранили ея опасностей и мрачности, по крайней мѣрѣ вблизи, теперь уже разрабатывающихся пріисковъ.

Такъ что лѣса около ихъ частью потерпѣли отъ пожаровъ, частью вырублены для построекъ, отопленія и паровыхъ приводовъ у механизмовъ, болота очищены и осушены и большимъ доступомъ солнца при открытости мѣстъ, и болѣе свободнымъ проникновеніемъ иссушающихъ вѣтровъ, и проведеніемъ канавъ и насыпью вблизи жилищъ — гальки.

Подлѣ новыхъ розысковъ, въ непосѣщенныхъ мѣстахъ, тайга все остается тайгой, хоть и привычнѣе уже она, хоть и знакомѣе человѣку.

Прослѣдимъ же теперь весь ходъ пріисковаго дѣла съ начала, съ наемки рабочихъ.

Рабочими на пріиски нанимаются люди разныхъ сословій и разныхъ мѣстностей. Очень сожалѣю, что у меня нѣтъ описанія рабочихъ по сословіямъ съ сѣверной системы, куда особенно приучены наниматься государственные крестьяне и помѣщичьи изъ русскіихъ губерній — Нижегородской (по преимуществу, такъ что и всѣ русскіе называются Нижегородцами), Пензенской, Вятской, Самарской, Пермской. Эти крестьяне остальное время живутъ въ Енисейскѣ, составляя тамъ плотничьи артели. Они считаются самыми исправными работниками, какъ увидимъ далѣе, и нанимаются за болѣе дорогую плату особыми контрактами.

На горной же системѣ, какъ болѣе удаленной отъ Енисейска, ихъ

(¹) Любопытно бы прослѣдить всѣ тѣ законы, по которымъ одна порода является на мѣстѣ уничтоженія другой, такъ березки быстро вырастаютъ всюду на мѣстахъ сгорѣвшаго чернолѣся.

бывается мало, что показывают и цифры. Такъ въ 1859 году изъ 6,569 рабочихъ было государственныхъ крестьянъ:

губерніи Енисейской	330
„ Томской	725
„ Иркутской	67
„ Тобольской	93
„ Нижегородской	47;

а другихъ російскихъ губерній еще меньше — отъ 5 до 20; помѣщичьихъ изъ Россіи было тоже понемногу, такъ что только изъ Нижегородской губерніи было самое большое число и простиралось до 150 человѣкъ, а остальные цифры рабочихъ все были поселенцы, по преимуществу Енисейской и Иркутской губерній. Крестьянъ болѣе всѣхъ изъ Томской губерніи потому, что въ Томскѣ живетъ самый основательный золотопромышленникъ Асташовъ, приказывающій своимъ довѣреннымъ имѣть дѣло болѣе съ крестьянами, чѣмъ съ поселенцами. Поселенцевъ же болѣе изъ Иркутской губерніи, послѣ Енисейской потому, что этимъ бродячимъ господамъ удобнѣе изъ Иркутской губерніи пройти чрезъ Канскій округъ въ южную тайгу, тогда какъ Томскимъ и Тобольскимъ поселенцамъ удобнѣе проходить чрезъ Ачинскій округъ, проселочной дорогой, въ г. Енисейскъ и затѣмъ въ съверную систему.

Этотъ обзоръ показываетъ, изъ какихъ дальнихъ мѣстъ направляются рабочіе для золотыхъ приисковъ. Изъ нихъ найдутся сотни даже такихъ, которые пришли изъ за 5,000 верстъ отъ роднаго очага. Изъ нихъ многіе приходятъ съ семьями и оставляютъ ихъ либо въ Енисейскѣ и въ деревняхъ, либо приводятъ и на прииски; такъ напр. въ 1859 году, по доставленнымъ мнѣ офиціально, съ южной системы, свѣдѣніямъ: при 6,464, живущихъ въ Сибири, мужчинъ было 576 женщинъ, при 707 російскихъ — 35 женщинъ и при 65 разночинцахъ — 18 женъ.

Положимъ, что за жителями Россіи, въ самую глубь ея, командированные наематели не ѣздятъ, но, не говоря о всѣхъ пунктахъ губерній: Иркутской, Енисейской, Томской и Тобольской, наематели бываютъ, какъ мнѣ лично извѣстно, даже въ Екатеринбургѣ. А это разстояніе, какъ мы увидимъ далѣе, должно имѣть весьма важное значеніе въ критическомъ взглядѣ на содержаніе и смыслъ заключаемыхъ съ рабочими условій (договоровъ).

Извѣстно всякому, что законы всѣхъ вѣковъ и народовъ, по общему смыслу своему, имѣютъ цѣлю, въ каждомъ случаѣ, равно оградить благосостояніе всѣхъ гражданъ.

Такъ и у насъ, въ Россіи, изданы законы, и въ уставѣ гражданскомъ и въ уставѣ горномъ, относительно заключенія обязательствъ и договоровъ между нанимателями и нанимающимися для разныхъ работъ.

При критическомъ взглядѣ на содержаніе по сему предмету статей закона, ясно видна искренняя заботливость правительства о личности и правахъ между этими двумя сторонами, потому что человѣку весьма склонно стремленіе къ преобладанію надъ другимъ, изъ личныхъ выгодъ, и сильный значеніемъ гражданскимъ, либо богатствомъ, всегда возьметъ перевѣсъ.

Желающіе подробнѣе ознакомиться съ состояніемъ у насъ золотопромышленности, могутъ прочесть двѣ большихъ статьи моихъ: 1) критическій взглядъ на способы добычи золота — старые и новые, русскіе и американскіе; 2) бытовая сторона приисковъ, какъ есть на дѣлѣ и какъ быть должна по закону, съ приведеніемъ самыхъ статей горнаго устава и законовъ общихъ.

Здѣсь же представлю только краткій, легкій очеркъ. Начну съ заключенія договоровъ.

Какъ заключаются договоры? Вполнѣ равны они для обѣихъ сторонъ, или тянутъ болѣе на одну которую нибудь? Согласны ли съ законами? и въ чемъ именно противорѣчатъ имъ? Все это тѣмъ болѣе важно, что для приисковъ одной Енисейской системы отрывается тысячь 27 народа отъ своихъ занятій, домовъ и семействъ, тащится изъ за нѣсколькихъ не только сотенъ, но и тысячъ верстъ.

Вотъ какъ описывалъ эту операцію найма командированный ⁽¹⁾ правительствомъ изслѣдователь г. Гофманъ: „посылаются повѣренные въ селенія, соглашаютъ людей на работу, выдаютъ задатки и отбираютъ паспорта, но, не смотря на эту предосторожность, многіе изъ нанявшихся не являются на работу; иные умерли уже, иные захворали, иные нанялись подъ чужимъ именемъ, а потомъ за другой задатокъ служатъ уже у другого хозяина, отъ чего пропадаютъ значительные задатки“.

Бѣдные золотопромышленники! подумаютъ читатели. А мы увидимъ напротивъ, что плачевныхъ явленій много, и съ перваго приступа къ найму приходится плакать рабочему.

Довѣренные золотопромышленниковъ, производящіе наймы на мѣ-

---

(1) Еще въ началѣ золотопромышленности: кажется, въ 1843 году.

стахъ по волостямъ, равно и конторы золотопромышленныя, находящіяся въ Енисейскѣ или на промыслахъ, требуютъ сами себѣ паспорта и сами ихъ получаютъ.

Это распоряженіе имѣетъ результатомъ: что рабочіе съ перваго момента и на дѣлѣ, и въ сознаніи своемъ подпадаютъ болѣе власти новыхъ хозяевъ, относясь къ нимъ не столько въ смыслѣ свободно условленныхъ, сколько кабальныхъ, — и что при выдачѣ задатка наниматель издерживаетъ за паспортъ не 1 р. 45 к. по стоимости, а 5 р. (т. е. 3 р. 55 к. лишнихъ), при чемъ опытный рабочій самъ уже знаетъ такую выкладку, а неопытному уже объясняетъ наниматель, что, дескать, нельзя братецъ, — это такъ водится, и идетъ на писаря и на старшихъ надъ нимъ.

Не могу здѣсь не упомянуть, что на южной системѣ я встрѣтилъ однакоже компаніи, которыя принимаютъ на себя расходы волостному писарю и, къ удивленію, я не находилъ этихъ издержекъ въ расчетныхъ листахъ рабочихъ. Вообще, на южной системѣ сохраняется болѣе человѣчности въ отношеніи къ рабочимъ.

Въ началѣ договоровъ вовсе не именуются какъ должно нанимающіеся, не обозначаются виды ихъ и сроки этихъ видовъ. Чтò же за дѣль, скажите на милость, уклоняться отъ этой законной формы? Вѣдь говоритъ же г. Гофманъ, что рабочіе обманываютъ золотопромышленниковъ.

Не обозначая имени и не представляя паспорта, можно вписать послѣ кого угодно въ явочное условіе. Къ тому же сами нанимающіеся болѣею частію безграмотны, а личность ихъ при свидѣтельствovanіи договоровъ почти никогда не повѣряется, т. е. при явкѣ договора въ волостномъ правленіи и въ земскомъ судѣ нанимающіеся не бываютъ. Слѣдовательно, соблюденіемъ закона устроились бы безпорядки и переписка съ требованіемъ о высылкѣ на пріиски такихъ, будто бы неявившихся, а договоренныхъ тогда-то лицъ, какіе либо были въ это время въ другомъ мѣстѣ верстъ за 500, либо и вовсе не существуютъ на бѣломъ свѣтѣ.

Но странно, что гг. хозяева пріисковъ не обратятъ до сихъ поръ вниманія на такія дѣйствія своихъ довѣренныхъ - нанимателей и не остановятъ ихъ; а странно то, что эти не форменные договоры идутъ за законные у разныхъ начальствъ, обыкновенно столь придирчиво взыскательныхъ. Тутъ дѣло вотъ въ чемъ: очень часто приходится нанимать такихъ лицъ, у которыхъ срокъ имѣющагося въ рукахъ вида гораздо менѣе срока наемки; тутъ нельзя бы и нанимать, а между тѣмъ

наемка происходить, и договоры, предъявленные гдѣ слѣдуетъ, получаютъ законную силу.

Всѣмъ извѣстно, что договоръ есть взаимное обязательство двухъ лицъ и при заключеніи договора надобно же предполагать въ наемникѣ, хоть онъ и простолюдинъ, сколько нибудь человѣческаго начала, т. е. свободно разумной воли. Вѣдь онъ понимаетъ же, сколько нибудь, къ кому онъ нанимается, т. е. человѣку какихъ свойствъ, напримѣръ: грабителю и обидчику, или добродѣтельному человѣку, — къ человѣку съ звѣрскимъ характеромъ, отъ котораго и зуба во рту не вынесешь, или къ мягкосердому, — къ скупцу, не дающему ни куска свѣжаго мяса, а ѣшь, не ѣшь одну солонину, или къ тому, кто за пищей уже не стоитъ; — въ какой мѣстности пріиски его и какъ трудна работа, — на начинающихся ли только что работаться пріискахъ, гдѣ, не говоря о безурядицѣ, и пріютиться негдѣ, или на старыхъ, правильно ведущихся пріискахъ. Словомъ, есть сотни условій другихъ, по которымъ рабочіе, знающіе уже каждый пріискъ и cadaго хозяина въ подробностяхъ, могутъ соображать: наниматься или итъ. А компаніи присвоили себѣ право по произволу передавать рабочаго куда вздумаютъ, гдѣ несчастный работникъ, противъ своей воли, очутится при такой обстановкѣ и такой работѣ, на какія онъ ни за что бы и не согласился. Гдѣ же законное равнотяготеніе договора къ наемщику и нанимателю?

Что же касается срока найма, то законъ ясно и точно ограждаетъ бѣдныхъ людей отъ произвола. А между тѣмъ однѣ компаніи нанимаютъ по 1-е декабря, отнюдь не упоминая въ договорѣ о требуемомъ въ законѣ условіи относительно зимнихъ работъ. Другія пишутъ въ договорѣ право себѣ задерживать рабочихъ, для работъ на пріискахъ, послѣ законнаго 10 сентября и даже въ томъ случаѣ, когда наемники ни одной копѣйки не остаются должными, за то только, если они придутъ на пріиски позже должнаго срока, почему, дескать, и должны они работать число просроченныхъ дней послѣ 10-го сентября. (Какъ будто работать въ теченіи теплаго мая и въ октябрскіе заморозы все равно). Третьи компаніи требуютъ отъ рабочихъ, остающихся послѣ сентября должными, чтобы долгъ былъ отработанъ или заплаченъ, не выходя съ пріисковъ. Четвертыя компаніи безцеремонно заусловливаютъ въ договорѣ, чтобы должники не имѣли права спрашивать себѣ разсчета, послѣ истеченія срока, а оставались бы безпрекословно на пріискахъ до тѣхъ поръ, пока не отработаютъ окончательно свой долгъ. Пятыя компаніи пишутъ будто и законно, но къ концу договора отмѣчаютъ за компаніей право увольнять рабочихъ и прежде срока, когда вздумаютъ, или, какъ они выражаются „когда будетъ нужно уволить съ

удовлетвореніемъ рабочихъ только за заработанные уже дни“. А шестыя компаніи къ тому же праву хозяевъ и увольнять наемниковъ, когда вздумаютъ, хоть средн операціи, вписываютъ въ договоры, что „уволенные компаніею до срока рабочіе обязаны являться безпрекословно для отработки взятаго задатка на слѣдующій годъ, или компанія можетъ выгребовать его, когда будетъ ей нужно“.

Что же это за смѣшеніе произвольныхъ правъ?

По неволѣ рабочимъ придется въ голову: наказывать могучихъ богачей по своему, т. е. бѣгать съ пріисковъ, проводить время въ праздношатательствѣ, наниматься подъ чужими видами, производить себѣ язвы, какъ средство отдѣлаться отъ тяжелой работы. Вѣдь для этой работы онъ оставляетъ мѣсто своего жительства, свой домъ, свои занятія, семью, запасается новою одеждою, сообразно съ дальностію пути, временемъ года и свойствами мѣстности, нанимаетъ дома другихъ работниковъ за себя, вноситъ деньгами по раскладкѣ все то, что могъ бы выполнить лично натурою, переноситъ всѣ лишенія и опасности пути, подвергается болѣзнямъ, самой смерти и проч., и проч.

Еще вписываютъ въ договоры право себѣ разсчитывать рабочихъ когда вздумаютъ, напримѣръ среди лѣта, удовлетворивъ только за число работанныхъ дней и предоставляя себѣ потребовать его вторично, когда вздумаютъ? И не думаетъ никто, что этимъ на нѣсколько, можетъ быть, лѣтъ разрушаетъ благосостояніе селянъ.

Эта обязательность рабочихъ увеличивается еще выдачею при наймѣ денегъ и одежды.

Въ числѣ разныхъ несообразностей, которыя случалось встрѣчать въ договорахъ, мы видали слова: „оставшійся долгъ послѣ окончанія срока работъ (10 сентября) или заработать, или заплатить, не выходя съ пріисковъ“. Какъ же, чѣмъ же и на какихъ условіяхъ рабочій долженъ зарабатывать послѣ срочнаго времени? гдѣ и когда же успѣлось заключиться новое условіе послѣ разсчета и послѣ срока, какъ требуетъ законъ? чѣмъ рабочій долженъ заплатить деньги, не выходя съ пріисковъ, когда онъ и безъ того уже долженъ? Любопытно бы знать? Вѣдь ему предстоитъ одинъ источникъ, въ этой тяжелой пустынѣ, пріобрѣсть лично для себя секретными путями золото, да и выкупиться имъ!?

А вотъ образчикъ, какъ происходитъ наемка рабочихъ.

Одна компанія изволила, въ предыдущую операцію ⁽¹⁾, очень плохо кормить рабочихъ и обидѣла при разсчетѣ, сдѣлавъ разные вычеты. Слухъ о томъ прошелъ между рабочими. На новую операцію охотни-

---

(1) Глава эта составлялась изъ свѣдѣній 1859 года.

ковъ не явилось. Попробовали послать нанимателя. При одномъ имени компаніи рабочіе машутъ только руками, да покачиваютъ головой. Надо было прибѣгнуть къ штукарь. И вотъ отыскивается ловкій плутъ проидоха изъ поселенцевъ, получаетъ 10-ть цѣлковыхъ, отправляется съ ними въ кабакъ, гдѣ и показываетъ видъ кутящаго богача отъ благодѣяній компаніи. За тѣмъ набираетъ вина и отправляется къ кому нибудь въ домъ; угощаетъ, понтъ, съ прибавленіемъ можетъ быть и спецій, въ родѣ бѣлены или дурмана, которыми обилуетъ сибирская флора. Опанываетъ и ведетъ къ нанимателю; а тамъ сидитъ уже волостной писарь съ готовымъ договоромъ, куда и вписываютъ имя приведеннаго. Тутъ же выдаютъ задатокъ, и подружившійся поселенецъ, поздравляя съ полученіемъ, проситъ отподчивать за прежнюю его любезность; приходятъ они опять въ кабакъ и пошла потѣха, такъ что, когда мужикъ опомнится и отрезвится, денегъ прокучено довольно, взять для возврата негдѣ, договоръ подписанъ и явленъ. Вотъ и конецъ дѣлу — онъ рабочій той компаніи, которая плохимъ кормомъ и разными вычетами съумѣетъ возратить выданный задатокъ. Словомъ, это ведется какъ при наемкѣ рекрутовъ, а кто же не знаетъ, чѣмъ тамъ бываетъ.

Мы видѣли, что компаніи заставляютъ работать послѣ срока за просроченные дни. Да была ли еще просрочка-то? Вѣдь толкомъ въ договорѣ не опредѣлено: съ какого числа считать начало срочнаго времени по договору?

Компаніи началомъ срочной работы считаютъ день явки рабочихъ на пріиски, или еще позже, т. е. день вступленія уже въ самую работу. А справедливо ли это и такъ ли должно быть?

Законодатель считаетъ срокъ службы рабочаго золотопромышленнику со дня явки между ними договора; такъ считаютъ и компаніи, но только по отношенію къ обязательствамъ рабочаго, а по отношенію къ своимъ обязательствамъ считаютъ со времени явки рабочаго и даже со вступленія его въ промысловую работу.

Въ договорахъ рабочій обязуется быть готовымъ къ отправкѣ въ путь, къ мѣсту работъ по первому требованію, а не въ извѣстный срокъ, день, часъ. Связанный такимъ условіемъ рабочій не можетъ свободно предпринять никакаго другаго дѣла, не можетъ ни отлучиться изъ дома для продажи хлѣба, ни наняться въ извозъ до времени отбытія на пріиски. Онъ ждетъ — вотъ, вотъ потребуютъ.

Наконецъ, пришло извѣщеніе объ отправкѣ. Рабочіе должны тотчасъ же выбираться изъ своихъ пепелищъ и начинать пѣшеслѣдованіе, а иначе вышлетъ мѣстная власть.

Такъ какъ время явки на работу или въ контору компаній въ договорѣ не показано, то срокъ этотъ назначается только при извѣщеніи о выходѣ съ мѣстъ и ужъ, конечно, не по обоюдному согласію, а по распоряженію компаніи.

Еслибъ въ договорѣ былъ прямо сказанъ срокъ, „къ которому рабочіе должны прибыть на мѣсто работъ или въ контору, то они знали бы, какъ распорядиться своимъ временемъ. Могли бы предпринять на мѣстѣ что нибудь для дома, — могли бы отправиться въ путь по теплomu еще времени, поплотничать, напимѣръ, въ Томскѣ или въ самомъ Енисейскѣ, гдѣ такъ дороги руки, почти вдвое и втрое противу другихъ мѣстъ. Изъ Тобольской губерніи рабочіе могли бы подождать попутныхъ воевъ и отправиться съ ними въ качествѣ каульныхъ.

Вотъ наконецъ, рабочіе отправились, либо посланы въ партіи. Идутъ они мѣсяца два и три. Вы убѣждены, что это время считается въ заработокъ? — Нѣтъ! Мысль, что у рабочихъ время и трудъ можно считать за капиталъ, кажется еще странно!

Наконецъ, рабочий на принскѣ и работаетъ; вотъ моментъ, съ котораго считают его службу и выдаютъ ему деньги.

Главной пружиной, главнымъ орудіемъ къ совершенію какого нибудь дѣла, чаще всего бываютъ деньги. Такъ для лучшаго и скорѣйшаго привлеченія рабочихъ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, употребляются задатки. Такъ называется сумма, даваемая впередъ, въ моментъ найма, за ту службу, которая должна совершиться послѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Законъ опредѣляетъ, что компаніи не должны давать поселенцу въ задатокъ болѣе 7 р. 50 к., включая и подать. Между тѣмъ задатки даются не менѣе 40 р. сер. и иногда даже 50 и 60 р. Особенно велики задатки у золотопромышленниковъ, содержащихъ и винный откупъ, потому что при искусныхъ, опытныхъ нанIMATEЛЯХъ задатки могутъ очень скоро возвращаться съ двойными барышами, черезъ кабаки. Слѣдовательно, тутъ не удерживаютъ ни положенные закономъ 7 р. 50 к. задатка ссыльнопоселенцамъ ⁽¹⁾, ни положенія, чтобы задатокъ

---

(1) Въ законѣ не видно съ точностію: къ которому изъ двухъ разрядовъ должны относиться, въ отношеніи задатковъ, крестьяне изъ поселенцевъ, а такихъ приписанныхъ нынѣ много: правительство торопится возвращать поселенцамъ нѣкоторыя права и вписываетъ ихъ въ крестьянскій окладъ, а они отбиваются и руками и ногами отъ этой чести, соряютъ писарямъ деньги и хлопочутъ о записи въ неспособные къ крестьянскому окладу по дряхлости и болѣзни. Хорошо же, видно, гарантированы эти гражданскія права крестьянъ?!

крестьянина отнюдь не превышалъ количества всей платы по договору найма, включивъ въ то число и количество взноса податей и повинностей. Только нарушеніе закона дѣлается не прямо, а стороной: задатку, дескать, столько-то (сколько законъ велитъ), да взять такую-то одежду и такую-то обувь, да пропивши или потерявши взять вторично кой-что изъ того же, да на содержаніе въ дорогѣ столько-то, да особыхъ одолженій столько-то и т. под. Вотъ и наберется.

Но, послѣ сказаннаго, возникаетъ самъ собою вопросъ, чѣмъ и на чей счетъ долженъ *питаться* въ это время, до прибытія на пріискъ, рабочій, оторванный отъ своихъ занятій и лишенный возможности зарабатывать кусокъ хлѣба? Онъ питается безъ помощи хозяина, прибавляясь мірскимъ подаваніемъ, воровствомъ и грабежемъ.

Въ договорахъ же своихъ компаніи о пищѣ говорятъ различно. Однѣ приличіе всего объясняются, по этому пустому, по ихъ мнѣнію, предмету, краснорѣчивымъ молчаніемъ. Другія говорятъ, что содержаніе въ дорогѣ должно быть у рабочихъ свое, а не хозяйское. Третьи ограничиваютъ и прибавленіемъ слова: до „Енисейска“. Четвертыя молчатъ и о томъ, чья должна быть пища послѣ явки уже въ Енисейскъ (въ контору компаніи), т. е. при проходѣ отъ города къ пріискамъ. Пятыя, составляющія большинство, объясняютъ въ договорахъ, что рабочіе, во время прохода отъ Енисейска до самаго пріиска, не должны требовать никакого особаго содержанія, кромѣ какого-то „потребнаго“ для нихъ количества ржаныхъ сухарей и соли. А шестыя—о, эти вписываютъ въ договоръ, чтобы и проѣздъ (до ѣзды ли рабочему, лишь бы дотащиться хоть на четверенькахъ!) и продовольствіе отъ города до пріиска должны быть на счетъ рабочаго.

Оставляю васъ, читатель, любоваться челоуѣколюбіемъ!

Мы сказали, что въ число задатка входитъ и задолжаніе рабочаго *одеждою и обувью*. Но что же это за вещи и для чего, для какого времени они выдаются.

Не снабжаютъ ли компаніи своихъ наемниковъ безвозмездно, по крайней мѣрѣ одеждою и обувью на дорогу? Ни-ни! Компаніи не принимаютъ на себя никогда потрату рабочимъ одежды и обуви во время пѣшеслѣдованія изъ дома на пріискъ, ни во время работъ, ни тѣмъ болѣе уже при возвратѣ съ пріиска. Однѣ изъ нихъ даже опускаютъ и обозначать въ договорѣ этотъ предметъ, — какъ пустой. Другія говорятъ кратко: „рабочіе могутъ брать вещи въ счетъ будущихъ заработковъ изъ запасовъ компаніи за установленную отъ компаніи плату“; а какія вещи, да и что это за установленная плата — видно выгоднѣе не обозначать? Третьи отличаются тѣмъ еще, что къ словамъ могутъ

брать „обувь и одежду“ прибавлено „и разныя вещи“ — (а что же это за разныя вещи? вѣрно запрещенные закономъ предметы роскоши!). Четвертыя обѣщаютъ выдавать вещи „по стоящей компаніи цѣнѣ, съ надбавкою процентовъ“ (а что это за стоящая цѣна и какіе проценты надбавляются?). Пятыя выговариваютъ себѣ право, чтобы, при потерѣ рабочимъ расчетнаго листа, онъ безпрекословно рассчитывался по документамъ компаніи. А почему бы не предоставить ему право провѣрить записи нанIMATEЛЯ и доставщика и съ своею памятью, и съ памятью цѣлой артели, въ которой идетъ онъ; да вѣдь и есть законъ, повелѣвающій дѣлать записи въ листы „своевременно“ и при всей артели.

Вычисляя дѣйствія компаніи, я упомянулъ объ *артеляхъ* и считаю удобнымъ временемъ перейти къ нимъ.

Законъ требуетъ артельного товарищества, круговой поруки цѣлой артели за каждого; а также свободнаго выбора артелью старосты себѣ и двухъ помощниковъ. При свободномъ же выборѣ, конечно, за артелью остается неотъемлемое, само собою вытекающее, естественное право немедленной смѣны, при негодности этихъ лицъ, и замѣны ихъ другими.

Вообразите, читатель, сколько было бы пользы и въ дѣлѣ общей нравственности рабочихъ, — и въ дѣлѣ общественнаго спокойствія, — и въ дѣлѣ сохраненія рабочихъ отъ посяекъ, обидъ и разныхъ компанейскихъ недодачъ, — и отъ многочисленныхъ побѣговъ — (особенно гдѣ вводится американскій способъ), — и отъ частыхъ растравленій себѣ язвъ и дѣланія другихъ фокусовъ для обмана, — и отъ пропажи у компаніи задатковъ за бѣжавшими, больными и умершими, — еслибъ цѣлое живое тѣло товарищества, съ круговою порукою и гласнымъ судомъ, было во все время отношенія рабочихъ къ золотопромышленникамъ. Тогда бы компаніи нанимали артели, договоры заключали съ ними же, шли бы рабочіе артелями и къ работамъ на прискахъ ставили бы тѣми же артелями, не раздробляя ихъ безъ особенной надобности и не составляя новыхъ артелей изъ членовъ разныхъ артелей, не знающихъ другъ друга, какъ должно, — и выходили бы съ присковъ тѣми же артелями.

Золотопромышленники очень хорошо понимаютъ значеніе артели, какъ цѣлаго живаго тѣла, имѣющаго общій голосъ за каждого члена, и въ неважныхъ дѣлахъ самоуправляющагося.

Компаніи не только сильно хлопочутъ разъединить эту естественную цѣльность, но даже имъ не нравится и та коллегіальность, по ко-

торой артельная расправа уподобляется учрежденію сельскихъ расправъ въ Россіи.

При ловко составленныхъ договорахъ, остается за компанією или довѣреннымъ ея, право для всевозможныхъ своеволій и извѣстныхъ случаевъ, гдѣ довѣренные сѣкли въ такихъ случаяхъ, которые либо не заслуживали никакого наказанія, либо подлежали уже судебнымъ разбирательствамъ.

Знаютъ и сами компаніи, до какой степени благодѣтельны настоящія артели съ ихъ круговою порукою. Съ этимъ познакомили ихъ нижегородцы, которые, при наступленіи уже лѣтнаго времени, а слѣдовательно и всѣхъ пріисковыхъ работъ, являются иногда артелями на пріиски и предлагаютъ свои услуги въ работу — цѣлою артелью, непременно, и съ круговою порукою. Они заключаютъ особые договоры, всею артелью, выпрашиваютъ, правда, значительную плату противу нанятыхъ пьяными раздѣльно по человѣку; но за то и выполняютъ немовѣрныя работы, требуя только одного — пищи, такъ что съѣдаютъ иногда каждый фунта по 3 чернаго хлѣба въ обѣдъ. Эти рабочіе артелями, заключившіе законные и разумные договоры, не дадутъ уже себя ни въ обманъ, ни въ обиду, но они, по сознанію умныхъ изъ управляющихъ, приносятъ дѣлу несравненно больше пользы: задатковъ они не берутъ вовсе, или весьма малые, бѣглецовъ между ними не бываетъ, мнимо-больныхъ и растрavляющихъ язвы тоже, а за настоящихъ больныхъ или умершихъ артель или зарабатываетъ или платитъ ту часть задатка, который отъ него останется незаработаннымъ. Они обязуются вскрыть одну сажень торфа въ сутки двумя человѣками при помощи одной лошади, получаютъ за то, по условію, отъ 70 к. сер., даже до 1 р. Но если вскроютъ болѣе того, то рассчитывается по условію, какъ будто подрадились за вскрышу сажени получать три цѣлковыхъ. Въ праздники же и дни табельные получаютъ они по 3 р. за все уже количество произведенныхъ работъ, а не за одни излишки. Такимъ образомъ, не будучи подъ гнетомъ мысли, что они обмануты, обижены, уже въ долгу, они работаютъ не какъ нибудь, лишь бы день за днемъ коротать, а, напротивъ, со всевозможнымъ усердіемъ, вырабатываютъ всегда болѣе противу данной сажени, потому и зарабатываютъ каждодневно болѣе другихъ. Послѣ операціи, въ итогъ, цѣнность ихъ заработковъ бываетъ всегда вдвое противу прочихъ рабочихъ. За то, они уже не дозволяютъ ни поздно сгонять себя съ работы, ни рано выгонять, ни умышленно увеличивать отводимыя мѣста, ни передергивать мѣтки и проч.

Вотъ при такихъ-то артельныхъ работахъ, веденныхъ безобидно,

гдѣ не отдыхаютъ ни въ ночь, ни въ табель, ни въ воскресный день, добровольно, свободно, по разумной сознательности мы становимся противъ г. Цвѣтолюбова ⁽¹⁾, какъ бы безусловно называющаго египетскимъ притѣсненіемъ всякую праздничную работу.

Считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, „гдѣ должны помѣщаться рабочіе“?

---

(1) Приведу выборку изъ документовъ, которая покажетъ, какъ относятся къ артели золотопромышленныя компаніи.

1. Артелямъ предоставляется право выбора только помощниковъ, которыхъ и называютъ „выборными“.

2. Право же назначать „старосту артельного“ компаніи предоставляютъ своему произволу.

3. Право наказывать рабочихъ предоставляютъ, по договорамъ, одному старостѣ (лицу, выбранному компаніей).

4. А выборные должны дѣлать въ артеляхъ разбирательство.

5. И въ случаѣ понаровки выборныхъ артельнымъ рабочимъ, г. староста, какъ поставленный компаніей, долженъ, если предоставленная ему мѣра наказанія не будетъ достигать цѣли, обо всѣхъ, ему непослушныхъ, вести особый журналъ, который, по системѣ шпионства, вѣроятно, долженъ представлять горному исправнику.

6. Компаніи не производятъ наемки рабочихъ артелями (въ смыслѣ не случайно вписанныхъ въ одинъ договоръ нѣсколькихъ человекъ, а въ смыслѣ живаго цѣлаго тѣла).

7. Не включаютъ въ договоръ обязанности составлять изъ рабочихъ для путешествія „артели“ въ смыслѣ статей закона.

8. А если составились артели сами собою, и безъ договора о нихъ, то предоставляютъ себѣ право разрушать, непременно, ихъ на приискѣ, для составленія новыхъ артелей, по усмотрѣнію лично хозяина; тогда какъ, напротивъ, желательно, чтобы хозяинъ пользовался для работъ артелями, составленными самими рабочими, въ которыхъ изучены уже качества каждаго члена.

9. Потому не видно въ договорахъ требованія выходить рабочимъ съ приисковъ тоже артелями.

10. Не включаютъ въ договоръ о своевременной, слѣдовательно тотчасъ по выдачѣ, записи вещей и денегъ въ расчетный листъ рабочаго, да и при цѣлой артели.

11. Другія же компаніи не только просто условливаютъ, но выговариваютъ для себя даже право вписывать въ расчетный листъ выдачу по окончаніи мѣсяца, чѣмъ уже уничтожается значеніе артели, какъ свидѣтеля, и въ случаѣ потери расчетнаго листа компанія можетъ по своимъ документамъ показать какую угодно выдачу.

12. Въ этихъ-то, конечно, видахъ пользы, компаніи не вписываютъ въ договоры и того, что рабочіе должны, при расчетѣ послѣ работы, возвращать въ компанію расчетныя свои листы въ такомъ лишь случаѣ, когда они довольны правдивостію расчета. А правдивъ онъ или нѣтъ — могутъ показывать цѣлыя артели, при которыхъ должны бы дѣлаться и всѣ записи.

Здѣсь мы будемъ имѣть въ виду только опредѣленные, уже отведенные пріиски, на которыхъ предполагается начать или уже начались работы.

Въ большей части договоровъ: или вовсе не упоминается объ этомъ, какъ будто это пустяки, какъ будто рабочему здоровье и пріятнѣе, послѣ тяжкихъ работъ, лежать и въ дождь, и въ вѣтеръ на открытомъ просторѣ; или возлагаютъ эти постройки на рабочихъ; либо даже и прибавляютъ еще пренапвыя слова „въ свободное отъ хозяйскихъ работъ время“, какъ будто можетъ быть свободное время отъ пріисковыхъ работъ!

На дѣлѣ же существуетъ собственно два случая: либо пріискъ уже старый, работающійся нѣсколько лѣтъ, гдѣ есть достаточно помѣщенія и хозяину, и всѣмъ служащимъ, и всѣмъ рабочимъ, такъ что и топора брать не надо; либо пріискъ совершенно новый и тогда надобно все строить.

Въ 1-мъ случаѣ такъ бы и сказать, что всякое помѣщеніе уже готово.

Во 2-мъ случаѣ: строить „въ свободное время отъ пріисковыхъ работъ“ положительно невозможно.

Потому, для веденія построекъ, рабочіе должны быть совершенно свободны отъ пріисковыхъ работъ. Но тутъ возникаетъ немаловажный вопросъ: будетъ ли это время считаться началомъ пріисковыхъ работъ, а слѣдовательно и началомъ платы? Вѣдь мы видѣли уже, что 2 и 3 мѣсяца со дня наемки, до вступленія въ работу, не считаются компаніями и пропадаютъ безъ всякой платы, — почему же не допустить теперь, что и время, хоть цѣлое лѣто, употребленное частью рабочими на возведеніе разныхъ помѣщеній на пріискѣ тоже не будетъ зачтено въ работу?!

Компаніи еще дѣлаютъ различіе между постройками для рабочихъ лично и постройками остальныхъ помѣщеній. Онѣ доказываютъ, что рабочіе для своего помѣщенія должны, очевидно, перемѣляясь десяткомъ за десяткомъ, строить безвозмездно. При этомъ дѣлается вычетъ платежа за эти, будто бы нерабочіе, дни; тогда какъ тѣмъ пзъ рабочихъ, которые окажутся хорошими плотниками и будутъ употреблены на возведеніе хорошихъ хозяйскихъ помѣщеній, бываетъ платежъ поденно. Мы очень хорошо понимаемъ, что въ тайгѣ, въ неплотмѣ мѣстѣ, нѣтъ ничего естественнѣе производить постройки самимъ рабочимъ; но думаемъ, что надобно вознаграждать ихъ за всякую работу на пріискахъ, наравнѣ съ тѣмъ, что получается обыкновенно.

Прежде, при началѣ развитія золотопромышленности, эти помѣще-

нія не только для рабочихъ, но и для управляющихъ срубались наскоро, кое-какъ. Отъ того — тѣснота, темнота и нечистота въ нихъ способствовали развитію болѣзней, особенно цинги.

Избушки, собственно для рабочихъ назначенныя, устраивались ими самими, во время сбора на приiski, въ мартѣ мѣсяцѣ. Для того на голой землѣ, безъ половъ, срубались стѣны избушки отъ 2 до 3 сажень длины, отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 ширины и не болѣе $2\frac{1}{2}$ аршинъ вышины. Лѣсъ употреблялся безъ разбора, что ближе подъ рукой. Потолокъ съ отверстіемъ. Внутри избушки въ одномъ углу черная печь, безъ трубы, состоящая изъ груды камней, съ помѣщеніемъ для дровъ. Во время топки такой печи, дымъ не можетъ выходить весь въ отверстіе на потолокъ и по крайней мѣрѣ верхнія $\frac{2}{3}$ избушки полны дыма. Около стѣнъ сдѣланы нары, а въ нихъ съ каждой изъ 3-хъ досокъ по окошку въ $\frac{1}{4}$ вышины и $\frac{2}{4}$ длины. Если припомнимъ грунтъ земли, — время, когда они строились, — да прибавимъ, что въ каждой изъ такихъ избушекъ жило столько, какъ могло помѣститься, — что тутъ же высушивали свою вымошную на работѣ одежду и наполняли воздухъ какъ прѣлымъ отъ нея запахомъ, такъ и испареньями постоянно разгоряченнаго, въ тяжелыхъ работахъ, тѣла, то и можно заключить, что едва ли эти избушки не хуже якутскихъ зимниковъ и самоѣдскихъ чумовъ: тамъ хоть свѣту Божьяго меньше, да есть по крайней мѣрѣ полъ, а огонь, разводимый среди чумовъ, очищаетъ воздухъ.

Съ 1852 года, стараніемъ горнаго исправника сѣверной системы Сорокина, стали устраивать, вмѣсто избушекъ, постоянныя большія казармы. Онѣ хороши уже своею обширностію, хотя устройство и не завидно, потому что, сберегая лѣтнее время для работъ, строятъ казармы зимой, либо весной, на мерзлой землѣ; да и такъ какъ полъ въ нихъ только по срединѣ, а у стѣнъ подъ нарами нѣтъ его, то въ теплое время земля оттаиваетъ и испаренія наполняютъ казарму. Кромѣ того, воздухъ портится и отъ многолюдства, не смотря на обширность казармы: вѣдь въ ней нары сдѣланы въ 2 ряда и народу вмѣщается чело-
вѣкъ до 200.

Какъ бы то ни было, между казармами и прежними избушками большая разница и заведеніе ихъ нельзя не считать въ числѣ обстоятельствъ, ослабившихъ развитіе цинги и другихъ болѣзней. Впрочемъ, на южной системѣ мнѣ пришлось видѣть оба устройства, но каждое въ другомъ, по моему мнѣнію, лучшемъ видѣ: тамъ есть мелкія избушки, но и съ поломъ, и съ хорошою русскою печью; тамъ и казармы не такъ громадны, съ однимъ только рядомъ наръ, да съ поломъ и подъ ними.

Прослѣдимъ теперь весь ходъ жизни и дѣятельности на самыхъ прінскахъ.

Начнемъ съ открытія новыхъ прінсковъ. Это начало прінсковаго дѣла поразило и г. Гофмана на столько, что онъ говоритъ много въ пользу рабочихъ. Приведемъ нѣсколько словъ: „партіи, удаленныя на сотни верстъ отъ человѣческаго жилья (т. е. слѣдовательно и работающихъ прінсковъ), принуждены всѣ жизненные припасы, состоящіе изъ сушеныхъ и соленыхъ веществъ, имѣть при себѣ. Ночлегъ на сыромъ мху, частые дожди, шурфовка въ болотахъ, заставляють оставаться постоянно въ мокромъ платьѣ. Къ этому присоединяется угнетающая здоровье работа при рытьѣ шурфовъ; потому что, при углубленіи на нѣсколько футовъ, шурфъ наполняется водою, для выкачиванія которой должны постоянно работать нѣсколько насосовъ, а рабочіе должны стоять глубоко въ водѣ и въ грязи, углубляя шурфъ до самой почвы, чтобы увѣриться, что пройденъ весь золотonosный пласть. Принявъ во вниманіе, какъ часто эти шурфы бываютъ безплодны, по неволѣ приходишь въ удивленіе людскому терпѣнію. Представьте себѣ, что въ этомъ положеніи застываетъ партію внезапно наступившая зима съ ея глубокими снѣгами: бѣдствіе людей доходитъ до высшей степени; холодъ и недостатокъ подножнаго корма губить лошадей; тогда, бросивъ всѣ запасы, берутъ на маленькіе сани только самый необходимый провіантъ, который и везутъ сами люди, блуждающіе даже иногда по цѣлымъ недѣлямъ въ снѣгу для отысканія жилища мѣста. Даже суровая сибирская зима не удерживаетъ отъ посылки партій въ тайгу; только снаряжаютъ ихъ иначе. Эти зимнія партіи посылаются обыкновенно для подробнѣйшаго изслѣдованія открытій, сдѣланныхъ уже лѣтомъ, на мѣстахъ болотистыхъ, гдѣ въ лѣтнее время одолеваетъ вода, а зимою нѣтъ ея; крѣпко замерзшую землю пробиваютъ топорами и ломами, а добытые пески оттаиваютъ и промываютъ теплою водою. Послѣ такой тягостной работы днемъ, въ который рабочіе неизбежно подвергнутся сырости, они должны проводить еще ночь на снѣгу, въ шалашахъ изъ словыхъ вѣтвей. Истинно надобно имѣть желѣзное здоровье Сибиряковъ, чтобы переносить подобные труды, жертвою которыхъ не мало же и падаетъ ихъ.“

Къ такому отзыву г. Гофмана надобно сдѣлать нѣсколько замѣчаній, потому что не все же теперь такъ, какъ было въ сороковыхъ годахъ.

Во-1-хъ, нынѣ партіи такъ не блуждаютъ, потому что мѣстности хорошо уже извѣстны, да и рабочіе привыкли узнавать страны свѣта по наклону древесныхъ вѣтвей, по выступленію на югъ сѣры на корѣ

и т. п., а приiski разбросаны теперь во все стороны, почему и лѣтнія партіи не отходятъ почти такъ далеко, чтобы замерзать.

Во-2-хъ, зимнія партіи посылають нынѣ не только для развѣдокъ, но и для розысковъ, снабдивъ лыжами, нартами и тунгузскою одеждой. Доказано уже опытомъ, что воды нѣтъ, для развѣдокъ, только на мѣстахъ открытыхъ и выгорѣвшихъ, тогда какъ въ глубокой тайгѣ земля промерзаетъ только на 2 аршина, какъ говорилъ уже я, а глубже опять вода.

Въ-3-хъ, нынѣ партіи иногда берутъ съ собою готовые бульоны, прессованную капусту и мясные порошки, только все это выписывается изъ Россіи и необыкновенно дорого. А хорошо бы предприимчивому и умному человѣку пріѣхать къ намъ въ Енисейскъ, да и заняться этимъ дѣломъ: былъ бы страшный расходъ такихъ припасовъ, еслибы возможно низки были цѣны.

Въ-4-хъ, вода дѣйствительно и теперь одолѣваетъ при лѣтней шурфовкѣ, даже вблизи жилыхъ мѣстъ, гдѣ мхи и почва еще не высушены. Такъ, напримѣръ, на Енашмо никакая откачка не помогаетъ; почему и дѣлають разрѣзные каналы, только не при летучихъ партіяхъ, а уже при настоящей развѣдкѣ, когда положено употребить на одномъ мѣстѣ цѣлое лѣто. Въ концахъ этихъ канавъ дѣлають резервуары, гдѣ и ставятъ откачивающія машины. Водооткачки эти всехъ сортовъ — недостаточны. Деревянные помпы хотя тѣмъ хороши, что каждый можетъ ихъ сдѣлать. Нынѣ ввели большія водооткачки, которыя ставятъ неподвижно, а дѣйствуютъ уже руками, дающими возможность передвиженія. Даже вывезенныя туда водооткачки изъ гутта-перчи неудобны: при малѣйшей неосторожности портятся, потому что всосавшійся съ водою эфель протираетъ ихъ стѣнки. Лучше бы ввести тутъ примѣненіе Архимедова винта, что, конечно, требуетъ умѣнія примѣнять. Въ статьѣ своей о способахъ выработки золота, помѣщенной въ журналѣ „Промышленность“, я привелъ описаніе и съ чертежемъ даже одной водооткачки, изобрѣтенной въ Олекминской тайгѣ крестьяниномъ и состоящей въ употребленіи непрерывно движущихся, поднимающихся и опускающихся, кожаныхъ черпаковъ. Если же шурфа надобно пробивать въ самомъ руслѣ рѣчекъ, то выбираютъ мелкое мѣсто; вырубаютъ 2 бревна сажень по 6-ти длины, что называютъ „стрѣлы“; чрезъ рѣчку (ниже по теченію) перекидываютъ сперва небольшой мостъ на козлахъ; потомъ бревна вводятъ въ воду, и такъ, чтобы они однимъ расходящимися концами упирались въ кобылки, а другіе соединяють между собою; со стороны подъ бревна набивають хворостъ и останавливаютъ стокъ воды; потомъ вставляютъ между бревенъ срубъ, окла-

дываютъ его мохомъ и породами, а при шурфовкѣ и выбрасываемымъ матеріаломъ.

Еслибъ понадобилось ударить шурфы вблизи берега значительной рѣчки; выбраютъ отмелое мѣсто съ большой быстриной, чтобъ вода сильнѣе ударялась, а за тѣмъ отражалась. Вотъ на этомъ-то мѣстѣ и ставятъ такую же стрѣлу съ употребленіемъ числа бревенъ по мѣрѣ надобности; направленіе этой стрѣлы наискось противъ теченія воды.

Въ-4-хъ замѣчу, что болѣе всего обилуетъ водою и препятствуетъ шурфовкѣ не торфъ, какъ бы онъ ни былъ болотистъ, а особый не толстый пластъ, примѣрно до аршина, состоящій изъ чистой гальки и называемый „рѣчникъ“.

Шурфы показали достаточное, смотря по мѣстности, содержаніе золота и дѣло этой бродячей, подвергающейся всѣмъ случайностямъ, партіи тѣмъ окончилось.

Затѣмъ слѣдуетъ формальная процедура отвода пріисковъ, что изложено мною въ № 5 „Промышленности“.

Пріискъ отведенъ. Начинаются работы. Скажемъ теперь о нихъ.

Было счастливое время въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда рабочіе выносили огромныя деньги. Насквозь, какъ говорится, прохваченные удаляю, они хорошо вознаграждались за перенесеніе страшныхъ препятствій и губительнаго вліянія вѣтровъ, сырости, голода и холода негостепріимной, неизвѣданной, мрачной тайги, въ которой только соболь скакалъ по деревьямъ отъ преслѣдованія Тунгуза, столь же дикаго, какъ онъ самъ. Правъ г. Гофманъ: нужна была особенная охота къ молодечеству, чтобы выполнять все, что приходилось.

Въ сибирскомъ простонародьи вспыхнулъ будто духъ отцевъ, покоровшихъ Сибирь и водворившихъ въ ней гражданственность. Не удивительно, что и по выходѣ изъ тайги, съ той же удаляю, хватались они вполнѣ за всѣ удовольствія, которыхъ въ тайгѣ были лишены во все. И что же? денегъ много: подкладывай пятитки ¹⁾ подъ ноги, — вишь идти грязно; выкатывай вино бочками, — что мы за вершошники; пей ребята за здоровье наше, — сколько душа хочетъ! И не только роспивалось простое вино, а подавай намъ господскаго! И вотъ ловкіе плуты, или чаще плутихи, подъ именемъ господскаго довольствовались сперва крѣпкимъ спиртомъ, что и роспивалось съ приговоромъ „ай да господа, забористое“! Послѣ же, при состояніи почти безчувствія, этимъ молодцамъ въ новыхъ армякахъ, красныхъ рубахахъ, новыхъ кушакахъ, съ обвязанными на крестъ груди шалями, подавалось либо горское за

(¹⁾ Таеъ назывались ассигнаціи въ 5 рублей.

шампанское, услаждая едва видящие глаза летящими въ потолокъ пробками, либо спиртъ, настоящий какими нибудь одуряющими снадобьями. Этимъ кончался кутежъ, потому что кончались и деньги. А рабочий отправлялся вновь къ наемкѣ, получалъ задатокъ и снова „показывалъ виды“!

Въ это время (1843 г.) г. Гофманъ могъ дѣйствительно находить, что 90% было, въ числѣ рабочихъ, поселенцевъ, а также и то, будто несправедливо сѣтовали, что золотопромышленность роняетъ хлѣбопашество, потому, дескать, что поселенцы не пахари, что денегъ выносятся съ прѣсковъ много и цѣны на хлѣбъ поднимаются сильно. Теперь не то; и на сколько развила золотопромышленность хлѣбопашество, особенно въ Енисейскомъ округѣ, мы видѣли уже въ первой главѣ.

Г. Гофманъ писалъ, что мелочная плата простому рабочему 12 р., но если требовалось искусство, то и до 60 р. Каждому наемщику назначалось тогда въ контрактѣ подробное количество его ежедневной работы, опредѣляемое числомъ тачекъ въ 3 пуда вѣсомъ каждая. Часть рабочихъ должна была нагружать опредѣленное число тачекъ, другая часть перевезти, а третья — промыть. Число тачекъ на одного человека полагалось отъ 100 до 120. Урокъ оканчивали рабочіе обыкновенно за полдень, или даже часамъ къ 3-мъ. Въ остальное же время дня, равно и въ праздничные дни, шла работа, называвшаяся „старательской“. При этомъ платилось съ добытаго золота по 3 р. съ золотника на прѣскахъ, бѣдныхъ содержаніемъ золота и по 2 р. — на богатыхъ. Этимъ, по мнѣнію Гофмана, устранялась потеря золота, потому что взятое при урочной работѣ, возвращалось тѣмъ же воромъ при старательской. Каждый вечеръ происходила расплата за полученное стараніемъ золото и въ присутствіи артели записывалось тотчасъ же въ расчетный листъ. Людямъ же смышленнымъ и вообще занятымъ цѣлый день другою работою, давали, въ качествѣ награжденія, иногда хорошія мѣста для старательскихъ работъ. Но во времена же Гофмана стали вводить на нѣкоторыхъ промыслахъ новый способъ заработка, по 25 р. за каждую сажень вскрыши, которую снимутъ и отвезутъ въ свободное время. Это стараніе уже не можетъ, конечно, представить столько счастливыхъ случаевъ, какъ при нападеніи, во время старанія, на гнѣздо золота; но за то вѣрнѣе, потому что не зависитъ уже отъ счастья попасть на хорошее мѣсто. Такое стараніе по нынѣшнему называется „платою задѣльной“. И такъ, мы видимъ, что еще во времена Гофмана положено было основаніе способамъ вознагражденія, существующихъ и нынѣ, т. е. урочной и старательско-задѣльной платы.

Старательская работа съ золотника золота теперь почти вывелась. Но мы видимъ, что такое вознагражденіе рабочихъ было и полюбовно-правомѣрнѣе и законнѣе.

Нынѣ къ работамъ компаніи относятся различно. Однѣ пишутъ о срокѣ работъ съ 5 часа утра до 8 вечера не какъ о должайшемъ, а какъ о кратчайшемъ; потому и нечего удивляться, что въ другихъ договорахъ о срокѣ можно встрѣтить оговорку: „если работы продлятся и долѣе, рабочіе не должны быть въ претензіи“ (еще иностранное слово, — должно быть мягче смыслъ при немъ!). Третьи же прибавляютъ, что нѣтъ времени, въ которое бы рабочіе могли отозваться отъ работы въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, напр. для потушенія пожаровъ (съ этимъ мы согласны!), устройства водопроводовъ, отлива воды, укрѣпленія либо стропилъ, либо плотинъ. (Ну, это вѣдь не совсѣмъ безотлагательные случаи? а если и считать ихъ безотлагательными, то надобно же класть въ часы работъ и на завтра изъ дня вычесть, т. е. напр. если они проработали при укрѣпленіи плотины всю ночь, то надобно изъ дня завтра дать имъ часовъ 5 на сонъ, а день считать все-таки рабочимъ днемъ, потому что за него въ работѣ была ночь). Четвертыя прибавляютъ къ этимъ разнымъ нетерпящимъ, по ихъ мнѣнію, отлагательства работамъ, слова и проч., и проч.

О, это крошечное слово и *проч.* слишкомъ вѣско: съ нимъ все равно, что черкесу съ шашкой, вольная волюшка компаніи. Вздумалось напр., потѣшить управляющему своихъ гостей фейерверкомъ и пѣснями — дѣлай рабочіе, — эта работа нетерпящая отлагательства; понадобилось управляющему садъ очистить и деревьямъ посадить — рабочіе послѣ ужина должны заняться этимъ и проч., и проч.

Однѣ компаніи во все рабочее время исключаютъ 2¹/₂ часа на обѣдъ и отдыхъ. Другія часть на обѣдъ, ¹/₂ часа на ужинъ. Третьи съ конца іюня по 1 августа даютъ полтора же часа, а въ остальное время только часъ. Четвертыя ничего не опредѣляютъ (да оно ближе и прямѣе по крайней мѣрѣ!) и отдѣляются какой нибудь общей, ничего не говорящей, фразой въ родѣ: „какъ заведено уже“, „какъ ведется порядкомъ“ и т. п.

Такая работа, по времени, по количеству часовъ, называется теперь „безурочной“.

Но она нигдѣ на дѣлѣ не существуетъ самобытно, отдѣльно на приискѣ, одна, а всегда перемѣшана съ работами „урочными“. Тоже видимъ и въ договорахъ. Въ нихъ перемѣшаны толки обо всѣхъ видахъ работъ и одно съ другимъ никакъ не вяжется: толковать о количестве часовъ въ сутки, задавать въ то же время непремѣнное вы-

полненіе уроковъ, которые ранѣе срока не отработася, значитъ тѣшить только рабочихъ, если договоръ ими читается,—либо забавляться самому нанимателю искусствомъ хитросплетеній.

Переходимъ къ изложенію работъ „урочныхъ“. Эти урочныя работы считаются компаніонами болѣе выгодными и для себя, и для рабочихъ, потому, дескать, что мы знаемъ на сколько ежедневно вырабатывается, не становясь въ зависимость отъ прихоти и лѣни рабочихъ, а рабочіе за то, кончивъ урокъ свой, могутъ продолжать работу и долѣе, за что (т. е. за свое стараніе) могутъ получать еще особую отъ положенія урочнаго плату. Это бы, пожалуй, и не дурно: только приходится ли когда нибудь рабочимъ кончить урокъ, чтобъ поработать и сверхурочно—не думаемъ, потому что уроки большіе сами по себѣ, да еще иногда передвигаютъ мѣтки и проч.

Эти ежедневные уроки въ разныхъ компаніяхъ различны. Однѣ на вскрышу 1 куб. саж. торфа условливаютъ ставить 2 чел. и 1 лошадь, либо 4 чел. безъ лошадей; на добычу же песковъ, въ томъ же количествѣ, съ вывозкою къ машинѣ, промывкою, уборкою и эфеля и гальки въ особые отвалы—не болѣе 3 чел. съ помощію лошадей.

Другія компаніи на вскрышу куб. саж. торфа-ли, песку ли, все равно, кладутъ по 5 чел. безъ лошадей, либо на 2 саж. по 5 чел. съ 2-мя лошадьми, а у машины промывку и развозку должны сдѣлать другіе люди. Третьи приговариваютъ, чтобы, сверхъ урочной работы, столько-то таратаекъ песка было вывезено на промывку, съ платою по 10 к. за каждую.

Вы видите, что тяжелы и самыя, только что приведенныя нами условія, а сколько еще таится тутъ тягостей отъ того, что не договорено. Такъ, въ одномъ случаѣ не сказано: „съ помощію сколькихъ лошадей“; въ другомъ (да и нигдѣ впрочемъ) „какъ далеко отвозить шурфъ!“ Въ третьемъ „какъ далеко машина отстоитъ отъ забоя песковъ“? Въ четвертомъ „какъ далеко отъ машины лежатъ отвалы гальки и эфеля“? Въ пятомъ не сказано „сколько людей собственно при машинѣ“? Ну, а что если земля еще мерзла? все тѣ же развѣ уроки?!

Этотъ предметъ: „о мерзости земли“ такъ важенъ, что не мѣшало бы постановить между этими двумя сторонами—угнетающей и угнетенной—прямо норму, болѣе которой не имѣли бы права требовать отъ рабочихъ разработки мерзлаго грунта.

Да къ тому же въ договорахъ почти никогда не упоминается, приняты ли всѣ, требуемая закономъ, мѣры предосторожности при зимнихъ промывкахъ.

И такъ, прежняя работа по урокамъ, съ опредѣленіемъ ихъ количествомъ тачекъ, была ближе и къ опредѣленію платы рабочимъ. Въ-сто прежней старательской рабы, съ платою за каждый представленный золотникъ золота, теперь, какъ выше уже сказали, выступила плата съ количества обработанной земли, почему и плата называется уже не старательскою, а „задѣльной“.

И вотъ тутъ-то опять новый и рѣзкій случай своеволія компаній. Одна компанія говоритъ, что количество задѣльной платы опредѣляется доброю (будто бы?) волею рабочихъ, т. е. зависитъ отъ количества обработанной земли въ праздники ли, въ будни ли сверхъ положенія. Кажется, что сказано удовлетворительно. Удовлетворительно сдѣлана и раскладка платежа, а именно: по 80 к. двумъ человѣкамъ при лошади съ 1 куб. саж. торфа, и по 1 р. 20 к. съ куб. саж. песка съ вывозкой и развозкой гальки и эфеля. Эта же плата въ праздничные дни выдается удвоенною. И хорошо бы на этомъ остановиться. Но есть и другая сторона медали. Законъ, позволяющій рабочимъ обязывать хозяина давать или нѣтъ старательскія работы, переворачивается силою какихъ-то чаръ и даетъ право хозяевамъ обязывать или нѣтъ рабочихъ старательскими работами. Очевидно, компанія всегда обязываетъ ихъ и даже прибавляетъ, чтобы старательскія работы, во всѣ праздники, производились въ томъ же самомъ составѣ ⁽¹⁾ и порядкѣ, какъ идутъ въ будни, а за уклончивость или недоработку платятъ компаніи убытка по 50 коп. за часъ, по 2 руб. за полдня и по 3 руб. за цѣлый день. На счетъ же убѣжавшаго нанимаютъ съ надбавкою въ цѣнѣ, что все онъ долженъ и выслужить послѣ, по требованію компаніи, и имущество его на мѣстѣ жительства должно подвергаться описи за долгъ.

Я не настаиваю, чтобы во всѣ праздники не было на прінскахъ работъ: дней-то вѣдь всего не болѣе 100, а за вычетомъ праздниковъ останется очень немного; но надобно же или предоставить волѣ рабочихъ, или давать плату болѣшую, съ тѣмъ, чтобы болѣе одного праздника въ недѣлю не считалось. Словомъ нужно употребить всѣ мѣры къ безобидности хозяевъ и къ ненарушенію свободной воли рабочихъ.

Другія компаніи назначаютъ за мѣсяцъ плату рабочимъ по 3 р., кромѣ розыскныхъ и развѣдочныхъ, которымъ вдвое. Вотъ и все. На старательскихъ же работахъ платится по 85 коп. съ представленнаго золотника изъ промытыхъ песковъ и по 3 р. за вскрытіе куб. саж. торфа. Старательскія работы на волю рабочихъ. Но, во-1-хъ, для долж-

---

(1) Слѣдовательно, требующія закономъ артели не признаются?!

никовъ изъ рабочихъ старательская работа (праздничная) дѣлается уже обязательно вполнѣ; во-2-хъ, со всѣхъ вообще рабочихъ изъ назначенной старательской платы вычитается за употребленныхъ на то хозяйскихъ (а своихъ имѣть не позволяютъ!) лошадей, считая лошадь за человѣка; и въ-3-хъ, мастерской, получающей обыкновенно особую большую плату, не долженъ противиться, если онъ, по волѣ хозяина, перемѣщенъ будетъ въ чернорабочіе, на общую ихъ плату. Вотъ измѣненіе и самаго договора! И, замѣтите: ни въ одномъ изъ договоровъ не назначается общая сумма платы рабочимъ (болѣе которой не должны быть, по закону, выдаваемы задатки), чтобы давать задатокъ при наемкѣ, какой вздумаютъ!..

Не помню, встрѣчалъ ли я хоть въ одномъ договорѣ о томъ, какъ должны вестись работы, т. е. уступами или просто, потому что тутъ огромная разница въ затратахъ людей, и въ потерѣ времени, и въ количествѣ платежа рабочимъ, такъ что въ то время какъ безъ уступовъ вскрыли бы 15 саж., съ уступами только 10; или, когда для вскрытія одной куб. саж. безъ уступовъ довольно бы трехъ человѣкъ, съ уступами надобно 5.

По дѣлу же отысканія самороднаго золота и прочихъ драгоценностей многія компаніи выговариваютъ себѣ право получать ихъ, съ тѣмъ, чтобы рабочіе не требовали себѣ никакой награды, представляя это вполнѣ благоусмотрѣнію хозяевъ; да въ то же время ограждаютъ себя отъ хищничества очень ловко системою взаимнаго шпіонства, что вставляютъ и въ договоры.

Особый видъ работъ составляли еще *ѡрты*, которыя были чрезвычайно изнурительны и очень много способствовали развитію простудъ, цынги и водянокъ. Подъ ѡртами разумѣлись работы, которыя велись не сверху правильными уступами, а образовывали углубленія въ видѣ колодцевъ или подпольевъ, со слѣдующими въ стороны пещерами. Сырость, отсутствіе чистаго воздуха и солнечнаго свѣта сопутствовали эти работы, свѣтъ же въ ѡртахъ отъ сильныхъ свѣчъ не только ничего и ничего не оживлялъ, но испускаемыми безпрестанно углеродными газами увеличивалъ только испорченность воздуха. Эти работы теперь не употребляются уже.

Имъ подобны работы *„ночныя“*, разнящіяся только слабѣйшею степенью вліянія и отсутствіемъ столь удушливой атмосферы. *Американскій способъ*, при очень большихъ работахъ, способствуетъ тоже образованію насыпей съ боковъ, что уподобляется ѡртамъ и также вліяетъ отсутствіемъ свѣта и продуваемости вѣтрами.

Конечно, для этихъ 3-хъ видовъ работъ должны быть постановляемы

особыя условія, которыя бы защищались или опровергались и статьями закона.

Познакомившись съ работами, скажемъ о томъ, въ *чьей одеждѣ и чѣмъ питаются* въ то время рабочіе.

Не давая одежды, компаніи выговариваютъ себѣ въ договорахъ „строжайшее запрещеніе рабочимъ вносить съ собою излишекъ вещей и „перепродавать товарищамъ. Эта же передача отъ одного къ другому „запрещается и для такихъ вещей, которыя не съ собой принесены, „а взяты въ счетъ изъ кладовой компаніи“. Ну, а еслибъ дозволено было рабочимъ приносить съ собой вещи и для себя и даже, въ случаѣ излишка, для продажи, тогда компаніи не нужно бы было хлопотать о слишкомъ большихъ запасахъ, а имѣть пришлось бы только на крайній случай, для помощи неимущимъ изъ рабочихъ.

Изъ принесенія рабочими запасныхъ вещей никому не можетъ быть вреда, потому что нѣтъ ни вина, ни картъ, ни свободнаго времени. Вотъ другое дѣло, какъ описываетъ г. Цвѣтолюбовъ въ „Амурѣ“, „когда заведутъ сами же компаніи или ихъ управляющіе, харчевни съ продажей вина, въ видахъ скупа золота, тогда, конечно, можетъ быть проматываніе“. Но вѣдь наша цѣль — говорить о злоупотребленіяхъ общихъ, не скрывааемыхъ компаніями ни отъ кого, а не о тѣхъ, вѣроятно частныхъ случаяхъ, которые описываетъ г. Цвѣтолюбовъ, когда дуютъ на площади плетями, по уголовному суду, рабочаго иногда за то, что онъ былъ слугой у торговавшего золотомъ компаніона или управляющаго, который, конечно, остается невредимымъ по правилу „не пойманъ — не воръ; да и не тотъ воръ, который воруетъ, а который попадаетъ съ краденымъ“.

Чтобы вынести какую нибудь копейку съ мучительныхъ работъ, а не все отдавать компаніи, рабочіе хлопчутъ, какъ можно менѣе занимать въ кладовыхъ одежды и обуви. Отъ того носятъ по нѣскольку недѣль одну и ту же рубашку, которая до того успѣваетъ пропитаться и веществами отъ тѣла, и дегтемъ, пылью, грязью и пр., что уподобляется плотной, непромокаемой матеріи. Очевидно, что такое бѣлье должно зашпирать, и безъ того уже отъ нечистоты засоренныя, поры въ кожѣ, а слѣдовательно останавливать испарину и благотѣльную мѣну съ оживляющимъ чистымъ воздухомъ. Этой неопытности рабочихъ способствуютъ, нѣкоторые изъ управляющихъ принсками, такой спекуляціей: на прински запрещенъ ввозъ предметовъ роскоши, а между тѣмъ отпускъ холста на бѣлье невыгоденъ, почему и скупаютъ для

рабочихъ гнилой сптецъ, который скоро распадается на рубашкѣ и заставляетъ купить еще, и т. д.

Въ официальныхъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ мною отъ горнаго инспектора южной системы, сказано, что рабочимъ даютъ еще отдыхи для починокъ платья и обуви поочередно и по усмотрѣнію промысловыхъ правленій.

Видѣвъ вообще на южной системѣ много человѣчности въ обращеніи управленій съ рабочими и потому готовый исполнѣ върять дѣйствительности существованія отдыха и даже особо для починокъ, я все таки не могу забыть одного обстоятельства, произведшаго на меня много разнообразныхъ впечатлѣній:

Ѣздило насъ четверо осматривать мѣстности по рѣкѣ Мамону, а также и пріиски г. Лавровскаго, работавшіеся по новому способу. Тутъ одному изъ насъ, по обязанности его, пришлось разбирать жалобы на работы новымъ способомъ, а потому мы замѣшались и возвращались на пріискъ, гдѣ жили, очень поздно. Надъ землею раскинулась давно уже темная, претемная ночь начинавшейся осени. Вотъ охладѣлъ воздухъ и сырость стала опускаться на землю и смачивать насъ. Мы съежились и крѣпче окутались верхней одеждой, потому что несносная сырость пробиралась къ каждой точкѣ. Природы не было видно и предметъ для разговоровъ скрылся отъ глазъ. Мы стали не говорливы. Пара лошадей, осторожно переступая съ ноги на ногу, тащила насъ на длинной и широкой долгушѣ, мы то спускались съ какого нибудь холмика въ болѣе сырую логовину, то поднимались изъ нея снова на холмикъ, какъ вдругъ съ вершины одной горки я пораженъ былъ пренеприятнымъ видомъ: на всемъ широкомъ просторѣ долины, въ которую намъ предстояло опуститься среди общей темноты, играли, колыхаемые вѣтромъ, мелкіе огоньки, точно звѣздочки, да такъ много, много ихъ, — то огни большіе, точно восходящее солнце. Пораженный вдругъ этой неожиданной картиной, я не понималъ ея значенія, а потому спросилъ — что это значитъ? Особенно интересно было видѣть, какъ эти мелкія звѣздочки передвигались съ мѣста на мѣсто и то пересекали ходъ одна другой, то мѣнялись мѣстами. Интересъ картины довершился тѣмъ, что по сторонамъ качались въ воздухѣ огни большими узкими конусами, которые то выпрямлялись снизу вверхъ верхушкою, то извивались отъ вѣтра разнообразной змѣйкой. „Это — разрѣзъ пріиска; видите, еще работы не кончены“, отвѣчалъ одинъ изъ спутниковъ. Я промолчалъ. Вотъ мы и въ долину; подѣхали къ мѣсту промывки; всѣ сошли съ экипажа; одинъ изъ спутниковъ спросилъ, что значитъ такая поздняя работа? Двое закурили сигары, а я

посмотрѣлъ на часы—былъ уже 11-й часъ! „Наткнулись на ребровикъ, вотъ и замѣшались!“ отвѣчалъ управляющій пріискомъ. Отвѣтъ, по видимому, всѣхъ удовлетворилъ и лошади потащились далѣе осторожной ступью. Врядъ ли только отвѣтъ этотъ удовлетворилъ рабочихъ, но они промолчали! Поднимаясь на слѣдующую горку, я долго любовался этой картиной: мелкіе огоньки фонарей, по прежнему, передвигались часто съ мѣста на мѣсто, большіе огни костровъ то слабѣли, то разгорались отъ подкладыванія древесныхъ вѣтвей, и огромныя пластыни бересты, свитыя въ концѣ и надѣтыя на вершины деревьевъ, по прежнему, качались отъ вѣтра и длинный конусъ ихъ огня то выпрямлялся, то изгибался разнообразной змѣйкой.

Предметъ о пищѣ на пріискахъ есть единственный, противъ котораго, и по совѣсти и по закону, почти нечего сказать. Конечно, я говорю вообще, что обидѣть рабочихъ пищею не въ модѣ, не принято, а потому вступиться можетъ за плохую пищу и пріисковая полиція.

Но достаточная пища вовсе не составляетъ исключительности современнаго положенія дѣла. Такъ было и съ начала сороковыхъ годовъ, о чемъ находимъ свидѣтельство и у г. Гофмана. Онъ говоритъ: „кормятъ очень хорошо; каждый рабочій получаетъ въ день по 1 ф. свѣжаго, либо соленаго мяса; а во время поста по столько же рыбы; крупы и капусты отпускается столько, чтобы были хорошія щи; свѣжаго хлѣба безъ вѣса, а сколько съѣдятъ; квасу сколько выпьютъ; выборы отъ артелей находятся при отпускѣ мяса и проч.

Въ официальныхъ свѣдѣніяхъ отъ горнаго исправника южной системы значится:

Число рабочихъ.		Продовольствіе.	
Въ 1856 году	9,558	233,650	пудовъ ржаной муки
		9,847	„ пшеничной муки
		58,131	„ говядины
		13,388	„ крупы ячневой
		8,134	„ соли
„ 1857	9,470	261,475	„ муки ржаной
		10,101	„ „ пшеничной
		63,692	„ говядины
		15,208	„ крупы ячневой
		8,338	„ соли

Число рабочихъ. . . . . Продовольствіе.

Въ 1858 году	7,236	184,645	пудовъ ржаной муки
		8,403	„ пшеничной муки
		53,742	„ говядины
		12,752	„ крупы ячневой
		7,338	„ соли
„ 1859 „	6,569	189,759	„ ржаной муки
		8,078	„ пшеничной муки
		53,993	„ говядины
		12,938	„ крупы ячневой
		6,501	„ соли

Въ тѣхъ же свѣдѣніяхъ значится: 1) что каждому работнику отпускается въ пищу ржаного хлѣба безъ ограниченія; мяса отъ 1 до 2 фунтовъ; крупъ $\frac{1}{4}$ ф. въ сутки; соли 3 ф. въ мѣсяцъ; сверхъ того, въ артельныхъ кухняхъ готовится 3 раза въ недѣлю гречневая или ячневая каша. 2) Больные питаются по порціямъ, назначеннымъ по свойству болѣзни: супъ выдается или съ мясомъ, или съ пшеничнымъ хлѣбомъ, или какая нибудь жидкая кашка изъ крупъ гречневыхъ, либо ячневыхъ, или кисель.

Цѣны, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, припасамъ, свозившимся на южную систему, были въ покупкѣ, въ операцію 1858 — 1859 года, слѣдующія:

з а н у д ъ.

Мука ржаная	отъ 1 р. 30 коп. до 1 р. 50 к.
„ пшеничная	„ 1 „ 80 „ до 2 „ — „
Крупа	„ 1 „ 70 „ до 2 „ — „
Соль	„ 1 „ 25 „ до 1 „ 50 „
Мясо	„ 1 „ 80 „ до 2 „ 10 „

Изъ договоровъ же, заключаемыхъ компаньонами сѣверной системы, видно, что они прогрессисты въ расчетливости, ушли далеко и отъ временъ г. Гофмана, когда давался квасъ въволю, кто сколько выпьетъ, а капуста и крупы по столку, чтобъ вышли хорошіе щи, да при развѣскѣ повѣряли выборные отъ рабочихъ.

Такъ, на сѣверной системѣ одна компанія пишетъ въ договорѣ: мяса или солонины по 1 ф. на человѣка; крупы для щей и въ праздники доля каши $\frac{1}{4}$ ф. на рабочаго; соли же и хлѣба, сколько съѣдятъ, но

съ тѣмъ, чтобы растащившій хлѣбъ, безъ толка, платилъ компаніи за убытокъ по стоящей цѣнѣ. Другая компанія добрѣе: не угрожаетъ взыскомъ за убытокъ съ брошеннаго хлѣба, а общаетъ ежедневно имѣть квасъ и давать для каши по 1 ф. сала на мѣсяцъ. Третья—еще добрѣе: общаетъ давать по 1 ф. мяса, но за выдѣленіемъ костей, а это огромная разниа! Четвертая — общаетъ съ 1 іюля давать не солонину, а уже свѣжее мясо отъ 1¹/₄ до 1¹/₂ ф. мастеровымъ и по 1 ф. (безъ костей) рабочимъ; по ¹/₄ ф. на каждого крупы, къ тому же, при нѣкоторой убавкѣ крупы, будетъ капуста, а лѣтомъ всякая зелень, и особенно съ весны черемша, да и щи вариться, дескать, будутъ съ квасомъ; кромѣ того, каша съ саломъ 2 раза въ недѣлю.

Еще, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, на нѣкоторыхъ пріискахъ сами компаніи даютъ рабочимъ чай. Но ни въ свѣдѣніяхъ горнаго исправника южной системы, ни въ договорахъ компаній сѣверной системы не упомянуто, вѣроятно потому, что компаніи не хотятъ обязываться, а даютъ единственно по своему расчету и убѣжденію въ выгдѣ. Это дѣлается такъ: два раза въ сутки (въ 7 часовъ утра и въ 4 часа послѣ полудня) варятъ въ котлѣ чай, рассчитывая въ варку до 1¹/₂ золотниковъ ⁽¹⁾ на человѣка. Прежде чай готовили рабочіе свой, не получая для него отъ хозяевъ, по положенію, хлѣба; почему и таскали отъ обѣда и ужина по цѣлой даже ковригѣ, прятали, портили и на половину бросали не съѣвши. Теперь же компаніи, приготавлиющія свой чай, даютъ по ¹/₄ ковриги хлѣба на человѣка за каждый изъ четырехъ „пріеѣстовъ“ (чай, обѣдъ, чай и ужинъ); рабочій чувствуетъ себя довольнымъ, сытымъ и не имѣетъ ни малѣйшей надобности таскать, по прежнему, хлѣбъ.

Впрочемъ, говоря откровенно, на такую милость, по вѣдному, для рабочихъ, компанія подвинута собственнымъ расчетомъ: хлѣбъ съ 1857 года страшно вздорожалъ, а чай остался въ той же цѣнѣ; выше приведены примѣрно цифры стоимости хлѣба, но вѣдь это на мѣстахъ, а чтѣ же стоитъ онъ съ доставкой на пріискъ—почти вдвое! Слѣдовательно, какъ же не выгодно для компаніи понтъ рабочихъ чаемъ, удѣляя по 3 золотника въ сутки (въ два чая) на человѣка, чѣмъ терять на каждого напрасно по полуковригѣ можетъ быть съ каждого: при такомъ дорогомъ хлѣбѣ ¹/₂ ковриги вполне стоитъ 3 золотниковъ чаю.

Мы видѣли негостепріимную природу тайги и трудность работъ, и изнуреніе отъ ихъ продолжительности, и дороговизну одѣянія, и

⁽¹⁾ Чай, конечно, кирпичный, или, какъ называютъ въ Сибирѣ, карымскій.

постоянную сырость на мѣстѣ работъ, и невозможность, по договорамъ, оставить ихъ ни въ дождь, ни въ грозу, ни въ грязь, и недостаточность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устройства помѣщений: все это должно вліять на *здоровье* и разстраиывать его. Потому *больней* много и болѣзней, гибельныхъ для жизни. Потому и мы перейдемъ къ вопросу о *леченіи*.

Замѣчу, что въ этомъ случаѣ, имѣя въ рукахъ отчеты нѣкоторыхъ больницъ, я отнюдь не приведу числовыхъ данныхъ о болѣзняхъ. А почему? сейчасъ увидимъ.

Пріисковья больницы имѣютъ весьма хорошій видъ, а для тайги и лечащихся въ больницѣ только рабочихъ, нѣкоторыя даже слишкомъ роскошны: хорошій домикъ, построенный правильно, съ корридоромъ; на окнахъ шторы, на кроватяхъ чистыя принадлежности; въ аптекѣ много медикаментовъ, такъ что фельдшера воруютъ, не будучи замѣчены; можетъ быть, порядочная и пища.

Но этимъ все и кончается. Такъ какъ больницы пріисковья не поручены мѣстному врачебному надзору, то для глаза чиновъ немедицинскихъ онѣ прекрасны. Въ какой же степени выполняютъ цѣль, беру смѣлость ссудить я, и какъ очевидецъ, и какъ лицо, на служебной дѣятельности котораго это очень отзывалось.

Нѣтъ надобности уже доказывать, что больница есть такого рода заведеніе, гдѣ лечатъ больныхъ, съ цѣлью выздоровленія ихъ. Слѣдовательно, и достоинство больницы должно мѣряться степенью приносимой пользы, чтобы была пзба „хоть не красна углами, а красна пирогами“.

Золотопромышленники же и ихъ управляющіе, особенно сѣверной системы, смотрятъ на больницы съ особенной, коммерческой, точки зрѣнія: они говорятъ, что наши пріисковья больницы основываются только для первоначальнаго пособія и для легкихъ или экстренныхъ случаевъ. Положимъ, что это отчасти справедливо; но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, что можно выгонять на просторъ тайги всѣхъ трудно и затяжно-больныхъ, и надобно основать гдѣ нибудь въ болѣе жиломъ мѣстѣ, или даже въ городѣ, общую лечебницу, куда бы свозить ихъ. А то при каждомъ хроническомъ случаѣ: цынги, хроническаго ревматизма, водянки, завала, хроническаго слизистаго катарра, чахотки и т. п., рабочихъ расчитываютъ, съ означеніемъ въ расчетныхъ листахъ „расчитанъ за болѣзнью; остался долженъ столько-то рублей; почему по выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операцію будущаго года“.

Безъ всякаго призрѣнія, безъ подводы, отправляется себѣ больной

пѣшкомъ по таежной глуши, — подвергается всѣмъ переменамъ суровой погоды, — его мочить въ дождь и сверху, и снизу, — вѣтра пронизываютъ насквозь его дырявую одежку, — жуется онъ кой-какъ данные ему на дорогу ржаные сухари. И вотъ, смотрите: одинъ, въ конвульсіяхъ, умираетъ на дорогѣ еще въ границахъ принсковъ и предается землѣ съ вѣдома принсковой полиціи, жильцами сосѣдняго зимовья. Другаго смерть застигаетъ гдѣ нибудь, на зимовьѣ и, жарясь отъ боли на печи, прерываетъ онъ своими оханьями да глубокими вздохами тишину одинокой хижинны; говорю одинокой, потому что живутъ чаще безъ семействъ и въ ночное время можетъ вторить стону его развѣ сказочникъ-котъ своимъ мурлыканьемъ, да храпъ зимовника, да изрѣдка, съ просонья, тавканье собаки, когда приснится ей какая нибудь изъ днѣ^нхъ сценъ. Третій протащится всю тайгу, умереть гдѣ нибудь вблизи^{сь} дороги у разведеннаго огонька, разогрѣвая себѣ на сошкахъ въ котелочкѣ воду для питья, въ Анциферовской уже волости и составитъ предметъ судебно-врачебнаго осмотра для окружнаго врача. Четвертый дотаскивается до Енисейска, и, не успѣвъ явиться ни въ полицію, ни на квартиру, засыпаетъ тихимъ и вѣчнымъ сномъ, отъ чахотки, гдѣ нибудь въ уютномъ уголку у забора, какъ случилось мнѣ видать. Пятый препровождается въ городскую больницу и — горько смотрѣть — оборванный, безъ преувеличенія, до лоскутьевъ, замаранный грязью, пылью, даже до того, что нельзя узнать лица человѣческаго, особенно при потухшемъ, почти безжизненномъ взглядѣ, и только бѣлки глазъ, поворачивающихся то одной, то другой стороною, обличаютъ въ немъ живаго человѣка, тѣмъ болѣе, что другіе уже не говорятъ ни слова отъ муки и отчаянія, только поводятъ глазами, умоляя оставить ихъ въ покоѣ и засыпаютъ черезъ часъ, два и три по прибытіи въ больницу.

Вотъ такими-то больными наполняется наша енисейская больница и число больныхъ въ ней достигаетъ втрое противу комплекта.

Извѣстно и изъ закона, и по здравому смыслу, что пріемомъ больныхъ распоряжается врачъ и, согласно смыслу, съ которымъ учреждено заведеніе, долженъ принимать только лицъ, подлежащихъ леченію и которымъ можетъ быть оказана помощь; за тѣмъ Приказъ, руководясь закономъ, подписываетъ не принимать лицъ, не подлежащихъ пріему и не пополнять заведенія сверхъ комплекта, общая подвергнуть взысканію за недослугу вещей. Но что же дѣлать врачу въ настоящемъ случаѣ, если нѣтъ ни богадѣльни, ни дома неизлечимыхъ, если компаніи не хотятъ давать пріютъ и на сутки на своихъ подворьяхъ, если у самихъ больныхъ нѣтъ ни копѣйки за душой и никакой домохозяинъ не

пустить переночевать, если имъ остается лежать на улицахъ и полиція, поднимая ихъ, руководится однимъ правиломъ: „свозить къ больницѣ, выкладывать тамъ на крыльцо и уѣзжать“.

Спрашиваю, что дѣлать тогда врачу? Принимать, и по совѣсти, и чтобы не подвергнуться отвѣтственности за смерть людей на крыльцѣ больницы, безъ пріюта и помощи. По крайней мѣрѣ такъ дѣлалъ я, подвергая себя отвѣтственности и за недослугу бѣлья, которое, при двойномъ и тройномъ комплектѣ больныхъ, должно служить почти безсмѣнно, и за большую цифру умиравшихъ въ больницѣ Приказа, противу выздоровѣвшихъ, и за недостаточность сохраненія порядка и чистоты, когда и число кроватей, и прислуга, и посуда, положены были сперва на 25, а потомъ, по моему ходатайству, на 30 больныхъ, а случилось ихъ и по 85 человекъ.

Очевиднѣе будетъ въ цифрахъ. Такъ по счету за нѣсколько мѣсяцевъ оказалось:

Въ больницу Приказа:

Изъ 79 съ острыми болѣзнями . . . . . умерло 5
— 160 съ хроническими . . . . . умерло 26.

Въ больницу же острога, кромѣ легкихъ случаевъ, пользованныхъ въ самомъ острогѣ: изъ 160 съ острыми болѣзнями и 17 съ хроническими, умерло только 3 человека, тогда какъ извѣстно, что въ больницѣ Приказа средствъ почти въ 10 разъ болѣе, чѣмъ въ острожной!..

Въ этихъ 34 умершихъ только четвертая часть была изъ Енисейской губерніи, а прочіе — поселенцы другихъ губерній Сибири, и крестьяне изъ Россіи. А что всѣ они принадлежатъ золотопромышленнымъ компаніямъ и то слѣдуютъ на пріиски, то изгнаны съ нихъ, видно изъ цифръ, выбранныхъ за нѣсколько мѣсяцевъ 1856 года, откуда видно, что, напримѣръ: изъ 66 поселенцевъ было 31 Енисейской губерніи (а не округа только, для котораго и существуетъ собственно въ Енисейскѣ больница) и 35 другихъ губерній; изъ 60 крестьянъ и мѣщанъ — 48 было изъ другихъ губерній Сибири и Россіи, а 12 енисейскихъ, да и то не округа, а цѣлой губерніи.

Въ числѣ умершихъ было много и калекъ, для которыхъ у насъ нѣтъ богадѣльни, и неизлечимо больныхъ, для которыхъ учрежденія существуютъ только по своду законовъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ были изъ поселенцевъ, тогда какъ до сихъ поръ нѣтъ для нихъ до-

мовъ припрѣнія, что есть въ сводѣ законовъ и на что составился уже огромный экономическій поселенческій капиталъ.

Пробовано было и чувство челоѡколюбія въ золотопромышленникахъ. Но оно оказалось прикрытымъ непроницаемой броней и отвѣтомъ, на официальное предложеніе помочь выходу изъ этого состоянія, была „ссылка на взыскъ, дѣлающійся въ поселенческій капиталъ“, хотя большая часть изуродовавшихся вовсе не поселенцы. А вѣдь ничего бы не стоило для всѣхъ компаній сѣверной системы давать ежегодно копѣйки по 2 съ cadaго фунта золота.

Еще нѣсколько словъ о медицинской части на приіскахъ. При больницахъ имѣется по фельдшеру и есть врачи, которые завѣдываютъ обыкновенно множествомъ больницъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ, на разныхъ приіскахъ и у разныхъ хозяевъ. Они же пишутъ свидѣтельства рабочимъ о болѣзняхъ ихъ. Они же вскрываютъ трупы въ судебно-медицинскихъ случаяхъ и такимъ образомъ дѣлаются судьями тѣхъ хозяевъ, у которыхъ сами нанялись служить. Это и неестественно и смѣшно. Пора бы назначить врача отъ правительства для дѣлъ судебно-медицинскихъ на приіскахъ. Свидѣтельства рабочимъ о болѣзни пишутся чуть ли не сотнями, и это очень благодѣтельная для нихъ мѣра. Скажу серьезно: вздумай только приісковая полиція схватить всѣхъ такихъ рабочихъ, живущихъ безъ документовъ, по мѣлости не поворотливыхъ и жадныхъ писарей, а приісковые врачи пусть только откажутся удостовѣрять въ болѣзненности такихъ лицъ, то и работы на приіскахъ нужно будетъ, пожалуй, приостановить, и помѣщенія въ острогѣ не достанетъ, и рука палача устанетъ отъ взмахиванія плетью! (1).

А что это за фельдшера, которымъ поручаются приісковыя больницы?

Одинъ полякъ-котоликъ, сосланный за кражу и т. п., и объявившій себя годнымъ въ фельдшера за знаніе нѣсколькихъ латинскихъ словъ и умѣніе читать по латинѣ.

Другой, хоть и изъ отставныхъ дѣльныхъ фельдшеровъ, но тянетъ горькую и выпиваетъ всѣ спирты и тинктуры.

Третій, изъ аптекарскихъ помощниковъ и если знаетъ приѣмъ лекарствъ, но ему темны анатомія, наука о переломахъ, перевязкахъ и т. п., что особенно нужно на приіскахъ.

А четвертый не только этихъ наукъ, такъ и приѣма лекарствъ знать

---

(1) Вѣдь никто, а особенно поселенцы, не могутъ проживать безъ вида. Поселенцы, получаютъ плети за отлучку безъ вида съ мѣста жительства за какойнибудь десятокъ верстъ.

не можетъ, какъ зубной врачъ: но за слово „врачъ“ онъ даже можетъ предпочтаться другимъ.

Пятый... Ну, да большею частію все въ этомъ же родѣ.

Теперь вы видите, что участь и жизнь рабочихъ не удовлетворительно обставлены и въ медицинскомъ отношеніи. Да прибавьте къ тому еще, что въ договорахъ сами компаніи вписываютъ разныя тяжелыя условія. Однѣ, за время болѣзни, вычитаютъ изъ жалованья. Другія оставляютъ за то отработать послѣ срочнаго времени. Третьи съ притворно больныхъ взыскиваютъ за содержаніе и леченіе, вычитаютъ изъ жалованья, либо кладутъ за каждый, пропущенный день, по 90 коп. сер. Четвертыя принимаютъ на свой счетъ только содержаніе и леченіе въ самыхъ кратковременныхъ болѣзняхъ, а въ болѣзняхъ длительныхъ (напр. за мѣсяцъ) все относятъ уже на счетъ рабочихъ, которые и должны послѣ зарабатывать: да, кромѣ того, и тѣ и другіе должны отработать и за потерянное время. А пятые со всѣхъ больныхъ, безъ исключенія, взыскиваютъ за леченіе, заставляя безусловно покориться въ исчисленіи издержекъ.

Послѣ всего этого, удивительно ли, что рабочіе и бѣгутъ съ присковъ, и уродуютъ себя умышленно болѣзнями.

Замѣчено однакожъ, что побѣги бывають оттуда, гдѣ болѣе стѣсненій, или гдѣ труднѣе работы. Тамъ же, гдѣ нѣтъ ни американскаго способа, ни ночныхъ и ортовыхъ работъ, пища хороша, обмановъ въ увеличиваніи уроковъ нѣтъ, работы ведутся правильно, почва обсушена и проч., бѣглыхъ бываетъ гораздо менѣе.

Цифры показываютъ, что большая часть бѣглыхъ принадлежать къ поселенцамъ. Такъ, по свѣдѣніямъ горнаго исправника южной системы:

Въ 1856 г. изъ 9,558 чел. бѣжало 67 разн. сословій, кромѣ поселенцевъ, и 336 поселенд.

» 1857 »	» 9,472 »	» 38 »	» »	» »	» 133 »
» 1858 »	» 7,236 »	» 38 »	» »	» »	» 124 »
» 1859 »	» 6,569 »	» 52 »	» »	» »	» 126 »

Причину бѣгства поселенцевъ, противу другихъ, можно находить отчасти въ большой склонности ихъ къ распутству и страсти къ вину, безъ чего ими овладѣваетъ скука, а постоянный и напряженный трудъ, смѣнившій лѣнь и вольное скитальчество, должны естественно увеличивать невыносимость скуки. Но болѣе очевидная причина бѣгства поселенцевъ въ выдачѣ имъ большихъ задатковъ, а забравшись, рабочіе не видятъ цѣли въ работѣ и не рассчитываютъ на выслугу денегъ, сколько бы ни трудиться.

Такъ работаютъ, одѣваются, ѣдятъ, пьютъ, лечатся и бѣгаютъ съ пріисковъ рабочіе. Наконецъ, приходитъ время *выхода*. Съ 8 сентября начинается расчетъ и кончается 12 числа.

Ни у одного изъ пробовавшихъ писать объ этомъ предметѣ такъ ярко не выставлена картина выхода рабочихъ, какъ въ ст. г. Цвѣтолюбова (въ Амурѣ). Только видно, что воображеніе его слишкомъ расходилось и мѣстами набрасывалъ онъ слишкомъ уже густыя краски, несообразныя съ тономъ общей картины, отъ чего и всю картину могутъ счесть за вымыселъ. Такъ напр., рабочіе, по полученіи расчета, будто *„вылетали изъ конторы подобно молніи“*; а мы такъ не можемъ допустить подобной быстроты! Или у г. Цвѣтолюбова рабочіе съ нетерпѣніемъ рвались къ жилымъ мѣстамъ *„по колѣна въ снѣгу, чрезъ высочайшія горы“*; а мы такъ не допускаемъ ни снѣгъ по колѣна, ни высочайшихъ горъ, особенно по дорогѣ изъ южной тайги, хотя и знаемъ, что около 15 сентября выпадалъ дѣйствительно небольшой снѣжокъ постоянно. Или еще: *„рабочій кладетъ въ котомку нѣсколько ломтей хлѣба и стремглавъ бѣжитъ съ пріиска“*; а мы такъ знаемъ, что ему не даютъ ломтя хлѣба, а сухари, да и бѣжать стремглавъ не дозволяютъ, потому что выводятъ систематично партіями при значительномъ числѣ надзирающихъ лицъ.

Но оставимъ въ сторонѣ эти и другія несообразности, какъ плодъ увлеченія разыгравшагося воображенія и приведемъ все таки отрывокъ изъ упомянутой статьи.

„При выходѣ съ пріисковъ, — говоритъ — авторъ, не чувствуетъ рабочій ни холода, ни голода, ни усталости: впереди ждетъ его и теплый уголь, и бездна вина, и всевозможныя безумныя удовольствія. Но не „одни рабочіе хлопчутъ и спѣшатъ. На встрѣчу имъ летятъ также „(ну, хоть и не летятъ, а просто ѣдутъ торопливо и того довольно!) „ревизоры и повѣренные откупа. Огромные запасы посуды наполняются „бѣшеной влагой (отъ чего же бѣшеной-то? вѣдь пусть бы она пузырилась и играла, какъ шампанское, можно бы и бѣшеной назвать, „а то сивуху, да еще и съ водой по поламъ, за что ужъ удостонвать „звонкимъ эпитетомъ: „бѣшеной“?), и ждутъ не дождутся жрецы откупа, когда привалятъ къ нимъ ватаги пріисчиковъ. Это — сѣнокосъ откупа; это его давно желанное время. Не спятъ также купцы уѣздныхъ „городовъ. Все, что залежалось у нихъ и начало уже тлѣть, укладывается на телеги и везется въ главные пункты выхода рабочихъ. Тамъ „устрояются въ домахъ крестьянъ лавки и товары располагаются на „нихъ. Мелкіе плутышки, поселенцы и крестьяне, наполнивъ баклаги „виномъ, разбавленнымъ еще разъ чистой водичей, тоже спѣшатъ на

„встрѣчу рабочимъ, зная, что эти измученные бѣдняки будутъ имъ платить по 50 коп. сер. за чайную чашку отвратительной бурдомаги. „Наконецъ, и наступило 15, 16 и 17 числа... кабаки стали наполняться „народомъ... и пошла потѣха... Разгульная натура, стѣсняемая всевозможнымъ лишеніемъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вырывается „на просторъ... Полюбуйтесь, какъ ловко сидѣлецъ и подносчикъ удовлетворяютъ многочисленнымъ требованіямъ поѣстителей, какіе изрѣдка „бросають многозначительные взгляды другъ на друга, и какъ выдерживается изъ подъ заставки посуда съ виномъ, мошеннически добытымъ „и разбавленнымъ самимъ сидѣльцемъ, какъ бумажныя деньги, подаваемые пьянымъ покупателемъ, принимаютъ видъ низшаго достоинства. „Смотрите: вотъ черныи высокій мужикъ подноситъ кулакъ со сжатой „въ немъ ассигнаціей къ носу сидѣльца, приговаривая: „дай въ морду „тресну тебя и сдачи не надо! чѣмъ уклоняешься, вѣдь ревизоромъ сидѣ- „лаютъ послѣ и самъ драться будешь“... Толпы рабочихъ быстро при- „бываютъ!.. Они изъ оборванныхъ полушубковъ, распоротыхъ и про- „дыранныхъ шараваръ, съ жалкими подобіями шапокъ и сапогъ, „переридились уже въ суконныя и верблюжьи азамы, въ красныя ру- „бахы, плисовые шаровары, заправленные въ новыя кунгурскіе сапоги; „на головахъ новыя на бекрень шапки, а у пьянаго такъ и заброшен- „ныя на затылокъ; на груди крестообразно переведенныя и завязанныя „за спиной бумажныя и шерстяныя крестьянскія шали; у рѣдкаго нѣтъ „подъ мышкой и краснаго товара, накупленнаго, вѣрно, для семей, или „такъ, чтобы купить, потому что ловко просить купить... Смотрите: „съ гармоніей въ рукахъ, съ распахнутыми полами, выступаетъ мо- „лодой парень предъ стоящихъ на улицѣ дѣвицъ и молодыхъ; онъ играетъ „сперва тихо, выбивая тактъ вытянутой впередъ ногой... мало по малу „изъ протяжныхъ аккордовъ переходитъ въ болѣе скорые... толпа увели- „чивается — и вотъ изъ среди ея вывертывается тщедушный, ряборожій „мужичекъ и пускается въ пляску... толпа разступается... ноги, руки, го- „лова — все легко и дико изгибается... ноги чуть не забрасываются на „плечи... онъ входитъ въ пабость до того, что ничего не видитъ и не слы- „шать... а только прикрикиваетъ: „жги, жги, жги! говори!“

„Такъ проходитъ день... а ночью новыя возмущающія душу сцены... „тамъ ловкая содержательница рабочихъ, какая нибудь „кривушка“ „подноситъ настойку съ бѣленой, чтобы лучше обобратъ... тамъ... да „много тамъ бываетъ: наприм. нѣсколько лѣтъ тому назадъ квартал- „ный надзиратель въ теченіи мѣсяца могъ набивать цѣлыя амбары са- „погами, броднями, азами и другимъ хламомъ, содраннымъ съ заби- „раемыхъ по улицамъ пьяныхъ мужиковъ... Единственнымъ же сред-

„ствомъ къ прекращенію всего зла г. Цвѣтолюбовъ считаетъ закрытіе кабаковъ“.

Сцены, описанныя г. Цвѣтолюбовымъ, можетъ быть правдоподобны, потому что я слышалъ, какъ въ деревнѣ Усть-Тунгускѣ бывало прежде по 80 человѣкъ торгующихъ, безъ всякихъ свидѣтельствъ, торговлю начинали не иначе, какъ подачей предварительно покупателю стаканчика настоечки и т. д.; а потомъ конечно и брали, что хотѣли. Слышалъ, что одинъ господинъ рассчитывалъ въ Енисейскѣ рабочихъ не иначе, какъ выдавая имъ деньги въ форточку окна, при чемъ платилъ, говорятъ, только третѣ!

Намъ неизвѣстно, принимаются ли на сѣверной системѣ какія нибудь правительственныя мѣры противъ этого раззоренія рабочихъ въ нѣсколько дней? Не слышно что-то.

На южной же я самъ, въ 1859 году, былъ свидѣтелемъ весьма добрыхъ попытокъ.

Извѣстно, что самое лучшее средство къ удержанію человѣка отъ привычныхъ пороковъ — это измѣнить его умственное направленіе, его взгляды на жизнь и предметы, вдохнуть въ душу его начала нравственности. Вотъ этимъ-то отчасти и пользовались тамъ. На южной системѣ имѣются 2 церкви: одна, на Спасскомъ приискѣ компаніи Мясникова, походная, которой приходъ составляютъ прииски, расположенные по рѣчкамъ Пескиной, малому и большому Шааргану; она разбирается и укладывается вся въ небольшой сундучекъ, довольно просторна и всѣмъ образа сдѣланы по пунцовому бархату, что весьма красиво. Другая церковь постоянная, на другомъ Спасскомъ приискѣ, во имя Преображенія Господня, приходъ которой составляютъ прииски по рѣкамъ: Мурожная, Удереи и Шауллоконъ. При этихъ церквахъ 2 священника, одинъ дьяконъ и 1 дьячекъ. Вотъ къ этому-то орудію и обратился горный исправникъ: недѣли за 2½ до выхода рабочихъ, онъ, съ согласія гг. золото-промышленниковъ, распорядился служить на приискахъ, попеременно на одномъ за другимъ, въ походной церкви литургіи, напутственные молебны и за тѣмъ дѣлалъ священникъ увѣщанія рабочимъ, безъ высокопарности, простымъ разговорнымъ языкомъ, о вредѣ пьянства и о необходимости и пользѣ воздержанія: а за тѣмъ и самъ исправникъ начиналъ съ рабочими бесѣду о томъ же, но уже другимъ языкомъ: онъ, какъ чиновникъ самъ рисовалъ весь вредъ отъ пьянства для ихъ хозяйствъ, ихъ домашне-семейнаго благосостоянія, дѣйствовалъ на ихъ самолюбіе, представляя всѣ тѣ одурчиванія и насмѣшки, какія дѣлаютъ надъ ними, и всѣ отвратительныя и ужасающія картины обирательства ихъ въ Рыбной и другихъ мѣстахъ, гдѣ проходятъ будущъ, также о

наклонности человѣка въ пьяномъ видѣ къ преступленіямъ, о слѣдующихъ за тѣмъ ужасахъ торговой казни, ссылки въ каторгу и проч. Мнѣ все это чрезвычайно понравилось: вотъ, если бы это сдѣлано было не разъ, а заведены бы были по утрамъ въ воскресенье, такъ называемыя воскресныя бесѣды, чтобы толкованіемъ нравственныхъ религіозныхъ основъ, объясненіемъ обязанностей человѣка-христіанина размягчались грубыя сердца, при настроеніи и самой мысли, за отсутствіемъ всякихъ познаній, къ одному развратному молодечеству. Да тутъ же объяснялись бы многія дурныя стороны бытовой ихъ жизни и выставлялись бы проще, ярче, нагляднѣе тѣ экономическія условія, и то умѣнье жить, при которыхъ возможно и счастье, и спокойствіе, и вообще семейно-общественное благосостояніе каждаго изъ нихъ. О, какъ это было бы хорошо! Вѣдь человѣку, какъ бы онъ ни отступалъ отъ нормальной жизни и правильныхъ нравственныхъ понятій о ней, все таки присуще чувствованіе добра, хоть и смутное, но способное развиваться подѣ напѣиъ постоянного напоминанія и картиннаго, удобопонятнаго выставленія исходовъ его. Воспріятіе этого надежиѣ, если въ тоже время не заставляють всему вѣрить только на слово, а скрѣпляютъ это, вкладывая въ умъ этихъ темныхъ людей (какъ сами себя называютъ), точныя, положительныя познанія наукъ и явленій природы.

Какъ бы то ни было, а откупъ очень и очень почувствовалъ существованіе этихъ бесѣдъ и увѣщеваній послѣ литургій, хотя на постепенное ослабленіе барышей откупа въ Енисейскомъ округѣ вліяло отчасти и уменьшеніе денегъ вообще.

На ограниченіе же пьянства въ многочисленномъ классѣ разныхъ присковыхъ служащихъ, обыкновенно прокучивающихъ осенью въ Енисейскѣ все нажитое въ лѣто трудомъ, могло бы имѣть большое вліяніе заведеніе въ г. Енисейскѣ общества трезвости. Къ сожалѣнію, проектъ этого общества отправился постепенно по начальствамъ и по послѣднимъ свѣдѣніямъ уже лѣтомъ не 1859, а 1860 года, объявлено было учредителямъ, что онъ представленъ въ министерство. А сколько пользы принесло бы это общество (конечно, если только въ основахъ его нѣтъ какой нибудь особой частной задней мысли), потому что для лучшаго привлеченія молодежи хорошо бы имъ включить въ проектъ и намѣреніе основать, одновременно съ открытіемъ общества, бібліотеку для чтенія на мѣстѣ, и даже для выдачи по записамъ на домъ, выполнѣ безвозмездно.

Прибавлю здѣсь къ слову, что и вообще енисейское общество начинаетъ сознать себя и проявляться человѣчно; 1) такъ оно выра-

зилось протестами противъ надбавки здѣсь цѣнъ на вино; 2) основаніемъ женской школы; 3) приговоромъ о желаніи составить общественный банкъ. и т. п.

Рабочіе выходятъ по *дорогамъ*. Достоинство дорогъ съ пріисковъ къ жилымъ мѣстамъ не только обусловливаетъ здоровье рабочихъ, во время выхода, но и при входѣ на пріиски и при перевозкѣ тяжестей лѣтомъ и зимою. Дороги вліяютъ на быстроту и скорость сообщеній, и на всѣ хозяйственно-торговыя дѣла пріисковъ.

Вѣдь не за горами то время, тотъ случай, когда, по описанію г. Цвѣтолюбова: „сотни рабочихъ возвращались съ пріисковъ, сбились „съ дороги и чѣмъ далѣе шли эти несчастные, тѣмъ глубже и глубже „уходили въ безконечные лѣса. Обувь и одежда изорваны, усталые „члены требуютъ отдыха, а желудокъ громко вопіетъ о пищѣ. Все „сѣдено и оборвано. Съ деньгами въ карманахъ, но безъ пищи и обуви, „напрасно сплелись бѣдняки выйти на дорогу, найти хоть какой нибудь „пріютъ или человѣческое жилище; небо, лѣсъ, да неизмѣримыя про- „странства, болѣе ничего не было предъ ними. Много сотенъ верстъ „исходили они, ноги едва уже передвигаются, а между тѣмъ нѣтъ и „признака жилья! Еще два дня — и голодная смерть со всей своей „ужасающей картиной развернулась передъ несчастными. На лицѣ нѣтъ „уже надежды, уста громко произносятъ проклятія, а древесная кора „и земля уже не принимаются желудкомъ“.

Мы хотя и думаемъ, что теперь не можетъ быть подобнаго случая, но тѣмъ не менѣе такой урокъ долженъ быть навсегда памятенъ, и пора, давно пора, желать прекрасныхъ дорогъ на пріиски и такъ сильно, какъ желаетъ голодный насущнаго хлѣба. Вѣдь теперь выпускаютъ рабочихъ партіями, да и не выпускаютъ, а сопровождаютъ ихъ. Такъ напримѣръ, съ южной системы идутъ двѣ дороги: Матыгинская на сѣверо-западъ къ селу Рыбному и Климовская на село Усть-тунгузское. Партіи провожаются казачьимъ отрядомъ при урядникахъ до жилыхъ мѣстъ; при томъ бываютъ и промысловые фельдшера: за пріисковой границей фельдшера свободны, а казачьи отряды провожаютъ рабочихъ однихъ до деревни Ингашъ Канскаго округа чрезъ Тасѣвскую волость, а другихъ до деревни Симоновой Ачинскаго округа по Староачинскому тракту. Эти команды подчиняются инструкціямъ мѣстной земской полиціи. Сосѣднимъ же земскимъ судамъ и участковымъ засѣдателямъ сообщаетъ пріисковое управленіе о томъ, чтобы въ селеніяхъ, гдѣ есть рѣки, были заготовлены перевозки, чтобы къ перевозу рабочихъ

допускали по запискам мѣстныхъ засѣдателей, или старшинъ, чтобы съѣстные припасы продавались по цѣнамъ умѣреннымъ, торговцы виномъ были бы устранены, а главное, чтобы не допускали учрежденія кабаковъ ближе 50 верстъ, которые стоятъ себѣ, не обращая вниманія на переписи, чтобы не пропускали ввозъ и торговлю виномъ въ границахъ таѣжныхъ.

Выше упомянуты двѣ дороги. Матыгинская устроена давнымъ давно и всегда удовлетворительно экипажная; она тянется на 62 версты, считая отъ деревни Матыгиной до пріиска Петропавловскаго. Климовская на 120 верстъ, считая отъ деревни Кардиной до пріиска Прокопьевскаго; зимою она можетъ быть и экипажною, но лѣтомъ только верховая, такъ что съ 1859 года только стали устропвать ее и въ лѣто провели для ѣзды на экипажахъ, 22 версты. Между пріисками же всюду прекрасныя дороги, которыя исправляются самими компаніями послѣ весенняго разлива водъ, а зимою поддерживается возможность проѣзда особо отдѣленными отъ каждой компаніи рабочими, число которыхъ зависитъ отъ числа команды. Желательно, чтобы поскорѣе проведена и дорога Климовская. Это будетъ чрезвычайно важно: можетъ образоваться вблизи на берегу Енисея новое складочное мѣсто хлѣба, въ родѣ сѣвернаго Ермака, чтобы зимою можно было перевозить по этой дорогѣ на пріиски припасы. Помогай Богъ! Устраивайтесь.

Съ сѣвѣрной же системы дорогъ много, да толку, кажется, въ нихъ мало. Вотъ какія главныя дороги: Старонифантьевская, Новонифантьевская, Ермаковская, Рязановская (или Усть-Питская) и Лопатинская (или Покровская).

Изъ за первыхъ двухъ дорогъ столько было ссоръ и вздоровъ, что рассказывать и языкъ не воротится: смѣшно и грустно смотрѣть, какъ эти гг. управляющіе составляютъ партіи, не слушаютъ другъ друга, подтѣдаютъ взаимно всякое доброе начинаніе и разрознивая общее дѣло, толкуются, суетятся безъ всякаго смысла. Относительно дорогъ я вполне согласенъ съ словами Юрія Волкова; приведу же ихъ: „какое обиліе „путей, подумаешь! какая роскошь сообщенія — пять дорогъ, читатель! „это мечта. Всѣ дороги допускаютъ проѣздъ только зимою; а лѣтомъ „можно пробраться лишь верхомъ съ опасностію сломить себѣ шею. „Несмѣтныя суммы уже стоятъ дороги; много потрачено на нихъ и въ „дѣйствительности; но все это особнякомъ, въ розсыпную, а не сообща, „не разомъ, безъ толку, такъ что у американцевъ на тѣ суммы была „бы давно желѣзная дорога. Плохія дороги причиною тому, что люди „идутъ на пріиски-цѣлыя недѣли, что лѣтомъ невозможенъ подвозъ припасовъ, такъ что года два назадъ съ невѣроятными успѣхами удалось

„провезти нѣсколько сотъ пудовъ хлѣба съ резиденціи, по Питу, на промысла. Оттого-то осенью, при выгонѣ съ пріисковъ лошадей, трупы ихъ десятками, даже сотнями остаются въ невылазной грязи; отъ того поѣздка лѣтомъ въ тайгу требуетъ большаго количества людей и лошадей.“

Нужно бы, въ заключеніе, разсмотрѣть самыя обстоятельства, обуславливающія успѣхъ пріисковаго дѣла. Но объ этомъ сказано уже въ статьѣ г. Каблукова въ „Вѣстникѣ Промышленности“. Потому здѣсь я скажу только о томъ, что невѣрно, по моему мнѣнію, въ статьѣ Каблукова и на что надобно смотрѣть съ другой стороны.

Во-1-хъ, г. Каблуковъ весьма справедливо замѣчалъ, что необходимо своевременное поступленіе капиталовъ въ распоряженіе мѣстныхъ пріисковыхъ управленій. Но, къ сожалѣнію, онъ мало ознакомился съ мѣстными обстоятельствами дѣла, либо повѣрилъ на слово какому нибудь рассказчику. Такъ напр.: а) онъ увѣрялъ, будто лучшіе работники, тотчасъ по выходѣ съ пріисковъ, нанимаются вновь, почему и излишняя разсылка приказчиковъ; но, во-1-хъ, мы выше уже сказали, что билеты даются на сроки, по окончаніи которыхъ или рабочіе возвращаются на мѣсто, или приказчикъ долженъ скакать на мѣсто для выправокъ тѣхъ билетовъ, а во-2-хъ, если дѣйствительно есть Нижегороды, не отказывающіеся отъ скорыхъ наемокъ вновь, — если онѣ будутъ очень уже выгодны. — то большая часть нанимающихся, вскорѣ по выходѣ съ пріисковъ, принадлежитъ къ разряду самыхъ плохихъ работниковъ, поселенцевъ и самыхъ горькихъ пьяницъ, которые, безъ одежды, безъ пищи и съ жаждой опохмѣлиться, спѣшатъ наняться вновь за какой бы то ни было задатокъ. б) Онъ увѣряетъ, что деньги въ мѣстныхъ управленіяхъ нужны въ августѣ, потому будто, что въ концѣ августа можно лучше и выгоднѣе закупить припасы. Нѣтъ, г. Каблуковъ, этого уже никакъ нельзя. У насъ Енисейскій округъ такъ бѣденъ хлѣбородствомъ, что для пріисковъ не даетъ ровно ничего, а намъ приплавляютъ изъ округовъ — немного изъ Красноярскаго, немного изъ Иркутскаго, а больше всего изъ Минусинскаго. Это дѣлается тотчасъ по вскрытіи рѣкъ: такъ вотъ время скупа! Я говорю какъ лицо, жившее на мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, и разница въ цѣнахъ между мѣсяцемъ августомъ или сентябремъ и весеннимъ приплывомъ бываетъ такъ велика, что въ 1857 году ржаная мука, съ 30 коп. весеннихъ, поднялась осенью до 1 руб. и даже 1 руб. 20 коп. Слѣдовательно, какъ же конецъ-то августа можетъ быть временемъ лучшаго скупа. Впрочемъ, можетъ быть, г. Каблуковъ не думалъ уже о закупѣ прямомъ изъ первыхъ рукъ, а обратилъ свое вниманіе прямо на скупщиковъ-кунцевъ, продающихъ хлѣбъ въ компанію уже съ перевоз-

кою на пріиски вмѣстѣ, а въ концѣ августа скупивши все, они еще не заподряжались въ компаніи и амбары полны у всѣхъ, — но и это ошибочно, потому что они обрабатываютъ свои дѣла чуть не разомъ, при наступленіи уже зимняго пути, т. е. выждавъ и установленія цѣнъ, и степень удобства дороги, и стоимость возчиковъ, зависящую отъ урожая и безденежья крестьянъ.

Во-2-хъ, авторъ хлопочетъ о сѣнокосахъ по островамъ рѣкъ Тен и Енашмъ. Правда, стоитъ обратить вниманіе на ту огромную роль, которую играетъ сѣно въ цѣнности продажи и доставки припасовъ на пріиски, оно чуть не удваиваетъ цѣны. Но, г. Каблукъ! тайга, особенно сѣверная, о которой вы, по преимуществу, и говорите, еще такъ и обширна и дика, лѣсоста, тундриста, бездорожна, что предположеніе о полной замѣнѣ дорогаго перевозочнаго сѣна мѣстнымъ, таежнымъ, можетъ принадлежать къ категоріи сладкихъ грезъ, которыхъ у насъ на Руси такъ много. Прибавлю, что если дѣйствительно есть сѣнокосы, то они разбросаны тамъ и сямъ мелкими клочками. Вѣдь не разгонять же во всѣ стороны лошадей, необходимыхъ непрерывно на мѣстѣ, не разгнивать же людей для сѣнокосовъ и перевозокъ, когда они наняты для добычи золота, руки ихъ лѣтомъ такъ дороги, а времени для работъ такъ мало, — не затѣять же, наконецъ, египетскую работу просѣкъ по тайгѣ и устройства повсюду дорогъ для этихъ перевозокъ сѣна. съ какого нибудь дальняго островка, къ тому или другому пріиску. Вотъ другое дѣло, когда есть сѣнокосныя мѣста возлѣ бока, въ такихъ случаяхъ можно пользоваться и указаніемъ г. Каблукова.

Въ-3-хъ, г. Каблукъ совершенно справедливо говоритъ о необходимости въ болѣе удобное время свозить припасы поближе къ пріискамъ и образовывать складочныя мѣста; да какъ же ему неизвѣстно, что такія мѣста давнымъ давно и есть уже, а именно на Ермакѣ, Усть-Брянкѣ, Усть-Стрѣлкѣ?! Странно! А вотъ, что дѣйствительно должно замѣтить: эти складочныя мѣста состоятъ теперь въ рукахъ купцевъ, а не золотопромышленниковъ, и это будетъ до тѣхъ поръ, пока компаніи не будутъ имѣть всегда запасныя деньги, чтобы во время скупать самимъ всѣ запасы и подготавливать ихъ на мѣста, гдѣ слѣдуетъ, своевременно.

Въ-4-хъ, на сколько мы согласны съ авторомъ о необходимости золотопромышленникамъ имѣть всегда свободный запасный капиталъ, на столько не согласны съ его мыслью, будто компаніи Мошарова, Горохова и нѣкоторыхъ другихъ пали именно отъ недостатка свободного капитала. Неправда: они пали, во-1-хъ, отъ того, что люди сами не занимались дѣломъ, да и не понимали его: во-2-хъ, отъ того, что хотѣли жить

какъ баснословный Крезъ; въ-3-хъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія о денежныхъ операціяхъ, принимали деньги всѣхъ постороннихъ людей къ себѣ какъ бы въ банкъ, съ цѣлію захватывать болѣе и болѣе приисковъ, отнюдь не думая довольствоваться разработкою имѣемыхъ, — они думали, что земля такъ сплошь и завалена золотомъ! Вообще же говоря, конечно, золотопромышленность требуетъ не только наличнаго капитала, для настоящихъ оборотовъ своихъ, но и капитала запаснаго, обезпечивающаго и другія операціи. И въ самомъ дѣлѣ, какъ было вести дѣла, особенно въ прежнее время, до разрѣшенія получать деньги подъ золото изъ Барнаула и даже Приказа Общественнаго Призрѣнія, когда полученіе денегъ, за добытое золото, нужно было ожидать около года. Кромѣ того, компаніямъ надобно помнить, что не тотъ приискъ выгоденъ, въ которомъ много золота, а тотъ, который приноситъ пользу; между тѣмъ у насъ, весьма часто и теперь, хотя въ размахнутыя дѣломъ, не имѣя на то достаточныхъ средствъ; отъ того входятъ въ зависимость богатыхъ доставщиковъ, кредитуются за огромнѣйшіе проценты; такъ что приискъ, обогащая постороннихъ людей, оставляетъ своего хозяина при однихъ долгахъ. Совсѣмъ другое дѣло, если начинать умѣренно, исподволь, взвѣсивая свои средства, и разработку каждаго прииска увеличивать его же средствами, отнюдь не употребляя эти деньги на другіе приiski, пока не получится уже такая польза, которая дастъ полное право метать свободныя суммы и по сторонамъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Слѣдя золотоносныя системы, мы прошли молчаніемъ двѣ волости — Бѣльскую и Яланскую, лежащія къ западу отъ Енисея. Тутъ же и городъ Енисейскъ.

Эти двѣ волости, хотя значительно болѣе Казачинской, но не могутъ сравниться, по обширности, съ остальными частями округа. Онѣ занимаютъ (Бѣльская южнѣе Яланской) тотъ уголокъ, который къ югу отъ волости Анцыферовской остается до границы округа Ачинскаго, Енисейской губерніи и до Нарымскаго уѣзда, губерніи Томской. О системѣ водъ въ нихъ достаточно сказать слѣдующее.

Главная рѣка Кемь, впадающая въ Енисей, въ Анцыферовской волости, въ 12 верстахъ ниже г. Енисейска. Она беретъ свое начало въ Красноярскомъ округѣ изъ подземныхъ ключей и болотъ. Потомъ въ Казачинской во-

лости Енисейскаго озера увеличивается впадающими въ нее рѣчками. Войдя въ Бѣльскую, Кемь уже играетъ важную роль, потому что всѣ воды этой волости, въ восточной половинѣ ея, принадлежать системѣ этой рѣки Кемь, а въ западной р. Кети, притоку Оби, замѣчательно тѣмъ, что на притокахъ ея стоитъ много деревень, и тѣмъ, что до 1850 года по ней сплавлялся свинецъ для заводовъ города Барнаула, а въ прошломъ столѣтїи сплавлялись желѣзныя издѣлія изъ Енисейска либо Кетью, провезя сперва въ 76 верстѣ волокъ, либо Чулымомъ, для снабженія Барнаула и даже Тобольска. Фарватеръ Кети не защищенъ высокими горами, а потому, при весеннемъ половодьи, она разливается на большія пространства и затопляетъ всѣ низменности околележащей, ровной и лѣсистой, мѣстности.

Но возвратимся къ притоку Енисея—Кемь. Она принимаетъ рѣки: Тыю, Рыбную, Тихановскую и Бѣлую. Изъ нихъ болѣе другихъ замѣчательна р. Тья, какъ пересекающая старую трактовую, а нынѣ „Ачинскую“ дорогу и разливающаяся весною съ 6 сажень на $\frac{1}{2}$ версты, при быстромъ теченіи; почему въ маѣ мѣсяцѣ на ней есть переправа на карбазѣ, тогда какъ въ остальное время довольствуются мостомъ, какъ на остальныхъ трехъ рѣчкахъ. Но, подобно Тьѣ, разливаются и 3 другихъ рѣчки и сама Кемь, которая, вмѣсто обыкновенныхъ 15 и 20 сажень, бываетъ весною отъ 100 до 400 и тогда переплавляются по ней уже не на паромахъ по канату, а на карбазахъ веслами. Результатомъ этихъ разлитій остаются въ догахъ тони и заливныя болота нерѣдко вблизи селеній. Теченіе Кемь отличается необыкновенными извилинами, отъ чего образуется множество заливовъ.

Такова же Кемь и въ волости Яланской, а потому я не буду распространяться. Скажу только, что она соединяется узкою протокой съ съ цѣлебнымъ озеромъ Плодбищенскимъ, о которомъ будетъ ниже.

Къ судоходству Кемь не способна равно въ обѣихъ волостяхъ. На водахъ обѣихъ волостей нѣтъ вовсе пороговъ и нѣтъ замѣчательныхъ острововъ. Въ Бѣльской волости 23 мукомольныхъ мельницы дѣйствуютъ во все время года, кромѣ весенняго разлива; въ Яланской же только двѣ мельницы на рѣчкѣ Песчанкѣ, устроенныя крестьянами, съ платежемъ оброка. Изъ этихъ мельницъ: двупоставная дѣйствуетъ съ іюня по ноябрь, а другая, однопоставная, во все время года. Онѣ едва удовлетворяютъ трудамъ жителей. Большихъ озеръ нѣтъ. Болота большею частью отъ рѣчныхъ разливовъ, но есть небольшія и отъ почвы, которыхъ мохъ употребляется жителями для домовъ.

Рыбы въ водахъ обѣихъ волостей слѣдующія: таймени, налимы, щуки, язи, подязыки, хайрюзы, окуни, сороги, ельцы, ерши и пискари.

Въ Бѣльской волости, южной въ сравненіи съ Яланскою, имѣется 3 села и 14 деревень съ 818 домами и по счисленію 1859 года ⁽³⁾, 1,922 мужчинами, да 1,889 женщинами. Въ Яланской же 20 деревень (изъ нихъ одно село) съ 556 домами при 1,366 мужчинахъ и 1,456 женщинахъ.

Къ тому надобно прибавить, что разливы рѣкъ съ Яланской и Бѣльской волостяхъ зависятъ и отъ общей отлогости всего лѣваго берега Енисея, такъ что, при большихъ весеннихъ наводненіяхъ, Енисей, выступивъ изъ береговъ, и самъ заливаетъ на весьма большое пространство всѣ низменные мѣста, вмѣстѣ съ прибрежными селеніями и заваливаетъ наноснымъ пескомъ.

Такъ какъ г. Енисейскъ стоитъ на рубежѣ между Яланской и тянущейся отъ нея къ сѣверу Анцыферовской, то поговоримъ теперь о немъ.

Городъ Енисейскъ.

Городъ Енисейскъ стоитъ на лѣвомъ низменномъ (западномъ) берегу рѣки Енисея. Основанъ въ 1618 году боярскимъ сыномъ Петромъ Албычевымъ и тобольскимъ стрѣлецкимъ сотникомъ Рукинымъ, построившими на мѣстѣ нынѣшняго Енисейска нѣсколько домовъ съ палисадомъ и тремя стрѣльницами, что и назвали Енисейскимъ острогомъ. Въ 1678 году Енисейскій острогъ переименованъ въ уѣздный городъ.

Мѣстоположеніе Енисейска нельзя назвать удобнымъ, потому что въ окрестностяхъ его находится много болотъ и маленькихъ озеръ, къ тому же въ весенній разливъ водъ онъ затопляется. Весною 1857 года мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ разлива системы водъ Енисея. Я опишу здѣсь наводненіе на столько, чтобы можно было судить о причинахъ его появленія и всѣхъ сопутствующихъ обстоятельствахъ, изъ чего можно бы сдѣлать сужденіе и о всѣхъ преждебывшихъ наводненіяхъ. За долго до наступленія весны 1857 г. старожилы утверждали уже, что будетъ потопъ. А на вопросъ — почему? Пресерьезно отвѣчали: „да развѣ у васъ мыши не поднялись въ верхніе этажи? Природа вѣдь имъ подсказываетъ!“ А я видѣлъ только, что дѣйствительно зима была крайне снѣжная и снѣгъ всюду лежалъ весьма глубокимъ слоемъ, такъ что среднюю мѣрой можно положить на три аршина. Потомъ стало подходить время весны, а холода стояли по зимнему: это заставляло предполагать возможность разлива. Наконецъ, пришолъ май, а

---

(3) Свѣдѣнія всѣ получались мною изъ оффиціально.

природа не тронула своей зимней бѣлой оболочки. Тогда уже общій говоръ: „быть сильной оттепели вдругъ“, заставлялъ многихъ, съ увѣренностію въ разливѣ, принять мѣры предосторожности. И въ самомъ дѣлѣ, 4-го мая сдѣлалась столь сильная оттепель, что 6-го пошевелился, 9-го пошелъ было явственно на Енисей ледъ, а съ 11-го начался уже окончательный взломъ и густо поплыли огромныя массы. Къ 16-му числу Енисей совершенно очистился ото льда; только вода, сильно поднимавшаяся, не сбывала. Къ утру 17-го понесся уже по правому берегу Енисея темный, почти синій, ледъ Тунгузки; слѣдовательно, при позднемъ вскрытіи Енисея въ этотъ годъ, подошло и вскрытіе Тунгузки съ ея притоками и особенно Тасѣвой ⁽¹⁾. Къ 8 часамъ утра подъемъ воды былъ на 4½ аршина и русла рѣчекъ, болота и овраги города были уже полны. За тѣмъ вода пріостановилась; но въ ночь на 18-е подоспѣлъ проходъ Тасѣвой, результатомъ чего и было наводненіе, длившееся 19, 20 и 21 числа. Впрочемъ, 21-го вода начала уже сбывать и сошла вполне къ 27-му. Затоплена была половина города, а именно: въ 1-й части изъ 480 домовъ — 382, а во 2-й, гдѣ гора, изъ 462 — 130 домовъ. Вода возвысилась противъ обыкновеннаго уровня на 4 сажени, а противу полноводья на 2. Такимъ образомъ, причинами наводненія можно считать: 1) глубокіе снѣга, 2) до мая стоявшіе холода, 3) наступившія вдругъ оттепели, 4) совпаденіе полои воды со снѣговою, 5) совпаденіе вскрытія и Енисея, всегда вскрывающагося ранѣе, и Ангары, и Тасѣвой. Впрочемъ, кромѣ этихъ причинъ, можетъ быть и обмелѣніе Енисея, имѣющее результатомъ запоръ льда, особенно въ такихъ мелкихъ и узкихъ мѣстахъ, какъ у деревни Баженовой въ Анцыферовской волости, или какъ въ Камнѣ (мѣсто это описано будетъ ниже). Случаевъ подобныхъ наводненій, въ теченіе 60-ти лѣтъ, было 11-ть, а именно: въ 1800, 1823, 1824, 1836, 1837, 1839, 1841, 1846, 1848, 1853 и 1857. Изъ нихъ самое ужасное наводненіе, покрывавшее весь городъ, было въ 1800 году. Въ 1846 и 1848 самыя высокія только мѣста оставались непокрытыми. А въ 1857 году наводненіе менѣе предъидущихъ, но побольше остальныхъ. О томъ, какъ оградить можно городъ отъ этихъ наводненій, скажу особо. А теперь приведу таблицу съ 1790 по 1820 г. включительно о вскрытіи Енисея, а съ 1821 по 1859 подробно о вскрытіи и замерзаніи этой рѣки.

---

(1) Обыкновенно же Тасѣва проходитъ послѣ Енисея черезъ 6-ть, а Верхняя Тунгузка черезъ 12 дней.

ТАБЛИЦА О ВСКРЫТИИ РѢКИ ЕНИСЕЯ ВЪ 31-ЛѢТН. ПЕРІОДЪ.

ГОДЫ.	ЛЕДЪ ИМѢЛЪ ДВИЖЕНІЕ.		ГОДЫ.	ЛЕДЪ ИМѢЛЪ ДВИЖЕНІЕ.	
	Въ апрѣлѣ.	Въ маѣ.		Въ апрѣлѣ.	Въ маѣ.
1790 . . .	29	—	1806 . . .	30	—
1791 . . .	27	—	1807 . . .	13	—
1792 . . .	20	—	1808 . . .	—	2
1793 . . .	—	6	1809 . . .	—	—
1794 . . .	—	—	1810 . . .	—	—
1795 . . .	—	—	1811 . . .	—	—
1679 . . .	—	—	1812 . . .	—	—
1797 . . .	—	2	1813 . . .	—	—
1798 . . .	25	—	1814 . . .	—	1
1799 . . .	—	3	1815 . . .	—	—
1800 . . .	21	—	1816 . . .	28	—
1801 . . .	16	—	1817 . . .	14	—
1802 . . .	16	—	1818 . . .	30	—
1803 . . .	—	—	1819 . . .	—	—
1804 . . .	—	—	1820 . . .	10	—
1805 . . .	—	1			

ТАБЛИЦА О ВСКРЫТИИ РѢКИ ЕНИСЕЯ И ПОКРЫТИИ ЕЯ ЛЬДОМЪ
СЪ 1821 ПО 1860 ГОДЪ ПРИ ГОРОДѢ ЕНИСЕЙСКѢ.

Годы.	РѢКА ВСКРЫЛАСЬ.						РѢКА ПОКРЫЛАСЬ.			РѢка была по- крыта льдомъ. Число дней.	
	Въ апрѣлѣ.				Въ маѣ.		Въ октябрѣ.		Въ ноябрѣ.		
	Отъ 10 по 20 число.		Отъ 21 по 30 число.		Отъ 1 по 10 число.		Отъ 21 по 31 число.	Отъ 1 по 10 число.	Отъ 11 по 20 число.		
	Первый ходъ.	Изюма- до ледъ.	Первый ходъ.	Изюма- до ледъ.	Первый ходъ.	Изюма- до ледъ.					
1821	15	—	—	25	—	—	—	5	—	—	
1822	17	—	—	29	—	—	—	—	—	176	
1823	18	20	—	—	—	—	—	—	—	—	
1824	—	—	24	26	—	—	—	—	—	—	
1825	—	—	28	—	—	1	—	—	—	—	
1826	10	11	—	—	—	—	—	8	—	—	
1827	—	—	27	28	—	—	—	—	20	171	
1828	—	—	29	—	—	3	—	6	—	165	
1829	—	—	26	—	—	4	—	4	—	179	
1830	—	—	27	28	—	—	—	—	14	175	
1831	—	—	29	30	—	—	27	—	—	166	
1832	—	—	25	26	—	—	—	9	—	182	
1833	—	—	—	—	2	3	25	—	—	175	
1834	—	—	22	22	—	—	—	—	16	179	
1835	15	18	—	—	—	—	26	—	—	153	
1836	—	—	—	—	1	3	—	2	—	189	
1837	—	—	—	—	2	2	—	10	—	181	
1838	—	—	29	—	—	1	31	—	—	172	
1839	—	—	—	—	2	2	—	2	—	183	
1840	17	18	—	—	—	—	21	—	—	168	
1841	—	—	—	—	1	1	—	10	—	193	
1842	17	20	—	—	—	—	30	—	—	160	
1843	14	15	—	—	—	—	—	8	—	167	
1844	—	—	22	25	—	—	—	4 и 7	—	168	
1845	—	—	25	—	—	1	—	4	—	175	
1846	—	—	27	27	—	—	28	—	—	174	
1847	—	—	24	25	—	—	—	—	13	180	
1848	—	—	—	—	5	6	—	—	17	175	
1849	—	—	24	28	—	—	—	8	—	162	
1850	—	—	24	26	—	—	27	—	—	169	
1851	—	—	29	30	—	—	—	1	—	185	
1852	—	—	21	22	—	—	—	1	—	172	
1853	—	—	—	—	5	6	29	—	—	189	
1854	14	16	—	—	—	—	—	—	11	156	
1855	17	20	—	—	—	—	—	8	—	163	
1856	—	—	21	съ 27 на 28	—	—	—	—	11	169	
1857	—	—	—	—	6	11	—	—	—	—	
1858	20	22	—	—	—	—	—	на 10	—	163	
1859	9	12	—	—	—	—	—	—	на 15	148	

Почва окрестностей Енисейска весьма богата желѣзными составными частями. Желѣзняка здѣсь такъ много, что болота, съ юга города лежащія, покрыты всегда желѣзною ржавчиной; а на сѣверѣ по р. Кеми есть даже желѣзныя горы. Руды эти различны и самыхъ лучшихъ достоинствъ. Жаль, что въ настоящее время, когда такъ много требуется желѣза для золотопромышленниковъ, нѣтъ капитальнаго и предприимчиваго человѣка, который бы взялся за этотъ предметъ и давалъ бы лучшія желѣзныя издѣлія, чѣмъ тѣ, которыя привозятся издалика чрезъ всю Сибирь, съ Урала. Предпріятіе это, если бы и не могло сравняться съ золотопромышленностію, не всегда, впрочемъ, блистательною по своимъ результатамъ, но во всякомъ случаѣ принесло бы несомнѣнную прибыль.

Странно, какъ посмотришь, какой водоворотъ въ мірѣ: одно начинается процвѣтать, а другое падаетъ, въ одномъ бѣжимъ далеко впередъ, а многое, также весьма полезное, забываемъ. Говорю это къ тому, что въ прошломъ столѣтіи бывала въ Енисейскѣ, съ конца іюля до конца августа, ярмарка, на которой сосредоточивались товары Китая, Россіи и частию западной Европы; а въ числѣ товаровъ, которыми отличался самъ Енисейскъ, пушнина и желѣзныя издѣлія занимали первую роль, тогда какъ юфть, замша, тонкія нитки, вышиванья золотомъ и шелкомъ и пчиги (особый родъ сапоговъ) слѣдовали уже за ними. По свѣдѣніямъ изъ бумагъ выборнаго отъ Енисейска на Екатерининскій сборъ г. Самойлова, видно, что желѣзными енисейскими издѣліями снабжался весь край Иркутскій, возили также укладъ въ Томскъ, Кузнецкъ, Колыванскій заводъ и въ крѣпость Семипалатинскую. Здѣшнія желѣзныя издѣлія не теряли значенія своего и въ XIX столѣтіи, такъ въ 1820 году въ одинъ Иркутскій край вывезено въ разныхъ подѣлкахъ до 6,000 пудовъ. Съ 1830 по 1840 годъ производство желѣзныхъ издѣлій не уменьшилось, хотя приготовленіе матеріаловъ въ цѣнѣ возвысилось, руда покупалась по 25 коп. за пудъ. Въ эти годы вырабатывалось ежегодно: сошниковъ до 12,000 паръ, уклада до 19,000 пуд., топоровъ до 35,000 штукъ и разныхъ издѣлій до 12,000 пудовъ, а всего до 30,000 пудовъ. Съ 40-хъ же годовъ, съ появленіемъ золотопромышленности, раззорившей и развратившей крестьянъ и мѣщанъ енисейскихъ, желѣзное производство стало такъ быстро упадать, что съ 50-хъ годовъ здѣшнія желѣзныя издѣлія никуда уже не отправляются и только массивный желѣзный иконостасъ, поставленный купцомъ Кореневымъ въ церкви при женскомъ монастырѣ, служить еще памятникомъ изсякшей промышленности. Вотъ это-то обиліе въ почвѣ желѣзняка послужило основаніемъ появленію минеральныхъ желѣзныхъ ключей.

Одинъ изъ такихъ ключей, лежащій на болотистой почвѣ у южной части самага города, изслѣдованъ мною въ 1857 году химически. Самый процессъ изслѣдованія здѣсь повторять не буду; онъ изложенъ былъ въ Московской медицинскій газетѣ. Скажу только: во-1-хъ, что въ томъ же году вода эта доставлялась въ С.-Петербургское Вольное Экономическое Общество, гдѣ оказалась бѣдною твердыми частями (изъ 16 унцій 4 грана), состоящими болѣе всего изъ углекислой извести съ небольшимъ количествомъ натра и магнезіи, были также слѣды кремнезема и глинозема, и окись желѣза, образовавшаяся тутъ уже изъ находящейся въ свѣжей водѣ углекислой закиси желѣза; слѣдовательно, главная цѣлебная часть есть углекислая закись желѣза и хотъ есть слѣды сѣрной кислоты и хлора, но главное—всѣ соединенія углекислыя. Реагенціи, сдѣланныя мною, показали, во-1-хъ, *закись желѣза* опредѣлилась настойкой чернильных орѣшковъ, сѣрноводородокислымъ сѣрнистымъ аммоніемъ, желѣзистосинеродистымъ калиемъ и желѣзистосинероднымъ калиемъ; во-2-хъ, *углекислая известь* — фосфорнокислымъ и щавелевокислымъ аммоніакомъ; въ-3-хъ, *углекислыя соли вообще* — уксуснокислымъ свинцомъ; въ-4-хъ, *небольшое количество хлора* — азотнокислымъ серебромъ. Слѣдовательно, въ общихъ чертахъ разложение и мною сдѣланное, и химиками петербургскими дано одни и тѣ же результаты. Только, какъ мнѣ извѣстно, вода, для отсылки въ С.-Петербургъ, была взята еще въ то время, какъ она сочлась только изъ ключа, а самый ключъ не былъ вскрытъ и не былъ изолированъ отъ стоковъ дождевой и другихъ влагъ съ окололежащей мѣстности, потому что я, вмѣсто небольшой ямы съ полубочьемъ, сдѣлалъ глубокій колодезь, при чемъ, дойдя до почвы и вынувъ корни деревьевъ, открылъ нѣсколько бьющихъ вверхъ ключиковъ и одинъ большой, подходящій къ колодцу почти перпендикулярно съ боку и бьющій въ яму съ юговосточной стороны. Къ сожалѣнію, ключъ этотъ стоитъ на низменномъ мѣстѣ, такъ что наводненіе 1857 года уничтожило и канавы и загородъ, которыми обведенъ былъ источникъ и всю надземную часть сруба съ крышею и навѣсомъ, которыми защищенъ онъ былъ отъ стоковъ и дождей. А очень жаль, что нельзя ничего тутъ устроить, тогда какъ вода этого источника оказалась полезною, по моимъ наблюденіямъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) купанье въ этой водѣ, разводимой теплою, отъ невозможности выносить ея неестественно чрезмѣрнаго холода, укрѣпляетъ людей и золотушныхъ и нервныхъ; 2) примочка изъ нея заживляетъ золотушныя язвы и 3) сводитъ мокнушіе лишай; 4) язвы гнилыя, ихорозныя, скорбутическія принимаютъ лучшій видъ и начинается заживленіе. Прибавлю ко всему этому, что пьющіе воду изъ

жолотоушныхъ, нервныхъ и цынготныхъ, не получаютъ ни разстройства пищеваренія, ни запора; вода переносится пищеварительными органами легко, а люди видимо крѣпнютъ и свѣжѣютъ; въблизи живущіе граждане употребляютъ ее на чай и въ пищу. На подобный же желѣзистый ключъ наткнулись при рытьѣ колодца среди города, въ высокой горной части его, еще до моего прїѣзда въ Енисейскъ; вода эта оказалась крѣпче предыдущей, грубовата и употребленію въ пищу не соотвѣтствовала.

4 Такое присутствіе въ почвѣ желѣзняка, съ минеральными желѣзистыми ключами, весьма важно, потому что, какъ сказано выше, Енисейскъ стоитъ среди болотъ, и климатъ его не завиденъ. Это вызывало на мѣры. Потому, еще до прибытія моего въ Енисейскъ, былъ составленъ, по устройству города, планъ. Я читалъ этотъ планъ и нахожу его несостоятельнымъ въ томъ, что польза для здоровья, предполагаемая тамъ отъ прибавленія нѣсколькихъ кварталовъ и снесенія нѣсколькихъ зданій, не осуществится, пока не исчезнутъ влажность и удушливость въ воздухѣ, пока не сдѣлаются сухими и здоровыми самые вѣтры, продувающіе городъ. А этого быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока не уничтожится причина болѣзней, т. е. сырость, удушливость и вредность воздуха, пока грунтъ и обстановка города останутся тѣ же, пока болѣта внутри самаго города и въ его соприлежащихъ окрестностяхъ останутся гнить по прежнему и пока не выполнятся многія требованія медицинской полиціи. Такимъ образомъ, по моему крайнему разумѣнію, при этой планировкѣ города должны быть приняты, въ видахъ истинной пользы для здоровья жителей, слѣдующія обстоятельства:

1. Перенести западное кладбище далѣе по тракту на холмъ, отдѣляемый гатью и сырою логовиной, чрезъ которую затекаетъ вода при разливахъ Енисея. Тутъ сама природа дѣлаетъ жителямъ предѣлъ далѣе строиться; а между тѣмъ чрезъ это получится возможность образовать къ кладбищу (назначенному къ переносу) правильный кварталъ, который и теперь уже послѣ 1854 года подвинулся къ кладбищу.

2. Въ южной части города у кузницъ остается свободнымъ пространство для 10 кварталовъ, составляющее отъ сѣвера къ югу (въ этомъ мѣстѣ) поляну, спускающуюся все ниже и ниже, переходящую за тѣмъ въ болото и разрѣшающуюся уже Секретарскимъ озеромъ, у котораго холмъ; слѣдовательно, у кузницъ на пустое пространство низкое, влажное и могущее быть затопленнымъ, городъ можетъ задаваться только огородами, какъ теперь уже и начинается, а кварталовъ располагать неудобно и для построекъ, и для здоровья обитателей впрѣдъ до измѣненія свойствъ мѣстности, т. е. если на пространствѣ всей окрестности,

примѣрно около полуверсты, вырубятся кустарники, поддерживающіе влажность почвы и обиліе воды и если за тѣмъ произвести этой окрестности осушку, при чемъ считаю нужнымъ присовокупить, что возможность и удача этого доказывается 1838 годомъ, когда на юго-западной сторонѣ города, между имъ и деревней Горской, 2 озера, образовавшіяся отъ стока изъ болотъ, соединены были канавою какъ между собою, такъ и съ рѣчкой Пестеревкой, чрезъ что сдѣлалась такая осушка, что начиннали ѣздить.

3. Самый большой вредъ для здоровья зависить отъ двухъ пу-
стотъ внутри города, кои, составляя настоящія болота, должны быть уничтожены прежде всего, а это уничтоженіе сдѣлать не трудно: первое болѣе сѣверное болото легко соединится небольшой канавкой съ тѣмъ ручейкомъ (по мѣстному названію, тогда какъ въ планѣ названъ оврагомъ), который, пройдя мимо Троицкой церкви, входитъ въ рѣчку, Мельничную, повыше втораго моста; къ западу же канаву надобно про-
вести черезъ все болото къ кладбищу (уничтожаемому); такимъ обра-
зомъ, все содержимое болота, а въ случаѣ и разлитіе Енисея, затекаю-
щаго вышесказаннымъ путемъ, будетъ опускаться канавой и оврагомъ (по мѣстному ручейкомъ) въ рѣчку Мельничную; что же касается до втораго болота, болѣе южнаго, то оно уничтожится канавами продоль-
ною и двумя поперечными, которыя бы соединяли ее съ продольною кана-
вою перваго, болѣе сѣвернаго болота. При такомъ выполненіи и мѣст-
ность пустою не останется, а частію застроится, частію займется ого-
родами и здорово будетъ жителямъ.

4. Хотя нѣкоторые заводы и перенесены изъ города по Ачинскому
тракту мимо западнаго кладбища къ бойнямъ, но осталось мѣсто на
юго-западѣ города, занимаемое мыловарней, салотопней и даже ко-
жевенными заводами, а какъ заведенія эти и неумѣстны и вредны для
здоровья, то и должны быть также перенесены къ бойнямъ.

5. Здоровье жителей требуетъ также назначенія за чертою города
особыхъ ямъ и овраговъ для своза разныхъ нечистотъ и то въ сто-
ронѣ отъ направленія дорогъ и господствующихъ вѣтровъ, а мѣсто
для помѣщенія ихъ опредѣлится, когда приведется въ исполненіе предъ-
положенная мною и требуемая здоровостью жителей планировка города.

Количество земли, занимаемое городомъ съ выгонами и лугами,
простирается до 3,012 десятинъ 600 квадратныхъ сажень.

Число жителей города до 5,735 человекъ, т. е. 3,060 мужчинъ и
2,675 женщинъ.

Городъ Енисейскъ, по строенію, одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ го-
родовъ Сибиря. Онъ имѣетъ каменные: присутственные мѣста, больницу,

казарму, училище, гостиный дворъ и довольно частныхъ домовъ. Гостиный дворъ съ 114 лавками. Деревянныхъ домовъ до 1,100. Красоту города составляютъ два монастыря (мужской и женскій) и 6 церквей приходскихъ. Мужской монастырь называется Спасскимъ; онъ основанъ въ 1642 году при архіепископѣ Герасимѣ; къ этому монастырю были приписаны: 400 душъ крестьянъ, солеваренный заводъ, мельницы и прочія угодья; но съ 1767 года при немъ оставлены только: мельница, рыбная ловля и сѣнные покосы; по окладу, онъ причисленъ къ 3 классу. Женскій монастырь называется Христорожественскимъ; основанъ въ 1664 году, имѣетъ свои сѣнные покосы; по окладу тоже въ 3 классѣ. Въ 1829 году, на сумму 4,000 рублей, пожалованную Императоромъ Николаемъ, обнесенъ монастырь каменною оградой съ башнями, что придало ему величественный видъ. Вообще церкви и монастыри въ Енисейскѣ довольно богаты: въ нихъ есть пудовъ 40 серебра.

О жителяхъ Енисейска вотъ что говоритъ въ своемъ обзорѣнн знатокъ Сибири г. Словцовъ: „соблюденіе наружныхъ обрядовъ, періодическое покаяніе съ причащеніемъ Св. Тайнъ, и упованіе на заслугу „Христову, безъ исправленія самой жизни, считаются у нихъ спасительными путями къ царствію Божію. Пожалѣмъ о характерѣ заблужденій, нерѣдкихъ въ нашемъ вѣкѣ, и наверстаемъ порицаемую чувственность взглядомъ на христіанскую жизнь слободъ, изстары заселенныхъ крестьянами, а не посельщиками. Тамъ имя Божіе произносится старшими семейства съ благоговѣніемъ съ утра до вечера. Многократно бывали мы свидѣтелями, съ какою чинностію, тишиною спядать за хлѣбомъ-солью, съ какимъ благодареніемъ встаютъ изъ застола и съ какою богобоязливостію поднимаются падшія крупнцы хлѣба, „почитаемаго за даръ Божій; выдали, какъ, во время грозы, по ночамъ, „теплить свѣчи предъ иконами и молятся цѣлыми семьями; а хлѣбосольство сибирскихъ селеній—черта уже историческая.“

Хотя нельзя не сознаться, что таковыя основы были у Енисейцевъ въ тѣ годы, когда городъ процвѣталъ не отъ случайной находки золота, а прочно отъ неутомимаго трудолюбія жителей и развитія всевозможныхъ ремеслъ, какъ показываютъ статистическія данныя старыхъ отчетовъ. Теперь же всѣ основательныя занятія брошены и ремесла перешли въ руки кой-какихъ прибылыхъ лицъ, которыя берутъ огромныя деньги, а сдѣлать ничего, какъ должно, не умѣютъ. Енисейцы же, т. е. большая часть мѣщанъ, занимаются рыбнымъ промысломъ и плаваютъ для засола рыбы, нанимаясь на купеческія суда, въ Туруханскъ. Это одно только старое занятіе; ибо появившаяся золотопромышленность, наложивъ уничтожающую руку свою на всѣ ремесла, открыла

занятія перевозкой тяжестей на пріиски (что обогащает только нѣсколькихъ богачей и губитъ здоровье бѣдныхъ наемщиковъ), да показала дешевый, хотя и непрочный, способъ пріобрѣтенія черезъ разнаго рода обирательства, а именно: въ прежнія времена пріисковые рабочіе, по выходѣ изъ тайги, не только выставляли бочки съ виномъ, но бросали деньги и ходили по ассигнаціямъ; теперь же хотя этого и нѣтъ, а берутъ ужасныя деньги съ рабочихъ за дозволеніе пріюта и за харчевое, да нароватъ подпойтъ съ прибавочкой бѣлены или подобнаго, чтобъ можно было обобрать деньги. При такомъ направленіи развитіе праздношатательства, пьянства и разврата необходимо: весьма не рѣдкость, что здѣсь дѣвушки съ 14 лѣтъ знаютъ вино и готовы на все; неизбѣжнымъ же слѣдствіемъ такой жизни служитъ большое развитіе болѣзни (syphilis), тѣмъ болѣе, что здѣсь нѣтъ публичныхъ домовъ и все дѣлается украдкой. А когда вздумалось, напримѣръ, засѣдателю Анцыферовской волости построжее взглянуть на этотъ важный предметъ, то въ списокъ явилось 230 такихъ промышленныхъ личностей. Вообще жители Енисейска, прожившіе все время тихо въ своемъ уголкѣ, недоувѣрчиво принимаютъ нѣкоторыя нововведенія: такъ, въ 1855 году, когда, по случаю открывшейся скарлатины, я ходатайствовалъ объ учрежденіи выгона скота, находились лица, недовольные этимъ и считавшіе болѣе сподручнымъ отпускать скотину на произволь. До сихъ поръ мѣщане съ крайнимъ трудомъ соглашаются на оспопрививаніе, а ужъ сами никогда не обращаются съ просьбой объ оспопрививаніи и гг. оспенники должны странствовать по порядку изъ дома въ домъ; о вознагражденіи за оспопрививаніе нѣтъ и рѣчи, потому и выборъ въ оспенники, какъ невыгодный, считаютъ обидою. Быть понятнымъ чуждаются до такой степени, что одинъ мѣщанинъ, лѣтъ 26-ти, привезенный осенью къ анатомическому театру полицейскимъ чиновникомъ, пустился бѣжать черезъ грязь, черезъ болота, потерялъ фуражку, калоши, простудился, получилъ нервную горячку и умеръ. На аптеку и врача смотреть съ особымъ предубѣжденіемъ и охотиѣ вѣряться шарлатанамъ, которые употребляютъ понятныя имъ способы леченія; но слѣдствіемъ этого леченія бываетъ еще большее разстройство здоровья отъ пята въ винѣ сулемы, куренія отъ простуды киноварью и другихъ подобныхъ продѣлокъ. Но подождемъ: все, вѣрно, скоро передѣлается отъ пріобрѣтенія положительныхъ знаній. Добрыхъ качествъ въ Енисейцахъ много: нужны только знанія и знанія точныхъ наукъ. Такъ съ радостію привѣтствуемъ основаніе въ Енисейскѣ въ послѣдніе годы женской школы.

О состояніи же вообще учебной части скажу слѣдующее: въ 1790

году въ Енисейскѣ открыто народное училище. А ранѣе дѣти здѣшнихъ мѣщанъ и купцовъ учились грамотѣ у дьячковъ и въ женскомъ монастырѣ. Это ученіе ограничивалось чтеніемъ гражданскихъ и церковныхъ книгъ и заучиваніемъ наизусть псалтыря. Въ 1828 году училище переименовано изъ народнаго въ приходское. Въ первые годы число учищихся было весьма незначительно: отъ 15 до 40 человѣкъ. Потомъ постепенно увеличивалось и дошло до 100 человѣкъ, почему и открыто было другое приходское училище. Теперь въ Енисейскѣ: 1.уѣздное, 2. приходскихъ и 1.женское училища.

Что же бы еще сказать о жителяхъ и препровожденіи ихъ времени: игръ особенныхъ, кромѣ общензвѣстныхъ, нѣтъ; бывающіе лѣтомъ шесть шпиковъ, какъ народныя увеселенія и гулянья, тоже общензвѣстны.

Интересно упомянуть, что изъ 5 крестныхъ ходовъ въ городѣ, одинъ (8 іюля) бываетъ изъ собора въ честь Великоустюжскаго чудотворца Проконія. Какъ это обстоятельство, такъ воспоминанія стариковъ и подлинны подѣ многими иконами въ церквахъ, доказываютъ, что Енисейскъ заселенъ по преимуществу Великоустюжанами. Иконы эти писаны въ Великомъ Устюгѣ и доставлены оттуда. Такихъ иконъ 4 въ одной Троицкой церкви: Троицы и Богоматери по сторонамъ царскихъ вратъ; на правомъ клиросѣ — Вознесенія Господня; на лѣвомъ — Великоустюжскихъ чудотворцевъ Проконія и Василія. Въ воспоминаніе встрѣчи этихъ иконъ бываетъ 23 апрѣля изъ Троицкой церкви крестный ходъ.

Жители Енисейска, какъ и вообще жители небольшихъ городовъ, за неимѣніемъ въ городѣ никакихъ увеселеній, свободное отъ занятій время любятъ проводить за картами. Для наблюденія за постепеннымъ развитіемъ этого удовольствія, выпишу за нѣсколько лѣтъ итоги суммъ, вырученныхъ за продажу картъ.

Въ 1846 году	396 р.	— к
„ 1847 „	480 „	
„ 1848 „	643 „	80 „
„ 1849 „	622 „	20 „
„ 1856 „	1,140 „	40 „

Впрочемъ, картами болѣе занимаются люди пріѣзжіе для золотопромышленности и чиновники. Коренные же Енисейцы болѣе думаютъ о своей промышленности, а на обязанности женщинъ лежитъ лѣтомъ огородинчество. Огороды въ городѣ находятся почти при каждомъ домѣ; землю въ огородахъ удобряютъ только подѣ огурцы, капусту и та-

бакъ; прочіе же овощи земля производитъ безъ удобренія. Незбѣжную принадлежность здѣшняго хозяйства составляютъ: капуста, свекла, рѣдка, брюква, морковь, огурцы и картофель. Капусту сѣютъ сперва въ разсадникъ въ хорошо удобренной землѣ. Когда растеніе достигнетъ надлежащей величины, что обыкновенно бываетъ около Троицына дня, тогда его вынимаютъ и пересаживаютъ въ гряды. Капуста снимается съ грядъ обыкновенно во второй половинѣ сентября. Рубка капусты производится пѣмочами, то есть въ назначенный день приглашаются родственники, знакомые и сосѣдки, по большей части дѣвцы. Одѣвшись въ лучшія платья, собираются въ назначенное мѣсто и принимаются за рубку капусты. Этихъ дней ждутъ: тутъ веселье, тутъ слышатся пѣсни и рѣзвый хохотъ. По окончаніи рубки, хозяева капусты дѣлаютъ угощеніе.

Свеклу, рѣдку, рѣпу и морковь сажаютъ прямо въ гряды сѣмьями; брюквы сажаютъ очень мало.

Огурцы сажаютъ двухъ родовъ: обыкновенные и китайскіе; послѣдніе невкусны, и разводятся только для рѣдкости. Огуречныя сѣмяна мочать сперва въ тряпкѣ, намоченной сокомъ, и когда они пустятъ ростки, высаживаютъ на хорошо удобренныя гряды и первое время ежедневно поливаютъ. Самое большое производство огурцовъ, съ лучшимъ засоломъ ихъ, бываетъ близъ Енисейска, въ принадлежавшемъ казнѣ, а теперь упраздненномъ, Каменскомъ винокуренномъ заводѣ, откуда и привозятъ ихъ на продажу мало по малу въ теченіи зимы и даже до весны, въ Енисейскъ.

Картофель здѣсь разводится въ довольно большомъ количествѣ. Жители Енисейска никогда не чуждались картофеля. Опытъ указалъ имъ, что лучший картофель разсыпчатый, родится на песчаномъ или глинистомъ грунтѣ, на черноземѣ же бываетъ мелокъ и водянистъ. Его сажаютъ прямо въ гряды корнями и только при недостаткѣ разрѣзываютъ на куски. Огребанія или окулированія картофеля здѣсь не употребляютъ. Картофель вынимаютъ изъ земли поздно осенью, когда снимутъ уже всѣ прочіе овощи. Урожай его бываетъ самъ-пять и болѣе. Хранятъ во время зимы въ ямахъ, устроенныхъ подъ домами.

Уходъ за огородными овощами требуетъ вообще много хлопотъ о поддержаніи ихъ жизни, между тѣмъ какъ по всей Восточной Сибири, отъ сибирова сѣвера до жгучихъ степей Забайкальскихъ, привольно и приманчиво для глаза раскинуты цвѣты большіе, густожелтые (жаркіе), фіолетовые и красные съ формою бокаловъ, либо завитковъ. Цвѣтки эти, или вѣрнѣе все растеніе называется *сарани*, *саранки*. Удѣлъ возраста дѣтскаго привлекаться одною наружностью, безъ сознанія идеи,

безъ знанія особенностей и достоинствъ внутренняго міра, привелъ здѣсь простолюдиновъ къ узнанію питательности этого растенія.

Растеніе это изъ фамиліи Liliaceae. Въ пищу идти могутъ *Lilium Lavriacum, tenuifolium* и *Martagon*; *Nemerocallis* же *flava* (именуемая волчьей сараной) въ пищу неидетъ. Покажу коротенько особенности употребляемыхъ въ пищу саранъ: 1-й видъ отличается цвѣтами, въ родѣ бокала, длиною вершка въ $1\frac{1}{2}$ и въ діаметрѣ верхняго конца въ вершокъ; растетъ на толстоватомъ стеблѣ, вышиною около аршина, съ листиками по стеблю продолговатыми эллипсовидными яркозеленаго цвѣта; цвѣтокъ съ 6-ю темнопунцовыми тычинками и пестикомъ составляетъ на рукѣ красноватую пыль, луковица бѣлаго цвѣта бываетъ въ длину $\frac{3}{4}$ вершка и въ діаметрѣ $\frac{1}{2}$ вершка, формы острообразной, и прикрыта сверху желтобѣловатой пленкой, вкуса сладкаго мучнистаго; растетъ большею частію на сухихъ полянахъ; 2-й видъ также имѣетъ цвѣтъ яркпунцовый, но не большой, котораго листочки перегибаются назадъ, завиваются и называются по просту „барашками“, стебель проволоковидный около $\frac{1}{2}$ аршина и безъ пушка, луковица меньше чѣмъ 1-го вида; растетъ на скатахъ и у подошвы горъ; 3-й видъ называется обыкновенно сѣрымъ, ибо бываетъ испещренъ крапинами и также завиткомъ, отличается луковицей, весьма большой и желтоватой. Растеніе это употребляется въ пищу съ большимъ удовольствіемъ и разнообразно населеніемъ русскимъ, свѣдавшимъ, вѣроятно, либо отъ инородцевъ, либо отъ мышей. Последнія очень любятъ это растеніе и запасаютъ на зиму въ погреба (какъ говорятъ обыкновенно), т. е. въ выдѣланныя глубокія мѣста, тогда какъ кругомъ норы; но бѣдныя нерѣдко бываютъ обираемы сосѣдями-людьми. Инородцы высушиваютъ луковицы, растираютъ въ муку и, то варятъ съ просомъ, то пекутъ въ золѣ лепешки. Русскіе употребляютъ: 1) въ соусъ разнообразно: или какъ спаржу съ обливомъ сабаіона или какъ артишоки съ масломъ жареные, или въ гарниръ (въ числѣ прочаго) или цѣльные, сваривши съ кисленькимъ соусомъ, или, сваривъ, какъ картофель растираютъ и прибавляютъ понемногу, на вкусъ, сливокъ, масла и соли. 2) Въ кисель слѣдующимъ образомъ: луковицы очищаютъ, сушатъ въ вольной печи, трутъ не небольшихъ и мелкозубчатыхъ теркахъ (въ $2\frac{3}{4}$ вершка длиною и $1\frac{1}{2}$ вер. шпр.) въ родѣ (только меньше) употребляемыхъ для приготвленія картофельной муки; просѣиваютъ въ обыкновенное сито, при чемъ мука проходитъ, а другія части остаются, наливаютъ водою, либо молокомъ и кипятятъ до 4 или 5 разъ (вырочемъ, на молоко гуще и пріятнѣе), когда же скипитъ, то опять откидываютъ на сито и процѣживаютъ, потомъ опять варятъ,

безпрерывно помѣшивая, при чемъ дѣлается гуще и гуще и получается кисель. Присовокуплю, что при варкѣ съ молокомъ не должно солить; а съ водою, при кипѣніи послѣдней, подсылаютъ соль понемногу, безпрерывно помѣшивая, впрочемъ считаютъ лучше, прежде прибавки муки, воду посолить, примѣрно на 6-ть стакановъ воды полчайной ложки соли, ѣдятъ это либо съ хлѣбомъ, либо безъ онаго, смотря по привычкѣ. 3) Весьма вкусная каша изъ саранъ съ тыквой дѣлается такъ: сарану очищаютъ и варятъ въ водѣ, за тѣмъ откидываютъ на сито, чгобъ стекла вода, потомъ когда нѣсколько подсохнетъ, должно тереть ложкой; при чемъ сквозь сито протирается мякоть, потомъ прибавляютъ сюда въ такомъ же видѣ тыкву, а зимой картофель, и разводятъ молокомъ, а потомъ прибавляютъ пшена, ѣдятъ съ масломъ. 4) Русское простонародіе и инородцы считаютъ муку изъ саранъ весьма полезною въ грудныхъ болѣзняхъ и даже, по ихъ словамъ, въ чахоткѣ; такъ или нѣтъ, они по крайней мѣрѣ съ увѣренностію употребляютъ.

Вообще интересно бы сдѣлать разложеніе хорошихъ экземпляровъ этихъ луковницъ, для узнанія количества каждаго ингрѣдіента, степени питательности и возможности замѣнить сколько нибудь саранами расхворавшійся картофель, особенно въ нашемъ бѣдномъ Туруханскомъ краѣ.

Прибавлю здѣсь и результаты разложеній мною воды Плотбищенскаго озера.

Въ 17 верстахъ отъ города Енисейска, въ волости Яланской, есть озеро называемое Плотбищенскимъ. Когда-то давно, до пріѣзда моего въ 1855 году въ Енисейскъ, дошло до свѣдѣнія господина начальника губерніи, что озеро это оказываетъ - купающимся въ немъ цѣлебное дѣйствіе. Сдѣлано было изслѣдованіе этого озера, изъ котораго вывели заключеніе, что вода въ немъ желѣзистаго свойства. Такое заключеніе казалось естественнымъ для толпы, потому что верстахъ въ 8-ми отъ озера есть горы изъ желѣзняка. Вода эта съ пріѣзда моего въ Енисейскъ постоянно занимала меня: она лечитъ раны и язвы на людяхъ и лошадахъ, вылечиваетъ золотуху, сводитъ лишай, останавливаетъ начавшіеся образовываться нарывы, напримѣръ грудницы и тому подобныя. Потому не разъ въ предъидущіе 4 года посылалъ я за этою водою съ цѣлью разложеній; но не оказывалось никакихъ минеральныхъ составныхъ частей, что относилось каждый разъ, или къ неумѣнію взять воду въ надлежащемъ мѣстѣ, или къ дождямъ, или весною къ залитію озера водою р. Кемпъ, въ которую, напротивъ, течетъ вода изъ озера въ остальное время года.

Наконецъ, въ прошломъ 1860 году, я рѣшился добиться толку.

Потому въ 1-й разъ взяли воду въ концѣ мая, искали желѣза въ какомъ нибудь соединеніи, и, не найдя ничего, рѣшили, что озеро залито Кемьскою водою. Во 2-й разъ 19-го іюня взяли воду подалѣе отъ берега въ чрезмѣрно холодной ямѣ, къ которой подплыли въ челнокъ и ведро погрузили ко дну, чтобы получить воду самыхъ, предполагаемыхъ, цѣлебныхъ ключей. Въ этой водѣ Лакмусова бумага осталась безъ пзмѣненія; разные реагенты не оказали присутствія какой либо соли; испареніе не оказало никакого явственнаго осадка, кромѣ желтоватыхъ мелкихъ пластинокъ, какъ бываетъ отъ высушеннаго клея, только безъ такой клейкости. Получивъ и тутъ неудачу, оставалось предположить цѣлебность озера отъ началъ минеральныхъ. Почему и взята вода въ 3-й разъ. Это уже было въ послѣднихъ числахъ іюля, когда въ Кемь упала вода такъ, что теченіе изъ озера въ Кемь было очевидно. Мѣстомъ, гдѣ именно взять воду, избрана не глубокая яма, а ближе къ берегу, гдѣ купаются обыкновенно лежащіеся.—Но и въ этой водѣ опять такъ ничего не открыто реагентами. Почему воду раздѣлили на двѣ части: одну употребили на выпариваніе, а другую для стоянія долгое время въ обыкновенной температурѣ.—При выпариваніи въ фунтовой выпаривательной чашкѣ (за неимѣніемъ большой), продолжавшемся 20 дней (по 1 фунту на сутки), оказался желтоватокоричневый осадокъ, расположенный мелкими крошками, не измѣнившійся отъ реагентовъ, на огнѣ давшій запахъ, какъ бы отъ клея. Въ стоялой же водѣ (около мѣсяца) образовался наверху слизистый слой, въ палецъ толщиной, въ ведерной бутылѣ и значительно поболѣе двухъ унцій мѣрою; гнилостнаго же запаха нѣтъ. Такимъ образомъ, вода эта оказалась не минерально-цѣлебною, а органически-цѣлебною. Цѣлебность должна быть не отъ инфузорій со слизистымъ ихъ началомъ, подобно озеру Подбанному (въ Туруханскѣ), а отъ слизи растительной.

Конечно, цѣлебности воды должна способствовать и углекислота, доказывающая свое присутствіе какъ особенно освѣжающимъ вкусомъ, такъ и признаками шипѣнія отъ влітія соляной кислоты, если пробу дѣлать на мѣстѣ, гдѣ озеро. Для неопровержимаго доказательства этой мысли, взяли въ 4-й разъ уже самое ложе близъ берега, а такъ же и землю съ берега: тутъ не оказалось тоже ни желѣза ни ничего особенно цѣлебнаго, а только илъ; глины же и песка понемногу. И такъ, мечты не только о желѣзѣ, но и о какихъ либо другихъ минеральныхъ составахъ исчезли совершенно; а съ тѣмъ вмѣстѣ доказывается мысль, высказанная мною и при описаніи Подбаннаго озера въ г. Туруханскѣ, что воды получаютъ цѣлебныя свойства и отъ органическихъ составныхъ частей.

Говоря о г. Енисейскѣ и его окрестности, нѣтъ никакой возможности умолчать о состояніи общественнаго благоустройства и призрѣнія, о медицинской части, о полиціи и т. под. О состояніи заведеній Приказа Общественнаго Призрѣнія мы уже говорили въ главѣ о бытовой сторонѣ золотыхъ присковъ. Къ медицинской же и полицейской частямъ съ ихъ взаимоотношеніемъ перейдемъ сейчасъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Положеніе уѣзднаго врача и отношеніе его къ полиціи. Очеркъ состоянія той и другой части.

Правильны ли отношенія уѣздныхъ врачей къ полиціямъ?

Понятна каждому та важность медицинской части, которую она имѣетъ въ числѣ звеньевъ общественнаго тѣла. Она распадается на двѣ сферы: къ одной принадлежитъ вся личная дѣятельность врача-практика по отношенію къ каждому гражданину въ отдѣльности, къ другой — дѣятельность врача-чиновника, гдѣ пріемлются мѣры, предупреждающія и пресѣкающія вредъ болѣе общественный, чѣмъ единично личный, гдѣ отъ каждаго слова врача ожидаютъ попеченій объ общей здоровости и заботъ, предупреждающихъ возможность вреда здоровью гражданъ.

На первомъ полѣ дѣятельности врачъ, въ Россіи, самостоятеленъ: при современномъ и специально-медицинскомъ и обще-университетскомъ образованіи, съ высшимъ понятіемъ о добрѣ, о долгѣ и обязанностяхъ гражданина, съ болѣе развитымъ понятіемъ о чести, онъ можетъ приносить посильную пользу общественникамъ, лишь бы они сами спокойнѣе и разумнѣе смотрѣли на добросовѣстный скромный трудъ, а не увлекались заѣзжими авантюристами, съ ихъ угодливостями, самохвальствами и бранью всѣхъ собратьевъ.

Второе поле дѣятельности еще важнѣе: при немъ каждая мѣра, каждое слово и степень исполненія его имѣютъ уже отношеніе не къ отдѣльному лицу, а къ цѣлому обществу, и, если жалко каждаго, гибнущаго отъ невозможности ли помочь, или отъ нежеланія и злой воли врача, — то какова же должна быть забота правительства, и какъ громка

должна быть жалоба, если вредъ получаетъ цѣлое общество и гибнуть люди десятками?!

Къ сожалѣнію, при нашей секретности и застѣнности всѣхъ полицейскихъ и судебныхъ производствъ многое возмутительное прикрывается канцелярскою тайной, скрыто отъ глазъ, пониманія и сознанія общества, и развѣ только изрѣдка и то сначала происшествія носятя надъ нимъ въ качествѣ туманной молвы, которая и произносится только шопотомъ (чтобъ не услышали и не потянули къ слѣдствію), потомъ считается за пустяки съ приговоромъ „людская молва—морская волна! непостоянна“, или „языкъ безъ кости — вертится какъ хочетъ!“ и, наконецъ, умолкаетъ совсѣмъ. Обыкновенно не хотятъ будто понимать, что, кромѣ убійствъ явныхъ, есть много скрытыхъ. При послѣднихъ — ни на дѣлѣ, ни въ воображеніи — никто не подходитъ къ вамъ съ ножомъ въ рукѣ и яростью дерзкаго человѣка, напротивъ, тутъ незамѣтно для толпы вымучатъ васъ, вытянутъ сокъ и кровь и потомъ уже, какъ мумію, спустятъ въ могилу. Толпа поражается всегда картиной, выставленной вдругъ, неожиданно: она считаетъ убійствомъ, охаетъ, ахаетъ и сбѣгается смотрѣть, когда зарѣзанъ человѣкъ, и въ тоже время не видитъ и безмолвствуетъ, когда, напримѣръ, какой нибудь поселенецъ-практикантъ такъ подкурить человѣка киноварью и напоить сулемой, что онъ едва садится въ постели съ выраженіемъ ртутнаго худосочія и черезъ мѣсяцъ отъ него умираетъ.

Множество можно привести подобныхъ примѣровъ, но мы говоримъ это къ тому, какой смыслъ должны бы имѣть предметы медицинской полиціи, изложенные въ Св. Зак., тогда какъ при нынѣшнемъ, записномомъ и отъ полиціи и отъ всѣхъ губернскихъ властей, положеніи медиковъ, статьи написаны во многихъ случаяхъ для того будто только, чтобъ красоваться въ печати.

Мнѣ скажутъ: кто же знаетъ все это, кто же выяснитъ, кромѣ самихъ врачей?! А вы думаете это такъ легко?! Если хотите — скажу рѣшительнѣе: это во многихъ случаяхъ просто невозможно. Мы оставимъ здѣсь въ сторонѣ личныя качества и самихъ дѣятелей-врачей: въ многочисленной семьѣ могутъ быть и между ними особые господа, которыхъ весьма хорошо характеризуетъ эпитетъ, произносимый имъ же въ честь, „человѣкъ уживчивый“. Но это исключеніе, а мы говоримъ вообще. Я сказалъ: иногда невозможно. Да! и невозможно; потому что главнымъ дѣтелемъ всюду является младшій рангъ врачей, слѣдовательно, вы не забудьте, что надъ нимъ есть и свое начальство, и начальство мѣстнаго управленія, и начальство всѣхъ губернскихъ вла-

стей, словомъ, столько начальствъ, что и не перечесть; не забудьте, что, при жалобѣ его на квартальнаго, удостовѣреніе производитъ старшій другъ его—частный, — при жалобѣ на частнаго, старшій братъ его городничій; не забудьте, что у насъ секретность, застѣнность, гдѣ, что хотять, то и дѣлають, не обращая вниманія на безмолвно стоящее зеркало; что у насъ, наконецъ, безмысленны и повальные обыски, потому что они никогда не являются, особенно въ городахъ, выраженіемъ мнѣнія квартала,—это вѣдь одно названіе; живаго квартала нѣтъ, члены его не составляютъ цѣлаго, они не собираются, они разъединены; съ обыскнымъ актомъ съѣздитъ изъ дома въ домъ квартальный, покажетъ, какъ должно отозваться; въ случаѣ же противорѣчія, быстро спроситъ: „а чѣмъ докажете? доказчику первый кнутъ!“ и опускается рука и пишетъ она тоже, что написали и предъидущіе, отчасти, можетъ быть, и навѣрбованные друзья полиціи. Не думайте, чтобъ это восклицаніе было безсильно въ уѣздномъ городѣ, гдѣ вѣдь нѣтъ старшихъ: оно, я вамъ доложу, такъ же пугаетъ, какъ петровское „слово и дѣло!“—но какъ бы тамъ ни было, а мы рѣшаемся высказаться, конечно въ общихъ, никого лично не касающихся, случаяхъ. И такъ къ дѣлу.

Подъ именемъ уѣздныхъ врачей я буду разумѣть здѣсь неизвѣстную должность, названную такъ въ Св. Зак., да и у насъ, въ Сибирѣ, лицо, отправляющее такую должность, называется врачомъ окружнымъ; а всѣхъ врачей, служащихъ въ уѣздныхъ городахъ.

„Дѣло въ дѣлѣ“, говоритъ народъ. Это совершенно справедливо. Чтò въ словахъ и печатаніяхъ, если это тѣмъ и кончается? Чтò въ мысли и теоріи, хоть и блестящей, если она непримѣнима къ дѣлу, или только не исполняется? Мы, вообще, въ кабинетахъ хорошо разсуждаемъ, но нуженъ и плодотворенъ только опытъ, фактъ, повѣрка и исполненіе на дѣлѣ.

Долгое время думало правительство, что полиціи земская и городская, назначенныя блюсти въ жизни общественной исполненіе идеи правды и существующихъ законовъ, хороши; но, наконецъ, разубѣдилось, почему и издало постановленіе объ особыхъ судебныхъ слѣдователяхъ, которыми бы повѣрялись самостоятельно слѣдствія, производимыя полиціями.

Главнымъ требованіемъ отъ этихъ судебныхъ слѣдователей правительство положило: высшее образованіе и познанія юридическія въ теоріи и въ опытѣ. А этимъ оно показало, что въ обычныхъ членахъ полиціи оно не видитъ вовсе этихъ качествъ.

Да, ихъ и дѣйствительно нѣтъ: нѣтъ опыта, потому что они не выбираются изъ общественниковъ, знающихъ свои болѣзни: нужды и потребности, нѣтъ теоріи.

Вотъ кто случается, а на основаніи закона даже оффиціально и проявляется, блюстителемъ правды и законности, преслѣдователемъ и открывателемъ всѣхъ проступковъ и преступленій, производителемъ, наконецъ, тѣхъ слѣдствій, того краеугольнаго камня въ каждомъ дѣлѣ, на которомъ основываются мнѣнія и рѣшенія не только судовъ, палатъ, но и самаго Сената. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь не возмутительно ли это? Если нѣтъ возможности пока предоставить должности полицейскихъ, лицамъ высшаго образованія, то по крайней мѣрѣ отдать бы ихъ самимъ общественникамъ, которыхъ выборные были бы полны знанія жизни и страха предъ обществомъ, въ которое возвращались бы по выслугѣ лѣтъ и которое могло бы смѣнять ихъ, да и здравый смыслъ и добросовѣстность нерѣдко лучше всякаго статевѣдѣнія.

Впрочемъ, какъ, отъ чего и почему это такъ, намъ не мѣсто здѣсь дѣлать разслѣдованіе: тотъ узнаетъ причины болѣзни, кому нужно лечить ее. Упомянули это мы къ тому, что рядомъ съ такими-то личностями стоятъ, даже въ уровень съ ними, а на самомъ дѣлѣ даже въ зависимости отъ нихъ, медики (не только тотъ медикъ, который когда-то кой-какъ учился только трупы рѣзать), а медики молодой, съ образованіемъ высшимъ университетскимъ общимъ и юридическимъ (независимо отъ медицинскаго).

Правительство давно уже имѣло бы въ немъ (медикѣ) то контролирующее каждый шагъ полиціи (особенно въ уголовныхъ дѣлахъ) лицо, которое оно думаетъ найти теперь въ особыхъ судебныхъ слѣдователяхъ, еслибъ только уѣздные врачи стояли свободно и независимо, и имѣли право на нѣкоторую самостоятельность. А то каждый теперь, опираясь на ст. закона „медикъ за неявку, по требованію, подлежитъ суду“, дѣлаетъ съ медикомъ что угодно и угрожаетъ на каждомъ шагѣ подвергнуть ответственности. Губернскія мѣста могутъ отдавать его подъ судъ за мнѣніе, если оно не согласно съ слѣдствіемъ подобной (какъ сказано выше) полиціи. Его, какъ угодно, можетъ затереть, если захочетъ, инспекторъ врачебной управы, какъ начальникъ аттестующій и какъ личность, на которую иногда возлагаются надежды полиціи и у которой отъ великовластія (лично, т. е. въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не признается коллегіальность учрежденіи врачебной управы) и отъ секретности, застѣнкости при томъ всѣхъ резолюцій, могутъ, пожалуй, проявиться и чиновничьи замашки. Его можетъ пере-

водить, назначать и увольнять губернаторъ. А если къ тому же читатель проведетъ непрерывную цѣпь отъ производителей слѣдствій къ судамъ и особенно къ губерискому правленію, совѣтники котораго большею частію бываютъ изъ бывшихъ городничихъ и исправниковъ, то и пойметъ, какъ оцѣпленъ, какъ связанъ уѣздный медикъ въ искреннемъ выраженіи своихъ самостоятельныхъ мнѣній. Но это сказано вообще, перейдемъ къ частностямъ.

Возьмемъ медика городского. Въ городѣ 6,000 или 7,000 жителей, да 25,000 народа бродитъ взадъ и впередъ, мимо него, въ качествѣ пріисковыхъ рабочихъ. Въ городѣ онъ одинъ, а окружной далеко, гдѣ нибудь въ округѣ. Слѣдовательно, на немъ лежитъ здоровье всѣхъ жителей и всѣ медико-полицейскія и судебно-медицинскія дѣла, да и не въ городѣ только, а если что важное случилось въ округѣ не въ той сторонѣ, гдѣ окружной врачъ находится, то командировается и въ округъ. Въ городѣ, конечно, больница, да изъ трехъ еще отдѣленій: приказа, военнаго и арестантскаго. Онъ же обязанъ завѣдывать всѣми отдѣленіями и даже бесплатно, потому что такъ предписано начальствомъ. Слѣдовательно, онъ же и аптекаръ всѣхъ трехъ аптекъ и обязанъ по нимъ отчетностью. А больныхъ бываетъ человѣкъ по 80. И это вѣрно; тогда какъ по закону на каждые 50 человѣкъ долженъ быть даже особый ординаторъ, а если сверхъ 50 человѣкъ, то можно приглашать въ помощь или городского, или вольнопрактикующаго; аптекаръ же и старшій врачъ, засѣдающій предсѣдателемъ конторы и членомъ совѣта больницы, долженъ быть еще особымъ лицомъ. А здѣсь, вопреки закона, на все онъ одинъ, съ обязанностію все выполнить въ наилучшемъ видѣ, особенно если нѣтъ, чѣмъ благодарствовать милости инспектора, когда попадаетъ, случайно, на эту должность какой нибудь искатель на Руси пріятныхъ приключеній. И бываетъ это именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ начальникъ губерніи смотритъ на лицо инспектора, какъ на врачебную управу. Онъ все управленіе видитъ въ лице инспектора, а не сознаетъ силу и смыслъ коллегіальности этого учрежденія, гдѣ никто не имѣетъ двухъ голосовъ и инспекторъ есть только первый между равными (*primus inter pares*). А то въ такихъ губерніяхъ, членовъ управы третируютъ не какъ членовъ управленія, не какъ специалистовъ, имѣющихъ, каждый по своей части, даже преимущественную силу въ голосѣ, а какъ лицъ приставленныхъ къ управѣ будто для разсылокъ туда и сюда. Эти разсылки могутъ дѣлаться совершенно произвольно, въ случаѣ противорѣчія члена и неудовольствія къ нему инспектора, или исключительно по волѣ губернатора. Тогда какъ надобно, осмѣливаемся мы думать, строжайше постановить, чтобы замѣны врачей про-

изводились другъ другомъ, руководствуясь сосѣдствомъ округовъ, или службою ихъ въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ городowymъ, либо больничнымъ вмѣсто окружнаго; за тѣмъ, если и тѣ средства истощены, должно командировать одного изъ врачей губернскаго города, т. е. либо уѣзднаго, или городского, либо больничнаго и, думаю, даже по преимуществу двухъ послѣднихъ, обязанности которыхъ легко можетъ отправить который либо изъ членовъ управы, не покидая и своего поста въ управѣ. А то весьма часто отсылаютъ члена управы отправлять обязанность какого либо дальняго изъ врачей уѣздныхъ; тогда какъ служащіе въ губернскомъ городѣ врачи — больничный, городской и окружной остаются на своихъ мѣстахъ и даже засѣдаютъ (и особенно чаще больничный, какъ состоящій въ 8 классѣ) во врачебной управѣ. Да почему же младшіе могутъ отправлять обязанность старшихъ, да еще и специалистовъ, державшихъ для того особые экзамены; а будто операторъ и акушеръ уже не сѣмѣютъ управиться на должностяхъ больничнаго и городского врачей?! Конечно, при словѣ специалистъ, можетъ случиться у кого нибудь улыбка, потому что бываютъ, напримѣръ, акушеры, чуждающіеся всякаго акушерствованія; но вѣдь мы говоримъ вообще, а не объ исключеніяхъ, — говоримъ о правахъ общихъ, которыя въ членахъ управы часто совершенно уничтожаются, и губернский ветеринаръ (обязанный присутствовать только въ случаяхъ сужденія о дѣлахъ ветеринарныхъ, въ качествѣ приглашаемаго члена) въ иныхъ управахъ засѣдаетъ себѣ какъ членъ постоянный и даже во всякое время, а не только за откомандировкою куда нибудь настоящаго члена?!

И такъ, болѣзнь наша въ томъ, что не обстановлены, какъ должно, крѣпко, права каждаго члена управы и что каждый уѣздный врачъ, не имѣетъ должной самостоятельности въ дѣйствіяхъ, отъ неясности опредѣленія правъ и обязанностей! По нашему скромному мнѣнію, благосостояніе медицинской части въ губерніяхъ, а съ нею и правильность всѣхъ медико-полицейскихъ и судебно-медицинскихъ дѣлъ, будетъ только тогда, какъ признана будетъ ея *полная самостоятельность и независимость отъ мѣстнаго управленія* (особенно при нынѣшнемъ складѣ онаго), т. е. чтобы врачебныя управы получали бы безконечное число указовъ отъ каждаго секретаря губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, — чтобы они руководствовались наукой, а не сильной волей, сильного на мѣстѣ, — чтобы не могли губернскія правленія и губернскіе суды, не имѣющіе понятія о медицинской части, предавать врачебной управы подъ слѣдствіе и судъ за мнѣнія ихъ, — чтобы предоставлено было мѣстнымъ медикамъ право черезъ мѣстныя управы, а управамъ

прямо уже отъ себя, требовать отъ губернскаго правленія измѣненія тѣхъ изъ мѣръ, которыя окажутся несогласными съ попеченіемъ о народномъ здоровіи, — чтобы и самыя управы были не шута, т. е. на дѣлѣ, учрежденіемъ коллегіальнымъ, а для того надобно, чтобы члены управы не аттестовались, какъ иногда бываетъ, ихъ старшимъ сотоварищемъ-инспекторомъ (если онъ особенно въ силѣ у губернатора), степень ихъ пользы и учености можетъ видѣть медицинскій департаментъ изъ подаваемыхъ голосовъ, — чтобы ихъ не гоняли, когда вздумаютъ, по всей губерніи, оставляя на мѣстахъ въ губернскомъ городѣ врачей и больничнаго, и городского и окружнаго, — чтобы, если своевременно, и самыя управы были гласнымъ присутствіемъ.

Но мы обо всѣхъ этихъ отношеніяхъ сказали такъ, мимоходомъ, мы приступимъ вѣдь къ описанію дѣятельности городского врача. Прослѣдимъ же день его.

Раннимъ утромъ онъ проснулся. Его помощи ожидаютъ толпы бѣдныхъ больныхъ. Въ бесѣдахъ съ ними онъ выпиваетъ стаканъ чаю и выезжаетъ въ больницу часу въ осьмомъ. Больныхъ тамъ, примѣрно, человекъ 60: надобно обойти ихъ всѣхъ, потолковать, подіагностировать, сдѣлать должныя записи въ 60 скорбныхъ листахъ, да еще почище, а то инспекторъ, при посѣщеніи, можетъ отобрать листы, менѣе чисто написанные, да и представить губернатору, при доносѣ о неграмотности къ службѣ. Потомъ присматриваетъ, исправно ли сдѣланы перевязки, выдаетъ лекарства для составленія по рецептамъ и присматриваетъ за фельдшеромъ, потому что одинъ одишенокъ фельдшеръ и для всѣхъ перевязокъ, и для аптеки, и иногда (за неприсылкою городского) для города, того и гляди сдѣлаетъ кое-какъ. Такъ прошло полтора часа, а медикъ въ 10 долженъ, по повѣсткѣ безъ объясненія цѣли (къ чему его посвящать въ канцелярскія тайны?!) прибыть въ окружной судъ. Что дѣлать? поручаетъ фельдшеру додѣлывать прописанныя лекарства и вносить дневной расходъ медикаментовъ, а самъ отправляется въ контору больницы, хотъ подписать наготовленные бумаги, что онъ долженъ исполнить, какъ предсѣдатель конторы. Но бумаги нужно прочесть: а онъ безграмотенъ — нужно исправить. А вотъ и отчетность о расходѣ суммъ и различныя вѣдомости по счетной части, вѣдь нужно же хотъ, для примѣра, одну, двѣ статьи, проверить; нужно взглянуть и въ статью прихода кассовой книги, когда подписывать приходится бумагу съ увѣдомленіемъ, о полученіи такой-то и такой-то суммы, — и взглянуть въ правдивую книгу, которой веденіе иногда приостанавливается, потому что полиціи не желательно по цѣлой недѣлѣ присылать о такомъ больномъ бумаги и документовъ, котораго

нельзя было не принять и безъ всякихъ бумагъ по тяжести его болѣзни. Вотъ и 10 часовъ, слѣдовательно врачъ опоздалъ нѣсколько въ окружной судъ, тѣмъ болѣе, что нужно проѣхать три четверти города. Онъ торопится и многое не досматриваетъ въ книгахъ и бумагахъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ солдатъ изъ острога съ объявленіемъ отъ г. смотрителя, что въ кандалной заболѣлъ важный преступникъ, либо притворяется только, съ цѣлью попасть въ больницу и бѣжать, что сдѣлать нѣтъ ничего легче, потому что дневной караулъ уничтоженъ. Медикъ останавливается въ раздумѣ—что дѣлать? И, сообразивъ, что если, сверхъ всякаго ожиданія, кандалный не притворяется и умретъ въ тѣ 1½ или 2 часа, которые нужны на посѣщеніе окружнаго суда и возвратъ въ эту сторону къ острогу, медикъ рѣшается ѣхать сперва въ острогъ. Выѣзжаетъ изъ воротъ,—ему на встрѣчу солдатъ, который окликаетъ и суетъ въ руку бумагу: это повѣстка отъ военнаго командира о явкѣ къ 10 часамъ въ казарму и тоже безъ объясненія цѣли; но врачъ спрашиваетъ перо съ чернилами и тутъ же въ экипажѣ дѣлаетъ надпись: «отозванный уже въ это время въ судебное мѣсто, буду имѣть честь прибыть въ 4 часа послѣ полудни». А что случилось въ казармѣ? спросите вы. Отвѣчаю: вчера медикъ замѣтилъ, что нѣтъ надзора за караульными (по ночамъ у арестантскихъ палатъ) солдатами, что они почиваютъ себѣ у арестантовъ на кроватяхъ; а сегодня прапорщикъ, исправляющій должность мѣстнаго командира, уже доказываетъ свою власть надъ медикомъ, требуя его пересвидѣтельствовать всѣхъ солдатъ въ ихъ здоровости. Медикъ исполняетъ свое дѣло, назначаетъ одного съ прилипчивой сыпью въ больницу, о чемъ пишетъ и официальную бумагу, прибавляя свое мнѣніе, что подобное свидѣтельствовавіе надобно бы производить не въ 4 года разъ, а черезъ каждыя 2 недѣли; но не только это остается безъ вниманія, даже не присылается въ больницу и солдатъ съ прилипчивой сыпью, — за чѣмъ шутку превращать въ серьезное? На медика же, за неявку въ назначенное время, командиръ посылаетъ доносъ, въ нерачительности къ службѣ, въ баталіонъ; а окружной судъ дѣлаетъ постановленіе о несостоявшемся въ тотъ часъ свидѣтельствѣ арестанта въ лѣтахъ и приобщаетъ его къ уголовному дѣлу, за что судъ можетъ сдѣлать и замѣчаніе.

Кончивъ дѣло въ острогѣ, врачъ ѣдетъ въ судъ. Въ одной улицѣ его останавливаетъ десятникъ изъ 2-й частной управы съ просьбою прибыть въ 10 часовъ къ освидѣтельствуванію въ знакахъ казни двухъ бродягъ. Въ другой улицѣ окликаетъ шискливымъ голосомъ мальчуганъ изъ думы и подаетъ къ подпису нѣсколько журналовъ по совѣту

больницы. Вы съ удивленіемъ спросите меня: да развѣ совѣтъ бываетъ на улицѣ. Нѣтъ, отвѣчаю, онъ нигдѣ не собирается, кромѣ развѣ перваго числа, а журналы составляются секретаремъ думы подѣ влияніемъ окружнаго начальника, либо городского главы, смотря по обстоятельствамъ. Врачъ беретъ бумагу себѣ, для просмотра на дому, и проѣзжаетъ все таки въ судъ, но тамъ уже объявляютъ, что опоздалъ, хотя другихъ членовъ приглашаемыхъ, какъ то: городничаго и стряпчаго, тоже еще не было. Но они, впрочемъ, и не бываютъ почти никогда; зачѣмъ беспокоиться; пусть медикъ ѣздитъ всюду и пишетъ, а мы, дескать, если сочтемъ нужнымъ утвердить — подпишемся, а то такъ и не подпишемся, пусть свидѣтельство будетъ не форменнымъ, а слѣдовательно и не дѣйствительнымъ. Но въ прихожей окружнаго суда медика ожидаетъ уже разсыльный изъ земскаго суда. Оказывается, что въ земскій судъ представили изъ волости 8 человекъ бродягъ, называющихъ себя бѣжавшими съ пріисковыхъ работъ крестьянами и поселенцами; но, прежде приступа къ справкамъ, заведена уже псонн формальность требовать медика къ освидѣствованію ихъ въ знакахъ торговой казни. Смотритъ медикъ и пишетъ 8 свидѣтельствъ. Но на 6 свидѣтельствъ входитъ въ присутствіе дежурный изъ общей городской управы и подаетъ повѣстку прибыть въ 12 часу для бытія при торговой казни двухъ преступниковъ.

Разрываемый такимъ образомъ во все стороны, врачъ заѣзжаетъ къ ближайшему у присутственныхъ мѣстъ больному и кучеру приказываетъ скакать во весь опоръ въ больницу за фельдшеромъ, спиртомъ нюхательнымъ и проч. принадлежностями, безъ которыхъ будетъ бессмыслицею и самое присутствованіе. Здѣсь пренитересно замѣтить: во-1-хъ, что клейменіе преступниковъ ниже локтя и на лопаткѣ производитъ непременно фельдшеръ, а за болѣзнію его и самъ врачъ, тогда какъ есть же для того заплочный мастеръ, который выбирается уже изъ самыхъ безчеловѣчныхъ личностей. Но, видите ли, онъ, какъ артистъ дѣла, употребляется только для клейменія на лицѣ, а подобныя же упражненія, надъ менѣ важными частями, производить должны члены медицинской части. Во-2-хъ, городничій и стряпчій присутствуютъ только при болѣе важныхъ случаяхъ, чѣмъ уже гарантируется болѣе или менѣе и самое исполненіе казни и возраженіе о чемъ либо врача, тогда какъ безъ того квартальный или частный могутъ сдѣлать, особенно при наказаніи въ стѣнахъ, рѣшительно все, что имъ вздумается. Въ-3-хъ, къ медикамъ даже и не присылаются разные циркуляры, напр. относительно мастерства клейменія, они получаютъ только въ общей управѣ и у стряпчаго,

а этих-то лицъ и не бываетъ при клейменіи; тогда какъ (сказано въ циркулярахъ) присутствующіе при клейменіи лица подвергаются подсудности за неясное постановленіе клеймъ. Кто же, вопросъ, пойдетъ подъ судъ? Одинъ медикъ? потому что городничій и страпчій будутъ оправдываться тѣмъ, что не были, а квартальные и частные мало думаютъ объ этихъ пустякахъ, о подсудностяхъ? Въ-4-хъ. есть даже предписание забинтовывать и печатать мѣста клейменія, но на чей счетъ это дѣлать? былъ возбужденъ врачомъ вопросъ, который и кончился только тѣмъ, что Приказъ Общественнаго Призрѣнія не дозволилъ дѣлать это изъ своей собственности при больницѣ. А на чей счетъ дѣлать? такъ и осталось безъ отвѣта; дѣлать же долженъ медикъ, слѣдовательно, очевидно, на свой счетъ!!!..

Эта процедура явки всѣхъ чиновъ, или чаще нѣкоторыхъ, въ общую управу, увѣщанія священника, веденіе преступника по улицамъ, чтеніе приговора и проч., и проч., протягиваютъ время часовъ до 2-хъ. Слѣдовательно, утро прошло, а вы не посѣтили ни одного больного, вы рассчитываете теперь начать разѣзды, но у вашего экипажа ждутъ уже десятникъ и отставной солдатъ. Первый подаетъ изъ 1-й частной управы двѣ повѣстки: одну по дѣлу освидѣтельствованія скота и другую объ освидѣтельствованіи женщины-мѣщанки, получившей пощечину. Для перваго дѣла вы должны ѣхать за городъ верстъ за 5, за 6, потому что скотныхъ дворовъ не нѣдется, а ближе подогнать на безкормныя мѣста нельзя—скотъ замреть. Вотъ до 4-хъ то часовъ время и исчезаетъ. По второй вы тоже должны ѣхать, хоть и впередъ знаете, что свидѣтельствованіе издѣльное, потому что видѣли уже сотни случаевъ, гдѣ нарочно подстрекають въ подачѣ прошеній для того, что бы были случаи мирить съ полученіемъ возмездія за хлопоты. Въ рукахъ отставнаго солдата вы тоже видите повѣстку: это приглашеніе въ 12 часовъ въ окружное управленіе для освидѣтельствованія представленныхъ изъ какой нибудь волости 40 человекъ неспособныхъ къ записи въ крестьянскій окладъ. Но не удивляйтесь, что въ 2 часа по полудни васъ приглашаютъ къ 12 часамъ утра того же дня! Это ничего, потому что нерѣдко къ такимъ мелочамъ члены общаго управленія не являются, подписываютъ поспѣ.

Положимъ, что медикъ съ площади отправляется прямо къ гурту, оттуда возвращается не ранѣе 4-хъ часовъ; мимоѣздомъ схватываетъ дома для утоленія голода кусокъ чего нибудь и спѣшитъ, по данной утрѣмъ подпискѣ, въ казарму. Возвращается оттуда прямо въ часть, чтобы ѣхать съ членомъ полиціи къ осмотру страдающей щеки, но надобно подождать, потому что члены полиціи почиваютъ. Пока ихъ

разбудятъ, да и встанутъ ли еще, отговариваясь, что приглашеніе было въ теченіе утра; а вамъ подають повѣстку о прибытіи къ освидѣтельствуванію соленой рыбы. Положимъ, что членъ полиціи всталъ; съ нимъ вы съѣздили къ женщинѣ и прибыли къ рыбѣ, которой иногда можетъ быть до 1,000 лагуновъ. Сколько на осмотръ нужно времени? Вотъ день и поглощенъ до вечера. Когда же посѣщать больныхъ, когда думать о нихъ, справляться, прочитывать то и другое, когда слѣдить за наукой? когда?! Слышу возражаютъ, что я выбралъ самый хлопотливый день. Неправда! Это день самый легкій, самый свободный. Вѣдь въ теченіи его нѣтъ ни одного вскрытія трупа, которыхъ иногда взрѣзывать приходится и по 2, на что нужно со всѣми приготовленіями не менѣе 4 часовъ. Да потомъ вѣдь нужно составлять свидѣтельства. Вѣдь и медико-полицейскій случай приведенъ въ тотъ день только одинъ, тогда какъ ихъ можетъ быть десятокъ: тамъ плюха, тамъ пьяный, тамъ бѣлая горячка, тамъ упалъ съ высоты—нужно отваживаться, тамъ другой угорѣлъ въ банѣ, тамъ укусила собака и т. п. Вѣдь я не упомянулъ ни объ одной бумагѣ присутственныхъ мѣстъ объ освидѣтельствovanіи неявившагося на службу канцеляриста, или о леченіи дѣйствительно захворавшаго. Не упомянулъ о бумагахъ изъ духовнаго вѣдомства о томъ же. Иногда и въ другую сторону приходится верстать за 5 съѣздить къ другому гурту. Нужно и бойни посѣтить. Нужно пересвидѣтельствовать дѣвицъ. Иногда бродягъ-то, кромѣ Земскаго Суда наловятъ и въ обѣихъ частяхъ. То пригласятъ въ общую управу свидѣтельствовать въ годности къ арестантскимъ ротамъ; то въ частяхъ и въ Земскомъ Судѣ требуютъ у медика отвѣта о лѣтахъ арестанта, предлагаютъ сличить примѣты со статейными списками и другими бумагами, а также опредѣлить, можетъ ли вынести наказаніе. То требуютъ свидѣтельствовать помѣшаннаго; либо лицо, представляющееся глухимъ. Словомъ, найдутся еще десятки случаевъ. Даже лошадь, сдѣлавшись негодною для пожарной, заставляетъ Думу приглашать городского медика къ освидѣтельствуванію ее. Вотъ тутъ и повертись, и похлопочешь, какъ бы выполнить все, хоть бы даже и не пообѣдать порядкомъ. Вы тутъ видите только суету, движеніе, а вѣдь по каждому случаю надобно писать отвѣты, заводить дѣла, входящій и исходящій журналы, вѣдь приходится имѣть свою канцелярію.

Но и такая лихорадочная дѣятельность была бы пріятна, если бѣ она могла быть плодотворною, могла приносить плоды. А, къ сожалѣнію и огорченію, того-то и нѣтъ: око видитъ, да зубъ нейметъ, знаетъ бы какъ сдѣлать, да не даютъ хода, видимо прикрываютъ или портятъ дѣло. Чтобы сказанное не было фразами, перейду къ частному разбору

разныхъ предметовъ вѣдѣнія по медико-полицейской и судебно-медицинской части.

1. Начнемъ хоть съ поднятія трупа: умеръ ли человекъ скоропостижно гдѣ въ домѣ, случайно ли замѣченъ кѣмъ нибудь трупъ на улицѣ, бѣгутъ съ объявленіемъ въ полицію; а изъ полиціи десятникъ ѣдетъ верхомъ, или бѣжитъ за городовымъ медикомъ. Хоть въ законѣ и сказано „хорошо, если будетъ и врачъ“, но отказаться отъ прибытія къ поднятію, по занятію, напр. больнымъ, нельзя; потому что членамъ, бывшимъ при поднятіи, не трудно составить актецъ, что были, дескать, признаки жизни, да лекарь не явился, къ подачѣ помощи, — и бѣда! Говорю „не трудно“ и именно въ городѣ по слѣдующимъ причинамъ:

а) Въ округѣ трупъ поднимается: головой, старшиной, сотскими, десятскими и съ нѣсколькими общественниками еще. Это начальство выбрано изъ міра и, выслуживъ года, само возвращается въ міръ, хоть они, по складу нашихъ учреждений, и зависятъ, во время службы, болѣе отъ засѣдателя и исправника, чѣмъ отъ міра, но все же побаняются и послѣдняго. Слѣдовательно, и выходитъ, что трупъ поднимается общественниками, почти міромъ, у котораго не только очень уже рѣдко можетъ случиться побудительная причина къ какому нибудь несправедливому описанію найденнаго, но и другіе-то врядъ ли могутъ что нибудь скрыть, потому что члены общины слѣдятъ другъ за другомъ и знаютъ очень хорошо, что у кого дѣлается и что можетъ сдѣлаться. Конечно, слова мои могутъ показаться нѣсколько идеализирующими дѣйствительность, если не прибавить, что правленіе міра самостоятельно только до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ земская полиція, потому что тогда могутъ въ понятые набрать пьяныхъ мірянъ, за которыхъ и подпишется какой нибудь поселенецъ. Словомъ, можетъ произойти то, что по часту бываетъ въ городѣ. У нѣкого частнаго или квартальнаго есть уже такіе привилегированные, при части, понятые, изъ мѣщанъ конечно, у которыхъ ни кола, ни двора и которымъ рѣшительно все равно, что подписать, лишь была бы рюмка водки. Вотъ такими-то личностями гарантируется справедливость акта поднятія, какъ и нѣкоторыхъ другихъ полицейскихъ актовъ. Потому и желательно, чтобы произошло осмысленіе кварталовъ, какъ тѣлъ живыхъ, при чемъ общественники выберутъ, конечно, изъ среды себя такихъ уже присутствующихъ, которые будутъ и видѣть, и мыслить, и говорить, и писать.

б) При поднятіи труповъ, исключая развѣ особенно явныхъ убійствъ, не бываетъ почти никогда ни городничаго, ни стряпчаго, которые бы и личнымъ присутствіемъ, и подписомъ своимъ должны были гарантировать справедливость всего того, что тутъ и дѣлается, и пишется.

Самый „актъ поднятія“ называется обыкновенно наружнымъ осмотромъ, какъ будто это одно и тоже. Содержаніе этого акта, особенно если трупъ найденъ ночью, составляется большею частію послѣ, на дому, на память какимъ нибудь писаремъ, и состоитъ въ условно правильномъ обозначеніи: какъ лежали конечности трупа, да во что одѣтъ онъ, въ заключеніе же не забываютъ прибавить, что знаковъ насилія на тѣлѣ нѣтъ. Тогда какъ главное-то акта поднятія, что уже навсегда за тѣмъ исчезнетъ и назадъ не вернется,—это описаніе подробное и точное мѣстности, гдѣ найденъ трупъ и всей окружающей его обстановки, равно и особенностей самой его одежды, напр. помарокъ, большею частію опускается.

Теперь спрашивается: какую роль при этомъ, кромѣ намѣренія подать пособіе, долженъ играть врачъ?! По нашему же крайнему убѣжденію, законъ, въ которомъ разъясненія въ налицности не имѣется, долженъ: или ограничить дѣло врача рѣшеніемъ вопроса, живъ или мертвъ найденный, и въ первомъ случаѣ подачею помощи, или обязать присутствовать при этомъ городничаго, или по крайней мѣрѣ всегда стряпчаго, и писать въ актѣ все, что врачъ, какъ „свѣдущій“, будетъ диктовать, потому что и въ положеніи трупа и въ выраженіи лица его, и т. п., могутъ быть такія мелкія, но важныя, особенности, которыя, пройдя безъ вниманія у людей темныхъ въ физиологій и патологій, могли бы вести къ опредѣленію значенія даннаго случая. Самый актъ должно бы составлять тутъ на мѣстѣ, въ присутствіи всѣхъ — и полиціи, и стряпчаго, и понятыхъ и утвердить тутъ же общимъ подписомъ. Желательно, чтобы и понятыми были люди и хорошіе, и грамотные, не изъ привилегированныхъ полиціею, а изъ сосѣднихъ къ мѣсту случая домовъ.

Къ этой привычкѣ, составлять актъ поднятія кой-какъ, прибавимъ, что на трупы натыкаются чаще по ночамъ, а потому и осмотръ дѣлается во тьмѣ ночной, когда, конечно, никто ничего основательно не разсмотритъ; а трупъ берутъ и отвозятъ въ больницу. Желательно, чтобы въ такихъ случаяхъ ставили караулъ до утра, до разсвѣта, когда можетъ быть сдѣлано описаніе уже основательное. Да и есть условія въ природѣ, напр. холодъ градусовъ въ 35, которыя могутъ такъ измѣнить явленія, что при оттаяніи и вскрытіи трупа могутъ открыться не ожидавшіея вовсе знаки; а такое разнорѣчіе можетъ подать поводъ людямъ, не знающимъ отношеній между даннымъ агентомъ природы и тканями нашего тѣла, къ произвольнымъ толкованіямъ и скороспѣшнымъ отдачамъ подъ судъ, если часть медицинская будетъ поставлена въ полную отъ нихъ зависимость. Положимъ, написали актъ на мѣстѣ. Что же далѣе дѣлаютъ съ трупомъ? Всѣ разъѣзжаются и расходятся, кромѣ

десятниковъ, которые вступаютъ въ полное распоряженіе, тащутъ его волоча по землѣ, колотятъ головой о пороги и проч., взваливаютъ какъ попало въ телѣгу, или зимою въ дровни, при этомъ иногда и уронятъ, а отъ всего этого, особенно если трупъ не остылъ совершенно, могутъ быть маскирующіе знаки. При трупѣ остается и его одежда, тоже въ распоряженіи десятиниковъ, которые везутъ трупъ черезъ городъ на больничный дворъ и могутъ въ это время сдѣлать что угодно, напр. если трупъ младенца мать-убійца завернула въ попыхахъ въ свой платокъ, то, опомнившись она можетъ вѣдь за нѣсколько гривенъ на шкаликъ и замѣнить его другимъ, который уже не составитъ на нее улику. Не такъ ли?

Допустимъ, что безъ особыхъ приключеній довезенъ трупъ до больничнаго двора. Если смотрителя нѣтъ дома, вызываютъ десятиники больничнаго служителя, поселенца, и, втащивъ съ его помощію трупъ въ анатомическій театръ ⁽¹⁾, оставляютъ пока на попеченіе этого поселенца. За тѣмъ, когда нибудь, дня черезъ два, является въ контору больницы, изъ соответственной части, бумага о препровожденіи этого трупа, а если случай сомнителенъ, то полицейская часть позволяетъ себѣ написать о храненіи трупа бумагу, вмѣсто конторы больницы, къ врачу лично. Знаете, ловушка!

Если анатомическій театръ больницы и состоитъ въ вѣдѣніи смотрителя оной, какъ завѣдывающаго хозяйственною частью, то справедливо ли не имѣть въ городѣ особаго для судебнаго трупа помѣщенія, — справедливо ли мѣшать его съ умершими въ больницѣ, къ которымъ нельзя же воспретить и явку родныхъ, и чтеніе надъ ними обычныхъ молитвословій, слѣдовательно, справедливо ли обязывать смотрителя больницы храненіемъ и за тѣмъ, конечно, отвѣтственностію за смытіе какой нибудь помарки съ тѣла, за подмѣну чего нибудь изъ платья и даже за сдѣланіе такого новаго знака, который будетъ осложнять и маскировать случай? Почему же трупъ со всѣми при немъ вещами, впредь до вскрытія, не остается на попеченіи той именно полиціи, за ея замкомъ и печатью, которая производитъ и все слѣдствіе?! Чѣмъ объяснить это, кромѣ желанія сваливать все съ себя на другихъ, какъ съ больной головы на здоровую?!

А еслибъ сочли нужнымъ, чтобы трупъ предварительно, въ лѣтнее время, попортился, то стоитъ не дать врачу особой пригласительной, въ такой-то часъ, ко вскрытію бумаги или повѣстки; на случай же возникновенія вопроса найдутъ себѣ оправданіе, а врачу же обвиненіе

⁽¹⁾ Такъ называютъ какую нибудь полуразрушенную избушку, въ которую выносятъ больничные трупы.

въ томъ, что въ бумагѣ, при которой трупъ препровожденъ въ контору больницы, послѣ слова „хранить“ прибавлено „и по вскрытіи въ свое время похоронить“. Здѣсь слова „въ свое время“ будутъ называть достаточными къ обозначенію времени, когда врачъ долженъ былъ позаботиться о вскрытіи, потому что въ законѣ есть статья, означающая ранѣе какого времени вскрывать нельзя. Не знать же бумаги въ конторѣ врачъ, дескать, не могъ, потому что, хотя онъ дѣлаетъ вскрытія и ведетъ особые дѣла по должности городского врача, но вѣдь онъ же состоитъ и предѣвателемъ больничной конторы. Замѣчательно, что такихъ штукъ не можетъ быть съ врачомъ окружнымъ, гдѣ трупъ съ перваго раза поступаетъ въ вѣдѣніе и храненіе земской, или сельской власти, да и въ Сибири во многихъ мѣстахъ есть особые, при каждой деревнѣ, примѣрно въ полуверстѣ отъ нея, для произведенія вскрытій домики съ погребомъ для храненія труповъ. И самый актъ вскрытія сподручье производится въ округѣ, потому что мужички не только не прячутся отъ вскрываемаго за двери, но и пособляютъ и попилить, и перевернуть трупъ, между тѣмъ какъ въ городѣ все это должны дѣлать фельдшеръ съ врачомъ, а понятые и не подойдутъ. Далѣе въ законѣ точно не опредѣлено „кто распоряжается похоронами“. По здравому смыслу казалось бы рѣшеніе: „похоронить немедленно трупъ, или онъ нуженъ еще для сличенія примѣтъ, либо для уликъ и т. п. обстоятельствъ, смотря по случаю“, есть дѣло полиціи, но она въ сомнительныхъ случаяхъ иногда относится къ врачу съ бумагою подобнаго, напримѣръ, содержанія: „распорядиться о похоронахъ, если въ трупѣ нѣтъ болѣе надобности“. Неужели это законно?

Въ законѣ также не опредѣлено: можетъ ли врачъ требовать составленія акта въ каждомъ случаѣ, къ которому онъ былъ приглашенъ? И если полиція сочтетъ болѣе выгоднымъ опустить составленіе акта, то будетъ ли, вмѣстѣ съ полиціею, отвѣчать и врачъ, или даже не предоставлено ли ей обычаемъ свернуть и вину всю на голову врача? Вообще врачъ подъ двумя взысканіями: медицинское начальство взыскиваетъ за то, почему, будучи свѣдущимъ человѣкомъ, не указалъ, а губернское начальство то и дѣло дѣлаетъ замѣчанія за превышеніе власти.

А мало ли бываетъ подобныхъ случаевъ. Скажу хоть что нибудь для примѣра: положимъ убійца рубилъ шашкою другаго, но помѣшалъ нанести безусловно смертельную рану и человѣкъ выздоровѣлъ. Поэтому, для правильнаго сужденія въ судѣ о степени виновности важно знать подробное описаніе нанесенныхъ ранъ на тѣлѣ и прорубовъ на одеждѣ, да и какой именно одеждѣ, а также важно имѣть постановле-

ніе о состояніи тогда умственныхъ способностей убійцы, а обо всемъ этомъ ни полиція, ни стряпчій не позаботились, отъ чего осталась возможность будущимъ изворотамъ. Кто же виновать? Неужели и тутъ врачъ, а вѣдь чего добраго, потому что въ законѣ не опредѣлена степень его дѣятельности въ подобныхъ случаяхъ, да и наоборотъ, не будетъ ли ему, за вмѣшательство въ подобномъ случаѣ, какъ бы за превышеніе власти, строжайшаго выговора отъ губернскаго начальства.

А почему же бы закону не постановить на все такіе случаи, гдѣ одновременно, кромѣ полиціи и понятыхъ, должны присутствовать стряпчій и медикъ, о составленіи какъ бы временной комиссіи, въ которой бы медикъ имѣлъ уже голосъ рѣшительный и каждое неудовлетвореніе его требованія вписывалось бы въ составляемый при томъ, тутъ же на мѣстѣ, актъ. Приведу возможность другаго случая. Пригласила полиція врача къ поднятію отравленныхъ. Врачъ оказалъ помощь и спасъ людей; а акта никакого не было составлено, да и дѣла въ полиціи не завелось по этому предмету. Кто виновать? Неужели и тутъ врачъ, стоящій теперь въ чисто пассивномъ состояніи: отвѣчать только на вопросъ, отнюдь не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія и дѣйствія.

Пойдемъ далѣе. Трупъ вскрытъ; протоколъ при этомъ составленъ; остается составленіе свидѣтельства. Вотъ тутъ возникаетъ опять много вопросовъ. Напримѣръ: кто долженъ хранить тѣ банки съ разными внутренностями, которыя оставлены за печатами, отъ трупа. По здравому смыслу — эта драгоценность должна поступить въ руки слѣдователя, у котораго все и дѣло, а чтò вы станете дѣлать, если полиція пишетъ вамъ (т. е. медику) бумагу, обязывая его хранить впредь до востребованія? Въ законѣ, дескать, прямой статьи нѣтъ; а между тѣмъ, въ случаѣ какой либо порчи, хоть отъ мышей, медикъ рискуетъ идти подъ слѣдствіе.

Другой примѣръ: случаются должности медиковъ, при которыхъ не имѣется инструментовъ для вскрытія дѣтскихъ труповъ, которые взрѣзываются, по нуждѣ, чѣмъ нибудь и какъ нибудь. За чтò же медикъ виновать, если свидѣтельство (и даже протоколъ) не заключаютъ всѣхъ тѣхъ тонкостей, особенно въ пробахъ, которыя требуются закономъ? Или еще: медикъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ ни казенныхъ, ни по дальности мѣстъ и бѣдности и своихъ къ опредѣленію кровяныхъ пятенъ; а отъ него требуютъ и за неисполненіе кладутъ темное пятно на степень его добросовѣстности въ дѣлѣ.

Есть въ XIII т. Св. Зак. статья, дающая какъ будто медику право, въ видахъ точнаго составленія свидѣтельства, спрашивать на мѣстѣ лицъ, и просматривать дѣло, и видѣть все, прикосновенныя къ дѣлу,

вещи; а по мнѣніи надобности съ перенумеровкой и за печатами возвращать. Но эта же статья полиціею понимается по своему. На основаніи ея слѣдователь доставляетъ только медику предварительныя свѣденія въ двухъ, трехъ словахъ, да и то полуграмотныхъ, и въ нихъ, конечно, главную роль играетъ описаніе цвѣта и ткани одежды, бывшей на трупѣ. Но, во-1-хъ, спросить медику, въ присутствіи слѣдователя же, лицъ, знающихъ объ обстоятельствахъ событія, не позволяютъ; между тѣмъ какъ подобными вопросами можно было рѣшать значеніе многихъ данныхъ: такъ напримѣръ, человекъ умеръ, говорятъ, скоропостижно, но прибавляютъ, онъ улегся было спать, а между тѣмъ въ мозгу найдено изліяніе крови. Отъ чего же это изліяніе? Чтò здѣсь: смерть отъ давленія кровью или она есть только продуктъ сотрясенія? А какъ важно утвердительно сказать, было ли сотрясеніе?! Но для подобнаго рѣшенія нужно до мелочей и въ должной научной постепенности выспросить отъ окружавшихъ умправшаго всѣ припадки и явленія, которыми сопровождались и сонъ, и смерть; а медику этого не позволяютъ.

Наконецъ, послѣднее и важнѣйшее обстоятельство. Законъ и наука говорятъ, что судебное свидѣтельство медика, какъ документъ, рѣшающій участь и случая, и лицъ, долженъ быть основываемъ, со всевозможною осмотрительностью, на всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Между тѣмъ какъ, на дѣлѣ, полиція довольствуется только вышеупомянутымъ безтолковымъ извлеченіемъ такъ называемыхъ предварительныхъ свѣдѣній; а о дѣлѣ, обо всемъ слѣдствіи, не можетъ быть и рѣчи: какъ можно судебного врача посвящать въ канцелярскія тайны судебного слѣдствія? (которое по часту вовсе и не производится, пока не получится отъ врача свидѣтельство, на тотъ случай, чтобы, заручаясь уже имъ, направить дѣло какъ должно, по маслу, безъ зазубринокъ). Такъ, говорю, не видя слѣдствія, врачъ основывается на одномъ протоколѣ и поневолѣ допускаетъ предположенія и разсужденія, за чтò получаетъ замѣчаніе отъ врачебной управы, потому что свидѣтельство такое неудобно и не согласно со смысломъ статьи, гдѣ сказано, что оно должно быть кратко и точно; а такъ какъ, не видя всѣхъ результатовъ слѣдствія, этого условія выполнить нельзя, то и обходятся безъ замѣчаній только тѣ мудрые врачи, у которыхъ каждый трупъ (исключая явно насильственной смерти) умпраетъ отъ апоплексіи. Миѣ скажутъ: хотя и можно открывать судебному врачу тѣ канцелярскія тайны, которыя извѣстны отбпращающему показанія писакѣ неопредѣленнаго званія, то нельзя медлить выдачею свидѣтельства до окончанія слѣдствія, потому что иногда свидѣтельство даетъ новый толчекъ слѣдствію. Отвѣчаю: если такъ, то

пусть будетъ дозволено выдавать сперва не точное и рѣшительное въ нѣсколькихъ словахъ мнѣніе, а разсужденіе, которое бы давало только толчекъ слѣдствію, но не составляло опредѣленія рѣшительнаго, которое все-таки будетъ тогда только справедливо, когда, по закончаніи слѣдствія, все дѣло будетъ дано врачу для прочтенія и соображеній. Я не могу забыть справедливыхъ словъ знаменитаго Ангеля; онъ, разбирая одинаковость явленій отъ разныхъ причинъ, заключилъ, что, *„если требованіе объясненія причины явленія, безъ сообщенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, оправдывается невѣжествомъ то какъ же держатъ врачи, которые осмѣливаются давать въ такихъ темныхъ случаяхъ рѣшительныя отвѣты!“*

Я бы этимъ и закончилъ разборъ прикосновенія врача съ полиціей на этомъ важнѣйшемъ пунктѣ, еслибъ не пришлось спросить: чему слѣдовать и чего слушаться? Въ Сводѣ Законовъ изд. 1857 г. говорится, чтобы изъ свидѣтельства, въ двухъ экземплярахъ написаннаго, одинъ экземпляръ отсылался къ дѣлу, а другой въ врачебную управу со скрѣпой слѣдователя; тогда какъ мѣстное распоряженіе, давно существующее, повелѣваетъ и подлинный и копію, съ приложеніемъ печати медика, передавать слѣдователю, который, скрѣпивъ своею подписью, представить уже самъ въ врачебную управу, если сочтетъ это нужнымъ?

2. Подобнымъ же образомъ относится полиція и къ врачу, и къ истинѣ во всѣхъ прочихъ судебно-медицинскихъ дѣлахъ, которыя бываютъ тоже отнюдь не пустяками, какъ вопросъ объ изнасилованіи, и нанесенія увѣчья и т. под. Между тѣмъ и тутъ требуютъ, не сообщая врачу дѣла, да иногда не производи впередъ и слѣдствія, не только описанія знака ушиба, но и отвѣта о томъ, и чѣмъ произведенъ онъ, и какъ и какова могла быть степень опасности важному органу, либо самой жизни, при чемъ долженъ быть подведенъ и пунктъ изъ статьи, раздѣляющей роды насилія и постановляющей по каждому наказанію. Очевидно, врачъ можетъ дать только одинъ предположенія, утвердительно же мнѣніе только тогда, какъ узнать все событіе и получить вопросъ обратный, т. е. могъ ли такой знакъ, какъ своевременно описать онъ, быть плодомъ значущагося въ дѣлѣ рода насилія! Это будетъ другое дѣло и отвѣтъ можетъ быть прочный. Я не могу при этомъ не вспомнить двухъ случаевъ изъ жизни одного врача. 1) Совершено было въ домѣ убійство всѣхъ жильцовъ (4 человекъ); случай встревожилъ полицію, почему къ акту поднятія прибыли и городничій и стряпчій, а врачу сдѣлали милость, т. е. дозволили продиктовать актъ. При диктовкѣ этого акта врачъ обратилъ вниманіе рѣшительно на всѣ обстоя-

тельства и на степень теплоты въ печи съ означеніемъ съ какого времени могла сохраняться (по свойству печи и количеству пепла и угля) такая теплота, и на качество вещества сидѣвшихъ въ печи пироговъ то же съ опредѣленіемъ времени, съ какого они попали въ печь, и на качество крошекъ, валявшихся по столу, и на ведро воды непременно вблизи самовара, у котораго нѣсколько пріоткрыта крышка, да и онъ пусть, и на мѣшалку, приготовленную для коровы и проч., и проч., словомъ, опредѣлитъ и день и часъ совершенія преступленія, результатомъ чего было быстрое открытіе виновниковъ. 2) Въ другомъ случаѣ то же дозволено было врачу продиктовать часть медицинскую, т. е. самые знаки при поднятіи трупa женщины, избѣченной по всему тѣлу широкимъ ремнемъ съ мѣдными толстыми бляхами, при чемъ врачъ при свѣжести ударовъ (тогда какъ при вскрытіи чрезъ нѣсколько дней все было слито въ общую, много потерявшую въ подробностяхъ формъ знаковъ, синебагровую поверхность), опредѣлитъ направленіе ударовъ, откуда и съ какой стороны они падали, да и которые знаки въ лежачемъ и которые въ стоячемъ положеніи убитой, такъ что при такомъ описаніи, особенно съ подробнымъ обозначеніемъ другихъ знаковъ въ комнатѣ, а именно на диванѣ какъ садилась и какъ лежала несчастная, на двери, какъ хваталась она и проч. (оказалось бы неправдоподобнымъ, еслибъ полиціи вздумалось сдѣлать послѣдующіе выводы, будто бы она не убита, а умерла отъ пьянства, потому что, по показанію убійцы и его друзей, она была пьяна, встала и упала, а онъ сѣкъ ее уже безчувственную). Такъ вотъ что значитъ осмысленіе всѣхъ подобныхъ актовъ тѣмъ, если, кромѣ полиціи, будутъ хорошіе граждане, и городничій и стряпчій, а врачу будетъ предоставлено описывать все; словомъ, когда будетъ что нибудь въ родѣ временнаго присутствія, въ которомъ врачъ былъ бы, если не предсѣдатель, то по крайней мѣрѣ старшій членъ.

Тогда какъ теперь вотъ какъ относятся къ врачу: выдавать свидѣтельства о состояніи здоровья, напр. если кого нибудь поколотили, не допуская до тѣхъ поръ, пока не потребуетъ свидѣтельства полиціи, врачъ не имѣетъ права. А между тѣмъ бывало (вѣдь вы за шутку сочтете, а я честью увѣряю и имѣю факты), что отъ медика требовала полиція подобнаго освидѣтельствованія спустя годъ послѣ избитія и подачи прошенія объ освидѣтельствованіи и производствѣ слѣдствія. Да и это неожиданное движеніе дано было дѣлу, потому что на мѣстѣ пріѣзжалъ губернаторъ и обиженный жаловался ему на медленность производства слѣдствій, которое годъ и не начиналось. А чтобы довершить удивленіе ваше, какъ безцеремонно полиція относится къ

свидѣтельствамъ медика и какими пустяками считаетъ ихъ, прибавлю за достовѣрное о слѣдующихъ, слышанныхъ мною, обстоятельствахъ: а) къ свидѣтельствуванію дѣвпцы, по подозрѣнію въ дѣтоубійствѣ, приглашали медика, не означая ни званія, ни имени и фамиліи ея, такъ что освидѣтельствуешь напр. Анну Лаврову, а напишутъ Настасью Иванову, а вѣдь гдѣ рука, тамъ и голова; б) также не означая лица, требовали освидѣтельствовать женщину въ упомомѣшательствѣ; с) устраняли врача отъ свидѣтельства женщины по дѣтоубійствамъ, считая достаточнымъ замѣнять его бабкою, на томъ основаніи, что это ея спеціальность и что дозволено въ законѣ приглашать въ такомъ случаѣ и бабку, конечно какъ помощницу медика, который все таки и есть присяжное лицо, и есть судебный врачъ; но видите ли, бабку легче вѣдь держать въ рукахъ, чѣмъ медика, ее можно, напр., помѣстить на такую отводную квартирку, съ которой она убѣжитъ чрезъ нѣсколько дней!...

Довольно о предметахъ судебно-медицинскихъ, уголовныхъ, перейдемъ къ медико-полицейскимъ.

3. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ, по предмету охраненія народнаго здравія, устройство публичныхъ домовъ и свидѣтельствованіе представительницъ ихъ. Основаніе публичныхъ домовъ есть прекраснѣйшая мѣра въ охраненіи народнаго здравія. Только, къ сожалѣнію, объ учрежденіи такихъ домовъ наши уѣздныя полиціи не заботятся и предпочитаютъ допускать развратъ скрытый, разсѣянный по всему городу. Дозволеніе этихъ домовъ и наставленіе объ устройствѣ ихъ допускаются особыми скрытыми правительственными циркулярами, тогда какъ въ Св. Зак. этого не имѣется и даже предоставляется полиціи преслѣдовать посѣтителей подобныхъ заведеній. А это имѣетъ результатомъ составленіе доходной статьи для полиціи и возможность заведенія дѣлъ, на основаніи Св. Зак. Кому же пріятно быть тасканнымъ по судамъ и осужденнымъ на покаяніе за развратъ: и молчитъ онъ, когда обворуютъ его, молчитъ, когда заразится болѣзью!.. Изъ этихъ домовъ и врачъ получаетъ жалованье, за посѣщеніе и освидѣтельствованіе дѣвпцъ тутъ, на дому, безъ требованія въ больницу. Это бы ничего, полученіе за визиты дѣло обыкновенное, но то худо, что мнѣ приходилось видѣть, какъ оскорблялись содержательницы такихъ домовъ, когда врачъ неуклонно являлся два раза въ недѣлю и не оставлялъ ни одной безъ самаго основательнаго осмотра. Слѣдовательно если оскорблять за строгое исполненіе долга, то силлогизмъ будетъ вѣренъ, если мы допустимъ, что бываетъ когда нибудь и гдѣ нибудь иначе. Что же касается до высылки на свидѣтельство дѣтей веселья, живущихъ (какъ въ уѣздныхъ городахъ всегда и бываетъ) не въ общихъ домахъ, а тамъ и сямъ

одиночно, то не только наставленія министерскихъ циркуляровъ не исполняются въ точности, даже иногда и списковъ не бываетъ по полу-году, а извѣщенія медика о неявившихся, посылаемыя каждую недѣлю, или вовсе не исполняются, или, для очистки бѣдъ, либо для шутки, исполняются чрезъ годъ и позже! Я не шучу, — есть факты.

При такихъ условіяхъ нечего удивляться, если срамная болѣзнь продолжаетъ существовать и укоризна общественниковъ падаетъ на ничѣмъ не виновнаго медика. Можетъ быть, иные улыбнутся при словахъ „общественная укоризна“. Но уѣздному медику остаются одно утѣшеніе и одна награда въ „общественномъ мнѣніи“. Вѣдь вы посудите! каждый человѣкъ имѣетъ право возвышаться въ службѣ, подниматься въ должностяхъ, чинахъ и орденахъ; а медикъ, болѣе другихъ образованный и получившій университетское развитіе, долженъ на всю жизнь носить узкую обшивку 9 класса и не возвышаться далѣе коллежскаго ассесора, а объ орденахъ для гражданскихъ уѣздныхъ медиковъ нѣтъ и рѣчи. И такъ: чтѣ же остается медику, кромѣ общественнаго мнѣнія?!

4. Да и не въ этомъ только случаѣ взыскательно общественное мнѣніе къ врачу. Воняетъ ли падалью отъ рыбныхъ рядовъ, разбились ли кого лошади, испугавшіяся разставленныхъ и разложенныхъ на улицахъ, по землѣ, мясныхъ тушъ и бычачьихъ головъ съ рогами, продаются ли не свѣжіе продукты на базарѣ, варятъ ли въ трактирахъ супы изъ пропащихъ курицъ и готовятъ чай въ нелуженыхъ грязныхъ, непромытыхъ самоварахъ, поддѣльные ли вина выдаютъ изъ погребковъ вмѣсто настоящихъ: общество ропщетъ непремѣнно на мѣстнаго медика; оно рассчитываетъ видѣть въ немъ блюстителя, голось котораго, какъ спеціалиста, долженъ быть тотчасъ исполняемъ. Каждому общественнику вѣдь не втолкуешь, что нѣтъ въ законѣ статьи, которая бы предоставляла медику право приглашать, по каждому предмету, касающемуся народнаго здравія, членовъ полиціи, которые бы, за неявку въ назначенное время, также подвергались отвѣтственности, какъ подвергается законъ врача; не втолкуешь, что такъ какъ всѣ подобныя статьи доставляютъ полиціи доходы, то даже щекотливо и затрогивать ихъ, потому что тотчасъ наживешь вражду и молву о придиричivosti и притѣсненіяхъ. Потому оно такъ и идетъ, что ни винныя погребки, ни трактиры и харчевни не подвергнутся ни разу осмотру,—это не въ модѣ, не принято, хоть въ Св. Закон. и написано. Тоже ропщетъ общество за продажу по лавкамъ ядовъ, напр. сулемы, разныхъ купоросовъ и т. д., равно и за распространеніе вредныхъ лекарей-шарлатановъ. Но чѣмъ же виноваты медикъ, если лавки тоже не свидѣтель-

ствуются; если о шарлатанах пиши не пиши, а полиція даетъ отзывъ, что ей пока ничего неизвѣстно; если даже извѣщеніе медика о появленіи въ числѣ пациентовъ его такого лица NN, который отравленъ, при леченіи, ртутными препаратами и долженъ умереть отъ ртутнаго худосочія, остается безъ всякаго вниманія, хотя больной и дѣйствительно умираетъ. Что же, говорю, дѣлать медику? Остается одно: терпѣть и ожидать, пока передѣляется полицейская часть съ корня, пока предоставится врачебной части болѣе независимая и самостоятельная дѣятельность, пока точно опредѣлятся права и обязанности врачей при каждомъ соприкосновеніи ихъ со всемогущей полиціей, пока яснѣе опредѣлятся каждый случай (напримѣръ, хотя по вопросу, ускользнувшему при изложеніи замѣтки, о томъ, при всѣхъ ли экзекуціяхъ, хотя бы и розгами въ стѣнахъ полиціи, долженъ присутствовать врачъ, или только при казни на площадяхъ?), пока не дано будетъ права медику отказываться отъ исполненія чего либо, если не соблюдены всѣ правила, всѣ формы, напр. не прибыли всѣ лица, обязанныя присутствовать, а если, напротивъ, сдѣлаетъ дѣло безъ соблюденія формъ, то не попадаетъ ли подъ слѣдствіе? И ждать бы можно, да дождемся ли?!

Прибавимъ еще, хотя два странныхъ, не естественныхъ положенія медика. Во-1-хъ, едва выходитъ онъ изъ университета, поступаетъ въ уѣздные медики и первый дебютъ непременно освидѣтельствованіе какого нибудь бродяги въ знакахъ клейменія и торговой казни. Этихъ свидѣтельствъ обыкновенно приходится въ Сибири писать болѣе, чѣмъ по всѣмъ другимъ предметамъ. Врачъ и сталъ въ тупикъ: онъ объясняетъ, какъ совѣстливый человѣкъ, въ присутствіи суда, куда прибылъ, что онъ еще и не видывалъ какъ наказываютъ, а слѣдовательно не имѣетъ ровно никакого понятія, а во всѣхъ наукахъ, которыя проходилъ онъ, этого предмета не значится въ книгахъ, да и не касался ни одинъ профессоръ. Но ему заявляютъ, что обязаны написать свидѣтельство и подписаться, а уже знаете или не знаете,—это другое дѣло. На первый разъ мы, дескать, скажемъ вамъ, что должно писать, а къ слѣдующему вы извольте разузнать, гдѣ и какъ хотите. Что дѣлать врачу? Начинаетъ развѣдывать отъ полицейскихъ, да отъ бывалыхъ солдатъ, да и арестантовъ и палача нельзя обойти. Словомъ, начинаются служебныя знакомства! По нашему же скромному мнѣнію, ларчикъ могъ открыться очень просто: стоило бы только студентовъ послѣдняго курса медицины прикомандировывать къ подобнымъ практическимъ занятіямъ, а кромѣ того можно бы издать руководство и наставленія обо всѣхъ этихъ практическихъ хитросплетеніяхъ, равно какъ и о мѣстахъ, гдѣ должно ставить клейма и какъ управляться съ ними, да и что такое,

наконецъ, самыя клейма? Впрочемъ, мы допускаемъ это ученіе только какъ крайнюю мѣру, а прежде всего предложимъ вопросъ: соотвѣтствуетъ ли это сколько нибудь назначенію, призванію врача — помогать страждущему человѣчеству?! А вѣдь большая часть дня его жизни на подобныя занятія, доступныя, не менѣе его, и заплечному мастеру, и всѣмъ старымъ служакамъ полицейской части. А медицинская наука и страждущее человѣчество, что съ ними?! Они ждутъ тѣхъ роковыхъ минутъ, которыя, по счастью, останутся отъ подобной дѣятельности, потому что въ Св. Зак. сказано: „въ свободное отъ служебныхъ занятій время врачъ можетъ заниматься частною практикой“, хотя въ другой статьѣ, въ свою очередь, прибавлено, что „за неявку къ больному подлежить законной отвѣтственности, судя по послѣдствіямъ“. Какъ и разумѣть, и соглашать все это?! Во-2-хъ, до окончанія курса въ университетѣ и полученія разныхъ дипломовъ, слышалъ медикъ иногда слова: скопецъ, скопчиха и имѣтъ кой-какія смутныя понятія о томъ, какой смыслъ лежитъ въ этихъ словахъ. Но вдругъ его приглашаетъ полиція свидѣтельствовать въ оскотленіи и рѣшать участь людей, называемыхъ и оскотителями, и оскотленными. На чемъ, вопросъ, онъ долженъ основываться, чѣмъ руководиться, особенно послѣ того, какъ хитрые операторы этой секты выдумали, именно для женщинъ, такіе новые интересные способы, о которыхъ прежде и не слыхивали?! Конечно, не мѣсто здѣсь, въ литературной статьѣ, описывать это; мы говоримъ только къ тому, что не мѣшало бы издать объ этомъ наставленія съ точнымъ описаніемъ и всѣхъ интересныхъ хирургическихъ операций. А то былъ, напримѣръ, такой случай: два врача, служившіе случайно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ много скопцевъ и гдѣ они даже цѣлыми партіями поступали на леченіе, слѣдовательно, гдѣ врачи могли обозрѣть всѣ виды оскотленія, — такъ, говорю, два врача написали, по требованію полиціи, актъ съ обозначеніемъ своей опытности и наглядности въ этомъ предметѣ, а инспекторъ управы ихъ спрашиваетъ „гдѣ то сочиненіе, которымъ руководились они“.

Мы наложили все не для сплетенъ, не для того, чтобы оскорбить кого нибудь, всякій видитъ, что и имѣтъ тутъ ни того, ни другаго, а показали въ фактахъ наши общественныя нужды и болѣзни. Мы знаемъ, что правительство рвется къ перемѣнамъ и улучшеніямъ, но, чтобы плодотворнѣе была самая умная теорія, ей нужны факты, нужно знать о примѣненіи къ дѣлу. Вотъ эти-то факты, или, вѣрнѣе, тысячную долю ихъ, мы и имѣли намѣреніе представить для соображеній.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На сѣверъ отъ села *Дубческаго (Ворогово)* все неизмѣренное и неизвѣданное до сихъ поръ пространство между Тобольской губерніей съ запада, Якутской областью съ востока и Ледовитымъ моремъ съ сѣвера называется Туруханскимъ отдѣленіемъ Енисейскаго округа. Описывать край этотъ съ различныхъ сторонъ будемъ мы въ слѣдующихъ частяхъ труда нашего; здѣсь же изложимъ только все, что относится будетъ къ описанію водной системы рѣки Енисея.

Природою положена и естественная граница отъ Авцыферовской волости: это — такъ называемый камень. Составился онъ слѣдующимъ образомъ: съ востока на западъ пересѣкъ природную логовину Енисея, тянущуюся съ Китайской границы до Ледовитаго моря, каменистый хребетъ; подойдя къ нему, Енисей долго бился, сильно расширился, образовалъ множество протоковъ и острововъ, а гора все таки пала и дала въ разныхъ направленіяхъ и разными грудами лежащіе камни. Гдѣ они идутъ мелкимъ переборомъ чуть не черезъ всю рѣку и глазъ издали видитъ поперечную пѣнящуюся полосу отъ всплесковъ воды о мелкія выдающіяся верхушки, гдѣ огромные острова стоятъ одиночно, съ вѣковыми лѣсами и съ скалистыми, какъ бы обрубленными, недоступными судну, берегами; гдѣ лежитъ огромная плита въ глуби и надъ нею незаблѣмая, какъ бы заманивающая къ себѣ, гладь; гдѣ безостановочно, вѣчно, безустанно вертится вода, бросая мѣстами вверхъ сѣдые всплески, — тутъ мель съ глубокими жерлами. Словомъ, разнообразіе удивительно. Прежде прорыва самаго хребта, Енисей, какъ видно, долго бился: ширина его тутъ верстъ 15; однихъ острововъ образовалось до 70; протоковъ множество; разныхъ формъ и значеній подводные камни разбросаны всюду; съ 18 до 19 версты отъ села Вороговскаго есть „Ножовый мысъ“, т. е. скала, выдавшаяся справа до половины Енисея и столь опасная, что ночью не рѣшаются плавать даже и знатоки мѣстности. На 26-й верстѣ замѣчателенъ островъ „Дядя“, окруженный огромными подводными камнями, такъ что судну подойти невозможно; рядомъ съ Дядей островъ „Яндыгня“, не отличающійся особенною опасностью; не доплывая только 4-хъ верстъ до деревни Осиновой, есть на правой сторонѣ большая гора, именуемая „Красною“, каменные скалы которой дѣйствительно красноватаго цвѣта.

Наконецъ, черезъ 38 верстъ отъ села Вороговскаго, достигаемъ перваго, самаго верхняго по Туруханскому краю, *станка Осиновскаго*. Невольный страхъ бралъ меня приставать къ Осиновскому: время было бурное. Оставивъ большую крытую лодку, на которой совершалось путешествіе, у острова, я долженъ былъ пересѣсть съ фельдшеромъ въ небольшую лодочку. Лодочкой управляли 2 дѣвочки и мальчикъ лѣтъ 15-ти. Мелкіе камни лежатъ тутъ и торчатъ изъ подъ воды верхушками; вода сильно билась объ нихъ вѣтромъ и вспѣнивалась въ сѣдые гребни, среди которыхъ то выставлились, то прятались черныя верхушки камней, — лодка, при ловкости управляющихъ его, ныряла, какъ утка, въ разныя стороны, пробираясь межъ камнями, — волны качали ее съ боку на бокъ и поднимали вверхъ то носъ, то корму; словомъ, съ замирающимъ сердцемъ ждалъ я, что вотъ-вотъ разобьется о верхушки камней, вотъ-вотъ захлеснется навсегда холодною волной. Но спокойныя и улыбающіяся лички юныхъ гребцовъ ослабляли страхъ, давая надежду доплыть благополучно. Плаваніе черезъ весь станокъ шло болѣе по срединѣ, а станокъ Осиновскій стоитъ на каменной сторонѣ, потому что на польскѣй ⁽¹⁾ въ этомъ мѣстѣ, межъ безчисленныхъ острововъ, очень мелкіе протоки.

2-й станокъ, черезъ 39 верстъ отъ Осиновскаго, деревня Подкаменная Тунгузка. Плаваніе черезъ этотъ станокъ идетъ по правой, каменной сторонѣ, потому что хребетъ, подмытый когда-то Енисеемъ и рухнувшій, разсыпался у лѣвой стороны какими-то разнообразными переборами, не оставивъ вовсе воротъ. На 3-й верстѣ есть *порогъ*. На 4-й очень опасное *подпорожье*. На 5-й верстѣ *порогъ*. На 6-й четыре очепка: 2 на правой сторонѣ и 2 на лѣвой, состоящіе изъ каменныхъ мелей съ глубокими жерлами, гдѣ вода чрезвычайно быстра и крутится въ родѣ пучинъ. На 9-й съ одной правой стороны начались большія каменные скалы. На 12-й начались каменные утесы, которыми Енисей очень суживается. За тѣмъ съ правой стороны выдается изъ материка въ русло Енисея огромная каменная скала, равная сосѣднимъ горамъ вышиною и называемая „быкъ“; она — самое опасное мѣсто, потому что Енисей имѣетъ на нее теченіе и стремленіе воды тутъ очень сильно. За тѣмъ, черезъ 2 версты, стоятъ одинъ неподалеку отъ другаго 3 острова. Первый *корабликъ*, — это скала, выдающаяся изъ середины рѣки, вышиною чуть не съ прибрежныя горы; между правымъ берегомъ и корабликомъ проплываютъ суда. 2-й *барочка*: стоитъ лѣвѣе и нѣсколько ниже кораблика; *протока* между ними называется

---

(1) Польская, луговая или наволошная отъ словъ поле, лугъ и волокъ.

„дырочкой“. 3-й островъ, болѣе предъидущихъ величиною, называется „монастырскимъ“; протока, между барочкой и имъ, называется „монастырской“; а между монастырскимъ и лѣвымъ берегомъ называется „узкою“. Всѣ эти острова каменные. Здѣсь оба берега каменные и лѣвый, около котораго совершенно прохода нѣтъ, замѣчательнѣе тѣмъ, что тутъ много ямъ и водоворотовъ, да и самый берегъ нависъ скалами надъ водою. Эти горы съ обѣихъ сторонъ дѣлятся верстъ на 15. Быстрота тутъ такъ велика, что 7 верстъ дѣлаютъ въ 10 минутъ. Не только лодки, но и суда идутъ тутъ греблями, чтобъ не затонуло на корабликъ: проходъ вѣдь только и есть между корабликомъ и правымъ берегомъ, а лѣвѣе, особенно у нависшихъ скалъ лѣваго берега, такой шумъ, что дѣлается страшно,—вода то закручивается внизъ увалами, то горами бросается вверхъ.

За Монастырскимъ островомъ всѣ ужасы кончаются и нѣсколько далѣе его, только съ противоположной правой стороны, мирно вносятъ воду свою въ Енисей небольшая рѣка „Глотиха“. Она замѣчательна тѣмъ, что, лѣтъ 15 тому назадъ, по ней противу монастырскаго озера была золотопроисксовая партія г. Крылова. За тѣмъ ничего особеннаго не представилось и, окончивъ 30 верстъ, прибыли мы въ станокъ „Подкаменную Тунгузку“. При немъ впадаетъ въ Енисей вторая Тунгузка, называемая „среднею“ или „подкаменною“. Такъ какъ эта рѣка еще болѣе знаменита современнымъ значеніемъ своимъ для общества и государства, чѣмъ описанная уже нами Тунгузка Верхняя, то мы и приостановимъ теперь свой путь по Енисею для описанія, по возможности, всей водной системы одного изъ знаменитыхъ притоковъ Енисея.

Средняя Тунгузка едва ли менѣе уже описанной нами Тунгузкой Верхней; потому что если Средняя Тунгузка и не беретъ начала своего отъ Байкала, а значительно сѣвернѣе, уже подъ 55°, изъ хребта, служащаго водораздѣломъ между системами и ея, и Лены черезъ Кутусъ Игодою, и Верхней Тунгузки черезъ Илимъ съ притоками его: то вѣдь она впадаетъ въ Енисей сѣвернѣе Тунгузки почти на 580 верстъ, а эта цифра составляетъ почти третью часть всего теченія Верхней Тунгузки отъ Байкала до впаденія въ Енисей (1,720). Источники ея отъ источниковъ Куты и верхнихъ притоковъ Илимъ находятся почти въ 10 верстахъ. Эта совершенно пустынная, кромѣ южныхъ своихъ притоковъ, рѣка окаймлена горами, покрытыми дремучимъ вѣковымъ лѣсомъ. Теперь по ней нѣтъ никакого сообщенія; но въ старину, не смотря на ея порожищность, роль ея была значительна, по ней плавали съ сѣвера Иркутской губерніи; да и незабыто еще время, какъ по ней былъ

доставляемъ хлѣбъ. Следовательно, нельзя отрицать, что съ увеличеніемъ народонаселенія, или съ подачею золотопромышленности на сѣверѣ, закипитъ на этой рѣкѣ жизнь и заходятъ пароходы, тогда роль ея будетъ важна. Въ ходѣ своемъ она поднимается сперва на сѣверѣ; потомъ при этомъ подниманіи — рѣка все болѣе и болѣе склоняется на западъ и, вступивъ въ Енисейскій округъ, общее направленіе имѣетъ почти на западъ. Такъ какъ на самой Средней Тунгузкѣ нѣтъ никакихъ поселеній, то мы и позволимъ себѣ опустить притоки, идущіе по пустымъ глушамъ, а начнемъ съ Вельмы. По Тунгузкѣ же бродитъ только дикій, какъ нетронутые дѣса, по *Подкаменкѣ*, Чапогирско-чельзяскій и Подкаменскій родъ Тунгузовъ и выходятъ на сугланъ въ станокъ „Подкаменная Тунгузка“. Названіе свое деревня эта получила отъ того, что она первая и весьма скоро встрѣчается, послѣ того какъ, плывя на низъ, оставляемъ за собою страшный, по общепринятому выраженію, „камень“. По Средней Тунгузкѣ есть много мѣстъ и глубокихъ и тихихъ, много плесовъ тинисто-песчаныхъ; а все это имѣетъ результатомъ обиліе рыбы, особенно (какъ извѣстно) стерлядей и чирковъ. Въ такихъ мѣстахъ рыбы такъ много, что съ берега можно любоваться игрою множества разнообразныхъ породъ. Это сказанное обиліе было причиною того, что одинъ изъ енисейскихъ гражданъ взялъ, по слухамъ, примѣрно извѣстное пространство по теченію рѣки на 10 лѣтъ въ аренду и ничего не сумѣлъ найти. Такія отдачи, очевидно, вредятъ развитію дѣла, потому что другіе, предприимчивые и болѣе ловкіе, люди не пустятся въ розыски и изслѣдованія; а дѣло стоитъ да стоитъ безъ развитія.

Теченіе Средней Тунгузки отъ впаденія въ нее рѣки Вельме до устья снято въ 1859 г. лейтенантомъ Скарятинымъ и пробѣрено въ 1860 г. лейтенантомъ Житковымъ. Вершина же, называемая Тунгузами *Коконге*, не представляетъ общаго интереса. Цѣль изслѣдованій Скарятина и Житкова была мысль объ учрежденіи пароходства для доставленія водою припасовъ на принципъ сѣверной системы. Первый изъ нихъ проплылъ, на особой плоскодонной лодкѣ, изъ Енисейска чрезъ Среднюю Тунгузку въ Вельме и Тею; а второй, наоборотъ, съ принципскъ возвратился тѣмъ же путемъ. По ихъ изслѣдованіямъ, Средняя Тунгузка, считая уже отъ соединенія Коконге и Вельме, весьма судоходна. Теченіе ея довольно тихое, такъ что средняя быстрота до 3 верстъ, а послѣ пороговъ и до двухъ верстъ (считая отъ пороговъ къ устью). На Средней Тунгузкѣ (плывя отъ Вельме внизъ по теченію) есть на 20-й верстѣ порогъ; тянется онъ около двухъ верстъ; быстрота теченія тутъ сперва $7\frac{1}{2}$, а потомъ 8 и болѣе верстъ въ часъ. За тѣмъ, плывя далѣе внизъ, встрѣчаютъ другой

порогъ, на 26 верстѣ отъ устья Вельме; находится онъ на протяженіи $4\frac{1}{2}$ верстѣ; быстрота теченія сперва 11 верстѣ въ часъ, а потомъ 9, 7, 5 и 4 версты. За тѣмъ, не доплывая 100 верстѣ до устья, путешественникъ встрѣчаетъ рѣзкіе изгибы рѣки, а мѣсто это называется „гранитными столбами“, что и дѣйствительно, удивительная игра природы—прекрасный гранитъ уложенъ столбами. Все теченіе Средней Тунгузки, отъ впаденія Вельме до Енисея, не болѣе 240 верстѣ; а о всемъ дальнѣйшемъ протяженіи въ верховьяхъ нѣтъ до сихъ поръ ни измѣреній, ни разслѣдованій точныхъ.

Все значеніе Средней Тунгузки, для современнаго развитія промышленности, заключается въ одномъ изъ низовыхъ уже ея притоковъ, а именно съ лѣвой стороны, съ юга впадающей, большой рѣкѣ Вельме. Она впадаетъ верстѣ 240 отступя отъ устья. Беретъ начало далеко на востокъ отъ круга сѣверной системы золотыхъ енисейскихъ пріисковъ, состоящаго изъ мѣстности, испещренной взаимносходящимися, подъ разными углами, и цѣлыми хребтиками, и мелкими горами; за этимъ кругомъ на востокъ идутъ огромныя болотистыя мѣста, покрытыя дремучей тайгой; это пространство хорошо не извѣдано; извѣстно только, что вершины Вельме, равно какъ и Пита берутъ тамъ изъ болотныхъ ключей свое начало, только вершины Вельме находятся значительно далѣе на востокъ, чѣмъ Пита. Поднимаясь съ юго-востока на сѣверо-западъ для впаденія въ Подкаменную Тунгузку—Вельме принимаетъ не имѣющія пока значенія рѣчки: слѣва—*Еренчину*, *Курабу*, и рѣку *Корбу* (иначе называемую лѣвой вершиной Вельме) съ притоками, слѣва, *Мехчина*, *Амдундака*, *Кандики*, *Илдиусакичъ*, *Данмка* и *Дуселиндаконъ*; а справа—*Ваовиду*, *Яноду* и *Куримбу*. Наконецъ, съ лѣвой стороны вливается въ нее большая рѣка—*Тя*, подходящая съ юга, или вѣрнѣе съ юго-запада къ ней.

Вершины Вельме не измѣрены и не обследованы. А отъ Тен до устья, по измѣреніямъ гг. лейтенантовъ, 216 верстѣ. Средняя быстрота теченія до 4 верстѣ; слѣдовательно, гораздо быстрѣ Средней Тунгузки. Г. Житковъ называетъ эту рѣку судоходною; онъ нашелъ по ней золотonosную розсыпь и сдѣлалъ заявку.

Тя, довольно большой притокъ рѣки Вельмы, беретъ начало свое вблизи вершинъ большаго притока съ правой стороны рѣки Пита—*Алиндахи*, такъ что вершины *Алиндахи* заключаются какъ бы въ срединѣ между двумя вершинами Тен—*Курепой* (съ запада) и *Тырьдой* (съ востока). Для впаденія въ Вельме протекаетъ она на сѣверъ или

вѣрше нѣсколько на сѣверо-востокъ. Изъ притоковъ ея, слѣдуетъ упомянуть слѣдующіе: 1) *Немчана*, съ правой стороны, небольшая рѣчка, впадающая скоро по соединеніи Тырыды и Курепы. 2) *Нагота*, слѣва, стоящая уже названія рѣки, съ большимъ притокомъ Чуволгой, но безъ золота; вершины ея недалеко отъ вышесказанной излучины Тисса, съ которой онъ измѣнилъ совершенно свое направленіе. 3) *Оинѣ-малая*— съ правой стороны. 4) *Нойба*, слѣва, изъ двухъ вершинъ—правой и лѣвой. Теченіе Теѣ отъ впаденія въ нее притока Енашимо до устья, по сообщенію мнѣ г. Житкова, 150 верстъ. Средняя быстрота около 6 верстъ въ часъ, а именно отъ $4\frac{1}{2}$ до 8 верстъ. Это—рѣка горная; она мѣняется отъ дождей; съ прибылью воды увеличивается и быстрота теченія. Г. Житковъ называетъ и Тею способной къ судоходству; но мы позволяемъ себѣ думать, что онъ увлекся, въ рѣшеніи этого вопроса, бывшимъ весною 1860 года большеводьемъ. Тея крайне извилиста и то сжимается скалами въ узкую полосу, то расширяется, потому и глубина ея мѣняется то аршинами, то вершками. 5) *Енашимо*, довольно большая рѣка и богатѣйшая по золотоносности, впадаетъ въ Тею съ правой стороны. Она составляется изъ очень многихъ рѣчекъ и конечными вершинами своими—Калами и Севагликономъ—стекаетъ съ тѣхъ же высотъ, какъ и конечная вершина Вангаши (притока Пята). Эта линія дѣленія обѣихъ важнѣйшихъ золотоносныхъ системъ есть умѣренно высокая, горная цѣпь, простирающаяся съ SW на NO. Источники на NW текущей сперва Калами и на W текущаго Севагликона—лежатъ на западномъ склонѣ этихъ водораздѣльныхъ высотъ, тогда какъ Октоликъ выходитъ напротивъ съ восточнаго склона и течетъ на О. По присоединеніи, къ поднимавшейся на сѣверъ *Калами*, *Севагликона*, пришедшаго справа, т. е. съ востока, впадаетъ тотчасъ же слѣва рѣчка Гурахта. Затѣмъ *Калами*, поднимаясь съ юго-запада къ сѣверо-востоку впадала справа въ *Енашимо*. Эта послѣдняя рѣка не дала слѣва ни одного значительнаго притока, а справа одинъ за другимъ впадаютъ, идя все ниже: 1) *Дюбкошъ* съ притокомъ *Чубкошъ*, 2) *Оинѣ*, 3) *Олленоконъ*, 4) *Верхній Колличиканъ*, 5) *Нижній Колличиканъ*. Потомъ эта знаменитая рѣка Енашимо, по системѣ которой самая богатѣйшая россыпь золота, впадаетъ въ рѣку Тею.

Описавъ знаменитую Енашимо, пойдемъ далѣе по Теѣ. Ниже принимаетъ она слѣва, 6) *Мадуру* и 7) 8) *деѣ Пормы*, а справа—9) большую рѣку „*Ючимо*“, состоящую изъ *Епчины*, идущей съ юго-востока, и *Немунни*, идущей для соединенія съ юго-запада; вершины Немунни подходятъ къ вершинамъ Вангаши (богатый притокъ Пята) и Дытына (притокъ Енашимо); а въ нее впадаетъ слѣва, т. е. со стороны

Енашимо рѣчки „Дулиджа“ и „Кото“. Рѣка Ючимо съ 1859 г. обратила на себя вниманіе золотопромышленниковъ и у устья заявлено Григорьевымъ богатѣйшій александровскій пріискъ. Хребетъ же горный, провожающій Ючимо, замѣчательнъ хорошими соляными источниками, которые извѣстны пока частно, а можетъ быть скоро кто нибудь заявитъ. Важность ихъ несомнѣнна и въ хозяйственномъ отношеніи: какъ для засоловъ на пріискахъ, такъ и для имѣющей развиться рыбопромышленности по Подкаменной Тунгускѣ, при слишкомъ плохой соли Тропецкаго завода.

За тѣмъ подѣ конецъ, послѣ соединенія съ Ючимо, Тей идетъ прямо съ юга на сѣверъ и впадаетъ въ Вельме. Притоки Вельме не обитаемы и мало извѣстны; только стоитъ упомянуть о большомъ, съ лѣвой стороны, притокѣ *Чана*, который своими вершинами и въ особенности притоками, близъ вершинъ — *Чингасаномъ* съ *Безгиланкой* и *Коко*, приходится недалеко отъ лѣваго берега самой Тей, а *Алманаканомъ* и *Дюбошомъ* подходит къ *Нойбу* и *Чувастъ* (притокамъ Тей); мѣстности эти хотя и не обследованы хорошо, но Чингасанъ даетъ надежду на толстый золотоносный пластъ.

Были поиски партій г. Бутакова въ 1856 году изъ Енисея въ самую Вельме; но не нашли ничего. Болѣе же надеждъ подавала впадающая въ Вельме рѣка *Туба*, въ которой трудно только добираться до почвы, отъ множества жерлъ воды. Такимъ образомъ, знаменитая теперь своими притоками Вельме окончилась.

Отъ впаденія Вельме теченіе Средней Тунгуски считается еще на 300 верстъ и изъ рѣчекъ, впадающихъ на этомъ пространствѣ, стоитъ упомянуть *Лебяжую* (а по другимъ — Лебедеву), въ которой въ 1856 году, мимоходомъ попробовавъ, нашли золотину изъ двухъ ведръ песка; Лебяжья впадаетъ въ 30 верстахъ отъ устья Средней Тунгуски въ Енисей.

Тѣмъ и окончилъ мы описаніе знаменитой золотыми россыпями водной системы Средней Тунгуски. Для единства въ изложеніи географіи, мы воздержались отъ замѣчаній геогностическихъ. Почему и бросимъ теперь на всю систему общій геогностическій взглядъ.

Какой кругъ этой системы, чѣмъ составляется онъ и гдѣ линія дѣленія — нами уже сказано выше. Препустимъ къ описанію долинъ и изнемъ съ юга.

Отъ впаденія Калами въ Енашимо до устьевъ Гурахты и Севагликона господствуетъ измѣненный глинистый сланецъ; онъ образовался, вѣроятно, постепенно изъ гнейса, въ который противу устья онъ и переходитъ. Гнейсъ не такъ слоеватъ, какъ глинистый сланецъ; но все-

такимъ дѣлится на слои, подтверже и посвѣтаѣ, а устья Гурахты и Севагликона лежатъ почти одно противу другаго и соединяются у Викторовскаго пріиска. Отсюда дорога черезъ гору дѣленія водъ къ промысламъ на Калами. Оказалось, что западный (т. е. Каламійскій) склонъ этой горы состоитъ изъ пзмѣненнаго глинистаго сланца; поднимаясь къ вершинѣ, можно встрѣтить кварцъ плотный, зеленосѣрый и мелкозернистый; а на самой вершинѣ глинистый сланецъ переслоенъ съ слюдянымъ, что и длится до самыхъ истоковъ Калами. Въ этомъ мѣстѣ лежитъ направленная на юго-востокъ горная цѣпь, отдѣленная отъ горы дѣленія водъ плоскою долиной. Это послѣдняя горная цѣпь состоитъ изъ слюдистаго глинистаго сланца, содержащаго очень много венисы. На сѣверо-западѣ, въ гору дѣленія водъ, глинистый сланецъ пересѣкается толстыми жилами бѣлаго кварца. Примѣси же венисы такъ много на сѣверной системѣ, что магнитный песокъ, который остается съ золотомъ на вашгердѣ, бываетъ уже цвѣта не чернаго, а красновато-бураго, тогда какъ на южной системѣ венисы, вообще говоря, находится въ скрытомъ состояніи и подчинена магнитному желѣзнику. Геогностическое свойство долины по Севагликону, вытекшему съ западнаго склона горы дѣленія водъ (такъ что главный ея источникъ лежитъ въ одной верстѣ противу главнаго источника Октолика), составляетъ то глинистый, то слюдяной. За тѣмъ горы, отдѣляющія отъ Севагликона Дытны, состоятъ изъ чистаго глинистаго сланца. Уже на Огнѣ къ глинистымъ сланцамъ примыкаетъ известнякъ, котораго постепенно служить опять глинистый сланецъ, а сверхъ известняковъ лежатъ песчаники. Сланцы приподняты вѣроятно гранито-сіенитами, потому что куски самаго гранита часто попадаютъ въ розсыпяхъ; да, кромѣ того, участіе въ приподнятій вышесказанныхъ толщ даже гранитовъ жильныхъ, доказываетъ нахожденіе въ большомъ количествѣ венисы и цирконовъ. У Викторовскаго пріиска есть большія глыбы гранита; на Калами есть также цѣлая гранитная гора и видѣны, изъ подъ наносной земли, гранитъ цвѣта красно-сѣраго, состоящій изъ бѣло-сѣраго кварца, черной слюды и мяско-краснаго полеваго шпата; эта-то гора и отбрасываетъ воды съ южнаго склона черезъ Чиримбу въ Питъ, а съ сѣвернаго черезъ Гурахту въ Енашино. Глинистые сланцы встрѣчаются пронизанными и жилами кварца; разрушеніе этихъ породъ образовало розсыпи; нѣкоторыя розсыпи начинаются съ самыхъ вершинъ горъ и продолжаются въ долины. По угловатымъ кускамъ кварцевъ, сланцевъ, бурыхъ желѣзняковъ и прочихъ породъ можно полагать, что нѣкоторыя розсыпи лежатъ на мѣстахъ своего образованія. Но чему обязаны розсыпи образованіемъ своимъ? Можетъ быть, когда нибудь изъ

слѣдуются основательно главныя вершины розсыпей и окажется коренное мѣсторожденіе. Можно думать, что такое мѣсто будетъ уже неизмѣнно богато содержаніемъ золота; вѣдь открылись же сами собою громадныя запасы золота въ нѣдрахъ горы глинистаго сланца, когда она обрушилась. Это было въ Америкѣ, на берегу озера Титикака.

Полагаемъ достаточнымъ этого общаго очерка, потому что общая характеристика мѣстностей золотоносныхъ сдѣлана уже при описаніи водъ южной системы пріисковъ. Здѣсь можно прибавить только то, что сѣверная система отличается и бѣльшимъ содержаніемъ въ розсыпяхъ золота, и громадностію рѣкъ въ сравненіи съ рѣчушками системы Удерейской, и потому такимъ обиліемъ воды, которое не только даетъ возможность примѣнять различные способы промывки (на южной и непримѣнимые), но даже иногда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезмѣрнымъ излишкомъ вода препятствуетъ работамъ, крайне затрудняетъ ихъ, осложняетъ и вводитъ въ убытки.

Теперь слѣдовало бы продолжать путь по Енисею, но я приведу въ слѣдующей главѣ жизнь въ Бахтѣ и составленную тамъ главу о каторгѣ и острогахъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Остроги и каторжные.

I.

При поѣздкѣ по Туруханскому краю заосеневалъ я на станкѣ Бахтинскомъ. Онъ состоялъ изъ четырехъ дворовъ, заселенныхъ ссыльными. Большіе снѣга и раннія пурги такъ засыпали станокъ, что невозможно было переходить изъ избы въ избу, безъ усиленной расчистки. Въ небольшой комнаткѣ, нагрѣвавшейся желѣзной печью, можно было задохнуться, живя безвыходно четыре недѣли. Пурги и зловѣщій вой вѣтра смѣнялись по временамъ не менѣе зловѣщей тишиною, — вѣдь и тамъ, какъ на морѣ, полная тишь предвѣщаетъ бурю.

И памятенъ мнѣ одинъ день подобнаго затишья въ природѣ. Въ моей скромной комнаткѣ была тоже полная тишина. Только перо моего фельдшера, грудившагося надъ какой-то перепиской, придавало еще болѣе однообразію этому безмолвію. Мнѣ кажется, безъ этого скрипѣнья

тишь моего угла не была такъ грустна. Можетъ быть, тогда что нибуть долетало бы до моего уха: услышалъ бы я и хрустѣнье снѣга отъ переступившей, гдѣ нибудь за избушкой, съ ноги на ногу коровы, уставшей жевать неподвижно свою жвачку; услышалъ бы и тихій голосъ собаки, которая, утомясь лежать въ одномъ положеніи, приподнимала морду, и ничего не видя, кромѣ безпредѣльной скатерти снѣга, протяжно зѣвала отъ скуки и потомъ опять засыпала, уткнувъ голову между переднихъ лапъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ дней, когда ни мокрый верховикъ, ни сухой и рѣжущій сиверъ не беспокоили природу, и она, какъ бы измученная непрерывной борьбою, тяжело отдыхала, и даже пскры, летающія при большомъ морозѣ и тишинѣ, не двигались въ воздухѣ.

Въ такую-то минуту неожиданно раздавшійся визгъ заставилъ меня невольно вздрогнуть. Визгъ этотъ повторился, и затѣмъ въ избѣ и въ сѣняхъ сильно хлопнули двери, пущенныя на произволъ собственной тяжести. Послышались крики и повторились у другихъ домовъ. Я рѣзко окликнулъ фельдшера, который, углубясь въ свою работу, не слыхалъ, кажется, ни визга на улицѣ, ни стука дверьми. Онъ вышелъ узнать, что случилось. Я терялся въ догадкахъ: каждая минута приносила какое нибудь предположеніе, которое вмѣстѣ съ нею и уносилось, смѣнясь новымъ. То представлялся мнѣ пожаръ, и я уже воображалъ, что отъ нашихъ избушекъ не останется и воспоминанія, то казалось, что пожаловалъ медвѣдь, который могъ надѣлать не меньше вреда, прежде успокоенія на чьей нибудь ловко всаженной рогатинѣ, то, наконецъ, мерещился мнѣ пріѣздъ отдѣльнаго засѣдателя, либо смотрителя участка...

Фельдшеръ мой не возвращался, а между тѣмъ изъ окна я видѣлъ призраки общаго смятенія: вонъ скачетъ мужикъ, взвалившись на большепузую лошаденку и что-то кричитъ; вонъ баба съ груднымъ ребенкомъ едва бѣжитъ и тоже кричитъ что то голосомъ, перехватывающимся отъ усталости; далѣе мальчишка лѣтъ пяти, бѣжавшій во всю ребячью прыть, съ уставленными куда-то впередъ и вдаль глазенками, попалъ въ сугробъ и, барахтаясь въ немъ, реветъ на разные голоса. Чтò это такое? Я не утерпѣлъ и вышелъ на крыльцо. Мнѣ представилось еще большее движеніе.

У крыльца стояла толпа; женщина въ шубенкѣ съ ребенкомъ у груди, другая безъ ребенка, ребенокъ лѣтъ трехъ въ одной рубашенкѣ, два мужика—одинъ съ топоромъ, другой съ рогатиной, и все спрашиваютъ озабоченно: гдѣ, какой, откуда выбѣгалъ, куда убѣжалъ? Нельзя было розобрать, кто кого спрашиваетъ и кто кому отвѣчаетъ; женщина рассказы-

вала видомъ знатока и вдругъ сама обращалась съ вопросомъ къ соребѣдѣ. Не надѣясь добиться толка, я хотѣлъ уже возвратиться въ избѣ, какъ вывернувшаяся изъ-за амбарушки, въ одномъ платьѣ, дѣвушка лѣтъ шестнадцати и спрыгнувшій съ крыши дома въ сугробъ мальчикъ, мой пріятель, разомъ крикнули: „тетушка! быкъ-то съ той стороны выбѣжалъ, да и опять въ лѣсъ ушелъ; да дикій такой, тетушка, голову-то поднялъ такъ, будто нюхаетъ что!“ Я подалъ голосъ, пріятель подбѣжалъ ко мнѣ и объяснилъ въ чемъ дѣло. Оказалось, что у отправившагося въ это лѣто ⁽¹⁾, съ поисковой партіей, на рѣку Бахту, довѣреннаго г. Бенардаки, потерялся въ лѣсу быкъ, и владѣлецъ его, въ благодарность жителямъ этого станка за ихъ угодилиость при проходѣ партіи, позволилъ имъ поймать и убить быка. Ну, это не страшно, подумалъ я и пошелъ въ избѣ, тѣмъ болѣе, что холодъ уже начиналъ прохватывать меня. Но успѣть въ комнатѣ я, однако, не могъ: жизнь, какъ бы странно ни проявлялась она, все-таки тянула къ себѣ. Въ окно, выходившее въ ту сторону, гдѣ разыгрывалась сцена, не видно было ничего; нижнюю половину его заложила съ улицы подушкой добрая хозяйка, заботившаяся о сбереженіи моей городской, а слѣдовательно изнѣженной, натуры, а верхняя половина еще не успѣла оттаять и бывшая утромъ пурга забила ее снѣгомъ съ пескомъ и землею. Другое окно выходило на противоположную сторону станка; въ него видно было только, какъ пробѣжала женщина съ ребенкомъ, прикрывъ его полою дырявой овчинной шубенки, да протащился мальчишка лѣтъ четырехъ въ одной рубашенкѣ, но съ отцовскими рукавицами на рукахъ, и крѣпко прижималъ ихъ къ животу, чтобъ онѣ не потерялись.

Я одѣлся потеплѣе и опять вышелъ. На первомъ планѣ красовались лошади, нескладныя, но бойкія и порядочно отжирѣвшія въ лѣсной волѣ, куда пускаютъ ихъ на цѣлое лѣто. Мужики суетились. Одинъ, сидя на лошади, кричалъ торопливо: „ахъ топоръ-то, топоръ-то!“; другой прочищалъ только-что полученную винтовку; третій разсматривалъ рогатину, приговаривая: „ахъ, ты, Господи! чего жъ я буду дѣлать — и тупа, и заржавѣла такъ, что ни во что не влѣзетъ!“

— Ахъ, ты, голова! раздался крикъ въ толпѣ, да ты только скачи, да кричи сильнѣе, а какъ повстрѣчаешь — пали черезъ кулакъ, да бо бей гнилушкой! Ну, пошелъ!

И при послѣднихъ словахъ такъ заукали на лошадь, что она повесла во всю прыть.

— Зачѣмъ же вы сѣялись надъ нимъ? спросилъ я окружающихъ.

⁽¹⁾ 1857 года.

— Да какъ же, помилуйте! чево жъ онъ за лежобокъ такой, что никакой исправности не имѣетъ; рогатника кой-какъ завелась, да и та, глянъ-те-ка, какъ и тупа, и перержавѣла: какъ онъ Бога-то не боится, а вѣдь изъ крестьянъ!...

Четверо усакало въ лѣсъ. Пока взрослые смотрѣли имъ въ слѣдъ, мальчишки уже начали споръ: кто убьетъ быка. Голоса раздѣлились. Скоро вмѣшались въ споръ женщины, потомъ забасили и мужчины. Слышались фразы: „почитай-что дядя Михей! вишь, какой онъ хмурый! ни слова не баять, по молчанкѣ все, а ужъ рука не дрогнетъ!“

— Ну, нѣтъ, братъ, отвѣчалъ кто-то, у Сидорыча, знашь какая винтовка! чудо!

— Ну, нѣтъ, ребята, подхватывалъ третій: ужъ если кому судьба прикажетъ, такъ непремѣнно старшему кузнецову сыну — молодична, живой, верткой, да и смѣлостью-то Богъ не обдѣлитъ.

— Онъ, онъ! заголосили женщины.

— Почитай-что онъ! утвердили мужчины; дядя Михей старъ.

И все умолкло. Кто сталъ изъ-подъ руки смотрѣть вдалѣ, хотя не видалъ ничего, кромѣ снѣжныхъ бугровъ, посеребренныхъ лучами солнца и нарядно отбѣнявшихся отъ общей матовой бѣлизны, да того же снѣга, вспѣваго массами на вѣтвяхъ чернолѣся, въ мрачной зелени котораго солнечные лучи разводили самыя живыя и яркія краски. Мужикъ смотрѣлъ, а другіе, молча, переминали ногами. Ребятишки выступали другъ противъ друга и на борьбу, и на кудачный бой. Женщины обратили, наконецъ, вниманіе на своихъ грудныхъ дѣтей, которые или уснули, или приумолкли, утомленные безполезнымъ крикомъ. Словомъ, все занялось собою, все будто углубилось въ себя, какъ вдругъ кто-то изъ толпы проговорилъ: „а вѣдь не поймаютъ быка!“

— Отчего жъ бы нѣтъ? отозвался голосъ.

— Да гдѣ, братцы, вѣдь ноги-то у быка длиннѣе!

— Отчего длиннѣе? Ты примѣрай самъ себѣ въ умѣ-то ногу лошадиную вонъ съ коровьей!

— Ну, нѣтъ, братцы, стоялъ на своемъ начавшій разговоръ мужикъ: — это коровья, а то — бычья!

— Такъ что же, чтò бычья!

— А какъ, чтò бычья? вѣдь онъ матѣрый, приискательскій, ну, знамо, у него и ноги дольще!

— Охъ, ты, приискательскій, отозвался одинъ острякъ: приискательская, видно, голова твоя! Не замайте его, братцы, пускай несетъ!

Раздался общій хохотъ. Срѣзанный мужикъ отошелъ въ сторону, повторяя себѣ подъ носъ: „полагай, что длиннѣе! аль и въ правду не длиннѣе?“

Въ лѣсу между тѣмъ шла работа, и догадки толпы почти оправдались. Первый наткнулся на быка молодой и бойкій сынъ кузнеца, и зная, что лошадь испугается выстрѣла и можно даромъ потерять пулю, слезъ съ лошади, но не успѣлъ онъ уставить винтовку, какъ быкъ уже налетѣлъ на него, сшибъ его съ ногъ и пронесся далѣе. Затѣмъ его встрѣтилъ Сядорычъ и выстрѣлилъ, но неудачно, и быкъ пробѣжалъ дальше. Между тѣмъ проворный сынъ кузнеца оправился, подскакалъ, сдѣлалъ выстрѣлъ уже съ лошади, и яркая кровь залпла бѣлое пятно шкуры. Быкъ пошелъ потише, потряхиваясь. Тутъ опять далъ выстрѣлъ старый дядя Михей, за нимъ опять выстрѣлилъ сынъ кузнеца, и, наконецъ, быка добили оба мужичка сильными ударами топора по лбу.

Дровни были уже привезены изъ дома дяди Михея и быкъ отвезенъ въ его домъ, гдѣ и произведенъ дѣлежъ. Странное вліяніе имѣетъ здѣсь этотъ дядя Михей! Онъ и не коренной старожилъ, а поселенный, и не такъ ловокъ, какъ бойкій на дѣло и слово кузнецъ, и значеніемъ такимъ не пользуется, какъ старшина, мужикъ рослый и съ длинной бородой, а между тѣмъ нѣтъ старше дяди Михея на станкѣ, нѣтъ крѣпче его слова и поновѣснѣе его приговора.

Но и этотъ дядя Михей преклонялъ почтительно голову предъ бабушкой Ольхиной, составлявшей предметъ удивленія и догадокъ не одного Бахтинскаго станка! Покоряясь любопытству, я съ самаго пріѣзда употребилъ всю ловкость на то, чтобы сблизиться со старушкой и вызнать ея прошлое. Наконецъ, удалось познакомиться съ нею.

Въ небольшомъ домикѣ ея все было чисто и уютно. Въ первый визитъ мой я засталъ въ домѣ трехъ сиротъ, воспитанныхъ хозяйкою. Мужчина, лѣтъ тридцати, поправлялъ неводъ, жена его, красивая женщина лѣтъ на пять помоложе, ставила самоваръ, а дѣвушка лѣтъ тринадцати шила рубашку. Во второй комнатѣ стояла постель хозяйки, и подъ бѣднымъ ситцевымъ покрываломъ я увидѣлъ чистую холщевую простыню. При входѣ моемъ старушка встала съ извиненіями, что не встрѣтила гостя. Ей было уже лѣтъ семьдесятъ; спина у нея нѣсколько уже погнулась, волосы покрылись просѣдью. Но быстрый, ястребинный взглядъ ея большихъ сѣроголубыхъ глазъ, большой нѣсколько вздернутый носъ, на бѣлой, тонкой кожѣ лба глубокій шрамъ, въ вершокъ длиною, и, наконецъ, твердая походка—все это придавало ея маленькому росту какую-то особенную силу. Знакомство мое съ Ольхиной мало по малу завязалось: старушка не отказывалась отъ моего повар-

скаго ⁽¹⁾ стола и сама, ни мало не стѣняясь, кормила своей незатѣливой стряпнею. Улучивъ время, я спросилъ объ ея прошедшемъ. Ни мало не смутясь, она рассказала мнѣ всю жизнь свою, съ поселенія на этотъ станокъ: какъ старикъ-покойникъ прибылъ на этотъ станокъ годомъ раньше и срубилъ домикъ; какъ, поселясь черезъ годъ на тотъ же станокъ, она вошла въ домъ въ качествѣ хозяйки, а черезъ два года ихъ жизни начальство дозволило и повѣнчать ихъ; какъ дѣтми Богъ ихъ не надѣлялъ, почему они долгомъ жизни своей поставили воспитывать сиротъ; какъ ея молодость и ловкость, по здѣшнему темному краю, въ обращеніи съ проплывающими енисейскими купцами, и умѣнье кому вычислить бѣлье, или что нибудь сшить, кому вынечъ булки и приготовить кушанье, и занять бесѣдой, сдружили съ ихъ домомъ пріѣзжающихъ, отчего они порядочно наживались, и домъ ихъ былъ, хоть и по деревенски, полною чашей. Словомъ, много рассказала мнѣ Ольхина всякой всячины. Но когда неудовлетворенный этимъ, я спросилъ ее о прежней жизни съ самаго дѣтства, старушка нахмурилась и только сказала: „да, я, конечно, не здѣшняя, я изъ Россіи; а что было, то уже давно прошло, да и быльемъ поросло!“

Я сообщилъ о бесплодности своихъ развѣдокъ дядѣ Михею, который былъ особенно друженъ съ Ольхиной. Но онъ объяснилъ, что много уже хлопоталъ, чтобъ заставить Ольхину разговориться, и все напрасно; а отъ старичка, который былъ не такъ крѣпокъ, слышалъ по секрету, что онъ былъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, а она дочь одного священника, — что была-то она красавица, хотя и онъ недурень, — что они другъ другу полюбились, а отецъ насильно выдалъ ее за богатаго старика, который былъ и тиранилъ ее, — что хотя и держалъ ее, какъ птичку въ клѣткѣ, однако разъ они свидѣлись, и онъ поклялся хотя съ чортомъ побрататься, а ужъ освободить. Однажды, будто, одѣлся онъ въ кучерское платье, да и уѣхалъ на козлы, когда нужно было переѣхать старому мужу съ молодой женой въ сосѣднее помѣстье. И на бѣду вышь стараго мужа разбили лошади, а ихъ, не смотря на то, осудили въ Сибирь, куда они пришли въ разныхъ партияхъ и въ разные мѣста, бывали и въ бѣгахъ, розыскивая другъ друга, да подъ именемъ непомнящихъ родства и поселились, наконецъ, въ этомъ станкѣ. „Вотъ что рассказывалъ старичекъ мнѣ подъ крѣпкимъ секретомъ, прибавилъ Михей, при чемъ и я ему свои грѣхи повѣдалъ; а славные они оба, и умные и честные люди; лучше ихъ по всему краю не бывало! Ей Богу — такъ“.

(1) Человѣкъ при мнѣ былъ и поваръ.

Мнѣ было тяжело отъ этого разсказа. Не смотря на то, что представлялся хорошій случай выспросить дядю Михея и объ немъ самомъ, у меня не хватило духу. Въ головѣ бродили разныя мысли. Отчего же не сослать отецъ, поступившій такъ безнравственно, думать я: онъ виноватъ и противу закона природы, насилуя то, надъ чѣмъ ему не даны права, т. е. самую жизнь человѣка, виноватъ и противу закона совѣсти, и противу закона гражданскаго! Почему же остался гражданиномъ мужъ тиранъ, а также и священникъ, который, можетъ быть, свѣнчалъ потомъ не одну подобную свадьбу?

Войдя въ довѣріе къ бабушкѣ Ольхиной, я прямо сказалъ ей, что узналъ уже болѣе или менѣе ея прошедшее отъ того, съ кѣмъ былъ друженъ ея старикъ и потому, чтобъ не тревожить ея души тяжкими воспоминаніями, я даю слово никогда ее о томъ не спрашивать. Она посмотрѣла на меня внимательно и какъ будто съ недовѣріемъ. Я выдержалъ взглядъ и промолчалъ. Спустя нѣсколько времени, я просилъ ее разсказать о судьбѣ дяди Михея, замѣтивъ ей, что не спрашиваю его самого потому только, чтобъ не возбудить въ немъ мучительно тяжелыхъ воспоминаній. Старушка согласилась сообщить мнѣ, что знала, о прежней жизни поселенца, но только въ нѣсколькихъ словахъ, отзываясь, что ей тяжелы подробности и чужаго гора.

— Онъ былъ, — начала она, — крѣпостной человѣкъ графа А., способный, грамотный, и слылъ за умнаго и честнаго человѣка по селу. Было ему уже тридцать лѣтъ, какъ вступила въ возрастъ его родная сестра. Утренняя зорька, да и только, — такъ была хороша она! Черезъ ихъ село, какъ и вездѣ по Россіи, разъѣзжалъ съ товаромъ торговецъ. Былъ онъ купеческій сыночекъ, съ умомъ да и видомъ молодецъ. Сильно приглянулась ему дѣвка, подолгу онъ заглядывался на нее, а она ничего — и видить, да не видить, умна была! Купчику это и больше понравилось и онъ объявилъ, что хочетъ жениться, не смотря на то, что крѣпостная. Вѣдь крѣпостная тотъ же человѣкъ, прибавилъ онъ. Сходилъ Матвѣй, это вѣдь настоящее его имя, къ баринѣ и сталъ просить позволенія. Тотъ было и ничего, да подоткнулъ дьяволъ камердинера доложить, что дѣвушка моль... Ну, что разсказывать дальше: извѣстно, чѣмъ кончались такіа дѣла... Больше не спрашивайте меня, заключила Ольхина, говорить не могу, духъ занимаетъ, разумѣется Матвѣй сталъ преступникомъ и сосланъ Сибирь за то, что чести своей не далъ на поруганіе!

Изъ послѣднихъ словъ и гнѣва, сверкнувшаго въ большихъ глазахъ Ольхиной, я видѣлъ, что, при разсказѣ, невольно ей вспомнилось и ея былое, и минувшія надежды, и гибель по прихоти двухъ сумасбродовъ.

II.

Бесѣды съ Ольхиной и дядей Михеемъ навели меня на мысль изучать бытъ каторжноострожной жизни. Нѣсколько лѣтъ уже я обращаюсь съ арестантами и видѣлъ разнохарактерныя личности этихъ несчастныхъ, въ самыхъ различныхъ проявленіяхъ. Я зналъ ихъ какъ поѣздчикъ, членъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, и какъ докторъ полицейскій, обязанный присутствовать при наказаніяхъ, и, наконецъ, какъ судебный врачъ, безъ котораго не обойдется уголовное дѣло.

Часто припоминаю я своихъ несчастныхъ знакомцевъ. Между ними не было примѣчательныхъ личностей, какъ напримѣръ извѣстный всей и памятный всей Сибири, отъ Тобольска до Нерчинска. Цезикъ, котораго мастерская рука, изъ простой глины, за неимѣніемъ лучшаго матеріала, лѣпила группы и вазы, приводившія въ восторгъ знатоковъ. Но видѣлъ я не мало такихъ случаевъ, которые выходятъ изъ ряда злодѣйствъ и поражаютъ чудовищными противорѣчіями человѣческой природы, видѣлъ и то, что считается обыкновеннымъ, но можетъ быть поражаетъ еще болѣе.

Какъ теперь вижу одного преступника изъ евреевъ. Столкнулся я съ нимъ въ первый разъ въ острогѣ на свидѣтельствovanіи его лица, по подозрѣнію въ штемпелевыхъ знакахъ, чѣмъ можетъ обусловливаться численность подсудностей и, слѣдовательно, степень присуждаемаго наказанія. Онъ относился ко мнѣ насмѣшливо и дерзко, какъ будто я не службу отправлялъ, а тѣшилъ надъ нимъ. Сперва я даже испугался: онъ почти подбѣжалъ ко мнѣ; его подергивало; углы губъ и ноздри то сокращались, то распускались, вѣки мигали, въ рукахъ, которыми онъ размахивалъ, дергало почти каждый суставъ, на ногахъ онъ не стоялъ спокойно ни минуты, а мялся и подпрыгивалъ. „Не думайте, сказали вы, что у меня клейма на лицѣ! Я знаю, что ихъ не бывало! Смотрите: вѣдь намъ все ни почемъ!“ Но когда я взглянулъ въ него, то понялъ, что онъ изъ трусовъ, которые любятъ тѣшить себя мнимой храбростью, пока ихъ не осадятъ. Я выдержалъ себя спокойно. Прошло съ полгода; ему присуждено было наказаніе кнутомъ и назначенъ день исполненія приговора. Но подсудимый назвался больнымъ, почему и назначено формальное освидѣтельствоvanіе. Являюсь я въ присутствіе: онъ лежитъ на полу, блѣдный какъ полотно, со впалыми щеками и короткимъ дыханіемъ; но я нашелъ, что онъ былъ совершенно здоровъ. Его повезли на площадь, гдѣ толпился праздный народъ и стояла команда. Что происходило во мнѣ во время наказанія, трудно передать словами: помню только, какъ тяжело было дышать мнѣ. Но вотъ раздается гро-

могласно: „последній!“ Палачъ бросается снять наказаннаго. „Прочь! вскрикиваетъ преступникъ: теперь не нужна помощь!“ Онъ бодро всталъ самъ и, уставя на меня свои черные глаза, прибавилъ: „вонъ благодѣтель! небось весело ему, а я такъ въ вѣкъ не забуду такого веселія!“ Во мнѣ сильно сжалось сердце; мнѣ было отвратительно гадко, я едва дошелъ до экипажа.

Помню другой случай. На улицѣ, у крыльца одной изъ полицейскихъ частей, билась женщина какъ бы въ припадкѣ падучей болѣзни. Ее подняли десятники и внесли въ прихожую. Мало по малу больная очнулась. Первое слово ея была просьба представить ее къ городничему. По счастью, онъ заѣхалъ самъ; больную представили и, упавъ на колѣни, она объяснила, что шла на золотые приписки, и съ нею случилось горе — украли мѣшечекъ съ вещами и съ паспортомъ, и что отъ испуга съ нею приключилась какая-то болѣзнь у крыльца части, куда шла она объявить о покражѣ. Какъ ни много въ этомъ городѣ безпаспортныхъ и бродягъ, но особенность настоящаго случая, опасеніе, что пожалуй женщина умретъ, если не приласкать ее, избитое лицо и искусанныя руки. — все это вмѣстѣ заставляло отправить безпаспортную, вмѣсто острога, въ больницу. Тутъ я и встрѣтился съ нею. Это была женщина лѣтъ тридцати, высокая ростомъ, бѣлокурая, подъ глазами рѣзко выдавались линіи страстности, но въ глазахъ замѣтны были робость и подозрительность. Такъ какъ въ перепискѣ съ медицинской частію полиція много не думаетъ, то и не было видно причинъ, по которой больная была прислана на испытаніе. Это легко могло быть по какому нибудь важному гражданскому случаю. Поэтому, у насъ приняты были всѣ мѣры наблюденія, чтобъ не могло ускользнуть ни одно движеніе больной. Скоро явилось подозрѣніе о притворствѣ. Я намекнулъ объ этомъ больной, она оскорбилась и упорно стояла на своемъ. Это вызвало на положительныя мѣры, и вотъ, среди одного изъ припадковъ, неожиданно и быстро сдѣлали ей легкій уколъ тонкою иглою подъ нготъ большаго пальца ноги: больная съ крикомъ и бранью вскочила. Дѣло было ясно. Что же за причина ея притворства? Вотъ какъ объяснялась женщина черезъ часъ съ фельдшеромъ: „Богъ судья вашему доктору! вѣдь я не преступница какая; я ужъ теперь, все равно, должна сказать всю правду: я господская, бѣжала изъ села отыскивать своего мужа; вотъ уже годъ брожу по Сибири, розыскала гдѣ причисленъ онъ, къ кому и въ какой партіи ушелъ на приписки; да вотъ и хотѣла въ вашемъ городѣ дожидаться выхода рабочихъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ и хоть еще разъ въ жизни посмотреть на него“.

— Да зачѣмъ же онъ въ Сибири? спросилъ фельдшеръ.

— А вотъ видите ли: былъ онъ на селѣ старшимъ выборнымъ; баринъ самъ уѣхалъ и оставилъ управляющаго нѣмца. Настоящій звѣрь былъ этотъ нѣмецъ, — такъ и взялся на православныхъ. Мужъ мой вступился, да цѣлымъ міромъ, въ одинъ голосъ, а міръ, извѣстно, великъ человѣкъ! И пошла потѣха. Управляющій, вѣстимо, сталъ потише, да только мужа-то смѣнилъ, а тамъ и въ рекрута не въ очередь. Онъ изъ рекрутства-то бѣжалъ къ вамъ, въ Сибирь, показался бродягой, вынесъ немножко, да и причисленъ въ волость.

— Ахъ, ты глупая, замѣтилъ наивно фельдшеръ: — зачѣмъ же ты это рассказываешь! покажись непомящей родства, вотъ и поселишься навсегда въ Сибирь, а повремени и сама въ ту же волость попадешь и будете жить припѣваючи!

При этихъ словахъ лицо женщины оживилось, глаза заблестали и сквозь ссадины на лицѣ просвѣтило въ ней что-то доброе и пріятное. Она повалилась фельдшеру въ ноги съ просьбою молчать о разсказѣ.

Можетъ быть, инымъ покажется, что я показываю людей идеальныхъ, мучениковъ за правду и честь, но я не виноватъ, если подобные случаи встрѣчаются безпрестанно, обличая наши общественныя несообразности. Не виноватъ я, если представлю теперь другаго рода личность, у которой порокъ и развратъ вошли въ привычку, сжились съ натурою, сдѣлались ея плотью и кровью. Разъ поступилъ въ больницу старичонка лѣтъ пятидесяти, небольшой ростомъ, сухощавый, со впалыми щеками и глазами. Лице у него было испещрено глубокими морщинами и рѣзко выдавшимися линіями, отъ угловъ глазъ и рта; видно было, что эта натура не щадила сердца и что въ ней когда-то бурно кипѣли страсти. Волосы у него были прямые и пидѣ стоящіе клоच्याми, а кое гдѣ падали на лицо, взглядъ казался беззаботнымъ и равнодушнымъ, какъ будто говорилъ вамъ: „я знать не хочу ничего; что захочу, то и сдѣлаю!“ Старикъ былъ поселенецъ, успѣвшій совершить какое-то преступленіе лѣтъ тридцать назадъ. Пробывъ казенное количество въ каторгѣ, онъ потомъ женился на бойкой, молодой поселанкѣ. ревновалъ ее, билъ и въ четыре года уложилъ, какъ говорится въ могилу. У него остались три дочери, изъ которыхъ старшей было съ небольшимъ три года. Росли онѣ при немъ, ничего не дѣлали, ничему не учились, ѣли хлѣбъ съ водой, а если и того не оставалось отъ отца, отправлялись голосить подѣ окнами, и гдѣ кормили сиротъ обѣдомъ, гдѣ поили чаемъ, гдѣ награждали булками, либо какими нибудь обносками. Отецъ ни о чемъ не заботился. Девяти лѣтъ старшая пошла нянчиться къ кому-то съ ребенкомъ; какъ дѣвчонка расторопная и безответная, она прожила на мѣстѣ два года, жила бы и болѣе, еслибъ не понадо-

былось за чѣмъ-то отцу взять ее?! На мѣсто ея поступила вторая сестра, но черезъ годъ и ту потребовать отецъ, а взамѣнъ привелъ третью дочь. Старшихъ между тѣмъ старикъ держалъ строго, никуда не отпускалъ и запрещалъ съ угрозами всякое знакомство и разговоры съ посторонними. О третьей дочери онъ какъ бы забылъ и прибралъ ее къ рукамъ тогда уже, какъ ей минуло тринадцать лѣтъ. Между тѣмъ она поразилась въ доброй семьѣ и получила кой-какія понятія о долгѣ и обязанностяхъ. Тутъ обнаружилось злодѣйство: отецъ погубилъ дочерей, хотя послѣдняя сдѣлалась жертвою только тогда, какъ была избита и изсѣчена. Дѣло вышло наружу; улики были на лицо, началось уголовное дѣло. Старикъ, предчувствуя приближеніе расплаты, попросился изъ острога въ больницу и пытался увѣрить, что у него чахотка, рассчитывая на свою худобу и значительный хроническій кашель. Но попытка не удалась и онъ былъ приговоренъ къ наказанію.

Наканунѣ потребовали свѣдѣніе изъ больницы: можетъ ли быть онъ выписанъ и наказанъ. Черезъ лица это дошло до него, и, при входѣ моемъ въ палату, онъ съ тѣмъ же нагло-беззаботнымъ видомъ спросилъ меня „зачѣмъ нужна вамъ моя казнь?“. Мнѣ было любопытно, какъ этотъ странный человѣкъ проведетъ время до самаго наказанія. Къ общему удивленію, онъ ни въ чемъ не измѣнился, даже и не заговаривалъ о своемъ дѣлѣ. Съ тѣмъ же беззаботнымъ и наглымъ видомъ онъ велъ себя и въ полиціи, и при чтеніи рѣшенія на площади. Это выраженіе сохранилось и во все время страданій его и леченія; и при выходѣ изъ больницы, онъ не сказалъ даже никому изъ товарищей ни слова благодарности за то, что они за нимъ ухаживали. Черезъ нѣсколько дней, отправленъ онъ былъ въ партіи на заводы, и скоро всѣ забыли старика, даже его несчастныя дочери, которыя въ домѣ веселія заливали виномъ просыпавшуюся иногда совѣсть! Но проходитъ годъ, и вдругъ однажды, при посѣщеніи больницы, я съ удивленіемъ увидѣлъ его на кровати, крайне исхудалаго, въ лихорадочномъ пароксизмѣ. Вы вѣрно замѣчали, что душевный порывъ одного человѣка часто отзывается и въ другомъ. Такъ и теперь; я съ изумленіемъ спросилъ: какими судьбами ты опять здѣсь?

— Да бѣжалъ изъ завода долгъ заплатить, отвѣчалъ онъ; прошелъ тысячи верстъ, былъ уже у забора того дома, гдѣ живутъ мои злодѣйки, и схватили! Но имъ это не пройдетъ: вѣдь на отца пошли!—Но довольно. Злодѣй выздоровѣлъ, опять наказанъ и сосланъ. Каково убѣжденіе этого человѣка въ величіи правъ отца!

Приведу еще случай. Приѣзжаю я однажды въ больницу, и при встрѣчѣ смотритель и фельдшеръ объяснили мнѣ, что приведенъ изъ

острога, недавно поступившій въ него и называющійся больнымъ старовѣръ, который взять по подозрѣнію въ проповѣдываніи новаго ученія. — Интересный человѣкъ, заключили они: говорить, какъ биссеромъ шжесть! Войдя, послѣ такого предупрежденія, въ арестантскую палату, и видя два новыя лица, я обратился къ одному изъ нихъ, который былъ въ длинномъ нанковомъ сюртукѣ, съ глубокомысленнымъ взглядомъ. „Не ты ли проповѣдникъ изъ старовѣровъ! чѣмъ же боленъ?“ Въмѣсто отвѣта о болѣзни онъ повелъ длинную рѣчь, которую я выслушалъ съ терпѣніемъ и вниманіемъ и передаю, на сколько могу припомнить. „Послушайте, г. докторъ, началъ онъ: я вижу, вы человѣкъ молодой и образованный, — вѣдь нынѣ студенты медицины не около труповъ только сидятъ и выходятъ уже людьми, а не ходячими рецептами, какъ бывало. Какъ же вамъ-то не грѣхъ отнестись ко мнѣ такъ насмѣшливо? Развѣ насмѣшкѣ только заслуживаетъ, въ нынѣшній вѣкъ, человѣкъ, имѣющій свою мысль, свое убѣжденіе?“ Я молчалъ. — „Думали ли вы, продолжалъ онъ, что такое старовѣрство, въ чемъ его проявленія, въ чемъ сила его существованія? Я буду говорить съ вами безъ предубѣжденій, безъ поклона пустой виѣшности, какъ проповѣдую толпѣ. До моихъ личныхъ убѣжденій я не коснусь...“

Но довольно объ этихъ одиночныхъ личностяхъ. Теперь перейдемъ въ острогъ; тамъ мы встрѣтимъ ихъ въ массѣ и въ ихъ настоящей сферѣ.

III.

Если вамъ случалось вѣзжать въ уѣздный городъ на казенной тройкѣ, то, вѣроятно, вы замѣчали гдѣ нибудь на краю, вблизи дѣса, массу зданій, которая отдѣлена отъ всего, какъ зачумленные, и представляютъ только однѣ верхушки крышъ изъ-за высокаго частокола. Это не тонкій деревенскій частоколъ; онъ сдѣланъ изъ прямыхъ и ровныхъ бревень, крѣпко вкопанныхъ въ землю и заостренныхъ наверху кольями. Приближаясь къ переднему фасу, вы видите, что впереди красуется гауптвахта, а у самаго входа стоитъ бѣлосѣраго цвѣта полосатая будка, и предъ нею взадъ и впередъ, на пространствѣ нѣсколькихъ шаговъ, мѣрно движется часовая. Если вы будете подъѣзжать къ острогу, какъ имѣющій право входа, напримѣръ какъ медикъ, и въ узаконенное время, то есть не ранѣе семи часовъ утра и не позже семи вечера, то часовой у дверей вскрикиваетъ хриплымъ голосомъ: „дежурнаго!“ Тоже подхватываетъ другой часовой далѣе, и минуты черезъ двѣ вы слышите какъ-будто звонъ цѣпей, оглядываетесь и видите, что бѣжить, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, дежур-

ный, а у него въ рукахъ на желѣзномъ кольцѣ качаются, бьются другъ о друга и звенять огромные ключи. Вотъ дежурный у двери, стукнулъ огромнымъ замкомъ, кулака въ два величину, раздался раздражающій скрежетъ ключа, и дверь отворилась. Но, чтобы войти во дворъ, вы должны перелѣзть черезъ порогъ почти въ аршинъ вышиною.

Дворъ выметенъ чисто и усыпанъ пескомъ, нигдѣ ни травинки. Передъ вами главное зданіе, съ бѣлыми и грязноглиняными обмазками, поддерживаемое десяткомъ столбовъ. Направо отъ него — небольшое зданіе кухни; въ немъ печь, два огромныхъ котла въ плитѣ, нѣсколько кадокъ, лавки, столъ, на которомъ, когда ни войдите, лежитъ хлѣбъ, и тутъ же въ стѣнѣ на цѣпи ножъ. Если нужно рѣзать хлѣбъ, дежурный солдатъ, у котораго хранится ключъ, отмыкаетъ ножъ. Въ кухнѣ постоянно бываютъ два лица, выбранныя арестантами и называемыя хлѣбопекомъ и кашеваромъ. На печи по часту прогрѣвается кто нибудь изъ простудившихся, а по утру сходится въ кухню, по привычкѣ, а отчасти за водой, много народа. Тутъ — шумъ, гамъ, давка, брань, остроты сливаются въ что-то вакхическое. Съ лѣвой стороны главнаго дома — другое небольшое зданіе съ баней и другими мелкими принадлежностями. Затѣмъ вы видите такимъ же частоколомъ отгороженный другой дворъ и опять такую же дверь со ржавымъ замкомъ и высокимъ порогомъ. Тотъ же дежурный солдатъ отмыкаетъ ее, и вы проходите мимо оконъ кандалной комнаты. Въ лѣтнее время, при открытыхъ окнахъ, вашъ слухъ поражается одновременнымъ бряцаньемъ десятка цѣпей, и дикимъ разнотоннымъ хохотомъ, и выносящеюся сквозь этотъ безобразный шумъ крѣпкою русскою бранью. Пройдя это мѣсто, вы входите на второй дворъ, гдѣ становится какъ то легче и п отраднѣе: на первомъ планѣ вамъ представляется развѣшенное на веревкахъ и жердочкахъ бѣлье, какъ знакъ обыкновенной людской дѣятельности, а затѣмъ слышится или тихій разговоръ, или звонкій смѣхъ женскихъ голосовъ. Вы въ женской арестантской: преступницъ обыкновенно немного, не болѣе десятаго процента противъ мужчинъ; здѣсь, если хотите, много разврата, но нѣтъ поражающаго звѣрства; тутъ болѣе всего видны бродяги, будто непомняція родства, а на дѣлѣ бѣжавшія либо за любовникомъ, либо отъ пьянаго мужа; затѣмъ кого ни спросите, все сидятъ по кражѣ, по приему воровскихъ вещей, да по подозрѣнію въ беременности и умерщвленіи плода. Разъ только встрѣтила я звѣрскую убійцу любовника, но и тутъ дѣйствовала не одна же она, а съ другимъ, новымъ любовникомъ. Помню дѣвушку, которая содержалась полтора года за намѣреніе отравиться отъ несчастной любви, но полюбила видно кого нибудь снова, потому что

на рукахъ ей было уже дитя острога. Помню еще образчикъ странной, почти безумной привязанности матери къ ребенку: это была бродяга лѣтъ уже сорока, съ хорошенькимъ двухогодовалымъ ребенкомъ, котораго она, не смотря ни на какія убѣжденія въ невозможности вскормить и воспитать честно, ни за что не рѣшалась отдать на руки добраго семейства. — Но пойдемъ въ главное зданіе.

Положимъ, что мы входимъ въ острогъ въ 9 часовъ утра въ воскресенье. На крыльцѣ въ этотъ день нѣтъ обыкновенной толпы арестантовъ. Едва отопрутъ дверь въ корридоръ — вась обдаетъ запахомъ ладана, и слышится церковная служба. За неимѣніемъ свободной комнаты, въ корридорѣ поставлены два-три образа, сдѣланы къ нимъ занавѣсы, и тутъ идетъ богослуженіе. Корридоръ полонъ народа. Самы арестанты поютъ. Сколько разнообразныхъ лицъ! У стѣны, пріютившись одиноко, молится сѣдой старикъ, то поднимая глаза къ небу, то усердно дѣлая земные поклоны; а около него смѣются и ломаются три молодыхъ парня. Далѣе въ толпѣ — кто стоитъ равнодушно скрестивъ на груди руки, а большая часть ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной толпы сельскихъ прихожанъ. Но вонъ у другой стѣны стоитъ нѣсколько кандалныхъ, окруженные солдатами; они, нахмурясь, водятъ глазами по толпѣ, другіе шепчутся, а иные поникли въ какой-то думѣ.

На молитвѣ бываетъ развѣ треть арестантовъ; прочіе остаются по палатамъ, безучастные къ службѣ. Евреи и магометане не ходятъ вовсе, изъ поляковъ и лютеранъ идетъ много изъ любопытства; кандалные и простые арестанты предпочитаютъ соснуть или отзываются болѣзнью.

Служеніе окончилось. Всѣ разошлись. Вы идете по палатамъ и входите въ пересыльную. Здѣсь помѣщаются люди, не подлежащіе наказаніямъ, которыхъ слѣдуетъ переслать въ другія мѣста. Отчего же ихъ такъ много и куда ихъ будутъ пересылать? спросите вы. Дѣло очень просто. Одни изъ нихъ бѣжали съ прінсковыхъ работъ, пойманы, подлежатъ отправкѣ назадъ и сидятъ уже два мѣсяца, на счетъ золотопромышленника, за невысылкою съ прінсковъ казаковъ для конвоя; другіе — схвачены у домашняго очага и высылаются по этапамъ на прінски для отработки стараго долга; иные же сидятъ какъ будто для того, что ихъ хотятъ развратить въ этой академіи безнравственности, зачерствить ихъ душу, сдѣлать равнодушными къ пороку. Знаете ли, кто послѣдніе? Это — разнообразные калеки, частію изъ крестьянъ русскихъ губерній, изуродованные на частныхъ золотыхъ промыслахъ, потомъ вытолкнутые съ прінсковъ на волю Божию, безъ денегъ, безъ подводу, только съ нѣсколькими фунтами сухарей. И не погибли эти люди въ тяжелой глуши только потому, что проѣзжающіе извозчики изъ со-

страданий перевезли ихъ съ зимовья на зимовье до перваго селенія, гдѣ благотѣльная сельская полиція собирала и свозила ихъ въ городъ. Но что дѣлать съ ними въ городѣ? На компанейскій дворъ ихъ не пускають, на квартиру никто не принимаетъ, богадѣльни еще не заведены, остается спрятать въ острогъ, потомъ съ первой пересылочной партіей отправить дальше до слѣдующаго города, и такъ далѣе.

Вотъ небольшая комнатка, извѣстная въ острогъ подѣ названіемъ дворянской. Въ числѣ трехъ арестантовъ мы невольно останавливаемся на одномъ молодомъ, блѣлокуромъ и румянномъ господинѣ, въ приличномъ фасонистомъ пальто. Это человѣкъ, которому никакъ не могутъ втолковать, за что считаютъ его преступникомъ. Его обвиняють въ поддѣлкѣ десяти крестьянамъ фальшивыхъ отсрочныхъ свидѣтельствъ; а онъ увѣряетъ, что ему должно бы еще выразить благодарность за намѣреніе спасти отъ острога, наказанія и развращенія десять честныхъ человѣкъ, которые не были бродягами, не сдѣлали ни малѣйшаго проступка, выслали во время свои виды на перемѣну, взяли законную отсрочку и получили съ почты квитанціи въ высылкѣ старыхъ паспортовъ и денегъ, но почему-то въ семь мѣсяцевъ еще не получили никакого отвѣта. Чѣмъ же виноваты эти люди, что волостной писарь не убоготворенный должно быть лично, медлитъ высылкою паспортовъ, разсчитывая, что если они сами не захотятъ тащиться за три тысячи верстъ въ волость, то вышлютъ ему подарокъ! Бѣдняковъ этихъ, прибавляетъ не признающій за собою вины господинъ, выслали, по окончаніи шестимѣсячнаго срока, съ квартиры, имъ пришлось пробиваться кой-какъ дневною работою и спать подѣ открытымъ небомъ, а въ дождь подѣ лодками, на берегу рѣки; такъ, я сжалился, да и выдалъ имъ на шесть мѣсяцевъ отсрочныя свидѣтельства, съ чѣмъ они жили бы себѣ тихо и честно, пока жадный и остающійся всегда безнаказаннымъ писарь выслалъ бы имъ, наконецъ, документы. — Такъ вѣдь нѣтъ, нужно было схватить людей, засадить ихъ, да и меня съ ними, — вѣдь не полицію же я хотѣлъ обманывать, а только трусливыхъ хозяевъ квартиръ, да и не плутамъ же, не бродягамъ какимъ нибудь я выдалъ документы, а людямъ ни въ чемъ не замѣченнымъ!

Вотъ большая комната для незначительныхъ преступниковъ. Десятки мужичковъ стоятъ здѣсь какъ-то робко, особою кучкой и при появленіи нашемъ низко кланяются. Какія у нихъ тихія, добрыя лица! Тутъ же и цыганъ, и еврей, и татаринъ — все больше содержатся по воровству. Здѣсь видѣтъ и старовѣръ, слышущій первымъ ростовщикомъ между арестантами, содержатель картъ и костей, который по средамъ

и пятицамъ питается только булкой съ водою. Вонъ и сѣдой старикъ, который такъ усердно молился.

— За что ты, дѣдушка? съ участіемъ спрашиваете вы.

— Что разсказывать, батюшка... Пусть говорятъ другіе, всякій теперь знаетъ мое дѣло. Хотя бы ужъ провалиться мнѣ со свѣта божьяго скорѣе, чѣмъ сидѣть въ этомъ омутѣ!

Вопросъ очевидно раздражилъ старика, и вы отходите, чтобъ не продолжать тяжелого разговора. Но случай заинтересуетъ васъ, и вы собираете справки. Дѣло простое. Понравилась, видите ли частному приставу у старика лошадь. Старикъ пріѣхалъ, кажется, изъ Саратовской губерніи, работалъ на принскахъ, скопилъ небольшую копѣйку, купилъ лошадоку и сталъ было заниматься перевозкой товаровъ. „Отдай, старикъ, мнѣ лошадь“, заявилъ частный. Не могу, батюшка! — „Да вѣдь она похожа на одну краденую, о которой вчера подано объявленіе“. — Не могу, батюшка, стоялъ на своемъ старикъ. — „Ну, какъ знаешь“, дополнилъ тотъ и уѣхалъ. — Часа черезъ два лошадь была уже въ части, а со старика снимались показанія: какъ его зовутъ и какого вѣрсноувѣданія! Переночевалъ старичекъ на грязныхъ нарахъ, въ сырой канурѣ, называемой чижовкой и сибиркой, а на завтра его приняли глухія стѣны городского острога. Прощай дѣятельность, и маленькое хозяйство! Чтобъ запутать дѣло, указали на какого-то свидѣтеля, дворянина Нефина, и какъ его не было на лицо, то и пошли въ разные стороны справки. И вотъ идетъ уже шестой мѣсяцъ: старикъ сидитъ и ждетъ конца дѣла. Наконецъ, въ другой части розыскалась и украденная лошадь, дошли даже слухи, что искомый дворянинъ и не выѣзжалъ, а въ справочномъ билетикѣ у старика по дѣлу значится, что оно не оканчивается за неполученіемъ отъ горнаго исправника отвѣта по вопросу о дворянинѣ Нефинѣ. Отвѣта и дѣйствительно нѣтъ еще въ дѣлѣ: стало быть, ни стряпчій и никто не можетъ освободить арестанта. И сиди старикъ, пока придетъ охота письмоводителю исправника сдѣлать очистку этой бумагѣ! Впередъ будешь умиѣе, передъ начальствомъ вѣжливѣе и учтивѣе! Конечно, частный ничего не получить, но за то впередъ другимъ внушеніе.

Настоящій случай невольно вызываетъ вопросъ: что же такое полиція, для чего существуетъ она и въ чемъ ея назначеніе? Конечно, я говорю объ уѣздной полиціи, предполагая, что не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ это уже не такъ. Отчего же эта часть у насъ въ такомъ печальномъ состояніи? Одни писатели объясняютъ такое грустное явленіе взяточничествомъ, которое будто бы тѣсно сплелось со всѣмъ нашимъ бытомъ, проникло въ нашу кровь. Но вѣдь въ

медицины пришелъ же съ Вирховымъ періодъ локализованія каждой болѣзни, отнюдь безъ предварительнаго измѣненія крови! Какъ же вы отступаете на этотъ разъ отъ модной теоріи! Во-вторыхъ, нѣтъ ничего легче и нѣтъ ничего туманнѣе, какъ дѣлать такія общія обвиненія. Еслибъ это было справедливо, то отчего же самыми ловкими взяточниками у насъ являются нѣмцы? Дѣло не въ крови русской, которую пора уже избавить отъ такого позорнаго нареканія. Другіе всю вину сваливаютъ на общество и съ самоувѣренностію восклицаютъ: наше общество незрѣло; оно не проникнуто уваженіемъ къ самому себѣ, ни къ закону, а потому и не оказываетъ уваженія къ полицейскимъ чиновникамъ, и заставляетъ проявляться тѣмъ, что они и есть. И это опять новое обобщеніе, такая же ссылка на виновность нашей крови.

Мы думаемъ иначе. Намъ кажется, что проявленіе общества, какъ и всего на землѣ, зависитъ отъ окружающей обстановки, отъ того, пожалуй, воздуха, которымъ приходится дышать, отъ того грунта, по которому нужно ходить; и если грунтъ этотъ вязокъ, то человѣкъ во всякомъ случаѣ долженъ погружаться въ него, каковъ бы ни былъ составъ его крови! Откуда же въ обществѣ можетъ явиться понятіе объ общественномъ самоуваженіи, когда всѣ полицейскія лица, эти охранители правды и благосостоянія, падаютъ откуда-то внезапно, негаданно, по капризу или расчету какого-нибудь начальника отдѣленія, а не исходятъ изъ самаго общества, по его выборамъ. Пока кварталы въ городахъ, какъ и церковные приходы, не составляютъ живыхъ тѣлъ, съ правомъ гласныхъ собраний, съ правомъ заботы о своихъ нуждахъ и потребностяхъ, съ правомъ выбора изъ среды себя полицейскихъ чиновниковъ, и проч., словомъ съ правомъ заботы и охраненія себя,—до тѣхъ поръ члены общества будутъ походить на улитокъ въ раковинахъ, для которыхъ *общій* интересъ и не мыслимъ. Слѣдовательно, не въ обществѣ, а въ учрежденіяхъ лежитъ первая причина этого общественного зла.

Вторая причина тоже отнюдь не въ крови нашей, а въ томъ, что на должность полицейскаго, такъ уже сложенную, какъ она на дѣлѣ есть, только и можетъ идти человѣкъ на все готовый. Что долженъ онъ ѣсть и пить, во что одѣваться, особенно при частыхъ обрывахъ и ожогахъ платья на пожарахъ,—на чемъ разбѣжаться по городу безустанно въ теченіе дня и ночи (и конечно если невозможно верхомъ на палочкѣ, то нужны двѣ лошади); чѣмъ кормить лошадей, кучера, жену и дѣтей блюстителю городского квартала, когда онъ получаетъ рублей 15 въ мѣсяцъ въ такомъ городѣ, гдѣ пудъ ржаной муки стоитъ болѣе рубля! При такой обстановкѣ нѣтъ физической возможности даже су-

ществовать; а между тѣмъ человѣку слѣдуетъ позаботиться и о будущемъ, чтобы не бросить семью на произволъ судьбы, и не идти подъ старость подъ чужія окна. Я указалъ на матеріальную сторону; но, при исполненіи долга службы съ безпристрастіемъ, остается еще сторона нравственная: человѣкъ этотъ, для энергическаго противоборства злу, долженъ имѣть нравственную силу, видѣть во всемъ и со всѣхъ сторонъ нравственную поддержку. А гдѣ и въ чемъ она? Развѣ въ лицѣ городничаго, готоваго по произволу вытолкать его въ шею? Удивительно ли, что на эти должности идутъ только люди на все готовые, изъ кантонистовъ или канцелярскихъ чиновниковъ, изгнанныхъ уже со службы за какую нибудь непригодную штучку, въ родѣ, напримѣръ, похищенія изъ дѣла какой нибудь бумаги? Не удивляйтесь, что они на каждомъ шагу проявляются такъ, что въ обществѣ всѣ ихъ не любятъ, хотя и боятся. Не удивляйтесь, что возмутительно заглянуть въ присутствіе частныхъ управъ: тамъ квартальный и часовой только вертятся, а допросные пункты отбываются и пишутся какимъ нибудь вольнонаемнымъ писцомъ, — слѣдовательно, вся закладка дѣла, иногда даже участь людей и самая жизнь ихъ, находится въ рукахъ какого нибудь плута, не рѣдко изъ поселенцевъ, оторваннаго отъ общества и готоваго на все безъ разбора. Вотъ, кто рѣшаетъ судьбу людей! Можетъ ли быть, что нибудь неестественнѣе и извращеннѣе подобнаго положенія!

Скажите же послѣ этого, неужели русское общество или русская кровь виноваты въ томъ, что наши квартальные не проявляются подобно англійскимъ полицейскимъ чиновникамъ, которые ведутъ себя такъ безукоризненно, что въ нихъ дѣйствительно олицетворяется сама правда; и отъ палочки въ ихъ рукахъ магически вѣетъ самимъ закономъ. Но то другое дѣло: они выбраны обществомъ, имъ общество довѣрило и поручило свое благосостояніе, за словомъ выборнаго стоитъ все общество и слово противу общества. За негодность онъ смѣняется обществомъ, а при честномъ окончаніи службы становится тѣмъ же общественникомъ, ни въ чемъ не нуждается и хорошо обезпеченъ матеріально. Вотъ въ чемъ залогъ высокаго состоянія и нравственнаго значенія англійской полиціи. Удивительно ли, что, вмѣсто страха, основаннаго на уваженіи, предъ блюстителемъ закона въ Англіи, у насъ люди бѣдные, и главное не вліятельные, трепещутъ полиціи, посылая ей шепотомъ проклятія, а сильные міра сего помыкаютъ полицейскими хуже своихъ лакеевъ и не только не опасаются ихъ законной силы, но еще готовы погубить ихъ по своей прихоти. Что городъ, то норовъ. Жизнь народа и развитіе его проявляются такъ или иначе отъ свойствъ занимаемой имъ территоріи, отъ воздуха, которымъ дышетъ

онъ, отъ его историческаго прошедшаго и всего духа его учрежденій. Мы нѣсколько отвлеклись отъ нашего острога, но безъ этого отступленія, можетъ быть, нѣкоторые изъ нашихъ разсказовъ показались бы неправдоподобными.

Перейдемъ въ другую комнату, гдѣ помѣщаются настоящіе бродяги. Вотъ съ какимъ-то мышинымъ взглядомъ, полнымъ и робости и наглости, выглядываетъ на васъ изъ за спины другаго невзрачный мужичекъ. „Что-то знакомое лицо,—я тебя гдѣ то видалъ?“ спрашиваю я.— „Э, батюшка, какъ же знать-то меня, я непомнящій родства; а видалъ-то меня, какъ, поди, не видалъ: вѣдь я пять лѣтъ пробивался въ вашемъ-то городѣ, съ годъ у частнаго за кучера ѣздилъ, года съ полтора на посылкахъ вертѣлся, а вотъ какъ не угодили и негоденъ сталъ, и бродягой обличился. Что будешь дѣлать—ниаго-то ничего не подѣлаешь!“

А вотъ и еще нѣсколько знакомыхъ медику: вотъ молодой парень, очевидно изъ крестьянъ, который такими озлобленными и укоряющими глазами посмотрѣлъ на васъ, когда, по освидѣтельствованіи его, вы объявили, что „подвергаемъ казни не былъ, а имѣющіеся значки, на которые ссылается онъ, произошли вѣроятно отъ вередовъ; слѣдовательно, онъ не можетъ быть поселенцемъ изъ картожныхъ, котораго именемъ онъ крестить себя“.

Дѣло въ томъ, что онъ изъ крѣпостныхъ,—пришелъ, по оброку, въ Сибирь, на золотые пріиски, и понравилась ему Сибирь, захотѣлось прожить вольнымъ человекомъ. Вотъ онъ уничтожилъ документъ и представилъ себя бродягою, да еще подъ именемъ каторжнаго. Справки не подтверждать его показаній, а онъ будетъ стоять на своемъ; ну и осудится, какъ бродяга, а за тѣмъ будетъ зачисленъ въ сибирскую волость.

Вотъ и другой знакомецъ, съ выраженіемъ насмѣшливой наглости въ лицѣ, озлобившійся на 'медика за то, что называлъ себя помѣщичьимъ человекомъ, котораго управляющій сѣкъ, дескать, розгами по спинѣ со связанными руками, между тѣмъ какъ на спинѣ его видны слѣды плетей и шпичрутенновъ, и стало быть это одинъ изъ бѣжавшихъ съ каторги. Вотъ старичокъ хилый, кашляющій, немудренкій, представленный съ пріисковъ, куда онъ попытался, по найму вѣроятно, прійти вмѣсто другаго хорошаго работника, подъ его именемъ и съ его видомъ.

Пойдемте далѣе. Вотъ стоитъ какъ-то неуклюже высокій мужчина съ длинными прямыми волосами; голова его подалась какъ-то впередъ, а нижняя губа отвисла, выраженіе лица показываетъ тупость и въ то-

же время желаніе показать какую-то важность. Онъ изъ семпнаристовъ. Его сильно сѣкли за неспособность и, наконецъ, исключили за возраженіе, когда надоѣло прописывать ему березовую кашу. Съ горя, безъ отца, безъ матерн, круглый спрота, сталъ онъ сильно прохаживаться по чаркѣ; подъ пьяную руку и съ голода стянулъ что-то, и потомъ испугавшись дознанія, пустился дышать вольнымъ воздухомъ бродяги. А вотъ и другая личность, которая силится обратить на себя вниманіе, поправляетъ бѣлокурые волосы, гладитъ и крутитъ рыжеватый усъ, то заложитъ руку за бортъ сюртука, то выставитъ впередъ ногу. Вы рѣшаетесь потѣшить молодчика и спрашиваете о его здоровьѣ. Онъ радъ случаю: съ театральною развязностью и бойкостью фата выступаетъ онъ впередъ, расшаркивается передъ вами, отвѣчаетъ на вопросъ изъясненіемъ благодарности за любезность, на французскомъ языкѣ проситъ помощи и въ доказательство силъ своего духа подаетъ вамъ стихотвореніе. Но прежде чѣмъ приведу доказательство его высокаго поэтическаго вдохновенія, позвольте познакомить васъ съ самою личностью. Въ одно утро говорятъ мнѣ, что преступникъ Грондзевскій желаетъ видѣть меня. Я велю просить. Влетаетъ въ комнату съ хлыстикомъ молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти, бѣлокурый, румяный, и съ привѣтствіемъ на исковерканномъ французскомъ языкѣ, подаетъ письмо, гдѣ вы читаете, что „слава вашей высокой мудрости, вашего искусства и вашего человеколюбія далеко уже носится за предѣлами Россіи“, послѣ чего сочинитель проситъ взять его на поруки и дать ему денегъ на заведеніе живописной мастерской. Озадаченный этимъ, я обещаю справиться о немъ и кончаю бесѣду. Но къ удивленію, развѣзжая по городу, въ качествѣ медика, я нахожу домахъ въ девяти, совсѣмъ у разныхъ личностей, письма того же содержанія. Черезъ нѣсколько дней встрѣчаю этого господина въ аптекѣ, гдѣ онъ закупаетъ разные дешевые медикаменты и при этомъ подаетъ уже руку съ свободной развязностью стараго пріятеля. Видно, это не только живописецъ, но и докторъ-практикантъ, думаю я. Проходитъ еще нѣсколько дней—и я узнаю, что Грондзевскій захваченъ въ воровствѣ и, вмѣсто поруки, посаженъ въ острогъ. Черезъ сутки онъ является уже въ больницѣ съ предъявленіемъ самыхъ разнообразныхъ страданій, которыя всѣ, за исключеніемъ пальпитациі сердца, очевидно притворныя. Я принялъ его и началъ лечить, а черезъ нѣсколько дней получилъ жалобу отъ зрителя, что Грондзевскій, съ помощью служителей, открылъ въ больницѣ что-то въ родѣ харчевни. Въ то же время до пятидесяти записокъ разлетѣлось по городу съ просьбами о помощи несчастному дворянину, сыну генерала, который былъ запрягася на Аландскихъ островахъ, вмѣсто быка, въ особо-

устроенныя для того сохи, и при распаханіи земли былъ наказываемъ немилосердно бичами. Благодаря русскому желанію помочь „несчастному“, находились люди, которые присылали ему вещи и деньги. Теперь только, ознакомивъ васъ достаточно съ такою интересною личностью, приведу въ подлинникъ и самые стихи его.

Вотъ они:

Речь узника.

Мнѣ весьма трудно было рѣшиться
Описать вамъ сей гнусный край,
Гдѣ все на свѣтѣ худое длится,
Гдѣ обитаетъ позоръ и брань;
Тамъ, гдѣ не сіяютъ небесныя блага,
Гдѣ многихъ кровь льется струями,
Гдѣ существуетъ адская отвaga,
Я хожу тамъ трудными стезями!...

О, Боже правый! мнѣ не забыть,
Когда въ собраніяхъ столицъ,
Старалось меня развеселить
Общество милыхъ дѣвицъ,
Съ коими время дѣлилъ
И часто лобызалъ ихъ;
Въ душѣ своей я тогда мнилъ,
Что меня любятъ болѣе другихъ!...

Но оставимъ на время эту душную среду и отложимъ посѣщеніе остальныхъ комнатъ острога до другого раза.

IV.

Выходя изъ острога я чувствовалъ себя утомленнымъ. Кажется, я не работалъ ни тѣломъ ни головою, а ужъ въ самой атмосферѣ острога есть что-то давящее. Мнѣ захотѣлось пройтись къ лѣсу, который, отъ болотистой почвы, начинался камышемъ и кустарниками. Солнце еще было не очень высоко. Небо было чисто синее, вѣтерокъ разносилъ свѣжую прохладу. Иду. Въ кустахъ пестрѣетъ множество цвѣтовъ, на которыхъ только что высыхаютъ капельки росы. Въ сторонѣ прыгнулъ и затрещалъ кузнечикъ. На встрѣчу мнѣ проползъ изукрашенный цвѣтными полосками пушистый червякъ. Неподалеку, въ кустахъ заплѣла

малиновка. Вотъ и ласточка порхнула мимо меня, чуть не касаясь земли, быстро юркнула вверхъ.

Куда ни взгляни, всюду жизнь въ природѣ, жизнь привольная, свободная, съ самостоятельной дѣятельностью. Какая противоположность съ острогомъ! Не знаю какъ, только невольно, вспомнилось мнѣ нѣсколько строкъ поэта, помѣщенныхъ въ Русской Бесѣдѣ:

Богъ далъ природѣ изобилъе
И бѣгъ струящимся рѣкамъ,
Онъ далъ движенъе облакамъ,
Землѣ цвѣты, а птицамъ крылья.
За чѣмъ пѣвца живую рѣчь
Сковалъ ты заповѣдью трудной?

Эта противоположность жизни, по ея назначенію, съ жизнью въ острогѣ, навела меня на грустные мысли. Безъ сомнѣнія, вредный членъ общества долженъ быть удаленъ отъ него, долженъ за умышленное зло подвергнуться и взысканію; но неужели это право общества должно проявиться въ такой формѣ, и въ такой душливой средѣ? Сколько людей бываютъ преступными „случайно“, при прекрасной нравственности? Сколько попадаетъ на путь преступленія и невинно, по капризу и изъ причудъ полицейскихъ, какъ тотъ бѣдный старикъ? Памятенъ мнѣ еще случай. Въ одной волости крестьяне вздумали повѣрнуть писаря и степень законности сборовъ, при чемъ оказалось, что съ нихъ берутъ подать втрое. Крестьяне потребовали смѣны писаря и производства слѣдствія, а прибывшій на мѣсто исправникъ набилъ на зачинщиковъ колоды, да и запряталъ ихъ въ острогъ за волненіе. Сколько же попадаетъ людей случайно преступныхъ и даже невинныхъ, а между тѣмъ ихъ садятъ въ вертепъ, въ которомъ сливается все гадкое и возмущающее, всѣ сливки общественной безнравственности. Омутъ этотъ имѣетъ свой строй, свой характеръ; онъ не терпитъ ничего выдающагося изъ уровня. Сколько сыплется здѣсь насмѣшекъ и ругательствъ на личность нравственную, которая, попавъ въ эту среду, не ладитъ съ общимъ строемъ. Но идетъ день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, (извѣстно какъ быстро рѣшаются дѣла въ нашихъ секретныхъ застѣнкахъ!), и человѣкъ невольно свыкается съ нравами этого мѣста: чудовищное мало по мало начинаетъ казаться ему обыкновеннымъ, нервная система начинаетъ спокойно воспринимать тѣ впечатлѣнія, которыя прежде раздражали ее, рождается новый складъ мыслей, многое изъ прежняго нравственного дѣлается смѣшнымъ и объясняется только отсутствіемъ опыта, незнаніемъ жизни, —

человѣкъ какъ будто перерождается и выходитъ полнымъ житейскаго опыта, съ философскимъ взглядомъ на естественность каждаго поступка и съ готовностью, при случаѣ, на всякую безправственность. Да, все это вѣрно: рассчитывая выдержать и исправить въ острогахъ десятки негодяевъ, въ тоже время заражаютъ ихъ тлетворнымъ дыханіемъ сотни другихъ людей, не погрязшихъ въ пороки. Я вспомнилъ при этихъ размышленіяхъ слова одного умнаго человѣка. Давая своей дочери разнообразное развитіе и предоставляя читать все, конечно при должныхъ поясненіяхъ, онъ говорилъ о романахъ Поль-де-Кока: „Я не запрещаю тебѣ читать (насилъственный запретъ не въ моей методѣ), но предупреждаю, что чтеніемъ ихъ испортишь себѣ вкусъ, зачерствишь тонкость нравственнаго чувства и любви къ изящному“.

И такъ, самое гадкое и тлетворное въ нашихъ острогахъ есть невольное сообщество. Въ нынѣшнее время преобразованій, намъ предстоитъ обратить вниманіе и на это. Я думалъ бы, что въ основаніе подобныхъ заведеній для заключенія и удаленія отъ общества вредныхъ членовъ и даже подозрѣваемыхъ во вредѣ, должны быть положены два начала: отстраненіе общинничества и возможная раздѣльность заключаемыхъ; а за тѣмъ занятіе ихъ трудомъ, но не насильственнымъ, отъ котораго они бѣгутъ и который не столько тяжель, сколько противенъ имъ, а трудомъ по собственному выбору и по склонностямъ. Въ острогахъ бываесть множество людей способныхъ къ разнымъ мастерствамъ и руководяемымъ; за что же пропадаютъ напрасно ихъ знанія и время и за что общество теряетъ пользу, которую получало бы отъ труда и способностей арестантовъ? Уѣздные города не то, что столицы, тамъ иногда не найдешь и порядочнаго кузнеца, а о хорошемъ сапожникѣ и говорить нечего. Вѣдь пользуются же по временамъ и въ тихомолку трудами арестантовъ нѣкоторые изъ властвующихъ лицъ, — чѣмъ же они счастливѣе прочихъ, не властвующихъ гражданъ. Да и зачѣмъ труду проявляться въ тихомолку? Работая, что каждый любить и знаетъ, арестантъ былъ бы преданъ душою труду; онъ зналъ бы, что результатомъ труда будетъ приобрѣтеніе, котораго часть могла бы идти, если онъ хочетъ, на улучшеніе его пищи, напримѣръ на чай и сахаръ, а прочее оставалось бы для будущаго, сулило бы ему возможность начать по выходѣ изъ острога, честный трудъ. Но это давно уже знаютъ въ Европѣ. Я не вѣрю, по опыту, преувеличеннымъ толкамъ нѣкоторыхъ господъ, будто у острожниковъ не можетъ быть и мыслей объ исправленіи, о желаніи повести иную честную жизнь, пользоваться плодами не запретными. Исправленіе возможно, особенно при томъ видѣ преобразованія остроговъ, о которомъ мы сказали. Только бездѣйствіе и

праздность, насильственная работа и отсутствіе въ дальнѣйшей перспективѣ жизни какой либо поддержки, — развиваютъ въ человѣкѣ рвеніе къ свободѣ дикой, безцѣльной, бродячей, съ мыслью о лишеніи, съ планами грабежей!...

Въ этихъ мысляхъ прошелъ я больницу и очутился у солянаго магазина. Тутъ готовилась мнѣ встрѣча со старымъ знакомымъ, управляющимъ казеннымъ солянымъ заводомъ, который приплывалъ въ нашъ городъ для сдачи соли. Послѣ первыхъ привѣтствій я спросилъ: кто тотъ прилично одѣтый господинъ, который говорилъ съ нимъ, стоя безъ шапки?

— Это личность довольно загадочная, отвѣчалъ управляющій: — если хотите, расскажу о немъ кое-что, хоть всего и не знаю.

— Пожалуйста!

— Онъ изъ дворянъ, началъ мой знакомый, и двадцатипяти лѣтъ пріѣхалъ на должность въ одинъ изъ дальнихъ сибирскихъ городовъ. Съ петлицы его фрака не сходила какая-то наслѣдственная медаль. Былъ онъ не дурень собой, бѣлокуръ, съ курчавыми волосами. Вскорѣ по вступленіи въ должность онъ ознакомился со всѣми и влюбился въ дѣвицу изъ одного бѣднаго, тоже дворянскаго семейства. Дѣвушка была хороша собою: высокая ростомъ, статная, съ прекрасной таліей, нѣжнымъ румянцемъ сквозь бѣлую тонкую кожу, съ большими голубыми глазами подъ тонкими черными бровями; густыя пряди черныхъ волосъ лежали на головѣ скромно, безъ украшеній. Въ ея взглядѣ были — спокойствіе, свобода и чистая тишина; нравственное чувство до того тонко и высоко, что къ ней шли слова Лермонтова: она не создана для міра и міръ не созданъ для нея! Въ характерѣ ея была мечтательность и экзальтація: ей нравились больше всего сочиненія, гдѣ выставлялись страдальцы за правду или какіе нибудь мученики, и она читала и перечитывала ихъ.

Вотъ въ эту-то дѣвицу и влюбился Струмпилъ (такъ звали этого человѣка). Онъ сдѣлалъ предложеніе. Поддалась ли дѣвушка первому слову любви, или видѣла желаніе родителей, бѣдность большой семьи и отсутствіе въ городѣ жениховъ, только она дала слово. Но безотчетно она какъ-то боялась своего жениха, а маленькій братъ ея, ребенокъ лѣтъ трехъ, чувствовалъ даже къ Струмпилу какое-то отвращеніе, и узнавъ, что онъ возьметъ сестру изъ дома, возненавидѣлъ его такъ, что началъ дѣлать ему разные дерзости. Ни убѣжденія, ни наказанія — ничто не дѣйствовало на ребенка. Онъ не терпѣлъ Струмпилла.

Наконецъ, молодые люди были обвѣнчаны. Жизнь ихъ пошла не

дурно—мужъ любилъ жену, но съ первыхъ же дней сталъ безъ причинъ ревновать ее, и эта ревность съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе, безумнѣе и настойчивѣе. Онъ ревновалъ ее ко всѣмъ и ко всему.

Въ кабинетѣ Струмилла висѣли рядомъ отлично отточенный длинный и широкій кинжалъ и небольшой портретъ какой-то женской головки. На этотъ портретъ онъ всякій разъ смотрѣлъ, какъ передъ нимъ не было жены, и порывисто ходилъ тогда по комнатѣ. Жена ни слова не говорила, хотя въ ней безотчетно замирало сердце, особенно послѣ того, когда она нашла на головѣ мужа, между густыхъ волосъ, два глубокихъ шрама, — слѣды просѣковъ.

Прошло около полгода семейной жизни. Подходила пасха. Молодая женщина говѣла и причащалась въ четвергъ послѣдней недѣли. Жители небольшого городка не упустили случая перебивать съ поздравленіями и особенно любовались въ этотъ день молодой женщиной. А въ полночь на пятницу Струмилла явился съ окровавленными руками въ полицію съ объявленіемъ, что убилъ жену. Его задержали, поѣхали на слѣдствіе. Оказалось, что спальня, гдѣ былъ и рабочій кабинетъ мужа, залита вся кровью, и съ тихимъ выраженіемъ въ лицѣ лежалъ на полу трупъ молодой женщины. Спрошенные люди показали, что слышали, среди полной тишины, отчаянный крикъ: „что ты дѣлаешь, другъ мой! Боже!“ за тѣмъ храпъ и болѣе ничего.

Начались допросы. Струмилла показалъ, что онъ очень любилъ жену, что ему представилось, будто онъ умираетъ, а она послѣ него останется на землѣ и скоро выйдетъ за другаго; тутъ ему пришла мысль владѣть ею всегда и въ жизни, и послѣ смерти. Я схватилъ, говорилъ онъ, со стѣны кинжалъ, подошелъ къ кровати, и при мысли, что это милое разгорѣвшееся на подушкахъ личико достанется другому, нанесъ ей самъ не знаю сколько ранъ.

Трупъ убитой былъ перенесенъ въ домъ родной семьи. Тамъ ходили всѣ какъ тѣни, будто не сознавая ясно, что дѣлается. Между тѣмъ судебномедицинская коммисія описала восемь ранъ и по бокамъ, и по горлу, изъ которыхъ послѣдняя прошла сзади противъ сердца, послѣ чего умиравшая упала и пробилась угломъ сундука косяцу. При вскрытіи трупа, въ немъ нашли зародышъ четырехъ мѣсяцевъ.

Послѣднее обстоятельство еще болѣе поразило убійцу. Мучительно было смотрѣть, говорилъ очевидецъ, какъ онъ, пожелавъ проститься съ тѣломъ, бросился къ нему, плакалъ до истерички, и испросивъ позволеніе проводить покойницу, могъ передвигать ноги только съ помощью двухъ солдатъ. Убитую хоронили въ самый день Пасхи.

Судъ, за убійство двухъ, осудилъ его на лишеніе всѣхъ правъ и долгую каторгу. Что же это такое? Убійство въ припадкѣ помѣшательства со слѣдующимъ за тѣмъ чистосердечнымъ раскаяніемъ, или все, слѣдующее за убійствомъ, была маска для смягченія карающаго суда? Какъ думаете?

Я промолчалъ.

Но вотъ что доложу вамъ, продолжалъ управляющій: Струмиллъ писалъ десятки писемъ къ роднымъ покойницы, увѣряя въ своей любви къ ней и умолая, чтобы они простили его въ душѣ. Между тѣмъ чиновнику, женатому на младшей сестрѣ покойной, пришлось служить въ городѣ, неподалеку отъ того завода, гдѣ былъ Струмиллъ. Преступникъ былъ уже не въ работѣ, а при канцеляріи управляющаго, по этому онъ нашелъ случай отлучиться въ городъ, явился въ присутствіе, вызвалъ своего родственника, упалъ передъ нимъ на колѣни и просилъ дозволенія видѣть его жену. Тотъ испугался и отвѣчалъ только: „извините меня, это не отъ меня зависитъ, а отъ нея!“ Струмиллъ отыскалъ квартиру его, явился къ сестрѣ бывшей жены своей и на колѣняхъ умолялъ простить его. Неужели это было неискреннее раскаяніе? Прибавлю, что на заводѣ всѣ женщины боятся Струмилла болѣе всѣхъ каторжниковъ, даже самыхъ безчеловѣчныхъ. Особенно онъ сталъ страшенъ по одному случаю: какъ человѣкъ не глупый и услужливый, онъ вырабатываетъ себѣ копѣйку и живетъ порядочно; ему понравилась дѣвушка, дочь рабочаго, и онъ сманилъ ее къ себѣ въ домъ, обѣщая жениться. Не прошло недѣли страшно-ревнивыхъ и опьянительно-страстныхъ отношеній, какъ она была уже у него подъ ножомъ и только случайно вошедшіе люди успѣли предупредить убійство. Во вниманіе къ порядочной жизни въ заводѣ, дѣло не было пущено въ ходъ; но съ тѣхъ поръ женщины рѣшительно боятся его. Я послѣ спрашивалъ, закончилъ управляющій, за что хотѣлъ онъ зарѣзать дѣвушку? „Не знаю ничего, отвѣчалъ онъ, кромѣ того, что увлекся ею, хотя жениться и не думалъ, потому что далъ себѣ слово не жениться“. Что же это за личность?

Тутъ дошли мы до моей квартиры. Здѣсь меня ожидало еще интересное событіе: ко мнѣ съ таинственно озабоченнымъ видомъ подходитъ кучеръ и говоритъ: не погубите, батюшка, дайте впередъ за мѣсяць жалованье, надобно брату въ Т. острогъ послать, зашлалъ да и баста, — ты братъ, говоритъ, скопилъ деньгу, да откупился отъ помѣщика, а мнѣ откупиться нечѣмъ, въ Сибири же у васъ живутъ люди вольные, — я, дескать, и пошелъ бродяжить, и показался непомнящимъ родства и получу, знамо, причисленіе здѣсь, въ Сибири, въ волость,

и буду свободный человекъ“. Не погубите же, батюшка, дайте впередъ жалованье, надобно шалуну въ острогъ послать черезъ одного благодѣтеля.

Такой случай, конечно, покажется вамъ страннымъ, но въ Сибири къ нимъ уже привыкли и несколько не удивляются.

V.

Мы показали уже, какого рода люди паселяютъ наши остроги. Но откуда же они? По лѣсамъ и лугамъ Сибири бродитъ множество людей оборванныхъ, съ лицами суровыми, а иногда и съ синими точками на лбу и щекахъ, выражающими роковыя буквы К. А. Т. Люди эти, называемые „прохожими“ и „гульными“, проводятъ лѣтнее время на работахъ, и по городамъ на пилкѣ лѣса и тому подобныхъ поденщицахъ, гдѣ не спрашиваютъ видовъ на прожитіе; но больше они помогаютъ крестьянамъ убираться съ пашнями и покосами: вѣдь въ Сибири застѣвай и коси сколько хочешь, да и урожан случаются самъ-пятнадцать, а поля не отдыхаютъ иногда года по три и по четыре даже въ Енисейскомъ округѣ. При такомъ обиліи пашень и луговъ рукъ для управы мало, почему эти беззаботные, „гульные“ люди становятся очень пригодными. Между ними и поселянами большая дружба. Поселенцы не только не боятся ихъ, но жалѣютъ и ставятъ къ ночи на окна, либо на завалинку у дома—квасъ, молоко, съ изрѣзаннымъ въ ломти караваемъ хлѣба. Прохожіи пробраются ночью черезъ деревню, утолятъ голодь и жажду сколько хотятъ, и еще оставляютъ для другихъ. Безъ особенныхъ случаевъ, напримѣръ розысковъ по убійству, поселенцы ихъ не трогаютъ, и они свободно подходятъ, спрашивая: — „Нѣтъ ли работы“. — „Ступай въ кладовую, говорятъ имъ, да выбрай по рукѣ литовку и серпъ“. Такіе работники стоятъ очень дешево: имъ не нужно денегъ; они рады, когда могутъ поѣсть, да попариться въ хорошей банѣ. Въ платежъ имъ даютъ всякое старье, кому — бѣлье, кому — сапоги, а кому къ осени — и оборванный полушубокъ. Но подходитъ суровая зима, гульные люди выкапываютъ для себя землянки, но и въ нихъ холодно и голодно, и идутъ они къ полицейскимъ лицамъ и мѣстамъ предъявить о своемъ бродяжествѣ. И вотъ ихъ препровождаютъ въ душные остроги на готовую хлѣбъ и соль: гульный человекъ доволенъ, онъ сытъ, ему тепло, а слѣдствіе да сиревки протянутся навѣрно всю зиму.

Хоть ѣда и тепло въ острогахъ не завидны, но все же тамъ не умрешь отъ холода и голода, какъ въ землянкѣ. Въ острогахъ пола-

гается по $6\frac{3}{4}$ коп. сер. на человека въ сутки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сумма эта выдается на руки самимъ арестантамъ, которые выкупаютъ изъ среды себя старосту, вѣряютъ ему деньги, назначаютъ, какъ распорядиться ими; и староста, выбираемый обыкновенно изъ срочныхъ или пересыльныхъ, маловажныхъ преступниковъ, отправляется за покупками съ сопровожденіемъ казака или солдата, смотря потому, кто стоитъ въ городѣ. Но въ большей части остроговъ, по распоряженію экспедиціи о ссыльныхъ, выдача денегъ на руки арестантамъ, для произвольныхъ покупокъ черезъ старосту, а откомандировки казака для сопровожденія его совсѣмъ прекращены, и заготовленіе всего перешло въ руки смотрителя. Въ послѣднемъ случаѣ арестантъ получаетъ въ сутки по $2\frac{1}{2}$ фунта печенаго хлѣба и по $\frac{1}{4}$ фунта мяса. Супъ съ такимъ ограниченнымъ количествомъ мяса, особенно если и крупы такъ мало, что можно считать зернышки, а капусты и вовсе нѣтъ, называется на языкѣ острожниковъ „шури-мурп“. Подаянія, привозимыя крестьянами и мѣщанами почти каждый разъ, когда нужно бываетъ помянуть кого нибудь изъ умершихъ родныхъ, состоятъ въ чаѣ, сахарѣ, булкахъ и мясѣ, а постомъ — въ рыбѣ. Въ такомъ случаѣ отпускается уже по $\frac{1}{2}$ фунта и болѣе мяса на каждого человека. Чай и сахаръ тоже, конечно, доставляетъ арестантамъ много пользы и удовольствія, только миѣ нрѣдко приходилось слышать ропотъ, что начальство запрещаетъ готовить чай, потому что для этого требуется большой расходъ на дрова. Дрова расходуются въ острогахъ не одинаково, смотря по числу печей, но обыкновенно бываютъ сосновыя и осиновыя, а такъ какъ зданіе рѣдко бываетъ безъ щелей, то въ немъ тепла большею частію немного. Положеніе же начинать въ больницахъ и острогахъ топку печей не ранѣе 15 сентября часто ведетъ къ простудамъ и болѣзнямъ даже въ Енисейскѣ, а о Туруханскѣ и говорить нечего, — тамъ арестанты и больные только что не мерзнутъ. Банн при острогахъ топятъ одинъ разъ въ двѣ недѣли. Воду какъ для банн, такъ и для пищи возятъ на пожарныхъ лошадяхъ, а гдѣ есть тюремные комитеты, тамъ съ найма на деньги директоровъ.

Бритые половины головы вдоль черепа, либо поперекъ гораздо больше пзмѣняетъ фizioномію человека, чѣмъ его особенный нарядъ: Случалось, что сегодня видишь человека на волѣ, а завтра въ острогѣ не узнаешь его, и все дѣло въ бритой полуголовѣ, потому что онъ еще не перемѣнилъ костюма. Въ уѣздныхъ городахъ парадности меньше, и арестантамъ дозволяется носить свое платье. Арестантская одежда заготавливается непременно въ губернскихъ городахъ экспедиціями о ссыльныхъ. Все присланное изъ экспедиціи дѣлается

обязательнымъ въ уѣздахъ безъ разсужденій и сравненій съ образцами: противу старшихъ разсуждать невѣжливо, да и безплодно. Арестанты должны получать: рубашку и подбрюшники, чарки, шапку изъ овчины и азамъ съ четырехугольной заплатой на спинѣ. Эти азамы бываютъ либо изъ чернаго крестьянскаго сукна, либо изъ сѣраго, или изъ того и другаго вмѣстѣ, или какъ бываетъ иногда, изъ какой-то особой просвѣчивающей матеріи съ клеймомъ какого нибудь русскаго города по тракту! Кромѣ того, для зимы выдаются арестантамъ брюки крестьянскаго сукна и шуба изъ овчины.

Хотя въ тѣхъ изъ остроговъ, гдѣ суточные деньги не выдаются арестантамъ, доставляются значительныя подаванія черезъ смотрителя, однако деньги не раздаютъ на руки арестантамъ, а опускаютъ въ особую кружку, мелкія же подаванія, какъ напримѣръ булки и калачи, благотворители разносятъ сами по палатамъ. И странно видѣть, какъ относятся къ подаванію, и особенно бѣднаго человѣка, эти грубые, черствые люди, лишенные, кажется, всѣхъ добрыхъ человѣческихъ чувствъ! Какъ сильно для русской натуры обаяніе истинной благотворительности, то есть скромной, дѣлаемой не для одного вида. Заболѣлъ ли кто у русскаго простаго человѣка, настала ли день поминокъ, родинѣ, крестинѣ: онъ немедленно спѣшитъ съ подаваніемъ, иногда отъ послѣднихъ крохъ своихъ, не только бѣднымъ, протягивающимъ руку, но и всѣмъ несчастнымъ, лишеннымъ свободы силою обстоятельствъ. И съ простодушной благодарностью принимаютъ его даръ не только нищіе, протягивающіе руку, но и осторожные преступники, такъ огрубѣвшіе въ порокѣ. Видно, нравственное чувство только гложетъ, но не уничтожается въ человѣкѣ. Оно загоняется въ самые дальніе и темные углы сердца; но не исчезаетъ совершенно, и иногда пробуждается въ самомъ отчаянномъ извергѣ. Потому-то на лицахъ арестантовъ, при полученіи скромнаго подаванія, наблюдатель видитъ рѣзкія измѣненія: всѣ изгибы, выражающіе у кого озлобленіе, у кого насмѣшку, какъ бы надъ всѣмъ міромъ, у кого беззаботную наглость, сглаживаются на лицахъ, сбѣгаютъ съ нихъ; наступаетъ какъ будто моментъ душевной тишины, мира, и они дѣлать поданное совершенно поровну. Но только кончится эта раздача, и каждый вступаетъ въ свою роль, снова лица принимаютъ свое выраженіе, снова большая часть изъ нихъ готова обкрадывать другъ друга.

Я упомянулъ о кружкѣ. Она бываетъ обыкновенно деревянная, окованная желѣзомъ, и прибивается къ столбу у воротъ острога; на ней видна надпись: „для улучшенія пищи арестантовъ“. Во всѣхъ острогахъ, гдѣ нѣтъ комитета о тюрьмахъ, или гдѣ члены ровно ни-

чего не дѣлають, эта кружка называется арестантами „волшебною“, и деньги изъ нея вынимають 1-го числа смотритель, между тѣмъ какъ при другой обстановкѣ присутствуютъ при выниманіи денегъ директоры комитета. Въ эту кружку опускають и деньги, отбираемыя у арестантовъ при обыскахъ, во время смѣны карауловъ. Подобныя же кружки ставятъ и на кладбищахъ, вблизи караульныхъ домиковъ; только народъ какъ-то не податливъ для кружекъ, вслѣдствіе, кажется, недовѣрія въ настоящее употребленіе этихъ суммъ.

Въ такихъ-то острогахъ, гдѣ ничего не дается арестантамъ на руки, они принимаютъ и свои мѣры. Кромѣ обыкновеннаго „арестантскаго старосты“, обязаннаго распредѣлять людей на домашнія работы, вести имъ очереди и представлять о нѣкоторыхъ ихъ мелочныхъ нуждахъ, выбирается обыкновенно и другой староста, уже тайный, неизвѣстный оффиціально начальству. Впрочемъ, иногда обѣ эти должности соединяются въ одномъ лицѣ, если арестанты полюбятъ его и довѣрятся ему. Тотчасъ по выборѣ онъ получитъ въ свои руки особую „арестантскую“ сумму. Она составляется такимъ образомъ, что каждый, поступающій въ эту „палочную академію“ (какъ называютъ арестанты острогъ), обязанъ сдѣлать денежный взносъ и притомъ такъ, что отъ пересыльнаго получается 15 копѣекъ, отъ поселенца 30, а отъ чиновныхъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ по 1 р. 60 коп. сер. Сумма эта идетъ: во-первыхъ, одному избранному хлѣбопеку, который завѣдуетъ печеніемъ хлѣба, съ жалованьемъ около 1 руб. 20 коп. въ мѣсяцъ, и съ обязанностью печь хлѣбы легче и вкуснѣе; во-вторыхъ, для разныхъ увеселеній и развлеченій, о которыхъ скажу впослѣдствіи.

Кромѣ того, у арестантовъ есть еще одинъ староста, который называется „жиганскимъ“; это — живой, веселый, разбитной малый, готовый на все; онъ держитъ книгу, въ которую вписываетъ всѣхъ проигравшихся въ пухъ; и записанные у него получаютъ, въ насмѣшку, названіе „жигановъ“ и слывуть подъ такимъ прозвищемъ, пока не отиграются. Наконецъ, третья доля идетъ на палача. Палачъ, называемый въ законѣ „запечнымъ мастеромъ“, считается для арестантовъ особенно привилегированною личностью: передъ нимъ снимають шапки и самые непокорные; его иначе не называютъ, какъ по имени и отчеству. Выбирается онъ изъ важныхъ преступниковъ, слѣдовавшихъ послѣ казни въ каторжную работу. Нужны или особенная жесткость въ человѣкѣ, или глупость и равнодушіе, чтобы согласиться на эту обязанность, и многіе предпочитаютъ идти въ каторгу, чѣмъ сдѣлаться палачемъ. И это очень естественно: съ какой стороны ни взгляните на ссылаемаго въ каторгу преступника: если онъ сознаетъ свою вину, то готовъ

бываетъ выстрадать, вынести наказаніе какъ возмездіе, и по истеченіи узаконенныхъ лѣтъ пользоваться свободною жизнью хлѣбопашца; если онъ изъ привычныхъ бродягъ и порядочныхъ негодаевъ, то рассчитывается, при первомъ случаѣ, бѣжать изъ каторги и пользоваться опять свободой, чѣмъ принимать до смерти гнусную обязанность; если же онъ записной, какъ говорится, разбойникъ, наслаждающійся, какъ арестъ, и мракомъ лѣса съ каркающими воронами, и блескомъ ножа со стопами умирающихъ, то онъ не можетъ сознавать правоты наказанія и, слѣдовательно, не считаетъ несправедливымъ бить своихъ собратьевъ.

Изъ показанной нами секретной арестантской суммы палачъ получаетъ или опредѣленное мѣсячное жалованье, или примѣрно копѣекъ по 50 сер. за каждого наказаннаго. Въ послѣднемъ случаѣ палачъ точно такъ же скушаетъ и ропшетъ, если мало наказываемыхъ, какъ аптекаръ или расчетливый медикъ-практикантъ, особенно изъ наѣзжихъ иностранцевъ, когда въ краѣ долго нѣтъ эпидемическихъ болѣзней. Конечно, мы говоримъ это не о цѣломъ сословіи медиковъ, въ которомъ много людей почтенныхъ, но — въ семьѣ не безъ урода.

Кромѣ такихъ опредѣленныхъ выдачъ, палачу, живущему обыкновенно не въ острогѣ, а при гаунтвахтѣ, удѣляется часть изъ каждого подавляющаго арестантамъ, какъ-то: булки, чай, сахаръ. За тѣмъ ему опредѣляется частица изъ тѣхъ денегъ, которыми набрасываетъ на одежду наказываемаго народная толпа, окружающая мѣсто наказанія иногда въ числѣ сотни человѣкъ и болѣе. Наконецъ, палачъ бываетъ по нѣскольку разъ въ годъ имянинникомъ. Сообщеніе объ имянинахъ приходитъ черезъ котораго нибудь изъ караульныхъ служивыхъ къ арестантскому старостѣ, а отъ него вѣсть уже несется по палатамъ. „Бѣдность!“ кричитъ староста при входѣ въ палату, при чемъ всѣ умолкаютъ и слушаютъ: „мастеръ имянинникъ! согласны-ли?“ — „Дать!“ слышится въ отвѣтъ, и одинъ изъ старыхъ острожныхъ беретъ у старосты изъ общей суммы около рубля и какъ нибудь изловчается передать палачу, хоть сквозъ частоколъ. А если кому нибудь скоро предстоитъ выдержать тяжелое наказаніе, то одинъ изъ старыхъ, извѣстныхъ уже преступниковъ идетъ съ какою нибудь посудой, называемой на этотъ разъ „имянинной кружкой“, за сборомъ по усердію, сообщая объ имянинахъ палача и о предстоящемъ наказаніи такому-то. Полученный такимъ образомъ сборъ называется подаркомъ „почтенныхъ старожилловъ“. Тутъ дѣйствуетъ подстрекательная система! Хвастовство и тщеславіе первая пружина въ острогѣ ко всему, не только худому, но и хорошему. Я знаю такого рода достовѣрный фактъ. По особымъ обстоятельствамъ

нужно было однажды всю массу арестантовъ перевести изъ одного завода въ другой. Это возложено было на управителя. Что дѣлать? Какъ привести ихъ, чтобы народъ не разбѣжался. А за исправную доставку, безъ сомнѣнія, будетъ награда. И вотъ, едва только партія вышла въ поле, какъ управляющій остановилъ ее и крикнулъ: „Стой, ребята! Докажите, что вы люди, что и съ вами можно быть человѣкомъ, а не собакой: я хочу снять съ васъ кандалы ручныя и ножныя, хочу дать вамъ полную волю, поручить васъ круговой порукѣ. Даете-ли вы мнѣ слово, что никто изъ васъ не бѣжитъ до тѣхъ поръ, пока не едамъ васъ въ заводъ?“ — „Изволь!“ гаркнули все въ одинъ голосъ. Онъ тотчасъ распорядился немедленно всѣхъ расковать и въ заключеніе прибавилъ: „ну, ребята! я въ вашихъ рукахъ, дѣлайте со мной что хотите, не любъ я вамъ — лучше сейчасъ голову долой, чѣмъ потомъ за побѣгъ вашу всю жизнь оставаться подъ судомъ!“ — „Не бойся!“ сказали арестанты, „не выдадимъ!“ — И дѣйствительно, все кончилось благополучно, партія вполне пришла на мѣсто, и управляющій получилъ орденъ.

Я забылъ сказать, что заявленіе арестантамъ объ имѣвшихся палачахъ дѣлаетъ не всегда староста, а иногда это исполняютъ и „десятники“. Такъ называются особые выборные отъ каждой палаты, которые наблюдаютъ въ нихъ за чистотою и порядкомъ, и, кромѣ того, бываетъ еще одинъ „выборный десятникъ по кухнѣ“?

VI.

Жизнь въ каждомъ острогѣ распадается на двѣ сферы: одна обязанная, оффиціальная, среди надзоровъ, заботъ, разныхъ посѣщеній и т. п.; другая внутренняя, собственно острожная, не вынужденная, а невольна выбивающаяся изъ свойствъ и особенностей каждаго представителя этой „палочной академіи“. Первая жизнь длится весь день, вторая всю ночь, начиная съ семи часовъ вечера. О первой мы скажемъ въ короткихъ словахъ.

Часовъ въ семь арестанты встаютъ. Около этого времени начинается выпускъ въ острогъ постороннихъ лицъ, а съ восьми, послѣ сибны караула и переклички, арестанты и караульные приготовляются къ пѣшему слѣдованію въ тѣ полицейскія и судебныя мѣста, изъ которыхъ получены требовательныя повѣстки: кого къ допросу, кого къ очнымъ ставкамъ, кого къ наказанію, кого къ освидѣтельствованію и т. д. Еще съ семи часовъ начинается въ острогѣ лихорадочная суетливость, шумъ, гамъ, оклики, брань, свистъ. Но это далеко не то, что начинается съ сѣдъ-

маго часа вечера ; теперь не достаетъ еще жизни и стройности, всѣ бѣгутъ въ кухню поплескаться водою, при чемъ, конечно, слышатся взаимныя шутки, привѣтствія, рассказы о снахъ и т. п., затѣмъ открывается суета для повѣрки и переклички, и, наконецъ, выклики для отсылокъ. Въ праздникъ, если требованія куда нибудь арестантовъ рѣдки, начинаются приготовленія къ священной службѣ: въ углу коридора зажигаются передъ образами свѣчки, курится ладонъ, слышатся пробы голосовъ и даже иногда цѣлыя спѣвы какихъ нибудь молитвъ; потомъ является священникъ, приѣзжаетъ даже нѣсколько постороннихъ лицъ, идетъ служба въ родѣ часовъ, а затѣмъ начинается посѣщеніе гостями падачь и раздача подаваній... Такъ проходитъ время до полудня ; тутъ опять перекличка и обѣдъ, и затѣмъ дѣлается посвободище, по крайней мѣрѣ начинается подготовка, и разные сговоры къ вечерней и ночной дѣятельности. Въ будни служенія, конечно, не бываетъ ; но часовъ до двухъ идетъ непрерывная тревога: то ждутъ медика, то приѣдетъ стряпчій, то директоръ комитета, наблюдающій за ходомъ дѣлъ, то кто нибудь изъ полицейскихъ, а иногда, особенно перваго числа, и самъ городничій, либо начальникъ округа. Тутъ никому нельзя развернуться, все „будь на чикъ“, какъ говорятъ арестанты.

Въ промежуточное время до двухъ часовъ, свободное отъ всѣхъ официальныхъ тревогъ, рѣдко приступаютъ къ какому нибудь дѣлу, а развѣ только поговариваютъ о прошломъ и будущемъ. Въ кандаальной идетъ рѣчь, каково-то будетъ наказаніе преступнику, увиденному сегодня изъ острога.

Въ другихъ же комнатахъ неважныхъ бродягъ и преступниковъ — гдѣ крѣпко спятъ, готовясь къ ночной потѣхѣ, — гдѣ учатъ неопытнаго и признавашагося преступника всѣмъ изворотамъ запираательства, — гдѣ читаютъ духовныя книги, данныя священникомъ, либо выписанныя комитетомъ, — гдѣ, наконецъ, учатся грамотѣ, которой припѣненіе будетъ зависѣть отъ направленія, случая и обстоятельствъ. Вонъ въ углу комнаты старичекъ тянетъ на распѣвъ свои наставленія о превосходствѣ старовѣрства, поглаживаетъ свою остроконечную бородку, взводитъ глазу кверху и тяжело вздыхаетъ при своихъ доказательствахъ. Онъ ведетъ рѣчь не громко, чтобъ не услышалъ церковный староста, который терпѣть не можетъ его разглагольствованій. Его слушаютъ двое: одинъ въ простотѣ души увлекся его мягкими ласками; а другой особенно рассчитываетъ на то, что у старовѣра есть чай и сахаръ. Вонъ съ десятокъ острожниковъ сидятъ на крыльцѣ и въ беззаботной бесѣдѣ острятъ другъ надъ другомъ. Въ углу двора бродитъ уединенно, понутивъ голову и нахмуривъ брови, арестантъ, котораго зовутъ „не-

людимомъ“. А вотъ въ комнату приведенъ новый арестантъ. Товарищи оглядываютъ его съ ногъ до головы и первымъ долгомъ справляются, бывалъ ли онъ прежде въ острогъ, слушался ли вмѣсто матери „шкуръ барабанной“, и судя по одеждѣ и обстоятельствамъ дѣла, стараются угадать есть ли у новичка деньги. Слушаться барабанной шкуръ — значитъ лишиться правъ состоянія съ наказаніемъ или безъ наказанія. Средства вновь приведеннаго угадываютъ больше всего по предложенію купить ночное мѣсто на нарахъ. При этомъ бывалые стараются конечно „околпачить“ его, т. е. обмануть, продавая мѣсто какъ можно дороже. Вообще надобно замѣтить, что если комната полна народомъ, то мѣста на ночь обыкновенно продаются, и стоимость ихъ отъ двухъ копѣекъ доходитъ иногда до цѣлковаго. Продавшій свое мѣсто долженъ уже послѣ того спать на полу. Такая важная статья само собою заставляетъ обнаруживать денежные средства. Въ такомъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ, новичка или оставляютъ безъ вниманія, или оказываютъ ему всевозможныя любезности и даже нерѣдко угощаютъ его чаемъ. Черезъ нѣсколько дней такого любезнаго ухода, новому арестанту предлагаютъ играть въ карты или въ кости, просятъ одолжить въ долгъ, а если онъ не поддается ни на какую ловушку, то рѣшаютъ сыграть съ нимъ вечеромъ „свадьбу“, а что это такое — читатели увидятъ дальше.

VII.

Когда обѣдъ и дневный окликъ кончатся и пробьетъ два часа, то послѣ этого никто изъ начальства уже не пріѣдетъ. Въ арестантскихъ дѣлается свободнѣе и развязнѣе. Теперь пойдемъ въ кандадную и посмотримъ, что тамъ дѣлается. Вотъ точное описаніе того, что я лично видѣлъ и слышалъ:

— Что ты крочишься, старая корга! Кого надутъ хочешь, развѣ новичковъ, а мы, братъ, видали виды, не боялись ни плетей, ни кнута, — говорилъ громко и отрывисто, разгуливая по палатѣ, средняго роста кандадный, съ клеймами на лицѣ, другому такому же арестанту, который, поджавъ животъ, сидѣлъ въ углу на нарахъ. Видъ его былъ не привлекателенъ: на большой головѣ его торчали стоймя длинныя волосы; на широкомъ лицѣ рѣзко видѣлись роковыя К. А. Т., и толстыя губы слегка дрожали. Онъ завтра долженъ идти къ наказанію, и только что приведенъ изъ больницы, гдѣ пробылъ шесть мѣсяцевъ съ притворной болѣзнію. Воспользовавшись геморроемъ, онъ проводилъ цѣлыя дни подтянувъ животъ и увѣрялъ, что его замучили спазмы; а

между тѣмъ прокалывалъ булавами досна и въ носу, показывая это медіку, какъ слѣды кровохарганья.

Рѣчь каторжника многихъ затронула. Иные арестанты гнѣвно изъ подлѣбья посмотрѣли на самохвала. Самъ минимй больной не выдержалъ эпитета старая корга, бодро соскочилъ съ нарѣ, при чемъ оказалось, что это свѣжій человѣкъ, полный силъ и здоровья. Онъ, нахмури брови, посмотрѣлъ на каторжнаго и махнулъ рукою съ негодованіемъ. Молодой преступникъ, красивый брюнетъ, съ курчавыми волосами, круглымъ лицомъ, большими черными глазами и веселымъ выраженіемъ лица, тоже всталъ на ноги, гремя кандамами:

— Что расхвастался! началъ онъ, новички, да новички! для чего обижать! Иной новичекъ и васъ всѣхъ за поясъ заткнетъ!

— А ты что, Трыкинъ! отозвался небольшой арестантъ, съ бѣлымъ румянымъ и беззаботнымъ лицомъ: что ваще дѣло? задушили дѣвочку... экая важность! А вотъ у насъ — такъ четверо въ минуту!

— Эхъ ты, поросенокъ! возразилъ Трыкинъ. Не ты бы говорилъ, да не я бы слышалъ! Было дѣло, да не твое. Тебя, какъ барана на веревкѣ, вонъ кто привелъ.

При этомъ Трыкинъ указалъ на небольшого плечистаго каторжника, который сидѣлъ угрюмо, погружаясь въ какія-то думы. Это былъ Екатеринбургскій мѣщанинъ, Мотовъ, старовѣръ, занимавшійся въ нашей сторонѣ кой-какими торговыми оборотами. Не фартило миѣ (т. е. несчастливо), сказалъ онъ въ показаніяхъ, а хотѣлось поскорѣе зашибить копѣйку. Вотъ и рѣшилъ онъ воспользоваться деньгами одного бездѣтнаго старика. Исполдволь слѣдилъ онъ за ходомъ его денегъ, а мысль свою передалъ племяннику, доброму и пустому малому, который, какъ говорится, плясалъ всегда подъ дудку своего дяди. Этотъ племянникъ тотъ самый арестантъ, надъ которымъ смѣялся Трыкинъ. Совершенное или убійство было удивительно. Дядя предварительно ознакомился со старикомъ и даже такъ поддѣлался къ нему, что вмѣстѣ съ племянникомъ провелъ у него вечеръ. Одинъ гость видѣлъ, какъ они утѣшали старика карточными фокусами, но фizioноміи ихъ были такъ странны и злобщи, глаза бѣгали такъ боязливо и оздобленно, что онъ, какъ говорилъ потомъ, ушелъ съ недобрымъ предчувствіемъ. На завтра утромъ, среди бѣлаго дня, когда звонили къ ранней обѣдн, они явились къ старику, какъ гости, торговать кожи; позвонили, и когда имъ отперли, незамѣтно заложили за собою ворота; поздоровались съ хозяиномъ и просили его показать товаръ. Хозяинъ пошелъ въ кладовую, они за нимъ; только скрипнулъ ключъ въ замкѣ, какъ пятифунтовая гиря, на

крѣпкомъ ремнѣ пушенная съ размаху, разможила ему черепъ, и крѣпкій старикъ упалъ за-мѣртво. Прикрывъ кожами платье, на которое попали брызги крови, они отправились въ нижній этажъ, гдѣ застали за работою двухъ старушекъ и одну дѣвушку. Всѣ три сидѣли въ одной небольшой комнатѣ. Увидя знакомыхъ уже гостей, онѣ продолжали беззаботно свое дѣло, но двѣ гирь такъ быстро попали имъ въ головы, что женщины умерли на мѣстѣ, а дѣвушка не успѣла даже разжать руки, въ которой такъ и осталась сжатою иголка.

Теперь понятно, какъ отъ обстоятельствъ и отъ побудительныхъ причинъ къ убійствамъ слагается характеръ каторжниковъ. У Мотова была опредѣленная цѣль, достиженіе которой обѣщало ему богатство, а съ нимъ, по его понятію, счастье и довольную будущность. Ему не удалось его планы, онъ схваченъ и сидитъ въ острогѣ; не удивительно, что онъ молчаливъ, грустенъ и озлобленъ: у него была цѣль, хоть и гнусная, но все же цѣль.

Можно ли въ то же время удивляться беззаботному равнодушію Перфильева: его натура такъ мелка и тупа, что жалко было смотрѣть на тупое равнодушіе, съ какимъ онъ высказывалъ правду на вопросахъ, съ какимъ встрѣтилъ наказаніе и сошелъ съ лобнаго мѣста! Мотовъ же былъ озлобленъ до сумасшествія и страшенъ; переменна въ немъ была до такой степени искрення и непритворна, что даже кандальники, любящіе насмѣшками и брабкою сводить все подъ одинъ общій аккордъ, и которыхъ тщесловіе и зависть не терпятъ ничего выходящаго изъ уровня, даже они какъ-то пріутихли, не трогали Мотова и только наблюдательно на него посматривали. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ него выйдетъ самый озлобленный разбойникъ! Напротивъ, несчастный Перфильевъ всегда останется подъ вліяніемъ сильныхъ характеровъ и подъ обаяніемъ ихъ будетъ готовъ помочь всякому преступленію, особенно если съумѣютъ ему насудить лучшее будущее. Что касается до Трынкина, то онъ могъ бы исправиться развѣ на Кавказѣ: онъ вовсе не золъ въ душѣ, не особенно корыстолюбивъ, наконецъ не тупъ, не безхарактеренъ; но страсть рисоваться и склонность къ размахистости и молодечеству всегда дадутъ возможность ловкимъ и хитрымъ злодѣямъ привлечь его къ себѣ въ сообщество. Стоитъ подстрекнуть его молодечество, и онъ какъ человѣкъ съ *idée fixe*, пойдетъ на все. Можно съ увѣренностію сказать, что его не остановитъ и кроткій видъ матери съ младенцемъ у груди; онъ убьетъ его не какъ злодѣй, пазъ за крови или денегъ, а какъ поэтъ въ своемъ родѣ. Вотъ какъ различны преступники, какъ разнохарактерны ихъ первыя побужденія и слѣдующія за тѣмъ настроенія и взгляды, а слѣдовательно, какъ различны должны

быть и наказанія, и мѣры къ исправленію: это своего рода болѣзненные состоянія: нужно быть психологомъ и мыслящимъ врачомъ, чтобы правильно понимать и мѣтко исцѣлять ихъ.

Вотъ и еще два образчика. На нарахъ сидитъ то задумываясь, то посматривая по сторонамъ, то прислушиваясь къ разговорамъ, кандалникъ, лѣтъ сорока, высокій ростомъ, сухощавый, съ простой, открытой, даже доброй фізіономіей, какихъ много встрѣтите вы ежедневно, прогуливаясь по улицамъ. Онъ нисколько не строптивъ, не порывистъ, безъ всякой склонности къ молодечеству, но и не тупъ, словомъ, человѣкъ, какихъ много. А между тѣмъ преступленіе страшно и безчеловѣчно: онъ такъ изсѣкъ женщину, что у нея положительно не осталось на тѣлѣ цѣлаго мѣста, и даже были признаки, что онъ билъ ее и мертвую. Что же это такое? Звѣрство! скажете вы. Нѣтъ: тутъ были другіе двигатели. Онъ былъ ея любовникомъ, хотѣлъ забрать въ руки ея состояніе, ревновалъ ее, и оба вмѣстѣ сильно пьянствовали. Отъ всего этого онъ рѣшительно не помнилъ себя, и не зналъ, что дѣлалъ при совершеніи преступленія. И теперь, просидѣвъ три недѣли въ острогѣ, онъ внимательно слушаетъ наставленія другихъ о томъ, какъ бы ему подойти въ категорію случайныхъ, а не умысленныхъ преступниковъ. Но всмотритесь въ лицо его: онъ еще не уяснилъ себѣ того, что совершилъ, въ немъ видна то легкая задумчивость, то какъ будто спокойствіе; но это не спокойствіе звѣря-человѣка или ідіота, а печать неяснаго пониманія того, что съ нимъ дѣлается.

Вотъ и другая личность. Пичкинъ малый веселый и хвастунъ до нелзя; за то ужъ и достается ему,—и насмѣшки, и брань, и толчки сыплются на него безпрестанно. Ему это нипочемъ. Въ другой компаніи, какъ говорятъ арестанты, онъ игралъ бы важную роль, имѣлъ вліяніе даже увлекать другихъ; но тутъ „утерли ему носъ“, говорятъ кандалники, до того, что онъ выполняетъ шутовскую роль. Пичкинъ изъ кантонистовъ. Оторванный съ дѣтства отъ семьи, онъ не испытывалъ того тепла, которымъ размягчается и согрѣвается сердце, котораго прекрасные образчики видитъ ребенокъ во всѣхъ отношеніяхъ между членами семейства. Съ дѣтства попалъ онъ въ кантонисты, гдѣ безправственность и плутовство возведены на степень академическаго совершенства, гдѣ, вмѣсто сердечнаго тепла, ожесточаютъ вамъ душу насмѣшками, гдѣ наставленія передаются въ формѣ зуботычинъ и розогъ, и окончательно черствятъ всякаго человѣка. Мелкій отъ природы, Пичкинъ выработался подъ такими вліяніями въ натуру подлую, готовую на всякій развратъ: начавъ съ плутовства и кражи, онъ перешелъ черезъ бродяжество и грабежи къ убійству; а сдѣлавшись разъ убійцею, онъ пошелъ уже не

останавливаясь по этой дорогѣ. Пичкинъ, обыкновенно надѣждающій кандалнымъ, иногда бываетъ даже полезенъ: нельзя, чтобъ когда нибудь въ минуту общаго молчанія, особенно въ темную ночь, когда вѣтеръ воетъ по трубамъ, не поднимались изъ забытья и не грозили изъ гробовъ несчастныя жертвы; не даромъ же арестанты кричатъ по ночамъ и вскакиваютъ съ испуганными лицами. Въ такія-то недобрыя минуты Пичкинъ забавляетъ компанію разными фокусами. „Не диви только насъ, а толкуй, какъ оно есть“, заявляютъ ему арестанты.

И Пичкинъ начинаетъ показывать фокусы, которымъ Богъ знаетъ гдѣ научился, а всякій разъ передъ началомъ какъ будто поколачиваетъ волшебной палочкой, приговаривая: „шассъ-массъ, фокусъ-мокусъ, фицъ-мицъ, ниманицъ, танта сама штукъ, тылько на шишій манеръ; аллонъ-маширъ, аллонъ-маширъ“. Чтобъ дать понятіе о его продѣлкахъ я расскажу два-три фокуса его.

— А что ребята, кто хочетъ воды? говоритъ Пичкинъ. Я вамъ дамъ ее изъ ножа, изъ какого хотите, хоть отъ самаго царя столовый ножикъ принесите, нашей вѣдь волшебной линіи все покоряется!

Кандалные даютъ ему ножъ, что никогда не переводится въ острогѣ. Фокусникъ сгибаетъ руку съ той стороны, гдѣ осталась у него невыбритою голова, ставитъ ее локтемъ внизъ и велитъ охотникамъ водить по его подкожнымъ жиламъ. Между тѣмъ ножъ у него въ той же рукѣ и держится такимъ образомъ, что рукоятъ скрыта у ладони, острее выходитъ у мизинца, и всѣ остальные пальцы растопырены. Пока ему водятъ рукой по венамъ, Пичкинъ быстро и незамѣтно вынимаетъ изъ завитка волосъ надъ ухомъ кусочекъ смоченный водою губки, придерживаетъ его у ладони однимъ пальцемъ, и выдѣлывая рукою узоры, льетъ понемногу воду съ конца самаго ножа.

Какъ этотъ фокусъ, такъ и прочіе основаны на интересномъ развитіи мышцъ ладони и ручной кисти, такъ что каждая мышца могла совершать свои фізіологическія отправления отдѣльно и независимо отъ другихъ. Это, конечно, не рѣдкость. Если мы не можемъ обыкновенно согнуть котораго нибудь пальца, исключая большаго, безъ того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не согнулись болѣе или менѣе и другіе, то, съ другой стороны, бываютъ люди, развивающіе не только ручныя мышцы, но даже мышцы ушной раковины въ такой степени, что она можетъ двигаться у нихъ, какъ у нѣкоторыхъ животныхъ, по произволу. Не удивительно по этому, что арестантъ на развитіи своихъ ручныхъ мышцъ основалъ такую потѣху.

Но не всѣ фокусы Пичкина основаны были на этомъ развитіи от-

правленія мышцъ, въ нѣкоторыхъ продѣлкахъ его были совсѣмъ другія уловки.

— А не хотите ли, братцы, вскрикиваетъ Пичкинъ, чтобъ наперстокъ поплясалъ въ стаканѣ? Могу и это!

И дѣйствительно, онъ вынимаетъ небольшой и чрезвычайно тонкій наперстокъ, подаетъ его товарищамъ осмотрѣть и принимаетъ отъ нихъ уже не пальцами, а только ногтями, чтобы публика болѣе имѣла уваженія къ фокусу, и не заподозрила артиста въ какомъ нибудь фальшѣ. Между тѣмъ въ томъ-то и штука, чтобы взять ногтями, а не пальцами: къ ногтю прикрѣпленъ у него кусочекъ бѣлаго воска, величиной съ булавочную головку, который онъ ловко передаетъ на внутреннюю поверхность наперстка, а къ нему также ловко прилѣпляетъ тонкій волосокъ пзъ женской косы, другой конецъ котораго придерживается съ помощью воска же ногтемъ на другой рукѣ. Наперстокъ опущенъ въ стаканъ.

— Не пляшетъ, братцы, экое горе: музыку нужно; экая сила, подумаешь, въ музыкѣ-то! заявляетъ Пичкинъ и начинаетъ наигрывать трели губами и поколачивать пальцами. А это-то и нужно было: движеніе пальцевъ заставляетъ тотчасъ же и наперстокъ прыгать въ стаканѣ.

Такимъ образомъ кантонистъ нерѣдко по цѣлымъ часамъ потѣшалъ всѣхъ кандалныхъ.

VIII.

Заглянемъ теперь въ палату, гдѣ мы видѣли уже новичка, церковнаго старосту и старовѣра.

Палата уже на замкахъ, половина 8-го часа вечера. Начинается то, что арестанты называли сыграть свадьбу съ старикомъ. Общее веселье увлекаетъ всѣхъ. Шутки, прыганье, бѣганье, хохотъ, пѣсни и сказки перемежаются съ разсказами о воровствахъ уже совершенныхъ, о планахъ впередъ, о томъ, гдѣ живутъ пріемщицы краденнаго, съ прозвищами кривушки, хромушки и т. п. Толпа все болѣе и болѣе группируется около новичка, который исподоволь и самъ начинаетъ принимать участіе въ ея весельѣ, желаетъ тоже показать, что и онъ „не лыкомъ шитъ“, тоже, дескать, молодецъ. Пользуясь такой минутой, кто нибудь предлагаетъ общую увеселительную игру, въ которой и новичекъ могъ бы принять участіе. Какое вниманіе, подумаешь!

— Какую бы общую? Да развѣ свадьбу, други, начинаетъ одинъ?

— И подлинно, что свадьбу! подхватываютъ другіе.

Общимъ голосомъ новичка выбираютъ въ женихи, какогонибудь арестанта помоложе и по красивѣе — въ невѣсты; а третій, самый дюжій, предлагаетъ услуги быть „конемъ-скоробѣжкой“. Начинается съ того, что жениху предлагаютъ ѣхать — посмотрѣть невѣсту, понравится ли она? Его усаживаютъ на шею коня-скоробѣжки такъ, чтобы ноги свѣшивались впередъ, а конь придерживаетъ ихъ руками, такъ что упасть кажется невозможно. Какъ только жениха усадятъ, всѣ кричатъ и укаютъ на коня; онъ въ испугъ начинаетъ бѣситься, хрипѣть, скакать и сбивать сѣдока. Добрые товарищи кричатъ: „держишься, поможемъ!“ подбѣгаютъ сдерживать лошадь, а между тѣмъ шарятъ у жениха въ карманахъ и опоражниваютъ ихъ. Бѣдняку нельзя спрыгнуть, конь крѣпко держитъ ему ноги, руки тоже не свободны, потому что сѣдокъ держится за голову скакуна. Но еслибъ онъ и догадался, что его грабятъ, то среди общаго содома, хохота, уканія и криковъ, его голосъ не дошелъ бы до караула; да неизвѣстно на кого и жаловаться, потому что вокругъ вертѣлись десятки людей, а ему было не до того, чтобы разсматривать другихъ. Содомъ продолжается.

— Отпустите душу на покаяніе, братцы! слышится въ шумѣ. Всѣмъ подблюсь! вотъ издохнуть мнѣ, если вру.

Довольно! цѣль свадьбы достигнута, и она кончается.

— Ну-ну-ну! раздалось со всѣхъ сторонъ. Теперь ваша чередъ — майдаальщикъ и образной староста! выступайте-ка!

Титуломъ „майдаальщика“ пользуется какойнибудь плутъ арестантъ. Онъ бываетъ обыкновенно и ростовщикъ. Для этого нуженъ не столько капиталъ, какъ ловкость и расчетливость; нужно, чтобы каждая копейка родила грошъ: сходить куда — дай копѣйку, подать что — дай другую, а то, пожалуй, и мѣсто продамъ на ночь, и нѣсколько своихъ копѣекъ отдамъ въ ростъ. Такіе люди умѣютъ доставать и хранить карты, иногда по нѣскольку колодъ.

Образнымъ старостой называется арестантъ, слывшій у начальства подъ именемъ церковнаго старосты. Онъ выбирается тоже арестантами. Ему поручается продажа свѣчъ и наблюденіе за чистотою священнаго угла. Личность эта бываетъ, конечно, изъ грамотныхъ, знатоковъ молитвъ и церковнаго пѣнія. Теперешній староста охотникъ и до словопреній, такъ что его побанвается и самъ старовѣръ. Образныхъ старостъ арестанты часто смѣняютъ: отъ нихъ требуютъ, съ одной стороны, чтобы отнюдь не воровали и не употребляли въ свою пользу свѣчныхъ денегъ, съ другой же — сумма, хранящаяся въ ихъ рукахъ, должна исполнять роль общественнаго банка, и, въ случаѣ нужды, поддерживать игру въ карты и кости. Вотъ почему

теперь и вызываютъ на сцену не одного майдалящика, но и образнаго старосту.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели подумаютъ, что я описываю какой нибудь идеальный острогъ, гдѣ есть и служеніе, и чтеніе книгъ, и ученіе грамотъ, и даже духовныя книги. Дѣйствительно, это бываетъ не во всѣхъ уѣздныхъ городахъ; да и тамъ, гдѣ я видѣлъ служеніе и духовныя журналы, это началось очень недавно, съ основаніемъ тюремнаго комитета. Но чтобы не составить какого нибудь неточнаго понятія о высокомъ значеніи этого комитета, я скажу о немъ нѣсколько словъ.

Въ уѣздныхъ городахъ существованіе совѣта попеченія о тюрьмахъ пока еще рѣдкость. Если кому и придетъ добрая мысль завести такое учрежденіе, такъ со дня оффиціального начала проходитъ обыкновенно лѣтъ по 5 и 6, пока, наконецъ, выйдетъ утвержденіе и дозволить открыть его. Такъ, въ одномъ городѣ утвержденіе комитета вышло уже тогда, какъ человѣка три или четыре изъ лучшихъ людей, избранныхъ директорами и желавшихъ жертвовать на это дѣло, отправились на тотъ свѣтъ. Но положимъ, что комитетъ откроется. Учрежденіе это является коллегіальнымъ, по большей части только на бумагѣ, а на дѣлѣ не только нѣтъ совѣщательности, но иногда и собраній-то не бываетъ, а такъ себѣ — начальникъ съ директоромъ-экономомъ составляютъ журналы, да и разсылаютъ на дома къ подпису нѣкоторыхъ директоровъ, конечно болѣе богатыхъ. Оно лучше: во-первыхъ, къ чему безпокоиться сборомъ на совѣщаніе, а во вторыхъ, черезъ это поддерживается миръ и тишина въ обществѣ, особенно же между начальствующими и гражданами; вѣдь извѣстно, что начальникъ у насъ не пзъ числа гражданъ, а особенное лицо, которому возразить, значитъ сдѣлать личную обиду! И пойдутъ крюки да подкрюки. А какъ дома-то подписываешь, такъ и не смотришь толкомъ — что именно, и душа не возмущается, и въ ссору не войдешь и притѣсненій впередъ не получишь!

„Сюда, майдалящикъ!“ раздается крикъ въ концѣ палаты. „И сюда!“ подхватываютъ въ другихъ концахъ. Майдалящикъ хлопочетъ достать изъ разныхъ дыръ и щелокъ три колоды картъ. Конечно, карты не новыя, а истертыя; но и за нихъ майдалящикъ платитъ около пятидесяти коп. сер. Поэтому его вознаграждаютъ при игрѣ, такъ что онъ можетъ получить въ одну ночь отъ одного до двухъ рублей съ колоды. Это дѣлается такъ, что съ каждаго кона или игры откладываютъ за карты копѣекъ по двадцати. Отъ двухъ до четырехъ человѣкъ играютъ одною колодой. Игра идетъ чаще въ „три листика“, а иногда въ „едну“, гдѣ

дѣло въ числѣ очковъ, такъ что тутъ считается, смотря по уговору, либо за одинъ очокъ, либо за 14, тогда какъ король всегда 13, дама 12 и валетъ 11. Во время игры у дверей ставится всегда часовой изъ арестантовъ, который, съ приближеніемъ проснувагося караульнаго солдата или казака, подаетъ сигналъ крикомъ: „вода!“ При этомъ играющіе прилегаютъ, какъ будто спать, и ждутъ, пока раздастся другая повѣстка „вали!“ За караулъ платится отъ 5 до 10 коп. сер. по складчинѣ играющихъ.

Во время этихъ занятій — нѣкоторые спятъ, другіе молятся, третьи рассказываютъ другъ другу о своихъ походахъ.

IX.

Перейдемъ теперь въ ту комнату, гдѣ содержатся бродяги. Тутъ идетъ назидательная бесѣда.

— Эхъ, ты, глупый! говоритъ одинъ арестантъ, живой и по видимому бывалый, другому, который недавно поступилъ въ острогъ. И одного-то пустаго клейшка Б. вытравить не съумѣлъ! Ну, кто станетъ нынѣ мушки ставить со жженой известью, да выжигать купоросной кислотой: тутъ и бѣлизна остается, и шрамы большіе бываютъ! Тебя не свидѣтельствовали? Ну, такъ ступай скорѣй въ больницу; тамъ есть служитель, Иваномъ зовутъ, цеховой поселенецъ, лихачъ парень, не хуже фельдшера все знаетъ. Ты скажи ему, чтобы онъ наваль тебѣ высококонную травку на длинныхъ ножкахъ съ желтенькими цвѣточками ⁽¹⁾; тутъ ее подъ окнами много; онъ тебѣ за гривну нарветъ и передастъ. Караула дневнаго нѣтъ, — дѣлай что хочешь, вѣдь смотритель съ фельдшеромъ не станутъ на караулъ стоять, у нихъ свои дѣла. Въ дверяхъ есть окно, въ него видно къ арестантамъ, ну да и ты не зѣвай! Такъ этому-то самому служителю дай денегъ и спроси у него сперва кипятку, что ни есть крѣпкаго изъ подъ ключа. А травка тоже, чтобы готова была. Вотъ ты кипяткомъ руку-то и обвари, а травкой приложи тотчасъ. Держать долго эту травку, братецъ ты мой, не пригодно: а такъ примѣрно съ полчаса подожди, пока начнется боль сильная, рука покраснѣетъ и огонь побѣжитъ по ней. Ну, вотъ тогда сними травку и посылай того друга-цеховаго за творогомъ, да творогомъ-то и прикладывай, если ужъ рука больно вспухнетъ. Дѣло-то обойдется и безъ бѣлыхъ пятенъ, а такъ знаешь ровно, да гладко будетъ, — съ малолѣтства, молъ, обварили!

(1) *Ranunculus acris*, отлично помогающая въ ревматизмахъ вмѣсто мушекъ.

— А какъ, братикъ, больнымъ-то мнѣ сдѣлаться? Видалъ я, пожалуй, какъ одному сводили ногу въ колѣнѣ, а другому сушили; да ну ихъ съ этимъ. Послѣ не скоро оправишься. А какъ бы такъ поскорѣе: чтобы вздумалъ — захворалъ, а вздумалъ и выздоровѣлъ. Я бы ужъ тебя еще поблагодарствовалъ: знамо дѣло, кто же даромъ научаетъ.

— Изволь, братецъ! За этимъ дѣло не станетъ! Здѣсь я тебѣ лихоманку открою; а тамъ въ больницѣ, подъ исходъ лихоманки, ты самъ уже сдѣлай опухоль въ щекахъ, только для того надо иглку. Эй, ребята! У кого есть „прошка“ ⁽¹⁾? Дайте ему близъ хлебательной ⁽²⁾ ложки: онъ завтра какъ проснется и выпьетъ съ водой. А лекарю говори — что будешь чувствовать: знамо ты будешь слабъ, голова будетъ болѣть и вокругъ идти, сердце ⁽³⁾ болѣть будетъ, тошнота, блѣдность, жилки биться стануть чаще. Такъ ты и пролежишь нѣсколько дней, и дѣло тѣмъ временемъ обдѣлаешь. А потомъ, чтобы рука какъ должно поджила, ты понадѣлай иглой-то проколы свнутри щеки, пока хруснетъ, да только смотри сквозъ кожу не проходи, а тамъ и зажди носъ и ротъ, да и надувай въ щеку-то. Паръ-то отъ этого самага сквозъ щелки и войдетъ подъ кожу, да такъ раздуетъ, что коли захочешь, она покраснѣетъ, ровно при рожѣ. Эта, братъ, болѣзнь и лечится скоро; проколи только кожу, да выпусти паръ-то, вотъ и щека опадетъ, будетъ какъ есть здоровая.

— Спасибо, братъ! такъ и будетъ! Знатокъ же ты!

— Э-э! толи мы знаемъ: бѣльмо нужно — бѣльмо будетъ; и слѣпыхъ дѣлаемъ, и килу приставляемъ, и ноги корчимъ! Да ты вѣдь самъ видалъ корчи-то, Расскажи-ка, може по пному.

— Вотъ, други, какъ въ первой-то меня схватили, по подозрѣнію въ воровствѣ, только право слово вздорно, ну и посадили съ настоящими ворами. Вотъ одному и вышло рѣшеніе, кромѣ наказанія, идти въ арестантскія роты. А туда страхъ какъ не хотѣлось ему. Разъ ночью, какъ караульные притихли — помогай други, говорить. И встало нѣсколько человѣкъ, да и пошла эта операція: кто ногу держать, кто придерживаетъ колѣно, кто въ иглу свиную щетину вдергиваетъ. Какъ приготовились, постынули подъ колѣномъ кожу въ складки, захватили жилы, продѣли сквозъ все иглку со щетинной, а опосля иглу вынули, щетина-то осталась въ жилахъ, а снаружи ея и не видно, какъ не бывало! Я диву дался! Ну ногу, вѣстимо, и свело;

⁽¹⁾ Нюхательный табакъ.

⁽²⁾ Сголовой.

⁽³⁾ Подъ ложкою.

ходилъ на костыляхъ. А потомъ черезъ три года встрѣчаю его въ лѣсу: такой-же гудьный. Да какъ же нога-то, говорю, распрямилась! Распарилъ говорить. Вотъ что. Ну, а высушить-то ногу отъ колѣна выпзъ еще проще: старымъ шелковымъ, либо саржевымъ платкомъ перетянуть ногу надъ колѣномъ, да и помачиваютъ, самъ чай знаешь...

— Такъ-то оно такъ! возразилъ первый бродяга. Да я другое знаю; да ужъ такое средство, что всякій лекаръ повѣритъ, потому что будетъ и жаръ и все, какъ быть болѣзни. На мѣсто щетины-то, какъ ты говорилъ, надобно взять нитку изъ дерева, вотъ-что называютъ волчьимъ лыкомъ; какъ продѣнешь ее, да кончикъ чуть-чуть и оставишь, чтобы было за что послѣ вытянуть, потому что лыко-то даетъ красноту и жаръ, стало быть долго оставлять-то его въ тѣлѣ не приводится.

— Такъ-то дѣльнѣе! замѣтили слушатели. Ну, а какъ же ты дѣлаешь глухихъ, грыжныхъ, слѣпыхъ? Растолкуй братъ, а мы тебѣ за это по пятачку съ рыла соберемъ; согласны, ребята?

— Согласны! отозвались со всѣхъ сторонъ. И пошли сборы, взаимныя заниманія и съ залогами вещей, и съ поручительствами. Наконецъ, собрали цѣлковый.

Старый бродяга началъ.

— Ладно, что знаю — всѣмъ подѣлюсь, ребята. Только слушать, не зѣвать, два раза одного слова не выпущу! Вотъ, если кому изъ васъ, братики, придется послѣ согрѣшить что, да свидѣтели будутъ, которыхъ потомъ и узнавать придется и на очныя ставки становиться — вы, братики, притворитесь тогда съ перваго раза слѣпыми, да и шабашъ! Надобно достать только вытяжки сонной одури отъ ссыльныхъ, а ихъ вѣдь какъ нерѣзанныхъ собакъ въ здѣшней сторонкѣ. Мудренаго нѣтъ! Вотъ ты ее знай подпускай въ глазъ, зрачки-то разширяются, а ты выставь глаза немного кверху, да и ходи такъ, — не вижу молъ ровнешенько ничего! А когда будете, ребята, гулять по частому лѣсу, понабирайте въ дуплахъ, что червякъ проточилъ, такой порошокъ: его если вдуть въ глаза, то дѣлаются бѣльмо, а опосля того и проходятъ. Коли хошь глухимъ прикинуться, надобно класть въ ухо кашницу изъ травянаго сока, изъ меда, да изъ кусочка гнилаго сыра; а эта вещь понемногу вытекаетъ изъ уха, и цвѣтомъ и вонью, какъ есть въ болѣзни. А вѣдь глухимъ прикинуться знатная штука, особливо если въ то же время знаешь, какъ дурака изъ себя представить: ничего на допросахъ не добьются. Грыжу тоже видалъ я какъ дѣлывали: глотаешь знаешь серебро, да въ то время и натуживается, и прыгаетъ, а послѣ выйдетъ — ничего! А вотъ слыхалъ еще, будто славная грыжа дѣ-

лается, если выпить столовую ложку толченого стручкового перца, смѣшавши съ сахаромъ. Съ грыжей ни наказать, ни въ роты послать нельзя; а не нужна она стала, такъ, говорятъ, нужно пить по утрамъ натошакъ по столовой ложкѣ сока пзъ рѣпчатого лука, и пройдетъ. Ну, вотъ вамъ и все, братики! заключилъ разскащикъ.

— Спасибо, спасибо! заговорили со всѣхъ сторонъ признательные ученики своему наставнику.

Х.

Войдемъ отсюда въ палату пересыльныхъ. Кого только нѣтъ въ ней! Тутъ и крестьяне, пересылаемые на пріпски, и выгнанные съ пріпсковъ калѣки, и всевозможные плуты поселенцы, бывавшіе когда-то въ военной службѣ, въ каторгѣ, прошедшіе сквозь огонь и воду, и только что выдержавшіе наказаніе, и помѣшанные, подлежащіе къ пересылкѣ въ губернской городъ.

Вотъ въ сторонѣ плачетъ мужикъ съ добрымъ, симпатичнымъ лицомъ. Это крестьянинъ Тобольской губерніи. Его схватили за какой-то пяти рублевый долгъ золотопромышленной компаніи, въ то весеннее время, когда онъ готовился съ семьей засѣвать хлѣбъ. Сколько времени пропало въ прослѣдованіи партіи, черезъ три тысячи верстъ, и вотъ уже близъ мѣсяца сидитъ онъ въ пересыльной комнатѣ острога въ томительномъ ожиданіи—когда-то пріпсковая полиція вышлетъ казачковъ, которые должны препроводить ихъ на пріпски, по таежнымъ дорогамъ. Ничего бы еще, что, состоя должнымъ 5 руб., крестьянинъ нанялъ для работъ своихъ поселенца за 20 руб., ничего что и тащился онъ въ партіи столько тысячъ верстъ; но бѣдняку тяжело больше отъ того, что заперли его въ эту душную конуру, въ это скопище гадостей и злодѣяній, что томится онъ безъ всякаго дѣла цѣлый мѣсяцъ, тогда какъ давно отработалъ бы долгъ и подоспѣлъ еще домой ко времени страды и уборки хлѣба. И плачетъ бѣднякъ крестьянинъ, не обращая вниманія на сыплющуюся на него насмѣшки, такъ онъ сосредоточенъ и мыслью и сердцемъ на своемъ горѣ, на себѣ, на семь своей, на своемъ домѣ и работахъ.

— Что ты такъ расхныуился! говорятъ ему арестантъ лѣтъ 45, у котораго кисть руки разбита молотомъ на каторгѣ, чтобъ избавиться отъ работъ. Лицо у него продолговатое, глаза желтосѣрые на выкатѣ, а на щекахъ и лбу виднѣется нѣсколько синеватыхъ точекъ отъ неудачно вытравленныхъ клеймъ. — Эй, малый! хочешь, отколдую тебя отъ тоски?

Крестьянинъ не отвѣчалъ. Но такой любопытный вызовъ завязалъ разговоръ. Со всѣхъ сторонъ слышались и просьбы подѣлиться знаніями, и подстрекающія насмѣшки надъ его похвалой. Если просьбы бывалый и оставилъ бы безъ вниманія, за то насмѣшки дѣйствуютъ непремѣнно.

— Что вы толкуете—не умѣю! отозвался онъ. Да и не только эти пустяки, я все знаю: и отсушить, и присушить—все наше бывалое дѣло! Э-э-эхъ, братцы! Какъ въ прежніе-то молодые годы не сидѣлось мнѣ на каторгѣ, да бѣгивалъ я не разъ и проводилъ годы въ странствіяхъ (*): проводилъ, бывало, либо ночь, либо день, либо недѣлку, мѣсяцъ, либо и зимушку всю на крестьянскихъ заимкахъ (**). Тутъ не только колдовать, а и блинны стряпать приходилось. А до блинниковъ-то этихъ (т. е. фальшивыхъ бумажекъ), есть-таки въ Сибири охотники. А бабѣ сибирское—и дѣвки, и женщины—куда какія охотницы до колдовства. И кормятъ и грѣютъ, бывало, только кого приворожи, присуши, кого испорти, кого полечи, кого отговори и отсуши. А у насъ, вѣстимо, ни въ чемъ отказу нѣтъ: изволь, голубушка, корми только, да денегъ давай,—а ей для вѣрности, для убѣжденія, выставишь на показъ и пузырьчики разные, и приворотную косточку. Ахъ, ребята, что это за косточка—чудо! Называется она „женідухомъ“. Ну, не шутка вѣдь, у кого есть такая косточка! Нужно поймать лягушку большую, посадить въ новый горшокъ и какъ можно крѣпче закупорить его, послѣ того надо сдѣлать на днѣ горшка небольшую дырочку, и въ самую полночь, когда живетъ и играетъ вся нечистая сила, закопать этотъ горшокъ въ муравейникъ. А какъ черезъ три дня вынешь этотъ самый горшокъ изъ муравейника, то въ немъ отъ лягушки-то и останутся только двѣ косточки: одна тутъ есть похожа на грабли, а другая будто точно вилы. А лягушекъ надобно стараться ловить въ то время, какъ они смыкаются, чтобы получить по парѣ: одна пара значитъ мужская, а другая женская. Одну пару, вѣстимо, бережешь про мужчинъ, а другую про бабъ. Самую же присушку и отсушку дѣлаешь вотъ такъ: чтобы присушить, даешь грабельки и велишь задѣть ими того, кого нужно; а если надоѣлъ, надо бросить, ну даешь вилы, чтобы оттолкнуться. Въ этомъ вся и шутка. А что — хороша?

— Когда не хороша! отозвалась большая часть артели, слушавшая внимательно рассказчика.

— Да и это ребята, сказка не сказка, а сказка еще вперед! за-

---

(*) Такъ называютъ арестанты „бродяжество.“

(**) То есть загородныхъ домишекъ, какіе бывають у крестьянъ при пашняхъ.

явилъ расхваставшійся бывалый. Это ли еще дѣлывали! Придетъ, бывало, смачная баба съ парнемъ молодымъ, молодцомъ любовничкомъ: полюбились, дескать, батюшка, а мужъ и злой, и ревнивый такой, какъ смола горячая не отстаетъ; душу его губить не могу я, пусть себѣ живетъ, а вотъ какъ бы ослѣпить, чтобъ не видѣлъ ничего; не можете ли, батюшка, гульной человѣкъ? И повалятся оба, бывало, въ ноги. Ну, знамо, скажешь какъ не знаю; заломилъ цѣну, сторгуешься, да и велишь принести съ мужниной головы, изъ самаго темечка, волосокъ. Какъ придетъ баба съ волоскомъ; при ней же поймаетъ лягушку, вдѣнешъ волосокъ въ иголку, да и пропустишь пглу-то съ волоскомъ лягушкѣ сквозь глаза, да такъ ипустишь ее въ воду; вотъ съ той же самой минуты долженъ и мужъ то у бабы слѣпнуть.

— Ахъ, ты, диковина какая! отзывались съ разныхъ сторонъ, покачивая головами.

— Не перебивайте рѣчи, зкіе необразованные! восклицаетъ повелительно бывалый. Слушайте, пока говорятъ! Меня и пуля, бывало, не брала ребята: вотъ что! Нужно только для того кусочикъ артусу положить въ ружье и беречь при себѣ: и пока онъ съ тобой, никакая пуля не возьметъ!

— Ой-ой, страхъ какой! правда ли ужъ? Не хвастливо ли то мѣсто, гдѣ онъ спитъ? слышались отзывы изъ массы арестантовъ; а между тѣмъ въ душѣ у нихъ былъ и страхъ, и вѣра.

Да, можно повѣрить „бывалому“, что женщины прибѣгали къ нему въ своихъ житейскихъ требахъ, и что онъ помогалъ имъ. И удивительно ли, что такъ поступаютъ крестьянки, когда и въ мѣщанскомъ, и въ купеческомъ, и даже въ нашемъ цивилизованномъ на европейскій ладъ кругу, мы видимъ тоже самое: масса суевѣрій вездѣ давить и душить русскую женщину. А отчего это? Мы уже говорили, въ сочиненія о значеніи женщины, что Русь раздѣлена на два раскола, „старовѣрства“ и „западной иноземщины“. И послѣдній болѣе безжизненъ, чѣмъ первый, потому что петровскій переломъ, не смотря на всю его крутость, произвелъ только хаотическую полубразованность, и ратуя противъ формы, противъ бытовой внѣшности, не разрушилъ самыхъ началъ устарѣлой жизни и не замѣнилъ ихъ другими, новыми началами, болѣе прочными, болѣе разумными. По этому, то цивилизованное общество наше продолжаетъ расти на педагогической системѣ давно воспѣтаго Миллера Красовскаго: оно продолжаетъ жить и дѣйствовать болѣе по модамъ и временнымъ теоріямъ, чѣмъ по началамъ общечеловѣческимъ. И въ такой то средѣ, гдѣ нѣтъ ни строгаго чувства законности, ни прочнаго гражданскаго устройства, гдѣ и мужчины не

приучаютъ себя къ положительному труду, а пробавляются почасту дармоѣдствомъ, можетъ ли женщина стать выше и оторваться отъ всѣхъ наслѣдственныхъ суевѣрій? Вѣдь для того нужно и приобрѣтеніе положительныхъ знаній, и избраніе прочной гражданской дѣятельности; а можетъ ли это быть, пока мужчины не сойдутъ съ подмостокъ, не примутся за основательный трудъ, за прочныя научныя работы?! Но мы уклонились отъ разсказа.

— Ну, довольно, ребята! закончили „бывалый“. Спроси-ка лучше Иванова—какъ онъ съ Любашей-то своей разстанется? Что, братъ, болить поди сердце-то,—вѣдь и первое число скоро, уйдешь въ вѣчную разлуку,—и палата ужъ не та, нѣтъ дырки въ стѣнѣ, и поговорить съ Любашей нельзя, нельзя и ясный глазокъ ея увидѣть. Плохо, думаю, братецъ!

Чтобъ этотъ вопросъ былъ понятенъ, надобно сказать, что въ самомъ дѣлѣ арестанты, то съ помощью щелей и провертываемыхъ въ стѣнахъ дыръ, то во время сбора на богомолье или въ больницѣ сводятъ знакомства съ арестантками. Конечно, тутъ и караулъ пользуется посильными подарками. Что касается до арестантки, то она уже постоянно получаетъ отъ возлюбленнаго чай, сахаръ и проч. Эти связи, начинаясь такъ-себѣ, иногда скрѣпляются чувствомъ, и въ нихъ бывають даже случаи буйной ревности.

Съ помощью караульныхъ устраиваются не только любовныя интрижки, но получаютъ и карты, табакъ, и вино. Что касается до денегъ, то лишь бы добрый караулъ впустилъ новичка съ деньгами, либо самъ передалъ деньги старому арестанту отъ его знакомыхъ и родныхъ; а ужъ въ комнатѣ съумѣютъ припрятать такъ, что не только три раза обыскавай при перекличкахъ, а хоть десять, — и тогда ничего не найдутъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ смотритель, изъ чувства ли сожалѣнія, изъ необходимости ли купить женѣ башмаки и ребенку на рубашку (при маломъ жалованьи), служить посредникомъ въ передачѣ денегъ. Иному смотрителю удѣляютъ и изъ большаго куша карточной игры, даютъ и за дозволеніе написать просьбу, и за хлопоты по дѣльцу. Ну, а бѣда — какъ иной смотритель встрѣтится построже: онъ въ тягость и себѣ, и людямъ.

— А ты что сморщился, Епишка? обратился тотъ же „бывалый“ къ арестанту, только-что приведенному изъ подъ наказанія. Стоило ли ложиться изъ за оборваннаго полусубка! Стоило воровать такую дрянь? Дѣлать, такъ дѣлать, чтобы было за что растягивать! А мы тебѣ, дрянн этакой, приготовили и булочки, и чаю, и сахара. Смотри-ка, вонъ съ тобою же сегодня держалъ плети, а какимъ молодцомъ погу-

ливаешь, да знаю что и думаетъ онъ; у него на умѣ ужъ бродятъ планы, какъ кому отплатить, и какъ и гдѣ поживиться послѣ. Такъ вѣдь? заключилъ „бывалый“.

Не прошло минуты, какъ онъ обратился съ вопросомъ къ арестанту, который, во время всѣхъ разсказовъ и переговоровъ, работалъ себѣ что-то очень прилежно, усѣвшись въ дальній отъ двери уголъ за спинами товарищей: „ну, кончилъ ли, Максимовъ, дорогой человѣкъ“?

— Кончилъ, братцы! отозвался Максимовъ.

— Ай да молодецъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Оказывается, что во все это время Максимовъ занимался приготовленіемъ юлокъ и игральныхъ костей. Матеріаломъ для этого служатъ болѣе толстыя кости, попадающіяся въ вываренной говядинѣ. Распиливаніе кости на части производится съ помощью скрученной суровой нитки, постоянно смачиваемой въ растворѣ золы и березовыхъ углей. Когда этой ниткой начинаютъ пилить кость, то кто-нибудь понемногу подливаетъ щелокъ на нитку.

Кости готовы. За нихъ заплатится, какъ и за карты, съ кону. У дверей всталъ караульный, игра началась. Деньги прибываютъ въ ходъ. И пошли приговоры: что ян упадетъ косточка, то и приговоръ. Чаше слышались: „лебедь“ — ляжъ 9; „лебеди съ пудомъ“ значить 11; „чеква“ — 4; „пѣтушки“ — 5, и т. п.

Играютъ и „гульные“, и „мрачные“, и „несчастные“ люди. Играйте! въ этомъ мы не противъ васъ: мы понимаемъ, что значить мучительная тоска, когда человѣкъ оторванъ отъ самобытнаго труда. Кости здѣсь ваша отрада. Но придетъ ли время, когда вы не будете преждевременно зарывать въ землю кости людей, когда смягчатся ваши сердца, умъ просвѣтится познаніемъ и уваженіемъ къ ближнему, — когда выйдетъ наружу и заговоритъ совѣсть, спрятанная теперь въ глубокомъ тайникѣ души вашей.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Разсмотрѣвъ системы золотоносныхъ росыпей притока Енисея, Средней Тунгуски, мы возвратимся продолжать путь по Енисею въ громаднѣйшій и неизмѣренный еще край Туруханскій, гдѣ только и жизни что по берегу Енисея, а въ стороны бродятъ: южнѣе — уродливый и глуповатый Остякъ, сѣвернѣе — бойкій Тунгузъ, а по тундрамъ племена мрачной Самояди.

Изъ станка Подкаменной Тунгузки черезъ 34 версты станокъ *Сумарокова*. Стоитъ, по исключенію, на лѣвой (польской) сторонѣ, потому что въ этомъ мѣстѣ на каменной возвышенности прервалась и осталась мѣстность съ лѣсами, болотами и озерами, тогда какъ на лѣвой сторонѣ (гдѣ стоитъ Сумароково) берегъ возвысился и стоитъ островокъ съ весьма хорошимъ уловомъ рыбы. 4) Черезъ 30 верстъ—*Кѣмсо* тоже на лѣвой, потому что на правой въ этомъ мѣстѣ поднимается чрезмѣрно высокій хребетъ. Впрочемъ, проплывающія суда держатся той и другой стороны, смотря по вѣтру. 5) Черезъ 33 версты—*Цензелево*, или *Инырево*, или *Лебедь*—тоже на лѣвой, потому что продолжается та же каменно-песчаная гора; но суда тутъ держатся болѣе каменной стороны. 6) Черезъ 20 верстъ *Мирный*, или *Духоборы*; это уже на каменной сторонѣ; гора понизилась; живутъ богатые сектаторы духоборы. 7) Черезъ 10 верстъ „*Бахта*“ на каменной сторонѣ, при впаденіи большой рѣки Бахты справа. Эта рѣка очень большая, хотя и значительно менѣе Подкаменной Тунгузки. По ней нѣтъ никакихъ жилищъ; она извѣстна только Тунгузамъ. Съ помощью этихъ вожаковъ, въ 1857 году, посѣтилъ Бахту съ большой золотопріисковой партіей г. Митрополовъ. Онъ тамъ и зимовалъ, обстропившись домикомъ. Только поиски его были не совсѣмъ удачны, потому что посланный имъ въ Туруханскъ приказчикъ за парками, сотурами и проч. зимней одеждой, а также за покупкою оленей, съ которыми можно бы было предпринять путешествіе по тайгамъ, заблудился вмѣстѣ съ вожакомъ Тунгузомъ и, вмѣсто выхода на Малую Бахту, какъ притокъ Большой, идущую въ нее съ сѣверо-востока, попалъ на Енисей, которымъ нужно было идти до устья Бахты и снова по ней подниматься. Ничего особеннаго и г. Митрополовъ также не нашелъ.

8) Отъ Бахты до *Новоселовскаго* (или *Каменки*), на каменной 24 версты; въ немъ имѣется казенный хлѣбный магазинъ. 9) и 10) За тѣмъ *Чулково* (или *Сургутъ*) черезъ 20 верстъ и *Назарово* (или *Бородино*) черезъ 26 верстъ стоятъ на польской сторонѣ, потому что на каменной (правой) въ этомъ мѣстѣ низменность и болотистый логъ, тогда какъ на лѣвой возвышеніе. 11) Черезъ 9 верстъ Духоборы или Искупъ на каменной, за которой уже все, до самаго Туруханска, на этой правой сторонѣ. Черезъ 16 верстъ слѣдуетъ 12) село Верхне-Инбацкое; стоитъ при впаденіи тутъ въ Енисей небольшой рѣки Инбакъ; имѣетъ каменную церковь, пристань и складочный магазинъ; служитъ сугланнымъ мѣстомъ и жительствомъ смотрителя Верхнеинбацкаго участка. Тутъ же съ противной стороны (слѣва) впадаетъ въ Енисей довольно большая рѣка *Елоуй*. По изслѣдованіямъ гг. Давыдова и Берестова мы

узнаем слѣдующее объ этой рѣкѣ: 1) Елогуй впадает многими устьями; они всѣ мелководны; на 70 верстѣ разстоянія было мелководье и низкіе позатопленные берега съ тальникомъ и ельникомъ; за тѣмъ берега возвышены, съ густымъ сосновымъ лѣсомъ, но нѣтъ сѣнокосовъ, рыбы мало и мелкихъ породъ, изъ многихъ мелкихъ рѣчекъ, подходящихъ съ обѣихъ сторонъ, значительна одна Кокса, впадающая на 100 верстѣ отъ устья съ лѣвой стороны. 2) На 316 верстѣ, собственно Елогуй какъ будто оканчивается и тутъ сливаются между собою двѣ рѣки: *Кола* и *Безимьянка*. Первая изъ нихъ южнѣе, — подходитъ вершиною къ верховьямъ Сыма, имѣетъ до 200 верстѣ теченія, она тиха и извилиста, беретъ начало изъ тундры и имѣетъ по берегамъ своимъ мелкій лѣсъ и болота. 3) Безимьянка сѣвернѣе, но менѣе, выходитъ тоже изъ тундры. 4) Притокъ „Кокса“, хоть течетъ и съ сѣверозапада, но вершины его все-таки далеко отдѣлены отъ вершинъ Таза болотистою мѣстностью, такъ что и попасть съ Елогуя на Тазъ нельзя. 5) Верховья Елогуя не очень далеки отъ верховьевъ Ваха, притока Оби, чѣмъ воспользуются когда нбудь для сообщеній. Вотъ и все значеніе Елогуя, къ заселенію почти не годнаго.

13) 14) и 15) Черезъ 20 верстѣ станокъ Алипскій, черезъ 24 — Кангатовскій, черезъ 30 — Пескинскій или Зыряновскій. 16) 17) и 18) Потомъ черезъ 24 версты, пропустивъ на половинѣ станка „Духоборы“, встрѣчаемъ Нижнеинбацкъ, при рѣкѣ „второй Инбакъ“. За тѣмъ черезъ 20 верстѣ Фатьяновское, — черезъ 20 же верстѣ Ямское или Верещагинское. Оно стоитъ, какъ и всѣ, до Туруханска, зимовья, на каменной же, но противу него неподалеку впадаетъ съ лѣвой (западной) стороны рѣка Пакулиха, которая была не обследована Давыдовымъ и Берестовымъ въ 1819 году и оказалась имѣющею значеніе со многихъ сторонъ. Во-1-хъ, берега ея на всемъ протяженіи, почти 400 верстѣ, то низменные съ пзряднымъ сѣнокосами, то высокіе съ большимъ строевымъ сосновымъ и кедровымъ лѣсомъ и обиліемъ звѣрей; а на 200 верстѣ снизу оказались шивера и за ними такая быстрота, что употребленъ въ дѣло бичевникъ. Во-2-хъ, гдѣ беретъ свое начала рѣка Пакулиха, изъ озера Ненюльто, мѣста вокругъ хорошія, возвышенныя и лѣсистыя и такъ какъ около этихъ мѣстъ живутъ Остяки, которые должны Богъ вѣсть куда таскаться къ магазинамъ, то не мѣшало бы по этой рѣкѣ сдѣлать поселеніи и, около озера *Ненюльто*, основать хлѣбный запасный магазинъ. Въ-3-хъ, это мѣсто важно и тѣмъ, что, переправясь чрезъ озеро Ненюльто (обильное бѣлою рыбою и по мѣстамъ съ каменистыми берегами), гг. Давыдовъ и Берестовъ перетаскили лодку волокомъ 2 версты и очутились въ другомъ озерѣ *Некультонъ*, отъ котораго, подъ

63° широты и 103 долготы, беретъ начало рѣка Тазъ. Жаль, что на это не обращено до сихъ поръ вниманіе правительства, а какой это важный путь сообщенія со всѣмъ стоящимъ особнякомъ западнымъ угломъ края Туруханскаго, съ которымъ и сообщеніе теперь только зимою черезъ тундры. Въ-4-хъ, этимъ путемъ воспользовался, уже въ 1858 году, довѣренный купца Вѣтошева для розысканія золота и хотя за большой водой въ грунтѣ и за недостаткомъ откачивающихъ и другихъ орудій положительныхъ опредѣленій содержанія золота не сдѣлано, но золото все-таки есть. По всему теченію Пакулихи еловый, березовый, пихтовый, сосновый и лиственничный лѣса весьма рослы. Въ-5-хъ, по теченію Пакулихи, какъ мѣстности болѣе западной, а слѣдовательно и болѣе теплой, можетъ быть — по моему мнѣнію — и болѣе произрастеній и средствъ къ существованію; потому что считали до сихъ поръ край Туруханскій неспособнымъ ни къ какой произрастительности — совершенно несправедливо, что доказали въ 1859 году скопцы, у которыхъ росли въ станкѣ Нижнепобаткомъ не только капуста, картофель, рѣпа и рѣдька, но даже огурцы и ямень. Слѣдовательно, видно дѣло только мастера боятся.

За тѣмъ, такъ какъ до Троицкаго монастыря, по теченію Енисея съ его системою, вообще ничего особеннаго не представляется на протяженіи 190 верстъ, то я и скажу только, что тутъ стоитъ 10 зимовьевъ и всѣ на каменной сторонѣ; о мѣстахъ же большаго или меньшаго улова рыбы будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Потому переходу прямо къ впаденію въ Енисей значительной и огромной рѣки „Нижней Тунгуски“, называемой иначе „Монастырскою“.

Для видимости прилагаю таблицу Верхнепобаткаго участка.

	При какомъ урочищѣ.	Расстояніе отъ Енисейска.	Отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Жителей.	
					Мужч.	Женщ.
Въ Верхнепобаткомъ участкѣ.						
Станки:						
Осиновскій	Выше описано положеніе.	427	657	8	33	24
Подкаменно-тунгусскій		467	617	14	37	36
Сумароковскій		500	551	5	21	26
Инзиревскій		566	518	6	23	23
Мирный		586	498	4	20	17
Бахтинскій		606	478	5	25	27
Новоселовскій		632	452	6	15	17

	При какомъ урочищѣ.	Разстояніе отъ Енисейска.	Отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Жителей.	
					Мужч.	Женщ.
Чулковский	Выше описано положеніе.	652	432	6	24	23
Бородинскій		682	402	4	20	10
Искупной		691	393	22	67	59
Село Верхнеинбирское		707	377	12	36	25
Алинскій		730	354	4	17	18
Кангатовскій		754	330	6	26	16
Пескинский		784	300	5	18	9
Гилевскій		796	289	2	3	3
Нижнеинбатскій		807	275	4	14	19
Ямской		849	235	5	24	14
Фатьяновскій		829	255	4	14	19
Баклановскій		872	212	4	13	11
Новочерноостровскій		892	192	3	12	6
Песковский		909	175	3	16	8
Пупевскій		929	155	6	14	12
Бапшинскій		949	135	4	18	12
Новозалѣснскій		972	112	5	25	13
Костинскій		989	95	8	36	16
Мельничный		1,007	77	9	30	19
Мироѣдинскій		1,029	55	5	24	31
Село Монастырское		1,054	30	12	36	26
<i>Жители и число ихъ :</i>						
Всѣхъ вообще, т. е. русскихъ и инородцевъ	Выше описано положеніе.	—	—	—	1,251	1,021
Въ этомъ числѣ состоятъ :						
Бѣлаго духовенства		—	—	—	4	8
Монашествующаго		—	—	—	4	—
Казаковъ		—	—	—	8	15
Крестьянъ		—	—	—	468	342
Поселенцевъ		—	—	—	218	205
Инородческихъ родовъ: Нижне-чумскаго тунгускаго съ соединеніемъ къ оному 1-го лѣтняго		—	—	—	36	33
Нижнеинбатскаго остякаго		—	—	—	157	146
Подкаменно-тунгускаго остякаго (съ Тунгузами р. Елагуя)		—	—	—	51	26
Верхнеинбатскаго остякаго		—	—	—	305	246

Нижняя Тулузка беретъ начало свое далеко въ Якутской области, съ тѣхъ плоскихъ возвышенностей, которыя прилегаютъ къ лѣвому берегу рѣки Лены. Глубже и судоходнѣе дѣлается она по впаденіи въ нее довольно большой рѣки Непы. Теченіе ея такъ велико, что верстъ на 1,200 почти, ежегодно, поднималпсь на лодкахъ, съ хлѣбомъ, изъ Туруханска, казаки; слѣдовательно, такъ велико теченіе ея еще въ границахъ округа Енисейскаго, а сколько еще остается до верховьевъ?!

Такъ какъ по ней есть нѣсколько урочищъ, наиболѣе посѣщаемыхъ бродячими Тунгузами, то казаки отправлялись ежегодно, въ августѣ мѣсяцѣ, изъ Монастырскаго станка вверхъ по теченію, на трехналубныхъ лодкахъ. Замерзающая рано Тунгузка не позволяла имъ возвращаться въ тотъ же годъ водою; они зимовали гдѣ случалось и возвращались, по проходѣ льда, уже не ранѣе іюня; впрочемъ, это кажущееся мученіе казаковъ весьма для нихъ и лестно, и выгодно; они не только богатѣли сами, приобрѣтая за ничто дорогую пучнину, но имѣли чѣмъ и поддерживать значеніе свое у властей, такъ что и до сихъ поръ всѣ должности смотрителей при хлѣбныхъ магазинахъ въ рукахъ не бѣдныхъ чиновниковъ, а зажиточныхъ казаковъ. *Въ 1849 году* отъ компаніи Горохова была, по лѣвому берегу Тунгузки, верстахъ въ 90 отъ устья, золотопоисковая партія; единственнымъ плодомъ этой партіи осталось мѣсто верстъ на 100 выжженного отличнѣйшаго лѣса; трудно вѣрить результатамъ этой партіи, потому что приказчикъ, какъ всѣ туземцы единогласно утверждаютъ, извлекалъ свои выгоды, занимаясь не поискомъ золота, а скупомъ пучнины у инородцевъ. Около этого мѣста впадаетъ слѣва въ Нижнюю Тунгузку небольшая рѣка „Сухая Тунгузка“. Лѣтъ семь тому назадъ, предпринималъ поиски золота по Тунгузкѣ купецъ Вѣтошевъ; но, по неопытности, перетерпѣлъ много несчастій и вынесъ мало результатовъ. Въ сообщенныхъ имъ мнѣ свѣдѣніяхъ я нашелъ слѣдующее: во-1-хъ, Нижняя Тунгузка чрезвычайно быстра, течетъ, какъ горная рѣка, между скалистыхъ береговъ; большихъ рѣкъ въ нее не впадаетъ, а все горные же, ключики и рѣчки, отъ чего происходятъ необыкновенное въ большихъ рѣкахъ явленіе чуть ли не ежедневной убыли и прибыли воды, что обусловливается съ весны таяніемъ снѣговъ въ горахъ, а потомъ появленіемъ и остановкой дождей. Во-2-хъ, она очевидно проложила русло свое, разрушивъ мѣстами и каменистыя горы; все русло ея испещрено часто встрѣчающимися „корчагами“ ⁽¹⁾, т. е. глубокими ямами, съ камнями на днѣ, между которыми есть, вѣроятно, еще провалы, потому что какое нибудь свѣжее дерево, напримѣръ большая зеленая сосна, подплывъ къ корчагѣ, вдругъ удерживается въ нее, исчезаетъ на долго (отъ 10 и 15 минутъ до $\frac{1}{2}$ часа) и выныриваетъ уже, скоро и сильно выбрасываясь, голою, ободранною, истертою. Главная, самая страшная и опасная корчага при впаденіи Нижней Тунгузки въ Енисей: были несчастные случаи удерживанія цѣлой лодки съ сѣдоками. Въ-3-хъ, отплывши верстъ уже 300 вверхъ встрѣчается первый и главный порогъ; тутъ

(1) Туземное названіе пучинъ.

надобно пройти самой серединой; опасность такъ велика, что лодка пудъ въ 500 провожается 40 казаками. Затѣмъ есть еще 2 порога, но тѣ уже безопасны. Въ-4-хъ, самая же главная опасность ни въ порогахъ, ни въ корчагахъ; мѣста пороговъ извѣстны, вертящуюся пучину корчаги можно видѣть: но бѣда въ томъ, что берега имѣютъ много скалъ, сильно выдающихся въ русло рѣки, а вода въ рѣкѣ прибываетъ своенравно и неожиданно, такъ что въ ночь, по наблюденіямъ г. Вѣтошева, поднималась отъ $1\frac{1}{2}$ до 3-хъ аршинъ. Бывало, говоритъ онъ, встанешь къ ночи спокойно якоремъ въ тихое, вдавшееся въ берегъ мѣсто, за мысокъ; вдругъ съ вечера дождь и къ утру уже хлещетъ вода по направленію къ лодкѣ, крутится и рветъ ее съ якоря, это, видите ли, вода прибыла на столько, что скала, бывшая надъ водою аршина $1\frac{1}{2}$ или 2 и слѣдовательно безопасная, оказывается теперь въ водѣ и называется страшнымъ для пловцовъ именемъ „быка“, т. е. выдавшейся въ воду скалы, въ которую бьетъ съ силою вода и, отскакивая, крутится и рветъ лодку съ якоря. Бывало, говоритъ, и такъ, что лодка, сорванная этой силою воды съ якоря (съ канатовъ, толщиною въ руку полнаго человѣка), удерживалась далѣе внизъ за этимъ быкомъ отъ какой нибудь не толстой веревки, привязанной за что нибудь на берегу. А быстра Нижняя Тунгузка такъ, что казаки, обратно возвращаясь, проплывали 1,200 верстъ дней въ 6 или 5. Въ-5-хъ, горы болѣе известковы, при томъ такъ, что снаружи топоръ не беретъ, а внутри известнякъ рыхлый, также есть сланецъ и кварцъ; при шурфовкахъ попадались куски кварца съ прожилками золота. Въ-6-хъ, верстъ 200 отступя отъ устья, Вѣтошевъ встрѣчалъ на лѣв. берегу, верстахъ въ 12 отъ берега, на рѣкѣ Безълимянной, много и въ большихъ кускахъ валявагося графита. Что эти слова г. Вѣтошева справедливы—доказалось лѣтомъ 1859 года, потому что посланная г. Бернардаки партія открыла два огромныхъ мѣстонахожденія, въ горахъ, графита; только образцы, видѣнные много въ Енисейскѣ, были нелучшаго сорта, потому что одинъ графитъ слишкомъ твердъ и грубъ, а другой весьма мягокъ и марокъ до того, что пометка не стирается. Главное мѣсто въ 400 верстахъ отъ устья и залегаетъ графитъ на довольно пологомъ откосѣ берега, отступя 7 сажень отъ воды и распространяясь вдоль берега на 150 сажень; ширина пласта сажень до 40. Но вѣроятно есть и лучшіе сорта. Дай Богъ, чтобы розыски по краю Тунгусанскому увѣнчивались успѣхами: по крайней мѣрѣ поддержится и разовьется край, тогда заходятъ, можетъ быть, по Енисею и пароходы. Въ-7-хъ, по Нижней Тунгузкѣ хотя пихтовникъ и малъ, но соснякъ большой, строевой. Тунгузка эта важна еще въ томъ отношеніи, что,

въ случаѣ надобности, можетъ быть скоро доставленъ хлѣбъ на лодкахъ изъ Якутской области. И жаль, что этимъ не пользуются до сихъ поръ. Прибавлено еще къ описанію Н. Тунгузки слѣдующее: во-1-хъ, по ней въ пзобилинѣ находится слюда; во-2-хъ, есть асбестъ; въ-3-хъ, близъ притока ея, р. „Сѣверной“, впадающей справа, есть соляные ключи, давно извѣстные инородцамъ, а открытые опредѣленно засѣдателемъ Третьяковымъ, который получалъ въ каждую минуту до 12 ведеръ воды, а изъ каждаго ведра до 4-хъ лотовъ поваренной соли. Такъ какъ ключи эти могутъ быть благодѣтельны не только для Туруханскаго края, но и для всего Енисейскаго округа, то я и отнесся къ г. засѣдателю о высылкѣ этой воды и соли комѣ для химическихъ испытаній. Соль получена отъ окружнаго начальника превосходно бѣлая, чистая, вкусная. Вотъ результаты разложеній: въ одной драхмѣ соли около 47 гранъ поваренной и 14 гранъ глауберовой; *acet. plumbi*, *aq. calcis*, *barit. muriat.* давали бѣлый осадокъ (т. е. *plumb. sulph.*, *calx sulph.*, *barit. sulph.*), слѣдовательно оказали присутствіе сѣрюкислой соли, которой кристаллы дали сѣрюкислый натрій (соль глауберову); присутствіе же солянокислой соли (т. е. поваренной) оказалось, кромѣ кристаллизаціи, съ помощью *argenti nitrici*, который далъ бѣлый осадокъ, свободно растворившійся *in ammonio liquido*. Черезъ 10, непоименованныхъ станковъ, и 11-й Монастырскій (гдѣ поразительно высятся Троицкій монастырь, господствуя надъ всеми окрестностями, на крутомъ утесѣ), надобно переплыть рѣку на лѣвую сторону, чтобъ черезъ 30 верстъ прибыть въ городъ Туруханскъ. Стоитъ онъ на острову въ устьѣ рѣки *Турухана*. Это быстрая рѣка, текущая по тундрамъ, гдѣ только зыби да болота, къ поселеніямъ неспособна; почему хотъ она и беретъ начало съ запада притоками своими: Блудной, Волочанской и Большой Болхой съ Покатской, и не очень далеко отъ притоковъ правой стороны рѣки Таза, особенно Парабокъ и Кудосецъ, но сообщенія этимъ путемъ невозможны. По Турухану есть слѣды желѣзной руды. Начало этой рѣки далеко на сѣверѣ, подъ одними градусами съ началомъ Тазовской губы, изъ озера Турухана; впадающія рѣчки частію исчислены, частію видны на картѣ. Мѣсто устья Турухана, гдѣ и островъ съ городомъ, находится подъ $65^{\circ}55'$ сѣверной широты и $105^{\circ}18'$ восточной долготы. Островъ, на которомъ стоитъ онъ, гундристый, покрытый тальникомъ, лозникомъ, тощими березками и соснами. Покоря мѣстность за мѣстностью казаки основывали остроги и въ 1609 году понадобилось основать Туруханскъ племню на этомъ острову въ такой мѣстности, которая была бы на первый разъ, пока силы слабы, скрыта отъ непріятелей. Къ несчастію, по минованіи и этой надобности и

этихъ выгодъ, острогъ переименовали въ городъ въ 1672 году и оставили на этомъ мѣстѣ, самомъ скучномъ, глухомъ и нездоровомъ. Весна въ немъ открывается не ранѣе конца мая, а съ іюня начинается пробиваться травка и распускаются тальники. Лѣтомъ страшные жары не уничтожаютъ грязей, а только вся эта тундра прѣетъ и воздухъ наполняется вредными испареніями, развивающими цынгу. Въ іюлѣ то термометръ поднимается до 30°, то выпадаетъ снѣгъ; грозы и дожди непрерывны. Днемъ миллионы мошекъ, а ночью комаровъ не даютъ покою. Въ жары пересыхаютъ протоки, окружающіе городъ, и за водой надобно ѣздить версты за 4. Зимой, въ началѣ ноября, Туруханскъ покрытъ уже такими сугробами снѣга, что нельзя переходить изъ дома въ домъ иначе, какъ по вѣхамъ, да и между ними почти ежедневно разгребаютъ снѣгъ. И съ такою-то вреднѣйшею мѣстности не перенесутъ городъ хоть въ станокъ Монастырскій: удивительно! Вѣдь, кромѣ вреда здоровью всѣхъ, затрудненія отъ недостатка лѣтомъ воды туземцамъ и отъ невозможности пристать къ городу торговымъ суднамъ для явки властямъ, ничего другаго мѣстность эта не представляетъ; а между тѣмъ никто и не думаетъ убрать его, видно такъ при дѣдушкѣ бывало — нельзя иначе?! Изъ водъ, среди самаго Туруханска, оказалось цѣлебнымъ одно озерко: его цѣлительностію пользовался еще въ 20-хъ годахъ докторъ Яроцкій; потомъ оно было забыто; въ бытность въ Туруханскѣ я обратилъ на озеро вниманіе мѣстнаго медика и получилъ результаты его наблюденій. Называется озерко это „Подбаннымъ“ и „Вшивымъ“. Лежитъ оно на полуденной сторонѣ у подошвы обрыва пониже гостиннаго двора, величиною не болѣе 3-хъ сажень, глубиною аршина 4, съ водою чистой, прозрачной, при небольшой желтизнѣ, мягкой, безвкусной, пріятной для питья, со вкусомъ обволакивающимъ, негнѣющей ни въ какое время и не принимающей никакого запаха. Озеро это не имѣетъ никакой рыбы, а содержитъ много мелкихъ насѣкомыхъ, состоящихъ на взглядъ изъ пузыря и за тѣмъ повертывающейся на шейкѣ головки, снующихъ безпрестанно въ водѣ, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, не выходящихъ ни на поверхность воды, ни на берегъ, живущихъ одинаково и въ трескучіе морозы и въ жестокіе жары и ни мало не исчезающихъ отъ залитія озера при разливѣ рѣкъ. Лекаръ г. Яроцкій, анализируя воду по способу Лавуазье, нашелъ по ея выпаркѣ остатокъ изъ клейковатаго вещества, берущаго (по его мнѣнію) начало отъ этихъ насѣкомыхъ, которыхъ пузырь наполненъ именно клейковатою жидкостію. Въ 1827 году г. лекаръ Яроцкій писалъ о многихъ случаяхъ пользы отъ этой воды на скотѣ

и людяхъ, именно: во-1-хъ, когда домашній скотъ, пившій эту воду, былъ отгоняемъ на рѣчную и ключевую, начиналъ худо ѣсть, терялъ веселость, получалъ чесотку и мокнушія язвы на ногахъ, особенно около копытъ, что все исчезало, когда возвратили скотъ къ Подбанному озеру; во-2-хъ, жители, страдавшіе разными сыпьями, употребляли воду и внутрь и снаружи, и излечивались; въ-3-хъ, излечивались разные страданія, имѣвшія основу въ скрытіи испарины, потому что употребленіе этой воды возвращало испарину; въ-4-хъ, разные желудочныя страданія: сженіе подъ ложечкой, безъаппетитность, невареніе желудка и проч. излечивались при легкомъ поносѣ. Вообще обнаруженіе дѣйствія этой воды состоитъ въ испаринѣ, легкомъ поносѣ и сыпи на кожу въ родѣ корьной. Замѣчательный случай рассказываетъ г. Яроцкій изъ своей практики: одна молодая полнокровная женщина жаловалась на несносную боль подъ ложечкой, общій жаръ, одышку, головокруженіе, рвоту и бессонницу. Врачъ относилъ это или къ засоренію желудка или къ глистамъ; употреблять никакого лекарства внутрь было нельзя по причинѣ рвоты до спазмъ и эпилепсін; такъ прошло 5 дней; на 6-й день г. Яроцкій сталъ поить ее водой изъ этого озера, припадки начали облегчаться и ночью былъ сонъ. На другой день выпито 12 стакановъ, было шесть послабленій и рвота унялась, черезъ день все тѣло осыпалось мелкою красноватою сыпью и походило на розовый бархатъ; черезъ недѣлю исчезла и сыпь, а больная уже ранѣе чувствовала себя здоровою. Изъ всего этого г. Яроцкій заключаетъ, что не однѣ минеральныя воды спасительны, но есть воды, дѣлающіяся спасительными и отъ живущаго въ нихъ царства животнаго. Въ бытность его тамъ, увозили воду въ Енисейскъ и одинъ старикъ, пользовавшійся ею въ молодости отъ чахотки, для поддержанія здоровья, пилъ ее по стакану ежедневно. Мѣстный медикъ въ 1858 г. сообщилъ мнѣ, что дѣйствительно вода этого озера цѣлебна и нѣкоторые случаи даже особенно замѣчательны; такъ напримѣръ: дѣвочка лѣтъ 4-хъ была по всему тѣлу, включая и голову, покрыта лишайно-золотушными струпьями и болѣе года длившееся противозолотушное леченіе не помогло, тогда какъ, при остановкѣ другихъ средствъ и употребленіи внутрь и снаружи этой воды, все сошло и только краснота свидѣтельствовала о бывшемъ страданіи; или вотъ другой случай: женщина 33 лѣтъ, рослая, полнокровная, страдавшая ранѣе сифилисомъ и недавно имѣвшая старыя бѣлы, остановленные знахарками, пришла къ врачу съ мелкою красною сыпью, покрывавшею все тѣло, кромѣ головы; зудъ, при этой сыпи, былъ такъ великъ, что больная лишилась сна, легкій перебѣгающій общій жаръ, запоръ на низъ и безъаппетитность сопутствовали бо-

лѣзни; чрезъ 1½ недѣли методическаго леченія водою по способу, изложенному у Яроцкаго, всѣ вычисленные припадки прошли.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О шаманствѣ вообще. Шаманъ — какъ кудесникъ, жрецъ, врачъ. Взглядъ на шаманство со стороны медицинской.

Вообще по всей полосѣ, соотвѣтствующей городу Туруханску, теченію Нижней Тунгузки и главному мѣсту обитанія Тунгузовъ, растетъ лѣсъ изъ сосенъ, кедровъ, пихтъ, елей, березъ, рябинъ, ольхи, черемухъ и тальниковъ. Преобладаютъ въ этихъ лѣсахъ сосна, ель и лиственъ. Это такъ называемый хвойный лѣсъ, зеленѣющій круглый годъ. Стволы тонкіе, сухіе и высокіе. Сухіе, узкіе, иглистые листья (хвои) унижаютъ вѣтви и только у листвени опадаютъ на зиму. При непроизводительной почвѣ, продолжительной зимѣ, краткомъ лѣтѣ, при дняхъ, смѣняемыхъ холодными ночами, хвойныя деревья стоятъ себѣ одиночными особняками: здѣсь нѣтъ тѣхъ вьюновъ-тунейдцевъ, не проникаемыхъ древовидныхъ тростниковъ, которые, вырастая въблизи тропиковъ межъ толстыхъ деревьевъ и извиваясь между ними, образуютъ непронцаемую чащу; здѣсь развѣ только березки своевольно покажутся среди однообразнаго чернолѣся и изъ продуктовъ его же разложенія. Оттого дикій Тунгузъ свободно гонится за звѣремъ, пробираясь межъ деревьевъ. Мало того: Тунгузъ съ жадностію вдыхаетъ освѣжающій цѣлебный бальзамическій ароматъ чернолѣся. Это не тѣ ядовитыя растенія юга, подъ тѣнью которыхъ усталый путникъ, пріютившись на отдыхъ, можетъ уснуть навсегда. И вѣтеръ болѣе или менѣе свободно гуляетъ среди нашего чернолѣся и сушитъ влагу, задержавшуюся въ нападавшей хвоѣ; тогда какъ всегда влажная съ гниющими породами почва тропическихъ лѣсовъ заражаетъ воздухъ вредными испареніями. Наблюдайте постепенно и вы увидите, что лѣсъ этой полосы, съ каждымъ шагомъ къ сѣверу, растетъ все медленнѣе, и медленнѣе: зной короткаго лѣта вызываетъ только новыя побѣги изъ ствола, будучи не въ силахъ образовать новый слой древесны; лѣса этой полосы живутъ по долгу и только лѣтъ въ 200 получить дерево пол-

аршина въ поперечникѣ. Поднимитесь еще глубже къ сѣверу и вы видите, что у пняго дерева не хватило силы развитія и засохла уже вершина; а другое, какъ бы изъ самохраненія повело развитіе свое не вверхъ, въ холодъ воздуха, а въ стороны и раскинуло отъ себя, горизонтально по землѣ, отростки, такіе же большіе, какъ самый стволъ; въ третьемъ мѣстѣ вы видите, что дерево отъ дерева крайне далеко растетъ, чтобы былъ больше кругъ почвы, изъ которой корни должны вбирать питательные соки. И за тѣмъ вдругъ конецъ деревьямъ: начинается только сплошной кустарникъ, что и составляетъ переходъ къ тундрѣ.

Кромѣ лѣсовъ, въ этой полосѣ растутъ морошка, княженика, черника, клюква, малина, брусника, черная и красная смородина, бѣлена, полынь, ирѣ, одуванчикъ, донникъ, шаровидные цвѣточки, кокушкины слезы, чернобыльникъ, двулистка, конопельникъ, бѣлокопытникъ, бѣлая крапива, рогатый чистотѣль, хрѣнь, болотная петрушка, мокрица, луговой дягиль, ревенъ, большой омегъ, ранункулъ болотный, репейникъ, малый болдырьянъ, завязный корень, песій языкъ, змѣй трава, совиная трава, чемерица блѣдноцвѣтная, дикая вѣтренница, водяной лапушникъ, богородская трава, звѣробой, пастушья сумка. Изъ огородныхъ: хрѣнь, дикій чеснокъ, лукъ, щавель, рѣдка, капуста кочанная, морковь, рѣпа, мелкій картофель. Трава всѣхъ этихъ растений бываетъ чрезвычайно высока, но плоды мало созрѣваютъ. Изъ ягодъ созрѣваютъ клюква и брусника, и пной годъ морошка. Ростъ травы такъ быстръ, что въ двѣ первыхъ недѣли достигаютъ онѣ роста человѣка. По рассказамъ старожилловъ, созрѣваютъ тамъ черезъ каждыя 10 лѣтъ рябина, малина, клубника и др. Различіе между днемъ и ночью бываетъ таково, что отъ 30° R. опускается термометръ до 6°, отъ чего и гибнуть произрастенія. Замѣчательно, что, не смотря на страшный лѣтній жаръ, земля не растаиваетъ болѣе 1½ аршина. Дожди лѣтомъ рѣдки и сопровождаются страшными громами. Съ половины августа дѣлается холодъ и появляются дожди, либо снѣгъ. Съ декабря до ½ января дни бываютъ въ теченіи 2-хъ часовъ, да и то въ родѣ преходящаго разсвѣта. Глубина выпадающихъ снѣговъ бываетъ болѣе 4-хъ аршинъ. Вѣтры бываютъ все болѣе сѣверные: они поднимаютъ и носятъ снѣгъ, затемняя свѣтъ и это называется бураномъ; а если во время такого вѣтра идетъ снѣгъ— это называется пургой.

Среди этой природы, и величественной, и пугающей, весьма естественно было работать воображенію темныхъ, необразованныхъ людей и поддерживаться шаманству между Тунгузами.

Было въ Азіи древнее, темное время, когда еще и буддизма не

было, а христіанство и въ воздухѣ не носилось, когда господствовало одно „шаманство“ по всей, особенно восточной и сѣверной, Азіи. Сами Монголы, или, вѣрнѣе, высшее сословіе ихъ, предавшись буддизму, питали отвращеніе къ своимъ стариннымъ обычаямъ и повѣрьямъ; но народъ, какъ и всюду эта масса, не слѣдующая за моднымъ и не оставляющая стараго, пока не пріобрѣтетъ положительныхъ познаній и пониманія его негодности, не отвыкала отъ шаманства до того, что проповѣдники буддизма придумали весьма хитрую штуку: они старались всѣ обрядности и праздники шаманства, эти внѣшнія формы, которыхъ народъ особенно и держится, обратить въ проявленія того же буддизма. Ламы собирали изъ устъ народа шаманскія молитвы и распространяли ихъ въ средѣ его съ измѣненіемъ и прибавкою новыхъ правилъ по буддизму. Вообще дѣйствовали весьма сходно съ современной католической пропагандой въ отношеніи восточной вѣры. Результатомъ такихъ дѣйствій ламъ было составленіе цѣлыхъ книгъ, особыхъ шаманобуддійскихъ, которыя есть и до сихъ поръ.

И такъ, шаманство есть древняя религія Монголовъ. Подъ этимъ именемъ вѣра эта извѣстна всюду въ Европѣ. Въ Азіи же она носитъ два другихъ названія: Въ Китаѣ, по сообщенію о. Іоакима, называется „пляскою передъ духами“, а буддисты заклеили ее „черною вѣрою“, т. е. грубою, не просвѣщенной.

Человѣкъ, какъ сильная духомъ, самобытно, индивидуально живущая единица, какъ, по выраженію многихъ, міръ въ маломъ видѣ, вращается среди внѣшней природы, его отсюду, со всѣхъ сторонъ обхватывающей. Такимъ образомъ, все развитіе его идетъ подъ вліяніемъ внѣшней природы и самобытнаго, своеобразнаго домостроительства.

Потому источникомъ каждаго развитія, а слѣдовательно и развитія вѣры, являются тѣ же двѣ силы, т. е. внѣшній міръ—природа и внутренний міръ—духъ человѣка.

Великій Гумбольдтъ справедливо говоритъ: „то, что у нѣсколькихъ лицъ съ сильными способностями является зачаткомъ философіи природы, у цѣлой массы бываетъ произведеніемъ инстинктивной воспримчивости. Въ глубинѣ этого-то тайнаго чувства возникаетъ первое побужденіе къ обожанію, боготворенію“.

Изъ вліяній природы и дѣятельности духа — внѣшняя природа, конечно, болѣе дѣйствуетъ на человѣка, въ періодъ его младенчества, его духовной спячки. И вотъ у Монголовъ высшимъ представителемъ всѣхъ силъ природы является *небо*, этотъ величавый, голубой куполъ. Это—высшее божество черной вѣры, это—верховный источникъ жизни. Жизнь же и проявляется и поддерживается землею — и *земля* является

вторымъ божествомъ шаманства. Но вѣдь и небо, и земля дѣйствуютъ на человѣка своими *частными особенностями* и явленіями: на небѣ жгучее и рѣзко-свѣтящее солнце, — то появляются, то исчезаютъ, съ мерцающимъ свѣтомъ, звѣзды, — на небѣ растутъ и гуляютъ мѣсяцъ, — въ небѣ плаваютъ облака, раздается грохотъ грома, зажигаются и играютъ молніи; на землѣ тамъ течетъ рѣка, то вскрываясь и разливаясь, то замерзая, — тамъ вздымается гора съ мрачно-каркающими птицами, а пзъ за нее вырываются рѣзкіе вѣтры. И вотъ человѣкъ, удивленный и испуганный, боготворитъ и всѣ эти явленія видимой природы. Конечно, умнѣйшіе изъ шаманистовъ за голубымъ небомъ, вліяющимъ на воздушныя явленія и производительность земли, чуюли другое, вѣчное небо, управляющее всѣмъ міромъ, дѣлами человѣка, и составляющее источникъ добра, такъ что громъ означалъ уже проявленіе злаго, нечистаго начала. Умный же Чингисъ рѣшился даже религію употребить въ свою пользу, для достиженія личныхъ цѣлей: такъ какъ небо называлось Хормузда, то онъ называлъ себя сыномъ Хормузды и въ соотвѣтствіе девяти добрыхъ геніевъ неба у него было 9 воеводъ и 9 бунчуковъ на знаменн. Да и, кромѣ Чингиса, были другіе случаи: такъ какъ небо, обладая всемогущею волею, можетъ дѣлать чудеса, то и удивительно ли, что Таншихай, основатель могущества племени Сянби, могъ родиться изъ упавшей съ неба градинки.

Но вотъ взглянуть человѣкъ внутрь себя и увидѣлъ другую силу, это — *духъ человека*: явился *тэнгри*, боги второстепенные, происходящіе отъ верховнаго вѣчнаго неба; это геніи, представляющіе разныя страсти, способности и вообще силы нашей душевнодуховной природы; они вѣчны, какъ вѣчно небо; они — орудія его воли, силы, чужныя для проявленія его цѣлей; какъ управители надъ шаманистами, они являются представителями и ходатаями за нихъ предъ вѣчнымъ небомъ. За тѣмъ идея о безсмертіи души, не покидавшая человѣка во всѣ вѣка, во всѣхъ мѣстахъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія, составила почитаніе душъ умершихъ людей, отличившихся особенно либо добромъ, либо зломъ; отсюда раздѣленіе на добрыхъ и злыхъ духовъ, отсюда же и понятіе о будущемъ, въ той жизни, возмездіи, такъ что добрые живутъ въ свѣтѣ и покоѣ, а злые остаются въ срединѣ и потому блуждаютъ надъ землею. Это почитаніе началось обычаемъ, въ минуты душевныхъ тревогъ о потерянномъ человѣкѣ, садить за столъ фигуру того человека и ставить передъ нимъ первыя блюда. Называютъ этихъ боговъ обыкновенно *Отонами*, но если подъ этимъ словомъ разумѣть только идола, т. е. внѣшнее изображеніе, то есть и другое слово, выражающее ихъ внутренній смыслъ; это — по бурятски — эжинъ. Опредѣленіе —

чьей душѣ быть онгономъ — дѣлаетъ шаманъ, видя передъ тѣмъ. конечно, особое видѣніе и слыша особое повелѣніе. Злые духи шаманистовъ имѣютъ значительное сходство съ образами, носящимися въ воображеніи суевѣрныхъ русскихъ: смотрите — вонъ безобразные духи являются въ видѣ привидѣній; вонъ души утопленниковъ живутъ въ водахъ, выходятъ на берегъ, принимаютъ видъ человѣка и животныхъ и сманиваютъ неопытныхъ съ собою въ воду, какъ наши русалки и водяные; вонъ душа погибшаго въ лѣсу принимаетъ форму человѣка, зажигаетъ ложные огни, встрѣчается съ путникомъ, откликается ему, заводитъ разговоръ и уводитъ его за собою въ тущобу, какъ наши лѣшіе; вонъ злой духъ летаетъ въ воздухѣ, пугаетъ людей, внушаетъ имъ страсти и разноситъ болѣзни; вонъ духи злые разносятъ предвѣстія несчастій и бѣдъ, являясь въ формѣ птицъ, какъ для русскихъ сорока. Потому въ числѣ лекановъ, т. е. деревянныхъ божковъ, встрѣчаемъ и у Тунгузовъ орла, ворона, коршуна, сову, гагару, змѣю и даже нѣкоторыхъ изъ рыбъ. Главою всего зла считается у Тунгузовъ *дьяволъ*, извѣстный подъ именемъ *шайтана*. Не отъ слова ли это шетанъ (обманщикъ), какъ названъ богъ зла въ книгѣ Зендавесты.

Говоря выше о боготвореніи видимыхъ явленій природы, я забылъ упомянуть объ *огнѣ*. Шаманисты воздаютъ почитаніе и огню, считая его произведеніемъ раздѣленія земли отъ неба, чѣмъ и далось начало всему сущему, такъ что небо (начало мужское) стало давать всему жизнь, а земля (какъ начало женское) предметную, видимую форму. Небо — батюшка, земля — матушка, не есть ли, если не убѣжденіе, то, по крайней мѣрѣ, любимая фраза нашего простопародія? Боготвореніе огня выступило изъ Персіи: тамъ онъ считался источникомъ жизни, онъ, говоря словами Банзарова, оживлялъ всѣ твари, онъ — душа человѣка, источникъ его и энергіи и душевныхъ способностей. Но шаманисты, у которыхъ было уже небо, очевидно не могли имѣть объ огнѣ такого высокаго понятія. Но онъ для нихъ, какъ мы видимъ теперь у Туруханскихъ племени, важенъ и до сихъ поръ. Огонь есть святылище, безъ котораго не мыслимо жилище. На огонь нельзя замахиваться острымъ орудіемъ, нельзя втыкать въ огонь ножъ, даже нельзя вынимать мяса изъ котла, пока не потухнетъ подъ нимъ огонь. За неуваженіе къ огню слѣдуютъ, конечно, наказанія: такъ и болѣзни многія, и пожаръ считаютъ плодомъ разгнѣваннаго бога огня. Потому очищаютъ огнемъ вещи, пронося между двухъ огней; между нихъ проводятъ для очищенія и животныхъ; огнемъ очищаютъ чумъ послѣ покойника; огнемъ очищается послѣ родовъ женщина: черезъ него проводили преж-

де иноземныхъ пословъ, являвшихся, конечно, съ погаными, хитрыми, нечистыми мыслями; огню приносятся жертвы изъ пищи.

Божества создались. И сынамъ неба, какъ и всѣмъ народамъ, понадобились люди какъ бы въ посредники, учителя для вновь прибывающихъ членовъ религіи. Плодомъ этого требованія выступили шаманы. Первое появленіе ихъ теряется въ сѣдой древности, а печатно они извѣстны стали съ VI вѣка по Р. Х.

Не можетъ быть народа, среди котораго не появился бы натуры съ болѣе полнымъ развитіемъ душевнодуховныхъ силъ, натуры съ наклонностью къ работѣ мыслию, и проникновенію причинъ вещей, къ мистичности, къ чудесному, — натуры съ сильнымъ воображеніемъ, съ наблюдательностью и за тѣмъ съ пониманіемъ смысла нѣкоторыхъ силъ и явленій природы. Изъ такихъ-то сильныхъ личностей, при особой нервности въ физической природѣ, выступаютъ настоящіе шаманы. Поэтому между Остяками, этими вялыми, маловосприимчивыми натурами, шаманство было развито слабѣе, чѣмъ у другихъ инородцевъ, хоть шарлатановъ, самозванцевъ-шамановъ было довольно и у нихъ. Вялые по натурѣ, полные невѣжды, безъ способности къ наблюдательности, а слѣдовательно и безъ всякихъ знаній смысла видимыхъ явленій, шаманы Остяковъ могутъ болѣе шарлатанить, чѣмъ шаманить и имѣть власть надъ своими собратами, хотя сами, можетъ быть, получаютъ и убѣжденіе въ своихъ силахъ, какъ бываетъ со всѣми лгунами, въ воображеніи которыхъ ложь начинается перерождаться въ дѣйствительность, въ убѣжденіе.

Къ настоящему же шаманству человѣкъ имѣетъ невольное, какъ бы врожденное, влеченіе. Не допустивъ этого, чѣмъ же объяснить мы отсутствіе въ этихъ племенахъ лицъ, которыя бы выступали изъ обыкновеннаго уровня? Вотъ такія-то личности, въ слѣдствіе ихъ обстановки, и могутъ проявляться только въ шаманствѣ; когда же войдетъ и къ нимъ свѣтъ наукъ и искусствъ, они же будутъ проявляться иначе. Припомните пьесу Пушкина „Галубъ“ и пьесу Лермонтова „Мцыри“. Какія неудовлетворенныя, но вышедшія изъ общаго уровня, натуры представлены тамъ и какъ мучатся, какъ томятся онѣ? И будущій шаманъ съ дѣтства отличается отъ другихъ: онъ къ чему-то рвется, чего-то ищетъ, о чемъ-то тоскуетъ. Неудовлетворенный въ той жалкой, душевной, сдавленной средѣ, онъ чуждается родства и наполняетъ родительскій домъ стенаньями. Хорошо еще, что невѣжды-собраты не гонятъ его, а начинаютъ относиться къ нему съ почтеніемъ, балуютъ и лелѣютъ его, какъ свою надежду: при такихъ условіяхъ складывается характеръ болѣе сильный, смѣлый, настойчивый, разыгрывается на про-

сторѣ сила воли человѣка, только направленная (за неимѣніемъ и закрытіемъ другихъ сферъ) къ мистичности, религіозности, — онъ поступаетъ въ ученики шамана и начинаетъ изучать таинственность его дѣйствій, заклинаній, молитвъ и манипуляцій.

Религія въ жизни каждаго народа, особенно въ его младенчествѣ, стоитъ на первомъ планѣ; потому мы и взглянемъ на шамана прежде всего, какъ на жреца. Какъ жрецъ, онъ знаетъ волю боговъ, совершаетъ жертвоприношенія, знаетъ обряды и молитвы каждому изъ божествъ и родовъ. Жертвоприношенія ихъ раздѣляются на постоянныя и случайныя. Первые бываютъ по случаю общихъ главныхъ праздниковъ, которыхъ три: первый (весенній), когда земля одѣвается зеленью и стада дѣлаютъ свой приплодъ; второй — лѣтній, и третій — осенній, какъ благодарственный за все добро отъ лѣта и за приплодъ оленей; съ него начинается новый годъ, случайныя жертвоприношенія бываютъ при каждомъ началѣ предпріятія, при болѣзняхъ, набѣгѣ волковъ, грозахъ и т. п.

Каковъ бы ни былъ человѣкъ, но если онъ не въ упомишательствѣ, жизнь ему дороже всего. Потому шаманы поддерживаютъ и значеніе и существованіе свое, даже у инородцевъ, числящихся христіанами, много и искусствомъ своего врачеванія, — слѣдовательно какъ лекаря. Призываемый къ больному онъ долго не соглашается. Наконецъ, является. Нѣсколько дней не ѣстъ, не пьетъ, не говоритъ, сидитъ молча, получаетъ болѣе и болѣе таинственно-мрачный колоритъ и ждетъ, пока сидеть на него вдохновеніе. Чувя въ себѣ приливъ чародѣйственныхъ силъ, шаманъ съ вечера кладетъ себѣ въ голову отказъ ⁽¹⁾ и ножъ; онъ видитъ, будто во снѣ, и то и то; на основаніи видѣннаго приказываетъ заготовить изъ гнилыя или коры разныхъ боговъ чекановъ и въ углубленія на мѣстахъ глазъ вставляетъ имъ корольки спяго, либо желтаго цвѣта. Если же вдохновеніе на него не сходитъ долго, то Тунгузы начинаютъ помогать ему, пѣть, кричать, бить въ ладоши и скакать, совершенно въ родѣ нашихъ жалкихъ скопцовъ. Почувствовавъ экстазъ, шаманъ ударяетъ въ бубенъ и встаетъ. Потомъ приказываетъ разгрести снѣгъ, загородить отъ вѣтра вѣтви и приготовить мѣсто для раскладыванія огня. Вокругъ этого мѣста онъ кладетъ разную рыбу, сдѣланную изъ дерева, а противу больного вѣшаетъ фигуру въ родѣ голубя. Съ тѣмъ вмѣстѣ, приказываетъ убить оленя, либо двухъ для жертвы. Прежде жертвоприношенія самъ шаманъ будто произноситъ присягу: онъ увѣряетъ въ искренней чистотѣ своихъ обращеній и кля-

(1) Въ родѣ рогатины.

нется въ самыхъ потрясающихъ выраженіяхъ. Стрѣла и лукъ служатъ основаніемъ клятвъ. Слушайте: шаманъ говоритъ, — если я виноватъ передъ тобою, то пусть душа вылетаетъ изъ тѣла моего такъ, какъ эта стрѣла отъ тетивы лука (и слова свои онъ скрѣпляетъ троекратнымъ поцѣдуемъ стрѣлы), а если я не праведенъ, то пусть не взоидтъ болѣе мое сѣмя. Послѣ клятвъ начинается подготовку къ жертвоприношенію: приведеннаго оленя ставятъ головой на западъ; шаманъ становится сзади и тоже головою на западъ; онъ начинаетъ сперва упрашивать о продленіи жизни больнаго, умноженіи семьи, избавленіи отъ болѣзней и заканчиваетъ воззваніемъ: „пустъ просьбы мои быстрѣе „быстрой воды, скорѣе скорой стрѣлы! воззри же правымъ твоимъ „окомъ, да обоняютъ твои ноздри мою назначенную жертву! прими!“ И съ этимъ словомъ производитъ заклианіе при пылающимъ кострѣ. Потомъ возвращается въ чумъ, беретъ бубенъ, садится и воспѣваетъ. Первый гимнъ относится къ огню: „ты, быстро-распространяемый, въ „красномъ одѣянн въ синее небо поднимаешься, а оттуда, отрываясь, „на землю опускаешься; въ бѣломъ пламени игрище твое; ты хозяинъ „этому очагу! Когда я буду дрбой ⁽¹⁾ ударять, ты приходи ко мнѣ и „содѣйствуй“. (Дается видъ, будто въ самомъ дѣлѣ кто приходитъ). Второй гимнъ съ воззваніями къ бывшимъ шаманамъ. Потомъ: „придите „вы на плечо мое свѣжія тучи! придите крѣпкія силы, какъ куча ла- „сточекъ на плечо мое! Могучій беркутъ задѣнь правое плечо мое „чорнымъ крыломъ своимъ!“ При воззваніяхъ къ мѣсяцу, между прочимъ, говорится: „ты имѣешь 12 ступеней; на 13-мъ небѣ твое игри- „ще; ты слѣдомъ за солнцемъ ходишь“. Призвавъ всѣхъ на помощь, онъ ввѣряетъ себя ихъ вниманію и проситъ, чтобы, когда онъ предстанетъ предъ верховное существо, предстательствовали они за него.

Послѣ этихъ воззваній шаманъ требуетъ сосудъ и складываетъ въ него дары. Вотъ онъ кланяется во всѣ углы, огню и проч. и вызываетъ, чтобъ подхватывали и несли они дары къ верховному существу. И дары будто дѣйствительно схватываются и шаманъ, выбѣжавъ изъ чума, кричитъ напутственно „несите!“ За тѣмъ чудится ему, что и онъ несетъ туда же, вотъ прилетѣлъ, вотъ ломаетъ крѣпость, окружающую недоступное божество; такихъ стѣнъ одна за другою 12; за послѣднюю представляется ему адъ, мѣсто страданій людскихъ за гробомъ. За тѣмъ его не пускаютъ уже: туда не входятъ съ ногами, не взлетаютъ съ крыльями! Но шаманъ дѣлаетъ возліанія, исчисляетъ заслуги своихъ предковъ—и дорога открыта съ тремя узкими проходами, гдѣ по жер-

---

(1) Магическая палочка въ рукахъ шамана.

дочкамъ проводить въ мытарство: тутъ шаманъ и сзываетъ разныя силы на помощь, и кривляется, давая видъ, что спотыкается, прыгаетъ и проч., и охаетъ за мучащихся. Наконецъ, онъ близъ Хана, на него лаютъ псы защитники,—и шаманъ передразниваетъ ихъ. Достигнувъ такимъ образомъ Бога-хана, какъ цѣли, шаманъ обнимается съ бубномъ, называетъ его своею женою и уговариваетъ пожить съ собою. Потомъ обращается съ вопросами о томъ—кто виновникъ болѣзни: да слышитъ правое ухо; да чувствуетъ правая подошва! Бездверная черная изба отвори! двери и входи! Не дадутъ ли языку моему свободу, зачѣмъ пришелъ—получили? Потомъ обращается къ своимъ силамъ, имѣющимъ глаза, какъ зарницы, попытать узнать не отъ нечистыхъ ли животныхъ, имѣющихъ въ кишкахъ ржавчину, приключилась болѣзнь? А у больного, дескать, изъ очей текутъ слезы; глаза болятъ безъ печали; губы и ноздри высохли, сердце сокрушилось!

Если шаманство производится надъ только что пойманнымъ живымъ тайменемъ, то мясо рыбы съѣдаютъ, а на деревѣ вырѣзываетъ шаманъ подобіе оной. Если съ оленемъ, то мясо съѣдается; ухо, либо голову, вѣшаетъ онъ около больного; а кишки, либо бѣлку вѣшаетъ на дерево въ жертву. Шкура съ оленя растягивается около больного. Если болятъ ноги, то шкура съ ногъ оленя снимается такъ, чтобы можно было надѣть на ноги человѣка. Свѣжею кровью обмазываются болящія части и за тѣмъ эту кровь шаманъ слизываетъ. По больной ногѣ поколачиваетъ шаманъ тою палкой, обтянутой желѣзнымъ листомъ, которою бьетъ въ бубень. Когда болятъ не ноги, а другія части, то на болящемъ мѣстѣ дѣлаетъ крестъ кровью и кровь за тѣмъ слизываетъ. Кости ногъ оленя разбиваетъ, вынимаетъ костный мозгъ и пѣмъ смазываетъ больныя части, а остатки съѣдаются пособниками-подпѣвальщиками. Особенно много способовъ леченія у Юраковъ. У нихъ шаманы лечатъ дуновеніемъ. А если не удалось, то кладутъ больного на оленью постель лицомъ вверхъ и шаманъ, распростертыми пальцами обѣихъ рукъ, начинаетъ водить прямолинейно съ ногъ до головы, наблюдая, чтобы поверхности кожи касаться только кончиками пальцевъ. Но обо всѣхъ способахъ леченія будетъ подробнѣе въ главѣ объ Юракахъ, у которыхъ и болѣе наклонности лечиться, и разнообразіе средства.

Взглянемъ теперь на шамана, какъ на кудесника.

Путешественникъ Врангель сказалъ: „истинный шаманъ есть, безъ сомнѣнія, замѣчательное психологическое явленіе“. Но въ наше интересное время сильнаго хода впередъ изученія естественно-медицинскихъ наукъ нельзя все сваливать въ туманную область психологіи: много уже

явленій взято изъ этой области и получило, болѣе или менѣе отчетливо, объясненіе фізіологическое и патологическое. Бывало всѣ роды ненормальнаго проявленія сферы душевнодуховной считались явленіями психическими, тогда какъ теперь имъ найдено объясненіе въ какомъ нибудь болѣзненномъ состояніи матеріальной природы человѣка. Такъ и шамана мы назовемъ замѣчательнымъ явленіемъ, но не психическимъ, а фізіологическимъ и патологическимъ. Конечно, мы имѣемъ здѣсь въ виду шамановъ истинныхъ, настоящихъ, а не тѣхъ шарлатановъ, которые и между дикарями, подобно модному просвѣщенному люду, пускаютъ только пыль въ глаза, поддѣливаясь подъ ладъ истинныхъ явленій.

А нѣтъ ничего сподручнѣе обманывать толпу, шарлатана въ шаманствѣ, потому что оно подходитъ вполне подъ тотъ рядъ явленій странныхъ и чудесныхъ, къ которому принадлежатъ всѣ чудеса натуральной магіи, прорицанія пней, животный магнетизмъ, вѣщіе сны, кликушество, ясновидѣніе, колдовство и порча вообще, со всѣми проявленіями колдовства: вѣдь во всѣхъ этихъ случаяхъ суевѣріе толпы не можетъ обойтись безъ сверхъ естественныхъ силъ и особенно злаго духа, дьявола. Чѣмъ больше страхъ, тѣмъ больше вѣры: суевѣрный дрожитъ отъ страха и ничто не выбьетъ изъ его воображенія темнаголика демона, скрывающагося за всѣми, названными нами сейчасъ, явленіями. И эта сила вѣры, это разстройство умопредставленій, это разстройство и раздраженіе нервовъ, это измѣненіе, наконецъ, за тѣхъ и всѣхъ фізіологическихъ отравленій разныхъ органовъ нашего тѣла, — вели на западѣ Европы народъ тысячами на инквизиціонные костры. И что же? костеръ пылаетъ, а въ толпѣ-то, смотрите, разстраиваются, при этомъ страшномъ зрѣлищѣ, нервы и отравленія органовъ въ сотняхъ зрителей и между ними готовятся, созрѣваютъ новыя жертвы для отуманенныхъ фанатизмомъ головъ папъ и пламенн, не насыщаемаго ничѣмъ и никогда.

Честъ и великая заслуга медицины въ томъ, что она съ своими наблюденіями вмѣшалась въ это дѣло, и перевела въ болѣзнь многое изъ того, что считалось умысленнымъ преступленіемъ. Она погасила ужасное пламя костровъ, она выгнала много демоновъ изъ страдалцевъ; но, къ сожалѣнію, она не имѣетъ еще достаточно данныхъ, силы и средствъ, чтобы и предотвратить появленіе такихъ страдалцевъ, которые до сихъ поръ, по больницамъ и съумасшедшимъ домамъ, увѣряютъ, что въ нихъ дьяволъ, что они подписали съ нимъ договоръ своею кровью въ продажѣ души, что онъ надѣляетъ ихъ открытіями тайнъ пренеподобней, что онъ переноситъ ихъ по воздуху въ адъ и проч., и проч.

Фізіологія показала, що съ чоловікомъ бывають преінтересныя явленія галлюцинацій и иллюзій. Первыя правильно представляютъ намъ несуществующіе предметы; вторыя налагають извращенную форму на тѣ предметы, которые дѣйствительно есть. И не одно только зрѣніе можетъ быть проводникомъ галлюцинацій, а всѣ 5 чувствъ нашихъ: я зналъ въ своей практикѣ одну очень умную даму, только весьма воспріимчивую и нервную, которая предъ истерическимъ пароксизмомъ часто получала рѣзкое чувство отъ перца, порошокъ котораго будто посыпана вся слизистая оболочка языка и зѣва.

Фізіологія и патологія показали, что нервная система, раздѣляясь на 3 части: мозгъ головной (страданія котораго даютъ начало разнаго рода помѣшательствамъ, бредамъ, галлюцинаціямъ): мозгъ продолговатый и спинной (отъ страданій котораго зависятъ какъ съ одной стороны параличи, такъ съ другой всѣ сильно двигательныя, конвульсивныя болѣзни) и мозгъ узловатый, гангліозный, управляющій по преимуществу всею плото-производительною жизнію и дающій начало разнымъ мѣстнымъ спазмамъ и проч., такъ, говорю, нервная система можетъ приходитъ въ неправильное отравленіе отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и не только физическихъ и химическихъ, но и нравственныхъ. А разъ, два, три повторившееся явленіе того и гляди сдѣлается обычнымъ, привычнымъ. И вотъ смотрите:

Тамъ вы видите, что мозгъ усталъ работать, нужно вдохнуть побольше воздуха и дать толчекъ кровообращенію, и человѣкъ зѣвнулъ: зѣвота свершается подъ управленіемъ извѣстныхъ нервовъ; повторилась она нѣсколько разъ и, какъ явленіе нервное, передается нервамъ собесѣдниковъ зѣваки и пошла круговая. Вонъ заикается мальчикъ; шалуны товарищъ усиливается передразнивать его, пріучаетъ нервы, управляющіе извѣстными мышцами органовъ говора, дѣйствовать неправильно и противъ воли усвоиваетъ себѣ икоту. Вотъ гувернантка, вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ ея жизни, потрясавшихъ и такъ и сякъ нервную систему, истощившихъ и раздражившихъ блуждающій и симпатическій нервы, часто стала подвергаться истерикамъ; а нервная по сложенію, изнѣженная и слабая по воспитанію, дѣвушка, ея питомица, ежедневно присутствуетъ при этомъ и конечно болѣе или менѣе страдаетъ, дѣлается кандидаткой и первый толчекъ, особенно на сердце, дѣлается и ее навсегда истеричною. Смотрите далѣе: въ 1848 году въ Парижѣ въ одной изъ мастерскихъ, вѣроятно, отъ духоты, утомленія, простуды и при нервности натуры, да какомъ нибудь толчкѣ, одна изъ 400 работницъ заболѣла судорогами и потерю сознанія; черезъ 2 часа было уже такихъ больныхъ 30, а на другой день еще

45; начальство удалило всѣхъ заболѣвшихъ, очистило воздухъ и проч., и ни одна не захварывала болѣе: вотъ какова сила нервнаго подражанія, нервной передаточности, когда есть, конечно, въ самыхъ натурахъ окружающихъ лицъ, и особенно женщинъ, склонность къ такой воспримчивости. Смотрите далѣе, къ какой удивительной періодичности способны такіа нервныя страданія и какъ на ихъ появленія дѣйствуетъ какой нибудь или предметъ, или день, вызывающій воспоминаніе, чувство трепетнаго ожиданія, чувство суевѣрнаго страха и т. под.; въ 1857 году описано, что въ Бретани, въ одной деревнѣ, около Троицына дня и 15-го августа всѣ дѣвицы подвергаются болѣзненнымъ разнообразнымъ конвульсіямъ съ воплями и истеченіемъ пѣны изо рта, и судороги эти проходятъ послѣ того, какъ онѣ сходятъ и приложатся къ образу Ронсіерской Богоматери; дѣло въ томъ, что эти дѣвицы перенимали припадки отъ одной больной, которую, для смѣха, передразнивали; изъ умысленно производимыхъ припадковъ сдѣлались и невольными; а теперь повторяются въ извѣстные именно дни отъ страха, съ которымъ они томительно поджидаютъ эти дни; лечатся же образомъ Богоматери вслѣдствіе силы вѣры, силы убѣжденія, совершенно успокоивающей раздраженные нервы. Не то ли же и съ нашими кликушами, между которыми есть, конечно, и притворщицы, но есть много и дѣйствительныхъ страдалицъ, которыхъ болѣзнь совпадаетъ съ нервностью натуръ, съ тяжкими условіями жизни,—условіями, потрясавшими жизненную, нервно-воспримчивую натуру? не совпадаетъ ли эта, чисто истерическая, болѣзнь съ суевѣрнымъ убѣжденіемъ, что въ нее вселился дьяволъ, что дьяволъ боится образовъ, церкви и особенно херувимской пѣсни, что въ это самое время дьяволъ особенно потрясаетъ и коверкаетъ обхваченнаго имъ человѣка? И вотъ тревожно подходитъ больная къ церкви, боязливо, трепеща за появленіе ужаснаго припадка, начинаетъ молиться, тревога болѣе и болѣе усиливается, переходитъ въ страхъ и содраганіе, чтò и кончается переломнымъ припадкомъ при началѣ таинственной и страшной, для суевѣрно настроеннаго ума и воображенія, херувимской пѣсни. Такъ что болѣзнь эта должна уже назваться *истерической демоніей*. Читатель спроситъ: да отъ чего же при болѣзни, если это нервная болѣзнь, кричитъ человѣкъ неестественными голосами и голосами довольно опредѣлительно принадлежащими разнымъ звѣрямъ и птицамъ? Въ московскомъ потребникѣ 1630 г. такъ объяснялось это явленіе: „и есть же инаѣ злая волхвованія, яже и велицей Россіи, ово убо звѣрски рыкати творять, яко же медвѣдь и волкъ і инѣ скотски всяко и птически гласы и песьми мучитися“. Но нынѣ пора уже не приписывать волхвованію того, что ясно по наукамъ по-

ложительнымъ. Приступъ такой болѣзни начинается приливомъ крови къ головѣ и сердцу, вслѣдствіе занятія первой тревожною мыслию, а послѣдняго отъ раздраженія нервовъ чувствомъ страха; за тѣмъ головокруженіе, тяжесть головы, бессонница, звонъ въ ушахъ, сердцебіеніе и чувство стѣсненія груди; иногда бываютъ раздутія живота вѣтрами, бурчаніе въ немъ, трепетаніе подъ ложечкой (*pulsatio epigastrica*) и чувство подкапыванія подъ нее. Послѣдніе припадки удостоверяють уже больную о поселившемся въ ней дьяволѣ. Наконецъ, спазматическая дѣятельность раздраженныхъ нервовъ усиливается до того, что животъ сильно то поднимается, то опускается, сдавливается грудь и измѣняются отправленія, а за тѣмъ преемственно пошли работать и мышцы, управляющія произведеніемъ голоса: и вотъ полились одинъ за другимъ такіе звуки, которые человѣкъ, въ нормальномъ состояніи, можетъ производить только умышленно и усиленно, а толпа думаетъ, что это потѣшается дьяволъ; потомъ судороги усиливаются и обхватываютъ все тѣло; иногда онѣ прекращаются (клоническія) и больная вытягивается и какъ бы деревенѣетъ (столбнякъ); иногда же сила судорожности временно пріостанавливается и даетъ время проявляться бреду и экстазу, какъ результатамъ ненормальной дѣятельности головного мозга: и въ глазахъ толпы больная пророчествуетъ, тогда какъ всѣ звуки есть только результатъ дѣятельности мышцъ подъ вліяніемъ раздраженныхъ нервовъ; это—судорожное сокращеніе и растягиваніе мышцъ; и если оба эти момента идутъ въ поперебѣнную послѣдовательности, то судороги имѣютъ обыкновенную клоническую форму; при чрезвычайной краткости переходнаго момента и возможномъ убыстреніи одной судороги за другою глазъ видитъ только трясеніе, а если, на оборотъ, онѣ очень продолжительны и одна за другою слѣдуютъ черезъ большой промежутокъ, то судороги называются тоническими, а бываютъ даже и сведенія членовъ и столбнякъ.

Чтобы читатели яснѣе видѣли, „какъ создаются такіа странная болѣзни“, приведу случаи изъ моей практики. Въ числѣ домовъ, которыми завѣдывалъ я въ городѣ Е., были и почтенные еврейскіе дома; въ одномъ изъ такихъ въ хозяевахъ, т. е. и мужъ и женъ, я видѣлъ довольно ясный взглядъ на вещи и недовѣріе ко многимъ изъ суевѣрій. Разъ пріѣзжаю я; хозяйка очень озабоченно рассказываютъ мнѣ, что съ одной золотопромышленной резиденціи виѣ города привезли къ нимъ больную родственницу; но болѣзнь ея до такой степени странна, что имъ подобнаго никогда не случалось видѣть и вѣроятно, дескать, приняла она такую форму отъ лекарствъ сельскихъ знатоковъ. Сама же больная убѣждена, что ее испортили недобрые люди и что

внутри ея поселилась лягушка, которая тамъ и прыгаетъ и издаетъ странные звуки; мы было засмѣялись сперва такому разсказу, но, къ удивленію нашему, дѣйствительно ощущаемъ движеніе и слышимъ какіе-то звуки. Я просилъ позволенія видѣть больную и хозяева вошли со мною безъ предварительнаго извѣщенія больной, потому что она не вѣритъ, что такая болѣзнь можетъ подлежать пособію медика. Первѣе всего я показалъ видъ живѣйшаго сочувствія ея страданіямъ, заставилъ больную видѣть во мнѣ не медика, а только человѣка, исполненнаго участія. Этимъ вызвалъ я больную на подробный довѣрчивый разсказъ, о заболѣваніи, въ послѣдовательности. Изъ всего разсказа, переплетеннаго картинами болѣзненно раздраженнаго воображенія, я могъ положительно заключить, что больная, полгода назадъ, страдала сильными припадками общаго блуждающаго ревматизма. А въ настоящую минуту женщина эта, изъ красивой и довольно полной, превратилась въ кожу и кости, истощена до нельзя, едва двигается, смотритъ болѣзненно и робко, ничего почти не ѣстъ, не пьетъ, потому что лягушка не принимаетъ, да ее и въ самомъ дѣлѣ тошнить. Больная пожелала, чтобъ я, изъ любопытства, ощущалъ интересные прыжки лягушки. Я сперва съ участіемъ исполнилъ ея предложеніе и потомъ вдругъ захохоталъ. Этотъ умышленный и рѣзкій хохотъ поразилъ окружающихъ, чего мнѣ и нужно было. Да какъ же вамъ не стыдно, началъ я, говорить такіа нелѣпости: откуда и какъ можетъ попасть къ вамъ лягушка,—ея нѣтъ и признаковъ! Затѣмъ начались споры, горячіе споры, больная на словахъ не вѣрила мнѣ, но глаза блестѣли ясніе, въ нихъ свѣтилась полупажеда. Я рѣшился подкрѣпить свои увѣренія фактами. Такъ какъ болѣзнь внутренностей относилъ я къ процессу холодно лихорадочному, ревматическому, то и назначилъ соотвѣтственное леченіе, о которомъ скажу ниже. Теперь же ощупывалъ я: во-1-хъ твердости отъ засореній; во-2-хъ, развитіе газовъ; въ-3-хъ, спазмодическое поперебѣнное сокращеніе кишекъ, при чемъ гонялись съ мѣста на мѣсто газы и, натываясь на жидкости, производили образованіе пузырей и разнотонные звуки бурчанія; въ-4-хъ, быстрое судорожное сокращеніе въ мышцахъ передней стѣнки живота, отъ чего подъ рукою былъ родъ трепетанія; въ-5-хъ, сильную и учащенную пульсацію брюшной аорты, чтò и считалось больною за движеніе лягушки болѣе всего; въ-6-хъ, клоническія судороги, перебираясь по кишкамъ вверхъ, достигали желудка, грудобрюшной преграды и пищепріемника, переходили въ тоническія и оставляли тяжелое ощущеніе будто чтò либо легло подъ сердце. Чтòбъ доказать всю нелѣпость заблужденія больной, я общалъ ей управлять лягушкою по произволу, а именно садить ее

то болѣе къ правому, то къ лѣвому боку, заставлятъ прыгать подъ ритмъ ударовъ пульса въ рукѣ и т. под.: для того наклонялъ больную болѣе на который либо бокъ, чтобъ образовать менѣе тонкую стѣнку для ощупыванія аорты и, раздвигая кишки, наводилъ пальцы, потомъ клалъ одну руку хозяйки на аорту, другую жъ на пульсъ въ рукѣ, а хозяйка заставлялъ прилечь ухомъ на грудь и диктовать въ слухъ удары сердца. Всѣ эти штуки поставили ихъ въ тупикъ и увѣрили, даже отчасти больную, въ зависимости припадковъ отъ болѣзни и въ возможности леченія. Больная скоро поправилась: я поставилъ ей двѣ мушки: небольшую на животъ и побольше надъ поясницей; внутри сперва далъ разрушающія пилюли съ прибавленіемъ каломеля, а потомъ хлоровую воду съ лавровишневою пополамъ въ алтейномъ декотѣ. Вотъ и судите теперь о порчахъ и лягушкахъ. Или вотъ еще случай: одинъ почтенный господинъ, полный блондинъ, съ блѣдноблѣсоватою и тонкой кожей, нѣсколько ожирѣлый геморроидалистъ, нервнаго темперамента, съ склонностью къ мечтательности и мистицизму, былъ прежде подверженъ, хотя и рѣдко, запоямъ, подъ конецъ котораго онъ скакалъ, плясалъ, кривлялся, вертѣлся до того быстро и разнообразно, что въ четверть часа онъ могъ бы избиться до смерти, почему его держали сутки двоимъ челоѣкъ до 10; говорилъ онъ и полную безсвязицу и съ не существующими лицами до такой степени быстро, что въ здоровомъ состояніи челоѣкъ и 10 минутъ не въ состояніи бы былъ продергать языкомъ, а у него длилось это отъ сутокъ до 2-хъ; за невозможностью изгнаться всѣмъ составомъ тѣла и конечностями, онъ работалъ только пальцами рукъ и такъ быстро, что они только мелькали передъ глазами; замѣчательно, что, попавъ въ мои паціенты, онъ болѣе не имѣлъ ни запоя, являющагося нерѣдко отъ необходимости дать циркуляцію позастоявшейся гдѣ нибудь крови, ни этихъ нервныхъ припадковъ, потому что при малѣйшемъ ощущеніи въ груди, либо въ головѣ, либо въ животѣ, которое бы ему показалось страннымъ и вызывало чувство тоскливости и недовольства, онъ обращался уже къ моимъ совѣтамъ; я діагносцировалъ и иногда назначенія отвлекающихъ на поясницу, да совершеннаго запрета употреблять недѣли 2 чай, бывало достаточно для облегченія и предотвращенія отъ будущаго.

Послѣ всего сказаннаго удивительно ли, что нѣкоторые изъ шамановъ приходятъ въ самомъ дѣлѣ въ особый родъ конвульсивныхъ страданій, отгѣненныхъ еще настроеніемъ умственнымъ, въ родѣ демономаніи. Такимъ образомъ, шаманство истинное есть болѣзнь; шаманство при-

творное — есть шарлатанство; а убѣжденіе толпы о побратайствѣ шамана съ дьяволомъ есть жалкое и нелѣпое заблужденіе.

Прибавленіе къ конвульсивной болѣзни шамана демономаніи совершенно совпадаетъ съ тѣми заклинаніями и воззваніями къ духамъ, о которыхъ привели мы выше: это есть убѣжденіе и не одной только толпы, а самаго шамана; онъ видитъ обманъ зрѣнія, слышитъ обманъ слуха, имѣетъ дѣло съ галлюцинаціями, но съ убѣжденіемъ въ дѣйствительности раскланивается съ несущестующимъ и разговариваетъ съ нимъ. Спросите послѣ шамана — онъ будетъ увѣрять, да онъ и убѣжденъ, что имѣлъ дѣло съ разными духами.

Но власть шамановъ надъ толпой основывается и на шарлатанствѣ, на искусствѣ фокусовъ. Иногда фокусы не хуже европейскихъ. Такъ, напримѣръ, русскій мореплаватель говоритъ, что видѣлъ на Чукотскомъ носу шамана, который, „сбросилъ съ себя кохлянку, обнажился до „пояса, взялъ гладкій камень, пошепталъ надъ нимъ, далъ мнѣ его въ „руку, потомъ взялъ у меня, положилъ между своихъ ладоней, повелъ „одною вверхъ другой — и камень исчезъ; потомъ онъ показалъ жел- „вакъ подъ локтемъ, будто тутъ остановился камень; потомъ перевелъ „желвакъ въ бокъ, вырѣзалъ оттуда камень и объявилъ, что все будетъ „благополучно“. Тогда удивленный мореплаватель подарилъ этому шаману ножикъ, и шаманъ продолжилъ свой фокусъ: онъ сталъ рѣзать свой языкъ и видно было, какъ ротъ наполнялся будто кровью; отрѣзанный языкъ показалъ присутствующимъ въ рукѣ, но далѣе фокусъ не пошелъ. Но не для всѣхъ же фокусовъ нужна подготовка въ родѣ, напр., обтянутія живота упругою берестою для того, чтобъ позволить другому бить по топору, приставленному на животъ. А есть фокусы, дѣлающіеся уже потому, что человекъ пришелъ въ то болѣзненное состояніе и разгоряченія всего тѣла, и раздраженіе нервовъ, и усиленія мышечной сократительности, при которомъ дѣлается естественнымъ то, что въ здоровомъ состояніи невозможно. Выше, говоря о своемъ паціентѣ, я сказалъ, что 10 человекъ должны были, перемѣняясь, держать его двое сутокъ: судите, какова же должна быть сила мышечной сократительности, чтобы въ теченіи двухъ сутокъ выдерживать противодѣйствіе 10 человекъ перемѣняющихся?! Послѣ того удивительно ли, что истинный шаманъ, мрачный и таинственно задумчивый, начинаетъ, подъ крики и скачки другихъ окружающихъ, мало по малу раздражаться: онъ встаетъ, бьетъ въ бубень, начинаетъ прыгать, кривлять глазами, ртомъ, руками, кружиться, разнообразно изгибаться, его животъ, грудь и шея болѣе и болѣе двигаются, поднимаются и опускаются, — вотъ моментъ испусканія дикихъ звуковъ, въ родѣ звѣрей и птицъ, изображеніями которыхъ обвѣшана

его одежда, — вотъ время того конвульсивнаго напряженія, при которомъ онъ можетъ вваливать себѣ на плечо и носить жертвеннаго оленя, разгрызая зубами камень, — вотъ время того разгоряченія тѣла, напряженія нервовъ и выдѣленія обильной испарины, противодействующей вліянію жары, при чемъ онъ можетъ хватать горячіе угли, опускать въ кипятокъ руки и т. п. А что подобное явленіе, какъ бы противу обыкновенной физико-химической природы, возможно — доказано наблюденіями всѣхъ врачей, что, напримѣръ, съумасшедшій можетъ принимать грань по 6 рвотнаго камня за разъ безъ признаковъ дѣйствія, тогда какъ для того же человѣка въ нормальномъ состояніи доволно и $\frac{1}{4}$ грана.

Вообще, кромѣ шарлатанизма, находящаго въ шаманствѣ широкое поле среди темныхъ, ничего не знающихъ людей глубокаго сѣвера, являются дѣйствительно люди, отличающіеся отъ природы и съ малолѣтства: сухощавое сложеніе, бѣлесоватоблѣдное лицо, нервный темпераментъ, глаза выразительные, полные внутренней жизни, лицо съ выраженіемъ озабоченнымъ, сосредоточеннымъ на чемъ-то, какъ бы недовольнымъ и тоскующимъ, воображеніе сильное, мечтательность съ склонностью къ мистицизму, впечатлительность и раздражительность къ малѣйшимъ агентамъ изъ всего окружающаго, — вотъ особенности, которыя съ дѣтства отдѣляютъ будущаго шамана. Не та ли это натура, которая въ нашихъ ежедневныхъ медицинскихъ наблюденіяхъ располагается, и особенно межъ женщинъ, къ истерикамъ, падучей болѣзни, пляски св. Витта, и т. п. нервнымъ страданіямъ, къ которымъ подходит и кликушество (*hysteria cum demonomania*) и никотство (гортанная хорея)?! За тѣмъ припомните упомянутую уже нами способность нервовъ воспринимать нервныя впечатлѣнія и подражать: какъ считаеый будущимъ шаманомъ уже поступаетъ подъ науку предшественниковъ, изучаетъ заклинанія, пѣсни, молитвы, внѣшнія обрядности и т. п. и, присутствуя при всѣхъ шаманствахъ, онъ получаетъ еще большее разстройство нервовъ, точно такъ, какъ передается между женщинами истеричность. Потомъ обратите вниманіе на обычай передъ шаманствомъ уединяться, поститься цѣлые дни, не спать, принимать сильно дѣйствующія на нервы средства въ родѣ бака и мухомора, да еще обычай окружающихъ вскрикивать, подпрыгивать и т. п., — и вы поймете, что весьма естественно такой натурѣ проявиться болѣзненно со всѣми шаманскими прыжками, криками и галлюцинаціями. Вы поймете, что за этимъ мучительнымъ болѣзненнымъ напряженіемъ всего организма должно послѣдовать полное ослабленіе, упадокъ силъ, въ родѣ оцѣпенѣнія, что длится полчаса и болѣе, пока окружающіе не начнутъ будить; а грубая толпа убѣждена, что въ это

время душа шамана сходитъ въ пропасть и сообщается съ духами. Поэтому, замѣтивъ пробужденіе, они спѣшатъ осыпать шамана вопросами, какъ вѣщаго пророка, о будущемъ, о предстоящихъ ловахъ и т. п., и онъ, съ пылающимъ еще лицомъ, дрожащими членами и глазами, устремленными неподвижно вдаль, приходитъ нѣсколько въ себя, ударяетъ въ бубень и даетъ отвѣты. Все, что скажетъ при этомъ не шарлатанъ, а настоящій больной, т. е. шаманъ, онъ скажетъ съ полнымъ убѣжденіемъ: это, положимъ, его бредъ, его сонъ, его галлюцинаціи, его пллюзіи; но онъ убѣжденъ въ нихъ. Да, если среди насъ человѣку съ болѣзненно раздраженнымъ воображеніемъ и съ погруженіемъ на одну идею, представляется и то и другое, если подъ вліяніемъ хвороформа видятъ блаженство рая, если пьяные разговариваютъ съ чертами и чувствуютъ, какъ тѣ щиплютъ ихъ тѣло, то удивительно ли, что больной шаманъ говоритъ съ убѣжденіемъ? удивительно ли, что слова его относятся, такъ или иначе, къ дѣлаемымъ вопросамъ? вѣдь міръ идей и желаній этихъ людей слишкомъ тѣсенъ, а шаманъ между ними натура высшая отъ рожденія и болѣе развитая кой-какими познаніями и наблюденіемъ надъ явленіями окружающей природы?! Припомните еще, что каждый животный организмъ живетъ и развивается среди общихъ явленій природы, въ непремѣнной съ ними связи, въ постоянной зависимости отъ нихъ, и эта-то связь и зависимость тѣмъ крѣпче и сильнѣе, чѣмъ ниже степень развитія организма и въ то время, какъ мыслящій человѣкъ создаетъ барометры и термометры, птицы сами по себѣ предчувствуютъ болѣе сильныя изъ явленій и принимаютъ мѣры защиты своего матеріальнаго бытія. Припомните, что и человѣкъ во снѣ, когда отдыхаетъ онъ и отъ умственной и отъ физической работы, когда идетъ въ немъ работа органическаго домостроительства, когда работаютъ нервы ганглиозной системы, дѣлается впечатлительнѣе къ агентамъ общей окружающей природы. Потому удивительно ли, если болѣзненно впечатлительная и раздраженная натура шамана испытываетъ вліянія извѣстныхъ силъ природы и тогда, какъ для другихъ онъ еще какъ бы не существуютъ. Вотъ въ чемъ лежитъ основаніе предузнаній истиннаго шамана, имѣющей начаться грозы и т. п., чѣмъ уже окончательно убѣждается толпа въ его будто вѣщемъ, пророческомъ словѣ, въ его знакомствѣ съ дьяволомъ. Приведу въ заключеніе слова извѣстнаго доктора Кленке: „есть люди, которые вблизи нѣкоторыхъ „благородныхъ камней, породъ деревьевъ, подземныхъ слоевъ каменнаго угля, металловъ, приходятъ въ нѣкоторое страданіе“... и далѣе онъ прибавляетъ: „перемѣны электрическаго, магнитнаго состоянія нѣкоторыхъ субстанцій, иннервація другихъ недѣлимыхъ и проч., земли и

„силъ вѣшнихъ, подлежащихъ вліянію его, дѣйствія теплоты, электро-химическое состояніе производятъ измѣненія въ нервахъ чувства кожи и въ человѣкѣ, такъ или иначе, измѣняются чувствованія и желанія“.

Сознавая своеобразность своего мнѣнія объ истинномъ шаманствѣ, какъ болѣзни, я умышленно въ подтвержденіе окончилъ словами извѣстнаго ученаго. Но вотъ что интересно и въ тоже время темно: наука не дала еще отвѣта — гдѣ граница вліяній вѣшной природы на организмъ человѣка? гдѣ предѣлы впечатлительности и раздражительности нервной системы и происходящихъ за тѣмъ проявленій, кажущихся чудесными, сверхестественными? О, если бъ наука могла разрѣшить это! Тогда можно бы было привѣтствовать людей-собратовъ словами: нѣтъ болѣе суевѣрій!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О туруханскихъ скопцахъ.

Обличеніе — единственное орудіе противу всякаго безразсуднаго увлеченія.

Послѣ шаманства нѣтъ ничего естественнѣе, какъ перейти къ описанію скопческой секты: сколько потому, что и та, и другая, равно, составляютъ принадлежность описываемой мною полосы, столько же и по сходству нѣкоторыхъ обрядностей, хотя, конечно, отвратительная сущность скопческой секты ниже всякаго шаманства, т. е. даже нынѣшняго, которое сдавлено и проявляется уже въ жалкой формѣ, доживая послѣднія минуты.

Отъ востока, отъ зарп,
Отъ Сіона — крутой горы,
Не золотая труба трубить,
То — отецъ нашъ скоро будетъ!
Отъ страдальцевъ освободится,
Изъ неволи прикатится!

О, драгой нашъ орелъ златый —
Гость нашъ, батюшка богатый!
Свѣтъ по келейкѣ онъ ходитъ,
Свой небесный глазъ возводитъ,
Ручки къ небу воздымаетъ,
Благодать съ неба принимаетъ
О, нашъ райскій соловей,
Прилети къ намъ поскорѣй!
Безъ тебя, нашъ государь,
Въ нашихъ зеленыхъ садахъ
Нѣту радости у насъ,
Котора была при васъ!
Мы на Питеръ сердцемъ взглянемъ, —
Весь глаголь, привѣтъ вспомняемъ,
Помынемъ, ти, государь!
Мы на Муромъ поворотимъ,
Знать батюшку не воротимъ!
Жалкая ты, наша плоть,
Занялася суетой;
Гдѣ жъ духъ чистый пресвятой?
Я слечу съ неба съ трубой —
Вѣковать буду съ тобой,
Спрошу всѣхъ, по одному,
У кого, что есть въ дому,
А пророкамъ, пѣвчимъ людямъ,
Особливый будетъ судъ,
У кого не чистъ сосудъ!
Поживите жъ въ чистотѣ,
Во небесной красотѣ!
Пожалѣйте жъ, мои други,
Мой спасительный законъ!
Я вамъ, батюшка, знакомъ?
Честъ и слава!
Честъ, держава!

Что это за безсмыслица? подумаете вы. Что за наборъ словъ? Нѣтъ, это не наборъ словъ, а раскольничья пѣсня, въ которой есть свой смыслъ, не понятный, пока не познакомишься съ вѣрованіями и обрядностями скопцовъ. Секта эта и во внѣшнемъ проявленіи своемъ представляетъ вредную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гнусную смѣсь старовѣрчества, языческаго шаманства и народныхъ пѣсенъ и плясокъ.

Чтобы дать понятіе объ этой дикой сектѣ, необходимо рассмотреть: 1) причины, которыми вызвана она, 2) время и средства ея распространія, 3) религіозныя ея основы, 4) отношеніе къ язычеству и народности, 5) обрядность и 6) вліяніе ея на физическую и нравственную природу человѣка.

Секта эта, какъ теперь извѣстно, чисто мистико-пантенстическая. Но откуда же было явиться у русскаго народа мистичности? Вѣдь многіе изъ нашихъ писателей и ученыхъ думаютъ, что русскій человѣкъ никогда, даже въ дни язычества, не имѣлъ наклонности къ мнѣческому творчеству. Они опираются на то, что нѣтъ письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ о нашей славянской мнѣологіи ⁽¹⁾. Но разбирая русскую свадьбу и преданія Остяковъ ⁽²⁾, мы уже доказывали необходимость открывать историческія истины вездѣ въ памятникахъ старины, въ устахъ народа, въ обычаяхъ его бытовой жизни. Что касается до обычаевъ и повѣрьевъ, наприимѣръ при родинахъ, поминкахъ, при наступленіи солнцеворота, весны, лѣта, осени, зимы, при началѣ каждаго дѣла — сборѣ въ дорогу, куплѣ, продажѣ, стройкѣ дома, паханьи, посѣвѣ, жатвѣ и т. п. — смыслъ всѣхъ ихъ давно потерялся, а между тѣмъ они продолжаютъ держаться, какъ остатокъ языческой мнѣологіи и будутъ держаться, до тѣхъ поръ, пока развитіе ума положительными научными знаніями не выяснитъ всю ихъ нелѣпость. Но еще болѣе доказательствъ мнѣческой производительности того періода мы находимъ въ сказаніяхъ „словесныхъ“: сюда относятся всѣ лики выглядывающихъ изъ тумана лѣшихъ, водяныхъ, домовыхъ, русалокъ, кикиморъ, вѣдьмъ, ягихъ-бабъ, змѣевъ-горынычей, жаръ-птицъ, таинственного бѣль-горючъ-камня-алатыря и многое другое, истертое уже въ порошокъ, или разбитое въ обломки. Но прислушайтесь болѣе, и вы найдете цѣлый рядъ „стиховъ народныхъ“, поющихъся болѣе „нишей братіей“ и составляющихъ предметъ то забавъ молодежи, то благоговѣйныхъ распѣваній старости. Изъ нихъ болѣе всего замѣчательнъ „Стихъ о голубиной книгѣ“. Въ этихъ стихахъ языческая мнѣологія силилась удержаться среди всеобщаго водворенія христіанскихъ идей; потому они представляютъ странную смѣсь. Вотъ въ этой-то мистично-

---

⁽¹⁾ Мы понимаемъ подъ „мнѣомъ“ всякую фантастическую оболочку первобытныхъ вѣрованій, мыслей и мудрованій; тогда какъ подъ „сагой“ разумѣется всякая „былина“, переданная народомъ въ словѣ, т. е. всякое сказаніе, сказка (не въ опошленномъ смыслѣ выдумки, а въ смыслѣ народномъ, какъ наприимѣръ „ревизская сказка“).

⁽²⁾ Свѣточъ 1861, кн. II и VII.

сти, въ существованіи подобныхъ народныхъ стиховъ и лежитъ одна изъ основъ, изъ которой могло привиться у насъ скопчество. Другою если не основой, то хоть поддержкой, было ознакомленіе нашего простонародья съ послѣдователями шаманства и ихъ вѣрованіями. Третьею было, конечно, евнушество, развитое въ Римѣ и существовавшее въ Византіи, какъ средство къ безслѣдному удовлетворенію сладострастія.

Но гдѣ же зародилась мысль о составленіи у насъ такой секты? Чисто ли русскимъ произведеніемъ должно считать ее, или чужая мысль и чужое дѣло облечены только въ нашу форму и какъ можно ближайшую къ народу? Нѣтъ ли въ появленіи этой секты политическихъ цѣлей, тѣмъ болѣе, что Селивановъ, основатель ея, явился во времена пугачевщины и сидѣлъ въ одномъ острогѣ съ Пугачевымъ въ Казани. Нельзя ли считать этого дѣломъ іезуитства, подобно тому, какъ оно усиливается развивать у насъ и другія старовѣрческія секты? Вотъ вопросы, которые подлежатъ разбору и рѣшенію людей, занимающихся у насъ изученіемъ отечественной исторіи.

Секта скопческая развилась, сколько извѣстно, изъ старовѣрчества и въ особенности изъ хлыстовщины. Селивановъ съ однимъ товарищемъ своимъ порѣшили на одномъ изъ хлыстовскихъ радѣній, что какъ ни хороши обрядности хлыстовщины, но свальный грѣхъ ея противенъ слову и жизни Христа, а потому надобно пресѣчь зло въ самомъ источникѣ, на основаніи словъ Христа: „аще око десное соблажняетъ тя, изми е и верзи отъ себе“. Это было, кажется, въ 1752 году. За тѣмъ Селивановъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Иркутскую губернію, гдѣ и началъ свои проповѣди о скопческой вѣрѣ, присоединивъ къ ней, для привлеченія народа, нѣкоторыя событія, въ родѣ того, что онъ Императоръ Петръ III-й, отецъ Императора Павла.

Надобно удивляться, какъ эти два основателя секты могли явиться въ Петербургѣ, за тѣмъ сидѣли въ одной изъ финляндскихъ крѣпостей, гдѣ одинъ изъ нихъ и умеръ; а другой, Селивановъ, переселяется въ Петербургъ и начинаетъ проживать въ немъ на порукахъ нѣкоторыхъ важныхъ особъ. Тутъ развилась и секта его, проникая даже въ монастыри. Селивановъ искусно умѣлъ скрывать ея пантеизмъ и всѣ политическія основы. Онъ скрывалъ и то, что окровавленная рубашка, въ которой онъ былъ сѣченъ кнутомъ, составляетъ предметъ религіознаго почитанія его послѣдователей. У скопцовъ сочиненъ цѣлый томъ страдъ, т. е. описанія его страданій. Страды эти, мѣстами со всею силой народнаго русскаго слова, описываютъ страданія Селиванова, равно и всю жизнь его въ Иркутскѣ. Сектанты ловко умѣли выставить на показъ одни только воспѣванія жизни и страданій чистыхъ людей на

земли, а также и всю мистическую сторону, подъ ладъ общему въ то время мистическому настроенію. Это было ранѣе двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія, съ которыхъ и масонство, и весь мистицизмъ перестаетъ быть у насъ преобладающимъ настроеніемъ. Селивановъ попадаетъ въ Суздальскій монастырь, гдѣ и умираетъ, говорятъ, не покаившись: такъ сильно было въ немъ желаніе удержать существованіе своей секты, желаніе, взлетѣвшее столькими десятками лѣтъ прежняго успѣха. Говорятъ, онъ прожилъ болѣе ста лѣтъ.

Кромѣ этихъ двухъ фанатиковъ, въ главѣ секты была еще одна женщина, называвшаяся, кромѣ обыкновеннаго имени, богородицею. Она тоже много способствовала къ развитію секты.

Такъ какъ скопческая секта ⁽¹⁾ зародилась среди хлыстовъ, да въ нее перешли и всѣ ихъ радѣнія и обрядности, то я скажу нѣсколько словъ и о хлыстовщинѣ, описанной уже въ „Православномъ Собесѣдникѣ“. Богъ-отецъ, живущій въ свѣтѣ непреступномъ, сходилъ, по мнѣнію сектантовъ, однажды на землю для основанія вѣры и жилъ въ лицѣ Даниїла Филипповича. Это было такъ: когда грѣшники слишкомъ размножились и грѣхи стали очень тяжкими, люди праведные стали подымать руки къ небу и взывать: „Господи, Господи! явися къ намъ либо въ образѣ, либо въ крестѣ, чтобы намъ было чему молиться“. И вотъ, по словамъ скопческихъ пѣсенъ, на огненныхъ облакахъ, въ пламенной колесницѣ, съ сонмомъ ангеловъ, сошелъ Господь съ неба на землю и родился въ стародубской сторонѣ. Это было въ 1645 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Возродился онъ, въ лицѣ Даниїла Филипповича, который, по розыскамъ правительства, оказался крестьяниномъ Муромскаго уѣзда Владимирской губерніи. Богъ-отецъ, видите ли, явился въ лицѣ его для того, чтобы явить народу Христа. Рожденіе ихъ Христа, въ лицѣ Ивана Суслова, опутано таинственностію: такъ, есть преданіе, что Сусловъ родился, какъ чудо, отъ столѣтней старушки; священникъ не хотѣлъ крестить ребенка и никто не хотѣлъ быть его восприемнымъ отцомъ; тогда старикъ началъ кланяться объ этомъ всѣмъ встрѣчнымъ. Вдругъ изъ толпы вышелъ одинъ, который самъ и крестилъ, и воспринималъ младенца, тогда какъ священникъ, бывшій въ это время въ церкви, очутился какими-то силами на паперти. Сусловъ жилъ и странствовалъ всюду съ дѣвницей, которую называлъ

• (1) Я изучалъ эту секту въ Туруханскомъ краю. Это мѣсто ссылки. Къ 1860 году сектантовъ было въ Туруханскомъ краю около 300 человѣкъ. Большею частію они сосланы изъ Петербургской губерніи и принадлежатъ къ лютеранамъ-чухонцамъ. Съ весны 1860 года они стали выселяться въ Якутскую область, на Алданъ и Маю.

своею матерью, избранною для него Богомъ, почему народная толпа величала ее богородицею. Онъ подобралъ къ себѣ какихъ-то двѣнадцать молодцевъ, которые назывались апостолами. Проповѣдуя хорошія правила противу воровства, но вмѣстѣ гнусныя въ видахъ сладострастія, онъ старался скрыть начало своей секты, почему и требовалъ отъ послѣдователей, чтобы они какъ можно болѣе усилили соблюденіе внѣшнихъ формальностей православной церкви. Потомъ слѣдуютъ новыя таинственности: будто Сусловъ въ 1658 году былъ схваченъ и распятъ въ Москвѣ у Спасскихъ воротъ, за тѣмъ воскресъ, вторично схваченъ; но тогда бояринъ Морозовъ рѣшительно отказался отъ снятія съ такого лица допросовъ; это не помѣшало впрочемъ Суслову, въ воображеніи скопцевъ, умереть и воскреснуть вторично. Поэтому и поетъ пѣсенька:

Ужъ какъ по морю, по морю,
По синему морю (міръ житейскій),
По житейскому, по хвалынскому,
Плыли, выплывали гости „корабельщики“,
Изъ данныхъ городовъ, израильскихъ родовъ.
Приплывали гости
Къ Іерусалиму граду — каменной Москвѣ.
Приходили они къ земляной тюрьмѣ:
Стали они караульщиковъ опрашивать:
„Ой, вы той еси, караульщики!
Что у васъ это за темницы стоять?
Что въ темницахъ за невольники сидятъ?
Прочто бьете ихъ вы, — прочто мучаете?
Что на нихъ пытаете? чего спрашиваете?“
Тутъ отвѣтъ держать караульщики:
„Ахъ, вы братцы, карабельщики!
Ихъ про вѣру бьютъ, Божью истинную,
На нихъ спрашиваютъ самаго Бога Христа“.
Стали гости межъ собою оглядываться,
Золотой казной стали складываться,
Выкупать стали, выручать,
И на волю выпущать.

Не удивительно послѣ того, что Сусловъ могъ воскресать три раза! Деньги великое дѣло! Да и бояринъ Морозовъ, пожалуй, могъ при нихъ отказываться отъ произведенія допросовъ: вѣдь подсовывалъ же онъ царю Алексѣю подписывать бумаги, хотя и въ частныхъ случаяхъ, но такія, которыя вели къ укрѣпленію крѣпостнаго права.

Въ третій же разъ не казнили Суслова потому, что царица разрешилась сыномъ Петромъ, и роды, по предсказанію одной старицы, могли быть благополучны въ такомъ только случаѣ, если заключенный въ темницу Сусловъ будетъ выпущенъ. Слово старицы-вѣщуньи было, безъ сомнѣнія выполнено. Мы сказали „безъ сомнѣнія“, потому что и въ тѣ годы, и въ наше время, у женщинъ суевѣріе сильнѣе: вѣдь петровская реформа переломала только внѣшность, — изъ шушуновъ переоде́ла въ нѣмецкія и французскія моды, но не дала прочной идеи; а одно только умственно-нравственное развитіе и положительныя познанія могутъ освободить нашу женщину отъ суевѣрій и предрасудковъ, въ какой бы формѣ они ни являлись — въ старой или новой, въ восточной или западной! Выпущенный изъ тюрьмы, Сусловъ зажилъ въ Москвѣ благополучно, такъ что и Данила Филипповичъ, свѣдавъ о томъ, пріѣхалъ въ Москву туда же. . О, тогда:

Не два солнышка сокатались,
А два гостя ликовались,
Гость Данила, свѣтъ Филипповичъ,
Гость Иванъ, сударь Тимофѣевичъ.
Въ одно мѣсто они сходилися
И другъ другу поклонилися.

Потомъ въ 1700 году Данило умеръ, а въ 1716 г. скончался Иванъ Сусловъ, и тѣло его погребено въ Москвѣ, у Николы на драчахъ.

Перейдемъ къ сторонѣ догматической. Сомнительно, чтобы хлысты и скопцы признавали одного Бога. Правда, въ ихъ пѣсняхъ видны намеки о какой-то троичности божества, но такъ же, какъ являлись Богъ-отецъ и Богъ-сынъ въ лицахъ Данилы и Ивана. Такъ, на примѣръ, они поютъ:

Агница-то, мати Варвара прекрасна,
Въ троицѣ три Бога познала! ⁽¹⁾
Возглаголетъ сыну Христу сама мати:
Дражайшій ты, свѣтъ мой, Сынъ Божій,
Изобранъ со седьмаго неба свѣтъ созданный,
Саваоомъ свѣтъ созданный,

Но основное ихъ убѣжденіе состоитъ въ томъ, что если Христосъ могъ явиться видимо, то и каждый избранный можетъ также явиться ихъ обществу. Потому они, на примѣръ, и поютъ:

⁽¹⁾ Св. Варвара познала и чтитъ Единого Бога въ трехъ Лицахъ, а не три Бога въ Троицѣ.

А какъ я тебѣ, сударикъ,
Загадаю шесть загадокъ,
А какъ я Богъ завладаю
Всѣ загадки отгадаю!
Ну, поди же пораждѣй,
Живымъ Богомъ завладѣй!
Вотъ пошелъ онъ пораждѣль,
Живымъ Богомъ завладѣль.

Такія виѣшности хлыстовщины приняты и большею частію скопцовъ, тогда какъ г. Щаповъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ перемѣшалъ хлыстовъ со скопцами. И на основаніи словъ Священнаго Писанія, и подобно убѣжденію шаманистовъ (какъ замѣчено мною въ другой главѣ) скопцы думаютъ, что, при помощи различныхъ скачковъ, бѣганій, плясокъ и истязаній до утомленія (что называется на ихъ языкѣ „таинственной смертью“), они могутъ доходить до состоянія „таинственнаго воскресенія“. — Они убѣждаютъ, что Адамъ былъ Богъ, потому что въ поэмѣ Мильтона „Потерянный Рай“ написано: на вопросъ Адама къ Рафаилу „какъ ты входишь плотію на небеса“, — Рафаилъ отвѣтилъ: „тобою устроены небеса и тобою взяты мои тѣлеса“. Кромѣ того, сектанты называютъ Адама и „Христомъ“.

У этихъ сектантовъ нѣтъ совсѣмъ образовъ, но есть свой крестъ съ распятымъ человѣкомъ. Есть и евангеліе, писанное красными буквами, съ портретомъ распятаго скопца. Я говорю „скопца“, потому что лицу придано скопческое выраженіе, раздвоены волосы на головѣ и подрѣзаны въ кружокъ. Евангеліе ихъ можно читать только обратно, то есть съ конца строкъ. Креста они или не дѣлаютъ вовсе, или кладутъ по старовѣрчески, или обѣими руками. Церковной іерархіи секта не признаетъ, духовенство православныхъ отвергаетъ и даже глумится надъ нимъ. Вотъ что поютъ они: между прочимъ:

На страстной было недѣлѣ
За Христомъ гнались іудеи,
Они гнались, не догнали,
Да и взять его не взяли,
Только ризу оборвали.

Тутъ Іуда на базаръ
Пошелъ хлѣба покупать,
И сталъ думать да гадать,
Захотѣлъ Христа продать

И пошелъ къ архіереямъ!
Не хотитель, архіерей,
Я хочу Христа продать?
И они въ мигъ взрадовались,
Ко Іудушкѣ бросались:
Ахъ, Іуда искорьботскій!
Сколько золота тѣ, казны?
Дайте тридцать рублей золота —
Оставайсяжъ мѣсто свято!
— Какъ же намъ Его узнать?
— Буду я кого лобзать:
Вы того прямо берите,
На распятіе тащите!

Мы привели эту пѣсню въ доказательство ихъ нерасположенія къ священству. Содержаніе ея надобно относить не къ евангельскому сказанію о продажѣ Іисуса Христа Іудею: она относится къ каждому скопцу и къ каждой измѣнѣ. • Вообще сектанты крѣпко скрываютъ основы своихъ священнодѣйствій: они застрашены такъ, что въ ихъ воображеніи носится постоянно какой-то страшный призракъ кары, за нарушеніе обѣщанной тайны. Скопцы говорятъ, что въ клятвѣ пропзносится три такихъ таинственныхъ слова, послѣ которыхъ нѣтъ никакой возможности открыть истину. Извѣстно также, что они разстрѣливаютъ портреты отступниковъ. Что касается до того, что пантеистичность перемѣшивается у нихъ съ какимъ-то понятіемъ о божествѣ, мы приведемъ еще стихи:

Рай, ты мой рай,
Блаженный мой рай!
Во тебѣ, рай, красно солнце!
Оно рай весь освѣщаетъ,
Отнюдь грѣшныхъ не пускаетъ;
Тамъ стоитъ вѣдь престолъ Божій,
Вокругъ служатъ пречистыя силы,
Они машутъ крылами,
Сами веселятся,
Духомъ просвѣтятся,
Святымъ разблажятся!

Въ этомъ стихѣ Святой Духъ является какъ будто третьимъ лицомъ Св. Троицы; тогда какъ въ другихъ пѣсняхъ третьимъ лицомъ представляется

„мати“. Дѣло, по нашему мнѣнію, въ томъ, что какъ эти пѣсни поются во время радѣній со скачками и прыжками, гдѣ предводительствуютъ пророки и пророчицы, то и надобно принимать, что скопцы вовсе не признаютъ ни единого Бога, ни тропичности его, а просто, какъ пантенсты, убѣждены, что каждый изъ нихъ можетъ дойти до состоянія божества. Въ статьѣ о шаманствѣ я говорилъ о томъ убѣжденномъ въ себѣ и болѣзненно-нервномъ существѣ, которое подвергается всѣмъ родамъ галлюцинацій и иллюзій, спазмъ, приливовъ и конвульсій, и доходитъ до состоянія умопомѣшательства, когда ему не существующее кажется существующимъ; точно такъ и эти „люди Божіи“, при настроеніи всѣхъ присутствующихъ и при собственномъ увлеченіи, легко могутъ подчиниться такому же небывалому ощущенію, которое они и принимаютъ за сошествіе на нихъ Св. Духа и за превращеніе ихъ самихъ въ божество, что пѣсня выражаетъ словами — „Богомъ завладаю“.

Таинствъ церкви скопцы не признаютъ: брака у нихъ, конечно, нѣтъ; крещеніе они осмѣиваютъ, называя его только воднымъ, тогда какъ надобно каждому сдѣлать и духовное крещеніе, т. е. принять участіе въ ихъ собраніяхъ и радѣніяхъ, къ которымъ, конечно, не допускать до поступленія физически въ ихъ секту. Причастіе они тоже отвергаютъ, употребляя квасъ съ калачемъ, которые и находятся на столѣ, въ комнатѣ, во все время радѣній. Сектанты считаютъ скопцомъ и самаго Христа на томъ основаніи, что онъ былъ обрѣзанъ, по еврейскому обычаю, и въ пѣсни херувимской, вмѣсто „тайно образующе“, они читаютъ и поютъ: „тайно обрѣзующе“. Такимъ образомъ, главная и самая гнусная особенность ихъ секты состоитъ въ томъ, чтобы бѣжать отъ борьбы со страстями, при чемъ только и можетъ возвышаться человекъ. Въ этомъ они опираются на слова Христа: „и сущі скопцы, иже скопши себя царствія ради небеснаго“. Они даютъ этимъ словамъ матеріальное значеніе, забывая, что при такомъ пониманіи словъ Писанія, они должны остаться и безъ глазъ, и безъ рукъ; потому что тамъ прямо есть фразы: „аще око десное соблазняетъ тя изми е“, или „аще рука десная соблазняетъ тя — усѣцы ю и верзи отъ себе“.

Между тѣмъ они же не хотятъ знать другихъ изреченій, которыми все это уже разъяснено: напримѣръ, посланіе къ Ефесс. 5, 3; къ Колос. 3, 5; въ кормчей книгѣ въ первой части правила апостоловъ 8, 24, 23, 22; въ толкованіи Іоанна Златоустаго на евангеліе Маттея, бесѣды 62; въ полномъ собраніи писаній Златоустаго изд. Монтфокова, томъ 6, стр. 258; также въ писаніяхъ Василія Великаго, томъ 4, стр. отъ 845 до 847.

Я не привожу этихъ мѣстъ въ своей не богословской, а литературной замѣткѣ; любопытствующіе могутъ найти ихъ по указанію.

Но этимъ не ограничивается основаніе секты.

Вотъ еще нѣсколько основныхъ правилъ, безъ которыхъ нельзя быть ея членомъ. Она требуетъ: бѣгать всякаго веселія, не участвовать ни въ какихъ народныхъ играхъ, отказаться совершенно отъ православной вѣры, слѣдовательно отъ праздниковъ нашихъ, отъ постовъ и отъ церковныхъ молитвъ, бранить священно-дѣйствующихъ, и не признавать образовъ. Самое же вредное для православія правило сектантовъ, съ помощью котораго они увлекаютъ несвѣдущихъ и распространяютъ свое ученіе, состоитъ въ томъ, чтобы, для обмана и насмѣшки, ходить какъ можно чаще въ православныя церкви, показывать самый заботливый видъ о богомольности, кланяться болѣе и чаще иконамъ, подходить подъ благословеніе священно-дѣйствующихъ, принимать причастіе и ѣсть просфоры. Ловкіе сектанты понимаютъ, что единственное и лучшее средство къ распространенію ихъ секты состоитъ въ видимомъ общеніи съ православною церковію; только въ церквахъ они могутъ встрѣчать стеченіе народа, показывать самый отшельническій видъ христіанскаго благочестія, внушать къ себѣ состраданіе, вызывать сочувствіе, заводить знакомство и за тѣмъ исподоволь увлекать.

Мѣсто, гдѣ совершаются таинства сектантовъ, называется у нихъ „домомъ Божіимъ“, а все собраніе — „кораблемъ“. Главные шаманы ихъ бываютъ либо мужчины, либо женщины и называются: пророкъ и пророчица, кормщикъ и кормщица, корабельщикъ и корабельщица, архангелъ и богородица. Прочіе всѣ носятъ прозвища: „зеленаго винограда“, „бѣлыхъ лебедей“, „Христова стада“, „мелкихъ лодочекъ“, „людей Божіихъ“, а между собою именуются „братьями и сестрами“. Такъ они поютъ:

Плыветъ по сладкимъ-рѣкѣ царскій корабль,
Вокругъ корабля мелки лодочки,
Вѣрные царскіе дѣтушки —
Пловцы, бѣльцы, стрѣльцы, донскіе казаки,
Воины заграничные, слуги вѣрные.

Или:

Братья, сестры духовные,
Духовные, Богомъ полюбовные,
Святымъ Духомъ избранные,
Сыномъ Божіимъ порожденные.

Добиваясь разными скачками и прыжками, подъ пѣніе пѣсень, схожденія Святаго Духа и вселенія божества въ каждого изъ нихъ, скопцы увѣряютъ простыхъ, темныхъ, туповатыхъ и корыстолюбивыхъ людей, будто подъ конецъ моленія выскакиваетъ изъ воды мальчикъ въ бѣлой рубашкѣ и раздаетъ достойнымъ изъ нихъ щедрою рукою богатства. Они прибавляютъ, что въ этомъ-то и состоитъ причина ихъ богатства, а не въ пустой молвѣ, будто у нихъ въ Питерѣ есть богачи-мѣнялы, какъ главные пророки, которые поддерживаютъ далеко усланныхъ братьевъ высылкою денегъ. Однакожъ въ Туруханскомъ краю скрыть большихъ присылокъ денегъ и въ самомъ дѣлѣ было невозможно, и это разглашалось скопцами на томъ предположеніи, будто получающій деньги плохо дѣлитъ и много оставляетъ въ свою пользу.

Перейду теперь къ тому, какъ у сектантовъ совершаютъ разныя „радѣнія“. Они раздѣляются на 1) „простыя бесѣды“, въ которыхъ участвуютъ всѣ члены секты и даже приглашаются православные; 2) „обыкновенныя моленья или радѣнія“, совершающіяся только при тѣхъ, въ искренней преданности которыхъ не сомнѣваются; 3) „главныя годовыя“, выборъ для которыхъ еще строже, и 4) „радѣнія чрезвычайныя“.

Обыкновенныя радѣнія подраздѣляются еще по виду совершенія ихъ: на хороводныя, круговыя, корабельныя или давидовскія и крестныя.

Простыя бесѣды можно считать продолженіемъ той ловушки для простаковъ изъ православныхъ, которую начинаютъ они въ церкви своимъ лживымъ внѣшнимъ благочестіемъ и уваженіемъ къ молитвѣ и святынь. Онѣ назначаются въ обыкновенные храмовые наши праздники и начинаются выступленіемъ на сцену пророка, который подъ пѣніе толпы:

Духъ въ пророкѣ разблажился:
Чптаетъ онъ книгу евангелъ,
А за правымъ плечемъ его ангелъ!

начинаетъ, подобно шаману, юродствовать, кричать, скакать, кривляться, до ослабленія и бреда. При этомъ ложно объясняется, что всѣ такія сильныя движенія въ пророкѣ зависѣли отъ дѣйствія въ немъ духа Божія. Послѣ этого онъ, какъ бы въ бреду, начинаетъ лепетать почти безсвязно; но раболѣпная толпа прислушивается къ таинственнымъ звукамъ и, схватывая отдѣльныя слова и фразы, выясняетъ ихъ работою собственной мысли въ цѣлое и придаетъ имъ особенный предсказательный смыслъ. Впрочемъ, въ этомъ безсвязномъ, по видимому, бормотаньи, раздаются чаще и слышнѣе укоры православнымъ въ нечестіи, условіянія

бросить видимую церковь и прилѣпиться къ невидимой, духовной — и сыплется брань на нашихъ священнодѣйствующихъ. За тѣмъ начинаются самыя бесѣды, клонящіяся къ самоотверженію, физическому цѣломудрію, воздержанію отъ вина, отъ брани, отъ игръ и забавъ народныхъ. Наконецъ, читаютъ писанія св. отцовъ, поютъ церковныя пѣсни и стихи объ Іоасафѣ царевичѣ, объ Іосифѣ прекрасномъ и т. п.

Собранія обыкновенныя бываютъ наканунѣ нашихъ праздниковъ, чтобы менѣе были замѣчены православными и чтобы, послѣ утомительной ночи, можно было свободно проспять праздникъ. Потому-то и ходятъ они по пятницамъ въ банн. Вотъ наступилъ вечеръ субботы, скопцы собрались, усѣлись, съ раздѣленіемъ половъ, мужчины направо, женщины налево; впереди сидятъ пророкъ и пророчица и начинаютъ пѣть псалмы и читать писанія, какъ въ простыхъ бесѣдахъ. Пѣніе ихъ какое-то особенное, протяжное, завывное и отвратительное. Это продолжается часа четыре до самой полночи. Съ этого момента, въ который, по убѣжденію нашего простонародья, сильна всякая нечистая сила, начинается радѣніе. Смотрите: какая идетъ суета! Каждый вывазываетъ изъ принесеннаго съ собою узелка какія-то бѣлыя чистыя вещи, а у кого нѣтъ — тому выдаетъ изъ своей кладовой пророчица; каждый снимаетъ торопливо свою одежду, натягиваетъ сперва длинные чулки, потомъ широкія бѣлыя рубашки съ длинными рукавами, въ родѣ употребляемыхъ для сумасшедшихъ, беретъ въ руки по бѣлому платку и обвязываетъ полотенцемъ голову со лба, такъ, чтобы узелъ приходился на затылкѣ. „Что значить такая одежда“? спрашивалъ я въ Туруханскомъ краю у тѣхъ изъ скопцовъ, которые, попавъ въ секту безъ расположенія, ведутъ разгульную жизнь и напиваются до пьяна. „Да сказываютъ, отвѣчали они, будто съ Ивана Тимоѣевича православные съ живаго содрали было кожу, а дѣвцы обвини его бѣлымъ полотенцемъ, которое въ одну минуту къ тѣлу приросло и кожей сдѣлалось. Такъ вотъ въ память этого и надѣваютъ все бѣлое“. Впрочемъ, это нужно считать и символическимъ знакомъ чистоты ихъ душъ во время радѣнія. Полотенца на лбу нужны какъ мягкая подкладка при поклонахъ лбомъ на полъ, а платки за тѣмъ, чтобы утирать съ лица льющійся ручьями потъ. Вотъ сектанты одѣлись, усѣлись и затянули напѣвомъ протяжно плаксивымъ, близкимъ къ простонароднымъ русскимъ пѣснямъ:

Святыи Боже, святыи крѣпкій,
Святыи безсмертныи,
Помилуй насъ!

Эти слова повторяются три раза. За ними воззванія:

Дай намъ Господи, Иисуса Христа,
Дай намъ, сударь, Сына Божія,
И помилуй насъ, сударь!
Сошли намъ Духа утѣшителя!

Вотъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ и *накатывается* вѣроятно духъ безумія, потому что они вскакиваютъ и начинаютъ скакать подь самый скорый и веселый напѣвъ одной изъ своихъ пѣсней:

Ай у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому,
И со ангелами,
Со архангелами!

За ними соскакиваетъ съ мѣстъ еще нѣсколько охотниковъ, и раздѣлившись на мужчинъ и женщинъ, начинаютъ танцы, въ тактъ *роспѣ-цовъ*, т. е. пѣсень, хоромъ которыхъ собственно руководятъ оставшіеся для того братья и сестры. Танцы этихъ обыкновенныхъ радѣній бываютъ четырехъ видовъ, называемыхъ „радѣнями“: круговое радѣнье, хороводное, корабельное и крестное. Для „хороводнаго“, которымъ и начинается дѣло, составляются два круга, какъ въ пляскѣ „осьмерка“, и кругъ мужчинъ становится внутрь круга женскаго, наружнаго. Поютъ:

Веселится весь соборъ,
Катить къ нимъ соколъ,
Полный Духъ, сударь, святой!

Веселость и скачки свои сектанты основываютъ тоже на нѣкоторыхъ фразахъ, выхваченныхъ изъ священнаго писанія. Гдѣ они успѣютъ обстроиться, тамъ заводятъ большія картины, которыя и выставляются при радѣнии. Такъ одна картина изображаетъ кругъ ангеловъ, въ кругѣ же самъ Христосъ съ овцою въ рукахъ; подь картиною значится: „обрѣтохъ погибшую овцу“. По краямъ этой картины изображены евангелисты и апостолы съ разными музыкальными инструментами въ рукахъ, а надпись гласитъ: „ликоствованіе“.

Подь пѣніе и въ тактъ его круги начинаютъ двигаться одинъ около другаго. Такъ пѣлія начинаетъ мало по малу ускоряться и доходить до того, что радѣющіе должны бѣгать. Наконецъ, они набѣгались, устали и пріостановились вздохнуть. Этимъ и оканчивается радѣніе хороводное.

Вздохнувъ немного, они начинаютъ другое радѣніе — *круговое*. Для него тоже составляются круги, но каждый „зеленый вертоградъ“ вертится одинъ, около самого себя, на своемъ мѣстѣ. При этомъ наблюдается, чтобы мужчины кружились въ правую сторону, а женщины въ лѣвую. Пѣніе идетъ своимъ порядкомъ, ускоряясь все болѣе и болѣе, при чемъ въ тактъ его вертится и весь составляющій круги „зеленый вертоградъ“; при этомъ дѣло доходитъ до такой скорости, что слышенъ только шумъ и раздувавшіеся рубахи стоятъ какъ столбы, а лицъ уже распознать невозможно. Въ средній внутренняго мужскаго круга, радѣютъ особнякомъ пророкъ и пророчица, которые, вдохновляясь или, вѣрнѣе, одураясь болѣе и болѣе, ускоряютъ тактъ пѣнія и прикрикиваютъ: „эй, плетей не жалѣйте! эй мареу не щадите!“ А всѣ подхватываютъ:

Ай вы, нуте-ка, други, пораdѣйте-ка!

И вы въ батюшки, сударя, въ земномъ саду.

Ай милость его Божья, благодать его святая!

Сектанты вертятся; съ нихъ градомъ льетъ потъ, и они торопятся утираться своими бѣлыми платками. Наконецъ, вся одежда смокла. Радѣльщики останавливаются и выжимаютъ бѣлье, а пѣсня пріостанавливается въ теченіи. Въ этой пляскѣ видно разительное сходство съ праздниками турецкихъ дервишей мевлевп.

Сектанты выжали бѣлье и тѣмъ временемъ вздохнули. И опять за радѣніе, но уже круговое; теперь начинается радѣніе *корабельное* или *давидово*. При немъ тоже составляется кругъ, но эллиптическій. Эта пляска, еще болѣе дикая, занимательнѣе и разнообразнѣе прежней. Она начинается прямо уже съ бѣганья и непремѣнно противу солнца. Бѣганье это вдругъ прерывается тактомъ пѣснп; всѣ оборачиваются другъ къ другу, прискикиваютъ одинъ передъ другимъ на носкахъ (т. е. на концахъ пальцевъ), и, повернувшись по прежнему, продолжаютъ бѣганье до новаго перерыва въ тактъ; безъ этихъ скачковъ и радѣніе будетъ не въ радѣніе, не будетъ давидово, потому что онъ, сказано въ писаніи, „предъ ковчегомъ скакаше“! А такъ какъ есть въ писаніи фраза „вси языци восплещите руками и воскликните гласомъ радованія“, то скопцы въ этомъ радѣніи попеременно бьютъ въ ладоши, ладонями по лядвямъ и, наконецъ, сами себя въ грудь, дѣлая при этомъ направленіемъ рукъ родъ крестнаго знаменія. При ударахъ они прикрикиваютъ: „Ой Духъ, святой Духъ! Ой Духъ, святой Духъ!“ Пророкъ и пророчица по прежнему отлучаются въ кругу.

Послѣ необходимаго отдыха начинается новое радѣніе „*крестное*“.

Въ основаніе этой дичи они положили слова Христа: „возьми крестъ свой и по мнѣ гряди“. Обыкновенно по нѣскольку человѣкъ устанавливаются во все четыре угла комнаты; пѣсня не умолкаетъ, и они въ тактъ ея сильно притаптывая ногами, размахивая руками и прикрикивая: „Ой Духъ, святой Духъ!“ перебѣгаютъ съ угла въ уголъ. Такихъ перебѣжекъ дѣлаютъ обыкновенно 50, а иногда и болѣе. И, наконецъ, измученные, съ льющимся потомъ, все пріостанавливаются. Такъ совершилась *баня накибытія*. Пѣніе прекращается, а вмѣсто него слышится крикъ пророка, за тѣмъ пророчицы, и, наконецъ подхватывается всеми: „вотъ накатишь, вотъ накатишь! накатишь, накатишь!“ Это значитъ „сошелъ Духъ святой“. Пророки готовятся вѣщать *судьбу*. Все благоговѣйно садится по мѣстамъ, трепетно ожидаютъ судьбы, а пѣсня затихиваетъ:

Милосердый нашъ отецъ
Всеѣхъ пророковъ перебираетъ,
На святой кругъ поставляетъ,
Свята Духа въ нихъ вселяетъ,
Судить судьбу благословляетъ!

Наконецъ пророкъ, препоясанный крестообразно чрезъ плечо знаменемъ (т. е. полотенцемъ), выходитъ на средину комнаты, дѣлаетъ поклоны картинамъ, раскланывается всему честному собранію и начинаетъ:

Благослови, мой государь,
Благослови, батюшка родной,
На кругъ твой стать!

— Изволь мною, святымъ Духомъ завладать! отвѣтствуетъ таинственный голосъ, разумѣется одного изъ сектантовъ.

Тутъ все падаютъ на колѣна и крестятся на прорицателя, увѣренные, что :

Все они стоятъ во блаженномъ во духу,
А неложный среди нихъ ходитъ живой пророкъ во кругу.

За тѣмъ начинается вѣщанье сперва *судьбы общей*, а потомъ *частной* каждому, такъ же какъ и въ шаманствѣ. Болтовня эта дѣлается и стихами и прозой, и рифмами и безъ рифмъ; смысла добиться никакого нельзя; вняты только приговоры: „вотъ вамъ отъ Бога указъ! оставайтесь; Богъ съ вами! покровъ Божій надъ вами!“ Но слѣпая, увлеченная толпа ловитъ каждое слово въ болѣзненно-раздраженномъ воображеніи, и при общемъ ослабленіи и раздраженіи нервной системы, со-

здають особые смыслы, картины, чувствованія, и жалкіе изувѣры даже плачуть!.. Наконецъ, и пророкъ, подобно шаману измучившись, падаетъ въ ослабленіи и обморокъ.

Этимъ представленіе и пляски оканчиваются. Потомъ поютъ заключительныя молитвы о благополучномъ возвращеніи по домамъ; усаживаются по мѣстамъ, отдыхаютъ, пьютъ чай, ѣдятъ и ложатся спать.

Есть еще два рода радѣній: „чрезвычайное и годовое“.

Чрезвычайныя радѣнія бываютъ при какихъ нибудь особенныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ при обращеніи въ секту новаго лица, при случившемся несчастіи, при желаніи знать будущее, въ родѣ того, счастливо ли будетъ выселеніе изъ Таруханскаго края на Маю и Алданъ въ Якутской области. Для совершенія такого радѣнія бываетъ уже заранѣе выкопана подъ поломъ яма; надъ нею въ полу дѣлается рѣшетка, надъ которой ставится круглый чанъ со свѣжей водой. Чанъ облѣпляется горящими восковыми свѣчами. Около него составляется тоже два круга, какъ было и при хороводномъ радѣніи. Пророки долго читають молитвы, а „лебеди бѣлые“ лежатъ въ то время передъ чаномъ ницъ. Это длится до полночи. Тогда спускають и мужчины и женщины рубашки по поясъ, но такъ, что женщины прикрываютъ грудь; потомъ длинными рукавами опоясываются. За тѣмъ одинъ за другимъ подходятъ къ пророку или пророчицѣ, и та подаетъ имъ вербовые пучки, а гдѣ ихъ нѣтъ — просто жгутики, называемые святыми. При раздачѣ святыхъ жгутиковъ пророчица бьетъ каждого жгутомъ черезъ правое или лѣвое плечо. За тѣмъ всѣ устанавливаются въ круги и ведутъ во всей силѣ хороводное радѣніе, поколачивая при бѣганьѣ другъ друга и припѣвая:

Хлыщу, хлыщу, Христа ищу!
Сниди къ намъ Христось со седьмага неба,
Походи съ нами, Христось, во святомъ во кругу,
Сокати съ небесп, сударь, Духъ святой!

И прекращается радѣніе, когда замѣтятъ колыханіе воды въ чанѣ. Заранѣе созданное убѣжденіе, погруженіе человѣка въ ожиданіе, болѣзненно настроенное воображеніе съ возможностью различныхъ галлюцинацій и иллюзій, легко могутъ произвести колыханіе воды. Этого довольно, этого и нужно было. Всѣ припадаютъ лицомъ къ землѣ, и имъ будто слышится какой-то глухой голосъ. Цѣль достигнута, и сценическое представленіе кончается. За тѣмъ выпускають воду изъ чана, сжигаютъ пучекъ вербы, либо частицу жгута на горѣвшихъ вокругъ чана свѣчахъ, цѣлуютъ колѣно у пророчицы и расходятся. Если кому по-

счастливится замѣтить кровь на томъ матеріалѣ, который употребленъ былъ для хлыстанья, то берутъ съ собою и прячутъ, какъ драгоценность, называя „обновленіемъ тѣла кровію“. Эта вещь служитъ послѣ, по предположенію скопцовъ, цѣлебнымъ средствомъ отъ разныхъ болѣзней, для чего зажигаютъ ее и стараются проглотить дымъ. Остатки свѣчъ, собранные съ чана, тоже собираются, хранятся до смерти, и въ минуты предсмертныхъ мукъ сжигаются, а недогорѣвшіе частицы укладываютъ въ гробъ.

Особенность послѣдняго радѣнія, *юдоваго*, состоитъ прежде всего въ выборѣ особенно долгаго юньскаго дня. Оно производится точно такъ, какъ „чрезвычайное“ радѣніе; все отличіе въ результатѣ. Когда всколыхнется вода, то воображенію ихъ представляется надъ чаномъ туманъ, а въ туманѣ младенецъ, сіяющій золотистымъ свѣтомъ. Отъ этого видѣнія они тоже падаютъ ницъ и потомъ раскланиваются другъ съ другомъ, поздравляя „*съ видѣніемъ Христа*“. Послѣ того пророчица помазываетъ всѣхъ водою изъ чана и позволяетъ брать ее въ дома. При помазаніи она приговариваетъ: „даромъ Святаго Духа помазайтесь!“ Сувѣрные думаютъ найти въ этой водѣ цѣлебное средство отъ болѣзней.

Кромѣ всѣхъ этихъ семи видовъ собраній скопческихъ, у нихъ бываетъ еще осьмое. Это *посвященіе въ скопцы новаго члена*. Оно дѣлается такъ. Къ посвященію приступаютъ въ такомъ случаѣ, какъ убѣдятся вполне въ готовности челоѣка, а для того его по нѣсколькимъ дней томятъ на молитвѣ и ослабляютъ полнымъ голодомъ, слѣдовательно вводятъ уже съ ослабленными и раздраженными нервами. Я говорю здѣсь, конечно, о настоящемъ посвященіи, точно также какъ готовятъ для пророковъ и пророчицъ съ дѣтства мальчиковъ и дѣвочекъ. Это совершенно сходствуетъ съ шаманствомъ. Бѣдныя дѣти съ малолѣтства дѣлаются свидѣтелями всего этого возмутительнаго гаерства, ихъ нервы ослабѣваютъ и раздражаются, а съ этимъ является склонность къ галлюцинаціямъ и иллюзіямъ, и несуществующее начинается съ убѣжденіемъ приниматься за существующее. А какъ это не трудно — всякій можетъ видѣть изъ того, на сколько сильно убѣжденіе, почти вѣра во все ложное, носящее названіе сувѣрій и предразсудковъ.

Кромѣ настоящихъ „посвящаемыхъ“, у которыхъ уже составилось убѣжденіе въ необходимости обряда, какъ много такихъ жалкихъ людей, которые оскотлены въ пьяномъ видѣ, или изъ разврата нравственнаго, при бѣдности, согласились на него за наличныя деньги и въ ожданіи

будущихъ благъ, когда мальчикъ, являющійся весь въ бѣломъ изъ чана съ водою, будетъ раздавать своимъ дѣтямъ, „бѣлымъ лебедямъ“, награды денежки! Потому женщины-сектантки, сколько я видѣлъ ихъ въ Туруханскомъ краѣ, почти все изъ развратныхъ домовъ и продолжаютъ распутничать и въ глухомъ сѣверѣ.

Вотъ собрались „люди божіи“ и составили „корабль“. По одну сторону усѣлись мужчины, по другую женщины; у всехъ въ рукахъ по горящей восковой свѣчкѣ. Впереди, особо за столомъ, покрытомъ бѣлою скатертью, сидитъ пророчица; а пророкъ вводитъ „посвящаемаго“ въ собраніе, имѣя въ одной рукѣ крестъ, а въ другой горящую свѣчу. При переходѣ черезъ порогъ посвящаемый долженъ креститься въ знакъ вѣры и предстоящаго страданія. За тѣмъ пророкъ ставитъ его посреди комнаты, велитъ молиться и раскланиваться до сырой земли всемъ братьямъ и сестрамъ. Несчастный, съ миною благоговѣнія, дѣлаетъ земные поклоны, а за ними, на вопросъ пророка: „зачѣмъ сюда пришелъ?“ долженъ отвѣтить: „душу спасти“. Но вотъ начинаются клятвы, изъ которыхъ главною онъ обязывается скрывать все въ тайнѣ, чтобы при пытаньяхъ не выпытали, жгли да не выжгли, чтобы и жизнью пожертвовать, а ничего не сказать. Поклялся онъ, а ему читаютъ прощеніе за то, что столько времени, до настоящей минуты, потерялъ онъ напрасно, бывъ нечистымъ и отверженнымъ отъ Христа. „Простите меня, братцы и сестрицы, твердитъ ослѣпленный, виновать, я былъ грѣшный, молитесь за меня въ вашихъ праведныхъ молитвахъ!“ Все встаютъ и дѣйствительно молятся за него. Трагикомедія идетъ далѣе: жалкую жертву опоясываютъ полотенцами и водятъ вокругъ комнаты съ пѣніемъ; „во Иорданѣ крещающуся тебѣ, Господи!“ Благодатный Богъ, попусти намъ Богъ!

Съ нами пребудь Богъ до скончанія вѣка, аминь!

Елпцы отъ Христа въ Христа креститесь,

Во Христа облекостесь. Аллилуія.

Въ качествѣ присяги долженъ посвящаемый приложиться къ образамъ, и все за нимъ прикладываются; а пророкъ заявляетъ: „видишь, мы все присягнули за тебя“. Наконецъ, на увлеченнаго надѣваютъ радѣльную рубаху, подпоясываютъ черною лентою; все одинъ за другимъ цѣлуютъ его; потомъ онъ цѣлуетъ колѣно у пророка и пророчицы.

Въ заключеніи же, на основаніи словъ Матвея: „той вы крестите духомъ святымъ и огнемъ“, креститъ его пророкъ три раза горящею свѣчею. На этомъ моментѣ мы опускаемъ занавѣсъ: далѣе совершается

уголовное преступленіе и противъ закона естественнаго, и противъ закона государственнаго !!

Взглянемъ теперь на этого человѣка. Иной высокій ростомъ и плечистый мужчина оказывается слабосильнымъ до смѣшнаго. На самомъ лицѣ у него лежитъ уже печать этой слабости: мертвенная блѣдность, робкій взглядъ, дряблая и вялая кожа. И не удивительно; они лишаются огромнаго количества крови, и не ѣдятъ мяснаго. Сектанты эти обыкновенно очень зябки, слабодушны, хитры, увертливы, словомъ, и физически и въ характерѣ лишаются особенностей мужчины. Они теряютъ и всякое чувство любви къ людямъ, чему мы учимся на своихъ дѣлахъ, они эгоисты ⁽¹⁾, и общеніе между собою ведутъ отнюдь не по влеченію, а только какъ члены одной партіи. Словомъ, это самая вредная секта, какую только производило людское безуміе ⁽²⁾.

Мы предлагаемъ противу нея слѣдующія мѣры: во-1-хъ, остановивъ всякое преслѣдованіе всѣхъ другихъ старовѣрческихъ сектъ, считать, напротивъ, оскотленіе за преступленіе уголовное, такъ какъ — если человѣкъ отъ того и не умретъ — онъ дѣлается навсегда калеккой; во-2-хъ, до обращенія ихъ въ православіе, не впускать ихъ вовсе въ православные храмы, потому что это дѣлается ими только для наемѣшки и коштунства; а главное въ 3-хъ, въ духѣ любви христіанской заботиться о просвѣщеніи ихъ св. вѣрою, и имѣть въ селеніяхъ ихъ умныхъ, добрыхъ и образованныхъ пастырей православной церкви.

---

(1) Имъ дѣла нѣтъ, чтобы ни дѣлалось съ другимъ человѣкомъ: тони онъ, или гори. При отправленіи почтовой гоньбы ими по Туруханскому краю они даже опасны для проѣзжихъ, потому что, не оказываятъ никакой помощи сбившимся съ дороги.

(2) Чтобы видѣть всю гнусность секты, стоитъ только во время радѣній взглянуть на совершеніе сектантами плясокъ и другихъ безсмысленныхъ ихъ обрядовъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Прослѣдимъ водную систему и населеніе за Туруханскомъ.

Городомъ Туруханскомъ окончились мѣста, болѣе или менѣе посѣщаемыя торговцами. Но мы должны прослѣдить систему Енисея и далѣе и чтобы это было и виднѣе и сжатѣе составлены таблицы.

Приступая къ изложенію дальнѣйшаго маршрута къ морю и въ стороны въ обѣ тундры, я считаю нужнымъ сказать еще слѣдующее. Главный хребетъ, идущій отъ Нижней Тунгузки на сѣверъ параллельно съ р. Енисеемъ, верстахъ въ 200 отъ него, называется „Медвѣдь камень“ и пересѣкаетъ рѣку Усть-Курейку, или, правильнѣе, эта рѣка прорываетъ хребетъ и скатывается въ этомъ мѣстѣ водопадомъ между двухъ утесистыхъ горъ. Далѣе „Медвѣдь камень“ развѣтвляется; одинъ отрогъ держится и доходитъ до устья р. Писинной, а другой направляется къ устью рѣки Анабары. Эти хребты начинаются еще отъ Подкаменной Тунгузки и до р. Усть-Курейки покрыты лѣсомъ въ Верхнеимбатскомъ участкѣ—лиственничнымъ, сосновымъ, кедровымъ и еловымъ, а въ Дудинскомъ—однимъ лиственничнымъ; отъ Усть-Курейки же на сѣверъ главный хребетъ Голь. Составъ этихъ горъ мало извѣстенъ, но, судя по камнямъ, вымываемымъ притоками на р. Енисей, онъ долженъ состоять изъ разнородныхъ кварцевыхъ породъ. Иже Усть-Курейки горы эти теряютъ разнообразіе и состоятъ изъ одного сѣраго известняка. Образующее между горъ котловины и овраги, поросшіе мхомъ, содержать въ себѣ постоянныя водохранилища, изъ коихъ, большею частію, берутъ начало рѣки. Эти же самыя котловины, наполненныя водою, образуютъ озера, которыя достигаютъ иногда значительной величины. Равнины по правую сторону р. Енисея, начинающіяся отъ рѣки Усть-Курейки, или, правильнѣе, отъ вершинъ рѣки Хантайки и идущія на сѣверъ до р. Хеты и еще нѣсколько сѣвернѣе, покрыты однимъ лиственничнымъ лѣсомъ, а также бѣлымъ оленьимъ мхомъ. За Хетою же къ сѣверу древесная растительность вскорѣ прекращается.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Енисей ниже Монастырской Тунгузки, стоить упомянуть:

Во-первыхъ, Лѣтняя Курейка вытекаетъ изъ озера, лежащаго отъ Енисея на востокъ далѣе Хатангскаго озера. Рѣка эта уже Турухана

№	Названія.	При какихъ мѣстахъ.	Расстояние между собой.	Расстояние отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Число жителей.		Примѣчанія.
						Жен.	Муж.	
	скаго и 55 женскаго; старовѣровъ 3 мужч. и 2 женщ.; іудействующихъ — 1 муж. 1 женщина. Изъ инородцевъ слѣдующіе:							
1	Шорохинскихъ Яку- товъ	—	—	—	—	16	17	
2	Илимпейскихъ Тунгу- зовъ	—	—	—	—	212	160	
3	Усть - Тырыжскихъ Тунгузовъ.	—	—	—	—	37	22	
4	Остяковъ Банхин- скихъ.	—	—	—	—	117	91	
5	Остяковъ Тымско-ка- раканскихъ.	—	—	—	—	271	201	
6	Тазовскихъ Юрѣевъ <i>Прим. 3.</i> Участокъ этотъ занимаетъ про- странство къ западу отъ Енисея.	—	—	—	—	156	135	
Дудинскій участокъ.								
<i>Прим. 1.</i> Это обширѣйшая часть Туруханскаго края: сюда принадлежитъ все пространство къ востоку отъ Енисея до Якутской области. Селенія будутъ обозначаться по двумъ путямъ: а) по Енисею и б) въ тундру.								
а) По Енисею.								
1	Ангукское	На Енисей при впаденіи р. Шара. Судя ндуть по каменной сторонѣ.	30 отъ Шоро- хин- ска- го.	65	8	19	20	Живутъ поселенцы. Стоитъ упомянуть, что въ 1859 году у одного скопца родился даже ячмень; слѣдовательно, можно же хлопотать въ Туруханскомъ краѣ о разведеніи его.
2	Кономельское	—	20	85	6	21	18	
3	Горослиньское	На каменной сторонѣ.	20	105	4	20	23	
4	Усть-Курейское	На польской сторонѣ; по	25	130	3	4	6	Здѣсь хлебный магазинъ.

№	Названія.	При каихъ мѣстахъ.	Расстояніе между собою.	Расстояніе отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Число жителей.		Примѣчанія.
						Муж.	Жен.	
		лучше было бы еслибы селеніе стояло на каменной, потому что справа впадаетъ очень рыбная рѣка Курейка и мѣстность хорошая.						
5	Денежино	На каменной сторонѣ.	30	160	3	20	12	
6	Ермаково		25	185	2	21	23	
7	Карасино		40	225	4	13	19	Хлѣбный магазинъ. Около послѣднихъ двухъ зимовьевъ живутъ Остяки, такъ называемой, Карасинской управы. Енисейскіе рыботорговцы на большихъ судахъ плавають обыкновенно до этого зимовья, почему и называются «Карасинцами».
8	Сущково	Съ Карасинскаго (7) дѣлаютъ поворотъ на польскую сторону; потому что на каменной начинается множество острыхъ, подводныхъ камней (кармакутъ).	25	250	5	18	14	
9	Горѣловское		20	270	2	12	13	
10	Игарское		20	290	1	11	9	
11	Носовское		25	315	1	5	5	
12	Плохинское		35	350	3	10	8	
13	Каменный мысъ, или пустое, или въ послѣднее время «Салмановское» . .		20	370	1	6	2	
14	Хантайское	Плывутъ по лѣвой же сторонѣ; но станокъ на каменной, потому что на лѣ-	20	390	4	16	17	Тутъ кончается уже ловъ бѣлки; далѣе же къ морю находятъ только горностаевъ, песцовъ, медвѣдей, зайцевъ, россомахъ

№	Названія.	При каеихъ мѣстахъ.	Расстояніе меж- ду собою.	Расстояніе отъ Туруханска.	Число дворовъ.	Число жители.		Примѣчанія.
						Муж.	Жен.	
		вой тутъ боло- то, а на пра- вой впадаетъ р. Хантайка.						и лисиць. Обѣ огород- ныхъ растеніяхъ, ка- залось бы, не должно быть и помину, а меж- ду тѣмъ въ 1859 г. у опытнаго скопца ро- дилась капуста (толь- ко не вилками, а въ листахъ), картофель небольшой, рѣдка и огромная рѣпа. О впа- дающей тутъ р. Хан- тайкѣ, сказано выше.
15	Кичково	} На лѣвой	10	400	1	—	—	
16	Денисово		10	410	2	9	4	
17	Вмѣсто прежнихъ Фо- кино и Прилучнаго теперь «Потапов- ское»		30	440	4	18	17	
		сторонѣ.						Вблизи того мѣста впадаетъ небольшая р. Авама.
18	Лузино	} На правой	30	470	3	9	6	Съ этого зимовья переваливаютъ съ польской стороны на каменную, потому что на лѣвой начинаютъ тутъ отдѣляться много острововъ и образо- вываться много про- токовъ, которыхъ фар- ватеры неизвѣстны.
19	Катерины Шадриной.		8	478	1	—	—	
20	Вершининское		17	495	2	13	9	
		сторонѣ.						
21	Горчаково		15	510	1	—	—	Есть каменная цер- ковь и живетъ тутъ священникъ. Живутъ 2 казака при двухъ ка- зенныхъ магазинахъ, а нынѣ и особый смор- гитель участка. Су- глинное мѣсто; при- стань; пунктъ отпра- вленія за тундру. Ни- же начинается тун- дра со множествомъ волковъ и медвѣдей. Енисей течетъ въ плоскихъ берегахъ, шириною въ 10-ть верстъ. Жители ѣз- дятъ на оленяхъ и
22	Село Дудинское . . .		25	535	1	20	20	

№	Названія.	При какихъ мѣстахъ.	Разстояніе меж- ду собою.	Разстояніе отъ Туруханска.	Число дворовъ.	число жителей.		Примѣчанія.
						Муж.	Жен.	
	<i>Примѣчан.</i> Послѣ Звѣревскаго зимовья, Енисей еще расширяется и, сѣзизившись для впаденія, вливается въ море подъ 71°5' широты.							
	Зимовья отъ села Дудинскаго до Якутской границы, слѣдовательно въ стору отъ Енисея.							
1	Введенское	При р. Пясиной.	150	685	1	4	2	
2	Половинкино		25	710	1	2	3	
3	Заостровочное		50	766	1	2	3	
4	Черновское	При р. Авамѣ.	6	766	1	2	3	
5	Крыжевское		10	776	1	4	1	
6	Авамское		—	1,026	1	2	3	
7	Бархатовское	При р. Дудытѣ.	—	1,096	1	3	2	
8	Корниловское		—	1,141	1	2	1	
9	Самаловское		—	1,196	1	2	—	
10	Понтурмовское	При р. Понтурмѣ.	—	1,226	1	3	3	
11	Россошное	При р. Россохѣ.	—	1,266	1	3	2	
12	Боганидское	При р. Боганидѣ.	—	1,289	1	4	5	
13	Еремьинское		—	1,304	1	3	4	
14	Нолтоновское		—	1,344	2	3	2	
15	Лыткинское	При р. Хетѣ.	—	1,374	1	2	3	
16	Оксеновское		—	1,399	1	4	3	
17	Нолдановское		—	1,479	1	2	4	
18	Андреевское	При р. Хетѣ.	—	1,539	1	3	4	
19	Александровское		—	1,549	2	4	5	
20	Кононовское		—	1,565	2	3	4	
21	Соболовское	При р. Хатангѣ.	—	1,587	2	4	3	
22	Насоновское		—	1,617	1	3	3	
23	Крестовское		—	1,634	1	4	2	
24	Хатангское	При р. Хатангѣ.	—	1,659	4	5	4	
25	Жданинское		—	1,689	2	3	2	
26	Островское		—	1,723	1	3	5	
27	Тѣтовское	При р. Усть-Нижне.	—	1,744	1	3	3	
28	Усть-Нижне		—	1,764	1	2	4	
29	Убойновское		—	1,789	1	4	2	
30	Крестовское	При р. Балахиѣ.	—	1,869	1	2	2	
31	Рыбковское		—	1,894	2	4	3	
32	Балахинское		—	2,109	1	4	3	
33	Кыргызовское	При р. Анабарѣ.	—	2,179	1	5	4	
34	Озерское		—	2,359	1	4	6	
35	Анабарское		—	2,609	2	4	2	

Населеніе этого (Дудинскаго) участка, не считая нѣсколькихъ чело-
вѣкъ духовныхъ и казаковъ, слѣдующее:

	Мужч.	Женщ.
1. Не инородцевъ: а) мѣщанъ.	56	41
б) крестьянъ	258	216
в) поселенцевъ	181	164
Итого.	495	421
2. Инородцевъ: а) Якутскаго нижнезатундринскаго рода	263	272
б) Тунгүзовъ боганидскаго.	59	49
в) — 2-го лѣтняго	57	85
г) — долганоеессейскаго	195	187
д) — 3-го лѣтняго	48	40
е) — жиганскаго	74	70
ж) — долганскаго	108	83
з) — чапогирскаго	175	97
и) — 4-го лѣтняго	61	40
к) Самоѣдовъ вадѣевскаго.	56	78
л) — авамскаго	242	213
м) — карасинскаго	142	139
н) — хантайскаго	117	106
о) Юраковъ береговаго	29	23
р) Остяковъ карасинскаго.	47	41
Итого	1,673	1,523
Всего	2,168	1,944

Примѣчаніе. Еще разъ присовокупляю, что это свѣдѣнія, состав-
ленные на 1860 г. и официально доставленные засѣдателемъ Третья-
ковымъ, послѣ личнаго обозрѣнія имъ края.

Послѣднія зимовья, т. е. отъ Толстата носа къ морю, по берегу
губы, почти не посѣщаются Енисейцами. Да и пространство отъ Туру-
ханска до „Звѣрево“ посѣщается только нѣсколькими большими су-
дами. Суденушки же и лодки доплываютъ только или до Туруханска,
или еще ближе до Инбацка.

Самая большая часть посудинъ, плавающихъ по Енисею, и главное—
барокъ, выступаетъ изъ Минусинскаго округа съ хлѣбомъ. Точкою, къ
которой несется вся эта масса, служитъ Енисейскъ. Но много проплы-
ваетъ и мимо города прямо на Ермакъ. Такъ поступаютъ или гаѣе,
еще въ Минусинскомъ округѣ и нерѣдко зимою еще, закупленные съ

доставкою на Ермакъ; или изъ плившихъ къ городу барокъ инныя перехватываются, за нѣсколько верстъ до города, скупщиками и проходятъ туда же къ Ермаку, отчего поддерживается дороговизна въ городѣ. По официальнымъ свѣдѣнiямъ, полученнымъ мною изъ Анцыферовскаго Волостнаго Правленiя, оказывается, что съ 1854-го по 1859-й годъ проплыло внизъ мимо волости судовъ 60, барокъ 850, лѣсныхъ плотовъ съ грузомъ 690, да кромѣ того много лодокъ съ рыбою, плавающихъ, какъ выше сказано, болѣе до Инбацка. По свѣдѣнiямъ же, собраннымъ частно, съ помощiю купца Фунтусова, какъ одного изъ главныхъ хлѣботорговцевъ, посѣтившаго лично всѣ мѣста въ Минусинскомъ округѣ, оказываются данныя весьма интересныя, которыя привожу здѣсь въ таблицѣ и по которымъ видно, какъ испещрена въ маѣ и июнѣ поверхность южной половины Енисея разнообразными посудинами съ грузомъ и что весь этотъ грузъ составляетъ хлѣбъ для припсковъ.

ТАБЛИЦА БАРКАМЪ, ПРИГОТОВЛЕННЫМЪ ПОДЪ СПЛАВЪ ХЛѢБА ИЗЪ МИНУСИНСКАГО ОКРУГА ВЪ Г. ЕНИСЕЙСКЪ ВЪ ЛѢТѢ 1859 Г.

	Количество барокъ.	Мѣра.	Мука.	Овесъ.	Итого муки п овса.
			П у д н.		
Фунтусова	2	9	8,000	8,000	16,000
Грязнова	2	9	10,000	6,000	16,000
Токарева	4	9	4,000	28,000	32,000
Данилова	4	9	8,000	22,000	30,000
Котликова	1	6	2,500	1,000	3,500
Монастыршина	2	9	4,000	9,000	13,000
Гуляева	2	9	3,000	9,000	12,000
Ефимова	3	9	20,000	—	20,000
Котлелова	1	7	2,500	2,000	4,500
Казака Ермолаева	1	8	3,500	3,000	6,500
Попова	1	9	500	6,000	6,500
Сватликова	1	9	1,000	5,500	6,500
<i>Самекъ.</i>					
Тархова	1	9	3,000	5,000	8,000
<i>Шунеръ.</i>					
Малова	1	7	3,500	4,000	7,500
Казака Ермолаева	1	8	4,500	500	5,000
<i>Огуръ.</i>					
Соловьева	1	6	1,500	2,000	3,500
<i>Каптыревой.</i>					
Суботина	1	9	4,500	3,000	7,500
Коренева	1	6	2,500	1,000	3,500

	Количество баровъ.	Мѣра.	Мука.	Овесъ.	Итого муки п овса.
			П у д н.		
По Ол.					
Матонина	6	9	14,000	34,000	48,000
Фунгосова	4	9	16,000	16,000	32,000
Солдатова	1	9	4,000	3,000	7,000
Казанцова	1	7½	2,250	2,250	4,500
Токарева	2	—	8,000	8,000	16,000
Кол.					
Грязнова	3	9	—	24,000	24,000
Каменкѣ.					
Токарева	2	9	16,000	—	16,000
Полежаева	1	6	2,500	1,000	4,500
Лумской.					
Лыткина	2	8	6,000	6,000	12,000
Въ Минусинскѣ.					
Токарева	2	9	—	16,000	16,000
Клегмера	1	9	5,000	2,000	7,000
Филимонова	1	8	4,000	2,500	6,500
Горностаева	1	8	4,000	2,500	6,500
Гурова	1	6	2,000	1,500	3,500
Бябова	1	8	4,000	2,500	6,500
Ниже Минусинска.					
По Тубѣ.					
Калашникова	1	9	3,600	3,500	7,100
Сухорукова	1	8	4,000	2,000	6,000
Артемьева	3	8	10,000	6,000	16,000
Малова	1	9	4,000	3,500	7,500
Шалобольскаго	1	9	5,000	2,500	7,500
Черныхъ	1	7	3,000	1,500	4,500
Въ Абаканскомъ селѣ.					
Тархова	1	9	3,500	4,500	8,000
Сидѣ.					
Красногрудова	1	7	3,200	1,800	5,000
Банниковой.					
Грязнова	1	8	—	6,500	6,500
Мотонина	2	8	—	13,060	13,000
Крестьянская	1	8	3,500	3,000	6,500
Бѣльскѣ.					
Мингалева	1	8	4,000	2,500	6,500
Крестьянская	1	7	3,000	2,000	5,000
Тесе.					
Крестьянскихъ	4	9	18,000	12,000	30,000
Уласть.					
Потылыгина	1	8	5,000	1,500	6,500
Новоселовой.					
Белозерскаго	1	8	4,500	2,500	7,000
Фалѣева	1	8	4,000	2,500	6,500
Мотонина	1	8	—	7,000	7,000

	Количество барокъ.	Мѣра.	Мука.	Овесь.	Итого муки и овса.
			П	у	д
Яловой:					
Лейбина	1	7	4,000	1,500	5,500
Трифоновой Крестыанская	1	8	4,000	2,000	6,000
Колъ . . . . . то же	3	9	16,000	8,000	24,000
Кривошеинной:					
а) Потѣхина	2	9	9,000	6,000	15,000
б) Сѣдова	1	8	3,500	3,000	6,500
с) Крестыанскихъ	2	7	7,000	3,500	10,500
Куртола Крестыанскихъ	2	8	9,000	4,000	13,000
Убелъ . . . . . то же	3	8	12,000	8,000	20,000
Усть-Убелъ . . . . . то же	2	8	8,000	5,000	13,000
Бережоновой . . . . . то же	3	8	10,000	10,000	20,000
Ижсулъ . . . . . то же	3	8	10,000	10,000	20,000
Кореновой . . . . . то же	2	8	6,000	6,000	12,000
Силилъ . . . . . то же	4	8	15,000	11,000	26,000
Караульной . . . . . то же	1	7	3,000	2,000	5,000
Яской Лопатина	1	8	4,000	2,500	6,500
Острогъ:					
а) Волкова	2	8	6,500	6,500	13,000
б) Кирилова	1	6	1,500	1,500	3,000
Даурской:					
а) Грязнова	2	9	7,000	8,000	15,000
б) Кытманова	2	9	5,000	11,000	16,000
с) Слѣдова	2	8	5,000	8,000	13,000
д) Мосина	2	8	9,000	4,000	13,000
е) Крестыанскихъ	6	8	22,000	18,000	40,000
Итого	131	—	429,050	453,050	882,600

Примѣчаніе. Кромѣ вышеисчисленныхъ барокъ, было еще въ 1859 году до 80 плотовъ, приплавленныхъ въ Енисейскъ изъ селеній Красноярскаго, Ачинскаго и Минусинскаго округовъ; на нихъ нагружено хлѣба болѣе 60,000 пудовъ. Но здѣсь не помѣщены еще всѣ тѣ торговцы, которые покупали хлѣбъ и строили барки или плоты ниже города Красноярска. Слѣд. цифры еще не полныя. Да если принять еще въ соображеніе: 1) что въ этомъ году было уменьшено на сѣверной системѣ прѣисковъ число рабочихъ чуть не на четвертую часть противу напр. 1857 года; 2) что множество хлѣба свозится по зимнему пути изъ богатѣйшаго Ачинскаго округа; 3) что даетъ же сколько нибудь и самый Енисейскій округъ; 4) что южная система прѣисковъ запасается особо, и 5) что идетъ хлѣбъ и изъ Иркутской губерніи, увеличиваясь въ количествѣ съ каждымъ изъ послѣднихъ годовъ, такъ что на лѣто 1860 года запасаютъ въ Иркутскѣ, для отправки Верхнею Тунгузкою въ Енисейскъ, до 300 павозковъ съ массою разнаго хлѣба до

1,000,000 пудовъ, то интересно бы знать положительно, сколько истребляетъ хлѣба сѣверная система золотыхъ промысловъ.

Главная доставка, говоря вообще, бываетъ въ маѣ и въ іюнѣ мѣсяцахъ; но въ остальные 3 мѣсяца, т. е. іюль, августъ и сентябрь доставляется менѣ десятой части всего количества.

Постройка барокъ, во всей готовности къ нагрузкѣ, стоитъ:

6	сажень	отъ 100 до 120	рублей.
7	”	” 120 ” 150	”
8	”	” 150 ” 200	”
9	”	” 200 ” 250	”
10	”	” 250 ” 300	”

Болѣ этой мѣры въ постройкѣ въ 1859 году не было. За сплавъ рабочимъ бывалымъ платилось съ мѣста по 15 р. до Енисейска, да содержаніе обошлось на каждого по 8 р. Кормщикамъ же каждому отъ первой пристани или верхней платилось до Енисейска отъ 80 до 100 р.

Мы видѣли, какъ важенъ Енисей для сообщеній. Не будь этою природою образованной ложбины, по которой онъ проложилъ свое русло до самаго моря, склоняясь все болѣе и болѣе къ Ледовитому, чѣмбы стали дѣлать въ Енисейскомъ округѣ 25,000 пріисковыхъ рабочихъ, особенно во время мѣстнаго неурожая?! Скоро ли заходить по водамъ его пароходы? мысль давно бродить у всѣхъ; были даже планы предпріятій; подавались прошенія и изъ всего нѣтъ еще ровно ничего. Я доволенъ, что пришлось видѣть Енисей въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и видѣть какъ человѣку, поставленному въ необходимость взгляды, съ тревожнымъ сердцемъ, въ каждое на немъ явленіе.

Отправился я изъ Енисейска внизъ 21 сентября, въ холодъ и въ самое опасное время, когда въ Енисейскѣ уже порошилъ снѣгъ. Едва отплыли отъ города, какъ могучій Енисей захотѣлъ показать свою силу и пріучить, на случай, къ своему своенравному характеру: боковой вѣтеръ закачалъ лодку и вещи, въ ней покачиваемыя, изъ стороны въ сторону, ударялись бокъ объ бокъ, издавая разнообразныя звуки; голова моя съ непривычки къ качкѣ стала покруживаться и я прилегъ.

Перекрикиванье кормчаго съ гребцами, однообразный полушумъ и полусвистъ проносящаго вѣтра, поплескиванье и глухой какой-то безразличный шумъ заходившей массы водъ Енисея, наконецъ удары волнъ въ борта, то мрачно-глухо уходящихъ послѣ удара подъ лодку, то изъ глухаго звука переходящихъ въ ясный всплескъ отъ части волнъ, взды-

мающейся по лодкѣ вверхъ съ пѣной на гребнѣ своемъ, все сливалось въ какую-то дикую и, безъ примѣси искусства, дѣвственную гармонію. Увѣряю васъ, что то была гармонія—отъ того ли, что и я такъ же диковато-смутно и тревожно былъ настроенъ, или всѣ эти звуки въ самомъ дѣлѣ такъ сочетались между собою, но разнозвучій мое ухо тутъ не слыхало.

Вскорѣ потемнѣло, какъ слѣдуетъ при скрытой за тучами лунѣ; вѣтеръ стихъ, а за нимъ и волны; не зналъ бы казалось—гдѣ воды, гдѣ небо (такъ все стало изсиня темносѣро), еслибъ материкъ съ своими горами и лѣсами не провелъ на склонѣ неба своего черного круга и не раздѣлилъ Енисея отъ неба узкой черной, но рѣзкоявственной (среди общаго однообразія природы) полосой. И небо на этотъ разъ мнѣ беззащитному представилось не менѣе отраднымъ, какъ оазисъ путнику, готовому умереть отъ зноя и жажды Африки и отъ усталости въ борьбѣ съ ея горячими, зыбучими песками. Невольно вспоминалъ я строки изъ одной пилирійской пѣсенки г. Петровскаго:

Развѣ ты не видишь
Дѣва, моста голубаго,
Что надъ моремъ перегнулся?
Вѣрь, когда ослабнуть крылья
У святой любви,—поддержать
Ее небо голубое!...

Съ этой отрадной упокительной мыслью я уснулъ. Проснувшись, вышелъ взглянуть на природу: вѣтеръ и волны стихли; луны тоже не было, хотя свѣту больше; можно было уже различить воду отъ неба не одной черной каймой материка, но и большимъ блескомъ, болѣе замѣтнымъ оттѣнкомъ синевы, испещренной мѣстами движущимися черными полосками, т. е. тѣми сторонами поднявшихся волнъ, которыя обращены отъ тусклаго, пробившагося сквозь тучки, свѣта луны.

По утру: изморозь и снѣгъ покрывали берега, туманъ, разлившійся всюду, помогалъ сливаться окрестности въ тупое, скучное однообразіе; глухихъ стуковъ волнъ о борта и особаго шума не было, только порывами проносился со свистомъ сиверъ (N), останавливалъ ходъ медленно двигавшейся лодки и чрезвычайно интересно приподнималъ воду въ тонкихъ слояхъ на воздухъ и съ вспѣненнымъ, отъ удара вѣтра, гребнемъ на концѣ гналъ этотъ слой, слегка ударяя о воду; а при каждомъ подъемѣ его на воздухъ—серебристыя капли вспѣненной воды роскошно сыпались въ массу водъ и безвозвратно мгновенно исчезали въ ихъ глубинѣ.

Конечно, не каждый же порывъ былъ такъ силенъ, чтобъ поднимать и носить по воздуху слои водъ; большею же частію верхніе слои задерживались въ теченіи и при борьбѣ съ вѣтромъ вставали въ сѣдые хребтики, въ ту же минуту рассыпавшіеся. И этими сѣдыми жемчужно-разсыпчатыми хребтиками усѣивалось, появляясь и исчезая, все пространство по обѣ стороны лодки, на какое только могъ достигать взоръ, скоро терявшійся въ гущѣ тумана. Какъ желалъ бы я, чтобъ на это время выглянуло яркое утреннее лѣтнее солнце, какъ заиграло бы оно и въ тонкихъ невидимыхъ глазомъ водяныхъ частицахъ тумана и въ капляхъ, сыпавшихся съ приподнятыхъ вѣтромъ волнъ.

Первый день прошелъ безъ особенностей: зыблущаяся поверхность Енисея, по прежнему, сѣрая поверхность неба, кой гдѣ соединявшаяся съ землей бѣловодянистыми полосами (знакъ идущаго вдали снѣга), да рѣдкій безлистный желтый лѣсъ, какъ-то жалко пропускавшій глазу другіе, слѣдующіе за нимъ виды, — и болѣе ничего.

Съ вечера тотъ же сонъ. Но ночью пробуждаюсь: луна весело смотритъ на голубоватомъ небѣ, весело отражается на склонахъ къ ней легкихъ волнъ, и горитъ почти разноцвѣтно полосою, въ аршинъ шириною, чрезъ все протяженіе Енисея къ моему окну. Признаюсь, не наблюдался бы этой игрой свѣта черезъ отраженіе! Шуму въ природѣ не было: какъ-то пріятно весело плескались волны о борта, и явственнѣе всего слышалось безконечное безостановочное *ши-уу-ши-уу*; на носу веселый смѣхъ и даже возня, вызвавшіе протяжное замѣчаніе кормщика „экъ завозились!“ А чево ⁽¹⁾ не возиться-то; лодку Богъ самъ катитъ; еще бы пѣсно затянули, кабы баринъ не спалъ; а ты ужъ сиди тамъ, да молчи, знай дѣло дѣлать поспѣвай, теперь въ тебѣ вся и сила“. Не трудно было изъ этихъ словъ догадаться, что то былъ попутный вѣтеръ, мы неслись на парусахъ и лодка, смѣло разсѣкая воду, издавала безостановочный и неизмѣнный *ши-уу-ши-уу* и т. д.

Вскорѣ съ каждой минутой вѣтеръ началъ усиливаться, лодку понесло необыкновенно быстро, вѣтеръ уже загудѣлъ, волны зашумѣли, люди зашевелились и захопотали какъ бы пристать ловчѣе и скорѣе, потому что подплывали къ станціи Назимовской. Она стояла на лѣвой сторонѣ, а мнѣ нужно было пристать на правый берегъ, на резиденцію „Ермакъ“. Въ это время у меня въ каютѣ топилась желѣзная печь. Едва только лодка пристала, какъ повернулась къ вѣтру бортомъ и какъ разъ тѣмъ, гдѣ выходила труба желѣзной печи; вѣтеръ мгновенно съ какимъ-то особеннымъ рѣзкимъ злобѣющимъ свистомъ пробѣжалъ по

---

(1) Это сибирское — что.

желѣзной трубѣ; я, вздрогнувши, обернулся, заслонка уже отбросилась и пламя, метаясь въ разные стороны, рвалось въ каюту; съ чрезвычайной быстротой, какая только является у человѣка внѣ себя и при судорожныхъ движеніяхъ, я успѣлъ подскочить и не смотря на пламя захлопнуть дверцы, а въ другой рукѣ былъ уже графинъ съ водой, изъ котораго я прыскалъ на выбивавшееся изъ подъ дверецъ печки пламя; открыть дверцы, чтобъ залить все, было невозможно, угли съ пламенемъ могли вылетѣть и тогда пожаръ неизбѣженъ; въ такомъ положеніи я пробылъ нѣсколько минутъ, пока услышали люди мой крикъ и пока поворачивали лодку.

Только что я спасся отъ пожара, какъ порывы вѣтра начали метать лодку, какъ щепку, то сильно ударая о берегъ и всаживая въ него, то отнимая отъ берега и бросая къ срединѣ на просторъ расходившагося Енисея, но толстые канаты еще сдерживали мое жилище. Прошло нѣсколько минутъ, какъ раздались безпорядочные крики нѣсколькихъ голосовъ и скороговоркой „у-у, что это, други, несется; быть видно бѣдѣ; пропадать видно лодкѣ; приворачивай тѣмъ временемъ сильнѣе корму; авось Богъ поможетъ“. Вскочивъ на этотъ крикъ изъ каюты, я увидѣлъ несущуюся на насъ черную громаду; которую мой глазъ еще не различалъ; оказалось, что нѣсколько плотовъ съ сѣномъ, дровами и бревнами, сорванныхъ съ береговой прикрѣпы, неслись по теченію, совершенно покоряясь произволу разнообразно порывавшагося вѣтра. Сердце мое сжалось отъ испуга; но ни звука, кромѣ восклицанія „Боже вручаюсь Тебѣ“, ни движенія, кромѣ крестнаго знаменія, а народъ между тѣмъ кричалъ, шумѣлъ, укалъ и когда массы эти готовы сорвать и умчать невѣсть куда меня съ лодочкой, поровнялись, корма была уже подтащена и рабочіе, отталкивая шестами и веслами плоты, радостно повторяли „ну, Богъ спасъ!“ А по берегу между тѣмъ подѣзжалъ экипажъ и человѣкъ кричалъ: „кланяются, просятъ и сказать приказали, что самоваръ на столѣ съ горячими преженцами“. Здѣсь на резиденціи жилъ мой бывшій наставникъ.

Продолжая путь далѣе, я 29 сентября сталъ встрѣчать шугу, т. е. несформировавшійся ледъ, мягкій какъ жидкая каша; но за станкомъ, при которомъ впадаетъ Средняя Тулгузка, сдѣлалось уже опасно продолжать путь по рѣкѣ; она, будто изъ зѣва, выпускала леденѣвшія массы, въ которыхъ попадались глыбы уже въ нѣсколько сажень и не столь мягкія, чтобъ можно было разбивать веслами и разрѣзывать носомъ лодки. 30-го утромъ, привѣтствовали меня вставшіе уже за береги; но я упорно продолжалъ путь, пробираясь между льдинъ и ожидая оттепели, которая бы поразмягчила тѣ же льдины. Ночь на 31-е

пришлось за свою настойчивость молиться уже Богу; а съ разсвѣтомъ меня притерло льдомъ у станка Бахтинскаго (изъ 4-хъ дворовъ).

Здѣсь осеня, я жилъ только работою мысли, да выходилъ ежедневно на берегъ Енисея по разчищавшейся для меня, межъ снѣжныхъ сугробовъ, тропинкѣ. Время шло день за день: шуга не уменьшалась, но и забереги стояли однообразно. Дни большею частію были сумрачные и снѣжные. 13-го октября Енисей катилъ шугу свою еще спокойно; она хотя временами и сталкивалась и клубилась, но не было общей борьбы. На 14-е я былъ нѣсколько разъ разбуженъ и испуганъ выстрѣлами, какъ бы пушечными, у самыхъ оконъ. Оказалось, что ночь ясная, изрядный сѣверный вѣтеръ, холодъ 36°; и отъ быстрого наступленія такого холода сжимается и разрывается земля. Вотъ и причина выстрѣловъ. Проснувшись по утру слышу: будто недалеко отъ дому шумитъ мельница. Спрашиваю: что такое? „Сиверъ небольшой, такъ Енисей на мысу разгулялся, играетъ“ отвѣчали. (Тутъ ниже впадаетъ р. Бахта и образуетъ мысъ). Вышелъ я посмотреть, какъ это на мысу Енисей разгулялся, играетъ: чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ шумъ сильнѣе и сильнѣе какъ 2, какъ 3 и наконецъ еще болѣе мельницъ заведено и машутъ они разомъ своими крыльями и бьютъ неугомонно ихъ жернова. Такъ ворочалъ Енисей, напрая ледъ на выдающійся мысъ и на жерло вставшей уже дня за два, передъ тѣмъ Бахты. Къ сожалѣнію, видѣть, за утренимъ полумракомъ, я ничего не могъ; а ухо изрѣдка различало: то трескъ, то ударъ и проч., и все это разомъ сливалось въ одинъ густой басистый шумъ мельницъ. Съ разсвѣтомъ, я рѣшился пробраться къ рѣкѣ Бахтѣ и посмотреть эту игру Енисея; но когда уже собрался, вбѣжавшій мальчикъ прокричалъ: „дядюшка, поздно, не дождался тебя Енисей, затихъ и ужъ больше не играетъ“. Обождая еще немного я вышелъ: было довольно свѣтло; безуманное, ясное, холодное утро всюду разослало уже свой прозрачный воздухъ, а солнышко, бывшее можетъ быть далеко еще, далеко за горами и серебрило, и румянило вздымавшуюся надъ нимъ часть небеснаго купола; глазъ различалъ предметы далеко, но все, по прежнему, однообразно, вся природа какъ будто спала; Енисей у мыса присмирѣлъ и затихъ, какъ будто маленькій шалунъ, метавшійся и махавшій руками, схваченный вдругъ, какъ въ тиски, въ могучія руки крѣпкаго мужа; сивера не стало; утро было такъ тихо, такъ безвѣтренно, будто зефиръ даже остановилъ токъ свой и мнилось въ этой тишинѣ говорили что-то и клубы дыма, такъ и сякъ разнообразно валившіе изъ трубъ, и средина Енисея, медленно, едва примѣтно глазу катившая шугу свою. И я, какъ бы забывшись, простоялъ довольно съ свѣжестью и тишиной въ

душѣ; но свѣжесть холода, какъ бы пронизала меня, заставивъ подергивать то ту, то другую часть тѣла и пробѣгая бойкими мурашками по разнѣжившейся, во время сна, кожѣ.

Я ушелъ въ комнату, умылся, помолился Богу, и готовился закладывать чай, потому что принесенный на столъ самоваръ уже давно кипѣлъ, клубя то тонкимъ, то густымъ паромъ, то выбываясь изъ подъ крышки клокочущею и безпрестанно подпрыгивающею, въ родѣ длинныхъ заостренныхъ головокъ, водой; то даже переливаясь черезъ край и шипя, на мѣдн самовара, будто въ безсильной злобѣ. Вдругъ вбѣжалъ тотъ же мальчикъ: „дядюшка, не хочешь ли взглянуть солнышко приподнялось да и въ рукавицахъ, въ рукавицахъ-то оно нынѣ еще впервой“. Пошелъ я съ маленькимъ пріелемъ своимъ, смотрѣть на солнышко въ рукавицахъ: и въ самомъ дѣлѣ солнце вышло ясное, прясное, и далеко, далеко разметывало лучи свои, а гдѣ, казалось, замирала жизнь его лучей, обходили солнце съ боковъ полукругомъ двѣ радуги и играли своими разноцвѣтными лучами, да такъ играли, что любому живописцу слѣдовало бы поучиться тутъ сводить такъ нѣжно изъ цвѣта въ цвѣтъ свои тѣни. Вотъ что называлось солнце въ рукавицахъ и болѣе особеннаго ничего не было: ни одна травинка не могла пораспрямиться изъ подъ снѣга, ни одна птичка не приподнимала головки, чтобъ хотя простымъ чирликаньемъ попрѣть привѣтъ царю свѣтилъ; одинъ только холодокъ какъ будто радовался и, съ помощью уже начинавшагося опять небольшого сивера, рѣзко хлестался въ щеки и въ глаза и пощипывалъ за носъ; но это на меня, уже умывшагося, имѣло такое освѣжающее вліяніе, будто весь организмъ мой сжимался и крѣпнулся.

Часа черезъ 2 начался сильный сиверъ; Енисей съ этого часа уже опредѣленно вставалъ, образуя по длинѣ берега грядки и борозды. Потомъ осталась текущею середина, да и та дѣлалась все уже и уже. Иногда она пересѣкалась скопившимися и плившими льдинами и въ эти минуты картина бывала великолѣпная: видишь разомъ 3 солнышка: одно, конечно, на небѣ, а два-то для забавы глаза такъ и играютъ каждое въ своей половинкѣ не застывшей еще воды, тогда какъ окрестность оставалась матовою безъ всякаго блеска, отъ перемѣшиванія воды съ снѣгомъ; а далѣе-то, на горѣ, лежалъ уже не мокрый хлопчатый, а мелкій плотный снѣгъ и блестѣлъ онъ на солнцѣ, какъ шитая серебромъ риза.

Черезъ нѣсколько дней, на 18 октября ночь была ясная, стоялъ страшный холодъ, Енисей очень шумѣлъ и чудно, въ самомъ дѣлѣ, сколько разнообразнѣйшихъ звуковъ, сочетаясь вмѣстѣ, составляли сво-

его рода гармонію. Тутъ слышалось и это подпирющее до поту нервныхъ особъ чирпканье, какъ бы ребромъ стекла о ребро другаго, со всѣми мелкоразсыпчатыми отзвучіями, дребезжащими по линіямъ стекла. То слышался явственный будто переломъ стекла. Тамъ приподнималась и выдавливалась на воздухъ какая нибудь масса льда и за тѣмъ новымъ напоромъ льда и измѣненіемъ направленія эта масса вдругъ бросалась въ воду, издавъ сильный, но глухой, гулъ; а выныривала уже зажелтѣвшійся, т. е. набравши въ мяготь свою съ земли песка или глины. Тамъ слышно всплеснула пластинка льда, унырнула подъ вставшую уже массу и, катясь подо льдомъ, то ударялась разъ за разомъ плашмя, будто пластинка стекла объ другую; то попадала ребромъ и неслась далѣе скрежеща, раздражительно для уха, ребромъ своимъ о вставшій ледъ, какъ будто сплясь пробиться на воздухъ и черезъ нѣсколько саженъ гдѣ нибудь втискивалась въ общую массу. То... да мало ли сколько различныхъ звуковъ можетъ дать природа, всѣхъ и не передать словомъ: вѣдь мы только подражаемъ въ своихъ искусствахъ природѣ, или возсоздаемъ ее же!

Наконецъ, въ 9 часовъ все стихло. Знать встала и середина. Но не только я, даже туземцы еще не вѣрили глазамъ и ушамъ своимъ, какъ въ 10 часовъ видимъ съ удивленіемъ 5 человѣкъ остяковъ бѣгутъ себѣ смѣло, черезъ рѣку съ противоположнаго берега, на своихъ скользкихъ лыжахъ. Съ тѣхъ поръ шуму Енисея, по крайней мѣрѣ противу нашего станка, слышно уже не было.

Три дня возились съ прокладываніемъ по Енисею дороги и поставкой вѣхъ; 23-го октября я отправился далѣе въ путь, дождавшись и низовой почты, осеновавшей черезъ станокъ. Почты сверху ждать было нельзя, потому что она осталась выше „камня“, а въ „камню“ Енисей еще долго не встанетъ. Хотѣлъ бы я посмотрѣть, что дѣлается съ нимъ въ этомъ ужасномъ мѣстѣ выдающихся съ берегу быковъ, скалъ, подводныхъ и грядами лежащихъ камней! Нельзя не упомянуть, что всѣ за полсутки знали уже о приходѣ почты: интереснымъ и вѣрнѣйшимъ барометромъ для показанія, что будетъ въ одинокій станокъ гость и съ какой именно стороны служить собаки. Особеннаго рода, толстыя, остромордыя, вялыя въ движеніяхъ, собаки эти лаяли всю ночь сидя на берегу и оборотивъ голову на сѣверъ. Но это не лай, какъ мы привыкли понимать его, а какое-то пренепріятное тянущее непривычнаго за душу, завываніе. Такое предуганіе въ собакахъ необыкновенно дорого въ этой сторонѣ мятелей и вьюгъ, при дорогѣ по наклоненной къ сѣверу ложбинѣ Енисея и по рѣкѣ, столь своенравно коверкающей

ледъ, образуя полыньи и провалы. Изложу же по возможности сколько интереснаго показалъ мнѣ ставшій уже Енисей.

Дорога лежала почти серединой рѣки, пробираясь между лдяныхъ грудъ и даже ныряя съ льдины на льдину. Нерѣдко между этихъ, различно сгруппированныхъ между собою льдинъ, остаются скважины и даже значительныя щели, черезъ которыя послѣ выступаетъ вода. Но въ концѣ октября этого еще быть не могло: вода еще не наполняла всего своего вмѣстипища, такъ какъ бы большая плотность ея при 3° R. и съ осени, вода сжавшись, оставляетъ подо льдомъ пустоты; потому и въблизи берега, гдѣ ледъ болѣе ровень и гладокъ и могла бы быть хорошая дорога, ѣхать нельзя, лошадь можетъ проступаться сквозь тонкій ледъ, отъ отбившей воды, и рѣзать себѣ ноги. Но вотъ въ ноябрѣ холодъ становится сильнѣе, достигаетъ наконецъ 40° и сжимаетъ даже непокорныя ручьи и рѣчки; плотность воды уменьшается; вода будто прибываетъ и къ зимнему „Николѣ“ (6 декабря) выступаетъ особенно въблизи береговъ „черная⁽¹⁾ вода Енисей“; она быстро подвигается снизу вверхъ все далѣе и далѣе до самаго Енисейска и бываетъ очень опасна, когда или неожиданно ранѣе обыкновеннаго выступитъ, или какой нибудь путникъ по неопытности повстрѣчается съ нею.

Съ интересомъ изучалъ я жизнь Енисея и по этимъ, казалось, безмолвнымъ грудамъ льда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ прозраченъ, цвѣта воды, а въ изломѣ какъ изломъ простаго стекла, это настоящій ледъ, образовавшійся при безснѣжьи; въ другихъ онъ матовой бѣлизны съ рѣдкими просвѣтами, этотъ образовался при небольшимъ снѣгѣ; въ третьихъ вполне матовой бѣлизны, безъ просвѣтовъ и безъ малѣйшей синевы, — это снѣговой ледъ; въ четвертыхъ съ цвѣтомъ гдѣ изсѣра, гдѣ изжелта, эти массы льда были брошены сплюю водоворотовъ на самое дно и вынырнули захвативши составныхъ частей постели Енисея. Рѣдко, рѣдко придется видѣть совершенно гладкую поверхность Енисея и тутъ она, заброшенная рыхло снѣгомъ, представляетъ бѣлопуховатую поверхность, безъ мѣры для глаза въ длину и блестящую при свѣтѣ солнца или мѣсяца, серебряными искорками; слѣдовательно, поверхность ясную почти также какъ ясна была та холодная ночь, въ которую встала въ этомъ мѣстѣ рѣка: сильный холодъ схватилъ рѣку въ теченіи, да такъ и оцѣпенѣла она. Но это рѣдко. Большею же частью, разнообразно взвороченный ледъ лежитъ всюду, какъ слѣдъ большой борьбы. Тамъ сильный вѣтеръ, безъ холода, но при очень большомъ

(1) Т. е. опасная вода. Это выраженіе употребляется, вѣроятно, въ такомъ же смыслѣ, какъ и другія подобныя, напр. „Черная немочь“.

снігѣ възбивалъ огромные комья и набросалъ ихъ въ видѣ пригорковъ бѣлотускаго изжелта цвѣта. Тамъ при тѣхъ же условіяхъ, только при маломъ снігѣ, навзбивалъ вѣтеръ небольшихъ комьевъ съ бычью голову и усыпалъ ими на большомъ пространствѣ ровную поверхность рѣки. Тамъ лежали льдины въ разсыпную, да и то различно: ннде будто осердилась рѣка, вытолкнула изъ себя, напоромъ льда, пластину, проговоривъ „поди прочь лишняя, ты намъ мѣшаешь“, и упала она одиноко, производя на путника такое томногрустное чувство, какъ плита надъ могилой; ннде выдавилъ плиту, но она, упрямая, ущемила въ торымъ нибудь угломъ и обречена стоять такъ на воздухѣ до тѣхъ поръ, пока не придетъ весна и масса раскачавшихся волнъ, съ трескомъ взламывая ледъ, не поглотитъ ее въ свою пучину; ннде стоитъ на воздухѣ плитка изъ самаго перваго льда, просвѣчивающая и тонкая, въ гусиное перо; и видя кругомъ наломанными массы съ удивленіемъ согласишь на эту плиточку и невольно подумаешь: врядъ ли ужъ это остатокъ перваго льда? можетъ быть, отъ сильнаго вдругъ сжима выбрызнула изъ щели тонкой пластиной вода, да такъ и осталась въ воздухѣ, схваченная холодомъ. Бываетъ и такъ, что ледъ лежитъ огромными рядами поперегъ рѣки; а далѣе, въ другомъ мѣстѣ, тѣ же гряды идутъ по длинѣ: это зависитъ отъ того, какими массами, поперечными или продольными, шелъ и вставалъ ледъ. Если жъ въ одномъ мѣстѣ ледъ сталъ, а сзади напирало на него съ большой силой и порывистой быстротой, то ледъ отламывался большими плитами и выбрасывался на отвердѣвшую уже поверхность рѣки; за тѣмъ, при новомъ напорѣ, повторялось тоже и такимъ образомъ накапливались другъ на друга плиты этажей въ 10 и такъ правильно, будто умышленно наложены человеческой рукой.

Однажды день былъ ясный, холодный; паръ изъ ноздрей лошадиныхъ не расходился въ воздухѣ, а мгновенно падалъ къ землѣ серебрястымъ пескомъ; солнышко свѣтило ярко, но не золотистыми, а блестящими серебряными лучами и будто вмѣсто тепла изливало холодъ, потому что съ утра, когда скрывалось оно за сѣроватыми тучами и перепадывалъ снѣжокъ, было гораздо теплѣе; не утерпѣлъ я, выглянулъ изъ возка: небо свѣтлое, мѣстами даже очаровательно густо-голубое, безъ малѣйшей примѣси сѣроватости; глаза мои, окинувъ окрестность, невольно приковались къ блестящему блюду сажени въ 3 длины и 2 ширины, на которомъ широко раскинулось солнышко и роскошно играло разноцвѣтными лучами; такое явленіе на обширной и однообразной бѣлой скатерти было и грандіозно и очаровательно. Это, говоря прозой, была *полынь*. Образовалась она такъ: впереди ледъ сталъ, но не пря-

мой, горизонтальной линіей отъ берега до берега, а образовавъ значительный вдавшійся заливъ; за тѣмъ пристала стѣна приплывшаго льда, но ударъ ея не поколебалъ ставшей твердыни и только дальнѣйшимъ напоромъ выломилась съ боковъ плиты, вытолкнутая на поверхность; заливъ же такъ и остался незакрытымъ.

Съ 15 ноября подуваль вѣтеръ съ юга, дѣлалась оттепель, валилъ хлопьями снѣгъ и глазъ терялся, тонулъ въ глубь однообразнаго изсѣрабѣлаго пространства, безъ различія дня и ночи, земли и неба: лошади шли шагомъ, а ямщикъ впереди ощупывалъ вѣхи и по нимъ проводилъ впередъ лошадей, поджидая авось срдѣютъ валящіеся хлопья. За такой оттепелью съ мокрымъ южнымъ снѣгомъ, съ 20 ноября наступилъ холодный, безснѣжный сиверъ и пренинтересно укаталъ поверхность только что выпавшаго мокраго снѣга; гдѣ по дорогѣ выдавались льдины — онѣ вбилъ тутъ снѣгъ и образовалъ, такъ называемые, *заструги* ⁽¹⁾, до невозможности вздыматься возку; на мѣстахъ же ровныхъ сдѣлалась ледяная кора, но прежде чѣмъ промерзла вся толща, подъ корою оставалась вода и талый снѣгъ; — а лошадь не могла идти, — она проступалась и рѣзала ноги окранными проломленной дыры; тогда я продолжалъ путь уже на собакахъ и легкія, онѣ пребеззаботно, даже покусываясь между собою, бѣжали по этой тонкой лединой корѣ. Собакъ было запряжено 8. Онѣ имѣли охоту даже ложиться среди дороги для отдыха, но погоняющій крикъ — та, та! быстро поднималъ ихъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Выше было сказано, что Дудинскій станокъ есть пунктъ отправленія „за тундру“. Съ этого пункта начпнается мѣстность самая пустынная и печальная, какая только есть на земномъ шарѣ. Называли эту тундру прежде и „безжизненной“, но развитіе естественныхъ наукъ раскрываетъ намъ всюду жизнь и дѣятельность, удивляющія сознательную мысль человѣка. Потому мы не называемъ тундру безжизненною, а только печальною и пустынною.

Туруханская тундра ограничивается съ сѣвера — Ледовитымъ моремъ, съ востока — рѣкой Анабаромъ, съ запада — рѣкой Тазомъ. Ложбина Енисея разсѣкаетъ ее на 2 неровныхъ половинны: большую —

---

(1) Этимъ словомъ сибирякъ называетъ и мокрый снѣгъ, т. е. тотчасъ по паденіи.

восточную и малую — западную. Это чуть не сплошной рядъ необозримаго болотистаго ложа. Покрывается оно большею частію мхами и сѣрыми лишаями. Мѣстами влага болотистаго грунта сливается, составляя большія и малыя озера; а изъ нихъ уже берутъ начало рѣки и рѣчки.

Восточную тундру пересекаютъ слѣдующія рѣки. Начнемъ съ запада. Первая рѣка „Пасина“. Она вытекаетъ изъ большаго озера „Пасино“, соединяющагося рѣчками и озерами Быструшнымъ, Давидовымъ, Матушкинымъ и огромнымъ озеромъ (на 200 верстъ въ длину) „Рыбнымъ“. Пасина течетъ прямо на сѣверъ и принимаетъ слѣва рѣку Агипу и справа Аваму. Авама подходитъ къ Пасиною съ востока, а въ нее съ сѣвера впадаетъ Дудынта, берущая начало далеко съ сѣвера, почти изъ подъ однихъ градусовъ съ устьемъ Пасиною. Въ верховьяхъ Авамы живутъ русскіе, равно и по Дудынѣ. Но Пасина — необитаема. Вторая рѣка — Таймуръ. Эта необитаемая рѣка беретъ начало изъ болотъ, протекаетъ черезъ большое озеро и очень широкой рѣкой впадаетъ въ море. Третья рѣка Хатанга, вытекаетъ изъ озера Хатангскаго и поднимаясь къ сѣверу на 700 верстъ, въ низменныхъ берегахъ соединяется съ озеромъ Ессейскимъ, остающимся лѣвѣе — на западъ; течетъ она по направленію почти на сѣверъ, разливается даже на 90 верстъ и впадаетъ подъ 74°48' сѣверной широты въ Ледовитое море. Принимаетъ въ себя справа — Монсору, Алеванку, Ледяную, Ангелику и у самаго устья большую рѣку Попигаю, съ притокомъ Россоха; слѣва — Боганиду, берущую начало далеко на сѣверѣ изъ озеръ и спустясь на югъ впадающую, уже подъ именемъ Хаты, съ притоками Боярка и Медвѣжья; потомъ въ губу уже впадаетъ рѣка, составившаяся изъ 2-хъ частей, вытекшихъ изъ двухъ Балахнинскихъ озеръ. Пока отъ оспы и гнилой горячки не вымерло населеніе, пріѣзжали въ ноябрѣ мѣсяцѣ на Хатангу якутскіе купцы вымѣнивать мягкую рухлядь у Самояди и Якутовъ (которые впрочемъ и теперь богато живутъ у обильнаго рыбой Ессейскаго озера). Четвертая Анабара, очень большая рѣка, беретъ начало въ Якутской области, служитъ границей, отъ нея протекаетъ до 1000 верстъ по мѣстамъ сперва лѣсистымъ, а потомъ тундристымъ; она почти необитаема, но служитъ мѣстомъ сходбища обитателей Туруханской тундры и Якутской области для ловли песцовъ и дикихъ оленей. По этой рѣкѣ есть въ обилие каменная соль, не имѣющая промышленнаго значенія по дальности и трудности сообщеній; соль эта есть, впрочемъ, и по р. Хетѣ.

Дорога въ эту тундру только зимою. А между тѣмъ посмотрите — сколько жизни лѣтомъ, и жизни вполне своеобразной. Выше-

приведенныя рѣчки, ставши въ концѣ августа, вскрываются около 15 іюня. Тогда просыпается вся природа. Неизмѣримыя тундры, оттаивая, выпускаютъ растительность съ удивительной быстротой, потому что подъ глубокими снѣгами корни растений покоились и нѣжились. Вѣдь опытомъ дознано, что по мѣрѣ спускающагося въ глубину снѣга дѣлается все теплѣе и теплѣе, такъ что напримѣръ при 28° на поверхности на саженой глубинѣ въ снѣгу только 2°; потому-то заблудшіеся зимою путники и молятъ Бога, чтобы занесло ихъ снѣгомъ вблизи дороги для спасенія жизни отъ холода, пока другой путникъ не откроетъ слѣдъ ихъ. И такъ, во второй половинѣ іюня свѣжѣютъ мхи, показывается травка, а на южномъ склонѣ какого нибудь утеса выставить одиноко головку какой нибудь цвѣтокъ; но спуститесь къ югу тундры, и получите привѣтъ отъ тощихъ кустиковъ и мелкихъ деревцевъ, которые, приподнявъ нѣсколько отъ земли верхушки, покачиваютъ ими отъ вѣтра и покрываются кой-гдѣ даже листьями. Вглядитесь болѣе: жизнь эту въ тундрѣ почуяла рыба и поплыла она въ безчисленномъ количествѣ изъ подъ льдовъ Ледовитаго моря въ русло рѣкъ вверхъ по теченію ихъ, чтобы подышать воздухомъ и метнуть икру тамъ, гдѣ сквозь тонкій слой воды можетъ обогрѣть живящее солнце чуть выпукнувшую изъ яйца рыбку. Смотрите еще: оттаивающія болота и вскрывшіяся озера покрываются болѣе и болѣе самыми разнообразными породами птицъ; тамъ, на свободѣ, въ тишинѣ и вдали отъ толпы людской выютъ гнѣзда и крикаютъ стаи утокъ; тамъ линяютъ и выводятъ свои протяжныя нѣсни группы лебедей; тамъ выютъ гнѣзда зяблицы и при появленіи солнышка оглашаютъ воздухъ звуками веселья; тамъ длинноногія цапли бѣгаютъ по берегамъ, пощипываютъ мягкую травку и отъпскиваютъ случайно налившуюся ягоду клюквы; тамъ сотни рябчиковъ бѣгаютъ межъ приземистыхъ кустиковъ; тамъ... да много много пернатыхъ, ими почти усеяна тундра съ ея многочисленными большими и малыми озерами. Но вотъ подходитъ сентябрь, и картина измѣняется: растительность увядаетъ, воды готовятся замерзать, рыбы, которыми особенно обильны рѣки Пясино и Таймуръ, отходятъ къ морю, птицы спѣшатъ на югъ гдѣ можно еще найти травку или ягоду, дикіе олени отходятъ къ лѣсамъ и преннтересный ловъ ихъ загонимъ сперва въ загородъ, потомъ въ озеро ⁽¹⁾, останавливается, пока снова не растопитъ солнышко ледяной коры озеръ. Ловля рыбъ производится по Пясинной и Хатангѣ въ лодкахъ, могущихъ поднимать груза до 100 пудъ, а по Анабару въ вѣткахъ, только до 25 пудъ. Въ озерахъ, особенно Ессей-

(1) Описанъ въ своемъ мѣстѣ.

скомъ, множество рыбъ. Этой тундрѣ принадлежатъ и описанныя нами ниже, неизвѣстныя доселѣ рыбы мочкогоръ, кунджа и пелятка. Якуты живутъ вблизи Ессейскаго озера, въ мѣстѣ довольно южномъ, очень богаты, имѣютъ много оленей и хорошую рыбную ловлю. Отъ Туруханска до Ессейскаго озера будетъ до 1,600 верстъ. Самоядь бродить по самому сѣверу, а Долганы или Долганскій родъ Тунгузовъ къ сѣверу, отъ Ессейскаго озера по рѣкѣ Богонидѣ. Сюда заходятъ и другіе роды Тунгузовъ, придерживающихся болѣе Нижней Тунгузки; но описаніе всѣхъ инородцевъ будетъ въ особой главѣ, когда дойду по программѣ до племенъ. Важную роль въ восточной тундрѣ играютъ озера. На пути изъ села Дудинскаго (съ Енисея въ тундру) встрѣчается озеро Пясинно, дающее начало рѣчкѣ того же имени. За тѣмъ далѣе на ю.-в. есть группа озеръ Норильскихъ. Вотъ они: Быстринское въ длину 30 верстъ, Давыдово — 120, Матушкино — 150, Рыбное — 130. Всѣ они соединены между собою протоками и рѣчками, черезъ кои вода стекаетъ въ озеро Пясинское, упомянутое выше и имѣющее верстъ 60 длины. Всѣ эти озера окружены возвышеніями, а рѣчки, ихъ соединяющія, проходятъ между хребтовъ. Кромѣ Пясинскаго остальные окружены лиственнымъ лѣсомъ, достигающимъ въ толщину 6 вершковъ. Глубина Матушкина и Давыдова достигаетъ 30 сажень. Въ этихъ озерахъ водятся: осетръ, налимъ, сигъ, чиръ, нельма, таймень, мочкогоръ, пелятка и кунджа. Ессейское озеро, имѣющее длины 60 верстъ, скуднѣе рыбою противу озеръ Юорильскихъ, потому что, находясь сѣвернѣе, покрывается льдомъ около 1 сентября и глубоко промерзаетъ, тогда какъ тѣ озера замерзаютъ уже 10 сентября и ледъ бываетъ только въ два аршина.

Обратимся теперь къ западной тундрѣ. Эта малая тундра, граничащая съ востока Енисеемъ, съ запада Тазомъ и съ сѣвера Ледовитымъ моремъ, также обширна хотя и разъ въ 8 менѣе восточной, такъ что съ юга на сѣверъ прямая линія будетъ только болѣе 800 верстъ. Это пространство представляетъ тѣ же явленія природы, тѣ же болота и озера, и изъ озеръ берущія начало рѣки. Вообще говоря, это ровная плоскость; возвышенія встрѣчаются только по берегамъ рѣки Хеты. Озеръ я не буду называть, потому что они носятъ одно названіе съ рѣками. Изъ рѣкъ, кромѣ господствующей на востокѣ этой тундры системы Енисея, а именно вышеупомянутыхъ притоковъ: Турухана, Хеты, Соеной и Пелятки, мы видимъ двѣ Гыды, большую и малую, впадающихъ въ море прямо на пространствѣ между губами Енисейскою и Тазовскою; за тѣмъ уже Тазъ, система котораго господствуетъ на западѣ тундры. Тазъ довольно большая рѣка, имѣющая теченіе около 900 верстъ, беретъ свое начало изъ озеръ, на югѣ тундры и ближе

къ Енисею, такъ что между озеромъ Ненельтонъ и вершиной Пакулихи (притока Енисея) только волокъ въ нѣсколько верстъ⁽¹⁾. Течетъ Тазъ сперва на западъ, принимая справа двѣ Мирты и Кысетъ, а слѣва Гату, Поколдокъ и Каралысу; потомъ на мѣстѣ поворота на сѣверъ, слѣва, Толху; потомъ идетъ все на сѣверъ почти по границѣ съ Тобольской губерніей и принимаетъ съ нашей правой стороны — Пекайку, Кудосею, Парабоку, Русь и Месу; а въ губу Таза, заворотившуюся на западъ, впадаютъ съ сѣвера, Волочеда и Секу. Всѣ эти рѣки текутъ въ плоскихъ открытых берегахъ; вершины нѣкоторыхъ изъ нихъ, лежащія южнѣ зимовья Курейскаго на Енисей и часовни на Тагу, опоясаны по берегамъ ивнякомъ и мелкой березой, да слабымъ хвойнымъ лѣсомъ, а съ сихъ пунктовъ деревья уже будутъ кой-гдѣ. Верхняя половина рѣки Таза до зимовья Часовенскаго имѣютъ берега мѣстами высокіе и удобные къ заселенію; отъ часовни же къ сѣверу на нѣкоторое разстояніе растутъ еще тальникъ, но и тотъ скоро исчезаетъ. Тазъ начинаетъ расширяться около магазина, расположеннаго у церкви; въ вершинахъ же узокъ и мелокъ, такъ что зимою въ перекатахъ вода промерзаетъ до дна и сдыхается. Теченіе, вообще говоря, тихое; пороговъ нѣтъ. На дняхъ получилъ я отъ туруханскаго засѣдателя весьма важное извѣстіе о томъ, что на одномъ изъ притоковъ рѣки Таза оказался графитъ лучшаго качества, чѣмъ на Нижней Тунгузкѣ. Вотъ и суждено видно Туруханскому краю замѣнить Англію, гдѣ графитъ уже вырабатывается. Къ югу этой тундры подходятъ Остяки; за тѣмъ все пространство занимаютъ Юраки, способнѣйшее кажется племя изъ инородцевъ Енисейскаго округа; они красиво одѣтые плаваютъ себѣ по озерамъ и рѣкамъ въ такихъ легкихъ берестянныхъ лодочкахъ, которыя свободно переносятся ими съ мѣста на мѣсто. За тѣмъ на самый сѣверъ заходитъ березовская Самоядь.

Но эта малая тундра, какъ видно изъ градусовъ устья рѣки Таза, далеко южнѣ восточной, потому что тамъ вдающійся въ море, между устьями рѣкъ Пясиной и Таймура, полуостровъ находится между 73° и 70° широты и 105° и 124° долготы. Облѣдовавшіе берега моря, храбрецы Овцынъ, Прончищевъ и другіе затерялись среди іюня и іюля льдами, видѣли тундру безъ признаковъ растительности, съ бродящими по ней бѣлыми медвѣдями и дикими оленями, у береговъ моря китовъ⁽²⁾, а въ губахъ бѣлугъ да кой гдѣ на берегахъ откуда-то взя-

(1) Начало его подъ 63° широты и 103° долготы; а устье — подъ 68° широты.

(2) Здѣсь прибавлю весьма важное и интересное извѣстіе, недавно [официаль-

тый и выброшенный на берег лёсъ. Необходимы, хотя и рѣдкими, принадлежностями тундры бываютъ слѣдующія явленія: то теряется глазъ въ безпредѣльности и представляются близко существующими такіе предметы, которыхъ нѣтъ; то нападаетъ болѣзненная слѣпота на путешественника, то подвергается Самоядь на самомъ сѣверѣ особенной болѣзни, состоящей въ необходимости живой крови. Скажемъ объ этомъ по нѣскольку словъ. Вотъ что говоритъ испытавшій слѣпоту нашъ ученый Миддендорфъ: „Мы лежали, полузакрытые въ снѣгу, у рѣки Новой подъ 72° сѣверной широты и поджидали Самоѣдовъ. Между тѣмъ, я въ подозрную трубку замѣтилъ холмъ, отдаленіе котораго топографъ полагалъ верстъ на 30. Я подвязалъ лыжи, сбросилъ шубу, надѣлъ матроскую рубаху, сверхъ бѣлья повѣсилъ двухствольное ружье черезъ плечо и захвативши нѣсколько инструментовъ съ казакомъ пустился въ бѣгъ. Шли шли въ половину на обратный путь, и холмъ тоже идетъ. Это показалось намъ страннымъ. Наконецъ, мы пришли на то мѣсто, гдѣ видѣли холмъ, но теперь увидѣли только мерцанье въ своихъ глазахъ: на насъ напала снѣжная слѣпота. Сверхъ того, вѣтеръ повернулся и снѣжная пыль, попеременно съ магически волнующимся туманомъ сѣвера, покрыли равнину. Чтобы воротиться домой, намъ оставалось одно средство: опредѣлить направленіе компасомъ. Во все время однакожь мы замѣчали, что послѣдній холмъ былъ нашимъ спутникомъ. Слепота не убывала, а туманъ прибывалъ. Однакожь, я вынулъ подозрную трубку и глядь — подъ самымъ носомъ у насъ пляшутъ нашъ шалашъ и сани. Около часу шли мы прямо на нихъ. Туманъ разсѣялся и шалаша какъ не бывало! Что дѣлать? Наконецъ, ничего не стало видно: мы совершенно ослѣпли. Кругомъ густой туманъ. Силы наши истощились, мы легли, дьявольски мерзли и утѣшались бесѣдою о томъ, какъ мучительно замерзнуть до смерти. „Шалашъ“ вдругъ вскричалъ мой казакъ, посмотрѣвши въ подозрную трубу. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ шалашъ, однакожь мелькающій и пляшущій, при томъ вдвое больше настоящаго. Мы пустились со всѣхъ сторонъ. Пробѣжали дальше, нежели зрѣніе въ трубу можетъ хватать при такомъ туманѣ. Туманъ опять разсѣялся и передъ нами опять ничего не стало. Тутъ я

но сообщенное мнѣ засѣдателемъ Третьяковымъ изъ Туруханска: съ конца іюня до половины августа входятъ съ моря въ губу и за тѣмъ къ самому Енисею киты длиною 5 и 6 сажень; въ губѣ приносятъ дѣтей, которыя и сидятъ сперва на самкахъ; въ 1859 году въ вышеозначенное время добыли сѣтями, связанными изъ бичевокъ, 25 китенковъ, изъ которыхъ получено 300 пуд. жиру. Когда-то ловъ этотъ обратится въ настоящій, осмысленный и примѣненный къ дѣлу промыслъ?!

догадался въ чемъ дѣло, и вспомнилъ нѣкоторыя приключенія путешествовавшихъ по сѣвернымъ морямъ. Я съ точностію взялъ направленіе по компасу; мы сдѣлали еще верстъ десять и нашли шалашъ.

Для предостереженія, путешественники должны надѣвать особаго рода, туземцами изобрѣтенные, очки, называемыя окулярами. Эти окуляры бывають мѣдныя, круглыя, выпуклыя, подложенныя мѣхомъ вокругъ орбиты (чтобы не морозило); на переносѣхъ соединяются ровдугой (родъ замши), держутся шнурочкомъ на пластинкахъ; по срединѣ прорѣзъ поперегъ и такъ что противъ центра только въ линію ширины, а къ концамъ суживается. Особенно окуляры пужны, когда къ весѣ апрѣльское солнышко какъ будто прольегъ изъ себя неисчислимое количество звѣздочекъ, такъ играетъ оно самыми разноцвѣтными до неуловимости тѣнями въ каждой отдѣльной, какъ бисеръ, снѣжникъ, тутъ уже некуда скрыть глазъ, куда ни повернете, всюду эта разноцвѣтная игра и нѣтъ мѣста, гдѣ бы ея не было. Не даромъ у Самояди суженные глаза и широкія опущенныя верхнія вѣки.

Теперь о другой болѣзни. Употребленіе крови всегда есть плодъ лекарственной необходимости, или отчасти и результатъ безвыходно мрачнаго состоянія духа, которое необходимо должно овладѣвать особенно Самоядью, какъ самымъ сѣвернымъ племенемъ, испытывающимъ болѣе всѣхъ впечатлѣнія отъ отсутствія солнца, съ его свѣтомъ и теплотой. У нихъ-то (какъ говорятъ и какъ пишетъ г. Яроцкій) и происходитъ особенная, въ родѣ водобоязни, болѣзнь, состоящая въ непреодолимой алчности къ насыщенію себя человѣческимъ мясомъ и кровью ⁽¹⁾, сперва человѣкъ дѣлается мраченъ, молчаливъ, страненъ и какъ бы нечувствителенъ, глаза дикіе, сверкающіе, будто щущіе чего-то или останавливающіеся на одномъ и томъ же предметѣ. Задумчивость переходитъ въ безпамятство, прерваніе котораго приводитъ больного будто въ какое-то замѣшательство, кончающееся необыкновеннымъ звѣрствомъ и первый встрѣчный подвергается истязаніямъ зубами. Иногда припадки эти, случаясь по разу въ году, проходятъ безъ особыхъ послѣдствій, а у укушеннаго не бываетъ припадковъ, какъ въ водобоязни; иногда же припадокъ останавливается только тогда, какъ больной уже довольно напился человѣческой кровью. Лекарствъ противъ нея никакпхъ неизвѣстно, но вѣроятно можно бы предотвращать ея появленіе кровопусканіями.

Описывая большую тундру, я рисовалъ большую картину лѣта, пол-

---

(1) Мы говорили преступники изъ Тунгузовъ, что человѣческое мясо необыкновенно вкусно; они содержались за съѣденіе дѣтей своихъ во время голодовки.

ную жизни; но здѣсь пришлось заговорить о явленіяхъ зимы и читатели навѣрно ужаснули мракъ, однообразіе и опѣмѣлость. Но природа, какъ бдительная мать, не покидаетъ ничего на произволъ, безъ заботъ и попеченій. Правда, страшенъ мракъ ночи, длящейся на Таймурскомъ полуостровѣ сряду 3 мѣсяца, тяжело видѣть землю одѣтою снѣгомъ въ теченіе 8 и болѣе мѣсяцевъ: но какъ вознаграждаетъ природа величіемъ сѣверныхъ сіяній, какъ выводитъ явленіемъ нхъ душу изъ унынія, отчаянія и возвращаетъ къ вѣрѣ въ величіе, всемогущество Творца и безконечную правоту его вознагражденій. Это такое явленіе, такая дивная игра природы, какой, не видѣвши своимъ глазомъ, нельзя представить и воображеніемъ, какъ бы оно ни было пылко. Посмотрите же на сѣверъ; на небѣ является темноватое пятно, будто облако; темнота сливается въ одно мѣсто, дѣлается гуще и гуще и наконецъ глазу представляется почти черный сегментъ большаго круга; но всматривайтесь, это не матовая чернота, сегментъ прозраченъ и сквозь его проглядываютъ будто звѣзды; потомъ черный край сегмента свѣтлѣетъ и вы видите кайму отъ четверти до полуторыхъ иногда аршинъ шириною; въ этой дугѣ или на бѣломъ фонѣ играетъ голубой отливъ, или на фонѣ желтоватомъ играетъ отливъ зеленый; за тѣмъ вы съ удивленіемъ видите, что въ свѣтлой дугѣ начинается какое-то колебаніе, она то шатается вправо и влево, то качается вверхъ и внизъ. Такое однообразное качаніе остается нѣсколько часовъ; но вдругъ волненіе усиливается и ускоряется, свѣтлая дуга проваливается во многихъ мѣстахъ въ черной сегментъ, въ этихъ провалахъ свѣтитъ еще ярче и ширится въ нихъ; за тѣмъ вдругъ изъ этихъ мѣстъ, будто изъ ракетъ вылетаютъ вверхъ огненные столбы въ четверть шириною и самыхъ разныхъ цвѣтовъ, тутъ увидите вы и желтый и зеленый, и красный и голубой, и пурпуровый. Да и самое вылетаніе ихъ до зенита, до середины неба, удивительно: они то пзвиваются змѣйкой, то сгибаются въ стороны, какъ гибкій камышъ отъ вѣтра, то укорачиваются, то удлиняются, а конецъ въ зенитѣ выпускаетъ между тѣмъ кисть изъ разноцвѣтныхъ лучей. Иногда столбовъ бываетъ очень много и простираются они далеко за зенитъ, и это дивное явленіе не описать поэту, не схватить красками живописцу: представьте себѣ, что все это полнеба почти разноцвѣтныхъ огней колеблется, волнуется! Упавъ въ умиленіи на колѣна, вы спокойно оглядываетесь вокругъ себя и что же? всѣ предметы на землѣ будто колеблются, и эта бѣлая скатерть земли, усыпанная плотнымъ снѣжнымъ пескомъ, представляется уже не серебряною ризою, а брилліантовою, потому что въ каждой снѣжинкѣ играютъ разноцвѣтные лучи. Къ тому же безмолвная ночь среди пустынной

тундры: чудится будто все должно умолкнуть и уничтожиться предъ этимъ грандіознымъ созданіемъ.

Послѣ этого не удивительно, какимъ замѣчательнымъ человѣкомъ складывается коренной ⁽¹⁾ Туруханецъ. Крѣпкій сложеніемъ, смуглый, стройный, мужественный, добрый, безвозмездно дѣлящій съ каждымъ послѣдній кусокъ, вѣрный въ исполненіи своего слова, хоть бы то стоило жизни, и простой безъ лукавства, тотъ, говоря, Туруханецъ, съ котораго маточную слізъ обмыли снѣговой водицей, котораго усыпляли воющіе вѣтра, а будили отъ сна неожиданно проносившіяся и стучавшія въ окна пурги ⁽²⁾; котораго полусмыслившіеся глазки только и видѣли передъ собой звѣрныя шкуры, висящія подъ потолкомъ, отдѣльно обрѣзанныя звѣрныя лапы съ когтями, также и остовы хищныхъ птицъ, а по стѣнамъ звѣроловныя приборы, да рыбацкія сѣти; котораго воображеніе не пріучалось съ дѣтства бояться предразсудочныхъ призраковъ, такъ хватающихъ насъ въ темнотѣ за пятки: здѣсь одиночество въ темнотѣ ребенку не рѣдкость и бояться значило бы не жить. Потому-то Туруханцы, не знающіе подробностей религіи, но крѣпко и крѣпко вѣрующіе въ милость Божію и жизнь будущую, не бояться ни бурь, ни пургъ, ни морозовъ, ни кровожадныхъ звѣрей, потому и въ мрачную зиму они продолжаютъ свои работы, рыболовство и звѣроловство, подъ путеводствомъ луны, звѣздъ, да грандіознаго сѣвернаго сіянія, потому считаютъ они за грѣхъ убивать крадучись, наприм. медвѣдей въ берлогахъ, а смѣло вступаютъ въ бой, вызвавъ пзъ логовища, потому-то, когда оставивъ лодку у острова я долженъ былъ подплывать къ станку Осиновскому въ маленькомъ челночкѣ, среди бури, бросавшей челнокъ и вверхъ и внизъ съ вала на валъ, когда онъ подавался впередъ, изворачиваясь межъ пѣнившимися верхушками воды надъ мелкими подводными камнями, разбросанными тутъ въ нѣсколько грядъ, когда замирадо у меня каждую минуту сердце отъ опасности за жизнь, оживлялся я нѣсколько, слыша беззаботный разговоръ двухъ 15-ти лѣтнихъ гребницъ и такового жъ на кормѣ мальчика и видя ихъ совершенно спокойныя лица.

И такъ, р. Енисей составляетъ главнѣйшій путь сообщеній. По верхнему участку всѣ станки содержатъ почтовую и обывательскую гоньбу, получая изъ казны на каждый станокъ въ годъ 319 р. 20 коп. сер., а ниже съ р. Туруханска до Толстаго носа, гдѣ находится послѣдній

⁽¹⁾ Коренные жители, къ сожалѣнію, вырождаются, замѣняясь мало по малу вѣлыми и робкими поселенцами — сектаторами.

⁽²⁾ Мятель съ большимъ количествомъ снѣга.

магазинъ, назначенъ прогонъ за обывательскую гоньбу по 128 р. 24 коп. въ годъ. Лѣтомъ, въ особенности весною при разливахъ, сѣверные вѣтры, сильно волнующіе Енисей, затрудняютъ и останавливаютъ сообщеніе, но при благопріятной погодѣ въ сутки *снизу* по теченію въ Верхнемъ участкѣ проплываютъ до 200 верстъ, а въ Дудинскомъ до 100 и 120 верстъ. Въ верхнемъ участкѣ при благопріятной погодѣ *вверхъ* по теченію отъ 80 до 100 верстъ, а въ Дудинскомъ отъ 60 до 100. Лодка въ этомъ случаѣ вверхъ по Енисею идетъ не на веслахъ, а тянется собаками посредствомъ бичевы. Для почты или проѣзжающаго, когда кладъ бываетъ не болѣе 20 пудовъ, впрягаютъ хорошихъ двѣ собаки, а меньшихъ—три или четыре. По знакомой дорогѣ собаки бѣгутъ довольно быстро, перескакивая съ камня на камень, переплывая встрѣчающіяся на пути рѣчки. Если Енисей встанетъ торосовато, то дорога съ осени долго не устанавливается. Въ особенности опасно мѣсто между такъ называемыми „кораблями“ (островами, гдѣ часто при замерзаніи Енисея образуются огромныя полыньи). На станкахъ въ сказанномъ участкѣ содержится лошадей, смотря по населенію, не мѣнѣе 6-ти и не болѣе 15-ти. Лошадей круглый годъ не подковываютъ; овсомъ не кормятъ, а потому туруханскія лошади и не поднимаютъ значительной тяжести. Экппажъ для проѣздовъ простая нарта, иногда съ покладушкою, въ одну лошадь. Кладъ возятъ сзади на другой нартѣ. Такъ проѣзжаютъ на перемѣнныхъ лошадяхъ. Собакъ для подобной ѣзды рѣдко употребляютъ и ѣздятъ на нихъ въ лѣсъ за дровами или на промыселъ. Въ Дудинскомъ участкѣ иное. Тамъ, по неимѣнію лошадей, подводную гоньбу отбиваютъ на собакахъ и оленяхъ. Подъ нарту, съ двумя человѣками и 5-ю пудами клади, впрягается лучшихъ собакъ 6-ть, а менѣе спальныхъ 10. Обыкновенный кормъ для собакъ рыба, которую варятъ съ примѣсью малаго количества муки. Въ нынѣшніе скудные рыбою годы много перевелось собакъ, въ особенности въ Верхнемъ участкѣ. Эти животныя необыкновенно терпѣливы и голодуютъ иногда зимою по двое и по трое сутокъ. На хорошо откормленныхъ собакахъ, въ легкой нартѣ по насту, одинъ человѣкъ можетъ въ сутки сдѣлать 100 и даже 160 верстъ. Въ Дуринскомъ участкѣ, отѣзжая для промысла на собакахъ, крестьянинъ всегда имѣетъ при нартѣ привязанный на веревкѣ колъ, съ желѣзнымъ наконечникомъ, который, при вставаніи съ нарты, втыкаетъ крѣпко впереди нарты между полозьевъ, иначе собаки безъ хозяина тотчасъ сорвутся и понесутся безъ оглядки, куда глаза глядятъ. Бывали случаи, что оплошавшій крестьянинъ терялъ собакъ и, сбившись съ дороги, замерзалъ. Оленей запрягаютъ въ нарты или санки; но Якуты и Тунгузы ѣздятъ на нихъ верхами на сѣд-

лахъ. Впрочемъ у этихъ послѣднихъ инородцевъ и сами олени крупнѣе и крѣпче, нежели у Юроковъ и Самояди, потому что на тундрахъ они выбиваются изъ силъ отъ пургъ и истощаются зимою отъ недостатка пищи, гдѣ пурги такъ крѣпко прибиваютъ слой снѣга, что олень съ трудомъ можетъ пробивать его для полученія мха. За всѣмъ тѣмъ на самоѣдскихъ или юроцкихъ оленяхъ свободно можно сдѣлать въ сутки до 250 верстъ, если не болѣе. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы стада оленей значительно уменьшились частію отъ разнородныхъ болѣзней, а частію отъ жаркихъ лѣтъ и истребленія волками.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Не могу не упомянуть моего пріятеля Фарафоновича. Сколько часовъ мы проводили съ нимъ въ тѣсной бесѣдѣ. Сколько я получилъ отъ него указаній по предметамъ звѣроловства и птицеловства. Онъ былъ для меня иногда какъ бы пробнымъ оселкомъ, съ нимъ я повѣрялъ получавшіяся съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія. Любилъ я посѣщать его хижинку, любилъ бесѣдовать съ его старушкой, которой Фарафоновичъ и слушался и побаивался.

Нашн встрѣчи начинались нерѣдко такимъ разговоромъ:

— Ну, что, бабушка, какъ поживаешь! потолкуем-ка мы съ тобою каково идуть дѣла твои, каково бабничаешь?

— Да ничего, родимый! Все [идуть съ Божьей помощью! (и старушка набожно крестилась). Благодарствуютъ добрые люди, значить хорошо! (послѣднія слова были сказаны тономъ самоувѣренности).

— Познакомь же меня, милая, со всѣми вашими манерами и обычаями бабничанья. Вѣдь я твой уже старинный знакомый, да и съ твоимъ Фарафоновичемъ, какъ видишь, вѣрный, кажется, пріятель! Расскажи жъ мнѣ все, какъ пособляете, чтобъ роды были поскорѣе и поудобнѣе; какъ съ ребенкомъ водитесь, чтобы онъ былъ молодцомъ вальяжнымъ? Вѣдь у васъ все съ Божьей помощью!

— Изволь родимый! послушай, если не побрезгуешь неразумныя рѣчи темнаго человѣка; а впрочемъ бывали и у насъ дѣла, видѣли и мы виды!

Такъ начала старушка свой рассказъ. Но мнѣ не достаетъ духу, я возмущаюсь, я не могу спокойно либо шутливо передавать его читателямъ; а потому сведу въ систематическій порядокъ все, что разузналъ я и что должно считаться причинами большой смертности дѣтей на первомъ году. Многое ужасно даже, и это называется „съ Божьей

помощью!“ Да кстати изложу здѣсь и всѣ причины смертности первородковъ, и мѣры, которыми можно бы было уменьшить сколько нибудь смертность.

Группируя вредные обычаи, я подраздѣлилъ ихъ: на вредъ новорожденному ребенку, во время беременности и при помощи въ родахъ.

1. Прежде поговоримъ обо всѣхъ жестокихъ убійственныхъ обычаяхъ ухаживанья за новорожденнымъ. Въдъ каждый уголь Сибиря есть стеченіе народа отовсюду, слѣдовательно здѣсь можно встрѣтить и хоршее и дурное разныхъ мѣстностей.

а) Такъ сюда, изъ припольскихъ губерній занесенъ обычай ровнять ребенка. Для чего, тотчасъ по обмытіи, кладутъ его на спинку, берутъ и стягиваютъ сперва впередъ и на крестъ пальчики ножекъ къ локтямъ потомъ поворачиваютъ на животикъ и стягиваютъ также на крестъ пальчики ручекъ къ ногамъ; потомъ, кладутъ на ладони серединой тѣла, такъ чтобъ головка и ножки висѣли и встряхиваютъ нѣсколько разъ, приговаривая „расправленъ, теперь ужъ уродцемъ не будешь!“ Этакая, подумаешь, предусмотрительность: ребенокъ едва успѣлъ родиться, а ужъ тѣмъ болѣе не показывалъ никакихъ уродствъ, какъ его уже расправляютъ, т. е. ломаютъ и мнутъ на разные лады. Каково-то ему бѣдному, послѣ маточнаго покоя?!

б) Еще обычай, тотчасъ по перевязкѣ пуповины, схватывать двумя пальцами носикъ ребенка и потягивать его нѣсколько разъ, приговаривая „не будь курносъ и спи крѣпче!“ Слѣдовательно, цѣль уже понятна изъ приговорки. При каждомъ потягиваніи за носикъ, бабушка должна непременно издавать особые полусвистающіе, полускрыпящіе звуки, для которыхъ она стягиваетъ въ дудку губы и сильно вытягиваетъ воздухъ. А какъ вы думаете, любезные чататели, предупреждаетъ ли такое потягиванье курносость и можетъ ли имѣть такую магнетическую силу, чтобъ произвести сонъ? — а ?

в) О томъ, что громкій крикъ новорожденного, этотъ знакъ доношеннаго ребенка и хорошо развитой груди, считаютъ чѣмъ-то худымъ и спѣшатъ сунуть ему въ ротикъ сосокъ, либо рожокъ, а за тѣмъ крѣпче спеленать было уже описано въ статьѣ Готовицкаго о погрѣшностяхъ и предразсудкахъ (статья труды Спб. Общества русскихъ врачей 1836 года, страница 160), а оттуда введено въ опытъ Гражданской медицинской полиціи Карла Геллингга (статья подъ 1842 год., страница 136). Мало того:

г) Думаютъ, что крикъ бываетъ съ глазу, какъ особенная болѣзнь. Тогда членъ семьи (когда всѣ лягутъ спать) выходитъ за ворота и обраться на зорю, говорить до 3-хъ разъ, отплеываясь, слѣдующую

фразу: „зоря зарница, красная дѣвица, возьми крикъ рабы Божіей N“. Либо вечеромъ идетъ кто нибудь на погребницу и ставъ надъ ямой, говоритъ, тоже отплевываясь до 3 разъ: „кочетокъ (пѣтухъ) сѣрый, кочетокъ пестрый, кочетокъ красный возьми крикъ рабы Божіей N“. Но 2-е дѣлается рѣже, потому что бояться домового, не любящего тревожить домашнюю птицу. Хорошо еще, хоть домового бояться, а то какъ простудить можно въ погребѣ жалкаго беззащитнаго младенца...

д) Если у ребенка сушѣць (т. е. ребенокъ худѣетъ) лечуть такъ: замѣсивъ съ вечера хлѣбы, ставятъ въ тѣсто закупоренную бутылку съ водою и оставляютъ, пока не надѣлаютъ хлѣбовъ и не посадятъ ихъ въ печку утромъ. За тѣмъ къ лопатѣ, на которой саднили хлѣбы, привязываютъ ребенка и держатъ нѣсколько мгновений въ печи, надъ хлѣбами. Потомъ окачиваютъ больнаго водою изъ той бутылки, которая ночевала въ тѣстѣ. Вѣдь это ужасно: жарить ребенка въ печи и потомъ вдругъ облить холодною водою! Добрые, но темные люди, что вы дѣлаете?!

е) Грызъ (т. е. рѣзь) лечуть тѣмъ, что ѣдутъ въ поле, везутъ ребенка, раскапываютъ молодой дубокъ у корня и ставъ, женщина и мужчина съ разныхъ сторонъ, проталкиваютъ до 3-хъ разъ ребенка въ щель. Затѣмъ дубокъ связываютъ и если онъ сроснется, значитъ ребенокъ выздоровѣетъ. Такой способъ лечиться называется пропусканьемъ сквозь дубокъ. Каково же бѣдному ребенку, если у него рѣзь-то отъ простуды? Вѣдь тутъ его вдвое, втрое угощаютъ простудой. Еще рѣзь лечуть тѣмъ: что бабка грызетъ пупокъ у ребенка зубамцъ, а мать спрашиваетъ „что бабушка грызешь“?, „грызь грызу“, „грызи хорошенько“! Огвѣчаетъ до 3-хъ разъ. Это дѣлаютъ при новолуніи. Еще способъ: если уже первыхъ два лекарства не помогутъ, подпускаютъ къ ребенку мышъ, чтобъ узнать мѣсто грыжи, полагая, что мышъ укуситъ именно то мѣсто. Не ясно ли, что отъ подобныхъ штукъ можетъ быть испугъ и нервные припадки?!

ж) Младенское или маладенское (т. е. судороги) лечатъ: отчитываніемъ по требнику, подносятъ 3 обѣдни подъ св. дары, кладутъ на церковный порогъ, когда несутъ икону, чтобъ всѣ перешагнули чрезъ него. А полъ каменный, холодный и ребенокъ окончательно простужается!

з) Безсонницы брызгаютъ водою на лицо ребенка сквозь дверную скобку, давая стечь водѣ съ личика на порогъ, въ увѣренности, что безсонница падаетъ на того, кто первый на порогъ ступить.

и) О томъ, во многихъ случаяхъ убійственномъ, повѣрьѣ, будто семимѣсячнаго недоноска считаютъ способнымъ къ жизни, а осмимѣсячнаго неспособнымъ, сказано уже было въ Судебной Медицинѣ г.

Громова (см. изд. 1838 г., стр. 181). Съ чего взялось такое повѣрье Богъ знаетъ! По крайней мѣрѣ оно обратно противоположно выводамъ науки.

к) Случается, что предположивъ несовершенство языка у новорожденнаго, тотчасъ же подрѣзають, или даже ногтями подрываютъ язычную уздечку, слѣдствіемъ чего бываетъ воспаленіе и опухлость языка, лишаящая ребенка возможности сосать и морящая его съ голоду. Прекрасный плодъ добροжелательства!

л) Сознаніе ли важности для человѣка органовъ, въ головѣ заключенныхъ, заботливость ли о будущей красотѣ, Богъ знаетъ, только повсемѣстно почти есть у повитухъ обычай приводить у родившагося въ правильный видъ головку, напр. нѣсколько приплюснутую во время родовъ; но природа не въ ладу съ насиліями, плодомъ этихъ сожиманій и пичканій мозга бываютъ судороги и самая смерть.

м) Нѣкоторыя выжимають какое-то небывалое мнимое молоко изъ грудей новорожденнаго, чѣмъ производять воспаленія и опасныя затвердѣнія. Сколько могъ добиться, причина этого нелѣпаго обычая состоитъ въ устраненіи будго бы вреда ребенку отъ этого мнимаго молока.

н) Частенько идетъ въ дѣло обычай носить ребенка, тотчасъ по рожденіи, въ горячо натопленную баню или класть его къ раскаленной печкѣ. Понятны слѣдствія отъ сильнаго жара и внезапнаго перехода изъ бани въ холодный воздухъ, а у печки отъ вѣянія холода съ другой стороны. И все это вскорѣ послѣ того, какъ ребенокъ оставилъ равномерную теплоту матки. Простуда, воспаленіе мозга и самая смерть нерѣдки.

о) Обычай пѣть и кричать надъ ушами ребенка съ цѣлію успокоенія, а также и закачивать до рвоты съ тою же прекрасною цѣлію, раздражаетъ мозгъ и располагаетъ къ головной воданкѣ.

п) Повсемѣстный почти обычай щекотать ребенка и поглаживать дѣтородныя части и все это съ тою же прекрасною цѣлію успокоенія ведетъ къ судорогамъ и послѣ къ рукоблудію.

р) Иногда худо и очень торопливо перевязываютъ пуповину, отъ чего можетъ сдѣлаться воспаленіе пупка, нагноеніе его, воспаленіе брюшины, кровотеченія и смертельная грыжа.

с) Убийственно, когда мнимо мертворожденнаго ребенка оставляють безъ всякой помощи, или надувають ему темя, или жгутъ надъ нимъ тряпки.

т) Отъ обмыванія очень острыми мылами нерѣдко высыпаетъ сыпь, дѣлаются воспаленія глазъ, насморки и молочница. Объ этомъ вредномъ обычаѣ было упомянуто еще г. Готовицкимъ въ трудахъ (см. стр. 162).

Да мало этого : бѣднаго ребенка парятъ вѣниками и вытираютъ солью въ предупрежденіе на немъ щетинокъ.

у) Очень вредно, какъ нерѣдко бываетъ, не очищать родовую слизь и не смотрѣть на срастеніе естественныхъ отверстій.

ф) Случается, что называютъ уродами младенцевъ, родящихся въ плодовыхъ оболочкахъ, отъ чего они, несчастные, въ нихъ и задыхаются; или даже умерщвляютъ уродовъ при рожденіи, въ чемъ можно удостовѣриться уже изъ существованія примѣч. къ ст. 142 Уст. Врач. В. Г. Свода Законовъ.

х) Хотя можно бы крестить дитя дома, но строгій обычай, стремящійся придать этому какъ можно болѣе святости и таинственности, заставляетъ русскаго простолюдина нести младенца въ какое бы ни было суровое время года въ церковь, отъ чего могутъ быть опасныя простуды. Тоже можетъ повториться и при требующейся, вскорѣ послѣ крещенія, необходимости причастія. Замѣчу, что, если причиненіе вреда ребенку отъ сознанія высокой святости церковнаго постановленія, можно еще сколько нибудь извинить, то уже совершенно непростительно, если это дѣлается только для сокращенія расходовъ.

ц) Въ дополненіе къ третьему пункту скажемъ, что если съ одной стороны крикъ полезенъ, какъ развивающій органъ голоса, горло, и укрѣпляющій самую грудь, легкія, то съ другой стороны вредно и портить органы голоса, какъ слишкомъ сильный и продолжительный крикъ, такъ и настойчивое униманье нетерпѣливыхъ нянекъ, для чего они безостановочно и подолгу трясутъ ребенка, при чемъ насильственные толчки воздуха въ нѣжное горлышко перехватываютъ дыханіе и навсегда портятъ органъ голоса.

ч) Здѣсь же упомяну о вредномъ обычаѣ (относящемся не къ новорожденному, а все таки къ первому же возрасту), поддѣлываться постоянно подъ произношеніе первыхъ словъ малютки, вмѣсто того, чтобъ учить его произношенію чистому, внятному и внимательно устранять возможность какого нибудь косноязычія.

Весьма вреденъ повсемѣстный обычай опавать дѣтей отваромъ мака при всякомъ случаѣ, закричитъ ли ребенокъ, не поспитъ ли долѣе обыкновеннаго. Не хотятъ знать, что слѣдствіемъ этого будутъ важныя страданія мозга (особенно головная водянка), а отъ наркотическаго экстракта растронится пищеварительный аппаратъ, т. е. появятся сперва запоры, а потомъ колики, рвота и поносъ.

Примѣчаніе. Ребенка можно повреждать не только по рожденіи, но и прежде; по тому мы скажемъ и о матери.

2. *Беременность.* Во время нахожденія и развитія плода въ маткѣ,

онъ весь, съ своимъ формированіемъ, зависить отъ всѣхъ обстоятельствъ жизни матери въ это время. Такъ: если мать въ бѣдственномъ состояніи, при трудной и нездоровой работѣ, кормилась весьма скудною пищею; если желудокъ обременялся тяжелою пищею и спиртными напитками; если беременная вела жизнь сидячую, бездѣятельную, да и сидѣла то въ узкомъ платѣ, непомѣрно стягивающемъ грудь и нижнюю часть живота; если въ это время подвергается она сильнымъ потрясеніямъ отъ скачковъ, бѣганья, танцевъ, дракъ, побоевъ мужа, паденій и другихъ насилій, дѣйствующихъ на матку; если удовлетвореніе сладострастія продолжается крайне неумѣренно и какъ нибудь грубо, неприлично; если она пыталась (что нерѣдко бываетъ у незаконнорожденныхъ) произвести выкидышъ рвотными, слабительными, кровогонными, кровопусканіями изъ ноги; если въ это время перенесла тяжкія болѣзни и употребляла много средствъ въ родѣ ртутныхъ, то дѣти всегда рождаются слабые; жизнь ихъ большею частью коротка, а нерѣдко смерть ждетъ уже ихъ у самаго выхода на свѣтъ, и земля, вѣчно холодная и безжизненная засыпаетъ, вмѣстѣ съ ихъ свѣжею могилкой, и грѣхи убійцъ родителей.

3. *Роды.* Сюда относятся: всѣ неправильные роды (изложеніе которыхъ сюда нейдетъ); отсутствіе бабокъ, съ ихъ правильною научною помощію, и всѣ причуды старухъ. Такъ повитухи несвоевременно, во время потугъ, проваживаютъ родильницу, мнутъ и пичкаютъ матку съ младенцомъ, привязываютъ, при малѣйшей трудности родовъ (по неумѣнью опредѣлить причину того), веревками за руки къ кольцамъ въ потолокъ и приказываютъ съ помощію ихъ приподниматься на воздухъ и встряхиваться, ставятъ (въ томъ же случаѣ) родильницу на четвереньки и, обхвативъ ея туловище, сильно встряхиваютъ мѣсто таза.

Ужасны также обычаи: 1) вѣшать роженницъ къ потолку и заставлять встряхиваться для ускоренія родовъ, при чемъ вдругъ выпадающій ребенокъ не рѣдко и убивается; 2) держать роженницъ въ „духу“ (при 70° R.), при чемъ отъ ослабленія силъ замедляются роды, что вредитъ ребенку.

Перейдемъ къ изложенію другихъ причинъ смертности первородковъ.

4. Нѣкоторые недостатки для виѣ маточной жизни, какъ то: недостаточное развитіе головного и хребетнаго мозговъ, водяная головы съ постояннымъ въ нѣкоторыхъ бракахъ расположеніемъ къ ней, несовершенное образованіе сердца (особенно съ открытымъ отверстіемъ между артеріальною и венозною половинами сердца), отверстія въ груди

и животѣ, черезъ которыя выступаютъ внутреннія части, сращенія гдѣ нибудь канала внутренностей, либо апі нѣсколько повыше наружности его, либо шейки *vesicæ urinariæ*, служатъ непонятными для народа причинами невозможности ребенка жить. Сюда же надобно отнести и слабость организма, родившагося отъ разныхъ причинъ, какъ то: недоноски опасны отъ неполнаго развитія органовъ дыханія и пищеваренія, равно какъ и двойни, и тройни, а ужъ четверни и т. д. почти никогда не остаются въ живыхъ. Также слабы дѣти очень юныхъ, еще не окрѣпшихъ родителей, стариковъ и старухъ какъ дѣйствительныхъ, такъ и тѣхъ модныхъ старцевъ, которые преждевременно разбросали всѣ и силы и соки, и остались ходячими вѣтрениками (какъ выражается народъ):

5. Разныя болѣзни первыхъ недѣль, излагаемыя въ терапіи дѣтскихъ болѣзней и зависящія отъ новости организма дыханія, пищеваренія и вообще всѣхъ отправленій внѣ маточной жизни. Исключительное предъ другими болѣзнями бываетъ: слабость пищеваренія съ постоянною кислотностью, выражающеюся рвотою и, что всего опаснѣе, поносами; также (что весьма и губительно и естественно при сильной и спѣшной обработкѣ органовъ) воспаленія, весьма легко принимающія пластическій характеръ, результатомъ чего бываетъ измѣненіе строенія органовъ и образованіе новыхъ болѣзненныхъ видовъ; рядомъ съ воспалениями бываютъ и простые, но быстрые приливы, могущіе скоро производить выпотѣнія и кровопзліянія, отъ которыхъ внезапная смерть постоянно приписывается какимъ нибудь мнимымъ родильницамъ. Не отвергаемъ, что дѣти часто страдаютъ конвульсивными припадками, но они не составляютъ самостоятельныхъ болѣзней, а являются припадками приливовъ, выпотѣній, изліяній и воспаленій головного, а болѣе хребетнаго мозга и мозжечка, какъ органовъ, управляющихъ снарядомъ дыханія и животныхъ движеній. Народъ же не понимаетъ причину и поражается только, бросающимся въ глаза, припадкомъ.

6. Вредно также приписывать слишкомъ много зубамъ, отъ чего пропускается время для леченія дѣйствительныхъ болѣзней, это стоитъ иногда и самой жизни.

7. Недостатокъ печенія, какъ одна изъ ужаснѣйшихъ каръ, вернулась надъ русскою землею и своимъ губительнымъ повѣтріемъ пересѣкла ее и вдоль и поперекъ, не забывъ ни свѣтскихъ домовъ съ ихъ блестящими убранствами, ни хатъ бѣдныхъ крестьянъ съ ихъ черными мазанками. Но такъ какъ въ мірѣ нѣтъ, кажется, ничего безусловнаго, кромѣ божества, то не все же, составляющее свѣтъ, потеряло въ Парижѣ свои головы и замѣнило матерей наемными корми-

цами; не всё же бѣдныя хаты такъ бѣдны и не всё слѣдуютъ нѣкоторымъ вреднымъ, случайно вѣвшимися обычаямъ, чтобъ дѣти оставались безъ попеченія; словомъ, по счастью, эта кара налегла не сплошною крышкою, а только разостлалась сѣтью, сквозь щели которой Богъ дастъ проглянетъ свѣтъ чистой истины.

Помни русскій человѣкъ, что нѣтъ въ мірѣ животнаго безпомощнѣе новорожденнаго младенца. Сложный до чрезвычайности физическій и духовно-нравственный организмъ его, идущій въ своемъ развитіи непременно гармонично и постепенно, не можетъ такъ скоро, какъ у всякаго животнаго, складываться и крѣпнуть физически. И потому до двухъ лѣтъ, пока сложнѣйшая изъ всѣхъ частей ткань мозга не получитъ способности къ воспроизведенію первой мысли, а голосовыя струны, мышцы языка и прочія части прибора рѣчи не получаютъ способности къ выраженію ея, до тѣхъ поръ, говорю, и ноги не поднимаютъ ребенка для произвольнаго движенія, вмѣстѣ съ возможностью отыскивать себѣ пищу, съ возможностью поддерживать существованіе. Да и зачѣмъ тогда существованіе, когда человѣкъ еще не человѣкъ?! Къ чему тогда ноги, когда еще нѣтъ головы, или вѣрнѣе, когда не освѣтилась еще она работою мысли?! Слѣдовательно, вотъ почему ребенокъ такъ долго и безпомощенъ; вотъ для чего природа и создала женщину такъ, какъ она есть, т. е. съ любовью матери къ дѣтямъ, столь глубокою, что только крайнее извращеніе взглядовъ и нравовъ, либо крайняя бѣдность вмѣстѣ съ невѣжествомъ могутъ пересилить эту небесную чистую страсть!

Скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ простолюдинахъ.

Я не говорю уже о тѣхъ, что превратились изъ сарафанщицъ въ салопницы и шляпницы, что, погрязши въ лѣни и развратѣ, потеряли способность къ терпѣнію, и за тѣмъ, забывъ страхъ Божій, осмѣливаются просить, чтобъ прибралъ Богъ ихъ дѣтей, и я уже не говорю о нихъ, пусть разсуждаютъ онѣ съ своею совѣстію, если есть еще какой нибудь слабый остатокъ ея.

А въ домахъ и сарафанщицъ, какъ часто случается, что мать заботится вмѣсто ребенка болѣе о мужѣ, жильцахъ, чужихъ дѣтяхъ, взятыхъ на прокормленіе, и о всякихъ работахъ, отъ чего свой ребенокъ поручается нянчанью дѣтей нѣсколько старшихъ, которыя часто рожаютъ и дѣлаютъ разныя уродства; а иногда и удушается младенецъ неумышленно самою матерью посредствомъ набросанной на него одежды, чтобъ не слышать тяжелаго крика, либо ночью во время сна, когда мать, утомленная трудами, кладетъ его поближе съ собою и засыпаетъ крѣпко, какъ убитая. Но такъ какъ эти случаи вызываются большею

частью уже крайнею бѣдностью, когда нѣтъ помощницы, да нѣтъ и возможности имѣть ее, то перейдемъ къ причинамъ болѣе общимъ.

Въ интересной рѣчи казанскаго проф. Киттары разобрана русская сельская промышленность, а въ статейкахъ (въ газетѣ „Молва“) гр. И. С. Толстаго бурлачество. Изъ той и другой статьи читатель ясно увидитъ причины и слѣдствія заведшейся у насъ съ нѣкотораго времени бездомности и какой-то страсти къ бродячеству. Потому мы скажемъ объ этомъ только относительно нашего предмета.

1. Русскій крестьянинъ, по страсти ли къ промышленности и жадности, или по другимъ причинамъ, словомъ за чѣмъ бы то ни было, оставляетъ семейство и идетъ въ другія мѣста приобрѣтать, отъ чего падаетъ земледѣліе, а крестьянинъ все таки ничего не приобрѣтаетъ: часть прибыли уходитъ на паспортъ съ посторонними, окружавшими его, расходами, а часть прогуливается при безсемейности, либо пропивается съ горя въ кабакѣ, если какой нибудь пріятель поднесетъ извѣстіе, что жинка безъ него принесла, дескать, и ребенка. По крайней мѣрѣ такъ вижу я на нашихъ египетскихъ принсковыхъ посѣтителяхъ, о которыхъ я поговорилъ уже въ другой статьѣ.

2. Крѣпостные, нѣмнѣющіе собственной земли, ищутъ выгодъ внѣ дома; гг. помѣщики, размотавши иногда состояніе, пускаютъ и даже гонятъ крестьянъ на вольную волюшку промыслять больше денегъ и платить имъ побольше оброку. Высланный опять таки рѣдко обогащается.

3. Фабрики русскія заводятся непременно около Москвы и потому не получаютъ работниковъ, какъ за границей, изъ прилежащихъ мѣстъ, народъ сманивается издалека, а лиха бѣда земледѣльца оторвать отъ земли, пристроить ужъ не скоро!

Вотъ во всѣхъ этихъ-то случаяхъ на женщинъ-матерей по неволѣ ложится тяжелая доля работать на весь домъ, оставляя на произволъ грудныхъ дѣтей, либо даже уходитъ вовсе изъ дому для временныхъ наймовъ на стирку, поломойство и проч.; мало того, онѣ должны отправлять всѣ мужскія работы на своихъ и господскихъ поляхъ, между тѣмъ какъ младенцы предоставляются попеченію одного Бога (если уже нужно сказать, что оставлены на чье нибудь попеченіе, а не брошены просто, какъ и всякая ненужная на этотъ разъ вещь). Понятно, что это можетъ способствовать смертности дѣтей на первомъ году, можетъ увеличивать и число мертворожденныхъ, потому что чрезвычайныя работы не могутъ жить въ ладу съ беременностію и непрерывные выкидыши не медлятъ.

Все вышесказанное доказывается численно.

А) Всюду, гдѣ было обращено вниманіе на это отношеніе, смертность уменьшалась тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе былъ присмотръ за дѣтьми.

В) Незаконнорожденные дѣти (между которыми есть впрочемъ и мертворожденные) представляютъ менѣе благопріятное отношеніе къ смертности.

С) Гораздо болѣе смертности у бѣдныхъ относительно къ богатымъ, если бы было и равно стремленіе къ попечительности.

Д) Въ то время какъ смертность въ воспитательныхъ домахъ болѣе въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, въ деревняхъ хуже въ лѣтніе мѣсяцы, какъ мѣсяцы полевыхъ работъ и слѣд. безопасности о дѣтяхъ, между тѣмъ какъ осенніе мѣсяцы самые лучшіе, потому что при обиліи съѣстныхъ припасовъ и окончаніи тяжелыхъ работъ, женщины болѣе занимаются попеченіемъ о дѣтяхъ.

8. *Умышленное убіеніе* первородковъ, оправдываемое словами, „что смерть дитяти, рожденного въ бѣдствіи, есть счастье для него“, или „ему и умереть не грѣхъ“, въ Россіи, слава Богу, менѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ, отчего много оберегаютъ учрежденные попечительнымъ правительствомъ воспитательные дома, куда могутъ помѣщаться незаконныя дѣти. Боже мой! до чего можетъ довести развращеніе нравственности вмѣстѣ съ неуваженіемъ къ узамъ брака и къ семейной вѣрности. Тамъ смотрите: дѣвица, испуганная первыми родами, мучимая стыдомъ, отчаяніемъ, приходитъ въ изступленіе и дрожа всѣмъ тѣломъ, съ сверкающими глазами, задерживаетъ веревку на шеѣ младенца, или зажимаетъ ладонью дыхательные органы только что родившагося и смотритъ, пока налившіеся кровью глаза его не остановятся въ безсмысленномъ, мертвенномъ оцѣпенѣніи! Тамъ: болѣе уже опытная дѣвка оставляетъ открытою пуповину, выпускаетъ черезъ нее кровь младенца и слѣдитъ, какъ слабѣетъ и рѣдѣетъ дыханіе, пока мертвенная блѣдность не подернетъ своимъ ужасающимъ покровомъ недавно еще живое личико! Тамъ смотрите: невѣрная жена, какъ человекъ уже испытанный, ходитъ, какъ бы спокойно и туда и сюда, и изъ дому и въ домъ, и по закоулкамъ двора, но взгляните пристальнѣе сквозь видимое мѣрное спокойствіе прочтете странное глубокое внутреннее безпокойство, сдерживаемое только одной оцѣпенѣвшей совѣстью; смотрите еще: въ фізіономіи и особенно въ глазахъ прочтете выраженіе какого-то безумнаго величія, какой-то дикоторжественной гордости; а тамъ въ темномъ углу хижинки, можетъ быть еще натопленной до угару, слышится крикъ младенца, сначала ясный, потомъ тише и тише, за тѣмъ переходитъ въ жалобный визгъ, который, въ свою очередь, становясь тише и тише (но тѣмъ тяжелѣй для уха, тѣмъ мучительнѣе для сердца, какъ

бы вытягивая его), наконецъ затихаетъ на вѣки и на мѣстѣ уже остается трупъ младенца, убитаго голодною смертію!.. Врачъ тутъ ничего не найдетъ, кромѣ воспаленія внутренностей и изнеможенія; рукою діакона въ скрыжальяхъ церкви по обыкновенію подпишется — „умеръ отъ родимца“; а волею Небснаго Владыки засіяетъ надъ изнеможеннымъ страдальческимъ его личкомъ лучезарно сіяющій вѣнецъ.

Слава Богу, говорю, что такихъ случаевъ въ Россіи мало.

9. *Недостатокъ питанія*, какъ результатъ бѣдности, бываетъ причиною смертности. Ужасно положеніе полуголодной матери, заботящейся не выпускать груди изъ ротика ребенка и все-таки видѣть, какъ съ каждымъ часомъ онъ слабѣетъ, не получая должныхъ соковъ и наконецъ не выпустивъ соска — отдаетъ Богу душу. Нѣтъ словъ очертить, нѣтъ красокъ нарисовать этой картины со всей жизнью. Предоставляемъ матерямъ вообразить себя въ такомъ положеніи — и ихъ чувство неизмѣримо ясно передастъ это состояніе.

Это сцена, благодаря Бога, опять таки не въ Россіи, а въ какой нибудь Ирландіи.

Въ Россіи же есть свое зло, неблагоприятно вліяющее на относительную смертность: во-1-хъ, дозволеніе наниматься въ кормилицы замужнимъ женщинамъ, не спрашивая, что сдѣлали онѣ съ своими дѣтьми, позаботились ли покормить хотя три мѣсяца своею грудью и устроили ли за тѣмъ хорошее о нихъ попеченіе. Во-2-хъ, отсутствіе строгаго надзора за незаконными матерями, которыя, не думая покормить дитя, имѣютъ въ виду воспитательные дома. Въ-3-хъ, направленіе господъ, которые, отпустивъ свою служанку родить и принявъ за тѣмъ ее снова къ себѣ ни мало не позаботятся о младенцѣ, даже и не спросятъ, что случилось съ нимъ? Вѣдь это не по христіански.

10. *Одежда влѣсть съ холодомъ* иначе вліяють въ Россіи, чѣмъ въ Европѣ. Какъ бы ни была скудна одежда, простолюдинъ держитъ ребенка постоянно въ комнатѣ, выносить его для воздуха привычки не имѣетъ, а если и таскаетъ, то развѣ по небрежности своей, комнаты же натапливать хорошо въ Россіи, большею частію, есть чѣмъ. Главная же опасность простудить тамъ, гдѣ кутаютъ ребенка въ пуховики, да прикрываютъ шерстяными нарядами, отъ чего онъ дѣлается вялымъ, слабымъ и склоннымъ къ простудѣ. О неосторожномъ ношеніи въ церковь для крещенія и причащенія было уже сказано.

11. *Изъ обычаевъ и предразсудковъ*, вліяющихъ на смертность, мы не сказали еще объ обрѣзаніи, которое также бываетъ иногда смертельнымъ отъ кровотеченія, либо отъ корчи. По этому въ Австріи есть по-

лезное предписаніе экзаменовать обрѣзателей и производство операціи дозволить въ присутствіи хирурга.

12. Вліяетъ уже на увеличеніе смертности годовиковъ: а) недостатокъ въ врачахъ и бабкахъ, или вѣриѣ — недостатокъ сближенія съ ними народа; б) то, что простолюдинъ чуждается ихъ; в) суевѣріе, что многія дѣтскія болѣзни, особенно изъ судорожныхъ, должно почитать чѣмъ-то святымъ и неприкосновеннымъ; д) опасеніе употребить дѣтямъ самыя простыя средства, въ родѣ піявокъ и горчичниковъ (съ словами: „что вы мучите-то напрасно, какъ можно, вѣдь тоже живое существо, Богу отвѣтъ держать придется, нѣтъ не нужно!“); е) убѣжденіе, что врачи не могутъ лечить дитя, какъ существо, не имѣющее языка передать свои страданія; ф) постоянно недоувѣрчивый взглядъ на леченіе, если и призвали врача, и при малѣйшемъ увеличеніи (на ихъ глаза) припадковъ страстишка подбавить скрытно старушечьихъ снадобьевъ ставить бѣднаго врача въ совершенный тупикъ; г) сюда же надобно отнести и невѣдѣніе дѣтскихъ болѣзней самими врачами, давно живущими въ дальнихъ уѣздныхъ городахъ.

О средствахъ къ уменьшенію смертности годовиковъ на Руси.

Давно прошло, и прошло (въ смыслѣ общаго преуспѣянія міра) безвозвратно то время, когда и образованные Греки и Римляне считали дитя собственностью отца, который могъ изводить его произвольно со свѣту, не смотря на то, что въ то же время законъ еврейскій убійство ребенка строго воспрещалъ: Божественный свѣтъ истинъ, преподанныхъ Небеснымъ учителемъ, измѣнилъ окончательно взглядъ на ребенка, давъ ему значеніе живаго человѣка; а неугасимый огонь вѣчной любви, слетая съ устъ Его, исполнялъ сердца людей тою теплотою братскою привязанностію, при которой человѣкъ-христіанинъ не долженъ мстить и врагу своему. Съ того времени начались усиленныя старанія сохранять и тѣхъ слабыхъ существъ, которые, послѣ большихъ жертвъ, исчезнутъ, не принеся ни малѣйшей услуги, даже сохранять всѣхъ уродовъ, больныхъ и брошенныхъ спроть. Систематическая же заботливость объ уменьшеніи смертности годовиковъ и развитіе по сему предмету *статистики самими правительствами* есть уже лепта послѣдняго столѣтія. Но одно правительство тутъ всего не сдѣлаетъ, это выполняться должно *общимъ дружнымъ стремленіемъ всего народа Русскаго съ честными поддержками и взаимообученіемъ*. Словомъ, уменьшеніе смертности годовиковъ не есть дѣло временное, да и свершиться не мо-

жетъ чѣмъ нибудь однимъ, на это дѣйствуетъ все, все, что только умножаетъ благосостояніе народа, начиная съ *улучшенія хлѣбопашества и промышленности до улучшенія нравственности и благороднаго честнаго поведенія лицъ и свѣтскихъ и духовныхъ*, которые по службѣ и званію своему служатъ всегда народу и соблазномъ и примѣромъ добра, „каковъ попъ, таковъ и приходъ“ гласитъ старая поговорка. Посмотримъ, какъ графъ Н. С. Толстой, въ газетѣ Молва, представилъ два важныхъ типа: изъ нихъ ярко видно, на сколько баринъ-помѣщикъ или баринъ-начальникъ можетъ видоизмѣнять свою жизнь жизнью крестьянъ, своими дѣйствіями ихъ дѣйствія, своими взглядами и направленіемъ, ихъ взгляды и направленія; типы эти выказываютъ: до какой степени это глубоко вкореняется и слѣдовательно, какъ и въ чемъ надобно начать образованіе народа.

Дать народу русскому правильное направленіе было бы можно и легко, и скоро, если бъ и служители церкви, и гг. помѣщики, и гг. начальники, обдѣлались сами такъ, чтобъ давать примѣры чести и добра, а за тѣмъ съ любовью къ народу вошли бы къ нему въ довѣренность, чтобъ каждое ихъ вразумительное слово доходило до сердца, а охоты слушать у русскаго челоуѣка много, понятливости же сами удивитесь. Вотъ, гдѣ надо искать самое удобное и естественное средство къ образованію: *исправляйтесь сами и подойдите къ народу съ теплою къ нему любовью и готовностію!* При этомъ получать глубочайшій смыслъ имѣющія завестись всюду *сельскія школы* на манеръ хотя прусскихъ. Да необходимо составить на простомъ нарѣчій, вразумительно для народа, книжки напримѣръ, о воспитаніи съ указаніемъ вреда каждаго изъ предразсудковъ ихъ и предложеніемъ надлежащихъ средствъ и надлежащаго образа дѣйствій, да такія же на народномъ языкѣ наставленія объ обязанностяхъ христіанина. Сколько я видалъ примѣровъ готовности крестьянъ (нестаровѣровъ только) выслушивать все, перенимать все, даже и между закоснѣлѣйшими въ предразсудкахъ повитухами, если только врачъ заводилъ съ ними и рѣчь и дѣло съ любовью и къ нимъ и къ своему предмету, и съ полною христіанскою готовностію. Все видоизмѣнялось, бросалось старое, принималось къ свѣдѣнію новое, тогда какъ самыя строгія и безчеловѣчныя мѣры, предпріятыя къмъ либо, не имѣющимъ отъ нихъ никакого довѣрія, сдѣлають видоизмѣненіе только, по видимому, на показъ, тогда какъ искореняемое, на дѣлѣ еще болѣе вкоренится и получить значеніе какой-то секретной святости!.. А наставительныя слова, схваченныя съ вѣтру и пущенныя на вѣтеръ, безъ собственнаго примѣра, рожаютъ одинъ, хотя изъ за угла, колкія насмѣшки. Да и скажите, пожалуйста,

по совѣсти: какое исправленіе нравовъ сдѣлаетъ священникъ, если онъ къ бѣдному не сходитъ отпѣвать на могилу сказавъ: „хороните, я послѣ въ церкви отпою“, если, обходя съ крестомъ, не посѣтитъ, не смотря не въ умаливанія, хижинны бѣдняка! Откуда возьмется (кромѣ сознанія долга) приличная высота дѣйствій самаго священника и нравственное вліяніе его, если онъ не обезпеченъ сборною рукою и жалованьемъ до безбѣдности и будетъ продолжать собирать кусками по домамъ, становясь тѣмъ въ раболопную зависимость отъ каждаго богатаго мужика? Какому правильному складу семейныхъ отношеній будетъ содѣйствовать начальникъ, готовый выпоротъ розгами беременную женщину, если она, чувствуя приближеніе родовъ, побережется втаскивать въ избу, по первому мановенію начальника, тяжелѣйшій чемоданъ его? Какую строжайшую и чистѣйшую нравственность сообщить можетъ помѣщикъ, готовый запоротъ каждаго отца или брата, если онъ воспротивится привлечь къ его разубранной постели понравившуюся деревенскую красотку?! и проч., и проч. Спрашиваю, какое значеніе, при такомъ образованіи народа примѣрами, будетъ имѣть грамотность, кромѣ того, что слово грамотѣй получить смыслъ „плута“?! А между тѣмъ грамотность есть единственное орудіе, которымъ можно пресѣчь всякое зло. Отъ души желаемъ, чтобы предложенная въ газетѣ „Молва“ гг. К. Аксаковымъ и Ламанскимъ мысль объ основаніи общества распространенія грамотности, скорѣе осуществилась.

Вотъ какими должны быть на Руси первыя и основныя средства къ уменьшенію смертности первоодковъ. При нихъ же можно предположить съ пользою еще слѣдующее:

1. Издать *правила*, какія именно *работы* могутъ быть предоставлены *беременнымъ* крестьянкамъ и положить строжайшее *полицейское наказаніе за грубые поступки съ беременными*; что же касается до наказанія при нуждѣ ихъ самихъ, то русскіе законы достаточно уже сдѣлали заботливыхъ облегченій.

2. Какъ можно болѣе *увеличить число повивальныхъ бабокъ*, которымъ, давъ достаточное общественное обезпеченіе, запретить строго брать что либо съ крестьянъ; кромѣ того, подчинить самыхъ бабокъ вліянію и надзору мѣстныхъ врачей, а не врачебныхъ управъ только, какъ теперь дѣлается; простыхъ же повитухъ строго преслѣдовать, исключая тѣхъ, которыя покажутъ врачу достаточныя по своей части практическія свѣдѣнія и получать отъ него въ томъ свидѣтельство.

3. О необходимости учрежденія *кормиличныхъ конторъ* подъ вѣденіемъ медицинской полиціи было уже прежде сказано нами; равно какъ и о томъ, чтобы *никто не смѣлъ наниматься, не прокормивъ*

мѣсяца три своего ребенка. Такое постановленіе уже существуетъ въ Лифляндіи.

4. Въ Англіи много есть ремесленныхъ общинъ, имѣющихъ цѣлію пособлять истинно нуждающимся (въ слѣдствіе какихъ либо несчастій), особенно въ болѣзняхъ; слѣдовательно и вообще очень полезно *учрежденіе обществъ призрѣнія блдныхъ, собственно женскихъ*, по способности женщинъ тонко анализировать всѣ даже домашнія мелочи и потребности.

5. Составить *общества*, имѣющія цѣлію уменьшенія смертности *первоородковъ* исключительно и долженствующихъ съ этою цѣлію *брать ихъ подъ свое покровительство.* Здѣсь женщины какъ члены этихъ обществъ, будутъ крайне полезны. Стараться поддерживать связь между матерію и ребенкомъ, заставляя въ воспитательныхъ домахъ самихъ матерей кормить младенцевъ, хотя по три мѣсяца, либо издать постановленіе (подобно издавна существующему въ Пруссіи) о сборѣ отъ родителей извѣстнаго на воспитаніе взноса.

6. Оставшагося по какой бы то ни было причинѣ груднаго *младенца безъ призрѣнія* общество должно взять подъ свой присмотръ и *отдать подъ особый призоръ кормилицы* честной и хорошей нравственности за хорошую плату; а для того вести такимъ женщинамъ списокъ съ отмѣтками ихъ достоинствъ и заслугъ на довѣріе.

7. Какъ ни высока цѣль и какъ ни благотворны дѣйствія воспитательныхъ домовъ, отвращающихъ и возможность и нужду безнравственнаго дѣтубійства; но цѣль въ десятеро возвысилась бы, еслибъ успѣли мы *къ узнанію незаконныхъ родителей и къ поддержанію между ними и взятыми въ домъ дѣтьми нравственной связи*, какъ нами было уже показано въ п. 5.

8. *Увеличить число срочей.* А если въ послѣдніе годы число ихъ уже значительно; то, во-1-хъ, необходимо публиковать во всѣхъ газетахъ каждомѣсячно объ открывающихся вакансіяхъ, и, во-2-хъ, дать имъ средство къ безбѣдной жизни, зачислять частную службу у г. помѣщиковъ въ службу правительству, не ограничивать возвышеніе въ чинахъ и дозволить частнымъ практикамъ занимать должности въ другихъ вѣдомствахъ государственной службы. Тогда только врачи сблизятся съ народомъ и разсѣютъ его предрасудки.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Пресмыкающіяся; насѣкомыя.

Изъ класса пресмыкающихся водятся въ Енисейскомъ округѣ: ящерицы (*Lacerta agilis*), змѣи не ядовитыя вовсе, лягушки (*Rana temporaria*) и рѣдко жабы (*Rana bufo*). Изъ класса насѣкомыхъ водятся: много породъ бабочекъ (*Papilio*), разноцвѣтные жуки, стрекозы (*Livellula depressa*), осы (*Vespa*), кобылка (т. е. особый видъ сибирской саранчи) и безчисленное количество оводовъ (*Oestrus equi*), шершней, слѣпней, мошек⁽¹⁾, и комаровъ (*Culex pipiens*), появляющихся въ юнѣ и исчезающихъ послѣ плына дня. Это обиліе мучителей людей и домашнихъ животныхъ происходитъ, вѣроятно, отъ испареній, въ слѣдствіе гніенія растительныхъ и животныхъ продуктовъ въ стоячихъ водахъ и болотахъ, покрытыхъ густымъ тальникомъ. Муравьевъ (*Formica*) много; появляются только въ самые большіе жары. Пчелы (*Apis mellifera*), вообще говоря, водятся очень мало. Въ городѣ Енисейскѣ пчеловодствомъ и не занимались до 1835 года; въ этомъ году пчелы были завезены изъ Томска и, размножаясь мало по малу до 1857 года, составили въ близи города, въ сложности, до 150 колодокъ на 10 образовавшихся пасѣкахъ. Въ округѣ же пчеловодство есть только въ юго-западной части. Есть и шмель (*Bombus terrestris*), появляющійся въ юнѣ, водится въ землѣ; если скосить кочку, тамъ медъ шмелей можно видѣть.

П Т И Ц Ы.

Ловли птицъ, какъ промысла и какъ предмета торговли, собственно въ Енисейскомъ округѣ нѣтъ. Впрочемъ довольно птицъ всѣхъ породъ, свойственныхъ климату средней и сѣверной полосы Россіи. Ловятъ здѣсь только для себя и мелкой перепродажи; почему изъ птицъ рыб-

---

⁽¹⁾ Замѣчено, что мошка, являющаяся въ половинѣ іюня во множествѣ, скоро исчезаетъ, такъ что сѣнокосъ бываетъ отъ нея свободнымъ; та же мошка, которая явится послѣ петрова дня, держится необыкновенно долго, такъ что бываетъ даже послѣ холодныхъ инеевъ осени.

чики и тетерева привозятся въ зимнее время изъ Томской губернии. Другое дѣло край Туруханскій: тамъ въ лѣтнее время тундры усѣяны птицей.

Водятся здѣсь слѣдующія птицы: ласточка (*Hirundo urbica*), стрижь (*Hir. riparia*), касаточка, прилетающіе въ первыхъ числахъ мая, вьющіе гнѣзда во 2-й половинѣ его и улетающіе въ концѣ августа. Скворецъ (*Sturnus vulgaris*) прилетаетъ въ апрѣлѣ, помѣщается въ дуплахъ и отлетаетъ въ сентябрѣ.

Перепелка (*Perdrix coturnix*) является въ первыхъ числахъ мая, въ июнѣ имѣетъ гнѣзда въ травѣ и въ концѣ августѣ отлетаетъ. Кукушка (*Cuculus canorus*) является въ половинѣ мая и перестаетъ коковать, когда у хлѣба образуется уже колосъ, почему и выражаетъ народъ прекращенное кокованья словами: „подавилась колосомъ“. Журавль (*Ardea cinerea*) является въ разное время апрѣля, когда сходить снѣгъ, а отлетаетъ въ сентябрѣ, попировавъ уже по пашнямъ. Онъ особенно охотникъ до колосевъ, которые срываетъ подъ корень и, чтобы проглотить, бросаетъ колосъ вверхъ, при чемъ тяжелый комель летитъ къ низу и колосъ свободно проглатывается, тогда какъ при ходѣ вершиной отдѣльныя колосинки задѣвали бы въ горлѣ и журавль подавился бы. Гусь (*Anser ferus*), утка (*Anas*), лебедь (*Anser musicus*), являются къ маю, отлетаютъ къ июню въ покойныя мѣста самки плодиться, а самцы линяютъ, въ концѣ же сентября ихъ нѣтъ; чайка (*Larus*) относится къ нашему мѣсту подобно предъидущимъ, только является ранѣе, а именно — когда снѣгъ сходитъ. Бекасъ (*Scolopax limosa*), коростель (*Grus pratensis*) и имъ подобныя являются сначала мая и исчезаютъ къ сентябрю. Ястребы (*Astur palumbarius*) являются около половины мая и исчезаютъ въ сентябрѣ. Дрозды (*Turdus merula*) являются въ началѣ мая и отлетаютъ, стабунувшись, въ половинѣ сентября. Вальдшнепъ (*Scolopax rusticola*) и дупель-шнепъ (*Scolopax major*), гаршнепъ (*Scolopax gallinula*), кроншнепъ (*Numenius arquata*) прилетаютъ въ началѣ мая и нѣтъ ихъ къ сентябрю. Глухарь (*Tetrao uregallus*), куропатка (*Tetrao perdrix*), тетеря (*Tetrao tetrix*), бѣлая куропатка (*Tetrao albus*) и рябчикъ (*Tetrao bonasia*) — зимуютъ въ нашихъ мѣстахъ. Кулики: болотный (*Limosa melanura*), щеголь (*Totanus fuscus*), сорока (*Haematopus ostralegus*), травникъ (*Totanus calidris*), поручейникъ (*Totanus stagnatilis*), поплавокъ; зюкъ (*Actitis hypoleucos*), песочникъ (*Aegialites curonicus*) и *Tringa minuta*, являются въ началѣ мая и исчезаютъ къ сентябрю. Попадаются иногда: курухтаны (*Machetes pugnax*), болотныя курицы, коростели (*Gallinula chloropus*), чибасы (*Vanellus cristatus*), жаворонки (*Alauda arvensis*), пюльги (*Orio-*

bus galbula), стрепеты (*Otis tetrax*), кобецъ (*Falco tinunculus*), овсянка (*Emberiza hortulana*), кривоноски двухъ породъ (красные и желтые изъ сѣра, меньше скворца, поютъ пріятно), жуланы (бѣлочерносперая спинка и красный зобикъ, съ кривоноски величиною, но голосъ непріятный, въ родѣ скрипа телеги), но ни прилета, ни отлета ихъ — не знаю.

Слѣдующія породы птицъ, составляютъ здѣсь предметъ охоты: лебеди, журавли, гуси, всѣхъ породъ утки, глухари, тетерева, рябчики, куропатки, вальдшнепы (¹), дупельшнепы, бекасы, гаршнепы и крошшепы. Кромѣ того попадаютъ еще: гуси — казарки, полевые рябчики, дикіе голуби, кулики: болотный, шеголь, сорока, травникъ, поручейникъ, поплавокъ, зюекъ, песочникъ, курухтанъ, болотная курица, коростель, чибисъ и другіе.

Не смотря на обиліе птицы, птицеводство до того (какъ сказано выше) незначительно, что нѣкоторыя изъ описанныхъ породъ привозятся изъ другой губерніи. Это происходитъ не отъ недостатка охотниковъ крестьянъ, но отъ малочисленности населенія и глубины снѣговъ, выпадающихъ довольно рано во время удобное, для охоты на тетеревей и рябчиковъ. Крестьянинъ дорожитъ временемъ и идетъ промыслять птицу только въ праздничные дни, или тѣ небольшіе промежутки, которые выпадаютъ ему въ теченіи всей поры лѣтнихъ полевыхъ работъ. Да и тогда онъ промысляетъ болѣе для себя. Далекое разстояніе отъ города, какъ отъ единственнаго мѣста сбыта, лишаетъ его возможности продать добытую охотой птицу и если онъ везетъ ее въ городъ, то лишь по спонутію и когда случилась она у него свѣжебитая. Долго держать лѣтомъ застрѣленную дичь, по причинѣ сильныхъ жаровъ, нѣтъ возможности; нарочно везти ее — лѣтъ расчета, а потому неудобство сбыта есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ недостаточности въ продажѣ дичи. Осенью, если бы и не было глубокихъ снѣговъ, когда появляется очень много и рябчиковъ и тетеревей и когда бы охота за ними могла производиться съ промышленной цѣлью для крестьянина охотника; онъ занятъ уборкою хлѣба, молотбою, а за тѣмъ болѣе выгодными промыслами: звѣри и извозничества.

Въ городѣ Енисейскѣ, какъ и въ другихъ городахъ, есть много охотниковъ. По недостатку развлеченій и по необходимости въ свободное отъ занятій время, служащіе, всѣхъ родовъ службъ, обзаводятся ружьями и начинаютъ охотиться. Охота эта конечно болѣе забава и

(¹) Вальдшнеповъ вообще въ Енисейскомъ округѣ мало и охотники рѣдко ихъ видятъ только на тягѣ.

временипровождение, нежели промыселъ; во-1-хъ, потому, что никто не можетъ располагать продолжительнымъ временемъ, необходимымъ для всякой охоты; а во-2-хъ, нѣкоторые, начиная только охотиться, нѣкоторые, не имѣя времени постоянно упражняться въ стрѣльбѣ, стрѣляютъ вообще плохо, и я не знаю, есть ли въ Енисейскѣ 5 человѣкъ, которые могли бы назваться искусными стрѣлками. Результатомъ этихъ походовъ съ ружьями оказывается обыкновенно только трата пороха и дроби и малое количество дичи въ ближайшихъ окрестностяхъ. Птица, напуганная съ самаго прилета выстрѣлами, летитъ далѣе, въ мѣста, не тревожимыя неугомонными охотниками. Этимъ можно объяснить то, что, въ послѣднее время, въ окрестныхъ мѣстахъ города, птицы видно гораздо менѣе, нежели въ прежніе годы, по мѣрѣ того, какъ съ каждымъ годомъ увеличивается число городскихъ охотниковъ. И теперь нужно быть страстнымъ охотникомъ, или охотникомъ-промышленникомъ, чтобы идти за птицей далеко за городъ, въ огромныя болота и непроходимыя чащи. Къ этому можно сказать еще и то, что въ Енисейскѣ нѣтъ необходимыхъ для охоты вообще, и за красной дичью въ особенности, хорошихъ собакъ, а безъ нихъ охота почти невозможна и изъ красной дичи вальдшнепы, дупеля, бекасы и другія почти никогда не встрѣчаются въ продажѣ. Справедливость требуетъ сказать еще и то, что въ то время, когда начинаютъ охотиться на красную дичь, большинство знатоковъ и потребителей ея уѣзжаетъ на промыслы, а остальные скорѣе заплатятъ 30 коп. за пару утокъ, нежели 15 коп. за пару дупелей или бекасовъ.

Бываютъ однакоже годы, когда во всемъ округѣ птицы видно далеко менѣе сравнительно съ другими годами. Причины положительныхъ къ этому уменьшенію мнѣ неизвѣстно; но нельзя пропустить слѣдующіе случаи, по мнѣнію моему имѣющіе большое вліяніе на умноженіе, или уменьшеніе ея численности. Причины эти суть: а) палы; б) наводненія и с) неурожаи ягодъ и другихъ растений, служащихъ пищею для птицы.

Первая изъ причинъ (*палы*), какъ должно полагать, есть одна изъ важнѣйшихъ. Съ открытіемъ ранней весны тетерева, рябчики и другія начинаютъ несть яйца. Гнѣзда ихъ вообще бываютъ на землѣ и часто случается, что когда яйца уже положены и самки сидятъ на нихъ, начинается опалка полей. Эта опалка всегда почти производится въ одно время всеми деревнями и безъ малѣйшихъ предосторожностей, огонь, быстро распространяясь, бѣжитъ по полямъ, лѣсамъ и вѣдряся даже въ болота производить всеобщее опустошеніе. Птицы, встревоженные близкимъ появленіемъ огня, летятъ отъ своихъ гнѣздъ и остав-

ленные яйца или дѣлаются добычею пламени, или находивши не производятъ уже цыплятъ. Иногда начинается новая кладка яицъ; но уже поздно и такимъ образомъ гибнутъ огромныя тысячи птицъ.

Вторая изъ причинъ (*наводненія*) хотя и рѣдко случается; но тѣмъ не менѣе такъ же, какъ и первая, вредитъ размноженію птицы. Наводненія, случаясь сильнѣе и позже обыкновенныхъ, заливаютъ всѣ низменные мѣста (луга и болота), на которыхъ дѣлаютъ гнѣзда утки, гуси и почти всѣ породы куликовъ. Яицы гибнутъ залитыя холодной водой, а съ ними гибнутъ и цѣлыя поколѣнія разнородной дичи.

Третья причина (*неурожаи ягодъ*), если не имѣетъ прямого вліянія на размноженіе птицы, то, по крайней мѣрѣ, заставляетъ ихъ улетать въ мѣста болѣе обилующія кормомъ.

При всемъ томъ распространеніе на Енисейскій округъ дѣйствія закона, воспреещающаго весной охоту, я полагаю совершенно лишнимъ и бесполезнымъ. Нужно, чтобы народонаселеніе Сибири удесатерилось для изданія этого закона, да и тогда (т. е. при такомъ увеличеніи народонаселенія) едва ли можетъ уменьшиться количество дичи. Развѣ только, при вырубкѣ лѣсовъ, осушеніи болотъ и проч., птица улетитъ въ мѣстности болѣе отдаленныя и не скоро доступныя человѣку; но и тогда вѣроятно ее останется столько, что не нужно будетъ прибѣгать къ сказанному воспрещенію.

Изъ вышеизложеннаго видна возможность запрещенія, развѣ только стрѣльбы самокъ на токахъ, да увеличеніемъ количества свинцу и пороку, останавливать по возможности охоту слопцами, пленками и петлями, схватывающими безъ различія самку отъ самца; но и эта остановка врядъ ли возможна, потому что охота за дичью производится отнюдь не по прихоти, а для прокормленія себя.

Что же касается до бродячихъ и инородческихъ племенъ, то наложеніе какихъ нибудь запретовъ и ограниченій на этотъ промыселъ рѣшительно невозможно: во-1-хъ, потому, что они бродятъ по тайгѣ, по тундрамъ, съ которыми иногда прекращается и сообщеніе; во-2-хъ, промыселъ идетъ только въ октябрѣ и ноябрѣ по мелкому снѣгу, да въ мартѣ и половинѣ апрѣля по таянью; и въ-3-хъ, еслибы была возможность услѣдить за ними, то выдача билета была бы прямо стѣсненіемъ ихъ и раззореніемъ. А потому нѣтъ ни надобности, ни возможности учреждать здѣсь и лѣсную стражу.

Заканчивая общій краткій очеркъ о птицеводствѣ, я долженъ сказать, что виды здѣсь плодящихся породъ, какъ и самая ихъ жизнь, суть тѣ же, какія встрѣчаются во всемъ отечествѣ нашемъ. Все это давно описано, и описано такъ подробно, что я считаю совершенно

лишнимъ всякое повтореніе. Можно прибавить только то, что не бывши въ Сибирѣ, невозможно составить себѣ понятія о томъ громадномъ количествѣ разнородныхъ породъ дичи, какое встрѣчается здѣсь и болѣею частію во всей почти Сибирѣ. И это становится понятно всякому, кто взглянетъ на ея необъятныя пространства, занятыя лѣсами, болотами, озерами, рѣками, лугами и другими, привольными для птицы, мѣстами. Много, даже очень много лѣтъ нужно, чтобы всѣ эти мѣста, обладающіе такими удобствами и для животныхъ и для людей были заняты съ пользою человѣкомъ, часто иногда уничтожающимъ бесполезно потомъ своимъ неблагодарную, бесплодную почву многихъ российскихъ губерній.

Прибавлю, что недостатокъ людей, охотниковъ птицеводовъ, восполняется обиліемъ птицъ хищныхъ орловъ, беркутовъ, ястребовъ, кобчиковъ, соколовъ, совъ, филиновъ и другихъ, о чемъ я не считаю особенно нужнымъ распространяться.

Совсѣмъ другую роль играетъ птицеводство въ краю Туруханскомъ. Мы уже видѣли, какъ много въ тундрѣ птицъ, какъ тундры испещрены озерами, а озера птицами. Здѣсь птицеводство составляетъ уже промыселъ; но и то въ маломъ объемѣ. Вѣдь на лѣто инородцы выходятъ на Енисей для рыболовства и мѣновой торговли съ Енисейскими купцами. Потому тундры остаются почти пусты. Болѣе всего ловятъ лѣтомъ гусей и вырывая ямы до мерзлаго слоя, складываютъ въ нихъ десятками и сотнями; зимою же вынимаютъ и развѣшиваютъ на воздухѣ. Но сохраненныя такъ до зимы гуси идутъ болѣе для своихъ потребностей. Весною же наловленные гуси, ихъ перья и пухъ составляютъ предметъ сбыта енисейцамъ. Особенно глупымъ изъ гусей считается „клокотъ“. Гуртовые ловы гусей дѣлаются съ помощію сѣти: выбираютъ такое мѣсто, гдѣ бы небольшое озерко соединялось узкимъ перехватомъ съ большимъ; когда гуси столпятся въ маломъ озерѣ, въ перехватѣ распускаютъ сѣти и крылья ихъ разводятъ далеко въ стороны; со стороны малаго озера оставляютъ ворота въ сѣти для входа птицъ; потомъ начинаютъ шумъ у малаго озера, чтобы гуси разслышали его и отправились къ большому озеру, гдѣ они заходятъ въ воротца; а ловцы поскорѣе стягиваютъ сѣти. Есть и другаго рода ловы, но все таки съ помощію же сѣтей. Цѣнность гусей въ торговлѣ читатели найдутъ въ таблицахъ. Только гуси до того жирны, что и скоро горькнутъ, и туго, твердо, неудобно ощипывать ихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Звѣроловство давнымъ давно, съ самаго начала появленія русскихъ въ Сибири, было главнымъ основнымъ предметомъ промышленности. Мало того: мнѣ кажется, оно было приманкою, талисманомъ, неволью тянувшимъ въ Сибирь всякую порывистую голову. Въ Россіи и до сихъ поръ, конечно только не у пушныхъ торговцевъ, есть почти убѣжденіе, что въ Сибири люди живутъ съ медвѣдями подъ одною кровлей, а соболей бьютъ коромыслами по улицамъ бабы. Сколько есть въ народѣ поэтическихъ разсказовъ въ родѣ того, что какой нибудь молодчикъ, всѣмъ взявъ парень, только бѣденъ, получая на сватовствѣ отказъ въ рукѣ возлюбленной, отправляется въ Сибирь и года черезъ два стоитъ себѣ въ церкви впереди всѣхъ въ соболей шубѣ и молитва на умъ нейдетъ, онъ гордо озирается себѣ кругомъ и думаетъ: „не любя была наша бѣдность, такъ полюбятся воля моя, да соболя шуба“. Г. Самойловъ, посланный выборнымъ изъ Енисейска присутствовать на соборѣ всей земли русской, созванномъ Екатериною II-ю и къ несчастію Россіи распавшемся безъ плодовъ, о звѣроловствѣ, какъ основномъ предметѣ торговли, говорилъ ⁽¹⁾, что „все вниманіе капиталистовъ было обращено на покупку пушныхъ товаровъ, съ которыми ѣздили въ Кяхту и промѣнивали на китайскіе товары; когда же получали свѣдѣніе, что изъ Россіи есть потребность, покупали песцовъ, бѣлокъ, лисицъ, горностаевъ, колонковъ, медвѣжьихъ и волчьихъ кожъ, и отправлялись въ Москву, на Макарьевку, либо въ Прбыть; также пушнина подготовлялась и къ Енисейской ярмаркѣ, что бывала въ послѣднихъ числахъ іюля и до 20 августа, куда съѣзжались и русскіе и сибирскіе купцы“.

Звѣрей, водящихся въ здѣшнемъ округѣ, можно раздѣлить на два отдѣла: однѣ породы составляютъ предметъ собственно охоты и промысла: а о сохраненіи и распложеніи ихъ надобно заботиться и даже, по возможности, принимать мѣры. Другія, составляя предметъ промысла, въ тоже время вредятъ общему спокойствію и въ нѣкоторыхъ (если не во всѣхъ) случаяхъ требуютъ мѣръ къ истребленію. Къ первымъ отно-

---

⁽¹⁾ Беру изъ документовъ, полученныхъ мною отъ внука г. Самойлова, Сергѣя Ѳедоровича Калашникова.

сятся лисицы, песцы, росомахи, соболи, горностаи, зайцы, выдры, колонки, бурундуки, бѣлки, козы, сыны, сайги, олени и сохатые (лоси). Ко вторымъ: медвѣди, волки, барсуки и рыси. Первый сортъ породъ въ послѣдніе годы явственно уменьшается, особенно же соболь, бѣлка, песецъ и олень; а второй постоянно увеличивается. И на то, и на другое равно имѣла огромное вліяніе золотопромышленность. Порода, бѣгущія людей, разогнаны той жизнью, которая корыстью къ золоту внеслась въ недоступныя до того чащи лѣсовъ: тысячами повалилъ народъ, топоры застучали по вѣковымъ соснамъ и лиственницамъ, огонь побѣждалъ, сжигая и осушая, по мѣстамъ топкимъ, гдѣ лѣсъ густой, но мелкой, люди прошли, сдѣлали просѣки, превратили ихъ въ дороги, открылись пріиски, тысячи народа и лошадей заходили впередъ и назадъ, лѣсъ сталъ истребляться на дрова и постройки, а поисковыя партіи, кромѣ того, оставляютъ огонь, который далеко бѣжитъ, виѣдряясь въ тундристую почву. Очевидно звѣри должны были бѣжать дальше въ глубь тайги и нѣкоторые, какъ наприм. рѣчной бобръ, исчезли совсѣмъ; тогда какъ хищные (медвѣдь, волкъ, барсукъ и рысь), привлекаемые запахомъ гніенія животныхъ продуктовъ и особенно павшихъ лошадей и т. п., болѣе и болѣе скоплялись тутъ и наконецъ почти оцѣпили въ послѣдніе годы главные дороги.

Здѣсь представляется вопросъ: „нужно ли ограничить время охоты“? Полагаемъ: само собою разумѣется, что во время весны, по негодности звѣринныхъ шкуръ, охоты не производится; съ осени же туземные промышленники добываютъ себѣ въ пищу козъ, оленей, сохатыхъ и другихъ и оканчиваютъ ловъ уже по настамъ, что бываетъ въ половинѣ апрѣля, и такъ какъ промыселъ производится въ обширныхъ и далекихъ тайгахъ, то и не можетъ особенно препятствовать размноженію звѣрей и ловъ не долженъ быть воспрещаемъ, тѣмъ болѣе, что этотъ промыселъ составляетъ средство пропитанія ихъ, доставляетъ одежду и не производится большими облавами, съ борзыми, съ гончими, по неудобству мѣстности и обилію сплошныхъ лѣсовъ. Слѣдовательно, если для ловли, не опасныхъ людямъ, звѣрей здѣсь невозможно положить ограниченія, то надобно особенно заботиться объ истребленіи звѣрей кровожадныхъ. Народъ придумалъ къ тому много средствъ, о чемъ будетъ подробно изложено ниже, въ отдѣльныхъ §§ о каждомъ звѣрѣ; но медвѣди такъ много истребляютъ рогатаго скота и проч., что не бесполезно постановить въ Енисейскомъ округѣ, въ видахъ поощренія охоты на медвѣдей, такія же награды, какія опредѣлены во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, на случай истребленія волковъ. Что же касается до вопроса, „возможна ли выдача, дозволительныхъ на право охоты, свп-

дѣтельствъ": отвѣчаемъ—невозможна, а слѣдовательно невозможно и взиманіе платы за выдаваемые билеты; потому что охотниковъ ради охоты здѣсь нѣтъ, а для бѣдныхъ это орудіе къ существованію, особенно же инородцамъ, бродящимъ невѣсть какъ далеко. А изъ сказаннаго видна и невозможность учрежденія лѣсной стражи.

Торговля продуктами, получаемыми результатомъ звѣропромышленности, издавна (или вѣрнѣе съ начала появленія здѣсь русскихъ) считалась главною. Скажу о мѣстахъ ловли звѣрей и о приведеніи ихъ въ тотъ видъ, въ которомъ уже продается пушнина.

I. Уловъ болѣе важныхъ для торговли звѣрей, за исключеніемъ только песцовъ, производится къ востоку отъ Енисея, по верхней Тунгускѣ (или Ангартѣ) и рѣкамъ въ нее впадающимъ. Покупка звѣрьдѣлается осенью черезъ прикащиковъ, посылаемыхъ енисейскими купцами, или изъ первыхъ рукъ, или уже изъ вторыхъ. Нерѣдко скупаютъ изъ прилежащихъ частей всѣхъ округовъ, даже другихъ губерній, облегающихъ расположенное по вышеупомянутымъ рѣкамъ Богучанское отдѣленіе (волости Кежемская и Пичугская), а именно: въ Канскомъ (Енисейской губерніи), Нижнеудинскомъ и Киронскомъ (Иркутской), Илимскомъ (Якутской области). Въ Енисейскъ привозится покупка уже въ декабрѣ; а запоздалые скупщики, или выжидающіе выхода тунгузовъ на сугланы около Крещенія, привозятъ пушнину въ январѣ. За тѣмъ начинается немедленно сортировка. Бѣлка раздѣляется на четыре сорта: кизекъ, черная, бусая и свѣтлая; вяжутъ ее по 20 въ *бунтъ* ⁽¹⁾ и вкладываютъ сухую, отнюдь не размачивая, въ тиски между досокъ; при первыхъ двухъ сортахъ оставляютъ черные хвостики, а отъ послѣднихъ двухъ сортовъ красные и бурые хвостики обрѣзываютъ и продаютъ особо отъ 18 до 30 руб. за пудъ. Соболей подбираютъ въ полусорочки, они разнятся между собою въ цѣнности болѣе чѣмъ на 10 руб., т. е. покупаются отъ 3 до 15 руб. за штуку. Лисица связывается по 10 въ бунтъ. Колонки и горностанъ въ полусорочки. Товаръ, такъ приготовленный, отправляется въ январѣ въ ирбитскую ярмарку, гдѣ и сбываютъ всѣ сорта вмѣстѣ, не отдѣляя одинъ отъ другаго.

II. Къ западу отъ Енисея есть также ловъ звѣрей по рѣкамъ Кети и Чулыму; но въ гораздо меньшемъ количествѣ и худшаго качества, такъ бѣлка и соболь хотя и имѣютъ такую же пышность, но много свѣтлѣе цвѣтомъ, потому и дешевле отъ 10 до 15 процентовъ.

III. Третье мѣсто пріобрѣтенія—Туруханскій край. Бѣлка и соболь этого края хотя выше качествомъ западныхъ, но ниже значительно

---

(1) Связка.

восточныхъ. За то горностаѣ Туруханскій выше на 10 и 15 процентовъ. Количество упомянутыхъ звѣрей болѣе, чѣмъ по Кети и Чулыму. Покупка до Туруханска производится болѣе мѣною на хлѣбъ и т. п. необходимости для жителей, и въ лѣтнее время съ мая по сентябрь. Эти скупщики главнѣе всего плаваютъ за засоломъ рыбы и остальнымъ занимаются по спопутью. Самая добыча звѣря происходитъ также, какъ по Тунгузкѣ и по Кети, зимою: звѣроловы уходятъ за добычею, по, опадающимъ въ Енисей, рѣкамъ (особенно по Нижней Монастырской и по Подкаменной Тунгузкамъ), и изъ мѣстъ дальнихъ возвращаются, особенно инородцы, уже по вскрытіи рѣкъ на легкихъ лодочкахъ, которыя у меня описаны въ другомъ мѣстѣ (въ ст. объ Остякахъ и Тунгузахъ).

Такимъ образомъ, сборъ мягкой рухляди въ Енисейскѣ бываетъ болѣе всего въ зимнее время, откуда по собраніи она обыкновенно отправляется въ Ирбитскую ярмарку. Иногда же рухлядь, болѣе Туруханская, отправляется въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москву и Кяхту. Въ Кяхту же отправляется и все количество собранныхъ, ниже Туруханска до моря, песцовъ. Песцы ловятся уже тамъ, гдѣ нѣтъ таежныхъ лѣсистыхъ мѣстъ и по преимуществу Самоядью, Юраками и Долганами, отъ которыхъ скупаютъ тѣ же торговцы, приплывающіе за засоломъ рыбы и проходящіе большими судами за Туруханскъ. У моря ловятъ и бѣлыхъ медвѣдей, но мало.

Тамъ же, гдѣ песокъ находится и мамонтовая кость, въ тундрахъ ⁽¹⁾ по отваламъ рѣчекъ и въ ярахъ; рога вѣсомъ отъ 10 ф. до 5 пуд.; въ теченіи года получается отъ 100 до 200 пудовъ; цѣнность ея до 12 руб. сер. за пудъ; встречаемая южнѣе къ употребленію негодна, мягка и въ видѣ сухаго творога. Особыхъ промышленныхъ партій, какъ въ области Якутской, за костью здѣсь нѣтъ и находятъ ее случайно, ѣдучи по тундрамъ на оленяхъ; отъ того годовое количество кости такъ мало въ сравненіи съ Якутскою областью, гдѣ получаютъ ежегодно до 1,500 пуд. Скупаютъ и доставляютъ кость тѣ же приплывающіе, въ Туруханскъ, енисейскіе торговцы; сбывается она болѣе черезъ одни руки въ Москву.

Кромѣ всего вышесказаннаго, ловятъ въ Туруханскомъ краѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: лисицу черную и бурую, выдру, росомаху,

---

(1) Считаю интереснымъ упомянуть, что въ 1857 году найденъ купцомъ ачинскимъ Розановымъ цѣлый мамонтъ, огромной величины, въ полуверстѣ отъ города Ачинска въ небольшой рѣчущкѣ, впадающей въ Чулымъ; это, какъ извѣстно, мѣсто очень южное, а между тѣмъ кость была нерассыпчата.

рысь, волковъ, зайцевъ и голубыхъ песцовъ (ловащихся въ рѣдкость на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и песцы бѣлые). Первые (т. е. лисицы) при значительномъ ихъ уловѣ получаютъ въ числѣ не болѣе 30 штукъ и цѣною отъ 20 до 70 руб.; вторыя числомъ до 100 шт. и цѣною отъ 5 до 10 руб.; третьи числомъ до 150 шт. и цѣною отъ 2 руб. до 3 руб. 50 коп.; четвертые до 30 шт. цѣною отъ 5 до 10 руб.; лятые до 150 шт. цѣною отъ 1 до 7 руб. и вообще волки Туруханскіе считаются лучшими; шестые (т. е. зайцы) до 30 шт. и покупаются отъ 4 до 8 коп.; голубыхъ же песцовъ, при самомъ богатомъ ихъ уловѣ и то прежде, бывало не болѣе 100 штукъ и цѣнность отъ 5 до 10 руб. сер. за штуку.

Здѣсь обозначены примѣрно количества и цѣны звѣрей, менѣе другихъ встрѣчающихся и вовсе не составляющихъ основнаго предмета промышленности и торговли. Что же касается до другихъ, то количество и цѣны собраны за много лѣтъ и обозначены въ особыхъ таблицахъ, которыя и будутъ приложены къ концу главы о звѣроловствѣ. Всѣ эти количества взяты изъ частной дѣятельности; а такъ какъ въ весьма небольшой пропорціи поступаютъ бѣлка, песецъ и соболь въ казенное вѣдомство ясакомъ, за взятый взаймы хлѣбъ и проч., то будетъ также приложена таблица о количествѣ погодно и о цѣнѣ, по которой продавался каждый звѣрь въ окружномъ управленіи.

Этимъ оканчиваю общій обзоръ торговли пушной и перехожу къ частному описанію способовъ ловли каждаго звѣря. Полагаю, что и особенности природы и разныя случайности, и породы звѣрей, словомъ все — можетъ обусловливать способы лова; а изъ этого вытекаетъ заключеніе, что можетъ быть здѣсь придуманы такіе ловы, какихъ нѣтъ нигдѣ и которые общезвѣстными сдѣлать не бесполезно, тѣмъ болѣе въ это время, когда звѣропромышленность упадаетъ, отличные звѣроловы умираютъ и уносятъ съ собою въ сырую землю свои выдумки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прежде описанія способовъ ловли и выгодъ торговли въ частности по отношенію къ каждому звѣрю особо, надобно сказать объ одеждѣ и приборахъ звѣролова изъ русскихъ крестьянъ, а также и о Тунгузахъ, какъ исключительно занимающихся звѣроловствомъ.

Вотъ одежда звѣролова:

1. Верхняя одежда *шодданикъ*. Онъ дѣлается изъ крестьянскаго сукна, длиною до колѣна и обшивается сверху холстомъ, на что указываетъ самое названіе; отсюда и глаголъ *обшодданить*, т. е. обшить холстомъ.

2. Штаны изъ крестьянскаго сукна, длиною отъ пояса пониже колѣна. Поддерживаются посредствомъ *гасника*, вдернутаго въ опушку сверху, и оканчиваются такой же опушкой, въ которую продѣты шнуры, чтобъ обвязывать ихъ вокругъ ногъ, пониже колѣнъ.

3. Суконныя въ 3 аршина *онучи*, т. е. обертки, портянки, въ которыя обертываются ноги.

4. *Ишмы*. Надѣваются сверхъ онучъ. Это кожаныя чарки, къ которымъ пришиваются изъ толстаго холста голяшки, т. е. голенища. Платье это принаровлено къ тому, чтобъ легче и мягче было ходить на лыжахъ, а ишмы шьются съ холщевыми голяшками для того, чтобъ легче можно было просушивать ихъ въ зимовѣ, если звѣровщику случится промышлять во время слякнши (т. е. мокраго снѣга).

5. Шодданикъ опоясывается ремнемъ сыромятнымъ (т. е. мягкимъ безъ глянца), съ натопорней. Натопорней называется желѣзная скобка, которая пришивается съ лѣваго бока къ ремню для того, чтобъ тутъ можно было повѣсить топоръ, каковой топорщикомъ вкладывается въ эту скобочку.

6. Сверхъ шодданника, звѣроловъ надѣваетъ холщевой, въ одну полосу, лузанъ, который готовится такъ, что по срединѣ прорѣзывается дыра, такой ширины, чтобъ можно было просунуть голову. Длина его спереди и сзади простирается до пояса. Цѣль лузана состоятъ въ предостереженіи одежды отъ порчи, равно какъ и наловленнаго звѣря, а какъ именно, скажу ниже.

7. Подъ лузанъ надѣвается на спину вмѣсто кузова паняга. Это доска, длиною болѣе полуаршина, шириной вершка въ 4; въ углахъ паняги продѣты двѣ ременные лямки, одна съ правой стороны, другая съ лѣвой; въ лямки эти просовываются руки, такъ чтобъ лямки можно было связать на груди. Съ верхней стороны паняги, для привязки добытаго звѣря, продѣваются четыре ремешка.

Во время хода звѣровщика по лѣсу, звѣрь, привязанный къ панягѣ, закрывается задней половиной лузана. Такимъ образомъ звѣрь защищается отъ всякой порчи, а именно отъ теплоты, и за тѣмъ прѣлости отъ человека, потому что паняга прилежитъ доской къ спинѣ, а звѣрь прикрѣпляется къ ней ремнями съ наружной стороны. Но вы скажете, что этимъ дается возможность набиться въ шерсть въ большомъ коли-

чествѣ кухтѣ, а лузанъ-то на что? задней его половиною бѣлка и прикрывается. Впрочемъ, едва ли вы скажете это, потому что навѣрно не знаете, что такое кухта; такъ называются массы снѣга, въ большемъ количествѣ висящія на вѣтвяхъ лѣса и безпрестанно валящіяся на пробирающагося тайгой звѣролова. Посему лузанъ безпрестанно отряхивается во время хода, и какъ звѣрь, привязанный къ панягѣ, такъ и одежда самая звѣролова не мокнетъ, не прѣтеть и не простужаетъ звѣролова.

8. На руки надѣваются мохнатки. Они дѣлаются изъ оленьихъ камасовъ (шкура съ концевъ ногъ) и притомъ такъ, что верхняя половина, противоположная ладони, шьется изъ оленьей кожи шерстью вверхъ, а нижняя, закрывающая ладонь, дѣлается изъ выдѣланной кожи (безъ шерсти; далѣе пришивается въ направленіи отъ кости къ локтю рѣвдуга (т. е. выдѣланная оленья кожа), которая обвязывается около руки и имѣетъ почти у кисти поперечный разрѣзъ (съ опушкой изъ шерсти), для того, чтобъ въ случаѣ надобности можно было: не снимая мохнатокъ, выводить изъ подъ нихъ руки и работать голыми руками.

9. Для того, чтобъ не тонуть въ снѣгу, на ноги надѣваются подволошныя лыжи. Устройство лыжъ весьма замѣчательно, именно потому, что вполне принаровлено къ легкости и быстротѣ хода. Лыжи дѣлаются изъ еловой доски, длина которой соразмѣряется съ ростомъ звѣровщика, именно такъ, чтобъ одинъ конецъ лыжи у стоящаго человѣка могъ опираться въ носокъ (пальцы ногъ), тогда какъ другой въ подбородокъ; ширина лыжи вершка въ 4, а толщина по самой срединѣ, гдѣ утверждается нога, около половины дюйма, къ бокамъ же и концамъ тоньше. Концы этой доски слегка округлены, такъ что представляютъ криволинейные углы и загнуты кверху, а срединна выгнута дугой къ ногѣ. Эти выгибы даютъ удивительную быстроту лыжамъ: стоитъ только ступить и слегка давить лыжу ногой, чтобъ она быстро двинулась впередъ. Снизу лыжи обклеиваются камасомъ, т. е. оленьей шкурой, содранной съ оленя, при чемъ принимаютъ въ соображеніе, чтобъ движеніе впередъ приходилось по шерсти, а не противъ шерсти. Эта обшивка даетъ лыжѣ скользкость впередъ, тогда какъ на оборотъ шерсть представляетъ достаточное сопротивленіе тому, чтобъ лыжа не подавалась назадъ, что особенно необходимо при подъемахъ на гору. Края этой шкуры, загнутые кромкой на верхней сторонѣ лыжи, называются возжамъ. По срединѣ лыжи дѣлаются ременные юксы (т. е. пугы), въ которые продѣвается носокъ ноги, и сзади концами юксы завязывается нога на пяткѣ, чтобъ не катилась назадъ; нога становится

на пластинку бересты, наклеенную на лыжу; юксы проникают насквозь лыжи на томъ мѣстѣ, гдѣ наклеена пластинка, слѣдовательно и сквозь нее (около краевъ), чѣмъ пластинка еще крѣпче придерживается къ лыжѣ; эта пластинка служитъ къ тому, чтобъ снѣгу, попадающій подъ ноги, не прилипалъ ни къ шпикамъ, ни къ лыжамъ, потому что съ бересты, не принимающей въ себя мокраго, онъ соскальзываетъ, отъ чего не теряется ловкость управленія лыжей, и нога не скользитъ по ней.

10. Въ рукахъ звѣровщика имѣется кухтарь, или костырь. Это посохъ, у котораго на нижнемъ концѣ придѣлывается обручъ, прикрѣпляемый къ посоху посредствомъ ременнаго переплета, продѣтаго въ дырочку, просверленную въ посохѣ.

Такое устройство дѣлаетъ обручъ подвижнымъ, или колеблющимся и не позволяетъ посоху тонуть въ снѣгу. Цѣль посоха та, чтобъ упираться имъ, отъ чего значительно увеличивается быстрота хода, также та, чтобъ легче встать звѣровщику въ случаѣ паденія, и наконецъ и та, чтобъ сбивать съ лѣса кухту во время хода. На верхнемъ концѣ кухтара утверждается въ желѣзную трубочку желѣзный крючекъ, длиною вершка въ три: онъ служитъ при подъемахъ на гору, чтобъ можно было зацѣпиться за деревья и кустарники.

11. У всякаго звѣровщика необходимо имѣется нарта. Нарта устроивается изъ двухъ самыхъ тоненькихъ полозковъ, шириною каждый не болѣе 3-хъ вершковъ и передніе концы коихъ выгнуты кверху. На нихъ укрѣпляются посредствомъ ремешковъ четыре копыла, длиною каждый въ аршинъ, и они связаны между собою посредствомъ тоненькихъ черемуховыхъ вязковъ. На эти вязки кладется вдоль нарты тоненькая досчечка, повыше которой дѣлаются на копылы нащѣпы (т. е. тоненькія еловые жерди, расщепленные противъ копыловъ, которые въ эти щели и продѣваются). Досчечка эта называется постѣльникомъ и укрѣпляется къ нащѣпамъ посредствомъ тоненькихъ, переплетенныхъ между собою, веревокъ. Къ переднимъ концамъ полозковъ прикрѣпляется въ лежачемъ положеніи, посредствомъ веревокъ, тонкая черемуховая дуга, къ которой привязывается поводокъ для тасканія нарты. Такое устройство даетъ нартѣ чрезвычайную легкость и гибкость во всѣ стороны, два качества, необходимыя для того, чтобъ можно было больше увести тяжести и при томъ по такой мѣстности, гдѣ нѣтъ ни дороги, ни тропинки.

12. Въ нарту кладется разный промышленный заводъ, т. е. всѣ промышленные приборы, и харчевое, т. е. всѣ съѣстные припасы. На

плечо звѣроловщикъ надѣваетъ винтовку. На прикладъ съ замкомъ надѣваетъ нагалище: такъ называется чехоль, сшитый изъ барсучьей кожи, шерстью вверхъ. Беретъ съ собой натруску съ порохомъ, кошелекъ съ пулями и, помолясь Богу, пускается въ путь.

Перейду къ звѣролову инородцу, и по этому случаю опишемъ жизнь и дѣятельность Тунгуза.

Мы видѣли уже, въ первой части труда моего, особенности природы, лежащей къ сѣверу отъ Туруханска и Нижней Тунгузки до начала тундры; видѣли, что на всей этой полосѣ лѣса и лѣса, которые къ сѣверу болѣе и болѣе рѣдѣютъ, пока не начнется томительное однообразіе тундры. Въ лѣсахъ этихъ рыскаютъ только звѣри, да и то хищные, отъ которыхъ скачетъ съ дерева на дерево робкая бѣлка; да надъ лѣсами, на вершинахъ высокихъ деревьевъ и на голыхъ утесахъ каркаютъ мрачно вороны, а инде парятъ въ небѣ величавые беркуты. Всюду мракъ и холодъ. Вотъ такая-то мѣстность заселена по преимуществу тунгузскимъ племенемъ. Это племя, не только въ краю Туруханскомъ, но и вообще по Восточной Сибири, считается главнымъ, господствующимъ. Это основано сколько на большемъ числѣ Тунгузовъ противу другихъ племенъ каждаго отдѣльно, столько же и на свойствѣ натуры Тунгуза: онъ больше другихъ способенъ къ воспримчивости и развитію, больше бодръ и проворенъ. Къ Тунгузамъ причисляются и Долганы, говорящіе сходнымъ языкомъ, но академиками Кеппеномъ, Беромъ и Миддендорфомъ считаемые только за соплеменныхъ Тунгузамъ. Какъ мнѣніемъ сказанныхъ ученыхъ, такъ и тѣмъ, что всё въ Туруханскомъ краю, даже Тунгузы, отдѣляютъ Долгановъ, мы становимся противу ст. кн. Кострова (въ Зап. Сиб. Отд.), который на 86 стран. называетъ ихъ Долганскимъ родомъ Тунгузовъ. Да и Тунгузы Туруханскіе вовсе не называютъ себя, какъ говоритъ кн. Костровъ (на 79 стр.), Эвен-ки, а просто „Тунгузъ“ съ прибавленіемъ имени рода.

Въ официальныхъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ имъ въ 1860 г. изъ Туруханскаго отдѣльнаго управленія, нашли мы слѣдующую статистику.

Тунгузы раздѣлены на 10 родовъ: Подкаменнотунгузскій, Илимпейскій, Усть-Туружскій, Чапогирскій, Нижнечумскій, 1-й лѣтній, 2, 3, 4 лѣтній и Боганидскій.

Названія родовъ или управъ.	Число душъ.		Особыя замѣчанія : напр. гдѣ живутъ и откуда получаютъ припасы.
	Муж.	Жен.	
а) <i>Тунгузскихъ</i> :			
1. Подкаменно - Тунгузскій . .	60	о б. пола.	Бродитъ на ю.-в. Туруханскаго края, по р. Подкаменной Тунгузкѣ и приписанъ къ подкаменно тунгузскому магазину.
2. Илимпейскій .	212	160	Прежде всѣ 5 родовъ бродили по системѣ р. Нижней Тунгузки, гдѣ на протяженіи 1,200 верстъ имѣлись для нихъ 4 подвижныхъ магазина. Но нынѣ болѣзни очень уменьшили ихъ число и они стали разбредаться. Такъ Илимпейскій бродитъ не по Нижней Тунгузкѣ (какъ сказ. у кн. Кострова), а въ глубинѣ Туруханскаго края у оз. Ессейскаго, гдѣ ссорится съ Якутами, отъ которыхъ получаетъ и хлѣбъ; ясакъ же вывозятъ ихъ старшины въ Туруханскъ съ такого числа душъ, котораго повѣрить нельзя; ясакъ платятъ впрочемъ и всѣ инородцы охотно, приговаривая „надо царю, — знае-мы!“, а ужъ за то недоимку за хлѣбъ взно-сятъ неохотно, считая это дѣломъ чинов-ничества. Чапогирскій родъ остался еще на Нижней Тунгузкѣ, гдѣ есть и магазины во 150 верстахъ отъ Туруханска на рр. Лѣтней и Сѣверной. Нижнечумскій и 1-й лѣтній выходятъ къ Енисею и довольствуются изъ Банхинскаго магазина.
3. Усть - Турыж- скій	37	22	
4. Чапогирскій .	175	97	
5. Нижне- чумскій. } оба	36	33	
6. 1-й лѣтній }			
7. 2-й лѣтній . . .	57	85	Бродитъ между р. Авалой и Якутами. Для нихъ магазинъ на р. Авалѣ въ 50 верстахъ отъ Туруханска.
8. 3-й лѣтній . . .	48	40	Промышляетъ около Нормальскихъ озеръ и причисленъ къ Дудинскому магазину.
9. 4-й лѣтній . . .	61	40	Вмѣстѣ съ Чапогирскимъ.
10. Боганидскій . .	59	49	Бродитъ по р. Боганидѣ, а магазинъ для нихъ на 250 в. далѣе авамскаго.
б) <i>Доманскихъ</i> :			
1. Долгано-Тун- гузскій	108	83	Оба имѣютъ промысла по р. Дудинной и около Нормальскихъ озеръ, а причислены къ Дудинскому магазину.
2. Долгано-Жп- ганскій	74	70	
3. Долгано-Ессей- скій	195	185	Бродитъ между рѣкъ Хатанга и Анабара, а причисленъ къ магазину Савинскому и Хатангскому.

Еслибъ вамъ, читатель, пришлось встрѣтить въ лѣсахъ Сибири чело-вѣка средняго роста, съ овальной головой, широкимъ лбомъ, смуглой и красна кожей, кругловатаго очертанія лицомъ со смѣлымъ выраженіемъ, плоскимъ носомъ, узковатыми глазами и черными воло-сами, связанными на затылкѣ въ пучекъ, или въ косу, перевязанную

ремнемъ: это Тунгузъ. Вонъ бѣжитъ онъ на скользкихъ лыжахъ дикій и кровожадный, какъ самъ звѣрь, за которымъ гонится, изворачиваясь бойко и ловко межъ тѣсно стоящихъ деревьевъ. На немъ надѣтъ сокуй изъ большихъ оленьихъ; на ногахъ сотуры, выше колѣнъ, изъ камысовъ, т. е. кожи, снятой съ ногъ оленя, съ сохраненіемъ шерсти наружу, Болѣе вы ничего изъ одежды не видите. Въ рукѣ, съ рукавицей изъ оленьихъ, вшитовка; при ней пороховница и мѣшокъ для свинца. За спиною лукъ, колчанъ и стрѣлы; колчанъ сшитъ изъ оленьей кожи и украшенъ шитьемъ изъ разноцвѣтнаго бисера. Стрѣлы и тупыя, и съ копейцами разной величины и формы, смотря по звѣрю, и съ таморомъ, т. е. деревянной шишкой на концѣ, чтобы глушить мелкихъ звѣрьковъ, не портя ихъ дорогой шкурки, и съ орлиными перьями на рукояти стрѣлы, для чего нарочно достаютъ изъ гнѣздъ небольшихъ орлятъ и выкармливаютъ (оставляя взрослыхъ нетронутыми для приплоду). Это дѣлается сколько изъ убѣжденія, что ловко приспособленное перо доставляетъ вѣрность лету стрѣлы, столько же и какъ символическій знакъ могущества. Но вотъ кончилъ Тунгузъ свой промыселъ, приближалъ къ чуму, сбросилъ сокуй и вы видите его одѣтымъ, не уродливо и мѣшковато подобно Остяку, а въ коротенькомъ казакнѣ, обхватывающемъ стройно сложенный станъ, съ разноцвѣтными бисерными вышивками по бортамъ и съ бахрамою по подолу изъ звѣрныхъ волосъ. На ногахъ уже не сотуры, а „бокари“ изъ той же оленьихъ, но меньше и легче сотуръ. До половины стана „хорьки“, какъ нижнее платье изъ выдѣланной, въ родѣ замши, оленьихъ и называемой „ровдуга“. На всей передней сторонѣ тѣла виситъ „нагрудникъ“ изъ оленя шерстью внизъ, либо изъ ровдуги, разукрашенный бисеромъ и обшитый бѣлыми хвостиками; поверхъ нагрудника накинута перевязь съ ружейнымъ снарядамъ, выдѣланнымъ изъ мамонтовой кости въ формѣ собольихъ головокъ. Станъ перехваченъ широкимъ кожанымъ, вышитымъ бисеромъ, ремнемъ, обвѣшаннымъ нѣсколькими кошельками для табаку, трубкой, огнивомъ и ножикомъ въ поясахъ. На головѣ шапка изъ выдры, росомахи, пыжика, либо лапъ песцевыхъ, или лисьихъ. Но и это не все: у женщины на рямешной перевязи виситъ скобообразно желѣзо, вершка въ 3 длины, котораго назначеніе въ удержаніи вещей, вдѣтыхъ на ремень, какъ-то: наперетка безъ дна и цилиндрической, въ палецъ толщины, трубочки со вставленнымъ въ нее ремешкомъ, на которомъ укрѣплены иглы, нитки и жилы для шитья. приготовляемая выдѣтриваніемъ и разминаніемъ оленьяго льна ⁽¹⁾, тогда какъ изъ ножныхъ жилъ оленя го-

(1) Сухожилия съ загривка.

товать веревки. Лѣтомъ, или при посѣщеніи русской избы, еще измѣняютъ одежду: на ноги надѣваютъ чулки изъ чужей, т. е. самыхъ тонкихъ молодыхъ оленьихъ шкурокъ шерстью внизъ и узкіе унты изъ камысовъ же, но разукрашенные бисеромъ; а на голову женщины надѣваютъ вѣнки изъ бѣличьихъ хвостиковъ, напзанныхъ одинъ къ другому такъ, чтобъ составляли кругъ и круги эти, прикладываясь слоями одинъ къ другому, составляютъ вѣнокъ. Эта наклонность ихъ радиться — преуморительно выразилась у Тунгузовъ, обитающихъ на юго-востокѣ Туруханскаго края и спускающихся отъ Подкаменной Тунгуски къ золотымъ пріискамъ сѣверной системы. Тамъ, продавая звѣрей за водку и русскую поношенную одежду, они натягиваютъ на себя кто фракъ, кто жилетъ, кто галстукъ, кто фуражку и проч. и проч., и все это въ перемежку съ своимъ національнымъ костюмомъ! (1).

Жилище ихъ — чумъ, ничѣмъ не отличается отъ остяцкаго, кромѣ того, что матеріаломъ служить уже не береста, а лѣтомъ ровдуга, зимой невыдѣланная оленья шкура. Не устроиваясь сами въ одномъ мѣстѣ, подобно русскимъ, они однакожъ очень любятъ изрѣдка пожить и полѣниться въ нашей избѣ. Когда же, во время зимнихъ промысловъ, они значительной артелью зайдутъ въ даль отъ чумовъ своихъ и по какой нибудь причинѣ, хоть наконецъ просто для отдыха, пріостановятся на одномъ мѣстѣ значительное время, то устраивается деревянная „балага“. Для того разгребаютъ снѣгъ и землю, — дѣлаютъ человекъ на 20 помѣщеніе въ родѣ чума, изъ половинокъ деревьевъ, укладывая одну возлѣ другой, а снаружи забрасываютъ, для тепла, мхомъ и снѣгомъ, землю выбираютъ крѣпкую, безъ кочекъ и гнили, которая бы не могла горѣть и нестерпимо дымить, съ выбраннаго, для устройства балаги, мѣста выбираютъ сперва весь мохъ; внутри помѣщенія передъ дверью ставится сошка, на которую положена палка для вѣшанія котловъ, подъ которыми, для приготовления пищи, разводится огонь. Вообще всѣ домашнія принадлежности въ родѣ остяцкихъ, только нѣтъ собакъ, замѣняемыхъ небольшимъ количествомъ оленей. У Тунгузовъ нѣтъ также и остяцкихъ — лодки и вѣтки, а есть своя особая берестяная лодочка, аршина 2 длины, $\frac{3}{4}$ аршина ширины, съ плоскимъ дномъ, покрытымъ по длинѣ тончайшими деревянными пластинками на тотъ случай, что береста можетъ въ ширину расколоться; бока лодочки изъ бересты, вышиною 4 вершка и придѣланы къ дну подъ прямымъ угломъ; концы лодки тупоугольны, весла узки и тонки. Такую лодочку Тунгузъ легко переноситъ съ мѣста на мѣсто и чрезвычайно быстро плаваетъ въ ней.

---

(1) Физиопомія Долгановъ менѣе рѣзка; одежда проще.

Въ домашне-семейной жизни Тунгузы и Долганы несравненно чловчнѣе Остяковъ, т. е. нѣтъ по крайней мѣрѣ привычки говорить съ жалкою женой одними намеками и все непонятое, или не быстро выполненное, вколачивать въ нее полѣномъ. И это еще хорошо. Воли невѣсты, конечно, уже не спрашиваютъ. Да и женихъ не всегда имѣетъ свое слово. Распоряжается произвольно отецъ и походному священнику отцу Ильѣ приходилось близъ Ессейскаго озера встрѣчать 13-ти лѣтнихъ Тунгузовъ женатыми уже по 3 года, слѣдовательно съ 10 лѣтъ, когда они еще полныя дѣти, потому что холодъ Туруханскаго края не можетъ вѣдь дать ускореннаго развитія, какъ горячая природа Индіи! Сва-товство не представляетъ ничего особеннаго, отличительнаго. Калымомъ служатъ олени. Замѣчательно только, что невѣсту отправляютъ одну въ чумъ жениха, гдѣ никто ее не встрѣчаетъ, гдѣ она сама распрягаетъ оленей и, отпустивъ ихъ въ табунъ жениха, входитъ въ чумъ, садится, какъ ни въ чемъ не бывало, вблизи дверей и начинаетъ под-кладывать въ огонь дрова. А женихъ, выждавъ нѣсколько минутъ, снимаетъ съ себя верхнее одѣяніе и бросаетъ невѣстѣ на колѣни, что она должна взять и вынести изъ чума: вотъ символическій моментъ, съ котораго она считается уже хозяйкою дома. Потомъ начинается пиръ, и робкое во-ображеніе Тунгузовъ, хотя бы семья считалась уже и христіанскою, не можетъ считать бракъ счастливымъ, если не скрѣпленъ онъ шаман-ствомъ. За тѣмъ когда нибудь, въ проѣздъ походнаго священника, либо при выходѣ Тунгузовъ къ магазину, гдѣ есть церковь, какъ напр. въ Дудинѣ, совершается и плохонятное Тунгузамъ таинство брака. Для свадебнаго пира, конечно, колетъ шаманъ оленя.

Болѣе деликатнымъ угощеніемъ считается каша съ медвѣжьимъ са-ломъ. Кромѣ того, првготовляются слѣдующія блюда: „улитка“ — мясо сушеное, безъ соли; мѣшаютъ еще порсу съ ягодами и ѣдятъ, прику-сывая оленьимъ саломъ. И лакомятся житель Нижней Тунгузки саломъ потому, что только пазъ этой пищи, при отсутствіи растительнаго цар-ства, онъ и можетъ получать довольно углерода и водорода, какъ со-жигаемыхъ матеріаловъ для того кислорода, который, при каждомъ вдыханіи холоднаго (въ 40°) воздуха, входитъ въ гораздо большемъ количествѣ.

Вы, навѣрно, замѣтили, что Тунгузъ, въ первыя минуты встрѣчи съ невѣстою, броситъ ей съ себя одежду, чтобъ она вынесла ее; замѣтили, что, войдя въ чумъ къ жениху, невѣста занялась уже раскладываніемъ огня. Жалкая, но характеристическая встрѣча! Жена для Тунгуза на-стоящая служанка: не только на ней лежать рѣшительно всѣ заботы и обязанности по хозяйству, это естественно; но жена не можетъ ѣсть

иначе, какъ уже остатки отъ пищи мужа, сравниваясь въ этомъ съ нимъ только въ гостяхъ; состарѣлась жена—и Тунгузъ женится на молодой, оставляя первую въ качествѣ работницы. И вообще есть много подобныхъ мелочей, отъ которыхъ становится грустно. Вы скажете: да вѣдь многіе изъ Тунгузовъ уже числятся христіанами? Да, они числятся, но кто жъ услѣдитъ за ними въ глубинѣ малоизвѣданныхъ лѣсовъ?!

Нравственность дѣвицъ и женъ сберегается строго у Тунгузовъ съвера; тогда какъ жители Подкаменной Тунгузки, выходящіе къ приискамъ, хоть и обѣгаютъ дѣвушку съ явно лихой молвой, приговаривая „пусть ее русскій возьметъ“, но подъ хмѣлькомъ не отказываются за „рака“, т. е. дорогую соблазнительную водочку, и поторговать своей женой. Проходитъ годъ, рождается ребенокъ, и въ обычаяхъ при родахъ нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ очищенія родительницы огнемъ.

Имена даютъ дѣтямъ преоригинально и у многа ихъ по три. Первое дано шаманомъ, либо родителями и соответствуетъ времени года, или какимъ нибудь обстоятельствамъ, совпавшимъ рожденію ⁽¹⁾. Второе дается уже тогда, какъ человѣкъ начнетъ приходить въ возрастъ и проявляться особенностями своихъ свойствъ и характера; это имя есть въ то же время и названіе какого нибудь качества; потому при опросѣ имени рѣдкій отвѣчаетъ самъ за себя и, выждавъ наименованіе отъ товарища, самъ только улыбается. Третье имя есть уже христіанское, данное при крещеніи, если оно когда нибудь случится; но при немъ Тунгузы любятъ уже непременно величаться и по отцѣ, а безъ того очень оскорбляются. Такая тройственность имени производитъ часто большую путаницу въ дѣлахъ, такъ что одинъ и тотъ же человѣкъ въ книгахъ о крещеніи значится подъ однимъ именемъ, а въ ревизскихъ сказкахъ подъ другимъ.

Тунгузы очень любятъ приглашать въ крестные отцы русскихъ и въ былое время приносили русскимъ за это богатые подарки, тогда какъ нынѣ, напротивъ, сами требуютъ преназойливо отъ отца крестнаго и подарковъ и угощеній, особенно вина, и квартиры, и прокорму бесплатно. Да и вообще нынѣ безукоризненная честность Тунгузовъ подъ большимъ сомнѣніемъ: такъ они плутуютъ не только съ русскими, называя долгъ черезъ годъ, „кислымъ“, „о которомъ стыдно и говорить“, но и между собою, чѣмъ подрывается отчасти звѣроловство. Такъ бывають случаи, что изъ 60 человѣкъ звѣропромышленниковъ

(1) Такъ я зналъ одну женщину, которая называлась „подналь“, потому что родилась въ то время, какъ бѣлка была не въ лучшей порѣ своей шерсти и называлась подналью.

занимаются дѣломъ развѣ 10, а остальные наравятъ пользоваться плодами ихъ дѣятельности, и для того лѣнтыя выжидаютъ выхода извѣстныхъ звѣролововъ, отправляются за ними слѣдомъ и подбираютъ себѣ ихъ добычу, тогда какъ не уступить въ этомъ случаѣ нельзя, по старинному честному убѣжденію, что это случайность, что и Богъ далъ, вѣрно, на его счастье. Но это, повторяю, не повсюду, а болѣе у тѣхъ Тунгузовъ, которые уже нѣсколько цивилизовались отъ Русскихъ; тогда какъ у обитателей болѣе глубокихъ лѣсовъ, сохранившихъ дѣвственность своихъ правилъ, есть много хорошихъ качествъ; они привѣтливы и гостепріимны, хотя и мстительны; съ бѣдняками дѣлятся добычей; во всѣхъ поступкахъ ихъ видно болѣе солидности и благо-разумія; разговоръ тихъ и скромный, хотя и есть въ характерѣ вспыльчивость. Правильность жизни и отсутствіе вина даютъ возможность, не смотря на суровость природы, доживать Тунгузамъ дальнихъ мѣстъ до глубокой старости и священникъ походной церкви о. Ильи встрѣчалъ вблизи Ессейскаго озера много Тунгузовъ лѣтъ по 80 и даже старѣе.

Но чтобы вѣрнѣе была картина жизни Тунгузовъ, такъ какъ южные изъ нихъ, бродящіе между Подкаменной и Верхней Тунгузками, имѣютъ и нѣкоторыя свои особенности, приведу разсказъ одного бывалаго служаки. Приѣхалъ я по должности, въ декабрѣ мѣсяцѣ на „сугланъ“, т. е. сборное мѣсто для сбора ясака, совершенія церковныхъ требъ и мѣновой торговли. Между множествомъ раскинутыхъ чумовъ была вырыта въ сибгу яма, окруженная жердочками и по срединѣ разведенъ огонь; это „гулимъ“, т. е. мѣсто сбора для совѣщанія, куда каждое утро сходятся и олени, какъ будто сказать хозяевамъ, что окончили пищу и тогда Тунгузы спѣшатъ къ топорамъ и снова срубаютъ для оленей молодая вѣтви ельника и пихтовника съ растущимъ на нихъ мохомъ. Около каждого чума разставлено имущество въ турсукахъ ⁽¹⁾ и никто не смѣетъ прикоснуться изъ опасенія, чтобы не схватился хозяинъ за пальму съ словами: „а, ты мой анбаръ ⁽²⁾ тронулъ“. Разъ увидѣлъ я раннимъ утромъ, у гулима два существа скорченныхъ, съдыхъ, съ стоящими на головѣ клочьями, съ морщинами на лицѣ чуть не въ палецъ глубиною. Сувѣрный страхъ, внушенный съ дѣтства, пустилъ мелкія мурашки по кожѣ моей; но, оправаясь отъ перваго впечатлѣнія, я подошелъ ближе и окликнулъ. Отвѣта нѣтъ; я подошелъ прямо къ нимъ, они показывали тринину, давая знать, чтобы покупалъ. По этому случаю мнѣ пришлось узнать весьма достойный обычай Тун-

---

⁽¹⁾ Посуда изъ бересты въ родѣ татарскихъ бураковъ.

⁽²⁾ Кладовая.

гузовъ давать по второму звѣрю улова, отъ каждого сорта, старцамъ, которые уже не въ силахъ промыслять; тогда какъ по первому-то звѣрю откладываютъ для шамана. (Вотъ она сила-то суевѣрій, а вѣдь не для христіанскаго священника!).

Вошелъ я въ чумъ; вижу, Тунгузка шьетъ и поталкиваетъ рукой, вы-
сашую передъ огнемъ, какую-то вещь, покачивающуюся отъ того изъ
стороны въ сторону. Это была зыбка ⁽¹⁾, устроиваемая такъ: сколачи-
вается изъ деревянныхъ досокъ родъ гробика; сверху съ трехъ сто-
ронъ придѣлывается ровдуга, обведенная спереди обручемъ и унизанная
бисеромъ и другими украшеніями; самый ящикъ снаружи обить
оленьей кожей, шерстью сверху и очевидно не можетъ украшаться би-
серной вышивкой; крышку замѣняютъ два лоскута ровдуги, прикрѣп-
ленныхъ съ двухъ боковъ и стягивающихся между собою ремнями; подъ
головкой ребенка, съ цѣлью защиты отъ простуды, лежитъ кусокъ
зайчьины; чистота въ зыбкѣ соблюдается съ помощью насыпи мелкихъ
таловыхъ гнлушекъ, отличающихся мягкостью и хорошо впитываю-
щихъ всякую сырость; у суженнаго бока зыбки, т. е. гдѣ ноги,
придѣлывается колъ, вставляемый въ землю и сверху за обручекъ,
привязываемый къ жерди, на которой и качается зыбка. При этомъ
ребенокъ остается все-таки головкой въ ту сторону, гдѣ разведенъ
огонь, видно плохо имъ извѣстно гиппократовское правило: „держать
голову въ холодѣ, а ноги въ теплѣ“. Въ другой день обратила мое
вниманіе бѣготня изъ чума въ чумъ. Оказалось, что въ одной семьѣ
очень больна двухъ лѣтняя дочь и что потому торопятся наготовить
одежду и прочее все, что должно бы идти взрослой дѣвицѣ. И вотъ
одежду всю сшили изъ новаго матеріала, но перерѣзали въ разныхъ
направленіяхъ; приготовили огниво съ принадлежностями, но отожгли
его; отсчитали ея долю изъ стада оленей, но одного зарѣзали, а дру-
гихъ только подводили къ больной, протыкали имъ ноздри и, тыкая
окровавленной мордой въ ребенка, пачкали его кровью. Я смотрѣлъ и
удивлялся, какъ оригинально выражаетъ Тунгузъ идею о безсмертіи души
и загробной жизни! какая хлопотливость! По смерти нельзя ей жаловаться,
что ее обдѣлили, что не дали одежды (которая бы прикрыла отъ холода),
лыжъ, лука и стрѣлъ (добывать пищу), оленей (обзавестись домкомъ), а
между тѣмъ страхъ смерти, особенно при заразныхъ болѣзняхъ, бе-
речь свое и неминуемо является во всемъ хитрость, одежда изрѣзана, лыжи
новыя, но попорчены и слѣд. лишены скользкости для быстрого бѣга, лукъ

⁽¹⁾ Люлька.

съ перерѣзанной тетивой никого не подстрѣлить, олени уступлены ей, но какъ? одинъ зарѣзанъ, чтобъ мясо употребить на поминки, а шкуру повѣсить на дерево надъ гробомъ въ доказательство надѣла; другіе же остались живы и только кровью ихъ попачкана умершая. И такъ вы видите борьбу идеѣ о безсмертіи души и опасенія, чтобъ за гробомъ не жаловались, и въ тоже время страхъ, чтобъ не возвратилась и не догнала. Изъ всѣхъ мелочныхъ хитростей при этомъ вы видите: какое грубое и дѣтское понятіе имѣютъ Тунгузы о божествѣ! Впрочемъ, что я упрекаю ихъ: вѣдь не выше же проявляются и русскіе старовѣры, которые, совершивъ убійство (4-хъ человекъ, какъ было въ Енисейскѣ), отказываются въ среду хлѣбнуть постные щи ложкой, бывшей въ молокѣ, потому что можно, дескать, оскорбиться, а это въ среду великій грѣхъ! Не такой ли и это грубый обманъ божества пустымъ соблюденіемъ обрядности?! Возврата мертвеца Тунгузы боятся такъ, что снимаютъ чумъ и переносятъ на другое мѣсто. Эта идея о безсмертіи души и страхъ при мысли о возвратѣ покойника сильно однажды встревожили Тунгузовъ, когда шаманъ имъ объявилъ, что русскіе собираютъ вислиця по деревьямъ у гробовъ шкуры оленей. Была подана объ этомъ жалоба въ краѣ. Вотъ, извольте услѣдить по лѣсамъ; да и крестьянцы считаютъ такую шкуру скорѣе находкой въ дремучемъ лѣсу, чѣмъ кражей. Вѣдь шкура не скрыта, а виситъ себѣ на деревѣ. Дѣло въ томъ, что могилы у Тунгузовъ не въ употребленіи и вещи не прячутся, а складываются на лабазъ, устраиваемый такъ: прискриваютъ два дерева одинъ вблизи другаго; срубаютъ колоду; выдалбливаютъ въ ней мѣсто для покойника, а въ концахъ ея провертываютъ дыры, которыми надѣваютъ колоду съ покойникомъ на срубленные верхушки деревьевъ; сучья же у деревьевъ обрубаятъ, чтобы покойникъ не могъ спуститься. Видѣлъ я, прибавилъ рассказчикъ, и интересныя перекочевки Тунгузовъ. Хотя все хозяйство и имущество ввѣрено женщинѣ, но малютки, при перекочевкахъ, поручаются чуть ли не болѣе оленямъ. Такъ олень везетъ ребенка на спинѣ, на перевѣсѣ съ „патакулями“, т. е. сумами, сдѣланными изъ оленьихъ камысовъ, сшитыхъ вмѣстѣ такъ, что внизу уже, а сверху шире и верхняя половина дѣлается изъ ровдуги съ узорами изъ лоскутьевъ китайки и оленьей кожи. При этомъ олень исправляетъ очень удовлетворительно и заботливо роль няньки: такъ онъ, возможно изгибаясь, бережется задѣтъ о дерево тѣмъ бокомъ, на которомъ виситъ ребенокъ; такъ если заплачетъ ребенокъ въ то время, какъ олень привязанъ къ дереву, онъ начинаетъ копытить той ногой, на сторонѣ которой виситъ ребенокъ, чѣмъ покачиваетъ и убаюкиваетъ его. А если Тунгузка позаботилась

привязать къ тому же боку вдѣтыя на ремень, въ видѣ кисти, разныя косточки, то онѣ, при сотрясеніи, поколачиваются другъ о друга, развлекають плаксу“. Разсказъ бывалаго конченъ, перехожу къ другимъ проявленіямъ жизни Тунгуза.

Главное занятіе Тунгузовъ — *звѣроловство*. Рыболовствомъ же занимаются они нехотя, только по нуждѣ, да оно и не совпадаетъ съ ихъ натурой живой, бойкой, требующей дѣятельности. Бытовое довольство Тунгузовъ, какъ и Долгановъ среднее; есть и едва пропитывающіеся; но богатыхъ, особенно стадами оленей, нѣтъ между ними вовсе, это уже принадлежность жителей тундръ — Самояди и Юраковъ. Тунгузу нѣкогда, да и негдѣ, заниматься ловлею дикихъ оленей, когда мимо его съ дерева на дерево скачетъ дорогой соболь. Было время, когда лѣса Тунгузки такъ обиловали соболями, что Тунгузъ, обѣгавъ за ними сотни и даже тысячу верстъ, на скользкихъ лыжахъ, выносилъ въ зиму отъ полсотни до сотни штукъ. Теперь же не то: звѣрь куда-то отошелъ и добыча считается уже десятками. Но особенно жалко состояніе Тунгузовъ южныхъ, бродящихъ между Подкаменною и Верхнею Тунгузками: золотопромышленность, безъ всякаго уговора съ Тунгузами, вторглась въ ихъ завѣтные лѣса, разогнала звѣря и особенно соболя вырубкой, пожарами лѣсовъ и внесенною ею жизнью, раззорила Тунгузовъ, и теперь на ихъ скопились уже огромныя неоплатныя недоимки. Говорю неоплатныя, потому что, линась звѣроловства, они лишились и возможности обогащенія. Вотъ въ чемъ теперь, кромѣ скуднаго звѣроловства, состоятъ ихъ занятія: они ловятъ рыбу и стрѣляютъ птицу для продажи золотопромышленникамъ; отыскиваютъ золотоносныя россыпи; указываютъ дороги къ содержащимъ золото мѣстамъ; даютъ планы прокладки кратчайшихъ дорогъ для сообщеній; лѣтомъ иногда, въ крайней нуждѣ какого либо принска и при недостаткѣ лошадей, обращаются къ Тунгузамъ съ просьбой о перевозкѣ припасовъ на оленяхъ; Тунгузы выводятъ заблудшія, въ малопзвѣстныхъ мѣстахъ, поисковыя партіи; даже косятъ сѣно и рубятъ дрова, въ чемъ оказываются плохими работниками, потому что, при лѣности и проворствѣ, они не имѣютъ достаточно выдержки и силы для такихъ работъ. Казалось бы услуги не малы; но за все это щедрые золотопромышленники платятъ имъ мукой, солью, сахаромъ, ситцами, сукномъ, чаще же табакомъ, поношенною одеждой и виномъ, этимъ ядомъ, за который Тунгузъ готовъ отдать все. Можетъ ли быть при этомъ благосостояніе?!

Эти вращающіеся вблизи принсковъ Тунгузы говорятъ порядочно по русски и знаютъ болѣе или менѣе русскій счетъ времени. Сѣверные же обитатели Тунгузки и Норыльскихъ озеръ мало знаютъ недѣли и

дни; но интересно то, что у нихъ есть свои 13 мѣсяцевъ, по круго-
обращеніямъ луны, съ названіями по временамъ года и по замѣчатель-
нымъ для нихъ явленіямъ, какъ приплодъ оленей, таянне льда и проч.
Лѣто и зима считаются за два года. Для высчитыванія вѣрнѣе дней
дѣлаютъ на палочкахъ насѣчки. У Тунгузовъ же христіанъ есть особыя
святцы, называемыя „пасхаліями“ (1). Это около четверти длиною и
съ серединою болѣе выпуклою, чѣмъ концы, кусокъ дерева, либо чаще
мамонтовой кости; онъ имѣетъ 6 остроконечныхъ сторонъ; середина,
т. е. болѣе выпуклая часть, обведена надрѣзомъ; черезъ это на 6 сто-
ронахъ образуется 12 равномѣрныхъ площадокъ, по числу мѣ-
сяцевъ; а на каждой изъ 12 площадокъ сдѣланы надрѣзки по
числу дней мѣсяца и противу нихъ въ должныхъ мѣстахъ вырѣзаны осо-
бые знаки, означающіе праздники. Счетъ года ведется съ марта мѣсяца
и именно съ праздника сорока святыхъ мучениковъ. Зная эту пло-
щадку, этотъ первый значекъ, показывающій праздникъ сорока святыхъ
мучениковъ, легко уже отсчитывать отъ него сколько угодно мѣсяцевъ
и дней и находить какой угодно праздникъ. Представляю теперь въ
таблицѣ счетъ Тунгузовъ не христіанъ, по которому священникъ по-
ходной церкви о. Илья, обращая ихъ въ христіанство, могъ объяснить
приблизительно время главныхъ нашихъ праздниковъ.

---

(1) Это есть и у Русскихъ, особенно на Лѣтѣ.

Раздѣленіе года на 2 времени.	Число лунныхъ мѣсяцевъ.	Тунгусскія названія мѣсяцевъ.	Значеніе названій мѣсяцевъ по понятіямъ, въ тѣхъ названіяхъ выраженнымъ.	Приблизительное отношеніе къ русскимъ мѣсяцамъ.
У — а — і — е — и — и — и	1	Мочунъ.	То время, когда начнетъ выступать трава.	Конецъ мая и начало іюня.
	2	Чарулинъ.	Когда изъ деревьевъ добываютъ сокъ	По половинѣ іюня и іюля.
	3	Канаякигъ.	Время, когда копаютъ себѣ въ пищу корень сараны (весьма мучнистый изъ рода лилій) . .	Іюля и августа.
	4	Иркинъ.	Время ожирѣнія оленей и уменьшенія комаровъ	$\frac{1}{2}$ августа и началу сентября.
	5	Сирюдянь.	Вода начинаетъ холодѣть, а подѣ конецъ и замерзаетъ	Сентября и начало октября.
е — и — и — и — и — и — и — и	6	Уунъ.	Олень плодится	Октябрь и $\frac{1}{2}$ ноября.
	7	Худкарне.	Самый короткій день; темная пора въ ихъ краю.	По $\frac{1}{2}$ ноября и декабря.
	8	Атка.	Начинаетъ прибывать день . . .	По $\frac{1}{2}$ декабря и января.
	9	Мпра.	Время стачки между оленями. .	По $\frac{1}{2}$ января и февраля.
	10	Глрхунъ.	Ловъ дикихъ оленей стрѣльбой, когда человѣкъ свободно на лыжахъ бѣжитъ по насту, а олень проваливается.	Вторая половина февраля и первая марта.
	11	Октанкиръ.	Сибгъ притаивается.	$\frac{1}{2}$ марта и начало апрѣля.
	12	Туранъ.	Прилетѣ въ тѣ мѣста воронъ. .	Остальной части апрѣля.
	13	Шонкинъ.	Время вскрытія рѣкъ	Май.

Въ дѣлѣ принятія христіанства Долганы податливѣе Тунгузовъ: они считаются всѣ христіанами, тогда какъ изъ Тунгузовъ не будетъ и половины. Но и христіане изъ нихъ не могутъ обойтись безъ шамана. Главный же языческій богъ Тунгузовъ называется „Шаваки-Окжарп“, что въ переводѣ значитъ „икона — небо“. По этому уже божеству, не говоря о присутствіи шамановъ у нихъ, читатель можетъ заключать, что это бранные остатки нѣкогда сильной вѣры „шаманской“. Это главное божество у Тунгузовъ особой формы не имѣетъ, а по тупымъ теперь понятіямъ ихъ, подѣ племенъ Шеваки-Окжарп надобно понимать, кажется, богочитаніе видимой тверди. Впрочемъ, объ ихъ шаманской вѣрѣ было уже подробно сказано въ 1-мъ томѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бѣлка (*Sciurus vulgaris*. Linn.).

Этотъ небольшой и дешевый звѣрекъ искони вѣковъ былъ предметомъ обильнѣйшей ловли и игралъ важнѣйшую роль въ торговлѣ Русскихъ. Отъ насъ брала бѣлку Греція. Потомъ черезъ Новгородъ и Псковъ, отпускалась бѣлка на западъ. Наконецъ съ прошедшаго столѣтія открылся большой сбытъ бѣлки въ Китай. Въ гуртовой торговлѣ, равно какъ и въ заграничной она идетъ невоздѣланными шкурками.

Количество добываемой бѣлки уменьшается постепенно годъ отъ года; въ 1815 году отпущено бѣлки въ Китай 8,600,000 штукъ; впрочемъ, это былъ почти лучшій годъ.

Цѣна шкурки зависитъ отъ цвѣта шерсти, и густоты волосъ; это происходитъ частію отъ климата, частію отъ пищи. Въ южныхъ странахъ цвѣтъ на спинѣ сѣробурый и даже красноватый, брюшко бѣлое съ желтизною. Въ средней полосѣ преобладаетъ въ шерсти рыжій цвѣтъ, который къ зимѣ проникается сѣроватостію. На сѣверѣ хребетъ получаетъ голубоватосѣрый цвѣтъ и по мѣрѣ перехода отъ сѣвера Европы на востокъ, сѣроватость дѣлается темнѣе и темнѣе, такъ что по восточнымъ притокамъ Лены цвѣтъ шерсти дѣлается почти чернымъ. По мѣрѣ такого сгустѣнія цвѣта увеличивается и цѣнность. Но надобно замѣтить, что и къ сѣверу бѣлка улучшается только до 64 градуса, а тамъ, по мѣрѣ перехода лѣсовъ къ тундрамъ, теряетъ свои качества и бѣлка; на тундрахъ же ея вовсе нѣтъ, потому что нѣтъ и пищи.

Бѣличьи шкурки, вывозимыя изъ Россіи, считаются первыми въ свѣтѣ; ихъ отправляютъ даже въ Сѣверную Америку, гдѣ также промышленяются бѣлки; но лучшіе тамошніе сорта далеко не равняются съ бѣлкою восточной Сибири. И какъ не быть сбыту, когда мѣха изъ бѣличьихъ шкурокъ имѣютъ обширное употребленіе и въ Европѣ, и въ Азіи и въ Америкѣ; ихъ носятъ оба пола отъ вельможи до бѣднаго простолюдина, потому что дешевы, теплы, легки, не мараютъ и прочны.

Бѣлка принадлежитъ къ разряду звѣрей грызущихъ, имѣющихъ клочковатую кость, позволяющую имъ производить разнообразныя движенія передними лапами. Переднія лапки короче заднихъ, на каждой по четыре пальца, на заднихъ по пяти, пальцы значительной длины, съ ост-

рыми загнутыми когтями, хвостъ длинный, пушистый, всегда поднятый; на переди обѣихъ челюстей по два длинныхъ клыка. Упомянуть я объ этихъ особенностяхъ не потому, чтобъ хотѣлъ описывать бѣлку, а затѣмъ, что ими объясняется особенность ея жизни и дѣятельности.

Бѣлка очень плодлива: плодится два раза въ годъ въ апрѣлѣ и въ іюлѣ, и въ иной годъ отъ 6 до 8 бѣлятъ. Первые дѣти ея сами плодятся къ осени. Такимъ порядкомъ матка къ зимѣ бываетъ сама-тридцата въ семействѣ своемъ, а въ благопріятный годъ и болѣе.

Въ торговлѣ дѣлится бѣлка на множество сортовъ. Изъ нихъ нѣкоторыя требуютъ объясненія.

1. *Зырянка* получается изъ Вологодской, частію изъ Олонецкой, Архангельской, Вятской и Казанской губерній. Названіе происходитъ отъ Зырянъ, живущихъ въ сѣверной Россіи.

Подъ именемъ зырянки извѣстна въ торговлѣ и пермская бѣлка, промышляемая въ Соликамскомъ и Чардынскомъ уѣздахъ.

2. Въ Уральскихъ горахъ, къ востоку, подъ тою же широтою, промышляется бѣлка, извѣстная въ торговлѣ подъ именемъ *заводской*; по лѣсамъ, принадлежащимъ казеннымъ и частнымъ горнымъ заводамъ.

3. Въ Томской губерніи южнѣе Енисейскаго округа промышляется бѣлка *телеутка*, шкурка которой длиннѣе фута, и покрыта свѣтлосѣрыми густыми волосами. Китайцы цѣнили ее дорого, но теперь предпочитаютъ уже бѣлку черную.

Названія же остальныхъ сортовъ зависятъ отъ наименованій мѣстъ, гдѣ производится ловля.

Въ здѣшнемъ округѣ признаютъ слѣдующія перемѣны съ бѣлками, вліяющія на сортировку оныхъ:

1. Съ Покрова до Михайлова дня, когда бѣлку добываютъ подстрѣливаніемъ, звѣрь этотъ по спинкѣ бываетъ красноватъ, бока же и *ога́чины* ⁽¹⁾ представляются уже засѣрѣвшими, слѣдовательно бѣлка начала уже свою зимнюю лучшую перемѣну шерсти. Словомъ же *ога́чина* обозначаются мѣста бедеръ и ягодицъ. Такія бѣлки называются въ продажѣ *подпалью* ⁽¹⁾ и узнаются по синеватому оттѣнку на каждой вывороченной сторонѣ шкурки. Эта нечистая бѣлизна кожи есть лучший руководитель покупателя, ибо иногда, шерсть съ виду и сѣра, но если по срединѣ шкурки есть синева, дуньте шерсть и замѣтите красноту. Но

(1) Отъ слово *о́га*, т. е. концы брюкъ, какъ говорятъ: *гачи засучилъ*, т. е. загнувъ концы шароваръ въ голенища.

(1) Вѣроятно, отъ глагола *подпалить*, либо *подпаленнымъ* называется самое то красноватое мѣсто на спинѣ.

и степень подполю различна, соответственно переменамъ явленій въ природѣ, такъ что, по быстротѣ переменъ бѣличей шерсти, узнается продолжительность осени и зимы, а именно: если выпалъ снѣгъ первый, первая, какъ говорится, пороша и стаялъ, за тѣмъ образовалась гололедица и долго снѣга нѣтъ, да и температура не холодится, словомъ все, кажется, обѣщаетъ долгую осень, а бѣлка между тѣмъ сѣрѣетъ, да сѣрѣетъ, быть скорой зимѣ, приговариваетъ крестьянинъ, и распределяетъ по этому свои хозяйскія занятія, и въ правду зима скоро приходитъ. Словомъ, чѣмъ скорѣе темнѣетъ бѣлка, тѣмъ скорѣе будетъ зима и на оборотъ. Главныхъ степеней *подполю* считается 3: а) горболовь (¹) называется самая низшая степень, когда хребетъ совершенно красный; б) самая подполь, и в) спнюха, когда цвѣтъ спинки синесѣрый, но очень свѣтлый и бѣлый; она ближе подходитъ къ совершенно *одишлой*.

2. Съ Михайлова дня получаетъ бѣлка обыкновенную лучшую свою синесѣрую шерсть и называется тогда *одишлой* и *ушлою* (²) и остается въ такомъ видѣ до пританія (³). Этимъ словомъ обозначается апрѣль мѣсяцъ, когда начинается первое таяніе снѣга. Начавъ въ это время едва замѣтную перемену, шерсть бѣлки дѣлается явственно красно-пятнистою со спинки, а кожа синевато пятнистою, уже во время появленія проталинъ (⁴) и совершенно краснѣетъ къ полному очищенію земли отъ снѣга. Въ такомъ видѣ бѣлка называется *вѣшеню*.

3. Сдѣлавшись *вѣшеню*, т. е. красною, когда и все въ природѣ готово играть румянцемъ подъ рѣзко теплыми лучами солнца, бѣлка остается въ такомъ негодномъ къ промыслу положеніи до Покрова.

и 4. Между недошлыми бѣлками встрѣчаются еще слѣдующія отличія: *вожжанка*, *черноручка* и *морозжанка*. Первою называется шкурка съ *мездрую* не совсѣмъ черною. Вторая бываетъ съ черными передними лапками, отъ которыхъ тинутся черныя полосы до хвоста, какъ возжи. Мороженкою называются тѣ шкурки недошлыхъ бѣлокъ, которыхъ вѣшаютъ на морозъ, для того, чтобы мездра пзъ черной превратилась въ бѣлую.

Существуютъ еще для бѣлокъ 3 названія: *каменная*, *подволошная* и *подкаменная*. Первые два названія соответствуютъ названіямъ береговъ

(¹) Изъ словъ *горбъ* (въ смыслѣ хребта) и *мысина*.

(²) Отъ глаголовъ *доходить* и *уходить*, т. е. достигать большей теплоты и грѣлости.

(³) Отъ глагола *таять*, но пока поверхностно.

(⁴) Отъ того же глагола, но уже когда будетъ видѣться земля.

Енисей и степени ихъ высоты, изъ которыхъ лѣвый называется наволошнымъ, а правый каменнымъ. Разница между бѣлками та, что подволошная имѣетъ цвѣтъ бѣлоспесчѣрый; но такъ какъ дошлыя, и та и другая, имѣютъ кожицу бѣловатую, безъ синевы, то покупатель узнаетъ ихъ по хвостамъ, потому что хвостъ каменной черноватъ, а подволошной красноватъ. Подкаменную же называютъ бѣлку съ верхней Тунгузки (Ангары), быстро катящей воды свои между горъ и среди камней (шнверовъ); отличается же большею чернотой въ сѣроватой шерсти.

Изъ каждаго сорта бѣлокъ отдѣльно приготовляются 3 рода подбора мѣховъ — хребтовый, черевчатый или черевій и облинный⁽¹⁾. 1-й, какъ понятно изъ значенія слова, изъ хребтовъ; 2-й изъ подбрюшекъ (черевьевъ, черевинъ), и 3-й изъ всей массы бѣлки, при чемъ черевка разрѣзывается по срединѣ и растягивается.

Отъ Покрова (1 октября) до Михайлова дня (8 ноября) промышленяють звѣровщики около дома, и ловъ состоитъ въ стрѣльбѣ изъ ружья. Ловъ этотъ особеннаго ничего не представляетъ, кромѣ того, что производится подъ руководствомъ собаки, ловко отыскивающей чутѣмъ мѣсто, гдѣ пріютилась, на деревѣ, бѣлка.

Послѣ же Михайлова дня, звѣроловы отправляются къ зимовьямъ. Зимовье одно (въ которомъ живутъ обыкновенно 2 человѣка) отстоитъ вообще на 8 дневныхъ переходовъ, на разстояннн каждый большею частію въ 25 верстъ, или то болѣе, то менѣе. Эти переходы отъ одного мѣста стоянки до другаго, дѣлаемые только во время дня (ночью не ходятъ), называются волоками. Переходятъ эти волоки такъ, что первый волокъ проходятъ вмѣстѣ 2 человѣка съ полною тяжестью въ нартѣ каждый; на этомъ мѣстѣ оставляютъ каждый по половинѣ; съ остальными половинами идутъ на 2-й волокъ; съ 2-хъ одинъ идетъ впередъ съ своей половиной, а другой, оставивъ свою, дважды возвращается за другими половинами; коп передовой, въ свою очередь, перетаскиваетъ на 3-й волокъ и т. д. идутъ: впередъ — передовой увозя по половинамъ впередъ, а задній подтаскивая ему. Выгода такого перевоза завѣда и харчевѣва, почти на мѣсяцъ, состоитъ въ легкости, потому что тогда гораздо менѣе грузнуть съ тяжестью, ибо отъ перваго прошедшаго дорога учприваетъ, т. е. по ней образуется настъ, но не самобытно отъ замерзанія поверхности снѣга, отогрѣгой яркимъ солнцемъ, а чрезъ удавленіе и умятіе отъ

⁽¹⁾ Не отъ слова ли *блинъ*, ибо вся окружность бѣлки растягивается въ пластину.

лыжъ; что уже называютъ чиромъ. Когда отъ перваго перехода дорога утрется сколько нибудь, то второму съ своими половинками уже легко итти, уже и снѣгъ не грузнетъ. Впрочемъ, часто между собою чередуются задній съ переднимъ, потому что переднему, какъ прокладывающему дорогу, всегда труднѣе. Но вы думаете легко отыскать зимовье среди едва проходимой тайги, гдѣ нѣтъ никакого человѣческаго слѣда? А послѣ этихъ словъ, пожалуй, испугаетесь и предположите невозможность отыскать. Но ни то, ни другое: путь звѣролову въ этомъ случаѣ показываетъ *зѣтись* (правильнѣе — затесь).

При приближеніи къ зимовью, прежде всего представляется лабазъ, который относится къ зимовью, какъ сѣни къ дому. Лабазъ — есть 4 столба, вкопанные въ землю, вышиною отъ 2-хъ до 4-хъ аршинъ, и отстоящіе одинъ отъ другаго болѣе, чѣмъ на сажень; на столбы въ углу нарубаются ящичъ въ 5 вѣнцовъ, т. е. 4-угольникъ въ 5 рядовъ бревенъ, съ однимъ окошкомъ, въ которое, съ подставкою лѣстницы, складываютъ все харчевое, а частію и заводъ; этотъ лабазъ покрывается скальемъ, т. е. корой (снятой до деревянного слоя), и берестой (снаружи). Цѣль устройства лабаза состоитъ въ сохраненіи харчеваго отъ хищныхъ звѣрей (напримѣръ лисецъ).

Рядомъ съ лабазомъ стоитъ зимовье отъ 1 до 2-хъ сажень въ каждой стѣнѣ и вышиною въ сажень; полъ въ немъ земляной; печка вся устроивается изъ дикаго камня, большія плиты котораго составляютъ спорникъ; этимъ именемъ называютъ сводъ печки, состоящей изъ 3-хъ паръ плитъ, приложенныхъ одна къ другой такъ, что образуютъ къверху острый уголъ; подъ нихъ кладутся дрова; между каждой парой остаются промежутки для выхода дыма. Этотъ спорникъ, въ косвенныхъ бокахъ своихъ, закладывается мелкимъ камнемъ такъ, что закрываются при томъ и промежутки, но не совершенно плотно, для того, чтобы могъ проходить дымъ: отъ такого накладыванія каменьева, на остро-конечно-соединенныя плиты, получится уже площадка изъ каменьева, накаливаяющаяся и поддерживающая тепло; дымъ же, пробирающійся между паръ спорничныхъ и между каменниками, выходитъ изъ зимовья чрезъ окошко, просѣченное въ стѣнѣ, подъ потолкомъ. Кромѣ этого дымоваго окна, прорубаются по выше назовъ волоковыя. ⁽¹⁾ окна въ $\frac{1}{2}$ аршина длиною и въ $\frac{1}{4}$ вышиною, съ деревянной задвижкой (что у нихъ называется „ставешокъ“). Эта задвижка открывается во время топки для подбивки дыма къ верхнему окну, и тогда въ зимовьѣ бы-

(1) Отъ слова *волочить* задвижку.

ваегъ холодно; но истопкѣ же и закрытіи оконъ дѣлается тепло. Но такъ какъ для свѣту отдвигаютъ немного задвижки болоковыхъ оконъ, отъ чего можетъ замѣтно холодиться, то примораживаютъ съ уличной (наружной) стороны льдины, сквозь которыя проходитъ нѣсколько свѣту, нужнаго иногда для поправки звѣровыхъ ловушекъ и другихъ занятій.

Осмотрѣвъ и устроивъ зимовье, звѣроловы-крестьяне отправляются въ разныя стороны, въ ухожень: такъ называется мѣсто — сперва бездорожное, а потомъ съ тропой по снѣгу, слѣдовательно утопанное, ухоженное мѣсто, на пространствѣ котораго, или вѣрнѣе по обѣ стороны его, ставятся ловушки. Но такъ какъ звѣровщики выходятъ на зимовья и въ ухожни старые, часто отцами оставленные, то ловушки уже стоятъ готовыя по ухожню, слѣдовательно задача на этотъ разъ только опредѣлить ухожень и отыскать ловушки; въ этомъ помогаетъ имъ зѣтисъ. Зѣтисью называются примѣты на деревьяхъ, образуемая стесываніемъ въ наружныхъ слояхъ небольшихъ поверхностей по обѣимъ сторонамъ, что, ни мало не порти дерева, даетъ знать дорогу издали, потому что стесненное мѣсто на березѣ отъ времени темнѣетъ и снѣжетъ, тогда какъ окружающая его береста бѣла, на соснѣ же и ели бываетъ желтовато (ибо затекаетъ смолой дерева), между тѣмъ какъ окружающая его кора темно-краснобура.

По этимъ то зѣтисямъ, проходя въ первый разъ впередъ, звѣроловъ поднимаетъ плашки ⁽¹⁾ только тѣ, которыя на самой дорогѣ, и отнюдь не сворачивая, идетъ чрезъ весь ухожень для предварительной прокладки лыжни. Этимъ словомъ обозначается самый слѣдъ отъ хода на лыжахъ. Проложивъ такимъ образомъ лыжню чрезъ весь ухожень, онъ, на обратномъ пути, сворачиваетъ въ стороны, настораживая плашки и истребляя при этомъ тѣ, которыя постигли и соображая, сколько еще надо приготовить новыхъ.

А какъ вы думаете великъ ухожень и сколько времени должно употребить на передній и обратный путь съ насторожками? Да, верстъ 10 въ одинъ конецъ и даже иногда болѣе, до 15,— слѣдовательно въ оба конца среднимъ числомъ верстъ 25. Звѣроловъ проходитъ это пространство, при всѣхъ остановкахъ для поправокъ и насторожки плашекъ, въ день, т. е. начавъ утромъ, къ вечеру возвращается домой къ зимовью.

Руководящая его зѣтисъ дѣлается на деревьяхъ, одно отъ другаго

(1) Плашка только для бѣлки будетъ описана ниже.

въ разстояніи саженъ отъ 2-хъ до 10-ти, смотря по дальнорзости зрѣнія звѣроловщика и по степени густоты лѣса.

Самыя плашки ставятся также въ разныхъ одна отъ другой разстояніяхъ, отъ 2-хъ до 10-ти и 15-ти саженъ, смотря по удобству мѣстности и расположенію деревьевъ. Плашки эти устраиваются довольно высоко почти подъ мышки человѣка, потому что очень снѣга глубоки и могутъ занести ихъ и помѣшать улову.

Число плашекъ по ухажню бываетъ различно и большею частію съ каждымъ годомъ прибываетъ: положить можно отъ 100 до 1,000 включительно.

Возвратясь вечеромъ въ зимовье, звѣровщикъ готовитъ новыя плашки, которыя во 2-й день несетъ на лыжахъ или везетъ на нартахъ, но только для ближнихъ къ зимовью мѣстъ: для дальнихъ же равно какъ и поправку, производитъ на мѣстахъ. Такимъ образомъ во 2-й день онъ идетъ уже съ обстоятельнымъ занятіемъ, поправляя, устанавливая и вновь устраивая каждую плашку. Такъ пройдутъ и слѣдующіе дни; но вечерѣ, если не будетъ надобности въ новыхъ плашкахъ, онъ употребляетъ на снятіе шкуръ съ бѣлокъ, бросая тѣло все въ цѣлости въ снѣгъ. Это тѣло во всей цѣлости называется куренгой (1). А какъ вы думаете, за чѣмъ звѣровщики бросаютъ тѣло въ снѣгъ и оставляютъ, какъ бы на произволъ судьбы не только во все свое пребываніе, но даже и послѣ возврата на весну (2)? Не догадаетесь съ разу. Эта набросанная масса предается гнилости и распространяетъ сильный запахъ, на который сбѣгается хищный звѣрь и привыкаетъ къ этому мѣсту, медвѣдь даже устраиваетъ свой *берлогъ* и готовится быть осеннею добычею звѣролова (3).

Я сказалъ выше, что звѣроловъ устанавливаетъ плашки и ловитъ ими только бѣлку, слѣдовательно начальная ловля только на одного звѣря, что и продолжается до зимняго Никола. Но не думайте, чтобъ онъ велъ только эту механическую работу настораживанья плашекъ; наблюдательность его никогда не ослабѣваетъ: зорко сторожитъ онъ каждое явленіе, внимательно присматривается къ каждой ямкѣ, къ каждому слѣду на снѣгу. Но въ чемъ состоятъ эти предметы и какой

---

(1) Отъ курево, курить: туша звѣря будетъ куриться смрадомъ. Тушу зайца, котораго ѣдятъ, никогда не называютъ куренгой, потому что его не бросаютъ, а сушатъ и вялятъ, слѣдовательно оно смрадомъ не курится.

(2) Съ такимъ удареніемъ всегда произносятся.

(3) Русскіе не ѣдятъ ни одного изъ этихъ звѣрей, тогда какъ Тунгузы, какъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ, ѣдятъ всѣхъ, кромѣ хорьковъ.

ихъ результатъ, сказано будетъ ниже, а теперь закончу эту первоначальную ловлю описаніемъ бѣличьяго завода. Словомъ заводъ обозначается вся масса, употребляемыхъ звѣроловомъ, орудій для всѣхъ родовъ звѣрей, слѣдовательно бѣличьимъ заводомъ будутъ называться орудія для ловли бѣлокъ. Основное изъ нихъ есть *плѣшка*. Она устроивается такъ: берутся 2 доски длиною каждая въ $\frac{3}{4}$ аршина, шириною до $\frac{1}{2}$ аршина, толщиною въ вершокъ, не менѣе; верхняя доска впрочемъ покороче, накладывается однимъ концомъ на нижнюю и прилежитъ къ дереву свободно, тогда какъ нижняя обоими концами укрѣплена въ вырѣзкахъ на деревьяхъ; другой же конецъ верхней доски поднять и лежить на подставкѣ двухъ половинчатой, которой 2 половины соединяются съ одного боку вырѣзкой въ небольшой пластинкѣ, свободно лежащей однимъ концомъ на нижней доскѣ, а по срединѣ ея лежить *наживка*, привязанная къ пластинкѣ *мотузомъ* (чтобъ бѣлка воровски, безъ должной платы за смѣлость, не стащила; но большею частью наживку не привязываютъ, а вкладываютъ въ расщепъ пластинки). На верхнюю доску, чтобъ сообщить ей болѣе тяжести, а слѣдовательно и надежности улова, кладутъ гнѣтикъ или давѣкъ, состоящій изъ жердн. Наживка состоитъ изъ сушеныхъ грибовъ, сосновыхъ шишекъ, душистыхъ губчатыхъ наростовъ съ тальнику, а, если есть, и сырой говядины. Изъ первыхъ веществъ всего болѣе употребляются, такъ называемые желтые опенышы, которые собираются съ березы и съ тальнику и на вкусъ сладки, особенно сушеные. Шишки сосновыя для употребленія должны быть *пасѣны*, т. е. собраны около 3-го Спаса (16-го августа) съ цѣльными ядрами, а не истекшія, и въ прокъ должны быть переложены мохомъ, подъ которыми ядрышки остаются мягкими ⁽¹⁾. Наростъ съ тальника, употребляемый для бѣлокъ, есть таловая губа желтоватаго цвѣта, называемая нѣкоторыми также опенышемъ, тогда какъ другая (называемая въ народѣ душною губою) цвѣта бѣлаго, для бѣлокъ не годится, а идетъ хорошо, запашисто для лопоти ⁽²⁾, когда въ храмъ Божій пѣти (такъ говорятъ объ этихъ губкахъ крестьяне).

Все, чтобы ни было употреблено для приманки, называется родо-

---

(1) Впрочемъ, очень большое и продолжительное употребленіе сосновыхъ шишекъ производить моръ бѣлокъ, потому что желудокъ не въ силахъ переварить. Это бываетъ особенно при большой смолистости въ мочкахъ, когда по состоянію погоды въ нихъ долго держится долгая смолистость. При переходѣ бѣлки въ другія мѣста на другую пищу ее не задерживаютъ рѣки, лишь бы только не смочился ее пушистый хвостъ, который и держитъ она заложивъ на спинку.

(2) Вся одежда.

вымъ словомъ—поѣдь ⁽¹⁾, а весь приборъ изъ вертикальной и косвенно горизонтальной съ поѣдью пластинокъ называется общимъ словомъ *на-сторѣжка* ⁽²⁾ Поѣдь эта состоитъ иногда изъ такихъ веществъ, о которыхъ никому и въ голову не придетъ; потому что промышленникъ вынужденъ выдумывать другое, когда одно остается нетронутымъ. А все отъ того, что это не другой звѣрь, а бѣлка: она гибка и капризна, какъ женщина, и причудлива, какъ всякій бѣлокурый нервякъ. Право такъ, не шучу: дѣло не о шуткахъ, о наблюденіи надъ природой. Бѣлокурые люди не съ бѣлой, а съ бѣлосовой кожей суть нервяки, женщины тоже по преимуществу нервички; а у кого болѣе истерикъ, падучихъ болѣзней, идіосинкразій (т. е. нелюбви къ ширканью по шелковой ниткѣ, къ поглаживанію атласа, къ проведенію пальцомъ по стеклу), съ кѣмъ случаются обмороки при видѣ чернаго таракана или паука, кто наперекоръ людямъ наслаждается отвратительнымъ запахомъ сженаго пера, кому пріятна невыносимая вонючка (*assa foetida*), какъ не женщинамъ, не людямъ бѣлокуримъ, а главное не нервякамъ? Такъ здѣсь я расскажу вамъ о причудливомъ вкусѣ бѣлокъ слѣдующую былъ. У одного звѣровщика, бѣлка не шла ни на какую поѣдь, и плашки съ насторожками всегда оставались пусты. Горе, бѣдовая пора, видно, пришла! Задумался звѣровщикъ: какъ быть и чѣмъ бы горю пособить? Стремленіе къ самобытной наблюдательности спльно развито у людей, самобытно учащихъ отъ природы, а не обезьянически перехватывающихъ только кой какія верхушки готоваго (какъ еще недавно было съ обществомъ русскимъ), это стремленіе и помогло бѣдному звѣровщику. Бродя цѣлые дни около своихъ плашекъ, покачивая головой, да почесывая затылокъ, онъ однажды замѣтилъ на снѣгу что-то темное; поднимаетъ и видитъ, что это небольшой лоскутъ его шойданика (холщеваго обыкновенно), крѣпко замаранный и весь въ дырахъ. Всмотривается и заключаетъ, что дыры отъ бѣлчыхъ зубовъ. Вспомнилъ звѣроловъ, что нѣтъ тутъ ничего мудренаго, ибо шойданикъ носится 2 года и десятки разъ былъ заливаемъ живою и мертвою кровью, обливаемъ саломъ и проч. и проч., Попробовалъ—вырѣзалъ всѣ мѣста изъ своего шойданика, болѣе засаленныя, почти весь передъ, и употребилъ его на поѣдь. Чтò же бы вы думали было результатомъ? 400 бѣлокъ было наградою наблюдательности звѣровщика, и все это въ остальное время сезона ловли.

На 3-й день звѣровщикъ идетъ уже за полученіемъ добычи, и какъ

⁽¹⁾ Отъ глагола—ѣсть.

⁽²⁾ Отъ глагола сторожить.

радостно бьется его сердце, когда замѣтитъ въ 1-й же день гдѣ нибудь торчащій хвостикъ изъ подъ плашки! Это даетъ ему надежду: бѣлка съ разу попалась, значить пѣдъ угадана. Попавшую бѣлку укладываетъ, какъ выше было описано, въ панягу, а насторожку съ пѣдью готовитъ снова. Это повторяется каждый день. Таковъ основной родъ ловли.

Есть, впрочемъ, еще другой способъ *осилка бѣлокъ*. Чтобы осилить бѣлку, готовится тонкій шестикъ въ родѣ удилища, на одномъ концѣ котораго привязываютъ тонкую изъ волоса сплетеную петельку. Эта волосаная петелка, не спадающая, называется *сило*. Осилая бѣлку слѣдующимъ образомъ: въ свободный часъ задается звѣроловъ въ сторону отъ ухоня и посматриваетъ на вершины ели, пихты, кедровника и небольшой сосны: тамъ отыскиваетъ онъ гайно, т. е. гнѣздо бѣлки. Гайны эти всегда бываютъ на одномъ изъ вычисленныхъ 5 видовъ деревъ, особенно же на 2-хъ первыхъ. А какъ вы думаете почему? Сколько пониманія тутъ видится въ этомъ маленькомъ животномъ къ самосохраненію. Эти деревья остаются на зиму съ своими иглами, слѣдовательно густовѣтвистыми; бѣлки помѣщаютъ гайна свои на тѣхъ изъ вѣтвей, надъ которыми тотчасъ находятся еще вѣтви густыя, могущія прикрывать гайно отъ снѣга, дождя и другихъ случайностей, готовыхъ обрушиться сверху; выбираютъ же болѣе ель и пихту, потому что на нихъ болѣе мшистости (по сибирски эта мшистость называется шахтѣ), которою бѣлки выстилаютъ внутренность своихъ гайнъ, чрезвычайно искусно свитыхъ изъ разныхъ тонкихъ вѣточекъ, иголочекъ и прочаго. Осилующій звѣроловъ, подойдя къ дереву, постукиваетъ въ него на столько, чтобы вѣтки сотряслись, и иной шутникъ еще спрашиваетъ: кто тутъ есть? Отъ чего любопытная бѣлка высовываетъ головку, опускаетъ ее внизъ и привѣтствуетъ звѣролова радостнымъ чпканіемъ, какъ называются здѣсь издаваемые бѣлкою звуки. Она на столько поражена неожиданностью и на столько любопытна и простодушна, что смотреть устремленно своими черными глазками изъ глубокой ихъ каморы даже и въ то время, какъ звѣроловъ поднимаетъ и наводитъ сило ей на шейку, послѣ чего многократно простодушная вылетаетъ изъ гнѣзда. Подруги, конечно, думаютъ, что она выпрыгнула за чѣмъ нибудь пріятнымъ, можетъ быть, за добычей, и въ свою очередь другая высовываетъ головку. Торжествующій звѣроловъ ловчѣе и скорѣе накидываетъ вторично сило и на эту. За тѣмъ на 3-ю и 4-ю. Замѣчу притомъ, что въ гайнѣ ихъ бываетъ обыкновенно по 2, а по 4 только въ счастливый годъ; вообще звѣроловы убѣждены, что если бѣлокъ сидитъ въ одномъ гайнѣ по 4, то промыселъ на бѣлку во всю

зиму будетъ хорошъ, а если по 1-й, то очень худъ. Это они замѣчаютъ еще съ осени, когда въ первый разъ идутъ на бѣлку съ ружьемъ и, руководясь этимъ, болѣе или менѣе распредѣляютъ свои занятія.

Третій родъ ловли бѣлокъ — *распорками*. Это есть ничто иное, какъ расщепы на большихъ деревьяхъ, со вставленными въ раздвинутый расщепъ настораживающимъ приборомъ, подобнымъ плашечному. Дѣйствіе въ томъ, что бѣлка, вскочивъ на дерево, задѣваетъ насторожку, приборъ распадается, а расщепъ сжимаетъ бѣлку.

Четвертый родъ ловли — *черканами*. Онъ по Туруханскому краю замѣняетъ всѣ вышеописанные 3 лова (кромя конечно стрѣльбы). Когда я проѣзжалъ въ 1857 году, при наступленіи зимы, по этому краю, то у прилежныхъ крестьянъ находилъ особыя комнаты, завѣшенныя по стѣнамъ кругомъ этими, заготовленными для бѣлки, ловушками. Но такъ какъ вообще черканы назначаются для горностаевъ, то во всей подробности тамъ будетъ и описанъ. Здѣсь же скажу только, что устройство черкана на бѣлокъ почти такое же, какъ и горностаея. Разница въ томъ, что первый черканъ гораздо менѣе втораго и въ самомъ сторожкѣ не кольца съ бѣлыми конскими волосками, а пруточки, который будучи поддерживаемъ сторожкой, упирается концами своими въ бока ловушки. Основаніемъ этого черкана служатъ не расщепленное и распертое дерево, а черемуховый обручъ, изогнутый. Натяженіе весьма слабое, въ сравненіи съ тѣмъ, а слѣдовательно и ударъ тоже очень слабъ.

Такіе черканы могутъ ставиться во всякомъ мѣстѣ, когда замѣчаютъ бѣгающую бѣлку и особенности на тропѣ, если живя наприм. на ели, она вздумаетъ питаться отъ сосны и протопчетъ къ послѣдней дорожку. Но какъ необходимый и опредѣленный ловъ употребляются черканы въ мартѣ мѣсяцѣ передъ или въ началѣ оттепели, т. е. во время гонки бѣлокъ, когда массою десятковъ до семи они гоняются другъ за другомъ. Въ это время, слѣдуя за матками, самцы прокладываютъ также тропу на снѣгу; потомъ если матка, подбѣжавъ къ толстой листовни, вскакиваетъ на нее — всѣ слѣдуютъ за маткой; она обратно — опять за ней. Это повторяется нѣсколько разъ и сопровождается оглушительнымъ, среди мертвой тишины, чиканьемъ. Дерево, на которомъ бѣлки побывали, бываетъ большими поверхностями лишено коры: но это не проходитъ и бѣлкамъ даромъ, царапая задними лапами дерево, они обдираютъ у себя весь задъ, который къ этому времени значительно плотнѣетъ.

Упомянувъ здѣсь о тропѣ я нисколько непротиворѣчу сказанному въ другомъ мѣстѣ, что изъ малыхъ звѣрьковъ одинъ ушканъ имѣетъ тропу; потому что тропа у бѣлки есть явленіе случайное, а не необходимое, какъ у ушкана.

Примѣчаніе 1. Замѣчу, во-1-хъ, что стрѣльба, весною въ мартѣ, должна быть запрещена, потому что въ это время и бѣлка плоха, да и плодится она; потому съ одною самкою убивается 8 *щенятъ*. Во-2-хъ, что бѣлка, добытая плашкой, хуже застрѣленной, когда лежитъ долго, и при чемъ кожа портится или повреждается прожорливой кедровкой; а иногда портить ее и черный воронъ; почему народъ къ истребленію этихъ бѣличьихъ враговъ придумалъ слѣдующее средство: мясо, какого бы то не было животного, рѣжутъ на маленькіе кусочки величиною $\frac{1}{2}$ дюйма, къ этимъ кусочкамъ привязываютъ однимъ концомъ конскій волосъ, эти кусочки разбрасываютъ они по тайгѣ. Воронъ, имѣя сильное чутье, находитъ эти кусочки и проглотивши его, чувствуетъ въ горлѣ отъ всякаго волоса шекотанье и чтобы избавиться его, для того царапаетъ когтемъ своимъ горло до тѣхъ поръ, пока не перерѣжетъ горла; а чрезъ то и пропадаетъ.

Примѣчаніе 2. Къ породѣ бѣлокъ принадлежитъ *летяга* или *полетуша* ⁽¹⁾. Она меньше обыкновенной бѣлки, сѣра и покрыта низкою шерстью; отъ заднихъ лапокъ къ переднимъ на каждой сторонѣ идетъ кожа или перепонка будто у нетопыря. Прыгая съ дерева на дерево, она машетъ кожаными крыльями. Мѣхъ изъ летяги, хотя рѣдокъ, но цѣнится гораздо ниже бѣличьяго, по низшему качеству шерсти.

Бурундукъ ⁽²⁾. Видомъ похожъ на бѣлку, но вдвое меньше; цвѣтомъ темножелтый, а вдоль спины пять черныхъ узкихъ полосокъ; шерсть густая и низкая, черевокъ бѣловатый, хвостъ темный и рѣдковолосый, короче бѣличьяго. Бурундукъ обитаетъ по лѣсамъ цѣлой Сибири, но гдѣ нѣтъ горъ, нѣтъ и бурундуковъ. Онъ свиститъ, какъ птица. Питается болѣе сѣмянами ягодъ и орѣхами. Здѣсь промышляется даже дѣтьми; орудіями служатъ силки и плашки.

Мѣхъ бурундука, если подобранъ полоска къ полоскѣ, весьма красивъ; но мездра тонка и скоро рвется, потому на мѣхъ обыкновенно кладутъ тонкую вату и вѣтошатъ на холстину частою стежкой. Мѣхъ этотъ легокъ, но худо грѣетъ, потому и употребляется на халаты, женскія кацавейки, опушки кругомъ шубы и тому подобное. Лѣтомъ случайно можно купить хотя по одной копѣйкѣ за штуку; настоящей же торговли этимъ мѣхами нѣтъ. На мѣхъ идетъ до 500 шкурокъ.

Относительное достоинство и относительное количество между разными сортами бѣлокъ извлеку изъ ст. Щукина, составленной, въ свою очередь, изъ свѣдѣній Коммерческой Газеты и помѣщенной въ Вѣстникъ Промышленности.

⁽¹⁾ *Pteromys volans*. Linn.

⁽²⁾ *Tamias striatus*. Illig.

Сорты бѣлокъ.	Мѣста продажи.	Цѣны за тысячу.
		Р у б л и.
Зырянка.	Ярмарки Ирбитская, Макарьевская, въ городахъ Вологодской губерніи Лальскѣ и Краснороскѣ; въ Лальскѣ на ярмаркахъ: Никольской и Афанасьевской; въ Краснороскѣ на ярмаркахъ: Андреевской, Кременской и Алексѣевской	отъ 30 до 40 » 40 » 50 » 50 » 70
Заводская.	Ирбитская ярмарка.	» 50 » 70
Пельмская и Иртышская.	Ирбитская и частью Макарьевская ярмарки.	» 70 » 80 » 70 » 80 » 80 » 90
Обская.	Ирбитская, Макарьевская; для Кяхты покупается въ Томскѣ, Нарымѣ, Сургутѣ и Березовѣ.	» 70 » 85 » 85 » 95
Кузнецкая и Бійская.	Въ Кузнецкѣ Томской губерніи, на ярмаркахъ Ирбитской и Макарьевской.	» 80 » 100 и 110
Телеутка.	Тамъ же	почти тѣ же
Чулымская.	Въ Енисейской губерніи на пути къ городу Ачинску и въ самомъ городѣ.	отъ 70 до 85
Красноярская.	На пути къ городу Красноярску и въ самомъ городѣ.	» 80 » 90
Енисейская.	Ирбитская ярмарка, а для Кяхты въ городѣ Енисейскѣ.	» 80 » 110
Нижнеудинская. Иркутская и Тункинская.	Въ Нижнеудинскѣ и округѣ онаго	» 80 » 100
Ленская, Ангарская и Витимская.	Въ Иркутскѣ для Кяхты, въ Москвѣ и Нижнемъ	» 110 » 160
Олекминская, Якутская и Вилуйская.	Покупается по деревнямъ на Ленѣ, Я и Ангѣ, Трюлькахъ, Верхоленихъ, Тутурѣ, Устькутѣ, Киренскѣ, на Витимѣ.	» 80 » 120
Охотская и Забайкальская.	На Ленѣ въ г. Оленинѣ, на урочищѣ Жиглеу, въ верховьяхъ рѣки Олекмы; въ городѣ Якутскѣ и на рѣкѣ Вилуѣ.	» 140 » 200
Верхнеудинская разумѣя и цѣлый округъ.	Въ Якутскѣ и Охотскѣ.	» 200 » 220
Нерчинская.	Въ Нерчинскѣ и разныхъ мѣстахъ округа; бываетъ и на Макарьевской ярмаркѣ	» 150 » 230
		Доходитъ до 250

Цѣны, здѣсь показанныя, взяты съ 1821 по 1832 годъ: онѣ близки къ настоящему ходу торговлѣ. Въ предшествовавшее десятилѣтіе съ 1813 года, бѣлка была дороже отъ 10 до 20 процентовъ. Все записать отъ сбыта Китайцамъ, главнымъ потребителямъ бѣличьихъ мѣховъ. Сказано уже, что были годы, когда до 8,000,000 бѣличьихъ шкурокъ отпускали въ Китай чрезъ Кяхту; но теперь отпускъ видимо уменьшается, Во-первыхъ, потому, что Монголы въ Халхѣ, прилежащей къ нашимъ границамъ, покупаютъ у русскихъ винтовки и сами стрѣляютъ бѣлку; во-вторыхъ, Китайцы ввели въ употребленіе вату; въ-третьихъ, размѣнъ на Кяхтѣ опаздываетъ съ каждымъ годомъ. Въ прежнія времена расторжка производилась въ концѣ января и въ началѣ февраля мѣсяцевъ: китайскій купецъ, получивъ нашу бѣлку, успѣвалъ ее доставить и продать въ Китай до истеченія зимы. Теперь она лежитъ у него до осени, подвергается порчѣ, а капиталъ остается безъ движенія.

Въ 1836 и 1837 годахъ отпущено, чрезъ Кяхту въ Китай, слѣдующее количество бѣлки зырянки и сибирской:

	1836.		1837.	
Зырянки	816,100	штук.	318,592	штук.
Иртышской	247,547	"	—	"
Енисейской	229,792	"	90,320	"
Красноярской	14,784	"	—	"
Кузнецкой	—	"	10,346	"
Обской	165,211	"	720	"
Телеутки	1,000	"	40	"
Вилуйской	10,760	"	—	"
Ленской и Ангарской . .	1,448,859	"	1,483,672	"
Нижеудинской	2,595	"	7,207	"
Якутской и Олекминской .	577,731	"	542,738	"
Иркутской	6,552	"	285	"
Охотской	120	"	—	"
Забайкальской	593,089	"	446,727	"
Итого	4,114,140	штук.	2,931,347	штук.

Китайцы, въ числѣ достоинствъ бѣлки, почитаютъ красноватую полосу на хребтѣ, а потому отдають преимущество Аргунской и Ингодинской бѣлкѣ, съ границы Монголіи.

Бѣлка, назначенная для отпуска въ Китай изъ Вологодской, Тобольской и Томской губерній, свозится въ Томскъ. Здѣсь ея правятъ, разрѣзываютъ огузокъ, чтобы видна была шерсть, связываютъ по 20 штукъ

въ бунтъ; и укладываютъ по 3,000 штукъ въ холстинные мѣшки. Бѣлки съ хвостами укладываются по 2,000 въ мѣшокъ, тоже дѣлается и съ бѣлкою, привозимою въ Иркутскъ съ Лены. Вязутъ и правятъ бѣлку особые мастера. Бѣлка Забайкальская поступаетъ прямо въ Кяхту.

На ярмаркахъ Макарьевской и частию Ирбитской, закупается бѣлка для отпуска въ Европу. На первой было въ продажѣ:

Въ 1850 году . . .	2,250,000	штукъ.
„ 1851 „ . . .	2,800,000	„
„ 1852 „ . . .	3,270,000	„

Цѣна отъ 6 до 12 коп. за штуку; чрезъ С.-Петербургскій портъ отпущено:

Въ 1833 году . . .	384,016	штукъ.	Въ 1843 году . . .	659,596	штукъ.
„ 1834 „ . . .	318,199	„	„ 1844 „ . . .	2,298,347	„
„ 1835 „ . . .	600,000	„	„ 1845 „ . . .	3,038,887	„
„ 1836 „ . . .	907,285	„	„ 1846 „ . . .	1,361,908	„
„ 1837 „ . . .	600,606	„	„ 1847 „ . . .	2,759,920	„
„ 1839 „ . . .	3,717,781	„	„ 1848 „ . . .	1,877,651	„
„ 1840 „ . . .	4,344,140	„	„ 1849 „ . . .	1,109,954	„
„ 1841 „ . . .	3,124,544	„	„ 1850 „ . . .	2,559,111	„
„ 1842 „ . . .	1,783,495	„	„ 1851 „ . . .	1,339,122	„

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ушканъ ⁽¹⁾ (*Lepus timidus*. Linn.).

Слѣдъ ушкана состоитъ изъ четырехъ ямокъ. Изъ нихъ двѣ переднія, небольшія, кругловатыя сближены между собою и одна нѣсколько впереди другой, потому что при своихъ ускокахъ ⁽²⁾ онъ несетъ одну

⁽¹⁾ Заяцъ такъ называется отъ слова ухо, уши, потому что у него длинные уши; на *анг* сибиряки увеличиваютъ значеніе кореннаго слова, напр. мужъ — мужланъ, уголь — угланъ (т. е. человѣкъ глухой, стоящій бытъ въ углу).

⁽²⁾ Такъ называютъ бѣгъ зайца.

изъ переднихъ ногъ впередъ. Заднія же, большія (въ сравненіи съ первыми) и продолговатыя, ямки отстоятъ между собою вершка на три, оставаясь на одной линіи.

Но такой ясный слѣдъ не всегда виденъ, потому что ушканъ большею частію скачетъ по тропѣ. Ушканъ отличается отъ другихъ мелкихъ звѣрей тѣмъ, что прокладываетъ тропу. Тропа эта образуется сначала появленія, нѣсколько уже глубокихъ, слѣговъ, непременно на болѣе или менѣе чистомъ мѣстѣ, т. е. по значительнымъ между деревьями промежуткамъ. Звѣроловъ находитъ ее такъ отлично-утоптанною, что лапки ушкана не грузнуть и слѣдовательно настоящаго слѣда не остается.

Подвигитесь, какъ ловко все придумываетъ этотъ маленькій звѣрекъ, согласно своей натурѣ и своей жизни; кто учитъ его всему, кто шепчетъ и подсказываетъ на каждомъ шагу? Кто же, кромѣ глубочайшаго изъ учителей — самой природы! Взгляните-ли на жизнь ушкана: вы видите, что, при наступленіи холодовъ, онъ грѣтся бѣганьемъ назадъ и впередъ, что, боясь при ускакахъ грузнуть, прокладываетъ тропу, что скачетъ онъ не въ другое время, а болѣе на утренней и вечерней зарѣ, когда сильнѣе сжимаетъ все зима своимъ яснымъ холодомъ, что не можетъ онъ дѣлать такихъ движеній, и безъ тропы могъ бы встрѣчать препятствія быстроты убѣга отъ преслѣдованія враговъ.

Взгляните ли на натуру ушкана: вы видите, что скачки его прямы какъ стрѣла и не можетъ онъ такъ ловко изгибаться между тѣсными деревьями, какъ бѣгушій звѣрь, напр. лисица, что онъ робокъ и скачетъ безъ памяти, но останавливается мгновенно при свисткѣ человека, какъ явленіи новомъ, вдругъ и неожиданно нарушившемъ величественную тишь ⁽¹⁾. Косоглазость у зайца, принимаемую народомъ, отвергаетъ нашъ знаменитый оренбургскій охотникъ — С. Т. Аксаковъ.

Всѣмъ этимъ пользуются охотники. Такъ:

1) види, что заяцъ скачетъ быстро и что выстрѣлъ его не догонитъ ⁽²⁾ звѣроловъ даетъ свистокъ; заяцъ обыкновенно останавливается, садится на заднія лапки, внимательно уставляетъ мордочку, чутко поднимаетъ уши и движетъ быстро глазенками; но все снова тихо въ природѣ, вся чуткость его ничего не различаетъ; минуту, и можетъ быть полторы,

---

(1) Впрочемъ, надобно замѣтить, что испугъ отъ свистка зависитъ отъ привычки орловъ — свистѣть предъ нападеніемъ напр. на утокъ, чтобы спугнуть ихъ съ воды.

(2) Этотъ родъ ловли употребляется въ первый періодъ ловли, т. е. осенью до Михайлова дня.

остается сидящимъ; и потомъ вдругъ пускается еще съ большей быстротой. Еще свистокъ—снова та же картинная остановка и снова все тихо; а охотникъ въ это время уже подготовился и вѣрный ударъ оставляетъ на мѣстѣ шустраго ⁽¹⁾ скакуна.

2. Извѣстно, что въ мокрое, сырое время лѣта, онъ не бѣгаетъ, что его тонкая, нѣжная шерсть, идущая прямо къ тѣлу безъ всякаго *подсада* ⁽²⁾, нисколько не терпитъ мокрѣ, и что потому заяцъ ложится подъ валежниккомъ. Извѣстно также, что по той же причинѣ зимою, во время *падеры* ⁽³⁾, ушканъ лежитъ подъ *выскорами* ⁽⁴⁾. Извѣстно также наблюдателямъ, что онъ не забивается далеко, и лежитъ на сторожѣ у самаго выхода вонъ и въ случаѣ прохода кого либо прижимается только ближе къ землѣ плотнѣе, поджимаетъ свои острые черноконцы (зимой только) уши и стремглавъ выскакиваетъ уже когда прошли. Потому охотники идутъ на ловъ непременно въ сырое время, внимательно осматриваютъ лѣтомъ каждый валежникъ, а зимой — каждую выскорь, а замѣтивъ ушкана, не проходятъ мимо, и подойдя стрѣляютъ, когда прижавшійся звѣрекъ считаетъ себя уже спрятаннымъ.

И такъ, стрѣльбу изъ ружья назовемъ первымъ родомъ ловли зайцевъ.

Орудія же, употребляемые для ушкановъ, слѣдующія:

Первое и основное орудіе *петли*. Онѣ устроиваются такъ: на ушканной тропѣ выбирается мѣсто, гдѣ два дерева отстоятъ другъ отъ друга не далѣе, какъ отъ сажени до двухъ; на одномъ изъ нихъ выбирается крюкообразный сучекъ на высотѣ отъ земли до сажени, на этотъ сукъ кладется на перевѣсъ *очепъ* ⁽⁵⁾. Такъ называется срубленная и очищенная тоненькая (наприм.) березка, которой длина (отъ 3 до 4 саж.) обусловливается разстояніемъ между деревьями. Эта длина, вмѣстѣ съ тяжестью толстаго конца и степенью высоты сучка, должна дать возможность очепу вздернуть вверхъ на воздухъ попавшую въ петлю добычу. Къ этой основной цѣли стремятся всѣ глазомѣрные соображенія звѣролова. Самая петля устроивается такъ: одинъ конецъ мо-

---

⁽¹⁾ Шустрый — соединяетъ два понятія: быстроты и порывистости.

⁽²⁾ Подсадъ — пушистая шерсть, имѣющаяся вблизи тѣла у другихъ звѣрей, наприм. у лисицы.

⁽³⁾ Падера — спѣгъ мягкій и мохроватый, тихо валящійся хлопьями.

⁽⁴⁾ Вискорь — дерево, склонившееся и упавшее къ землѣ со всѣмъ своимъ корнемъ.

⁽⁵⁾ Очепомъ называется срубленная и очищенная тоненькая (напр.) березка перекладываемая черезъ сучекъ на перевѣсъ для удержанія насторожки петлевой.

тоуза привязывается къ тонкому, обращенному къ другому дереву, концу о́чепа, а другой сперва продѣвается сквозь деревянную (въ два вершка длины) трубочку, за тѣмъ проходитъ въ дырочку одного конца насторожка, идетъ по нижней сторонѣ ея и обвившись дважды около одного изъ двухъ рожковъ вилообразнаго другого конца насторожки, опускается и образуетъ петлю. Петля эта не доходитъ до земли примѣрно на четверть, чтобъ заяцъ попалъ во время уско́ка; а чтобъ петля растянулась, она вкладывается слегка въ расщепъ самой нижней вѣточки другаго дерева, и вкладывается такъ, чтобъ тотчасъ могла соскользнуть, когда заяцъ дернетъ. Такъ же легко мотоузь обвить и около одного изъ концовъ насторожки, которая состоитъ изъ деревянной пластинки въ вершокъ длиною, съ дыркою на одномъ концѣ и съ расщелиной въ полвершка на другомъ. Эта насторожка, притягивающая кнззу тонкій гибкій конецъ о́чепа, должна оставаться въ горизонтальномъ положеніи, въ каковомъ она удерживается особою небольшою петлей, надѣтой свободно на свободный съ дыркою конецъ насторожки и крѣпко привязанной на одну изъ нижнихъ отростковъ дерева. Дѣйствіе всего орудія этой ловли таково, что когда заяцъ въ ускорѣ попадаетъ въ петлю, она сдергивается съ тонкой вѣточки другаго дерева, спадаетъ мотоузь съ рожка насторожки, почему этотъ конецъ приподнимается и даетъ возможность скатиться съ другаго конца второй отдѣльной петли, привязанной къ одному изъ нижнихъ отростковъ; послѣ чего уже гибкій конецъ о́чепа не притянутый болѣе кнззу по силѣ своей упру́гости и тягости другаго на перевѣсѣ конца поднимается кверху и вздергиваетъ на воздухъ попавшаго въ петлю ушкана. Теперь спросите вы — къ чему же двухъ вершковая трубочка? А вотъ видите: когда по спаденіи всѣхъ зацѣповъ со своихъ мѣстъ, свободный конецъ о́чепа взмахивается кверху, трубочка съ насторожкой, спустившейся изъ горизонтальнаго положенія уже въ вертикальное, падаетъ на добычу и лишаетъ острозубаго ушкана возможности перекусить мотоузь и уйтп. Другой видъ, что петля привязывается къ выемкѣ на одномъ концѣ круглой насторожки въ полвершка, обходитъ по о́чепу въ расщепъ другаго конца, гдѣ и придерживается надѣтою, на расщепленный конецъ, къ дереву привязанной петлей. Дѣйствіе будетъ то, что когда заяцъ дернетъ подготовленную для него петлю, а вмѣстѣ съ нею подернетъ въ сторону и насторожку, то она выдернется изъ привязанной къ дереву петли и свободная петля затянется.

Въ заключеніе этого описанія считаю нужнымъ замѣтить, что у зайца чрезвычайно тонкое обоняніе, что чуетъ онъ вѣянье испарины пота человѣка отъ мотоуза, что этотъ запахъ человѣчій легко перехо-

дить на мотоузь при одномъ даже настораживаньи и сколько не старайтесь звѣрь не попадетъ; потому внимательный звѣроловъ изъ наблюденья, изъ практики, безъ научнаго изученья взвѣшиваніемъ потерь человѣка черезъ испарину, знаетъ фізіологическій законъ выдѣленья соковъ испариной, знаетъ и то, что свойство испарины обусловливается свойствами крови и другихъ составовъ физики; потому звѣроловъ только тогда отходитъ отъ насторожки, когда вымажетъ весь мотоузь таловой, пріятно пахучей бѣлой губкой, также *чайлой* ⁽¹⁾ листовными иглами и другими, болѣе пахучими изъ массы тѣхъ деревъ, которыя имѣютъ пахучесть, достаточную для того, чтобъ заглушить человѣческую испарину. Но замѣчу, что таловая бѣлая губка остается первенствующимъ средствомъ, потому что таловая кора (равно какъ осиповая) составляютъ любимѣйшее кушанье ушкана. Потому и ищутъ его подъ валежникомъ этихъ деревъ.

Второе орудіе называется *капканомъ*. Капканъ весь изъ желѣза устроивается такъ: въ основѣ кольцо; главную же роль играютъ двѣ пружины, каждая изъ полосы вдвое согнутой, одинъ конецъ каждой полосы другъ противъ друга прибитъ столбикомъ неподвижно къ кольцу; есть еще другое кольцо верхнее, которое не цѣльно, а состоятъ изъ двухъ половинокъ, конъ съ одной стороны соединены позволяющимъ движеніе по плоскости шарниромъ, а съ другой соединяются заклепкой съ верхнимъ концемъ столбика, но и это соединеніе должно позволять такое же движеніе; другіе концы вышесказанныхъ двухъ загнутыхъ пружинъ имѣютъ отверстіе, которыми надѣваются на верхнюю часть столбиковъ такъ, чтобъ подхватывали плеча двухъ половинчатого кольца и могли прижимать обѣ половины одна къ другой по плоскости, при чемъ попавшійся звѣрекъ можетъ въ костяхъ пересѣчься. Но чтобъ это совершилось только тогда, какъ нужно, на верхнее кольцо растягивается веревчатая сѣть, нѣсколько приподнятая привязаннымъ къ ней за дырку крючкомъ, имѣющимъ свой нижній конецъ соединеннымъ подвижно съ нижнимъ кольцомъ, а верхнимъ крючкообразнымъ задѣваетъ верхнее кольцо и, натягивая его книзу, не даетъ пружинѣ сжимать половинки. Замѣчу при томъ:

1. Что кольца эти, будучи малы (примѣрно въ блюдце), при употребленіи для зайца, увеличиваются болѣе и болѣе, смотря по звѣрю, такъ что для медвѣдя доходитъ до обхвата въ окружности и до $\frac{3}{4}$ аршина въ діаметрѣ.

---

(1) *Чага* есть особенные наросты на березѣ. (О чемъ подробно будетъ объяснено въ лексиконѣ мѣстныхъ словъ, мною составленномъ).

2. Что при настораживаніи на какого бы то звѣря ни было, вырывается подъ веревочной сѣтью яма на снѣгу, чтобъ звѣрь, ступивъ лапой, углубилъ сѣть; при чемъ и крючекъ, удерживавшій все въ порядкѣ, соскакиваетъ съ верхняго кольца, тогда какъ пружина приподнимаетъ и сдавливаетъ плечи по плоскости и сжимаетъ какъ клещами попавшую часть звѣря.

3. Что во время оттепели и мокраго снѣга капкановъ не должно ставить, потому что снѣгъ прилипаетъ и пружины дѣйствуютъ слабо, а послѣ такого времени и стоящіе уже капканы должно пересматривать.

4. Исключительно же на ушкана устраивается такъ: выбирается на тропѣ мѣсто съ воротцами, т. е. мѣсто, гдѣ бы деревья сходились поближе, какъ обыкновенно выкапывается ямка въ снѣгу; вмѣсто веревочной сѣти натягивается холстъ; сверху зимою засыпается снѣгомъ, а лѣтомъ прикрывается листьями травы. Попадаетъ ушканъ при своихъ ускѣкахъ большею частію передними лапками, но случается и задними, когда первыми уже перемахнулъ.

Третіе орудіе называется *клепцомъ* ⁽¹⁾, еще называется затундринской западней, потому что вывезено устройство его изъ за тундры, слѣдовательно далеко изъ за Туруханска, гдѣ употребляется для ловли песцовъ. Устраиваютъ такъ, въ основѣ доска длиною аршина въ полтора или два, шириною отъ 6 до 7 вершковъ, толщиною въ 2 вершка; на концахъ кладутся гнѣты; гнетъ состоитъ съ каждаго конца изъ другой доски, перпендикулярно положенной на первую однимъ концомъ, тогда какъ на другомъ лежатъ разные *чурки* или *кряжи* ⁽²⁾. На половинѣ первой доски вдавливаются у краевъ одинъ противъ другаго деревянные столбики вышиною надъ доской въ четверть, на верхней половинѣ ихъ провернуты дырки, въ которыя продѣвается *гузъ*. Гуземъ называется вдвое сложенная веревка, свитая изъ конопли или волоса; послѣдняя рѣже употребляется по трудности получить ее и по дороговизнѣ, тогда какъ она предпочтительнѣе по качеству, ибо волосъ не вытягивается и не ослабѣваетъ; качество это такъ важно для кляпца, что конопляную веревку предварительно сильно вытягиваютъ. Какъ рѣдкость можно встрѣтить гужи жильные, отличающіеся еще болѣею

---

(1) Клепецъ или кляпецъ или кляпца отъ слова кляпъ, клинь, ибо кляпушками называются клинушки, вставляемые въ концахъ въ веревку для завивки ея, какъ далѣе увидимъ.

(2) То и другое значить обрубки, только кряжи болѣе; изъ нихъ по длинѣ должны выходить три полѣна (такъ обыкновенно и говорятъ — я рубилъ кряжники).

упругостью; таковые вывозятся изъ за тундры, гдѣ они изъ жилъ жп-вотныхъ приготавливаются инородцами.

Веревка эта за однимъ столбикомъ оставляетъ петлю, а за другимъ завязывается въ петлю, въ обѣ петли вставляются *кляпушки* ⁽¹⁾, служащія рукоятками для свитія двухъ половинокъ веревки въ одну. Цѣль этого свитія состоитъ въ томъ, чтобъ завертѣть въ средину ея стягъ ⁽²⁾, составляющій важнѣйшую и убійственную для звѣря часть всего препарата, ибо вкрученный плотно въ веревку, онъ поворачивается на противную въ длину сторону, гдѣ удерживается насторожкой и, будучи опущенъ, сильно бьетъ въ другую сторону. На томъ концѣ, которымъ онъ бьетъ, вколачивается три желѣзныхъ зубка. Насторожка дѣлается такъ: когда стягъ заведенъ въ противоположную сторону, противъ конца его вбивается въ землю столбикъ, около вершины котораго дѣлается, книзу направленная, зарубка; къ концу стяга въ зарубку привязывается веревочка, которая другимъ концемъ привязывается къ одному изъ сторожковъ, стесаннымъ концемъ своимъ входящему въ зарубку столбика и придерживающемуся къ послѣднему вырѣзкой другаго сторожка, отъ котораго и идетъ уже *симка* ⁽³⁾, т. е. шнурокъ не толстый, но достаточно крѣпкій для того, чтобъ звѣрь не порвалъ съ разу; онъ тянется чрезъ все протяженіе доски и чрезъ оставленные воротцы къ деревцу, гдѣ и привязывается. Такъ какъ клянца ставится на тропѣ поперекъ, то и сбрасывается съ боковъ что нибудь, наприм. срубленные деревья, оставивъ воротцы такой величины, чтобъ стягъ ложился горизонтально свободно въ обѣ стороны. Шнурокъ не натягивается туго, сколько по свойству инструмента, ибо иначе сорветъ и насторожку, столько жъ и за тѣмъ, чтобъ вѣрнѣе былъ ударъ, ибо онъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ звѣрь болѣе подается грудью впередъ, натягивая нитку; степень слабости шнура измѣряется обыкновенно навиваніемъ разъ на пальцы, смотря по величинѣ всей клипцы и по звѣрю, на котораго поставлена она, а именно отъ двухъ до четырехъ пальцевъ. Шнурокъ натирается пихтой и всѣмъ растительнымъ пахучимъ, чтобъ звѣрь не различилъ человѣчьяго запаха.

Дѣйствіе всего орудія состоитъ въ слѣдующемъ: когда звѣрь натягиваетъ симку, то второй сторожекъ срыбается, чрезъ что уничтожается прикрѣпа къ колу и стягъ летитъ въ другую сторону.

5. Заяцъ въ рѣдкость попадаетъ и въ *кулѣму*, но такъ какъ ку-

---

⁽¹⁾ Выше было объяснено.

⁽²⁾ Жердь въ вершокъ толщины и 2 аршина длины.

⁽³⁾ Слово это объясняется въ текстѣ.

лема дѣлается для лисицы, то она и будетъ описана въ своемъ мѣстѣ. Заяцъ попадаетъ только въ такомъ случаѣ, когда онъ хочетъ укрыться отъ преслѣдованія, или чаще отъ дождя. Это дѣлается очень непріятно звѣролову, трудившемуся надъ кулемой для дорогаго звѣря лисы, а непріятность свою выражаетъ онъ словами: экъ-те непрошеннаго нелегкій-то загналъ!

6. *Пасть* на ушкана. Орудіе это, какъ болѣе употребляемое на лисенцу и на песца, въ подробности тамъ и описано будетъ; здѣсь же упомяну только объ особенностяхъ пастн исключительно заячьей.

Сперва дѣлается сугробъ и утапывается, чтобъ не грузло и не подтапвало, да и заяцъ имѣетъ привычку не прежде итти къ добычѣ, какъ присѣвъ на возвышеніи и оглядѣвшись. Поломъ, или какъ здѣсь говорятъ *постельникомъ*, служитъ доска. Слега (по турухански гнетъ) берется до двухъ сажень. У подхвостника гнета ставятъ по сторонамъ по коду, оканчивающемуся вверхъ вилообразно, на которые и кладется перекладина отъ получетверти до $1\frac{1}{2}$. *Ромжа* (по турухански *кормысло*) длиннымъ концомъ своимъ лежитъ на подобной же вилообразной подставкѣ; другой же короткій конецъ поддерживаетъ конецъ *мотыря* (по турух. *брызгалки*), перегибающимся черезъ подставной колъ. Къ другому концу мотыря привязывается веревка, прикрѣпляющаяся другимъ концомъ своимъ въ дыркѣ угла сторожка. Сторожокъ, такой формы, округленно стесанный на одномъ углу и съ дыркой на другомъ, подставляется обтесаннымъ угломъ подъ *вилашку* сторожеваго кола. Сей послѣдній имѣетъ сукъ, обращенный книзу и въ сторону, но не доходящій до земли, черезъ что и образуются смотрящія внизъ вилы. Чтобъ не выскочилъ изъ вилашки сторожокъ, придерживается послѣдній насторожкой, вставляемой между ножкой вилъ и концомъ сторожка и состоящей изъ осиноваго (какъ въ Вятской губерніи) или таловаго (какъ въ Туруханскомъ краю) прутника, обращеннаго длиннымъ концомъ своимъ внутрь пастн. Эта насторожка служитъ вмѣстѣ и наживой, потому что заяцъ охотникъ до молодыхъ нѣжныхъ вѣтокъ осины и тальника. Замѣчу здѣсь, что осинникъ берутъ обыкновенно съ листочкомъ, а тальникъ мочечкой. Туруханцы различаютъ тальникъ на 3 вида: бѣлый, очень любимый лопшадьми и коровами и употребляемый вмѣсто сѣна, потому что онъ и тонокъ и соченъ; но для зайца его берутъ неохотно по маловатости мочки, а предпочитаютъ другой видъ тальника сѣрый, у котораго крупнѣе мочки; третій же видъ черный, т. е. съ совершенно желтой корой, вовсе не употребляютъ, во-1-хъ, по горькому вкусу и, во-2-хъ, по курчавости, такъ что нельзя выбрать ровный прутникъ. Туруханцы называютъ эти виды: бѣлоталь, сѣроталь и черноталь.

7. Заяц заскакивает также въ *слонецъ*. Эта ловушка, обыкновенно ставимая на тетеревей и глухарей, может служить случайно ловушкой и для зайца, когда поставится она на проторенную ушканомъ дорожку. Приготавливается такъ: срубають 2 кряжа до $1\frac{1}{2}$ сажени длиною; съ *комля* ⁽¹⁾ раскалываютъ ихъ и вставляютъ жердочку; очищаютъ землю ровно, чтобъ правильно лежать слонцу, и вставляютъ колья съ обѣихъ сторонъ, оставляя промежутки не болѣе перстовъ трехъ. Потомъ ставятъ вблизи жердочки особый колъ выше другихъ и имѣющій крючекъ или развилинку; а къ жердочкѣ этотъ колъ долженъ быть на столько близокъ, чтобъ она падала возлѣ него. За тѣмъ дѣлають особую тонкую палочку въ аршинъ длиною и называютъ его мотырькомъ; къ одному концу этого мотыря привязывается насторожка (изъ веревки, къ которой привязанъ и костырекъ); эту насторожку особымъ деревяннымъ крючкомъ придерживаютъ къ одному изъ среднихъ коловъ съ противоположной стороны. Крючекъ остается на воздухѣ на вершокъ отъ земли, будучи заложенъ пруточками, которые держатъ на перевѣсѣ какъ его, такъ и весь приборъ. Когда же все приготовлено, кладутъ ягоды (рябину, шиповникъ) и тетерева, на примѣръ, видя это, входитъ подъ доску, наступаетъ на прутья, отдавливается съ нимъ внизъ и костырекъ, который, какъ державшій все, спадаетъ, а съ нимъ падаетъ и весь приборъ, а кряжемъ придавливается добыча.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Песецъ (*Canis Lagopus*. Linn.).

Песецъ называется иначе псецъ. Тутъ ясно слышится слово песь. И дѣйствительно, это какой-то выродокъ собаки. Хвостъ такой же пушистой, какъ у лисицы; но рыло тупѣе и уши менѣе. Голосъ песцовъ особый, густой, сиповатый. Говорятъ очевидцы, будто во время сѣверныхъ приливовъ съ моря, когда ломаетъ ледъ, приплываетъ на льдинахъ мышь, за которою гонится песецъ, „а пзъ какихъ ужъ странъ — одинъ Богъ знаетъ“, прибавляютъ мужички. Мышь эта пестраго цвѣта въ родѣ барсука, съ ногами мохнатыми, покороче, но толще здѣшней мыши, вообще же величиной побольше; чѣмъ питается она

---

(1) *Комель*. Такъ называется толстый конецъ срубленнаго дерева.

одни не знаютъ, а другіе упоминаютъ о какихъ-то сладкихъ кореньяхъ, которые довольно изъ гнѣзда унести, чтобъ мышъ повѣсилась шейкой въ расщепину между вѣтвями и задавилась.

Кромѣ того, питаются песцы рыбой, препитересно ее вытаскивая изъ воды лапкою. Песцы бѣгутъ на югъ, поднявъ голову, повертывая ею, по временамъ обнюхиваютъ воздухъ и, почуявъ запахъ человѣка, они прилегаютъ на снѣгъ, дрожатъ отъ страха и настораживаютъ свои круглыя уши. А если опасность близка, звѣрекъ утыкаетъ мордочку въ снѣгъ и закапываетъ ее лапками.

Главныхъ лововъ песца 4: кляпцой, капканомъ, силушкомъ и пастью.

1. Кляпца такая же, какъ на лисицу только въ уменьшенномъ видѣ. Ставится не просто, а въ воротцахъ загородей (называемыхъ чаще засѣками). Засѣкъ иной хозяинъ имѣетъ до 20. Дѣлаются они отъ окраины воды поперегъ берега до кочекъ и въ каждой засѣкѣ бываетъ воротцовъ до 5. Коля, составляющіе засѣку, ставятся вплотъ другъ къ другу и имѣютъ вышины до аршина. Странно, что песецъ не перескакиваетъ, а толкается, пока не найдетъ воротца. На тундрахъ же эти ловушки устраиваются кругообразно.

2. Капканы безъ всякихъ приманокъ ставятся въ тѣ же воротцы засѣковъ.

3. Силушки употребляютъ мало, да и то по южную сторону; ставятъ ихъ между тальниковъ для куропатокъ, слѣдовательно попадаютъ въ нихъ развѣ случайно.

4. Ловъ пастью весьма распространенъ, только употребляется уже не на берегу въ засѣкахъ, а далѣе по матерiku (или какъ выражаются Туруханцы—на угорѣ), да и тутъ непременно на сѣпочкахъ, т. е. такихъ возвышенныхъ кочковатыхъ мѣстахъ, съ которыхъ бы снѣжный вѣтеръ сносился, а не заносилъ. Вотъ приготовленіе: съ лѣта еще, когда земля не промерзла, втыкаютъ на протяженіи аршина колышки, вышиною въ 1 аршинъ, толщиною пальца въ 3, наискось въ стороны, чтобъ внизу четверти двѣ, а вверху пространство было шире. Ставятъ ихъ парами почаше, чтобъ звѣрь не пролѣзъ, въ направленіи отъ низовика къ верховкѣ (т. е. югу) такъ, чтобъ голова пасти была непременно къ верховкѣ, а подхвостникъ къ сѣверу; въ противномъ же случаѣ снѣгъ набивается между колышковъ и даетъ возможность песцу вылѣзть, потому что дномъ здѣсь служитъ земля. Остальное подобно другимъ пастямъ, а именно: гнетки берутся втрое длиннѣе противу мѣста съ колышками и дѣлаются такъ, чтобъ колышками обращались къ головѣ пасти,

а вершинникомъ въ другую сторону, гдѣ укрѣпляются на кольяхъ съ перекладиной на поларшина вышины, словомъ, такъ, чтобы въ пасти-то самой могли прилегать плотно къ землѣ. Коромысло (енисейская рѣмжа) съ одной стороны лежитъ длиннымъ концемъ на колу, а съ другой короткимъ идетъ мимо другаго кола, черезъ который перегибается (какъ обыкновенно) мотырь, достигающій примѣрно до середины пасти. Тутъ къ концу его привязывается веревка длиною въ поларшина, къ другому концу которой привязанъ сторожокъ. И такъ какъ у этого мѣста ставится впадка, т. е. колъ съ сукомъ, обращеннымъ внизъ и въ сторону пасти, то въ самомъ колѣ надъ сукомъ дѣлается вырубка небольшая и сторожокъ вкладывается свободно концомъ своимъ въ эту зарубку, приводится въ перпендикулярное къ колу направление и поддерживается въ этомъ положеніи насторожкой, захватывающей его вмѣстѣ съ сукомъ. Къ другому концу этой насторожки привязывается веревка, имѣющая на другомъ концѣ наживу, изъ рыбы наприм., и подводимая въ пасть наискось, чтобы удобнѣе, при малѣйшемъ потягиваніи веревки звѣремъ, насторожка дернулась. Сказано довольно, а подробности можно понимать изъ описанія пастей на другихъ звѣрей.

Примѣчаніе 1. Въ началѣ главы о песцахъ, я передалъ рассказъ сѣверныхъ жителей о появленіи съ моря и гонѣбѣ ихъ за особаго рода мышью. Достоверно извѣстно, по крайней мѣрѣ, то, что песецъ сопутствуетъ бѣлымъ медвѣдямъ, что водится онъ на островахъ Ледовитаго моря и что гоняется за мышами всякаго рода. Въ 1859 году покупались песцы въ Туруханскомъ краю: голубые по 5 руб., простые рослые по 70 коп., недопески принимались по 3 за 2 песца, крестовики же 2 за одного; въ Енисейскѣ покупались: голубые по 6 руб., а рослые бѣлые по 85 копѣекъ; въ Ирбитской ярмаркѣ самые счастливые изъ торговцевъ взяли свою цѣну, а прочіе убытокъ. Вообще же говоря, голубыхъ песцовъ, при самомъ значительномъ уловѣ, не вывозится изъ Туруханскаго края болѣе 100, а цѣнность отъ 5 руб. достигаетъ и до 10. Въ приложенномъ къ сочиненію росписаніи всѣхъ цѣнъ и количествъ пушнаго товара за разные годы есть пунктъ и о песцахъ, слѣдовательно туда желающіе пусть и обратятся. Хотя мы и можемъ привести цифры отпуска песцовъ въ Китай за нѣсколько лѣтъ, но, къ сожалѣнію, общихъ, а именно: 1817 — 1819 годовъ — 199,130, 1841 — 1843 — 162,940, 1850 — 1851 — 53,040.

Примѣчаніе 2. Есть два рода песца „бѣлый“ и „голубой“, или вѣрнѣе, по цвѣту, дымчатый. Послѣдній дорогъ сколько по рѣдкости, столько жъ и потому, что, сохраняя удивительную легкость, пышность и

теплоту песцовыхъ мѣховъ, онѣ еще и волосъ крѣпче имѣетъ и въ то время, какъ бѣлый песецъ нараетъ и годенъ только подъ покрывку, изъ голубаго считается деликатнымъ сшить дамскій салопъ. Бѣлый песецъ видоизмѣняется по временамъ года, получаетъ различныя достоинства и названіе: 1) песецъ, обитающій съ весны въ земляной норы, гдѣ и щенится, имѣетъ шерсть самую тонкую и чуть не черную, это *норчикъ*; 2) предъ наступленіемъ осеннихъ холодовъ, песецъ, вышедши изъ норы, дѣлается пышнѣе и болѣе; 3) далѣе, при наступленіи зимы, называется „*крестоватикомъ*“; 4) потомъ „*синькомъ*“ 5) „*недопескомъ*“ и 6) „рослымъ песцомъ“, съ совершенно бѣлою шерстью является уже около Николаина дня.

Голубой же никогда бѣлымъ не бываетъ и лѣтомъ измѣняется только тѣмъ, что дѣлается темнѣе. Слова г. Гагемейстера будто „загороди на песцовъ ставятъ на протяженіи 50 верстъ въ длину“ несправедливы: плетень располагается только на томъ пространствѣ, которое представляетъ низменность берега отъ воды до возвышенія яра или обрыва и это не достигаетъ даже одной версты; да кромѣ этой невозможности и лѣсу столько взять тамъ негдѣ.

Лисица (*Canis vulpes*).

Ловля лисицы узнается по слѣду, подобному собакѣ, съ той лишь особенностію, что по срединѣ между обоими боковыми *слѣдьями* есть *прометы*, т. е. углубленія на снѣгу примѣрно одинъ отъ другаго въ четверть разстояніемъ, образованные паденіемъ взмахивающаго при бѣгѣ мохнатаго хвоста лисицы. Если замѣченъ слѣдъ по одному только направленію, то лисица пробѣжная (или пробѣжная) и вниманія не заслуживаетъ; но если ея слѣды положены на крестъ или въ разныхъ направленіяхъ, да еще сосредоточено около какого нибудь мѣста, преимущественно дерева, то значить лисица *жируетъ* ⁽¹⁾ тутъ. Это непонятное, можетъ быть, для васъ выраженіе означаетъ на языкѣ изобрѣтательнаго сибиряка то, что лисица отыскиваетъ жилище мышей и бурундуковъ; предположенія же ея очень законно рождаются послѣ того, какъ какая нибудь безпокойная или глупая мышь, соскучась въ своей темной норѣ, захочетъ полюбоваться на бѣлый свѣтъ Божій, захочетъ погрѣться, или по крайней мѣрѣ *оживиться* лучами *живащаго* солнца, или захочетъ вздохнуть вольнымъ воздухомъ; по такимъ-

---

(1) *Жировать* значить имѣть притонъ по какой бы то ни было причинѣ.

то побужденіямъ она и выходитъ на снѣгу чрезъ *выдувку* ⁽¹⁾. Такъ называются углубленія на снѣгу около корня дѣрева, достигающія иногда послѣ бурановъ до самой земли. Черезъ эти же выдувки выбѣгаетъ и бурундукъ порасправить свои слежавшіеся члены на вѣтвистомъ деревѣ и погрызть, если можно, лаковыхъ сосновыхъ шишекъ. Если въ такихъ случаяхъ мышь или бурундукъ замѣченъ будутъ быстроглазой лисой, то рѣдко ускользнуть отъ ея быстрого нападенія. Полакомившись же однимъ, она остается у этихъ мѣстъ, ожидаетъ выхода другихъ и старается открыть мѣсто, гдѣ кроются норы, а чутье у ней отличное, никакая толща снѣга не прикроетъ пахучую падаля или живнпну.

Основная ловля, собственно для лисицы употребляемая, состоитъ въ ловлѣ *пометомъ* ⁽²⁾, но только тогда какъ лисица жируетъ. Замѣтивъ ея жированье, звѣроловъ спѣшитъ предварительно набрать *прикормки*, а спѣшитъ потому, во-1-хъ, чтобъ лисица не успѣла открыть самое гнѣздо и напиться вдоволь, а, во-2-хъ, чтобъ отвлечь ея вниманіе отъ трудныхъ изысканій, давая случай попытаться безъ большихъ трудовъ и изощреній своей хитрости и прозорливости.

Прикормка эта дѣлается такъ: звѣроловъ привязываетъ къ концу веревки кусокъ мяса, преимущественно тухлаго или даже гнющей падали, и влача его за собою, обѣгаетъ на быстрыхъ лыжахъ въ разныхъ направленіяхъ предполагаемое пространство и уже повторивъ это раза 2 и размаивъ ее достаточно, бросаетъ кой-гдѣ въ снѣгъ мясные кусочки. Когда уже лисица такимъ образомъ отвлечена и отъ мышей и отъ бурундуковъ, когда разманена и даже найденными кусочками на дѣлѣ удостовѣрена, бросаетъ звѣроловъ свой *помѣтъ драгоценный* (я потому, что даетъ возможность получить дорогую лисцу и потому, что много заботы положено для его заготовки). Помѣтъ ловитъ звѣря отравленіемъ. Помѣтъ, по свойству отравы, раздѣляется на 2 рода съ сулемой (*mercurius sublimatus corrosivus*) и съ чепбухой (*pux vomica*).

Первая отравы, т. е. сулема, предпочтается: она дешевле, не портится отъ времени и надежнѣе убиваетъ звѣря даже мѣстнымъ раздраженіемъ и воспаленіемъ до омертвенія, звѣрь мечется, хватается и грызетъ снѣгъ, думая прохладить палящую пасть, но все напрасно, онъ издыхаетъ съ изверженіемъ крови и рвотой. Между тѣмъ вторая, чепбуха: дороже, выдыхается, будучи въ порошокъ, теряетъ свою силу при разложеніи того, въ чемъ онъ дается и убиваетъ не чрезъ вѣрное за-

⁽¹⁾ *Выдувка* — яма на снѣгу около деревьевъ; объяснено въ текстѣ.

⁽²⁾ Помѣтомъ называется то, что звѣроловъ мечетъ, разбрасываетъ для приманки и смерти звѣрей.

дѣи́е (по ихъ словамъ), т. е. раздраженіе, воспаленіе и омертвѣніе, а одуреніемъ, которое не скоро приводитъ къ цѣли; звѣрь одичалый бѣжитъ не вѣдая куда, пока есть сила и нерѣдко теряется для звѣролова, какой бы наблюдательностію не блестялъ его глазъ и какъ бы ни быстры были его скользкія лыжи, а нерѣдко звѣрь уже испорченный отъпскивается черезъ годъ въ какомъ нибудь далекомъ мѣстѣ. Это уже ни себѣ, ни людямъ.

Употребленіе сулемы еще тѣмъ выгодно, что разѣдающая, она заставляеть класть слѣды своей гибели, не отходя далеко отъ мѣста отравы, такъ какъ болѣзненно-тревожный звѣрь не дѣлаетъ правильныхъ слѣдовъ, а то качается на мѣстѣ, то бросается туда и сюда, то пачкаетъ снѣгъ изверженіями, то оставляетъ кровавыя пятна, которыя на чистой несравненной бѣлизнѣ снѣга не исчезнутъ, какъ кровавыя пятна на рукѣ леди Макбетъ.

Еще надобно сказать, какъ готовятъ помѣты. Съ сулемой родъ приготовленія совсѣмъ особенный, чѣмъ съ челибухой.

Для первой крестьянинъ съ лѣта запасаетъ яички небольшихъ птичекъ воробьевъ, кривоносиковъ, жулановъ, чечетокъ и другихъ. Тотчасъ какъ нашли яички, выпускаютъ (чтобъ не испортились), изъ нихъ содержимое чрезъ одно, проколотое шиломъ, небольшое, отверстіе. Не сомнѣвайтесь, я говорю вѣрно: изобрѣтательному звѣролову въ самомъ дѣлѣ довольно небольшого отверстія, чтобъ выпустить все казалося бы густое содержимое: для этого онъ взбалтываетъ яицо, густой желтокъ разбивается, жидѣетъ и весь вытекаетъ. Не думайте также, чтобъ крестьянинъ терялъ за этимъ время: яица собираются имъ *постопутью* ⁽¹⁾, во время весенней рубки лѣса, или это лежитъ на обязанности мальчугановъ. Къ зимѣ яички, сложенные бережно на верхнихъ полкахъ, уже просыхаютъ совершенно и тогда чрезъ отверстіе насыпаются до полна сулемой; воскомъ заклепляютъ скважинку, и начинаютъ обмакивать въ масло или сало, отъ чего яичко, увеличиваясь чрезъ наслойку болѣе и болѣе, достигаетъ объема крупнаго грецкаго орѣха.

Если пометы остались отъ зимы, то очищаютъ все масло и сало и бережно сохраняютъ до другой зимы.

Звѣрь, привлеченный пріятнымъ жирнымъ запахомъ, отыскиваетъ въ снѣгу *помѣтъ*, съ жадностію хватаетъ его и раскусываетъ, при чемъ отъ лопнувшего яица сулема разбрасывается по всему ргу.

---

(1) Т. е. одновременно, по случаю, на пути.

Такъ приготовляютъ пометъ настоящіе охотники, занимающіеся ловлей лисцы.

Другіе же, замѣтившіе случайно во время путешествій по ухажню, слѣды лисцы, замѣняютъ япки *дидилинкой*. Такъ называется тонкая плева внутри какого нибудь дудчатаго растенія. Такихъ дудокъ бываетъ много и въ сѣнѣ. Для полученія дидилинки, звѣровщикъ осторожно скоблитъ дудку до нея, какъ послѣдняго внутренняго слоя. Получивъ, заклепываетъ воскомъ одинъ конецъ, а потомъ, всыпавъ сусему, заклепываетъ и другой. Остальное приготовленіе помета тоже. Употребленіе тоже. Только еслибъ остался такой пометъ неупотребленнымъ, звѣроловъ не только обскабливаетъ сало или масло, но разрѣзываетъ и самую дидилинку, заботясь обереечь драгоценную сусему.

Пометы съ чилибухой приготовляются такъ: осенью чилибуха превращается въ порошокъ, порошокъ посыпается мясо; мясо кладется въ какую нибудь посуду и оставляется прогнивать. Потомъ, когда нужно зимой, мясо разрѣзывается на кусочки и разбрасывается.

Второй родъ ловли лисцы *пастью*. Этотъ ловъ лѣтній и осенній, а не зимній.

Пасть устранивается изъ трехъ частей; пола, гнѣта и насторожки.

1. Для устройства пола берутся 7 кражей ⁽¹⁾ длиною въ полторы сажени и толщиною четверть въ діаметръ; раскалываются пополамъ по длинѣ, кромки обтесываются и сплачиваются одна къ другой и употребляются для настилки пола *горбылями* ⁽²⁾ внизъ къ землѣ; на двухъ крайнихъ кромкахъ обтисей ⁽³⁾ не дѣлается; чтобъ полъ не расходился со всѣхъ четырехъ угловъ вколачиваются въ землю врѣвень съ поломъ колья. Такъ полъ готовъ, уложенный на *лежни*, т. е. бревна, положенныя поперечно.

2. Крышка пасти или гнетъ составляется изъ такихъ же кражей, но цѣльныхъ. Они съ одной стороны раскалываются и въ расколы вставляется *рѣмжа* ⁽⁴⁾, т. е. обтесанная слегъ, которая и сплачиваетъ ихъ вмѣстѣ. А другой конецъ гнета приложенъ къ *сутуну* ⁽⁵⁾, который, въ

⁽¹⁾ Слово кража уже объяснено выше.

⁽²⁾ Горбыль (горбыли) отъ слова горбъ — есть полукруглая выпуклая сторона бревна.

⁽³⁾ Слово обтисъ понятно изъ предыдущаго.

⁽⁴⁾ Рѣмжа есть брусокъ, обтесанная жердь, вставляемая въ уши (т. е. дыры въ концахъ бревень на плотѣ). Слѣд. и здѣсь сплачивающая пластинка выполняетъ значеніе рѣмжи.

⁽⁵⁾ Сутунѣмъ называется бревно или дерево безъ обыкновенной мѣры, но только чтобъ держало.

свою очередь, может удерживаться на мѣстѣ кольями. Для большей тяжести какъ на гнетъ, такъ и на ромжу накладываются края или чурки.

3. Въ одной сторонѣ пола вколачиваются по 2 кола въ двухъ концахъ, между которыми вставляется стѣна въ длину пола, а кольца вверху соединены попарно веревками изъ прутьевъ.

4. Вершка на 2 отъ пола просѣкается окошко для прохода одного изъ двухъ сторожковъ; къ одному концу сторожка привязывается нажива, а другой выходитъ наружу и ложится въ зарубку вколоченнаго пзвнѣ кола, выдавшись еще за него. Выдается же для того, чтобъ на конецъ можно было надѣть спереди другой крючкообразный сторожокъ, имѣющій на верхнемъ концѣ петлю, которая надѣвается на одинъ конецъ мотыря, лежащагося на перевѣсь на подставной колъ (долженствующій быть ниже стѣны) и поддерживающаго другимъ концомъ ромжу.

Дѣйствіе орудія въ томъ, что звѣрь, потянувъ наживу, выдергиваетъ чрезъ отверстіе съ крючка первый сторожокъ, отъ чего теряется поддержка, мотырь падаетъ, а за нимъ и ромжа съ гнетомъ, чѣмъ звѣрь и приплюснется.

3-й родъ ловли. Въ *петли заячьи*, описанныя выше: лисица попадаетъ при отыскиваніи зайцевъ. Это ловъ зимній.

4-й родъ ловли *слонцомъ*. Это есть орудіе особаго устройства, употребляемое для лова птицъ, особенно тетеръ; оно уже описано въ гл. о зайцахъ. Ловъ лѣтній.

5-й родъ ловли *капканомъ*, устройство котораго описано въ главѣ о зайцахъ. Величій капканъ долженъ быть болѣе заячьяго. Ставится тамъ, гдѣ лисица жируетъ, и болѣе зимой, чѣмъ лѣтомъ.

Лисицъ, тоже, какъ и волковъ (описаніе ловли которыхъ будетъ ниже) прикармливаютъ еще съ половины октября падалью, бросаемою на открытыхъ мѣстахъ у большаго лѣса или въ передѣскахъ. Когда же, по выпаденіи снѣга, звѣри, продолжая ходить на притраву, набьютъ тропы, ставятъ капканы. Мѣста эти всегда объѣзжаются для осмотра верхомъ на лошади, потому что лошадиного слѣда звѣрь не боится; а увидѣвъ знакъ саней или пѣшеходовъ звѣрь перестанетъ ходить. Когда звѣроловъ съ лопаточкой и капканомъ въ рукахъ сходитъ съ лошади, чтобъ поставить послѣдній, то обувь его не должна издавать никакого запаха (напримѣръ навознаго, либо дегтярнаго). Подойдя къ тропѣ, звѣроловъ снимаетъ лопаточкой съ тропы слѣдъ звѣря и за тѣмъ, выбравъ снѣгъ до земли, ставитъ капканъ засыпаетъ снѣгомъ и выдѣлываетъ лопаткой на засыпѣ подобіе волчьяго слѣда,

уходить же за тѣмъ, пятась къ лошади, ступая шагъ въ шагъ и засыпая слѣды свои сѣбгомъ.

Лисица попадаетъ иногда двумя лапами, именно, когда скачетъ, а не бѣжитъ. Лиса ходитъ на притраву въ одиночку.

Лиса частенько, равно какъ иногда и заяцъ, отрываетъ лапу въ капканъ повыше перваго позвонка.

6-й родъ ловли и зимній и лѣтній есть *кляпцой*.

Это орудіе было уже описано въ главѣ о зайцахъ, но такъ какъ лисица болѣе зайца, то и кляпца имѣеть особое устройство и бьетъ значительно сильнѣе, такъ что это же орудіе (только въ нѣсколько увеличенномъ объемѣ) употребляется и на росомаху.

Общія основанія тѣ же, какъ у заячьей кляпцы, особенности же состоятъ въ слѣдующемъ: доска не употребляется, а вмѣсто ея берется обрубокъ длиною $\frac{3}{4}$ аршина; на срединѣ его вырубается шириною на полтора вершка и въ глубь до половины толщи обрубка углубленіе съ равными сторонами; потомъ черезъ весь обрубокъ съ конца на конецъ провертывается труба, принаравливаемая такъ, чтобъ она проходила черезъ средину вырубленнаго углубленія; противъ вышесказанной вырубki, нѣсколько уклонясь къ которому нибудь боку, дѣлается другая вырубка, расширяющаяся отъ полвершка внутрь до вершка; въ это отверстіе вбивается палка аршина въ полтора длиною и вершка въ полтора толщиною, но стесанная съ одного конца такъ, чтобъ входила въ отверстіе этой послѣдней вырубki; вблизи другаго свободнаго конца палки вколачивается съ боку желѣзный гвоздь и еще другой отъ него на вершокъ или полтора къ срединѣ; въ трубу обрубка продѣваются изъ жилнаго гужа 2 петли, направленные самыми петлями къ срединѣ, а у наружныхъ завязанныхъ концовъ къ нимъ прикладываются кляпушки (какъ и у заячьей кляпцы); потомъ берется мотырь на поларшина подлиннѣе вышесказанной вколоченной палки, и однимъ концомъ съ зарубкою вставляется въ обѣ петли, сходящіяся въ зарубкѣ обрубка и съ помощью концевыхъ кляпушковъ ввертывается въ одну сторону и именно такъ, чтобъ мотырь направился въ сторону, противоположную палкѣ. Потомъ мотырь заводится на палку для настороживанья, въ него вбивается гвоздь, немного отступя внутрь отъ крайняго гвоздя палки, а въ верхнюю сторону мотыря всаживается вблизи конца другъ отъ друга по вершку копыца, какъ у удочекъ. Самое настороживаніе производится такъ: берется сторожокъ вершка въ полтора длиною и на одномъ концѣ съ зарубкою; съ помощью этой зарубки привязывается онъ къ крайнему гвоздю палки, перегибается черезъ гвоздь мотыря и концомъ своимъ соединяется съ внутреннимъ гвоздемъ

палки съ помощію вырѣзки другаго сторожка; на зарубкѣ верхняго конца послѣдняго привязывается симка и прикрѣпляется на общихъ основаніяхъ, какъ у заячей или (чтобъ перехитрить хитрую, ни на что не попадающую лисицу) продѣваютъ симку черезъ мережу ⁽¹⁾, подъ которую кладется кусокъ падали, а дѣйствіе будетъ то, что когда лисица зацарапаетъ мережу, задѣнетъ и симку, сдернетъ сторожокъ съ зарубкой, все распадется и мотырь хватить по головѣ.

7-й родъ ловли лисицы *кулёмой съ окошкомъ и ставешкомъ*. Устраивается какъ бы домикъ съ потолкомъ и насланнымъ поломъ, (чтобъ попавшій звѣрь не могъ подгрести землю); домикъ этотъ продолговатый и какъ длиною, такъ и шириною соответствуетъ величинѣ звѣря, чтобъ могъ онъ по длинѣ помѣститься совершенно свободно, а по ширинѣ, чтобъ не могъ обернуться назадъ. Одна узкая сторона ширины не забрана плотно, а закрыта ставнемъ, поднимающимся и опускающимся надъ стѣной и съ дыркой наверху; на одной изъ боковыхъ стѣнъ, по длинѣ, вырублено узкое окошко для освѣщенія звѣрю добычи и для предварительнаго осмотра потомъ звѣролову. Внутри по ширинѣ отъ одной боковой стѣны къ другой вставляется перекладина на разстояніи отъ стороны со ставешкомъ въ руку человѣка, а надъ этой перекладиной на потолкѣ прорубается окошко. На поларшина примѣрно отступя отъ узкой стороны, гдѣ ставешокъ, вколачиваются 2 кола, поднимающіеся надъ домикомъ на столько, какъ высокъ домикъ; колья оканчиваются виллообразно, а въ вилки кладется *грядка* ⁽²⁾; за тѣмъ берется мотырь длиною въ руку человѣка, привязывается однимъ концомъ съ зарубкой къ дыркѣ на верхушкѣ ставня и перегибается черезъ грядку такъ, чтобъ ставешокъ поднялъ и оставилъ свободное отверстіе; за тѣмъ къ мотырю привязывается сторожокъ съ помощью своей залубки, пропускается онъ внутрь домика черезъ вырубленное на потолкѣ небольшое отверстіе и крючкомъ своимъ задѣваетъ отъ стороны со ставешкомъ перекладину; да съ этой же стороны къ нему привязывается и нажива.

Дѣйствіе орудія состоитъ въ томъ, что когда заползшій въ кулему звѣрь потянетъ наживу, крючкообразный сторожекъ снимается съ перекладины, дѣлаясь свободнымъ взлетаетъ кверху, мотырь перестаетъ поддерживать на воздухѣ ставешокъ и онъ закрываетъ открытую сторону.

⁽¹⁾ Неводъ (сѣдка).

⁽²⁾ Т. е. перекладина, дѣлающаяся для перевѣса черезъ нее, какъ напр. здѣсь мотыря.

Отличіе этой кулемы состоитъ въ томъ, что лисицу звѣроловъ беретъ живую, а это важно въ томъ случаѣ, когда по обстоятельствамъ онъ долженъ, поставивъ ловушки, удалиться отъ нихъ на значительное разстояніе и не возвращаться долгое время, а между тѣмъ попавшій лѣтомъ звѣръ могъ сгнить и шкура его испортиться.

8-й родъ ловли — *пестомъ*.

Это орудіе употребляется исключительно зимой и только надъ норою лисицы, когда звѣролову случится ее замѣтить. Какъ опредѣленный же, а не случайный ловъ употребляется въ первый періодъ, т. е. отъ Покрова до Михайлова дня, когда выезжаютъ на лошадяхъ и съ собаками „гонять лисицъ“. Впрочемъ, время, означенное мною, не ограничивается непременно числами и потому можетъ начинаться позже Покрова и заходить далѣе Михайлова дня до заговѣнья; опредѣленнымъ же указаніемъ служить мерзлось земли, ибо ловушка не можетъ быть годна до тѣхъ поръ, пока земля талая и лисица можетъ выгребсти и уйти мимо ея. Отъискиваютъ же нору такъ, что собака замѣчаетъ слѣдъ лисицы, гонится за ней, загоняетъ въ нору и садится у нея; звѣроловъ, преслѣдуя собаку и видя ее сидящую особенно около косогоровъ, гдѣ и бываютъ обыкновенно лисьи норы, объѣзжаетъ кругомъ этого мѣста и если слѣда не видно болѣе, понимаетъ въ чемъ дѣло и спѣшитъ вынимать изъ-за кушака неразлучный топоръ свой. Привычная рука скоро кончаетъ дѣло: верхняя одежда снимается и ею затыкается отверстіе, а мерзнуть нѣкогда; немедленно начинается вырубка досокъ, слеги и проч. и привычной рукѣ не нужно болѣе 2-хъ часовъ на изготовку ловушки (¹).

(¹) Самое устройство песта состоитъ въ слѣдующемъ:

Берутся 3 доски длиною каждая примѣрно въ 2 аршина, шириною 2 въ четверть, а третья верхками двумя пошире, толщиною всѣ въ вершокъ. Всѣ онѣ вставляются въ нору на поларшина такъ, что двѣ равныхъ составляютъ бока, третья пошире верхъ, а поломъ служить мерзлая земля. На самой срединѣ верхней доски прорублено сквозное отверстіе отъ одной боковой доски до другой, шириною въ 2 вершка. Отъ этой прорубки, отступя кнаружи на 6 вершковъ, дѣлается на каждой изъ боковыхъ досокъ по отверстію, но такъ, что на одной должно быть отверстіе небольшое и только на палецъ отъ земли, а на другой продолговатое и гораздо болѣе, а именно, начинаясь отъ земли на палецъ, идетъ за средину ширины. Кромѣ того, при ловушкѣ состоятъ слѣдующія настораживающія части: а) слега съ пестомъ, подставкой и четырьмя колами, б) сторожильный колъ, в) мотырь, д и е) 2 сторожка.

а) *Слега* есть бревно въ четверть толщины, сажени 3 длины; лежитъ на подставкѣ, имѣющей высоту боковыхъ стѣнъ, чтобы слега ложилась на подставку и ловушку равно; ложится съ той стороны, на которой въ боковой доскѣ побольше

Дѣйствіе орудія то, что отверстіе выходное слегка забрасывается вѣтками деревьевъ, чтобъ свѣтъ проходилъ только слегка и не освѣчивалъ ясно поперечнаго сторожка, котораго присутствіе могло показаться подозрительнымъ звѣрю, воплощающему идею хитрости. Когда лисица выползаетъ изъ норы, то такъ какъ она несетъ переднія лапы впереди и не видя поперечнаго сторожка упираетъ въ него сверху лапой, сторожокъ, державшійся въ своемъ положеніи воткнутымъ клиномъ перваго сторожка спускается книзу, а освободившійся клинообразный сторожокъ вмѣстѣ съ мотыремъ отъ тяжести слегі летятъ кверху, слегі съ пестомъ падаетъ и бѣжитъ имъ прямо въ подлуну ⁽¹⁾ лисицы, потому что разстояніе отъ песта до поперечнаго сторожка, какъ разъ равняется шестивершковому разстоянію отъ конца переднихъ лапъ лисицы до выи ея.

9-й родъ ловли — *ямой*.

сдѣлано отверстіе; на концѣ ея, обращенномъ къ ловушкѣ (только не на самомъ концѣ, потому что конецъ долженъ значительно выдаваться за ловушку) сдѣлана вырубка продольная и вбитъ пестъ, т. е., деревянная пластина толщиною около двухъ вершковъ, словомъ чтобъ во все стороны пестъ соответствовалъ поперечновырубленному (какъ выше сказано) отверстію въ верхней доскѣ и свободно двигался бы въ ономъ, а длина должна быть нѣсколько болѣе высоты боковыхъ стѣнъ, чтобъ, спустясь отъ слегі въ это отверстіе, могъ достигать земли. Слегі приподнимается при настораживаніи на столько, чтобъ пестъ сравнялся съ нижней стороной верхней доски, а чтобъ слегі давала правильное направленіе песту — вколачиваются по ту и по другую сторону ловушки въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея по 2 кола, обнимающіе слегу; но такъ, чтобъ оставалась свобода движенія.

б) *Сторожильный колъ* ставится вблизи слегі въ сторону къ продолговатому отверстію на боковой стѣнѣ, такой высоты, чтобъ мотырь могъ поднять слегу съ вбитымъ въ нее пестомъ до уровня послѣдняго съ верхней доской.

с) *Мотырь* дѣлается въ вершокъ въ поперечникъ съ небольшимъ углубленіемъ на одномъ концѣ для прочнаго помѣщенія слегі и съ зарубкой на другомъ для привязки клинообразнаго сторожка. Мотырь, какъ обыкновенно, употребляется для поддержанія на воздухѣ слегі и перевѣшивается черезъ сторожильный колъ.

д и е) 2 *сторожка*. Привязанный къ мотырю сторожекъ обстрагивается на свободномъ концѣ въ колъ, а другой сторожокъ, въ обухъ столоваго ножа толщиною, продѣвается черезъ обѣ боковыя стѣны ловушки, имѣя на сторонѣ, противной слегѣ, сукообразную зарубку, которая и держитъ его въ извѣстномъ мѣстѣ, а на другомъ концѣ, по выходѣ его по сю сторону къ слегѣ, кругловатое отверстіе, въ которое и входитъ коловидный конецъ перваго сторожка, но не туго, а такъ, чтобъ при легкомъ давленіи внизъ поперечнаго сторожка свнутри кулемы колъ могъ освободиться.

(1) Словомъ «ленъ» сибиряки называютъ выю; говоря же точнѣе, это то мѣсто, гдѣ лежитъ продолговатый мозгъ, отъ сотрясенія котораго такъ быстра бываетъ смерть.

Онъ употребляется во всякомъ мѣстѣ, гдѣ замѣчено мѣстонахождение лисицы, болѣе лѣтомъ и отчасти осенью. Стоять ямы по многу лѣтъ, и не годятся, конечно, подъ глубокимъ снѣгомъ.

Устраиваются слѣдующимъ образомъ. Выкапывается въ землѣ квадратная яма на 4 аршина глубиною и по сажени каждая сторона; чтобъ въ яму не осыпалась земля, вставляется въ родѣ сруба частоколь, только каждая жердь очищена отъ коры и ни одна не вкапывается въ землю, а всѣ удерживаются внизу приложенными кругомъ стѣнъ бревнами; вверху ямы сдѣланы вокругъ стѣнъ деревянныя полки, шириною вершковъ на 8; въ срединѣ ямы вкапывается аршина въ $1\frac{1}{2}$ длиною столбъ, стесанный клиномъ съ двухъ сторонъ; на столбъ кладется въ равновѣсіе съ дыркою на одномъ концѣ и въ $1\frac{1}{2}$ аршина длиною доска; на центръ этой доски поставится другой столбъ, который бы возвышался надъ уровнемъ земли на $\frac{3}{4}$ аршина, и въ своемъ положеніи держится онъ четырьмя палочками (въ палецъ толщиною), укрѣпленными въ стѣнахъ; за тѣмъ берется шнурокъ, который привязывается къ одному концу доски, проводится черезъ верхній конецъ верхняго столба и, въ свою очередь, привязываются къ наживѣ; но нажива не виситъ на немъ, иначе она уничтожила бы все равновѣсіе снаряда, а лежитъ на поперечникѣ между двумя укрѣпленными въ стѣны подпорками; сверху на подпорки набрасываются вѣтви деревьевъ, такъ что лисица можетъ ступить на нихъ.

Дѣйствіе орудія то, что звѣрь, приманенный запахомъ наживы ⁽¹⁾, подбѣгаетъ къ ямѣ, ступаетъ на вѣтки, набросанныя на подпорки, и схватываетъ наживу, а вмѣстѣ съ нею тянетъ шнурокъ, отъ чего поднимается одинъ конецъ доски, теряется равновѣсіе ея на верхушкѣ нижняго кола и весь снарядъ вмѣстѣ съ лисою летитъ въ яму. Попадъ въ нее лиса мечется туда и сюда, бросается по стѣнѣ къверху, да неловко, лапы скользятъ, догадливый крестьянинъ ободралъ всю болѣе мягкую кору, наконецъ послѣ долгихъ трудовъ взбирается, но ударившись головою въ полку и не имѣя далѣе хода, соскакиваетъ внизъ и начинаетъ подгребаться, но увы и толсто и глубоко—по неволѣ нужно ждать прихода звѣролова!

Не лишнимъ считаю упомянуть, что лисица Енисейскаго округа ростомъ болѣе любимой въ Европѣ и цвѣтъ ея шерсти, какъ и вообще въ Сибири, желтѣе. Замѣчательно, что желтый цвѣтъ, по мѣрѣ приближенія къ востоку, густѣетъ, такъ что дѣлается уже густооранжевымъ. Высшимъ сортомъ здѣсь считается лисица съ шерстью бурожелтою,

---

⁽¹⁾ Изъ мяса или падали.

(по здѣшнему „сиводушкѣ“), чернобурыя же попадаютъ въ рѣдкость и должны быть считаемы за выродковъ, подобно чернымъ зайцамъ и бѣлымъ соболямъ. Чернобурыхъ въ нашемъ округѣ ловится значительно болѣе, чѣмъ въ Западной Сибири, но менѣе, чѣмъ въ Якутской области, гдѣ примѣрно изъ 22,000 лисицъ на Якутской ярмаркѣ можно выбрать до 200 чернобурыхъ. Достоинство ея опредѣляется и временемъ ловли, потому что убитая въ мартѣ бываетъ обильная и голая, а зимняя несравненно пушистѣе лѣтней. Уменьшеніе ловли лисицъ въ Енисейскомъ округѣ въ послѣднее время не такъ рѣзко, какъ уменьшеніе другихъ звѣрей (наприм. бѣлки и соболя), а 15 лѣтъ тому назадъ Енисейскій округъ давалъ до 5,000 лисицъ въ годъ. Замѣчаютъ звѣроловы, что лисицы питаются зайцами по преимуществу и потому количествомъ зайцевъ опредѣляютъ предстоящій успѣхъ лова лисицы и будто при уменьшеніи наличности зайцевъ уменьшается и ловъ лисицъ. Щенится лисица только разъ въ годъ и разрѣшается щенками отъ 4 до 6. Къ ловамъ, псчисленнымъ мною, надобно еще прибавить, что ставятъ на лисицу и самострѣль съ лукомъ, когда замѣтятъ тропку; но вся ловушка должна быть засыпана снѣгомъ, описана она въ главѣ о медвѣдѣ.

Принадлежность лисицъ къ собачьей породѣ доказываетъ издаваемый ими звукъ голоса, похожій на собачій лай и бывающее съ лисицами бѣшенство, при укусѣ, въ каковомъ состояніи ея челоуѣка бываетъ у него водобоязнь. Не даромъ хитрость лисицы вошла уже въ народную поговорку: сколько въ самомъ дѣлѣ проявляетъ хитрости и сметливости это животное! Напр. если захочетъ полакомится раками погружаетъ въ воду хвостъ свой, глупые обладатели клещей цѣпляются за него, тогда лисица вынимаетъ хвостъ и отряхаетъ его; если нужно избавиться отъ блохъ, лисица беретъ пукъ соломы въ ротъ и исподволь медленно погружается въ воду, тогда блохи поднимаются выше и выше и наконецъ помѣщаются въ солому, а лисица, пользуясь тѣмъ, выпускаетъ солому и скорѣе выскакиваетъ изъ воды. Въ рукахъ купцовъ каждая шкурка лисицы раздѣляется на 8 частей: 1) зашеекъ или завой, 2) и 3) переднюю и заднюю части хребта, 4) голову, 5) грудь, 6) брюшину, 7) лапы и 8) хвостъ. Частей примѣрно 125 одного сорта составляетъ мѣхъ. Мѣхъ высшаго сорта считается — завойчатый. Средняго — оба хребтовые и черевій. Низшаго — дусчатый (т. е. грудной), лапчатый, хвостовой и проч.

Волкъ (Canis lupus. Linn.).

Ловъ волка. Слѣдъ волка совершенно собачій, только побольше. Я знаю слѣдующіе способы ловли волка.

1-й ловъ *столбами*, употребляемый и лѣтомъ, и зимою, состоитъ въ слѣдующемъ: когда появятся вблизи деревень волки стаями, мужики ставятъ кругомъ деревни столбы, оканчивающіеся на подобіе тройчатыхъ вилъ, средній колъ значительно выше боковыхъ; бываетъ гладко округленъ и на верхушкѣ его на кружкѣ привязанъ поросенокъ; боковой колъ на такой высотѣ, чтобъ обыкновенный волкъ съ прискокомъ могъ перебросить черезъ нихъ переднія лапы; мѣста соединенія вилъ должны быть на такой высотѣ, чтобъ волкъ, увязнувъ тутъ передними лапами, не доставалъ ногами до полу.

Ловля состоитъ въ томъ, что волкъ, услышавъ пскливое рюханье поросенка, подбѣгаетъ къ столбу, подпрыгиваетъ, чтобъ схватиться за среднюю ножку, но скатывается лапами по ея гладкой округлости, вязнетъ ими въ мѣстахъ соединенія ножекъ вилъ и виситъ въ такомъ положеніи до утра. Сколько смѣху у крестьянъ, когда съ вечера они привязываютъ поросятъ и эти неугомонные плаксы нарушаютъ вечернюю тишь своими рѣзкими дикими голосами; къ свѣжей же утренней прохладѣ съ ея величественнымъ затишьемъ, когда пощелкиваютъ изрѣдка сучья, да почикиваютъ въ просонкахъ птички, крикъ этотъ еще непріятнѣе для уха, но хохочетъ довольный крестьянинъ, приговаривая „по дѣломъ вору и мука“. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть отвратительнѣе рюханья дрожащихъ отъ страха поросятъ, смѣшаннаго съ разнообразнымъ завываніемъ увязнувшихъ волковъ?!

2-я ловля, *загородкой съ воротцами*, состоитъ въ слѣдующемъ. Строится загородка или круглая или квадратная съ каждою стороною въ сажень, вышиною тоже въ сажень, изъ толстыхъ жердей съ заостренными верхушками, причемъ обыкновенно остаются небольшіе промежутки. Черезъ небольшое отверстіе, послѣ крѣпкозаколоченное, садятъ въ загородку поросятъ. Вокругъ этой загородки дѣлается другая въ разстояніи отъ первой менѣе аршина, чтобъ волкъ не могъ повернуться обратно; она имѣетъ дверку, открывающуюся внутрь, шириною соотвѣтственно разстоянію между загородками. Эта дверка имѣетъ столбъ немного наклонный внутрь такъ, чтобъ дверка сама открывалась; а сзади ставится колъ, который бы не позволялъ дверкѣ запрокидываться

далѣе, а чтобъ она только перегораживала проулокъ. Рюхающіе поросята составляютъ славную приманку волкамъ; они нерѣдко сбѣгаются цѣлыми стаями. Ахъ, какъ потѣшается молодежь изъ крестьянъ этимъ ловомъ: входитъ волкъ въ открытую дверку и отыскивая мѣста попасть къ поросатамъ обходитъ кругломъ и возвращается къ дверкѣ, толкаетъ ее, она запирается, звѣрь проходитъ, а дверка по вышесказанному устройству открывается снова; входитъ другой, третій и т. д. и всѣ одинъ за другимъ кружатъ, не находя ни выхода, ни возможности попасть къ поросатамъ. Эта круговая прогулка дѣлается наконецъ изнурительною, хочется къ поросатамъ—нельзя, око видитъ да зубъ нейма, хочется выйти—нѣтъ выхода, хочется повернуться въ противную сторону, чтобъ хоть раскружить вскружившуюся голову — узкость мѣста не позволяетъ; и вотъ съ горя начинается концертъ хуже поросычьяго, тяжело для уха, сливается медленное, заунывное затягиваніе волковъ басами, альтами и дискантами съ отрывистымъ и рѣзкимъ рюханіемъ поросятъ! Подъ этотъ-то концертъ приходятъ крестьяне и расквитуваются съ своими непріятелями кто чѣмъ можетъ: рогатинами, вилами, палками и проч.

3-я ловля *верховыми ямами*. Ставятся 4 столба и дѣлается заплѣтъ ⁽¹⁾, къ которому прикладывается косвенно съ 2-хъ сторонъ по доскѣ, по которымъ волкъ могъ бы взбѣгать, а посрединѣ столбъ съ поросенкомъ, выше забора. Волкъ взбѣгаетъ и бросается къ столбу въ надеждѣ добычи, но скользить по нему и падаетъ въ загородъ. Ловъ этотъ менѣе употребителенъ, чѣмъ слѣдующій.

4-я ловля *подземными или земляными ямами* чаще употребляется, ибо можетъ стоять и лѣто, и зиму. Вырываютъ яму въ сажень, а глубины аршина на 4, сверху по краямъ стѣнъ кладутся 3 бревна, чтобъ звѣрь не могъ выскочить, а хорошо изгнаться онъ не можетъ. По срединѣ столбъ съ поросенкомъ; а противъ столба съ двухъ сторонъ по колу; въ нихъ провернуты дыры, равно какъ и въ столбу; сквозь нихъ пропускается стержень; въ самомъ стержнѣ также по дырѣ провернуто съ каждой стороны; въ эти дыры вставляются (въ перпендикулярномъ къ стержню направленіи) двѣ хорошо округленныя палки, устанавливаемые въ должномъ равновѣсіи; потомъ все переплетается соломой и называется щитомъ ⁽²⁾. Дѣйствіе инструмента то, что волкъ, не видя пустоты, вскакиваетъ на который нибудь конецъ щита, т. е. палокъ, поставленныхъ на перевѣсѣ и проваливается въ безисходную яму. Щитъ

⁽¹⁾ Т. е. заборъ.

⁽²⁾ Слово это объяснено въ текстѣ.

каждый разъ приходитъ въ равновѣсіе и яма такимъ образомъ наполняется цѣлой стаей, а поросенокъ все остается безплоднымъ соблазномъ на площадкѣ, придѣланной на вершинѣ столба.

5. Кромѣ того, зимою волкъ ловится *капканами*. Они ставятся на общихъ основаніяхъ ловли капканами, только около падали. Волкъ попадаетъ въ капканъ всегда одной ногой; но эту ногу, подобно лисицѣ и зайцу, онъ никогда не оторветъ, а уноситъ собою капканъ въ лѣсъ, куда за нимъ гонятся звѣроловы и достигаютъ цѣли, потому что онъ тамъ цѣпляется за деревья. Волки ходятъ около святокъ, во время течи между ними, на приправу цѣлой стаей и тогда случается звѣроловамъ получать только лапу въ капканѣ, а сверху клочья шерсти, кости, да окровавленный слѣдъ, это отъ того, что попавшаго въ капканъ съѣдаютъ на мѣстѣ.

Примѣчаніе. Сдѣлаю нѣсколько замѣчаній изъ рассказовъ крестьянъ.

1-е. Будто волкъ боится порохового запаха, такъ что люди въ этомъ, безъ всякой другой защиты, находили себѣ спасеніе.

2-е. Волкъ не нападаетъ на человѣка, если передъ его глазами вертится что нибудь. Такъ рассказывалъ крестьянинъ: ѣду я, на кобыленкѣ въ дровняхъ, время было зимнее; волковъ штукъ до 5-ти погнались за мной: чую бѣгутъ, да воютъ подлѣ, а больше ничего; глянулъ, вижу веревка однимъ концомъ отвязалась, да змѣей и изгибается передъ ними; я отпустилъ ее побольше и волки побѣжали дальше. Благодаря Бога, невредимымъ пріѣхалъ въ деревню, поразсказалъ своимъ и съ тѣхъ поръ всегда, какъ догонять станутъ волки, бросаю къ нимъ веревку съ сѣномъ или соломой у конца на привязи, они и вертятся около нея. Такъ и вы, в. почт., заключилъ крестьянинъ, знайте! это про случай: не ровень часъ бываетъ ⁽¹⁾.

3-е. Будто слюна волковъ разъярившихся бываетъ ядовита.

6. Бросаютъ на волка и *помѣты*, какъ на лисицу.

7. Посланные же отъ правительства на пробу *уды съ цѣпочками* для волковъ, медвѣдей и лисицъ оказались не совершенно годными, потому что звѣрь слышитъ желѣзный запахъ, а если у енисейскихъ звѣролововъ и употребляется также изъ желѣза капканъ, но въ него звѣрь попадаетъ лапой, тогда какъ здѣсь долженъ утыкаться самымъ носомъ, чтобъ взять поживу.

---

(1) Это, я думаю, можно объяснить патуральнѣе: клочокъ соломы считаетъ волкъ за поживу, гонится за нимъ и, ошибившись въ расчетѣ, отстаётъ; вообще же отъ волковъ личныхъ обидъ люди получаютъ мало.

Къ этому необходимо прибавить, что есть волки съ шерстью „бѣлою“, что водятся они только въ Березовскомъ округѣ Тобольской губерніи и на сѣверѣ Енисейскаго округа въ Туруханскомъ краѣ, что цѣнятся они гораздо дороже обыкновенныхъ и даже на мѣстѣ стоитъ шкура отъ 4½ до 6 рублей.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Медвѣдь (*Ursus arctos*. Linn.).

Ловля медвѣдя. Хотя слѣдъ свой медвѣдь оставляетъ только около берлоги на первой порошѣ, иногда бывающей до Покрова, а съ этого времени уже ложится; но шатуны ⁽¹⁾ ходятъ и съ Покрова (съ 1-го октября) до Дмитріева (26-го октября) дня, оставляя свой слѣдъ въ родѣ человѣческой ноги, только съ большимъ выгибомъ у пальцевъ и остроконачіемъ когтей для заднихъ ногъ, а на мѣстѣ переднихъ — человѣческой руки съ тѣмъ же отличіемъ пальцевъ. Съ Дмитріева же дня ложатся и шатуны. Тогда звѣроловъ узнаетъ присутствіе медвѣдя по деревьямъ. Такъ, если звѣроловъ видитъ на деревѣ куржакъ ⁽²⁾, т. е. не сверху вѣтвей дерева, а снизу оныхъ отъ того тепла животнаго, которымъ вѣетъ отъ медвѣдя, лежащаго въ берлогѣ, то тутъ, какъ бы ни былъ сглаженъ снѣгъ, берлога должна быть. Замѣтивъ такой куржакъ, звѣроловъ ⁽³⁾ нарубаютъ вершинъ деревьевъ, длиною въ сажень, примѣрно до 15, запасается рогатиной, или обычный прибредренный ножъ насаживаетъ на дерево и вблизи берлоги ставитъ лыжи на случай. Подготовясь такъ, подходитъ къ дереву съ куржакомъ и смотритъ, надъ которымъ мѣстомъ толще куржакъ, ибо это свидѣтельствуетъ о большемъ вѣяніи тепла снизу и бываетъ обыкновенно противъ отверстія берлоги. Опредѣливъ по куржаку отверстіе, звѣроловъ начинаетъ разрывать снѣгъ и прислушивается къ царпанью въ берлогѣ. Иногда

(1) Т. е. неприготовившіе себѣ берлоги. Сибиряки, убивая шатуновъ, находятъ подъ кожею червей и считаютъ положительнымъ, что черви беспокоятъ ихъ, не дають спать и иные шатуны бродятъ всю зиму.

(2) По російски иней и проч.

(3) Обыкновенно ходятъ не менѣе двухъ человѣкъ.

звѣроловъ прежде всего завидитъ траву, которою затыкаетъ медвѣдь отверстіе берлоги съ осени, а иногда, заслышавъ близкое царапанье звѣря, тычетъ поскорѣе въ это мѣсто срубленное дерево комлемъ ⁽¹⁾ со стесанными на поларшина сучьями; звѣрь схватываетъ показавшуюся верхушку и втаскиваетъ къ себѣ; за тѣмъ звѣроловъ спѣшитъ воткнуть второе дерево, третье и т. д.; звѣрь, озлобясь, все втаскиваетъ къ себѣ, ворочаетъ на разные лады и рычитъ, а вытолкнуть съ тоже отверстіе все-таки не можетъ, потому что вѣтви задѣваютъ и не пускаютъ. При этомъ, если звѣроловъ примѣтилъ еще на какой нибудь вѣткѣ дерева куржакъ кучею, то заключаетъ о другомъ, хотя меньшемъ отверстіи изъ берлоги и внимательно прислушивается къ движеніямъ таптыгина. И въ самомъ дѣлѣ случается, что звѣрь, сжатый въ одну сторону, перестаетъ втаскивать деревья, ворочать ихъ и кричать, а потихоньку начинаетъ скрестись въ другую сторону и именно въ ту, гдѣ замѣтна на деревѣ другая меньшая куча куржаку. Тогда звѣроловъ спѣшитъ разгребать снѣгъ и затѣять ту же битву посредствомъ древесныхъ верхушекъ. Машка, заткнутый и съ этой стороны, начинаетъ ревѣть громче, а торжествующій звѣроловъ, опредѣляя по реву мѣсто его сидѣнья, разгребаетъ снѣгъ, прорубаетъ мерзлую землю и сверху прокалываетъ его рогатиной. Но не всегда приходится вступать въ битву съ 2-хъ сторонъ: два отверстія оставляетъ только хитрый звѣрь, или второе образуется случайно при неосторожномъ его же рытьи съ осени и ужъ обыкновенно бываетъ тогда заткнуто травой.

Но если бы по какой бы то ни было случайной неосторожности медвѣдь допущенъ выйти изъ берлоги, звѣроловъ спѣшитъ къ своимъ лыжамъ и скользя оны унесутъ его далеко, далеко, прежде нежели тяжелый житель берлоги сдѣлаетъ два или три скачка, угружая каждый разъ въ рыхломъ снѣгу. Иные же въ это время стрѣляютъ въ упоръ и бѣгутъ только при промахѣ.

Иногда же медвѣдь оставляетъ одно только и то небольшое отверстіе, спитъ крѣпко и достается въ руки очень легко.

А знаете ли вы объ устройствѣ берлоги: медвѣдь выбираетъ мѣсто въ косогорѣ около дерева и роется въ косогорѣ; образовавъ отверстіе, чрезъ которое бы только пролѣзть, онъ роется далѣе и выбрасываетъ все, не увеличивая и отверстія; величина берлоги большею частію какъ бы для двухъ медвѣдей и раздѣляется на двѣ части: одну возвышенную на подобіе дивана изъ натасканной травы; а другую низ-

---

(1) Комель — конецъ къ корню.

кую; на диванѣ онъ изволить почивать, а на другую сходить по надобности; изволите видѣть, какая чистоплотность.

Другихъ зимнихъ улововъ медвѣдя я не знаю. За то лѣтніе очень разнообразны. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Случалось ли вамъ видѣть какъ плаваетъ почтенный мишка? а я видалъ, онъ мастеръ этого дѣла, плаваетъ и *по саженному* взмахивая лапами, какъ руками и ногами человѣкъ, плаваетъ и *столбомъ*, т. е. стоя, управляя задними лапами, а переднія съ колѣннаго сгиба приподнявъ отъ воды; только не выдывали, чтобъ высѣкалъ огонь, закуривалъ трубку и стрѣлялъ изъ ружья, какъ это дѣлаетъ человѣкъ, мастеръ плаванія. Только это искусство не всегда идетъ ему въ прокъ. Такъ однажды погнался онъ за лодкой, въ которой плыли женщины съ ягодами. Положеніе безусловно беззащитное. Мишка былъ уже недалеко, какъ одна женщина по какой-то странной догадкѣ сняла съ себя холщевую юбку, обмочила въ водѣ и приподнявъ одинъ край ожидала въ такомъ положеніи, чтобъ надѣть ему на голову. Она успѣла выполнить свое намѣреніе, не давъ ухватиться медвѣдю за лодку. Надѣтая мокрая юбка его облепила, снять не было возможности: и лодка спасена, и медвѣдь утонувъ, а на другой день найденъ прибитымъ къ острову и въ юбкѣ. Еще интересенъ случай спасенія при встрѣчѣ съ медвѣдемъ одного старика, который случайно держалъ въ рукѣ табакерку и пустилъ медвѣдю въ глаза весь табакъ.

Всякія нечаянности дѣйствуютъ на медвѣдя весьма поразительно: онъ теряется. Приведу для примѣра одинъ изъ рассказовъ мужика, пришедшаго изъ Россіи и только слышавшаго о медвѣдяхъ. Пріѣхали мы съ хозяиномъ въ лѣсъ по дрова; ну и поразошлись съ нимъ. Я и вижу на деревѣ высоко сидитъ черный мохнатый звѣрь. Я къ хозяину: звѣрь говорю на деревѣ, бери топоръ, а самъ стягъ схватилъ (былъ на готовѣ). Руби, говорю, хозяинъ дерево, а я хвачу звѣря, когда онъ повалится.—Что ты вѣдь это медвѣдь, говоритъ хозяинъ.—Ахъ медвѣдь! ну такъ скорѣй руби, а самъ къ дереву. Ну извѣстно и хозяинъ поневолѣ за мной. Самъ ни живъ, ни мертвъ, а дерево рубить. Какъ оно повалилось, звѣрь соскочилъ, а я и хвать его стягомъ-то. Ударъ далъ правда, да видно плохо: онъ и пошелъ себѣ, а я за нимъ. Нѣтъ! говорю не попускаю: ты уже будешь мой. Шелъ сколько-то, шелъ за нимъ и вижу, что онъ бодрѣе стаетъ, видно опомнился. Дѣло, думаю, неладно: я и вскочилъ на него верхомъ, да и схватился за переднія лапы, а самъ давай кричать хозяина. Вижу бѣжить съ топоромъ. Не надо топоръ, не надо, давай веревку. Побѣжалъ хозяинъ назадъ по веревку, какъ угорѣлый. (Такъ послѣ и говоритъ самъ, что бѣгалъ какъ

одичалый и ничего не понималъ). Притащилъ хозяйинъ веревку, накинулъ арканъ на шею, привязалъ мишку къ дереву; вотъ я и сошелъ. Подергалъ мишку за веревку слушается; подернулъ я еще; куда дерну, туда и идетъ. Отвязалъ мишку и повелъ его на веревкѣ: больно хотѣлось живаго привести къ управляющему; сколько-то шли все ладно слушается, ни гу-гу. Только чую подернулъ веревку слегка; я подмѣтилъ это, да подобрался покрѣпче. Да и ладно что подобрался: какъ онъ рванулъ веревку, что я чуть не упалъ. Видно, мишка, у тебя недоброе на умѣ, говорю я, да и привязалъ къ дереву съизнова. Привязалъ, да и стою смотрю, и онъ смѣрно стоитъ на всѣхъ лапахъ. Видно, что у тебя, мишка, недоброе на умѣ; видно помѣяться намъ приходится: либо ты, либо я и вынулъ топоръ изъ за кушака. А мишка тѣмъ временемъ всталъ на заднія лапы, подошелъ немного, да какъ вдругъ бросится: оплошай я чуточку, и не жить бы на бѣломъ свѣтѣ. А я, Богъ помогъ, изловчился, да такъ угодилъ по головѣ, что она и раскололась.

Много такихъ случаевъ, гдѣ человѣкъ однимъ взглядомъ, да сильнымъ духомъ ставитъ медвѣдя въ тупикъ. Я не увѣряю въ дѣйствительности вышеприведеннаго, но считаю характеристичнымъ

Сюда же должны подойти и тѣ случаи, когда люди, при встрѣчахъ съ медвѣдемъ, спасались единственно тѣмъ, что смотрѣли ему прямо въ глаза, не трогаясь съ мѣста.

2. Второй замѣчательный родъ побѣды надъ медвѣдемъ, или по крайней мѣрѣ спасенія своей жизни состоитъ въ полной, даже какъ бы безчувственной, *покорности*: оплошно встрѣтившійся съ нимъ человѣкъ падаетъ ничкомъ и когда медвѣдь уже бросится къ нему, то притапкаетъ дыханіе; мишка понюхаетъ, поворочаетъ съ боку на бокъ, какъ чурбанъ какой и уйдетъ. Тутъ дѣло въ томъ, чтобъ долѣе не трогаться, а то онъ, отойдя на нѣкоторое пространство, поджидаетъ движенія и замѣтивъ его снова подбѣгаетъ, очевидно притворяются снова, онъ беретъ притворщика за воротъ, по нѣскольку разъ приподнимаетъ и опускаетъ и если при этомъ искусно сохранится безчувственность, медвѣдь уходитъ совершенно и человѣкъ спасенъ.

3. Охота съ *ружьемъ* или винтовкой, *скрадивалъ*, но не вступая въ борьбу. Вотъ разсказъ крестьянина, заключающій по этому предмету много въ себѣ характеристичнаго и о жизни медвѣдя.

Промышлялъ (началъ крестьянинъ) я разъ на Кегн осенью рыбу; дѣло кончилъ; домой рано; сошелъ на берегъ пострѣлять рябковъ; пока не нашелъ ничего, слышу какъ будто звукъ какой-то необыкновенной музыки; подумалъ сперва не лѣсной ли шумитъ; ну да лѣсныхъ-то въ Си-

бири мы не шибко ⁽¹⁾ побаиваемся ⁽²⁾ и сталъ я подниматься по косо-
гору, да прислушиваться; оченно, в. почт., захотѣлось узнать, чтò де та-
кое. Вдругъ вижу стоитъ высокій пенъ отъ разбитаго грозой дерева; са-
мое дерево лежитъ въ сторону и имѣетъ другой пенъ поменьше, на ко-
торомъ и сидитъ кто-то. Смотрю зорче, и вижу медвѣдь сидитъ верхомъ,
задними лапами уперся въ большой пенъ, а передними беретъ торча-
щiе вверхъ осколки, натягиваетъ къ себѣ и отпускаетъ, дерево играетъ
тррль, тррыль, тррль, а мишка отворачиваетъ ухо, да и прислуши-
вается. Экъ нелегкая-то тебя угораздила, говорю про себя, да и вижу,
что онъ ужъ поводитъ мордой во всѣ стороны, вишь вѣтеръ-то былъ
отъ меня, ну и принеся ему человѣческій духъ, дѣло неладно: всталъ
за большое дерево. Мы вѣдь кружаемъ съ нимъ вокругъ толстыхъ-то
деревьевъ; знай не робей, не поймаешь. Со мной же ружье, да топоръ.
Не подумайте, в. почт., чтобъ можно было лапы ему рубить, когда
онъ дерево обхватываетъ, Богъ васъ избави: сынъ мой (царство ему
небесное!) сдѣлалъ было такъ (молодъ вишь, поторопился), лапу-то
поранилъ, а топоръ завязилъ; да пока вырывалъ топоръ, проклятый
мишка догналъ, свалилъ да и капутъ дѣлу: тутъ и душу Богу отдалъ.
Говаривалъ бывало ему: смотри, бей лапы обухомъ, важнецкое дѣло.
Ну, да прошлое, что и поминать тяжко какъ-то. Вотъ я и стою, не
знаю ждать, не знаю выстрѣлить. Вотъ и подождаль, когда онъ заиграетъ:
какъ онъ лѣвой-то лапой уперся, а правой натянулъ, да ухо подста-
вилъ, я бацъ въ него, угодилъ подъ мышку и въ сердце, мишку на
поваль. Подойти однако не смѣлъ, время позднее. Пришелъ домой.
Баютъ, что поздно? Музыки-де заслушался, мишинька потѣшалъ, ну да
и поразсказалъ все, какъ было. А завтра и медвѣдя взял. А бываетъ,
в. почт., что и случаемъ безъ всякой храбрости звѣрь достается. Разъ
передъ осенью, я пошелъ на звѣря; вижу у самой рѣки подъ утесомъ
стоитъ сохатый; я и хотѣлъ было стрѣлить, глядь на скалъ медвѣдь;
вотъ, думаю, бѣда и отъ того и отъ другаго живъ не уйдешь; вижу
мишка наровитъ тоже на сохатаго; подожду, молъ, чтò будетъ, поло-
жусь на Божью волю. Вотъ мишка и хочетъ большущій камень столк-
нуть на сохатаго; да боится и самъ улетѣть; вотъ крючится онъ ла-
пой за дерево и толкаетъ камень, но надо ближе; нечего дѣлать, от-
крючилъ лапу и ни за чтò не придержась, бацъ себѣ всей силой въ
камень; камень полетѣлъ, да и онъ за нимъ; камень убилъ сохатаго,

---

(1) Шибко — въ смыслѣ очень, напр. не шибко хорошо.

(2) Дѣйствительно, въ Сибири гораздо менѣе вѣрятъ предразсудкамъ, чѣмъ въ Россiи.

а мишка разбился объ камни. Мнѣ и досталось два звѣря за то вѣрно, что положился на волю Божию.

Такъ рассказывалъ крестьянинъ.

4. Охота въ *открытой борьбѣ* съ медвѣдемъ происходитъ съ помощію *рогатины*.

Рогатина состоитъ изъ еловаго ⁽¹⁾ деревяннаго шеста длиною около трехъ аршинъ, толщиною вершокъ въ діаметръ; шестъ вставляется въ желѣзную трубку, оканчивающуюся узкимъ мѣстомъ, которое, продлясь на вершокъ, переходитъ мало по малу въ копые плоское и острое съ обѣихъ сторонъ, длиною въ четверть, а шириною вершка въ полтора. На узкое мѣсто привязывается веревка или ремень сыромятный длиною вершка на полтора, а къ нему привязывается костылекъ ⁽²⁾ толщиною въ полвершка, а длиною въ два вершка; цѣль его состоитъ въ томъ, чтобъ не допустить войти и древку въ рану. Самый ловъ ясенъ будетъ изъ слѣдующаго разсказа.

Собрались мы на медвѣдя двое, говорилъ одинъ господинъ, товарищъ съ винтовкой, а я съ винтовкой и рогатиной, потому что у него повѣрнѣе глазъ, а у меня покрѣпче рука, да взяли съ собой двухъ звѣровыхъ собакъ, изъ простыхъ дворняшекъ, а лягавыя тутъ не годятся; собаки нужны, чтобъ напасть на слѣдъ и остановить звѣря. Догнавъ — собаки начали бѣгать около звѣря, придерживаясь болѣе зада; а ни одна изъ нихъ не подбѣжитъ и не бросится, потому что медвѣдь даетъ чаще пощечину, да и такую, что другой не захочется. Безпрестаннымъ же бѣганьемъ около зада заставляютъ медвѣдя вертѣться на одномъ мѣстѣ, отъ чего онъ и разъяряется, и изнуряется. Если жъ пустится бѣжать, собаки ловятъ заднія ноги и медвѣдь по неволѣ останавливается. Разъярившись, начинаетъ розмахами переднихъ лапъ рыть землю, очерчивается и какъ бы разчищаетъ себѣ ратное поле. А мы между тѣмъ подошли на ружейный выстрѣлъ, встали въ боевую позицію — я съ рогатиной нѣсколько впередъ, а товарищъ съ боку за правымъ моимъ плечемъ съ готовой винтовкой; а моя винтовка лежала за нами на случай неудачи выстрѣла. Но такъ какъ стрѣлять его занятого собаками, рытьемъ, да розмахами неудобно, то я переломилъ вдругъ сухую палку. Этотъ трескъ обратилъ вниманіе звѣря, онъ вскочилъ на заднія лапы, зарычалъ, забормоталъ, завзбивалъ пѣну клубами и заплевался. Видъ ужасный — сажень 5 насъ раздѣляютъ отъ разъяреннаго звѣря; собаки ближе вертятся около заднихъ лапъ; медвѣдь вре-

---

⁽¹⁾ Ель предпочитается, потому что и крѣпка и легка.

⁽²⁾ Чаше называется — сторожокъ.

менемъ помахиваетъ на нихъ передними лапами, но товарищъ ждетъ момента, когда врагъ нашъ приподнявъ лапы прикроетъ грудь; окончательность концовъ пальцевъ лапъ есть мѣсто цѣли — около того мѣста и сердце; раздается выстрѣлъ и медвѣдь бросается на огонь, дымъ и пулю; дымъ заслѣпляетъ глаза товарищу — онъ бросаетъ винтовку и выдернувъ ножъ забѣгаетъ сзади, а медвѣдь ужъ у меня на рогатинѣ съ распоротымъ животомъ то рвется ко мнѣ, то бьетъ рогатину и наравитъ переломить. Я то попираю на него, то подтягиваю рогатину, не давая ударить по дереву и переломить; то держу какъ можно слабѣе, не давая точки опоры, отъ чего при ударахъ звѣря, рогатина бьется у него въ ранѣ и распарываетъ болѣе и болѣе; висящій на ремнѣ костылекъ стоитъ поперекъ раны и не впускаетъ рогатину въ глубь; собаки рвутъ за стегна и другія части, а товарищъ всадилъ уже ножъ подъ сердце, кровь хлещетъ со всѣхъ сторонъ ручьями, звѣрь уже вяло бьется на рогатинѣ, и изнуренный падаетъ. Тутъ первымъ нашимъ дѣломъ было поставить распорку въ ротъ и подрѣзать всѣ жилы у лапъ; а ужъ обезпечась такимъ образомъ начали сдирать шкуру, а то бывають, будто предсмертныя спазмы.

— Ну, страшненько же я думаю? а что еслибъ товарищъ-то вашъ промахнулся, сказалъ я.

— Правда, хоть это и не хорошо, отвѣчалъ охотникъ; по вѣдь за нами наготовѣ была другая винтовка заряженная. Вотъ одному такъ плохо птии, потому что если выстрѣлъ хоть и вѣренъ да не смертеленъ, такъ дымъ, когда вѣтеръ на охотника, затмѣваетъ глаза и тутъ не успѣешь хорошо подставить рогатину. А двоимъ ничего: сколько ужъ разъ я ходилъ, и сердце не дрогнетъ. А то съ однимъ-то былъ однажды слѣдующій случай: выстрѣлъ мой былъ хоть и вѣренъ, да не по мѣсту; медвѣдь ринулся; я успѣлъ его посадить на рогатину; лапы врага были уже вблизи меня, я попытлся, поскользнулся съ холмика и упалъ на колѣно, а дерево рогатины уперлось въ землю; врагъ воспользовался этимъ ловкимъ ударомъ переломилъ древко и бросился на меня; я успѣлъ приподняться и уткнулся головою въ его грудь, схватившись крѣпко за шерсть. Тутъ началась рукопашная борьба, медвѣдь меня отталкивалъ, чтобъ добраться до головы, а я, придерживавшись лѣвой рукой за шерсть, правой схватилъ обломленный конецъ рогатины и повернулъ въ ранѣ; боль заставила звѣря схватить меня за спину и крѣпко прижать къ себѣ; кровь хлещетъ у него изъ обѣихъ ранъ, а изъ шейной затекаетъ мнѣ въ глаза и въ ротъ. Выплюывая и глотая кровь, я успѣлъ выдернуть правой рукой прибрѣденный ножъ и расплასнуть весь животъ; звѣрь всей тяжестью повалился на меня со

всѣми своими выпавшими внутренностями. Тутъ мнѣ было уже легче: высвобождаясь изъ объятій, я дѣлалъ ножомъ рану за раной; кровь лилась ручьями и обезсиленный врагъ изпустилъ дыханіе. Ну, памятна мнѣ эта борьба: съ тѣхъ поръ хожу вдвоемъ.

5. Ловли у падали съ помощію лабаза ⁽¹⁾. Этотъ родъ ловли употребляется болѣе въ осеннее время вблизи деревень, а именно въ то время, когда медвѣдь повадится въ поскотину давить скота. Мужикамъ приходится плохо и собираются они убить звѣря. Для того выбираютъ хорошо устроенныя 4, а по необходимости и 2 дерева, вблизи падали отнюдь не далѣе ружейнаго выстрѣла; на деревья кладутъ перекладины изъ толстыхъ жердей на высотѣ отъ сажени до двухъ. Если дерева 4, то образуется четырехугольникъ и на перекладины кладутся поперечно жерди; при 3-хъ деревьяхъ выходитъ треугольникъ, а при 2-хъ только двѣ перекладины безъ поперечныхъ жердей. Крестьянъ сбирается, смотря по устройству и величинѣ лабаза отъ 4-хъ до 2-хъ, а остальные въ родѣ помощниковъ. Главные садятся обыкновенно возлѣ самыхъ деревьевъ, почти въ вѣтвяхъ ихъ, обращаются лицомъ въ сторону падали и настораживаютъ ружья, привязавъ къ сучьямъ дерева, чтобъ послѣ не было надобности производить ни малѣйшаго шума. Другіе держутъ готовыя винтовки на случай; на лабазѣ вблизи главныхъ дѣятелей лежатъ на готовѣ рогатины. Падалъ у медвѣдя бываетъ обыкновенно зарыта и заброшена хворостомъ. Въ темную ночь, каковы болѣею частію осеннія, зги Божьей не видно, слѣдовательно и стрѣлять куда неизвѣстно; потому подстерегающіе обыкновенно кладутъ по бѣлому клубку на каждый конецъ у мѣста падали и каждый настораживаетъ ружье на свой клубокъ.

Вотъ и сидимъ мы, в. п., рассказывалъ мнѣ крестьянинъ, никто ни гу-гу, ни кашлянуть, ни сморкнуть не смѣтъ; и ухомъ не ведешь, только глаза не сводишь съ клубка: мишка вѣдь подходитъ такъ тихо, что ни *зашебарчитъ* ⁽²⁾, ни щелкнетъ, ни треснетъ ничто. Какъ это онъ дѣлаетъ, не вѣдаю; только это правда. Такъ-таки ничего не слышишь; только глядь бѣлаго-то клубка не стало, знать лапой прикрылъ и разгребать хочетъ; тутъ его и *бацъ* ⁽³⁾. А ужъ тамъ всяко бываетъ: иной разъ на смерть положишь; иной поранишь только и медвѣдь пустится бѣжать, такъ разъ нашли его, по утру по слѣду крови, издохшимъ, уткнувшись рыломъ въ болото. Иной разъ видно

⁽¹⁾ Самое слово разъяснено въ описаніи.

⁽²⁾ Родъ легкаго шума.

⁽³⁾ Это междомѣтіе употребляется какъ для означенія выстрѣла, такъ и для другихъ ударовъ.

раньше почуетъ либо шорохъ какой, либо человѣчій духъ, не сробѣетъ, да и къ дереву и ну его трясти, да кверху взбираться. Только забираться то не легко, мы вѣдь дерево-то *обсачиваемъ* ⁽¹⁾, чтобъ ему не во что было когти-то всаживать, вѣдь не шпилья же онѣ у него, безъ коры не крѣпко всадить. Ну извѣстно, какъ начнетъ забираться, тутъ его и садить на рогатину, а мало, такъ и на другую. Худа не припомню, всегда мишка поплатится бывало животомъ своимъ за задранную нашу скотину.

Такъ рассказывалъ крестьянинъ. И вообще говорятъ, что ловля скрадываньемъ съ лабаза вблизи падала есть самая безопасная.

6. Ловля *кулемой* безъ участія храбрости и силы человѣка. Этотъ родъ ловли употребляется съ весенняго тайня до осени, а кулемы существуютъ на своихъ мѣстахъ лѣтъ по 5 или 6, пока не сгниютъ ⁽²⁾.

---

(1) *Обсачивать*—значить сдирать всѣ наружные слои до того мѣста, гдѣ уже течетъ сокъ.

(2) Кулема устроивается слѣдующимъ образомъ. Вколачиваются въ землю 2 кола на разстояніи одинъ отъ другаго вершковъ около 6-ти. Колья берутся до 4-хъ аршинъ длины и вершка 3 толщины въ діаметрѣ. Для большей крѣпости, они вколачиваются въ землю болѣе аршина. Къ этимъ коламъ начинаютъ прикладывать на землю полъ изъ расколотыхъ надвое бревенъ аршина въ 4 длины; полъ кладутъ на сажень ширины. Бревна пола придерживаются другими такими же кольями на разстояніи одинъ отъ другаго въ сажень. На этотъ полъ уже начинаютъ класть два забора, сходящіеся у первыхъ кольевъ въ уголь, называемый хвостомъ кулемы. Для образованія заборовъ вколачивается еще по одному, такой же толщины, колу въ сторонѣ отъ второй пары кольевъ на разстояніи отъ cadaго изъ нихъ вершка въ 3, черезъ что образуется съ cadaго бока по парѣ кольевъ. Заборы дѣлаются изъ жердей вершка въ 3 толщины, чтобъ они умѣщались между послѣдними образовавшимися парами кольевъ, а оба забора сходятся съ обыкновенными зарубами въ хвостъ кулемы между кольевъ. Сдѣлавъ заборы въ ростъ большаго человѣка, звѣроловъ связываетъ крѣпкими кольцами изъ витыхъ черемуховыхъ (*) прутьевъ выдающіеся верхушки каждой пары кольевъ, т. е. какъ у хвоста, такъ и у каждой стороны. Такъ получается треугольникъ, съ 2-хъ сторонъ забранный, а съ третьей полый. На этой полой сторонѣ дѣлается, слѣд. сперва прикатывается бревно въ четверть толщины и такой длины, чтобъ улеглось между выдающихся въ самомъ низу концовъ заборовъ. У концовъ его вколачиваются по колу, которые приходятся противъ cadaго изъ паръ кольевъ, лежащаго съ внутренней стороны заборовъ. Колья эти такой же длины и толщины, какъ и всѣ предыдущіе, для вѣщаго укрѣпленія привязываются такими же свитыми прутьями къ соответствующимъ кольямъ, а на бревнѣ для нихъ дѣлаются зарубы. Сверхъ этого бревна со связками кольевъ кладется еще бревно, но

(*) Ибо черемуха въ витѣхъ крѣпче всѣхъ деревьевъ.

Дѣйствіе этого орудія состоитъ въ томъ, что когда медвѣдь, почуввъ добычу, тянется черезъ порогъ и хватается ее лапой, то, потянувъ, снимаетъ крючкообразный сторожокъ, который вмѣстѣ съ мотыремъ, перегнутымъ черезъ сторожилыный коль, летитъ кверху, слега

подлиннѣе, чтобъ оно съ зарубкой улеглось на выдавшіеся внизу концы заборовъ. Эти оба бревна, а если нужно и третье, составляютъ порогъ, какъ и называются; этотъ порогъ долженъ быть значительно выше пола кулемы, чтобы медвѣдь, ткнувшись въ кулему за наживой, перегибался. Губящая медвѣдья часть орудія называется *слега* (а). Слега состоитъ изъ бревна листовичнаго или сосноваго, сажень до 6-ти длиною, а толщиною у *второго сруба* (б), въ 6 вершковъ. Кладется слега вторымъ срубомъ, т. е. вершиною на *подставку*, состоящую изъ толстаго обрубка дерева, а нужно такъ и *городокъ* (в), т. е. на два обрубка съ зарубками; наверху кладется третій поперечный, чтобъ высота подставки равнялась вышинѣ порога и чтобъ слега плотно прилегала къ порогу. Для большей вѣрности слега у подставки придерживается съ боковъ кольями. Въ *первомъ срубѣ своемъ*, т. е. *кольѣ* (г), слега стесывается *брусомъ* (д) на столько, чтобъ она помѣстилась между кольевъ, укрѣпляющихъ и порогъ. Подставка отстоятъ отъ самаго орудія около $4\frac{1}{2}$ сажень, а въ другую сторону выдается комлемъ до половины сажени, остающаяся же еще сажень слеги соответствуетъ ширинѣ самаго орудія. На слегу, для увеличенія тяжести, а слѣд. и вѣрности улова, накатывается *гнѣтъ* (е). Гнѣтъ состоитъ бревень изъ 6-ти для длиннаго конца и бревень изъ 2-хъ или 3-хъ для выдающагося конца. Накатывается такъ, чтобъ вершины лежали въ сторону хвоста кулемы, а концы выдавались черезъ слегу на аршинъ.

А знаете ли, в. почт., говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ, что и деревья для кулемы надо рубить по выбору. Знамо рубишь не больше, какъ *щана* (ж) въ три

(а) *Слега* — слово это объяснено въ текстѣ.

(б) *Вторымъ срубомъ* — называется срубъ не у корня, а у вершины; называется же вторымъ потому, что дерево срубается, очевидно, у корня и по паденіи его уже срубается вершина. Считаю нужнымъ замѣтить, что толщина бревень въ продажѣ считается всегда по второму срубу, а по первому и нельзя, ибо срубается дерево клиномъ.

(в) Слово *городокъ* — объяснено въ текстѣ.

(г) *Кольѣ* — конецъ къ корню.

(д) Отесать брусомъ значить стесать съ двухъ сторонъ дерева для образованія болѣе или менѣе толстой пластины.

(е) Гнѣтомъ называется тяжесть, употребляемая для давленія; вѣроятно отъ слова гнести, т. е. давить.

(ж) *Щана*. Щаномъ называется каждая вырубка сперва ударомъ перпендикулярнымъ и потому сверху внизъ, отъ чего отпадаетъ клинъ, т. е. щепка. Отъ сего происходитъ и слово щанъ. Крестьянинъ, по количеству щановъ съ одной стороны до середины, опредѣляетъ уже толщину дерева въ корнѣ, такъ напр. дерево щана въ 3 бываетъ обыкновенно въ обхватъ.

теряетъ свою подпору на воздухъ и всею своею тяжестью падаетъ на могучаго похитителя. Она приходится медвѣдю или по льну ⁽¹⁾ (тогда ужъ смертельно), или по лопаткамъ (при чемъ отшпабаются плечевые составы и теряется сила переднихъ лапъ), или по животу (при чемъ иногда животъ лопається).

Ставятъ кулему большею частію на скатахъ къ рѣчкамъ и ручьямъ и болѣе въ стрѣлкахъ. Это потому, что тутъ болѣе смородиннику, малиннику и кедровнику, тутъ бываютъ въ рѣчкахъ выдры, а у береговъ держатся болѣе олени (и очень естественно, потому что около рѣчекъ сырѣе почва и потому на ели и пихтѣ болѣе моху, столь полезнаго оленямъ). Все это составляетъ пищу медвѣдя, такихъ мѣстъ онъ и ищетъ, около нихъ болѣе и бродитъ. Еще устрояютъ кулемы подъ крутогорами, на которыхъ ставятся слѣпцы и другія ловушки на птицъ, а устрояютъ, да приговариваютъ: „повадилса кувшинъ по воду ходить, тутъ тебѣ и голову сложить“.

7. Ловля *доской съ коньями* употребляется тамъ, гдѣ нѣтъ звѣро-

---

да ужъ *жаровое* (*) и не *захвостистое* (**). Знамо рубишь сперва съ той стороны, гдѣ больше сучьевъ, дерево-то туда тяжелѣе вѣдь бываетъ, да туда и падаетъ, а какъ съ той-то стороны сперва подрубишь, а съ другой потомъ, то и стоитъ въ створѣ, и животъ сбережетъ не задавить тогда. Да вотъ еще чтѣ, в. почт., дерево можетъ убить и колемъ своимъ, если верхушкой-то падетъ на другія деревья, а для того берегаешься и очищаешь мѣсто въ той сторонѣ, гдѣ на немъ больше сучьевъ и куда всегда оно упадетъ. Такія замѣчанія дѣлалъ мнѣ добродушный крестьянинъ. А между тѣмъ я кулему еще не описалъ вполне: есть вѣдь еще снарядъ настороживающа. Онъ состоитъ изъ сторожильнаго кола, мотыря, двухъ сторожокъ и наживы. Сторожильный колъ почти вдвое толще другихъ кольевъ, но ниже ихъ не выше заборовъ, на верхней своей площадке имѣетъ легкое углубленіе, въ которое кладется (чтобъ не соскользнулъ) одинъ конецъ мотыря, имѣющій зарубку, для помѣщенія слегя. На другомъ концѣ мотыря, бывающаго вершка въ 3 въ поперечникѣ, привязанъ на извитомъ прутѣ крючкообразный сторожокъ вершка въ 1½ толщиной. Къ самому крючку привязывается нажива, а крючекъ задѣваетъ снизу другой сторожокъ, состоящій изъ поперечины, укрѣпленной своими концами въ обоихъ заборахъ.

(1) Ударить по льну — значить ударить по мѣсту перехода становой жилы въ полость головы, чтѣ большею частію смертельно по нахожденію тутъ важныхъ мозговыхъ частей. Слово же лень означаетъ жилу, а сухожилій въ этомъ мѣстѣ довольно.

(*) *Жаровымъ* называется дерево стройное, не суковатое.

(**) *Захвостистое* есть то дерево, которое, будучи толстымъ въ корнѣ, скоро заостривается и потому не годится въ бревна. Происходитъ отъ слова хвостъ.

лововъ, а между тѣмъ звѣрь беспокоитъ и губитъ скоть. Тогда отъ-пскивается мѣсто зарытой медвѣдемъ падали; мѣсто это обкладывается хворостомъ и бревнами, отъ чего съ четвертой стороны образуются воротцы, въ которые и вкладывается доска съ копыями. Доска бываетъ въ сажень длины, въ полсажени ширины и вершка въ 2 толщины. Копьца бываютъ въ 4 вершка длины; самый копьеобразный конецъ бываетъ съ зазубринами съ обѣихъ сторонъ (подобно тому, какъ у удо-чекъ зазубрина бываетъ съ одной стороны); числомъ ихъ берется до до 200, вколачиваются крестообразными линиями, такъ что безпрестанно выходятъ формы знаковъ на картѣ пятерка; каждое вколоченное копьецо для большей крѣпости проходитъ на другую сторону на полвершка и загнбается. Уложенная ко входу доска забрасывается травой и звѣрь, не видя копьецовъ, всаживаетъ лапу, думая начать рыть; острия копыя втыкаются и зазубринами задерживаются въ массѣ лапы; звѣрь, не имѣя возможности ни поднять эту большую доску, ни вынуть, придерживаетъ доску другою лапою, всадивъ и ее; разсвирѣпѣвъ, пускаетъ въ дѣло и другія лапы, всаживаетъ и ихъ и тогда, получивъ уже силу поднять доску, онъ перепрокидывается на спину и съ ужаснымъ рыканіемъ бьется вверхъ ногами цѣлую ночь. Утромъ находятъ медвѣдя изнуреннымъ, слабодвижущимъ головой, какъ бы просящимъ помщлованія. Добить его тутъ уже легко безъ искусства и особенной отваги звѣролова.

8) Такой же родъ ловли (т. е. безъ храбрости и силы человѣка) есть ловля стрѣльбой: а) самострѣломъ изъ лука и б) самострѣломъ изъ ружья.

а) *Самострѣлъ изъ лука* устроивается слѣдующимъ образомъ. Основ-ная его части 2: брусокъ и части настораживающія. Брусокъ состоитъ изъ дерева аршина въ 2 длиною (примѣрно), шириною (т. е. сбоку) вершка въ 3, а толщиною, т. е. сверху (гдѣ накладывается стрѣла) и снизу вершка въ $1\frac{1}{2}$. Верхняя сторона обтесывается какъ можно ровнѣе по ниткѣ, а иначе стрѣла не пойдетъ прямо и цѣль будетъ не-вѣрна. На одномъ концѣ по ширинѣ вырѣзывается углубленіе для по-мѣщенія лука и по величинѣ сего послѣдняго; а отъ другаго конца от-ступа на поларшина провертываются по длинѣ пиструмента, на пра-вой боковой сторонѣ, двѣ сквозныхъ дыры, въ разстояніи другъ отъ друга на два вершка.

Настораживающія части состоятъ: изъ спуска, сторожка и сямки. *Спускъ* состоитъ изъ деревянной пластины примѣрно въ четверть длины, два вершка ширины и полвершка толщины; на верхнемъ концѣ его дѣлается зарубка для помѣщенія скошеннаго конца сторожка, а на нижнемъ зарубка для привязки сямки. На срединѣ его провертывается

дыра, соответствующая, по величинѣ, сдѣланнѣмъ на брусѣ, и спускъ прибивается къ послѣднему деревяннымъ колышкомъ, сдѣланнѣмъ на подобіе гвоздя съ шляпкою. Къ другой же передней дырѣ бруса прибивается такимъ же гвоздемъ *сторожка*, который бываетъ длиною въ половину спуска, а шириной и толщиной подобно ему; верхній конецъ сторожка скашивается клиномъ для помѣщенія въ зарубку спуска. Третья часть „*симка*“ есть тонкая бичевка, привязанная однимъ концемъ къ нижнему концу спуска, а другимъ къ дереву черезъ тропу, или вообще черезъ то пространство, по которому долженъ пройти медвѣдь.

Прикладныя части самострѣла есть лукъ и стрѣла съ копьемъ. Лукъ формы обыкновенной, длиннѣе сажени и въ два перста толщиною; дѣлается обыкновенно изъ ели, какъ крѣпкаго дерева, да еще *кренистой* ⁽¹⁾. Стрѣла обыкновенная съ перьями и копьемъ въ четверть длины и у ручки въ средній мизинѣцъ толщины; дерево къ желѣзу подстрагивается, обвертывается крѣпче *постегонкой* ⁽²⁾, оклеивается и большею частію наклеиваютъ тонкій слой бересты, гладкою стороною наружу. Это для того, чтобъ стрѣла глаже, свободнѣе входила въ добычу.

Инструментъ въ дѣйствіе приводится слѣдующимъ образомъ: 1) *Брусокъ* заднимъ концомъ привязывается къ дереву, а если нѣтъ его, то къ крѣпкому вколоченному колу, на вышинѣ примѣрно аршина, или соразмѣряя на половину вышины звѣря; передній конецъ свободно кладется на колъ же, или что нибудь подобное, на одинаковой съ заднимъ высотѣ. 2) *Лукъ* кладется въ вырѣзку на переднемъ концѣ бруса, а натянутая тетива задѣвается за углубленный бокъ сторожка и помѣщается, слѣдовательно, между сторожкомъ и спускомъ; къ тетивѣ же (какъ обыкновенно) прикладывается стрѣла, а инструментъ весь уже ранѣе настороженъ въ извѣстную цѣль. 3) *Симка* привязывается, какъ выше сказано, въ зарубкѣ спуска и къ дереву, только къ послѣднему уже на высотѣ наведенной цѣли. Замѣчу также, что симка не натягивается, а виситъ свободно на столько, чтобъ можно было навернуть на 4 пальца, и виситъ такъ для того, чтобъ звѣрь, задѣвъ ее грудью, нѣсколько подался впередъ; при томъ симка уже натягивается, отъ чего тянется впередъ и нижній конецъ спуска, сто-

---

(1) Кренистый и крень объяснены въ текстѣ.

(2) Постегонка есть пилка наскоро мужичной ссученная рукою на колѣяхъ изъ волокна конопля. Слово это происходитъ отъ стегать, стежка, ибо мужичны въ дорогахъ наскоро зашиваютъ ею платье.

рожокъ срывается изъ его верхней зарубки и слѣдов. теряетъ свою поддержку, тетива лука черезъ это дѣлается свободною и стрѣла копьемъ своимъ пробиваетъ звѣря большею частью сквозь самое сердце. Раны часто бываютъ сквозныя, ибо сила такъ велика, что, угодивъ въ дерево, расщепляетъ его и ломается дерево самой стрѣлы.

Выше у меня было сказано: лукъ дѣлается изъ ели кренистой. Кренистымъ называется тотъ бокъ ели, который бываетъ обращенъ къ солнцу. Отъ вліянія солнца дерево дѣлается смолистымъ, получаетъ отгѣнокъ скрасна и особенную крѣпость; тогда какъ бокъ отъ солнца бываетъ и мягче и бѣлѣе. Плотность и крѣпость кренистой стороны доказывается и тѣмъ, что ель всегда бываетъ выпукла въ эту сторону и нагнута на противную, какъ сторону болѣе сырую, мягкую, а слѣдовательно уступчивую для сжимающаго дѣйствія ночнаго холода. Выбирается же на лукъ кренистый бокъ ели, а не мягкій, потому что самострѣлъ остается на ночь, слѣдовательно подвергается вліянію росы, инея и вообще какъ сырости, такъ и сжимающему дѣйствію ночнаго холода, отъ чего кренистый бокъ можетъ сжаться и тѣмъ ослабить тетиву, а это можетъ уже вліять на правильность и желаемую силу выстрѣла. Впрочемъ, замѣчу, что большею частію употребляютъ для лука нечистую крени, а на одну треть берутъ болони, которая при натягиваніи лука приходится наружу; это нужно для сообщенія податливости при натягиваніи, а одна крени навѣрное лопнетъ.

6. *Самострѣлъ съ ружьемъ* состоитъ изъ ружья, которое привязывается къ сошкѣ, или къ колу и дереву, главное на такой высотѣ, чтобъ угодить звѣрю въ сердце. Сзади приклада вколачивается, какъ можно крѣпче, колъ съ сукомъ, направленнымъ кверху и на одной высотѣ со спускомъ курка. За тѣмъ берется симка, привязывается къ спуску курка, обводится около гладко закругленнаго кола надъ сукомъ (чтобъ не опустилась книзу), протягивается какъ у самострѣла съ лукомъ и привязывается къ дереву на высотѣ цѣли; виситъ на столько же, чтобъ можно было обернуть 4 пальца. Дѣйствіе въ томъ, что звѣрь натягиваетъ симку, она оттягиваетъ назадъ спускъ курка и производитъ выстрѣлъ большею частію около лопатокъ и сердца. Чтобъ не мочилъ дождь замка дѣлается съ помощію колышковъ покрывка изъ бересты. Въ этомъ случаѣ ложа не портится.

Другой же способъ, съ порчею ложи, состоитъ въ слѣдующемъ: курокъ взводятъ далѣе 2-го взвода, при чемъ онъ можетъ спускаться и безъ спуска; потомъ спускъ какъ бы парализуютъ подставкой; вколачиваютъ въ ложе свой деревянный спускъ со сторожкомъ, какъ у самострѣла съ лукомъ; надѣваютъ на курокъ бичевку и задѣваютъ ее,

какъ тетиву лука, за сторожекъ. Остальное все тоже, а спускается курокъ на томъ же основаніи, какъ тетива лука.

9. Ловится медвѣдь и *капканомъ*. Капканъ описанъ въ главахъ о зайцахъ, лисицахъ и волкахъ; но здѣсь бываетъ большой. Такъ какъ онъ на медвѣдя можетъ употребляться только лѣтомъ, то ставится на землю надъ вырытою ямою и забрасывается травкой. Употребляется обыкновенно тогда, какъ извѣстенъ слѣдъ медвѣдя къ какому нибудь мѣсту, напр. къ падали, къ пчельнику и т. п.

10. Ловля *сжимомъ* употребляется болѣе на сохатаго, потому описана будетъ ниже.

11. Ловится *кулемой съ окошномъ*, въ родѣ употребляемой на лисицу, только несравненно большаго объема, а потому описываніе здѣсь будетъ бесполезнымъ повтореніемъ прежняго.

12. Попадаетъ медвѣдь *въ ямы*, устраиваемыя на сохатаго; онъ въ своемъ мѣстѣ и описаны будутъ.

13. Ловля *петлей съ кряжомъ*. Петли ставятся только на оленя, а потому и будутъ описаны въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же скажу только, что петли на медвѣдя нельзя ставить просто, „это могучій ⁽¹⁾ звѣрь не оленю чета, его петля не удержитъ“; потому она привязывается къ значительному кряжу. Привязка къ кряжу дѣлается у самаго конца его, чтобъ, когда медвѣдь попадетъ въ петлю и потащитъ кряжъ, менѣе было возможности задѣть за дерево; а то, опутавшись около послѣдняго, обрываетъ бичеву. Замѣчательно, что медвѣдь хлопочетъ сгонять веревку, вмѣсто того, чтобы перекусить ее. Въ петлѣ звѣрь не удавливается, а съ тяжестью кряжа мучится, устаетъ, не можетъ кинуться свободно на челоуѣка и скорѣе дѣлается добычею послѣдняго.

Интересенъ медвѣдь, какъ странствователь съ кряжомъ. Не говоря уже о всѣхъ смѣшныхъ продѣлкахъ, какъ онъ хлопочетъ пачкать и гноить веревку, о смѣшной позѣ мохнатаго воина, расхаживающаго съ кряжомъ на плечѣ, какъ солдатъ съ ружьемъ, онъ еще смѣшнѣе въ своихъ стараніяхъ избавиться отъ тяжелой ноши: для этого онъ поднимаетъ кряжъ и размахнувшись бросаетъ въ сторону, но привязъ на шеѣ подергиваетъ и его туда же; съ каждымъ разомъ онъ болѣе и болѣе разгорячается, сердитѣе схватываетъ кряжъ и съ болѣею силой бросаетъ его, но каждый разъ безотвязный кряжъ тянетъ и его за собой; рычанье, пѣна клубамъ и проч. сопровождаютъ картину. Бываетъ иногда медвѣдь и подogaдливѣе: такъ однажды въ Маковскомъ ⁽²⁾ онъ вздумалъ бросить

⁽¹⁾ Могучій, сильный.

⁽²⁾ На мѣстѣ прежняго Маковского острога въ 90 верстахъ отъ Енисейска по Кети.

кражъ съ яру, подошелъ къ нему, размахнулся какъ можно сильнѣе, бросилъ и не успѣлъ очнуться какъ самъ вмѣстѣ съ нимъ въ перегонку кувыркали по выставившимся камнямъ; а крестьянинъ пожалѣлъ только о томъ, что-де медвѣдь испортилъ шкуру на стегяѣ!

14. *Ловля — деревомъ съ ножами.* Берутъ до 7 ножей, вбиваютъ въ дерево кругомъ на одной высотѣ болѣе выдавшіяся лезвѣйныя части ихъ, между тѣмъ какъ заостренныя и затѣмъ скошенныя концы ножей должны отстоять отъ дерева не менѣе какъ на $\frac{3}{4}$ дюйма. На деревѣ вверху можетъ быть привлекательный кусокъ падали. Почувявъ запахъ, медвѣдь взбирается на дерево; обращенный къ нему обухъ не вредитъ взбиранью; но когда съ добычей начнетъ спускаться и плотно прижиматься къ дереву, обхвативъ его, острія ножей укалываютъ животъ и вонзаются въ него, звѣрь подергивается сплывѣ книзу, чтобъ спуститься, и распарывается болѣе и болѣе.

15. *Ловля шаромъ.*

Для того въ деревянный шаръ вколачиваются копыя такія же, какъ выше было сказано въ 7-мъ ловѣ доской съ кольями. Основанія одни и тѣ же. Шаръ этотъ вѣшается болѣе на пчельникахъ и когда мѣшаетъ звѣрю влѣзати, то онъ бьетъ его лапой. Понятно, что лапа вязнетъ на копыяхъ, а затѣмъ тоже можетъ быть и съ другой лапой, если употребить ее на выручку первой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Барсукъ (*Meles taxus*. Pall.).

Ловъ барсука. Барсукъ по слѣду не узнается, потому что зиму не ходитъ, а лежитъ въ своихъ норахъ, очень глубокихъ, такъ что однажды, разрывши на четыре сажени, не достали дна.

Ловится, во-1-хъ, собакой, которая впрочемъ безъ человѣка схватить его не смѣетъ; звѣролову же нельзя выстрѣлить, потому что барсукъ такъ вертится, что и собаку вмѣсто него можно убить. Потому бьютъ просто дубиной по рылу, а тогда уже и собака беретъ.

Во-2-хъ, ловится слопцомъ ставимымъ на тетерь. Только для при-

манки кладутъ въ средину слопца кишки, а съ боковъ, подходящихъ къ нимъ, набрасываютъ прутки. Слыша запахъ, онъ разрываетъ прутки, снимаетъ сторожокъ и убивается.

Россобага (*Gulo borealis*. Nils.).

Слѣдъ россобаги подобенъ медвѣжьему только величиною, формой же очень сходенъ съ собачьимъ.

Россобага есть звѣрь рѣдкій, слѣдовательно не всякому извѣстный и потому не мѣшаетъ о немъ дать хотя малое понятіе.

Этотъ звѣрь хищный, сильный, значительно слабѣе медвѣдя; но гибче и проворнѣе послѣдняго; бываетъ длиною аршина въ полтора и болѣе, вышиною въ большую лягавую собаку, только толстѣ; морда похожа на волчью; хвостъ короткій (около поларшина), тонкій, мохнатый, рѣдкій и жестоковолосый, цвѣта краснобураго; лапы съ передней стороны черны, а съ задней краснотемнобурые и мохнатые; шкура вообще грубая, съ шерстью грубою чуть ли не волосистою, длиною отъ 1¹/₂ до 2 вершковъ; цвѣтъ у низшихъ сортовъ краснобурый на хребтѣ и сѣроватый съ боковъ, у дорогихъ же съ *черной сковородкой* ⁽¹⁾, т. е. черноватобураго цвѣта по хребту и чернаго у крестца. Видалъ я подобранныя шубы; онѣ довольно красны, даже имѣютъ видъ хорошаго енота, но чрезвычайно тяжелы и шерсть непріятно груба.

Звѣрь этотъ водится въ глубокихъ тайгахъ, изъ которыхъ и ближе подбѣгаетъ, когда преслѣдуетъ оленя или сохатаго. Эти послѣдніе животныя составляютъ любимое лакомство россобаги. Ловитъ же она ихъ, идя по слѣду сохатаго или оленя, забѣгая и впередъ, взбираясь на деревья (смотря по надобности для сохатаго на осинникъ, столь ему лакомый, а для оленя на моховистый ельникъ), и ловко умѣстившись выжидаетъ, когда звѣрь подойдетъ къ своей пищѣ; за тѣмъ прыгаетъ вдругъ ему на спину и вдѣпляется острыми когтями, послѣ чего начинается борьба: олень, пометавшись въ разныя стороны, скоро падаетъ издыхая съ переѣденнымъ льномъ ⁽²⁾; могучій же 40 пудовый сохатый носится съ нею огромныя пространства, бьется о деревья, ломаетъ ихъ, ломаетъ свои рога, а вдѣпавшаяся россобага все продолжаетъ переѣдать ткань за тканью, подбираясь ко льну, беретъ мало по малу свое и могучій звѣрь валится замертво.

⁽¹⁾ Выраженіе это объяснено въ текстѣ.

⁽²⁾ Это слово было объяснено выше.

Ловъ россомаги происходитъ слѣдующимъ образомъ:

1. *Капканомъ*, который ставится около тѣхъ мѣстъ, гдѣ россомага жируетъ; ибо она время отъ времени является уничтожать свою жертву (какъ выше сказано). Капканъ былъ описанъ, говоря объ ушканахъ; величиной около медвѣжьяго. Капканъ же ставится и около ухонья, если россомага повадится зорить ⁽¹⁾ ловушки; или вообще на слѣдъ ея, если онъ будетъ замѣченъ по направленію къ ловушкамъ.

2. Ловится *клянцой*, которая описана выше, говоря о лисицѣ, только для россомаги увеличивается объемъ.

3 и 4. Попадаетъ въ *лисю пастъ* и въ *лисю кулему*. И то и другое описано выше.

5. Ловится и *ямой*, описанной въ главѣ о лисицѣ и хотя бы (по величинѣ своей) могла вылѣзть, но не имѣетъ достаточно догадки перекинуть лапы черезъ палку и, встрѣтивъ препятствіе, возвращается назадъ.

Выдра (*Lutra vulgaris*. Erxl.).

Ловъ выдры. Выдра, живущая въ водѣ и перебѣгающая пзъ рѣчки въ рѣчку, лѣтомъ на своемъ пути никакого слѣда не оставляетъ кромѣ тропы съ приглаженной травой въ четверть ширины; зимой же этотъ слѣдъ дѣлается рѣзко видимымъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что она подгибаетъ свои короткія переднія лапки, длинными задними утыкается такъ сильно, что катится на груди сажень на 5. Слѣдовательно внѣ воды можетъ только ловиться случайно, а ловъ въ водѣ состоитъ въ слѣдующемъ.

Выходятъ четыре звѣролова съ собаками по осени, когда еще не отолстѣлъ слишкомъ ледъ. Для этого раздѣляются по двое и вырубаютъ во льду въ двухъ мѣстахъ сажень отъ 10 до 30 одно отъ другаго сквозныя борозды поперегъ рѣчки; отъ берега до берега вверхъ по теченію вырубивъ борозду и наставивъ въ землю колья, вымѣриваютъ глубину рѣки и отрубаютъ черезъ всю рѣчку такую ширину пластину льда, чтобъ она, приставленная къ кольямъ, загородила рѣку; а внизъ по теченію льду не спускаютъ, а загораживаютъ только кольями, чтобъ вода по немногу могла прибывать и заполнять всѣ пустоты, которыя, особенно около береговъ, остаются и даютъ возможность выдрѣ перевести дыханіе, тогда какъ въ водѣ она долго быть не можетъ и задыхается.

---

(1) Раззорять.

Мѣсто, гдѣ и на сколько сдѣлать загорода, опредѣляетъ собака, которая сквозь пробойники льда чувствуетъ выдру и около тѣхъ мѣстъ бѣгаетъ. Самый ловъ дѣлаетъ собака же, потому что по уничтоженіи всѣхъ пустотъ подо льдомъ прибывшею водою, выскакиваетъ выдра изъ воды на ледъ и какъ бы скоро не катилась на груди, бываетъ наступлена собакою.

Этого звѣря мало въ Енисейскомъ округѣ и добротой онъ вдвое ниже противу американскихъ выдръ, хотя и выше русскійскихъ на 20%. Выдръ такъ мало вообще въ Сибири, что въ то время какъ въ 1836 и 1837 годахъ отпущено въ Китай русскійской выдры 29,200, сибирской только 620.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Олень (*Cervus tarandus*. Linn.).

Ловъ оленя. Слѣдъ оленя узнается очень легко: онъ подобенъ коровьему и съ *сакмдй*, т. е. прометами отъ каждой ноги.

Лововъ на оленя намъ извѣстно 6.

1-й и 2-й — *юнкомъ и скрадываньемъ*.

Я соединилъ оба эти лова, потому что основа ихъ одна, стрѣльба, тогда какъ по виду своему они различны.

Олень отличается отъ другихъ большихъ животныхъ прокладываньемъ тропы ⁽¹⁾, иначе онъ не ходитъ. Увидѣвъ тропу во время зимы съ ея глубокими сѣнками, всякій знающій оленя скажетъ, что безъ тропы онъ и жить не можетъ, иначе скоро задохнется, что слѣдъ тропы есть плодъ того же инстинкта самосохраненія, какъ и у зайца, плодъ необходимости. Но зачѣмъ такая же тропа прокладывается имъ и лѣтомъ по безснѣжью, съ чего рождается эта привычка къ каждому мѣстечку, которое покоренило къ каждому пути, который привелъ къ корму. Положимъ, олень такъ „умень“ (по выраженію Тунгузовъ), что дѣлаетъ переходъ черезъ горы, отыскивая лучшія кормовыя мѣста и въ такомъ количествѣ, чтобъ хватило на зиму, когда все скрыто подъ снѣжной глубиной; положимъ, что эта тропа идетъ съ каждымъ годомъ

---

(1) Выше была описана заячья тропа.

далеѣ, по мѣрѣ распложенья его табуна, когда прежней мѣстности будетъ уже мало; но воля ваша, а мнѣ сдается, что эта свыклность и даже привязчивость лежитъ еще и въ существѣ оленя вмѣстѣ съ его назначеніемъ быть всѣмъ въ домашности человѣка, а плохъ тотъ домашній (кто бы онъ ни былъ), который не получитъ привязанности ни къ мѣсту, ни къ хозяйству, тотъ, по русской поговоркѣ, походитъ на волка, котораго „сколько ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ“.

Я выше сказалъ, что „знающій оленя пойметъ“, а не каждый же изъ читателей и знакомъ съ нимъ, не каждый живетъ вблизи мрачной тайги и несравненной бѣлизны глубокихъ снѣговъ сѣвера; потому не лишнее сказать объ оленѣ нѣсколько словъ. Онъ отличный иноходецъ: любо посмотрѣть со стороны, лежа на горѣ среди душистой травы подъ горячимъ солнцемъ сѣвернаго лѣта, какъ вспугнутые чѣмъ нибудь олени несутся, по спуску горъ, быстрой иноходью, одинъ за другимъ вереницей, выставивъ голову впередъ и вверхъ и прижавъ къ спинѣ свои роскошные рога. Впрочемъ, не всегда олени такъ красивы: осенью опадаютъ рога, ихъ лучшее украшенье, и мало по малу появляются къ веснѣ, а безъ роговъ „Федотъ — не тотъ“.

Я сказалъ „бѣгутъ вереницей“, потому что олень не можетъ жить безъ общительности, гдѣ на первомъ планѣ семейная привязанность; онъ одинъ никогда почти не ходитъ, а всегда съ своей самкой, а если есть и съ своими дѣтками, которыя бѣгутъ всегда сзади, — это называется ходить „парой“; не рѣдко же ходятъ и „гурьбой“, т. е. соединяются нѣсколько семействъ и до десятка одинъ за другимъ переходятъ пади и горы.

Такъ какъ любимая пища оленя — ельники съ мохомъ, а растутъ они большею частью по прибрежью ручьевъ и рѣчекъ, то звѣроловы, находя ручеекъ, слѣдятъ его по пади (1) или по катп, по которой онъ бѣжитъ между горъ; въ этихъ-то междугорныхъ падахъ текутъ ручьи и по нѣскольку изъ разныхъ падей впадаютъ въ рѣчку. Потому олень имѣетъ свою тропу — или съ горы на гору черезъ пади, переходя спуски горъ, или оглабая мысъ выдающейся горы вблизи прибрежья. Последнее въ томъ случаѣ, когда увлечется пищей и ничѣмъ не вспугнуть; въ противномъ же случаѣ перебѣгаетъ гору къ другой пади.

Вслѣдствіе такой его жизни лѣтомъ, ловятъ оленей не гоньбой, а *скрадываньемъ*. Помните, что здѣсь густолѣсье, и никакихъ облавъ, или гоньбы на лошадяхъ, употреблять неудобно. Скрадыванье состо-

---

(1) Оба эти слова попятны.

пть въ томъ, что звѣроловъ, открывъ тропу къ мягкому упомянутому мочу, прячется вблизи и бьетъ внезапно, когда звѣрь проходитъ мимо; гнаться же за нимъ быстронохимъ не можетъ, а самокаты-лыжи употребить лѣтомъ нельзя.

Совсѣмъ другое дѣло зимой: олени продолжаютъ ходить по одной и той же тропѣ и осенью, снѣгъ мало по малу падаетъ и постоянно утаптывается ими, такъ что тропа остается какъ бы спасительнымъ оазисомъ среди рыхлой глубины снѣговъ, гдѣ для оленя нѣтъ вполнѣ свободнаго ни входа, ни выхода. Въ это-то время и употребляется ловъ *юньбой*. Выходятъ не менѣе двухъ (и болѣе) звѣролововъ съ винтовками и встаютъ на горѣ вблизи тропы, въ такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, чтобъ слышенъ былъ ѡкликъ. Такъ ожидаютъ оленей. Первый, со стороны котораго они идутъ, пропускаетъ ихъ и, крикнувъ другому — „на тропу“, встаетъ самъ на нее. Такимъ образомъ олени попадаютъ между двухъ стрѣлковъ и испуганные—по неволѣ бросаются ускѣкомъ въ сторону и также одинъ за другимъ (1); рыхлый снѣгъ недовольно ихъ держитъ; передовой проваливается, но приподнимается для слѣдующихъ скачковъ, а между тѣмъ грудью продавливаетъ снѣгъ и другіе за нимъ уже скачутъ легче; но мало по малу передовой обезсилливается, уже только бьется въ снѣжной глубинѣ и — падаетъ; второй и слѣдующіе перескакиваютъ черезъ него и несутся далѣе, прокладывая дорогу; а нѣсколько вздохнувшій передовой встаетъ, дѣлается заднимъ и снова несутся по проложенной дорожкѣ. Впрочемъ, этотъ дружный порядокъ черезъ нѣсколько времени нарушается снова: падаетъ и второй передовой, слѣдующіе снова скачутъ черезъ него, онъ нѣсколько времени вздыхаетъ и можетъ быть готовится съѣсть что-нибудь: но и звѣроловы не дремлютъ—передовые изъ нихъ каждый съ своей стороны несутся на лыжахъ уже въ одной рубашкѣ и безъ всякихъ тяжестей, а за ними послѣдній съ пищею и подобранной одеждой; не успѣваетъ олень закусить, какъ видитъ съ обѣихъ сторонъ догоняющихъ звѣролововъ и испуганный скачетъ снова, но каждый скачекъ его слабѣе, хоть и по готовой дорогѣ; врагъ успѣваетъ забѣжать впередъ, наводитъ винтовку и мѣткій ударъ кладетъ задыхающагося скакуна. А между тѣмъ товарищъ, бѣгущій съ другой стороны, не останавливается при этомъ и несутся далѣе: вдругъ новая сумятица между оленями,—упалъ третій передовой, по нуждѣ перевести духъ; но уже не встанетъ болѣе — пуля приковываетъ его на мѣстѣ.

---

(1) Иногда отъ неловкости бросаются олени въ разныя стороны; это очень нелюбо звѣролову, потому что половина уйдетъ.

Наконецъ ослабѣвають и прочіе олени, каждый изъ нихъ уже перебывалъ на трудной работѣ передоваго, уже томить голодь, вдыханіе не совершается свободно и полно и легкія не окисляютъ всю прилившую къ нимъ кровь; а звѣроловы зарядили винтовки и снова летятъ, — голодь они переносятъ, до сутокъ, легко—(дѣло привычное), а жажду удовлетворить не трудно—стоитъ только слегка наклониться на бѣгу, схватить лопаткой *койка* (*) снѣгу, да и въ ротъ; заболѣвшую пятку ноги, отъ набившихся подъ нее комьевъ снѣгу, лѣчить недолго,—ловко крючкомъ койка, привычная рука звѣролова на бѣгу же (во время приподнятія ноги съ лыжей) счищаетъ накопившійся снѣгъ; несется звѣроловъ не остановясь далѣе и не грузнуть, какъ ноги оленя, лыжи, а широкія и скользкія несутъ его легко впередъ и впередъ. Очевидно при такихъ условіяхъ бой дѣлается неравнымъ; къ концу сутокъ перевѣсъ явно на сторонѣ звѣролововъ и выстрѣлъ скорѣе слышится за выстрѣломъ, пуля бьетъ то отставшаго, только что онъ упалъ,—то когда онъ уже готовъ снова бѣжать,—то въ минуту, когда онъ ласкается сладкой надеждой утолить томящій голодь,—то (это ужъ верхъ торжества!) забѣжавшій впередъ звѣроловъ бьетъ передоваго и тогда остальные скачутъ черезъ своего окровавленнаго товарища. Гоньба кончается, когда всѣ олени перебиты. На это употребляютъ около двухъ сутокъ.

Конечно, этотъ ловъ употребляется не среди зимы — когда морозъ дохнуть не даетъ, а около масляной недѣли и великаго поста, когда и снѣгъ готовъ учпривать, т. е. начинаетъ появляться на немъ настъ. Вышеописанная мною картина вѣрнѣе относится къ тому времени, когда насту еще не показалось; потому что по насту дѣло кончается скорѣе: оледѣнѣвшая кора снѣгу проваливается подъ ногами оленя, задерживаетъ выпиманье голеней и свободный, какъ было въ рыхломъ снѣгу, взмахъ ногами впередъ, царапаетъ ему голени и нарѣзываетъ ихъ мало по малу до крови; а когда ею окрасилась бѣлизна снѣга — звѣроловъ, подобно звѣрю, разъярящемуся отъ первой капли крови, усиливается, сколько можетъ, свой бѣгъ, испуганный звѣрь рвется безпорядочнѣе, слѣдовательно болѣе перерѣзываетъ ноги и наконецъ измученный болью — встаетъ на мѣстѣ, какъ вкопанный, и пуля не замедлитъ уложить его. За тѣмъ другой, третій и т. д.,—словомъ, дѣло кончается скоро.

(*) *Коекъ* — костыль звѣролова. Описывая прежде одежду и приборы звѣролововъ я не зналъ, что костыль его съ крючкомъ и лопаткой называется койкомъ, онъ же называется и кухгарь.

Послѣдній же звѣроловъ съ пищей и одеждой иногда приходитъ часовъ черезъ 20, а его поджидаютъ у огонька. Утоливъ голодь, сбиваютъ убитаго звѣря, отгаскиваютъ въ стороны отъ крови, помѣщаютъ повыше на деревья и осачиваютъ ихъ: тутъ хщный звѣрь, напр. россмага, видя кровь, бѣгаетъ по низу, а еслибъ и услышала запахъ вверху не скоро взберется на осоченное дерево зимой, ибо, будучи лишено верхнихъ мягкихъ слоевъ своихъ до сочнаго слега, сна на морозѣ оледенѣваетъ и не уступаетъ когтямъ россмаги.

Если бы пришлось ночевать, тотъ же бы коекъ, котораго крюкомъ звѣроловъ очищаетъ снѣгъ пзъ подъ ногъ и цѣпляется въ случаѣ нужды при подъемахъ, а съ помощью лопаточки котораго утоляетъ жажду, служить ему и для изготровки ночлега: лопаточкой разгребаетъ мѣсто лежанья и дѣлаетъ забой, прислонясь къ которому грѣетъ свою перемержшую спину.

3-й родъ ловли — *петлями*.

Этотъ ловъ употребляется преимущественно зимою, когда олень безъ роговъ, а въ другое время напр. съ лѣта подъ осень петли менѣе годятся, потому что можетъ переломить рога и уйги, впрочемъ я говорю здѣсь только о тѣхъ случаяхъ, когда олень не попадаетъ шеей, запутавшись въ петлѣ широкими рогами, а также опускаю и *комдыхъ* (*).

Ставятся петли на тропѣ, когда олень переходитъ отъ ручья къ ручью, изъ ельника въ ельникъ, и устраиваются слѣдующимъ образомъ:

Берутся 2 дерева въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, напр. въ аршинъ, и приготавливается изъ веревки такая петля, которая привязывается концомъ за дерево, а одинъ изъ сучковъ другаго дерева всучивается межъ прядей веревки въ томъ мѣстѣ, которымъ достигнетъ она, вытянувшись, до дерева, отсюда же самая петля виситъ книзу такъ, чтобъ была не выше колѣна. Устроивъ петлю, закрываютъ ее сверху сучьями, а снизу маленькими елками, воткнутыми въ землю. Такимъ образомъ все прикрыто; олень ничего не видитъ, кромѣ пустоты въ формѣ окошка, и привыкши пробираться по чащамъ старается здѣсь осторожно просунуть свою голову, а петля, какъ скрытый врагъ, неожиданно надѣвается на шею, затягиваясь сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ его порывовъ высвобождаться.

4-й родъ ловли — *петлями съ огородамъ*.

Основаніе его одно и тоже съ предъидущимъ ловомъ, а объ устройствѣ огородовъ скажу при описаніи слѣдующаго рода ловли. Ловъ этотъ лѣтній.

(*) Т. е. безрогихъ.

5-й родъ ловли — *ямами съ огородами*.

Онъ употребляется лѣтомъ и состоитъ въ слѣдующемъ. Если на мѣстѣ безъ тропы, на переходѣ напр. отъ болота, вновь открыто будетъ мѣстопребываніе оленей, то дѣлаютъ загородъ версты на 2 и болѣе, оставляя воротца четвертей въ 5 ширины, числомъ примѣрно до 5, изъ которыхъ напр. въ трехъ устраиваются ямы, а въ двухъ — петли. Ямы обыкновенно дѣлаютъ на ровномъ мѣстѣ, а петли на спускахъ. При этомъ огородъ дѣлается въ сажень вышины и въ три жерди, такъ чтобъ нижняя была въ колѣно и петля виситъ между жердями среднюю и нижнюю; на верхнее же пустое мѣсто кладется на жерди вѣточка, чтобъ олень не соблазнялся этою пустотою для скачковъ, а въ нижнюю пустоту подлѣзть не будетъ и такимъ образомъ остается только средняя пустота, въ которой и помещается петля. Въ другихъ воротахъ дѣлаются ямы въ $3\frac{1}{2}$ аршина глубины, въ 7 четвертей ширины, въ сажень длины; въ нихъ вставляются срубы; поперегъ ямы кладется перекладинка, по длинѣ отъ края до перекладинки по двѣ жердочки, а на нихъ бросаютъ вѣтви. Олень, отыскивая проходъ, съ радостью бросается въ ворота и проваливается.

6-й родъ ловли — *самострѣлъ съ лукомъ*.

Онъ употребляется только зимою чрезъ опредѣленную тропу и устроивается слѣдующимъ образомъ:

1. Изъ дерева дѣлается брусъ длиною въ сажень, толщиною до вершка, а шириною вершка 3, но это ширина только передняго конца, тогда какъ къ заднему на нижней площадкѣ толщина стесывается клинообразно. На этомъ брусѣ на самомъ переднемъ концѣ вырѣзывается уголь, такъ чтобъ на верху выдавался вершка на 2 клинъ, который на половинѣ имѣетъ зарубку и отъ нея къ концу еще стесывается. Четверти на полторы отступя отъ вырубленного мѣста, дѣлается вторая вырубка впередъ полукругомъ, а назадъ прямая: чтобъ помѣстился лукъ.

2. Лукъ дѣлается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ было сказано въ главѣ о медвѣдѣ.

3. Для настораживанья употребляются слѣдующія части: у клинообразнаго конца самострѣла въ зарубкѣ привязывается веревка, къ другому концу которой привязанъ костылекъ; веревка эта должна быть на столько длинна, чтобъ можно было крючкомъ костылька зацепить тетиву лука уже натянутого, къ другому же концу костылька, также съ зарубкой, привязывается другая веревка, протягивающаяся къ концу самострѣла, гдѣ и привязывается за конецъ сторожка въ его зарубкѣ; а самый сторожокъ у того конца, гдѣ въ зарубкѣ привязана

веревка, сверху скошенъ, чтобъ ловчѣ лежалъ въ выемкѣ самострѣла. Сторожокъ, приложенный такимъ образомъ къ самому тонкому концу самострѣла, придерживается къ нему вырубкой насторожки, имѣющей на нижнемъ концѣ своемъ зарубку, въ которую привязывается спика, протягиваемая черезъ тропу и привязывающаяся къ дереву.

Болѣе я ничего не скажу: подробности формъ извѣстны а дѣйствіе понятно изъ болѣе подробнаго описанія самострѣла на медвѣдя.

ЛОВЛЯ ДИКИХЪ ОЛЕНЕЙ ИНОРОДЦАМИ ТУРУХАНСКАГО КРАЯ.

Около Дудинки, гдѣ все тундра, Долганы (за непмѣніемъ лѣсовъ и удобства копать ямы въ мерзлой землѣ), изобрѣли ловлю „погонкою“ (по названію туземцовъ).

Для того, когда еще не замерзнутъ озера, а табунъ оленей замѣченъ, обслѣдываютъ мѣстность и ставятъ издали колья по направленію къ озеру и при томъ такъ, что сперва (т. е. въ отдаленіи отъ озера) между двумя полосами кольевъ разстояніе саженъ на двѣсти, либо на 150 (смотря по случаю), а потомъ это разстояніе, суживаясь, доходитъ до $1\frac{1}{2}$ саженъ и оканчивается около береговаго обрыва въ озеро. Коль отъ кола на каждой сторонѣ примѣрно отъ саженъ до двухъ. Между колами для вѣрности протягивается шнуръ изъ выдѣланной оленьей кожи; а на самыя колья надѣвается нерѣдко всякая мелочь (шапки, рукавицы, лоскутья и проч.). У обрыва озера (слѣд. при суженномъ концѣ образованнаго такимъ образомъ конуса) протягивается сѣть весьма большая, въ которой бы олени могли запутаться.

Самый ловъ происходитъ такимъ образомъ: собирается не меньше 10 охотниковъ; каждый изъ нихъ запрягаетъ въ нарту пару лучшихъ „важенокъ“ ⁽¹⁾; на нарту кладутъ вѣтку и весло; при себѣ имѣютъ ножъ и копьѣ; устроясь такъ, стараются обойти табунъ и съ крикомъ бросаясь къ нему направляютъ бѣгъ его въ широкую часть вышесказанной загородки конусомъ. Если удалось загнать, инородцы радостно торжествуютъ будущую побѣду и весело несутся въ погоню. Все дѣло въ томъ, что олени, видя по сторонамъ колья, особенно съ висющими на нихъ вещами, не выскакиваютъ въ сторону въ промежутки, а несутся чистою серединой все передъ и впередъ и запутываются наконецъ, стол-

---

(1) Такъ называются самки, которыя на бѣгу гораздо легче самцовъ.

пясь, въ растянутой у озера сѣти. Конечно не всѣ же запутаются; иные перескочутъ сѣть, протянутую у обрыва и попадутъ прямо въ озеро, гдѣ уже нѣтъ спасенія, потому что инородцы спускаютъ съ нартъ на воду свои легкія вѣтки, нагоняютъ бѣглецовъ и колютъ копьями. Переколовъ всѣхъ, вытаскиваютъ на берегъ и тотчасъ же „отпускаютъ“ (т. е. снимаютъ шкуры, которыя тутъ же на мху разстилаютъ и высушиваютъ, а мясо рѣжутъ по частямъ и кладутъ на запасъ въ выкопанные для того ямы, покрывая за тѣмъ мохомъ).

Другихъ же какихъ либо особенныхъ лововъ инородческихъ я не знаю: лукъ со стрѣлой для нихъ, кажется, составляетъ главное орудіе; только стрѣлы бываютъ крайне разнообразны, то съ таморомъ (т. е. съ деревянной шишкой), для мелкихъ звѣрьковъ, чтобъ не поранить шкуры, то съ копьемъ, то съ нѣсколькими копьями въ родѣ вѣлѣ и проч., и проч.

Въ такомъ большомъ количествѣ, стадами, и въ состояніи дикомъ, водятся олени только по тундрамъ въ сѣверныхъ, приморскихъ частяхъ Туруханскаго края. Олени питаются, гдѣ есть еще деревья, лишаями и мхомъ съ нихъ, а также листьями; въ безлѣсныхъ же мѣстахъ бѣлымъ мхомъ (*Cenomus rangiferina*). Оленей тѣмъ болѣе живетъ, чѣмъ далѣе къ востоку. Лѣтомъ они идутъ или къ берегу моря или поднимаются къ снѣжнымъ вершинамъ горъ, потому что сильно беспокоящіе ихъ оводы и мошки туда за ними слѣдовать уже не могутъ, по свойству своей природы. Зимой другой врагъ: буря и вьюга, а боясь ихъ, олень уходитъ въ глубь лѣсовъ и выкапываетъ, для пищи, мохъ изъ подъ снѣгу, общипывая только верхушки его. У русскихъ при зимовьяхъ оленю не здоровится, потому что онъ обжирается, а инородцы пускаютъ на волю и стогнаютъ только тогда, какъ приходится выючить. Олени составляютъ все въ семействѣ инородцевъ: то ихъ пища, одежда и орудіе перевозокъ. Только спинная кость слаба у оленя и зная это, выючатъ осторожно; возитъ онъ пудовъ по 9; проходитъ въ сутки съ грузомъ верстъ по 30, а на легкѣ верстъ болѣе 100.

Сохатый (*Cervus alces*. Linn.).

Слѣдъ сохатаго узнается по глубокимъ ровнымъ круглымъ ямамъ почти въ четверть въ діаметрѣ, и безъ сакмы, т. е. промѣтовъ отъ каждой ноги впередъ. Способность дѣлать такіе слѣды, вѣроятно, обусловливается тѣмъ, что забрасываетъ онъ свои ноги съ боку полу-

кругомъ, а не прямо впередъ. Лововъ на сохатаго намъ извѣстно только 3.

1. Гоньбой и скрадиваніемъ.

Для сохатаго гоньба и скрадиваніе составляютъ уже одинъ ловъ. Они раздѣлены быть не могутъ, потому что и гоньба этого страшнаго звѣря не можетъ быть совершена безъ скрадиванія: не даромъ вѣдь народъ составилъ поговорку: „на медвѣдя иди постель стели, а на сохатаго иди—доски теши“. И въ самомъ дѣлѣ, на ровномъ мѣстѣ отъ него смерть неизбежна, потому что не унесутъ никакія лыжи. Не всякое дерево можетъ спасительно укрыть звѣролова, потому что сохатый лягаетъ задней ногой съ такою силой, что сшибаетъ дерево, въ четыре четверти обхвата, лучше топора; а Боже избави не увернуться, онъ за таптываетъ передними ногами такъ, что и теперь въ одной деревнѣ живо помнятъ, какъ у убитаго сохатаго нашли зимою тунгуса на копытѣ обмерзшаго, съ пробитымъ насквозь животомъ. Ходить онъ одинъ или парой, большею частію по высокимъ хребтамъ горъ, гдѣ болѣе рябины, ягодами и прутьями которой питается.

Звѣроловъ, странствуя съ осени и ранняго снѣгу, съ ружьемъ, по ухажнямъ и въ стороны отъ нихъ отвлекаясь для разныхъ звѣрей, можетъ замѣтить слѣдъ сохатаго. Мѣсто это хорошо запоминаетъ и бережетъ къ великому посту, потому что звѣрь держится постоянно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя выбралъ съ осени, переходя отъ одного стойбища ⁽¹⁾ къ другому, а идти на него быстроногаго только и можно по насту, когда учириваетъ (какъ говорятъ енисейцы) снѣгъ, т. е. когда, подтаявъ, покрывается ледяной коркой, тутъ по скользкой поверхности чрезвычайно быстро носится звѣроловъ на своихъ скользкихъ лыжахъ; между тѣмъ какъ ноги сохатаго проваливаются, выдерживать и шагать впередъ неловко препятствуетъ оледенѣлая кора и при этомъ издираетъ его камысы ⁽²⁾.

На ловъ сохатаго собирается человекъ до трехъ звѣролововъ, вооруженныхъ кобками, винтовками и топорами. Осторожно подходятъ они къ узанному съ осени мѣсту, а сохатый, почуявъ человека, идетъ со стойбища на другое. Опытный глазъ опредѣляетъ, что сохатый жировалъ ⁽³⁾ недавно, почему и идутъ за нимъ по свѣжему слѣду. Это по-

---

⁽¹⁾ Такъ называется утоптанное имъ мѣсто въ окружности рябинника. Такиимъ образомъ переходами по снѣгу отъ стойбища къ стойбищу образуется какъ бы тропа; но говоря вообще, а особенно лѣтомъ, у сохатаго нѣтъ такой тропы, какъ у оленя.

⁽²⁾ Слово это объяснено выше.

⁽³⁾ Слово это объяснено выше говоря о лисицѣ.

слѣднее выраженіе надобно понимать не въ прямомъ смыслѣ, потому что звѣроловы идутъ по сторонамъ слѣда, только вровень съ нимъ и на разстояніи ружейнаго выстрѣла, скрадываясь за деревьями и выжидая лучшей минуты. Звѣрь идетъ тихо, покойно, съ гордо поднятой головой, рогами и ушами; только проходя мимо рябинника, не можетъ не пріостановиться, чтобъ не сорвать вѣтку. Пользуясь этой остановкой, иногда нѣсколько продолжительной, звѣроловъ можетъ пустить смертельный выстрѣлъ. Но въ случаѣ осѣчки, промаха, раны легкой, или если звѣроловъ по неосторожности самъ обнаружится, сохатый выставляетъ впередъ голову, поджимаетъ уши, кладетъ на спину рога и кидается быстро на дерзкаго; звѣроловъ успѣваетъ отскочить въ сторону, звѣрь пробѣгаетъ далѣе сажень на 15, не имѣя способности къ скорымъ поворотамъ и остановкамъ; потомъ останавливается, обнюхивается и озпирется, замѣчаетъ снова охотника и несется на него снова; а тотъ уже ускочилъ за дерево и подготавливаетъ винтовку, сохатый пробѣгаетъ снова мимо, снова поворачивается и оглядывается, нарываясь уничтожить противника, но мѣткая пуля, подготовившагося тѣмъ временемъ охотника, кладетъ его на мѣстѣ. Такъ кончается дѣло въ удачномъ случаѣ. Вы видите слѣдъ, что при малѣйшей неосторожности никакой уже борьбы съ нимъ, какъ съ медвѣдемъ, быть не можетъ и народъ не даромъ говоритъ „на сохатаго иди, доски теши“.

2-й ловъ — *ямами съ огородомъ*. Устройство подобно, какъ на оленя. Отличіе состоитъ въ большемъ размѣрѣ, по величинѣ звѣря, и въ томъ, что на днѣ ямы поставлено много кольевъ, тонкозаостренныхъ кверху и высотой достигающихъ половины ямы.

3-й ловъ — *сжимомъ*.

Сжимъ состоитъ изъ двухъ одинаковыхъ половинокъ, изъ которыхъ я опишу только одну. Она состоитъ изъ бруска (по разстоянію удобно-выбранныхъ деревьевъ) примѣрно длинной до сажени, шириной въ четверть, толщиной въ три вершка. На срединѣ его продавливается аршина на полтора сквозная дыра вершка въ два ширины брусъ каждой половины вкапывается въ землю. Или, если попадутся два дерева, то обдѣлываются въ столбы, вышиною отъ земли около $2\frac{1}{2}$ аршинъ, на разстояніи одинъ отъ другаго на $3\frac{3}{4}$ со стесами на верхней трети и на такомъ мѣстѣ, чтобъ брусъ, надѣтый на нихъ дырой своей, свободно ходилъ по нимъ въ обѣ стороны на одинакое разстояніе. Однимъ концомъ брусъ входитъ въ выдолбленную дыру другаго бруса, перпендикулярно къ нему приложеннаго, длины въ полтора аршина, толщины въ квадратъ по 3 вершка, въ который вколачивается четыре желѣзныхъ зуба въ величину костылевыхъ гвоздей.

Выборъ мѣста для столбовъ, съ движущимся на нихъ снарядомъ, дѣлается вблизи дерева, къ которому бы, по отогнутіи онаго, могъ придвигаться свободный ⁽¹⁾ конецъ перваго бруса. Настораживающій аппаратъ состоитъ: 1) изъ сѣмки, протянутой отъ одной половины сѣмки къ другой и съ черемуховымъ кольцомъ на каждомъ изъ концовъ. 2) Выбираются вблизи выбраннаго большаго дерева два другихъ небольшихъ (если есть, а въ противномъ случаѣ употребляются колья), и обдѣлываются такъ, чтобъ осталось по суку, на равной вышинѣ, а на какой именно, будетъ понятно изъ слѣдующаго. 3) Къ дереву привязывается такая веревка, чтобъ могла отогнуть его въ сторону и на такомъ мѣстѣ, чтобъ по отогнутіи приходилась перпендикулярно къ двумъ деревьямъ или кольямъ съ сучьями; другимъ концомъ она привязывается къ верхнему концу сторожка въ четверть длины и на другомъ концѣ конусообразно заостреннаго. 4) Берется стягъ такой длины, чтобъ было болѣе разстоянія между парю деревьевъ и такой толщины, чтобъ будучи задѣтъ подъ сучья и когда подденетъ его тупой конецъ сторожка, могъ удержать въ нагнутомъ положеніи дерево.

Настораживаніе состоитъ въ томъ, что черемуховое кольцо на сѣмкѣ надѣвается на кончикъ сторожка, чтобъ только держалось; сѣмка протягивается къ другой половинѣ сѣмки (устроенной также какъ выше описано) и тамъ надѣвается также, между тѣмъ какъ середина ея, висящая надъ землею на четверть, слегка прикрывается прутиками у того мѣста, гдѣ отъ разведенныхъ брусомъ съ граблями осталась дорожка. Звѣрь, проходя въ эти воротца, наступаетъ на сѣмку, отъ чего кольца со сторожками снимаются и все летитъ вверхъ, а дерево, сдѣлавшись свободнымъ, бьетъ въ первый брусъ и грабли съ обѣихъ сторонъ впадаютъ въ звѣря.

Это устройство видоизмѣняютъ на разные лады, ибо сюда можно примѣнить обыкновенный сборъ двухъ сторожковъ и насторожки; а также можно натягивать деревья лукомъ въ родѣ прибора у черкана.

Вообще же крестьяне мало употребляютъ сѣмки, потому что не всякій можетъ имѣть такія грабли, да и сложно довольно.

---

(1) Т. е. безъ другаго бруса съ зубьями.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Соболь (*Mustella zibellina*. Linn.).

Слѣдъ соболя узнается по тремъ слѣдкамъ, т. е. по тремъ небольшимъ ямочкамъ въ величину его маленькой ступни, и идущимъ все по прямому, болѣе или менѣе направленію. Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ — какъ можетъ оставлять три слѣдка звѣрекъ четвероногій. Но это вѣрно, и дѣло состоитъ въ томъ, что двѣ переднихъ лапки онъ бросаетъ не равно, а одну нѣсколько впередъ, одну изъ заднихъ лапокъ приподнимаетъ, а другая — соотвѣтствующая передней, остающейся назади, ступаетъ не по линіи противъ передней того боку, а въ средину промежуточнаго между ними разстоянія ($^{\circ} \circ$); за тѣмъ при слѣдующемъ скачкѣ передняя, бывшая заднею, выдвигается впередъ, а бывшая впереди — остается взади и тогда изъ заднихъ ступаетъ уже другая, соотвѣтствующая новой задней и также въ средину промежуточнаго разстоянія; такимъ образомъ при каждомъ новомъ скачкѣ ноги передвигаются, какъ выше сказано.

Соболь ловится зимою, но преимущественно во второй періодъ, т. е. до Николаина дня, слѣдовательно въ то же время, какъ звѣроловъ живетъ у своего ухажня и зорко сторожитъ слѣды другихъ звѣрей, а соболя охотникъ и бѣлку въ плашкахъ объѣзжать, слѣдовательно напрашивается на изловъ.

Намъ извѣстно 5 способовъ ловли соболя.

1-й ловъ — *кулемной* особеннаго устройства.

Она ставится къ толстому дереву и устранивается такъ: вколачиваются вблизи дерева 4 кола попарно, разстояніемъ пара отъ пары въ аршинъ, а между собою на столько, чтобъ умѣстился порогъ, обтесанный брусомъ толщиной вершка въ 2, вышиной въ 4; на сажень отъ порога, на одной линіи и одной высотѣ съ нимъ, дѣлается подставка изъ чурки съ небольшимъ на верхней площадкѣ углубленіемъ для помѣщенія конца слежки; бревно слежки, длиною отъ сажени до полутора, съ одного конца стесывается со всѣхъ четырехъ сторонъ такимъ же брусомъ, какъ порогъ, чтобъ помѣщалась она между кольевъ свободно. Настороживающія части состоятъ изъ двухъ сторожковъ и сторожки такихъ же, какъ у бѣличьей плашки; а потому ихъ и не опи-

сываю. Ставится кулемка такъ, чтобъ насторожка, держащая въ соединеніи два сторожка, протянулась по длинѣ порога на вершокъ надъ нимъ.

Дѣйствіе орудія состоитъ въ слѣдующемъ: кулемка ставится противъ дерева порогомъ; у дерева и съ наружной стороны порога кладутся сосновыя шпшки, а съ боковъ отъ порога къ дереву составляются стѣнки изъ прутиковъ, черезъ что образуется четырехугольное пространство. Съ которой бы стороны соболь ни скакалъ черезъ порогъ въ воротца, образованныя съ двухъ сторонъ парами кольевъ, порогомъ и нависшей слегой — онъ лапками, несенными впередъ, наступитъ на насторожку, сорветъ ее со сторожковъ, они распадутся и слега, лишившись подпорки, падетъ всею тяжестью. Конечно, не всегда соболь скачетъ непременно извнѣ въ воротца, онъ можетъ подбѣгать къ шишкамъ у дерева и съ другихъ сторонъ, перескакиваетъ черезъ набросанныя стѣнки и полакомившись, чувствуетъ приманку за порогомъ кулемки и такъ какъ этотъ порогъ ниже боковыхъ стѣнъ, соболь скачетъ въ воротца и снова попадаетъ. Это ловъ по преимуществу осенній.

2-й родъ — *пастушкой*.

Такъ какъ соболь охотникъ до мышей и бурндуковъ, живущихъ въ норахъ подъ деревьями, то и пастушка также ставится къ дереву и устроивается такъ: кражъ аршина въ 4, съ одного конца раскалывается и въ расколъ вставляется ромжа; подъ кражъ кладется досечка, а съ боковъ околачиваются четверти на три отъ поднятаго конца, плотно другъ къ другу, комышки и только съ одной стороны оставляется мѣсто пройти сторожку; конецъ кража, соединенный съ ромжей, приподнимается съ помощью настораживающаго прибора. Послѣдній состоитъ изъ мотыря, кола для перегиба, сторожильнаго кола и двухъ сторожковъ.

Мотырь, принявъ на себя выдавшійся изъ-за кража конецъ ромжи, самъ перегибается черезъ сторожильный колъ, оканчивающійся вилообразно; къ мотырю привязывается небольшой сторожокъ, входящій въ зарубку сторожильнаго кола; послѣдній ставится вблизи воротцевъ въ городьбѣ; онъ вмѣстѣ съ небольшимъ сторожкомъ соединяется и придерживается другимъ сторожкомъ, который зарубкою соединивъ ихъ, подходитъ въ воротца подъ кражъ. По обѣ же стороны сторожка подъ кражомъ кладется по сосновой шишкѣ.

Дѣйствіе орудія состоитъ въ томъ, что соболь, вбѣжавъ подъ кражъ съ той или другой стороны, пробирается подъ нимъ лапками впередъ,

наступает на поперечно выдающийся конец сторожка, одавляеть его книзу, срываетъ съ мѣста прикрѣпы другаго сторожка къ сторожилъному колу, вся насторожка распадается и кряжъ падаетъ на соболя. Все это устраивается такъ, чтобъ дерево было въ углу между ромжей и кряжомъ. Ловъ этотъ употребляется лѣтомъ и осенью.

3-й родъ ловли — *капканомъ*.

Устройство его такое же, какъ у зайца, только еще менѣе; да и ставится также около деревьевъ съ наживой подъ нимъ. Соболя бѣгаетъ постоянно около деревъ, потому что скачетъ на нихъ за бѣлкой и ищетъ у выдувокъ мышей и бурундуковъ. Ловъ сей можетъ употребляться и зимой и лѣтомъ.

4-й родъ ловли — *обмѣтомъ*.

Этотъ родъ ловли употребляется только зимой и то въ такомъ случаѣ, когда, найдя слѣдъ соболя, видятъ, что скрылся онъ у дерева съ дупломъ. Въ этомъ случаѣ соболя обыкновенно забирается въ дупло и на самую высоту.

Замѣтивъ это, звѣроловъ беретъ сѣть сажень на 150 длины и сажени въ полторы ширины; отаптываетъ на нѣкоторомъ разстояніи дерево въ окружности и въ то же время ставитъ колья вышины, соответственной ширинѣ обмета; за тѣмъ идетъ съ обметомъ, одинъ край его вѣшаетъ слегка на колья, потомъ дѣлаетъ *шаркаемъ* ⁽¹⁾ на утоптанномъ мѣстѣ углубленіе, въ которое вбиваетъ другой конецъ обмета и придавлиываетъ его палками примѣрно въ руку толщины, на верхній край привязываетъ небольшіе колокольчики, чтобъ не пропустить движенія сѣти, потому что приходится долго, даже и по ночамъ, ждать выхода соболя и изъ дупла, и изъ подъ снѣгу.

Окруживъ такимъ образомъ дерево сѣтью, разводитъ подъ нимъ дымъ, который и выживаетъ соболя. Онъ, выскочивъ изъ дерева, зарывается въ снѣгъ и долго сидитъ тамъ. Одинъ звѣроловъ стоитъ на караулѣ, а другой ходитъ кругомъ съ наружной стороны сѣти, слѣдя, чтобъ не вышелъ, а если вышелъ, чтобъ не потерять напрасно время. Соскучась подъ снѣгомъ и особенно, если не могъ подгрестись, соболя выходитъ изъ снѣгу, пускается вблизи сѣти, отыскивая выхода, но вспугнутый стоящимъ въ кругу звѣроловомъ, бросается въ сѣть и не могши перепрыгнуть, срываетъ ее только съ колеьевъ и въ ней запутывается; а звѣроловъ въ минуту звука колокольчика бросается и схватываетъ запутавшагося соболя. При медленности же соболя все

⁽¹⁾ Палка, книзу мало по малу заостряющаяся. Отъ глагола шаркать.

перегрызеть и убѣжить. Руки свои звѣроловъ спасаетъ лосиными рукавицами, т. е. кожей, выдѣланной изъ шкуры сахатаго.

Обметъ употребляютъ также и тогда, какъ забьется соболь подъ колоду. Въ такомъ случаѣ сперва внимательно обходятъ окружающую мѣстность и, если нѣтъ рѣшительно нигдѣ слѣда его на снѣгу, ставятъ обметъ.

5-й родъ ловли — *стрѣльбой съ собаками*.

Этотъ ловъ употребляется по первому періоду, т. е. до Михайлова дня; но употребляется рѣдко, потому что соболь очень хитеръ: то уходитъ лѣсомъ верстъ на 10 по вершинамъ деревьевъ, то выдѣлываетъ обманчивые слѣды, то ходитъ по подснѣжью отъ одной колоды подъ другую.

Вотъ что рассказывалъ мнѣ звѣроловъ Фарафонтъ. „Вотъ ви- „дишь, в. почт., пошли мы съ сыномъ въ ухожень посмотреть бѣлку „много ли и хороша ли она? ну оно хоть бѣлки и довольно было, да „красна очень: вишь иной годъ объ эту пору бываетъ уже годна, а „тутъ—нѣтъ. И пошли мы назадъ; только смотримъ слѣдъ соболя, а „съ нами были собаки, онѣ ужъ побѣжали по слѣду; вѣстимо и мы за „ними: соболь дорогой звѣрь. Сколько ни гнались, а подошла ночь, не- „реночевали на пустоплѣсѣ, да и впередъ; послѣ полудня ужъ собаки „смотримъ мечутся все около однихъ деревьевъ взадъ да впередъ; „подошли мы, смотримъ вокругъ пяти деревьевъ десятны на двѣ, все „мѣсто соболь избѣгалъ и такъ и саякъ, побывалъ будто и на томъ и „на другомъ деревѣ, а гдѣ теперь — сказать нельзя, все перепутано, да „скрыто, посмотрѣли мы и тамъ и индѣ, плюнули да и пошли было „себѣ назадъ, только собаки заскреблись подъ колоду (1); вернулись, „смотримъ, а соболь ужъ далеко летитъ да къ лѣсу, къ чащѣ; собаки „за нимъ близко, ужъ такъ близко, что только схватить; только онъ „скокътъ на дерево, да и пошолъ по верхушкамъ съ одной на другую, „а лѣсъ, то частый; подумали тутъ ужъ его царство, да и бросили. „Вотъ какъ, в. почт. А скачетъ онъ сажени на три и хоть десять „верстъ проскачетъ, такъ гдѣ же его добудешь. Вотъ какой дошлый (2). „Точь въ точъ тотъ бродяга, что отъ попсковъ въ рѣку у берега легъ, „да черезъ дудку и дышалъ (3).“

Не могу не упомянуть еще и о томъ, что свойство соболей, а съ ними достоинство и цѣнность, чрезвычайно измѣняются по мѣстности.

(1) Колода — сложенное дерево.

(2) Т. е. умудренный въ хитрости.

(3) Это истинное происшествіе.

Замѣчательно, что мысль естественнспытателей будто шерсть звѣрей отъ холодовъ бѣлѣетъ къ сѣверу опровергается. Они видѣли это особенно на медвѣдяхъ и на волкахъ, а въ Якутскѣ это замѣтно и на лошадяхъ. За то соболѣ и бѣлки темноцвѣтнѣе къ сѣверу, да и чернобурья лисицы живутъ тамъ же. Замѣчено также, что шерсть соболей темнѣетъ по мѣрѣ приближенія къ востоку, потому и въ Енисейскомъ округѣ лучшими соболями считаются ловимые по Тунгузкамъ. Темный соболь и дороже не отъ темноты только цвѣта, а потому, что у него крѣпче мездра, волоса п гуще, и болѣе лоснятся. Чѣмъ темнѣе пухъ и нижніе волоса, тѣмъ голубѣе отливъ мѣха, тѣмъ выше и сортъ соболя, а у лучшихъ бываютъ еще серебристы оконечности волосъ. Странно, что Китайцы не понимаютъ достоинствъ соболей и, покупая болѣе соболей западной Сибири, заставляютъ изъ восточной отправлять ихъ въ Россію на ярмарки. Было время, когда соболей было множество и въ Сибири. Количество ихъ уменьшилось въ такой пропорціи, что, вмѣсто прежнихъ (лѣтъ за 15 назадъ) 35,000, теперь добывается только за 15,000. Теперь въ западной Сибири уже соболей такъ мало, что въ Томской губерніи ихъ почти нѣтъ. Въ Енисейской губерніи, вообще говоря, соболѣ и рыжеватѣе и менѣе числомъ, чѣмъ ловимые далѣе на востокъ, въ Якутской области. Впрочемъ, соболѣ Енисейскаго округа, ловимые къ востоку отъ Енисея, подходятъ почти къ якутскимъ по достоинству. Количество добычи упало отъ чрезвычайной пугливости звѣря, при увеличенія народонаселенія, отъ вырубки лѣсовъ, лѣсныхъ пожаровъ и развитія золотопромышленности; и упало такъ, что лѣтъ 50 собиралось въ Нерчинскомъ округѣ болѣе 4,000, а теперь развѣ болѣе 200 только.

Горностаѣ (Mustela erminea. Linn.).

Слѣдъ горностаѣ частый, мелкій и очень и красивый, на значительномъ пространствѣ представляетъ будто цѣпочку изъ колецъ.

Ловятъ звѣря только черканами и плашками, которыя ставятся не на деревьяхъ, какъ для бѣлки, а около деревьевъ на колоды, потому что онъ по деревьямъ не скачетъ; а также въблизи деревни, когда повадится давить куръ. Для наживы на плашки употребляется непременно рябчикъ, котораго, выпустивъ внутренности, неочищеннымъ вялятъ и сушатъ и потомъ рѣжутъ на наживу вмѣстѣ съ перьями. Это ловъ зимній.

Ловъ черканомъ. Берется пластинка сыраго дерева четвертей въ 5 длины, толщины въ полвершка, а ширины въ вершокъ. Пластинка вдоль

съ одного конца раскалывается четверти на три. Съ расколотаго конца, отступя 2 вершка, продолбливаютъ на обѣихъ половинкахъ по дырѣ, продолжающейся вверхъ на 3 вершка и шириною въ палець. Въ этотъ промежутокъ между половинокъ вкладывается брусокъ въ четверть, на концахъ съ зарубками, въ толщину боковыхъ пластинокъ, кои тутъ и вмѣщаются, чтобъ ни внутрь, ни наружу не подавался; а на него кладется сверху другая пластинка того же размѣра съ зарубками только съ наружной стороны и вкладывается свободно въ вырѣзки продольныхъ палокъ. На срединѣ другой пластинки сдѣлана сквозная дырочка въ дюймъ во всѣ размѣры, въ которую и вставляется палка на 3 четверти длины, на низу съ зарубкой въ вершокъ. Отъ поперечныхъ брусковъ отступя кверху на 6 вершковъ, врѣзывается черемуховый лукъ длиною 5 четвертей и прикрѣпляется къ обѣимъ продольнымъ пластинамъ черемуховой саргой. Его тетива лежитъ съ противоположной стороны и въ нее (въ средину) ввернута вышесказанная палка.

Вверху черкана привязывается веревка, на четверти которой привязывается мотырь, а къ другому концу мотыря привязывается еще веревка со сторожкомъ на другомъ концѣ ея. Этимъ мотыремъ (1-мъ концомъ) задѣвается петля, а сторожокъ (привязанный на другомъ концѣ) прикладывается верхнимъ концемъ своимъ въ зарубку нижняго конца срединной палки, въ то время, какъ она поднята съ помощью лука на 2 вершка; нижній же конецъ сторожка придерживается къ палкѣ кольцомъ; свитымъ изъ черемуховаго прутика и надѣтомъ на срединную палку. Къ кольцу привязаны конскіе бѣлые волосы (1). Достаточно слегка дернуть одинъ волосокъ, чтобъ кольцо снялось съ мѣста, въ которомъ придерживаетъ кончикъ сторожка, чтобы сторожокъ сдѣлался свободнымъ съ веревкой, къ которой онъ привязанъ. При этомъ мгновенно спускается натянута тетива лука, вмѣстѣ съ срединной палкой, которая перекладиной на другомъ концѣ своимъ сильно бьетъ пролѣзающаго звѣрька.

Примѣчаніе 1. Народъ считаетъ горностаевъ злопамятными, а при озлобленіи ядовитыми даже. Особенно запрещаютъ раззорять ихъ гнѣзда. Такъ будто бы когда шло бичевое судно, одинъ отставшій рабочій нашелъ гнѣздо горностаевъ, взялъ всѣхъ дѣтей и ушелъ на судно, одинъ изъ мужиковъ совѣтовалъ отнести назадъ ихъ потому, дескать, что этотъ небольшой звѣрекъ безъ мести не оставитъ. Но не послушался рабочій, судно отправилось далѣе и черезъ три дня остановилось по-

---

(1) Употребляется болѣе потому, что лучше играетъ.

чему-то; по обыкновенію побросали сходни (1), потомъ поужинали и улеглись спать. Вдругъ слышитъ кормщикъ слабое постукиванье по сходнямъ, потомъ стукнула крышка у квасницы, черезъ нѣсколько времени еще разъ, за тѣмъ снова постукиванье по сходнямъ и какъ бы на прощаньи послышалось два раза горностаево кѣрканье (2). Утромъ, когда рабочіе просили у стряпки квасу пить, кормщикъ запретилъ, говоря, пусть попробуетъ сперва собака. Оказалось, что собака отъ этого квасу издохла, за тѣмъ дали пѣтуху и съ нимъ тоже. Я бы и не упомянулъ объ этомъ, еслибъ рассказы на эту тему не были десятками.

Примѣчаніе 2. Горностай, нѣкогда одѣвавшій съ ногъ до головы нашихъ царей и царицъ, идетъ въ отношеніи достоинства и цѣнности своей, какъ бы наперекоръ всѣмъ звѣрямъ: онъ лучше на югѣ, такъ что лучшимъ считается барабинскій, енисейскій лучше ленскаго; во всѣхъ южныхъ 4-хъ округахъ горностай Енисейской губерніи лучше нашего енисейскаго.

Ласточка (*Mustela vulgaris*. Briss.).

Ловъ ласточки. Слѣдъ ласточки подобенъ горностаемъ, только меньше и ножка къ ножкѣ ближе.

Ласточка такая же по цвѣту шерсти какъ горностай; отличается же отъ него тѣмъ, что кончикъ хвоста тоже бѣлый, а не черныи. Она не болѣе, какъ въ палецъ толщины и въ четверть длины. Очень смѣрна, увидя человѣка садится на дыбки (3) и дается иногда въ руки; только старики запрещаютъ трогать, что, дескать, гдѣ около дому ведется, тамъ и счастье; живетъ если и въ лѣсу, то вблизи деревни; живетъ въ подпольѣ, вреда не дѣлаетъ, а ловить мышей; живетъ въ хлѣвахъ и приносить здоровье скоту, а если будто бы ее пообидятъ—уйдетъ и скотъ вестись не станетъ, словомъ и объ ней относительно скота тоже повѣрье, какъ о козлѣ.

На основаніи всѣхъ вышесказанныхъ данныхъ не ловятъ ее, а если бы ловить, то нѣтъ ничего лучше плашки.

Колонокъ (*Mustela sibirica*. Pall.).

Слѣдъ колонка, какъ будто въ двѣ ноги, состоитъ на снѣгу изъ двухъ ямокъ, такихъ же небольшихъ, какъ у горностаея, но поглубже;

---

(1) Т. е. плахи, по которымъ съ судна на берегъ сходять.

(2) Такъ называются звуки, издаваемые горностаемъ; отсюда же и глаголъ кѣркать.

(3) Т. е. на заднія лапы.

эта пара ямокъ отстоятъ и отъ слѣдующей, и отъ предыдущей всегда около семи вершковъ, потому что на это пространство отстоятъ и переднія ноги отъ заднихъ и скачокъ его тоже не болѣе семи вершковъ; вспрыгиваетъ онъ дружно и равно всѣми лапками, отъ того не оставляетъ отъ слѣдовъ бороздокъ (сакмы). Скачетъ колонокъ все прямо впередъ и потому слѣды его расположены по прямому направленію. Ловится только зимой.

Этотъ небольшой длинненькій звѣрекъ очень дорогъ (по крайней мѣрѣ вдвое противъ горноста), его красный, мягкій и пушистый мѣхъ идетъ на опушки, а твердые волоски очень мохнатого хвостика, какъ извѣстно всѣмъ, дороги живописцамъ для кисточекъ.

Ловы колонокъ слѣдующіе.

1. Ловится *капкѣнами*, которые ставятъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежатъ мясной пометъ на лиснцу, а также и возлѣ пасти, напр. на россомагу, потому что колонокъ охотникъ до мяснаго.

2. Попадаетъ и въ *плашки* съ рябкомъ, ставимыя на колоды для горноста, потому что также бѣгаетъ около большихъ деревьевъ.

3. Ловится *кулемкой соболѣй*, поставленной на снѣгъ вблизи дерева.

4. Въ первый періодъ до Михайлова дня ловится *стрѣлкой съ собакой*. Такъ какъ бѣгъ колонка не быстръ, то его догоняетъ собака, а если успѣетъ заскочить въ норку, то звѣроловъ разрубаетъ сверху корни дерева и собака за тѣмъ выгребаетъ его; если жъ успѣетъ вскочить на дерево, то не уходитъ отъ пули, потому что скакать по соболю не мастеръ.

5. *Горносталями черканами*.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Было время, когда рыбный промыселъ занималъ большую часть енисейскихъ капиталовъ. Это будетъ изложено ниже. Рыбодовствомъ для города Енисейска занимаются нѣкоторые изъ туземныхъ мѣщанъ, живущихъ въ предмѣстьи (или вѣрнѣе слободкѣ) „Каштакъ“. Въ Туруханскій край съ весны на большихъ судахъ отплываютъ купцы, а лѣтомъ на мелкихъ лодкахъ, на неслишкомъ большое разстояніе и за бѣлою рыбой, плаваютъ мѣщане. Каждый изъ отплывающихъ увозить

съ собою нужное количество рабочихъ людей. Они всё изъ туземныхъ мѣщанъ и называются „засольщиками“. Нѣкоторые изъ нихъ нанимаются на налѣчные деньги; большая же часть выговариваетъ себѣ право засолить и выплавить столько-то лагуновъ рыбы. Для этого они запасаются своею солью, или берутъ въ счетъ у хозяина.

Обитатели Туруханскаго края, по отношенію къ рыболовству, раздѣляются на осѣдлыхъ жителей станковъ и на инородцевъ. Осѣдлые или наловливаютъ рыбу заранѣе и засаливаютъ сами, обыкновенно весьма дурно, за недостаткомъ соли и плохимъ ея качествомъ, или начинаютъ ловить рыбу въ то время, какъ по островамъ распредѣляются приплывшіе изъ Енисейска засольщики. Для этого вся мѣстность, павѣстному станку принадлежащая, раздѣляется на части по числу неводовъ, изъ которыхъ каждый раздѣляется на доли между семьями. Инородцы же выходятъ изъ лѣсовъ и тундръ на берегъ и засоломъ уже вовсе не занимаются, а приступаютъ, послѣ сдѣланныхъ условій, прямо къ улову свѣжихъ рыбъ и тотчасъ же сдаютъ. Изъ инородцевъ болѣе всѣхъ расположены къ рыболовству „Остяки“, а потомъ Юраки и Самодѣ. О жизни всѣхъ трехъ родовъ и ихъ занятіяхъ скажемъ сейчасъ.

Объ Остякахъ.

За „камнемъ“, уже извѣстнымъ читателямъ, и за станкомъ Основскимъ, я въ первый разъ познакомился съ остяками. Они бродили на мели съ неводами, занимаясь рыболовствомъ; на небольшомъ островѣ былъ раскинутъ ихъ чумъ; вблизи стояли лодка и вѣтка.

Но я не буду забѣгать впередъ, а опишу, что знаю послѣдовательно.

Издавна подъ именемъ остяковъ слыли у русскихъ народы, нерѣдко совершенно между собою различные и этотъ предметъ разъясняется только въ послѣднее время.

Слово остякъ происходитъ, навѣрно, отъ киргизскаго „Уштякъ“ и татарскаго „Юштякъ“, что въ переводѣ значитъ „чужеземецъ“. А Фишеръ ⁽¹⁾ говоритъ что юштякъ, у татаръ значитъ „варваръ“, подобно греческому „экифъ“, т. е. пришлецъ, незнакомецъ, непросвѣщенный и дикій человекъ. И не удивительно, если побѣдители татары, овладѣвши западною Сибирью, называли такъ всѣхъ побѣжденных: удача большею частію возвеличиваетъ человекъ и даетъ ему право, съ самодовольной гордостью, считать себя неизмѣримо высокимъ, особенно такъ бываетъ

---

(1) См. его Сибирск. истор. 1774 г., стр. 35.

съ людьми, не просвѣщенными истинно и не одаренными отъ природы высокой силою характера, чтобъ не увлекаться обаяніемъ славы.

Эта догадка подтверждается: во-1-хъ, тѣмъ, что названія остяковъ нѣтъ ⁽¹⁾ къ востоку отъ Енисея, гдѣ не было и владычества татаръ, а во-2-хъ, тѣмъ, что русскіе, употребляя слово остякъ съ тѣмъ же значеніемъ, называли нѣсколько времени остяками и вогуличей ⁽²⁾.

Изъ енисейскихъ остяковъ: роды Натско-пумпокольскій, Караспнскій, Баихинскій, Тымскій, Караколскій, имѣютъ и по языку большое сходство съ Пустоярскою и Югорскою самоедью, равно какъ и такъ называемые остяки Томской губерніи; тогда какъ роды Сымско-косовскій, Подкаменскій, Верхнеинбатскій и Нижнеинбатскій говорятъ совершенно особымъ языкомъ, не имѣющимъ сходства съ языкомъ остяковъ Тобольской губерніи, языкъ которыхъ сходенъ съ языкомъ вогуличей—народа Чудскаго племени (въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ массы племенъ, говорящихъ сродно финскому языку, потому что чудью называли русскіе всякаго чужаго человѣка). Такая, весьма вѣроятная, догадка о происхожденіи остяковъ Тобольской губерніи подтверждается Миллеромъ ⁽³⁾ и относится къ 1372 г. по Р. Х., когда епископъ Стефанъ обращалъ Пермю въ христіанскую вѣру и когда много народовъ, боясь принужденія бросить свою вѣру, удалились на берега Оби.

Такимъ образомъ, можно скорѣе объяснить родство остяковъ (особенно томскихъ) съ югорскою самоедью, чѣмъ допустить сходство съ вторыми родами, такъ называемыхъ, чисто енисейскихъ остяковъ. Достаточно для того предположить, что эта самоедь образовалась отдѣленіемъ и уходомъ на сѣверъ остяковъ, стѣсненныхъ побѣдителями татарами, и тамъ уже поступила подъ общее названіе самыхъ сѣверныхъ обитателей и европейской Россіи, т. е. подъ названіе самоеди. Истина этого можетъ подтвердиться происхожденіемъ самаго слова „самоедь“, что читатели найдутъ въ одной изъ слѣдующихъ статей „объ обитателяхъ тундры“.

Къ какому же племени отнести остяковъ енисейскихъ и откуда вывести ихъ происхожденіе, если они ни съ какими разсмотрѣнными нами инородцами не имѣютъ общаго корня? Остановясь на этомъ вопросѣ г. Степановъ ⁽⁴⁾ предполагаетъ ихъ потомками уйгуровъ. А такъ какъ

(1) Впрочемъ, теперь оно переходитъ и на восточную сторону.

(2) См. Сибирск. истор. 1774 г., ст. 86.

(3) Іоанна Бернгарда Миллера, житіе и обыкновенія остяковъ.

(4) См. его опис. Енис. губ. ч. I, стр. 40.

это предположеніе очень интересно, приведемъ и мнѣніе Степанова и преданія остяковъ.

Въ землѣ Монгольской, по словамъ переводчика Абулгази, находятся три гряды горъ, проходящія у истока Енисея. Между этими горами жили уйгуры, раздѣлившіеся въ слѣдствіе несогласій. Одна часть вышла на берега Иртыша и въ свою очередь раздѣлилась на три: хлѣбопашную, скотоводную и избравшую предметомъ занятій звѣриную и рыбную ловлю съ такимъ пристрастіемъ, что желаніе кого либо сдѣлаться хлѣбопашцемъ или скотоводомъ считалось обидой или ругательствомъ. А такъ какъ звѣри все лучше и лучше, чѣмъ далѣе на востокъ и сѣверъ, то эта часть уйгуровъ и могла подаваться отъ Иртыша къ Енисею и Тазу.

Вотъ эту-то часть г. Степановъ и желаетъ считать за родоначальниковъ народа, отгнѣннаго нами именемъ енисейскихъ остяковъ. Эту догадку подтверждаютъ и преданія остяковъ, особенно Тшвотшибыкубамскаго рода. Вотъ одно: когда орда пробиралась отъ заката солнца на восходъ и пришла на Тазъ, осталось только 4 человека съ женами. Изнуренные, они лежали на берегу р. Таза, готовились уже къ голодной смерти, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ былъ объятъ нерѣдкимъ ему вдохновеніемъ, ибо онъ принадлежалъ къ мудрымъ (тшвотшибыкубамъ). Въ минуту приросли къ нему два крыла, онъ поднялся на воздухъ и оттуда быстро погрузился въ воды Таза. Прошло немного времени, онъ вылетѣлъ изъ воды снова на воздухъ и явился къ товарищамъ обнизаннымъ уже съ ногъ до головы всякими рыбами, которыя трепетали хвостами и сверкали разноцвѣтной чешуей. Съ тѣхъ поръ они начали заниматься постоянно рыбнымъ промысломъ.

Положимъ, что это преданіе, какъ и всякое другое, какъ баллады и саги, будутъ ли они изустно переданы, взяты ли изъ древнихъ рукописей и нѣсколько разъ перепечатаны на разныхъ языкахъ, положимъ, говорю, оно не имѣетъ исторической вѣроятности, но неужели не можетъ давать намека, неужели не получить значенія и въ массѣ другихъ доказательствъ? Неужели неопровержимо вѣрно только все, заключенное въ письменности, въ которой очень и очень часто бываетъ только то, чего нѣтъ на дѣлѣ и умолчано обо всемъ дѣйствительномъ: таковы вѣдь всѣ официальные рѣчи, такова и большая часть срочныхъ отчетовъ? Да и неужели въ однихъ только письменныхъ официальныхъ историческихъ документахъ, по часту ложныхъ, заключена вся жизнь народа? Какъ будто все можно передавать въ общую извѣстность! И вотъ хлопочетъ народъ передать своимъ дѣтямъ и правнучкамъ на словахъ то, что не могло быть въ письменахъ.

Вотъ складываются легенды и въ неотчетливыхъ, поэтическихъ формахъ ихъ передается истинное происшествіе, или только впечатлѣніе его. Вотъ составляются сказки, притчи и басни, гдѣ иносказательно, на случай преслѣдованія, передается потомству животрепещущая быль. Вотъ художникъ пишетъ картину событія, скульпторъ выдѣлываетъ фигуру виновника его. Вотъ скиталецъ какой нибудь вырѣзываетъ быль на камнѣ, или деревѣ вдали отъ жилья людскаго! Что это? Неужели не быль, не исторія, не жизнь народа? А выстроенныя зданія, ихъ форма и назначеніе не означаютъ ли ясными болѣе или менѣе чертами эпоху? и проч., и проч.

Къ слову теперь такъ и хочется мнѣ привести одну интересную пѣсенку, занесенную въ Енисейскій округъ, сколько могъ добиться, простонародьемъ, приходящимъ на золотые промыслы изъ Тобольской губерніи. Это большею частью поселенцы, слѣд. народъ, бродившій уже много, прошедшій сквозь огонь и воду, народъ, которому не можетъ не полюбиться пѣсенка, исполненная, хоть и незаконной, но свободной воли. Вотъ она:

Собиралися мазурики приволжскіе.

Они думу думали за единую:

А кому у насъ, братцы, атаманоу быть,

А кому у насъ, братцы, есаулоу слыть?

Атаманушко — Никита Ивановичъ.

Есаулушко — Ермакъ сынъ Тимофеевичъ.

И какъ-то мы ребята города пройдемъ?

А Казань мы, славный городъ, пройдемъ вечеромъ,

Астрахань, славный городъ, въ глуху полночь,

И пзведемъ мы ко батюшкѣ морю синему.

А порой той вверхъ по Волгѣ стоялъ бѣлый царь.

Мы пойдемте-ка, ребята, къ царю батюшкѣ на подмочь.

Мы подкатимъ-ка, ребята, пороховой казны

И не много и не мало бочекъ сорокъ сороковъ.

Мы татарамъ много злобы понадѣлали.

Царь на вольный сборъ нашъ огнивался.

„Ой вы, вѣрные холопи неподкунные!

„Что вы смотрите, ворау потатчики?!

„Али силы не хватило въ ратяхъ нашихъ

„Безъ разбойниковъ воровъ козатчиковъ?

„Возмите вы воровъ тѣхъ, тѣхъ разбойниковъ

„Утопите ихъ во батюшкѣ синемъ морѣ“!

Не побудеть то во вѣкъ вѣковъ!

Собиралися опять мазурики удалые, .

Они думу думали за единую:

Мы пойдемъ, ребятушки, въ темно царство,

Тамъ положимъ свои буйныя головушки,

Аль сослужимъ царю службу крѣпкую

И свой гнѣвъ съ насъ снять бѣлый царь!

Принесетъ пусть вихорь вѣсть на ту сторонушку,

На нашу сторонушку, на родимую,

(Гдѣ живетъ бѣлый царь батюшка),

Что за него сложили мы головушки,

Измирили мазурики смертью лютою?...

Отдѣлите поэтическія вольности и плохое знаніе географин, и вы имѣете вѣрное преданіе въ этой пѣснѣ. Слѣдовательно и приведенному преданію остяковъ можно же дать хоть какое нибудь, малое, значеніе, тѣмъ болѣе, что и ученый Кастрень ⁽¹⁾ признаетъ остяковъ вышедшими также съ верховьевъ Енисея.

А по изслѣдованіямъ молодаго ученаго Дорджи-Банзарова ⁽²⁾ уйгуры были лѣсной народъ тюркскаго или монгольскаго племени. Слѣдовательно, остается гг. филологамъ рѣшить, на сколько языкъ енисейскихъ остяковъ заключается въ себѣ элементовъ того или другаго языка.

Въ историческомъ отношеніи остяки играютъ важную роль, какъ виновники и отчасти руководители покоренія русскими земель по Тазу, Турухану и Енисею.

Не вѣришь глазамъ, читая о невѣроятной предпримчивости нашихъ предковъ, не вѣришь ушамъ, слушая рассказы о томъ, какой могучій духъ двигалъ ихъ впередъ и впередъ безъ средствъ, въ неизвѣданныя и, казалось, безпредѣльныя земли, гдѣ на каждомъ шагу могли быть новыя враги въ невѣдомомъ числѣ.

Если не диво, что безстрашный Ермакъ грянулъ неожиданно на Сибирь съ горстью храбрецовъ, какъ бы въ аккордъ славы, звучавшей на во-

---

(1) Bulletin historique philologique de l'Academie des sciences de St.-Petersbourg 1847. T. IV.

(2) См. бібліотеку восточной исторіи проф. Березина Т. І. № 3. Здѣсь кстати замѣчу, что Банзаровъ скончался въ Иркутскѣ въ 1853 году почти совершенно обурятавшись. Это фактъ, рѣзко говорящій, что воспитавшихся бурятъ не должно въ молодыхъ лѣтахъ посылать въ мѣста ихъ семействъ: родственныя, врожденныя, элементы могутъ взять верхъ надъ временнопріобрѣтенными взглядами.

стокъ о блестящемъ царствованіи перваго царя, не диво тѣмъ болѣе, что Ермакъ чѣмъ нибудь хотѣлъ загладить свои вины и вымолить право сохранить на плечахъ голову, обреченную уже, можетъ быть, на колъ.

Но то гораздо знаменательнѣе, что въ часы гибельныхъ междоцарствій, въ часы, какъ несчастныя обстоятельства грозили разорвать отечество наше, находились граждане, люди торговые, какъ бы вѣровавшіе въ будущую силу и значеніе Руси и беззаботно, съ неслыханнымъ хладнокровіемъ пролагавшіе новые пути въ безвѣстныя страны, покупая кровію, голодомъ и холодомъ каждый шагъ впередъ, не вѣдая, для чего и надолго ли? Да, все это, по нашему скромному мнѣнію, могло свершаться только въ тотъ моментъ, когда самъ народъ, его масса, засыпанная пепломъ историческихъ обстоятельствъ, выставила на бѣлый свѣтъ свою голову и хотѣла было думать своею мыслью, распоряжаться о себѣ и для себя своею волею. Но успѣла только защититъ, спасти свою родину, свою отчизну, да водворить гражданственность въ Сибири, и снова погрузилась она въ прежнюю дремоту отъ наплыва удушливыхъ обстоятельствъ.

Да, то были такія дѣйствія по уму, твердости и мощи духа, что, преклоняясь предъ ними съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, отгадно сознавать себя потомкомъ тѣхъ предковъ! Что, еслибъ вскорѣ прежній духъ въ нашихъ современникахъ и они бы хотъ понесли свои силы и средства въ долины прекрасной Даурии, по водамъ пароходнаго Амура!

Покорителями и вводителеми гражданственности въ мѣстности нынѣшняго Енисейскаго округа были русскіе и зыряне съ рр. Печоры и Сѣв. Двины. А подивитесь, какъ труденъ былъ путь, которымъ пробылись они, — путь, теперь могущій только удивлять, но не употребляться въ дѣло: отъ Архангельска шли они вдоль береговъ чрезъ проливъ Вайгачскій въ Карскую губу, изъ нея въ рѣку Мутну, проплывъ по которой пять дней, перебирались волокомъ къ рѣкѣ Зеленой, а изъ нея въ Обскую губу, изъ которой уже обыкновеннымъ путемъ черезъ волокъ, до губы Тазской.

Потому и не удивительно, что прежде всего явился городъ въ глухомъ сѣверѣ, на Тазу. Основанъ онъ въ 1602 г. и названъ Мангазеей. Народонаселеніе прибывало и явилась большая потребность въ жизненныхъ потребностяхъ. И такъ какъ доставка ихъ изъ Березова была до невозможности трудна, да и остяки стали отходить далѣе на юго-востокъ, то слѣдуя за ними, равно какъ и для соединенія съ казаками, направлявшимися къ Енисею съ юга, откуда было бы удобнѣе получать и припасы, жители Мангазее основали въ 1608 г. туруханскій острогъ,

скрывши его отъ нападеній въ камыши на островъ, куда, послѣ пожара въ Мангазеи, переведенъ и городъ; острогъ же енисейскій основанъ уже въ 1619 году, отъ котораго, къ сожалѣнію, нѣтъ въ Енисейскѣ и слѣдовъ.

Кромѣ такого покоренія края, слѣдуя по пятамъ остяковъ, эти инородцы играютъ роль въ отношеніяхъ русскихъ къ тунгузамъ. Даже первая встрѣча съ послѣдними не обошлась безъ помощи остяковъ, которые во время битвы встали съ русскими и дали перевѣсъ. Тунгузы были въ большемъ числѣ подъ начальствомъ храбраго Данула, который, опершись на длинную палку свою, давно уже съ безпокойствомъ посматривалъ на занятіе русскими прекрасныхъ долинъ, разстилающихся на западъ. Поэтично очерченъ этотъ бой у Фишера: „на до-
длинѣ, прилежавшей къ Енисею и окруженной тальникомъ, русскимъ
представилось невиданное зрѣлище: масса враговъ была одѣта въ оди-
наковое платье; шлемы и щиты ихъ были желѣзные, чешуйчатые; за
плечами висѣли колчаны со стрѣлами; длинныя острия палмы при-
слонялись къ лѣвому плечу; луки были натянуты; бой былъ упорный
и кончился побѣдою Молчанова“.

Перейдемъ къ настоящему остяковъ. По всему берегу Енисея отъ Камня до города Туруханска разбросаны тамъ и сямъ Остяки трехъ управъ — Подкаменнотунгуской, Верхнеинбатской и Нижнеинбатской; они и говорятъ другимъ языкомъ, чѣмъ ихъ сѣверные соплеменники. Изъ свѣдѣній, полученныхъ мною въ 1860 году отъ туруханскаго отдѣльнаго засѣдателя официально, можно составить слѣдующую таблицу:

Названія родовъ.	Число душъ.		Мѣста осѣдой и кочующей жизни остяковъ и откуда они продовольствуются жизненными припасами.
	Муж.	Жен.	
Остяковъ Подкаменно-тунгускихъ, включивъ сюда и нѣсколь-ко человекъ тунгузовъ, случаевъ заброшенныхъ на р. Елогуй	51	26	Они бродятъ по Подкаменной Тунгускѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ.
Остяковъ Верхнеинбатскихъ	305	246	Они бродятъ (послѣдніе сѣвернѣе первыхъ) на всемъ пространствѣ до г. Туруханска. Хлѣбъ и соль получаютъ каждый изъ этихъ трехъ родовъ въ соотвѣтственномъ мѣстномъ магазинѣ.
Остяковъ Нижнеинбатскихъ	137	146	

Остальные остяки живутъ за гор. Туруханскомъ къ сѣверу, не задаваясь, впрочемъ, далеко ни на востокъ въ мѣста тунгузовъ, долгановъ и якутовъ, ни на сѣверъ въ мѣста юраковъ и за тѣмъ самаюди.

Названія родовъ.	Число душъ.		Мѣста осѣдой и кочующей жизни остяковъ и откуда они продовольствуются жизненными припасами.
	Муж.	Жен.	
Остяковъ Байхинскихъ.	117	91	Они бродятъ на протяженіи 400 верстъ по р. Турухану, считая отъ впаденія его въ Енисей и по притокамъ Турухана — Блудной, Байхѣ и Маковихѣ; для нихъ имѣется на устьѣ р. Байхи, въ 225 верстахъ отъ г. Туруханска, особый магазинъ.
Остяковъ Тымско-Кораконской орды	271	201	Они обитаютъ на западъ отъ Енисея, только и далѣе и сѣвернѣе по р. Тазу и притокамъ ея — Кудасеѣ, Тымкѣ, Караконкѣ и Цокаткѣ, на пространствѣ 400 верстъ; причислены они къ магазину у церкви на Тазу.
Остяковъ Карасинскихъ	47	41	Обитаютъ они на р. Лѣтней-Курейкѣ и около озера Мандуйскаго; они причислены къ карасинскому магазину.

Большая часть всѣхъ остяковъ живетъ очень бѣдно, тогда какъ на нихъ числятся большіе долги въ казенныхъ магазинахъ, примѣрно рублей по 200 на каждомъ остякѣ. Причины этого явленія прежде всего въ плутняхъ вахтеровъ при магазинахъ, которые или употребляютъ въ свою пользу хлѣбъ, пишутъ, что хотятъ на безграмотныхъ, или не сбавляютъ недоимокъ, употребляя въ свою пользу полученныхъ въ платежъ звѣрей. А жаловаться невозможно, да нерѣдко и не кому; остяки уходятъ въ глубь лѣсовъ за промысломъ и могутъ не видѣть проѣзжающаго разъ въ годъ начальника, да и начальнику можетъ показаться невнятною, невразумительною, ихъ просьба. Выходить за нѣсколько тысячъ верстъ къ старшему начальству, они не могутъ; проѣзжающимъ по тракту почтамъ строжайше запрещено принимать по дорогѣ всякіе пакеты, и жалоба, чтобы попасть на почту, должна прослѣдовать верстъ за 1,000 въ г. Туруханскъ, гдѣ обитаетъ и властвуетъ надъ всѣми частями управленія самъ засѣдатель! Вторая причина въ уменьшеніи количества звѣря. Третья въ томъ, что до появленія запасныхъ магазиновъ, по теченію Енисея до Туруханска, остяки от-

правляли обязанность рыболововъ-работниковъ для енисейскихъ купцевъ, которымъ сбывали и звѣря, получая въ вознагражденіе на годъ всѣ жизненныя потребности, слѣдовательно забора въ казнѣ и долговъ быть не могло. Наконецъ, причина въ томъ, что въ послѣдніе годы прекратилась доставка имъ (т. е. осякамъ трехъ южныхъ управъ) изъ Туруханска разной одежды изъ оленьи по цѣнамъ дешевле купеческихъ, почему плохо одѣтые, во время большихъ холодовъ, они остаются въ чумахъ у огня, вмѣсто занятія звѣроловствомъ.

Остяки большею частію роста средняго и вообще слабосильны.

Лица ихъ не представляютъ ничего особеннаго въ выраженіи; только мужчины смотрять будто сурово и пасмурно, какъ то изъ подлбья, а женщины болѣзненно.

Многіе мужчины носятъ почти такое же платье, какъ крестьяне, будучи знакомы даже и съ рубахою. Другіе же придерживаются своего костюма, который состоитъ изъ длиннаго халата, сшитаго изъ выдѣланныхъ съ обѣихъ сторонъ, иногда выкопченныхъ, а иногда бѣлыхъ, оленьихъ кожъ. Лѣтомъ изъ холста, или дабы, подбрюшники наши, или свои хорьки, т. е. отъ колѣнъ до пояса, а зимой хорьки же изъ ровдуги, а сверху суконныя длинныя пагавицы; на ногахъ тоже что у женщинъ.

У женщинъ и дѣвицъ одинъ и тотъ же нарядъ; длинныя рубахи, короткіе штаны, халаты подпоясанные и открытые нѣсколько на груди, завѣшенной всегда нагрудникомъ, чорки съ холщевыми чулками на ногахъ, а затѣмъ такіе же, какъ у мужчинъ, хорьки.

Головы у бѣдныхъ женщинъ покрываются бумажными платками, а у богатыхъ суконными или китайчатыми шапочками, опушенными какимъ нибудь мѣхомъ, напр. бѣличьими и колонковыми прошивами такъ, что головки этихъ звѣрьковъ утверждены напереди, а ушки расправлены вверхъ.

Волосы нѣкоторые стригутъ по крестьянски, а нѣкоторые распускаютъ безъ стрижки по плечамъ, дѣлая проборъ впереди. За то послѣдніе почти незнакомы съ шапками.

Относительно опрятности скажу, что оба пола очень грязны и нечистоплотны, какъ въ будни, такъ и въ праздникъ, тогда какъ рыболовы обыкновенно бываютъ опрятнѣе другихъ, купайся себѣ сколько душѣ угодно! Впрочемъ, эта нечистота далеко не такъ велика какъ описываетъ ее Палласъ: видно христіанство и общеніе съ русскими имѣли свое вліяніе.

О религіи въ Енисейскѣ мнѣ говорили: „что остяки давно уже христіане; потеряли даже всякое воспоминаніе объ язычествѣ; что ша-

мановъ у нихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ какъ они увѣряютъ“. Для меня же, посѣтившаго не разъ ихъ чумы и землянки, оказывается на дѣлѣ вотъ что:

Если и допустить названіе шаманской религіи, то у остяковъ она, хоть и есть, но, во-1-хъ, выводится по ихъ жизни вблизи деревень, а во-2-хъ, они и никогда не были столь преданновѣрующими, какъ напр. тунгузы. Что шаманство у нихъ до сихъ поръ случается, они отъ меня не скрывали. Замѣчательно, что въ то время, какъ десятки лѣтъ трудятся обращать бурятъ въ христіанство, да и то съ малымъ успѣхомъ, здѣсь совершилось все очень легко. Не знакъ ли это, что тамъ препятствуютъ ламы и признаки религіи, болѣе или менѣе организованной тогда какъ у остяковъ никто не препятствовалъ, да и религіи (въ смыслѣ чего-то организованнаго) никакой нѣтъ.

Однакожь и до сихъ поръ остяки плохіе еще христіане; внутренній смыслъ имъ почти недоступенъ, а наружная сторона христіанства плохо соблюдается: такъ по дальности церквей — младенцевъ крестятъ лѣтъ четырехъ; похороны завсѣять также отъ обстоятельствъ, а между тѣмъ мертвецы не ждутъ, предаваясь гниенію; женидьба освящается церковью вмѣстѣ съ крещеньемъ дѣтей; а однобрачіе лишаетъ остяковъ работницъ бесплатныхъ. Такъ говорить преданіе: одинъ остякъ просилъ у начальства позволенія имѣть двухъ женъ и когда ему, было отказано, то хитрецъ спросилъ — „ну, а работницъ, какъ у нашего засѣдателя, можно“?!

Впрочемъ, каково бы ни было отсутствіе религіи — остяки признаютъ добрыхъ и злыхъ духовъ, а слѣдовательно имѣютъ понятіе о добрѣ и злѣ. Но признаніемъ существованія этихъ добрыхъ и злыхъ духовъ дѣло и кончается, потому что хотя и дѣлаютъ въ рѣдкость кой-гдѣ божковъ, но чуть ли не за тѣмъ, чтобъ въ случаѣ неуспѣха въ чемъ нибудь высѣчь ихъ, бросить въ огонь и отправиться на мольбу къ Святителю Николаю; за тѣмъ признаютъ Единого Бога, называемаго по-остяцки „Ессь“.

Главное занятіе этого племени есть рыболовство. Остяки готовятъ рыбу не только для своего пропитанія и на зиму, но и для карасинцевъ, т. е. енисейскихъ купцевъ, плавающихъ за Туруханскъ ⁽¹⁾ съ товарами и привозящихъ тысячи по четыре пудовъ соленой рыбы. Здѣсь замѣчу, что мнѣніе г. Гегемейстера (во II ч. на стр. 530 его статист. обзор. Сибири), будто за Туруханскомъ торговля ведется на

---

(1) До селенія Карасины (отъ чего и ихъ названіе); отъ Туруханска около 1,000 верстъ.

тѣхъ же основаніяхъ, какъ ниже Березова (т. е. товарамъ, скупленными дорогою въ самомъ Березовѣ), не вѣрно; потому что на Оби торговля производится казаками и мѣщанамъ, слѣдовательно мелочью, которая, прибѣжавъ на легкихъ лодкахъ, запасается товаромъ въ Березовѣ; тогда какъ здѣсь нѣсколько капитальныхъ лицъ приходятъ большими судами, нагруженными своими товарами, частью которыхъ открываютъ ярмарку въ самомъ Туруханскѣ, а частью торгуютъ на пути къ нему и по станкамъ за нимъ къ морю. Такъ говорю, остяки, размѣщаясь родами по Енисею, на берегахъ и островахъ, а по спаденіи воды и на меляхъ, продаютъ рыбу карасинцамъ; впрочемъ не однимъ имъ, а также и бѣлорыбцамъ, т. е. приплывающимъ изъ Енисейска до Инбацка только, въ началѣ августа, за бѣлою рыбою, которой въ то время уловъ.

То, что рыболовство составляетъ ихъ главный промыселъ, воплѣтъ соотвѣтствуетъ вышеприведенному преданью о происхожденіи енисейскихъ остяковъ.

Чѣмъ ловятъ рыбу они — не описываю, потому что отъ способовъ ловли русскихъ туземцевъ отличія нѣтъ.

Какъ только весенній снѣгъ началъ таять, остякъ со всѣмъ семействомъ отправляется на берегъ извѣстной ему, или любимой имъ рѣки и устроиваетъ тутъ свое временное жилище.

„Погода хорошая; завтра я пойду ловить рыбу!“ восклицаетъ онъ. А поставить чумъ — дѣло чуть-ли не минутное, какъ для цыгана-бродяги разбить свой шатеръ. Остяцкіе чумы даже похожи издали на цыганскіе шатры. Чумъ дѣлается изъ бересты ⁽¹⁾, вареной въ большихъ котлахъ. Въ такомъ видѣ береста называется тиска ⁽²⁾ и бываетъ длиною до 5 аршинъ, а шириною иногда до 3 четвертей. Нѣсколько такихъ штукъ сшивается вмѣстѣ, по длинной линіи своей, съ помощью особаго инструмента, называемаго „дуть“. Желѣзные и деревянные части дута равной величины; желѣзко имѣетъ чисто копьеобразную форму; длина всего дута вершковъ 6. Для сшиванья употребляется постегонка (т. е. ссученная конопля). Отъ выварки береста дѣлается мягкою, воплѣтъ очищенною отъ вѣтринокъ и коры. Я думаю, что дѣлать изъ этой бересты чумъ полезно по сильному противоревматическому свойству березы и потому, что береста не пропускаетъ мокра.

---

(1) Обращаю на это вниманіе лицъ, говорившихъ мнѣ съ Енисейскѣ, что чумъ дѣлается изъ березовой коры, напротивъ — кора остается на деревѣ; а снимается и употребляется въ дѣло береста.

(2) Тиска, т. е. вареная береста, вошло въ полное употребленіе у русскихъ.

Чумъ состоитъ изъ 60-ти сошекъ, соединенныхъ вмѣстѣ вверху такъ, что остается, болѣе поларшина, отверстіе для выхода дыму; въ основаніи чумъ до 6-ти аршинъ въ поперечникѣ, а высоты около 4-хъ аршинъ. Вмѣстѣ съ чумомъ начинается приготовленіе вѣтки⁽¹⁾, лодки снастей и проч., и если все готово, не ждутъ вскрытія рѣки, а пробиваютъ размякнувшій ледъ пешнями и продѣваютъ въ воду сѣти. При моемъ осмотрѣ чумы были почти пусты. Всѣ имуществы были въ лодкѣ. Въ лодкѣ узкой, высокой, съ длиннымъ носомъ, сажень приблизительно 5-ти длины, не имѣющей ни одного гвоздя изъ желѣза, и не углубляющейся болѣе поларшина, былъ сдѣланъ берестяной домикъ. Онъ раздѣленъ на двѣ половины и съ дверками въ каждую половину. Здѣсь между многими вещами весьма обыкновенными, употребляемыми у русскихъ, или преимущественно у тунгузовъ (кои тамъ и описаны будутъ), нашелъ я вещи до сихъ поръ неизвѣстныя: это сумты⁽²⁾ и

(1) Вѣтка дѣлается выдалбливаніемъ середины изъ цѣльнаго дерева такъ: сперва обдѣлываются концы, на подобіе острыхъ концевъ лодки, потомъ вдоль дерева проводится, въ ладонь ширины, бороздка; для того, чтобъ сдѣлать вѣтку легко и правильно плавчатою, нужно имѣть стѣнки всюду равной толщины; почему провергочной трубкой, перевязанной на извѣстномъ мѣстѣ ниткой, просверливаются до нитки дыры, на равномъ одна отъ другой разстояніи, вокругъ, поперечными и одинъ другому горизонтальными, рядами; потомъ дѣлаются изъ сосновой коры длинные колышки, называемые у нихъ сторожками и вколачиваются въ провернутыя дырки на ихъ глубину. Тутъ начинается уже вытесыванье, при которомъ работникъ внимательно слѣдитъ, не появится ли гдѣ, на бѣло-желтоватой поверхности дерева, красноватое пятно коры сторожка. Ограничиваясь на всѣхъ мѣстахъ этимъ знакомъ, онъ получаетъ равновыдолбленную внутренность и одинакую толщину стѣнокъ. За тѣмъ вѣтку мочатъ водою, поджаривая на огнѣ наружную сторону и въ то же время намазываютъ смолой (для предотвращенія трещинъ) и ставятъ распорки свнутри; черезъ это образуется настоящая форма лодки. Вѣтка отличается отъ русскихъ лодокъ и легкостью и крѣпостью; она не требуетъ убытковъ даже на гвозди; она такъ легка, что ее можно переносить на себѣ съ мѣста на мѣсто.

(2) Сумты, инструментъ употребляемый для отдѣлки кожи. Онъ состоитъ изъ дерева около аршина длины; по срединѣ, въ болѣе толстомъ мѣстѣ, вбиты два желѣзка, хорошо закаленныхъ въ родѣ стали и имѣющихъ такую форму, что въ широкихъ (до $\frac{3}{4}$ вершка), почти заостренно-пластинчатыхъ концахъ своихъ, вышедшихъ на эту сторону, заключается и вся сила. Ими-то и производится отдѣлка; тогда какъ другая половина каждаго изъ этихъ формокопытчатыхъ желѣзковъ имѣетъ видъ гвоздя, вбита въ дерево съ противной стороны и вышла сюда только кончикомъ, который загнуть и приплюснуть весьма крѣпко. Употребляютъ инструментъ (взявшись руками за углубленныя части дерева), подобно стругу, съ той только разницей, что спустивъ (какъ-бы стружку) однимъ желѣзкомъ, они дѣлаютъ небольшой оборотъ палки, и, заводя вверхъ, производятъ уже другую стружку другимъ желѣзкомъ. Такимъ образомъ (если кожа виситъ), за

сидягоксъ (1), которыхъ описаніе любопытствующій читатель найдетъ въ примѣчаніи.

Подготовивъ такимъ образомъ все, остякъ будитъ свою жену на завтра словами: „скорѣе приведи вѣтку, подай сѣть, подведи собаку!“ Горе женѣ, если она осмѣлится сказать ему хоть наприм. „подожди“ „или поднять тяжело“. Мужъ тутъ беретъ полѣно и, съ словами: „худо дѣлаешь“, начинаетъ колотить свою сожительницу. Разумѣется, это не всегда дѣлается, но дѣлается чаще, чѣмъ у другихъ инородцевъ.

Въ Сибирской лѣтописи Саввы Есипова объ остякахъ, бродившихъ по Оби, между прочимъ, сказано: „во истинну и скотамъ не уподобившихся сѣмъ людіе: скоть бо, аще есть и безсловесно, но что есть Богомъ повелѣно ясти ему и не ясть, звѣря или птицы, или траву сѣнную. Сѣмъ же чловѣцы неуподобившихся сѣмъ, понеже..... сыроядцы, звѣриина же и падская мяса снѣдающе скверно и кровь пїяху, яко воду отъ животныхъ, а также и траву и кореніе ядаху.“

Въ этихъ словахъ странное сліяніе истины съ совершеннѣйшею ложью. Истина принадлежитъ описанной картинѣ, а ложь, и ложь, обличающая невѣжество въ сказавшемъ ее, лежитъ во взглядѣ и сужденію объ этой картинѣ.

За что же эта брань, это выставленіе хуже скотовъ? За то, что составляетъ плодъ нужды и требованій природы; за то, что составляетъ спасеніе ихъ жизни. Разберу по пунктамъ.

Не только Савва Есиповъ (ему простиительно по тому времени), но есть и теперь люди, выражающіеся такъ: „ничто не можетъ быть

однимъ взмахомъ, при нѣкоторыхъ поворотахъ инструмента, дѣлають двѣ стружки, т. е. при спускѣ внизъ одну, и при подъемѣ рукъ вверхъ другую, подхвативъ уже нижнимъ желѣзкомъ.

(2) *Сидягоксъ* (*) инструментъ, употребляемый для мягченія кожъ, такой же длины какъ предыдущій, сдѣланъ изъ дерева съ мѣстами для рукъ въ концахъ; сила его заключена въ желѣзѣ, помѣщаемомъ въ углубленіи, выпнутомъ для него во вдавшейся сторонѣ инструмента; самое желѣзо составляетъ какъ бы пилу въ мизинецъ ширины и съ тупыми зубчиками; отъ пилы идутъ еще гвоздеобразные концы, которые вбиваются въ дерево и выходятъ загнутыми и приплюснутыми концами. Этими концами пила, плотно уложенная въ выемку и выдавшаяся на мизинецъ изъ за оной, неподвижно прикрѣпляется къ дереву. Употребленіе сидягокса состоитъ въ томъ, что кожу, растянутую и прибитую вверху и внизу, шаркають взадъ и впередъ, чѣмъ обчищаютъ и сильно мягчатъ ее.

(*) Буева : произносится какъ латинское *h*.

гаке и отвратительнѣе остяка, разрывающаго зубами рыбу и съ особеннымъ удовольствіемъ пьющаго кровь“.

Грустно (чтобъ не сказать болѣе!) слышать столь рѣзкія сужденія о томъ, чего не понимаютъ. Я же отвѣчу: что употребленіе сырой рыбы спасительно отъ скорбута; что свѣжую сырую рыбу употребляютъ не одни остяки, но всѣ коренные сибиряки и при томъ такъ, что у большинства рыбокъ вовсе не разбиваютъ головки, а трепещущую, посоливъ, вкладываютъ хвостикомъ въ ротъ и едва дрогнетъ она во рту, какъ головка уже отбрасывается въ сторону; а крупную всѣ сибиряки, на рыбалкѣ или во время тяги бичевой, глушатъ ударомъ головы о камень, тогда какъ въ другое время, на свободѣ поступаютъ иначе; слѣдовательно за что же винить въ этомъ, какъ въ поступкѣ хуже звѣрскаго, однихъ остяковъ? А употребленіе въ зимнее время мерзлой сырой рыбы есть общее достояніе коренныхъ обитателей восточной Сибири. Это кушанье, называемое строганиной (*) и приготовляемое изъ тонкихъ стружекъ какой нибудь лучшей ленской, енисейской или байкальской рыбы съ солью и перцомъ, такъ прекрасно, что я не припомню — къ чему бы другому (конечно изрѣдка) имѣлъ я такое сильное влеченіе. Слѣдовательно, за что же нападать на однихъ остяковъ? Скажу болѣе — не таке ли видѣть человѣка надъ устрицами, а это между тѣмъ въ такомъ почетѣ, впрочемъ и не удивительно, вѣдь это модное, съ запада? Говорить же смѣло объ этомъ нѣмю я право послѣ счастливаго и несчастнаго случаевъ въ арестантской больницѣ. Поступило въ больницу два содержавшихся въ острогѣ, несчастныхъ остяка, оба въ скорбутѣ. Перваго лечилъ я по правиламъ науки; но замѣтивъ, что болѣзнь не уступаетъ, обратился съ вопросомъ объ его прихотяхъ, сдѣлалъ дѣло, да уже поздно: общая водянка развернулася быстро и быстро убила. Другаго же, страдавшаго сильнѣе, я спросилъ у совѣта больницы посадить на ту пищу, какую самъ назначить, ведя лечение своимъ порядкомъ. Вотъ и пошло: то сырая рыба, то свѣжая кровь животнаго, то рыба вареная, то жиръ животнаго, и все это въ перемежку. Какой же результатъ? Человѣкъ видимо поправлялся, когда получалъ требуемое; видимо ухудшался, когда не успѣвали удовлетворить желаніе его въ тотъ же день, и наконецъ совершенно оправился. Замѣчательно, что каждый разъ, по выпискѣ изъ больницы въ острогъ, хотя и на возможность прогулки по воздуху, но, очевидно, какъ говорится, на пищу св. Антонія, онъ захварывалъ снова и спѣшилъ возвращаться въ больницу.

(*) Строганина отъ глагола строгать и существительнаго стружки.

Такъ разобралъ я употреблеііе сырой рыбы и свѣжей крови; осталось еще обсудить брань остяковъ за то, что „траву и кореніе ядыху“. Господа! Да неужели мы не ѣдимъ ни травы, ни кореньевъ и именно въ сыромъ видѣ, а не въ вареномъ? Припомните всѣ наши и простые, и гастрономическіе обѣды, отъ рѣдки до пастарнака и салатовъ. Неужели одни остяки ѣдятъ это, потому, дескать, что они хуже звѣрей? Да за чѣмъ же даны намъ зубы всѣхъ сортовъ и отъ плотоядныхъ, и отъ травоядныхъ животныхъ, т. е. и рѣзцы, и клыки, и растиральники? Словомъ, человѣкъ такъ и созданъ быть животнымъ всеяднымъ. Да, кромѣ того, обратите вниманіе на то, что самая внѣшняя природа, среди которой живутъ остяки, ихъ дѣятельность и свойства ихъ лѣнивой и вялой натуры, наконецъ болѣзни ихъ, словомъ все влечетъ ихъ припасть, какъ говорится, къ матушкѣ сырой землѣ и пожирать сырое ея: у остяковъ развитъ скорбугъ, а природа даетъ во множествѣ дикій щавель, сѣвернѣе же къ Туруханску все пихта, да хрѣнь и хрѣнь, какъ хорошія и противускорбугныя средства. Видите, какъ заботится природа, какъ стройно и соотвѣтственно все въ ней, умѣйте только прислушаться къ гармоніи ея звуковъ, присмотрѣться къ сочетанію ея красокъ.

Мы остановились, кажется, на пищѣ остяка. Утоливъ самъ жажду и голодь, онъ начинаетъ думать о семействѣ, беретъ наловленную рыбу и идетъ въ чумъ. Войдя въ дверь, бросаетъ добычу женѣ съ словами: „принеси дровъ, раскладывай огня, будешь жить весело“. За тѣмъ самъ укладывается и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ на цѣлый день, или до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ голода. Проснувшись, онъ требуетъ ѣсть и снова засыпаетъ. Вообще полѣниться и поспать остяки охотники: это какъ бы въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что, по преданію, они назначены быть болѣе рыболовами, чѣмъ звѣроловами, гдѣ требуется болѣе дѣятельности.

До тѣхъ поръ, пока у остяка есть съѣстные припасы, онъ считаетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Если по пзвѣстному озеру, рѣкѣ или рѣчкѣ уловъ рыбы сталъ уменьшаться, остякъ снимаетъ свой чумъ и отходитъ на другое мѣсто.

Занимаясь самъ ловлею рыбы лѣто, онъ предоставляетъ женѣ заготовку зимнихъ припасовъ, какъ-то: 1) *варки*, для чего варятъ въ котлѣ стерлядей, пока испарится вода, и потомъ держатъ котелъ на слабомъ жару, пока рыба завялѣетъ; 2) юкалы, т. е. щуки, карасей, язей, высушенныхъ на солнцѣ; 3) пѣрсы, т. е. всякой рыбы высушенной и смятой въ крупный порошокъ. Если во время лѣта жена не была рачительна къ хозяйству и мало заготовила запасовъ на зиму, то при-

дется питаться завялыми, или изъ подъ снѣгу выбранными ягодами — рябиной, брусникой и проч.

Вотъ все, что я успѣлъ на первый разъ видѣть и выпросить. Остановливаться долѣе было нельзя, я пустился по Енисею далѣе и скоро за станкомъ, при которомъ впадаетъ Средняя (Подкаменная) Тунгузка, сдѣлалось уже опасно продолжать путь по рѣкѣ: она, будто изъ зѣва, выпускала леденѣвшія массы, въ которыхъ попадались глыбы уже въ нѣсколько сажень и не столь мягкія, чтобъ можно было разбивать веслами и разрѣзывать носомъ лодки. 30 утромъ привѣтствовали меня вставшія забереги, но я упорно продолжалъ путь, пробираясь между льдомъ и ожидая оттепели, которая бы поразмягчила тѣ же льдины. Ночью на 31-е пришлось за свою настойчивость быть въ опасности, а съ разсвѣтомъ меня притерло льдомъ у станка Бахтинскаго (изъ 4 дворовъ).

Здѣсь осенуя я продолжалъ изученіе жизни остяковъ и въ ихъ сырыхъ, холодныхъ, дымныхъ и душныхъ землянкахъ писалъ свои замѣтки.

Мнѣ говорили въ Енисейскѣ, что: „съ наступленіемъ заморозковъ и первоснѣжья, остяки углубляются въ лѣса для звѣринаго промысла, гдѣ роютъ землянки, оставляютъ въ нихъ семьи, а сами выходятъ на промыселъ, временами возвращаясь, чтобы принести добычу и навѣдаться“.

На дѣлѣ же я нашелъ значительно иначе, при первыхъ заморозкахъ и по первому снѣгу, т. е. здѣсь (*) съ 10 октября, вытаскиваютъ остяки съ береговъ изъ воды свои лодки, готовятъ нарты, луки, стрѣлы, словомъ заканчиваютъ лѣто и готовятся къ зимней работѣ. Потомъ около половины октября, на мѣстѣ, тутъ же, гдѣ и были, выкапываютъ землянки, въ аршинъ глубиною, дѣлаютъ изъ толстыхъ жердей крышу (въ родѣ нашей) съ отверстіемъ въ срединѣ, для выхода дыму; въ это отверстіе выходитъ кверху суживающаяся труба, укрѣпленная на широкой, въ полъ вдѣланной стѣнѣ; труба и стѣна обмазаны глиной; стѣна ставится неподалеку отъ выхода, такъ что раздѣляетъ какъ будто чумъ на прихожую и комнату чистую, въ которой полъ прикрытъ вываренной берестой; по сторонамъ печи придѣланы (оставивъ мѣста для прохода) скамьи, на которыхъ стоитъ посуда, а подъ ними живутъ собаки; въ потолокъ, или въ выходящей надъ землею боковой стѣнѣ, сдѣлано окно съ матовымъ стекломъ, т. е. льдиной; крышу забрасываютъ разными палками, потомъ травой, вѣтвями

(*) Въ описываемой мною мѣстности, гдѣ осеновалъ я.

чернолѣсья и за тѣмъ землею; въ одну сторону дѣлается дверь, открывающаяся наружу, а чтобъ открыть ее—вырыто сколько требуется мѣста въ землѣ, сдѣланы двѣ лѣстницы и за ними разгребается снѣгъ для выхода, надъ которымъ придѣлана кровелька. Въ устроенной такимъ образомъ землянкѣ остается семейство на время, около полутора мѣсяца, пока не наступитъ настоящая зима, пока не придетъ въ самую лучшую продажную форму звѣрь и пока не вернется изъ лѣсовъ самъ хозяинъ, остякъ, ухивившій отыскивать мѣста, гдѣ пріютились звѣри, потому что во время улова поздно будетъ дѣлать розыски, да и углубляться отъ жилья тогда, по случаю холодовъ и пурга, будетъ опасно. По возвратѣ съ такихъ поисковъ хозяина отправляются уже изъ землянокъ всей семьей въ лѣса, останавливаются вблизи звѣровыхъ мѣстъ, разгребаютъ снѣгъ и въ немъ ставятъ обыкновенный берестянный чумъ свой, прикрывая мерзлую землю хвойными вѣтвями и насыпая на нихъ, въ средину чума, землю, по крайней мѣрѣ на четверть толщины, чтобъ на ней безопасно было разводить огонь. Не подалеку отъ землянки ставятъ лабазъ ⁽¹⁾, прикрытый отъ снѣга парусомъ, для всякой домашности, а гдѣ нибудь въ сторонѣ, иногда у самой дороги, другой лабазъ съ провіантомъ. Счастливыя мѣста! Здѣсь какъ будто и не знаютъ, что значить воровать. На удивленіе мое: какъ оставляютъ остяки у самой дороги провіантъ безъ присмотра, крестьяне отвѣтили мнѣ такими взглядами, что я покраснѣлъ до ушей и не зналъ, чѣмъ бы вознаградить этихъ благородныхъ людей за свое оскорбительное подозрѣніе. Вотъ что нашелъ я на мѣстѣ, своеглазно. Прибавлю еще, что у остяковъ побогаче, за Туруханскомъ, на р. Тазѣ, гдѣ и холодитѣ, и олени у нихъ есть, встрѣчаются жилища на подобіе русскихъ избъ, такъ что крыша укрыта дерномъ, бываютъ по сторонамъ и норы, съ одной стороны отгороженное мѣсто въ родѣ кладовой, а съ другой — для небрачныхъ еще членовъ семьи.

Отправляясь на звѣроловство, остякъ беретъ съ собою пищи столько, сколько можетъ увезти. Звѣриный промыселъ его, не есть настоящий промыселъ, который бы онъ велъ съ охотою, со страстью и который бы обогащалъ его, нѣсколько: это скорѣе дѣло нужды, для пищи, для взноса ясaku и для платы за забранный хлѣбъ въ казнѣ. Изъ убитыхъ звѣрей, въ случаѣ надобности, остякъ можетъ ѣсть каждаго, кромѣ колонка, горностаю, волка и лисы. А на вопросъ мой—почему? отвѣчали о первыхъ двухъ — что скверно пахнутъ, а о двухъ послѣднихъ, что похожи на собаку, ихъ единственнаго друга и

⁽¹⁾ 4 столба съ крышкою на нихъ.

помощника, которую уже ни за что не будут ѣсть. Интересны названія нѣкоторыхъ звѣрей, напр. лисца (каганъ), волкъ (хыйтъ), горностаѣ (кергенъ): замѣчаете ли вы — какъ эти названія выражаютъ звуки, издаваемые каждымъ изъ этихъ звѣрей? Или вы не слыхивали ихъ, слѣдовательно и повѣрить-то не на чѣмъ. Остяки имѣютъ особенный страхъ, а за тѣмъ и уваженіе, къ медвѣдю. Если кто изъ остяковъ убьетъ медвѣдя, то вѣсть эта разносится далеко, многіе сходятся къ трупу, почтительно кланяются ему, и ужъ затѣмъ съ какимъ-то видомъ почтительности, осторожности и даже робости и кожу снимаютъ, и мясо ѣдятъ. Чтò такая картина не есть случайность, а результатъ вѣрованія, видно изъ слѣдующаго интереснаго обычая: когда между остяками случится преступленіе, даютъ виновному либо медвѣжье ухо, либо медвѣжій зубъ, чтобы онъ и цѣловалъ, и грызъ, и рубилъ его. Если остякъ все это выполнить, не сознаваясь въ винѣ, то иногда это, въ родѣ нашей присяги, освобождаетъ отъ подозрѣнія; но если оно очень сильно, то употребляютъ крайнюю и послѣднюю мѣру, которую, какъ и нашу клятву подъ колокольнымъ звономъ, рѣдкій можетъ вынести не сознавшись, это — цѣлованье въ ноздрю горностаѣей головы, для каковаго случая хранятъ цѣльную шкуру этого звѣрька.

Мы видѣли уже почти все домашнее устройство остяковъ, но въ хозяйствѣ я забылъ упомянуть о собакахъ, бывающихъ въ однихъ и тѣхъ же, съ хозяевами, зимнихъ чумахъ, слѣдовательно грязь, вонь, сырость должны быть непремѣнными принадлежностями такихъ жилищъ, а затѣмъ и развитіе скорбута; но, не смотря на неудобства, женщины успѣваютъ выдѣлывать кожи, прясть нитки для сѣтей, шить все платье на мужей и на себя. Собакъ своихъ, такъ называемыхъ ѣзжалыхъ, остяки очень берегутъ и кормятъ остатками своей же пищи, какъ единственное и полезнѣйшее у нихъ домашнее животное, потому что оленей у южныхъ остяковъ вовсе нѣтъ, по неимѣнію для нихъ зимой подножнаго корма, т. е. оленьяго мха.

Къ концу зимы, едва весеннее солнце обогрѣетъ природу, начать рыхлѣть снѣга, проваливаться ноги, а лыжи лишатся своей скользкости, какъ остяки оставляютъ свой звѣринный ловъ, собираютъ чумъ, не заходя въ осеннія землянки, а спѣшатъ прямо на берега, къ рыболовью, успиваются пробивать пешнями ледъ, чтобы запустить сѣти, и потомъ, въ случаѣ успѣха, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ жадности и наслажденія, впиваются въ первыя трепещущіяся рыбки! Съ помощью этой пищи, вмѣстѣ съ всеживительной весной, прогоняется уныніе духа, ослабленіе тѣла и скорбуть, этотъ плодъ безостановочнаго жестокаго мороза для

плохо защищенных обитателей душных и грязных землянок и чумовъ.

Жизнь остяковъ состоитъ въ стремленіи къ осуществленію очень малаго числа желаній, по общему закону: чѣмъ менѣе знаній, тѣмъ менѣе желаній. Понятіе о порокѣ мѣряется явнымъ зломъ, ущербомъ, а о добродѣтели — степенью приносимой пользы.

Сонъ легокъ и беззаботно сладокъ, если есть что ѣсть. На худой же уловъ и рыбы и звѣря правительство открыло для остяковъ давно хлѣбные запасные магазины, съ появленіемъ которыхъ у остяковъ растутъ и долги, и лѣнь.

Остякъ бываетъ простякомъ, пока не ознакомится съ русскими: съ того же времени — вино, карты и щегольство развиваютъ въ немъ много страстей. Таковъ ужъ видно міровой законъ, что, вмѣсто истиннаго просвѣщенія, принимаютъ сперва, по видимому, приглядныя, но порочныя, стороны цивилизаціи, эти болѣзненные наросты на здоровомъ деревѣ образованія.

Хотя остяки и отличаются (по крайней мѣрѣ теперь) большею плутоватостью, чѣмъ напр. тунгузы, но на звѣриныхъ промыслахъ показываютъ (подобно послѣднимъ) столько честности, что считаютъ за постыднѣйшее преступленіе взять изъ чужой ловушки попавшаго звѣря: замѣченный же въ этомъ лишается права быть съ другими въ сообществѣ.

Торговля ихъ отношенія состоятъ въ мѣнѣ: но какъ большую частью дѣлается мѣна, предоставляю говорить самимъ крестьянамъ. Послушайте же крестьянскую рѣчь.

„Лѣтъ 25 тому назадъ, какъ бывало остяки понаѣдутъ въ нашу деревню, семействъ до 70 и болѣе, тутъ имъ и приготовишь пивца „да съ шѣстой (1), кадушку ведеръ въ 15; вотъ и позовешь ихъ будто „въ гости, выставишь имъ пива посередѣ двора и скажешь: ну пейте „за мое здоровье! Они тутъ и ну пить за мое здоровье сколько чьей „душѣ угодно, сколько въ моготу войдетъ; а когда покончутъ пиво (2), „головы одурѣютъ у нихъ и учнутъ они, въ знакъ благодарности, на- „кладывать въ ту же кадушку-то что осушили, бѣлокъ да горностаевъ „и накладываютъ, бывало, полную.

„Намъ прежде куды-какъ хорошо бывало. И шастѣ спасибо — много „помогало. Извѣстно, — вина нѣтъ; хмѣлю тоже; какъ быть, а съ трезвымъ

---

(1) Ниже будетъ объяснено.

(2) Кабаковъ, а слѣдовательно и вина, по станкамъ Туруханскаго края нѣтъ.

„не столкуешь скоро, бѣда какъ торгуется—собачій сынъ! А какъ за-
„дашь ему пивца съ шастой, такъ и денегъ не просить: куда какъ
„до хмѣлю падохъ! А нынѣ не такъ-то скоро надуешь остяка, по-
„тому что понарусѣли. Да еще что же теперь: если дашь ему въ долгъ
„что изъ одежды, обуви, или муки, то того и гляди, что надуешь; а
„если прошелъ годъ тому долгу, то и не спрашивай лучше, а то от-
„вѣтитъ „что ты! какъ чистый дуракъ, спрашиваешь свой кислый
„долгъ!“ Если ужъ молвилъ „кислый долгъ“, то и знай, что платежа
„не будетъ. Кислой вишь по ихнему, что, по нашему пропащій долгъ. Есть
„ныне, что и отдають долгъ, по все наровятъ за собой хоть немного ос-
„тавить, да еще въ долгъ припросить побольше, съ тѣмъ намѣреніемъ,
„что хотя-де и не отдамъ, такъ было бы по крайней мѣрѣ изъ за
„чего глазами хлопать. А просить на него куда пойдешь?! Намъ вѣдь
„нельзя выторговывать у нихъ,—они въ казну должны. Иной остякъ на-
„беретъ въ долгъ хозяевъ у пяти, да какъ всѣ придутъ къ нему тре-
„бовать долгъ, онъ бестія потупить глаза въ землю и самъ себѣ
„подъ носъ толкуетъ: „гдѣ мой возметъ; нѣтъ; послѣ будетъ!“ И кто
„бы ни спросилъ, всѣмъ одинъ отвѣтъ. Ну, извѣстно, ходишь, ходишь,
„да и бросишь, а онъ наровитъ прискаты жительство гдѣ нибудь при
„другой деревнѣ, подальше. Тамъ, поди (1), и ищи его.

„Оно все бы ничего, да то бѣда, что на пиво не подаются нынѣ.
„Когда станешь угощать, поставишь ведро, а онъ и даетъ только 2
„бѣлки, да еще за малое ведро дѣлаетъ выговоръ: „э-э, твоя ведра
„мала! ну, бачка, твоя ведра давай больша, а эта ведра мала“.

„Да много и не разговоришься съ ними: должники стали по казен-
„нымъ магазинамъ, люди подказанные и дѣло-то втихомолку дѣлаешь
„какъ бы не узнали, а то бѣду еще накличешь, примѣрно смотрителя,
„или засѣдателя, тутъ ужъ торговля-то и выйдетъ клиномъ! Долгу на
„остякахъ много, звѣрь куда-то отошелъ; а о бѣлкѣ они говорятъ,
„будто нельзя имъ ловить за разъ болѣе двухъ тысячъ, будто великій
„грѣхъ, въ другой годъ счастья не будетъ. А я такъ своимъ разумомъ
„полагаю, не въ грѣхъ дѣло, а коли всѣхъ самокъ перебьютъ, то, и
„вправду, приплода ко проку (2) не будетъ.“

Такъ рассказывалъ крестьянинъ. По моимъ удостовѣреніямъ жи-
тутъ нѣтъ нѣскольکو.

Вы остались только въ недоумѣніи, что за странное пиво — безъ
хмѣлю одураетъ. и что за неизвѣстная, таинственная вещь — шахта. Ну,

---

(1) Ступай.

(2) На будущій годъ.

чтожъ дѣлать, потерпите не много: не вдругъ и я самъ узналъ, приводилось подступать и такъ и сякъ, чтобъ вызнать правду; да и узналъ только потому, что у крестьянки, какъ ни хитра она, есть непреодолимая привычка поболтать. Этимъ я воспользовался и изъ подъ тишка вывелъ на свѣжую воду, что такъ старательно скрываютъ крестьяне отъ земскихъ властей, исключая своего старшины, который на этотъ случай забываетъ уже свою должность и старостиха слыветъ, къ ея чести даже, за первую пивоварщицу на станкѣ.

Сначала слѣдуетъ заготовить сладковатаго вкуса хлѣбъ, какъ для квасу; за тѣмъ заварить въ кадушкѣ пудъ ржаной муки и мелко искрошить заготовленный сладковатый хлѣбъ; за тѣмъ прибавить кипятку, положивъ соломы или сѣна и, не плотно приходящійся къ кадушкѣ, кругъ; за тѣмъ, раскаливъ довольно количество простыхъ камней, бросать ихъ одинъ за другимъ въ кадушку не покрытую, пока заключенное въ ней закипитъ ключомъ; потомъ дать устояться и когда готово осторожно вынимать изъ кадушки стырь ⁽¹⁾ и мало по малу выпустить сусло и остудить его; за тѣмъ въ это сусло положить приготовленной какъ должно шасты, поставить въ печь въ большихъ котлахъ (вѣрнѣе горшкахъ), варить до хорошаго кипѣнья, вынуть и остудить; за тѣмъ слить это въ кадушку съ остатками, прибавить чашки три дрожжей и дать укиснуть; по изготавкѣ слить, шасту выбрать въ рѣшето и выжать; наконецъ дать устояться хорошенько, сливать въ боченки, и закупоривши плотно, ставить въ погребъ. Дней черезъ 15 будетъ хорошее пиво. Оно стоять можетъ, не теряя никакого изъ своихъ качествъ, до трехъ мѣсяцевъ (по крайней мѣрѣ столько времени уже испробовано, въ ожиданіи выхода изъ лѣсовъ остояковъ съ добрецомъ своимъ, ради полученія каковаго добраца и нужно вскружить имъ немножко голову!). Но все-таки вы не узнали до сихъ поръ что за вещь эта шаста. Совѣстно и рассказывать такъ заинтересовавши. Это не больше, какъ наростъ на деревѣ „ель“, на его сучьяхъ; она во всякое время имѣетъ свою хмѣльную крѣпость, и, замѣняя бывающій на другихъ деревьяхъ мохъ, походить формою на листья травы мать и мачиха. Запасовъ шасты не дѣлаютъ, потому что она есть во всякое время. Пиво съ нею здѣшніе жители варятъ обыкновенно во время страды; нѣкоторые же, побогаче, и ко всякому особому празднику или случаю, а главное какъ пріятнѣйшему изъ празднованій—выходу остояковъ изъ лѣсовъ съ мѣхами. Для варки въ пивѣ шаста

---

(1) Стырь, т. е. тупоконцый клинъ, вставляемый въ просверленные въ кадушкахъ дырки.

должна быть водахъ въ трехъ горячихъ вымыта и выжата, словомъ, пока вода изъ красновато-грязной не будетъ оставаться чистою. Конечно, отъ этого мытья и выжиманья теряется сила, но за то такая шаста, кромѣ пріятнаго одуренія, не оставляетъ ничего дурнаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, тогда какъ отъ немытой крѣпкой болитъ послѣ голова, какъ съ похмѣлья, и на языкѣ остается непріятный вкусъ пла.

Перехожу отъ общественной дѣятельности остяковъ къ семейной ихъ жизни.

Рожденіе дѣтей не сопровождается никакими обрядами. Замѣчанію нѣкоторыхъ, что „остячки часто умираютъ въ родахъ, вѣроятно отъ постоянного грубаго обхожденія съ ними мужей“ — я не нашелъ ни малѣйшаго подтвержденія, къ удовольствію слабонервныхъ читателей.

Замѣчаніе, что „бабничать некому“, также относительно всѣхъ видѣнныхъ мною остяковъ оказалось несправедливымъ: каковы бы ни были, а есть у нихъ свои бабушки, такъ, что когда беременная остячка уходитъ за звѣремъ съ семьей въ лѣсъ, то уводитъ съ собою и бабушку. Мужчины же въ этомъ толку не знаютъ и объяснить мнѣ ничего не могли, не смотря на все наше тѣсное взаимнорасположеніе.

Родятъ большею частію въ другомъ чумѣ. По рожденіи приводятъ женщину въ чумъ жплой, гдѣ она должна лежать у входа, передъ огнемъ, а всѣ приходящіе шагаютъ черезъ нее. Словомъ, свершается что-то въ родѣ очищенія. Съ новорожденными поступаютъ различно; одни и большею частію какъ у русскихъ, обливаютъ теплою водою и на вопросъ мой о холодной, всегда отвѣчали: „что ты бачка, мала онъ, заморозишь“; а другіе, живущіе дальше отъ русскихъ деревень и менѣ имѣющіе сношеній съ ними, погружаютъ (хоть и рѣдко, подобно тунгузамъ), младенца въ снѣгъ, чѣмъ какъ бы посвящаютъ его всѣмъ суровостямъ сердитаго сѣвера и закаляютъ на борьбу съ ними. Не считите это только плодомъ варварства; за это много говоритъ необходимость; да вспомните къ тому же обращеніе съ дѣтьми спартацевъ, обхожденіе почти вовсе не вызванное суровостью природы. За тѣмъ вносятъ ребенка въ чумъ, обмываютъ водою изъ снѣга, заворачиваютъ въ теплыя оленьи кожи и кладутъ около дымящихся головашекъ въ берестяную зыбку.

Видѣнные мною зыбки имѣли форму гробиковъ и висѣли на веревкѣ такъ, что головка была выше ногъ; ребенокъ былъ одѣтъ заячьей шкуркой, а подъ нимъ слой древесныхъ опилокъ, отлично всасывающихъ всякую нечистоту и часто смѣняемыхъ.

Воспитаніе даютъ суровое. По прошествіи мѣсяца, кормятъ уже

ребенка стертою въ водѣ варенной рыбой. Чуть покажутся зубки, передъ малюткой уже сырое оленье мясо и сырая рыба, даютъ этого впрочемъ не болѣе двухъ разъ въ день. Какъ вы находите, завидные желудки!? До 12 лѣтъ остяки водятъ дѣтей почти безъ всякой одежды. Съ 12 пріучаютъ стрѣлять, ходить за оленемъ, дѣлать ловушки, нарты, чумы и пр.

Послушаніе дѣтей къ родителямъ сохраняется нерушимо, но не столько по долгу, сколько изъ страха; войдя же въ возрастъ и крѣпость остякъ, нерѣдко въ сердцахъ, тузятъ бачку по праву сильнаго. Да это и не удивительно: когда же у христіанъ по названію, но не проникнутыхъ духомъ христіанства, можетъ быть иначе?! Съ 18 лѣтъ остяки принимаютъ все тяжести возмужалыхъ и не расстаются съ ними до смерти. Такъ на станціи Канса, вскорѣ за моимъ пріѣздомъ, вбѣжалъ въ комнату престарѣлый, съ бѣльмомъ на одномъ глазѣ и сильнымъ тускомъ на другомъ, остякъ, и съ крикомъ „помоги бачка—съ голоду умпраемъ!“ бросился въ ноги. Блѣдное изъ синя лицо, слѣпота, согбенная фигура и крайнее рубище—дѣлали его весьма жалкимъ. Бывшіе тутъ крестьяне объяснили, что этотъ старикъ долженъ питать все семейство, что одинъ богатый мужикъ занялъ все лучшія рыболовныя мѣста и что вблизи деревни болѣе не осталось мѣстъ, тогда какъ въ прежніе годы эти мѣста занималъ остякъ и слѣд. по привычкѣ они принадлежать ему. Я велѣлъ позвать богатаго мужика и зная, что не принадлежу къ числу вельмошннхъ полицейскихъ, послѣдовалъ обычному своему правилу—удѣлывать дѣла, не возвысивъ голоса. Едва вошелъ мужикъ, остякъ заголосилъ, что, дескать, смерти его хочетъ. Зная, какъ упрямы богачи, я зажалъ ротъ остяку и держалъ такой разговоръ съ богачемъ:

— Здравствуй, другъ!

— Здравствовать желаемъ.

— Ты Бога знаешь и боишься!

— Какъ же!!

— Остякъ слѣпъ?

— Слепъ.

— Онъ дрихлъ?

— Старъ.

— Семейство большое?

— Точно.

— Вѣдь онъ нищій? (при этомъ я подалъ остяку денегъ при словахъ: вотъ тебѣ милостыня).

— Правда, родимый!

(Замѣьте ужъ родимый въ ходу, значитъ подается кремень)! Но неужели ты его-то ужъ грабить и голодомъ морить хочешь?

— Никакъ нѣтъ-съ, в. в.—бдіе!

(Велпчать началъ, звать сильно подается кремень: усилить еще нужно впечатлѣніе)!

— Такъ гдѣ же онъ, съ семьей, слѣпой, возьметъ, когда и мѣсть для ловли по близости нѣтъ, а прошлогоднія его всѣ ты занялъ?

— Я ему уступлю половину.

Въ это время остякъ, слѣдпвшій за всѣмъ, какъ крикнетъ: „не вѣрь, бачка, не вѣрь! не вретъ, такъ пусть дастъ честна рука!“

— Изволь другъ! отвѣчалъ мужикъ. Остякъ какъ бы помолодѣлъ, выпрямился, бросился опрометью въ двери съ крикомъ: „спасибо бачка“ и чрезъ нѣсколько минутъ легкія лыжи весело и свободно, вовсе не старчески, мчали на ту сторону стараго остяка, къ его бѣдной землянкѣ.

Жена для остяка должна быть прежде всего хорошей работницей, а потомъ вѣрной женой. Въ случаѣ невѣрности, онъ съ ней не говоритъ, бьетъ и ругаетъ; впрочемъ невѣрность рѣдко случается, конечно не по христіанской сознательности долга, а просто по лѣности и неповоротливости остяка, свѣтское волокитство у нихъ не въ модѣ!

Бракъ есть у нихъ чистая покупка жены. Желаящій жениться на извѣстной дѣвушкѣ идетъ къ отцу своей возлюбленной и прямо говоритъ ему: „я хочу жениться на твоей дочери“. Затѣмъ начинается торгъ—сколько женихъ дастъ калыма, обыкновенно отъ 10 до 50 руб. сер. и болѣе, или на столько же мѣховъ. Но этимъ не кончается дѣло, какъ обыкновенно пишутъ: довольный отецъ велитъ обратиться къ дочери. Тогда на невѣсту накидываютъ покрывало и двѣ остячки садятся около нея. Приносятъ женихъ съ другими остяками (вѣроятно боярами!) котель съ разными нарядами и уходитъ; невѣста откидывается и пересматриваетъ даръ, при чемъ, если находитъ недостаточнымъ, выбрасываетъ и садится по прежнему подъ покрывало, поддерживаемое съ боковъ двумя остячками (вѣроятно свахами). Женихъ со свитой входитъ, видитъ, что все разбросано, собираетъ, уноситъ въ свой чумъ дополняетъ, перемѣняетъ и снова приноситъ. Въ видѣнныхъ двухъ случаяхъ невѣста оставалась недовольна и во второй разъ также выбрасывала. Все это дѣлается молча, никто словечка не проронитъ. Наконецъ въ третій разъ невѣста откидывала покрывало, пересматривала вещи, оставалась довольна, укладывала все въ порядкѣ обратно въ котель и са-

дцлась по прежнему. Женихъ входитъ; видить, что дѣло на ладу и радостный остается въ томъ же чумѣ. Остачки снимають съ невѣсты покрывало и тутъ женихъ съ невѣстой цѣлуются; женихъ беретъ за руку и отправляется въ церковь. Большою же частію дѣло обходится просто, безъ сладкаго или скромнаго поцѣлуя, словомъ, только безъ поцѣлуя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весь торгъ производится между сватомъ и отцомъ.

Возвратясь изъ церкви въ свой чумъ или въ чумъ своего отца, женихъ начинаетъ пиръ, для чего созываетъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ и угощаетъ всѣмъ, что есть, а главное, конечно, виномъ, если найдется. У г. Степанова ⁽¹⁾ сказано, что бракъ, благословенный въ церкви, довершается такимъ образомъ при пылающемъ кострѣ, возліяніи Бахусу, пѣсняхъ и пляскѣ. Но здѣсь г. Степановъ дѣйствительностію описанія совершенно пожертвовалъ риторической фигурѣ, или чтобъ смягчить выраженіе — поэтическому увлеченію; потому что, во - 1 - хъ, никакихъ возліяній Бахусу нѣтъ; во - 2 - хъ, пѣсенъ также ни одной и никакой нѣтъ, а кричитъ каждый все, что ему вздумается, общая же всѣмъ есть, правда, одна пѣсенка, если только угодно назвать ее пѣсней: херъ, херъ, херъ, херъ, и все это однообразно выдыхательнымъ звукомъ горла, для котораго затылокъ долженъ пригнуться назадъ, а губы вытягиваться впередъ точь въ точь въ такія пластины, какъ вытянуты въ анатомическихъ театрахъ мышцы, окружающія ротъ, на раздѣленномъ ⁽²⁾ и высушенномъ человѣкѣ; нѣда боившись, чтобъ послѣ нѣсколькихъ херканій струнки голосовыя не лопнули! Это мучительные и для уха звуки: ни у одного звѣря нѣтъ, кажется, такого однообразнаго звука; поросенокъ съ своими рюканьями и голошеньями просто наипротивоположнѣйшій пѣвецъ! Вы не смѣшайте только съ этимъ херъ, употребляемаго у другихъ шнородцевъ, все таки двухзвуковаго ехоръ, или скоръ. Въ - 3 - хъ, пляска только одна, если только назвать пляской переминанье съ ноги на ногу, взявшись за руки вкругъ. Между тѣмъ какъ у того же г. Степанова вовсе не упомянуто объ употребляющейсѣ у остяковъ игрѣ таморомъ. Таморомъ называется шишка, на концѣ стрѣлы, чтобъ убивать, не разрывая звѣринныхъ (напр. бѣличьихъ) шкурокъ. Игра состоитъ въ изученіи искусства стрѣльбы: для этого ставятъ они жердочку и отмѣриваютъ отъ 15 до 20 луковъ ⁽³⁾ пространство, гдѣ ставятъ вторую жердочку; раздѣляются на двѣ пар-

(1) См. ч. II, стр. 65.

(2) На нашемъ языкѣ называется осетровать части.

(3) А лукъ будеть въ сажень почти.

тіи и у каждой съ своей стороны отмѣрено тоже пространство; по жребію или уговору, которая нибудь сторона начинаетъ таморомъ стрѣлять въ серединную жердочку стрѣлять и если съ разу попадетъ, то вся партія подвигается на лукъ, за тѣмъ второй выстрѣлъ и т. д., пока промахнется, послѣ чего начинаетъ стрѣлять уже вторая партія, также подвигаясь за каждой удачей на лукъ. Дѣло тутъ въ томъ, кто скорѣе подвигнется.

Такъ проводится время. Впрочемъ, не всегда начинаютъ съ церкви, иногда христіанскими обрядами бракъ освящается и гораздо позже; тогда уже за грѣхъ не считается употреблять въ дѣло и шамановъ.

Говорили мнѣ въ Енисейскѣ, что „нѣтъ ничего безчеловѣчнѣе обращенія остяковъ съ больными, что бросаютъ захворавшаго безъ пищи и сами уходятъ“. Я нашелъ совершенно другое: не только больного никогда не покидаютъ, но даже по нѣскольку семействъ, сколько ихъ бываетъ вмѣстѣ, сидятъ надъ нимъ и не ходятъ на промыселъ, такъ что на вопросъ крестьянъ о томъ, почему бѣдны и безъ звѣря пришли съ ловли? отвѣчаютъ: „вотъ этотъ мужикъ болѣлъ, ну, всѣ и сидѣлъ подлѣ“. — Зачѣмъ же вы такъ дѣлали? отвѣчаютъ: „да какъ же: ушелъ всѣ—бѣдный больной хуже, а пришелъ всѣ и больной лучше“. Такъ по крайней мѣрѣ у остяковъ Нижнеибацкихъ. Случалось, напр., по веснѣ видѣть: плыветъ остякъ въ вѣткѣ, а за ней волочитъ другая вѣтка; что это у тебя? „мертвый былъ зимусь, вотъ и везу его, надо землю копать“, отвѣчаетъ азіятецъ. Это похвальное качество, навѣрно, результатъ вліянія христіанства; но оно какъ будто сжилось съ понятіями ихъ, потому что на мои шутилывы замѣчанія, что надобно бросать, они смотрѣли съ крайнимъ удивленіемъ. Развѣ только страхъ отъ прилипчивой болѣзни заставляетъ ихъ поступать иначе? не знаю, можетъ быть.

Для умершаго обыкновенною смертію вырываютъ могилу; тѣло покойника обвертываютъ въ бересту и зарываютъ въ землю вмѣстѣ съ тою одеждою, въ которой умеръ и съ тѣми вещами, которыя ему принадлежали: лукомъ, стрѣлами, ножомъ и т. п. Иногда убиваютъ на мѣстѣ и погребаютъ тутъ же его собакъ. Словомъ, оставляютъ все нужное на случай оживанія умершаго, хотя, конечно, никто еще не оживалъ. Боже! какъ высока идея о безсмертіи души: она не покидаетъ человѣка ни въ жгучихъ пескахъ юга, ни въ льдахъ угрюмага сѣвера; нѣтъ, кажется, ни одного народа, у котораго бы не проявлялась эта идея, какъ бы это ни казалось безсознательно, какъ бы ни была темна и смѣшна самая форма. Такъ или иначе, а идея эта не

Примѣчаніе 3. Описаніе солянаго озера и ключей по рѣкѣ Манзѣ.

Въ 50 верстахъ вверхъ по теченію рѣчки Манзы, впадающей съ лѣвой стороны въ Верхнюю Тунгузку, находится соляной ключъ, изъ котораго въ 10 саженьхъ образовалось озеро въ $4\frac{1}{2}$ сажени длиною, 2 сажени шириною и 1 аршинъ глубиною. Въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1860 года дошло до меня свѣдѣніе о вышеупомянутыхъ соляныхъ водахъ и приняты мѣры къ полученію воды для разложеній. Вода привезена была въ 2-хъ берестенникахъ: въ одномъ вода заключалась изъ озера, въ другомъ же изъ двухъ ключиковъ, вытекающихъ изъ большой горы на лѣвой сторонѣ противу озера и отстоящихъ между собою на 50-ть сажень. Сожалѣю, что эта доставка воды сдѣлана не совсѣмъ такъ, какъ слѣдовало. А именно: во-1-хъ, ключъ, изъ котораго образовалось озеро, гораздо менѣе самаго озера, потому и надобно было взять изъ ключа, какъ заключающаго растворъ болѣе концентрированный и осаливающаго только воду озера; между тѣмъ какъ вода взята изъ озера. Во-2-хъ, что другая вода изъ двухъ ключиковъ собрана въ одинъ берестенникъ изъ обонхъ, а вѣдь можетъ быть, что одинъ изъ нихъ заключаетъ болѣе соли, чѣмъ другой, хотя гора-то одна, слѣдовательно и составъ долженъ бы былъ быть одинаковъ. По этому надобно будетъ сдѣлать командировку для болѣе точныхъ изслѣдованій, а пока сдѣланы разложенія и того, что получено. Оказались слѣдующіе результаты, добытые тѣми же реагентами, которые употреблялись при разложеніи предъидущихъ соляныхъ водъ. А именно: вода изъ озера на вкусъ слабо солона, реагенты показали присутствіе поваренной соли и какой-то сѣрнокислой соли, а выпариваніе 1 ф. рассола дало только 45 гранъ поваренной соли и 13 гранъ сѣрнокислой (по кристалламъ) магнезін (горькой соли). Вода же изъ ключей такъ солона, что непріятно брать въ ротъ, реагенты показали тоже поваренную соль и какую-то сѣрнокислую, а выпариваніе дало изъ одного же фунта 4 драхмы и 50 гранъ поваренной соли и 1 драхму и 25 гранъ сѣрнокислой (по кристаллизациѣ) магнезін. Можно предположить, что и въ ключѣ, осаливающимъ озеро, изъ котораго доставлена (ошибкою вмѣсто ключа) вода, такое же должно быть обиліе солей, какъ и въ этихъ двухъ ключахъ. Замѣчу еще, что и относительное содержаніе соли поваренной къ прочимъ солямъ въ этихъ ключахъ, равно какъ и въ Чадобскомъ, благопріятнѣе, чѣмъ въ употребляемой въ Енисейскѣ соли, потому что въ

За мои ласковыя и долгиа бесѣды съ остяками, они провожали меня какъ роднаго, съ сожалѣніемъ и добрыми пожеланіями. 23 Октября я отправился въ путь далѣе на сѣверъ, дождавшись и ннзовой почты, осеновавшей черезъ станокъ.

Прощайте жъ остяки, люди добрые, но темные! Я далеко отъ васъ. Искренно желаю вамъ не называться только христіанами, а поскорѣе проникнуться смысломъ, свѣтомъ — и слова Христа и положительныхъ знаній!..

Перейду къ рыболовамъ, занимающимъ тундры.

Главные обитатели тундръ самоедь и юраки.

Въ Запискахъ Сибир. Отд. Геогр. Общ., на стр. 145, ст. кн. Кострова о Туруханскомъ краѣ, сказано: „Юраки самый сѣверный народъ самоедскаго племени“. Но: во-1-хъ, какъ понимать здѣсь слова „народъ“, „племя“? на своихъ ли они мѣстахъ? Во-2-хъ, юраки имѣютъ вѣдь много отличительнаго отъ самоеди и слѣд. составляютъ ли часть ея будто особый народъ? еще вопросъ. Въ-3-хъ, хотя юраки дѣйствительно бродятъ по очерченной кн. Костровымъ мѣстности, но нельзя ихъ назвать „самымъ сѣвернымъ народомъ“, да еще самоедскаго „племени“; жители же сѣвера на дѣлѣ распредѣлены такъ: къ востоку отъ Енисея по Н. Тунгузкѣ бродятъ тунгузы, къ сѣверу отъ нея живутъ тоже тунгузы, долганы, юраки береговаго рода и якуты, и затѣмъ на всемъ сѣверѣ пустынныхъ зыбучихъ тундръ до моря господствуетъ енисейская самоедь; на западъ отъ Енисея ближе къ г. Туруханску остяки; сѣвернѣе ихъ тазовскіе юраки и наконецъ къ самому морю заходитъ самоедь березовская. Такимъ образомъ юраки дѣлаются только участниками самоеди ⁽¹⁾ въ занятіи тундръ.

Изъ официальныхъ свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ въ 1860 году Туруханскимъ отдѣльнымъ засѣдателемъ, можно извлечь къ нашему предмету слѣдующее:

Самоедь раздѣляется на 4 рода: Хантайскій, Карасинскій, Авамскій и Вадѣевскій.

---

(1) Я употребляю названіе самоедь, а не самоѣды на слѣдующемъ основаніи: самоедь происходитъ отъ лапландскихъ словъ и въ 4 гл. Гогстремова описанія Шведской Лапландіи, доказыаегся, что жители сѣвера Финляндіи называли себя саме, сабле, а землю свои Самеядна или Самеладне, а оттуда слова: самеядна (самоедь) перешло и на другихъ сосѣднихъ жителей сѣвера, подвигавшихся исподволь на востокъ.

Названіе родовъ.	Число душъ.		Къ какимъ магазинамъ приписаны.	Гдѣ бродятъ.	Особыя примѣчанія.
	Муж.	Жен.			
Хантайская . .	117	106	Лузиной и Плахиной.	Вблизи Енисея и уходятъ въ тундру не бо- лѣе 350 верстъ.	Занимаются рыболов- ствомъ.
Карасинская .	142	139			
Авамская Са- моядь	242	213	Къ Авам- скому.	За звѣрьми хо- дить на обшир- номъ простран- ствѣ отъ Ени- сея до рр. Ава- мы и Хатанги и отъ станка Ду- динскаго съ юга до моря на сѣ- веръ.	Этотъ родъ особен- но богатъ, имѣетъ много оленей, рыбо- ловствомъ (подобно предыдущимъ) не занимаются, а за звѣремъ ходитъ на обширномъ прост- ранствѣ, какъ ска- зано въ предъид. графѣ. Они и невы- ходили бы въ юж- ныя мѣста, еслибы не нужда сдавать ясака и выставять оленей для проѣз- да чиновныхъ лицъ. Этотъ родъ сохра- нилъ и всѣ свои обычаи.
Вадѣевскій . .	56	58	Савиной.	Занимаются про- мыслами по р. Боганидѣ.	
<i>Юраки раздѣ- ляются на 2 управы.</i>					
Тазовская ор- да	165	135	Магазинъ у церкви на Тазу.	Въ западной тун- дрѣ по Тазу.	Къ этой же управѣ причислено 100 че- лов. юраковъ, оби- тающихъ къ восто- ку отъ Енисея и пользующихся на дѣ- лѣ хлѣбомъ изъ ма- газина въ Плахиной, тогда какъ безъ вся- кой пользы кому ли- бо должны отбывать подчиненіе совсѣмъ другой мѣстности, что, вѣроятно, пра- вительствомъ будетъ уничтожено.
Юраковъ бере- говой управы.	29	23	На Толстомъ мысу.	Гдѣ имѣютъ и про- мысла.	

Самоядь рослѣ и статіѣ всѣхъ Туруханскихъ инородцевъ. Взглядъ имѣють серьезный. Лице продолговатѣе, переносѣ выше и носъ длиннѣе, чѣмъ у тунгузовъ. Цвѣтъ лица имѣетъ особенную желтизну. Волосы болѣе прямые, но есть и курчавые, болѣе черные, но есть и русые, болѣе длинные, но есть и короткіе, но не стриженные ровно, а какъ бы оборванные; бороды и усовъ нѣтъ. Глаза узкіе и, что весьма отличительно, верхнія вѣки широки и могутъ очень низко опускаться.

Одежда самоеди теплая и чистая изъ оленьи и по большей части бѣлаго цвѣта, съ опушкою или изъ козла, или изъ черной шкуры коровы, или изъ песка; но украшений на одеждѣ мало и вообще изяществомъ вкуса (по ихъ понятіямъ) Самоядь далеко уступаетъ юракамъ. У нихъ почти нѣтъ и „мѣлицъ“, т. е. разнѣзныхъ одеждъ, а болѣе употребителенъ „ктихарь“, т. е. рубаха съ воротомъ шерстью внизъ зпмоу и шерстью вверхъ лѣтомъ; сотуры такой же формы, какъ у тунгузовъ. Сверху надѣвается „сокуй“ или „сукуй“. Онъ бываетъ у самоеди двухъ родовъ. Одинъ, употребляемый для промысловъ, есть мѣшокъ, съ мѣстомъ для головы и съ вырѣзкой для лица, изъ большихъ оленьихъ вверхъ шерстью, подобранныхъ такъ, чтобы снаружи былъ видъ шкуры живаго оленя и на части, покрывающей голову, оканчивается шишкою. Другой — для небольшихъ выѣздовъ и празднчанья длиненъ и вмѣстѣ съ шапкою похожъ на чабакъ русскихъ; шьется изъ оленьихъ малорослыхъ и разноцвѣтныхъ съ узорами формы квадратовъ и треугольниковъ, съ ремешками краснаго и желтаго цвѣта, вшитыми по спинѣ. Кромѣ того, на головѣ бываютъ имѣющія видъ чепчиковъ особыя небольшія шапочки изъ тонкихъ и разноцвѣтныхъ оленьихъ, а подъ платьемъ, какъ у всѣхъ инородцевъ, хорьки. У женщинъ, кромѣ того, надѣвается разукрашенный нагрудникъ и поясъ съ навѣшанными на него разными мелочами. Лѣтомъ, конечно, сбрасывается сокуй и вся одежда надѣвается изъ кожи выдѣланной, безъ шерсти, и называемой ровдугой.

Питьемъ для самоеди зимоу служитъ растопляемый снѣгъ. Въ этой снѣговой водѣ варятъ и пищу. То, что сварятъ, съѣдаютъ, за непимѣнемъ вилокъ, съ помощью рукъ; а жидкость послѣ выпиваютъ, зачерпывая большими деревянными ложками, называемыми „селяками“. Предметомъ супа служить: мясо всякаго звѣря, а олени употребляются и издохлые; рыба съ шелухой вмѣстѣ; куропатка едва пообдерганная. Деликатнѣйшее же лакомство есть оленье сало. Но замѣчательно, что послѣ такого грязнаго обѣда самоеди имѣетъ обычай умывать и руки, и лицо. Если къ обѣду приглашены гости, то они, какъ и всегда каждый посторонній, занимаютъ въ чумѣ лѣвую половину.

Самоядь, особенно Авамскаго рода, весьма богата. Нѣкоторыя изъ семействъ имѣютъ не только по 100, а даже по 1,000 оленей. Только олени у нихъ значительно изнурены, потому что самояди ѣздятъ на нихъ въ саняхъ и зиму, и лѣто, когда на оттаявшей на четверть землѣ и выступившей растительности не проваливаются ширококопытныя ноги оленя. И для корма оленей и для промысловъ каждая семья перемѣняетъ мѣста; перекочевка называется „аргишъ“. Остановясь въ тундрѣ иногда и нѣсколькими семьями вмѣстѣ, изъ каждаго стада выдѣляютъ по оленю и приносятъ въ жертву, распарывая горло вдоль шеи и брюхо, не отнимая ни одной части и не снимая даже кожи; затѣмъ ставятъ на нѣсколькихъ колышкахъ, будто на ногахъ, съ поднятымъ кверху рыломъ прямо на югъ. Этою жертвою хотятъ умилостивить божество свое, чтобы оно было защитникомъ противу злѣйшихъ враговъ самояди — волковъ, которые рѣшительно ихъ одолеваятъ, являясь стаями и всегда въ пургу, т. е. когда ни хозяинъ, ни олень ничего не видятъ и не могутъ защищаться, тѣмъ болѣе, что въ случаяхъ пурги, особенно въ открытыхъ морю лощинахъ, забрасываютъ чумъ снѣгомъ. Мѣсто, гдѣ останавливается самоядь, представляетъ какъ бы видъ ярмарки, потому что на особаго устройства саняхъ, съ формою кабриолета, на высокихъ копыльяхъ, возится съ мѣста на мѣсто не только все семейство со всѣми его домашними принадлежностями, но и лѣсъ, изъ котораго составляется чумъ, потому что въ безлѣсной тундрѣ негдѣ взять матеріала. Но изъ этихъ словъ не должно заключать, чтобы вовсе не было матеріаловъ для построекъ; напротивъ, и по берегамъ Енисея и даже на берега моря множество выбрасывается различнаго лѣса, т. е. и деревья, вымытая водою съ корнемъ, и готовые бревна, и расплеченныя плахи, и остатки снесенныхъ барокъ и проч. Санки, въ которыхъ перѣзжаютъ женщины, особенно съ малыми дѣтьми, имѣютъ болѣе высокіе задокъ и передокъ. Кромѣ того, на особыхъ маленькихъ саночкахъ возятся разныхъ божествъ бакланы, завернутые въ оленину и обвязанные ремнями. Судите же сколько должно быть этихъ санокъ, если каждый, женившійся сынъ, обязуется самъ себѣ добывать звѣря и на него вымѣнивать себѣ всѣ домашнія принадлежности, словомъ имѣть все свое особо.

Вотъ особенности самоедскихъ саней: полозья имѣютъ 5 аршинъ отъ одного конца до другаго; копылья вышиною 1 аршинъ, хорей — палка имѣетъ костяную шишку на одномъ концѣ; палка эта (хорей) склеена изъ изломанныхъ полозьевъ; самыя санки узки, такъ что въ нихъ можетъ свободно сидѣть только одинъ человекъ, а если двое, то каждый свѣшивается по одной ногѣ. Ремни, употребляемые для упряжи,

чрезвычайно крѣпки, сдѣланы изъ шкуры какого то морскаго звѣря, толщиною болѣе трети дюйма; шкура эта бываетъ покрыта толстымъ слоемъ, скользкимъ, въ родѣ того, какъ у гриба подберезника подъ шляпкой и такого же цвѣта, но этотъ слой прежде всего соскабливается.

Самоядскій подвижной чумъ устривается изъ готоваго, уже сухаго, лѣса, всегда возимаго съ собою по тундрѣ, какъ драгоценность; величина, прочность и теплота далеко отличаютъ его отъ тунгусскаго. Ставится онъ на санихъ съ высокими копыльями (до 1 аршина), по величинѣ человѣкъ на 30; высотой по крайней мѣрѣ вдвое болѣе тунгусскаго, и потому дымъ выходитъ въ верхнее окно гораздо свободнѣе и не душитъ такъ, да и окно это съ желѣзнымъ листомъ. Обить чумъ двумя шкурами оленьими, такъ что внутренняя безъ шерсти, а наружная шерстью, внутрь. Съ одного боку дверь въ чумъ, посреди его противъ двери устроенъ на желѣзномъ листѣ очагъ; въ чумѣ есть скамьи и другая домашняя утварь. Такіе-то чумы возить съ собою самоеды и лѣто, и зиму на оленяхъ, единственномъ своемъ животномъ.

Кстати, говоря о тундрѣ, описать здѣсь и тотъ экипажъ, въ которомъ возятъ на тундру лицъ чиновныхъ. Это балокъ. Копылья у него въ четверть вышины; полозья 20 четвертей длины; самый коробъ въ длину бываетъ 3 аршина и болѣе, въ ширину 2 аршина и въ высоту $2\frac{1}{2}$. Основаніе короба состоитъ изъ нѣсколькихъ таловыхъ или черемуховыхъ дугъ тонкихъ, скрѣпленныхъ между собою длинными тонкими драпцами, привязанными ремешками къ дугамъ. Такимъ образомъ балокъ весь двигается, что именно и нужно, а еслибъ онъ не имѣлъ этой подвижности, то скоро распался бы. Съ одного боку для входа въ него есть двери, также бываетъ и два окна. Весь остовъ обтянутъ оленью кожей цѣликомъ, шерстью наружу. А такъ какъ снаружи можетъ набиваться въ шерсть снѣгъ, а внутри оленья можетъ отпотѣвать отъ дыханія сѣдоковъ, то балокъ и обтягивается съ обѣихъ сторонъ холстомъ. Въ такомъ балкѣ могутъ находиться свободно два человѣка въ лежачемъ положеніи и даже не особо тепло одѣвшись. Подъ балокъ впрягаютъ по 4 оленя. Отправляется онъ подъ руководствомъ особыхъ передовыхъ саней, запряженныхъ двумя оленями. Перехожу къ дальнѣйшему описанію самоедскихъ нравовъ.

Бракъ у самоедн очень уважается, равно какъ и цѣломудріе новобрачной. Не смотря на мрачный типъ свой, мужъ самоединъ обращается съ женою несравненно кротче и человѣчнѣе, чѣмъ напр. остякъ. А на обращеніи съ дѣтми видѣтъ даже колоритъ особенной нѣжности: дѣтей своихъ самоединъ очень часто осыпаетъ поцѣлуями. Впрочемъ, въ нихъ

замѣтна вообще склонность къ цѣлованію; потому что напр. каждаго гостя, въ знакъ пріязни, цѣлуютъ въ обѣ щеки.

Обычаи свадьбы состоятъ въ слѣдующемъ. Сватъ приходитъ обыкновенно съ желѣзнымъ костылемъ въ рукѣ. Войдя въ чумъ онъ ставитъ костыль въ уголъ и всѣ понимаютъ уже значеніе этого символа. По окончаніи условій о калымѣ отецъ невѣсты получаетъ калымъ, а женихъ — приданое. Потомъ невѣсту съ частью оленей, полученныхъ въ калымъ, отвозятъ къ жениху. Тамъ она ставитъ свой чумъ; женихъ приходитъ въ него и снимаетъ съ себя одежду, а невѣста подаетъ ему лукъ со стрѣлами и расчесываетъ ему голову. По совершеніи брака, молодой мужъ отправляется на охоту за оленями, потомъ закалываетъ добычу и призываетъ бывшего свата. Послѣдній получаетъ двойное порученіе: въ случаѣ цѣломудрія посылаетъ со сватомъ подарки родителямъ жены и приглашаетъ ихъ на пиръ; въ противномъ же случаѣ шлетъ упреки и назначаетъ отобрать часть калыма. Количество же калыма бываетъ различное, смотря по состоянію, а именно отъ 20 до 100 оленей съ прибавкою нѣсколькихъ волковъ ⁽¹⁾, песцовъ и проч. Заключенный такимъ образомъ бракъ можетъ, въ случаѣ нелюбви, и расторгнуться по обоюдному согласію, но только въ такомъ случаѣ, если нѣтъ дѣтей. Если мужъ самъ вздумаетъ отказываться отъ бездѣтной жены, то калымъ его не возвращается; а если жена оставляетъ мужа, то долженъ быть возвращенъ калымъ. Въ случаѣ смерти мужа, если у него есть младшій не женатый братъ, то послѣдній наследуетъ жену покойнаго, какъ уже оплаченную взносомъ калыма.

Рожденіе дѣтей совершается въ особо отведенномъ чумѣ. Помощь, оказываемая повитухой самоядинкой, также груба, какъ и нашихъ повитухъ, а именно роженицу обвязываютъ ремнемъ подъ мышками и концами ремня прикрѣпляютъ къ палкамъ чума, въ какомъ положеніи и держатъ несчастную до родоразрѣшенія. Для родившихся дѣтей устрояютъ колыбели изъ дерева или бересты на подобіе ящиковъ съ овальными боками, но вѣшаютъ такъ, чтобъ конецъ головной былъ выше. Въ этихъ колыбеляхъ лежатъ дѣти нагими въ древесныхъ гнилушкахъ, либо истолченной древесной корѣ, а покрываются либо кускомъ оленины, либо берестою. Сами же взрослые ложатся спать, сбросивъ верхнюю одежду и завернувшись въ особый одѣяла, сдѣланные въ формѣ кулей, привѣшанныхъ на что либо однимъ концомъ.

Похороны совершаются на томъ же основаніи, какъ описано мною

---

(1) Т. е. шкуръ. Такъ обыкновенно говорятъ, опуская слово шкура и ставя прямо наименованіе звѣря.

подробно въ статьѣ моей объ остякахъ, т. е. съ мертвымъ хоронятъ всѣ его принадлежности и одежду; но, кромѣ того, самоядъ, прикасавшаяся къ мертвецу, бросаетъ къ нему и рукавицы свои, и подошвы сапогъ и проч. Даже оленей, на которыхъ привозится мертвецъ, убиваютъ тутъ же; санки оборачиваютъ вверхъ полозьями; хорей ставятъ у могилы, привязавъ къ нему колоколецъ. Прибавлю еще, что умершаго выносятъ изъ чума не въ дверь, а въ ту сторону, куда обращенъ онъ головою, для чего разбираютъ часть чума.

Деньги, особенно золотыя и серебряныя, вовсе неизвѣстны самояди и торговля ведется на мѣну. Единицу цѣнности составляетъ песецъ и на него разцѣпываютъ всѣ предметы такъ, что песецъ считается въ 70 к., а лапа его въ 3 к. с.

Склонности къ пѣснямъ, пляскамъ, музыкѣ, поэзіи въ самояди не замѣтно. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ до 8 мѣсяцевъ длится зима, имъ не до веселья; напротивъ, они большею частію мрачны и прежде считались даже опасными, не уважая собственности постороннихъ имъ и взламывая амбары, — не признавая властей и, при перевозкахъ чиновниковъ, бросая ихъ на произволъ судьбы среди тундры, съ подрѣзанными у оленей поводками. Теперь очевидно смягченіе ихъ нравовъ и развитіе общительности.

Другіе обитатели тундры — юраки. Оффиціальныя свѣдѣнія о нихъ приведены уже въ началѣ главы. Здѣсь прибавимъ объ ихъ жизни, но только то, чѣмъ эти соплеменники самояди отличаются отъ нихъ, равно какъ и отъ прочихъ туруханскихъ инородцевъ.

Юраки менѣе рослы, чѣмъ самоядъ, но рослѣе значительно тунгузовъ, которымъ уступаютъ въ бойкости. Впрочемъ, они умны, смыслены и болѣе всѣхъ туруханскихъ инородцевъ оказываютъ склонностей поэтическихъ. Въ лицѣ ихъ нѣтъ ничего непріятнаго; они смуглолицы и типомъ лица болѣе подходятъ къ остякамъ, чѣмъ къ тунгузамъ. Волосы черныя и носятя различно: одни распускаютъ отъ середины темени въ стороны и даже съ прядями на виски; другіе собираютъ назадъ въ пучекъ и связываютъ ремнемъ; а третьи, какъ увѣрялъ меня священникъ походной церкви почт. о. Илья, имѣютъ даже стриженныя макушки. Между женщинами есть голубоглазыя и съ свѣтлорусыми волосами.

Одежда юраковъ отличается большею изысканностію и разнообразіемъ украшеній предъ всѣми другими инородцами. Ихъ малица и лѣтняя, безъ шерсти, разукрашена мѣдными пуговицами, обшита разноцвѣтными лентами съ вышитыми бисеромъ узорами. Ихъ сотуры тоже вышиты бисеромъ, съ обшивками около колѣнъ изъ волчьихъ лапъ и дѣлаются весьма

красиво изъ черныхъ и бѣлыхъ полосокъ, въ родѣ какъ бы особенной матеріи; но есть и особенные, весьма дорогіе, черныя сотуры, въ которыхъ только впущены бѣлыя полоски. Поясъ и всѣ мѣшечки и другія вещи, которыя вѣшаются на него, то же обшиты бисеромъ. Женщины же особенно щеголяютъ тѣмъ, что на большую часть ихъ одежды употребляется сукно краснаго, желтаго, либо голубаго цвѣта, особенно на сотуры и на шапочку, въ родѣ нашего чепца, обшитую мѣхомъ росомахи. И все сукно унижается узорчатыми вышивками бисеромъ. Выпущенные изъ подъ такихъ шапочекъ волосы обвѣшаны мѣдными пуговицами, цѣпочками, серебряною монетой, если случайно попадетъ къ нимъ, корольками и узенькими полосками разноцвѣтныхъ суконъ. Сверхъ одежды вѣшаютъ еще женщины передникъ отъ шеп до колѣнъ, испещренный и унизанный украшеніями, какъ только можно. Енисейскіе торговцы, плавающие въ Туруханскій край, конечно очень довольны этою склонностью юраковъ къ нарядамъ, матеріалы для чего они привозятъ и стараются цѣнить возможно дороже. Эта воспримчивость къ улучшенію вѣшности имѣла то вліяніе, что нѣкоторые изъ юраковъ, чаще обращающихся съ русскими, приняли, подобно тунгузамъ, и русскую одежду, на сколько и въ какое время совмѣстима она съ суровою природою тундры.

Занятія юраковъ, по преимуществу, рыболовство и звѣроловство. Орудія для ловли звѣрей тѣ же, какъ у тунгузовъ; но не могу опустить ошибку кн. Кострова, будто лукъ юрака дѣлается изъ тальника: напротивъ, такъ какъ для лука нужны одновременно и гибкость, и крѣпость, то матеріалами для него служатъ—береза, черемуха, оклеенныя берестою. У него же сказано, будто снизу у лука дѣлается роговая накладка, между тѣмъ какъ надобно бы сказать, что есть роговая пластиночка, но отнюдь не съ внутренней стороны всего лука, который не могъ бы тогда изгибаться, а только не болѣе четверти протяженія на самой срединѣ и именно съ тою цѣлью, чтобы не дать срединѣ лука, какъ мѣсту прицѣла, ни малѣйшей возможности изгибаться и дѣлать невѣрность.

Есть у юраковъ нѣсколько весьма интересныхъ особенностей, выказывающихъ въ нихъ болѣе, противу другихъ инородцевъ, человѣчности и чувства изящнаго.

Свадебные обычаи приличіе и утонченіе. Такъ по заключеніи условія о калымѣ убиваютъ изъ калыма лучшаго оленя и мясо его ѣдятъ сырое и вареное, но остатки увозятъ съ собою домой, потому что изъ родни невѣсты никто не принималъ еще въ этомъ пирѣ и обычай участія. На слѣдующій уже день невѣста одѣвается во всѣ свои дѣвчьи наряды съ возможной тщательностью и покрываетъ лицо; а

между тѣмъ подготовлено приданое прибавкой рогатины, ремня для ловли оленей, лопаты и желѣзнаго сверла, и мать, либо другая старшая женщина семьи отвозитъ невѣсту въ чумъ жениха. Тамъ ее встрѣчаетъ тоже старшая женщина и, снявъ съ нея покрывало при ввѣдѣ въ чумъ, усаживаетъ подлѣ жениха. Въ слѣдующее послѣ свадьбы утро сбрасываетъ молодая съ косы всѣ дѣвичьи украшенія и сбрасываетъ ихъ навсегда. Она даже и посѣщать родныхъ своихъ начинаетъ только черезъ годъ; и при этомъ развозитъ имъ подарки.

Таковъ общій типъ свадьбы юраковъ, типъ, полный тихаго уваженія къ значенію этого пожизненнаго договора. Но у тазовскихъ юраковъ встрѣчается и другаго колорита обычай: свать, по вхѣдѣ въ чумъ, садится молча къ огню, закуриваетъ трубку, а между тѣмъ отыскиваетъ предназначенную въ невѣсты и со словами отъ кого, подаетъ ей колчанъ съ стрѣлами, она передаетъ отцу и сама бросается изъ чума; ее ловятъ, будто насильно садятъ въ нарту и отвозятъ въ чумъ къ жениху, гдѣ пойдетъ уже шумное веселье. А потомъ, когда нибудь, если юракъ принялъ уже христіанство, бракъ освящается и церковью.

Кромѣ замѣчательныхъ нравственныхъ особенностей въ свадебныхъ обычаяхъ юраковъ стоитъ упомянуть о расположеніи ихъ къ поэзіи; каковы бы ни были, но у нихъ есть таки, пѣсни и въ нихъ чаще всего воспѣвается женская красота и вообще выказывается много нѣжности къ этому полу.

О прочихъ обычаяхъ, сходныхъ съ обычаями самоиди, я умолчу, прибавивъ только, что противу волка, загрызающаго ихъ оленей, озлоблены такъ, что и мясо убитаго волка бросаютъ въ огонь. Медвѣдя за то почитаютъ и на медвѣжью ноздрю допрашиваютъ преступниковъ, дѣлая при томъ несознающимъ различныя заклинанья и проклятія.

Стрѣльба въ цѣль, бѣганье въ запуски, перешипанье стрѣлъ на лету другой стрѣлой, какъ тоже залогъ стремленія натуры къ чему-то, у юраковъ болѣе развиты, чѣмъ у самоиди.

Но вотъ послѣдняя, и самая крупная, самая человѣчная, особенность юраковъ: это — любовь къ больнымъ и изысканье многихъ способовъ леченія.

Не повторяя здѣсь всѣхъ жертвоприношеній, фокусовъ и магии шамана, въ родѣ магнетизирования ⁽¹⁾, упомяну о способахъ леченія болѣе положительныхъ.

Ознобился человекъ — его намазываютъ медвѣжьимъ саломъ и желчью

---

(1) Сказано было уже раше.

ознобленные мѣста. Сдѣлана порѣзанная рана — обвязываютъ ее мохомъ. Заломило напряженно одно мѣсто — дѣлается прижиганье огнемъ. Болитъ голова и поразслабло тѣло — втираютъ лисій жиръ. Захворалъ кто горячкой съ гиплостнымъ характеромъ — готова микстура изъ настоя пихтовника съ поваренною солью. Приключилась сибѣжная слѣпота — пускаютъ кровь изъ глазныхъ венъ. Бѣльма съ глазъ сводятъ заячьимъ жиромъ съ порошкомъ пемзы, но еще лучше впусканье соколиной слезы, отыскиваемой на пмѣющихся за тундрю сопкахъ. Помрачилось совершенно зрѣніе — сожигаютъ на затылкѣ кусокъ труту, что въ родѣ нашей моксы, а въ глаза вдуваютъ порошокъ изъ оленьяго рога и табаку; также впускаютъ заячій и рыбій жиры. Получила болѣзнь желчный характеръ — юракъ спѣшитъ пить порошокъ сараны и глотать табачный дымъ. Болѣзни простудныя и воспалительныя лечутъ кровопусканіями, натираніемъ больнаго медвѣжьимъ саломъ и назначеніемъ внутрь питья изъ намагниченной свѣжей крови. На мѣсто, пораженное уже антоновымъ огнемъ, привязывается кусокъ свѣжаго медвѣжьяго сала. Въ грудныхъ болѣзняхъ (напр. чахоткахъ) пускаютъ въ ходъ магнитизированіе и составляютъ микстуру изъ 1 фун. оленьяго молока, 2 драхмъ оленьяго рога, при кипѣньи ея прибавляютъ 3 драхмы оленьяго жира и 2 ложки муки и еще кипятятъ, потомъ намагнитизировавъ дуновеньемъ, даютъ по 3 фунта такой микстуры въ сутки, въ тепломъ видѣ. Появились корчи въ ногахъ — лечутъ треніемъ. При общихъ корчевыхъ страданіяхъ, равно и корчахъ нижней челюсти даютъ внутрь олений рогъ, все тѣло натираютъ жиромъ россомахи съ примѣсью порошка оленьяго рога, къ челюсти и къ животу привязываютъ попеременно согрѣваемые оленьи сальники и по 3 раза въ сутки вдыхаютъ табачный дымъ. Появилась въ концѣ пальца руки болѣзнь, состоящая въ быстротекущемъ воспламененіи и за тѣмъ омертвѣніи и называемая русскимъ простонародьемъ „волосатикомъ“, вѣроятно отъ ткани, которая послѣ вынимается омертвѣлою, — юракъ перевязываетъ крѣпко ниткой палецъ, выше больнаго состава, и опускаетъ его въ кипячую воду, при этомъ перевязанный составъ какъ бы онемѣваетъ, за тѣмъ онъ вынимается изъ воды, снимается перетяжка, и теченіе болѣзни пріостановлено.

Мнѣ, какъ медику, отраднo засвидѣтельствовать, что нѣкоторыя изъ назначаемыхъ юраками лекарствъ, не чужды смысла. Слѣдовательно, отраднo видѣть въ юракахъ: и наблюдательность, и здравый смыслъ, и склонность къ тихой семейности, и проблески поэтическаго чутья. Скорѣе бы, скорѣе познакомить ихъ со смысломъ христіанства и пожительными плодами образованія!..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Я уже замѣтилъ разъ, что обитатели Енисейскаго округа, и особенно города, явственно измѣнились противу прежняго. Куда дѣвалась прежняя энергія, дѣятельность, предприимчивость?! Вѣдь они выпустили изъ своихъ рукъ всё ремесла, перешедшія въ руки приходящихъ нижегородовъ, которые дѣлають и плохо, и дорого. Однако рыболовство, какъ промыселъ, дающій продуктъ торговли, остается еще въ ихъ рукахъ.

Но и этотъ промыселъ слабѣетъ. Казалось бы съ развитіемъ въ Енисейскомъ округѣ золотопромышленности, рыболовство должно было увеличиваться, потому что прибываетъ тысячь примѣрно двадцать народу; а выходитъ на оборотъ. Рыболовы жалуются, что уменьшилось количество рыбы. Но такъ ли? что за несчастье, будто всё предметы промысловъ одновременно, разомъ уменьшились! Я же нахожу причину: во-1-хъ, въ томъ, что съ наѣздомъ иногородныхъ, и съ привозомъ разныхъ съѣстныхъ продуктовъ съ ярмарокъ, народъ сталъ поразборчивѣе и потребовательнѣе къ достоинству засола, потому рыба гнилая и кислая, составлявшая гастрономическое блюдо прежде, теперь уже пренебрегается; во-2-хъ, появились состязатели въ соленьи рыбы изъ не здѣшнихъ, каковы напр. г. Бойллингъ, о засолѣ котораго скажу ниже, и командированный въ Туруханскъ начальникомъ губерніи астраханскій засолщикъ; въ-3-хъ, уменьшилась вѣра въ то, что будто можно спастись непремѣннымъ употребленіемъ, такъ называемой, постной пици, хотя бы то были и окунь, дѣйствующіе возбуждительно на половые органы, или рыба прокислая, разстроивающая желудокъ и отнимающая у человѣка время, а слѣдовательно и возможность дѣлать добрыя дѣла.

Результатомъ всего этого и вышла такая разница: лѣтъ 30 тому назадъ отправлялось судовъ до 10 за Туруханскъ, да легкихъ лодокъ ходило до 15; торгующихъ въ Туруханскѣ было до 30; покупали — моксуновъ по 2¹/₂ коп. ассигн., осетрину по 25 коп. ассигн. за голову, вѣсомъ отъ 12 до 20 фунтовъ, тогда какъ 30 фунтовъ считалось уже за полторы-головы; продавали же ее въ Енисейскѣ — моксуновъ отъ 16 до 25 коп. ассигн., а осетрину по 75 коп. примѣрно. Въ то время на судно, девяти сажень, со всѣми принадлежностями и съ рабочими расходовалось только до 1,500 руб. ассигн.; одного хлѣба до-

ставляли торговцы въ Туруханскъ до 30 тысячъ пудовъ, который и продавали въ Туруханскъ отъ 30 до 40 коп.; другими товарами были—холстъ отъ 10 до 12 коп. ассигн. за аршинъ, даба по 2 руб. 50 коп. ассигн. штуку, китайка по 3 руб. и 3 руб. 50 коп. штуку, моты разные по 80 коп. ассигн. десятокъ, табакъ по 40 и 50 коп. ассигн. за фунтъ, чай фамильный по 3 руб. и 3 руб. 50 к. ассигн. за фунтъ, капканы отъ 1 руб. 40 коп. до 1½ руб. ассигн.; да и торговлю вели тогда даже за тундрю, а теперь съ Дудинки (*) торговля прекращается. Такъ было прежде. Нынѣ же ходитъ за Туруханскъ большихъ 2 судна, да лодокъ до 5, не считая достигающихъ только до Инбацка. Плавающие до Туруханска вывозятъ примѣрно 13 тысячъ пудовъ рыбы и болѣе красной, продающейся въ Енисейскѣ по 3 руб. сер. за пудъ, да клею пудовъ 50, по 20 рублей каждый въ покупкѣ а въ продажѣ, до 25 руб., да икры осетровой пудовъ 30, покупаемой отъ 6 до 7 руб., а продаваемой въ Енисейскѣ по 10 руб. за пудъ. Бѣлорыбцы, плавающие до Инбацка, вывозятъ бѣлой рыбы тысячъ до 4, покупая головами по 75 коп. сереб. за каждую, а продавая въ Енисейскѣ по 3½ руб. за пудъ; да кромѣ этихъ рыбъ вывозятся еще изъ края Туруханскаго до 500 пудовъ рыбы подледной, приобретаемой на мѣстѣ по 2 руб. 50 коп. сер., а продаваемой въ Енисейскѣ по 4 руб. сереб. (Впрочемъ, цѣны эти самыя умеренныя; большею же частію достигаютъ и до 6 руб. сер. пудъ, исключая чпровъ, привозимыхъ на продажу въ Енисейскъ изъ Туруханскаго края въ январѣ и продающихся нерѣдко по 10 руб. сер. за пудъ). Но за то и судно стоитъ теперь со всеми принадлежностями тысячъ до 6 сер., а небольшая лодка рублей до 400 сер., дохода только до Инбацка.

Но какъ бы кто ни хотѣлъ нападать на рыбопромышленниковъ за невниманіе ихъ къ своему дѣлу, за недостаточное изученіе времени, улова того или другого сорта рыбы, за нестараніе къ улучшенію засола и проч., и проч., все-таки нельзя не сдѣлать общаго замѣчанія, что обиліе въ Сибирь водъ совершенно не соответствуетъ количеству рыбы: впаденіе рѣкъ въ Ледовитое море, затираніе устьевъ льдомъ, чему Енисей, какъ рѣка восточная, подвергается гораздо болѣе Оби, почему и бѣднѣе послѣдней рыбою, значительная прозрачность и низкая температура воды, тогда какъ извѣстно, при мутности осетры и стерляди идутъ далѣе вверхъ по теченію рѣкъ. Это дѣлается по слѣдующей причинѣ: напримѣръ при весеннемъ водопольи вода дѣлается мутна; при этой мутности. тончайшіе листочки жабръ наполняются посторонними

(*) Пунктъ этотъ извѣстенъ читателямъ изъ 1 отдѣла.

тѣлами, отъ чего трудноѣ проникаетъ въ нихъ воздухъ изъ воды и тѣмъ затрудняется дыханіе рыбъ отъ недостатка воздуха, да къ тому жъ мутная вода, какъ болѣе тяжелая противу чистой, сдавливаетъ тяжестью движеніе жабръ. Находясь въ такихъ условіяхъ, рыба не находитъ другаго псхода, какъ пдти вверхъ, противу теченія. Есть много побудительныхъ къ тому причинъ. Онѣ могутъ быть раздѣлены на второстепенныя и основныя.

Къ первымъ принадлежать: во-1-хъ, доказанный законъ, что движенія свободно плавающего тѣла, какъ рыбы, парализуются при ходѣ по теченію воды, невольнымъ увлеченіемъ его; тогда какъ при ходѣ противъ воды остается свобода изгибовъ и движеній хоть для борьбы. Во-2-хъ, ходъ противу теченія облегчаетъ изверженіе икры и молокъ; потому что при этомъ ходѣ рыба для усилія вбираетъ воздухъ, стараясь задержать его въ себѣ, да и противутекущая вода давитъ на внутренности. Въ-3-хъ, нѣкоторыя рыбы, какъ налимъ, во время *нереста* идутъ противу теченія, при чемъ для облегченія метанія трутся даже брюшкомъ о твердое дно.

Ко вторымъ принадлежать: во-1-хъ, мутность, бывающая непремѣннымъ спутникомъ половодья; при мутности, очевидно, засоряются тонкіе листочки жабръ, чѣмъ затрудняется движенія жабръ и процессъ дыханія, а такъ какъ мутная вода и тяжелѣе чистой, почему сдавливаетъ движущіяся жабры, то очевидная нужда рыбъ пдти противъ теченія и для того, чтобы отъ каждой новой волны получать побольше столь дорогаго кислорода, и для того, чтобы при смѣнѣ волнъ обмывались листья жабръ. Во-2-хъ, по анатомическому складу жабръ, потому что листы ихъ прикрѣплены къ дужкамъ не заднимъ, а переднимъ концомъ, отъ того при ходѣ противу теченія вода можетъ входить только въ ротъ; но никакъ не приходится ей отворачивать края жаберныхъ листовъ. Вотъ каково соотношеніе въ природѣ: не будемъ называть это, вмѣстѣ съ другими, инстинктомъ (какъ словомъ почти безъ значенія), а подивимся неисчерпаемой премудрости Бога при созданіи всѣхъ законовъ природы и въ особенности животнаго царства!.. Такимъ образомъ, какъ конечная цѣль рыбъ состоитъ въ поддержаніи породы, такъ и нерестъ (т. е. метаніе икры) управляетъ всею жизнью этихъ водяныхъ жильцовъ; и потому когда рыба захочетъ нереститься, она идетъ въ мѣста менѣе глубокія, но никогда на оборотъ и въ нихъ еще ищетъ точекъ, гдѣ бы токъ воды былъ сильнѣе, потому что нужно обмыть поскорѣе съ яичекъ слизь, которая одѣваетъ ихъ и лишаетъ возможности дышать, т. е. воспринимать, механически примѣшанный въ водѣ, кислородъ, подобно тому, какъ умираетъ зародышъ въ яйцѣ куринымъ, если

покрыть яйцо лакомъ. Вотъ главная, такъ сказать прирожденная икрѣ, причина; но есть и другая: не обмываясь водою, не будучи на мелкомъ и быстромъ мѣстѣ, яйцо недоразвившись истощилось бы отъ готовыхъ постоянно покрыть его и на немъ развиваться разныхъ микроскопическихъ растений, какъ-то дрожалокъ (*Senedra acicularis*) плесени и проч. Да кромѣ того на мелкомъ мѣстѣ живительнѣе пригрѣтъ солнышко только что проклюнувшуюся рыбку; отъ того-то, какъ вѣроятно каждый видѣлъ, эта мелочь и носится многочисленнѣйшими партіями у окраинъ песчаныхъ береговъ, полого спускающихся въ воду, гдѣ не только прогрѣвается тонкій слой воды, но и дно, ложе, дѣлается теплымъ.

Перехожу къ дальнѣйшему изложенію причинъ уменьшенія рыболовства.

Еще на уменьшеніе промысла рыбнаго въ Енисейскомъ округѣ имѣло вліяніе уменьшеніе (при помощи оспы, гнилой горячки и проч.) народонаселенія и обѣдненіе жителей Туруханска, почему и не производится туземцами промысла въ большемъ размѣрѣ; а на возвратномъ пути, при отсутствіи пароходовъ и т. под. улучшенныхъ средствъ къ пути, енисейскіе торговцы тянутся бичевою вверхъ по быстротѣ Енисея, почти на 200 верстъ, и нерѣдко не достигши мѣста затираются гдѣ нибудь льдомъ.

Послѣдняя же причина, которую, впрочемъ, можно назвать и одною изъ главныхъ, состоитъ въ обычаѣ низовыхъ жителей считать всю рѣку своею собственностью. Они должны бы, по закону, пользоваться, будто собственностью, только пространствомъ рѣки по 5 верстъ выше и ниже своего станка. А между тѣмъ какъ въ 70 верстахъ отъ послѣдняго станка еще далѣе внизъ къ устью есть множество острововъ и протокъ съ огромнѣйшимъ количествомъ рыбы, остающейся даромъ не вылавливаемою: никто изъ жителей мѣстъ, выше Дудинки лежащихъ, не осмѣливается плыть туда за добычей по очень простой причинѣ: не пустять никого на основаніи обычнаго права собственности. На это должно бы обратитъ особое вниманіе правительства, потому что кромѣ вреда отъ отсутствія свободы въ изысканіи средствъ къ жизни и отъ невозможности развиваться размѣномъ мыслей, способовъ ловли и приготовленій и появленіемъ конкуренціи, самое худое то, что много народу вымерло по низовому краю, а новыхъ поселеній нѣтъ, и рукъ недостаетъ для ловли и засола, почему это дѣлается либо худо наскоро, либо очень мало. За тѣмъ, очевидно, малъ и вывозъ. Прибавлю, что это обычное право собственности простирается до того, что жители противоположнаго въ этомъ мѣстѣ лѣваго берега (называемаго тутъ

юрацкой стороной) -- одна орда юраковъ не пускается даже къ этимъ островамъ на томъ основаніи, что они жители другаго берега. Дозволеніе жителямъ верховыхъ селеній приплывать на ловлю къ этимъ мѣстамъ имѣло бы слѣдующія послѣдствія: во-1-хъ, они, приплывая, увеличивали бы количество вылавливаемой рыбы; во-2-хъ, они отыскивали бы, по неволѣ, другія точки скопленія рыбы, въ то время, какъ мѣстные жильцы по старой привычкѣ плывутъ всегда на одну точку Енисея, тутъ широко разливагося; въ-3-хъ, отправляясь для ловли они могли бы вмѣстѣ съ приплывающими туда судами, налавливать рыбу, продавать торговцамъ и на судахъ же возвращаться до своихъ станковъ, помогая въ тоже время и судовщикамъ, нанимающимъ теперь въ большомъ числѣ и по дорогой цѣнѣ людей въ Енисейскѣ; въ-4-хъ, результатомъ этого было бы удешевленіе самой рыбы при привозѣ въ Енисейскъ; въ-5-хъ, это нисколько не помѣшало бы туземцамъ получать много средствъ къ существованію во время зимы, потому что для зимняго улова останется тоже количество жителей. Выгода же отъ ловли рыбы въ тѣхъ мѣстахъ такова, что, по разсказу г. Бойлинга, почтенный священникъ въ Дудинкѣ съ 3 работниками и 1 караульнымъ могъ, въ теченіе двухъ съ половиною недѣль и съ однимъ неводомъ, приобрѣсти рублей 500 сереб.

Такимъ образомъ, мы не можемъ допустить, чтобы уменьшилось вообще количество рыбы. Если же и случится одинъ годъ съ меньшимъ, противу предъидущихъ, количествомъ рыбы, такъ объясненія можно найти въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) раннемъ подъемѣ рыбы, пока низовья Енисея и его устья еще не вполне очистилось отъ льдовъ которыми рыба и загирается, особенно на меляхъ; 2) въ большемъ числѣ входящихъ въ Енисей дельфиновъ, которыми распугивается рыба; 3) въ долѣе, противу обыкновеннаго, продолжающемся большеводьи, которымъ и закрыты рыбопромышленные пески; 4) въ появленіи буръ какъ разъ въ тѣ лучшіе дни улова, когда рыба ходитъ рунюмъ.

Бросимъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній о торговлѣ рыбою.

Рыбная торговля въ городѣ, какъ и рыбная дѣятельность вообще, въ рукахъ туземцевъ. Промыселъ рыбы красной и бѣлой для города дѣлается въ рѣкѣ Енисей. Въ лѣтнее время добывается рыба вблизи города на разстояніи 50 верстъ. Продажа производится изъ рукъ самыхъ промышленниковъ, приплывающихъ въ своихъ лодкахъ подъ пристань ежедневно. Цѣнность тогда зависитъ отъ улова: отъ 3-хъ до 9 рублей сер. за пудъ, хотя и продаютъ болѣе штуками. Уловъ въ лѣтніе мѣсяцы по августъ производится здѣсь поплавями. Изъ красной:

осетры отъ 20 фун. до 3-хъ пуд. 20 фун., а стерляди отъ $\frac{1}{4}$ фун. до 15 фунт.; нерѣдко и тѣ и другія съ икрою. Съ августа же болѣе ловятъ неводами. Рыбы бѣлой. (какъ то нельмы, чировъ, ленковъ, тайменей, язей, хайрюзовъ и тугунковъ) промышляется здѣсь во все лѣто менѣе противу красной. И вся эта лѣтняя здѣшняя добыча идетъ собственно для города въ свѣжемъ состояніи, а въ засолъ не поступаетъ.

Это отсутствіе засаливанія въ прокъ въ самомъ городѣ зависитъ отъ недостаточности рыбы, которая, поднимаясь вверхъ одна болѣе, другая менѣе, задерживается по преимуществу быстрымъ теченіемъ въ такъ называемомъ и извѣстномъ уже нашимъ читателямъ „Камню“. Потому, какъ выше было уже сказано, енисейцы на большихъ судахъ и въ мелкихъ палубныхъ лодкахъ отправляются за ловлею и за саломъ на зиму, въ Туруханскій край. Сверхъ означенныхъ выше цифръ, приведу здѣсь еще нѣсколько данныхъ, собранныхъ мною за старые годы. По сложности пяти лѣтъ, съ 1846 по 1850 включительно, количество доставлявшейся изъ Туруханскаго края рыбы было: до 4,500 пудовъ красной, до 10,000 пудовъ бѣлой, отдѣльно до 1,200 пудовъ сельдей, ихъ же копченыхъ отдѣльно до 60 пудъ. Цѣны были слѣдующія:

	З а п у д ѣ.		
	Красной соленой.	Бѣлой.	Сельдей.
Въ 1846 году . .	4 р. и 4 р. 50 к.	3 р. 50 к. и 4 р.	1 р. 80 к. и 3 р.
» 1847 » . .	3 р. 50 к. и 4 р.	3 р. и 3 р. 50 к.	1 р. 80 к. и 2 р. 30 к.
» 1848 » . .	3 р. 25 к. и 3 р. 75 к.	3 р. и 3 р. 50 к.	1 р. 80 к. и 2 р.
» 1849 » . .	3 р. и 3 р. 50 к.	2 р. 25 к. и 2 р. 50 к.	1 р. 50 к. и 2 р.
» 1850 » . .	2 р. 50 к. и 3 р. 50 к.	2 р. и 2 р. 50 к.	1 р. 80 к. и 2 р.

Изъ красныхъ рыбъ, наловленныхъ въ Туруханскомъ краѣ за тѣ же 5 лѣтъ (съ 1846 по 1850 г.) получалось отъ 100 до 200 пуд. клею, цѣнность котораго отъ 45 до 60 руб. сер. за пудъ. Сбытъ его на Ирбитской ярмаркѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

1. *Осетр* (*Acipenser spurio*), поменѣ волжскаго, водится болѣе къ низовью Енисея отъ впаденія Ангары и рѣдко поднимается и то только весною до Красноярска. Пытаются иногда рыболовы приводить осетровъ живыми осенью изъ Туруханска въ Енисейскъ, но это крайне затруднительно, потому что осетры выбиваются въ быстринѣ. Клею вывозятъ пудовъ 50 и продаютъ рублей по 25 за пудъ, да икры пудовъ 30, продаваемой рублей по 10, а о продажѣ вязиги и не слышно. Есть попытки монаха Туруханскаго Троицкаго монастыря готовить икру паюсную; но она мелка, жирна и крѣпко прессована, отъ чего и не соперничаетъ съ привозною. Икра свѣжая, нѣсколько посоленная, вкусна, а для заготовленія въ прокъ должна солиться очень крѣпко, отчего теряется вкусъ и икра горкнетъ. Балыкъ могъ бы выходить хорошій, но для того мало у туземцовъ умѣнія. Изъ осетровъ добываютъ жиръ, который или употребляется инородцами въ пищу, или продается русскимъ. Осетровый жиръ предпочитается другимъ наприм. жиру нельмы или моксуна, потому что жиръ послѣднихъ получается съ кишокъ предварительнымъ сквашиваніемъ и потомъ вытапливается въ котлахъ на огнѣ, отъ чего получается непріятный вкусъ и запахъ; тогда какъ осетровый вынимаютъ изъ молокъ (а не изъ кишокъ) и вытапливаютъ безъ всякой закваски. Изъ костей свѣжихъ осетровъ приготавливаютъ бульонъ, который по подбивкѣ мукою, годится въ пищу, особенно для собакъ. Лучшими осетрами считаются ближайшіе къ морю, гдѣ между островами въ тихихъ протокахъ они стоятъ и жирѣютъ; но за то въ нихъ икра дѣлается весьма мелкою и мало годною. У осетровъ не находятъ проглоченныхъ рыбъ и рыболовы считают ихъ питающимися морскими насѣкомыми и раковинами. Замѣчено рыболовами, что осетры, поднимавшіеся вверхъ, въ августѣ возвращаются къ устью и примѣрно 25-го числа подходятъ къ Дудинкѣ, гдѣ и бываетъ тогда большой ихъ уловъ. Вывозимое изъ Туруханскаго края количество соленыхъ осетровъ простирается, говоря примѣрно, до 6,000 пудовъ. Вѣсомъ здѣшніе осетры обыкновенно не болѣе двухъ пудовъ; но какъ рѣдкость бывали и до семи пудовъ вѣсомъ, съ полуторья пудами икры. Умѣренныя цѣны бываютъ слѣдующія: ниже Туруханска 1 руб. сереб. за пудъ; въ Туруханскѣ 1 руб. 50 коп.; отъ Инбацка до Вороговой 2 руб., и

въ Енисейскѣ 4 рубля. Есть особый родъ осетра, называемый *чалбашъ* и чалбышъ. Онъ имѣетъ мясо, менѣе вкусное, чѣмъ у осетра, да и не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ сей послѣдній. Отличается отъ осетра: во-1-хъ, не на столько тонкимъ носомъ, тогда какъ у осетра есть сходство съ рыломъ собаки; во-2-хъ, иглами, на хребтѣ очень длинными и острыми на всемъ ихъ протяженіи, тогда какъ у осетра иглы по хребту ниже, округлены и совершенно тупы. Въ-3-хъ, хвостъ у чалбыша поуже и подлиннѣе, чѣмъ у осетра. Въ-4-хъ, носъ и крылья у головы буроваты, тогда какъ у осетра изчерна снѣгіе. Главное же отличіе какъ этихъ двухъ видовъ, такъ и стерляди съ кастерью состоитъ въ томъ, что они не имѣютъ открывающагося обыкновеннаго рта, а уже позади усовъ есть у нихъ отверстіе кольцомъ, составляемое тканями, выдающимися и утягивающимися на вершокъ. Замѣчательно, что осетры Верхней Тунгузки (Ангары) отличаются отъ енисейскихъ болѣе густымъ, почти чернымъ цвѣтомъ.

2. *Стерлядь* (*Acipenser ruthenus*). Здѣшняя уступаетъ далеко российской, а иногда вмѣсто стерляди идетъ и особый мелкій видъ, называемый „кастерью“. Вотъ отличія кастери отъ настоящей стерляди: 1) носъ гораздо длиннѣе и заостреннѣе, чѣмъ у стерляди; 2) въ глазу зрачокъ окруженъ бѣлымъ ободкомъ, тогда какъ у стерляди желтымъ; 3) кости по хребту въ 3 раза почти выше, чѣмъ у стерляди, да и острѣе; 4) брюшко почти бѣлое, тогда какъ у стерляди желтоватое; 5) цвѣтъ спины блѣднѣе, какъ бы стерлядь была пересыпана мукою; 6) хвостъ кастери имѣетъ верхнюю половину значительно длиннѣе, а нижнюю напротивъ короче, чѣмъ у стерляди; 7) мясо менѣе нѣжно, менѣе жирно и не такъ вкусно, какъ у стерляди. Рыбаки увѣряютъ, что стерлядь питается только до послѣднихъ чиселъ іюня, а у пойманной послѣ этого находятъ всегда пустой желудокъ. Стерлядь изъ большихъ побочныхъ рѣкъ (какъ-то: изъ всѣхъ трехъ Тунгузокъ и Сима), считается лучшею по вкусу и болѣе величиной. На Енисей же стерлядь ловится болѣе въ деревнѣ Холмогоровой верстъ за 130 примѣрно отъ Енисейска; орудіемъ ловли тутъ служатъ „самоловы“. Опытные рыболовы говорятъ, что стерляди, возвращаясь сверху къ устью Енисея, доходятъ около 25 августа до Дудинки, гдѣ и бываетъ тогда большой ихъ уловъ. Количество вывозимой изъ Түрүханскаго края соленой стерляди примѣрно 2,000 пудовъ. Величиною стерляди среднимъ числомъ вершковъ 10 и въ аршинъ; а въ сотиѣ не менѣе 7 пудовъ. Цѣны слѣдующія: на низу не можетъ быть опредѣленныхъ цѣнъ, потому что нѣтъ и стерлядей, кромѣ блуждающихъ; опредѣленный же ловъ стерлядей почитается только у Нижнеинбацка, съ цѣною 1 руб.

сер. за пудъ и за сотню отъ 5 до 6 руб.; на Ермаковской резиденціи золотопромышленниковъ и вообще въ Анцыферовской волости вблизи той резиденціи 2 руб. сер. за пудъ; въ Енисейскѣ средняя цѣна на 3 руб. сер. за пудъ, но при рѣдкомъ уловѣ для домашней potreбы возвышается, а на охотниковъ такъ и вдвое. Кромѣ того, стерляди ловятся: во-1-хъ, въ Верхней Тунгускѣ или Ангарѣ; для ловли употребляютъ неводы, сѣти и морды; а такъ какъ лѣтомъ ходятъ стерляди по самымъ глубокимъ мѣстамъ середины рѣки, то неводомъ добыть невозможно, почему и употребляются самоловы; зимою бьютъ стерлядей особаго рода ухватами, потому что онѣ укладываются въ глубокія ямы и пребываютъ въ полуснѣ; въ незамерзающихъ же ангарскихъ порогахъ стерлядь приваливаетъ зимою къ берегамъ и убивается остроугою. Во-2-хъ, есть множество стерлядей и въ Подкаменной Тунгускѣ, особенно отойдя отъ устья вверхъ по теченію верстъ 300; но тамъ воспрепятствована ловля, о чемъ и будетъ сказано ниже въ ст. о чирахъ.

3. *Налимъ* (*Gadus lota*), какъ извѣстно, безъ чешуи и покрытъ толстой кожей, которая употребляется инородцами, особенно, на оклейку дерева сѣделъ, ноженъ и проч. Жиръ, получаемый отъ налима не изъ кишочекъ, а изъ максы, добротою и вкусомъ не уступаетъ осетровому; для чего по разваркѣ максы выливается она въ холщевые мѣшки и кладется подъ деревянные гнеты, концы жиръ и выдавливается. Брань народа, ознаменованіе глупости кого либо, „налимья голова“, удивительно мѣтка; потому что широколобая голова этой рыбы ровни ничего пріятно съѣдаемаго не заключаетъ въ себѣ. Да и мясо этой рыбы такъ невкусно и деревянисто, что ѣсть только бѣдность; но за то молоко, а по здѣшнему „макса“, такъ вкусны и нѣжны, что не могу придумать ничего другаго для уподобленія. Потому гг. гастрономы составляютъ отличную изъ налимовъ уху. Цѣнность этой рыбы за фунтъ нисходитъ даже до третьей части противу другихъ рыбъ. Налимья икра тотчасъ по приготовленіи тоже вкусна. Въ соленіе налимы не употребляются никогда; да и вообще даже зимою не могутъ сохраняться и скоро вянуть, мѣняются въ цвѣтъ и теряютъ вкусъ до невозможности употреблять въ пищу, да и для желудка дѣлаются отяготительны и нездоровы. Зимою тотчасъ, по изловѣ, ихъ суютъ въ снѣгъ, а лѣтомъ, кромѣ опущенія въ воду, и дѣлать нечего, потому что онѣ тотчасъ слизнуть. Замѣчательно, что налимъ въ неводъ мало попадаетъ, потому и ловятъ его переметами, при чемъ уды наживляютъ непременно небольшими рыбками, особенно ельцами. А такъ какъ налимъ любитъ близиться ко дну рѣки, то если начнетъ онъ часто попадать въ неводъ, значитъ неводъ не хорошъ, потому что лежитъ

слишкомъ низко, и для другихъ рыбъ, наприм. нельмы, не годится. Съ наступленіемъ же заморозковъ налима глушатъ, даже ребятишки; для того они прогуливаются по берегу съ горящими лучинами и, увидѣвъ налима, бьютъ по льду колотушкой, налима оглушается, остается неподвижнымъ и его вынимаютъ. По рассказамъ очевидцевъ-рыболововъ преинтересно самъ налимъ ловить рыбу: приклоняется къ угесу головой и широкимъ хвостомъ своимъ загребааетъ въ разинутый ротъ воду со всею мелкою рыбой, какая случится. Попадаетъ налимъ и въ морду; ловится зимой и переметами. Плодится онъ на одномъ мѣстѣ и дальнихъ путешествій не предпринимаетъ. Добывается особенно въ большомъ количествѣ на устьѣ Подкаменной Тунгузки въ осеннее время и подледный покупается тамъ 6 гривенъ сер. за пудъ и большею частію продается большими количествами въ Назимовой 1 руб. 50 коп., а въ Енисейскѣ по 2 руб. За Туруханскомъ налимъ встрѣчается въ рѣдкость, а за Дудинкой и еще рѣже. При поставкѣ мордъ должно направлять ихъ отверстіемъ противу теченія, потому что налимъ, особенно для метанія икры зимою, идетъ вверхъ, отыскивая жесткое дно (хрящъ или камень), о которое для болѣе удобнаго метанія икры трется брюшкомъ; да и морды должны непременно ставить такъ, чтобъ отверстіе приходилось противу теченія, а ожидать лова надобно ночью, потому что и главный ходъ налима по ночамъ.

3. *Щука* (*Esox lucius*). Эта жадная, какъ волкъ, рыба глотааетъ другихъ рыбъ въ четверть противу нея величиною и болѣе все щукъ же. Потому иногда, если рыба недавно проглочена, находятъ въ пойманной щукѣ другую цѣликомъ и продаютъ даже эти „выпоротки“ (¹), въ чемъ покупатели должны быть осторожны. Этотъ родъ рыбьяго царства отличается нетерпѣливымъ и пребезпокойнымъ норовомъ: извѣстно, что у добытой, такъ называемой „стоилой“, рыбы бываютъ даже въ жабрахъ черви, а хребты покрыты водянымъ мхомъ, потому что рыбы остаются долго на одномъ мѣстѣ, совершенно неподвижно, растутъ и жирѣютъ; щука же не только не останавливается, а, вѣчно путешествуя, лишаетъ покоя и другихъ. Ловятъ щукъ неводами, сѣтями, вителями, мордами, переметами съ рыбьей наживой и острогой. Но дерзость, смѣлость и прожорливость щуки заставляютъ ее относиться особенно къ ловлѣ: то она и добычей сдѣлавшись, продолжаетъ глотать другихъ рыбъ и часто рыболовъ вытаскиваетъ ее съ торчащимъ изъ рта хвостомъ другой рыбы, то она мечется и рвется въ ловушкѣ до того, что прорываетъ ее и выпускаетъ всѣхъ рыбъ, то, попавшпсь

(¹) Отъ глагола «пороть», «выпороть».

на уду, перекусываетъ своими острыми въ два ряда зубами лесу и уходитъ, то срывается даже съ остроги и рыболовамъ нерѣдко случается получать щукъ со знаками нѣсколькихъ ударовъ острогой. Считаю нужнымъ прибавить, что щуки любятъ тихія и глубокія мѣста, куры и заливы; отъ того въ лѣтніе вечера у противоположнаго берега рѣки, противу Енисейска, ихъ много играетъ и плещется, что зависитъ и отъ привычки ходить рунами примѣрно штукъ по 70. По наблюденіямъ ученыхъ признано, что икра щуки легко производитъ тошноту, боль въ животѣ и поносъ; потому, при употребленіи щукъ, надобно соблюдать осторожность. Икру мечетъ она въ началѣ апрѣля и нерестясь въ половодье щука, по причинамъ вышеизложеннымъ, опасаясь задохнуться, стремится вверхъ по закраинамъ водополья. Рассказываютъ, что для удовлетворенія жадности, щука становится на мелкомъ мѣстѣ головою на низъ (т. е. по теченію воды). Ниже города Туруханска щука очень уже рѣдко встрѣчается. Хищности ея помогаютъ: зоркіе темные глаза, широкое чрезмѣрно горло, сплывныя хвостовыя перья и зубы острые, скрестившіеся и усѣивающіе сплошь обѣ челюсти. Зубы эти ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ мѣняются. Щукъ бьютъ и дубинами, когда, вздумавъ схитрить, онѣ притаются неподвижно вблизи поверхности воды и около берега.

5. *Окунь* (*Perca fluviatilis*). Рыба эта имѣетъ способность метать икру въ разное время года, отъ чего и ловится весьма различныхъ величинъ. Эта небольшая рыбка очень вкусна; легка для желудка и питательна. Есть въ народѣ наблюденія, утверждающія вліяніе окуней на возбужденіе дѣтородныхъ частей. Озерные окуни имѣютъ вкусъ менѣе пріятный, какъ бы тинистый. Окунь можно назвать самой многочисленной породой: всюду, гдѣ вода свѣжа, онъ разводится обильно. Слово „окунь“ происходитъ, вѣроятно, отъ глагола „окунять“, т. е. погружать наплавокъ и наживу. Хотя окунь и ловится вмѣстѣ съ другими породами, напр. въ неводахъ и проч., но самымъ любимымъ способомъ ловли окуней считается ужение. Ловъ этотъ, начинаясь съ весны, едва исчезнетъ муть въ водѣ, не кончается даже и при открытіи воды льдомъ, потому что окуни берутъ подо льдомъ. Хотя выше и сказано о опособности метать икру разновременно, но большею частію, обыкновеніе, окуни мечутъ икру въ маѣ, такъ что въ апрѣлѣ бываютъ очень икраны. Весною лучшей наживой считаются черви, а осенью мелкія рыбки. Утромъ и вечеромъ бродитъ окунь по мѣстамъ открытымъ и чистымъ; а въ жаркій полдень удаляется въ тѣнь, въ каряги, подъ навѣсъ травъ и кустовъ. Да и обыкновенно любимое мѣстопребываніе окуня есть куры и улова,

гдѣ вода стоитъ и только вертится. Окунь мало уступаетъ шукѣ въ жадности. Онъ не боится шума и даже бросается на него; потому и мутятъ нарочно воду по дну у берега, чтобы сдѣлать муть, подобную производимой мелкой рыбой. Окунь смѣло относится къ удочкѣ и никогда не обманывается; надобно вытаскивать тотчасъ, какъ погрузился поплавокъ. Но онъ не хватается и не дергаетъ, а приблизясь съ разину-тымъ ртомъ, остается неподвижнымъ и тянетъ въ себя воду, при чемъ входитъ въ ротъ крючокъ съ наживой и за тѣмъ плыветъ окунь какъ и въ чемъ и бывало. Окунь считаетъ легко переваримой пищей и назначается врачами хворымъ. Въ холодномъ и въ ухѣ они хороши, а печеные въ чечуѣ еще лучше. Хотя жители до Туруханска и со- лять его для дома, но въ продажу не пускаютъ. За Туруханскомъ окуня ужъ нѣтъ.

6. *Сельди*. Эта извѣстная небольшая рыбка, жиръ и мясо которой учеными признаются за ядовитые иногда, ловится въ Енисей по Ту- руханскому краю не ранѣе августа, отличается весьма нѣжнымъ вку- сомъ, особенно въ жареномъ видѣ: она не представляла здѣсь ника- кихъ случаевъ ядовитости и считается обыкновенно только за родъ сельдей. Изъ рисунка можно будетъ видѣть обстоятельныѣ. Здѣшняя (т. е. обыкновенная енисейская) сельдь гораздо менѣе голландской и менѣе жирна. Считаю нужнымъ присовокупить, что солить ее цѣлкомъ, отнюдь не выпная потроховъ и отъ того не бываетъ порчи. По краю Туруханскому, на 5 станкахъ выше Туруханска, занимаются копченіемъ этихъ сельдей и продаютъ енисейскимъ торговцамъ; количество выво- зимыхъ копченыхъ сельдей будетъ примѣрно до 150 пудовъ. Главный ловъ сельдей около послѣднихъ чиселъ августа и первыхъ сентября и тогда приготавливаютъ копченыхъ для продажи. Коптятъ плоховато, по- тому что готовятъ въ банѣ, натопивъ ее и напустивъ дыму, отъ того рыба сушится, влажность исчезаетъ и сельди дѣлаются даже ломки. Тогда какъ надобно дѣлать такъ: взять большую бочку, выбить дно, наvertѣть кругомъ дырки, параллельно съ дномъ, и рядъ отъ ряда по длинѣ сельди; сельди вздѣвать на спицы плотно и вставлять спицы въ эти дырки какъ можно тѣснѣе, ставить эту бочку на другую съ выби- тымъ дномъ, но безъ дырокъ; въ сторонѣ должна быть небольшая (футъ въ квадратѣ примѣрно) желѣзная печь съ проведенною отъ нея небольшою трубою выпзъ въ нижнюю бочку. Топить печку должно таловыми гнилушками; тогда дымъ пойдетъ быстро, а распростра- няется между рыбами и выходитъ медленно; самый дымъ холодный уже, потому что отъ гнилушекъ нѣтъ пламени. Притомъ рыбное мясо дѣлается бѣлымъ, а не восковымъ, какъ здѣсь, и мягкое,

а не ломкое. Но прежде развѣшиванія въ бочки, сельдей должно вѣсить на сутки на воздухъ, чтобъ они завяли, не во влажную, а въ сухую погоду, въ тѣни, и на сквозномъ вѣтрѣ. Странно, что на одномъ станкѣ ловятъ сельдей не икряныхъ, а сутки ранѣ или позже почти всѣ икряны и съ полной икрой. Это можетъ объясниться развѣ тѣмъ, что икряныя сельди выбираютъ себѣ особое мѣсто въ рѣкѣ и одни идутъ икру бросать, а другія возвращаются бросивъ уже. Говорятъ, верстахъ во 100 ниже Туруханска на правой сторонѣ есть рѣчка „Курейка“, въ которой будго бывають временемъ весьма крупныя сельди и столь жирныя, что нельзя и солить, ибо въ бочкѣ остается жиръ и кости, а мяса нѣтъ; но это, вѣроятно, только отъ неумѣнія и отъ соли, перемѣшанной пополамъ съ пескомъ, пломъ, землей, глиной и мукой. Впрочемъ, достопочтенный священникъ въ Дудинкѣ увѣряетъ, что за тундрою въ рѣкѣ есть крупныя сельди. На дняхъ же видѣлъ я у городского головы А. С. Баладина нѣсколько селедокъ, изъ числа полученныхъ имъ съ туруханской почтой отъ этого священника: сельди оказались крупнѣ имѣвшихся на лицо голландскихъ, да и жирнѣ послѣднихъ; приготовлены сельди эти не въ засолѣ, а въ маринадѣ и потому имѣютъ особый преоригинальный вкусъ. Такимъ образомъ, при искусныхъ рукахъ опытнаго человѣка составилсѣ бы промыселъ мѣстный, могущій имѣть результатомъ вытѣсненіе изъ Сибири сельдей голландскихъ. Эта большая сельдь отличается тѣмъ, что хвостикъ не такъ разбросистъ и голова несравненно менѣе, такъ что маленькая енисейская сельдь по виду болѣе подходитъ къ голландской.

7. Въ Енисейскѣ весь бѣдный классъ, въ началѣ лѣта, кормится *тубунками*, небольшою рыбкою вершка въ два, чрезвычайно вкусною, въ родѣ сѣтковъ (*asmerus eperlanus*). Но принимая въ соображеніе признанную учеными ядовитость сѣтковъ и нѣкоторыя свои наблюденія надъ тугунами я считаю нужнымъ посовѣтывать, чтобы не довольствовались для пищи тугунками и помнили бы, что начало вредныхъ дѣйствій тугунковъ, по моимъ наблюденіямъ, состоитъ въ появленіи всеобщаго изнеможенія (*). Водятся къ сѣверу, отъ Енисейска по всему Енисею; но ниже Туруханска на тугуновъ и вниманія не обращаютъ, а „частиковъ“ для ловли ихъ нѣтъ. За то отъ Нижнеинбацка до Енисейска тугуны составляютъ главную пищу и солятъ на зиму. Ихъ такъ много, что добываютъ въ день пудовъ по 10 на каждый частичкъ.

(*) Я не увѣряю въ этомъ, можетъ быть это — увлеченіе мое; потому и наблюденія буду продолжать.

Мѣстами и особенно у Духоборовъ, въ деревнѣ Иссупъ, верстахъ въ 16 выше Верхнеинбацка, ихъ сушатъ, но совершенно безъ соли и именно слѣдующимъ образомъ: надѣвають на спицы, вѣсятъ на воздухъ за солнце, кладутъ въ вольную печь до превращенія тканей въ сухія и ломкія. Въ такомъ видѣ они очень долго (болѣе года) хранятся безъ порчи и употребляются для приготовленія супа, всыпая достаточное количество ихъ въ кипящую воду. Въ деревняхъ, имѣющихъ очень много собакъ для тяги, сушеные тугуны, развариваемые въ кипяткѣ съ прибавленіемъ муки, составляютъ средство прокормленія собакъ, портящихся отъ соленой рыбы. Тугуны могли бы въ искусныхъ рукахъ, въ засолѣ доставлять хорошую закуску въ родѣ килекъ; но судну нѣтъ времени останавливаться для этого занятія. Крестьяне для чистки тугуновъ не распарываютъ, а внутренности выдавливаютъ. Прибавлю, что тугуны только что пойманные и зажаренные на сковородѣ въ сметанѣ составляютъ несравненное блюдо.

Карась (*Carassius vulgaris*. Nils. желтый; *Carassius gibelio*-Bl. — серебристый); ершъ (*Acerina vulgaris*); елецъ (*Leuciscus vulgaris*, Flem., въ Малороссіи яльчикъ, въ Волини кленекъ, въ Орловской губерніи кленокъ); пяскаръ (*Cabitis barbatula* L.), въ Россіи „столбецъ“, въ Малороссіи „авдюшка“ и „удотка“) слишкомъ извѣстны всѣмъ, водятся всюду, отлично описаны С. Т. Аксаковымъ, да къ тому же не составляютъ особаго предмета торговли, чтобы приступать къ подробному ихъ описанію. А язь (*Leuciscus idus* L.) и сорога рыбы весьма костлявыя и мясо ихъ испещренное тончайшими иголочками, требуетъ особенной осторожности при употребленіи въ пищу; язь немного болѣе хайрюза, а сорога самая дрянная и дешевая рыбка, которую ѣсть бѣдность и о которой не стоитъ распространяться.

Кунжа. Рыба эта снаружи имѣетъ нѣжно красноватый, пріятный для глаза, цвѣтъ. Испещрена она темноснебуроватыми пятнами, величиною въ горошину; впрочемъ, онѣ болѣе расположены по среднимъ бокамъ, по направленію отъ щеглъ къ хвосту. Длинна она имѣетъ, по крайней мѣрѣ, скольковидѣлъ я, около аршина. Она хищная, съ крѣпкими большими зубами по обѣимъ полостямъ. Всѣ оттѣнки ея цвѣта, отношеніе головы къ туловищу, небольшой ширины къ длинѣ, равно и расположеніе всѣхъ частей тѣла лучше всякаго описанія видны на рисункѣ, снятомъ съ натуры. Въ рѣдкость вывозится въ Туруханскъ изъ за тундры. Ловится почти во всѣхъ озерахъ большой или восточной тундры, изъ которыхъ берутъ свое начало рѣки, впадающія въ море Ледовитое. Особенно важно богатство ея группы озеръ Норильскихъ, потому что недалеко отъ нихъ открыты въ 1859 г. соляные ключи

у р. Сѣверной, притокѣ Н. Тунгузки. Зимой на 1860 годъ кунжа была засолена и доставлена въ Красноярскъ къ начальнику губерніи, гдѣ оказалась не хуже семги, привозимой изъ Россіи; тогда какъ рыба та была добыта еще осенью и значительно вывѣтрѣла. Нѣкоторые считаютъ эту рыбу настоящей семгой. Развитіе этого промысла имѣло бы благодѣтельные послѣдствія для бѣднаго Туруханскаго края. Заходить съ моря и низовья Енисея, рѣдкій годъ и въ нѣсколькихъ экземплярахъ рыба, похожая на кунжу, только очень малая и слыветъ у низовыхъ рыболововъ подъ именемъ „голецъ“ (вѣроятно, отъ безчешуйности своей награждена этимъ именемъ; а что значить слово „кунжа“ я не добрался). Мясо ея не бѣлое, а имѣетъ оттѣнокъ изжелта. Въ пирогахъ мясо, обыкновенно весьма нѣжное, какъ будто грубѣетъ и подходитъ вкусомъ къ рыбамъ краснымъ (осетру и стерляди). Въ соленомъ видѣ совершенно въ родѣ семги. Впрочемъ, черствость мяса зависитъ и отъ икрюности; потому что мясо холостой отличается особенной нѣжностью. Жиръ отнюдь не желтъ, какъ въ осетринѣ, и блѣденъ; да и на вкусъ весьма нѣженъ, а не рѣзокъ, какъ въ рыбѣ красной. Мясо лежитъ слоями болѣе купными и явственными, чѣмъ въ обыкновенныхъ нашихъ рыбахъ. Костей почти нѣтъ, да и позвонокъ очень тонокъ. Особеннаго вниманія и описанія заслуживаетъ въ кунжѣ икра: вся она заключена въ одной общей оболочкѣ; лежитъ отдѣльными зернами величиною въ горошину отъ крупной до малой, не имѣя между зернышками связокъ, какъ напримѣръ въ икрѣ нельмы; словомъ, по вскрытіи и въ разрѣзѣ вы видите будто медовые соты. Вкусъ икры до такой степени пріятенъ и нѣженъ, что не хочется ни солить, ни брать въ ротъ вмѣстѣ съ нею булки, либо хлѣба, она, буквально, таетъ во рту и отдаетъ на вкусъ слегка сырымъ яйцомъ. Пузырь, содержащій въ себѣ эту икру, лежащую отдѣльными зернами, состоитъ будто изъ тонкаго слоя клея.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Таймень (*Salmo fluviatilis*) считается самою смѣлою и бойкою рыбою. Онъ для быстрыхъ мѣстъ рѣки имѣетъ тоже значеніе, какъ щука по курьямъ и заливамъ. Проворство, смѣлость и обжорство — его особенности. Попавъ въ неводъ, онъ интересной уловкой освобождается: набираетъ въ ротъ по болѣе дели (*) и отойдя въ глубь невода —

(*) Слово это не объяснено, потому что я встрѣчалъ его въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и считаю общезвѣстнымъ уже.

вдругъ бросается впередъ. Но эта попытка пробить стѣну льбомъ имѣетъ двоякій конецъ: если дель невода плохая, базарная, тонкая — таймень прошибаетъ и уходитъ; если же дель толста и старательно приготовлена самими рыболовами — таймень только ушибается и засыпается съ делью во рту. При постановкѣ въ притокахъ Енисея на рыбу загородей, таймень прыгаетъ вверхъ и перескакиваетъ преграду даже по воздуху. Таймень ловится, кромѣ неводовъ, сѣтями, вершами и острогами. Желаящіе добыть тайменей, должны помнить, что они всегда любятъ быстрину (будетъ ли то на мелкомъ мѣстѣ, или на глубинѣ плеса). Переплывать съ мѣста на мѣсто онъ любитъ болѣе подъ туманъ, особенно осенью. Съ такой же жадностью, какъ щука, глотаетъ онъ и хайрузовъ, и налимовъ, и нельмъ, и меньшихъ своихъ же собратьевъ. Въ одномъ огромномъ тайменѣ нашли рукавицы и бѣлку, почему считая за поганого его и бросили. При лученіи таймень смѣло подходитъ къ лодкѣ и укрываясь подъ носомъ придерживается всѣхъ движеній лодки. Въ Енисейскѣ, какъ и всюду почти, таймени не поступаютъ въ соленіе; они употребляются свѣжими, да и то, полежавъ нѣсколько, теряютъ вкусъ, горькнутъ и покрываются ржавчиной. Въ самомъ же свѣжемъ состояніи мясо ихъ не костливое, крупнослонное, плотноватое, бѣло и весьма вкусно. Икра ихъ крупнозернистая, чуть не съ горошину, прозрачная, темнопурпурнаго цвѣту; она вкусна и употребляется свѣжепросольною, въ прокъ же почти не запасается. Величиной таймени здѣсь попадаютъ въ два аршина, вѣсомъ до $3\frac{1}{2}$ пудовъ. Ловятся во всякое время года. Тайменей книзу отъ Туруханска крайне мало и потому не составляютъ они предмета соленія и торговли. Но и до Туруханска ихъ немного, потому и идутъ они только для домашняго употребленія. Цѣна ихъ въ Енисейскѣ не менѣе 4 рублей серебромъ за пудъ.

Ленокъ (*Salmo coregoides*) подходитъ вкусомъ и цвѣтомъ къ тайменю. Въ прокъ не солится, какъ и таймень. Ловится неводами, сѣтями и проч. Вѣсомъ болѣе 15 фунтовъ встрѣчать не случалось. Большимъ руномъ, по сказанію рыболововъ, не ходятъ. Имѣя сходство съ тайменемъ, ленокъ отличается серебристыми крапинками, меньшей относительно тѣла головой, менѣе широкимъ лбомъ и зубами, стоящими не прямо, а уже далѣе внутрь пасти, чрезвычайно мелкими и наклоненными внутрь, такъ что рукою входитъ въ ротъ не опасно, а при выниманіи зубки зацѣпляются.

9. *Нельма* (*Salmo nelma*). Эта, почти неизвѣстная въ Россіи рыба, очень большая, средняя въ аршинъ длиною, среднимъ вѣсомъ въ 16 фунтовъ, а съ потрохами достигаютъ до 1 пуд. и 10 фунт., съ мясомъ

необыкновенно иѣжнымъ. Особенно вкусна нельма въ свѣжемъ видѣ; замороженная же хуже. Отъ иѣжности своей она быстро подвергается вліянію воздуха, потому и храниться должна засыпаною снѣгомъ. Она ловится въ большомъ количествѣ, особенно въ Туруханскомъ краю и привозится въ числѣ засоленныхъ рыбъ. Замѣчно рыболовами Туруханскаго края, что на нельмахъ встрѣчаютъ какой-то родъ пѣвокъ. Въ тихихъ мѣстахъ ближе къ морю ловимая нельма жирна и не имѣетъ икры. Потому для метанія икры эта благороднѣйшая рыба поднимается вверхъ по рѣкѣ и идетъ при этомъ, по разсказамъ рыболововъ, парами; если жъ икрѣная нельма бываетъ такъ тяжела, что затрудняется въ ходѣ одна, два самца сдвигаютъ ее съ боковъ своими боками, поддерживаютъ и ведутъ. Потому лучельщики, встрѣтивъ такую группу, бьютъ остроугою одного изъ боковыхъ, другой спасается бѣгствомъ, а самка, лишенная поддержки, переворачивается вверхъ брюхомъ, отдается произволу теченія и легко дѣлается добычей, за что старые рыболовы ее уважаютъ и не рѣшаются прикоснуться неумытыми руками. Иѣжность мяса приучила рыболововъ и острогу бросать въ нельму какъ нельзя легче и вваливать въ лодку какъ можно скорѣе, потому что первое время нельма бываетъ оглушена и не шелохнется, а очнувшись начнетъ биться и изрѣжетъ свое мягкое тѣло. Ниже Толстаго носа въ островахъ нельма такъ жирна, что когда ее жарятъ на огнѣ, она не темнѣетъ и жиръ вытекающій горитъ и не допускаетъ сжигаться, а все мясо подъ составившейся коркой сохраняетъ весь сокъ и, какъ будто, пропитано лучшимъ масломъ. Это, что называется, объѣднѣе! Вывозится изъ Туруханскаго края соленою по крайней мѣрѣ въ количествѣ 2,000 пудовъ; да кромѣ того въ свѣжемъ видѣ изъ осенней и подледной привозится обледевленою по зимнему пути въ количествѣ 700 пудовъ—наименьшее. Главное мѣсто добыванія нельмы гораздо ниже Туруханска, а именно у Верхнеинбацка и ловля, начинаясь съ 20 августа, усиливается къ заморозкамъ; такъ что въ началѣ сентября получается однимъ неводомъ и въ одну почъ по 150 штукъ. Въ сентябрѣ иѣдетъ полную икру. Нереститься кончаетъ уже къ веснѣ, такъ что по вскрытіи рѣки плаваетъ уже въ большомъ количествѣ мелочь. Нельмы продаются головами. Выше 14 фунтовъ называется головой; менѣе за полголовы; выше пуда за 2 головы; за Толстымъ носомъ продается средней величины, вровень съ мokusуномъ, 10 коп.; а достигшая величины 1½ мokusуновъ за 15 коп. сер. штука; ближе къ Туруханску за голову платится 40 коп. сер. Около Верхнеинбацка 70 коп. сер.; около Каменной Тунгузки 80 коп. сер. и даже 1 руб. сер. Но какъ выше сказано, что средній вѣсъ 16 фунт.; то около Каменной Тунгузки нельма обходится отъ 2 до 2 руб. 50 коп. сер. за пудъ (конечно безъ

потроховъ). Въ Енисейскѣ соленая отъ 2 руб. 75 коп. оптомъ, а въ разницу не дороже 4 руб. сер. Икра ея, соленая пудъ отъ 4 до 5 руб. сереб. Общее количество икры можно считать 10°/о всей рыбы (т. е. изъ 100 пудовъ — 10 пудъ). Свѣжая нельма продается въ Енисейскѣ по 5 руб. сер. пудъ; но между ними часто бываетъ совершенно испорченная отъ того, что послѣ отплытія судна, съ мѣста ловли обратно въ Енисейскъ, рыбаки хранятъ ее совсѣмъ съ потрохами на песку до мороза болѣе потому, что не имѣютъ достаточно соли; слѣдовательно, если осень теплая, или морозъ и тепло перемежаются, рыбаки дѣлаютъ обливанья водою, обмораживаютъ, продаютъ въ Енисейскѣ за подледную. Вѣрный знакъ распознаванія худой отъ хорошей есть глазъ ввалившійся и какъ бы вытекшій уже.

Вобщемъ осторожность и вниманіе медицинской полиціи должны быть не къ одной только соленой рыбѣ, а и къ свѣжей. Въ Енисейскѣ къ свѣжей еще болѣе, потому что: во-1-хъ, рыба по первому зимнему пути привозится изъ Томска, безъ всякаго присмотра и аккуратности возами, какъ дрова, и продается не только не подвергаясь свидѣтельству никогдѣ, но даже медицинская полиція и не извѣщается. Во-2-хъ, въ городѣ на сѣверо-западѣ есть болота, въ камышахъ которыхъ накапливается множество падали, а также вреднымъ гніеніемъ и испареніями остатковъ отъ стоящихъ тутъ же мыловаренныхъ и салотопенныхъ заводовъ и производящейся тутъ побойки скота, отъ чего всѣ нечистоты вываливаются въ тѣ же болота, а весною вода смываетъ все это въ Енисей. Въ-3-хъ, берегъ самаго Енисея заваленъ назывомъ, въ которомъ есть и падали довольно, потому что нѣтъ за городомъ особыхъ ямъ для нечистотъ. Слѣдовательно, все это поглощается водою Енисея, какъ жилищемъ и пищею съѣдаемыхъ нами рыбъ. А вѣдь между тѣмъ извѣстно, что не нельма только, но и всякая рыба подвергается болѣзнямъ. Такъ бываютъ на ней *черныя пятна* сперва поверхности, а потомъ при ходѣ ихъ въ глубь тѣла и рыба умираетъ. Такъ въ непроточныхъ прудахъ частенько бываютъ на карасяхъ *красныя пятна*, отъ укушенія зелеными червяками, заводящимися въ стоячихъ нечистыхъ водахъ. Но нерѣдко видимыхъ знаковъ нѣтъ никакихъ, а рыба умираетъ и только сморщенные и высохшія кишки и пузырь свидѣлствуютъ о бывшей болѣзни. Дурѣетъ она и засыпаетъ подъ льдомъ и думаютъ, обыкновенно, отъ недостатка воздуха, основываясь на томъ, что увеличеніе числа прорубей уменьшаетъ и страданіе; но, по нашему мнѣнію, причина не та: вѣдь въ озерахъ и прудахъ, далекихъ отъ человѣческаго жилья, никто прорубей не дѣлаетъ, да нѣтъ даже и полыньевъ, составляющихъ принадлежность большихъ и быст-

рыхъ рѣкъ, а между тѣмъ рыба водится въ большомъ обиліи и менѣе мретъ, чѣмъ въ прудахъ и озерахъ близъ селеній, гдѣ казалось бы есть и проруби. Слѣдовательно, причина смерти въ примѣси къ водѣ назмю, падали, жидкости навозной, жидкости, стекающей съ разныхъ фабрикъ и заводовъ. Конечно, медицинская полиція должна также внушать, а полиція слѣдить, чтобы для скорѣйшей и удобнѣйшей ловли умышленно не производили оглушенія рыбы простымъ табакомъ (*Nicotiana tabacum*), дурманомъ (*Datura stramonium*), челибухой (*Strychnos nux vomica*), а всего чаще куклеванцомъ, или кукольванцомъ (*Menispermum cocculus*). Послѣдній сильнѣе всего дѣйствуетъ на рыбу: для отравленія истираютъ ядъ въ порошокъ и смѣшавъ съ печенымъ хлѣбомъ или сырымъ тѣстомъ разбрасываютъ кусочками, рыба глотаетъ, черезъ часъ дурѣетъ, сперва мечется, а потомъ или забивается въ камыши и умираетъ, или всплываетъ на поверхность и берется руками, хоть ребятъ, для пищи, или даже продажи другимъ. Единственнымъ средствомъ прекратить это зло можетъ быть бдительность полиціи за лавками и внезапныя свидѣтельства ихъ чрезъ медицинскую полицію, чего у насъ, къ сожалѣнію, никогда не дѣлается.

10. *Моксунъ* (*Salmo lavareto affinis*) одной фамиліи съ нельмою, только менѣе ея, длиною вообще вершковъ 10, а вѣсомъ въ сложности до 4-хъ фунт. и рѣдко болѣе 6 фунт., менѣе нѣжный, менѣе вкусный, имѣетъ горбъ при спускѣ къ головѣ, тогда какъ нельма пряма; но хребетъ гораздо ниже, чѣмъ у чира. Губы оканчиваются ровно, только верхняя толще. Не такъ широкъ и не такъ тупоносъ, какъ чирь. Солится въ низовомъ края въ большомъ количествѣ и привозится въ бочкахъ въ Енисейскъ. Замороженные моксуны хорошо сохраняются. Замѣчательно, что моксуны съ теченіемъ времени, по замѣчанію рыболововъ, поднимаются вверхъ менѣе и менѣе; потомъ оптовые ловы ихъ производятся ниже и ниже, куда удаляются и рыболовы. Въ тихихъ мѣстахъ междуостровныхъ протоковъ при приближеніи къ устью Енисея (верстъ 70 ниже Толстаго носа) моксуны не имѣютъ почти икры. На спинѣ внутри, противъ половины груди, есть у нихъ мѣсто, вершокъ длины и полвершка ширины, съ бѣлымъ совершенно жиромъ, подобнымъ свиному салу: лежитъ бѣлымъ пятномъ, отдѣляясь отъ мяса, все таки будто сѣроватаго. Таковая жирность бѣлой рыбы отчасти причиною того, что не привозятъ ее хорошею, потому что она скоро портится, а солить не успѣваютъ. Да, кромѣ того, рыбаки бросаютъ ее взадъ и впередъ съ небрежностью, отъ чего она мякнетъ и, въ такомъ случаѣ, очевидно, портится. Вывозится изъ Туруханскаго края примѣрно въ количествѣ 10,000 пудовъ засоленной; а свѣжею подледною выво-

зится весьма мало. Бываетъ икрынымъ и нерестится мokusнѣ, приблизительно говоря, одновременно съ нельмой. Цѣнность: 10 коп. сер. за штуку ниже Туруханска, гдѣ главная ловля въ островахъ ниже Толстаго носа, производимая инородцами (самоядь, юраки и долганы) и русскими поровну. Около Имбацка, гдѣ и мало добываютъ, принимается 4 мokusна за одну нельму. Въ Енисейскѣ соленые въ оптовой торговлѣ отъ 22-хъ до 25 руб. за сотню; а въ разницу 30 коп. за штуку. Пудами не продается. Свежихъ мokusновъ въ Енисейскѣ очень мало бываетъ и продаютъ отъ 40 до 50 коп. за штуку. Замѣчательно, что за Толстымъ носомъ въ островахъ бываетъ такая разница въ величинѣ мokusновъ, что много попадаетъ четвертую даже долю обыкновеннаго роста и потому въ продажѣ называются „половинка“, „три головы“ и „4 головы“ (т. е. за мokusна берутъ и 2, и 3 и 4 головы). Впрочемъ, большею частію мokusны менѣ половины обыкновеннаго получаютъ названіе мелочи и продаются тамъ сотнями по 1 руб. сер. за сотню, что вѣситъ около трехъ пудовъ. Напротивъ того около Имбацка появляющіеся осенью мokusны бываютъ рослые и не попадаетъ даже „половинокъ“.

11. *Cигъ* (*Salmo lavaretus*) изъ одной же съ нельмою фамиліи, только менѣ ея, и даже менѣ мokusна въ сложности. Сигъ шире мokusна. Чешуя у него серебристая, крупная.

Мясо этой рыбы, извѣстной за Туруханскомъ, не только значительно нѣжнѣе нельмычаго, но даже нѣсколько нѣжнѣе, чѣмъ и у почитаемаго въ Енисейскѣ выше всѣхъ рыбъ „чира“. Но тутъ дѣло въ томъ, что сиговъ, имѣющихся въ большомъ количествѣ по низовому краю, по невозможности перевозки этой нѣжной рыбы, сюда не возятъ ни свежей, ни соленою. Впрочемъ г. Бойлингъ сдѣлалъ попытку соленья, но, во-1-хъ, для этого надобно много хлопотъ и при очисткѣ соли, и при самыхъ приѣмахъ соленья, — а во-2-хъ, солить надобно только что пойманную, не свозя, какъ обыкновенно бываетъ, изъ за десятка верстъ, а ужъ тѣмъ болѣе не подготавливая соленую заранее для продажи готовою енисейскимъ торговцамъ. Сиги ловятся по низовому краю въ большомъ количествѣ, но тотчасъ же и употребляются туземцами въ пищу: вотъ счастливыцы-то! А мы бы здѣсь Богъ знаетъ что дали за тамошняго стоялаго сига! — Сиги, соображая по улову ихъ, икру бросаютъ съ конца марта и къ осени уже отъ икры очищаются, потому что осеніе и подледные пусты. Икра же отъ сиговъ лѣтомъ превосходна, но не можетъ быть запасана въ прокъ. — О количествѣ вывозимыхъ и говорить нечего, потому что вывоза вовсе нѣтъ и только въ 1858 году г. Бойлингъ вывезъ соленыхъ сиговъ пудовъ 30 и соленье было отличное.

О цѣнѣ ихъ въ низовомъ краю говорить нечего, потому что тамъ не составляютъ они предмета торговли, какъ продуктъ несолимый для вывоза. Около Инбацка, иногда бываетъ небольшая продажа, которую вообще можно опредѣлить за пудъ въ цѣлковый. Здѣсь нельзя не упомянуть, что сигъ, по свойству своего мяса и жира, могъ бы составить отличный продуктъ для копченья.

12. *Чиръ* (*Salmo nasus*) изъ одного рода съ нельмой, сигомъ и мokusномъ. Въ Енисейскѣ рыба эта считается деликатнѣйшимъ блюдомъ. И дѣйствительно, мясо чира несравненно нѣжнѣе мokusна и даже нельмы. Но отзывъ будетъ разлченъ, смотря потому — когда и гдѣ изловленъ чиръ: такъ наприм. противу Монастырскаго станка, при впаденіи въ Енисей Нижней Тунгузки чировъ чрезвычайно много, и монахамъ Троицкой обители раздолье въ пищѣ; но чирь не имѣютъ тутъ нѣжности, вкуса и замѣтно сухи, потому что при чрезвычайной быстротѣ этого мѣста они выбиваются. За то противу Пелкинскаго станка, въ тихомъ мѣстѣ, въ ямѣ, добываются, особенно по вставаньи рѣки, чирь до такой степени жирные, что мясо рыбы далеко не достигаетъ поверхности, занятой слоемъ жиру. Икра чира бываетъ и нерестится чиръ, приблизительно, одновременно съ нельмою. Вывозится изъ Туруханска засоленныхъ чировъ никакъ не болѣе 2,000 пудовъ, а свѣжихъ по зимнему уже пути до 500 пудовъ. Стоимость: въ низовомъ краю чирь продаются какъ мokusнъ; выше Туруханска — у Верхнеинбацка дѣлаются дороже, и даютъ за нельму не 4, какъ мokusнъ, а уже 3 головы. Вообще чиръ менѣе нельмы, но болѣе мokusна, только относительно шире и той и другой рыбы. У него чешуя не доходятъ одна до другой, а ужъ тѣмъ болѣе не ложатся другъ на друга; почему и составляютъ между собою полосы, кои темнѣе цвѣтомъ, чѣмъ чешуйки. Въ Енисейскѣ, вообще говоря, соленые чирь продаются 4 руб. за пудъ, а свѣжіе, привозимые по зимнему пути, продаются на охотниковъ даже по 10 руб. сер. Въ Подкаменной Тунгукѣ, верстѣ 300 отплывши вверхъ по теченію, можно ловить въ весьма большомъ количествѣ и чировъ и сиговъ, качество которыхъ несравненно выше этихъ рыбъ енисейскихъ. Это качество зависитъ отъ множества въ ходѣ этой (средней) Тунгузки мѣстъ тихихъ, глубокихъ и тинистопесчаныхъ; а обиліе рыбъ тутъ такъ велико, что съ берега можно любоваться игрою ихъ. — Но эти мѣста извѣстны мало рыбопромышленникамъ и только нѣкоторые изъ енисейцовъ знали это мѣсто. Г. Елтышевъ взялъ было въ оброчную статью опредѣленное пространство на 10 лѣтъ, — и по незнанію мѣста потерялъ лѣтную операцію и раззорился. Другимъ 10 лѣтъ ловля не дозволялась; теперь хотя срокъ кончился,

но жители станка Тунгусскаго имѣютъ намѣреніе сами пускаться (хотя и не пускаются) для ловли, а также и Тунгузы—не пускаютъ другихъ. По сему предмету нельзя не пожелать, чтобы правительство обратило вниманіе на это обстоятельство, и уничтоживъ всѣ привиллегіи съ одной стороны, и своеволю (по праву обычнаго владѣнія мѣстностями) туземныхъ поселеній и Тунгузовъ; съ другой дать какъ можно болѣе свободы. Только въ такомъ случаѣ, при появленіи новыхъ предпріимчивыхъ людей, можно надѣяться, что пустыни по теченію Тунгузокъ Средней (Подкаменной) и Монастырской, покроются людьми со всѣми плодами при вносимой или жизни: вѣдь извѣстно, что въ Средней Тунгузкѣ есть много и отлично вкусныхъ и большихъ стерлядей.

13. *Хариузъ* (или „хайрюсъ“ въ произношеніи — *Salmo thymallus*) Это рыба горная, отличающаяся бойкостью и хитростью. Потому въ озерахъ не водится, за исключеніемъ Байкала, который происхожденія вулканическаго, а нѣкоторые считаютъ вѣдь его и разливомъ (рѣки Ангары). Длина хариуза не велика, но можетъ въ рѣдкость достигать до 8, 9 и 10 вершковъ. Вѣсомъ не болѣе фунтовъ трехъ. Нерестится весной. Икриннымъ бываетъ осенью. Хорошій, жирный, имѣетъ весьма бѣлое мясо; а нужный (т. е. тощій) не такъ бѣлъ и называется даже синякомъ. Вообще-то, впрочемъ, мясо этой рыбы отличается крѣпостью и потому долѣе другихъ сохраняется въ свѣжемъ состояніи, на морозѣ, не завѣтривая. Плавающіе за соленіемъ рыбы въ Туруханскъ и далѣе не замѣчали хайрюсовъ далѣе Верхнеинбацка. Въ достоинствѣ цѣнятся такъ называемая „привольная“, а „поплавная“, т. е. бѣгущая обратно по теченію рѣкъ, бываетъ изнурена. Гастрономы, а также и китайцы въ Кяхтѣ, предпочитаютъ „холостыхъ“, т. е. не икринныхъ, потому что мясо ихъ жирнѣе и нѣжнѣе.

Омуль (*Salmo autumnalis migratorius*) ловится у насъ очень мало и составляетъ принадлежность Байкальскихъ водъ. Иркутяне занимаются его соленіемъ и предпочитаютъ для закусокъ голландскимъ сельдямъ. Жизнь и ловля этой рыбы описана уже многими изъ бывшихъ въ Иркутскѣ. Такъ напр. въ ст. г. Черепанова въ „Библиот. для Чтен.“ довольно сказано и въ стат. опис. Спб. г. Гагемейстера. А потому я здѣсь ни скажу болѣе ни слова. Прибавлю только, что гг. писавшіе объ иркутскихъ омуляхъ относятъ ихъ то къ роду лососей, то къ роду сельдей, потому, дескать, что, подобно сельдямъ, имѣютъ сжатые бока, ходятъ руномъ, входятъ для метанія икры въ рѣки, прочны въ солкѣ, соотвѣтствуютъ сельдямъ и вкусомъ, и одновременнымъ увеличеніемъ численности того и другаго рода, гдѣ водятся они вмѣстѣ.

23. *Мочкогоръ* принадлежитъ къ разряду рыбъ бѣлыхъ, изъ рода

Salmo. Онъ похожъ на извѣстную пелятку (*Salmo coregonus*). Длина его $13\frac{1}{2}$ и 14 вершковъ; ширина равняется одной трети длины, не считая перьевъ хвоста. Чешуйки мелки. Голова необыкновенно мала въ сравненіи съ туловищемъ, какъ ни у какой изъ здѣшнихъ рыбъ; да къ тому жъ она и остра, а не тупа, какъ у чира. Форму общую, соотношеніе частей между собою, положеніе перьевъ и прочее видно изъ рисунка. Водится онъ только на водахъ большой тундры. Рыба эта пкряная не такъ жирна, а въ яловомъ состояніи (т. е. безъ икры) жиръ въ немъ лежитъ палца на 3 и не приторенъ. Мясо отличается самой нѣжной бѣлизной противу всѣхъ рыбъ, а нѣжность его и вкусъ до такой степени деликатны и превосходны, что самый лучший чиръ нейдетъ съ нимъ ни въ какое сравненіе. Когда мнѣ нынѣшней зимою въ февралѣ пришлось получить, какъ исключительную рѣдкость, мочкогора въ Енисейскъ, то знатоки всѣхъ сортовъ рыбъ и сибирскихъ, и російскихъ, включая и петербургскихъ, единогласно утверждали, что съ подобной нѣжностью мяса они никогда не ѣдали. А между тѣмъ, этотъ мочкогоръ былъ изловленъ вѣроятно въ концѣ октября, потому что нужно было его вывезти изъ за тундры въ Туруханскъ, а изъ него въ Енисейскъ, и все на вольномъ воздухѣ, безъ всякаго надзора. Икра расположена какъ у мokusуна; цвѣтъ ея красноватый; зерна мелкія; вкусомъ она похожа на омuleвую. У хвоста имѣются для управленія имъ очень крѣпкія волокна.

22. Есть еще рыба „пелеть“ или „пелятка“ (*Salmo coregonus*). Она имѣетъ сходство съ мочкогоромъ, только менѣе его (не болѣе четвертей полоторыхъ). Ловится она и за тундрою, и весною въ низовьяхъ Енисея. Орудіями ловли въ озерахъ служатъ пушальни, а на Енисей берется она въ массѣ другихъ рыбъ неводами, особенно вмѣстѣ съ мokusунами. Въ Енисейскъ она не привозится даже и въ соленомъ видѣ, потому что, попадаясь какъ рѣдкость и отличаясь особенною нѣжностію и пріятностію во вкусѣ (хоть и далеко черствѣе мочкогора), съѣдается на мѣстѣ какъ лакомство.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Туруханскій край есть главное мѣсто рыболовства. Мы представимъ сперва общую картину ловли въ томъ краю, а потомъ опишемъ и всѣ способы ловли.

Туруханцы промышляютъ рыбу, тотчасъ за „Камнемъ“, лѣтомъ

переметами, а осенью нельму неводами; за тѣмъ въ началѣ зимы добываютъ переметами много красной подледной рыбы. Вскорѣ за Камнемъ впадаетъ въ Енисей Подкаменная Тунгузка, въ низовьяхъ которой промышляютъ осенью налимовъ мордами; да тутъ же опускаютъ и уды, для чего прорубаютъ ледъ, ставятъ колья сажени въ полторы и къ концу привязываютъ коленца съ удою въ аршинъ длиною; наживами служатъ пискари. На эти уды попадаетъ и таймень; и ловъ этотъ употребляется до самаго Туруханска. Въ нижней Тунгузкѣ, въ устьѣ ея, чировъ необыкновенно много и ловятъ ихъ неводами. Въ городѣ же Туруханскѣ, стоящемъ на острову среди болотъ, уловъ рыбы плохой. По впадающей противу Туруханска рѣкѣ Турухану ставятъ пушальни къ берегу сажень за 50 и получаютъ мелкую стерлядь, щуку, сига. А осенью, за недостаткомъ рыбы, ѣздятъ промышлять верстъ за 30 въ деревню якутовъ, гдѣ ловятъ неводами сельдей, нельму и моксуновъ, во время заморозокъ и чтобы питаться зимою — замораживаютъ ихъ на зиму. Кромѣ того, до Туруханска ловятъ въ самую шугу значительное количество омулей неводами. Перейдемъ теперь въ край низовой (т. е. за Туруханскъ). Ниже этого города до Дудинки промышляютъ болѣе красную рыбу, но только осетровъ, потому что стерлядей тамъ нѣтъ. Орудіемъ къ тому служатъ переметы, наживленные не червяками, а вьюнами и оленьимъ мясомъ. Выгоновъ достаютъ по курганамъ, для чего сперва мутятъ въ курганахъ воду, взмѣсятъ тину и тогда вмѣстѣ съ тиною вычерпываютъ вьюновъ; садятъ въ чуманъ, отправляются на промыселъ и тамъ рѣжутъ на кусочки для наживленья. Тутъ же вблизи береговъ ловятъ неводами моксуновъ, чировъ и нельму, а предъ заморозками заготавливаютъ ихъ на зиму. Неводъ употребляется лѣтомъ и въ низовомъ краю по преимуществу для рыбы бѣлой, но попадаетъ и красная; зимой же спускаютъ въ проруби пушальни и получаютъ осетровъ, моксуновъ, кастерей, сиговъ и омулей. Въ озерахъ по тундрамъ, инородцы промышляютъ тоже пушальнями. За Толстымъ носомъ суда рыболововъ енисейскихъ распредѣляются уже по протокамъ; къ нимъ сбираются инородцы, и туземцы; тутъ переметы уже не употребляютъ: ловятъ неводами; а по курьямъ дѣлаютъ перегородки пополамъ и ловятъ половинками и мережами; въ этихъ мережахъ остаются осетры пуда въ 3 вѣсомъ. У каждаго судовщика есть определенное мѣсто, а то можно и блудить, потому что тутъ, въ островахъ, Енисей бываетъ шириною на 110 верстъ; а острова есть верстъ по 60 и по 30 ширины. Суда стоятъ тутъ до 17 іюля. Съ этого времени они спѣшатъ возвратиться въ Енисейскъ; инородцы съ этого времени отправляются въ тундры и къ Ледовитому морю, чтобы

подоспѣть къ 1-му августа на бывающій тамъ промыселъ оленей; а туземцы торопятся ловить мелкую рыбу для сушенія на зиму, вмѣсто крупъ для супа, — а крупную солить, — но съ наступленіемъ холодовъ рыбу уже морозятъ. Всѣ эти заготовленія къ зимѣ дѣлаются потому, что льды толсты, до трехъ аршинъ, и продавливаніе прорубей для постановленія пущальнѣ очень затруднительно. Вообще сѣзжается сюда, на острова, столько народу, что употребляютъ до 150 неводоѡ.

Для ловли рыбы употребляются слѣдующіе способы:

1. Неводъ выжется изъ мотоуза, длиною, смотря по мѣстоположенію ватаги, отъ 50 до 120 сажень, вышиною отъ 8 до 12 аршинъ.

2. Сѣти изъ коноплянаго мотоуза, тонкихъ нитокъ, или конскаго волоса, смотря по надобности; ячейки соразмѣряются съ величиною рыбы. Сѣти бываютъ одностѣнные, двухстѣнные и трехстѣнные. Онѣ ставятся въ рѣки, укрѣпляясь на якоряхъ; иногда ими перегораживаютъ рѣки и протоки, посматривая по временамъ, не попалась ли рыба; иногда плаваютъ съ ними отпуская сѣть въ рѣку. Сѣтью и лодкою управляетъ одинъ, а много два человѣка.

3. Витель выжется также изъ мотоуза, какъ неводъ, ячейками, и составляетъ сѣткообразный мѣшокъ, похожій на морду.

4. Сакъ готовится тоже изъ мотоуза, ячейками, въ видѣ ручнаго мѣшка, оканчивающагося тупообразно, какъ бы кулемъ.

5. Самоловъ состоитъ изъ крючковъ, или удъ, прикрѣпленныхъ къ длинной веревкѣ, а къ нимъ подвязываются полавки, чтобы крюкъ остреемъ держался сверху.

6. Переметь тоже, что самоловъ, только крюки его гораздо менѣе самоловныхъ и не имѣютъ полавковъ; крюки наживляются иногда червями, а болѣе живой рыбой — „гальяномъ“. И переметы и самоловы ставятся на якорь, имѣя сверху воды такъ называемый наплавъ, т. е. жердь, къ которой привязанъ верхній конецъ веревки.

7. Вѣрша плетется также, какъ морда, только изъ толстыхъ и длинныхъ прутьевъ и въ нѣсколько разъ болѣе морды. Она устанавливается въ рѣкѣ на двухъ плотяхъ, крѣпко утвержденныхъ древесными снастями въ берега, между которыми и опускается огромная морда-верша. Морда-верша имѣетъ наверху окно съ крышкою, въ которое вынимаютъ пойманную крупную рыбу.

8. Колыданы. Этотъ способъ употребляется слѣдующимъ образомъ: ловцы садятся по одному въ 2 небольшія лодки, спуская въ воду колыданы (связанные изъ нитокъ или распущеннаго холста сѣтки), прикрѣпленные къ шесту. Къ шесту привязывается камень, притягивающій сѣть ко дну, а къ камню и шесту веревка, посредствомъ которой ко-

лыданъ вытягивается изъ воды. Плывутъ оба рыбака въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, внизъ по теченію воды. Этотъ же способъ иные енисейцы называютъ „*попъзованьемъ*“.

9. Ухватъ или адуръ. Насаживается на длинный шестъ сажень въ 5 или 6 ухватъ. Дѣлаютъ на рѣкѣ прорубь надъ ямой (т. е. глубокимъ мѣстомъ); ледъ выбрасываютъ, оставляя немного на поверхности, чтобъ не освѣщалось въ глубинѣ и рыба, находящаяся въ родѣ летаргическаго сна, не пробуждалась. Погружаютъ туда полегоньку ухватъ, и когда почувствуютъ, что коснулись рыбы, сильно притискиваютъ ее ко дну рѣки. Отъ давленія ухватъ расходится и схватываетъ рыбу (*). При этомъ надѣваютъ рукавицы, которыя должны быть непременно изъ волосъ гривы, и въ нихъ руки не мокнутъ, не мерзнутъ, а горятъ, потому что волосъ колетъ. При этомъ есть обычай, что всякій хоть и не участвующій въ этой ловлѣ, но случайно пріѣхавшій, получаетъ какой нибудь пай изъ пойманной рыбы. Шестъ, на который насаживается ухватъ, дорого стоитъ, потому что должно найти такую лѣсину ели (какъ дерева и крѣпкаго и вмѣстѣ легкаго), которой волокна шли бы не спиралью, а совершенно прямо. Лѣсъ, который растетъ свободно отъ другихъ деревьевъ, слѣдуетъ въ ростѣ за солнцеворотомъ; въ дремучемъ же лѣсу, гдѣ каждая ель прикрыта другимъ, волокна идутъ болѣе или менѣе прямо вверхъ. Этотъ шестъ стоитъ дорого (25 руб. ассигн.), потому что: во-1-хъ, при такой длинѣ дерево со спиральными волокнами можетъ лопнуть (такъ какъ оно отслаивается по слоямъ); а во-2-хъ, при прямыхъ волокнахъ шестъ лучше передаетъ и звукъ отъ удара, что важно для рыболова, какъ указатель схватыванія поперегъ и выниманія рыбы за рыбой, лежащихъ рядышкомъ головами противу теченія. Дерево такое узнаютъ по совершенной прямотѣ и ствола и вѣтвей.

10. Мѣшокъ. Къ палкѣ привязывается изъ рѣдко-сотканнаго холста мѣшокъ, съ разширеннымъ обручемъ въ устьѣ и опускается на палкѣ въ воду. Къ такому способу ловли, равно какъ и къ послѣдующему прибѣгаетъ только одиночество и бѣдность.

11. Крюкъ. Выдалбливается во льду небольшая дыра, въ которую опускается палка съ вбитымъ въ конецъ ея гвоздемъ, составляющимъ вмѣстѣ съ палкою крюкъ.

12. Корчаги (или морда). Они плетутся изъ прутьевъ тальника съ небольшимъ отверстіемъ, которое обмазываютъ тѣстомъ и спускаютъ въ воду. Они ставятся въ перегородки, устраниваемые въ рѣчкахъ.

(*) Онъ такъ и устроенъ, чтобы рожки могли расходиться и сдвигаться.

13. Блесна и дорожка. Это вылитыя из олова рыбки, со вставленными въ нихъ удочками. Этихъ искусственныхъ рыбокъ хищныя рыбы принимаютъ за натуральныхъ, и, схватывая ихъ, сами попадаютъ на удочку. Блесна забрасывается съ берегу или съ лодки на одномъ мѣстѣ, какъ обыкновенная уда; дорожка же спускается въ воду, во время плаванія, на тонкой веревкѣ. Рыболовъ, управляя лодкою, кладетъ веревочку за ухо и плаваетъ такъ до тѣхъ поръ, пока ухо его почувствуетъ, что дорожка схвачена рыбою; тогда онъ беретъ веревку въ руки и вытаскиваетъ добычу.

14. Проруби. Прорубаютъ на льду дыры по дугѣ, которую долженъ описать неводъ, въ такомъ одна отъ другой разстояніи, чтобы изъ одной въ другую можно было длиннымъ шестомъ подать веревку побѣжника (*). Одолбивъ пространство у берега, достаточное для входа невода, и, укрѣпивъ конецъ побѣжника въ концѣ шеста, просовываютъ его подъ льдомъ до первой дыры, гдѣ, принявъ его, снова просовываютъ подъ льдомъ до второй дыры и такъ далѣе, проходя отъ дыры до дыры, утягиваютъ неводъ въ рѣку, который, обойдя тамъ взятое пространство возвращается къ исходному пункту и вытягивается обыкновеннымъ порядкомъ съ достаточнымъ количествомъ рыбы.

15. Вѣрша. Эта ловушка дѣлается изъ толстыхъ прутьевъ, которыхъ длина бываетъ сажени три и вышина, или поперечникъ, въ сажень. Она опускается на воротахъ, между двумя прикрѣпленными къ берегу плотами. Когда нужно высматривать ловушку, то ее поднимаютъ тѣми же воротами въ уровень дна ея съ плотами. Это дѣлаютъ нѣсколько человѣкъ, и тогда какъ они держатъ ворота одинъ влѣзаетъ въ вершу, въ устроенное сверху отверстіе для того, чтобы вынуть рыбу.

16. Сурпа. Это корзина, съ четырехугольнымъ устьемъ и съ постепенно суживающимся глухимъ задомъ. Недалеко отъ глухаго конца замѣтно небольшое разширеніе. Она ставится въ протокъ устьемъ вверхъ; открылки, сдѣланныя изъ прутьевъ, по обѣимъ ея сторонамъ, перегораживаютъ протокъ и рыба вносится въ сурпу теченіемъ воды, гдѣ не можетъ уже повернуться.

17. Жерлица. Уда въ три вершка длиною, съ большою зазубриной; на нее наживляется распластанная рыба; на жерлицу попадаетъ тальмень. Жерлицы въ числѣ 10—15 штукъ навязываются на одинъ поводокъ, занимаемая полторы сажени по его длинѣ; одинъ конецъ поводка загружается камнемъ въ воду, а другой поддерживается на верху плавающей сухой

(*) Побѣжникомъ называется жердочка, продѣтая въ клѣточки сѣти; на концахъ этой палки привязываются веревки.

длинной лѣсной. Когда этотъ напавокъ станетъ дѣлать неправильныя движенія, рыболовы, сидящіе на яру, плывутъ въ лодкѣ къ лѣсинѣ, вынимаютъ жерлицы, снимаютъ тальмена и багромъ вваливаютъ въ лодку. Чтобъ онъ не бился и не повалилъ лодку, одинъ изъ рыбаковъ садится на него и убиваетъ ударомъ въ лобъ.

18. Уда, удочка, съ удилищемъ—такой уже общественный способъ ловли, что не скажу о немъ ни слова, тѣмъ болѣе, что, желающій ознакомиться подробно, можетъ прочесть исполненную жизни и написанную отличнымъ слогомъ книгу дѣдушки С. Т. Аксакова.

19. Лученье. Это самый интересный способъ ловли. Онъ производится въ осеннія ночи, когда вода чиста и рыба видна глубоко на рѣчномъ днѣ. Какъ только вода войдетъ въ настоящіе берега, по рѣкамъ плаваютъ ночью лодки съ горящимъ смольемъ въ жаровняхъ и съ людьми, которые держатъ въ рукахъ желѣзныя остроги, какъ орудіе для пораженія спящей рыбы. Огонь раскладывается на желѣзной рѣшеткѣ, называемой козою и утвержденной въ носъ лодки. На дрова рубятъ заблаговременно въ маѣ мѣсяцѣ сосновыя деревья, опаленныя весеннимъ пожаромъ, потому что такія деревья оказываются смолистыѣ. Дѣлаютъ также въ родѣ свѣчъ длинные конусообразныя свертки бересты; горятъ они весьма ярко и не совсѣмъ скоро. Съ помощью этихъ же конусообразныхъ свертковъ устраиваютъ преинтересныя иллюминаціи при гуляньяхъ, надѣвая трубочкой широкаго конца конуса на верхушки деревьевъ; это особенно великолѣпно, когда есть небольшой вѣтерокъ и верхушки деревьевъ качаются, а высоко поднимающійся яркій огонь мечется въ разныя стороны. Острогой называется пятизубая желѣзная уда, насаженная на ратовище семи аршинъ длины. Плавающіе въ лодкѣ, замѣтивъ рыбу, стоящую неподвижно, бьютъ ее острогою и, съ помощью желѣзнаго крюка, вваливаютъ въ лодку.

20. Глушенье. Рыба, по словамъ рыболововъ, имѣетъ самое чувствительное ухо. Сильный звукъ такъ ее поражаетъ, что она приходитъ въ оцѣпенѣніе и повертываются вверхъ брюхомъ. Это бываетъ осенью, когда рѣки и озера покроются прозрачнымъ льдомъ. Рыбы поднимаются часто на самую поверхность воды, чтобъ, если не взглянуть на свѣтъ Божій, то погрѣться на солнцѣ и вздохнуть въ образовавшейся, по замерзаніи льда, подъ нимъ небольшой пустотѣ; почему онѣ бываютъ видны сквозь ледъ. Рыболовы ходятъ по льду съ колоушками и подсматриваютъ любопытную рыбу; увидя ее, они сильно ударяютъ по льду, и если рыба не уйдетъ, а перевернется вверхъ брюхомъ, тотчасъ прорубаютъ ледъ и вынимаютъ ее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Окончивъ этимъ описаніе способовъ ловли, считаемъ долгомъ бросить взглядъ на достоинство привозимой изъ за туруханскихъ мѣстъ соленой рыбы.

Обыкновенно въ Енисейскѣ продавалась въ рыбномъ ряду рыба съ „душкомъ“, составляющая гастрономическое блюдо туземцевъ; но этотъ „душокъ“ такъ развивался, что нельзя было мимо рядовъ ни пройти, ни проѣхать. Теперь это улучшилось нѣсколько слѣдующими мѣрами: во-1-хъ, я настоялъ на командированіе члена полиціи еженедѣльно присутствовать при свидѣтельствovanіи рядовъ; во-2-хъ, издано мною наставленіе какъ съ рыбою обращаться, а именно: лагуны, стоявшіе безъ всякихъ покрышекъ, держать ночью забивъ досками, а при продажѣ подъ чистымъ холстомъ, — скоблить ежедневно, бывшіе отвратительно грязными, столы, доски, лодки и корытцы, — имѣть чистые запаны (*), полотенцы, скатерти и покрывала (все конечно изъ холста), — не пачкаться въ лагунахъ грязными руками, а доставать рыбу съ помощью крючковъ, — придѣлать надъ лавками и столиками, находящимися на солнечной сторонѣ, завѣсы, чтобъ рыба лежала въ тѣни и не разлагалась подъ вліяніемъ солнечнаго жара и пыли, наносимой вѣтромъ.

Но всѣ вышесказанныя улучшенія относятся только къ способу сохраненія мѣстными рыбнорядцами рыбы, заготовленной въ Туруханскомъ краю. Главное же зло состоитъ въ самомъ засолѣ, въ способѣ заготовки.

Прежде всего должно обратить вниманіе на *качество соли*. Соль употребляется здѣсь, такъ называемая, варная и приплавляется со вскрытіемъ рѣки Енисея изъ Троицкаго солеварнаго завода, въ Канскомъ округѣ, на р. Усолкѣ, притокѣ Тасѣевой, впадающей въ Верхнюю Тунгузку. Соль эта, весьма мягкая для употребленія въ пищу, но готовится, безъ малѣйшаго вниманія, нкуда негодно: она пополамъ съ примѣсью глины, илу, муки и песку. Принимая въ соображеніе особенный вредъ отъ такой соли для засаливанія рыбы въ краю затуруханскомъ, и для засола говядины, какъ единственной въ теченіи 10

(*) Т. е. фартуки.

мѣсяцовъ пищи на золотыхъ пріискахъ, не говоря уже о постоянномъ убыткѣ покупателямъ отъ очищенія ея, я въ 1858 году составилъ въ присутствіи общаго окружнаго управленія актъ свидѣтельства о достоинствѣ соли.

Въ одной унціи соли разложеніе показало: 1) 43 грана илу съ глиной и пескомъ, — 2 драхмы и 36 гранн соли глауберовой и 5 драхмъ со скрупуломъ соли полуваренной. 2) Для опредѣленія примѣсей взята была фильтра, предварительно вывѣшена, послѣ передачи раствора на фильтрѣ она 4 раза еще промывалась водою, чтобы отнюдь не осталось соли, — потомъ фильтра высушена и новымъ взвѣшиваніемъ опредѣлено количество прибывшаго вѣсу отъ осѣвшихъ примѣсей. Такъ вотъ какого достоинства наша обычная соль соляныхъ магазиновъ: хорошо еще, еслибъ примѣсь состояла болѣе изъ песку, не располагающаго тканъ засаливаемой рыбы къ окисанью и разложенію, а то изъ 43 гранъ только 15 гранъ песку, а остальное — плъ и глина. При солениіи этою солью примѣси покрываютъ рыбу и не только способствуютъ разложенію и закисанью, но и мѣшаютъ пропитываться ткани разсоломъ, образуя неудобопроницаемый слой. Только примѣсь песка не можетъ быть считаема вредною уже и потому, что песокъ считается предохраняющимъ отъ порчи веществомъ. Теперь судите: какъ важно значеніе разложеной мною соли чадобской, соли ключей по р. Сѣверной, ключей по Ючимо, озеръ вблизи Манзы и въ 20 в. отъ Маковского. (См. все въ 1-мъ отдѣлѣ).

Кромѣ соли, большое вліяніе на достоинство засаливаемой рыбы имѣетъ посуда. Еслибъ сдѣлать ее изъ дубоваго дерева — было бы очень хорошо; потому что дерево это плотно и мало смолисто: но гдѣ его взять? Здѣсь же дѣлаютъ посуду изъ лиственни, сосны и кедра. Но первыя два дерева — весьма смолисты и передаютъ запахъ свой рыбамъ. Кедръ же, хотя не такъ смолистъ и съ этой стороны для соленья выгоденъ, — но такъ не плотенъ и рыхлослойчатъ, что пропускаетъ сквозь посуду часть разсола. Главное же зло — не въ веществѣ посуды, а въ способѣ обращенія съ нею: наши купцы рыбо-торговцы держатъ рыбу въ посудѣ по цѣлой зимѣ, съ наступленіемъ весны не заботятся вымывать и выпаривать, нагружаютъ суда загрязненною и воняющею посудой, разсчитывая мыть уже на мѣстѣ. Очевидно такая посуда, выслужившая можетъ быть лѣтъ 10, пропитана уже насквозь разложившимися веществами и можетъ ускорять закисъ помѣщаемой въ нее рыбы. Для уничтоженія этого вреда надобно принять, по нашему мнѣнію, слѣдующія мѣры: во-1-хъ, требовать отъ гг. рыбо-промышленниковъ, чтобы не отплывали они безъ осмотра у нихъ до-

стоинства посуды и гниющую отдѣлять. Во-2-хъ, совѣтовать торговцамъ дѣлать новую посуду чрезъ каждые два года и это не составитъ для нихъ почти ровно ничего, кромѣ вниманія къ дѣлу, потому что каждая посудина будетъ стоить, смотря по величинѣ, отъ 1 руб. до 1 руб. 50 коп. и это уже на 2 года, тогда какъ въ каждую помѣстить можно рыбы на сумму отъ 50 до 150 руб. сер., а въ два года отъ 100 до 300 руб.; слѣд. какъ ничтожна эта трата на посуду, да и за лучшую рыбу каждый покупатель съ удовольствіемъ дастъ лишнюю копѣйку. Въ-3-хъ, да и для выслуги двухъ лѣтъ надобно посуду промывать и вывѣтривать немедленно, какъ только опросталась отъ рыбы; словомъ, желательно видѣть отъ гг. рыботорговцевъ поболѣе вниманія къ своему дѣлу и занятіямъ: безъ труда нѣтъ плода.

Впрочемъ, эти два обстоятельства не могутъ не сознаваться рыбаками. А на способъ веденія ловли и засаливанія, равно и на особенныя свойства самыхъ рыбъ, вѣроятно, рѣдкій изъ рыботорговцевъ обращалъ вниманіе. Скажемъ же мы нѣсколько словъ въ дополненіе ко всему изложенному нами о рыбопромышленности.

Обыкновенно рыбы добываются не тѣми, кто хочетъ засаливать и не въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится засолка. Рыболовами бываютъ большею частію инородцы (остяки, тунгузы, юраки, долганы и са-моядь), менѣе — туземные поселяне. Засольщики, помѣщающіеся огромными партіями на пескахъ, рѣдко находятъ удобныя мѣста вблизи большихъ же партій неводчиковъ и разстояніе между ними достигаетъ верстъ до 20 и болѣе. Смогря по удачѣ лова, неводчики остаются на мѣстѣ сутки двои и трои, пока сочтутъ партію рыбы достаточною чтобы 20 верстъ плыть для сдачи купцамъ и засольщикамъ ихъ. Такимъ образомъ на ловлю и доставку рыбы требуется уже времени довольно, а рыба лежитъ себѣ и подвергается вліянію и ночного сыраго холода и сильнаго лѣтняго жара попеременно. Къ тому же нерѣдко случаются непогоды, задерживающія доставку рыбы еще нѣсколько дней. При этомъ верхній слой портится отъ переменъ погоды и жара, а нижній прѣетъ, надавливаемый всѣми верхними. А чего стоитъ небрежность наемниковъ, невѣждъ, безъ всякаго надзора: они бросаютъ рыбу съ мѣста на мѣсто какъ ни попало, не считая уже непремѣнныхъ выбрасываній на берегъ, въ лодки, съ лодокъ опять на берегъ для сдачи, при пріемѣ, къ засолу и проч.; а отъ этого рыба мнетъ и подвергается преждевременному распаденію. Проходя все эти мытарства, рыба достигаетъ засола въ такомъ уже состояніи, въ какомъ не слѣдовало бы ее и солить. Это тѣмъ болѣе важно, что ловимыя за Толстымъ носомъ по преимуществу — бѣлыя рыбы необыкновенно

нѣжны и жирны, потому что стоятъ на широкомъ мѣстѣ, между островами, въ протокахъ и болѣе въ мѣстахъ. крайне тихихъ. При этой нѣжности и жирнотѣ рыба можетъ имѣть значеніе каждая неосторожность обращенія съ ними: мять и бросать столь нѣжную рыбу значитъ предварительно превращать ее въ тѣсто и подготавливать разложеніе, а держать долго на солнцѣ рыбу, столь ожирѣлую, значитъ начинать и самое разложеніе.

Способъ засаливанія состоялъ у енисейцевъ въ томъ, что брали соль въ томъ видѣ, какъ она есть въ соляныхъ магазинахъ и распорывъ брюшко, вынувъ внутренности и, сдѣлавъ разрѣзовъ до 5 въ мякоти, натирали солью мясо рыбы. При этомъ часть соли входила, а глина, илъ, мука, оставались на поверхности и образовали слой, не допускавшій дальнѣйшаго проникновенія соли въ ткань. Плавится рыба не иначе какъ въ рассолѣ, но и этотъ рассолъ неудобно проходить въ ткань черезъ слой вышеупомянутаго осадка.

Въ доказательство особенной нѣжности и ожирѣнія засаливаемой въ Туруханскомъ краю рыбы приведу то, что выписанный засольщикъ, изъ лучшихъ астраханскихъ, дѣлалъ пол-лѣта пробы, чтобы опредѣлить — какимъ лучше способомъ засаливать, этихъ свойствъ, рыбу и много ее перепортилъ прежде, чѣмъ достигъ цѣли. Соль, употребляемая имъ, называется леденецъ и привозится изъ Томской губерніи съ озера; но она имѣетъ преимущество передъ солонкой Троицкаго завода, только по случаю нечистоты этой послѣдней, между тѣмъ какъ есть при ней другія неудобства, а именно: если молотъ — порошокъ будетъ все таки крупень, — если превращать въ рассолъ, то по случаю плотности потребуетъ много времени. Потому всѣмъ рыбакамъ употреблять ее будетъ неудобно. Совсѣмъ другое дѣло засольщикъ, присланный начальникомъ губерніи для того чтобы изучить это дѣло и показать примѣръ другимъ: съ этою цѣлью онъ живетъ безотлучно круглый годъ на мѣстѣ, въ краю Туруханскомъ; ему доставлены всѣ средства строить сарап, получать рыбу только что изъ воды и проч.; о немъ хлопочетъ самъ г. засѣдатель. Это — совсѣмъ другія условія, чѣмъ тѣ, при которыхъ занимаются засоломъ рыбы торговцы енисейскіе.

А потому желательно, чтобы обращено было болѣе вниманія на достоинство приплавляемой изъ Троицкаго завода соли, т. е. чтобы она была тамъ лучше вывариваема, а не поступала бы въ наши магазины пополамъ съ иломъ, глиной, пескомъ и мукой. Затѣмъ и самимъ рыборотворцамъ не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію способъ очистки соли г. Бойлингомъ и употребляемую имъ методу засаливанья. Вѣдь (не въ обиду будь сказано енисейскимъ старожиламъ) это очень рѣз-

кій фактъ, что г. Бойлингъ, человѣкъ вовсе незнакомый съ этимъ дѣломъ, плыветъ вслѣдъ за ними, осматриваетъ, обсуживаетъ дѣло, составляетъ способъ очистки соли и вывозитъ лучшую, противу всѣхъ ихъ, рыбу.

Опишу способъ г. Бойлинга. Онъ насыпаетъ въ лагунъ $\frac{1}{3}$ соли; наливаетъ на нее $\frac{1}{3}$ воды; послѣдняя же $\frac{1}{3}$ лагуна остается пустою, потому что при большомъ количествѣ воды недостаточно будетъ тренія между частицами соли при помѣшиваніи, да и вода при томъ можетъ выплескиваться. Соль съ водою онъ долго и старательно перемѣшиваетъ деревянной лопаткой, на подобіе употребляемой для хлѣбной квашни. При этомъ помѣшиваніи и треніи куски соли распадаются и всѣ вещества илистые и глинистыя отдѣляются. Потомъ вдругъ мутный рассоль сливается въ другой лагунъ, получивъ въ остаткѣ густую соль. Такъ какъ въ слитомъ рассолѣ муть не скоро отдѣляется, то г. Бойлингъ подвергаетъ его въ большомъ котлѣ варкѣ; при семъ частью муты покрывается скоро поверхность и тотчасъ же снимается, а часть садится на дно. Когда на поверхности котла уже будетъ образоваться соль, рассоль снимается съ огня, стоитъ нѣсколько времени и затѣмъ осторожно переливается въ лагунъ. Такимъ образомъ большая часть примѣсей останется въ котлѣ, а другая, поступивъ въ лагунъ, садится на дно его, тогда какъ самый рассоль выпускается изъ лагуны чрезъ кранъ, сдѣланный вершка на 3 выше дна. Подобныя операціи дѣлаются разомъ во многихъ лагунахъ. Но этимъ не оканчивается очистка соли, потому что надобно еще не менѣе двухъ разъ промывать и перемѣшивать, только уже не съ водою, а съ крѣпкимъ, чистымъ рассоломъ, ранѣе въ лагунахъ запасенномъ и выпускаемомъ для того черезъ краны. Промываніе съ рассоломъ дѣлается на томъ же основаніи, какъ и съ водою. Мука или другая примѣсь поднимается на поверхность рассола и снимается.

Такимъ способомъ отдѣляется все изъ соли, кромѣ развѣ тяжелыхъ частицъ песка, но послѣдній не такъ вреденъ для засола. Опущенная въ такой рассоль рыба, по вынутіи внутренностей и сдѣланіи разрѣзовъ на мягости, немедленно охватывается рассоломъ, скорѣе входитъ соль въ ткань рыбы и глубже проникаетъ сквозь всю толщу ткани. А на такое проникновеніе вполне можно разсчитывать, если рассоль доведенъ (какъ дѣлаетъ г. Бойлингъ) до такой степени крѣпости, когда при перевариваніи выступаетъ на поверхности соль, какъ знакъ, что рассоль крѣпокъ до невозможности болѣе принять соли. Знакомъ же крѣпости рассола служитъ и то, что свѣжее, отнюдь не попорченное, куриное яйцо тонетъ въ слабомъ, а въ крѣпкомъ плаваетъ на

поверхности. — Въ такомъ разсолѣ г. Бойлинга образуются на поверхности и по бокамъ лагуна большіе кристаллы формы квадрата и пирамиды ступеньками, а внизу—кубъ; весь составъ кристалла доходитъ до $\frac{3}{4}$ вершка. Сверхъ того, по бокамъ лагуна образуются мелкіе кристаллы мелкими кубиками. А на дно лагуна опускаются тѣ кристаллы, кои внутри пусты; они, очень естественно, удавливаются на дно тяжестью крѣпкаго разсола.

Окончивъ главу о рыболовствѣ, мы отъ души желаемъ, чтобы все нами указанное, претворилось въ дѣло, потому что того требуетъ общая польза.

К О Н Е Ц Ъ .

О КОЛИЧЕСТВѢ

ЗВѢРИНЫХЪ ШКУРЪ И МАМОНТОВОЙ КОСТИ,

ПОСТУПИВШЕЙ

ВЪ ЯСАКЪ КАЗНѢ И ПРОДАЖУ ТОРГУЮЩИМЪ ЛИЦАМЪ ЕНИСѢЙСКАГО ОКРУГА,

ОТЪ ИНОРОДЦЕВЪ

**Туруханскаго и Богучанскаго отдѣленій и другихъ подлежащихъ вѣдомству
Енисейскаго Земскаго Суда.**

[illegible]

[illegible]

Какихъ звѣрей шкуры.	Количество поступившихъ		Ц ѣ п а								Н а с у м м у.		
	въ казну.	торговцамъ.	торговцевъ на мѣстѣ покупки.		при покупкѣ въ казнѣ.		въ Енисейскѣ.		въ Ирбитѣ.				
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	
Соболей всѣхъ сортовъ.						2	84½						
Туруханскихъ	129	—	—	—		4	до 25	—	—	—	—	487	13½
Енисейскаго округа .	—	2690	5	—				—	—	—	—	14458	75
Лисицъ бѣлодупекъ, сиводу- шекъ, красныхъ и дру- гихъ низшаго сорта.			5	до 75				—	—	—	—		
Туруханскихъ	35	—	—	—		1	—					61	25
Енисейскаго округа .	—	954	2	85		2	до 50	—	—	—	—	3028	95
Песцовъ всѣхъ сортовъ.			3	до 50				—	—	—	—		
Туруханскихъ	881	—	—	—			58					533	½
Енисейскаго округа .	—	5375	—	70			до 63	—	—	—	—	3896	87½
Медвѣдей			6	до 75				—	—	—	—		
Енисейскаго округа .	—	178	до 7	—		—	—	—	—	—	—	1157	—
Волковъ						2	52					17	64
Туруханскихъ	7	—	—	—				—	—	—	—		
Россомахъ						3	—					9	—
Туруханскихъ	3	—	—	—				—	—	—	—		
Горностаевъ				14				—	—	—	—		
Енисейскаго округа .	—	5167	—	до 17		—	—	—	—	—	—	800	88½
Мамонтовой кости.						7	75						
Туруханской	12 п. 20 ф.	—	—	—				—	—	—	—	96	87
Колонковъ				43				—	—	—	—		
Туруханскихъ	—	2635	—	до 50		—	—	—	—	—	—	1225	27½
Ровдугъ оленьихъ			въ казну										
Туруханскихъ	80	—	1	20		—	—	—	—	—	—	96	—

Какихъ звѣрей шкуры.	Количество поступившихъ		Ц ѣ н а								И т о г у.	
	въ казу.	торговцамъ.	торговцевъ на мѣстѣ покупки.		при покупкѣ въ казнѣ.		въ Енисейскѣ.		въ Ирбитѣ.			
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Оленьихъ Туруханскихъ	1	—	въ казу 1	15	—	—	—	—	—	—	1	15
Сокуевъ оленьихъ Туруханскихъ	6	—	1	15	—	—	—	—	—	—	6	90
Камысовъ оленьихъ Туруханскихъ	7½	—	—	20	—	—	—	—	—	—	1	50
Нюковъ ровдужныхъ Туруханскихъ	1	—	8	50	—	—	—	—	—	—	8	50
Полушубковъ на пе- сцовомъ крестовико- вомъ мѣху — Туруханскихъ	1	—	7	50	—	—	—	—	—	—	7	50
Въ 1849 году.												
Бѣлокъ всѣхъ 3-хъ сортовъ. Богучанскихъ	720	—	—	—	—	8	—	—	—	—	57	60
Туруханскихъ	8456	—	—	—	—	7 до 8	—	—	—	—	634	20
Енисейскаго округа .	—	340500	—	до 10	—	—	—	—	—	—	30645	—
Соболей всѣхъ сортовъ. Богучанскихъ	36	—	—	—	5	56¼	—	—	—	—	200	25
Туруханскихъ	112	—	—	—	2	84½	—	—	—	—	414	12
Енисейскаго округа .	—	3820	4	62½	4	до 25	—	—	—	—	19482	—
Лисицъ бѣлодубекъ, сиводу- шекъ, красныхъ и дру- гихъ пизшаго сорта . Туруханскихъ	26	—	5	57½	—	—	—	—	—	—	65	—
Енисейскаго округа .	—	1214	3	15	—	—	—	—	—	—	4036	55
			3	50	—	—	—	—	—	—		

Какихъ зверей шкуры.	Количество поступившихъ		Ц ѣ н а								И т о г и	
	въ казнѣ.	торговцамъ.	торговцевъ на мѣстѣ покупки.		при покупке въ казнѣ.		въ Енисейскѣ.		въ Ирбитѣ.			
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
<i>Песцовъ</i> всѣхъ сортовъ.												
Туруханскихъ	1415	—	—	—	—	60	—	—	—	—	849	—
Енисейскаго округа .	—	6020	—	70 до 75	—	—	—	—	—	—	4364	50
<i>Медведей</i> Енисейскаго округа .	—	213	6 7	— до	—	—	—	—	—	—	1384	50
<i>Горностаевъ</i> Туруханскихъ	84	—	—	—	—	5 ¹ / ₄	—	—	—	—	4	41
Енисейскаго округа .	—	5465	—	14 до 17	—	—	—	—	—	—	847	7 ¹ / ₂
<i>Малонтовой кости</i> Туруханской	22 п. 34 ф.	—	—	—	4 до 4	30 до 50	—	—	—	—	100	54
<i>Колонковъ</i> Туруханскихъ	—	2260	—	50 до 60	—	—	—	—	—	—	1243	—
<i>Ровдунъ оленьихъ</i> Туруханскихъ	20	—	—	—	—	90	—	—	—	—	18	—
Въ 1850 году.												
<i>Бѣлокъ</i> всѣхъ 3-хъ сортовъ.												
Богучанскихъ	144	—	—	—	—	8	—	—	—	—	11	52
Туруханскихъ	9977	—	—	—	—	7 до 8	—	—	—	—	748	27 ¹ / ₂
Енисейскаго округа	—	742500	—	10 до 11 ¹ / ₄	—	—	—	—	—	—	78890	62 ¹ / ₂

Какихъ звѣрей шкуры.	Количество поступившихъ		Ц ѣ н а								И т о г у.	
	въ казнѣ.	торговцамъ.	торговцевъ на мѣстѣ покупки.		при покупкѣ въ казнѣ.		въ Енисейскѣ.		изъ Иркутскѣ.			
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
<i>Соболей всѣхъ сортовъ.</i>												
Богучапскихъ.	2	—	—	—	4	50	—	—	—	—	9	—
Туруханскихъ	30	—	—	—	2	28 ³ / ₄	—	—	—	—	109	76 ¹ / ₄
Енисейскаго округа .	—	5950	5	75	4	25	—	—	—	—	35700	—
			6	25	—	—	—	—	—	—		
<i>Лисицъ бѣлодушекъ, сиводу- шекъ, красныхъ и дру- гихъ низшаго сорта.</i>												
Туруханскихъ	9	—	—	—	2	50	—	—	—	—	25	18 ³ / ₄
Енисейскаго округа .	—	1727	3	50	3	10	—	—	—	—	6260	37 ¹ / ₂
			3	75	—	—	—	—	—	—		
<i>Песцовъ всѣхъ сортовъ.</i>												
Туруханскихъ	828	—	—	—	—	55	—	—	—	—	476	10
Енисейскаго округа .	—	13530	—	80	—	до 60	—	—	—	—	11838 ³ / ₄	75
				95	—	—	—	—	—	—		
<i>Медвѣдей</i>												
Туруханскихъ	—	489	6	—	—	—	—	—	—	—	3187	50
			7	до 50	—	—	—	—	—	—		
<i>Волковъ</i>												
Туруханскихъ	4	—	—	—	4	—	—	—	—	—	16	—
<i>Горностаевъ</i>												
Енисейскаго округа .	—	5240	—	15	—	—	—	—	—	—	917	—
			—	до 20	—	—	—	—	—	—		
<i>Колонковъ</i>												
Туруханскихъ	—	3310	—	57	—	—	—	—	—	—	2184	60
			—	до 75	—	—	—	—	—	—		

[illegible]

Какихъ звѣрей шкуръ.	Количество поступившихъ		Ц ѣ л а								И т о г о в ѣ	
	въ казну.	торговцамъ.	торговцевъ на мѣстѣ покупки.	при покупкѣ въ казнѣ.		въ Енисейскѣ.		въ Ирбитѣ.				
				Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	
Въ 1853 году.												
Бѣлокъ всѣхъ 3-хъ сортовъ.												
Богучанскихъ	9219	—	—	—	—	8 ¹ / ₄ до 9 ¹ / ₄	—	—	—	—	806	6 ¹ / ₄
Туруханскихъ	33761	—	—	—	—	6 ¹ / ₄ до 8 ¹ / ₂	—	—	—	—	2574	27 ¹ / ₂
Соболей всѣхъ сортовъ.												
Богучанскихъ	122	—	—	—	—	4 50 до 7 9 ³ / ₄	—	—	—	—	669	78
Туруханскихъ	31	—	—	—	—	2 50 до 5 —	—	—	—	—	125	55
Лисицъ бѣлодупекъ, сиводушекъ, красныхъ и другихъ низшаго сорта.												
Туруханскихъ	25	—	—	—	—	1 50 до 2 85	—	—	—	—	59	56 ¹ / ₄
Песцовъ всѣхъ сортовъ.												
Туруханскихъ	569	—	—	—	—	55 до 60	—	—	—	—	327	17 ¹ / ₂
Горностаевъ												
Туруханскихъ	92	—	—	—	—	—	15	—	—	—	13	80
Въ 1854 году.												
Бѣлокъ всѣхъ 3-хъ сортовъ.												
Богучанскихъ	26032	—	—	—	—	6 ¹ / ₄ до 9 ¹ / ₄	—	—	—	—	2082	56
Туруханскихъ	11306	—	—	—	—	6 ¹ / ₄ до 8 ¹ / ₂	—	—	—	—	876	21 ¹ / ₂
Енисейскаго округа	—	19660	—	—	—	—	—	11	—	10	064	30

Какихъ звѣрей шкуры.	Количество поступившихъ		Ц ѣ н а								Н а с у м м у.		
	въ казню.	торговцамъ.	торговцевъ на мѣстѣ покупки.		при покупкѣ въ казнѣ.		въ Енисейскѣ.		въ Ирбитѣ.				
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	
Соболей всѣхъ сортовъ.													
Богучанскихъ	110	—	—	—	5	80 ³ / ₄	—	—	—	—	638	82 ¹ / ₂	
Туруханскихъ	36	—	—	—	2	20	—	—	—	—	148	32	
Лисицъ бѣлодушекъ, сиводу- шекъ, красныхъ и дру- гихъ низшаго сорта.					5	до 25	—	—	—	—			
Туруханскихъ	64	—	—	—	2	85	—	—	—	—	203	20	
Песцовъ всѣхъ сортовъ.					3	до 50	—	—	—	—			
Туруханскихъ	192	—	—	—	—	55 до 60	—	—	—	—	110	40	
Горностаевъ.													
Туруханскихъ	335	—	—	—	—	15	—	—	—	—	50	25	
Ровдугъ оленьихъ													
Туруханскихъ	30	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	30	
Въ 1855 году.													
Бѣлокъ всѣхъ 3-хъ сортовъ.													
Богучанскихъ	5334	—	—	—	—	7 3	—	—	—	—	373	38	
Туруханскихъ	17564	—	—	—	—	до 8 ¹ / ₂	—	—	—	—	1009	93	
Енисейскаго округа .	—	19780	—	6	—	—	—	7 ¹ / ₂ до 10	—	10	1532	95	
Соболей всѣхъ сортовъ.													
Богучанскихъ	76	—	—	—	5	50	—	—	—	—	330	—	
Туруханскихъ	56	—	—	—	2	—	—	—	—	—	199	22	
Енисейскаго округа .	—	—	6	50	5	—	7	—	—	—	—	—	

Какихъ звѣрей шкуры.	Количество поступившихъ		Ц ѣ н а								Н а с у м м у.	
	въ казнѣ.	торговцамъ.	торговцевъ на мѣстѣ покупки.		при покупкѣ въ казнѣ.		въ Енисейскѣ.		въ Ирбитѣ.			
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
<i>Лисицъ</i> бѣлодушекъ, сиводу- шекъ, красныхъ и дру- гихъ низшаго сорта.												
Туруханскихъ	76	—	—	—	1 4	50 до 50	—	—	—	—	219	73 ¹ / ₂
Енисейскаго округа .	—	—	3	—	—	—	3	10	—	—	—	—
<i>Песцовъ</i> всѣхъ сортовъ.												
Туруханскихъ	465	—	—	—	—	55 до 60	—	—	—	—	267	97 ¹ / ₂
Енисейскаго округа .	—	—	—	55	—	—	—	65	—	—	—	—
<i>Медвѣдей</i>												
Туруханскихъ	—	—	7	—	—	—	7	—	—	—	—	—
<i>Волковъ</i>												
Енисейскаго округа .	—	—	5	—	—	—	5	—	—	—	—	—
<i>Россомахъ</i>												
Туруханскихъ.	1	—	—	—	1	25	—	—	—	—	1	25
<i>Горностаевъ</i>												
Енисейскаго округа .	—	—	—	15	—	—	—	30	—	—	—	—
<i>Рисей</i>												
Туруханскихъ	5	—	—	—	1	25	—	—	—	—	6	25
Въ 1856 году.												
<i>Бѣлокъ</i> всѣхъ 3-хъ сортовъ.												
Богучанскихъ.	2980	—	—	—	—	5 до 6 ¹ / ₄	—	—	—	—	171	35
Туруханскихъ	10849	—	—	—	—	4 до 6	—	—	—	—	556	1 ¹ / ₈
Енисейскаго округа .	—	17720	—	7 ¹ / ₂	—	—	—	5 до 9	—	6	1218	25

Какихъ звѣрей шкуры.	Количество поступившихъ		Ц ѣ н а								Н а с у м м у.	
	въ казнѣ.	торговцамъ.	торговцевъ на мѣстѣ покупки.		при покупкѣ въ казнѣ.		въ Енисейскѣ.		въ Ирбитѣ.			
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Соболей всѣхъ сортовъ.												
Богучанскихъ	76	—	—	—	4	29	—	—	—	—	326	4
Түруханскихъ	45	—	—	—	2	40	—	—	—	—	144	45
Енисейскаго округа .	—	—	7	—	4	15	—	7	25	—	—	—
Лисицъ					1	50						
Түруханскихъ	32	—	—	—	2	до 50	—	—	—	—	64	—
Енисейскаго округа .	—	—	3	25	—	—	3	70	—	—	—	—
Песцовъ всѣхъ сортовъ.						30						
Түруханскихъ	1267	—	—	—	—	до 60	—	—	—	—	547	97 ³ / ₄
Енисейскаго округа .	—	—	—	60	—	—	—	70	—	—	—	—
Медвѣдей												
Түруханскихъ	—	—	8	50	—	—	9	—	—	—	—	—
Волковъ												
Түруханскихъ	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—
Енисейскаго округа .	—	—	5	75	—	—	5	50	—	—	—	—
Россомахъ												
Түруханскихъ	1	—	—	—	—	60	—	—	—	—	—	60
Горностаевъ												
Енисейскаго округа .	—	—	—	25	—	—	—	30	—	—	—	—
Въ 1857 году.												
Бѣлокъ всѣхъ сортовъ.												
Богучанскихъ	4408	—	—	—	—	6 ³ / ₄	—	—	—	—	297	54
Түруханскихъ	4635	—	—	—	—	5	—	—	—	—	266	51 ¹ / ₂
Енисейскаго округа .	—	1370	—	10 ¹ / ₂	—	—	—	10	до 11	—	15	157

Какихъ звѣрей шкуры.	Количество поступившихъ		Ц ѣ н а								Н а с у м м у.	
	въ казнѣ.	торговцамъ.	торговцевъ на мѣстѣ покупки.		при покупкѣ въ казнѣ.		въ Енисейскѣ.		въ Ирбитѣ.			
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
<i>Соболей</i> всѣхъ сортовъ.												
Богучанскихъ	83	—	—	—	4	29	—	—	—	—	356	7
Туруханскихъ	19	—	—	—	3	—	—	—	—	—	81	17 ³ / ₄
Енисейскаго округа .	—	—	8	—	5	25	—	8	—	—	—	—
<i>Лисицъ</i> бѣлодушекъ, сиводу- шекъ, красныхъ и дру- гихъ низшаго сорта.												
Туруханскихъ	22	—	—	—	2	50	—	—	—	—	58	85
Енисейскаго округа .	—	—	3	50	2	85	—	3	50	—	—	—
<i>Песцовъ</i> всѣхъ сортовъ.												
Туруханскихъ	161	—	—	—	—	60	—	—	—	—	96	60
Енисейскаго округа .	—	—	—	63	—	—	—	75	—	—	—	—
<i>Медвѣдей</i> Туруханскихъ												
Туруханскихъ	—	—	—	—	—	—	7	—	—	—	—	—
<i>Волковъ</i> Енисейскаго округа .												
Енисейскаго округа .	—	—	4	—	—	—	5	—	—	—	—	—
<i>Горностаевъ</i> Туруханскихъ												
Туруханскихъ	53	—	—	—	—	15	—	—	—	—	7	95
Енисейскаго округа .	—	—	—	25	—	—	—	35	—	—	—	—
Въ 1858 году.												
<i>Бѣлокъ</i> всѣхъ сортовъ.												
Богучанскихъ	1000	—	—	—	—	5 ¹ / ₂	—	—	—	—	55	—
Енисейскаго округа .	—	102000	—	7 ¹ / ₂	—	—	—	8 до 14	—	11	10200	—

Примѣчаніе 1. До описанныхъ мною годовъ, т. е. когда енисейскіе торговцы плавали за Туруханскъ и достигали Толстаго носа, пушной товаръ вывозили оттуда ежегодно въ слѣдующемъ количествѣ и покупался такъ: песцовъ болѣе 16,000 по 30 и 35 коп., лисицъ до 1000 шт. по 1 руб. 14 коп. и 1 руб. 42¹/₄ коп.; соболей до 500 шт. по 2 руб. и 2 руб. 85¹/₂ коп. и бѣлокъ въ большемъ количествѣ по 2³/₄ коп. и меньше, а мамонтовой кости болѣе 200 пуд. по 5 руб. 73¹/₂ коп. Это было назадъ тому лѣтъ 30 или 35. Но съ уменьшеніемъ въ тамошнемъ краѣ народонаселенія, уменьшилась и торговля.

Примѣчаніе 2. Въ графахъ свѣденій о количествѣ шкуръ и цѣнности онымъ у лицъ частныхъ я могъ выставить точныя данныя и почти общаго хода дѣлъ всей торговли только съ 1846 по 1851 годъ; а съ 1851-го и по 1859 годъ объ одной бѣлкѣ отъ купцовъ Кытмановыхъ; о цѣнахъ на шкуры безъ означенія количества ихъ въ Туруханскѣ и то только съ 1855 по 1858 г. отъ купцовъ Барановыхъ. Да разныя свѣденія за одинъ 1859 годъ получены еще отъ купца Ерымова.

Примѣчаніе 3. Общая сумма за казенную рухлядь показана по сложной цѣнѣ, ибо за какую сумму она вся дѣйствительно принята, продана и отправлена въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества, достовѣрно здѣсь объяснить невозможно, потому что одна рухлядь продавалась въ Енисейскѣ, другая въ Красноярскѣ, а прочая неизвѣстно гдѣ.

Примѣчаніе 4. Изъ поступившей въ казну рухляди, назначеніе было: а) поступившіе собственно въ ясакъ, соболь, лисица и горностаи представлялись въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества и б) поступившіе за розданный въ долгъ хлѣбъ, порохъ и свинецъ, продавались съ публичныхъ торговъ.

Примѣчаніе 5. Кромѣ опредѣленнаго для инородцевъ Правительствомъ ясака, поступали еще другія шкуры, которыя чрезъ продажу замѣнялись вмѣсто слѣдовавшихъ съ нихъ; а въ торговлѣ кромѣ того принимались бѣличьи хвосты отъ 18 до 30 руб. за пудъ; 3 песца недопесковъ за 2 рослыхъ, 2 крестовика за 1 рослый, 20 песцовыхъ лапъ за 1 песца.

Примѣчаніе 6. Большую часть рухляди торговцы пріобрѣтали отъ инороцевъ чрезъ мѣну на хлѣбъ и прочія необходимыя, а также и на предметы роскоши, свойственныя только инородцамъ, какъ-то: зеркала, бисеръ, стеклянныя, перстни, коральки и проч. и такимъ образомъ при значительномъ удѣлѣ пріобрѣтали еще лисицъ черныхъ и бурыхъ до 30 шт. отъ 20 до 70 руб., выдръ 100 шт. отъ 5 до 10 руб., росомахъ 150 шт. отъ 2 руб. до 3 руб. 50 коп., рысей 30 шт. отъ 5 до 10 руб., волковъ 150 шт. отъ 1 до 7 руб. (лучшіе считаются туруханскіе), зайцевъ 30,000 шт. по 4—8 коп. и песцовъ голубыхъ 100 отъ 5 до 10 руб. Рухлядь чулымская и кетская ниже туруханской на 10 и до 15%.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ,

ПРОИЗВЕДЕННЫЯ

ВЪ Г. ЕНИСЕЙСКЪ

съ 1-го декабря 1852 года до 1-го іюня 1854 года.

СОКРАЩЕНІЯ, СДѢЛАННЫЯ ВЪ ТАБЛИЦѢ:

с. = сѣверъ	сн. = снѣгъ
с.в. = сѣверо-востокъ	г. = густый
с.з. = сѣверо-западъ	мет. = метель
ю. = югъ	тум. = туманъ
ю.в. = юго-востокъ	яс. = ясно
ю.з. = юго-западъ	р. = рѣдкій
в. = востокъ	с. = сильный
з. = западъ	гр. = громъ
обл. = облачно и облага	сл. = слабый
пасм. = пасмурно	ум. = умѣренный

1917

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

CHICAGO, ILL.

1917

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

CHICAGO, ILL.

1917

Число по стар. стилю 1852 г.	8 ^h утра.			2 ^h по полд.			8 ^h веч.			2 ^h по полу.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Де- кабрь.												
1	—11,0	пасм.	ю. сл.	—10,0	обл.	ю. ум.	—9,0	обл.	ю. ум.	—10,0	обл.	ю. сл.
2	—6,0	сн.	тихо.	—5,0	пасм.	тихо.	—5,0	пасм.	тихо.	—6,0	сн.	тихо.
3	—5,0	мет.	ю. с.	—4,0	сн.	ю. с.	—5,0	пасм.	ю. ум.	—4,0	сн.	ю. с.
4	—10,0	г. обл.	з. ум.	—11,0	яс.	з. ум.	—10,0	яс.	з. ум.	—15,0	яс.	тихо.
5	—17,5	обл.	ю.в. сл.	—17,0	обл.	ю.в. сл.	—17,0	р. обл.	тихо.	—16,5	яс.	тихо.
6	—15,0	обл.	ю.з. ум.	—11,0	обл.	ю. сл.	—11,0	обл.	тихо.	—7,0	пасм.	ю. сл.
7	—10,0	обл.	в. ум.	—10,0	обл.	в. ум.	—7,5	обл.	тихо.	—6,5	пасм.	тихо.
8	—5,0	пасм.	тихо.	—4,0	сн.	тихо.	—5,0	сн.	тихо.	—4,0	сн.	тихо.
9	—1,0	пасм.	тихо.	—1,0	пасм.	тихо.	—2,0	пасм.	тихо.	—4,0	обл.	ю. ум.
10	—7,0	обл.	в. сл.	—6,0	обл.	тихо.	—6,0	обл.	тихо.	—7,0	обл.	в. ум.
11	—9,0	обл.	ю. сл.	—7,0	пасм.	тихо.	—4,0	сн.	тихо.	—10,0	яс.	в. сл.
12	—15,0	яс.	ю.в. ум.	—16,0	обл.	ю.в. сл.	—18,0	обл.	ю.в. сл.	—19,0	яс.	ю.в. сл.
13	—19,0	яс.	ю.в. ум.	—16,0	г. обл.	ю.в. сл.	—16,0	обл.	ю.в. сл.	—17,0	яс.	ю.в. сл.
14	—14,5	обл.	ю.в. ум.	—13,5	обл.	ю.в. сл.	—12,0	обл.	ю.в. сл.	—12,0	яс.	ю.в. сл.
15	—12,0	обл.	ю.в. сл.	—12,0	яс.	ю.в. сл.	—12,0	яс.	ю.в. сл.	—12,0	яс.	тихо.
16	—14,0	пасм.	ю.в. сл.	—14,0	обл.	ю.в. сл.	—14,0	обл.	тихо.	—18,0	яс.	тихо.
17	—26,0	обл.	ю.в. сл.	—22,0	обл.	ю.в. сл.	—23,0	обл.	ю.в. сл.	—27,0	яс.	тихо.
18	—28,0	обл.	ю.в. сл.	—20,0	обл.	ю.в. сл.	—15,0	пасм.	ю.в. ум.	—15,0	сн.	ю. с.
19	—15,0	сн.	тихо.	—15,0	сн.	тихо.	—15,0	пасм.	тихо.	—11,0	сн.	ю. ум.
20	—5,0	сн.	ю. ум.	—3,0	сн.	ю. с.	—3,0	пасм.	тихо.	—3,0	сн.	ю. с.
21	—7,0	сн.	ю. с.	—8,0	сн.	ю. с.	—9,0	пасм.	ю. ум.	—10,0	пасм.	ю. ум.
22	—12,0	обл.	ю.в. с.	—12,0	яс.	ю.в. с.	—14,0	яс.	ю.в. с.	—18,0	яс.	ю.в. с.
23	—18,0	обл.	в. с.	—16,0	обл.	в. с.	—18,0	яс.	ю.в. с.	—20,0	яс.	ю.в. с.
24	—20,0	обл.	в. с.	—20,0	обл.	в. с.	—23,0	яс.	ю.в. с.	—21,0	яс.	ю.в. с.
25	—22,0	обл.	в. с.	—22,0	обл.	в. с.	—24,0	яс.	в. с.	—26,0	яс.	в. с.
26	—26,0	обл.	ю.в. с.	—26,0	обл.	ю.в. с.	—27,0	яс.	ю.в. с.	—27,0	яс.	ю.в. с.
27	—28,0	тум.	ю.в. с.	—26,0	обл.	ю. с.	—28,0	яс.	ю.в. с.	—28,0	яс.	ю.в. с.
28	—29,5	обл.	ю.в. ум.	—28,5	обл.	ю.в. ум.	—26,0	обл.	ю.в. ум.	—22,0	обл.	ю.в. сл.
29	—26,0	обл.	з. с.	—27,0	яс.	з. с.	—27,0	яс.	з. с.	—28,0	яс.	з. с.
30	—32,0	тум.	з. с.	—30,0	тум.	з. сл.	—30,0	яс.	з. с.	—36,0	яс.	з. с.
31	—40,0	тум.	з. с.	—40,0	тум.	з. сл.	—35,0	яс.	тихо.	—27,0	обл.	ю. сл.

Число по стар. стилю 1853 г.	8 ^h утра.			2 ^h по плд.			8 ^h веч.			2 ^h по плн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Ян- варь.												
1	—22,0	сн.	ю.з.ум.	—16,0	сн.	ю.з.ум.	—12,0	сн.	ю.з.сл.	—12,0	сн.	ю.з.сл.
2	—11,5	сн.	ю.з.сл.	—11,5	сн.	ю.з.сл.	—11,0	сн.	ю.з.сл.	—10,0	пасм.	ю.з.сл.
3	—10,0	пасм.	тихо.	—8,0	пасм.	тихо.	—8,0	пасм.	тихо.	—10,0	пасм.	тихо.
4	—13,0	г. обл.	ю.в.с.	—10,5	пасм.	ю.в.сл.	—10,5	пасм.	ю.в.сл.	—10,0	пасм.	тихо.
5	—10,0	обл.	ю.з.сл.	—10,0	обл.	ю.з.ум.	—10,0	обл.	ю.з.ум.	—12,0	яс.	ю.з.ум.
6	—15,0	г. обл.	ю.з.ум.	—12,0	яс.	ю.з.ум.	—10,5	пасм.	ю.з.ум.	—8,5	сн.	ю.з.ум.
7	—3,0	сн.	тихо.	—5,0	сн.	тихо.	—5,0	обл.	ю.з.ум.	—9,0	яс.	ю.з.ум.
8	—18,0	яс.	з.с.	—23,0	яс.	з.с.	—25,0	яс.	з.буря.	—28,0	яс.	з.с.
9	—26,0	яс.	ю.сл.	—28,0	яс.	ю.с.	—29,0	яс.	ю.с.	—37,0	яс.	ю.с.
10	—37,0	тум.	ю.з.сл.	—38,0	тум.	ю.з.сл.	—38,0	яс.	ю.з.сл.	—39,0	яс.	ю.з.сл.
11	—40,0	тум.	тихо.	—40,0	тум.	тихо.	—36,0	обл.	тихо.	—36,0	яс.	ю.сл.
12	—30,0	пасм.	ю.в.сл.	—30,0	пасм.	ю.в.сл.	—25,0	обл.	тихо.	—25,0	пасм.	тихо.
13	—22,0	пасм.	ю.з.ум.	—21,0	пасм.	ю.з.ум.	—21,0	обл.	тихо.	—26,0	яс.	з.сл.
14	—20,0	пасм.	ю.в.ум.	—16,0	пасм.	ю.в.ум.	—20,0	обл.	ю.в.ум.	—26,0	яс.	в.ум.
15	—30,5	яс.	ю.в.ум.	—23,5	яс.	ю.в.сл.	—25,0	обл.	ю.в.ум.	—25,0	обл.	ю.в.ум.
16	—25,0	обл.	ю.з.ум.	—22,0	обл.	ю.з.ум.	—19,0	обл.	ю.з.ум.	—20,0	пасм.	ю.з.ум.
17	—18,0	пасм.	ю.з.ум.	—16,0	пасм.	ю.з.ум.	—17,0	пасм.	ю.з.сл.	—25,0	обл.	ю.в.сл.
18	—20,0	пасм.	в.сл.	—16,0	пасм.	в.сл.	—16,0	пасм.	в.сл.	—16,0	пасм.	тихо.
19	—13,0	сн.	ю.с.	—12,5	сн.	ю.с.	—13,5	сн.	ю.с.	—15,0	пасм.	ю.с.
20	—15,0	яс.	ю.в.сл.	—13,0	обл.	ю.сл.	—13,0	обл.	ю.сл.	—13,0	пасм.	тихо.
21	—9,0	сн.	ю.сл.	—9,0	сн.	ю.сл.	—8,0	пасм.	тихо.	—10,0	пасм.	тихо.
22	—10,0	обл.	ю.з.сл.	—10,0	обл.	ю.з.сл.	—12,0	пасм.	тихо.	—12,0	пасм.	тихо.
23	—10,0	пасм.	ю.сл.	—10,0	пасм.	ю.сл.	—10,0	пасм.	ю.сл.	—10,0	сн.	ю.с.
24	—10,0	пасм.	ю.сл.	—8,0	пасм.	ю.сл.	—10,0	пасм.	ю.сл.	—10,0	пасм.	ю.ум.
25	—10,0	сн.	ю.в.сл.	—10,0	сн.	ю.в.ум.	—10,0	обл.	ю.в.сл.	—14,0	яс.	в.ум.
26	—14,0	обл.	в.ум.	—14,0	обл.	в.ум.	—14,0	обл.	в.сл.	—16,0	яс.	ю.в.ум.
27	—17,0	сн.	ю.з.с.	—17,0	сн.	ю.з.с.	—12,0	обл.	ю.в.ум.	—12,0	пасм.	ю.в.ум.
28	—12,0	пасм.	ю.в.ум.	—12,0	обл.	ю.в.ум.	—12,0	обл.	ю.в.ум.	—12,0	пасм.	ю.в.ум.
29	—15,0	обл.	ю.в.сл.	—12,5	яс.	ю.в.сл.	—12,5	обл.	ю.в.ум.	—20,0	яс.	ю.в.ум.
30	—25,0	яс.	ю.в.сл.	—14,0	яс.	ю.в.сл.	—15,0	яс.	ю.в.ум.	—18,0	яс.	ю.в.сл.
31	—15,0	сн.	ю.сл.	—12,0	обл.	тихо.	—12,0	обл.	тихо.	—11,0	обл.	тихо.

Число по стар- стилю 1853 г.	8 ^h утра.			2 ^h по полд.			8 ^h веч.			2 ^h по полу.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Фев- раль.												
1	—10,0	пасм.	ю.з. ум.	—10,0	обл.	ю.з. ум.	—10,0	обл.	ю.з. с.	—14,0	обл.	ю.з. с.
2	—18,0	г. обл.	ю.з. с.	—17,0	пасм.	ю.з. с.	—16,0	сн.	ю.з. с.	—19,0	обл.	ю.з. с.
3	—20,0	яс.	с.в. ум.	—18,0	яс.	с.в. ум.	—18,0	яс.	с.в. ум.	—20,0	яс.	с.в. ум.
4	—26,0	г. тум.	ю.в. ум.	—24,0	яс.	ю.в. ум.	—24,0	яс.	ю.в. ум.	—24,0	яс.	ю.в. ум.
5	—24,0	яс.	тихо.	—18,0	яс.	ю.з. ум.	—20,0	яс.	ю.з. с.	—26,0	яс.	ю.з. с.
6	—30,0	тум.	ю.в. ум.	—26,0	яс.	ю.в. ум.	—26,0	яс.	ю.в. ум.	—26,0	яс.	ю.в. ум.
7	—34,0	г. тум.	с.з. сл.	—20,0	яс.	с.з. сл.	—24,0	яс.	с.з. ум.	—26,0	яс.	с.з. ум.
8	—28,0	тум.	ю.в. с.	—21,0	пасм.	ю.в. ум.	—20,0	яс.	ю.в. ум.	—20,0	яс.	в. ум.
9	—22,0	тум.	ю.з. сл.	—20,0	яс.	ю.з. ум.	—16,0	яс.	ю.з. ум.	—16,0	яс.	ю.з. ум.
10	—16,0	сн.	ю. сл.	—12,0	сн.	ю. сл.	—10,0	пасм.	тихо.	—12,0	пасм.	тихо.
11	—12,0	пасм.	тихо.	—10,0	пасм.	тихо.	—10,0	пасм.	тихо.	—10,0	пасм.	тихо.
12	—8,0	сн.	тихо.	—5,0	пасм.	тихо.	—5,0	пасм.	тихо.	—8,0	пасм.	тихо.
13	—5,0	сн.	тихо.	—5,0	пасм.	тихо.	—5,0	сн.	ю. сл.	—5,0	сн.	тихо.
14	—5,0	тум.	тихо.	—5,0	сн.	ю. сл.	—5,0	сн.	ю. ум.	—7,0	сн.	ю.в. сл.
15	—12,0	тум.	ю.в. сл.	—10,0	обл.	ю.в. сл.	—10,0	яс.	ю.в. сл.	—12,0	яс.	в. ум.
16	—13,0	сн.	ю.в. ум.	—10,0	обл.	ю.в. ум.	—10,0	яс.	ю.в. ум.	—11,0	яс.	тихо.
17	—11,0	сн.	тихо.	—11,0	сн.	тихо.	—11,0	сн.	ю.в. сл.	—13,0	обл.	ю.в. ум.
18	—11,0	сн.	ю.в. сл.	—10,0	сн.	ю.в. ум.	—10,0	сн.	ю.в. ум.	—11,0	сн.	ю.в. ум.
19	—11,0	сн.	ю.в. ум.	—11,0	обл.	ю.в. ум.	—11,0	яс.	ю.в. ум.	—15,0	яс.	ю. ум.
20	—16,0	обл.	с.з. ум.	—16,0	яс.	с.з. ум.	—17,0	яс.	с.з. ум.	—17,0	яс.	с.з. ум.
21	—20,0	яс.	с.з. ум.	—15,0	яс.	з. сл.	—15,0	яс.	з. сл.	—18,0	обл.	з. с.
22	—14,0	г. сн.	з. с.	—12,0	сн.	з. ум.	—12,0	сн.	з. ум.	—12,0	сн.	з. с.
23	—17,0	обл.	з. с.	—15,0	обл.	з. с.	—15,0	обл.	з. с.	—17,0	обл.	з. ум.
24	—22,0	яс.	с.з. сл.	—20,0	яс.	с.з. сл.	—22,0	яс.	с.з. сл.	—26,0	яс.	ум.
25	—24,0	обл.	ю.в. ум.	—16,0	обл.	в. с.	—15,0	обл.	в. с.	—15,0	пасм.	в. с.
26	—16,0	яс.	в. с.	—12,0	яс.	в. с.	—11,0	яс.	в. сл.	—13,0	яс.	в. с.
27	—13,0	сн.	в. с.	—12,0	яс.	ю.в. ум.	—14,0	яс.	ю.в. ум.	—17,0	яс.	ю. с.
28	—18,0	яс.	ю. ум.	—15,0	яс.	ю. ум.	—15,0	яс.	ю. ум.	—22,0	яс.	ю. сл.

Число по стар. стилю 1853 г.	8 ^h утра.			2 ^h по полд.			8 ^h веч.			2 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Март.												
1	—23,0	яс.	в. сл.	—15,0	яс.	в. ум.	—9,0	г. обл.	в. с.	—9,0	сн.	в. с.
2	—9,0	пасм.	ю. в. с.	—5,0	яс.	ю. в. ум.	—6,0	обл.	тихо.	—8,0	яс.	тихо.
3	—12,0	обл.	ю. сл.	—5,0	яс.	тихо.	—5,0	яс.	тихо.	—12,0	яс.	ю. в. сл.
4	—18,5	яс.	ю. сл.	—7,0	яс.	ю. сл.	—8,0	яс.	тихо.	—12,5	яс.	тихо.
5	—17,0	обл.	ю. в. сл.	—5,0	яс.	ю. в. сл.	—5,0	яс.	ю. в. сл.	—1,0	пасм.	тихо.
6	—5,0	яс.	тихо.	—5,0	яс.	тихо.	—5,0	яс.	тихо.	—9,0	яс.	в. сл.
7	—8,0	яс.	тихо.	—5,0	яс.	тихо.	—5,0	яс.	тихо.	—8,0	яс.	тихо.
8	—9,5	яс.	ю. в. ум.	—5,0	обл.	ю. в. ум.	—5,0	сн.	ю. в. ум.	—8,5	сн.	в. ум.
9	—10,0	сн.	в. ум.	—5,0	пасм.	в. с.	—5,0	мет.	в. с.	—6,0	мет.	в. с.
10	—6,0	мет.	ю. в. с.	—5,0	мет.	ю. с.	—5,0	мет.	з. с.	—6,0	мет.	з. с.
11	—9,0	мет.	з. с.	—10,0	мет.	з. с.	—13,0	мет.	з. с.	—14,0	г. обл.	з. с.
12	—14,5	обл.	з. ум.	—10,0	обл.	з. ум.	—12,5	яс.	з. сл.	—17,0	яс.	тихо.
13	—25,0	яс.	с. з. с.	—16,0	обл.	с. з. ум.	—11,0	обл.	с. з. сл.	—12,0	яс.	з. сл.
14	—12,0	яс.	з. ум.	—6,0	обл.	з. сл.	—6,0	обл.	з. сл.	—10,0	яс.	з. сл.
15	—9,0	обл.	з. ум.	—4,5	сн.	з. сл.	—3,5	сн.	з. сл.	—3,0	сн.	тихо.
16	—3,0	сн.	з. сл.	0,0	сн.	тихо.	0,0	сн.	з. сл.	—5,0	сн.	з. ум.
17	—17,0	яс.	с. сл.	—7,0	яс.	тихо.	—4,5	яс.	тихо.	—13,5	яс.	тихо.
18	—12,0	яс.	в. ум.	—5,0	яс.	в. с.	—4,0	г. обл.	в. с.	—5,0	сн.	в. с.
19	—5,0	г. обл. сн.	ю. в. ум.	—4,0	г. обл. сн.	в. сл.	—3,0	сн.	тихо.	—2,0	сн.	тихо.
20	0,0	сн.	з. сл.	5,5	яс.	тихо.	4,5	яс.	тихо.	2,0	яс.	тихо.
21	3,0	обл.	ю. в. сл.	7,0	яс.	тихо.	7,0	яс.	тихо.	3,0	яс.	тихо.
22	1,5	сн.	тихо.	7,0	обл.	з. ум.	3,5	обл.	з. с.	0,0	яс.	з. буря.
23	—4,5	обл.	ю. з. с.	1,0	сн.	з. с.	0,0	сн.	з. с.	—4,5	пасм.	з. ум.
24	—4,5	г. обл.	ю. з. ум.	—1,0	сн.	ю. з. ум.	—3,5	обл.	ю. с.	—5,0	яс.	тихо.
25	—2,0	сн.	з. ум.	—3,0	яс.	тихо.	—3,0	обл.	ю. сл.	—4,0	обл.	тихо.
26	—7,0	обл.	з. ум.	3,0	яс.	тихо.	—3,0	обл.	тихо.	—5,0	яс.	тихо.
27	—3,5	р. обл.	з. сл.	2,5	обл.	тихо.	—3,0	обл.	тихо.	—6,0	обл.	тихо.
28	—10,0	обл.	ю. сл.	3,0	обл.	ю. сл.	0,0	обл.	тихо.	—5,0	яс.	тихо.
29	—5,0	яс.	ю. з. с.	3,0	обл.	ю. з. сл.	0,0	яс.	тихо.	—6,0	яс.	тихо.
30	—6,0	яс.	ю. з. сл.	2,0	яс.	тихо.	0,0	яс.	тихо.	—8,0	яс.	тихо.
31	—7,0	яс.	з. ум.	5,0	яс.	з. сл.	0,0	обл.	з. с.	—8,0	яс.	тихо.

Примѣчанія. 2-го числа послѣ 1-го часа полн. видимо было слабое сѣверное сіяніе.
26-го числа, въ 10 часу вечера, при совершенно ясномъ небѣ, шелъ довольно частый снѣгъ.

Число по стар. стилю 1853 г.	8 ^h утра.			2 ^h по плд.			8 ^h веч.			2 ^h по плв.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Апр.												
1	—7,0	яс.	ю. сл.	4,0	яс.	ю. сл.	4,0	р. обл.	тихо.	—5,0	яс.	тихо.
2	—5,0	яс.	ю. сл.	5,5	яс.	тихо.	4,5	обл.	ю. сл.	—1,0	яс.	тихо.
3	—1,0	сн.	ю. сл.	1,0	сн.	ю. ум.	0,0	сн.	ю. с.	0,0	пасм.	ю. с.
4	3,0	пасм.	ю. ум.	6,5	обл.	ю. ум.	5,5	обл.	ю. ум.	1,0	обл.	ю. ум.
5	2,0	обл.	ю. ум.	6,0	обл.	ю. с.	4,0	обл.	ю. с.	2,0	обл.	ю. с.
6	3,5	г. обл.	ю. ум.	8,5	дождь.	ю. ум.	6,5	пасм.	ю. с.	5,5	пасм.	ю. з. с.
7	5,0	обл.	з. с.	4,0	обл.	з. с.	1,0	обл.	з. с.	—4,0	обл.	з. с.
8	—4,5	г. обл.	з. с.	3,5	обл.	з. с.	—3,0	обл.	з. с.	—4,0	обл.	з. с.
9	—4,0	обл.	з. с.	2,5	обл.	з. с.	—3,5	обл.	з. с.	—6,0	яс.	з. ум.
10	—4,0	обл.	з. с.	—1,0	обл.	з. с.	—3,0	обл.	з. с.	—4,0	яс.	з. с.
11	—4,0	обл.	з. с.	0,0	обл.	з. с.	—1,0	обл.	з. с.	—5,0	яс.	ю. з. ум.
12	—4,0	обл.	ю. з. ум.	2,0	обл.	ю. з. сл.	4,0	обл.	ю. з. ум.	—4,0	яс.	тихо.
13	—2,0	обл.	ю. в. сл.	4,5	яс.	ю. в. сл.	7,5	обл.	ю. в. сл.	—6,0	яс.	в. сл.
14	—1,0	яс.	с. в. сл.	6,0	яс.	с. в. с.	5,0	обл.	с. в. ум.	0,0	яс.	с. в. ум.
15	0,0	обл.	с. ум.	4,5	яс.	с. с.	3,5	обл.	с. з. с.	0,0	г. обл.	с. з. с.
16	2,0	сн.	з. с.	7,0	сн.	з. с.	5,0	пасм.	з. с.	2,0	сн. и дождь.	з. с.
17	3,5	сн.	ю. с.	5,5	г. сн.	ю. з. с.	3,0	г. сн.	ю. з. с.	0,0	пасм.	ю. з. сл.
18	0,0	пасм.	ю. ум.	4,0	пасм.	в. ум.	3,0	обл.	в. сл.	—1,0	пасм.	с. в. ум.
19	—0,5	пасм.	ю. в. ум.	4,0	обл.	ю. в. ум.	1,5	обл.	тихо.	—5,0	обл.	тихо.
20	0,0	г. обл.	ю. в. ум.	4,5	обл.	ю. в. ум.	5,5	обл.	ю. в. ум.	—4,0	обл.	ю. в. сл.
21	2,0	обл.	ю. ум.	6,5	обл.	ю. з. ум.	3,5	обл.	ю. сл.	0,0	яс.	тихо.
22	0,0	обл.	ю. ум.	5,5	обл.	ю. з. ум.	2,5	обл.	ю. з. сл.	—2,0	обл.	тихо.
23	2,5	г. обл.	в. ум.	8,5	обл.	в. ум.	5,5	сн.	в. ум.	3,5	обл.	в. сл.
24	3,0	г. сн.	тихо.	5,5	сн.	з. с.	3,5	обл.	з. ум.	—2,0	обл.	тихо.
25	2,5	обл.	з. ум.	7,5	обл.	з. с.	5,5	обл.	з. с.	2,5	обл.	тихо.
26	3,0	обл.	з. сл.	7,5	обл.	з. сл.	6,5	обл.	з. сл.	5,0	обл.	тихо.
27	4,0	обл.	ю. сл.	8,0	обл.	ю. с.	7,5	обл.	ю. ум.	2,5	яс.	тихо.
28	6,0	обл.	ю. сл.	14,0	яс.	ю. сл.	11,0	р. обл.	тихо.	5,0	яс.	тихо.
29	6,0	яс.	ю. з. ум.	16,0	яс.	ю. з. сл.	14,0	р. обл.	тихо.	6,0	яс.	тихо.
30	9,0	пасм.	ю. сл.	12,5	пасм.	тихо.	10,5	пасм.	тихо.	8,0	пасм.	тихо.

Примѣчаніе: 6-го числа около 11 часовъ утра, былъ первый дождь.

7-го числа въ 7 часовъ утра шелъ сильный дождь, который при сильномъ западномъ вѣтрѣ, превратился въ густой мокрый снѣгъ.

17-го весь день, съ небольшими промежутками, шелъ необыкновенно густой снѣгъ.

На 24 Апрѣля, всю ночь шелъ густой крупный снѣгъ.

Число по стар. стилю 1853 г.	8 ^h утра.			2 ^h по плд.			8 ^h веч.			2 ^h по плн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Май.												
1	9,0	пасм.	з. сл.	13,0	пасм.	з. сл.	12,0	пасм.	з. сл.	6,0	обл.	тихо.
2	7,0	пасм.	ю. ум.	14,0	обл.	ю. ум.	12,0	обл.	ю. с.	9,0	пасм.	ю.з. с.
3	9,0	пасм.	ю.з. ум.	9,0	пасм.	ю.з. с.	7,0	обл.	ю.з. сл.	5,0	г. обл.	тихо.
4	5,0	дождь.	в. ум.	5,0	дождь	тихо.	4,5	пасм.	тихо.	3,5	пасм.	тихо.
5	3,5	пасм.	ю.з. сл.	6,0	пасм.	ю.з. сл.	6,0	г. обл.	ю.з. сл.	4,5	обл.	тихо.
6	6,0	яс.	з. сл.	14,0	яс.	з. сл.	12,0	яс.	з. сл.	8,0	яс.	тихо.
7	9,0	яс.	ю.з. сл.	15,0	яс.	ю.з. ум.	10,0	обл.	ю.з. ум.	8,0	яс.	тихо.
8	10,0	р. обл.	ю.в. ум.	16,0	р. обл.	ю. с.	10,0	пасм.	ю. с.	10,0	обл.	ю. ум.
9	9,5	пасм.	в. ум.	12,0	г. обл.	в. ум.	9,5	г. обл.	в. с.	7,0	р. обл.	тихо.
10	8,0	р. обл.	ю. ум.	16,0	р. обл.	ю. сл.	12,0	р. обл.	тихо.	10,0	р. обл.	тихо.
11	10,0	яс.	ю. ум.	16,0	р. обл.	ю. ум.	14,0	обл.	ю. ум.	10,0	обл.	тихо.
12	10,0	яс.	ю. с.	16,0	р. обл.	ю. ум.	12,0	р. обл.	ю. ум.	10,0	яс.	ю. сл.
13	10,0	пасм.	ю.з. с.	14,0	дождь.	ю.з. с.	10,0	дождь.	ю. с.	10,0	дождь.	ю. с.
14	8,0	г. обл.	ю.з. с.	9,0	дождь.	ю.з. ум.	9,0	дождь.	ю.з. ум.	6,0	дождь.	с.з. ум.
15	5,0	пасм.	с. ум.	10,0	р. обл.	с.з. ум.	9,0	г. обл.	с.з. с.	8,0	обл.	з. ум.
16	5,0	дождь.	с.в. с.	5,0	с. дож.	с.в. сл.	6,0	г. обл.	з. сл.	4,0	р. обл.	тихо.
17	8,0	р. обл.	ю. с.	13,0	пасм.	ю. с.	13,0	р. обл.	ю. с.	6,0	р. обл.	ю. с.
18	8,0	г. обл.	ю. сл.	11,0	обл.	ю. ум.	13,0	обл.	ю. сл.	10,0	пасм.	тихо.
19	10,0	г. обл.	ю. ум.	18,0	р. обл.	ю. с.	12,0	дождь.	ю.з., гр. буря.	12,0	пасм.	ю.з., буря.
20	10,0	пасм.	ю.з. с.	12,0	пасм.	ю.з. с.	12,0	обл.	ю.з. с.	10,0	обл.	ю.з. сл.
21	10,0	обл.	ю. ум.	14,0	р. обл.	ю. ум.	16,0	р. обл.	ю. сл.	12,0	обл.	ю. сл.
22	12,0	обл.	ю. сл.	18,0	обл.	тихо.	18,0	р. обл.	тихо.	12,0	яс.	тихо.
23	12,0	обл.	ю.в. ум.	14,0	р. обл.	ю.в. ум.	14,0	обл.	в. ум.	10,0	яс.	в. сл.
24	14,0	обл.	ю.з. ум.	14,0	г. обл.	ю.з. сл.	16,0	обл.	тихо.	12,0	яс.	тихо.
25	14,0	яс.	ю.з. сл.	17,0	яс.	ю.з. ум.	19,0	р. обл.	ю. сл.	14,0	яс.	тихо.
26	17,0	яс.	тихо.	20,0	яс.	тихо.	20,0	яс.	тихо.	17,0	яс.	тихо.
27	17,0	яс.	тихо.	21,0	яс.	тихо.	23,0	яс.	тихо.	17,0	тум.	тихо.
28	14,0	р. обл.	тихо.	26,0	яс.	тихо.	24,0	р. обл.	з. ум.	20,0	р. обл.	тихо.
29	18,0	г. обл.	ю.з. ум.	26,0	обл.	з. ум.	24,0	обл.	ю.з. с.	20,0	обл.	ю.з. с.
30	19,0	р. обл.	ю.в. ум.	26,0	р. обл.	ю.в. с.	24,0	р. обл.	ю.в. ум.	15,0	обл.	тихо.
31	19,0	г. обл.	в. ум.	27,0	тум.	в. с.	25,0	тум.	в. с.	23,0	тум.	в. ум.

Примѣчанія. На 3-е число со 2-го часа ночи до 5 часовъ шелъ сильный дождь. Во 2-мъ часу ночи слышенъ былъ первый отдаленный громъ.

На 4-е число въ ночь вода въ Енисей поднялась аршина на 2 и ледъ на рѣкѣ подвняло; переправа на другую сторону, какъ на лошадяхъ, такъ и для пѣшихъ, сдѣлалась уже невозможною. 5-го числа, около 2-хъ часовъ пополудни, ледъ разбился на огромныя массы и двинулся, громоздя къ лѣвому берегу, на которомъ стоитъ городъ, глыбы отъ 3-хъ до 5-ти саж. вышиною. Вода быстро прибываетъ. 11 числа начало топить низменныя части города; 12 и 13 затопило многія улицы; 14, 15, 16 и 17 числа вода все еще прибывала. Сообщенія производились по многимъ улицамъ на лодкахъ. 16-го числа Енисей отъ льда очистился. Съ 18 числа вода пошла на убыль. 19 числа въ 4 ч. пополудни была буря, продолжавшаяся около 1/4 часа. Тучи, гонимыя сильнѣйшимъ ю.-з. вѣтромъ, разражались безпрестанно громавыми ударами. 29-го числа въ 1/2 10 часа вечера была гроза, продолжавшаяся около получаса.

Число по стар. стилю 1883 г.	8 ^h утра.			2 ^h по полд.			8 ^h веч.			2 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Июнь.												
1	20,0	р. обл.	з. ум.	24,0	р. обл.	з. ум.	22,0	р. обл.	з. сл.	18,0	обл.	тихо.
2	18,0	р. обл.	з. с.	19,0	г. обл.	з. с.	19,0	дождь.	ю. з. с.	16,0	обл.	ю. з. с.
3	13,0	обл.	з. с.	16,0	обл.	з. с.	14,0	г. обл.	ю. з. с.	13,0	дождь.	ю. з. с.
4	14,0	г. обл.	ю. з. ум.	20,0	обл.	ю. з. с.	17,0	обл.	ю. з. с.	17,0	обл.	ю. з. с.
5	10,0	г. обл.	з. с.	13,0	г. обл.	з. с.	13,0	г. обл.	з. с.	10,0	обл.	з. с.
6	8,0	г. обл.	с. з. ум.	13,0	обл.	с. з. п.	10,0	обл.	с. з. ум.	7,0	яс.	с. з. сл.
7	10,0	г. обл.	ю. ум.	16,0	г. обл.	ю. ум.	14,0	обл.	ю. ум.	10,0	яс.	тихо.
8	14,0	г. обл.	ю. ум.	22,0	р. дождь.	ю. ум.	22,0	р. обл.	ю. ум.	14,0	яс.	тихо.
9	14,0	яс.	ю. сл.	22,0	обл.	ю. ум.	18,0	обл.	ю. ум.	14,0	яс.	ю. сл.
10	17,0	г. обл.	ю. с.	24,0	обл.	ю. с.	23,0	обл.	ю. з. ум.	16,0	яс.	ю. з. ум.
11	15,0	р. обл.	с. сл.	20,0	дождь.	ю. с.	20,0	г. обл.	ю. с.	15,0	яс.	ю. ум.
12	15,0	р. обл.	тихо.	25,0	р. обл.	ю. ум.	25,0	р. обл.	ю. ум.	15,0	яс.	тихо.
13	18,0	р. обл.	ю. сл.	26,0	р. обл.	ю. сл.	24,0	р. обл.	тихо.	18,0	яс.	тихо.
14	19,0	яс.	тихо.	26,0	р. обл.	с. в. ум.	24,0	обл.	с. з. с.	19,0	обл.	с. в. с.
15	20,0	р. обл.	тихо.	25,0	р. обл.	с. в. ум.	23,0	г. обл.	с. в. с.	18,0	г. обл.	с. в. с.
16	16,0	пасм.	тихо.	23,0	пасм.	з. сл.	21,0	обл.	з. ум.	16,0	г. обл.	з. ум.
17	19,0	р. обл.	з. сл.	23,5	г. обл.	з. с.	21,5	р. обл.	з. ум.	18,0	яс.	з. сл.
18	13,0	р. обл.	з. сл.	24,0	обл.	з. ум.	23,0	обл.	з. ум.	19,0	дождь.	з. с.
19	16,0	пасм.	з. ум.	22,0	р. обл.	з. ум.	20,0	обл.	з. сл.	16,0	обл.	з. сл.
20	20,0	р. обл.	з. сл.	24,0	р. обл.	з. сл.	20,0	обл.	з. с.	20,0	г. обл.	з. сл.
21	20,0	р. обл.	з. сл.	23,0	р. обл.	з. с.	21,0	р. обл.	з. сл.	16,0	р. обл.	тихо.
22	19,0	яс.	з. сл.	24,0	р. обл.	з. сл.	23,0	р. обл.	с. з. сл.	18,0	р. обл.	тихо.
23	20,0	р. обл.	тихо.	26,0	р. обл.	з. сл.	24,0	р. обл.	з. сл.	18,0	р. обл.	тихо.
24	17,0	р. обл.	тихо.	26,0	р. обл.	с. з. сл.	26,0	р. обл.	тихо.	17,0	яс.	тихо.
25	18,0	яс.	с. в. сл.	24,0	р. обл.	с. в. сл.	26,0	р. обл.	тихо.	18,0	яс.	тихо.
26	17,0	г. обл.	с. в. сл.	21,0	пасм.	с. в. сл.	20,0	дождь.	с. в. с.	16,0	г. обл.	с. в. с.
27	15,0	р. обл.	с. сл.	19,0	обл.	с. с.	19,0	р. обл.	с. с.	15,0	р. обл.	тихо.
28	19,0	р. обл.	тихо.	24,0	р. обл.	с. в. ум.	24,0	р. обл.	с. в. ум.	19,0	яс.	тихо.
29	19,0	г. обл.	тихо.	24,0	обл.	ю. з. ум.	24,0	обл.	ю. з. ум.	15,0	дождь.	ю. з. с.
30	15,0	дождь.	з. с.	20,0	дождь.	з. ум.	20,0	пасм.	з. сл.	15,0	г. обл.	з. сл.

Примечанія. 4-го числа, въ 9 часу вечера шелъ проливной дождь. На 5 число всю ночь шелъ сильный дождь.

20-го числа, въ 2 часа пополудни, при зап. сильномъ вѣтрѣ, набѣжали густыя тучи и разразились сильными громовыми ударами, съ проливнымъ дождемъ.

29-го числа, съ 10 часовъ вечера до слѣдующаго утра шелъ сильный дождь, сопровождаемый громомъ.

Число по стар. стилю 1853 г.	8 ^h утра.			2 ^h по полд.			8 ^h веч.			2 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Июль.												
1	16,0	г. обл.	ю.з. сл.	24,0	р. обл.	ю.з. сл.	22,0	р. обл.	ю.з. ум.	16,0	г. обл.	з. сл.
2	18,0	р. обл.	ю.з. сл.	26,0	р. обл.	ю.з. сл.	24,0	яс.	тихо.	18,0	яс.	тихо.
3	18,0	обл.	ю.з. сл.	26,0	обл.	ю.з. сл.	24,0	обл.	ю.з. ум.	20,0	г. обл.	тихо.
4	16,0	пасм.	ю. сл.	20,0	г. обл.	ю. сл.	20,0	г. обл.	ю. сл.	16,0	г. обл.	ю. сл.
5	15,0	пасм.	з. ум.	22,0	обл.	з. ум.	20,0	обл.	з. ум.	15,0	г. обл.	з. сл.
6	15,0	пасм.	ю.з. сл.	22,0	обл.	ю.з. ум.	22,0	г. обл.	ю.з. ум.	15,0	г. обл.	ю.з. ум.
7	15,0	р. обл.	ю.з. ум.	20,0	обл.	ю.з. ум.	22,0	р. обл.	ю.з. ум.	15,0	р. обл.	ю.з. сл.
8	15,0	р. обл.	ю. сл.	22,0	обл.	ю. ум.	22,0	р. обл.	ю. ум.	15,0	р. обл.	тихо.
9	15,0	р. обл.	ю. сл.	24,0	р. обл.	тихо.	22,0	г. обл.	тихо.	15,0	г. обл.	тихо.
10	15,0	г. обл.	ю. ум.	18,0	дождь.	ю. ум.	18,0	дождь.	ю. сл.	15,0	г. обл.	тихо.
11	20,0	г. обл.	тихо.	21,0	обл.	ю. ум.	21,0	громъ,	ю. с.	16,0	г. обл.	тихо.
								дождь.				
12	15,0	г. обл.	ю. сл.	15,0	пасм.	тихо.	15,0	пасм.	ю. ум.	15,0	г. обл.	ю. с.
13	15,0	обл.	ю. сл.	22,0	р. обл.	ю. ум.	20,0	обл.	ю.з. ум.	15,0	г. обл.	ю.з. с.
											громъ.	
14	13,0	дождь.	з. с.	15,0	пасм.	з. ум.	15,0	г. обл.	ю.з. ум.	13,0	пасм.	ю.з. ум.
15	13,0	пасм.	ю.з. ум.	18,0	пасм.	ю.з. ум.	18,0	г. обл.	ю.з. сл.	13,0	г. обл.	ю.з. ум.
16	13,0	дождь.	ю.з. с.	18,0	пасм.	ю.з. ум.	18,0	г. обл.	ю.з. ум.	13,0	г. обл.	ю.з. сл.
17	15,0	обл.	ю.з. сл.	20,0	обл.	ю.з. ум.	20,0	р. обл.	ю.з. сл.	15,0	обл.	тихо.
18	15,0	обл.	з. сл.	20,0	р. обл.	з. ум.	20,0	р. обл.	тихо.	15,0	р. обл.	тихо.
19	16,0	г. обл.	з. сл.	21,0	обл.	з. ум.	21,0	р. обл.	з. сл.	14,0	р. обл.	тихо.
20	15,0	обл.	тихо.	22,0	обл.	з. ум.	22,0	р. обл.	з. ум.	15,0	р. обл.	тихо.
21	18,0	р. обл.	с.з. сл.	24,0	громъ.	с.з. с.	22,0	р. обл.	с.з. сл.	14,0	обл.	тихо.
22	18,0	р. обл.	с.з. сл.	22,0	громъ.	с.з. с.	18,0	г. обл.	с.з. сл.	14,0	яс.	тихо.
23	13,0	г. тум.	тихо.	22,0	обл.	з. сл.	20,0	р. обл.	тихо.	13,0	р. обл.	тихо.
24	13,0	г. тум.	с.з. ум.	18,0	обл.	с.з. с.	18,0	дождь.	с.з. с.	13,0	обл.	с.з. с.
25	13,0	г. обл.	с.з. ум.	18,0	г. обл.	с.з. ум.	18,0	обл.	с.з. сл.	13,0	обл.	тихо.
26	13,0	пасм.	с.з. сл.	13,0	дождь.	с.з. ум.	13,0	р. обл.	с.з. ум.	13,0	р. обл.	тихо.
27	13,0	пасм.	с.з. сл.	15,0	пасм.	с.з. ум.	15,0	г. обл.	с.з. ум.	13,0	г. обл.	тихо.
28	13,0	г. обл.	з. сл.	18,0	р. обл.	з. ум.	18,0	р. обл.	з. ум.	13,0	р. обл.	тихо.
29	13,0	р. обл.	з. ум.	18,0	р. обл.	з. ум.	20,0	р. обл.	з. ум.	13,0	р. обл.	тихо.
30	13,0	г. обл.	з. ум.	18,0	р. обл.	з. ум.	18,0	р. обл.	з. ум.	13,0	пасм.	тихо.
31	14,0	р. обл.	з. сл.	20,0	р. обл.	з. ум.	18,0	р. обл.	з. ум.	12,0	дождь.	тихо.

Примѣчанія. 11-го числа съ 3 до 5 часовъ пополудни былъ сильный громъ. 13, 14, 15, 16 числа были сплошные дожди съ небольшими перемижками.

20-го числа въ 1-мъ часу по полудни были два сильные удара грома. 21-го числа, среди дня былъ сильный громъ.

23-го числа въ полдень проливной дождь съ сильнымъ громомъ.

31-го числа всю ночь шелъ крупный дождь до 7-го часа утра слѣдующаго дня.

Число по стар. стилю 1853 г.	8 ^h утра.			2 ^h по полд.			8 ^h веч.			2 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Ав- густъ.												
1	13,0	г. обл.	з. ум.	13,0	дождь.	з. ум.	13,0	г. обл.	з. ум.	13,0	г. обл.	з. сл.
2	14,0	г. обл.	с.з. ум.	18,0	р. обл.	з. ум.	18,0	р. обл.	з. ум.	12,0	р. обл.	з. ум.
3	12,0	г. обл.	с.з. с.	20,0	р. обл.	с.з. ум.	20,0	р. обл.	з. ум.	10,0	р. обл.	з. ум.
4	10,0	р. обл.	ю.з. с.	18,0	обл.	ю.з. с.	18,0	г. обл.	ю.з. с.	10,0	дождь.	с.з. ум.
5	10,0	пасм.	с.з. с.	14,0	г. обл.	с.з. с.	14,0	г. обл.	с.з. с.	10,0	дождь.	с.з. ум.
6	10,0	дождь.	с.з. ум.	14,0	г. обл.	с.з. ум.	14,0	пасм.	в. ум.	10,0	г. обл.	тихо.
7	10,0	г. обл.	с.з. ум.	14,0	г. обл.	с.з. ум.	14,0	пасм.	с.з. ум.	10,0	пасм.	тихо.
8	10,0	р. обл.	с.з. ум.	16,0	р. обл.	с.з. сл.	14,0	р. обл.	с.з. сл.	10,0	обл.	тихо.
9	10,0	г. обл.	с.з. с.	14,0	г. обл.	с.з. ум.	14,0	г. обл.	с.з. с.	10,0	г. обл.	с.з. сл.
10	10,0	г. обл.	с. с.	12,0	дождь.	с. ум.	12,0	дождь.	с. с.	10,0	дождь.	с. сл.
11	10,0	дождь.	с. ум.	12,0	р. обл.	с. ум.	12,0	г. обл.	с. ум.	10,0	г. обл.	с.з. сл.
12	10,0	г. обл.	с. ум.	12,0	обл.	с.з. ум.	12,0	р. обл.	с.з. ум.	12,0	яс.	тихо.
13	13,0	р. обл.	з. ум.	16,0	р. обл.	з. ум.	16,0	яс.	з. сл.	13,0	яс.	тихо.
14	13,0	р. обл.	з. ум.	16,0	г. обл.	з. ум.	16,0	р. обл.	з. сл.	13,0	р. обл.	тихо.
15	13,0	р. обл.	з. ум.	18,0	р. обл.	з. ум.	16,0	р. обл.	з. ум.	13,0	г. обл.	з. сл.
16	15,0	р. обл.	ю.з. сл.	18,0	р. обл.	ю.з. ум.	18,0	р. обл.	ю.з. ум.	15,0	р. обл.	тихо.
17	15,0	р. обл.	ю.з. сл.	18,0	р. обл.	ю.з. сл.	18,0	р. обл.	ю.з. сл.	15,0	яс.	тихо.
18	18,0	яс.	тихо.	24,0	яс.	ю. сл.	20,0	обл.	ю. ум.	18,0	г. обл.	ю.з. ум.
19	15,0	дождь.	ю.з. ум.	15,0	дождь.	ю.з. ум.	15,0	дождь.	ю.з. ум.	13,0	пасм.	с.з. ум.
20	12,0	дождь.	с. ум.	12,0	дождь.	с. ум.	12,0	дождь.	с. ум.	12,0	дождь.	с. ум.
21	12,0	г. обл.	с. ум.	13,0	р. обл.	с. ум.	13,0	яс.	с. ум.	12,0	яс.	тихо.
22	9,0	обл.	с. сл.	12,0	пасм.	тихо.	12,0	пасм.	тихо.	9,0	дождь.	с. сл.
23	9,0	дождь.	с. ум.	12,0	г. обл.	с.з. ум.	12,0	пасм.	с.з. ум.	11,0	сн.	тихо.
24	10,0	дождь.	с. ум.	10,0	дождь.	тихо.	10,0	дождь.	тихо.	10,0	дождь.	тихо.
25	10,0	дождь.	с.з. с.	10,0	дождь.	с.з. сл.	10,0	дождь.	тихо.	10,0	дождь.	с.з. сл.
26	10,0	р. обл.	з. сл.	18,0	яс.	тихо.	18,0	яс.	тихо.	12,0	яс.	тихо.
27	12,0	яс.	тихо.	18,0	яс.	тихо.	16,0	яс.	тихо.	10,0	г. обл.	з. с.
28	10,0	р. обл.	з. ум.	12,0	дождь.	з. ум.	12,0	р. обл.	з. сл.	8,0	яс.	с.з. сл.
29	8,0	пасм.	з. ум.	12,0	г. обл.	з. ум.	12,0	г. обл.	ю.з. сл.	8,0	р. обл.	ю.з. сл.
30	8,0	р. обл.	в. сл.	16,0	яс.	в. сл.	14,0	р. обл.	в. сл.	8,0	яс.	тихо.
31	8,0	р. обл.	тихо.	16,0	яс.	тихо.	14,0	яс.	тихо.	10,0	яс.	тихо.

Примѣчанія. 1-го и 2-го числа днем и ночью дождь съ нѣкоторыми промежутками.

Ночью отъ 4-го на 5-е число шелъ сильный дождь. 5-го числа въ 3 часу по полудни шелъ сильный дождь.

Число по стар- стилю 1853 г.	8 ^h утра.			2 ^h по полд.			8 ^h веч.			2 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Сен- тябрь.												
1	10,0	яс.	в. сл.	16,0	яс.	в. сл.	14,0	р. обл.	в. сл.	10,0	яс.	тихо.
2	10,0	яс.	в. сл.	16,0	яс.	тихо.	16,0	яс.	тихо.	10,0	яс.	тихо.
3	10,0	яс.	в. сл.	16,0	яс.	тихо.	14,0	р. обл.	тихо.	10,0	яс.	тихо.
4	8,0	обл.	в. сл.	10,0	г. обл.	в. сл.	10,0	р. обл.	з. ум.	8,0	обл.	з. ум.
5	8,0	пасм.	з. с.	10,0	г. обл.	з. ум.	10,0	р. обл.	з. ум.	6,0	г. обл.	з. сл.
6	6,0	пасм.	з. с.	11,0	р. обл.	з. с.	10,0	р. обл.	з. ум.	7,0	пасм.	з. с.
7	6,0	пасм.	з. ум.	8,0	г. обл.	з. сл.	8,0	г. обл.	з. с.	4,0	г. обл.	з. сл.
8	6,0	г. обл.	с.з. с.	7,0	обл.	с.з. сл.	7,0	р. обл.	в. сл.	4,0	р. обл.	з. сл.
9	4,0	обл.	с.з. ум.	8,0	р. обл.	с.з. ум.	8,0	р. обл.	в. сл.	4,0	яс.	тихо.
10	4,0	пасм.	з. ум.	6,0	р. обл.	з. ум.	4,0	р. обл.	з. ум.	2,0	яс.	тихо.
11	—2,0	яс.	з. сл.	4,0	р. обл.	з. с.	5,0	р. обл.	з. сл.	—1,0	яс.	тихо.
12	—3,0	яс.	в. сл.	3,0	р. обл.	в. ум.	3,0	г. обл.	в. ум.	1,0	пасм.	в. с.
13	3,0	дождь.	в. сл.	5,0	дождь.	в. сл.	5,0	дождь.	в. сл.	3,0	дождь.	тихо.
14	—1,0	сн.	с.з. с.	3,0	сн.	с.з. сл.	3,0	сн.	с.з. сл.	—1,0	пасм.	в. с.
15	—1,0	пасм.	ю. сл.	5,0	дождь.	ю. сл.	5,0	дождь.	ю. сл.	3,0	дождь.	ю. сл.
16	3,0	дождь.	ю. сл.	5,0	дождь.	ю. сл.	5,0	пасм.	ю. сл.	3,0	пасм.	тихо.
17	0,0	пасм.	з. сл.	2,0	пасм.	з. сл.	3,0	г. обл.	з. сл.	—3,0	пасм.	тихо.
18	—3,0	пасм.	з. сл.	0,0	пасм.	з. сл.	0,0	пасм.	з. сл.	—3,0	пасм.	тихо.
19	—3,0	пасм.	тихо.	0,0	пасм.	тихо.	0,0	пасм.	тихо.	—3,0	пасм.	тихо.
20	—2,0	пасм.	тихо.	0,0	пасм.	тихо.	0,0	г. обл.	тихо.	—2,0	г. обл.	тихо.
21	—4,0	яс.	ю. сл.	0,0	яс.	тихо.	0,0	яс.	тихо.	—4,0	яс.	тихо.
22	—3,0	яс.	в. сл.	0,0	яс.	тихо.	0,0	яс.	тихо.	—3,0	яс.	тихо.
23	—4,0	яс.	тихо.	3,0	яс.	тихо.	3,0	яс.	тихо.	—2,0	яс.	тихо.
24	—4,0	яс.	тихо.	7,0	яс.	тихо.	7,0	яс.	тихо.	—0,0	яс.	тихо.
25	—4,0	яс.	тихо.	9,0	яс.	ю. сл.	9,0	яс.	тихо.	4,0	р. обл.	ю.з. сл.
26	4,0	пасм.	тихо.	7,0	пасм.	тихо.	7,0	пасм.	тихо.	4,0	пасм.	тихо.
27	4,0	пасм.	ю. ум.	6,0	пасм.	ю. с.	6,0	пасм.	ю. с.	6,0	пасм.	ю. с.
28	3,0	сн.	ю.з. с.	1,0	г. сн.	ю.з. с.	0,0	г. обл.	ю.з. ум.	0,0	г. обл.	ю.з. ум.
29	0,0	пасм.	ю.з. с.	1,0	пасм.	ю.з. ум.	10,0	пасм.	ю.з. ум.	0,0	пасм.	ю.з. ум.
30	0,0	пасм.	ю.з. сл.	1,0	пасм.	ю.з. ум.	1,0	пасм.	ю.з. ум.	—2,0	ум.	ю.з. ум.

Примечанія. 26-го числа ночью шелъ дождь. 28-го числа съ раннего утра до 2-го часа по полудни шелъ густой снѣгъ. 30-го числа ночью шелъ снѣгъ.

Число по стар. стилю 1853 г.	8 ^h утра.			2 ^h по полд.			8 ^h веч.			2 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Ок- тябрь.												
1	—3,0	пасм.	тихо.	—1,0	пасм.	тихо.	—2,0	пасм.	тихо.	—2,0	сн.	тихо.
2	—2,0	сн.	тихо.	—2,0	пасм.	тихо.	—3,0	пасм.	тихо.	—5,0	пасм.	тихо.
3	—5,0	пасм.	тихо.	—3,0	пасм.	тихо.	—3,0	пасм.	тихо.	—3,0	пасм.	тихо.
4	—2,5	пасм.	тихо.	—2,5	сн.	тихо.	—2,0	пасм.	тихо.	—3,0	пасм.	тихо.
5	5,0	дождь.	з. с.	1,0	пасм.	з. с.	0,0	пасм.	з. с.	—4,0	сн.	з. с.
6	—4,0	г. обл.	з. ум.	0,0	сн.	з. с.	—3,0	р. обл.	з. с.	—5,0	пасм.	з. с.
7	—10,0	г. обл.	з. с.	—3,0	р. обл.	з. ум.	—5,0	р. обл.	з. с.	—10,0	сн.	з. с.
8	—11,0	сн.	з. с.	—9,0	р. обл.	з. с.	—9,0	р. обл.	з. с.	—11,0	р. обл.	з. с.
9	—13,0	сн.	ю. з. сл.	—9,0	сн.	ю. з. с.	—8,0	г. обл.	з. сл.	—6,0	г. обл.	ю. з. сл.
10	—3,0	сн.	ю. з. с.	—2,0	г. обл.	ю. з. с.	—2,0	пасм.	з. ум.	—3,0	пасм.	з. с.
11	—2,5	пасм.	з. с.	—0,5	г. обл.	з. с.	—2,0	г. обл.	з. ум.	—7,0	пасм.	ю. з. ум.
12	—9,0	пасм.	ю. в. ум.	—5,0	сн.	ю. з. с.	—2,5	г. обл.	ю. з. ум.	—3,5	пасм.	ю. з. с.
13	—8,0	яс.	ю. з. с.	—5,0	р. обл.	ю. з. сл.	—5,0	р. обл.	ю. з. сл.	—6,0	пасм.	тихо.
14	—6,0	пасм.	ю. сл.	0,0	сн.	ю. сл.	—4,0	г. обл.	тихо.	—6,0	пасм.	тихо.
15	—6,0	сн.	тихо.	—2,0	пасм.	ю. сл.	—4,0	пасм.	тихо.	—4,0	пасм.	тихо.
16	—10,0	пасм.	з. ум.	—4,0	сн.	з. ум.	—4,0	пасм.	тихо.	—12,0	г. обл.	ю. з. ум.
17	—16,0	р. обл.	з. с.	—12,0	г. обл.	з. ум.	—6,0	г. обл.	з. ум.	—10,0	сн.	з. ум.
18	—10,0	яс.	в. сл.	—10,0	яс.	в. сл.	—6,0	яс.	тихо.	—10,0	пасм.	з. с.
19	—12,0	сн.	ю. з. ум.	—6,0	сн.	тихо.	—6,0	сн.	тихо.	—12,0	сн.	з. с.
20	—16,0	пасм.	з. с.	—9,0	пасм.	з. с.	—9,0	пасм.	з. с.	—16,0	пасм.	ю. з. с.
21	—20,0	г. обл.	ю. з. с.	—12,0	р. обл.	ю. з. с.	—12,0	р. обл.	ю. з. с.	—22,0	пасм.	ю. с.
22	—22,0	пасм.	в. с.	—12,0	г. обл.	в. с.	—12,0	г. обл.	в. с.	—10,0	сн.	в. с.
23	—5,0	сн.	тихо.	0,0	пасм.	тихо.	—2,0	пасм.	тихо.	—5,0	сн.	тихо.
24	—7,0	пасм.	тихо.	—7,0	пасм.	тихо.	—7,0	пасм.	тихо.	—17,0	яс.	тихо.
25	—20,0	г. обл.	з. с.	—17,0	р. обл.	з. с.	—18,0	яс.	з. с.	—25,0	яс.	з. с.
26	—27,0	яс.	в. с.	—18,0	р. обл.	в. с.	—19,0	яс.	ю. сл.	—20,0	яс.	ю. с.
27	—15,0	сн.	ю. в. ум.	—11,0	сн.	тихо.	—11,0	сн.	тихо.	—9,0	сн.	тихо.
28	—9,0	сн.	тихо.	—5,0	сн.	в. сл.	—6,0	сн.	в. сл.	—6,0	сн.	тихо.
29	—5,0	сн.	тихо.	—1,0	сн.	тихо.	—3,0	сн.	тихо.	—7,0	пасм.	тихо.
30	—15,0	яс.	с. з. сл.	—16,0	р. обл.	с. з. с.	—16,0	р. обл.	с. з. сл.	—21,0	яс.	тихо.
31	—25,0	тум.	тихо.	—20,0	р. обл.	тихо.	—20,0	р. обл.	тихо.	—21,0	р. обл.	тихо.

Примѣчанія. На 1-е число въ ночь выпалъ на мерзлую землю густой снѣгъ. На 5-е число ночью, при оттепели въ 5 градусовъ тепла, сильнымъ пождемъ согнали весь снѣгъ. Съ 6-го числа большею частью по ночамъ шли большіе снѣга. 19-го числа всю ночь свирѣпствовала буря съ С.-З. 23 числа всю ночь шелъ сильный снѣгъ. 27-го октября рѣка Енисей совершенно покрылась льдомъ.

Число по стар. стилю 1853 г.	8 ^h утра.			2 ^h по полд.			8 ^h веч.			2 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Но- ябрь.												
1	—14,0	сн.	тихо.	—9,0	сн.	тихо.	—5,0	пасм.	тихо.	—6,0	пасм.	тихо.
2	—6,0	пасм.	тихо.	—5,0	пасм.	тихо.	—5,0	сн.	тихо.	—8,0	пасм.	тихо.
3	—12,0	яс.	в. сл.	—10,0	пасм.	тихо.	—8,0	сн.	тихо.	—10,0	пасм.	тихо.
4	—10,0	мет.	тихо.	—10,0	сн.	тихо.	—9,0	сн.	тихо.	—13,0	обл.	тихо.
5	—14,0	пасм.	в. сл.	—10,0	сн.	тихо.	—11,0	пасм.	тихо.	—13,0	р. обл.	тихо.
6	—17,0	тум.	тихо.	—14,0	пасм.	тихо.	—14,0	пасм.	тихо.	—27,0	яс.	тихо.
7	—28,0	тум.	с. сл.	—21,0	г. обл.	с. сл.	—20,0	г. обл.	тихо.	—19,0	г. обл.	с. сл.
8	—22,0	р. обл.	в. сл.	—18,0	обл.	в. ум.	—13,0	г. обл.	тихо.	—13,0	г. обл.	тихо.
9	—13,0	сн.	ю. з. ум.	—11,0	пасм.	ю. з. сл.	—11,0	пасм.	тихо.	—13,0	пасм.	тихо.
10	—14,0	сн.	ю. з. ум.	—11,0	пасм.	ю. з. сл.	—11,0	пасм.	тихо.	—14,0	сн.	тихо.
11	—15,0	сн.	з. ум.	—15,0	сн.	з. с.	—13,0	сн.	тихо.	—13,0	сн.	тихо.
12	—13,0	сн.	ю. сл.	—13,0	сн.	ю. з. с.	—16,0	пасм.	ю. з. с.	—16,0	г. обл.	тихо.
13	—16,0	г. обл.	ю. в. с.	—14,0	сн.	ю. в. ум.	—14,0	сн.	ю. в. ум.	—16,0	пасм.	ю. з. сл.
14	—16,0	сн.	з. ум.	—14,0	сн.	в. ум.	—16,0	г. обл.	з. ум.	—18,0	г. обл.	з. с.
15	—16,0	пасм.	с. з. ум.	—15,0	г. обл.	с. з. сл.	—17,0	г. обл.	с. з. сл.	—18,0	г. обл.	с. з. сл.
16	—18,0	яс.	с. з. ум.	—18,0	г. обл.	с. з. ум.	—20,0	г. обл.	с. з. сл.	—22,0	яс.	с. з. с.
17	—30,0	тум.	ю. в. сл.	—28,0	яс.	ю. в. ум.	—28,0	яс.	ю. в. с.	—30,0	яс.	тихо.
18	—30,0	тум.	ю. в. сл.	—28,0	яс.	ю. в. ум.	—30,0	яс.	ю. в. с.	—32,0	яс.	тихо.
19	—40,0	тум.	ю. в. сл.	—32,0	яс.	ю. в. сл.	—28,0	обл.	тихо.	—28,0	яс.	тихо.
20	—24,0	обл.	ю. в. сл.	—20,0	обл.	ю. в. сл.	—20,0	обл.	ю. в. сл.	—22,0	яс.	тихо.
21	—22,0	обл.	ю. в. сл.	—20,0	обл.	ю. в. сл.	—20,0	обл.	ю. в. сл.	—20,0	яс.	тихо.
22	—20,0	обл.	ю. в. сл.	—17,0	обл.	ю. в. сл.	—17,0	обл.	ю. в. сл.	—22,0	яс.	тихо.
23	—20,0	обл.	ю. в. сл.	—20,0	обл.	ю. в. сл.	—20,0	обл.	ю. в. сл.	—20,0	яс.	тихо.
24	—24,0	обл.	ю. в. сл.	—22,0	обл.	ю. в. сл.	—20,0	обл.	ю. в. сл.	—20,0	яс.	тихо.
25	—20,0	обл.	ю. в. сл.	—18,0	обл.	ю. в. сл.	—16,0	обл.	ю. в. сл.	—20,0	яс.	тихо.
26	—20,0	обл.	тихо.	—17,0	обл.	тихо.	—17,0	обл.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.
27	—20,0	обл.	тихо.	—18,0	сн.	тихо.	—17,0	сн.	тихо.	—17,0	г. обл.	тихо.
28	—17,0	г. обл.	тихо.	—14,0	сн.	тихо.	—14,0	сн.	тихо.	—13,0	сн.	тихо.
29	—13,0	сн.	тихо.	—10,0	сн.	ю. в. сл.	—11,0	пасм.	ю. в. ум.	—12,0	пасм.	ю. в. ум.
30	—11,0	пасм.	ю. в. сл.	—10,0	пасм.	тихо.	—11,0	пасм.	тихо.	—12,0	г. обл.	тихо.

Примѣчаніе. 25-го числа сѣверное сіяніе.

Число по стар. стилю 1853 г.	8 ^h утра.			2 ^h по полд.			8 ^h веч.			2 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Де- кабрь.												
1	—13,5	г. обл.	ю. ум.	—12,5	сн.	ю. ум.	—13,0	сн.	ю. сл.	—13,0	сн.	тихо.
2	—10,0	пасм.	ю. сл.	—9,0	пасм.	тихо.	—9,0	пасм.	тихо.	—10,0	сн.	тихо.
3	—10,0	сн.	ю. сл.	—9,0	сн.	тихо.	—9,0	пасм.	тихо.	—10,0	пасм.	тихо.
4	—10,0	сн.	ю. ум.	—10,0	сн.	ю. сл.	—11,0	пасм.	ю. ум.	—15,0	обл.	ю. ум.
5	—21,0	пасм.	ю. з. ум.	—20,0	г. обл.	ю. з. сл.	—20,0	р. обл.	ю. з. сл.	—23,0	яс.	ю. сл.
6	—23,0	г. обл.	ю. в. ум.	—23,0	г. обл.	ю. в. сл.	—23,0	р. обл.	ю. в. сл.	—25,0	яс.	ю. в. сл.
7	—30,0	р. обл.	ю. в. ум.	—28,0	р. обл.	ю. з. ум.	—28,0	р. обл.	ю. сл.	—32,0	яс.	тихо.
8	—33,0	тум.	ю. з. с.	—32,0	яс.	ю. з. с.	—32,0	яс.	ю. з. с.	—39,0	яс.	ю. з. с.
9	—39,0	яс.	ю. з. ум.	—31,0	яс.	ю. з. ум.	—28,0	яс.	ю. з. ум.	—28,0	яс.	тихо.
10	—19,0	сн.	ю. в. сл.	—16,0	пасм.	ю. в. сл.	—16,0	пасм.	ю. в. ум.	—17,0	сн.	ю. в. с.
11	—7,0	сн.	ю. с.	—9,0	сн.	ю. буря.	—10,0	пасм.	ю. ум.	—12,0	сн.	ю. ум.
12	—14,0	пасм.	ю. с.	—12,0	г. обл.	ю. с.	—8,0	сн.	ю. сл.	—6,0	сн.	ю. сл.
13	—4,0	сн.	ю. сл.	—4,0	сн.	ю. сл.	—4,0	сн.	сл.	—2,0	сн.	тихо.
14	—4,0	сн.	ю. ум.	—4,0	сн.	ю. с.	—7,0	сн.	ю. с.	—11,0	сн.	ю. з. с.
15	—11,0	г. обл.	з. с.	—11,0	сн.	з. с.	—12,0	сн.	з. с.	—14,0	сн.	з. с.
16	—27,0	г. обл.	ю. з. ум.	—25,0	р. обл.	ю. з. ум.	—25,0	р. обл.	ю. з. ум.	—23,0	г. обл.	ю. з. с.
17	—14,0	обл.	ю. з. ум.	—14,0	пасм.	ю. з. ум.	—11,0	сн.	ю. з. ум.	—11,0	пасм.	ю. ум.
18	—11,0	сн.	ю. ум.	—11,0	сн.	ю. ум.	—14,0	г. обл.	ю. в. ум.	—16,0	обл.	ю. в. ум.
19	—18,0	сн.	ю. в. ум.	—18,0	пасм.	ю. в. ум.	—18,0	пасм.	ю. в. ум.	—24,0	р. обл.	ю. в. ум.
20	—28,0	г. обл.	в. с.	—24,0	пасм.	в. с.	—15,0	сн.	в. с.	—15,0	сн.	в. с.
21	—11,0	г. обл.	з. ум.	—15,0	р. обл.	з. с.	—17,0	яс.	з. ум.	—17,0	яс.	з. ум.
22	—19,0	яс.	з. ум.	—27,0	р. обл.	з. с.	—30,0	р. обл.	з. с.	—38,0	яс.	з. с.
23	—40,0	г. тум.	тихо.	—40,0	г. тум.	тихо.	—30,0	тум.	тихо.	—40,0	г. тум.	тихо.
24	—40,0	г. тум.	тихо.	—40,0	г. тум.	тихо.	—24,0	р. обл.	в. сл.	—24,0	яс.	в. с.
25	—20,0	сн.	в. с.	—20,0	мет.	в. буря.	—21,0	сн.	в. с.	—23,0	сн.	в. с.
26	—20,0	г. обл.	в. ум.	—20,0	г. обл.	в. ум.	—20,0	р. обл.	в. ум.	—22,0	р. обл.	в. сл.
27	—22,0	р. обл.	в. ум.	—21,0	р. обл.	в. ум.	—23,0	р. обл.	в. сл.	—26,0	яс.	в. сл.
28	—25,0	р. обл.	в. ум.	—25,0	р. обл.	в. ум.	—27,0	яс.	в. ум.	—30,0	яс.	в. сл.
29	—40,0	яс.	тихо.	—30,0	яс.	тихо.	—25,0	яс.	ю. сл.	—23,0	р. обл.	ю. сл.
30	—17,0	сн.	в. ум.	—11,0	сн.	в. сл.	—10,0	сн.	ю. сл.	—8,0	сн.	ю. з. с.
31	—11,0	сн.	ю. з. ум.	—11,0	сн.	ю. з. ум.	—12,0	обл.	ю. з. с.	—14,0	г. обл.	з. с.

Число по стар. стилю 1854 г.	6 ^h утра.			12 ^h по полд.			6 ^h веч.			12 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Ян- варь.												
1	—22,0	р. обл.	з. ум.	—22,0	р. обл.	з. ум.	—26,0	р. обл.	з. сл.	—26,0	яс.	з. сл.
2	—40,0	яс.	з. сл.	—26,0	яс.	тихо.	—26,0	яс.	тихо.	—30,0	яс.	з. сл.
3	—40,0	тум.	тихо.	—28,0	яс.	тихо.	—30,0	яс.	тихо.	—40,0	тум.	тихо.
4	—40,0	тум.	тихо.	—30,0	р. обл.	тихо.	—40,0	тум.	тмхо.	—40,0	яс.	тихо.
5	—40,0	тум.	з. ум.	—26,0	г. обл.	з. ум.	—26,0	г. обл.	тихо.	—26,0	г. обл.	тихо.
6	—26,0	сн.	тихо.	—22,0	сн.	з. сл.	—20,0	пасм.	з. с.	—20,0	сн.	з. с.
7	—18,0	пасм.	тихо.	—18,0	сн.	тихо.	—18,0	пасм.	тихо.	—18,0	сн.	тихо.
8	—22,0	р. обл.	ю.з. сл.	—22,0	р. обл.	ю.з. сл.	—26,0	р. обл.	ю.з. сл.	—28,0	р. обл.	в. сл.
9	—26,0	г. обл.	в. сл.	—22,5	обл.	в. сл.	—18,5	пасм.	в. с.	—18,5	пасм.	в. с.
10	—18,0	пасм.	ю.в. сл.	—18,0	пасм.	в. сл.	—22,0	яс.	в. сл.	—24,0	яс.	ю.в. сл.
11	—32,0	яс.	ю.в. сл.	—30,0	яс.	ю.в. сл.	—32,0	яс.	ю.в. сл.	—36,0	яс.	ю.в. сл.
12	—40,0	тум.	ю.в. сл.	—26,0	яс.	с. сл.	—22,0	г. обл.	с. сл.	—22,0	пасм.	тихо.
13	—22,0	сн.	в. сл.	—19,0	сн.	в. сл.	—19,0	яс.	тихо.	—18,0	яс.	тихо.
14	—20,0	пасм.	в. сл.	—15,0	пасм.	в. сл.	—15,0	пасм.	в. сл.	—14,0	пасм.	тихо.
15	—13,0	сн.	тихо.	—13,0	пасм.	тихо.	—12,0	сн.	тихо.	—12,0	пасм.	тихо.
16	—18,0	р. обл.	ю. сл.	—10,0	яс.	ю. с.	—12,0	обл.	ю. сл.	—22,0	яс.	тихо.
17	—32,0	тум.	ю. с.	—26,0	яс.	ю. сл.	—24,0	яс.	тихо.	—24,0	яс.	тихо.
18	—28,0	пасм.	в. с.	—21,0	пасм.	в. с.	—14,0	сн.	тихо.	—12,0	сн.	тихо.
19	—9,0	сн.	тихо.	—8,0	пасм.	тихо.	—9,0	пасм.	ю.з. сл.	—10,0	сн.	ю.з. с.
20	—10,0	пасм.	ю.з. сл.	—8,0	пасм.	тихо.	—9,0	пасм.	ю.з. сл.	—13,0	г. обл.	в. сл.
21	—16,0	р. обл.	в. ум.	—11,5	пасм.	в. сл.	—12,5	пасм.	в. сл.	—14,0	пасм.	тихо.
22	—15,0	пасм.	тихо.	—8,0	р. обл.	тихо.	—14,0	яс.	тихо.	—21,0	яс.	тихо.
23	—25,0	р. обл.	тихо.	—16,0	яс.	тихо.	—16,0	яс.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.
24	—20,0	р. обл.	в. сл.	—15,0	яс.	тихо.	—15,0	яс.	тихо.	—16,0	яс.	в. сл.
25	—15,0	р. обл.	в. сл.	—12,0	яс.	в. сл.	—12,0	яс.	в. сл.	—17,0	яс.	в. сл.
26	—20,0	р. обл.	в. сл.	—13,0	яс.	в. сл.	—14,0	яс.	в. сл.	—19,0	яс.	в. сл.
27	—24,0	р. обл.	в. с.	—21,0	яс.	в. с.	—22,0	яс.	в. с.	—26,0	яс.	в. с.
28	—23,0	г. обл.	в. ум.	—12,0	р. обл.	ю.в. сл.	—16,0	яс.	ю.в. сл.	—19,0	яс.	в. с.
29	—16,0	обл.	ю.з. сл.	—10,0	яс.	ю.в. сл.	—12,0	яс.	тихо.	—18,0	яс.	в. ум.
30	—22,0	р. обл.	тихо.	—12,0	яс.	тихо.	—18,0	яс.	тихо.	—22,0	яс.	тихо.
31	—26,0	р. обл.	тихо.	—10,0	яс.	тихо.	—22,0	яс.	тихо.	—24,0	яс.	тихо.

Число и стар. стилю 1934 г.	6 ^h утра.			12 ^h по плд.			6 ^h веч.			12 ^h по плп.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Фев- раль.												
1	-25,0	р обл.	т. х.о.	-18,0	р обл.	тихо.	-21,0	яс.	тихо.	-27,0	яс.	тихо.
2	-28,0	р обл.	в. сл.	-23,0	р обл.	в. сл.	-22,0	яс.	в. сл.	27,0	яс.	в. сл.
3	-32,0	тум.	ю.в. сл.	-26,0	р обл.	ю.в. ум.	-31,0	яс.	ю.в. сл.	-33,0	яс.	ю.в. сл.
4	-40,0	тум.	ю.в. ум.	-22,0	р обл.	ю.в. с.	-20,0	сн.	з. с.	-13,0	сн.	з. с.
5	-20,0	яс.	з. ум.	-16,0	р обл.	з. ум.	-16,0	р обл.	з. с.	-21,0	яс.	тихо.
6	-26,0	яс.	ю.з. ум.	-16,0	р обл.	ю.в. ум.	-21,0	обл.	ю.в. ум.	-25,0	яс.	тихо.
7	-23,0	обл.	в. с.	-18,0	р обл.	в. с.	-19,0	яс.	тихо.	-24,0	яс.	тихо.
8	-25,0	яс.	в. ум.	-15,0	р обл.	в. с.	-15,0	яс.	в. с.	-15,0	пасм.	в. с.
9	-15,0	пасм.	в. с.	-12,0	сн.	в. с.	-12,0	пасм.	в. с.	-13,0	сн.	в. с.
10	-12,0	р обл.	ю.в. ум.	-8,0	р обл.	ю.в. ум.	-7,0	яс.	ю.в. с.	-7,0	пасм.	ю.в. ум.
11	-10,0	р обл.	ю. ум.	-8,0	р обл.	ю. сл.	-8,0	р обл.	тихо.	-8,0	р обл.	ю. сл.
12	-8,0	яс.	ю. ум.	-8,0	пасм.	тихо.	-8,0	пасм.	ю. сл.	-8,0	пасм.	ю. сл.
13	-16,0	р обл.	ю.в. сл.	-12,0	р обл.	ю.в. ум.	-12,0	яс.	ю.в. ум.	-10,0	яс.	ю.в. ум.
14	-10,0	р обл.	ю. ум.	-4,0	р обл.	тихо.	-6,0	обл.	тихо.	-10,0	яс.	ю. сл.
15	-10,0	р обл.	ю.в. сл.	-6,0	р обл.	ю.в. сл.	-8,0	обл.	ю.в. сл.	-8,0	обл.	ю. сл.
16	-8,0	обл.	ю. сл.	-4,0	яс.	ю. сл.	-4,0	обл.	тихо.	-6,0	обл.	ю. сл.
17	-6,0	яс.	ю. сл.	-3,0	яс.	тихо.	-2,0	яс.	тихо.	-5,0	обл.	тихо.
18	-4,0	обл.	ю. ум.	-4,0	обл.	тихо.	-4,0	обл.	ю. сл.	-8,0	яс.	ю. ум.
19	-6,0	обл.	ю. ум.	-4,0	яс.	тихо.	-4,0	обл.	тихо.	-4,0	обл.	тихо.
20	-6,0	р обл.	ю. сл.	-4,0	р обл.	тихо.	-4,0	обл.	тихо.	-6,0	пасм.	ю. ум.
21	-4,0	сн.	ю. ум.	-3,0	сн.	ю. сл.	-2,0	сн.	тихо.	-3,0	сн.	з. сл.
22	-5,0	обл.	з. с.	-4,0	р обл.	з. с.	-3,0	г обл.	з. с.	-6,0	пасм.	ю.з. с.
23	-6,0	пасм.	ю.з. с.	-1,0	обл.	ю. сл.	-7,0	яс.	ю.в. сл.	-14,0	яс.	тихо.
24	-16,0	р обл.	ю.в. сл.	0,0	яс.	ю.в. сл.	-7,0	яс.	тихо.	-12,0	яс.	тихо.
25	-10,0	р обл.	ю.в. сл.	2,0	яс.	тихо.	-6,0	яс.	тихо.	-12,0	яс.	тихо.
26	-12,0	яс.	ю.в. сл.	3,0	яс.	тихо.	0,0	яс.	тихо.	-6,0	обл.	в. ум.
27	-7,0	р обл.	в. сл.	4,0	яс.	тихо.	2,0	яс.	тихо.	-3,0	яс.	тихо.
28	-5,0	яс.	ю.в. сл.	4,0	яс.	тихо.	3,0	р обл.	тихо.	-7,0	яс.	тихо.

Число по стар. стилю 1854 г.	6 ^h утра.			12 ^h по плд.			6 ^h веч.			12 ^h по плн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Март.												
1	—7,0	яс.	тихо.	0,0	яс.	в. сл.	—3,0	яс.	тихо.	—8,0	яс.	тихо.
2	—11,0	яс.	в. сл.	—4,0	р. обл.	в. сл.	—6,5	яс.	в. сл.	—14,5	яс.	в. сл.
3	—16,0	г. обл.	в. ум.	0,0	яс.	в. ум.	—8,0	яс.	в. сл.	—14,0	яс.	в. сл.
4	—17,0	р. обл.	ю. в. ум.	—4,0	яс.	ю. в. сл.	—8,0	р. обл.	в. сл.	—8,0	р. обл.	тихо.
5	—12,0	р. обл.	в. сл.	0,0	яс.	в. ум.	—7,0	р. обл.	в. ум.	—10,0	яс.	тихо.
6	—10,0	р. обл.	в. сл.	2,0	яс.	в. сл.	0,0	яс.	тихо.	—3,0	пасм.	тихо.
7	—3,0	пасм.	в. сл.	4,0	яс.	в. сл.	—8,0	яс.	в. сл.	—12,0	яс.	тихо.
8	—12,0	яс.	в. с.	2,0	яс.	тихо.	—8,0	яс.	тихо.	—10,0	яс.	тихо.
9	—10,0	р. обл.	в. ум.	5,0	яс.	тихо.	—2,0	р. обл.	тихо.	—5,0	яс.	тихо.
10	—5,0	сн.	ю. с.	—4,0	сн.	ю. с.	—6,0	г. обл.	ю. с.	—9,0	р. обл.	ю. ум.
11	—8,0	яс.	ю. з. с.	—2,0	яс.	з. ум.	—2,0	яс.	ю. з. ум.	—8,0	яс.	ю. сл.
12	—8,0	яс.	в. ум.	3,0	яс.	тихо.	—4,0	яс.	тихо.	—9,0	яс.	тихо.
13	—11,0	яс.	тихо.	4,5	яс.	тихо.	2,5	яс.	ю. в. сл.	—4,0	яс.	ю. в. сл.
14	—6,0	яс.	ю. в. сл.	8,0	яс.	тихо.	4,0	яс.	тихо.	—2,0	яс.	тихо.
15	—2,0	яс.	тихо.	8,5	яс.	тихо.	5,0	яс.	тихо.	4,5	яс.	тихо.
16	5,0	яс.	тихо.	9,0	яс.	тихо.	9,0	яс.	тихо.	5,0	р. обл.	ю. з. сл.
17	5,0	дождь.	з. сл.	6,0	пасм.	з. сл.	6,0	пасм.	з. сл.	3,0	снѣгъ и дождь.	з. с.
18	0,0	пасм.	з. сл.	5,0	р. обл.	з. ум.	3,0	р. обл.	з. сл.	—2,0	яс.	тихо.
19	—5,0	р. обл.	з. сл.	3,0	р. обл.	з. сл.	0,0	р. обл.	тихо.	—4,0	яс.	тихо.
20	—5,0	яс.	з. сл.	6,0	р. обл.	з. сл.	4,0	р. обл.	ю. з. сл.	—5,0	яс.	тихо.
21	—7,5	яс.	ю. з. сл.	6,0	яс.	тихо.	2,0	яс.	тихо.	—4,5	яс.	тихо.
22	—8,0	обл.	ю. ум.	4,5	пасм.	ю. с.	3,5	пасм.	ю. с.	0,0	обл.	ю. с.
23	0,0	пасм.	ю. з. ум.	4,0	пасм.	ю. з. с.	2,0	пасм.	ю. з. ум.	0,0	пасм.	ю. з. ум.
24	0,0	пасм.	ю. з. ум.	4,0	г. обл.	ю. з. с.	4,0	сн.	ю. с.	0,0	сн.	ю. з. ум.
25	0,0	сн.	ю. з. с.	3,0	р. обл.	ю. з. с.	0,0	г. обл.	ю. з. с.	—1,0	пасм.	ю. з. с.
26	—1,0	г. обл.	ю. з. ум.	5,0	р. обл.	ю. з. ум.	3,0	р. обл.	ю. з. сл.	—1,0	г. обл.	ю. з. ум.
27	—1,0	яс.	ю. з. ум.	7,0	яс.	ю. з. ум.	4,0	яс.	ю. з. сл.	—2,0	яс.	ю. з. ум.
28	—2,0	яс.	ю. сл.	7,0	яс.	ю. сл.	5,0	яс.	ю. сл.	—2,0	яс.	тихо.
29	—1,0	яс.	ю. сл.	8,0	яс.	тихо.	6,0	яс.	тихо.	—1,0	яс.	тихо.
30	0,0	яс.	тихо.	11,0	яс.	тихо.	9,0	яс.	тихо.	4,0	яс.	тихо.
31	3,5	яс.	в. ум.	11,0	яс.	в. сл.	7,0	яс.	тихо.	4,5	яс.	тихо.

Примѣчанія. 17-го числа съ 4-го до 7-го часа утра шелъ мелкій дождь. Въ ночь на 18-е число съ 7-го часа вечера шелъ сперва дождь со снѣгомъ, а потомъ одинъ снѣгъ.

Число по стар. стилю 1854 г.	6 ^h утра.			12 ^h по полд.			6 ^h веч.			12 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Ап- рѣль.												
1	4,0	р. обл.	з. с.	4,0	пасм.	з. с.	4,0	г. обл.	з. ум.	—2,0	р. обл.	з. сл.
2	—2,0	яс.	в.	6,0			6,0			0,0		
3	—2,0	р. обл.	в. сл.									
4	5,5	яс.	тихо.	12,0	яс.	тихо.	10,0	р. обл.	тихо.	4,5	дождь.	тихо.
5	1,0	пасм.	з. с.	7,0			5,5	г. обл.	ю.в. с.	3,5	пасм.	ю.в. с.
6	3,0	пасм.	ю.в. с.									
7	4,0	р. обл.										
8												
9												
10												
11												
12	Не имѣютъся свѣденія.											
13												
14												
15												
16												
17	10,0	яс.	тихо.	18,0	яс.	тихо.	14,0	яс.	тихо.	10,0	яс.	тихо.
18	10,0	р. обл.	з. сл.	13,0	р. обл.	з. сл.	8,0	обл.	з. с.	8,0	г. обл.	з. с.
19	8,0	р. обл.	с.з. ум.	8,0	дождь.	с.з. ум.	8,0	дождь.	с.з. с.	4,0	р. обл.	с.з. ум.
20	2,0	г. обл.	с.з. с.									
21												
22	Не имѣютъся свѣденія.											
23	3,5	дождь.	в. ум.	1,5	дождь.	в. сл.	1,5	дождь.	в. сл.	1,5	дождь.	тихо.
24	3,0	дождь.	в. сл.	8,0	г. обл.	з. с.	6,0	дождь.	з. сл.	3,0	дождь.	з. ум.
25	4,0	г. обл.	з. ум.	10,0	р. обл.	з. ум.	6,0	р. обл.	з. сл.	4,0	р. обл.	тихо.
26	4,0	дождь.	ю.з. ум.	4,0	дождь.	ю.з. с.	4,0	дождь.	з. с.	4,0	дождь.	з. ум.
27	2,0	снѣгъ и дождь.	з. с.	3,0	дождь.	з. ум.	3,0	дождь.	з. ум.	2,0	г. обл.	з. сл.
28	0,0	яс.	з. сл.	4,0	пасм.	з. ум.	4,0	г. обл.	з. ум.	4,0	р. обл.	тихо.
29	1,0	г. сл.	з. с.	3,0	снѣгъ и дождь.	з. с.	4,0	дождь.	з. с.	4,0	дождь.	з. ум.
30	2,0	дождь.	з. ум.	5,0	дождь.	з. ум.	5,0	дождь.	з. ум.	4,0	пасм.	з. ум.

Примѣчанія. 13-го числа, ледъ на р. Енисей изломало и вода начала прибывать.

18-го числа, въ 7 часовъ вечера съ ю.-з., при порывистомъ вѣтрѣ, нанесло тучи, съ градомъ и проливнымъ дождемъ. При этомъ въ первый разъ слышенъ былъ громъ. 19-го числа весь день проливной дождь.

Число по с. ар. ст. до 1854 г.	6 ^h утра.			12 ^h по плд.			6 ^h веч.			1 ^h по плд.		
	Темп. по Реои.	Погода.	Вѣтеръ	Темп. по Реои.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реои.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реои.	Погода.	Вѣтеръ
М. н.												
1	4,0	пасм.	з. ум.	8,0	обл.	з. ум.	6,0	обл.	з. сл.	4,0	г. обл.	з. ум.
2	5,0	пасм.	ю.з. с	5,0	пасм.	ю.з. с.	5,0	дождь.	з. с.	3,0	дождь и снѣгъ.	з. с.
3	6,0	дождь.	з. ум.	8,0	дождь.	з. ум.	8,0	дождь.	з. ум.	4,0	дождь.	з. ум.
4	6,0	дождь.	з. сл.	8,0	дождь.	з. сл.	8,0	дождь.	з. сл.	6,0	дождь.	з. сл.
5	8,0	дождь.	з. сл.	8,0	дождь.	з. сл.	8,0	дождь.	з. сл.	8,0	дождь.	з. сл.
6	8,0	пасм.	з. ум.	8,0	дождь.	з. сл.	8,0	дождь.	з. с.	6,0	г. обл.	з. с.
7	8,0	дождь.	з. с.	9,0	р. обл.	з. ум.	7,5	р. обл.	з. ум.	5,5	г. обл.	з. с.
8	4,0	р. обл.	з. ум.	8,0	дождь.	з. ум.	8,0	дождь.	з. ум.	3,0	г. обл.	с.з. с.
9	1,0	р. обл.	с.з. ум.	6,0	г. обл.	с.з. ум.	6,0	обл.	с.з. ум.	3,0	г. обл.	с.з. с.
10	4,0	р. обл.	с.з. ум.	10,0	г. обл.	з. ум.	8,0	р. обл.	з. сл.	4,0	р. обл.	з. сл.
11	4,0	р. обл.	в. сл.	14,0	р. обл.	ю.в. сл.	18,0	яс.	тихо.			
12	Не имѣютъ сѣ свѣдѣнiя.											
13												
14												
15												
16	6,0	р. обл.	з. с.	8,0	р. обл.	з. с.	6,0	дождь.	з. с.	6,0	дождь.	з. с.
17	6,0	дождь.	з. с.	6,0	пасм.	з. с.	6,0	пасм.	з. с.	6,0	г. обл.	з. с.
18	6,0	пасм.	з. с.	8,0	г. обл.	з. с.	8,0	р. обл.	з. с.	6,0	дождь.	з. с.
19	6,0	дождь.	з. с.	6,0	пасм.	з. с.	6,0	дождь.	с. с.	4,0	пасм.	с.з. с.
20	3,0	дождь.	с.з. с.	3,0	дождь.	с.з. с.	3,0	дождь.	с.з. с.	1,0	сн.	с.з. с.
21	1,0	пасм.	с.з. с.	4,0	пасм.	с.з. с.	5,0	г. обл.	с.з. ум.	2,0	пасм.	с.з. с.
22	5,0	пасм.	с.з. с.	5,0	дождь.	с.з. с.	5,0	г. обл.	с.з. с.	3,0	дождь.	з. с.
23	6,0	дождь.	з. с.	8,0	дождь.	з. с.	14,0	г. обл.	ю.з. с.	8,0	дождь.	з. с.
24	3,0	г. обл.	з. буря.	3,0	дождь.	з. с.	2,0	дождь.	з. с.	0,0	дождь и снѣгъ.	з. с.
25	1,5	сн.	з. с.	—0,5	сн.	з. буря.	—0,5	сн.	з. буря.	—1,5	р. обл.	з. с.
26	0,5	яс.	з. с.	10,0	яс.	з. с.	15,0	яс.	з. с.	11,0	яс.	з. с.
27	5,0	яс.	з. ум.	13,0	р. обл.	з. ум.	9,0	пасм.	з. с.	9,0	пасм.	з. ум.
28	9,0	г. обл.	з. ум.	12,0	р. обл.	з. ум.	9,0	р. обл.	з. ум.	4,0	дождь.	з. с.
29	4,0	дождь.	з. ум.	6,0	дождь.	з. с.	6,0	дождь.	з. ум.	4,0	дождь.	з. с.
30	8,0	р. обл.	з. сл.	13,0	яс.	з. ум.	11,0	р. обл.	з. сл.	8,0	яс.	з. сл.
31	9,0	р. обл.	з. сл.	13,0	р. обл.	з. сл.	15,0	яс.	тихо.	9,0	яс.	з. сл.

Примѣчанiя. 23-го числа въ 7-мъ часу вечера слышны были на западѣ 2 значительные грозовые раскаты. То же число во всю ночь свирѣпствовала буря. 30-го числа въ 10 часовъ утра шелъ сильный дождь съ мелкимъ градомъ, при большомъ порывистомъ з. вѣтрѣ.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ,

ПРОИЗВЕДЕННЫЯ

ВЪ Г. ЕНИСЕЙСКЪ

съ 11-го Января 1860 г. по 1-е Мая 1860 г.

Число по стар. стилю 1860 г.	6 ^h утра.			12 ^h по полд.			6 ^h веч.			12 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Ян- варь.												
11	—33,0	мгла.	з. сл.	—20,0	яс.	тихо.	—25,0	яс.	тихо.	—25,0	яс.	тихо.
12	—26,0	р. обл.	в. сл.	—20,0	яс.	тихо.	—22,0	яс.	тихо.	—26,0	яс.	тихо.
13	—28,0	р. обл.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.	—25,0	яс.	тихо.	—32,0	яс.	тихо.
14	—32,6	р. обл.	з. сл.	—27,0	яс.	з. сл.	—31,0	яс.	тихо.	—31,0	яс.	тихо.
15	—40,0	тум.	тихо.	—26,0	яс.	тихо.	—27,0	яс.	тихо.	—27,0	яс.	тихо.
16	—33,0	тум.	тихо.	—26,2	яс.	тихо.	—27,0	яс.	тихо.	—29,0	яс.	з. сл.
17	—33,0	яс.	ю.в. сл.	—21,0	яс.	тихо.	—21,0	яс.	тихо.	—18,0	обл.	ю.в. сл.
18	—14,0	сн.	ю. сл.	—10,0	пасм.	ю. сл.	—12,0	пасм.	ю. сл.	—10,0	сн.	тихо.
19	—15,0	пасм.	ю. сл.	—11,0	пасм.	ю. сл.	—12,0	пасм.	ю. сл.	—15,2	сн.	ю.з. сл.
20	—26,0	яс.	з. ум.	—22,0	яс.	з. сл.	—27,0	яс.	з. ум.	—31,0	яс.	з. сл.
21	—34,0	яс.	тихо.	—27,0	яс.	тихо.	—31,0	яс.	з. сл.	—35,0	яс.	з. сл.
22	—35,0	тум.	тихо.	—31,0	яс.	тихо.	—33,0	яс.	тихо.	—35,0	яс.	тихо.
23	—36,0	тум.	тихо.	—32,0	яс.	тихо.	—33,0	яс.	тихо.	—35,0	яс.	тихо.
24	—37,0	тум.	тихо.	—29,0	яс.	тихо.	—30,0	яс.	тихо.	—30,0	р. обл.	ю.в. ум.
25	—23,0	сн.	ю.в. ум.	—17,0	пасм.	в. сл.	—21,0	яс.	тихо.	—24,0	яс.	в. сл.
26	—24,0	р. обл.	в. сл.	—18,0	яс.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.	—22,0	яс.	з. сл.
27	—25,0	яс.	тихо.	—17,0	яс.	тихо.	—24,0	яс.	тихо.	—18,0	сн.	ю.з. сл.
28	—14,0	сн.	тихо.	—12,0	пасм.	тихо.	—12,0	сн.	тихо.	—13,0	сн.	ю. сл.
29	—12,0	пасм.	ю. сл.	—10,0	яс.	ю. сл.	—13,0	яс.	ю. сл.	—12,0	пасм.	ю. сл.
30	—17,0	р. обл.	ю.в. сл.	—10,0	яс.	тихо.	—12,0	яс.	тихо.	—15,0	яс.	ю.в. сл.
31	—20,0	пасм.	ю.в. сл.	—10,0	яс.	тихо.	—12,0	обл.	тихо.	—11,0	г. обл.	ю.в. сл.

Число по стар. стилю 1860 г.	6 ^h утра.			12 ^h по плд.			6 ^h веч.			12 ^h по плн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Фев- раль,												
1	—10,0	пасм.	ю.з. сл.	—8,0	р. обл.	ю.в. сл.	—10,0	яс.	ю.в. сл.	—10,0	г. обл.	ю.з. сл.
2	—10,0	пасм.	ю.з. сл.	—9,0	обл.	ю.з. ум.	—15,0	яс.	тихо.	—21,0	обл.	ю.з. сл.
3	—25,0	пасм.	тихо.	—15,0	обл.	тихо.	—12,0	пасм.	тихо.	—12,0	пасм.	ю. сл.
4	—10,0	пасм.	ю.з. сл.	—8,0	обл.	тихо.	—5,0	мгла.	ю. сл.	—6,0	сн.	
5	—7,0	сн.	ю. ум.	—2,0	сн.	ю. сл.	—10,0	яс.	з. сл.	—15,0	яс.	з. сл.
6	—20,0	яс.	з. сл.	—10,0	пасм.	тихо.	—18,0	яс.	з. ум.	—20,0	яс.	з. с.
7	—20,0	пасм.	в. с.	—10,0	пасм.	в. буря.	—18,0	пасм.	з. буря.	—20,0	мет.	з. буря.
8	—17,0	яс.	тихо.	—18,0	яс.	тихо.	—17,0	яс.	з. сл.	—22,0	яс.	з. с.
9	—25,0	яс.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.	—31,0	яс.	с.з. ум.
10	—35,0	яс.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.	—22,0	яс.	тихо.	—23,0	яс.	тихо.
11	—25,0	яс.	тихо.	—18,0	яс.	в. сл.	—20,0	яс.	с.в. ум.	—19,0	пасм.	с.в. сл.
12	—20,0	пасм.	с.в. с.	—21,5	обл.	с.в. с.	—18,0	яс.	с.в. ум.	—18,5	г. обл.	в. сл.
13	—20,0	пасм.	тихо.	—20,0	обл.	тихо.	—21,0	обл.	в. ум.	—21,0	обл.	тихо.
14	—20,0	обл.	тихо.	—18,0	обл.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.	—26,0	яс.	с.в. сл.
15	—30,0	яс.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.	—20,5	яс.	тихо.	—25,5	яс.	тихо.
16	—30,0	яс.	тихо.	—18,0	яс.	тихо.	—18,0	яс.	тихо.	—28,0	яс.	з. сл.
17	—30,0	тум.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.	—23,0	яс.	з. сл.
18	—18,0	р. обл.	тихо.	—12,0	р. обл.	тихо.	—10,0	яс.	тихо.	—17,0	р. обл.	ю.з. сл.
19	—20,0	р. обл.	тихо.	—10,0	р. обл.	тихо.	—15,0	яс.	тихо.	—23,0	обл.	з. с.
20	—30,0	яс.	тихо.	—20,0	яс.	тихо.	—18,0	р. обл.	тихо.	—24,0	яс.	тихо.
21	—30,0	яс.	тихо.	—15,0	яс.	тихо.	—12,0	яс.	тихо.	—17,0	яс.	тихо.
22	—20,0	р. обл.	тихо.	—10,0	яс.	тихо.	—13,0	яс.	тихо.	—21,0	яс.	в. сл.
23	—25,0	яс.	тихо.	—10,0	яс.	тихо.	—15,0	яс.	тихо.	—22,0	яс.	в. ум.
24	—25,0	яс.	в. сл.	—10,0	яс.	тихо.	—16,0	яс.	тихо.	—19,0	обл.	в. сл.
25	—24,0	р. обл.	ю.в. сл.	—10,0	яс.	тихо.	—15,0	яс.	в. сл.	—27,0	обл.	с.в. сл.
26	—28,0	яс.	с.в. сл.	—9,0	яс.	в. сл.	—12,0	яс.	в. сл.	—25,0	яс.	в. сл.
27	—28,0	яс.	в. ум.	—15,0	яс.	тихо.	—19,0	яс.	тихо.	—24,0	яс.	с.з. с.
28	—28,0	р. обл.	тихо.	—12,0	яс.	з. сл.	—18,0	яс.	тихо.	—22,0	яс.	з. ум.
29	—26,0	яс.	з. ум.	—17,0	сн.	с.з. сл.	—15,0	сн.	с.з. с.	—17,0	г. обл.	с.з. ум.

Число по стар. стилю 1860 г.	6 ^h утра.			12 ^h по полд.			6 ^h веч.			12 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Март.												
1	—22,0	обл.	з. сл.	—18,0	р. обл.	тихо.	—12,5	пасм.	з. сл.	—13,5	пасм.	з. сл.
2	—15,0	обл.	з. ум.	—6,5	обл.	ю. сл.	—16,0	пасм.	ю. ум.	—12,5	г. обл.	з. сл.
3	—15,0	р. обл.	з. сл.	—8,5	яс.	ю.з. сл.	—10,0	яс.	тихо.	—14,5	яс.	з. с.
4	—20,5	яс.	з. с.	—14,0	яс.	з. с.	—12,0	яс.	з. ум.	—17,5	яс.	с.з. с.
5	—22,0	яс.	с.з. с.	—10,0	яс.	з. с.	—10,0	яс.	с.з. с.	—16,0	яс.	с.з. с.
6	—20,0	яс.	з. с.	—8,0	яс.	з. сл.	—8,0	яс.	з. сл.	—11,0	яс.	ю.з. сл.
7	—13,0	яс.	з. сл.	—5,0	яс.	ю.з. сл.	—10,0	яс.	з. сл.	—12,0	яс.	тихо.
8	—12,0	тум.	тихо.	—5,0	р. обл.	ю. сл.	—10,0	пасм.	ю.в. сл.	—15,0	яс.	с.в. с.
9	—20,0	яс.	с.в. с.	—5,0	яс.	тихо.	—9,0	яс.	в. сл.	—8,0	г. обл.	в. ум.
10	—9,0	пасм.	ю.в. сл.	—2,0	пасм.	ю. сл.	—5,5	р. обл.	тихо.	—7,5	пасм.	тихо.
11	—10,0	пасм.	в. сл.	—3,0	р. обл.	в. сл.	—3,0	р. обл.	в. сл.	—4,0	пасм.	ю. сл.
12	—3,0	пасм.	ю. сл.	0,0	пасм.	тихо.	—7,0	пасм.	тихо.	—3,0	пасм.	ю. с.
13	—5,0	пасм.	тихо.	0,5	пасм.	тихо.	—2,0	пасм.	ю. сл.	—4,5	г. обл.	ю. сл.
14	—8,0	пасм.	ю.в. сл.	2,0	яс.	ю. сл.	0,0	яс.	ю. сл.	—8,0	пасм.	ю. с.
15	—11,0	яс.	ю. ум.	—3,0	яс.	ю. сл.	—10,0	яс.	з. с.	—14,0	яс.	с.з. с.
16	—19,0	яс.	с.з. с.	—10,0	яс.	з. сл.	—15,0	яс.	с.з. с.	—17,2	тум.	с.з. с.
17	—20,0	пасм.	с.з. с.	—12,0	яс.	с.з. ум.	—19,0	яс.	с.з. сл.	—21,0	г. обл.	с.з. с.
18	—23,0	яс.	с.з. с.	—10,0	яс.	з. с.	—17,0	яс.	с.з. сл.	—18,0	обл.	с.з. с.
19	—20,0	яс.	с.з. с.	—8,0	яс.	тихо.	—10,5	яс.	з. с.	—13,5	яс.	з. ум.
20	—15,0	яс.	з. с.	—7,0	яс.	тихо.	—8,0	яс.	тихо.	—8,0	яс.	з. сл.
21	—10,0	яс.	тихо.	—2,0	яс.	тихо.	—4,0	яс.	тихо.	—4,0	яс.	ю.з. сл.
22	0,0	яс.	ю. сл.	0,0	яс.	ю. сл.	4,2	яс.	тихо.	—3,0	яс.	ю.з. ум.
23	—5,0	яс.	тихо.	4,0	яс.	ю. сл.	2,0	яс.	тихо.	—0,2	обл.	ю. сл.
24	2,0	пасм.	тихо.	5,0	обл.	ю. сл.	1,5	яс.	тихо.	—0,5	г. обл.	ю. сл.
25	2,0	пасм.	тихо.	8,0	р. обл.	ю. сл.	2,0	яс.	тихо.	1,2	яс.	тихо.
26	—2,0	яс.	тихо.	3,0	яс.	тихо.	5,0	яс.	тихо.	1,2	яс.	ю. сл.
27	2,0	яс.	ю. сл.	10,0	яс.	ю. сл.	8,0	яс.	тихо.	5,0	обл.	ю. сл.
28	0,0	яс.	ю. сл.	14,0	яс.	ю. сл.	3,0	р. обл.	ю.з. сл.	2,2	обл.	ю. ум.
29	5,0	пасм.	тихо.	10,5	пасм.	ю. сл.	2,0	яс.	ю. сл.	0,5	яс.	ю.з. сл.
30	1,5	яс.	ю.з. сл.	10,0	яс.	тихо.	5,0	яс.	тихо.	—0,5	г. обл.	тихо.
31	—3,0	пасм.	тихо.	12,0	яс.	ю.з. сл.	—2,0	яс.	тихо.	—1,5	р. обл.	ю.з. сл.

Число по стар. стилю 1860 г.	6 ^h утра.			1 ^h по полд.			6 ^h веч.			12 ^h по полн.		
	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.	Темп. по Реом.	Погода.	Вѣтеръ.
Ап- рѣль.												
1	—2,0	яс.	тихо.	10,1	яс.	тихо.	2,0	яс.	тихо.	—0,5	яс.	ю з. сл.
2	—3,0	яс.	тихо.	12,0	яс.	ю. сл.	1,1	яс.	тихо.	—1,0	р. обл.	з. с.
3	—2,0	р. обл.	ю. ум.	11,0	яс.	ю. сл.	5,0	обл.	ю. ум.	3,0	обл.	ю. сл.
4	8,5	пасм.	ю. сл.	10,0	пасм.	ю з. сл.	5,0	пасм.	тихо.	—0,5	обл.	з. с.
5	—5,0	яс.	тихо.	10,1	яс.	ю. сл.	—2,0	яс.	тихо.	—1,5	обл.	з. с.
6	—2,0	яс.	з. сл.	5,2	яс.	ю з. сл.	0,0	обл.	тихо.	—3,2	яс.	з. с.
7	—5,0	яс.	тихо.	0,0	яс.	тихо.	2,0	обл.	з. сл.	—11,0	обл.	с. з. с.
8	—4,0	обл.	в. сл.	2,0	яс.	тихо.	0,0	яс.	в. сл.	—12,0	обл.	с. в. с.
9	—5,2	обл.	тихо.	2,0	пасм.	тихо.	0,0	пасм.	тихо.	0,0	пасм.	тихо.
10	2,0	пасм.	тихо.	0,0	пасм.	тихо.	—2,0	пасм.	тихо.	0,0	пасм.	тихо.
11	0,0	обл.	тихо.	1,5	пасм.	ю. сл.	—5,0	обл.	с. в. с.	—8,5	сн.	з. с.
12	—7,5	г. обл.	с. в. с.	—2,0	пасм.	в. ум.	—4,0	яс.	в. ум.	—10,1	яс.	тихо.
13	—12,0	обл.	в. сл.	—4,0	г. обл.	в. ум.	—7,1	обл.	тихо.	—10,5	яс.	тихо.
14	—7,0	р. обл.	с. в. сл.	—3,0	яс.	с. сл.	—5,0	обл.	с. сл.	—5,0	обл.	с. сл.
15	—5,0	яс.	с. сл.	—2,0	яс.	с. сл.	—3,0	яс.	тихо.	—8,0	яс.	с. сл.
16	—6,0	обл.	з. сл.	5,0	пасм.	тихо.	—2,0	г. обл.	з. сл.	—5,0	обл.	ю з. сл.
17	—4,0	обл.	ю. сл.	7,0	обл.	ю. сл.	2,0	обл.	в. ум.	—7,0	яс.	в. сл.
18	—3,0	обл.	з. сл.	5,0	обл.	з. ум.	4,0	р. обл.	з. сл.	—2,0	яс.	з. сл.
19	—2,5	р. обл.	з. ум.	5,0	обл.	з. с.	4,0	р. обл.	з. ум.	—1,5	р. обл.	з. сл.
20	5,0	обл.	з. сл.	9,9	яс.	з. сл.	5,0	яс.	тихо.	—1,5	яс.	тихо.
21	8,5	яс.	з. сл.	10,0	яс.	з. сл.	9,1	яс.	тихо.	0,0	яс.	тихо.
22	3,5	яс.	ю. сл.	14,3	яс.	тихо.	8,7	яс.	тихо.	3,5	р. обл.	тихо.
23	6,5	обл.	ю. сл.	12,5	яс.	тихо.	9,0	яс.	тихо.	2,0	обл.	тихо.
24	5,0	обл.	ю з. сл.	10,0	яс.	ю з. сл.	8,0	яс.	тихо.	3,0	яс.	тихо.
25	8,0	яс.	в. ум.	15,5	яс.	в. сл.	12,5	пасм.	в. ум.	6,0	обл.	тихо.
26	6,0	пасм.	з. сл.	14,5	обл.	з. ум.	8,5	обл.	з. ум.	3,0	обл.	тихо.
27	6,0	обл.	з. сл.	17,0	обл.	з. сл.	11,0	яс.	тихо.	4,0	обл.	тихо.
28	8,6	обл.	ю з. ум.	17,0	обл.	ю. сл.	14,0	обл.	тихо.	9,2	пасм.	тихо.
29	6,0	пасм.	ю. сл.	13,0	обл.	ю з. с.	7,0	обл.	ю з. ум.	4,0	пасм.	тихо.
30	6,0	г. обл.	ю. сл.	7,5	дождь.	з. с.	4,5	обл.	з. ум.	0,0	обл.	з. с.

МѢСТНЫЯ СЛОВА,

УПОТРЕБЛЯЕМЫЯ

ВЪ ЕНИСЕЙСКОМЪ ОКРУГѢ.

А

Ажно — между тѣмъ какъ. на-
противъ.

Азойно — тяжело (напр. азо́йная
работа, т. е. тяжелая, огромная).

Азя́мъ — армякъ изъ верблюжьей
шерсти.

Айра́пъ — вино изъ молока.

Ала́тырь — камень въ наговорѣ
знахарей. (Подробнѣе см. въ
статѣ о свадьбѣ, стр. 68).

Алы́рникъ или Алы́рщикъ — ме-
лочникъ, не въ смыслѣ торго-
вли, а въ смыслѣ мелочниче-
ства, т. е. свойства человѣка

Анады́сь или Анагды́сь — тогда.

Анба́рь — кладовая отдѣльно отъ
дома.

Анъ — до нынѣ.

Арта́читься — противиться.

Аря́сина — тонкая дубина.

Б

Ба́бничать — повивать.

Багрецо́вый — красный, пурпу-
ровый.

Багре́ць — шелковая ткань кра-
снаго цвѣта.

Багри́ть — ловить красную ры-
бу багромъ.

Бадажѣ́ — батогъ.

База́нить — ревѣть.

Базари́ть — кричать.

Балага́нъ — шалашъ.

Балбесъ́ — болванъ.

Балда́ — колотушка.

Бало́къ — экипажъ, въ которомъ
ѣздить за тундру чиновники.

Ба́нка — берестяная табакерка.

Барахты́ — четыре.

Барахлò — мелочь, оборванные
вещи.

Ба́рлый — весенний (о соболяхъ).

Ба́ской — ясный, красивый.

Ба́ста — довольно.

Бастрі́къ — гнѣтъ т. е. толстый
шесть на возу сѣна.
Бастры́гъ — стягъ.
Бать — пустой, желѣзный конусъ
на длинномъ шестѣ для пу-
ганія рыбы.
Бахолы — сапоги употребляемые
промышленниками.
Башлы́къ — князекъ.
Бѣять — говорить.
Безмѣ́нъ — 2¹/₂ фунта.
Безпереводно — безпрестанно.
Бѣрдить — струсить, робѣть.
Бережнѡй — береговой.
Благода́тъ — довольство, изобиліе.
Блажнѡй — неугомонный, дикій.
Блазні́тъ — показаться.
Ближѣ — близко.
Блѡшка — плошка.
Блуді́тъ — плутать.
Богоданный батюшка — тесть.
Бода́тъ — пырять.
Божья дуга — радуга.
Болва́нъ — идолъ.
Болѡзѣ — чутъ-чутъ; хорошо.
Больша́къ — большой, старшій
(напр. сынъ.)
Большѡ — знать.
Борловая даха — шкура, съ ди-
каго козла, мяхкая, теплая, пу-
шистая.
Борові́къ — березовый грибъ.
Боровокъ — самецъ тетерева.
Боровѡй лугъ — кормовыя травы
на выгорѣвшихъ мѣстахъ.
Борошѣ́нь — имѣіе.
Борошністая, Борошно —этими
словами обозначаютъ невѣсту,
богатую платьемъ и другими
вещами, но не деньгами.

Бѡтало — гремяшка.
Бѡтать — шевелить ногами.
Бѡтики — ботинки.
Братанѣ́ — братъ.
Брѣшѣ́тъ — лгать.
Броді́ться — пачкаться.
Брѡдни — обувь.
Брыжи — оборка у чепчика.
Брыла — губы у человѣка, болѣе
въ насмѣшливыхъ выраженіяхъ
напр. экъ брылы-то распустилъ,
т. е. заплакалъ.
Буѣсть — отваго.
Бугѡръ — волдырь, прыщикъ.
Бузы́гать — пьянствовать.
Була́рка — козявка.
Булгачѣ́тъ — возмущать.
Бу́лки — бѣлый хлѣбъ вообще.
Бу́лькаться — играть водой.
Бунча́тъ — бормотать.
Буркалы — глаза (въ смыслѣ бран-
ствомъ, напр. о пьяномъ, налив-
шимся зелью глазами, говорятъ:
„экъ буркалы-то налилъ.“
Буру́нъ — много, очень.
Бусі́тъ — мелкимъ дождемъ на-
крапывать.
Бусъ — туманъ.
Бусый — цвѣтъ сѣротуманный.
Бути́рить — вставить дной обручи.
Бу́торомко — скоро и связно (два
понятія вмѣстѣ).
Буче — если, буде.
Быва́тъ — можетъ быть; сокра-
щенное бываетъ.
Бы́гать — вымерзать.
Быкъ — мышь въ рѣкѣ.
Бѣлодушка — одинъ изъ видовъ
бѣлки.
Бѣловѡдьѣ — вольная земля.

В

Ва́женка — самка оленя, запрягаемая въ нарту впередъ.
Ва́жня — большой анбаръ, имѣющій надъ собою сѣноваль.
Ва́кшаться — якшаться.
Вала́ндаться — мѣшкотно дѣлать.
Валы́чи — четыре.
Вара́токъ — кипятикъ.
Ва́рево — припасъ для кушанья.
Ва́рка — особо, въ котлѣ, завыленная стерлядь остяка.
Варна́вка — красивая утка съ гребѣшками на головѣ, живущая около соленыхъ озеръ.
Варна́къ — каторжный и по преимуществу — клейменный.
Ва́ря — процесс варенія (напр. такъ какъ въ Сибирѣ очень много дѣлать пельменей (даже по 150) да и горячихъ, съ пылу, то и говорятъ, что съ ѣлы за первой ва́рьи столько-то, да за второй варей и т. далѣе).
Ва́тница — ватная юпка у женщинъ.
Вахла́къ — алеутъ. Употребл. часто какъ брань, въ смыслѣ неповоротливаго и тупаго вмѣстѣ.
Вдвоемъ — оба.
Вдо́сталь — совершенно, до конца.
Вѣ́кша — свора, звѣрокъ.
Вѣ́нгать — плакать.
Веньгу́ша — плакса.
Ве́рвь — дратва.
Верверѣ́тъ — плисъ (матерія).
Веретья́ — небольшой бугорчикъ.
Вереща́га — яичница, сдѣланная

выпускомъ сырыхъ яицъ на горячую сковороду съ масломъ.
Верхо́вка — вѣтеръ сѣв.-восточ.
Верхонки́ и Верхотки́ — голыя кожаныя рукавицы.
Ве́ршная — верховая лошадь.
Верста́ться — разсчитаться.
Ве́черка — вечеринка.
Весновáтый — рябой.
Весну́сь — прошедшею весною.
Ве́тка — особаго устройства лодочка остяка.
Ве́шняя — особый видъ бѣлки.
Вза́боль — въ самомъ дѣлѣ.
Взбу́ндараживать — разбудить рано и съ шумомъ весь домъ, хотя и о самомъ лицѣ напр. пьяномъ говорятъ: «экъ его взбундаражило», т. е. подняло рано.
Взля́гивать — лягать.
Взбута́тышевать и Взбута́ты́ревать — бить кулаками.
Взре́вѣтъ — вскричать и даже кликнуть когонибудь.
Взъе́ндывать — торопливо идти, когда ноги уже часто мелькаютъ для глазъ посторонняго.
Ви́ненъ — виновать.
Виту́шка — крендель.
Ви́ца — пруть, розга.
Ви́чекъ — прутокъ.
Води́ться — ходить за дѣтьми.
Водня́ — хожденіе за дѣтьми.
Во-де-ка — вотъ гдѣ.
Воза́къ — повозка съ товаромъ, отправленная впередъ съ ярмарки.

Волгнуть — отаивать, или вѣриѣ,
принимать влагу, впитывать ее.

Волку́нъ — восемь.

Волкъ — родъ капкана.

Волокчи́ — тащить.

Водо́къ — лѣсистое мѣсто, но ча-
ще такъ называютъ водораз-
дѣлы.

Воло́де — хорошо что, кстати.

Волоковой́ — напр. объ окнахъ
зимовья говорить тогда, какъ
оно съ задвижкой.

Вопи́ть — кричать, шумѣть.

Воровина́ — веревка.

Ворови́й — скорый.

Воровѣ́ — скорѣе.

Вошкаться — шевелиться, тро-
гаться, ворочаться.

Вручь — не въ долгъ.

Вседы́ — всегда.

Вскинь — десять.

Вспоти́ть — испарить (о лошади).

Всто́къ — восточный вѣтеръ.

Всячи́но — все.

Вта́поры — въ то время.

Вто́ра — горе, несчастіе. Эка вто-
ра! Какое горе!

Ву́трѣ — завтра утромъ.

Вчки́нь — десять.

Вы́дувка — углубленіе на сѣгу
около корня дерева, достигаю-
щее послѣ сильныхъ вѣтровъ
иногда до самой земли.

Выду́лить — выпить (увеличитель-
но говоря).

Взнима́ть — поднимать.

Вы́юзить — выпить (болѣе говоря
о винѣ). А оттуда назюзился,
т. е. напился допьяна; а слово
юза значить пьяный.

Вы́крестъ — ново-крещонный.

Вы́нять — вынуть.

Вы́парить — высидѣть (циплять).

Вы́пружить — опрокинуть.

Вы́скорь — дерево, съ корнемъ
упавшее на землю.

Вы́тараска — пучеглазый.

Вытара́щиться — смотре́ть съ уди-
вленіемъ.

Вычи́лькать — выдоить корову
(отъ звука чиль-чиль).

Вы́шка — подволока.

Вью́нъ — святочная игра; родъ
рыбы.

Вѣ́нчикъ — вѣнокъ.

Вѣ́хотка — мочалка (въ баняхъ).

Г

Гайло, см. Хайло.

Гайно́ (мн. чис. гайна) — гнѣздо
бѣлки.

Галди́ть — шумѣть (въ смыслѣ
крикливаго говора, когда это
считаютъ неприличнымъ, на-
прим.: «экъ загодили! хайло
какое!»)

Га́литься — смѣяться надъ кѣмъ
нибудъ, даже издѣваться.

Гали́цы — рукавицы.

Галя́ма — неповоротливый чело-
вѣкъ.

Гальну́ть — бросить камнемъ.

Гамази́ться — держать себя без-
покойно.

Гаркать — звать, кричать.
 Гарь — выжженое, лѣсистое мѣсто.
 Гасникъ — шнуръ въ поясѣ у холщевыхъ брюкъ.
 Гвозьё — гвозди.
 Гилдѣть — повторять одно и тоже.
 Глазунья — (см. верещага). А названіе это отъ сл. глазъ, потому что желтки особо виднѣются среди расплывшагося бѣлка.
 Глѣзкій — скольскій.
 Глубникъ — западь.
 Глуздырь — молокососъ.
 Глыза — куча, глыба.
 Глѣфъ — слись на свѣжей рыбѣ.
 Глядѣнь — высокое мѣсто, гора.
 Гнусъ — мыши, также и саранча (напр. гнусъ напалъ.)
 Говдорѣ и Говря — произношеніе, выговоръ.
 Годить, также какъ и погодить — ждать; тогда какъ угодить значитъ попастьъ.
 Годъ и гѣже — годно.
 Гойтанъ — шнуръ, для ношенія на шеѣ креста.
 Гѣить — конопатить.
 Голкъ — эхо отъ выстрѣла, или громоваго удара въ лѣсу.
 Гѣлодь и Гололѣдь — безснѣжность.
 Гольцы — голыя вершины горъ.
 Голяника — голенище, также паголенокъ у чулокъ.

Гомзѣть — ползѣть.
 Гоманѣть — успокоивать.
 Гораздо — справедливо.
 Гарѣздъ — способенъ.
 Горболысь — особый сортъ бѣлки (см. стр. 44).
 Горбуша — родъ косы съ двояковыгнутою рукоятю.
 Горбыль — полукруглая, выпуклая сторона бревна.
 Горлопанить — безъ толку кричать.
 Городкомъ (ставить) — ставить на два обрубка, поставленныхъ рядомъ, еще третій; игра въ городки — игра, состоящая въ искусствѣ сбивать подобнымъ образомъ наставленные обрубки съ помощью бросаемыхъ толстыхъ палокъ.
 Грамотѣя — грамотникъ.
 Грѣбница — похлебка изъ грибовъ.
 Грѣда, Грѣдки — брусъ отъ печи избной къ передней стѣнѣ. Вообще же такъ называется перекладина, употребляемая для перевѣса черезъ нее чего нибудь.
 Губникъ — пирогъ съ грибами.
 Губы — грибы.
 Гузай — мѣшкой.
 Гузно — мѣшокъ.
 Гульливый — гуляка.
 Гульдѣть — увертываться.
 Гунишки — лохмотья.
 Гуня — поношенное платьѣ.

Д

Дакинъ — девять.
 Дѣромъ — не нужно, а также и

напрасно, напр. сходишь дѣромъ.

Даха — шуба изъ мѣха дикой козы
шерстью вверхъ.
Деваха — дѣвушка.
Дѣковать — смѣяться надъ кѣмъ.
Дѣковаться — издѣваться.
Дѣнной — прохожа.
Дерно — терно, стандартъ (матерія).
Деуля — дѣлающій часто промахи.
Дивильцо — маленькое зеркало.
Дивно — много, довольно, далеко.
Диво — чудо.
Дивья, кабы — хорошо, если бы.
Диганиться — насмѣхаться.
Дидилипка — тонкая плева, имѣю-
щаяся внутри дудчатого ра-
стенія.
Дикій — безумный.
Диковать — безумствовать, но
также изумляться отъ невѣде-
нія или глупости.
Джитагонъ — родъ гуслей.
Доводиться — причитаться, напр.
доводиться получить столько-
то.
Доимать — дополучить.
Докука — просьба.
Докуль — до котораго мѣста.
долбушка — долбня.
Домовина — гробъ.
Допрѣжь — прежде сего.

Дородно — прилично, много.
Доселя — до сихъ мѣстъ.
Доскань — табакерка (не берестя-
ная).
Доспѣть — сдѣлать.
Доспѣться — случиться.
Досыть — довольно.
Дошлый — хитрый. Но такъ же на-
зывается и хороший видъ бѣлки.
Дочка — дочь.
Доэтуль — до сихъ поръ.
Драла (сдѣлать драла) — убѣжать.
Дробовикъ — ружье.
Другарды и Другичи — два; употр.
въ приговорахъ игръ разныхъ,
напр. первичи, другичи, три-
тичи и т. далѣе.
Дрыхнуть — спать.
Дуть — у остояковъ инструментъ
для сшиванья бересты. Же-
лѣзко его имѣетъ копьеобраз-
ную фбрму; вся длина 6 верш.
Дурной — взбалмочный.
Дурость — глупость.
Дурѣть — бѣситься, бѣсноваться.
Душной — запашистый.
Дылда — человекъ высокаго ро-
ста при худощавости.
Дѣвдонька — дѣвица.
Дюждой — дюжій.

Е

Евалды — шесть.
Едний — единый.
Едрёный — свѣжій (о плодахъ),
крѣпкій (о животномъ).
Езы — рыболовное устроение изъ
кольевъ, вбитыхъ въ дно по-
перекъ рѣки и переплетен-
ныхъ прутьями.

Елань — долина.
Ера, Ерникъ — забіяка.
Ерахты — три.
Ергакъ — мѣховой сюртукъ.
Ереститься — браниться, вор-
чать.
Ерыхнуть — хлынуть (о водѣ).

Ж

Жаркѡй — оранжевый.

Жарѡвый — поджарый, высокій и сухощавый. А изъ деревьевъ такъ называется хорошее, стройное, несуковатое.

Жарѡвь — журавль.

Жбанъ — деревянная кружка для кваса.

Желомѣдникъ — родъ жимолости. (*Lonicera Pallasii* Ledeb.).

Желѣница — желтуха.

Желѣзница — стрѣла съ желѣзнымъ наконечникомъ.

Жеребѣвать — дѣлать по жеребью.

Живѣтъ — бываетъ (какъ глаголь) хорошо (въ смыслѣ нарѣчія, напр. не зачѣмъ очищать и такъ живѣтъ! т. е. и такъ довольно хорошо).

Житѡтъ — брюхо, имѣние.

Живчикъ — пульсъ въ глазу.

Жила — скряга.

Жилѡ — жилое строеніе.

Жинки — брюки, подштанники.

Жито — ячень.

Жилиться — скряжничать.

Жировать — жить въ довольствѣ; а также говоря о звѣрахъ и о ворахъ и о разбойникахъ значить „имѣть притонъ“.

Жмѣня — горой.

Жолна — дятель.

Жолобникъ — скаты около крышъ и все, что имѣетъ форму жолоба.

Жопанъ — худой кафтанъ, армякъ.

Журьба (отъ слова журить) — такъ называютъ сварливаго, напр. свекра.

З

Заартѣчиться — заупрямиться.

Заартѣчить — задѣть, зацѣпить.

Заберега — окраины льда у берега.

Забѡдка — опушка лѣса.

Завидость — зависть.

Заводъ — мѣсто у берега, гдѣ вода не течетъ.

Заворотъ — поворотъ.

Завывѣрье — закулокъ.

Завсе — всегда.

Завить — составъ руки у кисти.

Завѡдъ — масса всѣхъ звѣроловныхъ приборовъ.

Завѡръ — звено въ загороди.

Завчера — третьяго дня.

Завѣднѣй — запаснѣй.

Заглуздѣться — засидѣться.

Загнѣдка — мѣсто позади чела въ печи, куда стребаютъ жаръ.

Загнѣнуть — погибнуть.

Загузѣться — замѣшаться.

Задира — придирающійся, или человекъ съ беспокойнымъ характеромъ.

Закомлистѣй — суковатѣй.

Займище — жилое мѣсто въ едва замѣтныхъ развалинахъ.

Займка — дача, загородный домъ.

Закупъ — взятка, подкупъ.

Замѣрзъ — озябъ.

Замушкаривать — замаскировать.

Запалить — загнать (лошадь).

Заплѡтъ — заборъ.

Запамятовать — забыть.

Запонъ — передникъ, фартукъ.
Заразь — тотчасъ.
Зарѣбить — заработать.
Зарачить — задѣть бичевой.
Зарѣдышъ — насѣдъ въ яицѣ.
Зароть — стогъ сѣна.
Застѣлье — мѣсто за столомъ.
Засулиться — общаться.
Заталанить — говорить.
Затись или затесь — зарубки на
деревьяхъ для узнанія дороги.
Затулить — залить пожаръ.
Затѣрорить — запрятать (вещь).
За утро — завтра.
Захвѣстистый — такъ называется
дерево, негодное на бревно,
т. е. толстое въ корнѣ и скоро
сѣуживающееся въ тонкую вер-
шинку. Иносказательно, зна-
чить хитрое, трудное дѣло.
Здѣнь — мелюзга.
Здѣшеть — вздыхать.
Землянка — земляника.
Зѣнки — глаза.
Зехлѣ — широкое горло.
Зимѣвье — мѣсто зимовки.
Зимусъ — прошедшею зимою.
Зипунъ — кафтанъ безъ воротника.
Злѣбанъ — небольшой, крутая горка.

Знатный — хорошій.
Знимать — поднимать.
Зѣбать — хлѣбать.
Зѣбня — торба у лошади.
Зря — безъ старанія.
Зубатить — грубить.
Зубоскалить — смѣяться.
Зубоскаль — просмѣшникъ.
Зѣбка — люлька для младенцевъ.
Зѣчной — громкій, звонкій.
Зѣвать — кричать.
Зѣбель — есть то состояніе бе-
резы, когда остается нормаль-
нымъ только древесный обо-
докъ, а сердцевина изъ бѣлой
дѣлается изкоричнева; она лѣ-
томъ гнилая и мягковатая; а
зимою, сжавшись отъ мороза,
получаетъ такую плотность,
что ломаются топоры у кре-
стьянъ при рубкѣ. Дерево съ
зѣбелю узнается по расколо-
тымъ и гниловатымъ сучьямъ,
отъ которыхъ мокрота проса-
чивается къ сердцевинѣ и пор-
титъ ее. Чага изъ зѣбели вы-
ходитъ весною и не теряя
своего канала разрастается
болѣе и болѣе.

И

Изба — небольшой уголь.
Извередить — повредить.
Изгалаться — дѣлать наглости.
Ижно — что даже.
Издѣдить — исправить.
Издѣдки (исподъ — низъ) варежки.
Изподтиха — тихонько, украдкой.
Ималцы — жмурки (отъ слова
имать, т. е. ловить).
Иманье — ловля.

Исконно — до нынѣ.
Ископытъ — слѣды копытъ.
Исполохъ — испугъ.
Иставительно — точно, именно.
Истокъ — рукавъ рѣчки.
Ичиги — легкіе спальные сапоги,
а у инородцевъ такъ назы-
вается обувь изъ ровдуги.
Ишіми — коты съ холщевыми
голенщиками.

К

Кабату́ха — толстая, холщевая рубашка со сръзаннымъ воротникомъ, обшитымъ красной оторочкой, съ прорѣхой обыкновенно на лѣвомъ боку и широкими рукавами. Надѣвается сверхъ тонкой рубашки во время лѣтнихъ работъ.

Кавкать — кашлять.

Каду́шникъ — (отъ слова кадушка) бочарь, бондарь.

Казѣнка — комната, одгороженная въ кухнѣ.

Какъ-быть-тутъ — внезапно, вдругъ, неожиданно.

Калѣумъ — охотничій мѣшокъ.

Календатель — кандидатъ.

Калтаны — лѣтніе соболи.

Калтыкъ — кадыкъ.

Камасы — шкурки, снятыя съ нижней части ногъ молодого оленя.

Камѣрщикъ — сторожъ въ комнатахъ волостнаго правленія.

Канѣться (поканѣюсь) — усердно просить.

Кандовый — стойкій, характерный.

Капфѣтница — скатерть на десертный столъ.

Канючить — хныкать.

Капалу́ха — самка глухаря.

Карандасъ — тарантасъ.

Карачиться — кобѣяться.

Карбазъ — паромъ.

Каренга — растрескавшаяся, потемнѣвшая и неправильно торчащая на березѣ, береста, подъ которою очень толстая кора.

Кармаку́ль — острый подводный камень.

Ка́рга — дерево, свалившееся въ воду съ корнемъ.

Кату́шка — ледяная гора, съ которой катаются на маслянищѣ.

Качу́ля — качель.

Кашавѣрка — акушерка.

Квитка — квитанція.

Кѣркanye — звуки, издаваемые горностаемъ.

Кирпичъ — фуштъ простаго чая.

Киса́ — мѣшокъ изъ звѣриной шкуры.

Кисти (существ. собирательное) бахрома.

Кладушка — несушка (курица).

Кладъ — товаръ и уложенный сжатый хлѣбъ.

Кличать — кликать.

Клыкта́ть — икать.

Клюка́ — кочерга.

Кляпе́ць, кляпца́ — особое звѣроловное орудіе (см. въ сочиненіи).

Кляпъ, кляпушекъ — клинъ, клинышекъ.

Клячь — веревка у крыльевъ невода.

Кобылка — подъемъ для наката лѣса.

Кованко — телѣга съ желѣзными шинами.

Ковойга — выпуклый утѣсъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главнаго.

Кожанъ — кожанная рубашка.

Кожанки — голицы т. е. кожаные рукавицы.

Козлякъ — обыкновенная даха.

Козонки — позвонки

Коёкъ, см. Костырь.

Колода — сложенное и лежащее въ лѣсу дерево.

Колдра — пень или дерево, лежащее въ рѣкѣ.

Колобрѣдить — говорить вздоръ.

Коло — около.

Колышень — водная зыбь.

Колѣть — костынеть.

Комель — рукоять березоваго вѣтника. А также и тотъ конецъ срубленнаго дерева, который обращенъ къ корню.

Комна — комната.

Комдлый — безрогий.

Комуха — лихорадка.

Конидвый — соснякъ, растущій на горахъ и сухихъ мѣстахъ.

Кондырь — козырекъ у фуражки.

Копытить — доставать траву изъ подъ снѣга (о лошадяхъ).

Копь — окопъ.

Корга — срубленное дерево.

Корча — судороги.

Кортомить — брать домъ въ наймы.

Кортомъ — наёмъ.

Корыстный — дрянной, плохой, небогатый.

Корь — моль, вредящая шерсти.

Косачь — тетеревъ.

Косвѣдни — прошедшій разъ.

Косвѣдись — когда-то.

Косица — бокъ головы.

Костоломиться — коверкаться.

Костозычный — косноязычный.

Костырь — особый посохъ звѣролова.

Котусъ — хата.

Котухъ — шестокъ подъ печкой для куриць.

Коты — теплые сапоги.

Котьсать — дѣлать.

Кочугурникъ — кочкарникъ.

Кошева — зимняя повозка безъ верху.

Кошенина — скошенная трава.

Кошка — небольшой якорь.

Ктихарь — рубаха съ воротомъ изъ оленины.

Кра́ска — кровь.

Кра́ше — лучше, красивѣе.

Кренистый — тотъ бокъ дерева, который обращенъ былъ къ солнцу и болѣе крѣпокъ.

Крень — деревня.

Крѣснинька — мать крестная.

Крестѡвка — малопульная винтовка.

Крестовое дитятко — крестникъ.

Кривда — несправедливость.

Кружить — шалить.

Крючить — корчить.

Кряжа (см. чурки).

Куделя — мочка въ пряжѣ льна.

Кузло — пахатные снаряды всё вообще.

Куканъ — поводокъ, на которомъ водятъ рыбу.

Кулига — пожня.

Култукъ — плечо.

Кулюха — бранное слово.

Кулявый — хромой.

Кумоха — лихорадка.

Кумоуху трясти — заниматься пустяками.

Куколь — шелуха льняного сѣ-
мени.

Кулёма — особое звѣроловное
орудіе.

Купорѳситься — сердиться.

Куралѳситься — проказничать.

Куреньга — гніющее мясо звѣря.

Куржакъ — тѣ хлопья снѣгу, ко-
торые образуются при присое-
диненіи тепла съ холодомъ (въ
снѣгахъ ли, въ углахъ ли —
все равно.

Куржавѣть — покрываться инеемъ.

Курчажино — поляна среди лѣса.

Курья — узкій протокъ, и мел-
кій небольшой заливъ.

Куть — уголь.

Кухлянка — рубашка изъ оленьей
шкурѣ, шерстью вверхъ.

Кухта — снѣгъ, висящій массами
на деревьяхъ.

Кухтарь — см. костыръ.

Кучевряжиться — куражиться.

Кучерявый — кудрявый.

Кучиться — просить о чемъ.

Кыска — кошка.

Л

Лабашакъ — армякъ верблюжьей
шерсти.

Лабазъ — высокое мѣсто на дере-
вѣ, для сидѣнья охотнику.

Лагунъ, Лагунокъ, Лагушокъ —
кадка безъ упковъ съ двойнымъ
дномъ.

Ладанъ — шесть.

Ладка — вьюшка (въ трубѣ), а
также и глиняная посуда, въ
которой жарятъ мясо.

Лакомникъ — ящикъ для припа-
совъ сзади телѣги.

Лалыки — десны.

Лапастъ — ступня.

Лапотъ, Лапотейка и Лапотина —
одежда.

Лаяться — браниться.

Легчи — лечь.

Легчить — класть (животныхъ).

Леканъ — отрубокъ, а также на-
звѣн. и божки у инородцевъ.

Лекотать — говорить.

Лѣжни — бревна, накладываемыя
поперечно принастилкѣ половъ.

Ленъ — загривокъ (у лошади).

Лечесъ — песчаное мѣсто.

Липуха — роса.

Листвякъ — листовенничный лѣсъ.

Лихо — хорошо.

Липо-бы — лицъ-бы.

Логъ — долина, яма пологая.

Локамейни, см. Комасы.

Лонисъ — прошлаго года.

Лонишній — годовалый, прошло-
годній.

Лончакъ — годовой жеребенокъ.

Лѳпать — ѣсть, жрать.

Лось — созвѣздіе большой медвѣ-
дицы.

Лошкомѳйка — деревянная по-
суда для мытья столовыхъ ло-
жекъ, ножей и вилокъ.

Луговина — безлѣсная площадь
среди лѣса.

Лузанъ — платье, надѣваемое отъ
снѣга, изъ куска холста, съ

отверстіемъ посреди, для про-
дѣванія головы.
Лунтѣи — теплые сапоги изъ мѣха
дикой козы.
Лыжни — первый слѣдъ отъ про-
хода на лыжахъ.
Лытка — нога или, вѣриѣе и чаще,
бедренная кость.

Лѣвая сторона — изнанка.
Лѣсина — дерево, большое.
Лѣто — югъ.
Лѣтось — прошедшимъ лѣтомъ.
Любъ — хорошъ.
Ляга — соха, лужа.
Лядъ — чертъ.

М

Магáный — бѣлокүрый.
Маклѣшка — деревян. колотушка.
Мáкса — молоки у рыбъ.
Макушка — вершина горы.
Малахай — мѣховая шапка.
Мáлица — особая разрѣзная одеж-
да изъ оленины.
Малышъ — меньшій.
Малюсинькой — маленькій.
Манить — звать.
Мáрево — паръ въ воздухѣ отъ
жара.
Марóда — скверное лице.
Марудный — медленный.
Материкъ — фарватеръ.
Матѣрый — огромный, большой.
Махнѣшки — мѣховыя рукавицы.
Медуница — пчела.
Мезга — мелюзга.
Мендѣшъ — сосновый лѣсъ, ра-
стущій на болотахъ, слабый и
ненадежный для построекъ.
Мерѣжа — сѣть.
Мерѣколя — пустословъ.
Метлячѣкъ — дневная бабочка.
Мизгирь — паукъ.
Младенческая — названіе болѣзни.
Мòкрестъ — мокротѣ.
Молодица — только что вышед-
шая замужъ.

Молòсный — скромный.
Мòлость, см. Смолость.
Молòтъ — говорить вздоръ.
Моячи-ужò, см. ужò.
Морговѣть — брезговать чѣмъ ни-
будь.
Мòрды — мережи.
Моркòтно — плачевно.
Моржанъ — коралъ.
Морока — облака, тучи.
Мòрочный — пасмурный.
Морховатый — разорванный въ
куски.
Мотòузъ — мотовязъ.
Мохнатки, см. Махнашки.
Мумлить — мямлить.
Муравьище — муравейникъ.
Мурашъ — муравей.
Мухловѣть — обманывать.
Мырять — пырять.
Мыто — понось.
Мѣдѣникъ — мѣдный большой гор-
шокъ.
Мѣшѣть — пахтать (о маслѣ).
Мягки — родъ булки, напр. печь
мягки, т. е. печь булки, а о
ржаномъ хлѣбѣ такъ не гово-
рится.
Мякать — наносить ударъ.

Н

Набирка — маленький буракъ.
 Набурить — много положить.
 На-вёршиной — верхомъ.
 Нагалище — чехоль для ружья.
 Наголо — безъ исключенія.
 Нагòдно — натоцахъ.
 Наигольникъ — игольникъ.
 Наизнакъ — навзничъ.
 Накипъ — наледь на рѣкѣ зимою.
 Накосъ — наискось.
 Намалевать — набѣлиться.
 Намётка — ситцевое покрывало.
 На апòко — на оборотъ.
 Напахать — заготовить.
 Напрокучить — надòсть.
 На прокъ — на будущій годъ.
 На прохòдъ — не останавливаясь.
 Нарубашное — регулы.
 Нàрта — особая повозочка.
 Насакать — надѣлать чего ни-
 бутъ, напр. насакалъ дровъ.
 Наскаружникъ — насмѣшникъ.
 Наскаружничать — нахальничать.
 Нàсмока — насморкъ.
 Настòльникъ — скатерть.
 Насторòжка — особая часть въ
 звѣроловныхъ приборахъ.
 Насторожить — установить для
 лова.
 Насупиться — нахмуриться.
 Насѣдало — насѣсть куриная.
 Натопòрня — желѣзная скобка
 на ремнѣ, на которую звѣро-
 ловъ придѣваетъ топоръ.
 Натрѣкаться — наѣсться.

Нашёпы — всякую вещь, раздѣ-
 ляемую на одномъ концѣ для
 ущемленія.
 Не вдолги — вскорѣ.
 Не гузай — не мѣшай.
 Не душевредный — не вредный.
 Не замай — не тронь.
 Не знатный — не извѣстный.
 Не обезсудьте — извините.
 Не поморгуйте — не подрезгайте.
 Новай — иной, другой.
 Новатѣрёбикъ — жеребенокъ не-
 давно кладеный.
 Нòрки — ноздри.
 Норкорвàнецъ — сосланный съ
 вырванными поздырями.
 Норникъ — молодой песецъ.
 Носиться — прозываться.
 Носовинъ — носовой платокъ.
 Носъ — мысль.
 Нохъ — собака, а въ иныхъ мѣ-
 стахъ это слово только слу-
 житъ кличкой собакъ.
 Ночèsъ — въ прошедшую ночь.
 Ну — да.
 Нутрò — животъ, когда говорятъ
 о болѣзни.
 Нырòкъ — ухабъ; а также родъ
 утки.
 Нѣту-ка, Нѣтуть — нѣтъ.
 Нѣтчикъ — милый отсутствующій.
 Нюнить — плакать.
 Нюня — плакса.
 Няло — взяло.

О

Обихòдный — опрятный.
 Облинный — особый сортъ бѣ-
 личьяго мѣха.

Облòпаться — объѣсться.
 Обмерстить — обобрать (о во-
 рахъ).

Обтесъ — сдѣдать на бревнѣ об-
тесъ, значить срубить и выте-
сать одну сторону бревна.
Обратъ — узда.
Обдѣконье — нижній косякъ у окна.
Оболокаться — одѣваться.
Обригнуть — надоѣсть.
Обсѣчивать — сдирать съ деревь-
евъ всю кору, чтобы остал-
ся гладкій слой древесины.
Обстигать — обгонять.
Обшойданитъ — обшить холстомъ.
Обутки — башмаки.
Объездать — взнуздывать.
Оводъ — кусающаяся, большая
муха.
Огалыться — издѣваться.
Огачипы — ноги до колѣнъ.
Огаркать — окликать.
Огнёвка — горячка.
Огневой — бойкій, горячій.
Огольсдаться — поскользнуться.
Огѣнки — хвосты, которые жен-
щины носятъ зимою на шеѣ.
Ограда — заборъ.
Оддѣрная погода — буря, отди-
рающая судно отъ берега.
Однако — кажется.
Околѣтъ — окоченѣть.
Окѣница — рама, окно.
Окѣрка — головки у саней.
Окститься — осѣняться знамени-
емъ креста.
Окунать — обмакивать.
Оличать — очищать.
Омутъ — смыслъ сѣтей, тюръ-
мы, лабиринта.
Онатрашилъ — опачкалъ.
Опогдась — прошедшій разъ.
Ономнись — намедни.

Онучи — обертки, портянки.
Опружить — опрокинуть.
Осенѣсь — осенью.
Осѣрдье — масса соединенныхъ
связками органовъ, какъ то:
печени, селезенки, легкихъ и
сердца.
Осилка — ловъ бѣлки петлями.
Осилать — ловить бѣлку петлями.
Осиновый — худой (о соболяхъ).
Осѣсокъ — поросенокъ.
Осѣтъ — осока.
Остойся — остановись.
Отемиѣтъ — ослѣпнуть.
Оторѣчка — обшивка.
Оторочить — обшить.
Отрачить — отдѣть бичеву.
Отрѣпье — отребки отъ льна.
Отурка — поворачиваніе судна
кормою около мели.
Оттуль — оттуда.
Отъмалка — ветошка, которой
прихватываютъ горячіе горшки
и. т. п. когда ихъ отпосать
отъ жару далѣе.
Охвостать — ударить вмѣсто го-
ловы въ хвостъ.
Охичать — убирать, приводить въ
порядокъ.
Охлупень — конекъ на кровлѣ.
Охѣчь — охотникъ, любитель.
Очѣпъ — шесть для колыбели.
Очепъ — одна изъ частей звѣролов-
наго прибора.
Очурайся — опомнись.
Ошаманить — околдовать.
Ошурки — вытопки отъ сала, ког-
да его готовятъ для вы-
дѣлки свѣчь.
Ощоульничать — хохотать много.

II

Падера — первый снѣжокъ.

Падина, Падло — падалъ (о животныхъ).

Падунъ — водопадъ и необдѣланное дерево, т. е. не положенное на сошники.

Падъ — горный разломъ, а также и междугорная долина.

Паль — пожаръ въ лѣсу (напр. ходють палы — горить лѣсъ).

Пампушка — маленькая связка.

Паняга — доска съ ремешными лямками у звѣролововъ, въ которую укрѣпляютъ пойманнаго звѣря.

Парикъ *) — значить также парникъ.

Парить — насиживать (о курахъ).

Парунья — насиживающая курица.

Парусить — исполнять дѣйствіе паруса.

Пасѣный — во-время приготовленный, напр. говорится такъ о сосновыхъ шишкахъ, которыя около третьяго Спаса собирають и особымъ способомъ хранять.

Паскаружникъ **) (употребительнѣе безкарусникъ) — насмѣшникъ, шутящій надъ серьезнымъ, даже надъ божественнымъ.

Пастъ — особое звѣроловное орудіе. А также значить и зевъ, жерло.

Паужина — вечерній завтракъ въ

звонъ вечерень, во время пашенныхъ и покосныхъ работъ.

Пауть — оводъ.

Пахать — кромѣ собственнаго значенія имѣеть другія, напр. „на тебя не напашешься сапогъ“.

Перварды, Первичи — одинъ.

Пересѣвецъ — шесть, повѣшенный горизонтально въ комнатѣ.

Пердуны — сухія бревна, полагаемая поперегъ плота въ основаніе балагана.

Передъ-амбарье — галлерей передъ амбаромъ.

Переймы — схватки во время родовъ.

Перемѣтъ — крючекъ съ наживою.

Переобалакаться — переодѣваться.

Переполюшить — испугать.

Перестигать — перегонять.

Перечетырживать — повторять чьи либо слова въ насмѣшку.

Перстынки — перчатки.

Пестерь **), Пестеришка — круглое лукошко.

Пестъ — особое звѣроловное орудіе.

Пехать — толкать.

Пимы — валенки.

Пискозѣбъ — пискарь.

Плѣвать рыбу — имѣеть такой же смыслъ какъ напр. удить рыбу и значить выплывать на средину рѣки въ небольшихъ лодкахъ съ сѣтями, для ловли стерлядей.

*) Употребляютъ такъ вѣроятно по словопроизводству отъ слова паръ.

**) Отъ слова каръ, т. е. не боящійся кары.

***) Употребляется въ родѣ брани и означаетъ пустаго человѣка.

Плѣвить, Переплава и Переплав-
лять—вмѣстопереправа и пере-
плавлиять черезъ рѣку.

Платъ — платокъ.

Плотовщикъ — хозяинъ плота.

Плыть — оплывать (о свѣчахъ).

Плѣхатый — плѣшивый.

Поварѣнка — уполовникъ.

Погѣнка — поганышъ, грибъ.

Поглянуться — поправиться.

Погѣда — вѣтеръ.

Подвѣрникъ — постоялецъ.

Подѣкалось — случилось.

Подживѣтникъ — поясъ, мужиками
низко подвязываемый.

Погинуть — пропасть, погиб-
нуть.

Подмѣристое — сырое мѣсто.

Подмыльѣ — обмылки.

Подпаль — особый сортъ бѣлки.

Подпѣлье — кладовая подъ по-
ломъ.

Подсѣдъ — пухистая, ближе къ
тѣлу, шерсть, напр. имѣющая-
ся у лисицы, соболя.

Подсѣвины — бревна, подсунутыя
подъ плотъ, чтобы онъ не груз-
нулъ.

Подувальѣ — долина между горъ.

Подчамбѣриться — рубаху запу-
стить за шаровары.

Подпѣльникъ — небольшой шел-
ковый платокъ, надѣваемый на
шею, чтобы не портилась шаль.

Подъ-турѣхомъ — на-веселѣ (въ
попойкахъ).

Позавывѣрять — закоулками хо-
дить.

Позарѣчи — за рѣкой.

Покастить *) — блудить, т. е. безъ
спроса что нибудь брать.

Покрѣмка — подпояска изъ кром-
ки сукна.

Пѣдникъ — обѣденная ѣда въ 12
часовъ, въ время лѣтнихъ, длин-
ныхъ дней, около петровокъ,
ибо въ короткіе дни весны, напр.
во время сѣйки, бываетъ ѣда
три раза: утромъ завтракъ, ско-
рѣ по началѣ работъ, предъ
вечерними паужина и при смер-
каньи — ужинъ.

Пѣсть — больш. войлокъ, кошма.

Полунѣшникъ — сѣверъ.

Пѣлый — открытый, говоря о фи-
зическихъ предметахъ, напр.
ворота или двери поля; но
характеръ пѣлый уже не гово-
рится.

Пѣлыня — не замерзшее мѣсто
на водѣ.

Пѣмѣть — особый родъ ловли звѣ-
рей.

Померѣщилось — почудилось.

Пѣморговать — побрезгать.

По-насѣрткѣ — дѣлать что либо
изъ мести.

Пѣнастовать — выражаетъ то, ког-
да оставляя на время наприм.
домъ, дѣтей на попеченіе дру-
гихъ, просятъ стать вмѣсто
насъ съ тѣмъ же участіемъ какъ
были сами.

По насту — восемь.

По пѣсту — семь.

Пѣромъ — извѣстное число спло-
ченныхъ вмѣстѣ бревенъ.

Пѣрса — рыбій порошокъ.

*) Строго отличаютъ этотъ глаголъ отъ пакостить, т. е. дѣлать мерзость.

Поскѣтина — городьба (вблизи деревни).

Послухмѣный — послушный.

Пѣсохъ — шесть въ 2 аршина длиною, съ желѣзнымъ нако-
нечникомъ.

По сподутью — одновременно, по случаю, по пути (что нибудь сдѣлать).

Постегѣнка — ссучоная конопля для сшиваній.

Постѣльникъ — одна изъ частей нарты.

Постилальница, Подстилальница, Подстилальникъ — простыня.

Пострадка — жница (отъ слова страда, страдное время, т. е. время уборки хлѣба).

Потѣчить — баловать.

Потникъ — небольшой войлокъ для одного человѣка, также называютъ и подсѣдельникъ.

Похѣмастить — тихонько, украдкой взять.

Похѣмастилось — почудилось.

Поштъ? — для чего? зачѣмъ?

Пощунять, см. Щунять.

Пѣдь — пища, на которую ловится бѣлка.

Преданье — въ смыслѣ обычай или повѣрье.

Прѣискатель — означаетъ всѣхъ отъ хозяина золотопромышленника до послѣдняго рабочаго.

Пригубить — отпить немного изъ рюмки или стакана.

Прилукъ — вѣшняя дуга рѣчнаго берега, по которому въ особенностяхъ стремится теченіе.

Припасать — заготовлять.

Прискудѣлось (отъ слова скудаться) — понездоровилось.

Прѣтаина — когда снѣгъ отъ солнца смокъ и оледенѣлъ потомъ.

Прѣтомѣнно — дѣйствительно.

Провѣртывать — буравить.

Прогалызина — протаявшее мѣсто.

Промѣты — слѣды на снѣгу, остающіеся отъ ударовъ хвостомъ ли-
сицы.

Промысла — золотые прѣиски.

Промыслить — добиться чего нибудь, во что бы то ни стало.

Пропѣсть — издохнуть.

Просужій — разсудительный.

Прѣталина — когда отъ протаявшаго снѣга видится земля.

Прочики (и Прочкнутъ, т. е. про-
явиться) — первая молодая зе-
лень и весенняя трава.

Прѣшка — табакъ, пить прошку —
курить табакъ.

Прѣшва — обшивка на воротни-
кахъ форменной одежды, кантъ.

Прѣснина — дерево, очень мягкое и слабое.

Прѣженина — жаркос.

Прѣженцы и Прѣженики — назы-
ваются пирожки къ чаю, начи-
ненные сырой говядиной и про-
прѣженные въ маслѣ на сковоро-
дѣ.

Пугало — все, что непріятно: напр.
развратный, растрепанный че-
ловѣкъ; птицы изъ породы совъ
и филиновъ, кричащія ночью
заунывно, тоскливо; разныя
тряпки и старыя вещи, повѣ-
шенныя на шестахъ среди ого-

рода, съ цѣлю пугать воробьевъ.
 Пульхаться — бродить въ снѣгу, а обыкновенно значить тоже, что булькаться въ водѣ, плескаться.
 Пургá — мятель (снѣговая).
 Пучина — омутъ.
 Путѣмъ — какъ должно.
 Пушнина, Пушной товаръ — мягкая рухлядь, шкуры разныхъ животныхъ.
 Пущай — пусть.
 Пыжики — шкуры молодыхъ оленей.
 Пятна́й-те — бранливое слово.

Это слово, можетъ быть, родилось отъ желанія другому сибирской язвы.
 Пятра, пятровъ, пятрамъ, пятрами на пятрахъ. Это слово употребляется въ двухъ случаяхъ сходныхъ между собою: 1) повѣтъ — крыша двора, на которую складываютъ сѣно; 2) небольшие палатцы надъ подпольемъ въ узкомъ мѣстѣ между печкой и стѣной, гдѣ спятъ, когда на печи жарко, и куда бросаютъ разную лопать, особенно для просушки.

Р

Разѣ — развѣ.
 Расквѣлить — растревожить.
 Разлѡгъ — долина между холмами.
 Разлúка — горѣлка (игра).
 Распѡрка — расчепъ дерева съ особыми подпорками.
 Ратовище — (т. е. то, что держать рукой когда ратуютъ), древко у пики, рогаины, остроги, прикладъ ружья.
 Ревѣть — кричать.
 Рѣлка — гряда, малое возвышеніе.
 Ремуга — гуня, изношенное платье.
 Рипсъ, см. Вервереть.
 Рѡбить — работать.
 Ровдуга — родъ замши, изъ оленьины выдѣланной.
 Ровдушка — нетопырь, летучая мышь.
 Рогатка — шлагбаумъ.

Рѡмжи — перекладыны у плотовъ для ихъ скрѣпы.
 Рѡпанъ — небольшая длина.
 Ростана — перекрестокъ.
 Ростанъ — точка соединенія многихъ дорогъ.
 Россѡха — неотдѣланное дерево.
 Рудá — кровь.
 Ручникъ — полотенце.
 Рушать — рѣзать.
 Рябина — веснушка.
 Рябѡй — веснушчатый.
 Рябѡкъ — рябчикъ.
 Ряски — лохмотье.
 Рясная — большая кисть ягодъ.
 Рясной — кистистый.
 Рясъ-рясю — кисть на кисти.
 Рѣдка — рѣдкій лѣсъ, болѣе сосновый, который огораживаютъ и куда пускаютъ скоть.
 Рѣкоставъ — замерзаніе рѣки.
 Рѣжникъ — рѣдкій неводъ.

С

Сакмѣ — прометы, которые дѣлаетъ сахатый (лось) при перестановкѣ ногъ впередъ.

Салазки — челюсти; маленькія саночки, на которыхъ катаются съ катушекъ, т. е. съ горокъ во время масленой недѣли.

Сандубъ см. дерно.

Сарга — заболонь у черемухи, т. е. слой подъ корою, упругій и не ломкій.

Сваль — наростъ на березѣ, но небольшой, а здоровой; сваль состоитъ не изъ особой ткани, а изъ дерева же, только несравненно крѣпчайшаго, потому что волокна въ немъ все перевиты и перепутаны. Сваль употребляется для разныхъ подѣлокъ, напр. выточки чашекъ.

Свиловѣтый — волнистый (такъ называютъ дерево, въ которомъ волокна расположены зигзагами; оно бываетъ особенно крѣпко.)

Свирѣпый — серьезный.

Свѣжунецъ — болтунъ (яйцо).

Связка — пряжка лошадей.

Сдивоваться — удивляться.

Сдрѣфить — струсить.

Сѣгоду — въ этомъ году.

Сѣгѣдокъ и Сѣлѣтокъ — жеребенокъ, въ этомъ году родившійся.

Селезень — фарватеръ рѣки.

Селяка — большая деревянная ложка у самоеди.

Сжимъ — особое звѣроловное орудіе.

Сивейга — бойкій человекъ.

Сиверъ — сѣверный вѣтеръ.

Сидягѣкъ — инструментъ остяковъ для мягченія кожъ.

Силименка — соломенка.

Силѣмъ — насильно.

Сило, Силушко — волосная петля для ловли бѣлокъ.

Симка — тонкій шнурочикъ.

Синюха — особый видъ бѣлки.

Ситка — ситецъ.

Ситѣвая — волосная (юпка).

Скокомъ — бѣгомъ.

Скрести — скоблить.

Скудаться — хворать.

Скутывать — закрывать печь, трубу.

Слега — такъ называютъ бревно, придавливающее что нибудь.

Слѣпецъ — охотничій снарядъ.

Сляка, слякишь — слякоть.

Смѣлость — вымя (коровы).

Снаровлять — поблажать кому.

Соколѣкъ — составъ большаго пальца руки съ его пястной костью; тутъ лежитъ артерія, изъ которой пускаютъ кровь, думая найти лучшее отвлеченіе отъ головы. Это называется пускать кровь изъ соколѣка или „кровь головную“.

Сокуй — даха съ наголовникомъ.

Сопецъ — руль.

Сосунѣкъ — теленокъ еще сосущій.

Сѣгуры — длинныя сапоги изъ оленины шерстью вверхъ.

Сохаринка — осокорина (кора).
Сохатый — лось; созвѣздіе большой медвѣдицы.
Спорина — прибыль; при печенъи хлѣба — припекъ (оттуда поговорка привѣтствія „спорина вамъ въ квашню“).
Спѣрникъ — плиты особоустроенной печи въ зимовье звѣрлова; вѣроятно отъ слова „спорина“ въ смыслѣ увеличенія тепла.
Спѣрый — выгодный.
Срѣдный — двоюродный.
Стандкъ — станція.
Становище — удобное мѣсто для стоянки у берега.
Стегнѣ — бедро.
Стѣжница, см. ватица.
Стибрить — украсть.
Стойбище — мѣсто вблизи рябинника, утопанное сохатымъ, для котораго рябникъ служить лакомствомъ.
Стѣйне — не лучше.
Стокъ (но чаще въ произношеніи слышно встокъ) — востокъ, страна свѣта.
Сторожки — стебли, на которыхъ сидятъ ягоды. А также и особая часть въ звѣровыхъ приборахъ.
Страда — время уборки хлѣба.
Страдивать — убирать хлѣбъ.

Строганина — нарѣзанная въ видѣ стружекъ мерзлая рыба.
Стружѣкъ — челнокъ.
Студенѣ — холодно.
Стѣнь — мѣсто для сѣнокоса.
Стягъ — рычагъ.
Срубъ первый и срубъ второй — такъ называются у бревна необдѣланнаго еще болѣе тодстая часть (низъ дерева) и болѣе тонкая часть (вершина его).
Сургѣбъ — куча снѣга.
Судачить — изъяслять неудовольствіе.
Сукманина — суконный кафтанъ.
Сумты — особый инструментъ, употребляемый остякомъ для выдѣлки кожъ.
Сунтурить — болтать вздоръ.
Суровиться — баловать.
Суслить — пачкать.
Суслѣпъ — 10 сноповъ, поставленныхъ такъ, что 9 вмѣстѣ, а 10-й ставится сверху.
Сусѣдка — домовая.
Сутунъ — бревно неполное, безъ мѣры.
Схвѣтцы — крючки.
Съ бацу — съ разу.
Сѣмы — щипцы для снятія нагара со свѣчъ.
Сѣчь — рубить.
Сыромятный — выдѣланный (о кожѣ) и мягкій безъ глянца.

Т

Тайгѣ — густой, непроходимый лѣсъ.
Такшѣ — каюта на суднѣ.

Тѣлиться — протавить.
Тальцы — протаявшія мѣста на горахъ.

Таморъ — стрѣла съ шишкою на концѣ, чтобъ не рвать шкуръ мелкихъ звѣрковъ.

Тамотка — тамъ.

Тарабара — лохмотье, дрянъ, мелочь.

Тарабанить — криливо говорить.

Тарантить, см. Трещать.

Тараторить — говорить скороговоркой.

Тараторка — пустая болтуня.

Таращиться — топыриться.

Тарка — продолговатая булочка съ вареньемъ на верху.

Тёмный — слѣпой.

Тенигусъ — дорога въ гору.

Тётка — лихорадка.

Тиска — вываренная береста для паруса или для крыши балагана.

Толды — тогда.

Топорщиться — дуться, пѣтушиться.

Торбасы — сапоги изъ оленьей шкуры.

Тоскнуть — тосковать.

Тошнёсинько, Тошнёхонько, Тёшно — горько, обидно.

Третичи — три.

Трещать — много и скоро говорить.

Тростить — повторять одно и тоже.

Трою — трижды.

Трухмалъ — крахмалъ.

Трухмалить — крахмалить.

Тумба — кожанъ.

Тундра — равнина изъ зыбуна, на оледѣнелой почвѣ.

Тунтукъ — непонятливый человѣкъ (употребляется и какъ брань).

Турить — гнать.

Турсукъ — кожаный мѣшокъ.

Турусить — говорить въ горячкѣ или во снѣ и отчасти неясно.

Түрусы — вздоръ.

Тутомный — мѣстный.

Тутотка — тутъ.

Туязъ (мн. чис. туязья), см. буракъ. Туязъ слово собственно якутское.

Тысяцкій — дружка при свадьбѣ.

Тычка — тычина.

У

Увалъ — горы, ограничивающія долину.

Угланъ — бодланъ (въ смыслѣ брани).

Угоръ — пригорокъ.

Ужд — постой, погоди, нетронъ.

Уждотко — постой-ка.

Узорочья — драгоценности, украшенія.

Украйный — пограничный.

Улка — улица.

Улова — заводъ.

Унты, см. Лунтаи.

Урема — прирѣчный, мелкій лѣсъ.

Уросить — капризничать.

Уросъ — капризь.

Ускòки — бѣгъ зайца.

Уснулъ — въ смыслѣ померъ.

Усòбица — вражда.

Устна — губы.

Утре — утромъ.

Утрось — въ прошедшее утро.

Утюнь — боль въ поясницѣ.
Ухорѣзь — лихачь.
Ухожень — мѣсто въ лѣсу, куда
уходятъ за промысломъ звѣ-
рей.

Ушлый — хорошій видъ бѣлки.
Ушканъ — заяць.
Учиривать — образовать на до-
рогѣ насту отъ умятія ея лы-
жами.

Ф

Фалбарà — оборка у платья.
Фартъ — удача, счастье.
Фартить — счастливить (напр.
ему фартить).

Фитанецъ — квитанція.
Фузёя — ружье.
Фусть — бантъ у платья.
Фыпиться — сердиться.

Х

Хабатуха — рубашка длинная
безъ боровъ и воротника, на-
дѣваемая сверхъ рубашки въ
лѣтнее время.
Хайлать — бестолково кричать.
Хайло, см. Зекло.
Халда — размашистая, на все го-
товая женщина.
Халыснуть — ударить съ розмаху.
Халыснуться — упасть съ розмаху.
Халява — нечистоплотная, гряз-
ная женщина.
Хаять — ругать, поносить.
Хвостяга — желѣзный наконеч-
никъ у посоха.
Хіусъ — сѣверный вѣтеръ со снѣ-
гомъ и дождемъ.

Хлѣстко — скоро, быстро (о дви-
женіи).
Хлопать — лгать, говорить вздоръ.
Хлопуша — лгунъ.
Хлюздить — фальшивить.
Хлюпать — ходить по грязи.
Хнюкать, Хнюнить — плакать.
Хнюня — плакса.
Ходокъ — разсылный.
Холодникъ — погребъ.
Хорей — палка, которой погоня-
ютъ оленей.
Хоронить — прятать.
Хорьки — родъ брюкъ изъ оле-
нины безъ шерсти.
Храбостить — хрустѣть.

Ц

Цыганъ — острякъ, шутникъ.
Цыганить — острить шутить.
Цыпки, Цыпушки — расколы
на рукахъ и ногахъ, иног-

да до крови отъ завѣтренья
кожи.
Цѣло — мѣсто надъ топливомъ печи.
Цѣпня — бадья у колодцевъ.

Ч

Чага — особые наросты на старой березѣ; народъ наставляетъ ихъ для чаю.

Чагать — ловить рыбу, загоротивъ для этого русло рѣки двумя неводами.

Чалбышь — худшій видъ осетра.

Чамбары — холщевые шаровары.

Чарки — обувь для ногъ.

Частикъ — частый неводъ.

Чашиникъ — раскольникъ.

Чеверіки — башмаки.

Чѣвствовать — подчивать.

Черевій, Черевчатый — особый видъ бѣличьяго мѣха.

Чередить — готовить (о кушаньяхъ).

Черканъ — особый инструментъ для ловли бѣлокъ и горностаевъ.

Чернявой — черноватый.

Чибачикъ, см. Турсукъ.

Чивилды — пять.

Чижи — теплые, женскіе сапоги; сифилитическіе кондиломы.

Чиждовка — темная комната при сельскихъ расправахъ.

Чилькать — доить.

Чиканье — звуки, издаваемые бѣлками.

Чиномъ идти — идти безъ накидки, т. е. безъ покрывала, подъ которымъ въ лѣтнее время ходятъ въ Енисейскѣ и Иркутскѣ женщины.

Чиръ — особый видъ бѣлой рыбы. Но чиромъ же называютъ звѣроловы дорогу, умятую лыжами ихъ.

Чмутить — сплетничать.

Чботы, см. Ичиги.

Чубурыхнуть — упасть съ высоты.

Чудъ — чужой, не свой.

Чуманъ — набирка изъ бересты.

Чумъ — кочевой шалашъ.

Чурки (см. кражи) — обрубки дерева.

Чуха — чепуха.

Ш

Шабарчать — издавать шорохъ.

Шабуръ — полуармякъ, для женщинъ.

Шаламбѣрить — вздорить.

Шайтанъ — чертъ.

Шаманить — колдовать.

Шануть — толкнуть.

Шаньга — ватрушка. Но этимъ словомъ выражается особый видъ, сибирскаго приготовленія, ватрушки.

Шатунъ — медвѣдь, долго бродящій по снѣгу, потому что незаготовилъ себѣ вѣремя берлоги.

Шарашиться — корячиться, отстраняться.

Шарба — рыба похлебка.

Шаркай — палка, заостренная книзу.

Ша́ста — особый наростъ на деревѣ ели, имѣющій охмѣляющую силу.

Шахта — мшистость на деревь-
яхъ.

Шведъ — бранное слово.

Шебарчать — шумѣть.

Шевелить — трогать.

Шиверъ — сплошной подводный
камень.

Шильникъ — мелочникъ.

Шильничать — мелочничать.

Шиндѣкъ — домъ публичныхъ жен-
щинъ (а не кабакъ, какъ у
малороссовъ).

Шингать — тереть, щипать (напр.
перья изъ птицы).

Шипишникъ — шиповникъ.

Шишка — передовой бичевщикъ.

Шлынники — люди, нестоящіе
по поведенію, вниманію.

Шлюсить — подшучивать.

Шойданикъ — изношенный азамъ.

Также азамъ, обшитый свер-
ху холстомъ.

Штатуръ — гражданскій чинов-
никъ, штатскій.

Штепѣтко — хорошо, прекрасно.

Штепѣтный — прекрасный.

Шуга — первый, осенній ледъ.

Шугай — шуба безъ рукавовъ.

Шустрый — прилагательное, сое-
диняющее понятія и быстро-
ты и порывистости.

Шушунъ — родъ кофты.

Щ

Щаглы — жабры (у рыбы).

Щапъ — засѣчка, наискось топо-
ромъ въ дерево, для добыва-
нія смолы.

Щелья — высокій обрывъ берега.

Шепѣткой — щепетильный въ ма-
нерахъ.

Щерба — уха, похлебка.

Щерлопы — высокіе, скалистые
обрывы.

Щить — на перевѣсѣ висящая рѣ-
шотка при ловѣ волковъ зе-
мляными ямами.

Щунять — стыдить, выговаривать.

Э

Эвондѣ-ка — вотъ гдѣ.

Эфтакой — такой.

Ю

Юкала — сушеная или вѣрнѣе
вяленая на солнцѣ, рыба.

Юкать — стучать.

Юла — бойкій человекъ.

Юлить — хитрить, извертываться.

Юксы — ремейные путы у лыжъ.

Юркій — рѣзвый.

Юрдѣкъ — извѣстное количество
вмѣстѣ собранныхъ предметовъ.

Юртъ — жилище.

Я

Яблоки — картофель.

Язѣвый любъ — дуракъ.

Якшаться — дружиться.

Яманъ — козель.

Ямурина — котловина.

Яроститься — сердиться.

Ярый — бойкій.

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

Табл. I.

Фиг. 1. Плашка на бѣлку (см. стр. 49). *A*—Нижняя доска, служащая основаніемъ плашки, таковая же верхняя, бьющая звѣрка, только немного покороче. 1 и 2—Верхній и нижній сторожки. 3—Сторожки, соединенные вмѣстѣ, опираясь о вырѣзки одинъ другаго. 4—Насторожка, сжимающая сторожки, когда плашка настораживается и служить какъ бы опорой для верхней доски. 5—Сторожки, соединенные насторожкой.

Фиг. 2. Настороженная плашка: *a*—Нижняя доска, *b*—Верхняя доска, поднятая на сторожки по самой срединѣ, *c*—Насторожка съ приманкой, для бѣлки.

Фиг. 3. Черканъ на бѣлку (см. стр. 52). *A*. Опушенный черканъ. *B*—Настороженный черканъ. *a*—Лукъ. *b*—Дуга или обручъ въ видѣ дуги. *c*—Пластика опущенная въ выдолбленный на обручѣ отверстіи и зарубками препятствующая расходиться дугѣ. *d*—Другая со выдолбленнымъ въ одну брусомъ по срединѣ, къ верхнему концу котораго обвернута титева лучка; эта пластика губитъ звѣрка, коль-скоро срывается сторожекъ. *e*—Мотырь, который закладывается за натянутую титеву. *f*—Сторожекъ, упирающійся верхнимъ концомъ подъ лучекъ и перегибаясь чрезъ губящую пластинку *d*, подводится подъ прутчикъ *g*; при малѣйшемъ прикосновеніи прутчикъ выскакиваетъ и черканъ снова приходитъ въ свое положеніе. *h*—Выдолбленные мѣста на обручной дугѣ, чтобы двигаться, при натягиваніи лука, губящей пластинкѣ.

Фиг. 4. Петля на зайца; (см. стр. 58). *A*—настороженная петля. Эту ловушку составляютъ слѣдующія части: *a*—Очень, *b*—Трубочка, *c*—Насторожка. *d*—Неподвижная петля, которая надѣвается на конецъ сторожка при настораживаніи. *B*—Для ясности представлена петля съ другимъ сторожкомъ, при которомъ трубочка внизу сторожки. *C* и *D*—Различнаго рода устройство насторожекъ.

Фиг. 5. Кляпцеъ на зайца (см. стр. 61). *А*—Настороженный кляпцеъ. Части его: *а*—Доска. *б*—Столбики съ круглыми отверстіями, въ которые пропущенъ гужъ. *с*—Стягъ, губящій звѣря. *д*—Насторожки. *е*—Симка.

В—Стягъ, вооруженный зубьями, и насторожки, представленныя въ увеличенномъ видѣ.

Фиг. 6. Пастъ на зайца (см. стр. 63). *А*—Настороженная пастъ. *а*—Коромысло (ромжа). *б*—Гнѣтъ или крыша пасты. *с*—Мотырь. *д*—Подставной коль, чрезъ который перегибается мотырь. *е*—Съ низу виллообразный коль для насторожекъ. *к*—Сторожекъ, шнуромъ привязанный къ мотырю и задѣваемый однимъ концомъ подъ вилы кола *к*, а другимъ придерживающій насторожку. *л*—Насторожка, таловый прутникъ, взятый съ вершины, котораго одинъ конецъ съ почками пропущенъ во внутрь пасты и служитъ выѣстъ и приманкою для зайца.

В. Тѣже части пасты въ увеличенномъ видѣ.

Фиг. 7. Пастъ на лисицу (см. стр. 70). *М*—Настороженная пастъ. Части ея: *А*—Поль, уложенный на лежни и скрѣпленный по угламъ кольями. *ВВ*—Гнѣтъ или крыша пасты изъ бревенъ, съ одного конца расколотыхъ, куда и вставлена ромжа. *СС*—Стѣна изъ расколотыхъ бревенъ, которая укрѣплена между кольями, связанными веревками изъ прутьевъ. *а*—Ромжа, обтесанная брусомъ, слегка. *б*—Небольшое окошко въ стѣнѣ, въ которое выходитъ одинъ конецъ сторожка, а другой съ наживою, остается за стѣною, внутри пасты. *д*—Коль съ зарубкою для насторожки. *е*—Крючкообразный сторожекъ съ петлею, которая надѣвается на конецъ мотыря. *т*—Мотырь. *п*—Сторожекъ съ наживою. *о*—Коль, поддерживающій мотырь. *к*—Сторожки, представленные въ большемъ видѣ.

Фиг. 8. Кляпца на лисицу, (см. стр. 72). *А.* Обрубокъ дерева, въ которомъ, чрезъ просверленные круглыя отверстія, пропущены два гужа. *В*—Губящій стягъ съ желѣзными зубьями. *С*—Нижній брусъ, вдолбленный въ обрубокъ. *а*—Сторожки. *б*—Петля. Она надѣвается на стягъ съ зубьями когда настораживается кляпца, для того чтобы стягъ неотходилъ въ противоположную сторону; коль скоро кляпца насторожена, то петля снимается. *с*—Симка. *К*—Сторожки въ большемъ видѣ. *Л*—Настороженная кляпца. *М*—Поперечная кляпца.

Фиг. 9. Кулѣма на лисицу (см. стр. 73). *А*—Разрѣзъ кулѣмы. *В*—Планъ кулѣмы. *С*—Фасадъ опущенной кулѣмы. *а*—Узкія, продолговатыя окошки въ обѣихъ продольныхъ стѣнахъ. *б*—Ставешокъ. *с*—Мотырь, перегибающійся чрезъ перекладку *д*, лежащую на виллообразныхъ кольяхъ *о*. *е*—Крючкообразный сторожекъ, привязанный за конецъ мотыря съ наживою и задѣвающій за внутреннюю поперечину *т*. *п*—Отверстіе

на крышѣ кулёмы, въ которое проходитъ сторожекъ отъ конца мотырь во внутрь кулёмы. *о*—Вилообразные колья для наружной перекладны.

Фиг. 10. Пестъ на лисицу (см. стр. 74). *М*—Настороженный пестъ. Части его: *А*—Разщепленный обрубокъ дерева, называемый пестомъ. *В*—Обтесанная жердь, вставленная въ разщепъ обрубка. *с*—Мотырь. *д* и *е*—сторожки. *g*—Подставной колъ. *Н*—Планъ песта на лисицу. *О*—Нора лисицы. *а*—Основаніе песта. *б*—Стѣны ловушки. *с*—Подставной колъ, на которомъ лежитъ мотырь, *д*—Нижній сторожекъ на одномъ концѣ съ крючкомъ, которымъ задѣвается за отверстіе *h*.

Фиг. 11. Кулёма на медвѣдя (см. стр. 89). *А*—Хвостъ кулёмы. *В*—Стороны кулёмы, сложенные изъ жердей. *а*—Мотырь. *б*—Подставной колъ, на которомъ лежитъ мотырь. *с*—Крючкообразный сторожекъ съ наживою. *д*—Поперечина въ хвостѣ кулёмы, за которую задѣвается сторожекъ съ наживою. *К*—Губящая звѣря слега. *С*—Подставка подъ слегу, высоту соответственно порогу. *Р*—Планъ кулёмы. *М*—Поль. *Н*—Порогъ. *к*—Стороны кулёмы.

Фиг. 12. Самострѣлы (см. стр. 92—94). *А'*—Самострѣлъ изъ лука. *А*—Брусъ къ самострѣлу. *б*—Мѣсто, куда вкладывается и прикрѣпляется лукъ. *с*, *д*—Сторожки. Подъ сторожекъ *д* подводится титева. *е*—Симка. *о*—Колья, къ которымъ прикрѣпляется самострѣлъ. *м*—Стрѣла.

В'—Самострѣлъ изъ ружья. *А*—Коль, къ которому прикрѣпляется прикладъ ружья. *б*—Симка. *с*—Сошки.

Табл. II.

Фиг. 1. *А'*—Столбъ на волка (см. стр. 78). Столбы на волковъ обыкновенно врываются въ землю и ставятся нѣсколько въ наклонномъ, къ землѣ, положеніи. *А*—Наружный видъ загородки съ воротцами. *В*—Планъ загородки. *а*—Первая стѣна загородки. *б*—Вторая, внутренняя стѣна. *с*—Воротцы. *h*—Мѣсто, куда кладутъ поросенка для приманки.

Фиг. 2. *В'*—Земляная яма для ловли волковъ (см. стр. 79). *а*—Столбъ съ приманкою. *б*—Стержень, продѣтый сквозь отверстія на столбѣ и кольяхъ, на которомъ устраивается щитъ изъ соломы. *с*—Колья съ отверстіями. *д*—Щитъ. *А*—Ненастороженный капканъ. *В*—Настороженный капканъ. *а*—Сторожекъ и насторожка. *е*—Мѣсто, гдѣ привязывается нажива. *С*—Сторожекъ и насторожка въ увеличенномъ видѣ.

Фиг. 3. Самострѣлъ съ лукомъ. *А*—Брусъ, основная часть самострѣла. *а*—Мѣсто, куда вкладывается лукъ. *б*—Костылекъ, натягивающій и держащій титеву. *с*—Сторожекъ. *д*—Насторожка. *е*—Симка. *В*—Настороженный самострѣлъ.

Фиг. 4. Сжимъ на сохатаго (см. стр. 108). *А*—Настороженный сжимъ. *а*—Губящiе звѣря брусъя съ заостренными желѣзными зубьями. *б*—Столбы, по которымъ двигаются продолбленные брусъя. *с*—Обчищенные на корнѣ деревья, отогнутыя отъ своего направленiя, при настороживанiи. *д*—Клинообразные сторожки. *е*—Витыя, изъ прутковъ, кольца. *г*—Симка. *о*—Продолбленные брусъя.

Фиг. 5. Кулѣмка на соболя (см. стр. 110). *А*—Настороженная кулѣмка. *а*—Порогъ. *б*—Подставка подъ слегу. *с*—Губящая слѣга. *и*—Сторожки. *к*—Насторожка. *л*—Приманка. *Н*—Стѣнки изъ разбросанныхъ прутьевъ. *В*—Сторожки съ насторожкою въ увеличенномъ видѣ.

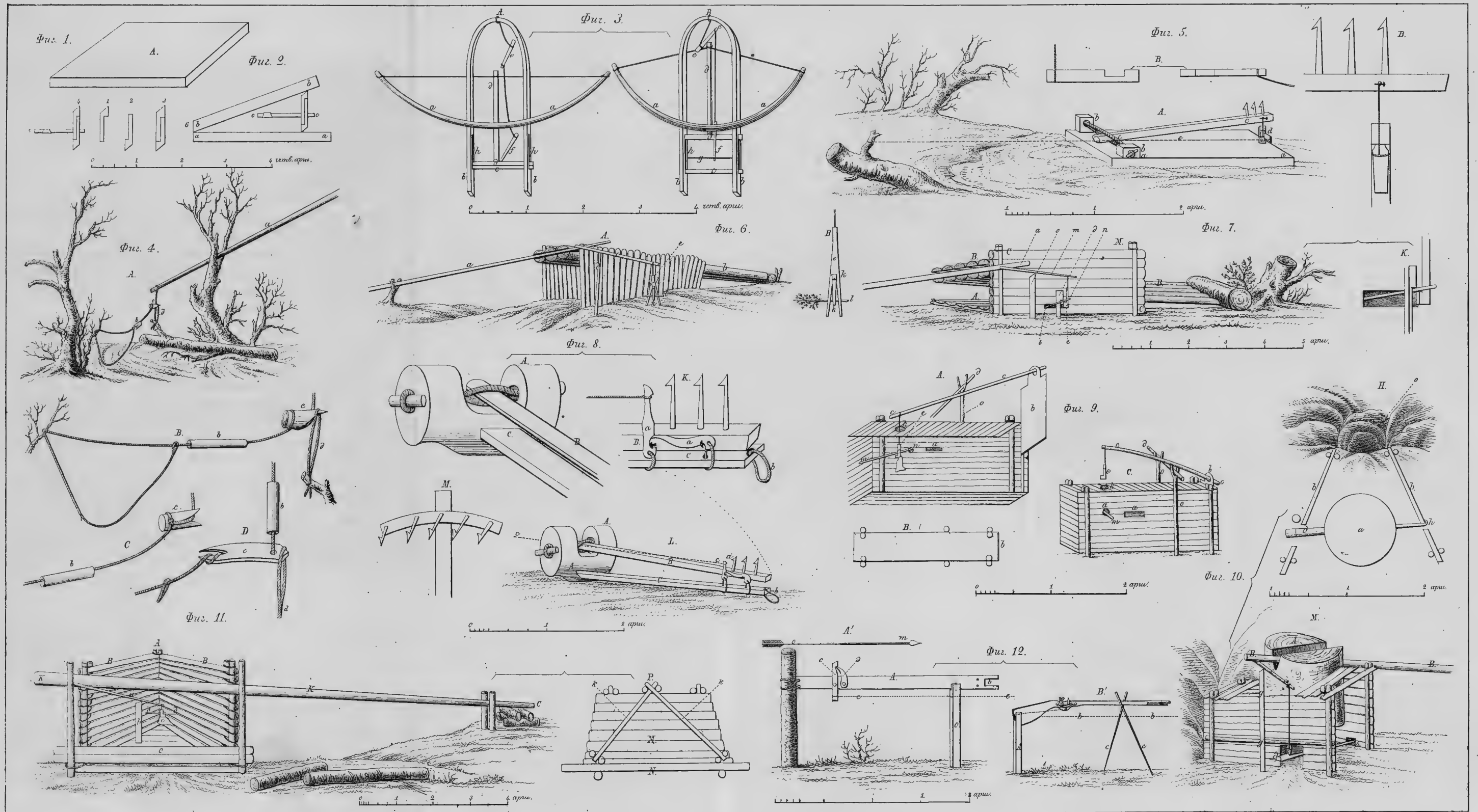
Фиг. 6. Пастушка на соболя (см. стр. 111). *А*—Настороженная пастушка. *б*—Мотырь. *с*—Подставной коль. *д*—Коль съ зарубкою для сторожка. *е*—Сторожекъ. *к*—Насторожка. *К*—Кряжъ. *Н*—Стѣнки пастушки изъ кольевъ. *Р*—Ромжа.

Фиг. 7. Обмѣтъ на соболя (см. стр. 112). *а*—Раскинутая сѣть. *б*—Дупло, гдѣ скрылся соболь. *с*—Колья, на которыхъ развѣшена сѣть.

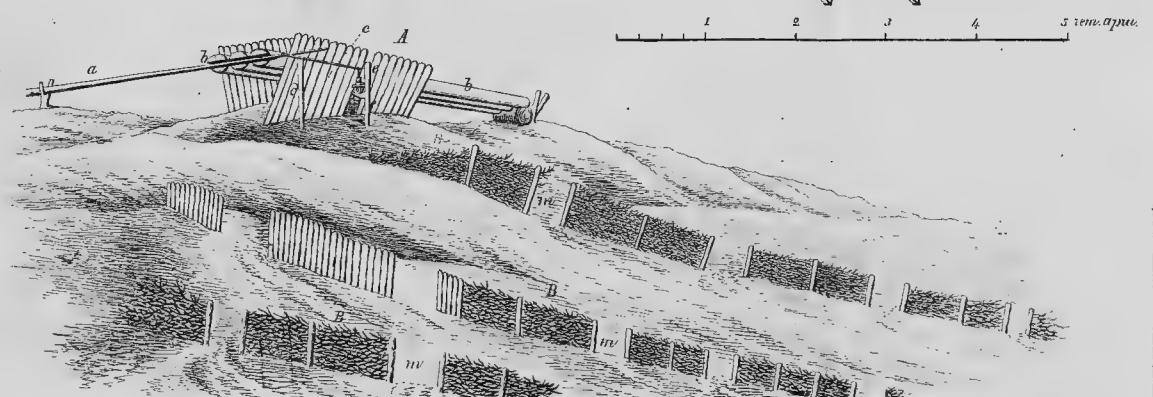
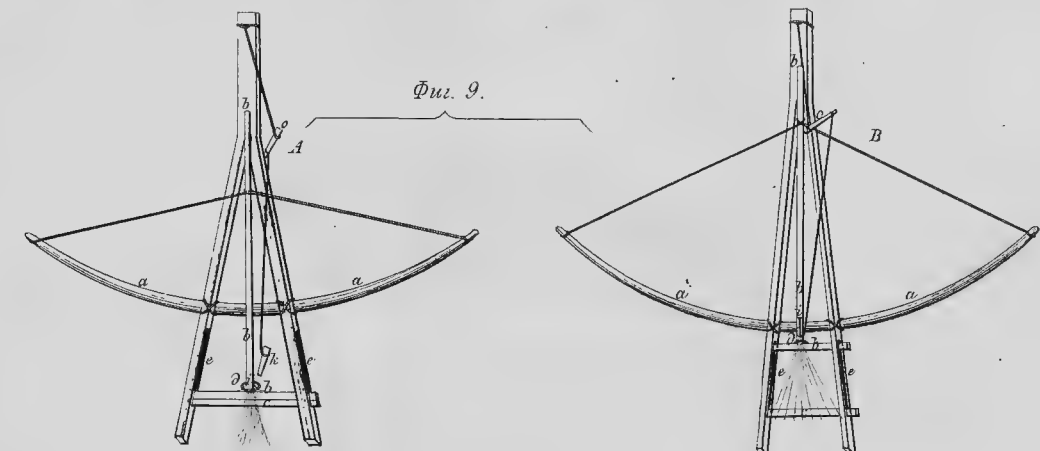
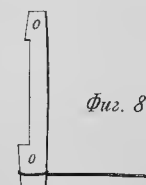
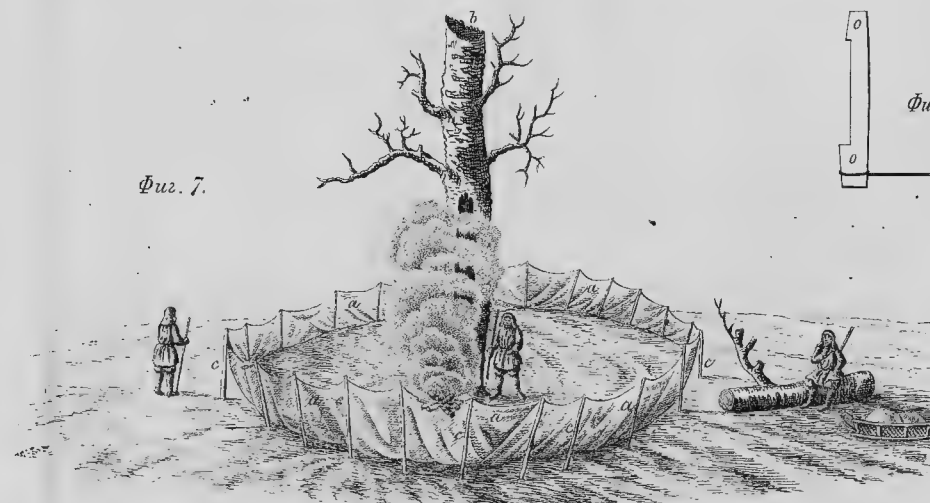
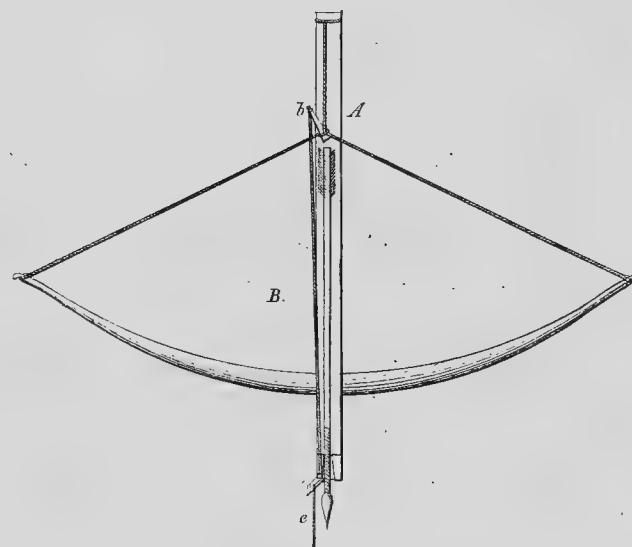
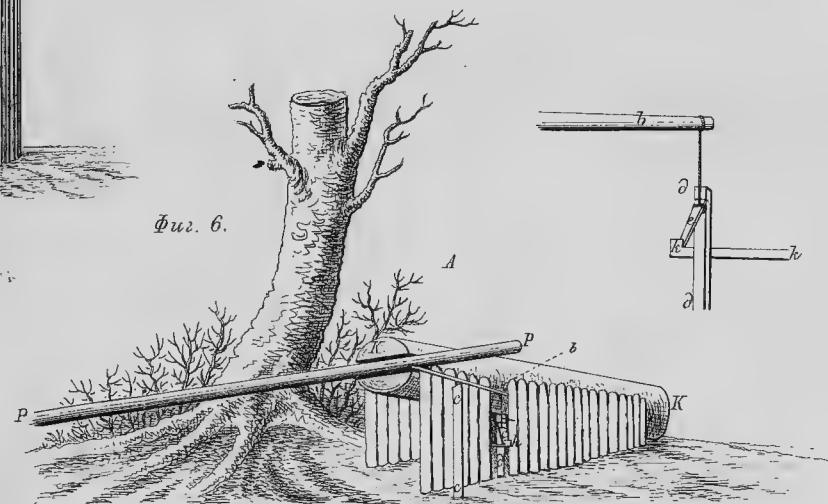
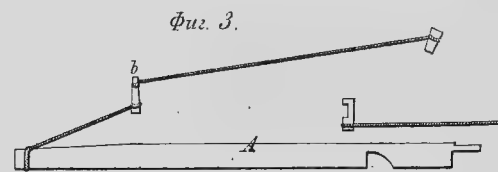
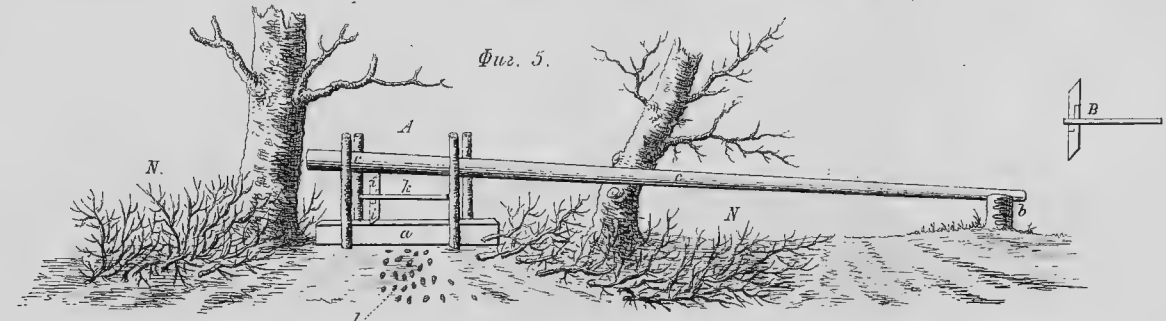
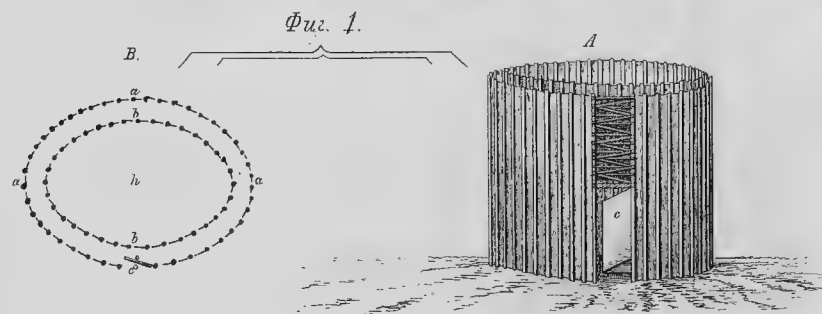
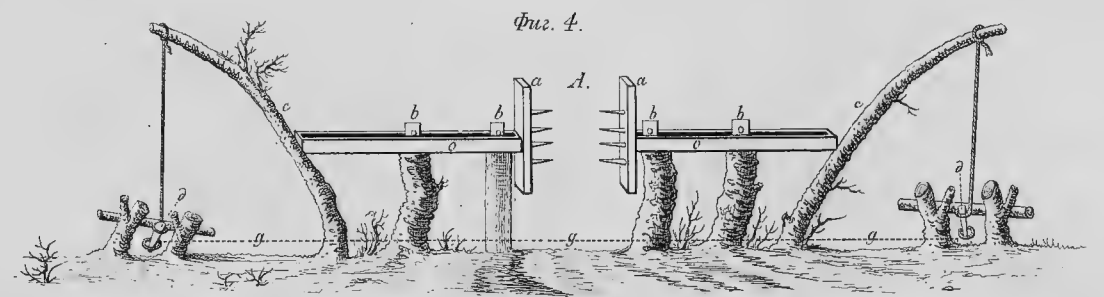
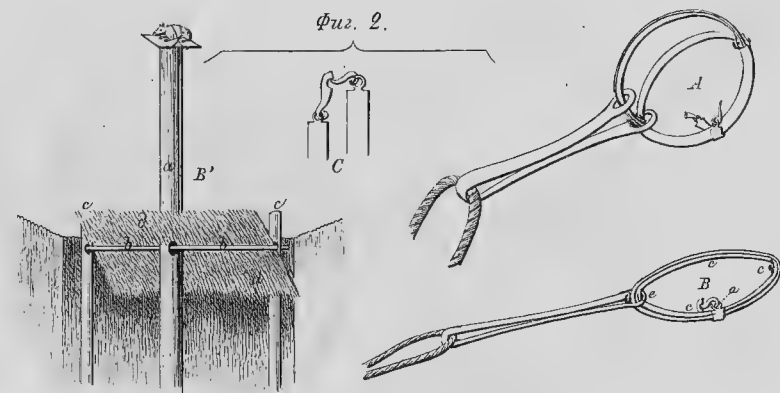
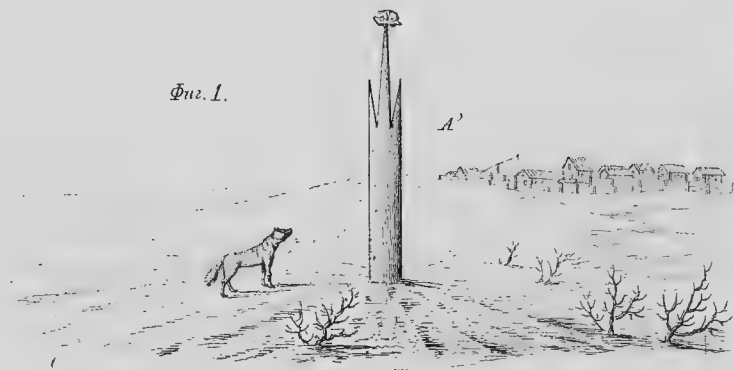
Фиг. 8. Пастъ на песца (см. стр. 65). *А*—Настороженная пастъ. *а*—Коромысло. *б*—Гнетъ или губящая звѣрка крыша. *с*—Мотырь. *д*—Подставной коль, чрезъ который перегибается мотырь. *е*—Коль, съ сукомъ, для насторожки. *о*—Насторожка (въ увеличенномъ видѣ), къ которой привязывается шнуръ, а къ шнуру нажива; шнуръ съ наживою пропускается во внутрь пасти. *В*—засѣка съ воротцами *т*.

Фиг. 9. Черканъ на горностая (см. стр. 114). *А*—Опущенный черканъ. *В*—Настороженный черканъ. *а*—Лукъ. *б*—Палка, вставленная въ пластинку, губящая звѣрка коль скоро срывается сторожекъ. *с*—Брусокъ, вставленный въ выдолбленные части расколотой пластинки. *д*—Кольце. *о*—Мотырь. *к*—Сторожекъ.

ОБЩАЯ КАРТА ЗОЛОТОНОСНЫХЪ СИСТЕМЪ ЕНИСЕЙСКАГО ОКРУГА

Составлена 1859 г.

Изъясненіе знаковъ.

- Городъ
- Заводъ
- Село
- Деревня
- Дороги

7p

